ББК 63.4(2)
В27

Сборник подготовлен в рамках работы над проектом «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)» (программа Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», направление 1 «Историческая роль славян в судьбах Европы в средневековье и раннее Новое время». Государственный контракт на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ № 10002-251/ОИФН-01/242-237/110703-1043 от 20 мая 2003 г.)

Ответственный редактор
А.В. Чернецов

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук *И.Е. Зайцева*,
кандидат исторических наук *В.Ю. Коваль*,
И.Ю. Стрикалов

Рецензенты:
доктор исторических наук *П.Г. Гайдуков*,
кандидат исторических наук *М.Д. Полубояринова*

В27 **Великое княжество Рязанское:** историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 589 с., илл.

ISBN 5-88451-192-2

В сборнике рассматриваются средневековые древности Рязанской земли, ее столицы – Старой Рязани, других городов княжества, а также средневековые поселенческие структуры на территории Рязанщины. Ряд статей посвящен изучению памятников архитектуры, прикладного искусства, а также письменным источникам и нумизматике Великого княжества Рязанского. Для археологов, историков, краеведов, учащейся молодежи.

ББК 63.4(2)

На 1 ст. обложки: Вид Старорязанского городища с птичьего полета. Фото А.Л. Серебрякова
На 2 ст. обложки: Раскопки руин Борисоглебского храма. Фото 2003 г.; музеефицированные руины Спасского собора Старой Рязани. Снимок 1970-х гг. в вертолета

ISBN 5-88451-192-2

© Коллектив авторов, 2005.
© Институт археологии РАН, 2005
© Яковлев В.Ю., оформление, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Чернецов. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы 7
Приложение: **В.В. Судаков, В.М. Буланкин, А.А. Вячин.** Археологическая карта округи Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX–XIV вв. 34

Старая Рязань

И.Ю. Стрикалов. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия 36
В.И. Завьялов. Археологические исследования посада 90
Л.А. Беляев. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) 105
Е.В. Буланкина. Из истории исследования Борисоглебского собора 154
В.А. Городцов. Дневник археологических раскопок 1926 г. 161
Л.А. Беляев, А.В. Чернецов. Новые находки произведений художественного ремесла 180
Е.В. Буланкина. Клад 2002 г. 191
Е.В. Буланкина, И.Ю. Стрикалов, А.В. Чернецов. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище 198
А.А. Медынцева. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества 211
И.Ю. Стрикалов. Округа Старой Рязани в XII–XV вв. 222

Рязанская земля

В.В. Судаков, В.М. Буланкин. Культурный слой Переяславля Рязанского 241
В.Ю. Коваль. Планировка средневекового Ростиславля 262
Приложение: Средневековые памятники в окрестностях Ростиславля 285
А.Б. Мазуров. К столетию начала археологического изучения Коломны 288
В.В. Черкасов. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.) 299
А.Б. Мазуров, С.И. Самошин. Монетные находки XVI – начала XVIII вв. из Михайловского раскопа в г. Коломне 320
И.Е. Зайцева. Средневековый Зарайск: археологический комментарий 325
Д.А. Иванов, И.Ю. Стрикалов, В.П. Челяпов. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы 336
М.И. Гоняный. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле 361
П.Е. Русаков. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля 397
В.П. Челяпов. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли 413

Н.А. Тропин. Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли 427
Г.А. Шебанин. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. 458
В.Ю. Коваль. Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики 480
А.В. Пачкалов. Восточные монеты XIV–XV вв. в Рязанской земле . . . . . .
А.А. Зайцев. «Повести о Николе Заразском» и некоторые вопросы истории Рязанской земли накануне монгольского завоевания 533
А.В. Чернецов. Скорнищевская битва на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. 547
Т.М. Панкова. О двух произведениях мелкой каменной пластики XII – начала XIII в. (об иконах домонгольского периода с сюжетами «Деисус. Вознесение Александра Македонского», «Апостол Петр») 554
В.Г. Пуцко. Из истории русской каменной пластики XIII в.: рязанские иконы с изображением Деисуса 567
Список сокращений 578
Summary. Great Principality of Ryazan: Historical and Archaeological Investigations and Materials (*перевод Л.И. Авиловой*) 580

CONTENTS

A.V. Chernetsov. Historical and archaeological investigations of the Ryazan land: Present state and perspectives 7
Appendix: **V.V. Sudakov, V.M.Bulankin, A.A. Vyachin.** Archaeological map of Pereyaslavl Ryazansky environs. Rural settlements of the 9th–14th cc. 34

STARAYA RYAZAN

I.Yu. Strikalov. The Northern hillfort. Stratigraphy and planigraphy 36
V.I. Zavyalov. Archaeological researches in the suburb 90
L.A. Beliaev. Sts. Boris and Gleb cathedral: New investigations (1999–2004) 105
E.V. Bulankina. From the history of investigation of Sts. Boris and Gleb cathedral 154
V.A. Gorodtsov. Excavation journal for the year 1926 161
L.A. Beliaev, A.V. Chernetsov. New finds of samples of applied art 180
E.V. Bulankina. The hoard of 2002 191
E.V. Bulankina, I.Yu. Strikalov, A.V. Chernetsov. The hoard of 2005 from the excavations at the Southern hillfort 198
A.A. Medyntseva. Literacy in the everyday life of the capital city of the Ryazan principality 211
I.Yu. Strikalov. Staraya Ryazan environs in the 12th–15th cc. 222

THE RYAZAN LAND

V.V. Sudakov, V.M. Bulankin. Cultural deposit of Pereyaslavl Ryazansky 241
V.Yu. Koval. Spatial structure of medieval Rostislavl 262
Appendix: Medieval sites in Rostislavl environs 285
A.B. Mazurov. The centenary of archaeological investigations in Kolomna 288
V.V. Cherkasov. Pre-Mongol traditions of pottery-making in the Oka region (The Kolomna pottery of the second part of the 12th – the first part of the 13th cc.) 299
A.B. Mazurov, S.I. Samoshin. Coin finds of the 16th – the early 18th cc. from Mikhailovsky excavation trench in Kolomna 320
I.E. Zaitseva. Medieval Zaraisk: Archaeological comments 325
D.A. Ivanov, I.Yu. Strikalov, V.P. Chelyapov. Settlement structures in the rivers Pronya and Ranova interfluve 336
M.I. Gonyany. Medieval Russian archaeological sites of the late 12th – the third quarter of the 14th cc. on the lower Mokraya Tabola River in the Kulikovo Field 361
P.E. Rusakov. Medieval Russian sites in the territory of the Mikhailovskoe Field 397
V.P. Chelyapov. Medieval Russian sites in the North-East of the Ryazan land 416
N.A. Tropin. Medieval Russian sites of the 12th–14th cc. in the southern territories of the Ryazan land 427

G.A. Shebanin. Historical geography of the western part of the Ryazan principality in the 12th – the early 16th cc. 458
V.Yu. Koval. Oriental relationships of the Ryazan land according to imported pottery 480
AV. Pachkalov. Oriental coins of the 14th–15th cc. in the Ryazan land . . . . . .
A.A. Zaitsev. «Tales about Nicholas of Zarazsk» and some questions concerning the history of the Ryazan land on the eve of the Mongol invasion 533
A.V. Chernetsov. The Skornishchevo battle in the miniatures of the Illustrated Chronicle of the 16th c. 547
T.M. Pankova. Two pieces of miniature stone-carving of the 12th – the early 13th cc. (The pre-Mongol icons with the compositions «Deisis. Ascension of Alexander of Macedon», «Apostle Peter») 554
V.G. Putsko. From the history of Russian miniature stone-carving of the 13th c.: The Ryazan icons with representations of Deisis 567
Abbreviations 578
Summary. Great Principality of Ryazan: Historical and Archaeological Investigations and Materials (*translated by L. Avilova*) 580

А.В. Чернецов

Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы

Предлагаемый вниманию читателей сборник был первоначально задуман как своеобразный отчет о работе над проектом «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», получившем в 2003–2005 гг. финансовую поддержку в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте»*. Работа над проектом включает, прежде всего, полевые исследования, осуществляемые двумя экспедициями Института археологии РАН – Старорязанской (начальник А.В. Чернецов, он же руководитель проекта) и Ростиславльской (начальник В.Ю. Коваль). Работы обеих экспедиций, помимо ежегодного вскрытия значительных площадей на территории одного столичного и одного из рядовогых городов Великого княжества Рязанского, включает также археологическое исследование их округи, динамики развития располагавшихся здесь поселенческих структур. Таким образом, работы этих двух экспедиций обеспечивают исполнителей проекта важными новыми материалами для изучения проблемы, обозначенной в названии проекта.

Вместе с тем, вплотную занявшись подготовкой сборника к публикации, инициаторы этого издания пришли к убеждению, что было бы неправильно ограничиться публикацией материалов только этих двух экспедиций, в то время как на территории Великого княжества Рязанского исследуется значительное число других средневековых памятников. В их ряду Старая Рязань является, безусловно, наиболее важным, ключевым. Неслучайно значительная часть авторов, предоставивших для сборника свои материалы, в свое время принимала участие в ра-

---

* Полевые исследования Старорязанского городища проводятся при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ (в 2005 г. проект № 05–01–18040е), Центра «Интеграция», а также Президиума РАН. В 2003 г. в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» получает поддержку проект А.В. Чернецова «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)» (Государственный контракт № 10002–251/ОИФН-01/242–237/110703–1043 на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ от 20 мая 2003 г). В 1997 г. Российский государственный гуманитарный университет выступил в качестве инициатора подключения Старорязанской экспедиции к Федеральной целевой программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» (позднее «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 гг.»). В рамках этих программ коллективом экспедиции велась работа по проектам «Стольный город древней Руси (Старая Рязань): комплексное изучение и музеефикация» (1997–2001 гг., № 51–651/54) и «Древняя столица Рязанской земли: комплексное исследование» (2002–2004 гг., № ЭО 310/697).

ботах Старорязанской экспедиции. Это В.М. Буланкин, И.Е. Зайцева, А.В. Пачкалов, П.Е. Русаков, В.В. Судаков, Н.А. Тропин и В.П. Челяпов. И все же широкую, объемную картину современного этапа археологического изучения памятников Рязанского княжества можно получить, лишь собрав воедино материалы, добытые в разных местах разными исследователями.

Название этой книги включает ее в большую серию сборников и монографий, посвященных историко-археологическому изучению отдельных крупных земель-княжений средневековой Руси. Подобные исследования, в которых синтезируются разнородные археологические материалы в пределах обширных регионов, появляются начиная со 2-й половины XX в. Ранее основные направления славяно-русской археологии в нашей стране не предусматривали создания крупных обзорных работ подобного типа; основные исследования были посвящены городским или курганным древностям или же ранней проблематике, включающей вопросы этногенеза.

Необходимо отметить, что археология древней Руси, на первых порах представлявшая собой в первую очередь археологию отдельных русских городов и курганных могильников, достаточно рано начала ставить перед собой крупные задачи историко-географического плана. Здесь следует учитывать масштабные работы и замыслы З. Ходаковского (А. Чарноцкий, 1784–1825), а также оказавшиеся исключительно перспективными построения А.А. Спицына, посвященные поиску соответствия между ареалами комплексов инвентаря восточнославянских курганных погребений и так называемыми «летописными племенами» (Спицын, 1899). Непосредственным продолжением этих работ уже в советское время явились монографические исследования А.В. Арциховского (1930) и Б.А. Рыбакова (1932), посвященные древностям вятичей и радимичей. В 1947 и 1950 гг. Б.А. Рыбаков возвращается к этой проблематике в своих статьях «Поляне и северяне» и «Уличи». В дальнейшем древности племенных союзов, ареалы которых указаны на страницах Начальной летописи, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей послевоенного времени. В 1966 г. была опубликована монография И.П. Русановой, посвященная курганам полян. В 1970 и 1974 гг. выходят своды В.В. Седова, посвященные сопкам словен новгородских и длинным курганам кривичей. В 1981 г. была опубликована работа Т.Н. Никольской, в которой исследовательница вновь обращается к изучению древностей вятичей. Курганные древности южных восточнославянских племен (преимущественно территория Украины) детально рассмотрены в серии работ А.П. Моци (1987, 1993).

Серия комплексных историко-археологических исследований, связанных с отдельными землями-княжениями, открывается замечательной монографией А.Л. Монгайта, посвященной именно Рязанской земле (1961). В 1975 г. была опубликована коллективная монография «Древнерусские княжества X–XIII вв.», задуманная как историческая, но фактически написанная преимущественно археологами. Это обстоятельство отражало имевшее место в то время лидерство археологов в изучении домонгольского периода русской истории. Вслед за книгой А.Л. Монгайта появляются монографические исследования Полоцкого и Смоленского княжеств (Алексеев, 1966, 1980 гг.), Московской земли (Юшко, 1991). В 1982 г. выходит обзорная работа Б.А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.».

Таким образом, тема сборника, предлагаемого вниманию читателей, не нова. Существует ряд монографий и сборников, посвященных именно этой проблеме, в частности крупные публикации о Рязанской земле. За «Рязанской землей» А.Л. Монгайта последовал сборник «Археология Рязанской земли», опубликованный в 1974 г., в котором нашли свое отражение новые материалы по археео-

логии Рязанщины, и новые подходы. Затем, в 1995 г., была опубликована известная монография В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича «Древняя столица Рязанской земли», в основном посвященная результатам цикла исследований, завершенного в 1979–80 гг. Возникает вопрос, насколько назрела необходимость говорить о новом видении памятников этого региона и их интерпретации?

Подобный вопрос, коль скоро он возникает, связан с недостаточно ясным представлением о темпах развития российской археологической науки вообще, и в данном регионе в частности. Прежде всего, ни в работе А.Л. Монгайта 1961 г., ни в сборнике 1974 г. методика изучения поселенческих структур и систем расселения, столь успешно примененная В.В. Седовым к центральным районам Смоленщины еще в 1960 г. (Седов, 1960), не нашла своего должного отражения. Отметим, что с тех пор в нашей стране был опубликован целый ряд важных работ, посвященных древнерусским поселенческим структурам, в частности на Русском Севере, в Подмосковье, а также на территории Украины и Белоруссии. Между тем за истекшие десятилетия подобные исследования, в частности в регионе Куликова поля, в ближайшей округе Старой Рязани, на южных окраинах Рязанской земли и в других регионах, позволяют составить достаточно полные представления об этих памятниках и территориях. Значительные раскопки, поводившиеся в Старой Рязани, Переяславле Рязанском, Коломне, Ростиславле Рязанском, Касимове и других городах Рязанской земли, требуют новых публикаций, новых обобщений. Для сопоставления с той картиной, которая отражена в имеющихся обобщающих публикациях, достаточно отметить, что если в монографии В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича (1995 г.) археологические памятники в округе Старой Рязани характеризуются на основании разведок семикилометрового отрезка берега Оки, то в этом сборнике публикуется археологическая карта всего микрорегиона Спасской Луки размерами несколько десятков квадратных километров. В настоящее время в пределах Рязанской земли возникла целая сеть подобных «оазисов», территория которых подверглась сплошному археологическому обследованию (рис. 1). Необходимо отметить изученную с исключительной полнотой обширную территорию округи современной Рязани (Переяславля Рязанского), отраженную на подробной археологической карте, составленной В.В. Судаковым, В.М. Буланкиным и А.А. Вячиным (карта публикуется как приложение в данной статье). К сожалению, по ряду причин составители карты не смогли своевременно представить текста статьи, посвященной этим памятникам. За последние годы получены значительные и весьма информативные данные об археологических памятниках на южных границах княжества. В настоящее время рано говорить об исчерпывающем научном осмыслении полученных данных; во всяком случае, очевидны существенные различия между сплошной и относительно плотной заселенностью коренных территорий княжества и очаговым расселением на его южных окраинах, где периоды земледельческого освоения отдельных территорий чередовались с периодами их запустения.

Отмечая все эти несомненные достижения, необходимо иметь в виду сохраняющуюся недостаточную изученность территории Рязанщины. Для того чтобы ее оценить, достаточно ознакомиться с посвященными ей выпусками «Археологической карты России». Они ясно показывают, что наряду со сравнительно хорошо изученными территориями (например, долиной Оки), обширные пространства многих районов Рязанской области фактически представляют собой сплошные «белые пятна», на которых отмечены лишь случайные единичные памятники. Недостаточно изучены и наиболее выдающиеся памятники, в том числе и Старая Рязань. На сегодняшний день раскопками исследовано всего лишь около 6% территории городища. Принимая во внимание то обстоятельство, что к горо-

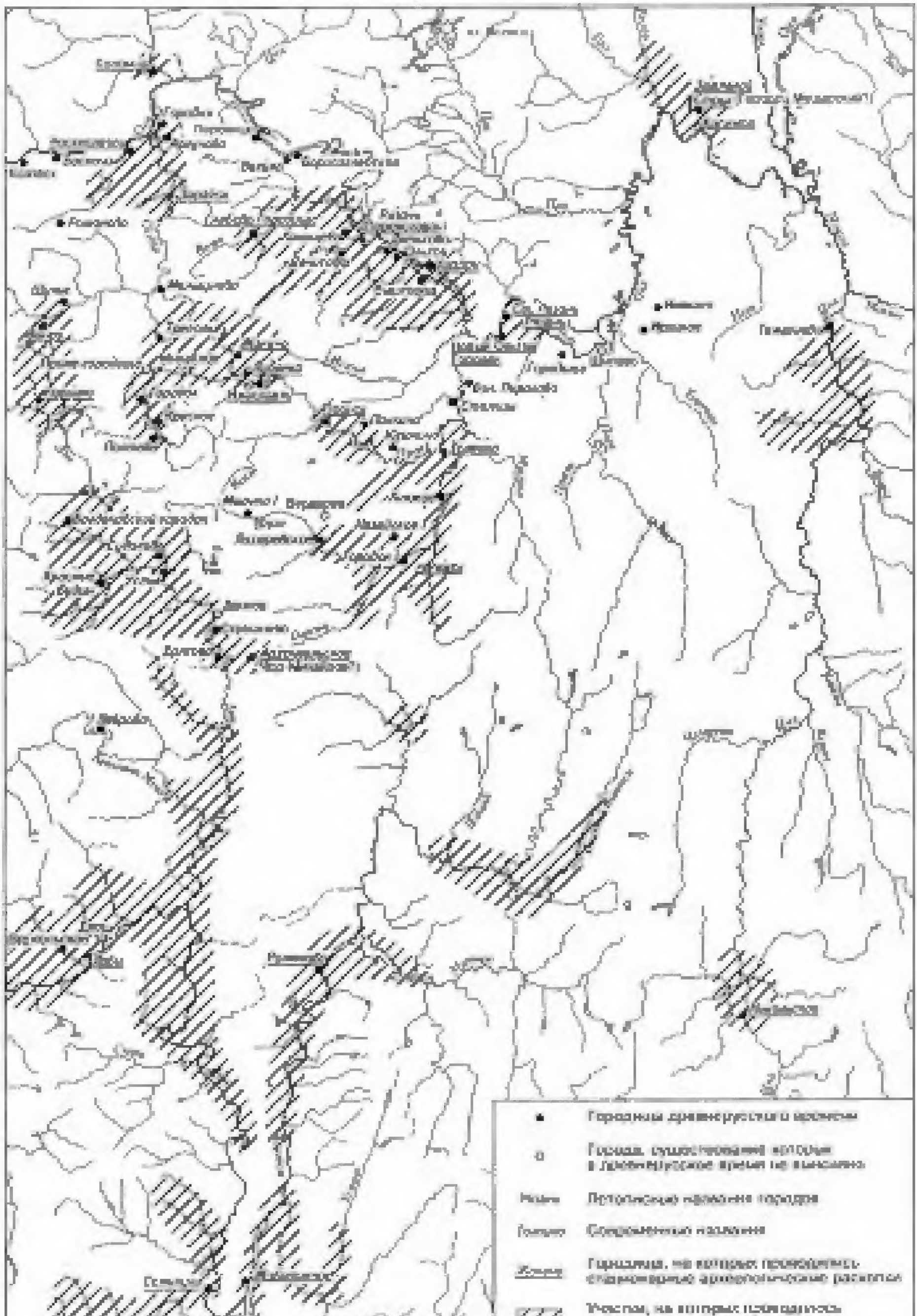


Рис. 1. Степень изученности поселенческих структур Рязанской земли. Отмечены территории, на которых проводились систематические археологические обследования. Карта подготовлена И.Ю. Стрикаловым

ду примыкал обширный неукрепленный посад (точные границы которого пока не установлены), эта цифра для памятника в целом окажется еще меньшей. Очевидно, даже чисто статистически, что любые обобщающие заключения о памятнике остаются недостаточно обоснованными. Сходная ситуация характерна и для других важнейших памятников средневековой русской археологии, в частности Новгорода. Сохраняя сегодняшние темпы исследования этих столичных городов древней Руси, мы оставляем новым поколениям археологов работу на несколько столетий. К сожалению, нас заставляет спешить не только это соображение, но и постоянное разрушение памятников, связанное с оползнями, развитием оврагов, хозяйственной деятельностью, наконец, с незаконными кладоискательскими раскопками.

Едва ли есть необходимость лишний раз говорить о том, что достижения «первопроходцев» археологического изучения Рязанской земли никогда не могут быть ни перечеркнуты, ни недооценены. Новое поколение исследователей, пришедшее на памятники и территории, ранее изучавшиеся другими специалистами, неизбежно должно учитывать «вторичный» характер полученной ими новой информации, а также необходимость обосновывать свои новые, отличающиеся от прежних, утверждения, на несравненно более масштабных и более тщательных исследованиях. При подготовке данного сборника к публикации его авторы ни в коей мере не стремились во что бы то ни стало нарисовать принципиально новую картину истории региона. Они считали своей основной задачей введение в науку новых материалов, а также формулирование тех больших и малых проблем, которые встают перед исследователями средневековых древностей Рязанской земли.

Великое княжество Рязанское имеет ряд дополнительных оснований для того, чтобы привлечь к себе внимание именно как объект обзорной историко-археологической публикации. Рязанское княжество, несомненно, представляло собой крупнейшее политическое образование в пределах Руси XII–XVI вв. В то же время в ряду других сильнейших княжеств Рязанское появляется на политическом небосклоне с известным запозданием по отношению к Новгороду, Чернигову, Полоцку, Ростову и Смоленску. По-видимому, в домонгольское время это княжество не успело сформировать свою самобытную культуру (или находилось лишь в начальной стадии этого процесса). В результате мы не знаем домонгольской рязанской школы архитектуры или живописи; рязанское летописание и книжная традиция этой эпохи сохранились весьма фрагментарно.

Существующий дефицит письменных источников по истории Рязанского княжества заставляет уделять тем большее внимание археологическим материалам. Ранний этап истории Рязанского княжества, в частности обстоятельства его выделения из состава Муромо-Рязанской земли, слабо отражены в источниках. Существуют затруднения с идентификацией св. князя Константина Муромского, распространившего в своих владениях христианство. Границы Рязанского княжества как в домонгольский период, так и во время ордынского ига во многих случаях прослеживаются в самом общем виде и требуют уточнений. Достаточно сказать, что Нузла (Нухла), откуда полчища Батыя угрожали Рязанской земле, не имеет точной локализации. Если принять отождествление этого пункта с Онузой, фигурирующей в списке «всем градом русским, дальним и ближним» в числе литовских городов, то необходимо будет признать значительную изменчивость границ княжества. Не поддается точной локализации и место генерального сражения воинства рязанских князей с монголо-татарами на р. Воронеж. Неясность местонахождения значительного числа пунктов в южной части Рязанского княжества включает целый ряд топонимов, упомянутых в «Хождении Пимена

в Царьград» (1389 г.). Не до конца ясна история отделения от Рязанского княжества Мурома, который переходил под власть Владимира и вновь покорялся Рязани в XIV в. Отметим неясность генеалогии муромских князей (в частности, вопроса, с кем следует отождествлять муромского князя Петра из «Повести и Петре и Февронии»). Загадочными остаются также происхождение и очертания владений Александра Уковича в Мещерском крае (в пределах Рязанского княжества или на его границах), в дальнейшем трансформировавшихся в удельное владение касимовских царей и царевичей. Границы этого вассального татарского государства в составе России, просуществовавшего до 2-й половины XVII в., остаются неопределенными (возможно, владения хана ограничивались исключительно городом и отдельными поместьями).

При всех этих неясностях очевидна высокая военно-политическая активность рязанских князей в XII–XIV вв. Несмотря на ряд поражений от Москвы и связанных с ними неравноправных договоров, Рязань остается важным соперником Москвы до середины 80-х годов XIV в. Характерно, что в то время как Москва примирилась с захватом Литвой Смоленска в 1400 г., Рязань сочла возможным выступить против Литвы. Поражение под Любутском в 1402 г. имело своим последствием сравнительно кратковременное признание Рязанью сюзеренитета Литвы, подтвержденное договором 1427 г. Зависимость носила, вероятно, номинальный характер. Тем не менее этот факт указывает на относительную самостоятельность Рязани того времени по отношению к Москве. С середины XV в. Рязанское княжество по существу управляется великими князьями московскими, но окончательно его самостоятельность была уничтожена лишь в 1521 г., позднее, чем в какой-либо другой части России, не находившейся в то время под властью Великого княжества Литовского.

Возникшая в XII в. Рязанская епархия играла важную роль в истории Русской православной церкви. Достаточно сказать, что первым главой Русской церкви после обретения ею независимости от константинопольских патриархов стал Иона Рязанский, а в начале XVIII в. номинальным главой русской церкви вплоть до отмены патриаршества Петром I в течение многих лет был рязанский митрополит Стефан Яворский (1700–1721).

История Рязанщины имеет не только чисто академическое значение в плане выявления истоков русской государственности. История этого крупного региона, помимо регионального, краеведческого интереса, отмечена общественной значимостью общенационального характера. Каждому русскому известно, что трагедия монголо-татарского нашествия и ордынского ига начинается со взятия Рязани войсками Батыя. Этому драматическому эпизоду посвящена «Повесть о приходе Батыя на Рязань» (часть популярной «Повести о Николе Зарайском»), замечательная историческая песня об Авдотье Рязаночке. При оценке значимости любого исторического события важная роль принадлежит свидетельствам современников о том, какое оно производило впечатление в те времена и как тогда оценивался его масштаб. В этом плане показательна хронологическая запись, сделанная в рукописном Служебнике XIV в. рядом с календарными таблицами для вычисления даты празднования Пасхи (своего рода «вечным календарем»). Она гласит: «От Адама до крещенья русския земли лет 6496, от крещенья до взятья Рязани от татар лет 249» (см.: Чернецов, Стрикалов, 2002. С. 20. Рис. 1). Здесь отмечен драматический эпизод, с которого начинается более чем двухсотлетнее ордынское иго. В записи приход чужеземных «неверных» захватчиков оказывается событием одного масштаба с Сотворением мира и крещением Руси.

Рязанское летописание до нас, как известно, не дошло. Следовательно, историки не располагают подробной систематизированной сводкой необходимых

данных даже по политической истории княжества. В этом плане эта крупнейшая древнерусская земля-княжение по обеспеченности своей истории источниками значительно уступает таким регионам, как Киевщина, земли Великого Новгорода, Псковщина, Владимиро-Суздальское или Галицко-Волынское княжества. Ситуация, сходная с рязанской, может быть отмечена для Полоцкого княжества. Не случайно ряд монографических исследований древнерусских княжеств по археологическим данным открывается книгами, посвященными именно этим землям.

Дефицит сведений по ранней истории Рязанщины, естественно, достаточно рано обратил на себя внимание не только профессиональных историков, но и образованных людей, живо интересовавшихся историей России. Здесь представляется небезынтересным отметить значительный специальный интерес к истории Рязанского княжества, проявленный великим русским поэтом и драматургом А.С. Грибоедовым. Поэт, как известно, уделял большое внимание отечественной истории. Грибоедов весьма критически относился к Н.М. Карамзину и его «Истории государства Российского». В написанном им около 1823 г. сочинении «Desiderata» (Грибоедов, 1889. С. 75–78) поэт ставит многочисленные вопросы, разрешение которых представлялось ему насущно необходимым. Среди этих вопросов некоторые имеют отношение к генеалогии рязанских и муромских князей; целый ряд касается локализации топонимов на территории древнего Рязанского княжества, в частности упоминаемых в «Хождении Пимена в Царьград» (1389 г.). Живой интерес А.С. Грибоедова к этим вопросам, очевидно, объясняется не только тем, что они оставались долгое время неясными (а в значительной своей части недостаточно ясны и в наше время). Обладая обостренным национальным чувством и в то же время будучи по роду своих служебных занятий непосредственно связанным с экспансией Российского государства в южном направлении, поэт, безусловно, имел все основания интересоваться именно этим регионом. Южные окраины Московской Руси могли представлять для А.С. Грибоедова особый интерес и в сословно-классовом аспекте – ведь именно здесь формировался наиболее многочисленный отряд русских служилых людей – степных помещиков.

Историко-археологическое изучение Великого княжества Рязанского представляет также исключительный интерес в плане исследования истоков формирования позднейших этноязыковых и этнокультурных ареалов в пределах основной территории расселения русского народа. Как известно, русское (великорусское) население распадается на ареалы северовеликорусских («окающих») и южновеликорусских («акающих») говоров. Это диалектное членение совпадает и с важными этнографическими особенностями. Следует оговориться, что устаревшая «великодержавная» терминология типа «южновеликорусский» используется автором вынужденно по двум причинам. Во-первых, такая терминология принята в языковедческих работах, а во-вторых, что более существенно, по отношению к средневековой Руси термин «южнорусский» может быть воспринят как относящийся к территории современной Украины.

Отчетливый характер и устойчивость этих различий привели крупнейшего исследователя русской этнографии и диалектологии Д.К. Зеленина к мысли о необходимости выделения не трех восточнославянских народностей (русские, украинцы, белорусы), а четырех (северные великороссы, южные великороссы, украинцы, белорусы – Зеленин, 1991. С. 28–36). В такой форме положение Д.К. Зеленина в настоящее время отвергается всеми специалистами – различие между северными и южными великороссами, с одной стороны, и теми и другими с украинцами и белорусами – с другой, явления, несомненно, несопоставимого порядка. Тем не менее, мнение столь авторитетного слависта не может быть отброшено как полностью несостоятельное. Необходимо иметь в виду, что как по своей ис-

ключительной эрудиции, так и по способности к квалифицированным масштабным обобщениям Д.К. Зеленин на голову превосходит всех своих оппонентов. Предложенное им построение – глубоко продуманная концепция ученого, имеющая свои истоки в работах исследователей предшествующего времени.

Известно, что либеральные ученые середины XIX в. выступали с резкой критикой концепции «официальной народности», согласно которой великороссы, малороссы (украинцы) и белорусы представляют собой единый народ. В пользу этой концепции предлагались достаточно сильные филологические аргументы, указывалось, в частности, «что разница между великорусским и малорусским наречием меньше, чем между hoch Deutsch и plat Deutsch, между langue d'oc и langue d'oil» (Бестужев-Рюмин, 1972. С. 161). Такой «унитаристской» версии противопоставлялась идея множественности русских народностей, которая в своей крайней форме отразилась в работах Н.И. Костомарова.

Н.И. Костомаров выделяет среди восточных славян шесть народностей, которые, по его мнению, продолжали существовать в XIX в. Это 1) южнорусская (украинская) народность; 2) северская (Восточное Полесье); 3) великорусская; 4) белорусская; 5) псковская; 6) новгородская (Костомаров, 1903. С. 5, 6, 13).

По отношению к дробности членения «народностей», предложенной Н.И. Костомаровым, версия Д.К. Зеленина выглядит более генерализирующей. Построения Зеленина, несомненно, имели иные истоки, чем «антигосударственническая» теория Костомарова. Во время дискуссии о происхождении великороссов Д.К. Зеленин проявил себя как сторонник защиты чистоты «славянских корней» русского народа от попыток представить последних как славянизированных финно-угров. В своих крайних формах эти попытки, по-видимому, не соответствуют действительности; вместе с тем стремление отрицать сам факт славянизации значительных группировок финно-угров, продолжавшейся и в XIX в., свидетельствует о пристрастности ученого, обусловленной его патриотическими настроениями. Так или иначе, отмеченные Д.К. Зелениным существенные различия северных и южных великороссов представляют собой объективную реальность, требующую своего исторического осмысления.

Диалектные и этнографические различия в среде восточнославянского населения неоднократно пытались вывести из так называемых «летописных племен». Среди этих племенных объединений сравнительно легко могут быть выделены «протоукраинские». Однако разграничение великорусского и белорусского населения гораздо труднее соотнести с древними границами этих образований. «Протовеликороссами» можно назвать лишь племенные объединения словен новгородских и вятичей, которые не имеют между собой общей границы. Разделяющие эти группировки кривичи не могут однозначно рассматриваться как предки великороссов, поскольку именно это племя заселяло добрую половину будущего ареала белорусских говоров. При попытке выделить среди «летописных племен» предков южновеликороссов на эту роль может претендовать только одно – вятичи.

Если мы попытаемся объяснять этнические и диалектные границы политическими, то на роль исторической колыбели северных великороссов могут достаточно уверенно претендовать земли Великого Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества. Объединение территорий этих двух политических образований, как известно, явилось в дальнейшем основой возникновения Русского централизованного государства. Русско-белорусское пограничье соответствует границам северо-восточной Руси и Великого княжества Литовского, а украинско-белорусская граница – демаркации Польши и Литвы согласно Люблинской унии 1565 г.

Однако для разграничения северных и южных великороссов мы не найдем столь полного соответствия на исторических картах прошедших столетий. На роль своеобразной «прародины» по отношению к южным великороссам может претендовать только Великое княжество Рязанское. Однако оно занимает лишь часть южновеликорусского ареала. Можно было бы сказать, что ядро южновеликорусской «народности» – территории племенного союза вятичей плюс Великого княжества Рязанского. При этом необходимо оговориться, что оба ареала накладываются друг на друга лишь частично. Конечно, можно попытаться представить экспансию Рязанского княжества как расселение вятичского населения (последнее действительно принимало значительное участие в славянском заселении Рязанщины). Карта, на которой на ареал южновеликорусского говора нало-

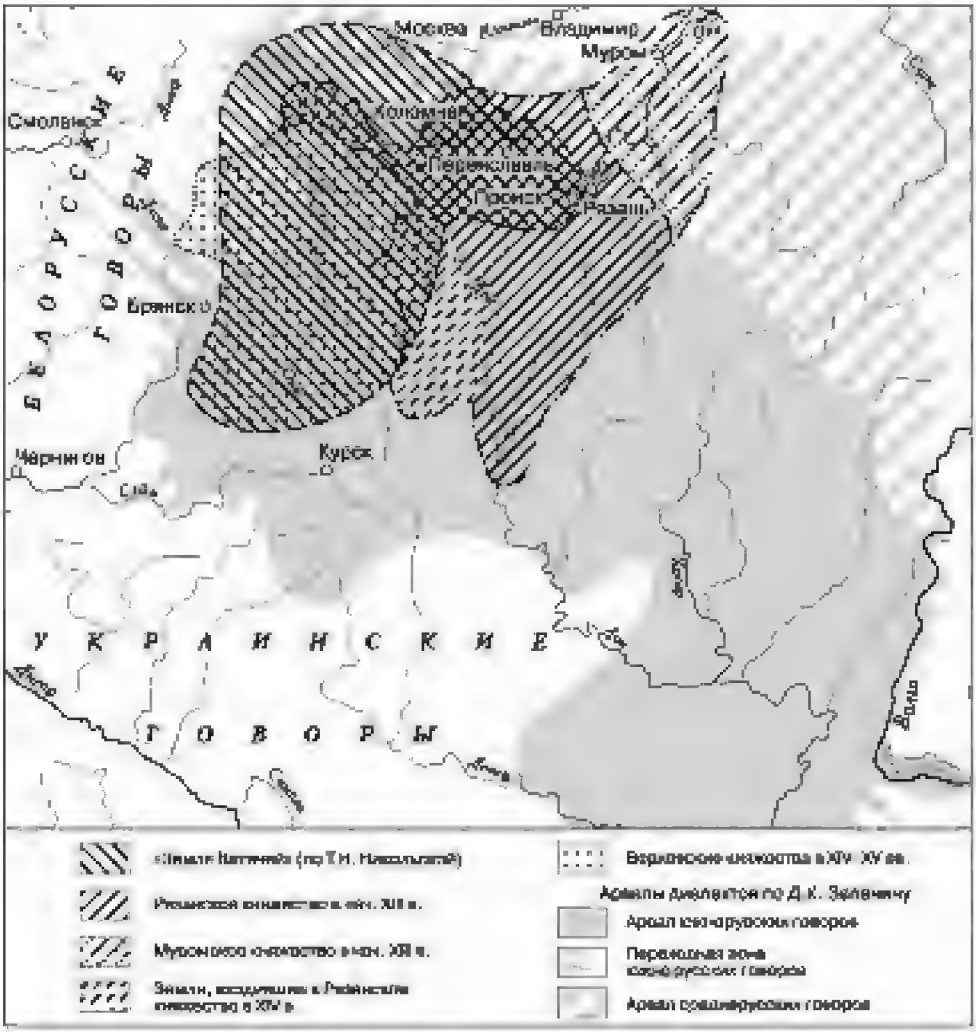


Рис. 2. Соотношение ареала южновеликорусских говоров (по Д.К. Зеленину) с границами средневековых племенных и государственных образований. Карта подготовлена И.Ю. Стрикаловым

жены границы Великого княжества Рязанского и племенного союза вятичей (рис. 2), показывает, что изначальная территория, на которой распространен этот диалект в эпоху, предшествующую экспансии Русского централизованного государства, практически полностью покрывается регионом распространения вятичских курганов и государственной территорией Рязанского княжества. На современных картах диалектов русского языка отмечены, наряду с северными и южными, также переходные диалекты. Публикуемая карта свидетельствует о том, что переходные зоны исторически тяготеют к южному ареалу. Сюда входит, в частности, Москва, возникшая в зоне расселения вятичей. В письменных источниках XV–XVI в. встречаются случаи отождествления понятий «вятичи» и «рязанцы» (Арциховский, 1930. С. 125). Вместе с тем на сегодняшний день господствуют представления о формировании древнейшего славянского населения рязанского Поочья преимущественно за счет притока населения из других регионов (с юга, Киевщины и Черниговщины, и с северо-запада, откуда шло население кривичского происхождения). Очевидно, что изучение этнокультурной истории Великого княжества Рязанского, безусловно, имеет ключевое значение для решения вопроса о формировании языка и культуры южных великороссов.

В свете новейших археологических работ стало ясным, что древнейшее население Старой Рязани, оставившее могильник, датируемый XI в., не было вятичским. Древнейшие насельники города были выходцами с юга и юго-запада. Кроме того, территория древнего города находится вне ареала вятичских курганов. То, что она на ряде археологических карт включается в этот ареал, – фактическая ошибка, дань старой историографической традиции, согласно которой Старая Рязань рассматривалась как один из вятичских племенных центров. В дальнейшем, однако, на городище появляются находки, связанные с вятичами, в частности семилопастные височные кольца и решетчатые перстни. Очевидно, Рязанское княжество и его столица возникают в результате государственной колонизации и не имеют истоков в структурах эпохи родо-племенного строя. Каким же образом в таком случае Рязанское княжество могло оказаться своего рода «второй родиной» южновеликорусского населения?

Ответ на этот вопрос может быть дан на основе аналогии с заселением Новороссийского края. Оно, как известно, было начато государственной колонизацией, в которой наряду с российским населением приняли участие многочисленные группы иноземцев. Помимо государственной имела место также помещичья колонизация, сопровождавшаяся выводом крепостных из отдаленных губерний. Тем не менее наиболее существенной в плане формирования основного населения края оказалась стихийная диффузная колонизация со стороны ближайшего этнического массива, предопределившая его преимущественно украинский характер. Очевидно, аналогичным образом вятичская диалектная стихия, естественным путем, в конце концов, оказалась господствующей на территории всего Рязанского княжества. Именно это обстоятельство способствовало превращению южновеликорусского диалекта в крупнейшее наречие русского языка и позволило ему в дальнейшем, вслед за продвижением российских границ, распространиться на более южные территории.

* * *

Отмечая исключительную роль Великого княжества Рязанского в формировании южнорусской (южновеликорусской) этно-диалектной общности, представляется целесообразным сказать несколько слов об этнокультурном значении этой общности в общем контексте русского этноса.

Необходимо отметить, что вследствие целого комплекса причин в отечественной историографии и в общественном сознании бытует представление об исключительном значении северорусских традиций, которое, как может показаться, значительно превосходит значение традиций южнорусских.

Отметим, что подобные представления, во-первых, имеют под собой определенные основания. Во-вторых, они, безусловно, подпитывались вполне конкретными конъюнктурными соображениями, нередко политизированного свойства. Думается, что наконец наступает время, когда эти соображения могут быть отслежены и оценены беспристрастно.

Начнем с тех оснований, которые, как будто однозначно, указывают на превосходство северных традиций. Пожалуй, наиболее весомое из них – исключительное значение Новгорода в деле сохранения древнерусских традиций после монголо-татарского нашествия. Это значение (не только для России, но и для Украины и Белоруссии), может быть, до сих пор оценено даже не в полной мере. Достаточно сказать, что византийское и южно-славянское влияние какое-то время распространялось на Руси преимущественно «через север» – через Новгород. Здесь уместно вспомнить о новгородском периоде в биографии таких видных деятелей культуры, как Феофан Грек и Пахомий Серб. Согласно преданию, в 1-й половине XIII в. чудотворный византийский образ Николы пребывает в Рязанское княжество из Корсуни через Новгород. Позднее тем же кружным путем через Псков и Новгород едет из Италии в Москву невеста великого князя, царевна цареградская София Палеолог. Историческая роль Русского Севера в эпоху ордынского нашествия ясно осознавалась русскими летописцами. «Яко же и древле Батый безбожный плени Русскую землю, но тогда останок еще и надежда Израилю оста от пленения, в Велицей России глава всем и начало князем и мати градовом, Великий Новъград со всею северною страною» (Псковские летописи, т. 1, 1941. С. 122). Второй момент – исключительное значение населения Русского Севера в сохранении культурного наследия средневековой Руси. Северорусские певцы (главным образом старообрядцы) в своих былинах сохраняли воспоминания о древнем Киеве, Чернигове, давно забытые на Украине.

Есть и другие аргументы в пользу «превосходства» северных традиций. Они, если можно так выразиться, источниковедческие. Среди русских рукописей до XIV в. включительно преобладают новгородские и псковские. То же касается сохранившихся храмов, фресок и икон.

Еще один аргумент – чисто археологический. Средневековый Новгород – эталонный памятник древнерусской археологии. Он исключительно богат находками, эти находки датируются с такой степенью точности, которая недоступна на большей части других древнерусских памятников. Наконец, культурный слой Новгорода (наряду с некоторыми другими памятниками, в основном северорусскими) сохраняет органические вещества, в частности деревянные изделия и знаменитые берестяные грамоты. Поскольку уникальность Новгорода как памятника археологии накладывается на его исключительно богатую рукописную традицию, его богатство памятниками архитектуры, письменности, живописи и прикладного искусства, здесь открываются недостижимые в других местах возможности для комплексного изучения древнерусской культуры. При этом мы должны отдавать себе отчет в том, что взгляд на историю и культуру средневековой Руси исключительно через призму богатейших новгородских материалов неизбежно должен страдать неполнотой, давать в известной мере искаженную картину.

Русский Север представлялся неким заповедником вечевого строя, в котором видели прообраз демократии и конституционного строя. Между тем южновеликорусские регионы отмечены преимущественным распространением крепостни-

чества. Это противопоставление не вполне справедливо, поскольку известны проявления вечевого строя и на древнерусском Юге. Но, конечно, вече более характерно для Севера.

* * *

Противопоставление Севера и Юга древней Руси имеет давние традиции в отечественной историографии. При этом не только те или иные суждения по этому поводу, но и сама правомерность постановки этой проблемы, а также сколько-нибудь конкретные представления о том, что, собственно, имеется в виду под Севером и Югом, формулируются крайне расплывчато, а обоснование выдвигаемых положений далеко от соблюдения принципа не только достаточной, но и необходимой аргументации. Представляется неслучайным, что этой, достаточно неясной, проблеме была посвящена конференция «Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга», проведенная в Институте археологии РАН в ноябре 2002 г. (См.: Русь в IX–XIV вв., 2005).

Исторически противопоставление Севера и Юга Руси восходит, очевидно, к летописным сообщениям о возникновении ядра русского государства в северных регионах (при Рюрике) и о существовании в то же время военно-политического объединения с центром в Киеве (при легендарных Аскольде и Дире). Дальнейшее развитие представлений о коренном различии Севера и Юга древней Руси в отечественной историографии обязано своим происхождением, главным образом, не свидетельствам источников, а, скорее, романтической литературной традиции, одним из общих мест которой было противопоставление благодатного климата Украины (Малороссии) унылому пейзажу России и Белоруссии (с аналогичной характеристикой национальных характеров и народной поэзии). Это противопоставление было, естественно, подхвачено украинофильской историографией, четко разделившей летописные племена и древнерусские княжества на протоукраинские и протовеликорусские, хотя существующие материалы скорее опровергают, чем подтверждают соответствующие представления (особенно это касается границ земель-княжений). Ясно, что полемика, о которой идет речь, была в значительной мере политически ангажированной, а не чисто академической. Понятно и то, что в данном противопоставлении Севера и Юга речь о южных великороссах не идет. Тем не менее дискуссия не была совсем бессодержательной. Она способствовала становлению макрорегионального подхода к изучению древней Руси, привлекала внимание к значению географического фактора.

В развитие украинофильских идей распространяются представления о том, что истоки русской культуры и государственности следует искать в гораздо более ранних временах, чем призвание варягов, и, соответственно, в регионах, расположенных ближе к древнейшим центрам цивилизации, т.е. опять-таки на юге.

Помимо ряда украинских историков и археологов горячим сторонником такой версии развития государственности и культуры восточных славян был Б.А. Рыбаков, в трудах которого истоки русской государственности восходят к наследию черняховской культуры и так называемым «древностям руссов» (Рыбаков, 1953). В домонгольское время южнорусские земли представлялись ему передовыми носителями блестящей светской культуры, отраженной в «Слове о полку Игореве» и Ипатьевской летописи.

Б.А. Рыбаков был склонен рассматривать характеристику Нестором полян и других восточнославянских племен как противопоставление лесного и лесостепного населения. Такое истолкование, однако, не вполне соответствует содержанию этой летописной статьи. Нестор противопоставляет полян не только обитателям отдаленных лесных регионов, но, в первую очередь, древлянам, ближай-

шим соседям полян. Вокруг древнейшего Киева (во времена Кия) был «лес и бор велик», что соответствует обобщенной характеристике земли славян в арабских источниках («земля их – равнина лесистая» – Новосельцев, 1965. С. 387).

Отметим, что противопоставление Севера и Юга в отечественной историографии практически не касается вопроса о южных великороссах и их предках. И для тех, кто был склонен возвеличивать северорусские традиции, и для «украинофилов» земля вятичей выступала как синоним отсталой периферии, что в целом соответствует данным письменных источников. Напомню ключевую для своей эпохи фразу «лучше бы ми смерть, нежели курское княжение», характеризующую отношение современников к юго-восточной окраине Руси.

Перенесение на юг эпицентра русской культуры и государственности в трудах Б.А. Рыбакова можно рассматривать как своеобразную победу в сознании ученого имперского начала над национальным. Рассматриваемая модель активно использовалась в борьбе с так называемым «норманизмом». Общепринятое в наше время признание за скандинавами важной роли в создании древнерусского государства «работает» против исключительной роли Юга в том виде, как ее отстаивали многие украинские исследователи и Б.А. Рыбаков. И, конечно, представления об изначальном безусловном культурном и политическом преобладании Юга убедительно опровергаются фактами неоднократного завоевания Киева новгородскими князьями (Олегом, Владимиром, Ярославом Мудрым).

О том, что киевоцентрическая модель истории древнерусской культуры и государства в своих крайних проявлениях недостоверна, а порой даже смыкается с мифотворчеством и фальсификацией (юбилей Киева, «Влесова книга») нет необходимости писать в издании, адресованном специалистам. Тем не менее очевидные климатические и культурно-исторические различия Севера и Юга древней Руси требуют объективной оценки и исторической интерпретации.

Плодородие почв и географическая близость к Византийской империи – очевидные историко-географические характеристики древнерусского Юга. Эти важнейшие особенности не могли не иметь экономических, политических и культурных последствий, которые должны получить свою, по возможности объективную, оценку.

Говоря об относительном плодородии южных почв (важном также при оценке специфики Рязанщины), факторе, имеющем исключительное значение в истории экономики, мы должны вместе с тем понимать, что это значение в конкретных политэкономических условиях древней Руси было совсем иным. Действительно, международная и межрегиональная торговля сельскохозяйственными продуктами в то время практически не существовала. Для международных торговых путей (имевших ведущее государствообразующее значение) в то время основными являлись продукты, связанные с экстенсивными формами ведения хозяйства – пушнина, воск и мед. Использовались эти пути и для работорговли. Еще один вид ценностей, в которых нуждался Юг, имевшихся в изобилии на Севере, – лес, древесина, которую сплавляли только в одном направлении – вниз по течению, на юг по многочисленным рекам бассейна Черного моря.

Говоря о противопоставлении Север-Юг, мы не можем не столкнуться с вопросом о границе, хотя бы приблизительной, между этими регионами. При этом желательно, чтобы историческая значимость этой границы нашла бы какое-то соответствие в средневековых письменных или иных источниках.

К сожалению, попытки разграничить древнюю Русь на Север и Юг по экономическим или этнографическим признакам пока не привели к убедительным однозначным результатам. Попытка выделить регионы распространения полуземляночных и срубных жилищ, как известно, оказалась неудачной. Позднейшая

граница плуга и сохи значительно уклоняется от границ лесной и лесостепной зон, сильно изменяется на протяжении столетий и, по-видимому, не находит соответствия с исторически значимыми границами ареалов этнографических и диалектных общностей. Вполне вероятно, что помимо понятий о Севере и Юге окажется необходимым ввести понятие о промежуточной зоне, которая, весьма возможно, окажется достаточно значительной и территориально, и в плане культурно-исторического значения. Очевидно и то, что границы этих ареалов не могли оставаться неизменными на протяжении ряда столетий.

Определенным основанием для выделения южных земель в составе древней Руси служит ареал «Русской земли» по летописным данным (Насонов, 1951). Следует отметить, что этот ареал не включает западнорусские земли, в частности Галицкую, которую, конечно же, по культурно-историческим и ландшафтно-климатическим признакам следует относить к Югу. Проблематичным остается и весьма важный вопрос о том, куда в подобном контексте должна быть отнесена «прародина» южных великороссов.

Границы крупных политических образований, на которые распалась «империя Рюриковичей», первоначально не соответствовали разделению по принципу Север-Юг. Напомню, что Ярослав Мудрый и его брат Мстислав в 1026 г. разделили всю Русскую землю в меридиональном направлении (по Днепр). Аналогичным образом в меридиональном направлении шли границы, маркировавшие распад империи Карла Великого. Князь Святослав Ярославич, получивший в удел Чернигов, посылал своего данщика Яна Вышатича в Ростов, Ярославль и Белоозеро. Муромо-Рязанское княжество первоначально являлось окраинной территорией Черниговского княжества. И в более позднее время такие крупные княжества, как Чернигово-Северское и Галицко-Волынское, решительно «перешагивали» все возможные условные границы Севера и Юга древней Руси.

Представление об исключительной значимости северорусской традиции, у истоков которой находится наследие Великого Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества, очевидно, связано с традицией «государственнического» подхода к российской истории. Концептуально оно возникает еще в дореволюционное время (как оппозиция «украинофилам») и в дальнейшем получает дополнительный импульс в советское время, когда формируется новая версия российского патриотизма, по отношению к русскому средневековью в значительной мере создававшаяся Н.Н. Ворониным и Д.С. Лихачевым.

Уязвимость и односторонность этой концепции очевидна. Начнем с того, что, несмотря на то что большая часть записей древнерусского эпоса имеет северорусское происхождение, древнейшая рукопись, содержащая первоклассные записи былин (сборник Кирши Данилова), отмечена чертами «акающего» диалекта. Если южновеликорусских крестьян можно охарактеризовать как крепостных по преимуществу, то к тому же диалекту относится и русское казачество. Значение казачества в этнической истории русского народа трудно переоценить. Дело не только в военно-политической роли этого населения (в частности, в завоевании Сибири). Дело в том, что наличие казачества в составе русского этноса имело для социальной психологии русских не меньшее значение, чем для украинцев (достаточно упомянуть общераспространенные русские пословицы «терпи казак – атаманом будешь», «вольный казак»). Крепостные по преимуществу, южные великороссы были и главными бунтовщиками. Вспомним пресловутую Комарицкую волость, восстания Болотникова, Разина и Пугачева, локализующиеся преимущественно в южновеликорусских губерниях, наконец антоновщину.

Создание независимого Русского централизованного государства было историческим свершением в основном северорусского населения. И все же вхожде-

ние в состав этого государства в 1494 г. южновеликорусских Верховских княжеств (территориально в основном совпадавших с древней землей вятичей), ранее признававших власть великих князей литовских, явилось исключительно знаменательным событием, предопределившим многовековую «реконкисту» восточнославянских земель, оказавшихся под властью Польско-Литовского государства. Присоединение Рязанщины к Русскому централизованному государству в 1521 г. окончательно связало судьбы всего южновеликорусского населения с российской государственностью.

Русская (великорусская) народность, в отличие от других восточнославянских народностей, украинцев и белорусов, которые складываются в основном в пределах расселения восточнославянских племен догосударственной поры, формируется в значительной мере за пределами этого ареала в ходе военной экспансии, процессов колонизации и ассимиляции аборигенного населения. В этих процессах, естественно, ключевую роль играли крупные пограничные политические образования, обеспечивавшие фронт распространения восточнославянского населения – Новгородская земля, Владимиро-Суздальское и Рязанское княжество. К этим землям-княжениям в значительной мере подходит модель, предложенная Э. Лависсом для характеристики Прусского государства: «Пруссия есть германское государство, основанное за пределами Германии» (Лависс, 1897. С. 1). Существенно, что в ходе рассматриваемых процессов интересы рядового населения и феодальных правителей очевидным образом во многом совпадали. Здесь уместно еще раз отметить историческую роль Великого княжества Рязанского в распространении российской государственности и великорусского населения на магистральных юго-восточном и южном направлениях.

Южновеликорусские губернии – родина многих известнейших представителей дворянской интеллигенции. Достаточно назвать имена И.С. Тургенева и И.А. Бунина. Не случайна оброненная Н.В. Гоголем фраза «курские помещики хорошо пишут». Отсюда же происходят и народные самородки, такие как А.В. Кольцов и С.А. Есенин.

Представляется, что вклад южных великороссов в сокровищницу общерусской культуры в значительной мере сознательно преуменьшался в течение ряда десятилетий, в первую очередь в связи с тенденцией принизить историческую роль русского дворянства и казачества.

Вопрос о генезисе южных великороссов и их исторической роли представляется весьма перспективным еще по одной причине. Как в дореволюционной, так и в советской историографии существовал значительный «перекос» в пользу преимущественного интереса к истории государственности, властных и административных структур. Отчасти это явление было обусловлено характером значительной части средневековых письменных источников. Между тем более существенным и более значимым аспектом изучения как древней Руси в целом, так и обширных регионов в ее составе представляется история народа (народов, населения). Специфика археологических источников позволяет раскрывать именно эту сторону истории различных регионов, в том числе и Рязанщины. «История русского народа» Н.А. Полевого, задуманная как своеобразная антитеза «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, несомненно, не выдерживает сравнения с грандиозным созданием придворного историографа. Обычные для советского периода названия монографий и диссертаций типа «Население такого-то региона в такую-то эпоху», бесспорно, успели набить оскомину читателям. Тем не менее, представляется, что вызов, содержавшийся в названии сочинения Полевого, до сих пор не потерял своей актуальности. Немаловажно, что подобный подход лишний раз сближает археологические штудии с перспективными разра-

ботками по историческому изучению повседневности. При этом речь идет не только о соответствии наших изысканий новейшим направлениям гуманитарного знания, но и о продолжении лучших традиций отечественной науки. Можно вспомнить многотомное творение И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа», специальный интерес В.А. Городцова к «бытовой археологии».

Отметив важнейшую роль Великого княжества Рязанского в формировании южных великороссов – доброй половины русского народа, необходимо остановиться на чертах исторического своеобразия этого княжества, особенностях его развития и становления.

Уже говорилось о том, что, в отличие от некоторых других земель-княжений, Рязанская земля не имеет корней в структурах догосударственной поры.

Развитие раннегосударственных образований может осуществляться по разным моделям или по неким их комбинациям. Прежде всего, такие образования могут иметь моноцентричную или полицентричную природу. И в древней Руси, и в мировой истории известны многочисленные примеры как того, так и другого. Как пример отчетливо выраженных моноцентрических образований можно привести Аттику или Рим эпохи республики и ранней империи. Среди древнерусских земель отчетливым моноцентризмом отмечена Новгородская. Стольный город, очевидно, не терпел в своей земле конкурентов; Псков и Вятка по мере «созревания» неизбежно должны были отделиться. В то же время во Владимиро-Суздальской земле длительное время сосуществуют практически равновеликие Ростов, Суздаль и Владимир (в дальнейшем здесь имеет место длительное соперничество между Московским, Тверским и Суздальско-Нижегородским княжествами).

В домонгольское время известны земли-княжения с двумя центрами, что отразилось в их принятых в научной литературе названиях. Это Галицко-Волынская и Турово-Пинская земли. После монголо-татарского нашествия – Суздальско-Нижегородское княжество. Иногда полицентричность не находила своего отражения в названии княжества, но тем не менее имела место. Например, фактической столицей Галичского княжества одно время был Звенигород.

В случае с Рязанью ситуация представляется достаточно определенной, хотя она и изменялась на протяжении столетий. Первоначально княжество имело два основных центра и поэтому получило в литературе название Муромо-Рязанского. Однако после перенесения столицы в Рязань уже ни о каком соперничестве центров речь не идет. Как и в других русских княжествах, происходит дробление на уделы, но ведущая роль Рязани как стольного города при этом не оспаривается. Более того, после Батыева разгрома и переноса столицы в Переяславль Рязанский, старое название «Рязань» прочно сохраняется в названии княжества и памяти народа. В дальнейшем оно закономерно переносится на новую столицу. Сохранение названий «Рязань», «рязанский» после гибели столичного города исключительно симптоматично. Оно указывает на значение древней столицы как своеобразного символа. Отметим, что наиболее ранние записи русского эпоса (сборник Ричарда Джемса 1619 г. и сборник Кирши Данилова 2-й половины XVIII в.) содержат упоминания древней столицы Рязанского княжества, и именно Старой Рязани (Народные исторические песни, 1962. С. 99, 100; Сборник..., 1910. С. 160).

История древней Руси (как, впрочем, и других государств) свидетельствует о том, что раннегосударственные образования возникают по трассе важных торговых и иных транспортных артерий. Известны «речные» цивилизации Ближнего Востока, Индии и Китая; Норвегия, страна, само название которой означает в переводе «северный путь». Древняя Русь возникает, как известно, вдоль пути «из варяг в греки»; ее столица, Киев, на скрещении этого пути с другим, сухопутным

(«бо бяше перевоз тогда с оноя стороны»). Муромо-Рязанская земля возникает, судя по своим стольным городам, вдоль Окского речного пути – важнейшего ответвления магистральной транспортной артерии того времени, проходившей по Волге. В дальнейшем, однако, оказывается, что основное направление территориальной экспансии княжества связано с иным, южным речным путем, освоением верхнего Дона. После монголо-татарского нашествия Донской путь, заменяя собой Днепровский, оказывается важнейшим, ведущим в Черное море.

Еще одна форма развития государственных и административных образований – своеобразное разрастание пограничных структур. В сравнительно чистом виде таким образом развивалось древнерусское Переяславское княжество. Из примеров позднейшего времени – так называемая Военная граница Австрийской империи. По-видимому, развитие Великого княжества Рязанского шло во многом по этой модели, причем трудно уловимая динамика его подвижных нестойких границ с кочевым миром и Ордой играла исключительно важную роль. В дальнейшем, когда Рязанская земля уже входит в состав объединенного Русского государства, можно определенно утверждать, что часть ее территории развивается по модели «военной границы». Первоначально стратегическим оборонительным рубежом Московского государства являлась Ока, причем основная часть Рязанского княжества, включая его столицу, оставалась по ту сторону этого рубежа. В дальнейшем, во 2-й половине XVI в., по территории Рязанщины проходит засечная черта – Ряжск-Сапожок-Шацк-Кадом-Темников. Позднейшие засечные черты пролегают уже южнее границ бывшего Великого княжества Рязанского.

Мы видим, что история Великого княжества Рязанского представляет собой не только чисто региональный, краеведческий интерес, но также выводит нас на широкие макрорегиональные и даже геополитические проблемы. Представляется нелишним отметить, что отмечая характерное для нашего времени повышенное внимание к региональной, краеведческой тематике (тема «малой родины»), необходимо все же учитывать неравноценность изучаемых материалов, и большее всемирноисторическое значение тех из них, которые прямо или косвенно выходят на макрорегиональный, международный уровень. Географическое положение Великого Княжества Рязанского на границе со степными кочевниками, а позднее – с Золотой Ордой; важное значение речного пути по Оке для международной торговли (засвидетельствованное в Старой Рязани многочисленными находками западноевропейского, византийского и восточного происхождения) выводят изучение рязанских древностей на всемирно-исторический уровень, позволяют на конкретном материале ставить вопрос о месте древнерусской культуры в мировом контексте.

Столица великого княжества Рязанского – Старая Рязань – первый древнерусский город, в котором еще в 1822 г. были проведены археологические исследования. Эти раскопки были предприняты в связи с находкой исключительно богатого клада ювелирных изделий, в настоящее время хранящегося в Оружейной Палате Московского Кремля. Результаты работ в Старой Рязани (а также описание находок из клада и сведения о древностях Рязанской земли) были опубликованы К.Ф. Калайдовичем уже в следующем, 1823 г. Среди иследователей, обращавшихся к изучению старорязанских древностей еще в 1-й половине XIX в., находим такие известные имена, как один из основоположников славяно-русской археологии в России З. Ходаковский и президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин (1764–1844 – Оленин, 1831). В дальнейшем, в XIX – начале XX вв. древности Старой Рязани неоднократно привлекали внимание ученых и краеведов. В 1926 г. крупнейшим российским археологом В.А. Городцовым на городище были проведены масштабные работы. Ученый предполагал провести на

памятнике многолетний цикл исследований, но его планы остались нереализованными (См.: Даркевич, 1991).

Работы Старорязанской археологической экспедиции Института археологии (первоначально Института истории материальной культуры) Российской Академии наук были начаты на городище в 1945 г. под руководством крупного археолога-слависта А.Л. Монгайта. Цикл работ возглавлявшейся им экспедиции был завершен в 1950 г. Итоговая монография А.Л. Монгайта, опубликованная в 1955 г., посвящена не только результатам этих работ, но также включала обзорную характеристику результатов исследований дореволюционного и довоенного времени. Интересы А.Л. Монгайта не ограничивались стольным городом Рязанской земли. После завершения первого этапа работ на городище исследователь обратился к систематическому изучению памятников Рязанского княжества, завершившемуся публикацией монографии «Рязанская земля» (1961), защищенной им в качестве докторской диссертации. Эта монография явилась первой в ряду крупных комплексных историко-археологических исследований, посвященных отдельным землям-княжениям средневековой Руси. В ней рассматриваются проблемы древнейшего заселения обширного региона, освоения его славянами, характеристика важнейших городских центров и так называемых «малых» городов, сельских поселений и могильников.

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. Старая Рязань поставлена на охрану как памятник истории и культуры федерального значения. Городище имеет статус заповедника и находится в ведении Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Как памятник отечественной истории, объявленный заповедником, Старорязанское городище изъято из активного землепользования, в связи с чем его территория в последние десятилетия не распахивается. Институтом «Спецпроектреставрация» был подготовлен проект музеефикации памятника, составленный архитекторами А.Ф. Панкиным и А.И. Окуневым, а также археологом Л.А. Беляевым (Панкин, 1987). Проект не был реализован; в случае возвращения к вопросу о музеефикации памятника этот проект требует пересмотра и значительных доработок (см.: А.Н. Медведь, 1999). Необходимо отметить, однако, что статус памятника федерального значения, к сожалению, не гарантирует сохранность памятника, разрушаемого оползнями, оврагами, а также незаконными кладоискательскими раскопками.

В 1966 г. А.Л. Монгайт возвращается к исследованию Старорязанского городища. Экспедиция переходит от изучения памятника сравнительно небольшими раскопами к сплошному вскрытию крупных площадей, позволившему составить более правильное представление о планировке застройки средневекового города. Экспедиция не ограничивается изучением столицы княжества. В эти годы изучается примыкающий к городищу Шатрищенский могильник V–VIII вв., оставленный дославянским финно-угорским населением (культура рязано-окских могильников), производятся разведки в окрестностях городища. С 1970 г. руководство экспедицией переходит к известному археологу В.П. Даркевичу; работы экспедиции продолжаются до 1979–1980 гг. Позднее, в 1992 г. под руководством В.П. Даркевича были проведены небольшие раскопочные исследования разрушавшегося участка площадки городища, увенчавшиеся находкой замечательного клада золотых ювелирных изделий. Исследования 1966–1979 и 1992 гг. отражены в сборнике «Археология Рязанской земли» (1974) и монографии В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича «Древняя столица Рязанской земли» (1995).

В 1994 г. работы Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника на Старорязанском городище были возобновлены

под руководством А.В. Чернецова (см.: Чернецов, Стрикалов, 2003). Эти работы проводились при постоянной финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, а впоследствии выделившегося из него Российского Гуманитарного научного фонда. С 1997 по 2004 они финансировались также в рамках Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» (позднее «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 гг.»). Кроме того, поддержку работам экспедиции оказывал Президиум Российской Академии наук. В работах экспедиции с 1997 г. принимают участие группы студентов-практикантов Российского Государственного гуманитарного университета, а с 2002 г. также Московского городского педагогического университета. В 1998 и 1999 гг. в экспедиции работали также группы студентов Черниговского педагогического университета (Украина). В 1999–2002 гг. – студенты-практиканты Рязанского педагогического университета и группы школьников из г. Спасска и с. Ижевского Рязанской обл., в 2004–2005 гг. – школьники из г. Егорьевска Московской обл.

Начатые в 1994 г. работы Старорязанской экспедиции в значительной мере являлись непосредственных продолжением исследований предшественников. Наряду с этим в 90-х годах был намечен ряд новых направлений. Так, в древнейшей части средневекового города – на Северном городище – в 1970-х гг. проводились значительные работы. Вместе с тем они носили явно второстепенный характер и не были нацелены на получение принципиально новой информации. С 1994 г. было обращено первостепенное внимание на стратиграфию Северного городища. Для ее изучения был предпринят разрез вала этой части городища с целью увязать историю сооружения и ремонтов укреплений с напластованиями площадки городища. Эта первоочередная задача археологического изучения любого укрепленного поселения была впервые решена в 1994–1995 гг., когда был осуществлен разрез вала, и в последующие годы, когда изучались напластования той части средневекового города, которая непосредственно примыкала к этому разрезу. Эти работы были начаты Ю.Ю. Моргуновым и впоследствии продолжены И.Ю. Стрикаловым. Общая протяженность этого опорного разреза достигает 38 м.

Еще одна задача, решение которой удалось успешно поставить на повестку дня, – изучение неукрепленного посада городища – важнейшей части любого крупного древнерусского города. В 70-х годах здесь были предприняты довольно значительные раскопки, которыми, однако, жилые слои средневекового города выявлены практически не были. На исследовавшемся тогда участке были обнаружены братские захоронения жертв монголо-татарского нашествия. На основании этих результатов, и в связи с тем, что эта часть территории древнего города занята современной усадебной застройкой и огородами, возникло представление, что работы здесь мало перспективны. Все же, учитывая большое значение этой части города, экспедиция с 1996 г. обратилось к изучению доступных для исследования участков посада и в 1997–2005 гг. здесь было вскрыто более 300 кв. м. Здесь наиболее существенными достижениями являются обнаружение перспективного участка с влажным культурным слоем, а также находка фрагментов керамики роменского типа, древнейшей славянской керамики найденной в Старой Рязани. Исследования посада показали, что эта часть города отнюдь не являлась его захудалой периферией, местом обитания беднейшей части населения.

В 70-х годах было начато археологическое обследование ближайшей округи Старой Рязани. В частности, был детально изучен участок берега Оки от Старой Рязани до небольшой княжеской крепости – Нового Ольгова городка протяженностью около 7 км. Начиная с 1996 г. Старорязанская экспедиция приступила к сплошному обследованию гораздо более обширной территории Спасской Луки,

где было учтено более 80 памятников. Разведочные работы проводил И.Ю. Стрикалов.

В ходе обследования округи Старой Рязани в 1997 г. были проведены небольшие раскопки разрушавшихся оползнями гончарных горнов XIV–XV вв. на Новоольговском селище.

В 1999 г. Л.А. Беляевым были предприняты пробные архитектурно-археологические работы на руинах Борисоглебского собора XII в., сильно поврежденных непрофессиональными раскопками 1-й половины XIX в. и постройкой нового храма в начале XX в. Поскольку эти работы оказались перспективными, они были продолжены в 2000–2004 гг.

Ряд участков Южного городища подвергался незаконным кладоискательским раскопкам. По их следам был заложен ряд новых раскопов, в которых были выявлены богатые усадьбы. Здесь в 2005 г. был обнаружен замечательный клад ювелирных изделий, связанный с драматическими событиями взятия Старой Рязани Батыем в 1237 г.

Основные направления работ Старорязанской экспедиции 1994–2005 г. нашли свое отражение в публикациях, помещенных в этом сборнике.

История возникновения и дальнейшего развития Старой Рязани во многом не укладывается в традиционные представления отечественной историографии. Так, обычно полагают, что древнейшие русские города возникают в местах концентрации сельского населения. Между тем в данном случае сравнительно мощная крепость возникает как важный форпост на слабо освоенной восточными славянами территории и лишь позднее обрастает сетью многочисленных сельских поселений.

Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, этнокультурная ситуация в рязанском Поочье конца I – начала II тысячелетия н.э. была неспокойной и весьма своеобразной. Оставившее богатейшие рязано-окские могильники финно-угорское население покидает эти весьма благоприятные для обитания места в VIII в., а славяне осваивают их лишь в XI в. Таким образом, в массовом заселении плодородной долины Оки (ее участка от Старой Рязани и далее вниз по течению) прослеживается перерыв не менее чем в два столетия. Подобная картина может быть объяснена военным противостоянием двух этнических группировок, причем их могла разделять своеобразная «зона страха».

О существовании в древности подобных зон писал Юлий Цезарь. «Они [германцы] видят самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались незаселенными и невозделанными: это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли противостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пустует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов (около 900 км – !)». «[Германцы] считают отличительным признаком доблести [данного племени] то обстоятельство, что изгнанные из своих владений соседи его отступают и никто не осмеливается поселиться вблизи этого племени; вместе с тем оно может считать себя [благодаря этому] в большей безопасности на будущее время и не бояться внезапных неприятельских вторжений» («Записки о галльской войне», кн. IV, гл. 3; VI, гл. 23).

Существование подобной зоны, разделяющей земли, заселенные русскими и татарами, фиксируется в летописи под 1389 г. («Хождение Пимена в Царьград»). Это описание имеет весьма важное значение, поскольку речь идет о территории, непосредственно примыкающей к Рязанской земле с юга. Согласно летописным данным, путешественники, покинув территорию Рязанщины, в продолжение более чем недельного плавания в верховьях Дона были окружены незаселенными

просторами. «Бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точью пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая; и бяше все пустыни великиа». Только на девятый день плавания «обретохом первие татар много зело, якоже лист и якоже песок» и затем «стада же татарскиа видехом толико множество, якоже ум превосходящ: овцы, козы, волы, верблюды, кони» (ПСРЛ. Т. 11. С. 96) (см. рис. 3). Заселенные территории разделяет безлюдная зона, достигавшая 300 км в ширину.

Вполне аналогичная картина описывается в исторической песне об Авдотье Рязаночке, отправившейся вслед за захватчиками, разорившими ее родной город, с целью добиться освобождения пленных:

Шла-де она не путем, не дорогою,
Да глубоки те реки, озера широкие
Те она пловом плыла;
А мелкие те реки, озера широкие
Да те ли она бродком брела.
Да прошла ли она заставу великую –
А чистые поля те широкие
Воров-разбойников...
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны те леса дремучие,
Лютых зверей...
(Народные исторические песни, 1962. С. 57–60).

Продвигаясь к востоку от Волго-Окского междуречья, исторического центра России, русские люди встречали примерно такое же исключительное богатство почти незатронутой хозяйственным освоением природы, как и на южном маршруте. Рассказывая о движении войска Ивана Грозного к Казани, летописец пишет: «А от града Мурома государь шел частым лесом и чистым полем, и таковое многое воиньство всюду яко Богом уготованну пищю обретаху: не поли убо всяким благовонным овощием довляхуся, от животных же лоси яко самозванни на заколение прихождаху, в реках же множество рыб ловяху, от воздуха же множество бесчисленное птиць прилетаху и во всех полцех на землю припадаху, яко сами дающеся в руце че-

Рис. 3. Миниатюра Лицевого летописного свода с изображением путешествия митрополита Пимена в 1389 г., проезжавшего пустынные берега Дона (II Остермановский том, Библиотека Академии наук, СПб, 31.7.30, л. 257)

ловеком на пищу, ими же все бесчисленное воиньство нетрудно довляшеся» (ПСРЛ. Т. 13. С. 499).

Конечно, в этих повествованиях есть риторические преувеличения. И все же наличие подобных мотивов в описаниях путешествий в пределы Золотой Орды не случайно. Здесь уместно вспомнить и знаменитое гоголевское описание девственных степей, экологии которых кочевое скотоводство практически не наносило ущерба (чего не скажешь о земледельческом освоении).

Новейшие работы археологов показывают, что взаимоотношения восточных славян с их финно-угорскими соседями были неодинаковы в разных регионах и развивались по разным моделям. Если в Рязанском Поочье имел место, по-видимому, открытый антагонизм, то в Волго-Окском междуречье (земли летописной мери) – длительное сравнительно мирное сосуществование, диффузное распространение славян и ассимиляция аборигенного финно-угорского населения, влившегося в состав древнерусской народности (Леонтьев, Рябинин, 1980). Для Русского Севера типична иная картина – здесь речь идет об энергичном освоении фактически пустующих земель периферийными группами древнерусского (в значительной мере перемешанного с финно-уграми) населения (См.: Макаров, 1997). Любопытно, что в районе Мещеры и Мурома (первоначального центра Муромо-Рязанского княжества) этнокультурная ситуация была опять-таки иной, чем в районе Старой Рязани: там, так же как в Волго-Окском междуречье, имели место сосуществование разноплеменного населения и ассимиляция аборигенного населения славянами.

В Рязанском Поочье, где на свободных от леса пространствах обитало финно-угорское население, испытавшее сильное влияние степных кочевников, взаимоотношения славян с иноплеменниками, по-видимому, развивались по модели, сходной с той, которая характеризовала пограничье славян с печенегами и половцами (а позднее, как показывает приведенный выше летописный отрывок, – с татарами).

Природные ресурсы долины Оки были исключительно благоприятны для земледелия и скотоводства. Вместе с тем славянская земледельческая колонизация этих районов была сопряжена с риском, поскольку пограничье залесенных и безлесных территорий находилось в пределах досягаемости набегом кочевников. Отдельные кочевые племена не представляли серьезной угрозы для такой мощной крепости, как Старая Рязань (особенно после возведения новых укреплений в середине XII в.), но рядовые аграрные поселения, по существу, оказывались перед их лицом беззащитными. Стратегическое положение Старой Рязани в конце концов сыграло решающую роль в трагической судьбе города – его разрушении монголами и последующем окончательном упадке.

Таким образом, современное состояние наших знаний свидетельствует в пользу того, что возникновение и ранние этапы истории Старой Рязани, а также исторические судьбы окружающего ее региона в значительной мере определялись этнополитической ситуацией и военно-стратегическими факторами. Надо иметь, однако, в виду, что в ходе дальнейшего изучения могут быть внесены значительные коррективы в нарисованную картину. Например, в местах, не привлекавших до сих пор внимание археологов, может быть открыта более или менее значительная группа памятников. Может быть уточнена хронология смены форм ландшафта в пределах региона. Возможны корректировки датировок тех или иных памятников. Поэтому необходимо постоянное и углубленное изучение территории, поиск новых памятников и пополнение сведений об уже известных.

План Старорязанского городища (рис. 4) наглядно отражает историю роста его укрепленной территории. Первоначальное укрепленное поселение дославян-

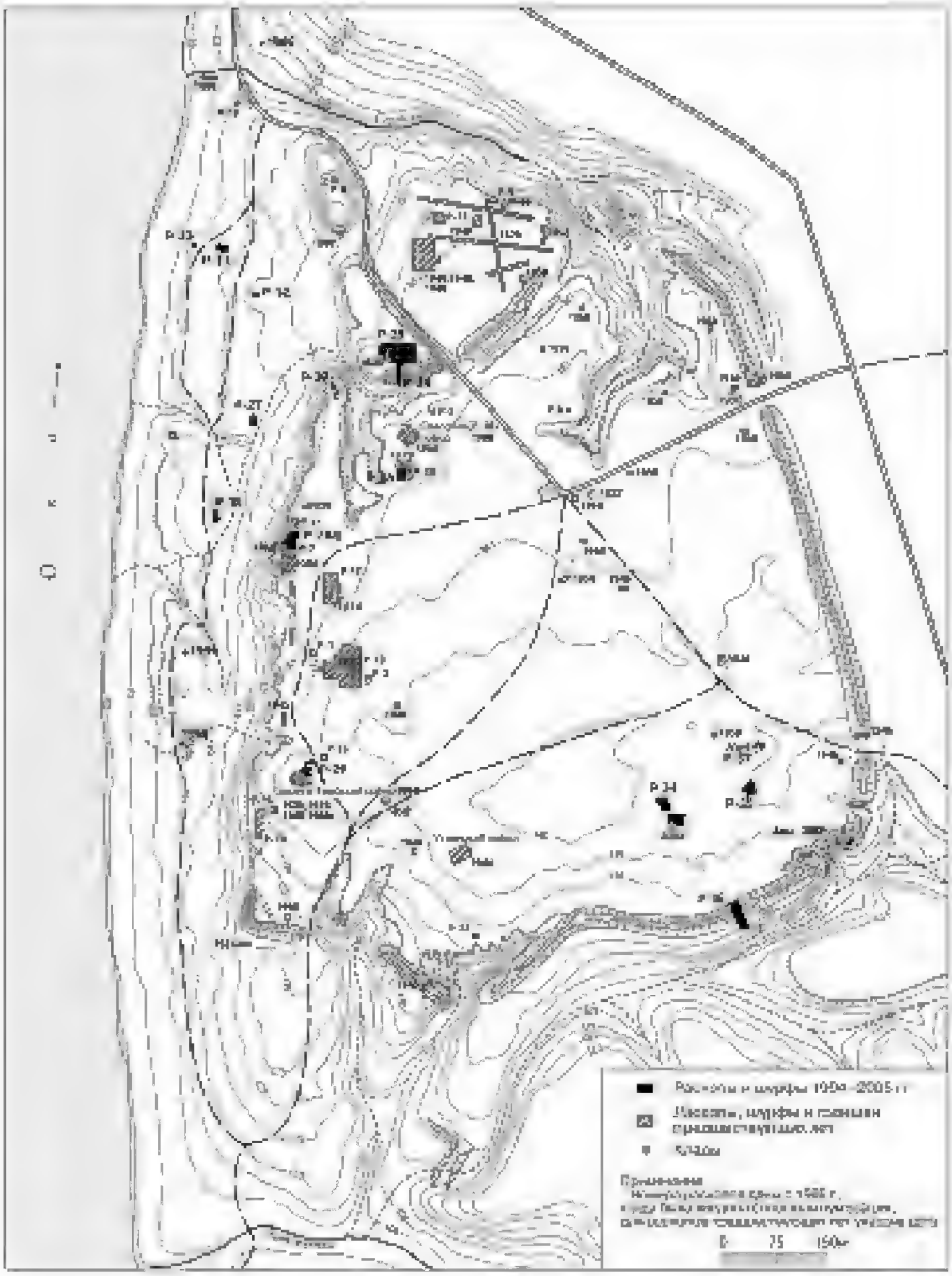


Рис. 4. План Старорязанского городища с указанием расположения раскопов и мест находок кладов. План подготовлен И.Ю. Стрикаловым

ского населения на так называемом Северном мысу имеет площадь всего 0,4 га. Ранняя восточнославянская крепость XI в., Северное городище, занимает уже 7,5 га. Для своего времени это не второразрядное укрепление, а достаточно крупная крепость. Древнерусские городища такой площади в предшествующий период (IX–X вв.) рассматриваются как крупнейшие центры стратегического значения. В середине XII в., в то время, когда Старая Рязань превращается в центр обширного княжества, площадь укрепленной территории еще раз многократно увеличивается. Возникают грандиозные укрепления так называемого Южного городища, площадь которого достигает 55–57 га (а общая площадь всего городища – 67,6 га). Для своего времени это городище-супергигант, своего рода средневековый мегаполис. По площади укрепленной территории Старая Рязань находится в одном ряду с такими древнерусскими городами той эпохи, как Киев, Чернигов, Владимир, Новгород и др.

Сходная модель роста средневекового города, при которой каждое новое кольцо укреплений охватывало на порядок более обширную территорию, чем предшествующее, известна и по другим древнерусским городам. Вместе с тем эта модель не была единственной, известной на Руси. Напомним, что укрепления Довмонтова города не превышают по площади первоначальное ядро средневекового Пскова – Кром, а, наоборот, уступают ему. Китай-город несколько обширнее, чем Московский Кремль, но эта разница гораздо менее значительна, чем та, которую демонстрируют укрепления Старой Рязани. Домонгольский Владимир расширял свою территорию два раза, но каждый раз новые укрепления окружали территорию, близкую по площади его первоначальному ядру. Модель, по которой развивались укрепления Старой Рязани, представлена на этом памятнике чрезвычайно выразительно. Оценивая эти особенности динамики роста города, необходимо постоянно иметь в виду исключительную краткость истории развития города. В отличие от многих столиц земель-княжений Старая Рязань не принадлежит к числу древнейших русских городов. Предельно короткий срок существования Старой Рязани в качестве процветающего стольного города длился до монгольского нашествия менее ста лет. Все эти данные, вместе взятые, придают историческим судьбам города уникальную, неповторимую характерность.

Привычные представления о том, что по мере разрастания города его первоначальное ядро сохраняет роль административного и религиозного центра, где были сосредоточены усадьбы верхушки общества, также не соответствуют реальной ситуации, выявленной в Старой Рязани. После возведения грандиозных укреплений Южного городища все жизненные центры города переместились сюда. Все три каменных храма были сооружены на Южном городище (в то время как на Северном городище подобные здания не обнаружены вообще). Наиболее богатые усадьбы, находки кладов драгоценных ювелирных изделий, дорогих привозных вещей концентрируются на Южном городище. Очевидно, именно здесь были расположены и княжеские палаты.

Среди древнерусских городов Старая Рязань как археологический памятник по своему научному значению уступает только Новгороду. Значение Новгорода в значительной мере определяется тем, что в его культурном слое хорошо сохраняется органика (в том числе деревянные конструкции, изделия из дерева и кожи, береста, в частности знаменитые берестяные грамоты). Благодаря этому археологи могут не только составить чрезвычайно полное представление о материальной и духовной культуре средневекового Новгорода, но и очень точно датировать находки из культурного слоя города. Последнее обстоятельство обусловлено разработкой дендрохронологического метода датировок, позволяющего по спилам бревен и плах устанавливать дату рубки дерева с точностью до одного го-

да, а для находок, связанных с прослойкой, залегающей между двумя ярусами настилов мостовых и примыкающих сооружений, – до 20–30 лет. Такая степень точности является для археологии предельной и превращает новгородские находки в эталон, к которому обращаются все специалисты в области славяно-русской археологии.

Вместе с тем Новгород по ряду важных показателей уступает Старой Рязани. Так, в Новгороде археологи вынуждены ограничиваться теми участками, которые им выделяют строители и городские власти, в то время как в Старой Рязани археологи могут сами определять стратегию расширения раскопанной площади в наиболее перспективных направлениях. Кроме того, в Новгороде, избежавшем монголо-татарского разгрома, отсутствуют характерные находки, связанные с этими драматическими событиями. Имеются в виду прежде всего клады дорогостоящих высокохудожественных ювелирных изделий, сокрытых владельцами в обстановке опасности. Такие клады известны во всех крупных древнерусских городах, разрушенных монголами, в том числе и в Москве. Наибольшее число таких кладов обнаружено в крупнейшем городе древней Руси – Киеве. На втором месте после Киева стоит Старая Рязань, где подобные клады неоднократно находили, начиная с 1822 г. В настоящее время известны 16 кладов драгоценностей, происходящих из Старой Рязани. Первый, остающийся пока непревзойденным по своему богатству, клад экспонируется на почетном месте в Оружейной палате Московского Кремля; все остальные поступают в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

В отличие от Новгорода, где культурный слой перенасыщен влагой, благодаря чему в нем хорошо сохраняются органические вещества, на площадке городища Старой Рязани органика практически не сохраняется или сохраняется в виде слабых следов и отпечатков. Однако это преимущество Новгорода, как выяснилось, не носит абсолютного характера. При обследовании неукрепленной части посада Старой Рязани в 1997 г. удалось выявить значительный перспективный участок влажного культурного слоя, в котором хорошо сохраняется органика, в том числе остатки деревянных конструкций и даже фрагменты первой в Старой Рязани берестяной грамоты. Существенно, что исследованная часть неукрепленного посада, безусловно, не может считаться периферией города, заселенной беднейшими слоями населения. Здесь найдены дорогие ювелирные изделия, фрагменты импортной керамики, актовая печать, скреплявшая важные документы, находки, связанные со сложными ремеслами, ориентированными на богатых клиентов. Дальнейшее исследование этого участка, несомненно, поможет существенно расширить наши представления о материальной и духовной культуре этого уникального памятника. Так, реконструкция деревянных жилищ Старой Рязани носила до сих пор гипотетический характер, поскольку на площадке городища дерево сохраняется, в лучшем случае, в виде слабых следов древесного тлена, а чаще истлевает бесследно. Теперь археологи могут более конкретно ознакомиться с этой стороной материальной культуры Старой Рязани.

Отмеченные черты своеобразия Старой Рязани, ее исключительная, трагическая судьба указывают на то, что этот ключевой памятник средневековой русской археологии ни в коей мере не может рассматриваться как некая типовая модель развития крупного древнерусского города. Подобно другому важнейшему для археологов стольному городу средневековой Руси – Великому Новгороду, Старая Рязань отмечена яркими признаками неповторимой индивидуальности, во многом определившими ее драматическую историю (см.: Chernetsov, 2002). По-видимому, на роль такой модели скорее могли бы претендовать такие старые русские города, как Смоленск, Суздаль, Полоцк. Однако, вполне вероятно, что

исследователи, более пристально изучавшие эти памятники, с подобной характеристикой не согласятся и укажут на присущие им уникальные особенности. Представляется, что основные задачи исследования Старой Рязани и других древнерусских городов не в том, чтобы, преодолевая «сопротивление материала» все же втискивать их историю в прокрустово ложе уже существующих моделей, а в том, чтобы путем проверки и уточнений данных, свидетельствующих о своеобразии памятников, продвигаться по направлению к их историческому истолкованию и осмыслению.

Несмотря на свое беспримерное историческое значение, Старая Рязань остается практически невостребованной в плане музеефикации и экскурсионно-туристской деятельности. Между тем подобное использование памятника не потребовало бы значительных затрат. Хотелось бы привлечь внимание широких кругов общественности к судьбе уникального памятника; если бы это удалось сделать, тогда можно было бы решить и многие важные проблемы его сохранения и дальнейшего изучения.

Археологические исследования последних лет, накопление большого нового материала, его осмысление в свете тенденций развития современной научной мысли дают основания для создания новой концептуальной модели истории Рязанского княжества и его населения в Средние века. Материалы, собранные в предлагаемом читателю сборнике, и соображения, изложенные в данной статье, свидетельствуют о том, что окончательное оформление этой модели – дело ближайшего будущего.

Предлагая вниманию читателя сборник, посвященный Великому княжеству Рязанскому, имеющему ключевое значение для отечественной истории, авторы стремились, в первую очередь, дать представление о специфике и неповторимых исторических судьбах этого обширного региона. Рассматривая историю как форму народного самосознания, мы поневоле вновь возвращаемся к старым больным вопросам, сформулированным еще в 1869 г. К.Н. Леонтьевым. «Многие ли из нас знают Кавказ, казаков, русское крестьянство, жизнь мусульманских племен нашей отчизны? Кто знает Финляндию, Сибирь? Давно ли открыли, что есть на свете Белоруссия?». «А много ли мы знаем про себя? И если знаем кое-что, то давно ли?» (Леонтьев, 1930. С. 552).

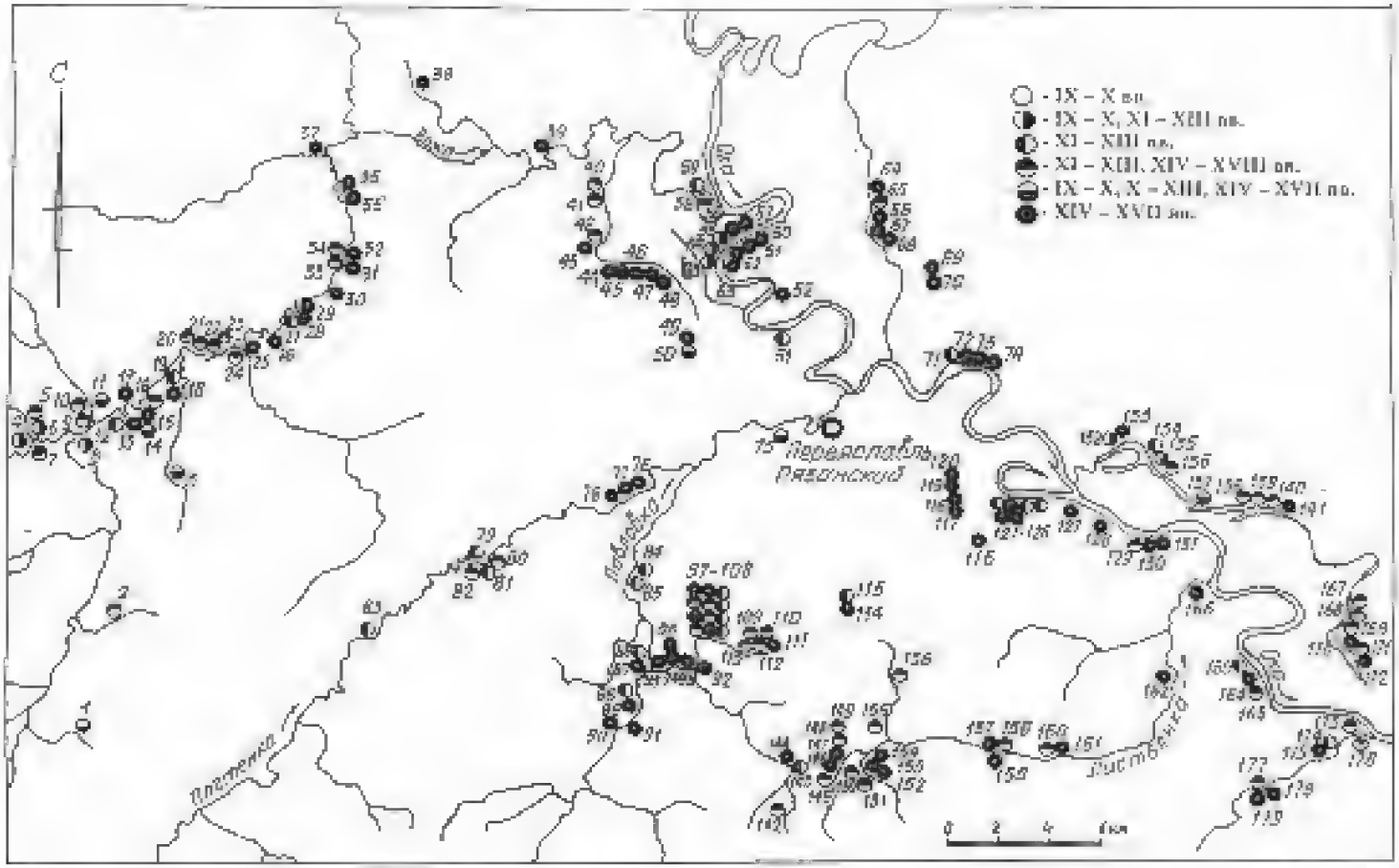
Литература

Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 19667
Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
Археология Рязанской земли. М., 1974.
Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. I.
Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
Грибоедов А.С. Desiderata // Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова. СПб., 1889. Т. I.
Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических изысканиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823.
Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // *Костомаров Н.И.* Собр. соч. Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Т. I. Кн. I.
Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. М., 1897.
Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) // Советская археология. 1980. № 2.
Леонтьев К.Н. (Н. Константинов). Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Аполлоне Григорьеве (письмо к Н.Н. Страхову) // *Аполлон Григорьев.* Воспоминания / Ред. и коммен-

тарии Р.И. Иванова-Разумника. М.-Л., 1930.
Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
Медведь А.Н. Музеефикация средневековых памятников археологии. Автореф. канд. дис. М., 1999.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955.
Моця О.П. Населення Південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів). Київ, 1993.
Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев, 1987.
Народные исторические песни. М.-Л., 1962.
Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
[Оленин А.Н.] Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ Старой Рязани. СПб., 1831.
Панкин А.Ф. Проект музеефикации городища Старая Рязань // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.
Псковские летописи. М.-Л., 1941. Вып. I.
Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966.
Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
Рыбаков Б.А. Поляне и северяне. // Советская этнография. 1947. Т. VI–VII.
Рыбаков Б.А. Уличи // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1950. Вып. XXXV.
Рыбакоў Б.А. Радзімічы. Менск, 1932.
Сборник Кирши Данилова. Под ред. П.Н. Шеффера. СПб., 1910.
Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974.
Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970.
Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) М., 1960.
Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Т. VIII.
Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.
Chernetsov A.V. Staraya Ryazan – Major Capital City of Medieval Russia: standard or exclusive model? // 3rd International Conference of Medieval and Later Archaeology. Centre. Region. Periphery. Medieval Europe. Basel 2002. Hertingen, 2002. Vol. 3.

В.В. Судаков, В.М Буланкин., А.А. Вячин

Археологическая карта округи Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX–XIV вв.



1 – Альяшево I пос.; *2* – Каймань I пос.; *3* – Бахмачеево I пос.; *4* – Глебово-Городище I сел.; *5* – Глебово-Городище II сел.; *6* – Глебово-Городище III сел.; *7* – Нижнеглебовское I сел.; *8* – Покровское пос.; *9* – Покровское I сел.; *10* – Покровское II сел.; *11* – Покровское III сел.; *12* – Дураковское I сел.; *13* – Дураковское II сел.; *14* – Дураковское III сел.; *15* – Дураковское VI сел.; *16* – Дураковское V сел.; *17* – Дураковское VII сел.; *18* – Алешинское I сел.; *19* – Алешинское II сел.; *20* – Лужки I пос.; *21* – Лужки II пос.; *22* – Лужки III пос.; *23* – Лужки IV пос.; *24* – Мощеновское I пос.; *25* – Мощеновское II сел.; *26* – Зеленинское сел.; *27* – Мантуровское I пос.; *28* – Мантуровское II сел.; *29* – Мантуровское III сел.; *30* – Ларино сел.; *31* – Войнюковское I сел.; *32* – Войнюковское II сел.; *33* – Войнюковское левобережное I пос.; *34* – Войнюковское левобережное III сел.; *35* – Баграмовское I сел.; *36* – Баграмовское II сел.; *37* – Старое Веселовское сел.; *38* – Истобники сел.; *39* – Абловское сел.; *40* – Перекаль I сел.; *41* – Перекаль II сел.; *42* – Городище I сел.; *43* – Городище II сел.; *44* – Семчино I сел.; *45* – Семчино II сел.; *46* – Семчино III сел.; *47* – Семчино I пос.; *48* – Семчино II пос.; *49* – Канищево I сел.; *50* – Каншцево II сел.; *51* – Борковское сел.; *52* – Заокское пос.; *53* – Фефелов Бор I пос.; *54* – Фефелов Бор II пос.; *55* – Фефелов Бор VII сел.; *56* – Логинов Хутор II сел.; *57* – Логинов Хутор III пос.; *58* – Бортное I сел.; *59* – Бортное II сел.; *60* – Агро-Пустынь I сел.; *61* – Агро-Пустынь II сел.;*62* – Агро-Пустынь III сел.; *63* – Агро-Пустынь IV сел.; *64* – Агро-Пустынь V сел.; *65* – Коростово I пос.; *66* – Коростово III пос.; *67* – Коростово I сел.; *68* – Коростово IV сел.; *69* – Барские I сел.; *70* – Барские II сел.; *71* – Шумашское I сел.; *72* – Шумашское II сел.; *73* – Шумашское IV сел.; *74* – Шумашское VI сел.; *75* – Троицкий монастырь пос.; *76* – Березники I сел.; *77* – Березники II сел. (Бутырское); *78* – Березники III сел. (Шуваловское); *79* – Подвязье I сел.; *80* – Подвязье II сел.; *81* – Подвязье III сел.; *82* – Подвязье IV сел.; *83* – Казначеевское сел.; *84* – Секиотовское I сел.; *85* – Секиотовское II сел.; *86* – Павловское I сел.; *87* – Павловское II сел.; *88* – Серовское I сел.; *89* – Серовское II сел.; *90* – Мельгуновское сел.; *91* – Абловское сел.; *92* – Дьяконовское I сел.; *93* – Дьяконовское II сел.; *94* – Дьяконовское III сел.; *95* – Дьяконовское IV сел.; *96* – Дьяконовское V сел.; *97* – Божатково I сел.; *98* – Божатково II сел.; *99* – Божатково III сел.; *100* – Божатково IV сел.; *101* – Божатково V сел.; *102* – Божатково VI сел.; *103* – Божатково VII сел.; *104* – Божатково VIII сел.; *105* – Божатково IX пос.; *106* – Божатково X пос.; *107* – Божатково XI сел.; *108* – Божатково XII пос.; *109* – Пущино I пос.; *110* – Пущино II пос.; *111* – Пущино III пос.; *112* – Пущино IV сел.; *113* – Пущино V сел.; *114* – Галенчино I пос.; *115* – Галенчино II пос.; *116* – Карцевское сел.; *117* – Шереметьево I сел.; *118* – Шереметьево II сел.; *119* – Шереметьево III сел.; *120* – Шереметьево IV сел.; *121* – Дядьковское I сел.; *122* – Дядьковское II сел.; *123* – Дядьковское III сел.; *124* – Дядьковское IV сел.; *125* – Дядьковское V сел.; *126* – Дядьковское VII сел.; *127* – Новоселковское сел.; *128* – Рубцовское сел.; *129* – Льговское I сел.; *130* – Льговское II сел.; *131* – Льговское III сел.; *132* – Дубровическое II сел.; *133* – Дубровическое III сел.; *134* – Алекановское I сел.; *135* – Алекановское II сел.; *136* – Алекановское IV сел.; *137* – Мурминское I пос. (Алекановское, Могилки); *138* – Мурмино I сел.; *139* – Мурмино II сел.; *140* – Мурмино III сел.; *141* – Мурмино IV пос.; *142* – Романцево I сел.; *143* – Городищево I сел.; *144* – Городищево II сел.; *145* – Синецкое I сел.; *146* – Синецкое II сел.; *147* – Синецкое III сел.; *148* – Синецкое IV сел.; *149* – Мордасово I пос.; *150* – Реткино III пос.; *151* – Реткино – IV пес.; *152* – Реткино V пос.; *153* – Реткино II пос.; *154* – Реткино I пос.; *155* – Реткино VI пос.; *156* – Хамбушево I пос.; *157* – Поленское I сел.; *158* – Поленское II сел.; *159* – Поленское III сел.; *160* – Александрове I сел.; *161* – Александрове III сел.; *162* – Юрасовское сел.; *163* – Кораблинское I сел.; *164* – Кораблинское II сел.; *165* – Кораблинское III сел.; *166* – Лужки I сел.; *167* – Казарское сел.; *168* – Казарское II сел.; *169* – Казарское III сел.; *170* – Казарское IV сел.; *171* – Казарское V сел.; *172* – Казарское VI. сел.; *173* – Вышгородское I сел.; *174* – Вышгородское II сел.; *175* – Вышгородское III сел.; *176* – Вышгородское IV сел.; *177* – Болошнево I сел.; *178* – Болошнево II сел.; *179* – Болошнево III сел.

И.Ю. Стрикалов

Северное городище Старой Рязани. Стратиграфия и планировка*

Старорязанское городище – сложный памятник средневековой городской архитектуры. Оно имеет трехчастную структуру. Северный мыс городища представляет собой изолированный холм-останец, отделенный с юга от основного участка памятника древней промоиной. Южнее расположено так называемое Северное городище, ограниченное с юга оврагом и рвом, а также валом, высота которого в настоящее время достигает 2–2,5 м от уровня площадки. Площадка Северного городища разделена дорогой, существующей со времени средневековья на две неравные части: меньшую, западную, и большую, восточную. Дорога тянется от устья Серебрянки, огибает с севера и востока Северный мыс и проходит с севера на юг через все городище, до пролома в валах – древних городских ворот, и продолжается на Южном городище. С севера и востока Северное городище и Северный мыс ограничены глубоким оврагом, по дну которого бежит ручей Серебрянка, исток которого находится в пределах памятника, в его южной части. И, наконец, третью часть памятника образует большое Южное городище, вокруг которого, с восточной и южной сторон сохранился вал со рвом. К западу от городища, на двух нижних надпойменных террасах берега, располагался городской посад.

Каждая из частей этого археологического памятника имеет свои особенности, вызванные разным временем освоения, их ролью в жизни города, степенью сохранности культурного слоя и его изученности.

Для истории Старой Рязани особое значение имеет Северное городище (рис. 1). Этот участок был освоен с ранних этапов жизни города и, таким образом, его материалы дают наиболее полную картину старорязанских древностей. Укрепления Северного городища были первыми фортификационными сооружениями Старой Рязани, и в них отражены все основные этапы жизни города. Культурный слой Северного городища имеет наибольшую мощность в сравнении с двумя другими частями городища, наилучшую сохранность и стратиграфию. Его изучение имеет первостепенное значение для решения многих вопросов истории Старой Рязани, начиная от времени возникновения города и определения исходных пунктов первопоселенцев, заканчивая датировкой и характером последнего этапа жизни города после Батыева погрома 1237 г.

* Полевые исследования Старорязанского городища проводятся при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ (в 2005 г. проект № 05–01–18040е), Центра «Интеграция», а также Президиума РАН. С 2003 г. поддержку в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» получает проект «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», руководитель проекта А.В. Чернецов.

История изучения Северного городища Старой Рязани насчитывает уже более ста лет. Первые разведочные раскопки в этой части городища были предприняты в 1888 г секретарем Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК) А.В. Селивановым. В 1899–1903 гг. членами РУАК А.И. Черепниным, А.В. Половцевым, В.Н. Крейтоном и И.И. Проходцовым на участке между Спасским и Борисоглебским соборами, на Северном городище, за восточными валами Южного городища было заложено 20 траншей. К сожалению, места работ на Северном городище в 1902 и 1903 гг. можно установить лишь приблизительно: они указаны на плане в дневнике В.А. Городцова 1926 г. (рис. 3). В итоге проведенные членами РУАК археологические раскопки для современных исследований могут рассматриваться лишь как исторический факт. Но несмотря ни на что, заслуга ученых необыкновенно велика – они открыли для науки древности Старой Рязани, сделали предварительные выводы об истории заселения города, заложили основы археологической коллекции памятника.

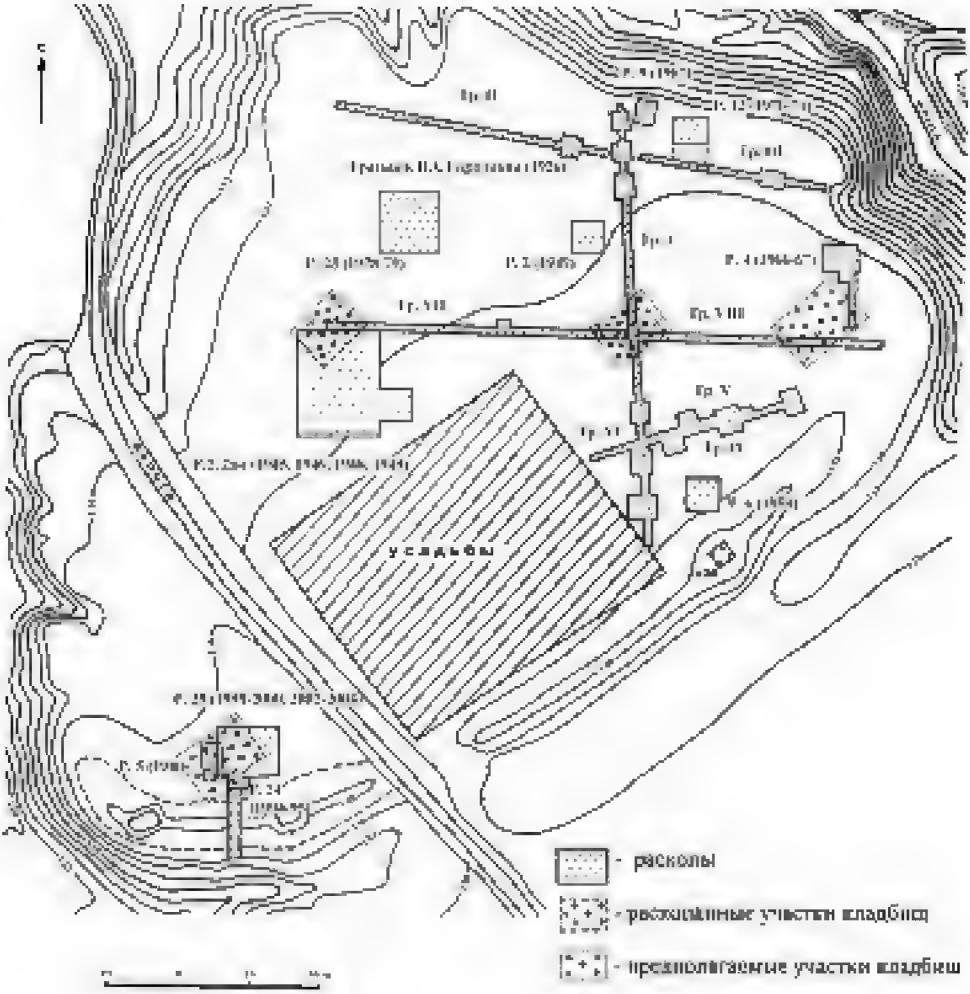


Рис. 1. Северное городище Старой Рязани с указанием мест раскопок

Следующая экспедиция на городище, которую возглавил В.А. Городцов, состоялась лишь в 1926 г. Шурфы и траншеи были заложены на Северном городище, на Северном мысу, на Южном городище вблизи Борисоглебского собора, в южной части городища. На Северном городище (на восточном участке) было заложено 8 траншей шириной 2 м (рис. 3, 4). Траншея 1 длиной 162 м проходила с севера на юг, а остальные были расположены перпендикулярно ей в северной (траншеи № 2 длиной 102 м и № 3 длиной 72 м), центральной (траншеи № 7 длиной 110 м и № 8 длиной 90 м) и южной частях (траншеи № 4–6 длиной 60 м, 40 м и 20 м соответственно) исследуемого участка. Были открыты остатки нескольких средневековых кладбищ, а также 45 развалов печей – остатков жилищ, по мнению автора раскопок. Тринадцать из них были исследованы подробнее: траншея расширялась до квадратов размерами 7×7 м и 8×8 м. При этом вся площадь

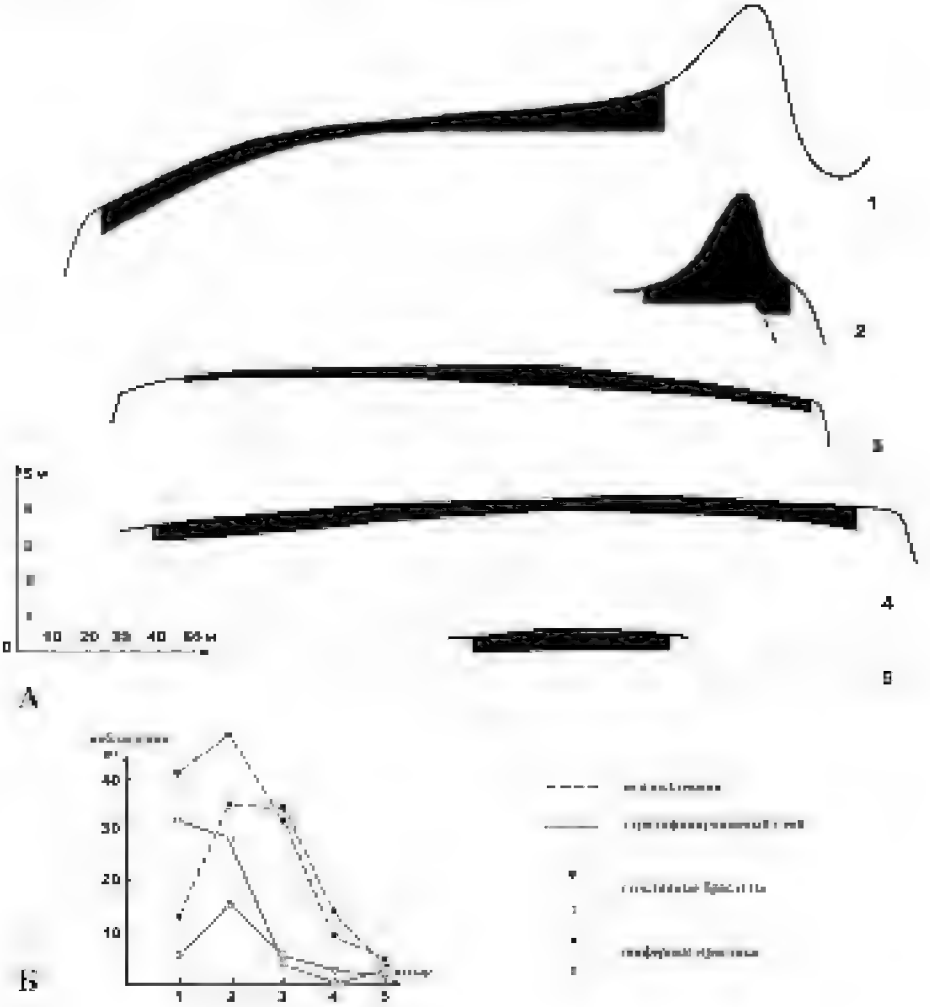


Рис. 2. А. Схема мощности культурного слоя Северного городища Старой Рязани. *Б.* Распределение находок фрагментов стеклянных браслетов и шиферных пряслиц в траншеях 1926 г. на Северном городище

такого участка признавалась жилищем без учета реального расположения ям и деревянных конструкций (рис. 5).

Методика исследований и фиксации материала и особенностей культурного слоя существенно отличалась от предшествующих исследований. Траншеи были разбиты на участки длиной 2 м, пронумерованные с севера на юг (траншея № 1) и с запада на восток (траншеи № 2–8). Культурный слой разбирался послойно (правда, В.А. Городцов специально не указывает, что он понимает под термином «слой», но, судя по анализу количества слоев на том или ином участке с различной мощностью, под слоем подразумевался штык – пласт толщиной 15–30 см). Находки фиксировались по слоям и участкам. Темпы работ не позволили тщательно исследовать все особенности культурного слоя, да и сам список и количество находок свидетельствуют об отсутствии требуемого современными методиками тщательности исследования напластований. В дневнике раскопок помимо

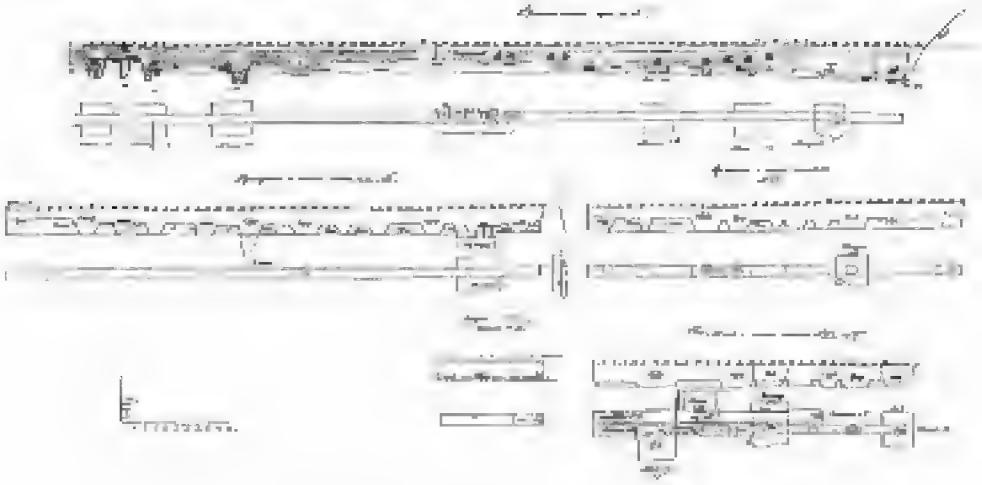


Рис. 3. Северное городище Старой Рязани. Траншеи № 1–6 В.А. Городцова 1926 г. (выкопировка из дневника В.А. Городцова)

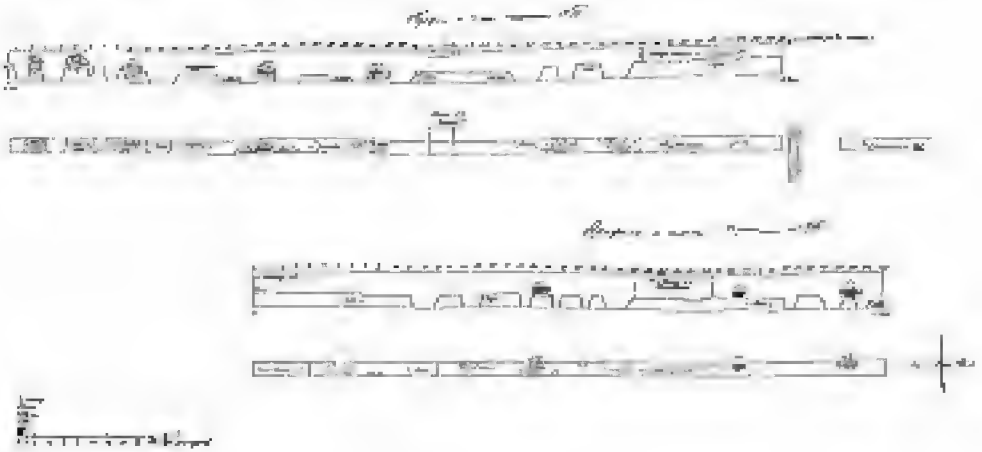


Рис. 4. Северное городище Старой Рязани. Траншеи № 7–8 В.А. Городцова 1926 г. (выкопировка из дневника В.А. Городцова)

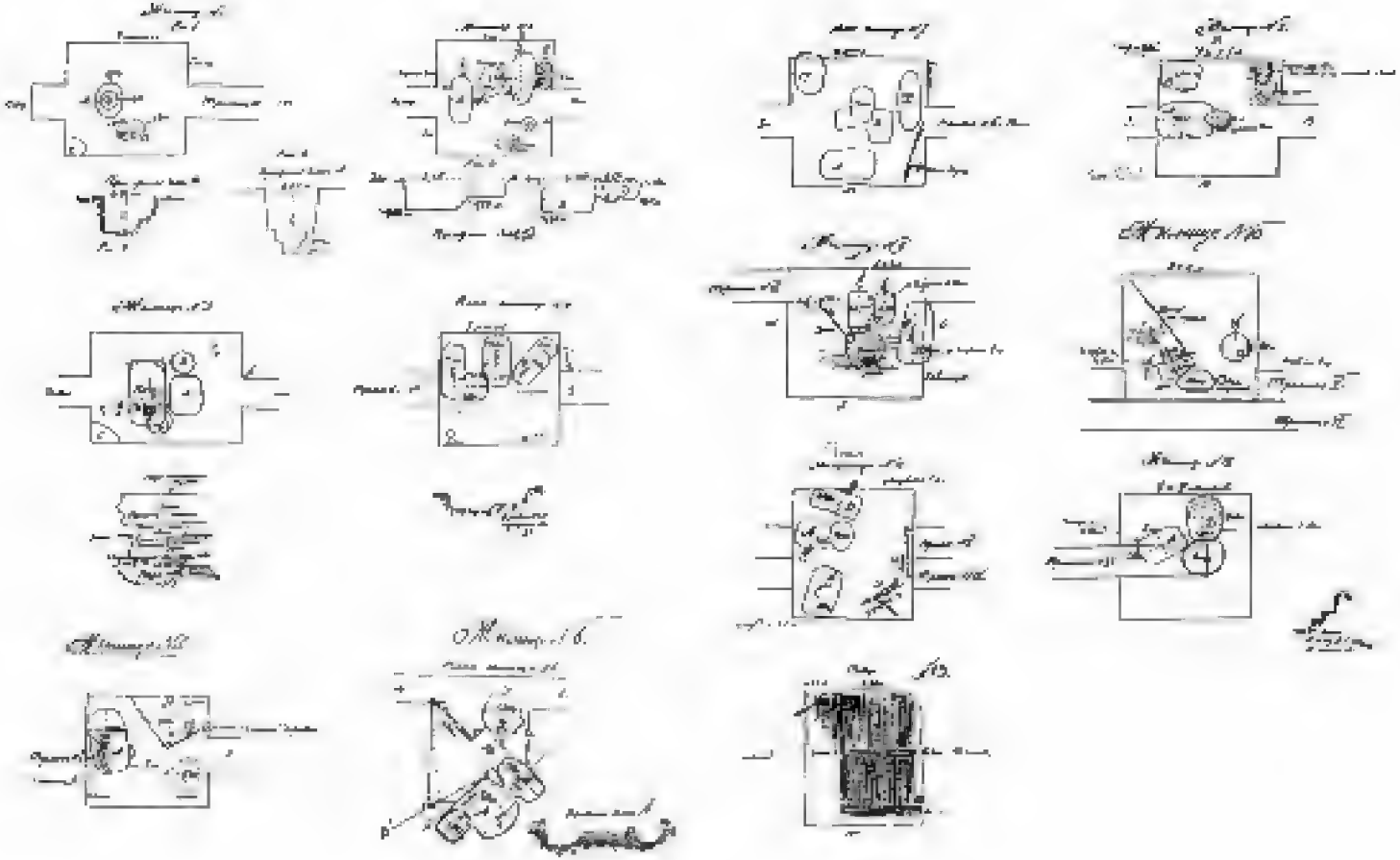


Рис. 5. Планы жилищ № 1–13 траншей 1926 г. (выкопировка из дневника В.А. Городцова)

описей находок помещены авторские наблюдения за стратиграфией культурного слоя, особенностям планировки жилищ и положения погребений.

Следующий этап в исследовании городища наступает в 1945 г., когда начинает работу совместная экспедиция Рязанского музея и Института истории материальной культуры под руководством А.Л. Монгайта. В 1945, 1946, 1948–1950 гг. исследования велись по всей территории памятника, в том числе и на Северном городище. В 1946 г. здесь почти вплотную (4 м на юг) к траншее В.А. Городцова был заложен раскоп № 2, его площадь составила 400 кв.м. В раскопе было открыто кладбище (по мнению А.Л. Монгайта, предположительно XIV–XV вв.) и жилые комплексы. Работа большими площадями позволила уточнить размеры, конструкцию жилищ, способ устройства печей. В 1948–1949 гг. этот раскоп был продолжен к северу, востоку и югу (раскопы 2А-2Г). Общая вскрытая площадь составила 1130 кв. м. Было продолжено исследование средневекового кладбища, дату которого автор раскопок пересмотрел в сторону удревления (конец XII – 1-я половина XIII в.), вскрыты комплексы жилищ, общее число которых на раскопе достигло 23. Были найдены и остатки производственного сооружения – вымостка из сильно обожженного булыжника и несколько сопел, вероятно, металлургический, горн, судя по находкам вблизи него криц.

Кроме большого раскопа в центральной части Северного городища экспедицией А.Л. Монгайта были исследованы участки и в других его частях. В 1946 г. в юго-западной части Северного городища у подножия вала был разбит раскоп 5 площадью 60 кв. м, который дал разнообразный материал древнерусского времени и остатки нескольких жилищ, которые в силу «небольших размеров раскопа и плохой сохранности дерева» интерпретировать не удалось (Монгайт, 1946. С .7). Кроме того, на раскопе было открыто древнерусское кладбище, перекрывшее слои построек. В 1949 г. на Северном городище к северо-востоку от большого раскопа 2, 2А-Г 1946, 1948, 1949 гг. был разбит еще один раскоп (№ 2 1949 г.). И, наконец, в 1950 г. в юго-восточной части Северного городища у подножия вала был исследован раскоп 6 площадью 212 кв. м, на котором был открыт комплекс усадьбы с жилищем и хозяйственными ямами, а также небольшой участок насыпи вала в юго-восточном углу раскопа.

Результатом этого этапа исследований стала монография А.Л. Монгайта «Старая Рязань» (МИА. 1955. № 49), характеризующая историю города, занятия жителей, их жилища, каменное зодчество, оборонительные сооружения. По мнению автора, Северное городище возникло в X в.: в культурном слое были найдены отдельные вещи этого времени (костяная копоушка, подобная найденным на Сарском городище, железная шпора X в., пряжка и наконечник ножен меча того же времени (Монгайт, 1955. С. 19)), две шарообразные сердоликовые бусины (Монгайт, 1955. С. 22), а также многочисленная керамика X в., в том числе и под насыпью вала (Монгайт, 1950. С. 48). Другой вывод А.Л. Монгайта – наличие вятических украшений в материалах городища служит «косвенным доказательством того, что племенем, колонизировавшим в X в. район среднего течения Оки, были вятичи» (Монгайт, 1955. С. 20). «Вещевые находки доказывают, пишет автор, что Северное городище было заселено раньше Южного. Но когда на Южном городище интенсивно развилось строительство, Северное городище не запустело, а оставалось тесно заселенным до конца существования Старой Рязани» (Монгайт, 1955. С. 22). В период расцвета города «Северное городище представляло собой основной ремесленный район города» (Монгайт, 1955. С. 29), и в непосредственной близости от жилищ XII–XIII вв. находились синхронные им кладбища. При этом, как пишет автор, «большая группа погребений, относящаяся к последнему периоду существования кладбища, связана с событиями 1237 г.» (Мон-

гайт,1955. С. 29). Жизнь на Северном городище продолжалась до XIII–XIV вв. – на раскопе № 2 в 1946 г. найдены отдельные ямы с материалами этого времени (жилище № 13) (Монгайт, 1955. С. 22).

После длительного перерыва раскопки под руководством А.Л. Монгайта возобновились в 1966 г. и продолжались до 1979 г. С 1970 г. начальником экспедиции стал В.П. Даркевич. В эти годы достаточно подробно была исследована северная часть восточного участка Северного городища. В 1966 г. были заложен раскоп 4 у кромки обрыва к р. Серебрянке площадью 84 кв. м. В 1967 г. к раскопу № 4 с юга была прирезан участок площадью 92 кв. м и траншея длиной 14 м и шириной 2 м и разбит новый раскоп № 9 у северной оконечности площадки городища площадью 48 кв.м. В результате был выявлен типичный для Северного городища культурный слой с материалами X–XIII вв. и остатками жилищ и подпольных ям. В траншее раскопа № 4 1967 г., кроме того, была исследована часть средневекового кладбища, перекрывавшего более ранний культурный слой. В 1970–1971 гг. к востоку от раскопа № 9 был заложен раскоп 12 площадью 152 кв. м, на котором были исследованы остатки нескольких перекрывавших друг друга наземных жилищ с подпольными ямами и печами довольно хорошей сохранности, которые были опубликованы в статье П.А. Раппопорта и Е.В. Шолоховой «Новые материалы о жилищах Старой Рязани» в 1974 г. (см.: Археология Рязанской земли. М, 1974).

В 1978–1979 гг. в центральной части городища, в 30 м к северу от большого раскопа № 2, 2А-2Г А.Л. Монгайта был заложен раскоп № 23 площадью 400 кв. м, который дал интересные материалы по планировке усадеб Старой Рязани XI–XIII вв. Кроме того, на раскопе были сделаны и наблюдения по структуре, стратиграфии и хронологии культурного слоя Северного городища. Помимо остатков построек древнерусского времени на раскопе были открыты следы интенсивной застройки XVIII–XX вв., существенно повредившие верхние горизонты древнерусского слоя.

Результаты раскопок и их интерпретации обобщены в работе В.П. Даркевича и Г.П. Борисевича «Древняя столица Рязанской земли», вышедшей в свет в 1995 г. В этом фундаментальном труде авторы подводят итоги многолетних работ в Старой Рязани, начиная с 1970 г. и предлагают новый взгляд на историю Старой Рязани. Во-первых, по их мнению, дату возникновения города следует отнести к середине XI в. (Даркевич, Борисевич. С. 24), при этом первопоселенцами Старой Рязани были отнюдь не вятичи, а выходцы из разных земель Древней Руси – от Верхнего Поволжья и Смоленска до Новгорода и Южной Руси (Даркевич, Борисевич. С. 25–26). По иному трактуется и судьба города после Батыева нашествия: «Следы культурного слоя и жилые комплексы в.п. XIII–XV вв. на городище отсутствуют... Вопреки утверждению А.Л. Монгайта, что к XIV в. Рязань уже успела оправиться от разорения, некогда цветущая столица княжества при продолжавшихся набегах татар (в 1278 и 1288 гг.) явно опустела» (Даркевич, Борисевич. С. 431).

В этот же период появились и другие работы, посвященные отдельным вопросам истории Старой Рязани: Г.К. Вагнера «Архитектурные фрагменты Старой Рязани» («Архитектурное наследство», 1963. т. 15); Михайловского «О датировке Успенского собора в Старой Рязани» (там же т.19); М.М. Толмачевой «Технология кузнечного ремесла Старой Рязани» (СА. 1983. № 1); В.П. Даркевича и Т.Х. Стародуб «Иранская керамика из раскопок Старой Рязани» (СА. 1983. № 2); А.А. Медынцевой «Эпиграфические находки из Старой Рязани» (Древности славян и Руси. М, 1988); В.Г. Пуцко «Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в.» (Проблемы изучения древних культур Евразии. М. 1991); М.В. Фехнер

«Текстильные изделия» (В.П. Даркевич «Раскопки В.А.Городцова в Старой Рязани» //Проблемы изучения древних культур Евразии. М, 1991); И.А. Кулешовой «Исследование строительных материалов и живописи Борисоглебского собора Рязани» (Даркевич, Борисевич, 1995); Г.В. Лебединской «Реконструкция лица по черепу из погребения 48 на раскопе 13» (там же); В.П. Фролова «Пережитки языческих верований в Старой Рязани» (Рязанская областная научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов) и др. Потенциал же накопленного материала далеко не исчерпан. И в первую очередь это относится к Северному городищу: из перечисленных работ нет ни одной, посвященной этой части Старой Рязани. Да и в монографии В.П. Даркевича и Г.П. Борисевича не все точки над і были окончательно расставлены.

Новый этап изучения городища начался в 1992 г. с находки клада золотых украшений на раскопе № 7. С 1994 г. в Старой Рязани были возобновлены работы экспедиции Института археологии под руководством А.В. Чернецова. Одной из основных задач стало исследование стратиграфии и хронологии Северного городища. С этой целью на Северном городище в 1994–1995 гг. был предпринят разрез вала. Траншея длиной 25 м и шириной 4 м располагалась в западной части насыпи и прорезала многослойные оборонительные сооружения и примыкающие культурные напластования площадки городища, частично перекрытые разновременными строительными горизонтами. В последующие годы (в 1998–2000 гг., в 2002–2004 гг.) примыкающий к валу участок был расширен (раскоп № 28 площадью 384 кв. м) для детального изучения и синхронизации культурных слоев, открытых на раскопе № 24. В ходе работ раскоп 28 был соединен с раскопом № 5 1946 г., примыкая к нему с востока. Это позволило провести сравнительный анализ результатов работ 1946 г. и последних раскопок, в том числе и интерпретацию средневекового кладбища, часть которого была открыта на раскопе № 28. Результаты исследования вала и примыкающих участков городища были частично опубликованы (см., напр.: Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М, 2003; Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Там же), но полученные в ходе раскопок данные позволяют по-новому взглянуть и на более широкий круг проблем, поставленных предшествующими исследованиями Северного городища. Участок раскопов № 24 и № 28 по-своему уникален. Здесь исследованы три основных элемента структуры средневекового города: укрепления, жилая застройка и некрополь. Кроме того, для данного участка проведен полный статистический анализ массового керамического материала и разработана специальная хронологическая шкала старорязанской керамики XI–XV вв.

В предлагаемой работе сделана попытка на основе новых материалов обобщить сведения о стратиграфии, планировке и хронологии Северного городища Старой Рязани.

Оборонительные сооружения

В настоящее время на Северном городище Старой Рязани сохранились валы и рвы с юго-восточной, напольной стороны. Остатки этих укреплений были частично исследованы в 1950 г. и подробно изучены в 1994–1995 гг. В разрезе вала 1994–1995 гг. под слоем дерна было открыто 14 четко выраженных стратиграфических прослоек насыпи и примыкающих к ним с севера культурных напластований. Их анализ и последующие раскопки на участке, расположенном на площадке городища к северу от разреза (раскоп № 28 1998–2000, 2002–2004 гг.), позволили выделить четыре строительных яруса оборонительных сооружений Север-

ного городища и пять горизонтов культурного слоя жилой площадки (рис. 6).

Первый строительный ярус оборонительных сооружений (рис. 8) объединяет слои желтой глины с примесью гумуса (слои 2 и 4) и представляет собой остатки глинистой насыпи и забутовки городень общей шириной 8 м. Он возник на слое погребенной почвы (слой 1), в котором не встречено материалов древнерусского времени. В прослойке темно-серой супеси, лежащей на материке найдены лишь немногочисленные фрагменты лепной керамики культуры рязано-окских могильников IV–VII вв. (Пользуясь случаем, выражаю благодарность И.Р. Ахмедову за помощь в интерпретации этих материалов). Правда, на раскопе № 28 была открыта тонкая (до 10 см) горелая прослойка, которая не выявлена в насыпи вала и не сохранилась около нее: нижние горизонты культурного слоя были разрушены при строительстве последующих ярусов укреплений. Эта прослойка (горизонт А) содержит исключительно архаичную керамику нескольких типов, среди которой преобладают образцы раннекруговой слабопрофилированной керамики с косо срезанным с торца краем и грубыми примесями дресвы, крупного песка и шамота в тесте (рис. 13). А.Л. Монгайт относит подобную керамику, встреченную им при раскопках Северного городища к X в. (Монгайт, 1955. С. 122). В южнорусских землях такая посуда не выходит за рамки конца X в. (Петрашенко, 1992; Кучера, 1992 – типы 1–4;). Однако, в лесной зоне Древней Руси подобная керамика бытует и позднее, в течение всего XI в. (Олейников, Смирнова – тип 1; Зверуго – тип 2; Смирнова, 1956 – тип 1; Леонтьев, Самойлович – тип 1А; Лапшин – тип 1). Для части венчиков характерны иные особенности оформления верхней части. У них прямая шейка, на многих – край подрезан с двух сторон или отогнут наружу и срезан внутрь. Близкая по форме и способам орнаментации керамика была широко распространена в Западном Побужье в IX–XI вв. (Иов – тип Б). В середине XI в. сходные формы, отличающиеся от побужских наличием разнообразной огранки края, появляются и в Среднем Поднепровье, что связано,

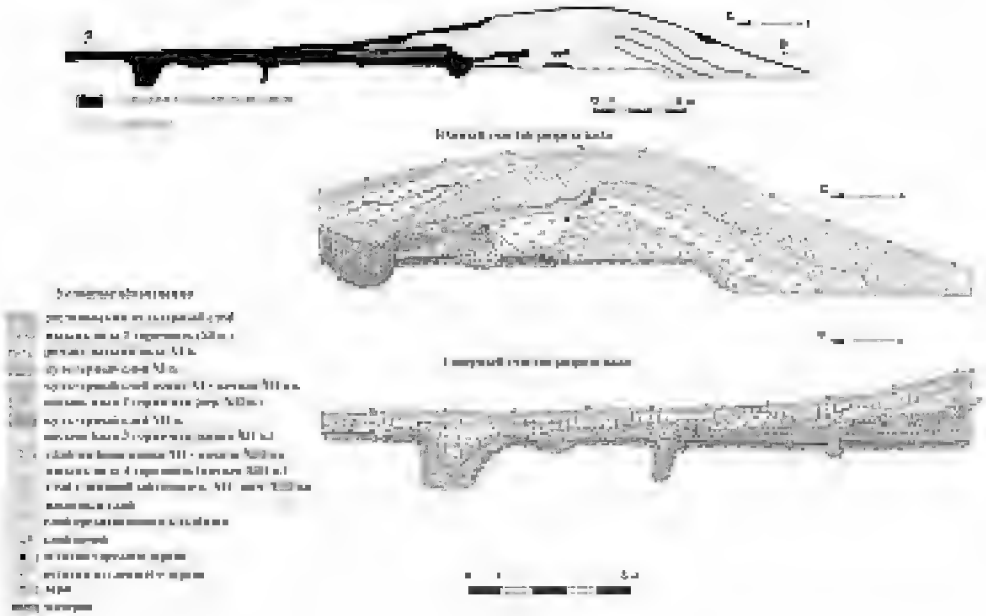


Рис. 6. Юго-западная часть Северного городища. Разрез вала на раскопах № 24 и № 28

по мнению М.П.Кучеры, с появлением польских переселенцев, приведенных Ярославом Мудрым на Рось после похода 1031 г. (Кучера, 1998. С. 162–163). Высокую вертикальную шейку, орнаментированную глубокими врезными линями, как характерный признак западнославянской керамики X–XI вв., отмечают многие исследователи (Кучера, 1961; Кучера,1998; Малевская, 1965; Лысенко, 1985; Abramowicz, 1959. С. 159,160,164).

Иных материалов в этом слое не встречено, но в комплексах ям на раскопе № 28, содержащих аналогичную керамику, найдены отдельные вещи, время бытования которых не выходит за рамки начала XI в. Это обломок костяной составной расчески из ямы 97, а также импортные глазчатые бусы типов, бытовавших в X – начале XI в. из перемешанного слоя (рис. 12). В глинистом слое насыпи были собраны немногочисленные фрагменты керамики того же облика, что и в горелой прослойке нижнего горизонта культурного слоя.

Отсутствие прямой привязки данной прослойки к насыпи вала затрудняют определение ее места в стратиграфии строительных ярусов. Но имеющиеся косвенные данные позволяют высказать предположение о ее сложении после строительства первых оборонительных сооружений. Дело в том, что на некоторых участках площадки городища данная прослойка отделена от погребенной почвы (условно названной «финским слоем») стерильной прослойкой суглинка, по структурному и палинологическому составу сходной с материком. Возможно, сохранившиеся в западинах линзы этого слоя связаны с материковым выбросом при строительстве укреплений. Кроме того, в прослойке фиксируются следы сильного пожара, а деревянные сооружения ранних укреплений также были уничтожены огнем.

С другой стороны, на раскопе № 6 1950 г. под основанием вала была открыта тонкая угольная прослойка на материке с архаичной керамикой, датированной А.Л. Монгайтом X в. (Монгайт, 1955. С. 38). По описанию она совпадает с прослойкой горизонта А в раскопах 1994–2004 гг. Ее присутствие под насыпью вала не позволяет отказаться и от другой гипотезы – о возникновении оборонительных сооружений уже в период существования поселения на Северном городище, хотя ранний слой очень тонок на обоих участках примыкающих к валу и вряд ли формировался долго. Укрепления были, вероятно, возведены одновременно или сразу после возникновения первых жилых построек на площадке городища. Дата строительства первых укреплений Старой Рязани может быть определена как 1-я половина XI в.

Оборонительные сооружения первого яруса представляли собой сложную конструкцию из одного ряда деревянных клетей, открытых на расстоянии 4 м от края площадки. Они состояли из внешней бревенчатой стены, присыпанной с внешней стороны желтой глиной с вкраплениями гумуса (слой 2) с перевязками по краям (в разрезе вала исследованы остатки двух бревен длиной около 1 м, лежащих перпендикулярно внешней стене оборонительных сооружений на расстоянии около 1 м друг от друга; они маркировали участок соединения двух соседних срубов укреплений) и изгороди со стороны площадки городища, которая располагалась на расстоянии 2 м от внешней стены. Она состояла из трех рядов горизонтально лежащих досок, укрепленных вертикальными жердями, Со стороны площадки у забора прослежена неглубокая траншея шириной около 1,5 м и глубиной до 20 см, которая, возможно представляла собой остатки разобранного незабутованного ряда легких городень. Перевязки с внешней стороны, вероятно, были дополнительно усилены вертикальными столбами, не позволявшими разбить связку сруба. Сами срубы были заполнены однородным серо-коричневым суглинком (слой 4). На исследованном участке вала сохранились горелые ос-

татки 6 венцов западного «полусруба» общей высотой более метра, запекшиеся в обгоревшей глине насыпи, и двух венцов восточного высотой около 30 см. Изгородь, державшая засыпку со стороны площадки городища, при пожаре рухнула и оказалась погребенной под слоем глины из забутовки. Судя по расположению рухнувших конструкций, его высота составляла около 2 м.

Своеобразная конструкция ранних оборонительных сооружений Северного городища Старой Рязани не является уникальной. Она находит аналогии в укреплениях славянских городищ верхнего Дона (рис. 7). В частности, подобное сооружение предложено в качестве реконструкции укреплений, например, Малого Боршевского городища (Древнерусское градостроительство X–XV веков. С. 56). Встречена такая конструкция срубов из трех стен в насыпи вала и среди городищ древнерусского времени, таких, например, как Витичев (Древняя Русь. Город, замок, село. С. 38)

После пожара укрепления не были разобраны, а подверглись незначительному ремонту. В слое насыпи с этим ремонтом, вероятно, связана линза желтой глины с гумусом, накрывающая первую насыпь (слой 3). Кроме того, частично была подправлена и осыпь глинистого заполнения срубов, на которой отложился пестрый глинистый слой (слой 5), сходный по составу со слоем 3, но с более мелкими фракциями глины и гумуса.

В период ремонта к северу от вала также отложились напластования, состоявшие из пестрого глинистого слоя с угольками. Однако, если его мощность у городень внутривальных конструкций достигает 60 см, то севернее он становится намного тоньше и местами исчезает совсем. Он содержал также исключительно раннюю керамику, а также несколько датирующих предметов, таких как синий бисер XI в. и шиферное пряслице, начало бытования которых также относится к XI в. (Колчин, 1958. С. 111). Однако, в коллекции этого горизонта (горизонт Б1) помимо архаичных типов горшков, характерных для горизонта А, встречена и иная посуда. Значительную долю в ней составляет т.н. «манжетовидная» керамика (рис. 13). Она традиционно считается общепризнанным элементом южнорусской керамики X в. (Петрашенко, 1992. С. 8) и отчасти XI в. (сильно профилированные формы с широким наплывом и подрезкой нижнего его края) (Петрашенко, 1992. С. 8; Кучера, 1992, рис. 106, 5–11; Моргунов, 1983. С. 74; Моргунов, 1996. С. 14). Севернее, в Верхнем Поднепровье, на территории Белоруссии, этот тип появляется немного позже, в конце X в., и существует до конца XI в. (Поздняков, 1992, тип 4; Зверуго, 1975, тип Ш; Малевская, 1965. С. 87). Среди находок такой керамики лишь единицы полностью соответствуют своим южнорусским аналогам. Они изготовлены из хорошо отмученной глины и имеют классическую форму. Большая часть изготовлена из теста с грубыми примесями, плохо обожжена и более примитивна по форме. Подобные подражания «манжетовидной» керамики Южной Руси X – начала XI в. известны на различных памятниках с близких территорий и датируются XI в.

Названный слой четко отделен от лежащего выше слоя пепельной супеси (слой 6, горизонт Б2) с иными типами керамики, время бытования которых ограничивается серединой XII в (рис. 13). Подобная керамика не встречена в материалах Южного городища, активное заселение которого началось именно в этот период. Типичными для этой керамики являются линейно-волнистый орнамент и орнамент из широких разреженных линий. Однако самым массовым стал декор в виде зубчатого штампа, нанесенного на тулово сосуда колесиком. Он составляет 39% всей орнаментированной керамики типа. Этот орнамент исследователями признается наиболее характерной и яркой чертой керамики Старой Рязани (Монгайт, 1955. С. 125; Мальм, 1959. С. 132; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 213).

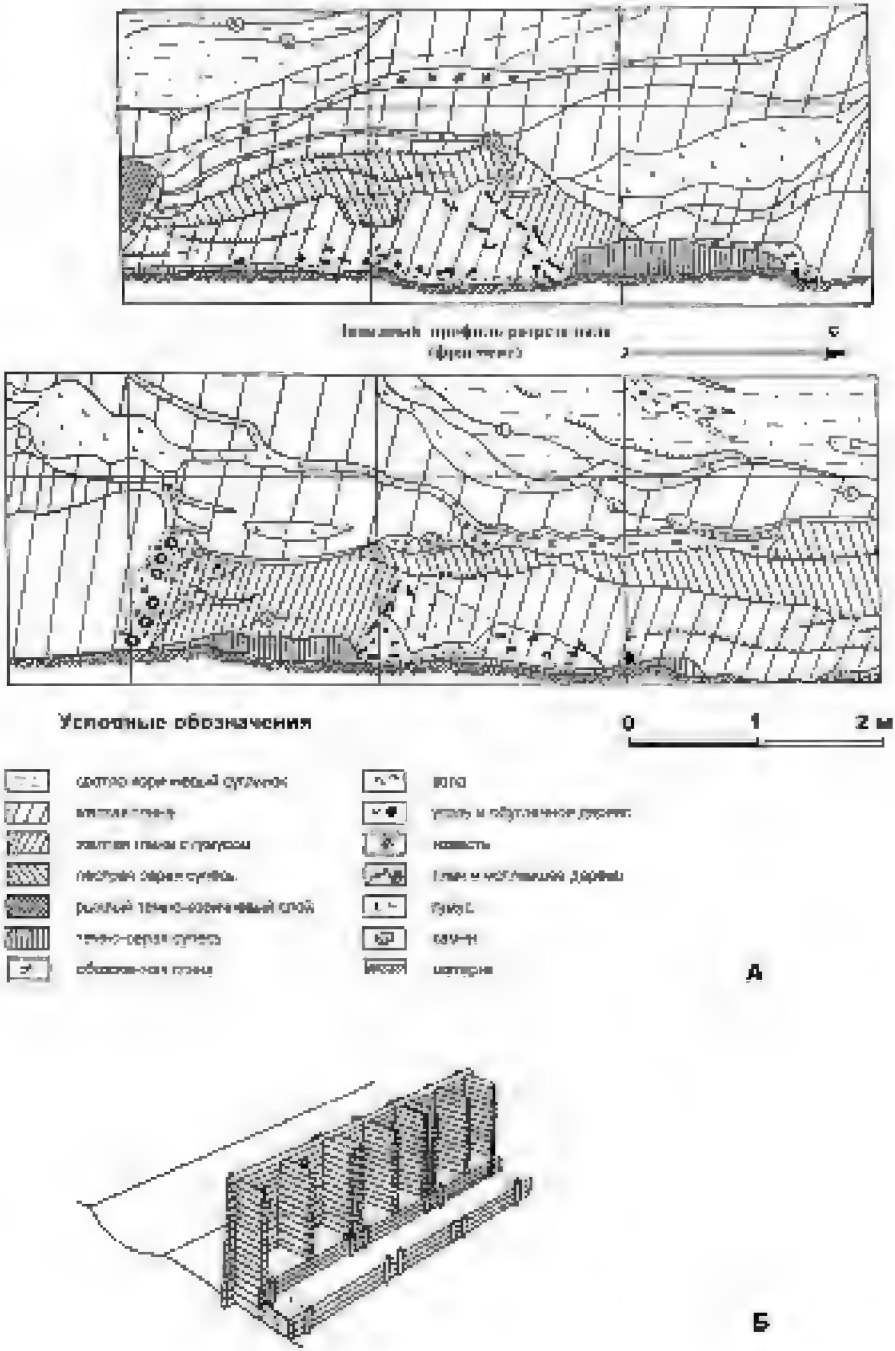


Рис. 7. А. Профили разреза вала на раскопе № 24. Центральная часть; *Б.* Укрепления Малого Боршевского городища X в. (реконструкция Г.В. Борисевича)

Кроме того, в нем найдены такие предметы, как шиферные пряслица, зеленый бисер, фрагмент бронзового браслета, бронзовая булавка, линейнопрорезной бубенчик конца XI–XIII вв. (Древняя Русь. Быт и культура. С. 70), а также несколько фрагментов привозных черноморских амфор, время широкого распространения которых на Руси начинается с XI – начала XII в.

В насыпи вала этот слой перекрывает слои разрушения и ремонта оборонительных сооружений 1 яруса и имеет значительную мощность – до 60 см. Внутри него, у деревянных конструкций вала, прослежено несколько прослоек щепы, что, возможно, отражает еще несколько незначительных ремонтов открытых оборонительных сооружений, не сохранившихся в насыпи. Далее к северу этот слой покрывает всю исследованную площадь площадки городища и несет в себе следы как минимум двух сильных пожаров: в пепельном слое прослежены две зольно-угольные прослойки, исчезающие только в северной части раскопа. На раскопе № 28 этому слою синхронно несколько сооружений. Они содержат материалы конца XI – начала XII в. Однако четкую привязку к названному горизонту, выделенному по его положению между строительными ярусами 1 и 2 удалось проследить только для некоторых из них. Дело в том, что названный слой перекрывает как сооружения горизонтов А и Б1, так и Б2, а глинистая прослойка горизонта Б1 не распространяется на север далее 5–7 м, что затрудняет точную привязку построек. Несомненна принадлежность к горизонту Б2 лишь комплекса жилища с печью в юго-западном углу раскопа 1998 г. Слои жилища лежат непосредственно под глиной 2 яруса оборонительных сооружений. Возможно, на завершающем этапе формирования горизонта Б2 возникло еще одно сооружение – большая яма 22, протянувшаяся с запада на восток на 12 м. Она расположена в 18 м к северу от укреплений вала и прорезала некоторые из ям предшествующего периода. В придонной части яма содержит керамику конца XI – 1-й половины XII в., а вдоль ее стенок отмечено присутствие пепельной супеси, сходной со слоем горизонта Б2. Однако, в заполнении ямы представлены и более поздние типы керамики, что вероятно, позволяет отнести ее функционирование уже к следующему периоду.

Второй строительный ярус вала (рис. 9) лежит на названном слое пепельной супеси и состоит из нескольких глинистых прослоек шириной более 20 м,

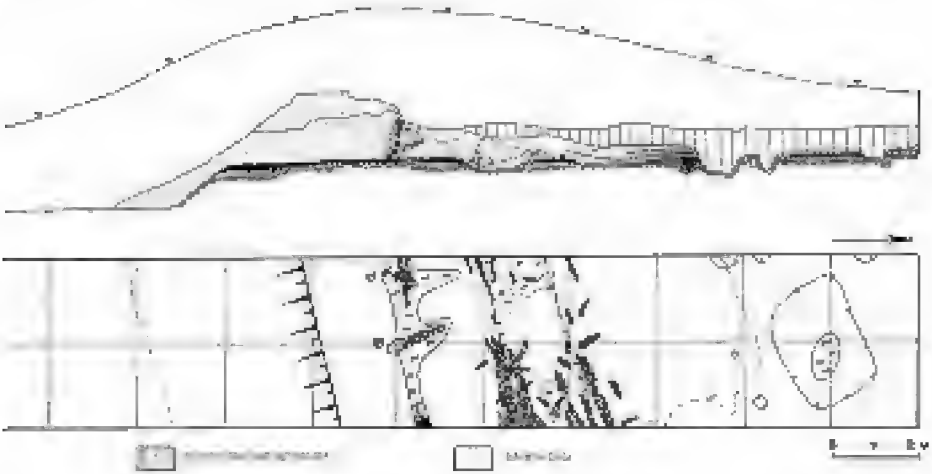


Рис. 8. Разрез вала юго-западной части Северного городища. Насыпь яруса 1 и культурные напластования горизонтов А–Б

в которых открыты остатки истлевших и горелых деревянных конструкций. Судя по их расположению оборонительные сооружения 2-го яруса состояли из двух рядов срубов, от которых сохранились бревна нижних венцов и доски пола. Внешняя линия срубов, ширина которых составляла 2,5 м, сгорела: от нее сохранились горелые остатки продольных и поперечных бревен двух поставленных на расстоянии около полуметра друг от друга срубов. Она располагалась на насыпи раннего вала, поверхность которой была предварительно снивелирована. Вторая линия срубов располагалась на расстоянии 2,5 м от внешней и имела ширину около 3 м. От нее сохранились истлевшие остатки продольных бревен нижнего венца, а также доски пола, также лежавшие вдоль вала. Пространство между срубами также было выровнено, расчищено и частично заглублено перед строительством. После возведения срубов внешняя линия и пространство между ними было засыпано желтой глиной с гумусом (слои 7 и 8). При этом преимущественно в нижней части заполнения прослежены пятна гумуса: первоначально при засыпке брали верхние гумусированные слои грунта, а затем глинистые, материковые. Вторая линия срубов оставалась незасыпанной, и имела дощатый пол. После разрушения оборонительных сооружений пол оказался погребенным под слоем глины из забутовки городень. Этот же слой забутовки частично сполз по склону вала, где в глине слоя 7 фиксируется прослойка погребенного дерна. Она лежит на глубине 10–15 см от верхней границы слоя. К северу от второй линии клетей располагалась углубленная на 30 см траншея шириной около 3 м, в которой у северной стенки также было обнаружено обгоревшее бревно, лежавшее в неглубокой канавке. Возможно, оно является остатками еще одной незабутованной линии городень, связанной с системой оборонительных сооружений. В восточной части разреза в траншее открыта прямоугольная яма 1, к которой с запада примыкали остатки разрушенной печи, состоявшие из обгоревших плашек опечка в глиняной обмазке. Слой печи частично прослежен и в заполнении ямы 2. Таким образом, внутренняя незабутованная линия городень была снабжена отопительными сооружениями и могла использоваться в качестве жилых помещений.

Судя по материалам из подстилающих слоев и глины насыпи вала, оборонительные сооружения были обновлены в 1-й половине XII в. В частности, керамика конца XI – 1-й половины XII в., орнаментированная зубчатым штампом, со-

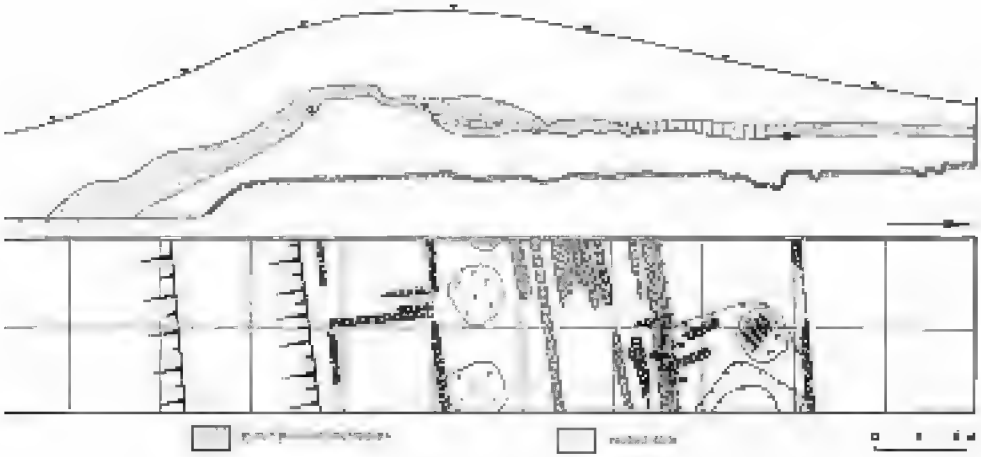


Рис. 9. Разрез вала юго-западной части Северного городища. Насыпь яруса 2 и культурные напластования горизонта В

ставляет более половины коллекции керамики из слоев 2-го яруса вала (рис. 13). Именно в этот период, в 1129 г., после смерти Ярослава Святославича в Муроме, в Рязани появляются собственные князья – Ростислав и Святослав Ярославичи (ПСРЛ. Т. VII. С. 242; Т. IX. С. 156), а середины 40-х годов XII столетия сюда был перенесен и княжеский стол из Мурома. Появлением собственных князей в Рязани объясняется возведение столь грандиозных сооружений, общая глубина конструкций которых составляет около 11 м.

В траншее и яме 2 северной незабутованной внутренней линии срубов за последующий период накопился культурный слой с материалами XII в. (слой 9, горизонт В). Это, прежде всего, керамика характерных форм с сильно профилированным венчиком и округлым валиком на внутренней стороне края. Кроме того, из заполнения траншеи происходят такие предметы, как золотостеклянная бусина XI – начала XII в., а также фрагмент провозной амфоры. Интересной находкой является фрагмент медного браслета с завершениями в форме звериных голов (рис. 13). Подобные изделия бытовали на Руси в XI–XIII вв. (Седова, 1981. С. 112) Сходные материалы на площадке городища не образуют четко выраженного стратиграфического горизонта, но преобладают в заполнении ямы 22, а также в некоторых иных сооружениях, таких, например, как несколько сходных по форме и размерам ям, вытянутых по линии север – юг с отклонением к северо-западу – юго-востоку. Кроме того, к этому же горизонту относятся остатки печи, возведенной у основания насыпи. В ней найдено всего 8 фрагментов венчиков, но 7 из них относятся к типам, бытовавшим в XII в. Она была возведена прямо на глинистом слое 2 яруса вала. Этот слой был использован как под печи, на котором был сооружен деревянный настил и возведена круглая уличная печь.

Третий строительный ярус оборонительных сооружений Северного городища (рис. 10) представлен также несколькими прослойками желтого глинистого слоя (слои 10–12), в которых открыты истлевшие остатки одной линии срубов. От них сохранились бревна четырех венцов внешней стенки и бревна поперечных перегородок длиной до 3 м. От внутренней стенки срубов также сохранились остатки нескольких бревен. Общая ширина этой линии составляла 3,5 м, а к северу от нее была прослежена прослойка угля, тлена и известковой вымостки, перекрывавшие слои второго яруса и горизонта В в траншее. Как и при предшест-

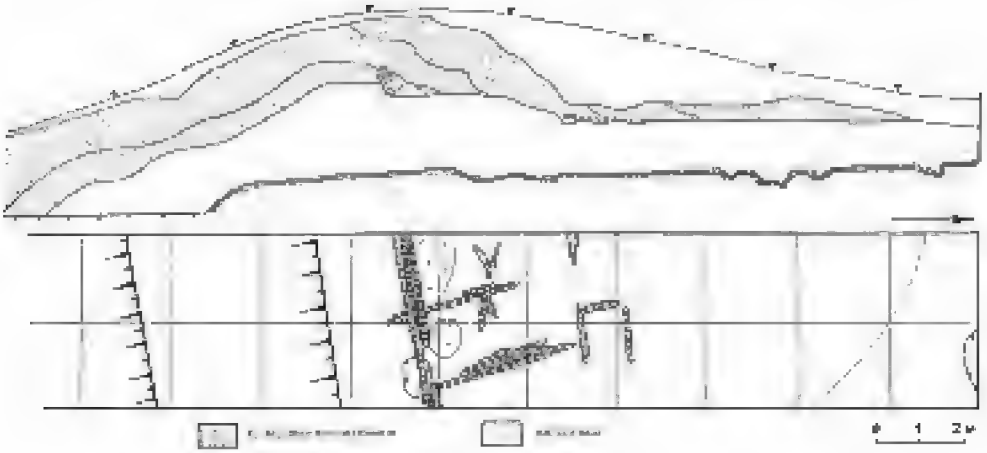


Рис. 10. Разрез вала юго-западной части Северного городища. Насыпь яруса 3

вующем строительстве поверхность насыпи перед началом работ была выровнена и слегка заглублена. Срубы были поставлены на расстоянии около 1 м от внешнего края насыпи 2-го яруса. Здесь выявлена подрезка подстилающего слоя на глубину около 50 см. Как и в слоях 2-го яруса, нижние напластования засыпки сруба состоят из гумусного слоя, а более верхние – из желтого глинистого.

Следы второй линии срубов в разрезе вала не прослежены. Возможно, оборонительные сооружения 3 яруса имели упрощенную конструкцию, хотя ширина забутованных городень по сравнению с предыдущими ярусами увеличилась до 3 м. Однако в самих принципах строительства оборонительных сооружений принципиальных отличий не произошло. Как и на предшествующих этапах они состояли из отдельно поставленных срубов, что фиксируется по расположению перпендикулярных перемычек попарно, на примыкающих краях соседних срубов. Как и в ярусах 1 и 2 в разрезе вала была зафиксирована пара таких перевязок длиной около 3 м на расстоянии около 1 м друг от друга.

В заполнении срубов собрана немногочисленная керамика середины – 2-й половины XII в. При этом керамики, характерной для рубежа XII и XIII столетий в ней нет. Кроме того, в глине найдены фрагменты стеклянного браслета, ключа от цилиндрического замка, шиферное пряслице и другие предметы, датировка которых вполне согласуется с предложенной датой строительства 3-го яруса (рис. 12, 13).

Интересное наблюдение было сделано при исследовании гребня вала. Здесь была открыта небольшая яма овальной формы, стратиграфически связанная с периодом строительства оборонительных сооружений 3 яруса. Она располагалась с внешней стороны городень. В ее заполнении были найдены железная пряжка, два цилиндрических замка и фрагмент ключа XI–XIII вв. По мнению автора раскопок, Ю.Ю. Моргунова, яма с характерными находками связана с особым ритуалом защиты крепости, который проводился в ходе ее строительства.

Как видно из представленного описания, 3-й ярус оборонительных сооружений был проще по конструкции предшествующего. На это указывают и размеры вала 3-го яруса. Если оползни засыпки 2-го строительного яруса удалены от гребня вала на 15–18 м, то слои 3-го яруса распространяются на север лишь на 10–12 м. В этот период, во 2-й половине XII в., возводятся грандиозные сооружения Южного городища. Главная линия обороны города перемещается туда. Укрепления Северного городища, вероятно, были обновлены вскоре после строительства стен Южного и просуществовали до начала XIII в., когда Рязань оказалась в центре бурных событий княжеских усобиц.

Летописи донесли до нас факты из истории Рязани первого десятилетия XIII в. В 1207–1208 гг. разгорается очередная рязано-суздальская война, в ходе которой город был взят Всеволодом Большое Гнездо. После сдачи на милость победителя горожане были выведены за стены, Всеволод «повеле зажещи» укрепления Рязани «за их [рязанцев] непокорьство» (ПСРЛ. Т. 25. С. 107). Однако, на исследованном участке укреплений следов этого пожара не прослежено. Оборонительные сооружения этого участка, скорее, были разобраны.

После восстановления формального суверенитета рязанские князья вновь отстроили город. О существовании укреплений в этот период свидетельствуют летописи: под 1218 г. в статье об усобице рязанских князей помещено известие о неудачной осаде Рязани (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444). Под следующим годом в летописи содержится прямое сообщение об укреплениях города: «Бе же острог утвержден около града крепок тын дубов, а затем два оплота, а межи ими вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из затыния бияхуся» (ПСРЛ. Т. 10. С. 83). О восстановлении города свидетельствуют и следы грандиозных работ на Южном городище, где

слой пожара 1208 г. был снивелирован, присыпан глиной, а на его месте сооружены новые постройки. На Северном городище оборонительные сооружения также были восстановлены.

К сожалению, верхние напластования вала за прошедшие столетия сильно пострадали. От верхнего, ***четвертого, яруса*** укреплений (рис. 11) сохранился только слой коричневого суглинка с остатками истлевших бревен (слой 13). Они прослежены с северной, внутренней, стороны насыпи предшествующего периода, которая, вероятно, была частично подрезана. По крайней мере, нижняя граница 4 яруса фиксируется в виде ровной горизонтальной площадки шириной около 7 м, а само пятно этого слоя заполняет это углубление в насыпи 3 яруса. В ее основании прослежены следы истлевших продольных бревен, лежащих двумя рядами на расстоянии 2 м друг от друга. Иных конструктивных деталей этого строительного яруса выявить не удалось. Возможно, какие-то деревянные конструкции стояли на гребне вала, но их следов не обнаружено. В коричневом суглинке прослежены прослойки тлена, которые, возможно, являются остатками этих конструкций, а сам суглинок – оползшей забутовкой несохранившихся городень. В этом заполнении встречены материалы начала XIII в. – характерная керамика типов 8 и 9 старорязанской классификации, а также немногочисленные находки, дата которых не противоречит времени возведения сооружений (рис. 12, 13). Это фрагменты ножей, ключей от цилиндрических замков, стеклянных браслетов, а также одна поливная плитка пола, найденная у нижней границы слоя коричневого суглинка, подобная многочисленным находкам на раскопе 28 в глиняной забутовке ям XI–XII вв. Такие плитки использовались для мощения полов в древнерусских церквях (Седова, 1991. С. 16; Островский, Павлова, Раппопорт, 1969. С. 337), а датировка, судя по анализу стратиграфии культурного слоя площадки городища, не выходит за рамки конца XII – начала XIII в. Плитка могла попасть в траншею либо в период строительства, после 1208 г., либо в период разрушения (после 1237 г.). Скорее всего, и названный образец, и прочие находки подобных плиток, покрытых желтой, зеленой, коричневой поливой на раскопе № 28 попали в слой после разрушения церкви, что вероятнее всего могло произойти в 1237 г. Это вполне согласуется и со стратиграфией вала: слой коричневого суглинка заполнил остатки незабутованных городень яруса 4, вероятно, уже после

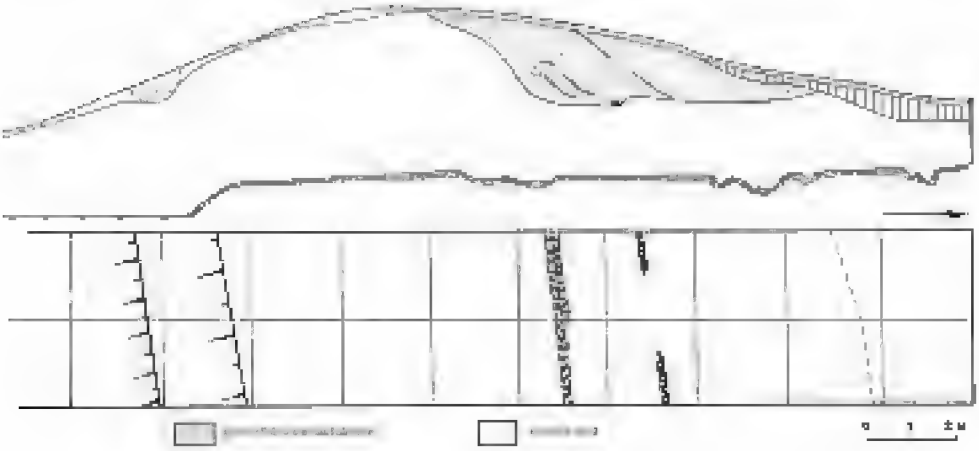


Рис. 11. Разрез вала юго-западной части Северного городища. Насыпь яруса 4 и культурные напластования горизонтов Г-Д

нашествия и разрушения оборонительных сооружений на гребне вала, откуда и сполз названный слой.

Кроме того, с внешней стороны насыпи вала была также прослежена подрезка насыпи, в результате которой на склоне образовалась ступенька–берма шириной около 1 м. В этом углублении были найдены обломки стеклянных браслетов и горшок типа 8 старорязанской классификации, время бытования которого относится к концу XII – началу XIII в.

Названный ярус перекрыт перемешанным пахотным слоем (слой 14), мощность которого к северу от вала достигает 60 см. Он содержит материалы как предшествующего времени – XI–XII вв., так и последующего, вплоть до XIV в. Поскольку между 3-м и 4-м строительными ярусами в насыпи вала культурных напластований не сохранилось, а к северу от вала верхние горизонты культурного слоя перемешаны пахотой, разделение верхних напластований культурного слоя (горизонты Г–Д) затруднительно. Возможно, как и на Южном городище (раскоп № 7) после разорения города в ходе рязано-суздальской войны 1208 г. поверхность участка была частично забутована глиной, следы которой сохранились в верхней части заполнения некоторых ям западной половины раскопа № 28. Однако наиболее вероятная дата отложения глины – 1237 г. Линзы глины включают поливные керамические плитки и керамику рубежа XII–XIII вв. В восточной части глиняной забутовке синхронен слой свалки с большим количеством костей животных, керамики XI–XIII вв., а также с большой концентрацией находок того же времени. В нем найдены обломки привозных причерноморских амфор, стеклянные браслеты и другие разнообразные находки, характеризующие быт и культуру средневекового русского города. Однако, в данной работе нет возможности подробно охарактеризовать комплекс вещевых находок раскопа № 28. Для решения поставленных задач следует лишь упомянуть, что их датировка согласуется со временем строительства верхних ярусов оборонительных сооружений. В частности, пик бытования стеклянных браслетов в Старой Рязани падает именно на период с 70-х годов XII в. до 1-й трети XIII в.

С пахотным слоем связаны несколько углубленных построек на площадке городища, в том числе остатки двух усадеб. При этом одна из них, остатки наземной прямоугольной жилой постройки с печью, примыкает к осыпи вала 4-го яруса, а сама частично прорезает слой глины 2-го строительного яруса вала и перекрыта глиняной забутовкой с фрагментами поливных глиняных плиток и пахотным слоем. В заполнении жилища преобладает керамика XII – начала XIII в., а также встречены отдельные находки с широкой датой бытования (бусы, фрагменты глиняных амфор, стеклянные браслеты, глиняные пряслица, бронзовый бубенчик, фрагмент стеклянного сосуда и др.). Вторая усадьба, расположенная в восточной части раскопа № 28, перекрыта слоем свалки. В нижней части ямы усадьбы найдены предметы конца XII–XIII вв. Это две бусины со спирально-волнистой инкрустацией темного глухого стекла этого времени, бронзовый нательный крестик с трилистными концами и гравированным орнаментом XII – начала XIII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 197) (рис. 12), многочисленные фрагменты амфор, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, стеклянных и поливных привозных сосудов.

Судя по находкам и стратиграфии обе усадьбы относятся к горизонту Г и прекратили существование одновременно, в 1-й трети XIII в. Слои глиняной забутовки с поливными глиняными плитками в западной части раскопа № 28 и свалки в его восточной части маркируют границу между горизонтами Г и Д. Чистых комплексов горизонта Д, относящегося ко времени после Батыева нашествия, на раскопе не выявлено. Косвенно с периодом XIII–XIV вв. можно связать только

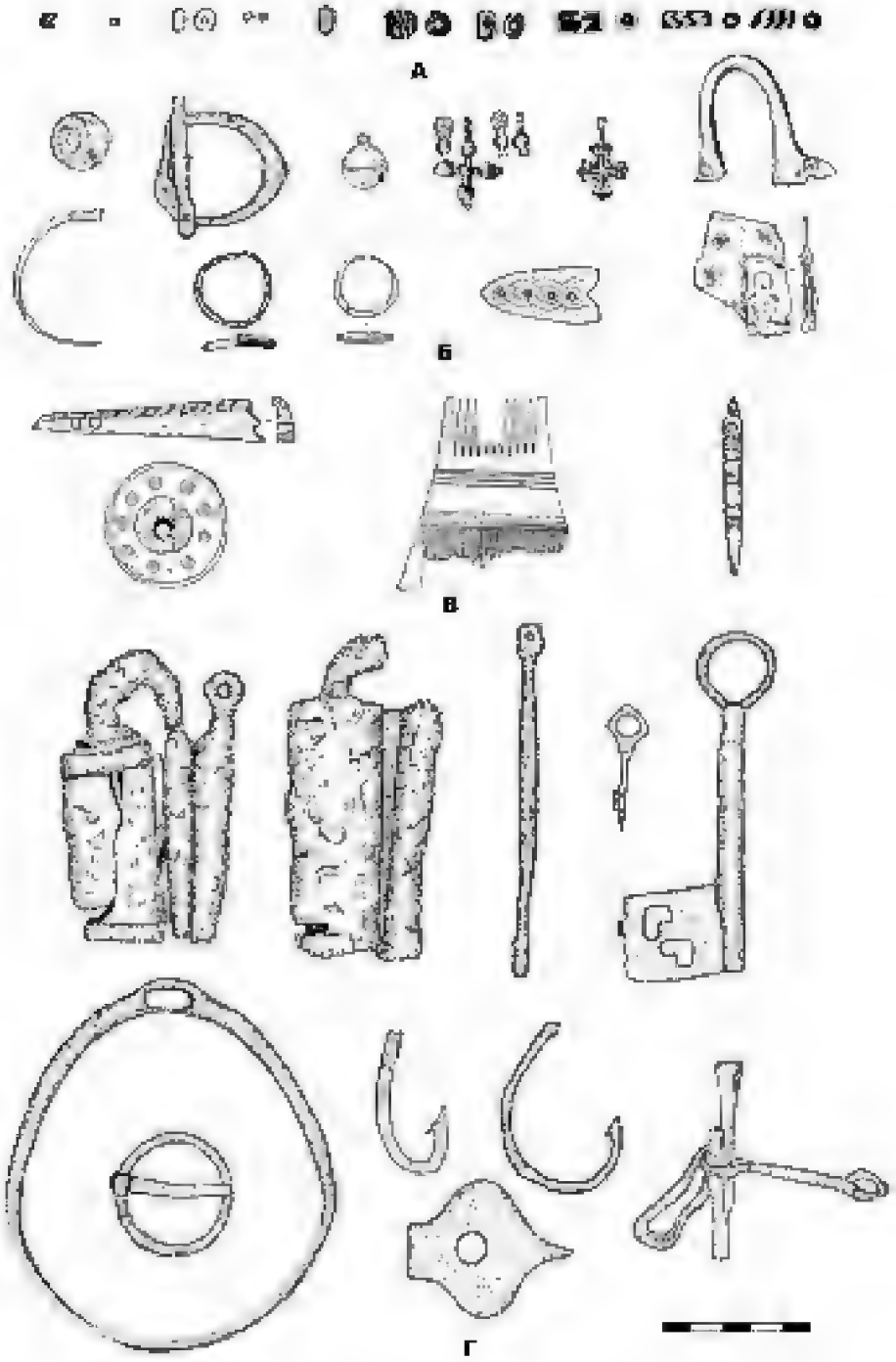


Рис. 12. Комплексы датирующих вещей из насыпи вала и примыкающих культурных напластований раскопов № 24 и № 28

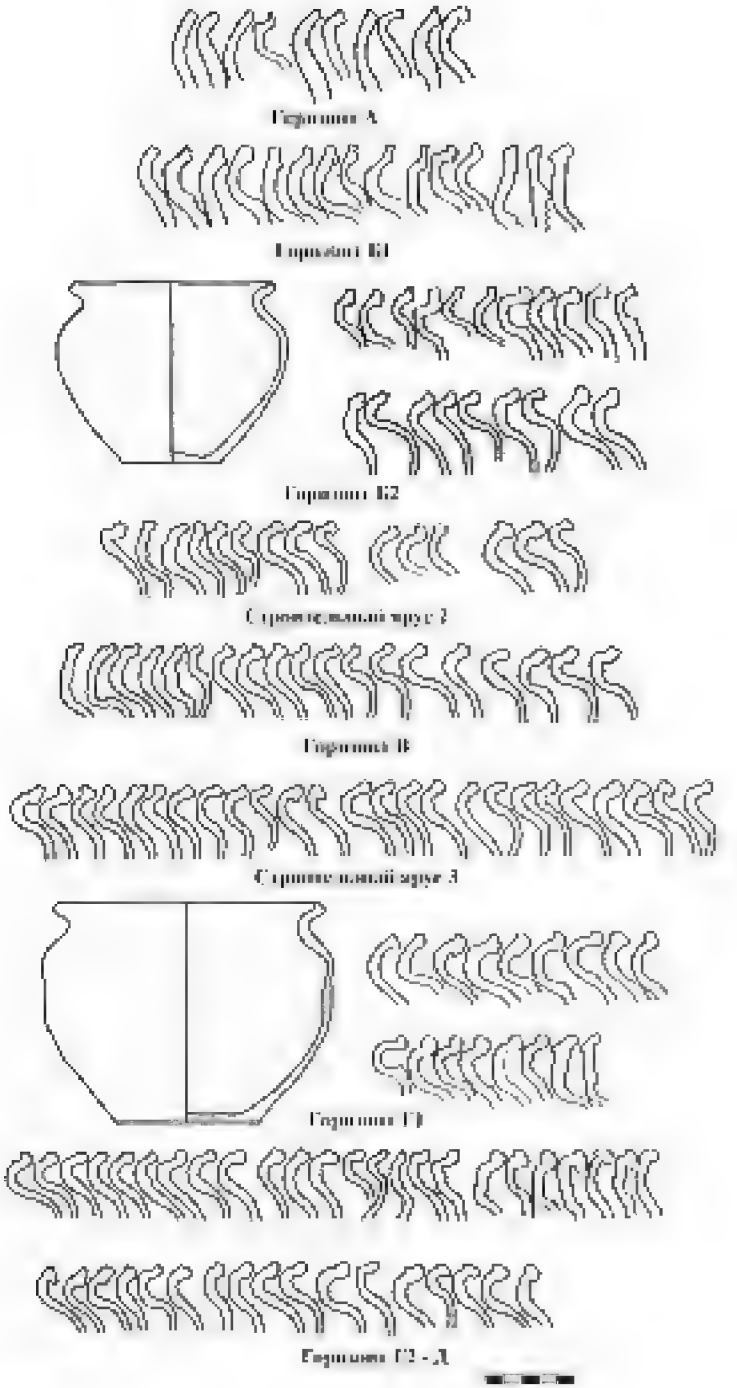


Рис. 13. Керамика ярусов вала и горизонтов культурного слоя Северного городища (по материалам раскопов № 24 и № 28)

две круглые ямы в юго-западной части раскопа, прорезающие слой глиняной забутовки, и прямоугольную яму в северной части раскопа, которая прорезает слой средневекового кладбища, а также некоторые погребения этого кладбища, впущенные в слой глиняной забутовки и слой свалки.

Таким образом, анализ стратиграфии разреза вала Северного городища позволяет предположить следующую последовательность строительных ярусов оборонительных сооружений. В 1-й половине XI в. были построены первые стены города, которые погибли в пожаре вскоре после строительства. После ремонта стены продолжали стоять до 1-й половины XII в., когда в городе появился свой княжеский стол. Местные князья перестроили укрепления, существенно усилив оборонительные сооружения, которые состояли из нескольких рядов клетей: внешняя линия и пространство между первым и вторым рядами были забутованы глиной, две внутренние линии оставались свободными и могли использоваться в качестве жилых построек: в них были открыты остатки печи и припечой ямы. Вскоре князья взялись за постройку стен Южного городища, а на Северном соорудили оборонительные сооружения упрощенной конструкции. Эти работы были завершены во 2-й половине XII в. Укрепления служили городу до 1208 г., когда они были уничтожены по приказу суздальского князя. На их месте вскоре были возведены новые стены, дожившие до Батыева нашествия 1237 г. Данных о последующих ремонтах и реконструкциях оборонительных сооружений в настоящее время не известно.

Сходная картина стратиграфии вала открывается и при анализе материалов раскопа № 6 1950 г. В его юго-восточном углу были исследованы остатки насыпи вала, который, по мнению А.Л. Монгайта, первоначально был насыпан в X в. «При позднейших возобновлениях, пишет автор раскопок, его насыпь была значительно повышена. В XI–XIII вв. часть вала оплыла и перекрыла разрушенные жилища на Северном городище» (Монгайт, 1955. С. 38). Детальный сравнительный анализ позволяет вычленить на этом участке те же 4 строительных яруса, разделенных культурными напластованиями (рис. 7А). Нижняя из прослоек глины, судя по чертежам, соответствует 1-му ярусу. Основание этого древнего вала, по наблюдениям автора раскопок, «лежало на материке с очень тонкой подстилающей прослойкой с керамикой X в.» (Монгайт, 1950. С. 48). На этом глинистом слое отложились культурные напластования XI–XIII вв., после разрушения которых они оказались перекрыты оползнем вала XI–XIII вв. Этот верхний мощный слой состоял из двух частей глины разного цвета, которые автор, считает одновременными (Монгайт, 1955. С. 38). Тем не менее, этот слой соответствует, вероятно, двум верхним ярусам оборонительных сооружений. В раскопе № 24 прослежены такие же отличия по цвету насыпи между 3-м и 4-м ярусами вала: слои 3-го яруса сложены из желтой глины, а 4-го яруса – из коричневого суглинка. Поскольку насыпь в раскопе № 6 1950 г. частично перекрывает горизонт постройки конца XI – начала XII в., она может быть отнесена к XII–XIII вв., что также согласуется с датировками верхних ярусов разреза вала 1994–1995 гг. Глиняные прослойки, соответствующие 2 ярусу, также выявлены в раскопе 1950 г. Хотя автором раскопок в реконструкции они не упоминаются, их следы отчетливо прослеживаются в профиле восточной стенки раскопа в виде глиняных линз в культурном слое, отделяющем нижний и верхний слои насыпи вала.

О существовании укреплений на кромке берега Оки и р. Серебрянки, охватывающих площадку городища с запада, севера и востока, в настоящее время ничего сказать нельзя. Визуально их следы не фиксируются, а раскопками в прибрежной северной части городища (раскопы № 9 1967 и № 12 1970–1971 гг.) следы

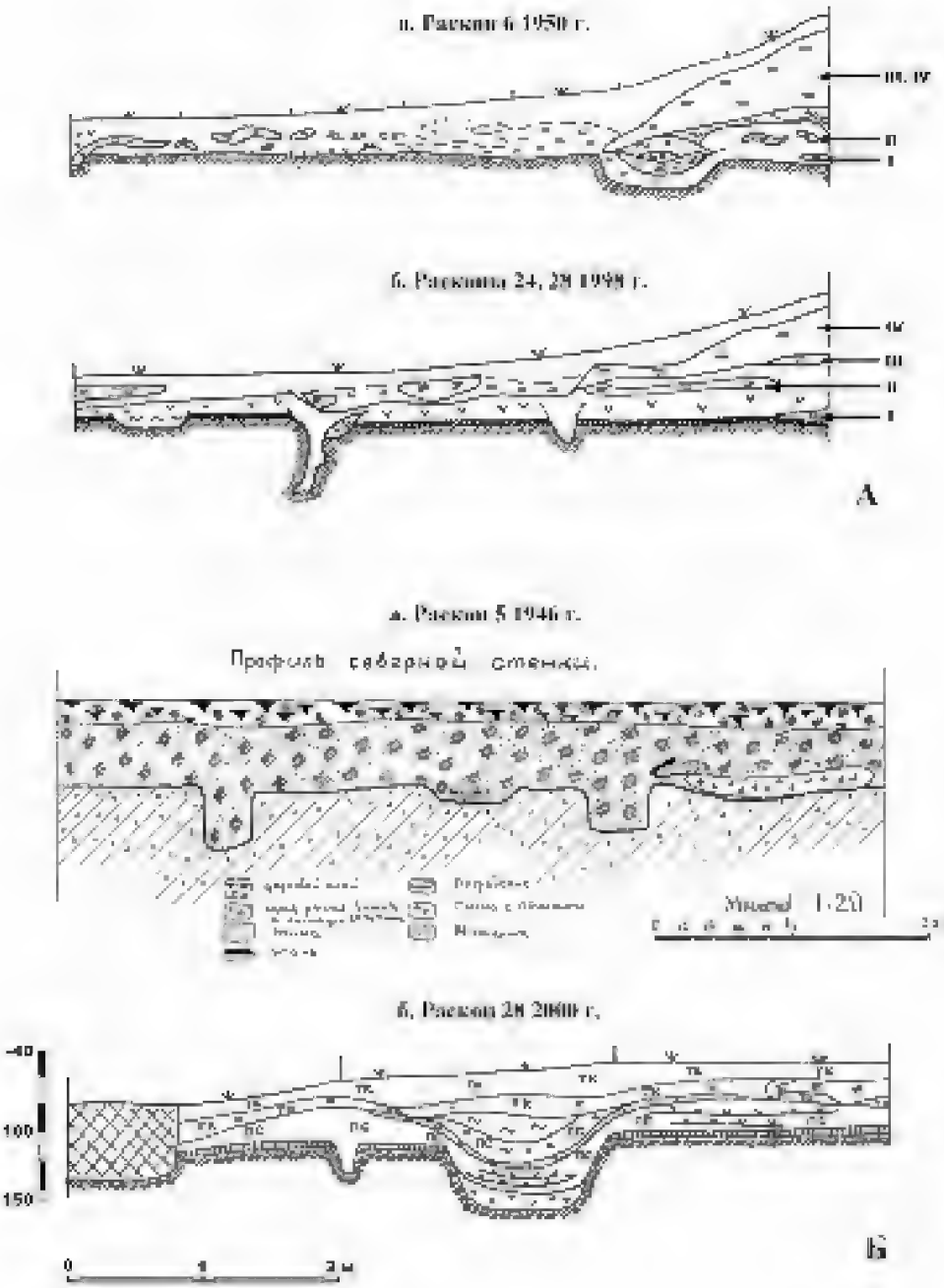


Рис. 14. Сравнительный анализ стратиграфии раскопов Северного городища: *А*. Стратиграфия подножия вала на раскопе 6 1950 г.(*а*) и раскопах № 24, 28 1994–1995, 1998 гг. (*б*); *Б*. Стратиграфия культурного слоя раскопов № 5 1946 г. (*а*) и № 28 2000 г. (*б*)

оборонительных сооружений не выявлены. Вплоть до обрыва берега здесь располагались жилые постройки. Возможно, край площадки со следами укреплений осыпался, но даже при этом оборонительные сооружения здесь вряд ли были мощными. В культурном слое раскопов № 9 и № 12 нет напластований, которые можно было бы связать с забутовкой оборонительных сооружений. Более того, насыпь сохранившегося вала частично заворачивает с напольной стороны к кромке берега как на западе, так и на востоке и постепенно становится ниже вплоть до уровня площадки. Таким образом, визуально фиксируется переход от насыпи вала к кромке берега, что может означать использование иной системы укреплений на берегу, отличной от стен на гребне вала. Для точного ответа на этот вопрос требуются новые исследования.

Жилая застройка

Привязка культурных напластований Северного городища к строительным ярусам оборонительных сооружений позволяет разделить культурный слой и связанные с ним остатки углубленных построек на несколько горизонтов:

– «финский слой» – IV–VII вв.
– горизонт А – 1-я половина XI в.
– горизонт Б1 – 2-я половина XI в.
– горизонт Б2 – конец XI – начало XII в.
– горизонт В – середина – 2-я половина XII в.
– горизонт Г – конец XII – начало XIII в.
– горизонт Д – 2-я половина XIII–XIV в.

Следует отметить, что такая четкая стратиграфия фиксируется только у подножия вала. По мере удаления от него слои становятся все более однородными. Кроме того, следует учитывать и субъективные подходы авторов раскопок при разделении культурного слоя на горизонты. Из-за близости по цвету и структуре, а также нечеткости границ, особенно на участках удаленных от вала, горизонты удается выделить не всегда. Например, в культурном слое раскопа № 5 1946 г. А.Л. Монгайт не фиксирует различий, характеризуя его как однородный серо-коричневый слой с разнообразными примесями, хотя отмечает изменение состава массового керамического материала по мере углубления (Монгайт, 1946. С. 26). Однако, на примыкающих к этому раскопу участках раскопа 28 выделено как минимум три горизонта: пахотный коричневый слой (горизонты В-Д), серо-коричневый слой супеси (горизонты А-Б) и слой погребенной почвы («финский слой») (рис. 7А).

О сложности стратиграфического деления культурного слоя Северного городища Старой Рязани неоднократно писали исследователи памятника, начиная с В.А. Городцова. Подводя итоги работ 1948 г., А.Л. Монгайт сделал заключение, что «продолжение раскопок все более подтверждает создавшееся представление, что Старая Рязань является памятником однослойным и что стратиграфические наблюдения возможны лишь в пределах отдельных объектов (например, наслаивающиеся одно на другое жилища или погребения), но не на целом раскопе» (Монгайт, 1948. С. 13).

Тем не менее, уже простой анализ местоположения некоторых находок позволяет с большим оптимизмом смотреть на возможности стратиграфического изучения культурного слоя на всей площади городища (рис. 2Б). В частности, сравнивая количество находок стеклянных браслетов в «слоях» траншей В.А. Городцова можно заметить их наибольшую концентрацию в верхних штыках. Из 64 экземпляров, происходящих из стратифицированного слоя, в двух верхних (из пяти выделенных) пластах найдено соответственно 31 и 27 фрагментов.

С учетом переотложенных слоев картина меняется несущественно: 119 фрагментов браслетов (из 130) происходят из трех верхних «штыков» (соответственно 41, 47 и 31). Распределение другой достаточно массовой датирующей категории вещей – шиферных пряслиц дает иную картину. Основная масса этих изделий происходит из второго и третьего «штыка» (34 и 33 соответственно из 96 найденных в культурном слое). Время бытования стеклянных браслетов на Руси ограничено 30-ми годами XII – XIV в. (Щапова, 1972. С. 155), а для Старой Рязани они стали массовым изделием лишь в конце XII в. (Щапова, 1974. С. 80–81). В Новгороде пик распространения браслетов падает на начало XIII в., а в середине XIV в. они полностью выходят из употребления (Колчин, 1958. С. 109). Шиферные пряслица известны в материалах древнерусских памятников на протяжении всего периода, но, судя по новгородским древностям, пик их бытования приходится на начало XII в. (Колчин, 1958. С. 111). Это позволяет в целом отнести верхние пласты Северного городища к началу XII – XIII в. (табл. 1), т.е. к горизонтам В–Г. Однако это довольно общие построения, мало что дающие для подробной характеристики горизонтов культурного слоя. В такой ситуации единственным критерием стратиграфического членения культурных напластований остается сравнительное расположение комплексов ям, печей и их датировка.

Условия использования вещевых находок для датировки культурного слоя неоднозначны. С одной стороны, хорошо разработанная типология и хронология древностей средневековой Руси, их сходство на обширных территориях дают широкие возможности для датировок по имеющимся аналогиям. С другой, любая категория вещей в коллекции того или иного памятника, в том числе и Северного городища Старой Рязани, представлена единичными экземплярами и не позволяет надежно датировать тот или иной комплекс культурного слоя.

Исключением из этого правила можно назвать лишь некоторые довольно массовые категории вещей. Это, в первую очередь, стеклянные браслеты и шиферные пряслица, чьи датирующие возможности уже были продемонстрированы выше, а также бусы. Но бусы, в большом количестве встреченные в раннем страрорязанском некрополе, в жилом культурном слое немногочисленны, что даже дало основание Ю.Л. Щаповой высказать предположение об их малозаметной роли в рязанском наборе украшений (Щапова, 1974. С. 81). Малочисленность и, как правило, довольно широкая дата бытования большинства категорий остальных вещей осложняет проблему датировки комплексов даже при использовании возможностей перекрестной хронологии. В такой ситуации индивидуальные находки служат лишь дополнительными хроноиндикаторами, датировки которых могут лишь совпадать или не совпадать с результатами, полученными на основании более представительных источников.

Таким представительным основанием хронологических построений выступает керамика, как наиболее массовый материал, дающий довольно дробную временную шкалу изменения форм, орнаментации и способов ее изготовления. На основании анализа разреза вала и примыкающих культурных напластований раскопа № 28 для старорязанской керамики была разработана классификация, помещенная в отчетах раскопок и частично опубликованная в работах автора этой статьи (Стрикалов, 1996, 1998, 2002, 2003).

К сожалению, в данной работе нет возможности дать ее подробную характеристику. Отмечу лишь, что для каждого из названных горизонтов были выделены наиболее часто встречающиеся типы, своеобразные индикаторы того или иного горизонта (рис. 13). Для горизонта А это тип 1, описанный выше при характеристике 1-го яруса оборонительных сооружений. Для горизонта Б1 – это присутствие «манжетовидных» венчиков, горизонта Б2 – господство керамики

типа 6 с оттянутым вверх краем и преобладанием орнаментации зубчатым колесиком. Горизонты В и Г характеризуются керамикой т.н. «общерусского» типа (тип 8) с валиком на внутренней стороне края. При этом ранние формы имеют более выраженную профилировку, разнообразную орнаментацию и изготовлены преимущественно из красножгущейся глины с примесями мелкого песка. Основным критерием поздних комплексов этого типа является состав глиняного теста, для которого используется теперь почти исключительно белая глина, а также некоторые особенности оформления края и шейки. И, наконец, керамика горизонта Д также имеет свои особенности, такие как преобладание типов 9–11, подробная характеристика и обоснование датировки которых даны в специальной статье (Стрикалов, 2003).

Конечно, данное разделение горизонтов во многом условно, поскольку оно опирается на этапы строительства оборонительных сооружений. Но несомненна и связь, по крайней мере, некоторых из них и с историей застройки городища. Горизонты А и Б отражают «докняжеский» период жизни города. Горизонты В и Г – время расцвета столицы Рязанской земли, горизонт Д – период ее угасания. Объективность такого деления подтверждается и анализом керамики. Именно в середине XII в., т.е. с началом расцвета Рязани как столицы княжества (горизонты В и Г) происходит существенные изменения в гончарном производстве города. Изменяются приемы формообразования, способы орнаментации и, наконец, состав глиняного теста посуды. Некоторые инновации были подготовлены развитием местных традиций, а некоторые – явно привнесены извне, вместе с притоком нового, южнорусского, населения на берега Средней Оки.

В силу указанных причин (хорошо выраженная стратиграфия, подкрепленная статистическим анализом массового керамического материала) опорным участком для изучения культурных слоев городища остается раскоп № 28, примыкающий к разрезу вала. Остановимся на характеристике жилых комплексов этого участка.

Юго-западный участок городища

Раскоп № 28 явился продолжением разреза вала на север. Его длина по линии север – юг составила 22 м. Таким образом, линия разреза вала была продлена в сторону площадки городища и составила 47 м. С запада на восток участок раскопа № 28 имел различные размеры: в южной части они составляли 6 м, а в северной достигли 22 м. На западе он был соединен с раскопом № 5 1945 г. На раскопе исследовано более 100 ям разного назначения, а также остатки 11 печей. С учетом раскопов № 5 1945 г и № 24 1994–95 гг. число остатков печей на этом участке (общая раскопанная площадь – 544 кв. м) увеличивается до 18 (рис. 15). Они концентрируются на трех участках исследованной площади – на западе (на участке раскопа 5 1945 г.; условно названа «усадьбой А»), в центре (усадьба Б) и на востоке (усадьба В) – и в целом охватывают весь период жизни на площадке с XI по XIII в. Сохранился на раскопе и слой, характеризующий предшествующий славянскому освоению период.

Дославянский слой (рис. 16) отчетливо прослежен в юго-западной части раскопа № 28. Именно здесь сохранились наиболее мощные напластования погребенной почвы, подстилающей древнерусские слои. Здесь же сохранились и следы конструкций «финского слоя» – следы частоколов. Столбовые ямки диаметром до 5 см образуют прямоугольные оградки со сторонами около 3 м, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток. Первоначально было высказано предположение о сельскохозяйственном характере освоения участка в дославянскую эпоху: в погребенной почве встречались фрагменты кальцинированных костей и лепной керамики культуры рязано-окских могильников. Однако, после находки

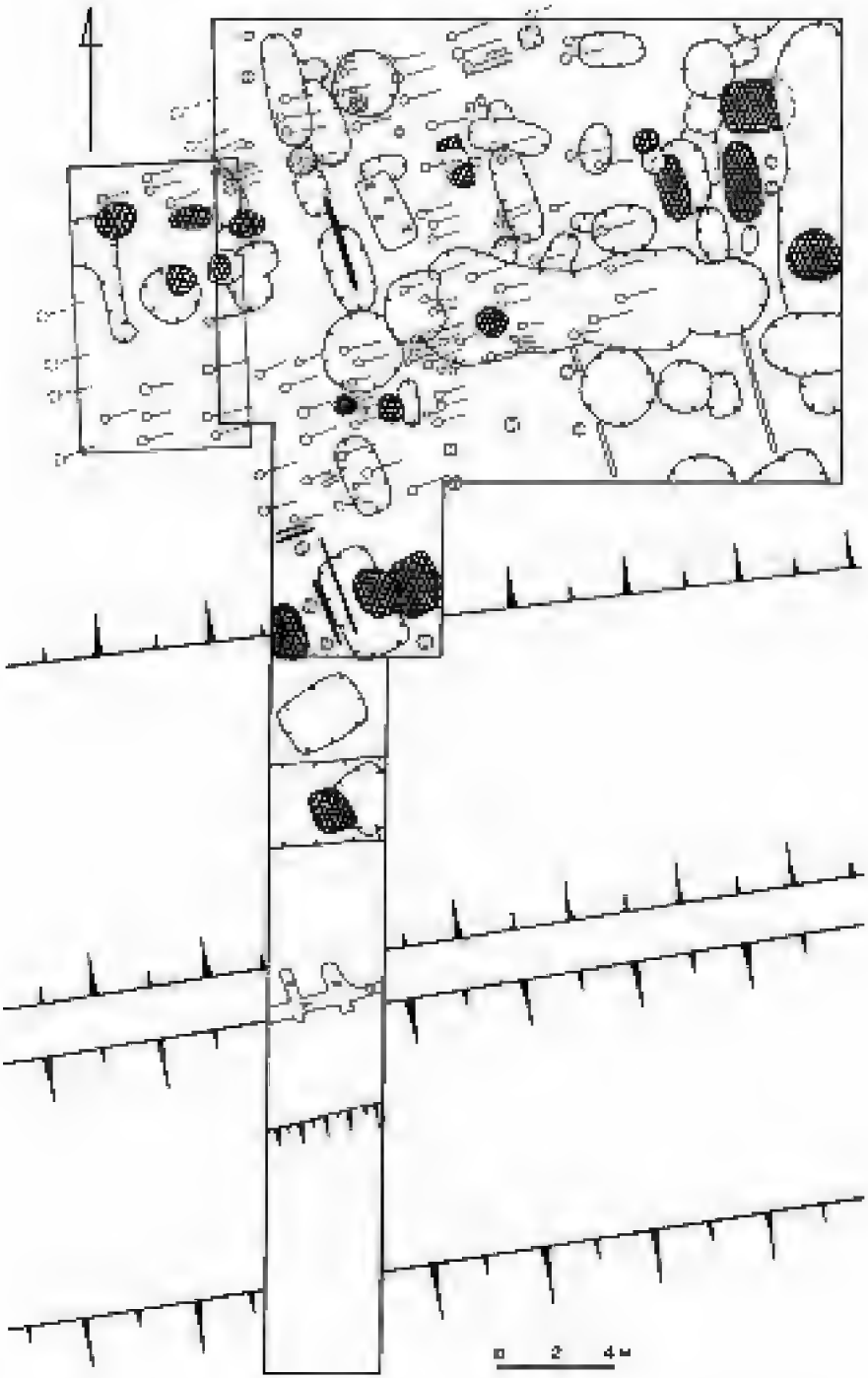


Рис. 15. Юго-западный участок Северного городища. Схема сооружений и кладбища раскопов № 5 1946 г., № 24 1994–1995 гг., № 28 1998–2000, 2002–2004 гг.

урнового захоронения этого времени с остатками кремации (кальцинированные кости, угольки и пережженный бронзовый пластинчатый браслет) на участке 2000 г. (погребение 61 в яме 52) эта гипотеза была пересмотрена. Названный слой, вероятно, следует связывать с могильником рязано-окской культуры IV–VII вв., от которого сохранилось одно неразрушенное погребение. Скопления кальцинированных костей и фрагментов лепной керамики, вероятно, следует признать остатками подобных разрушенных урн с остатками кремации. Все они расположены в пределах сетки частоколов, которые, вероятно, образовывали могильные оградки. Кроме того, с этим горизонтом связаны некоторые находки из верхних напластований. Это, в первую очередь, типично финские бронзовые украшения, такие как фрагменты бронзовых шумящих подвесок с южной части раскопа, билоновый накосник в форме розетки с выпуклыми круглыми лепестками, подобный древностям мордвы V–VII вв. и билоновый ременный наконечник, происходящие с северо-восточного участка, где следов могильника не найдено. Кроме того, с периодом V–VII вв. можно связать и некоторые другие находки, например, зонные бусы из «печеночного» глухого стекла, широко распространенные в культуре рязано-окских могильников. Возможно, к остаткам кремаций можно отнести и некоторые из сильно обгоревших неопределенных бронзовых предметов, найденных в нижних горизонтах культурного слоя.

Сооружения горизонтов А и Б1 XI в. (рис. 17), перекрывшие дославянский «финский» слой, на основании стратиграфических наблюдений могут быть разделены только в южной части раскопа. На остальных участках границы между горизонтами А и Б размываются. Не всегда достаточно данных и для их разделения по собранному археологическому материалу. Часть ранних комплексов четко связывается воедино ямой 22, о которой уже упоминалось выше. Эта большая яма 1-й половины – середины XII в. прорезает пять более ранних ям. В связи с этим комплексы горизонтов А и Б рассмотрены совместно.

Эти сооружения расположены на всей площади раскопа № 28. В его западной части (усадьба Б) к этому периоду относятся остатки трех печей и связанных с ними зольных ям, а также несколько ям хозяйственного назначения. Самая ранняя печь расположена в южной части участка раскопа 2000 г. Она сохранилась в виде двух пятен прокаленной глины, одно из которых являлось подом печи, а второе – разрушенным сводом. Под располагался на краю овальной зольной ямы 30, в заполнении которой встречена керамика, характеризующая горизонты А и Б1. Сходные материалы встречены и в нижней части заполнения большой ямы к северу от комплекса печи (№ 21а), а также в почти полностью разрушенной яме 18 к югу от печи и частично разрушенных ямах 24–26 к востоку от нее.

Второй ранний жилой комплекс усадьбы располагался на участке раскопа № 24 (прямоугольная яма 2 с разрушенной печью и остатками горелых деревянных стенок) и был перекрыт насыпью вала 2-го яруса, а также слоями горизонта Б2. В нижней части яма содержит архаичную керамику, характерную для горизонтов А и Б1.

Третья печь этого участка исследована частично. Слои сгоревшего жилища, ориентированного по линии север – юг с небольшим отклонением к северо-западу – юго-востоку прослежены в юго-западном углу раскопа в виде прямоугольного пятна, оконтуренного прослойкой угля с севера и востока. В южной части жилища исследованы остатки прямоугольной глинобитной печи с округлой подпечной ямой (яма 4), расположенные в 8 м к югу от первой печи и в 2 м к северу от второй. По своему положению непосредственно под насыпью 2-го яруса вала и над прослойками горизонтов А и Б1 это жилище относится к горизонту Б2 и датируется концом XI – началом XII в.

В восточной части раскопа открыты комплексы трех печей усадьбы В горизонтов А и Б. Они концентрируются в северо-восточном углу раскопа. Их взаимное расположение фиксируется достаточно четко. Остатки наиболее ранней печи представляли собой пятно прокаленной глины с золой, оконтуренное с севера и запада обгорелыми плашками наземной конструкции жилища. Под слоем печи сохранились следы столбиков опечка. Они образовывали ряд длиной около 2 м с северной стороны комплекса. С этой печью была связана яма 97, в заполнении которой найдена характерная керамика ранних типов, а также фрагмент составной костяной расчески X – начала XI в. Вероятно, с этим же комплексом связана и находка зонной «треугольной» бусины красно-коричневого цвета с желто-зелеными выступающими глазками под слоем третьей печи этой усадьбы (см. ниже). По определению И.Н. Кузиной (выражаю глубокую признательность И.Н. Кузиной за помощь) время бытования таких бус не выходит за рамки XI в.

Комплекс печи и яма 97 с юга были частично разрушены при строительстве печи следующего горизонта. От этой печи сохранилось большое овальное пятно прокаленной глины и обгоревшие остатки деревянного настила к югу от нее. Под печью и к югу от нее под деревянным настилом выявлены три зольные ямы с керамикой тех же типов, что и в горизонте первой печи. Однако, здесь же присутствуют и фрагменты манжетовидных венчиков, маркирующих горизонт Б1. К этому комплексу относится и ямы 63 и 64а, большая часть которых была разрушена постройками конца XII – начала XIII в. В яме 63 найдены желтая стеклянная зонная узкая непрозрачная бусина, пропорций 1:2, что характерно для подобных изделий X–XI вв. (Фехнер, 1959. С. 171; Колчин, 1958. С. 104), рубленый бисер «печеночного» стекла X–XI вв., а также фрагменты тех же сосудов, которые найдены в заполнении подпечной ямы 65.

Третья печь располагалась в 2 м к западу от названного комплекса и сохранилась в виде остатков слоя печины, рухнувших в большую зольную яму 55, располагавшуюся к востоку от нее. Из средних (по стратиграфическому положению) прослоек ямы происходят три стеклянные бусины из глухого темного стекла со спирально-волнистой гладкой инкрустацией белого цвета, имеющие широкую дату с конца XI до середины XIV в. (Щапова, 1955. С. 164), но максимум бытования и разнообразия которых падает на 30-е гг – конец XII в. (Щапова, 1972. С. 91). В заполнении этой ямы обнаружены также остатки нескольких развалов горшков с манжетовидным венчиком поздних разновидностей, характерным, судя по южнорусским материалам, для конца XI – начала XII в. Кроме того, все сосуды изготовлены из слабоожелезненной и неожелезненной глины с грубыми примесями, что также отличает данный тип керамики на позднем этапе. Сходная керамика была также найдена в яме 54, расположенной в 6 м к югу от остатков печи. Это позволяет связать их в единый хронологический комплекс. Следует отметить, что подобная керамика нигде больше на территории раскопа не встречается. Вероятно, она является единовременным набором посуды обитателей этой усадьбы.

Что касается участка раскопа № 5 1945 г., то на нем были исследованы остатки 4 (5?) печей, датированных автором XI–XIII вв. Не имея возможности определить их принадлежность к тому или иному горизонту более точно, можно лишь отметить, что все они перекрыты городским кладбищем, которое, как будет показано ниже, существовало здесь со 2-й половины XII в. Таким образом, комплекс усадьбы А существовал здесь в течение XI – 1-й половины XII в. При этом, как кажется, самыми ранними жилыми комплексами следует признать остатки двух печей в юго-западной части раскопа, которые открыты в предматериковом пласте.

Как уже отмечалось, названные сооружения перекрыты и частично разрушены большой ямой 22, время существования которой относится к 1-й половине – середине XII в. Ее нижний придонный слой характеризует керамика, украшенная зубчатым штампом, маркирующая горизонт Б2. Однако, в коллекции керамики нижних горизонтов ямы значительную долю составляют и образцы более позднего времени, характерные для горизонта В. Вероятно, время появления ямы 22 следует отнести ко времени строительства оборонительных сооружений 2-го яруса.

Если на предшествующих этапах достаточно четко фиксируются три жилых участка на раскопе, соответствующие, вероятно, трем усадьбам А, Б и В, то при строительстве 2-го яруса укреплений примыкающий к валу участок был освобожден от жилой застройки, деление на усадьбы было нарушено (рис. 18). Конструкция ямы позволяет назвать ее частью сложного сооружения. В заполнении прослежено два слоя тлена – пола ямы и ее деревянного перекрытия, а на участках, где в полу ямы открыты дополнительные углубления-ямы (таковых открыто 3) присутствует и третий слой тлена – пол этих углублений. Одно из углублений, расположенное в юго-западном углу постройки, заполнено золой. На дне ямы около зольника прослежена овальная площадка из уплотненной глины. Возможно, это остатки отопительного сооружения. Таким образом, сооружение было оборудовано двумя перекрытиями и имело не менее трех ярусов (в том числе два углубленных в землю).

К периоду, близкому ко времени сооружения ямы 22 относятся и некоторые другие ямы на раскопе, а также остатки нескольких печей. Это уже упомянутая печь на подошве вала 2-го яруса в южной части раскопа № 28, а также две печи к северу от ямы 22. Одна из них располагалась в восточной части раскопа, частично перекрывая последний комплекс усадьбы В (яму 55). От нее сохранилась часть основания, пятно печины от разрушенного свода и зольная яма 82 к востоку от него. Третья печь расположена в 7 м западнее. От нее также сохранились фрагменты пода, прорезанные более поздним погребением, и пятно печины, оставшееся от разрушенного свода. Возможно, остатками печи является и глиняная линза с прямоугольной зольной ямой 61 в южной части раскопа на участке 2003 г. В ней также собрана керамика XII в. Тогда же существовала постройка с отопительным сооружением и в незабутованной клети оборонительных сооружений.

К этому горизонту, судя по керамике, относятся также несколько сходных по конструкции и расположению ям (№ 3, 23, 36, 38, 62, 85, 87, 90, 93). Они ориентированы по линии север – юг с отклонением к северо-западу – юго-востоку и имеют сходную вытянутую форму и заполнение. В заполнении встречены остатки печины и золы, а среди керамики преобладают типы середины XII в. Этой датировке не противоречат и немногочисленные предметы из заполнения одной из них. В яме 3, исследованной в 1998 г. были найдены дужка и фрагмент стенки бронзового котла, бронзовое кольцо, два обломка стеклянных бусин – ягодовидной из фиолетового глухого стекла XI – начала XII в. и зеленой биконической узкой того же времени, рубленый бисер глухого «печеночного» стекла X–XI вв., фрагмент бронзового крестика с шариками на концах, характерный для XI – 1-й половины XII в. и костяная книжная застежка.

Примечательно, что все эти ямы расположены на трех осях, ориентированных как и сами ямы и удаленных друг от друга на 5–6 м, а синхронные им печи лежат на участках, ограниченных этими осями. Исходя из этого гипотетически к горизонту В можно отнести и расположенную в западной части раскопа 1945 г. яму 2, которая имеет сходные форму, размеры и ориентировку с ямами горизон-

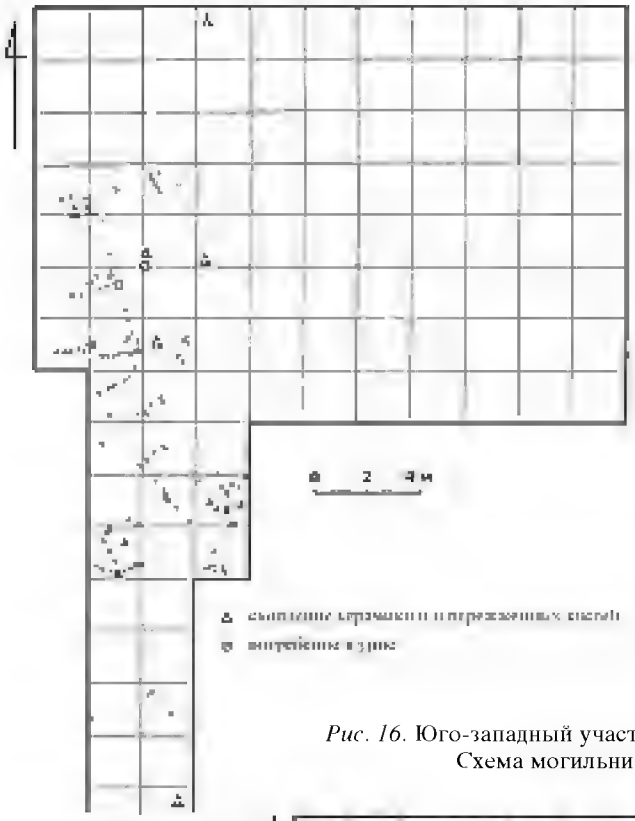


Рис. 16. Юго-западный участок Северного городища. Схема могильника IV–VII вв.

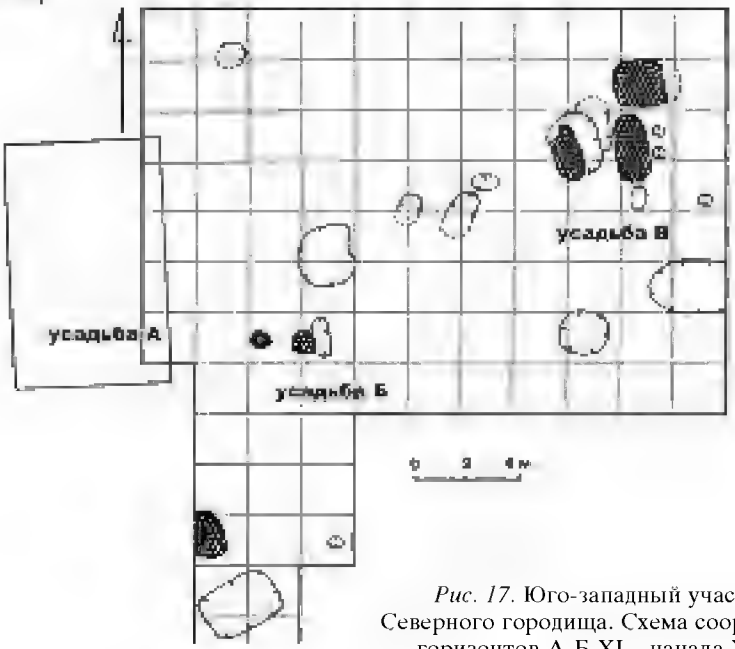


Рис. 17. Юго-западный участок Северного городища. Схема сооружений горизонтов А-Б XI – начала XII в.

та В раскопа 28. Судя по всему с ней связаны и остатки печи, открытые у восточной оконечности ямы в пластах 1–2. Синхронную керамику горизонта В содержат и несколько округлых ям, расположенных на тех же осях участка (№ 17, 21б, 52, 53, 84, 88). Вероятно, с этими же конструкциями связаны и две канавки частоколов в южной части раскопа № 28, протянувшиеся по линии тех же осей. Несомненно, что эта застройка не имела ничего общего с предшествующими усадьбами участка, а ее «регулярная» планировка наводит на мысль о специальном плане переустройства площадки у подножия вала.

Новый этап активной застройки участка начался уже на рубеже XII–XIII вв. (рис. 19). Находки и керамика этого времени наиболее многочисленны на раскопе. В этот период в восточной части участка существовала большая усадьба бронзолитейщика (усадьба В). Здесь открыт подпол большого наземного жилища, протянувшийся с севера на юг на 11 м с остатками истлевшего и частично обгоревшего пола, рухнувшей печи и глиняного перекрытия или обмазки стен в углистом слое (яма 64), а также несколько хозяйственных и производственных ям (№ 58–60, 94). Датировку комплекса подтверждают находки керамики конца XII – начала XIII в., а также некоторые находки из придонного заполнения ямы 64. Это две бусины со спирально-волнистой инкрустацией темного глухого стекла конца XII – XIII в. и бронзовый нательный крестик с трилистными концами и гравированным орнаментом конца XII – начала XIII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 197). Кроме того, в заполнении всех перечисленных ям встречены фрагменты амфор, стеклянных браслетов и другие многочисленные находки, в том числе и указывающие на характер занятий владельца усадьбы. Это многочисленные фрагменты тиглей, обрезки медных пластин и проволоки, а также два бронзовых литника Судя по концентрации фрагментов тиглей и бронзовых выплесков производственное сооружение располагалось в южной части усадьбы у подошвы вала и включало в себя прямоугольную яму 58 с прослойками угля и шлака и овальную хозяйственную яму 59 с перемешанным глинистым заполнением.

В южной части раскопа западнее усадьбы бронзолитейщика также существовала постройка – наземный дом с остатками печи, прорезавший печь горизонта В. От постройки сохранилась прямоугольная яма размерами 4×2 м заглубленная в более ранние слои на 10–20 см, с горелыми плашками и прослойкой угля по контуру, а также остатки двух столбовых ям к западу от жилища от примыкавшего к срубу навеса. В целом размеры сооружения составляли 5×4 м.

В северо-восточной части раскопа № 28 иных сооружений этого времени не встречено: здесь в тот период возникло кладбище.

Таким образом, участок площадки городища был плотно застроен начиная с XI в. В «докняжеский» период, соответствующий отложениям горизонтов А и Б, здесь располагались три усадьбы, участки которых были вытянуты с севера на юг, к подножию вала. Каждая из усадеб претерпела несколько значительных перестроек, но до начала XII в. само их расположение оставалось неизменным. При этом на усадьбах Б и В исследовано три горизонта построек этого периода. Не менее двух этапов застройки фиксируется и на усадьбе А. Если учесть тот факт, что в течение XI – начала XII столетия здесь фиксируется как минимум три пожара (первый, разрушивший укрепления 1-го яруса и два последующих, обозначенных прослойками угля в горизонте Б2), такая частота перестроек находит логичное объяснение: три пожара и стали причиной гибели трех горизонтов жилых построек. Позднее участок подвергся кардинальной перепланировке. На их месте возникла большая постройка с комплексом сопутствующих сооружений. Судя по размерам всего комплекса, занимавшего весь раскопанный участок, он мог носить общественный характер, назначение которого каким-то образом было

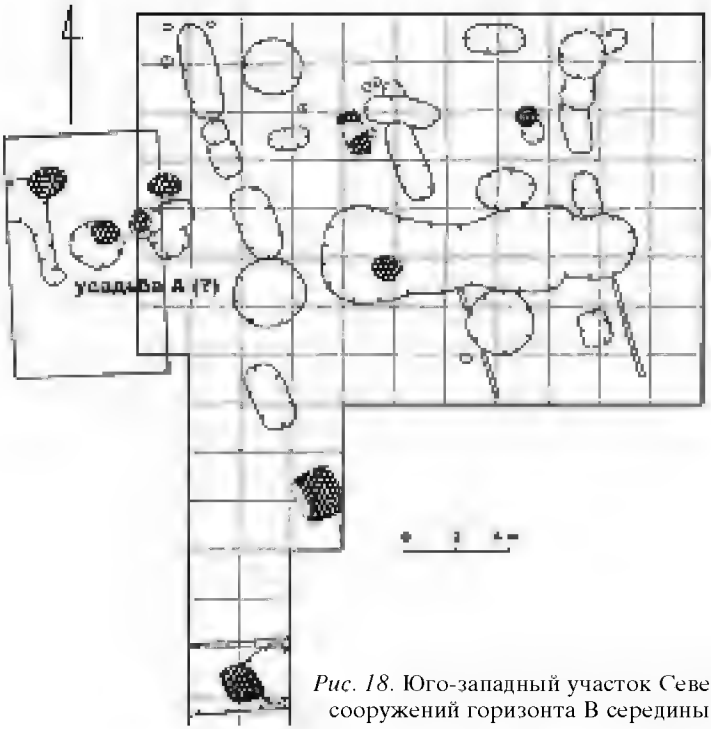


Рис. 18. Юго-западный участок Северного городища. Схема сооружений горизонта В середины – 2-й половины XII в.

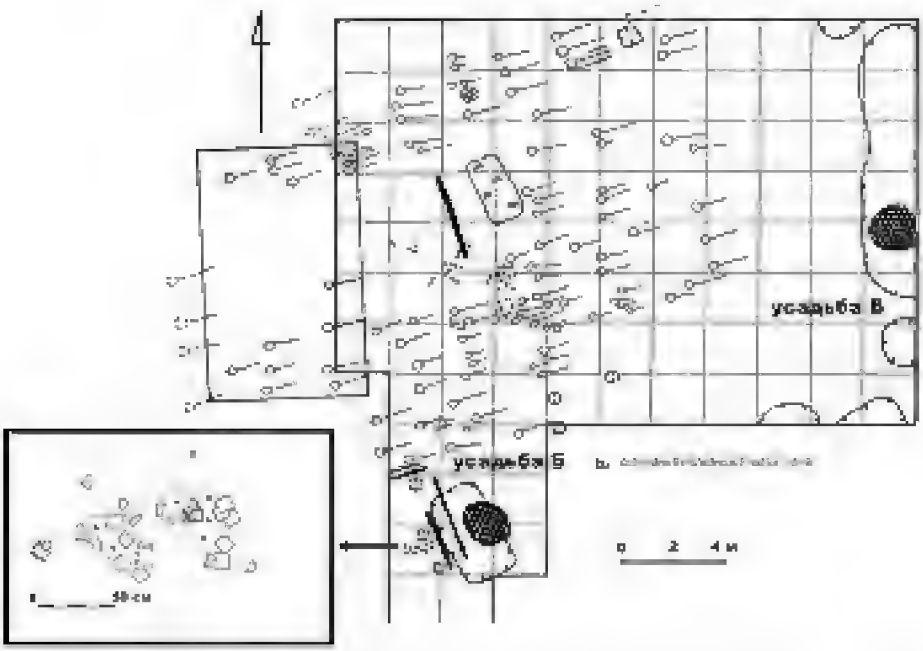


Рис. 19. Юго-западный участок Северного городища. Схема сооружений горизонтов Г-Д конца XII–XIII вв.

связано с оборонительными сооружениями. На рубеже XII–XIII вв., когда стратегическая роль оборонительных сооружений Северного городища перешла к укреплениям Южного, здесь вновь образовался жилой квартал. На месте западной и частично центральной усадеб возникает кладбище, а на участке между кладбищем и валом – жилой комплекс с наземным жилищем площадью около 20 кв. м. Большая усадьба бронзолитейщика была построена и на восточном участке раскопа. Она заняла почти тоже место, что и усадьба В XI – начала XII в. Обе усадьбы погибли в огне пожара, вероятно, 1237 г. Во всех постройках этого горизонта прослежены горелые слои. Из более поздних сооружений зафиксированы только две большие столбовые ямы (№ 21в, 85), прорезающих слой разрушения последнего горизонта жилого квартала и кладбища. В верхних слоях встречены и находки этого более позднего времени. Это, в первую очередь, фрагменты поливных сосудов золотоордынской эпохи, таких как полуфаянсы с бирюзовой глазурью 2-й половины XIV в., полумайолика с зеленой глазурью по ангобу конца XIII – XIV в. и др. (Пользуясь случаем, выражаю благодарность В.Ю. Ковалю за помощь в анализе восточной керамики раскопа № 28.)

Сходная картина длительной застройки городища наблюдается и на других исследованных участках Северного городища.

Северный участок городища (рис. 20).

Довольно четкая стратиграфия культурного слоя прослежена на раскопе № 9 1967 г., расположенного в северной части площадки у кромки берега р. Серебрянки. Здесь открыт мощный культурный слой толщиной около 1 м с остатками углубленных разновременных построек. Как и на раскопе № 28, культурные напластования лежат на слое погребенной почвы, а нижний горизонт содержит следы пожара. Авторы раскопок делают вывод о начале отложения культурного слоя в 1-й половине XI в. На это указывает и анализ керамики раскопа, коллекция которой включает 113 экз. В ней встречены типы, характерные для всех горизонтов (в том числе 12 экз. горизонта Д), а в нижнем присутствует только посуда, маркирующая горизонты А, Б1 и Б2. Кроме того, в коллекции ямы А, которое служило творилом для извести, вся представленная керамика также не выходит за рамки XI в. Самыми поздними образцами являются «манжетовидный» венчик позднего облика конца XI – начала XII в., а также керамика со штампованным орнаментом, прокатанным колесиком типа 6 того же времени. По наблюдениям авторов раскопок, яма была вырыта тогда, когда уже сложился культурный слой толщиной 20 см. К самому раннему горизонту, судя по стратиграфии, относится яма Б, а остатки печи и связанной с ней ямой В характеризуют застройку верхнего горизонта.

Три этапа застройки фиксируются на раскопе № 12 1970–1971 гг., расположенного также в прибрежной северной части в 8 м к востоку от раскопа № 9. Данные по одной усадьбе раскопа 1970 г. были опубликованы в статье П.А. Раппопорта и Е.В. Шолоховой «Новые материалы о жилищах Старой Рязани» в 1974 г. Поэтому нет необходимости останавливаться на конструкции двух наземных построек с печами, остатками перекрытий и полов, перекрывающих друг друга и расположенных в восточной части раскопа (жилища 1 и 3), которые авторы датировали 2-й половиной XII – началом XIII в. и 1-й половиной XII в. соответственно (Раппопорт, Шолохова,1977. С. 72, 75). Однако, результаты раскопок 1971 г. (Монгайт, 1971. С. 25), когда было завершено исследование ям, расположенных под слоем жилища 3, оказались за рамками статьи. Яма, связанная с постройкой 1-й половины XII в., прорезала комплекс более ранних ям (ямы А-Д), представлявших собой остатки еще одного, самого раннего, горизонта усадьбы раскопа (жилище 4). В яме А и на ее юго-восточном краю сохранились остат-

ки рухнувшей печи с деревянным каркасом. С южной стороны ямы сохранилась часть сгоревшего перекрытия из бревен. К северу от ямы А были исследованы ямы Д и Е, синхронные описанной. В их заполнении преобладала керамика архаичного облика, которую авторы раскопок относят к XI в. К этому же комплексу относится и овальная зерновая яма 16 в южной части раскопа. Таким образом, три горизонта усадьбы охватывают период с XI до конца XII – начала XIII в.

В западной части раскопа было открыта восточная часть другой постройки (жилище № 2) с глиняной выстилкой, истлевшим бревном восточной стенки и зольной ямой, содержащей материалы XII–XIII вв. и стратиграфически синхронной жилищу 1 (Монгайт, 1970. С. 8).

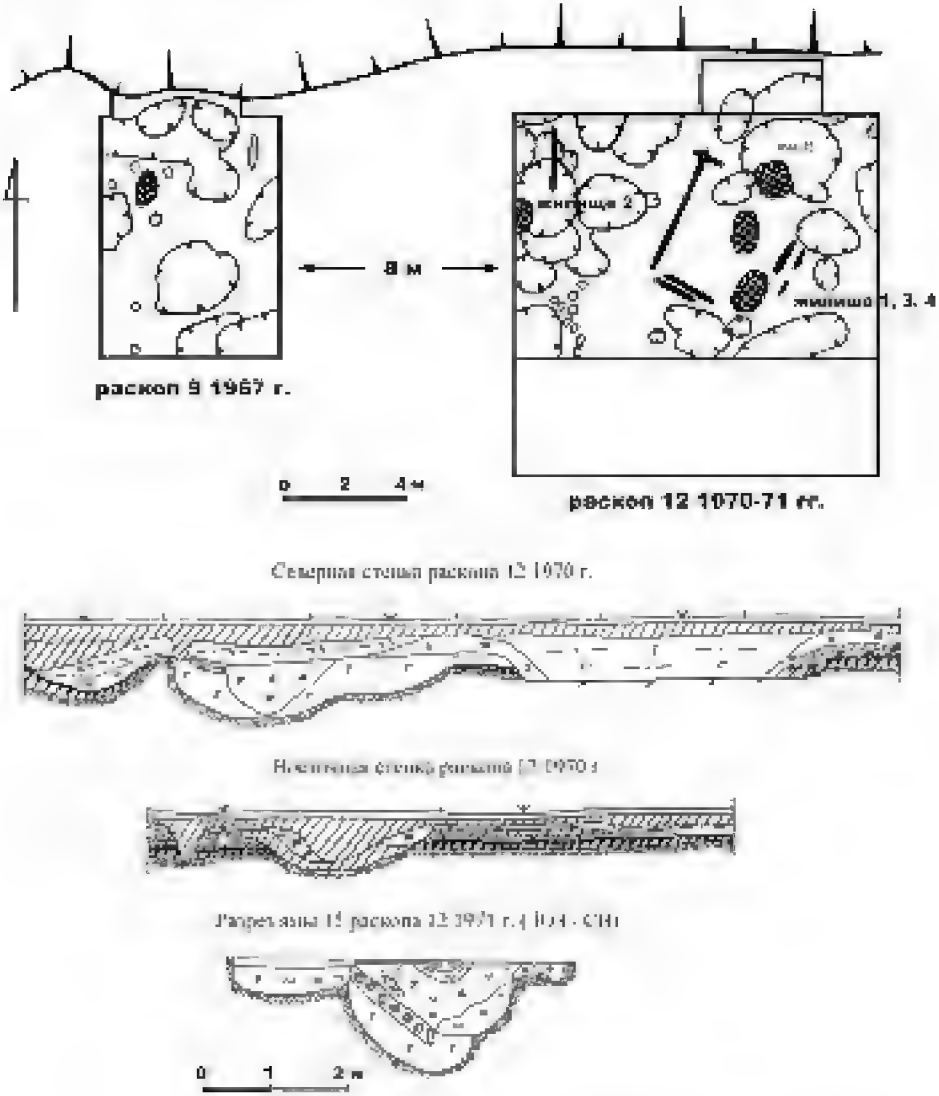


Рис. 20. Северный участок Северного городища. Схема сооружений и стратиграфия раскопов № 9 и № 12

В целом расположение усадеб на раскопах № 9 и № 12 в северной части городища приводит к выводу о рядовой застройке, тяготеющей к кромке берега, сложившиеся уже на ранних этапах истории городища и просуществовавшей до начала XIII в. (в этом же прибрежном ряду оказывается и жилище 1 траншеи № 1 1926 г,, расположенное в нескольких метрах западнее раскопа № 9). Расположение жилищ 1, 3 и 4 в восточной части раскопа № 12 одно над другим указывает на устойчивые традиции владения участком и довольно жестко сформировавшуюся усадебную структуру.

Центральная часть городища (рис. 21–23).

В центральной части площадки городища работы проводились в 1946, 1948–1949 и 1978–1979 гг. Наиболее четко стратиграфия и планиграфия застройки была прослежена на раскопе № 23 1978–1979 гг., где на площади 400 кв. м исследованы остатки трех усадеб. На усадьбе А в северо-восточной части раскопа авторы выделяют два горизонта. Для двух других комплексов такого разделения не проводилось. Однако, анализ стратиграфии и взаимного расположения ям и остатков построек, а также материалов из их заполнения и культурного слоя в восточной части раскопа (участки 3 и 4) свидетельствуют о более сложной картине застройки участка.

По крайней мере, на участке 3 фиксируется три, а не два горизонта культурных отложений. В юго-западной части участка 3 слой постройки 2 конца XII – начала XIII в. перекрывает более ранние ямы 7 и 8. При этом яма 7 частично прорезает яму 8 и содержит керамику середины – 2-й половины XII в., что соответствует горизонту В, промежуточному между отмеченными В.П. Даркевичем комплексами первого горизонта конца XI – начала XII в. (яма 8) и второго горизонта, датированного временем не ранее 2-й половины XII в. (постройка 2) (Даркевич, Борисевич. С. 197). Такая же ситуация фиксируется и при анализе коллекции керамики и для других ям участков 3 и 4, которые четко делятся на три группы по составу типов посуды и относятся к горизонтам Б2, В и Г-Д.

При этом в комплексах ям керамика более раннего времени, характерная для горизонтов А и Б1, практически не встречается, что, вероятно, и стало основанием для отказа авторов монографии «Древняя столица Рязанской земли» от ранней даты возникновения города. Тем не менее, такие материалы присутствуют в культурном слое раскопа. В частности, среди рисунков керамики трех пластов раскопа № 23 1979 г. (участков 3 и 4) формы, характерные для ранних горизонтов А и Б1 составляют более 6% (44 экземпляра из выборки в 272 фрагмента). Этот показатель совпадает с данными по раскопу № 28, где на участке 1999 г. доля ранней керамики также составила 6%. При этом в раскопе № 28 встречены и постройки этого времени. Возможно, на раннем этапе на раскопе № 23 также существовали какие-то постройки, но отсутствие данных массового материала по всем ямам и постройкам не позволяет с уверенностью говорить об этом. Кроме того, на раннюю дату указывают и некоторые вещевые находки, такие как две «глазчатые» бусины с выступающими полихромными глазками из ямы 1 под постройкой 1, датировка которых вряд ли выходит за рамки XI в., хотя В.П. Даркевич отмечает их бытование до начала XII в. (сама яма, как и вся постройка, получила более позднюю дату конца XI – начала XII в. по серебростеклянной бусине из ее заполнения), а также кольчатые удила без перегиба типа IV из постройки 3, которые в южнорусских и соседних районах бытовали преимущественно в X–XI вв.

Конечно, приведенных аргументов в пользу заселения участка уже в 1-й половине XI в. недостаточно, и вряд ли материалы раскопа позволяют вообще однозначно ответить на этот вопрос.

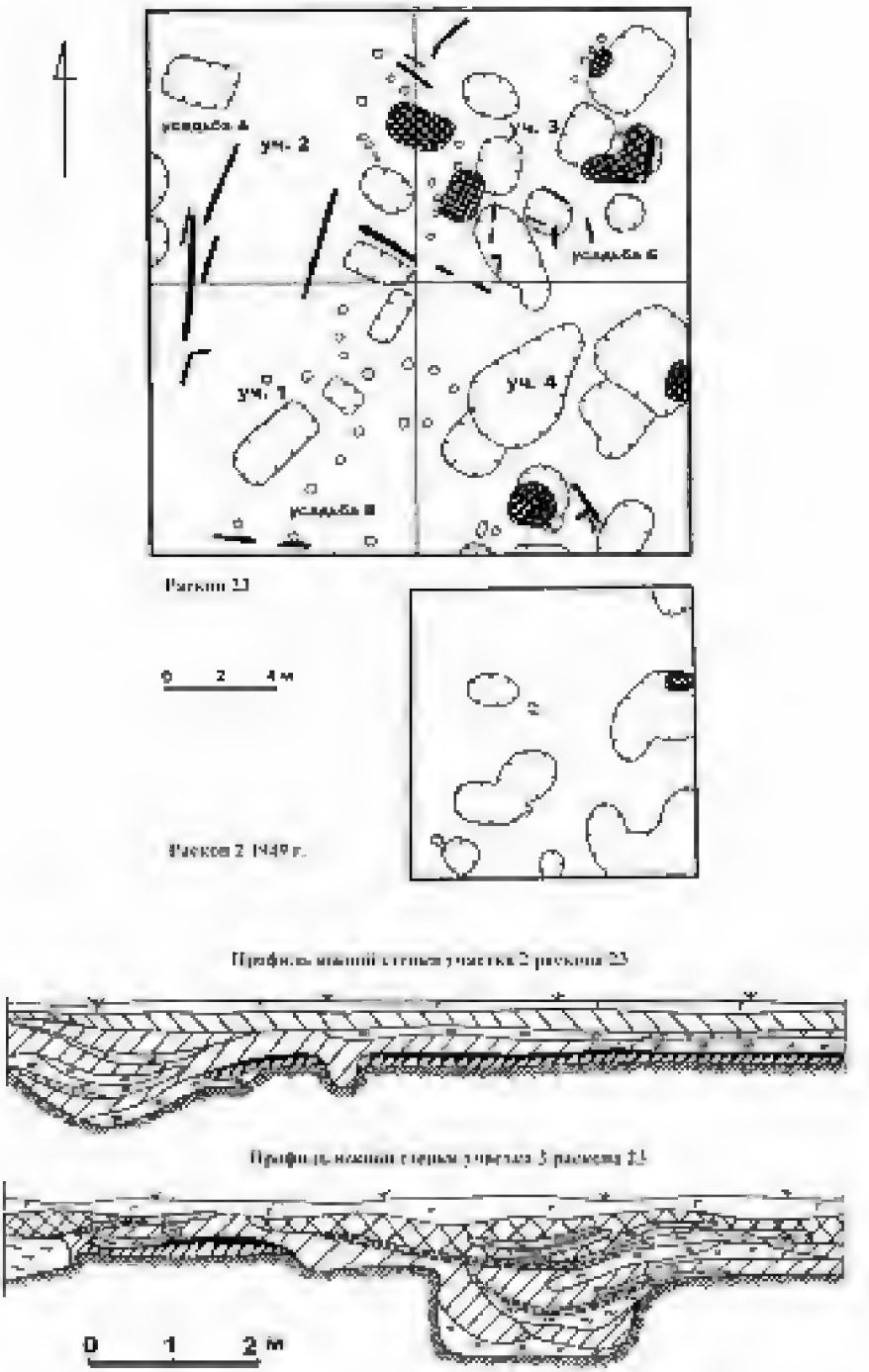


Рис. 21. Центральный участок Северного городища. Схема сооружений и стратиграфия раскопов № 23 и № 2 1949 г.

Не позволяет однозначно решить эту проблему и анализ культурного слоя, построек и материалов большого раскопа 2, 2А-Г А.Л. Монгайта 1946, 1948–1949 гг., расположенного южнее раскопа 23.

Данные, помещенные в отчетах и монографии А.Л. Монгайта «Старая Рязань», где результаты работ на этом участке были описано достаточно подробно, к сожалению, не содержат подробной характеристики стратиграфии культурного слоя. Но опубликованный профиль восточной стенки раскопа свидетельст-

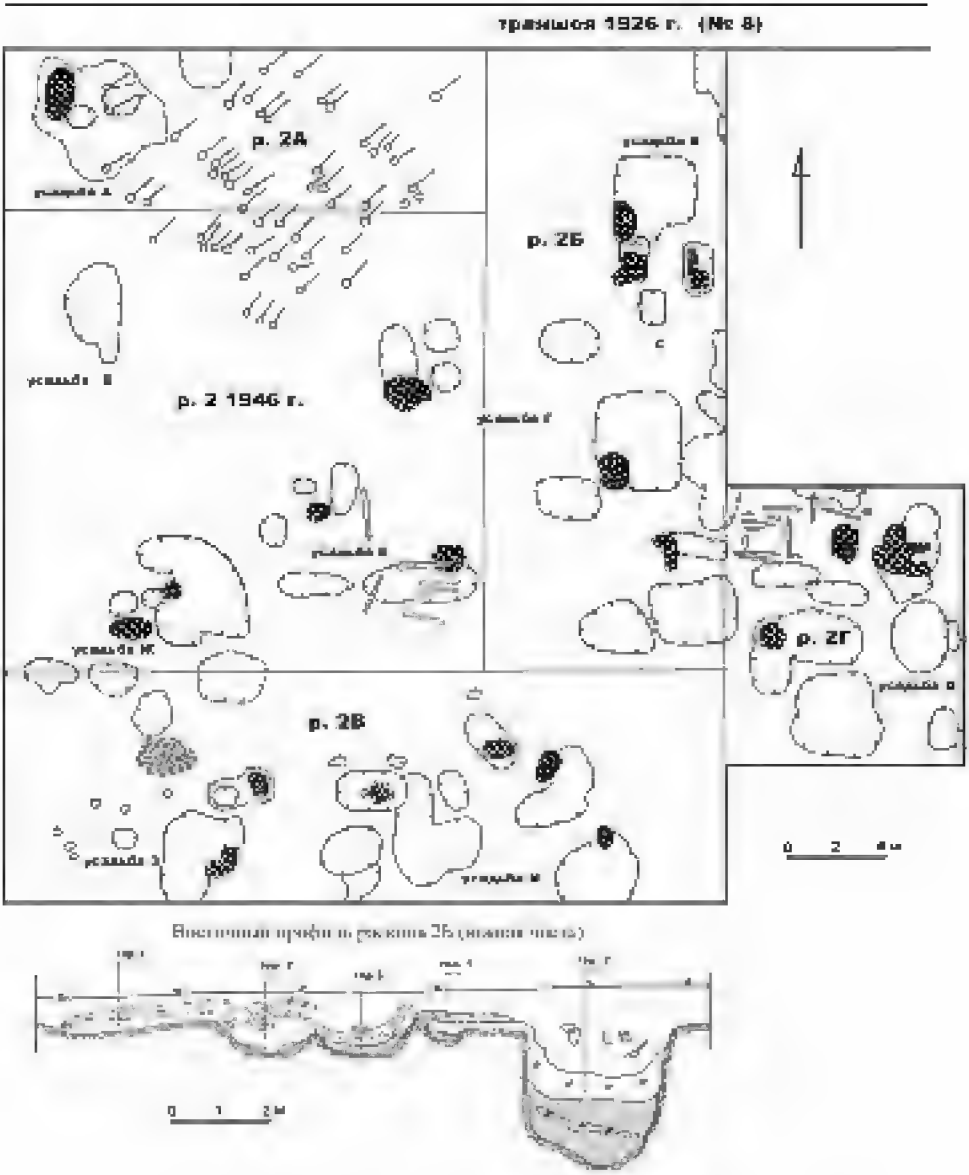


Рис. 22. Центральный участок Северного городища. Схема сооружений и стратиграфия раскопов № 2 и № 2А-Г 1946, 1948, 1949 гг.

вует о наличии не менее трех горизонтов. Другим основанием для характеристики этапов застройки участка дает сравнительный анализ комплексов 23 жилищ, открытых на площади 1130 кв. м, которые группируются на 9 участках и, возможно, соответствуют 9 усадьбам этого участка.

Усадьба А включает два перекрывающих друг друга жилища 7а и 7б в северо-западной части раскопа 2А. Яма жилища 7а с развалом печи почти полностью разрушила предшествующее жилище 76, от которого сохранились две подпольные ямы под верхней ямой. В одной из них сохранились остатки глинобитной печи на деревянном обуглившемся помосте. Находок с четко выраженной датой в комплексах не найдено, но автор раскопок отмечает присутствие керамики XII–XIII вв. в верхней яме (Монгайт, 1955. С. 55). Из нижней ямы происходит керамика с зубчатым орнаментом. Осмотр образцов керамики из коллекции (5 венчиков) позволяет датировать жилище 76 концом XI – началом XII в. Кроме того, на

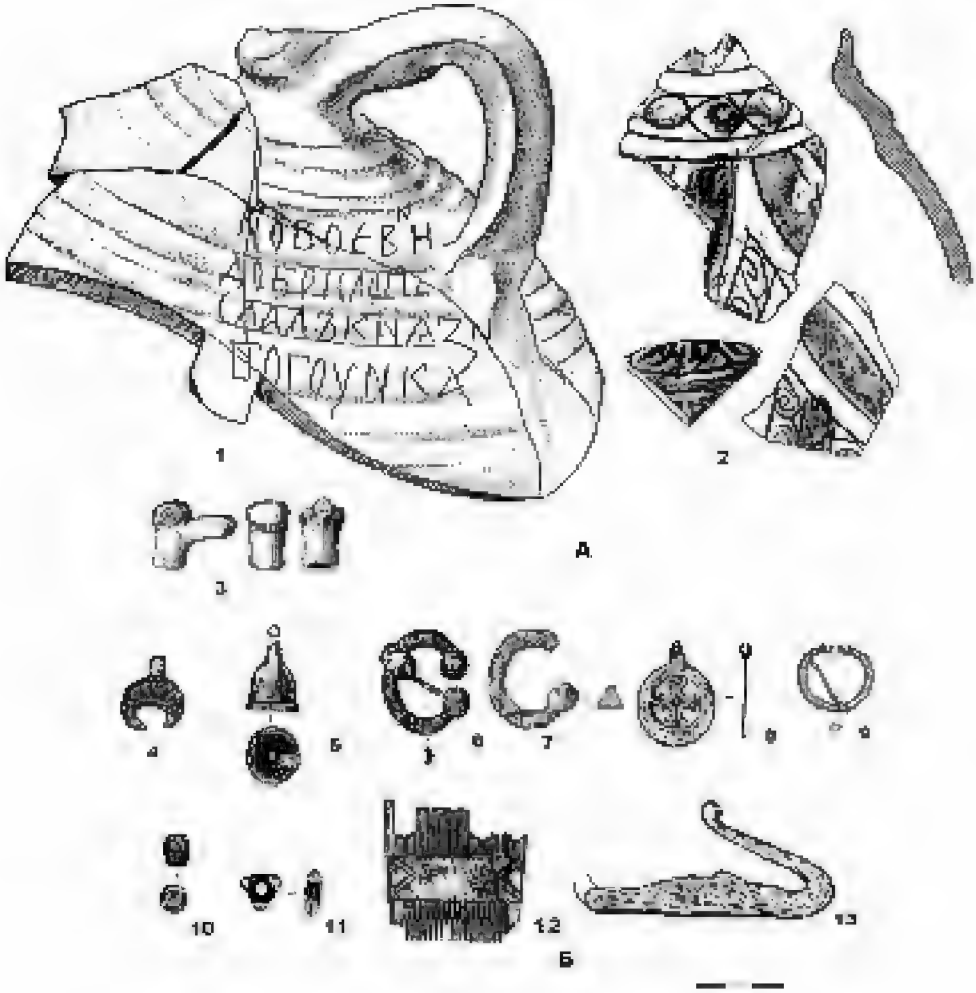


Рис. 23. Датирующие вещи из раскопок центральной части Северного городища: *А* – раскопы № 2 и № 2А-Г 1946, 1948, 1949 гг.; Б – раскоп 23 1978–1979 гг. (*1, 2* – глина; *3, 11* – кость; *4–8* – цветной металл; *9, 10* – стекло; *12* – железо)

участке, занятом жилищами 7а и 76 открыто средневековое кладбище, перекрывающее жилые слои. Три погребения располагалась непосредственно над ямами и частично просели в них. Таким образом, на данном участке в конце XI–XII вв. существовали жилые усадьбы, на смену которым в начале XIII в. пришло кладбище.

Усадьба Б расположена к югу от усадьбы А и включает овальную яму хозяйственного назначения, в заполнении которой найдено большое количество шлака и криц(?), а также 11 ножей А.Л. Монгайт интерпретирует яму как жилище 5. Из-за невыразительности находок и отсутствия керамики в коллекции датировка затруднена.

Усадьба В включает три развала печей и ямы под ними (жилища 8–10), которые располагались компактно в северной части раскопа 2Б. При этом жилище 10 частично перекрывает жилище 8. Находки из комплексов маловыразительны: датировать слой могут только обломки стеклянных браслетов в комплексе жилища 9 и черный рифленый браслет в комплексе жилища 8, но и их связь с комплексами жилищ не безусловна. Керамика не представлена. Если стеклянные браслеты не переотложены, все три жилища существовали в течение XII–XIII вв.

Усадьба Г занимает юго-восточную часть раскопа 2Б и включает остатки трех жилищ с развалами печей и несколько хозяйственных ям (жилища 3(?), 11, 12 и яма «Р»). Данная группа наиболее полно документирована: два комплекса (жилище 12, включающее две разделенные перемычкой прямоугольные ямы, и прямоугольная яма «Р») имеют датировку по находкам в придонном заполнении. Это фрагмент амфоры из ямы жилища 12 с надписью «Новое вино добрило послал князю Богунка», который по палеографическим показателям датируется XI – началом XII в. (Монгайт, 1955. С. 187), и фрагмент импортного поливного сосуда 2 половины XIII в. со дна ямы «Р» (византийская полумайолика «сграфитто» с полихромной желтой и зеленой подцветкой – по определению В.Ю. Коваля). Жилище 11, расположенное к северу от жилища 12 и ямы «Р», представляет собой большую прямоугольную яму с глинобитной печью на глиняном материковом останце. В яме найдены фрагменты стеклянных браслетов, медный перстень с круглым щитком XII–XIII вв. (Седова, 1997. С. 67), а также керамика, из которой в коллекцию было отобрано 14 образцов. Все они относятся к типам 8В-Д и позволяют датировать комплекс концом XII – началом XIII в. На такую датировку жилища 11 и сопредельных ям указывает и стратиграфия восточной стенки раскопа, на которой фиксируются три горизонта. Верхний связан с комплексом жилища 11, средний – жилища 12 и нижний – с траншеей, протянувшейся с запада на восток и возможно, связанной с жилищем 3, расположенным в западной части раскопа № 2 1946 г на достаточном удалении от других комплексов усадьбы (около 7 м) Для него автором предложена дата не позже начала XI в. (Монгайт, 1955. С. 45). Основанием послужила находка золотостеклянной бусины X – 1-й половины XII в., а также находки керамики, орнаментированной зубчатым штампом. Однако, такой способ орнаментации стал распространятся в Старой Рязани только в конце XI в. Автор также отмечает находки типичной для XI в. керамики на поде печи жилища. В коллекции керамики из этого комплекса содержатся 6 фрагментов. Среди них 3 относятся к типу 6 конца XI – начала XII в. и орнаментированы зубчатым колесиком. Два относятся к типу 1 XI в. и один фрагмент – к типу 8Б с линейным орнаментом XII в. Сказанное не дает оснований относить жилище 3 к началу XI в. Наиболее приемлемая дата – 2-я половина XI – начало XII в.

В целом группа относится к горизонтам Б-Д.

Усадьба Д объединяет два комплекса построек, включающие в себя остатки наземных срубов, развалы печей и несколько перекрывающих друг друга ям (жи-

лища 21 и 22). Она расположена к юго-востоку от комплексов усадьбы Г и, возможно, образует с ней единую группу. Жилище 21 датируется по находкам на его полу хрустальной шаровидной бусины, обломку семилучевого серебряного височного кольца XII в., фрагментам стеклянных браслетов концом XII – началом XIII в. Оно частично перекрывает расположенный восточнее комплекс жилища 22. Вероятно, этим вызвано наличие керамики с зубчатым орнаментом в материалах жилища 21. К югу от жилища 21 располагалась большая яма 5 с остатками керамического горна, которая связана с жилищем (в заполнении собрана тонкостенная белая керамика с линейным орнаментом конца XII – начала XIII в.), а также яма 4 с остатками домницы, в котором собрано большое количество фрагментов сопел (Монгайт, 1949. С. 7–9). В целом группа Д относится к горизонтам Б (В?)-Г. При этом с горизонтом жилища 21 (Г) связаны следы сильного пожара: все открытые постройки сгорели.

Усадьба Е объединяет жилища 1 и 2. В комплексе жилища 1 найдены бронзовый рубчатый перстень XI–XIV вв. (Седова, 1997. С. 76), лировидная бронзовая пряжка XI–XII вв. (Лесман, 1990. С. 79) и 6 стеклянных браслетов, а из ямы подполья жилища происходят 2 стеклянных браслета, обломок венчика стеклянного сосуда, ромбовидная черешковая стрела и костяной двусторонний трапециевидный гребень. При этом в заполнении ямы значительную долю составляет керамика с зубчатым орнаментом конца XI – начала XII в. Вблизи описанного комплекса расположено жилище 2 с глинобитной печью в виде пятна печины и подпольной ямой, в нижней части которой открыты сгоревшие фрагменты деревянного опечка с глиняной обмазкой. Автор отмечает разнообразие керамики в заполнении ямы, а на дне ямы – развал большого горшка с линейным орнаментом, покрывающим большую часть тулова сосуда, заполненным рыбьей чешуей. По используемой в данной работе типологии горшок может быть отнесен к XII в. (тип 8А). Кроме того, датировать комплекс могут янтарный крестик XII в., фрагменты стеклянных браслетов, стеклянная шаровидная желтая бусина конца XI – начала XIII в. (Щапова, 1974. С. 164), гребень типа М конца X–XII вв. Из ямы происходят и многочисленные изделия из кости (в том числе и широко известная накладка-кошка) и отходы косторезного производства, что позволило А.Л. Монгайту назвать жилище 2 домом-мастерской костореза XII в. (Монгайт, 1955. С. 43). При сходстве полученных датировок, наблюдения за особенностями керамического материала (преобладание в жилище 1 посуды, орнаментированной зубчатым колесиком горизонта Б2 и наличие в жилище 2 развала сосуда, относящегося к XII в. позволяют признать жилище 1 более ранним, существовавшим в конце XI – начале XII в. Присутствие в его слоях стеклянных браслетов (лишь они противоречат этой дате) вероятно, случайно и вызвано отсутствием четких границ комплекса. В коллекции керамики, относимой к жилищу 1 (189 экз. – единственный комплекс, так полно представленный в коллекции керамики раскопа) абсолютно преобладает керамика конца XI – начала XII в. (39%), значительную долю составляет и более ранняя керамика горизонтов А-Б1 – 25%. Среди керамики XII в. (33%) основную часть составляет также наиболее ранние образцы с лишь наметившимся валиком на внутренней стороне и значительной долей зубчатого орнамента (23%). И лишь 3% составляют случайные примеси более позднего времени – конца XII – начала XIII в.

Таким образом, жилища группы Е относятся к горизонтам Б2 и В (XII в.)

Усадьба Ж расположена к юго-западу от усадьбы Е. Комплексы участка (жилища 4 и 6) расположены в непосредственной близости друг от друга и потому четко стратиграфически разделены: печь жилища 6 частично перекрывает яму жилища 4. Нижнее жилище 4 достаточно подробно описано А.Л. Монгайтом

(Монгайт, 1955. С. 50–54). На основании анализа комплекса вещей, в котором основными датирующими компонентами являются несколько глазчатых бусин, лировидная пряжка, костяной трапециевидный двусторонний гребень и обломок стеклянного браслета, автор относит постройку к 1-й половине XII в. В коллекции керамики комплекс не представлен. Верхнее жилище, включало печь, несколько хозяйственных ям к югу от нее и скопление пережженных камней еще южнее, в 6 м от печи, – остатки горна, по мнению А.Л. Монгайта. На вымостке и в примыкающей яме найдены обломки керамических сопел, а в непосредственной близости от очага – несколько крич(?).Жилище автором не датировано. В коллекции керамики печь жилища 6 представлена единственным небольшим фрагментом венчика сосуда типа 8В, изготовленного из тонкого белого теста, который относится к концу XII – началу XIII в. Кроме того, в хозяйственных ямах найдены две стеклянные бусины XII–XIII вв., шиферное пряслице, фрагмент стеклянного сосуда..

Датировка группы Ж затруднена, предположительно комплексы относятся к горизонтам В и Г.

Усадьба 3 объединяет остатки большой ямы с печью (жилище 19) и плохо сохранившаяся печь к северу от нее (жилище 20), лежащие к юго-востоку от группы Ж. Найденные в яме вещи (ромбический черешковый железный наконечник стрелы, три шиферных пряслица, биконическая стеклянная бусина и др.) имеют широкую дату. С жилищем 20 находок не связано. Керамика комплексов в коллекцию не включена. Датировка затруднена.

Усадьба И объединяет группу компактно расположенных ям (жилища 13–18) в восточной части раскопа 2В. К трем ямам (жилища 13–15) примыкают развалы глинобитных печей. Овальная яма жилища 15 не содержит вещей, но в коллекции представлена 19 фрагментами венчиков, среди которых преобладает керамика ранних групп: 4 фрагмента типа 1 1-й половины XI в., 1 «манжетовиный» венчик и 16 экземпляров типов 3, 5 и 6 конца XI – начала XII в. На этом основании комплекс отнесен к горизонту Б2. Расположенное южнее жилище 14 (развал печи и большая яма вытянутой формы) также не содержит четких хроноиндикаторов (найдены шиферное пряслице и два ножа), но по наблюдениям автора раскопок, яма заполнена серой землей с большим количеством керамики , орнаментированной преимущественно зубчатым штампом, что позволяет отнести комплекс также к горизонту Б2 и датировать 1-й половиной XII в. Далее на юго-восток открыта яма жилища 13 с печью, частично сползшей в яму. Автор датирует комплекс XIII–XIV вв. на основании находки роговой рукояти плети в виде головки животного (Монгайт, 1955. С. 46–47). Кроме того, в коллекции керамики к этому комплексу относятся 10 фрагментов венчиков, в том числе 7 из них – к группам конца XII – XIV в. Наиболее поздними из них являются венчик типа 9 и два фрагмента горшков типа 11 с линейно-волнистым и волнистым орнаментом, распространенные во 2-й половине XIII – XIV в. Ямы жилищ 16–18 расположены компактно к западу от трех выше названных. Они названы жилищами автором раскопок условно: в них отсутствуют отопительные устройства (лишь в яме жилища 16 прослежены прослойки глины, перемешанной с печиной) (Монгайт, 1948. С. 30). При этом яма жилища 16 частично прорезает жилище 17, а жилище 18 расположено в 2 м к югу от них. В заполнении ям найдены близкие по времени бытования вещи – стеклянные браслеты, шаровидные стеклянные бусы, калачевидное кресало, которые в целом позволяют отнести их к концу XII – началу XIII в. Лишь в более ранней по стратиграфическому положению яме жилища 17 найдена более ранняя золотостеклянная цилиндрическая бусина X – 1-й половины XII в. Керамика названных комплексов в коллекции отсутствует. Возможно,

яма жилища 17 является хозяйственной постройкой жилища 14 или 15, а жилища 16 и 18 образуют комплекс конца XII – начала XIII в.

При предлагаемой датировке и интерпретации комплексов группы И 4 жилища связаны с горизонтами Б-Д и существовали с конца XI до XIV в.

Из приведенного анализа достаточно четко видна тенденция развития участка. Самые ранние комплексы (конца XI – начала XII в.) немногочисленны и концентрируются в центральной и южной частях раскопа. В XII в. число усадеб возрастает более чем вдвое и вновь резко сокращается во 2-й половине XIII в. Как и на раскопе № 23, комплексы горизонтов А и Б1 в раскопе не найдены, но характерная керамика присутствует в коллекции как отдельных комплексов (в качестве примеси), так и культурного слоя за их пределами. Из всей коллекции керамики раскопа (562 экз.) 74 фрагмента (13%) относится к типам, характерным для горизонтов А и Б1.Столь высокий показатель, конечно, вряд ли отражает реальную картину (выборка является вторичной), но присутствие керамики ранних горизонтов (при этом в разных частях раскопа) может свидетельствовать о присутствии поблизости и синхронных комплексов.

На раскопе № 2 1949 г. площадью 144 кв. м также было открыто несколько ям жилых и хозяйственных построек, в том числе и яма 3 с остатками печи или горна на овальной площадке, но их характеристика не позволяет однозначно отнести их к тому или иному культурному горизонту. Можно лишь отметить сильную перемешанность культурного слоя: керамика с зубчатым штампом горизонта Б2 начинает встречаться с верхних пластов и достигает 10% в нижнем четвертом пласте (Монгайт, 1949. С. 15).

Таким образом, в центральной части площадки городища жилая застройка сложилась в конце XI – начале XII в. и сохранялась до начала XIII в. Отсутствие более ранних построек, соотносимых с горизонтами А и Б1, не позволяет включить центральную часть городища в зоны первоначального заселения, но в то же время не дает оснований считать центральную часть городища полностью исключенной из поселенческой структуры того периода. Повсеместно встречена керамика, более ранняя, чем постройки раскопов. Она составляет долю, соотносимую с долей такой керамики на участках, где постройки этих горизонтов известны. Вероятно, в ранний период застройка центральной части городища была очень разреженной. Не образует сплошного слоя и горизонт 2-й половины XIII – XIV в., хотя здесь открыты целые комплексы этого времени, а синхронные им материалы встречаются также повсеместно на площади раскопов.

Восточная часть городища (рис. 24).

В прибрежной части у восточного края городища на раскопе № 4 1966–1967 гг. была исследована площадь 204 кв. м. На раскопе открыты остатки нескольких построек, которые можно объединить в 4 усадьбы. Две из них расположены в восточной части раскопа (А и Б), одна – в юго-западной (В) и остатки нескольких ям четвертой усадьбы (Г) исследованы под слоем глины в траншее, прирезанной к раскопу с юга.

К сожалению, ни один комплекс раскопа не содержит вещей-хроноиндикаторов. Нет в коллекции и керамики из заполнения ям. Однако для трех усадеб раскопа четко фиксируется два строительных горизонта, в каждом из которых присутствуют остатки печей. Кроме того, в юго-восточной части раскопа к югу от построек усадьбы Б под слоем дерна открыты остатки открытой уличной печи, выложенной фрагментами керамики. Печь по своему стратиграфическому положению синхронна верхнему горизонту усадьбы и содержит керамику XII в. Несколько горизонтов планировки участка фиксируются и в траншее. Верхний горизонт образует кладбище, прорезавшее слой глиняной забутовки. Под глиной

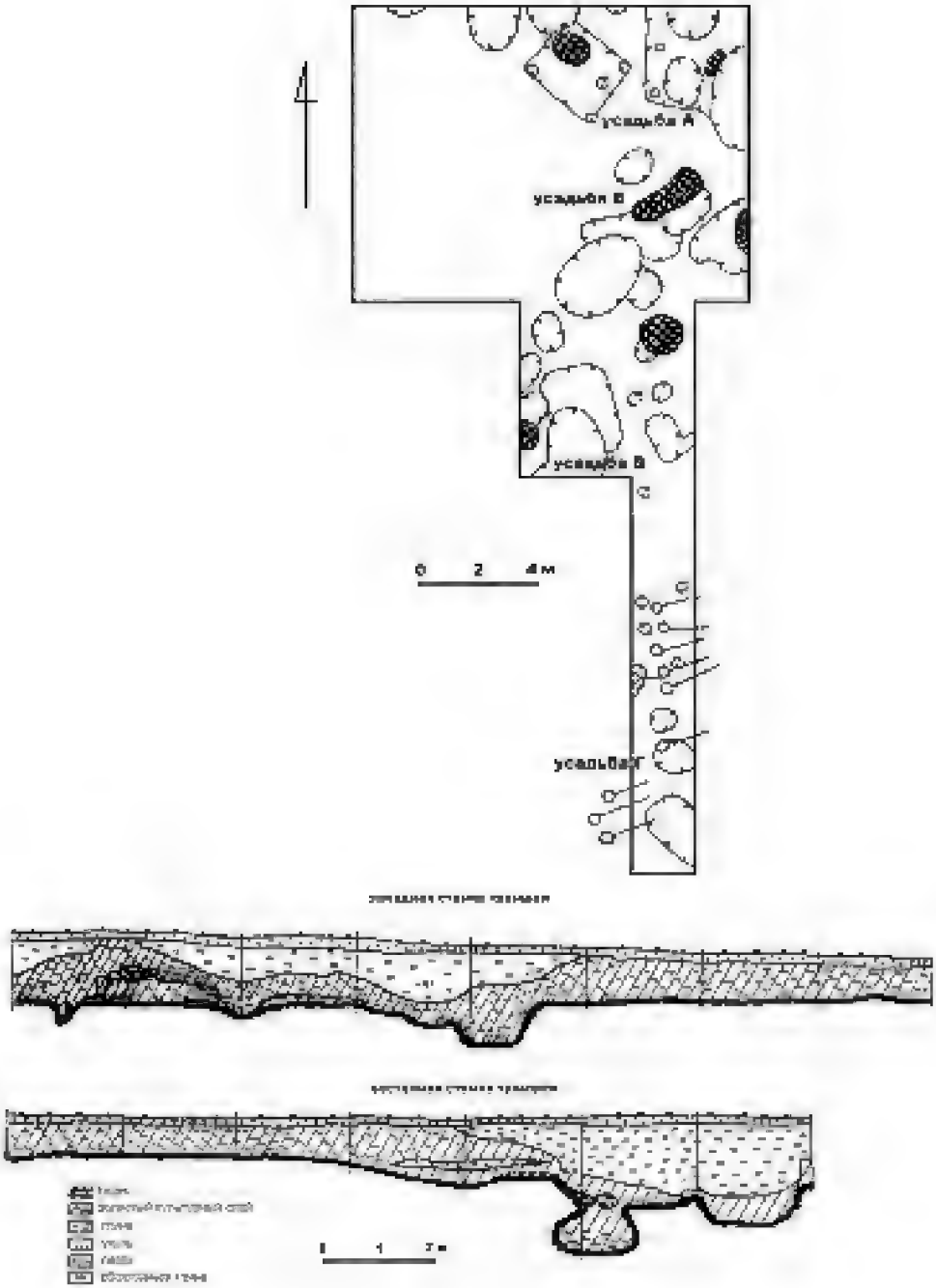


Рис. 24. Восточный участок Северного городища. Схема сооружений и стратиграфия раскопов № 4 1966–1967 гг. и № 6 1950 г.

открыт культурный слой с ямами, которые прорезают нижний глинистый слой, лежащий на материке.

О датировке комплексов раскопа можно судить только по коллекции образцов керамики. Преобладает керамика XII – начала XIII в. (61%), но и горизонт Б2 конца XI – начала XII в. представлен хорошо – 28% от всей керамики. Посуда раннего этапа (горизонтов А и Б1) также присутствует и составляет около 5% от общего числа. Вероятно, городская застройка в этой части городища сложилась в конце XI – начале XII в. Возникшие усадьбы продолжали существовать до начала XIII в., претерпев, по крайней мере, одну перестройку, которая, однако, не коснулась самого расположения усадеб. Лишь на месте южной усадьбы Г возникло кладбище.

Сходную картину заселения дают и материалы раскопа № 6 1950 г., расположенного у подножия вала в восточной части городища. Автор раскопок отмечает большое количество находок XI–XIII вв. в культурном слое раскопа, а в его западной части были открыты остатки большого наземного жилища, которое А.Л. Монгайт относит к концу XI – началу XII в., по содержащейся в слое жилища керамике с зубчатым штампом (Монгайт, 1955. С. 48–49; Монгайт, 1950. С. 47–48). Кроме того, под слоем вала была зафиксирована и тонкая прослойка с керамикой X в. К сожалению, коллекция керамики раскопа не сохранилась и атрибутировать эту посуду не представляется возможным.

Подводя итог проделанному анализу жилых комплексов Северного городища Старой Рязани можно сделать вывод о существовании жилой застройки с 1-й половины XI в. до 2-й половины XIII – XIV в. (Данные по датированным жилищам и усадьбам раскопов Северного городища сведены в таблицу).

Раскоп/усадьба	Горизонты А-Б1	Горизонт Б2	Горизонт В2	Горизонт Г2	Горизонт Д
		Северный участок			
9/А	+	+		+	
12/А		+	+	+	
12/Б				+	
		Центральный участок			
23/А		+	+	+	
23/Г		+	+	+	
2/А		+	+	кладбище	
2/В		+	+	+	+
2/Г		+	+	+	
2/Д			+	+	
2/Е		+	+		
2/Ж			+	+	
2/И		+	+	+	+
		Восточный участок			
4/А			+	+	
4/Б			+	+	
4/В			+	+	
4/Г		+	+	кладбище	
6(1950)/А		+			
		Юго-западный участок			
5(1946)/А	+	+	+	кладбище	
28/Б	+	+	+	+	
28/В	+	+	+	+	

Наиболее ранние комплексы, синхронные первым городским укреплениям, открыты в юго-западной части городища и у северной кромки его площадки. Возможно, первоначально была заселена вся прибрежная часть, но данных для такого вывода еще недостаточно. Тем не менее, ранние материалы встречены на всей площади городища и находки построек за пределами намеченной территории вполне вероятны. Несомненно, с самого начала существования города через него проходила дорога, существующая и поныне. Возможно, вдоль нее также существовала застройка с начальных этапов существования города.

Первоначальная застройка городища по береговой линии подтверждается и анализом мощности культурного слоя. Траншеи В.А. Городцова, прорезавшие все городище с севера на юг и с запада на восток дают такую уникальную возможность. Судя по этим данным мощность культурных напластований была максимальной в северной и южной частях городища (более 1 м). Центральная часть площадки дает мощность на 30–40 см меньше. Это могло быть обусловлено природными факторами, но площадка городища имеет небольшой уклон к краям. Кроме того, при смыве слоя его мощность может быть больше у валов, служивших естественной преградой. Но такая же ситуация увеличения мощности прослежена и у северной кромки площадки, тогда как в мысовой части городища, на северо-западе, слой еще тоньше, чем в центральной. Вероятно, траншеи все-таки характеризует в большей степени процесс накопления слоя, чем его смыв.

К концу XI – началу XII в. площадка была уже полностью застроена. Жилища этого времени встречены повсеместно. Такая ситуация сохранялась до начала XIII в. В данной работе нет возможности охарактеризовать быт и занятия жителей Северного городища. Можно лишь упомянуть, что на исследованных усадьбах встречены следы разнообразных производств: косторезного, бронзолитейного, железоделательного, производство изделий из янтаря. Анализ планировки позволяет сделать вывод об устойчивых традициях владения участками. Повсеместно жилые комплексы возобновлялись на прежних местах. Лишь вдоль укреплений в середине XII в. структура усадебной застройки была нарушена, но вновь восстановлена уже в конце столетия. Во 2-й половине XIII в. число жилых комплексов резко сокращается. Они открыты только в центральной части городища.

Анализ планировки и расположения усадеб и возникших на месте некоторых из них кладбищ позволяет наметить и направления основных уличных магистралей города.

Судя по всему, уличная сеть сложилась уже к началу XII в и состояла из центральной дороги, прорезающей все городище с северо-запада на юго-восток, и перпендикулярных ей ответвлений. По крайней мере, одна из таковых боковых улиц была открыта на раскопе № 23. Другая подобная ей улица шла южнее и пересекала участок раскопа 2, 2А-Г 1946, 1948–49 гг. На это указывает наличие широкой полосы идущей с юго-запада на северо-восток, свободной от ям и наземных построек, и привязка к ее северо-западной стороне кладбища в северо-западной части раскопа. Вполне вероятно, что еще две такие же улица проходили южнее, к еще двум открытым в восточной части городища некрополям. При этом направление к одному из них сохраняет существующая и сейчас деревенская улица в южной части городища.

Вероятно, такая же улица проходила и в юго-западной части городища, к северу от раскопа № 28. На это указывает ориентировка построек на раскопе и расположение открытого здесь кладбища.

В такой уличной сети сочетались две известные планировочные системы древнерусских городов: веерная и перекрестная (Тверской. С. 149). Для характе-

ристики этапов ее формирования необходимы более полные сведения о первоначальной застройке городища. Если данные о распространении культурных напластований горизонтов А и Б1 вдоль западной и северной кромок берега и вдоль центральной улицы подтвердятся, то город изначально строился по веерному плану, который был осложнен перекрестными улицами при уплотнении застройки. На протяжении всей последующей истории Северного городища основой его планировочной структуры была центральная магистраль, что было обусловлено системой оборонительных сооружений с одними воротами в валах. Если же будут получены данные о том, что эта магистраль не была задействована в ранней планировке города, это может служить косвенным свидетельством того, что застройка предшествовала строительству укреплений, поскольку окончательно на основании имеющихся данных этот вопрос еще не решен.

Некрополи

Третьим элементом планировочной структуры Северного городища Старой Рязани были некрополи. В раскопах центральной, северо-восточной и юго-западной частей городища, а также на некоторых участках траншей В.А. Городцова в разные годы были исследованы погребения, совершенные по христианскому обряду. Все открытые погребения концентрируются на 4 участках площадки городища и являются остатками 4 городских кладбищ (рис. 1).

Наиболее полно было исследовано кладбище в юго-западной части, на участке раскопов № 5 1945 г. и № 28 1998–2000, 2002 и 2004 гг. Исследованная часть кладбища занимала участок размерами не менее 22×17 м и включало 118 погребений (98 погребений раскопа № 28, 12 полностью и 8 частично исследованных погребений раскопа №5 1946 г.).

Большинство погребений было ориентировано с отклонением к югу от канонического положения головой на запад. Лишь единичные костяки были положены в строгом соответствии со сторонами света. Так же с отклонением были ориентированы и ряды, образованные погребениями. На исследованном участке открыто 9 рядов погребений, каждый из которых включал от 4 до 23 могил. Расстояние между рядами составляло от полуметра до метра. Наибольшая плотность погребений отмечена в центре южной части кладбища. На то, что это отдельные могилы, а не братское кладбище в общем котловане, указывает наличие следов могильных ям в культурном слое и частично в материке в северной части кладбища, где культурный слой в период существования некрополя был тоньше, чем в южной, примыкающей к валу. Здесь могильные ямы прорезали культурный слой на всю толщину и были впущены в материк на глубину до 15 см. В двух случаях прослежены и остатки деревянных гробов, сколоченных из толстых досок. Остатки дна гроба прослежены в погребении 49 на раскопе № 28 2000 г., истлевшее дно и дощатые стенки домовины сохранились в погребении 69 на раскопе № 28 2004 г.

Половозрастной состав погребенных специально не исследовался, однако, довольно четко выделяются погребения младенцев. Их открыто 17. В 7 случаях кости младенцев лежат рядом с взрослыми костяками. В большинстве случаев они лежали слева от тела взрослого покойника, но встречено и 2 погребения младенцев в ногах взрослого. В большинстве случаев погребения младенцев также совершены по христианскому обряду. Лишь одно погребение ориентировано головой на восток. Кроме того, в северной части кладбища открыто скопление костей младенцев, включавшее в себя, судя по остаткам черепов, не менее 10 погребенных. С учетом этого скопления доля погребений младенцев на кладбище превышает пятую часть.

Среди других особенностей кладбища следует отметить отсутствие следов ткани и иных находок в погребениях северной части кладбища. Все находки происходят из южной половины, где концентрируется большая часть погребений.

Кроме того, в центре некрополя на расстоянии около 5 м от северной границы и 8 м от восточной оставалось пространство, свободное от могил (рис. 19). Оно имело прямоугольную форму размерами 10×5 м и было вытянуто с запада на восток с небольшим отклонением по той же оси, что и большинство погребений некрополя. В восточной части этого участка сохранились остатки прямоугольной площадки из обожженной глины размерами 3×1,2 м высотой до 30 см. Ее подстилала глиняная подушка толщиной 10–30 см. Вероятно, на свободном от могил пространстве располагалась деревянная церковь, сгоревшая в пожаре. Остатки деревянных конструкций сооружения на этом участке прослежены в виде полос угля и обугленных плашек с восточной и северной стороны. Кроме того, вокруг этой площадки найдено несколько десятков целых и фрагментированных керамических плиток размерами 10×10 см, покрытых как одноцветной, так и полихромной глазурью. Как уже отмечалось выше, подобные плитки использовались для мощения полов древнерусских церквей. Найденные плитки залегали в слое глиняной забутовки и отчасти – в слое свалки, которые перекрыли слои XII – начала XIII в. В некоторых случаях на плитках сохранились следы извести. Наибольшие скопления целых и битых плиток церковного пола встречены к югу и западу от предполагаемой церкви.

Вероятно, церковь на раскопе № 28 представляла собой образец одного из древнейших типов деревянного храма – клетский, отличавшийся от простой избы только наличием главки с крестом. Самый ранний сохранившийся образец такой церкви – церковь Воскрешения Лазаря XIV в. Муромского монастыря в Карелии (Древнерусское градостроительство X – XV веков. С. 60). По крайней мере, размеры участка, свободного от погребений вполне соотносимы с большой срубной постройкой такого типа. Типичным для деревянных церквей было и мощение полов «моромором» (Седова, 1991. С. 16) – поливной керамической плиткой желтого, зеленого и коричневого цветов.

Само городское кладбище также вполне соответствует стандартам, сложившимся в средневековых русских городах. В указной грамоте рязанского великого князя Ивана Васильевича Третного Большого о построении церкви Иоанна Златоуста в Переяславле Рязанском, которая датирована 1485 г., содержатся точные данные об участке, отведенным церкви под кладбище. «Да около храма с трех сторон на кладбище по пяти сажен, а от улицы ко храму три сажени...» – читаем мы в грамоте (Морозов. С. 302). Таким образом, вокруг церкви для кладбища оставалось пространство шириной от 4–6 м до 7–10 м, что вполне согласуется с полученными данными: с юга, севера и востока, где открыты границы кладбища, до участка церкви оставалось пространство шириной 5, 6,5 и 8 м соответственно. При этом наибольшее число могил располагалось с южной стороны церкви.

Второе кладбище было открыто в центральной части городища на участке раскопов № 2 1946 г. и № 2А 1948 г (рис. 22). Оно имеет сходное расположение и ориентировку. Три погребения располагалась непосредственно над ямами жилищ усадьбы А (жилища 7а и 7б) и частично просели в них. Остальные погребения зафиксированы на уровне 1–3 пластов и были ориентированы головой на юго-запад. Костяки лежали рядами на небольшом расстоянии друг от друга. В некоторых случаях зафиксированы остатки могильных ям. Открытая на раскопе часть кладбища состояла из 5 рядов могил, идущих с северо-запада на юго-восток и включала 83 погребения. Вероятно, часто этого кладбища (три погребения) была открыта В.А. Городцовым в 1926 г. в западной части траншеи 7 (рис. 4).

При раскопках были четко зафиксированы южная и западная границы некрополя. Возможно, крайние погребения на западе и севере также определяют пределы кладбища. В этом случае его размеры были меньше (14×14 м), а церковь или часовня, если таковая имелась, располагалась не внутри участка, а на его краю.

Погребения третьего кладбища были исследованы в траншеях 1926 г. В.А. Городцовым (рис. 3, 4). На пересечении траншей 1 и 7–8 был исследован участок с погребениями, прорезавшими культурный слой и залегавшие в нем остатки печей. В траншее 1 было исследовано 8 погребений, ориентированных головой на запад и образовывавших, вероятно, один ряд длиной около 16–17 м (кв. 35–43). В траншеях 7 и 8, на участках, примыкающих к траншее 1 были также открыты погребения этого кладбища. Участок распространения некрополя с запада на восток протянулся примерно на 40 м (в траншеях 7 и 8 исследован отрезок длиной 20 и 8 м соответственно: кв. 45–55 траншеи 7 и кв. 1–4 траншеи 8). К сожалею, исследованные участки кладбища не позволяют определить его точную ориентировку и соответственно точные размеры по осям. Тем не менее, это кладбище имело немного большие размеры по сравнению с двумя вышеописанными, что могло определяться тем, что оно располагалось в центре площадки городища.

Четвертое кладбище частично исследовано в восточной части городища в траншее раскопа № 4 1967 г., протянувшейся с севера на юг (рис. 24). Здесь в верхних пластах культурного слоя на отрезке кв. Е11-Е15 в южной части траншеи было открыто 10 погребений также положенных головой на юго-запад. Погребения образовывали два ряда и перекрывали слой глиняной забутовки, под которой сохранился культурный слой с углубленными постройками. Судя по всему, погребение 10 восточного ряда маркирует северную границу кладбища: далее к северу следов погребений не прослежено.

К этому же некрополю, вероятно, относились и погребения в восточной части траншеи № 8 В.А. Городцова, расположенной к югу от траншеи 1967 г. и перпендикулярно ей (рис. 4). Здесь в кв. 27–32 было исследовано несколько погребений, прорезавших культурный слой. Судя по расположению, открытые погребения маркировали северо-восточную (раскоп 4) и западную (траншея 8) оконечности некрополя, размеры которого (длина около 25 м) также соизмеримы с более полно изученными кладбищами городища.

В связи с характеристикой и расположением некрополей Северного городища нельзя не упомянуть о еще одном объекте. В 31-м участке траншеи № 7 (на расстоянии 62 м от западного края) были открыты остатки сооружения с дощатым полом, ориентированное по сторонам света (№ 13) (рис. 5). Как отмечает автор раскопок, следов печи не найдено, подпольных ям тоже. Доски пола лежали на балках, положенных на землю, подстилал сооружение культурный слой мощностью до 60 см. В.А. Городцов высказал предположение, что это церковь, современная кладбищу, открытому на пересечении траншей № 1, 7 и 8. Однако, это сооружение расположено на значительном расстоянии от двух ближайших из известных кладбищ центральной части городища– в 30 м от обоих. Скорее всего, данное сооружение представляло собой хозяйственную постройку.

Погребения всех четырех некрополей Северного городища лишены каких либо датирующих признаков: лишь некоторые из них имеют сопутствующие находки – остатки парчовой ткани воротников и бронзовые пуговицы. Одно погребение, исследованное на раскопе № 28 содержало два проволочных перстнеобразных серебряных височных кольца, имеющих широкую дату бытования. Часть погребений второго кладбища, по мнению А.Л. Монгайта, относится к концу XII в. Этот вывод он делает на основании находок медного решетчатого перстня в погребении 46, а также других вещей того же времени на этом кладбище, таких

как хрустальные шаровидные бусы, семилопастное височное кольцо (Монгайт, 1955. С. 29). Но датировка названных предметов вряд ли может указывать на такую узкую дату. В связи с этим датировка некрополей Северного городища основывалась лишь на косвенных данных и неоднократно пересматривалась.

Для уточнения времени появления некрополей решающее значение имеет их стратиграфическое положение. На раскопе № 28 погребения перекрывают постройки XI–XII вв., такова же ситуация и на других участках. Кроме того, постройки горизонта Г (две усадьбы раскопа № 28 конца XII – начала XIII в.) расположены вблизи первого кладбища, но нигде не перекрывают его и не прорезаны могильными сооружениями. Анализ находок из разных участков культурного слоя этого раскопа указывает на 2-ю половину XII в., как на наиболее вероятное время появления этого некрополя. Дело в том, что на участке кладбища число находок резко сокращается по сравнению с окружающими жилыми зонами. В первую очередь, это касается стеклянных браслетов: в отличие от комплексов жилищ усадьб Б и В горизонта Г, на участке кладбища фрагменты стеклянных браслетов единичны и попали сюда, скорее всего, при последующей распашке. Так на участке 2004 г. из зоны жилища, занимавшего треть участка, происходит 80 экземпляров, тогда как на территории кладбища (остальные две трети раскопа 2004 г.) найдено всего лишь 8 фрагментов. Поскольку начало широкого распространения стеклянных браслетов в Старой Рязани Ю.Л. Щапова определяет 70-ми годами XII столетия, время возникновения кладбища может быть определено именно этим периодом.

Косвенно на эту дату указывает и другое обстоятельство. Именно в этот период – в середине – 2-й половине XII в. начинает застраиваться Южное городище. Жилые кварталы вырастают на месте первого городского могильника, датированного исследователями XI – 1-й половиной XII в. Вероятно, на смену старому кладбищу, занимавшему обширную береговую полосу к югу от Северного городища, приходят небольшие некрополи в черте города, вписанные в городскую планировку и занявшие места жилых усадеб. Возможно, уличная сеть определила и некоторое отклонение кладбищ и самих погребений от строгой ориентации по сторонам света.

На довольно длительный период использования некрополей указывает наличие перекрывающих друг друга погребений. Такая ситуация прослежена как на первом кладбище в юго-западной части городища, так и на втором, в его центральной части. В частности, в некрополе на раскопе № 28 это прослежено на участках, примыкающих с севера и юга к месту предполагаемой церкви, то есть в наиболее престижных для погребения местах.

Кладбища продолжали существовать до начала XIII в, а часть погребений, возможно, связана с событиями 1237 г. Такой вывод делает, в частности, А.Л. Монгайт на основании некоторых косвенных наблюдений (Монгайт, 1955. С. 29), например следов насильственной смерти на втором кладбище: пробитый стрелой череп погребения № 3, черенок стрелы, близкой по типу к татарским, в позвонке погребения № 37, следы повреждения костей мечом в погребениях № 21 и № 27, беспорядочное положение частей костяка в погребении № 22.

Вероятно, события 1237 г. стали датой гибели и церкви на первом кладбище: следы пожаров и разрушения перекрывают большинство погребений , а также частично и зоны жилых усадеб. На одновременность разрушения церкви и жилых построек указывает и перемешанность, «слоистость» соприкасающихся участков слоев усадеб и церкви, а также характерное соотношение слоев глиняной забутовки из разрушенной церкви и жилища к югу от нее (усадьбы Б). Глина частично примыкала и частично перекрыла обгоревшие конструкции жилого дома

и столбы открытой галереи с его западной стороны. Присутствие поливных плиток пола в основании вала 4-го яруса, а также на дне ямы 64 – подпола усадьбы бронзолитейщика конца XII – начала XIII в. также подтверждают дату гибели церкви в 1-й трети XIII в.

После разрушения церкви кладбище какое-то время продолжало использоваться. Ряд погребений прорезает глинистый слой с остатками поливных плиток пола. Однако сказать с уверенностью были ли это погребения жертв событий 1237 г или же совершены здесь позднее, невозможно. Нет таких однозначных фактов и для других некрополей Северного городища.

Тем не менее, память о существовавших здесь кладбищах и церквях продолжала сохранятся. На Северном городище еще в XVIII в. при отсутствии жилой застройки стояла часовня, о которой упоминает В.А. Городцов. Вероятнее всего она располагалась на одном из прежних «святых мест».

Таким образом, исследование культурного слоя Северного городища с учетом данных, полученных за последние годы раскопок, позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты истории Старой Рязани.

Первый вывод касается периода дославянского освоения территории Северного городища. На раскопе № 28 открыты следы кладбища IV–VII вв. культуры рязано-окских могильников. Оно представляло собой участок, разделенный оградками на сетку квадратов со стороной около 3 м, ориентированных по линии север – юг с небольшим отклонением к северо-западу – юго-востоку. Внутри оградок помещались погребальные урны с остатками кремации. Одна из таких урн была открыта в 2000 г. in situ. От некоторых сохранились следы в виде скоплений кальценированных костей и фрагментов характерной керамики. Подобное кладбище уникально среди памятников культуры рязано-окских могильников. Обряд кремации был распространен в среде ее носителей, но урновые захоронения нигде больше не известны. Следы оградок и погребений встречаются только в западной части раскопа № 28. Вероятно, могильник занимал юго-западный мыс Северного городища, образованный коренным берегом и северным краем оврага, ограничивающего площадку с юга.

Получены новые данные о времени возникновения древнерусского города. Постепенно накапливается коллекция вещей, которые указывают на начало XI в. как на наиболее вероятную дату основания Рязани. Это некоторые типы бус, время бытования которых не выходит за эти рамки (т.н. ранние «глазчатые» и шарообразные сердоликовые), обломок костяной односторонней расчески, которые также вышли из употребления в начале XI столетия, немногочисленные куфические монеты из находок 1875 г и 1903 г. Конечно, таких вещей очень мало. Но надо отметить, что иных предметов, с более широкой датой бытования в ранних комплексах также очень мало, значительно меньше, чем в более поздних.

Например, на участке 1999 г. раскопа № 28, который дает усредненные показатели по всем горизонтам (Здесь располагалась западная окраина усадьбы В горизонтов А и Б, постройки горизонта В, западная часть усадьбы бронзолитейщика горизонта Г и восточная окраина синхронного ему кладбища) находки из нижних горизонтов А и Б составляют лишь 12%. Если учесть, что 30% площади поверхности были прорезаны более поздними постройками, долю ранних материалов за счет переотложенных слоев можно весьма приблизительно определить в 15–18%. Такая же ситуация и в составе коллекции керамики. Из ранних слоев и построек происходит 31% керамики коллекции участка (в том числе только 1,6% из горизонта А), а с учетом ранних типов, встреченных в переотложенном состоянии доля массового материала горизонтов А и Б возрастает до 36,5% (в том числе лишь 6% – керамика типов 1 и 2, характерных для горизонта А). Более поло-

вины коллекции составляет посуда середины XII – начала XIII в., а 10,3% – керамика типов, характерных для золотоордынской эпохи.

Бедность ранних горизонтов культурного слоя Старой Рязани является общей закономерностью, потому и не следует игнорировать пусть единичные, но все-таки надежно датированные находки, указывающие на столь раннюю дату. Их наличие тем более ценно, что во всех случаях нахождения подобных вещей в закрытом комплексе (нижние горизонты ям 67 и 97 раскопа № 28 и угольная прослойка над слоем погребенной почвы) им сопутствует весьма характерная керамика. Это раннекруговые горшки типов 1 и 2 старорязанской классификации. Многократное повторение такого сосуществования позволит уточнить дату их бытования в Старой Рязани. При широкой общей датировке такой керамики от IX в. на юге до начала XII в. на севере в Старой Рязани они появляются вместе с первыми поселенцами, вероятно, в начале XI в. и продолжают бытовать до 2-й половины этого столетия, когда им на смену постепенно приходят иные типы. «Чистые» комплексы такой керамики, таким образом, следует датировать 1-й половиной XI в. Их наличие в разных частях Северного городища (по крайней мере, на юго-западном и северном участках) и присутствие ранних материалов практически во всех раскопах позволяет сделать вывод о единовременном возникновении обширного поселения на его территории. Комплексы же более позднего времени, 2-й половины XI – начала XII в., образуют уже сплошной слой на всей площадке городища и свидетельствуют о том, что город этого времени был уже плотно застроен. Сформировались наследственные усадьбы, уличная планировка. По крайней мере, в южной части городища после пожаров структура городской застройки оставалась устойчивой, неизменной. Доля керамики этого времени вполне сопоставима с долей посуды периода последующего расцвета Старой Рязани.

При этом ранний, «докняжеский» период истории Старой Рязани, не нашедший отражения в летописях и других письменных источниках, предстает перед нами как довольно бурная и неспокойная эпоха. Практически везде постройки этого времени были уничтожены огнем, а на участках, примыкающих к оборонительным сооружениям, такие события происходили, по крайней мере, трижды. В первом из пожаров сгорели и первые городские стены. На современном этапе исследований пока нельзя сказать, были ли связаны эти пожары с какими-то военными событиями или же город горел от случайного огня. Но попытки найти отголоски рязанских событий в истории Руси XI в. все же следует искать. Возможно, сюда докатились усобицы киевских князей начала XI столетия, когда были убиты ростовский и муромский князья Борис и Глеб, и конца этого столетия, когда в 1095–1096 гг. в муромо-рязанских вотчинах пытался закрепиться черниговский Олег «Гориславич». Возможно, причиной катаклизмов стали набеги кочевников. В течение XI в. степи дважды переходили в руки новых хозяев, сначала торков, а затем половцев. Возможно, город пострадал от не всегда мирного соседства с Волжской Булгарией. На булгар неоднократно (возможно трижды – в 985, 994 и 997 гг.) ходил киевский князь Владимир. Конфликт между интересами Киева и Булгара на Волге и Оке в итоге был мирно разрешен в 1006 г. князем Владимиром и булгарскими послами, обменявшимися «печатями» на право вольной торговли в городах этих рек (Татищев. Т. II. С. 69). В конце столетия, в 1087 или 1088 гг. этот конфликт вновь дал о себе знать: в ответ на разбои волжские булгары сожгли Муром (ПСРЛ. Т. IX. С. 115; Татищев. С. 95–96). Крупный поход булгар состоялся в 1107 г. Объектом нападения на этот раз стал Суздаль.

Существенные изменения в жизни Рязани произошли позднее, когда в 1129 г. здесь появились собственные князья и город постепенно занял лидирующее по-

ложение в Муромо-Рязанской земле. Вероятно, первым актом новой власти была реконструкция укреплений. На Северном городище были проведены масштабные работы по строительству мощных оборонительных стен, состоявших из нескольких рядов срубов. Глубина обороны превысила 10 м. Участки, примыкающие к валу, были освобождены от жилой застройки и, вероятно, использовались в оборонительных целях.

Этот период в жизни Рязани тоже не был спокойным. Княжеские усобицы, половецкие набеги и ответные походы князей в степь, походы на Волжскую Болгарию заполняют весь период середины – 2-й половины XII в. Возможно, в ходе одного из этих событий укрепления города были сожжены. Одновременно Рязань испытывает массовый приток переселенцев из Южной Руси, что отразилось на всех сторонах материальной культуры города и привело к строительству укреплений Южного городища, охватившего площадь, многократно превышающую старый город, Северное городище.

Перемены привели к тому, что стратегическое значение Северного городища снижается. Новые укрепления выглядят проще, чем предшествующие, хотя общие принципы строительства остаются прежними. Кроме того, участки близ вала вновь застраиваются жилыми кварталами. Интенсивная городская жизнь этого времени прослежена на всех исследованных участках городища. Новым явлением в планировке Северного городища в этот период стало появление кладбищ, включенных в городскую застройку. В настоящее время на Северном городище известно 4 таких кладбища, одно из которых исследовано почти полностью. Они возникли на месте жилых построек более раннего времени и занимали участки, сопоставимые с площадью усадеб. При плотной городской застройке, скорее всего, под кладбища отводились выморочные владения. На одном из таких кладбищ на раскопе 28 прослежены следы деревянной церкви, располагавшейся в центре кладбищенской территории и занимавшей участок площадью около 35–50 кв. м.

В этот период в истории Рязани произошло событие, довольно подробно описанное в летописях. Это рязано-суздальская война 1207–1208 гг., когда городские укрепления были уничтожены Всеволодом Большое Гнездо за непокорность горожан. Летописец отмечает, что город был сожжен, но на исследованных участках укреплений Северного городища следов этого пожара не прослежено. Судя по имеющимся данным, стены были разобраны. Однако вскоре город был вновь отстроен. На это указывают летописи и результаты археологических раскопок. При этом если на Южном городище фиксируются следы большой перепланировки этого времени, то на Северном, вероятно, они коснулись только укреплений.

В 1237 г. Рязань подверглась монгольскому нашествию. Летописи сохранили драматичное описание гибели города. На Северном городище следы этих трагических событий также отчетливо прослежены. Большинство построек этого периода погибло в огне пожара. Тогда же, вероятно, была разрушена и церковь юго-западного кладбища, следы которой открыты на раскопе 28. Позднее жизнь в городе возродилась не везде. Усадьбы 2-й половины XIII – начала XIV в. прослежены только на одном участке в центре городища. Материалы этого времени на остальной территории немногочисленны. Другим свидетельством присутствия населения на Северном городище могут служить некоторые погребения на исследованных кладбищах. Они совершены уже после гибели города, прорезают слои разрушения жилых построек и церкви. Значительно больше материалов золотоордынского времени встречено на Южном городище, хотя и здесь, вероятно, жизнь продолжалась не далее XIV в. Характерной керамики XV в. и более позднего времени в материалах Старой Рязани практически нет.

Литература

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М, 1995.

Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993.

Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1982.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Зверуго Я.Г. Древний Волковыск. Минск, 1975.

Иов О.В. Круговая керамика поселений IX–XI вв. западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М., 1992.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1999. Вып. 13.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.

Кучера М.П. Керамика. // Археология УССР. Киев, 1992. Т. 3.

Кучера М.П. Про деякі маловідомі типи керамикі на давньоруських пам'ятках // Історія Русі – Украіни (історико-археологічний збірник). Київ, 1998.

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г. Керамика Ростова X–ХШ вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв). // Материалы по археологии Новгорода. 1988 г. М., 1990.

Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1985.

Мальм В.А. Производство глиняных изделий.// Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33.

Малевская М.В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. // КСИА. № 120. М., 1965.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1946.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1948.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1949.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции / Архив ИА РАН. 1950.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1966.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1967.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1970.

Монгайт А.Л. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1971.

Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские городища течения р.Ромен (в Посулье) // КСИА. 1983. № 175.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.

Моргунов Ю.Ю. Отчет о работах на северном городище Старой Рязани в 1994 году // Архив ИА РАН. 1994.

Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома. // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988.

Олейников О.М., Смирнова Г.П. Хронология некоторых типов новгородской керамики X–ХШ вв. // Древнерусская керамика. М., 1992.

Островский М.И., Павлова К.В., Раппопорт П.А. Раскопки в Данилове // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

Петрашенко В.А. Керамика IX–ХШ вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М, 1992.

Поздняков В.С. Развитие керамики древнерусского Клецка // Древнерусская керамика. М., 1992.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1, 10, 25.

Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Новые материалы о жилищах Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.Н. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Седова М.В. Очерк истории Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгород. // МИА. 1956. № 55. Т. I.
Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика поселений XII–XIV вв. междуречья Прони и Рановы // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология. Тула, 2002.
Стрикалов И.Ю. Использование керамики для датировки перемешанного культурного слоя (на примере Пронска и его округи // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов. Липецк, 1992.
Стрикалов И.Ю. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск, 1998.
Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
Татищев В.Н. История Российская. Т. II.
Тверской Л.М. Русское градостроительство до XVII в. М.–Л., 1953.
Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Труды ГИМ. № 33. М.6 1959.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 1995 году // Архив ИА РАН. 1995.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 1998 году // Архив ИА РАН. 1998.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 1999 году // Архив ИА РАН. 1999.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2000 году // Архив ИА РАН. 2000.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2002 году // Архив ИА РАН. 2002.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2003 году // Архив ИА РАН. 2003.
Чернецов А.В. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции в 2004 году // Архив ИА РАН. 2004.
Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.
Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.
Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. 1955. № 55.
Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966–1968 гг.). // Археология Рязанской земли. М., 1974.
Abramowicz A. Ceramika z Czermna nad Huczwa. // Archeologia Polski. T. IV. Zeszyt 1. Warszawa–Wroclaw, 1959.

В.И. Завьялов

Археологические исследования посада*

Одной из составных частей древнерусского города был посад, под которым понимается неукрепленная часть поселения, где проживало преимущественно торгово-ремесленное население. В Старой Рязани посад занимал территорию между западными валами города и Окой, а также участки за южными и северными валами. Серия разведочных шурфов и траншей за восточными валами продемонстрировала отсутствие в этом месте культурного слоя (Буланкина, 2001. С. 52). Это вполне объяснимо с точки зрения безопасности поселения: к востоку от городских укреплений расстилается ровная поверхность, ничем не защищенная от вражеских набегов.

Застройка старорязанского посада, по всей видимости, была приспособлена к довольно сложному, изрезанному рельефу второй надпойменной террасы. Несмотря на многолетние археологические исследования Старой Рязани и интерес исследователей к неукрепленной части города уже в конце XIX в., пристальное внимание посаду стало уделяться лишь в последнее время.

Начало археологического изучения посада Старой Рязани относится к последним годам XIX в. Первые обследования посада были проведены в 1899 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии А.И. Черепниным, А.В. Половцевым, В.Н.Крейтоном и И.И.Проходцовым. Они попытались определить границы Шатрищенского могильника, расположенного рядом с городищем, заложили траншеи за восточными валами, на «правой стороне оврага, прилегающего к Черной речке». Однако эти работы не дали положительного результата: непосредственно за валами городища не было обнаружено ни погребений могильника, ни культурного слоя.

В следующем, 1900 г. члены РУАК В.Н. Крейтон, И.И. Проходцов и А.И. Черепнин приступили к плановым работам на городище, но были ограничены в выборе места раскопок – большая часть городища была засеяна рожью, свободной оставалась только его южная часть, где и было заложено несколько траншей. Затем исследователи осмотрели «осыпи, образовавшиеся на западной стороне нижней (т.е. 1-й речной) террасы Старорязанского городища». Была отмечена неравномерная величина культурного слоя: недалеко от моста через р. Серебрянку – более 180 см, затем к югу мощность слоя уменьшается, и в 170 м от ус-

* Полевые исследования Старорязанского городища проводятся при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ (в 2005 г. проект № 05–01–18040е), Центра «Интеграция», а также Президиума РАН. С 2003 г. поддержку в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» получает проект «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», руководитель проекта А.В. Чернецов.

тья речки есть осыпи, где мощность не более аршина (72 см). Исследователями отмечены следующие артефакты: керамика от неолитической до средневековой («курганного типа»), обожженная глина, кирпичи, а также кости животных, обгоревшее дерево. В 35 саженях (ок. 70 м) от моста были обнаружены остатки настила из дубовых досок, лежащих на вертикально вбитых в землю истлевших дубовых столбах. Настил залегал на глубине около 1 м от поверхности, тянулся в длину на 85–90 м. Было высказано предположение, что это – остатки древней пристани (Буланкина, Завьялов, 2003).

В XX столетии основные исследования памятника были сосредоточены в укрепленной части города; работы на посаде были случайны и эпизодически (Даркевич, Борисевич, 1995; Монгайт, 1974).

В 60–70-е годы XX в. на территории посада проводился сбор подъемного материала, и лишь в 1975 г. был заложен раскоп на мысу первой надпойменной террасы в 50 м к югу от устья р. Серебрянки. Раскоп получил порядковый номер 19. Верхние пласты культурного слоя в результате длительной распашки были сильно перемешаны, вещевой комплекс из этих слоев имеет широкий хронологический диапазон от XI до XVII в. Ниже пахотного слоя открыта часть сгоревшей жилой срубной постройки, существовавшей не ранее 30-х годов XII в. Ее подстилал более ранний культурный слой, в котором встречены находки XI – 1-й половины XII в.

В следующем году произведена зачистка обнажения оврага за южными валами городища (25 м перед юго-западным углом южного вала, за рвом). Мощность культурного слоя на этом участке составила 1,6 м; верхние пласты (до глубины 0,8 м) датируются XVIII–XX вв.; ниже – XVII в, последние 0,3 м над материком – XII–XIII вв.

Тогда же зачищены стенки карьера и затем заложен шурф за южными валами городища. В шурфе обнаружены остатки наземного жилища, погибшего в пожаре. Время его существования по керамике и находкам определяется 2-й половиной XII – XIII в.

Северная часть посада привлекала внимание исследователей обилием подъемного материала, собираемого на пологом подъеме от Оки и Серебрянки к коренному берегу. В 70-х годах XX в. на этой территории было проведено наблюдении за рытьем подпола жилого дома (встречена керамика от XI до 1-й половины XIII в., шиферные пряслица, наконечник копья и другие находки).

В 1977 г. на мысу первой надпойменной террасы заложен раскоп 21 площадью 170 кв. м (см. план на рис. 4 к вступительной статье А.В. Чернецова в этом сборнике). В задачи изучения этого участка входило исследование застройки посада. Однако вместо предполагаемых жилых и производственных построек было открыто коллективное захоронение жителей города, погибших во время взятия Рязани войсками Батыя. Для захоронения был вырыт общий котлован; тела располагались в три яруса, которые отделялись друг от друга небольшой прослойкой земли; при погребении были соблюдены элементы христианского обряда (ориентировка и положение погребенных, отсутствие инвентаря). В засыпке встречено значительное количество угольков, слой угля и обожженной глины подстилает захоронения в северо-западной части раскопа. Братское кладбище, безусловно, занимает территорию, превышающую площадь раскопа, но целиком оно не исследовано. Погребения были совершены на уже существовавшем кладбище конца XII – начала XIII в., к периоду функционирования которого можно отнести захоронения с остатками гробов (фиксируются по наличию древесного тлена и гвоздей). У южной стенки раскопа от культурного слоя, предшествующего братской могиле, сохранилась хозяйственная яма диаметром 3,5 м и глубиной

1,4 м. Стенки ямы выложены деревом. В яме обнаружена керамика как рубежа XII–XIII – 1-й трети XIII в., так и конца XI – XII в. По мнению В.П. Даркевича, керамика на Подоле отличается от посуды, найденной в пределах Столичного города: она печного обжига, с крупными примесями дресвы – «деревенского» типа. Автор публикации считает, что в этой части города продолжало существовать домашнее производство посуды, не рассчитанной на продажу (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 373). Из слоя засыпки братской могилы происходят несколько предметов домонгольского времени: стеклянные браслеты, шиферное пряслице, крестик-тельник из камня.

После длительного перерыва археологические исследования посада возобновились лишь в 1996 г. В этом сезоне было вскрыто несколько разведочных шурфов в различных частях посада (три – между городищем и Окой, один – к северу от р. Серебрянки). В задачи шурфовки входило определение мощности и особенности распространения культурного слоя на посаде, его характеристика и выбор перспективного участка для исследования. В результате этих работ установлено, что культурный слой в неукрепленной части памятника распространяется крайне неравномерно. Участки с мощным (до 1,5 м) слоем чередовались с участками, где он практически отсутствовал. Видимо, застройка посада, как и современной деревни Старая Рязань, диктовалась рельефом местности.

Интенсивные работы по исследованию посада начались в 1997 г. В этом году раскопками было вскрыто около 100 кв. м территории посада. Начатые работы позволили значительно расширить представления о неукрепленной части города. Один из шурфов 1996 г. (№ 4) был расширен в раскоп площадью 48 кв. м, получивший порядковый номер 26 (начальник раскопа И.Е. Зайцева). Интерес к этому участку посада вызван, прежде всего, тем, что в шурфе 1996 г. обнаружена керамика XI в. – времени первоначального освоения Старой Рязани славянами. Общая мощность культурного слоя в раскопе увеличивалась с 50 см в восточной до 80 см в западной части. Распределение в слое керамического материала свидетельствует о его незначительной переотложенности. Керамика, найденная на раскопе, может быть датирована XI–XIV вв. (преобладает керамика XII–XIV вв., составляющая около 60%)[1]. В раскопе вскрыты остатки производственного комплекса, предположительно связанного с обработкой черного металла. В комплекс входит печь, располагающаяся вне сооружения. Печь частично нависает над стенкой специально вырытой канавы шириной около 160 см, имеющей уклон в южном направлении. К сожалению, комплекс уходил за границы раскопа и не был вскрыт полностью, что не позволяет с достоверностью говорить о его характере.

Наиболее раннюю дату в раскопе имеет предматериковый слой серой слабогумусированной супеси, располагающийся в западной части раскопа. Собранные в нем керамика и индивидуальные находки позволяют датировать его в пределах XI в. Прорезающая этот слой яма, которая, вероятно, являлась подпольной ямой сооружения, датируется по керамике серединой этого столетия. Здесь же собраны и фрагменты лепной славянской посуды IX в. (см.: Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 27, рис. 7), хотя выраженного слоя этого времени в раскопе не обнаружено. Также полностью уничтожен и незначительный, очевидно, слой поздняковской культуры бронзового века, керамика из которого собрана в южной части раскопа.

Несомненный интерес представляют исследования обнаруженного на посаде участка с влажным культурным слоем – раскоп № 27 (рис. 1). Повышенная влажность слоя способствовала удовлетворительной сохранности предметов из органических материалов (дерева, кожи, коры и т.п.). Благодаря этому открывается

Рис. 1. Посад Старой Рязани. Раскоп № 27.

Рис. 2. Стратиграфия верхних слоев раскопа № 27 (светлый слой над темным культурным слоем – стерильный палевый суглинок)

Рис. 3. Раскоп № 27. Остатки деревянных конструкций в 3–4 пласте

возможность составить представление о неизвестных раннее особенностях материальной культуры Старой Рязани (на основной части памятника органика практически не сохраняется). Работы на раскопе № 27 были сопряжены с определенными техническими трудностями: снятием мощного (до 80 см) балласта, перекрывавшего культурный слой (рис. 2), рытьем траншей и колодцев, постоянным откачиванием грунтовых вод. В связи с этим первоначально работы были начаты на небольшом участке площадью 36 кв. м, который позднее был расширен вдвое. Уже первые находки позволили сделать вывод о неординарности исследуемой усадьбы.

В результате работ группы геоморфологов (руководитель – к.г.н. Е.И. Романова) удалось установить, что балласт, перекрывший и законсервировавший культурный слой в этой части посада, является сползшим валом городища. Разрушение вала было следствием взятия Рязани войсками Батыя в декабре 1237 г. Датировка вещевого материала подтверждает это предположение. В культурном слое верхних пластов встречена серо- и белоглиняная древнерусская керамика 2-й половины XII – начала XIII в.

Как показали археологические исследования, площадь раскопа № 27 пришлась на периферию усадьбы. В ходе работ не удалось обнаружить ни одной жилой или хозяйственной постройки, кроме части сруба, располагавшегося в юго-западном углу раскопа (Завьялов, Буланкина, 2001. С. 58). Тем не менее, вещевой комплекс весьма представителен: за пять полевых сезонов на раскопе обнаружено более 75 000 фрагментов керамики, 850 индивидуальных находок, остатки деревянных конструкций, большинство из которых, к сожалению, невозможно интерпретировать однозначно (рис. 3).

Особенностью вещевого комплекса верхних пластов раскопа № 27 является большое количество янтаря, представленного необработанными кусочками величиной от 5–7 см до мельчайших чешуек. Вес янтаря найденного на некоторых квадратах достигал нескольких десятков граммов. Такое обилие янтаря дало возможность высказать предположение, что раскапываемая территория была частью усадьбы ремесленника, специализировавшегося на обработке янтаря или использовавшего янтарь в производстве.

Заметную часть керамического комплекса составляли фрагменты византийских амфор (всего на раскопе найдено 202 фрагмента) (рис. 4, *1–3*). Такое большое количество амфор свидетельствует, что жители усадьбы каким-то образом были вовлечены в заморскую торговлю. Ам-

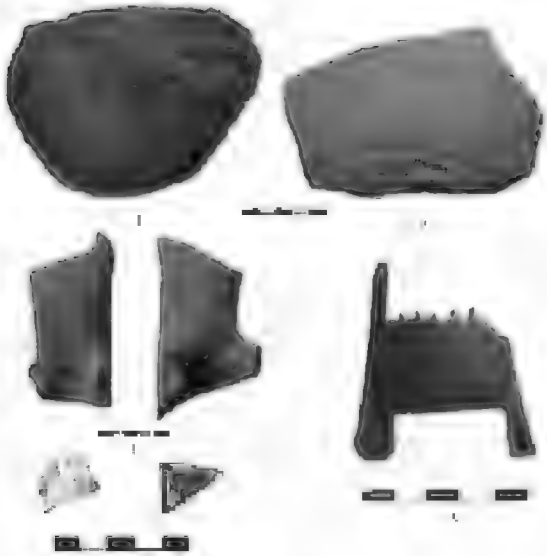


Рис. 4. Раскоп № 27. Находки, датирующие верхний хронологический горизонт: *1–2* – фрагменты амфор; *3* – ручки амфор; *4* – иранская керамика; *5* – гребень типа Н

форы представлены тремя типами: триллия (рис. 4, *1*) – 58,4% всех фрагментов, трапезунд (рис. 4, *2*) – 32,2% и маломерные амфоры, изготовленные из хорошо обожженной неожелезненной (белой) или слабоожелезненной (желтой) глины, имеющие удлиненные пропорции и орнаментированные рельефным волнообразным рифлением (9,4%)[2]. Кроме трех пречисленных типов амфор, в материалах раскопа 27 встречен один небольшой обломок стенки сосуда, который с определенной степенью осторожности, можно отнести к амфорам типа IV, предположительно происходящим из Палестины (Волков, 1996. С. 95–96). Эти амфоры отличались очень грубым тестом (с остроугольными включениями метаморфизированных сланцев), низкокачественным обжигом и темно-красным цветом поверхности. Амфоры этого типа датируются на Руси XII в.

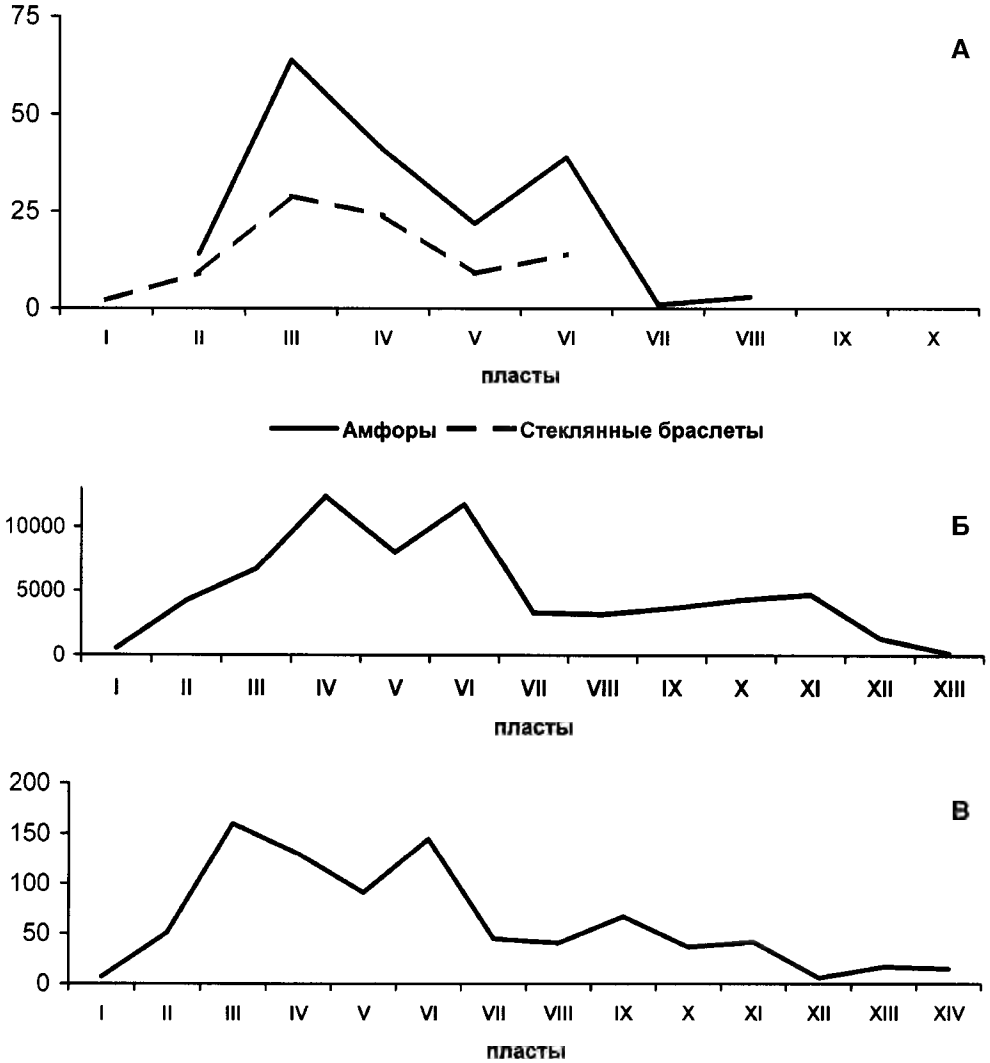


Рис. 5. Графики распределения находок из раскопа № 27 по пластам: *а* – амфорной тары и стеклянных браслетов; *б* – керамики; *в* – индивидуальных находок

В целом амфорный материал раскопа № 27 может быть датирован серединой XII – 1-й половиной XIII в. На это указывает совстречаемость амфор всех трех типов. Однако обращает на себя внимание необычное сочетание типов триллия и трапезунд. В то время как в Новгороде и других русских городах обломки амфор «триллийской» группы встречаются в культурном слое в 4–10 раз реже, чем «трапезундские» (Волков, 1996), на раскопе № 27 в Старой Рязани «триллийская» группа явно преобладает. Это особенно хорошо заметно по взаимовстречаемости крупных обломков амфор (см. статью В.Ю. Коваля в этом сборнике).

Распределение амфор по пластам представлено на рис. 5а. График имеет четко выраженную двухвершинность с пиками, приходящимися на IV и VI пласты и резкой седловиной в V пласте. В пласте 7 амфор уже практически нет. Вероятно, это связано с хронологическими особенностями распространения амфорной тары.

Своего рода сенсацией стала находка фрагмента берестяной грамоты – первой в Старой Рязани. Это три миниатюрных фрагмента от одного документа. Полностью сохранилось пять букв, еще несколько – частично, причем видно, что надпись была как минимум двустрочной. Несмотря на то, что обнаруженная надпись не позволяет осуществить осмысленное прочтение, важен сам факт обнаружения документа на бересте в Старой Рязани; ясно, что они бытовали в этом городе, о чем можно теперь судить не только на основе косвенных данных (находок писал), но и непосредственно по самим грамотам (Чернецов и др., 1999. С. 278). Находка специально рассматривается в этом сборнике, в отдельной статье, посвященной эпиграфике Старой Рязани, написанной А.А. Медынцевой.

Из уникальных находок следует отметить найденную в пахотном слое пластинку из зеленого змеевика (офита)[3] с арабской надписью: «Тимур хан, Аллах <глагол пропущен> царство его». К сожалению, ситуация находки в перемешанном слое не дает оснований ни для ее датировки, ни для ее увязки с исследуемыми на раскопе комплексами (Чернецов, 2001. С. 15).

Впервые для Старой Рязани найдены хорошо сохранившиеся деревянные предметы. Среди них ложки, фрагмент деревянной охотничьей стрелы («томара»), деревянная «бусина» бочонкообразной формы размерами 1,5×1,3 см и диаметром отверстия 4 мм. Резное дерево представлено навершием и игрушкой-«коником».

Навершие-«домовой» (рис. 6, *1*), находка хорошо известная по новгородским материалам, представляет из себя тонкий деревянный стержень, который заканчивается фигурной головкой человека (?). Диаметр стержня около 0,6 см, об-

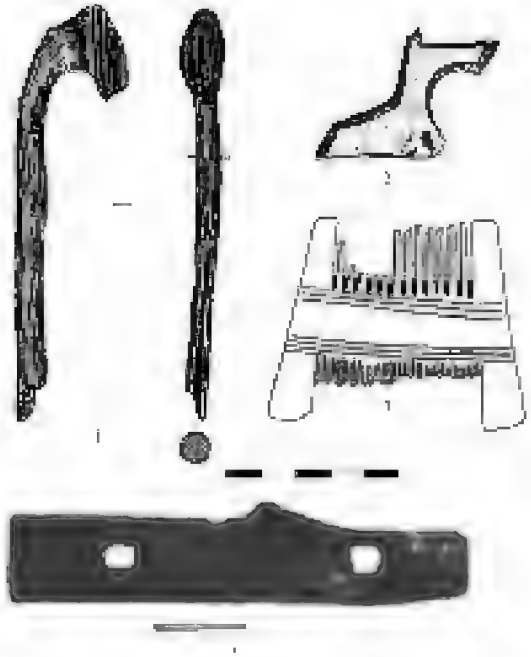


Рис. 6. Раскоп № 27. Находки, датирующие нижний хронологический горизонт: *1* – навершие-«домовой»; *2* – игрушка «коник»; *3* – гребень типа М; *4* – уключина

щая длина – около 13 см. По типологии Г.Е. Дубровина, эту находку можно отнести к типу М (Дубровин, 1990. С. 99). Преимущественное время бытования данной категории – X–XI вв. Большинство исследователей связывают эти предметы с какими-то языческими верованиями (Колчин, 1971. С. 42).

Деревянная игрушка-«коник» вырезана из дощечки толщиной около 0,3 см (рис. 6, *2*). Ее длина 5 см, а высота – 4 см. По типу данную находку можно отнести к плоским фигуркам с едва намеченными ногами. Подобные игрушки бытовали в Новгороде в X–XII вв. (Колчин, 1971. С. 47).

Анализ распределения керамики и индивидуальных находок по пластам позволил сделать выводы о стратиграфии и хронологии исследованных слоев. При этом установлено, что падение уровня современной дневной поверхности на исследуемом участке с севера на юг (отметки северной линии квадратов на 70 см выше южной линии), характерно и для средневековых слоев, а, следовательно, находки из южных квадратов синхронны находкам из северных квадратов, расположенных выше по глубине залегания от нулевого репера.

Для выявления стратиграфических особенностей вещевого комплекса были построены графики распределения керамики, амфор, стеклянных браслетов и индивидуальных находок по пластам (рис. 5). Также как и график распределения амфор, эти графики имеют четко выраженную двухвершинность с пиками, приходящимися на IV и VI пласты и резкой седловиной в V пласте.

Пласты, на которые приходятся седловина и пик графика (пласты 5–6) можно считать своеобразным хронологическим рубежом. В этих пластах не только появляются новые артефакты, не встречающиеся в нижних напластованиях, но и изменяется характер занятий владельцев усадьбы (появление янтаря, амфор). Напротив, ряд находок, которые могут характеризовать производственную деятельность владельцев усадьбы, присутствует только в нижних пластах и не встречен выше предполагаемого хронологического рубежа (бронзовые заготовки и полуфабрикаты, латунная проволока, тигли-льячки).

Своеобразным хронологическим репером, разделяющим верхний и нижний хронологические горизонты, может служить распределение стеклянных браслетов в слое. Известно, что эти украшение начинают свое бытование на древнерусских памятниках не раннее 30-х годов XII в. (Колчин, 1982. С. 159; Щапова, 1972. С. 121) Следовательно, пятый-шестой пласты раскопа 27, где впервые встречены стеклянные браслеты, следует датировать не раньше этого времени.

На датировку верхних пластов культурного слоя серединой XII – началом XIII в. указывают и амфоры. Наиболее вероятной датой отложения амфорной керамики, как уже отмечалось, следует считать XII – начало XIII в.

Индивидуальные находки из напластований 1–6 пластов, имеющие сравнительно узкое время бытования, не противоречат предложенной датировке. Среди них свинцовая пломба «дрогичинского» типа. Пломба относится к типу VI по Б.Д. Ершевскому (Ершевский, 1978. С. 241). На одной стороне пломбы – изображение княжеского знака (двузубец?), на другой – четырехконечный крест. Датируются дрогиченские пломбы XII – началом XIII в.

Последней третью XII – началом XIII в. датируются два фрагмента иранских сосудов (определение и датировка В.Ю. Коваля). Один из них с люстровой росписью изготовлен из белого твердого кашина, другой – обломок фаянсовой чаши типа «минаи» с полихромной надглазурной росписью по белой непрозрачной поливе (рис. 4, *4*).

К этому же времени относится и костяной гребень типа Н (рис. 4, *5*), датируемый по новгородским материалам началом XII – концом XIV в. (Колчин, 1982. С. 166).

Не противоречит предложенной датировке и находка вислой печати новгородского князя Всеволода Мстиславича (1117–1136 гг.; определение П.Г. Гайдукова).

Итак, первый стратиграфический горизонт, объединяющий 1–6 пласты, может датироваться 30–50 годами XII – 1-й половиной XIII в. (до 1237 г.?), т.е. соотносится с периодом наивысшего расцвета Старой Рязани, ее превращением в стольный город Древней Руси. В это время население усадьбы было связано с каким-то производством, сырьем для которого служил янтарь. Это не было ювелирное ремесло, поскольку среди находок отсутствуют какие-либо инструменты и заготовки, а сам янтарь в своей массе представлен мелкими необработанными фрагментами низкого качества, не пригодными для производства изделий. Второй особенностью этого комплекса является большое количество византийских амфор (около четверти всех индивидуальных находок). Если принять во внимание, что амфорная тара служила для привоза вина и оливкового масла, то весьма возможно предположение об изготовлении жителями усадьбы лаков на основе янтаря. Кроме того, на раскопе встречаются небольшие куски гематита, использовавшегося в качестве красителя. Залежи этого минерала известны на Украине, в районе Курской магнитной аномалии, на Урале (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 125). В окрестностях Старой Рязани выходы гематита не отмечены, т.е. этот минерал не мог попасть на территорию посада случайно (например, с песком или глиной).

Интересно, что янтарь кусками разной величины и различные красители (в том числе и гематит) были обнаружены в Новгороде на усадьбе художника Олисея Гречина (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 114). Прослеживается сходство вещевого комплекса верхних слоев раскопа 27 с материалами из упомянутой новгородской усадьбы и по большому числу найденных амфор (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 86). Да и хронологически усадьба Олисея Гречина (2-я половина XII – начало XIII в.) и пласты 1–6 на раскопе № 27 совпадают. Таким образом, исследованная на раскопе 27 усадьба была связана во 2-й половине XII – начале XIII в. или со специализированным ремесленником, производящим лаки и красители, или с художником.

Теперь остановимся на характеристике нижнего стратиграфического горизонта. Как уже упоминалось, границей между ними служат 5–6 пласты, относящиеся к середине XII столетия. Нижняя дата этого стратиграфического горизонта по керамическому и вещевому комплексу может быть определена как рубеж XI–XII вв., возможно конец XI в.

Датировку нижних пластов раскопа 27 подтверждают уже упоминавшиеся навершие-«домовой» (X–XI вв.) и игрушка-«коник» (X–XII вв.), а также костяной гребень типа М с простым линейным орнаментом (начало XI – конец XII в.) (рис. 6, *3*).Из датирующих нижний хронологический горизонт находок отмечу деревянную уключину (рис. 6, 4). Поделка представляет собой прямоугольный брус размерами 9×4×50 см. В ней имеются два сквозных подквадратных отверстия 3,5×3,5 см. Отверстия расположены в 10 см от краев детали. Между отверстиями расположен паз размерами 3,5×3,5 см и глубиной около 4 см. Оба отверстия вырублены долотом, следы от которого хорошо прослеживаются в дереве. Самые близкие аналогии этой детали можно найти среди уключин подгруппы А12 – уключины с прямоугольными крепежными отверстиями (по классификации Г.Е. Дубровина). По новгородским материалам такие уключины устанавливались сбоку на доску верхнего пояса (или на набойную доску). В группе А1 уключины с прямоугольными крепежными отверстиями были самыми многочисленными. Они датируются X–XI вв., но основная масса находок приходится на XI в. (Дубровин, 2000. С. 110–111).

Среди индивидуальных керамических изделий в большом количестве представлены тигли-льячки (пласты VI–VIII). Судя по фрагментам, тигли относились к типу ложковидных глубоких сосудов с закрытым верхом. Черепок в изломе серого цвета, тесто плотное с примесью мелкого песка. Тигли подверглись воздействию высоких температур, из-за чего на внешней поверхности наблюдается ошлакование керамики. По мнению исследователей, тигли-льячки подобного типа применялись и для тепловой обработки красителей и лаков (Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 120).

Характер находок из VI–IX пластов позволяет высказать предположение, что усадьба в ранний период (коней XI – 1-я половина XII в.) была связана с ювелирным производством. Кроме тиглей-льячек, оно документируется находками выплесков шлака с приставшей к нему медью (интересно отметить, что это практически чистая медь[4]), обрывки латунной проволоки (содержание цинка – более 11%), обломками бронзового дрота, размеченного насечками на равные части, фрагментами тиглей и сопел.

В предматериковых слоях (пласты XI–XIV вв.) наблюдается резкое сокращение артефактов. Наиболее интересным объектом в этих слоях была деревянная конструкция, обнаруженная в южной части раскопа (рис. 7). Аналогии этому сооружению найти не удалось. Конструкция в плане имеет прямоугольную форму размерами 180×85 см. Длинная стенка ориентирована по линии св-юз и располагалась параллельно забору усадьбы. От конструкции сохранились северная, южная и восточная стенки, западная, вероятно, была разрушена во время рытья траншеи забора. Северная и южная стенки состояли из трех досок, восточная – вероятно, из семи (одна доска не сохранилась). Особенностью досок этой конструкции было то, что их поперечный разрез имел форму клина. При установке стенки тонкий край доски с внутренней стороны заходил за толстый край следу-

Рис. 7. Раскоп 27. Деревянная конструкция в предматериковых слоях

ющей. Максимальная толщина досок 7–8 см, угловые доски имеют толщину 10–11 см. Внутри конструкции вскрыт пол, состоящий из семи плотно подогнанных досок шириной 25–55 см и толщиной 5–8 см. Пол перекрывает всю площадь конструкции. Вероятно, из-за оползня пол конструкции сильно наклонен так, что его восточный край примерно на 40 см выше западного, упирающегося в стенку. В южной стенке вторая и третья от юго-восточного угла доски опилены на высоте около 35–40 см от уровня пола. Внутри конструкции в ее восточной части прослойка мха-сфагнума толщиной 3–5 см, в северо-восточном углу найдено деревянное корыто. Культурный слой, заполняющий конструкцию, содержит большое количество щепы, обрезков досок и жердей; ниже мха в культурном слое значительная примесь навоза.

Для характеристики участка посада, исследованного раскопом № 27, периода начала деятельности человека, необходим инженерно-геологический анализ материка[5]. Для поверхности материкового слоя, как и для современной дневной поверхности, характерен преимущественный уклон с запада на восток и с севера на юг. Значительные неровности поверхности материка имеют геоморфологическую природу (рис. 8). Для материковых отложений следует отметить следующее:

– в западной части раскопа залегает серо-голубой, маловлажный, плотный суглинок;

– в восточной части залегает коричневато-серая супесь, более опесчаненная; в верхней части слоя наблюдаются линзы разнозернистых песков;

– переход между пачками суглинка и супеси плавный, без видимых границ;

– у восточной стенки наблюдаются отложения грязновато-серых песков.

Значительные деформации материковой поверхности, приведшие к смешению пород, говорят о значительных масштабах протекания процессов оползания. По всей видимости, во время первоначального заселения данной территории

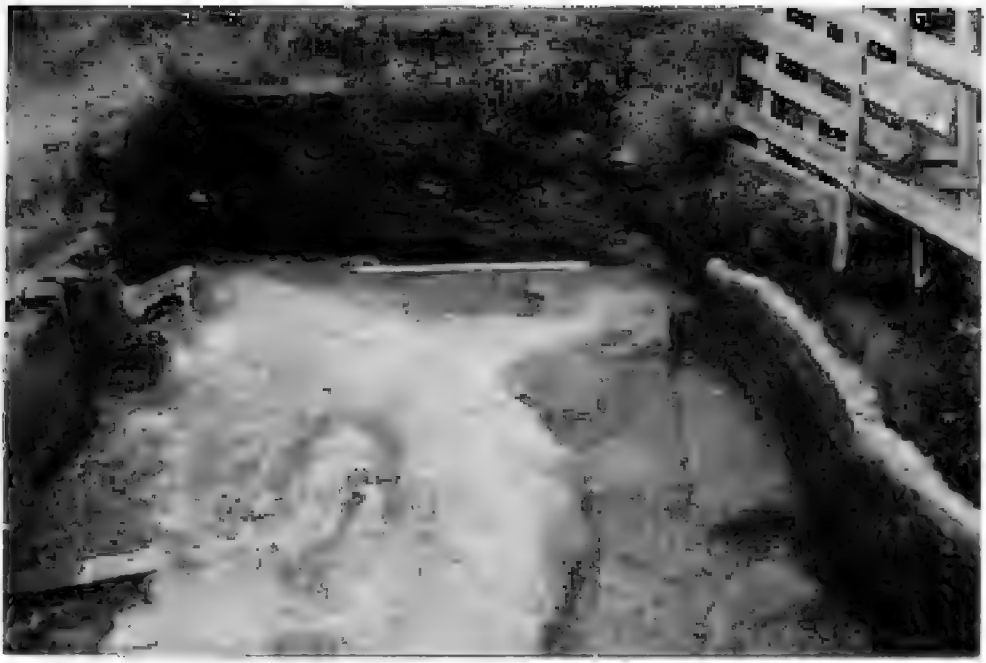


Рис. 8. Раскоп 27. Поверхность материка

(2-я половина XI в.) юго-восточнее территории раскопа № 27 сошел значительный, вероятно блоковый, оползень, который и вызвал деформации материкового слоя с образованием вертикальных сдвиговых трещин. Оползневые массы перекрыли древнее русло ручья, и оно переместилось восточнее, в сторону тылового шва террасы, где находились более низкие отметки.

Таким образом, жизнь на данном участке посада на всем протяжении была сопряжена с оползневыми процессами, которым подвергнута третья надпойменная терраса, где располагается городище Старая Рязань. Столкнувшись с оползнем в самом начале освоения данной территории посада, жители довольно быстро научились бороться с ними (вероятно, путем возведения каких-то ограждений): в культурных напластованиях XII – начала XIII в. следов мощных оползней не фиксируется. Только после разрушения города татаро-монголами, когда у оставшихся жителей не хватало сил поддерживать инженерные сооружения, произошел крупный оползень, перекрывший и законсервировавший культурные напластования на этом участке посада. Отмечу, что на других раскопах на посаде, расположенных дальше от подошвы третьей террасы, следов оползней не прослежено.

Проведенные исследования убедительно доказывают, что в жизни усадьбы, вскрытой раскопом № 27, выделяются две хронологические фазы. Ранняя фаза датируется временем конца XI – середины XII в. В это время основным занятием жителей усадьбы было ювелирное ремесло. В середине XII в. в жизни усадьбы происходят какие-то изменения, отразившиеся, прежде всего, на хозяйственной деятельности владельцев. Эти изменения не носили характера коренной переориентации в производстве или перехода этой территории к другой семье. От ювелирного производства хозяева усадьбы переходят к художественному промыслу, связанному с янтарем и жидкостями (оливковым маслом ?), привозимыми в амфорах. Жизнь на этом участке посада прекращается после взятия Рязани полчищами Батыя. Усадьба, вскрытая на раскопе 27, была заброшена, а разрушенный и сползший западный вал крепости привел к консервации культурного слоя.

С целью изучения характера, мощности и состояния культурного слоя на посаде Старой Рязани в 1998 г. на территории деревни Старая Рязань на первой надпойменной террасе был заложен шурф размером 2×2 м. Его исследование выявило разнообразные напластования и связанные с ними постройки X–XI вв. и XII–XIII вв., а также присутствие материалов XVII–XVIII вв. Однако культурный слой мощностью 20–35 см сильно переотложен и испорчен поздним строительством. Непотревоженным он сохранился лишь в ямах и углублениях материка.

В 2000 г. этот шурф превращен в раскоп, получивший порядковый номер 31 (начальник раскопа А.Н. Медведь). Как показали археологические исследования, верхние горизонты культурного слоя этой части посада датируются XVIII–XX вв. Он сильно перемешан и включает также находки XII–XIII вв. Нижние слои могут датироваться XII–XIII вв. Здесь исследована часть заглубленной в землю постройки (глубина котлована до 1 м). Находки, связанные с данной постройкой, представлены обломками ножей, костяными гребнями, бусами (из горного хрусталя, янтаря, керамики). В предматериковом слое встречена лепная керамика, которая может быть датирована X в. (т.е. временем, предшествующим основанию города). Единичные фрагменты аналогичной керамики встречались на территории посада и ранее. Часть керамических материалов датируется XIV в., что свидетельствует о том, что жизнь на посаде после катастрофы 1237 г. полностью не прекращается.

В 2001 г. раскоп был значительно расширен – исследована площадь в 52 кв. м (всего, включая работы 2000 г. на этом участке посада вскрыто 76 кв. м). Мощность культурного слоя от 40 до 200 см (в юго-западной части). Значительная его

часть сильно повреждена позднейшими перекопами. Все же здесь удалось проследить напластования XII–XIII вв., XI – начала XII в., и даже прослойку, содержащую архаичную подправленную на круге керамику, которая может быть предварительно датирована концом X – XI в. Со слоем XII–XIII вв. связаны остатки наземной постройки, ориентированной вдоль южной границы раскопа. Размеры ее исследованной части – 6,5×1,5 м. В заполнении постройки большое количество печины, углей и золы. Из находок на раскопе отмечу бронзовую иконку с изображением Троицы XVII – начала XVIII в., пару стремян XII–XIII вв., шесть замков, золотостеклянную бусину и бронзовую лунницу (две последние находки датируются XI в.), а также неолитический кремневый наконечник стрелы.

Археологические работы на посаде Старой Рязани предоставили новый, оригинальный материал по истории города. В ходе этих работ удалось установить, что заселение неукрепленной части города шло параллельно с заселением площадки городища. Материальная культура населения посада имела городской облик. В нем присутствуют такие типичные для средневекового древнерусского города предметы как стеклянные браслеты, шиферные пряслица, амфоры, свинцовые печати и пломбы, предметы импорта. Керамический комплекс имеет полное сходство с керамикой укрепленной части города. Планировка посада имела, скорее всего, не уличную планировку, а состоял из свободно расположенных усадеб. Такая свободная планировка характерна и для территории городища.

В результате исследований удалось выделить участок с влажным культурным слоем, сохранившим артефакты из органических материалов. Комплекс деревянных находок из раскопа № 27 сопоставим с деревянными изделиями таких древнерусских городов как Новгород и Псков.

Подводя итоги можно констатировать, что посад Старой Рязани следует рассматривать как составную часть стольного города. Катастрофа 1237 г. затронула посад в не меньшей степени, чем укрепленную часть памятника. Хотя жизнь в прибрежной зоне и продолжается после татаро-монгольского нашествия, но отдельные участки (прежде всего находящиеся в непосредственной близости от склонов третьей надпойменной террасы) остались заброшенными.

Примечания

[1] Керамический комплекс исследовался И.Ю. Стрикаловым

[2] Анализ амфорной тары выполнен В.Ю.Ковалем

[3] Порода камня определена канд. геолого-минералогических наук М.Б. Чистяковой, ст. научным сотрудником Минералогического музея РАН им. А.Е. Ферсмана.

[4] Химический анализ выполнен на Рязанском заводе АО «Тяжпрессмаш» показал содержание меди 99,8%

[5] Геоморфологическое обследования материка проведено к.г.-м.н. С.Г. Миронюком и аспирантами Рязанского государственного педагогического университета А.В. Водорезовым и В.А. Усковым.

Литература

Буланкина Е.В. Исследование городища Старая Рязань Членами Рязанской ученой архивной комиссии // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2002.

Буланкина Е.В., Завьялов В.И. Исследования посада Старой Рязани. 2003 // Уваровские чтения V. Муром.

Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // ННЗ. 1996. Вып. 10.

Завьялов В.И., Буланкина Е.В. Посад Старой Рязани // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2002.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Дубровин Г.Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М., 2000.

Дубровин Г.Е. Зооморфные деревянные навершия // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
Ершевский Б.Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // СА. 1978. № 2.
Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. 1971. Е1–55.
Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
Монгайт А.Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология рязанской земли. М., 1974.
Чернецов А.В. Монголо-татарское нашествие как хронологический рубеж и проблема оценки его исторического значения // Первые Яхонтовские чтения. Рязань, 2001.
Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Завьялов В.И., Стрикалов И.Ю. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–1997 гг. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М., 1999.
Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Л.А. Беляев

Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.)*

Задача этой статьи – как можно полнее ввести в науку материал раскопок в южной части Старорязанского городища (раскоп № 29), в зоне храма XII в., предположительно идентифицируемого как храм свв. Бориса и Глеба. Руины храма давно известны русской археологии, но первая и последняя работа, целиком им посвященная, вышла в 1836 г. В перспективе, интерпретация собранной информации может существенно повлиять на картину домонгольского зодчества в эпоху его расцвета и на существующие подходы к ней. Добиться этого можно, если рассмотреть здание не само по себе, но в археологическом контексте того участка, где оно расположено, привлекая все материалы, собранные за истекшие 170 лет. Однако надеяться опубликовать материал и дать его полную историко-культурную интерпретацию в рамках одной статьи будет слишком самонадеянно. Следует сосредоточиться на описании и анализе вновь собраных при раскопках и в архивах данных. Их изложение сопроводим лишь тем комментарием, который необходим для датировки памятника, соотнесения его с аналогами и оценки важности для новых подходов в истории древнерусской архитектуры.

Цели исследования

Для современного жителя рязанского Поочья «Борисоглебские руины» – самый заметный ландшафтный и культурно-исторический маркер городища Старая Рязань, единственная высотная доминанта его обширного и, в общем, плоского плато. Издали, особенно с реки и с противоположного, левого, берега Оки, хорошо видны четыре кирпичных пилона подкупольного квадрата церкви 1913–1914 гг. – согласно местной топонимике, «Ворота», или «Арки». Возвышаясь над обрывом площадки городища, они давно стали местной достопамятностью, символом древности Рязанской земли, прочно связанного в сознании рязанцев с местной историей, чем-то вроде дополнительного герба[1] (рис. 1).

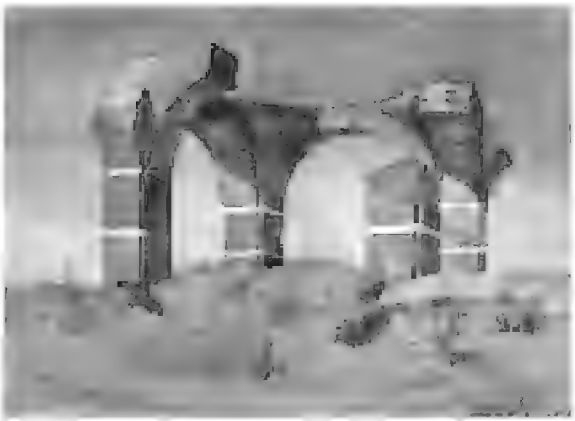
Так что новые раскопки руин храма Бориса и Глеба могли показаться затеей дерзкой и бессмысленной. Дерзкой, потому что это один из самых прославленных объектов древнерусской архитектурной археологии, с которым связаны имена Ф.Г. Солнцева, В.А. Городцова и А.Л. Монгайта. Бессмысленной, потому что археологическая информация о нем казалась давно исчерпанной, а сам храм –

* Полевые исследования Старорязанского городища проводятся при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ (в 2004 г. проект № 04-01-18034е), Центра «Интеграция», а также Президиума РАН. С 2003 г. поддержку в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» получает проект «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», руководитель проекта А.В. Чернецов.

полностью утраченным. После наших работ остатки храма предстали памятником гораздо более сложным и интересным, чем было принято считать.

Роль, которую играло открытие здания в развитии русской археологи, не до конца оценена[2]. Церковь Бориса и Глеба – первый толково раскопанный и подробно опубликованный храм Древней Руси. Ее обнаружили в 1832 г., когда на городище случайно вырыли несколько белокаменных саркофагов с костяками. Интерес к открытию оказался силен, поскольку всего десятилетие назад на городище был найден знаменитый Старорязанский клад. На место выехал Ф.Г. Солнцев, сделавший ряд рисунков процесса раскопок и находок, а также снявший план городища. Калайдович и Оленин, на основе летописных упоминаний о Старой Рязани, отождествили найденные саркофаги с Борисоглебской церковью, что имело важные последствия: в 1836 г. купец Д. Тихомиров решил полностью открыть погребения князей в руинах храма. Не имея никакого опыта археологических работ, он опирался на здравый смысл и немногочисленные сведения, которые мог почерпнуть из современной литературы. Ему удалось полностью «очистить» руины храма изнутри, отследить основной контур стен и столбов, которые стояли тогда на значительную высоту; найти и вскрыть десятки погребений (многие – в белокаменных ящичных саркофагах). Привлеченные к работам рязанские художники и учителя гимназии сняли новый план городища и два обмерных плана раскопок, один из которых был затем издан с комментариями в книге Д. Тихомирова (рис. 2–3).

Оценить исследования Д. Тихомирова следует очень высоко. В 1830-х годах еще не было опыта раскопок древнерусских зданий: археология как наука и в Европе, и в России делала первые шаги. Дилетант из Рязани сумел предвосхитить основные требования методики: он стремился раскрыть памятник целиком, широкой площадью; понял важность фиксации и привлек к работам художников; регулярно публиковал в прессе корреспонденции о ходе работ, т.е.



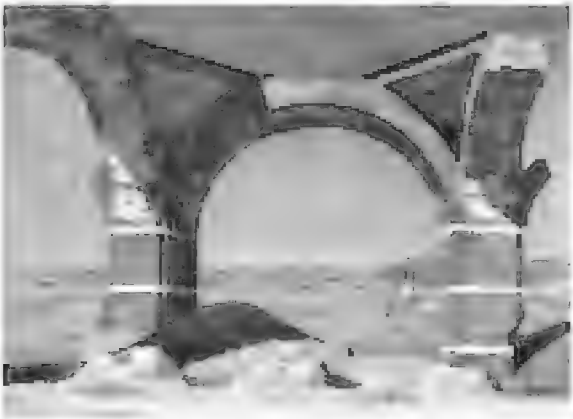


Рис. 1. Арки храма 1913 года, вид с северо-востока. Акварели художника Д. Серякова, 2001 г.

сделал их гласными[3]. Наконец, он в целом правильно осмыслил открытые остатки, записал целый ряд наблюдений и опубликовал «отчет о работах» в виде отдельной книги. Воспроизведенный в ней план стал едва ли не первым попавшим в научный оборот обмером домонгольского храма Руси, не испорченного поздними пристройками. Этот тип храма был, к тому же, одним из самых распространенных, так что раскопанные в Старой Рязани кладки стали одной из «ключевых руин» для истории домонгольской архитектуры.

К сожалению, остатки храма не сохранились. Местные крестьяне стали разбирать их на строительный материал; в 1886 г. на месте работ построили часовню, используя древний кирпич и камень[4].

При этом в районе храма совершались все новые находки : в 1868 г. при дороге был найден один из старорязанских кладов, а в 1885 г. – каменный гроб с образком-деисусом в нем. В конце столетия делались еще попытки изучить храмы Старой Рязани, в том числе Борисоглебский: в 1899 г. член местной архивной комиссии А. Черепнин, раскрывая руины Спасской церкви, стоявшей севернее Борисоглебской, проложил 20 траншей (5–6 саженей × 3,5 – 6 аршин) между этими храмами; в 1915 г. остатки самой Борисоглебской церкви дополнительно исследовал С.Д. Яхонтов. От его работ не осталось документации, они были связаны с начатым в 1913–1914 гг. строительством, на месте разрушенной к тому времени часовни, нового храма «иждивением местной помещицы Стерлиговой».

Считалось, что новый храм похоронил под собой все остатки древней церкви. Но в 1926 г. В.А. Городцов, прокладывая свои знаменитые траншеи на некотором (до 18–20 м) расстоянии от памятника, показал, что южная часть Борисоглебской церкви осталась снаружи от нового здания, причем у нее имеются притворы, не изученные Д. Тихомировым[5]. Городцов раскопал южный притвор и открыл часть западного, получив новые сведения о строительной технике храма и о погребальных сооружениях в нем. Однако этот материал остался неизданным, а впоследствии использовался только частично. В настоящей статье мы публикуем графические материалы и некоторые другие данные дневника работ 1926 г.[6].

Вновь к работам на участке Борисоглебской церкви приступил в 1945 г. А.Л. Монгайт, обнаруживший севернее нее печь из плинфы и остатки кладбища. В 1948 г. он полностью раскопал западный придел, заложив раскоп вдоль всей западной стены церкви. Последующие работы на участке (В.П. Даркевич при участии А.В. Чернецова) уже не затрагивали самих руин, но шли на отвалах строительного мусора к западу от храма, отчасти возникших при его падении, отчасти в ходе раскопок XIX в.; при этом была собрана значительная коллекция фрагментов фресок, в том числе с граффити, и открыт маленький фрагмент упавшей стены[7].

Позже предметом обсуждения становились те или другие частные вопросы, связанные с Борисоглебским храмом. Так, К.Н. Афанасьев включил обмеры и анализ плана церкви в книгу о пропорциях в древнерусской архитектуре; В.Г. Пуцко пытался атрибуировать встреченные на городище резные камни; с раскопками храма пытались соотнести находки фрагментированных саркофагов в собрании музея современной Рязани[8]. Многие (Б.А. Рыбаков, Г.К. Вагнер, Е.В. Михайловский, Н.В. Холостенко, П.А. Раппопорт и др.) высказывались по вопросу о датах и посвящениях храмов Старой Рязани[9].

После публикации книги А.Л. Монгайта стало казаться, что храм полностью изучен и надежно датирован. Однако, по мере развития натурных исследований древнерусской архитектуры, состояние знаний о нем представлялось все менее удовлетворительным[10].

Особенно это касалось материалов по строительной технике и датировке храма[11]. Кроме того, северная половина храма была изучена гораздо хуже южной, наружный абрис стен ни разу не вскрывали полностью[12]. Туманным рисовалось соотношение некрополя с храмом и с погребениями, появившимися до строительства каменной церкви; крайне ограничен был материал для суждений о связи храма с окружающей территорией и о подстилающих слоях. Наконец, оставалась целая группа вопросов, связанных с историей разрушения памятника, использованием его руин в позднем Средневековье и в Новое время.

За конкретными вопросами истории и реконструкции храма вставали общие проблемы, связанные с историей Рязани как города (какова причина «эксцентрического» расположения церкви на окраине города, какое место он занимал в структуре ее южной части, местных некрополей и монастырей?) и с историей древнерусской архитектуры. Особый круг составляли задачи историографического характера. История изучения Старорязанского городища Тихомировым, Городцовым и Монгайтом – несомненные вехи в развитии науки. Поэтому постановка эксперимента по отслеживанию методов археологического вмешательства в слои памятника (организация раскопов, качество просмотра грунта, способы разделения материала на «коллекционный» и «бросовый») оправдана как своего рода «археология археологии»[13].

Итак, мы начинали работу как «историографическую». Но постепенно она отошла на второй план: раскопки показали удовлетворительность состояния стратиграфии и возможность получить новые факты о памятнике и его окрестности. Как объект археологии, участок не обманул ожиданий.

Методы и объемы работ

Археологи избегали прикасаться к руинам, которые стали условным центром городища, ровно полвека (1948–1998 гг.). Но к концу столетия ситуации на памятнике сложилась благоприятно для организации новых раскопок. Возобновление экспедиции позволяло разработать стратегию медленных многолетних работ. Несколько очистилось и поле исследований: Городцов и Монгайт вынуждены были работать у самых стен новой церкви, возведенных на полную высоту, но в 1950-х годах ее стали разбирать на строительные материалы, и вскоре от храма 1913–1914 гг. остались только четыре подкупольных столба с арками, да заросший холм строительного мусора. С четырех сторон его ограничивали обвалованные канавки – трассы и отвалы от выборки стен 1913 г. Поодаль, со всех сторон, видны были заросшие отвалы и заплывшие котлованы раскопок.

Поскольку у нас было мало надежд на изучение кладок храма, решено было сосредоточиться на его историческом контексте. План вскрытий был составлен так, чтобы как можно меньше затронуть уже поврежденные предшественниками участки, установив прежде

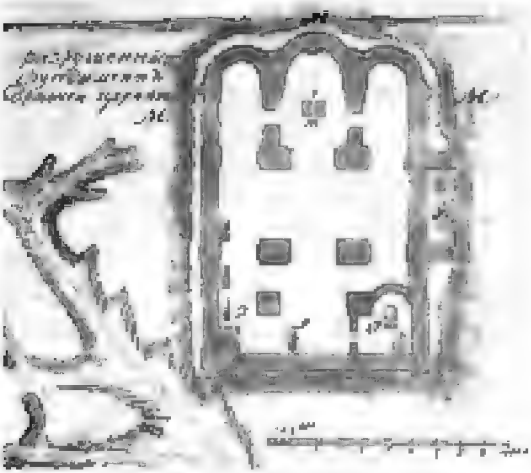


Рис. 2. Общий план храма Бориса и Глеба по раскопкам Тихомирова (маргиналия с топографического плана городища)

общую стратиграфию за пределами руин, и лишь затем изучить северную часть храма.

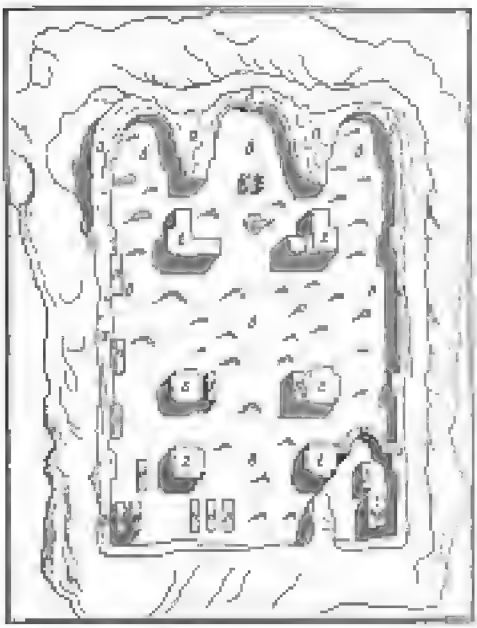
Общая история вскрытия выглядит следующим образом. Работы были начаты стратиграфической траншеей, уходившей на север по оси северо-западного столба 1913 г.[14]. Она должна была пересечь отвалы XIX–XX вв. и северные стены обоих храмов, захватив часть слоя на участках, не поврежденных ни строительствами, ни разрушениями, ни раскопками[15]. Параллельно первой, на расстоянии трех квадратов от нее к востоку, в 2 м западнее восточных столбов храма 1913–1914 гг. (далее – «храм 1913») и южнее его северной стены, была заложена вторая траншея, прирезки к которой образовали три небольших раскопа. Она пересекла северную и центральную апсиды Борисоглебского храма (далее – «храм XII»), а в прирезки вошли участки рва апсиды его северного притвора. Третьей зоной работ стало пространство к западу от подкупольного квадрата «храма 1913», где был заложен раскоп, расширявшийся затем во все стороны, кроме восточной. Это позволило уточнить соотношение планов «храма 1913» и «храма XII» и общие габариты древней церкви, а ее северная часть раскрыть с возможной полнотой. Затем был вскрыт участок южной траншеи по оси юго-западного столба «храма 1913» и прирезан с востока раскоп вдоль края южной стены «храма 1913» для изучения ненарушенных слоев вне обоих храмов. Всего за пять лет работ на раскопе было вскрыто 400 кв. м площади. Даже если вычесть из нее площадь фундаментов «храма 1913» и «храма XII», неповрежденная зона окажется гораздо значительнее, чем ожидалось, не менее 250 м.

Методика вскрытий была традиционной: ручная разборка завала строительного мусора 2-й половины XX в., затем – послойное снятие уровней, связанных с раскопками и выборками 1830-х – 1913 г. Удаление более древних слоев производилось зачистками (в основном по 5 см) с переборкой грунта, а в 2002– 2004 гг. с дополнительным просеиванием его через металлические сита с ячейками до 3 мм (из-за общей бедности слоя это дало крайне незначительный прирост находок). Фиксация в горизонтальной плоскости велась по квадратам и участкам (зачистка сплошным горизонтом по всей территории была неудобна из-за больших высотных перепадов и сильной разрушенности участков)[16]. Особое внимание придавалось отборке материала из неповрежденных слоев, отложившихся до строительства храма, поскольку они помогали датировать здание и давали представление о самом раннем освоении участка. Кирпич промерялся полностью, со всех знаков на кирпичах выполнялись эстампажи, такие кирпичи включались в коллекцию.

Стратиграфия и находки

Наслоения на раскопе 29 можно разделить на четыре хронологических пласта, соотносимых с конкретными периодами активности (сверху вниз): период IV, от раскопок Тихомирова до разборки «храма 1913» (1836 – 1950-х годов); период III, время эксплуатации храма, его разрушения и позднейшего использования участка (начало XIII в. – 1836 г.); период II, время постройки «храма XII» (конец XII в.); период I, до постройки храма (XI (?) – конец XII в.). Отложения этих периодов неравномерны по мощности, к тому же разной на разных участках, но зато могут быть разделены по составу (более-менее стабильному на всех участках)[17] (рис. 4–7; 12–16; 19; 27).

Период IV подразделяется на два уровня. Верхний, более мощный, образован мусором строительных материалов XX в.; в основном это красный хорошо обожженный кирпич, куски застывшего раствора (композитного и известкового), железные детали, белокаменные тесаные блоки (в т.ч. от полуколонн); внутри



этого уровня можно, в свою очередь, различить слои 1910-х и 1950-х годов с прослойкой тлена между ними[18]. Нижний уровень сложился между 1836 и 1913 г. Его верх маркирует очень тонкая (местами неуловимая) прослойка дерна, наросшая по строительному мусору, состоящему из боя плинфы (целые формы очень редки), мелкого щебня камня и раствора. Эта пылевидная масса, грязно-серая или буровато-неопределенная, резко отличается по цвету от верхнего яркого (красно-кирпичного и бело-известкового) навала. Она плохо поддается лопате из-за насыщенности расслоем плинфы, мелким гравием и щебнем. Толщина слоя достигает 30–40 см, но встречаются участки,

Рис. 3. Общий план собора по раскопкам 1836 г. из книги Тихомирова

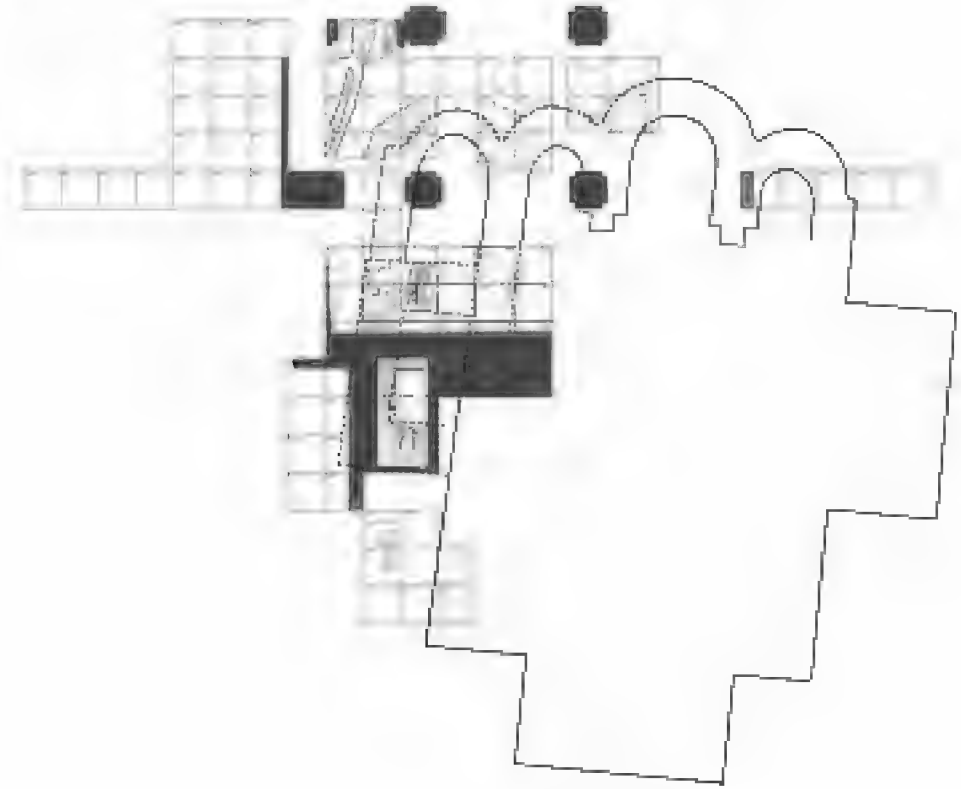


Рис. 4. Общий план сооружений, раскрытых в 1999–2004 гг.

где он выклинивается. Среди керамики этого слоя есть домонгольские фрагменты, но встречается и черноморенная керамика XVIII–XIX вв.

Общая мощность слоя IV зависит от участка: внутри «храма 1913» его верхний уровень достигает максимума (ок. 2 м), снаружи он постепенно слабеет, не достигая прямо у стен и полуметра, и сходит почти на-нет в 10–12 м (его слабый след заметен по всей длине прилегающих траншей). Нижний уровень слоя IV имеет более-менее стабильную мощность по всей площади (около 35 см), но внутри «храма XII» он ложится почти прямо на слой II (поскольку до этого уровне дошла выборка грунта рабочими Д. Тихомирова) в то время как вне храма их разделяет довольно мощный слой III.

Слой периода III наиболее сложен по составу, хотя толща его, даже на сохранных участках, невелика (37–55 см). Он подразделяется на тонкие супесчаные слои гумуса разного цвета (в основном коричнево-сероватые), содержащие то или иное, обычно небольшое, количество строительных остатков. В его составе выделяются пятна кострищ, глиняные промазки или натопы, выстилки и подма-

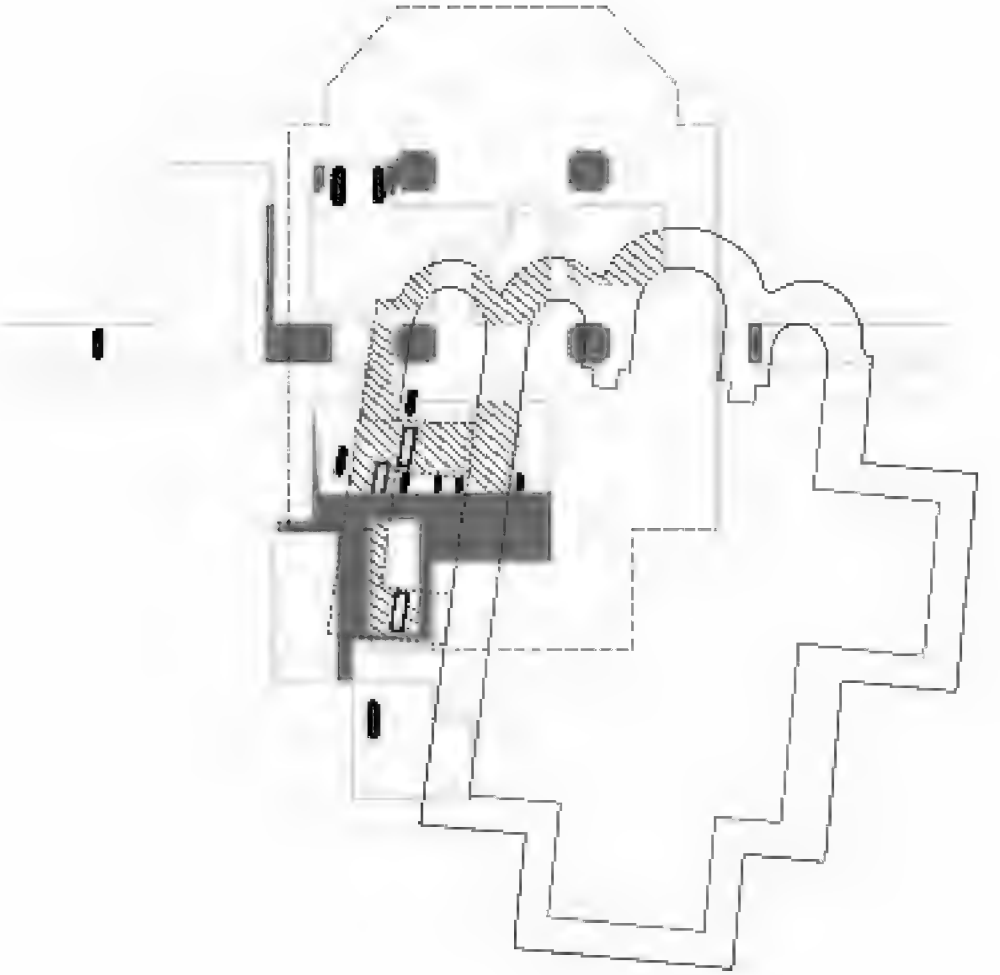


Рис. 5. Общий реконструктивный план архитектурных остатков и погребений

щивание крупным белокаменным щебнем в смеси с плинфой и более толстым кирпичем послемонгольского периода. В этих слоях не удалось ни разу проследить построек или следов той или иной намеренной организации пространства и сооружений (изгородей, больших ям, печей и т.п.).

Уровень строительства и начала функционирования «храма XII» (слой II периода) выражен гораздо четче. Это слой вынутого из котлована и распланированного материкового суглинка, обычно желтого или охристо-красноватого цвета, достигающий значительной толщины (до 30–40 см); проливки извести; просыпки строительных материалов (песок, отдельные пятна белокаменных отесков)[19]. Материковый выброс особенно четко разграничивает уровни, запечатывая поверхность, с которой начинались работы по сооружению здания. Никаких дополнительных сооружений строительного предназначения на вскрытых участках обнаружить не удалось, однако следы работ по отрытию рвов отмечены разрушением более ранних погребений, костные останки из которых обнаруживаются на поверхности и в составе материковых выбросов.

Нижний слой, относящийся к I периоду, свободен от строительных остатков и редко прорезается ямами из верхних уровней. Это супесчаный погребенный дерн, коричнево-черный с поверхности и постепенно сереющий книзу, где он переходит в светло-бесцветную супесь. На ее фоне очень хорошо видна древняя корневая система и характерные конические ямы, оставленные разложившимися в прошлом пнями[20]. Обычно этот слой беден находками, но следует отметить довольно часто встречающиеся на его поверхности (в траншее 1999–2000 гг., например, по 3–5 на квадрат) кусочки рифленых стенок амфор, близких по дате к середине XII в. Возможно, это как-то связано с совершением обрядового поминания, церковного причастия и другими церковными службами.

В верхней части слоя I отмечены сооружения, предназначение которых не совсем понятно в силу фрагментарности раскрытия. Наиболее просто определяются могилы и окружающие их ровики или ямки от частоколов (они опознаются даже тогда, когда сами могилы утрачены). Кроме того, встречены протяженные мелкие углубления неясной конфигурации, с отлогими стенками, по которым на дно спускается древний растительный покров. В одном случае (траншея 1, квадраты 4–5 / 2000) в такой «канавке» отмечено скопление (ряды?) следов от кольев, позже вытащенных или сгоревших (их ям-

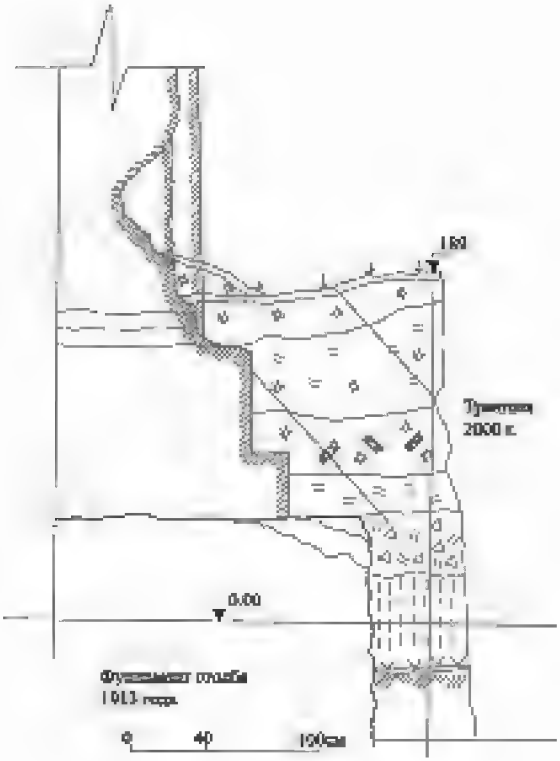


Рис. 6. Северный участок. Южный профиль кв. 12а

ки заполнены прокаленным песком и суглинком ярко-оранжевого цвета). К востоку эта «канавка» пересекалась большой и глубокой ямой (на квадраты 73–74 и 76–77 / 2003), возможно, остатками жилища. По другую сторону от северной стены «храма 1913» (кв. 11б–11в / 2001) отмечен ее возможный край, а также большое песчаное пятно с комками обожженной глины и с фрагментами керамики в количестве, превышающем обычную насыщенность слоя – вероятно, это следы существования на участке открытой печи. В третьем случае широкая полоса с отлогими краями проходила снаружи от апсиды северного придела, как-бы грубо повторяя форму его апсиды (часть ровика кургана?)[21].

Другой участок, на котором сохранились слои до постройки «храма XII» – внутри северного придела, западнее столбов «храма 1913». Здесь слой темного чистого гумуса, толщиной ок. 10 см, подстилается такой же чистой желтой глиной (7–8 см), которая, в свою очередь, запечатывает коренной погребенный гумус, ниже переходящий в рыже-желтый глинистый материк. Незначительность участка, на котором это прослежено (короткая полоса, прилегающая к восточной стене притвора, шириной от 80 до 120 см), не позволяет понять, с чем связан верхний гумус, лежащий на глине. Судя по раскопкам Монгайта на месте Успенского (?) собора, полы внутри храмов Рязани подсыпали именно материковой глиной и гумусом[22].

Подчеркнем некоторые планиметрические различия. Во-первых, как уже сказано, картина наслоений внутри «храма 1913» и за его стенами коренным образом различалась. Снаружи сохранилась свита наслоений, связанных с разбор-

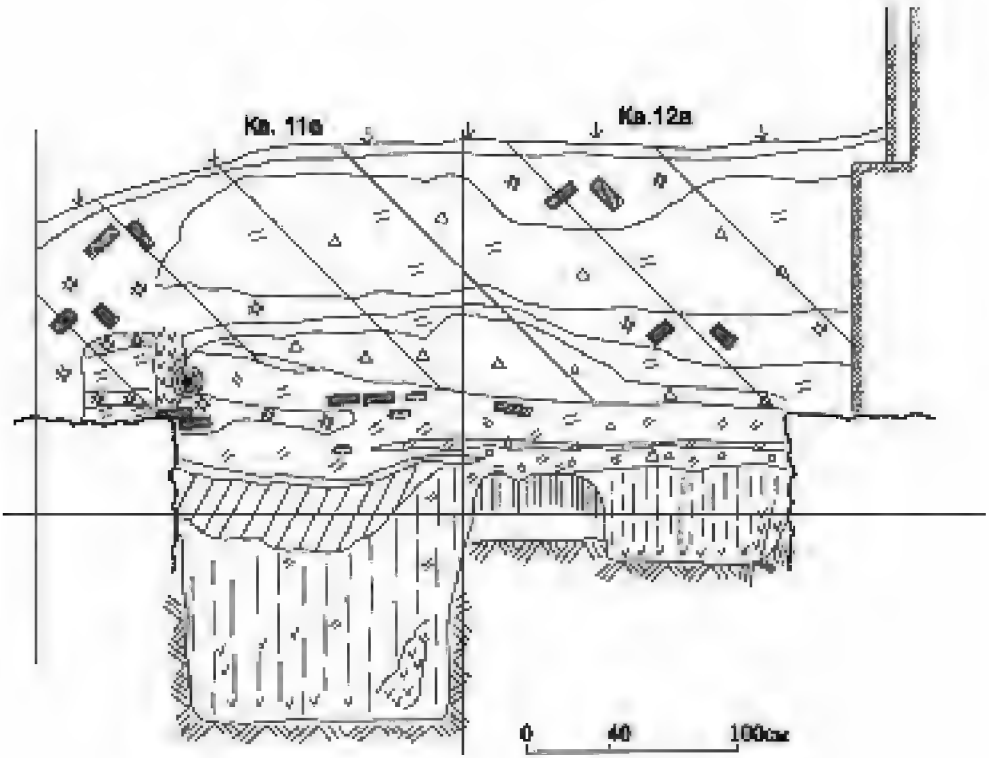


Рис. 7. Северный участок. Восточный профиль квв. 11а, 12а

кой и вторичным использованием стен храма, изобилующих древним кирпичем, белым камнем и другим строительным материалом. В числе находок здесь не только плинфы с рельефными знаками, но и фрагменты белокаменной резьбы, подвергшиеся обжигу. В целом, слои разрушения древнего храма и вторичного использования его материалов гораздо мощнее и насыщеннее находками поодаль от руин, а не вблизи них (особенно в полосе 4–6 м шириной от стены «храма 1913»). У самых стен «храма XII» материал древнего строительства концентрируется в старых складках рельефа, где он выполнял роль подсыпки; в обратной засыпке рвов и в «слое Тихомирова».

Во-вторых, следы строительства XII в. фиксируются очень далеко от храма – на расстоянии 20 м поверхность погребенного дерна все еще маркирована слоями суглинка, мелким белокаменным щебнем и пылью извести. Здесь также обнаруживаются навалы строительного мусора (от разборки стен), покрытые кирпичными выкладками и дощатыми настилами, со столбовыми ямами и следами горения, – свидетельствами как разрушения, так и обживания руин храма в XIV–XVII вв.

В-третьих, известные отличия есть и в нижних слоях разных участков. Так, на северо-западных квадратах 2003 г. слои строительства и погребенный дерн несколько иные, чем на восточных, северо-восточных и самом западном из участков. Слой строительства «храма XII» образован здесь плотной рыжеватой глиной, обильно насыщенной битой плинфой. Он очень неровный (от 15 до 30–35 см)

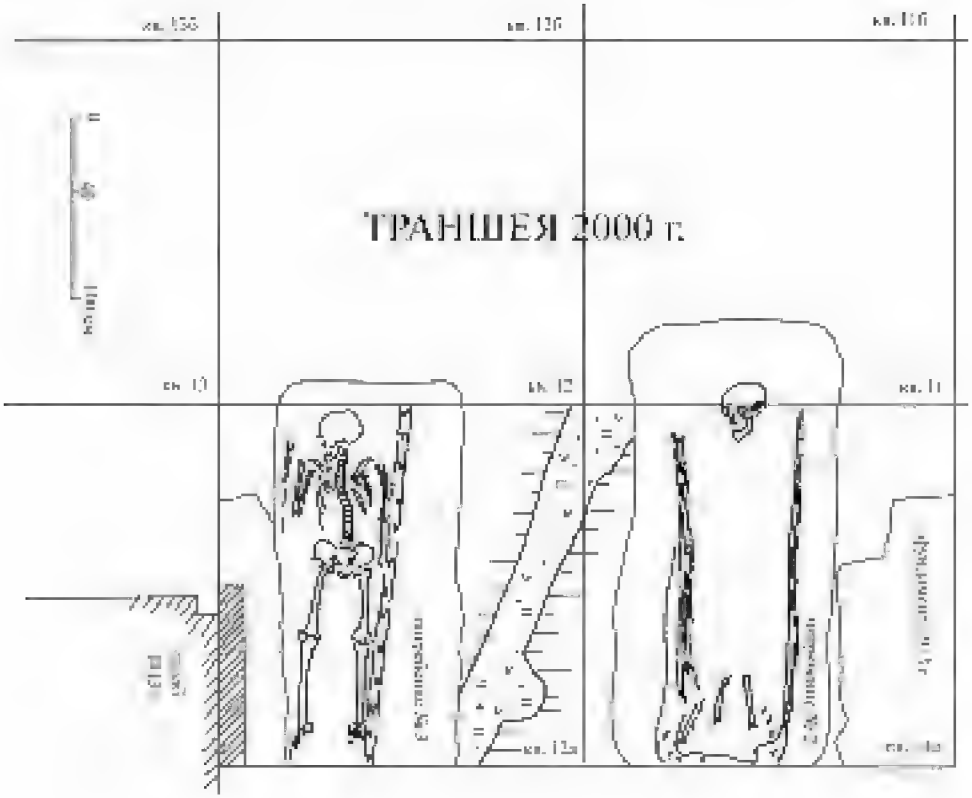


Рис. 8. Северный участок. Погребения № 2 и № 3. План.

и лег на столь же неровную, «кочковатую» поверхность погребенного дерна. Слой строительной насыпи заметно слабеет к западу и выклинивается в 6,5 м от западной стены «храма 1913». Поверхность погребенного дерна здесь коричнево-черная (местами иссиня-черная), она хорошо чистится, и на ней отмечаются отдельные пятна обожженной глины. Книзу дерн светлеет, переходя в коричневато-серую и белесую супесь, а еще ниже – в рыжеватый глинистый материк (общая толщина погребенного дерна около 25 см). В этих ранних отложениях, надежно перекрытых слоем строительства «храма XII», собрано много (для раскопа 29) бытовой керамики. Никаких следов обживания в северо-западной зоне не обнаружено – только погребения, совершенные до постройки храма, в конце XI(?) – XII в. (см. ниже). До крайнего западного участка слой строительства «храма XII века» с кирпичным боем не доходит, его представляет здесь тонкая (до 10 см) лента глинистого натопа. Тем не менее, погребенный дерн и здесь удалось хорошо отчистить и разобрать отдельно от перемешанных верхних слоев.

Находки на раскопе № 29 – как бытовые вещи, так и строительные материалы – собраны, к сожалению, в основном в перемещенном состоянии, в уровнях разрушения. Всего их учтено около 200, не считая плинф со знаками – что, в сравнении с другими раскопами в районе «храма XII», можно считать довольно значительной цифрой. Это отдельные предметы из погребений (височные кольца из п. №2/2000; кольцо и фрагмент браслета из п. № 12 / 2002); перламутровый крестик – возможно, паломническая реликвия (2000 г.) ; фрагмент белокаменной

Рис. 9. Северный участок. Височные кольца из погребения № 2: левая сторона

Рис. 10. Северный участок. Височные кольца из погребения № 2: правая сторона

резьбы (1999 г.). Из встреченных вне комплексов упомянем более-менее широко представленные стеклянные браслеты (14 экз.) и фрагменты амфор (более 30 экз., в т.ч. со следами красного ангоба и белоангобированные). Среди изделий из металла отметим три бронзовых бубенчика (из разрушенных погребений?), в том числе один круглый крестопрорезной, хорошей сохранности, и один золоченый (рис. 9–11; 20; 31; 33–35).

Особенно богаты находками домонгольских предметов оказались два участка: заполнение и окружение склепа № 1 / 2001; яма № 1 / 2004. Интересно, что их материалы различаются: в яме 1 / 2004, хотя она находится всего в нескольких метрах к северо-востоку от храма, собрано много бытовых вещей (в том числе пряслице и изделия из кости, на раскопе ранее вообще не попадавшиеся – среди них три обломка гребня; шилья или иглы для плетения; наконечник стрелы), которых почти нет в склепе № 1. Керамика в целом немногочисленна, но зато хорошо делится по слоям – мы обратимся к ней ниже, в разделе о датировке. Теперь же пора поговорить о собственно-церковных остатках.

Следы храма XII в.

Все открытые нами части «храма XII», уже изучавшиеся в XIX–XX вв., сохранились крайне плохо: их кладки выбраны полностью, обычно до дна фундаментного рва (в ряде случаев уцелело несколько камней в придонной части, или на краю, при выходе рва на древнюю поверхность) (рис. 13–14; 16; 27а–и). Обратная засыпка рвов (темная серо-коричневая гуммированная супесь с песком, глиной и строительным мусором) переработана до аморфного состояния. К счастью, стенки фундаментных рвов хорошо сохраняются в плотном материковом суглинке,

позволяя прослеживать направление утраченных кладок и даже отдельные детали плана. Кроме того, часть фундамента северного притвора, не открывавшегося в 1836 г., кое-где не была разобрана добытчиками камня, (в отличие от северного придела, который оказался полностью разобранным), хотя в науке о нем вообще не было сведений.

Представим кратко процесс открытия участков «храма XII».

Выйти на край рва фундамента удалось впервые при работах 2000 г. – он шел вдоль северного фаса северо-западного столба «храма 1913» с отклонением от его ориентировки; однако траншея II, заложенная между восточной и западной парами столбов 1913 г. с целью пересечь апсиды, прошла в нескольких сантиметрах восточнее. В 2001 г. было прослежено продолжение края рва к западу (на 2 м) и, одновременно, открыто начало апсидного выступа северного придела (сегмент длиной 1.30 м, на котором заметно скругление, идущее под углом, близким 45°). Принимая ее за северную апсиду храма и надеясь захватить центральную, мы в том же году заложили прирезку в южной части подкупольного квадрата «храма 1913», на продолжении траншеи II. Но вместо середины апсидной дуги нам открылась точка схода двух апсид. По внешней линии их стыка от «северной» в раскоп попала небольшая часть (1,5 м), а от «южной» – около 3 м (промеры по хорде). В раскоп попала также небольшая часть внутренней линии «южной» апсиды. Стало ясно, что это не стык центральной и южной апсид, и что фрагменты рвов, открытых на северном и южном участках, не складываются в одно трехапсидное сооружение. Третий вскрытый в 2001 г. участок (западнее «арок» «храма 1913») усилил сомнения в том, что все открытые кладки можно уложить в старую схему здания. Здесь остатки фундамента оказались более сохранными – они принадлежали восточной стене северного притвора, который до сих пор реконструировали только гипотетически. От нее сохранилась бутовая засыпка из булыжника, кусков плинфы и белого камня на очень плохом цемяночном растворе, шириной около 285 см. Правда, добытчики строительного камня взяли из рва бли-

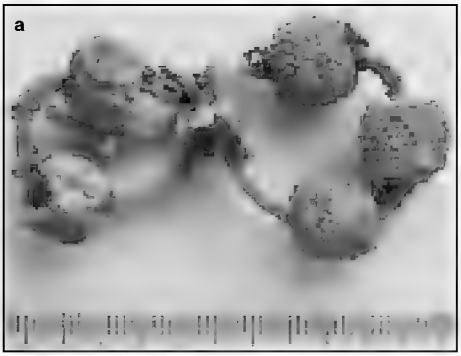
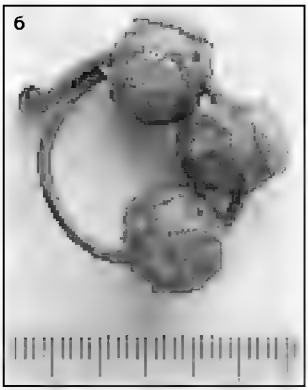
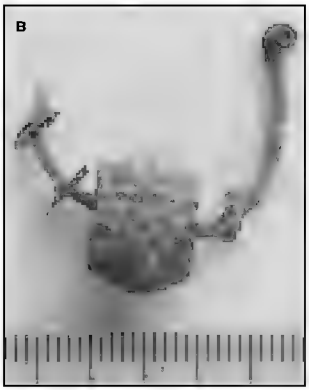
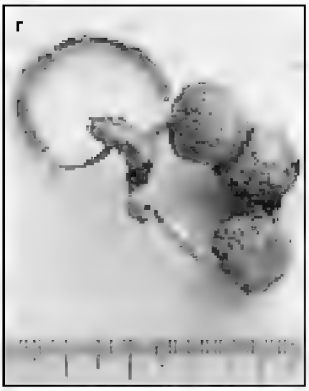


Рис. 11, а-г. Северный участок. Височные кольца из погребения № 2: отдельные экземпляры и связки колец







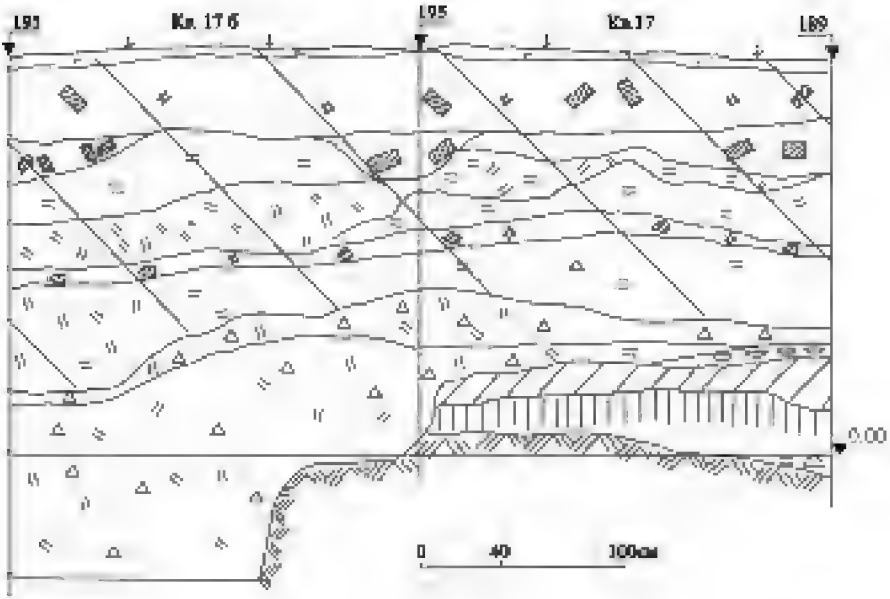


Рис. 12. Южный участок. Северный профиль кв. 17–17б

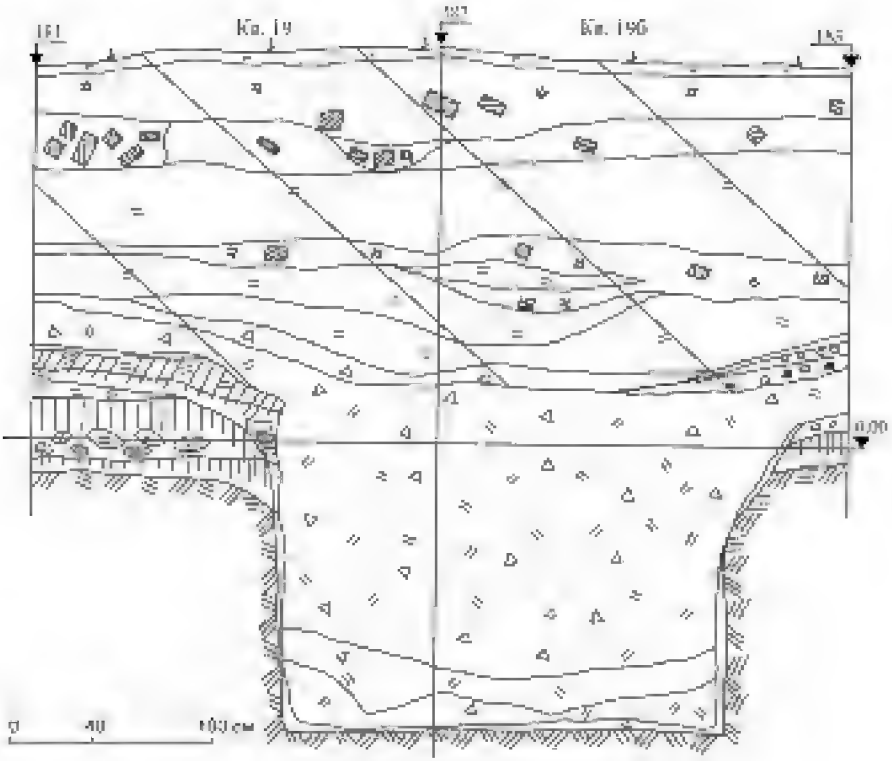


Рис. 13. Южный участок. Южный профиль кв. 19–19б

жайшую к храму южную часть, но края фундаментного рва хорошо читались, что позволило проследить около 4 м длины. В южной части фундамент соединялся с поперечным рвом выбранной северной стены основного объема «храма XII» (ее край был зачищен, и в 2002 г. мы полностью изучили этот фрагмент). В северном краю кладки притвора был открыт единственный сохранный склеп (см. ниже).

После работ 2001 г. стало ясно, что, по сравнению со схемой «храма XII» по Д. Тихомирову, В. Городцову и А. Монгайту, у нас образовалась «лишняя» северная апсида с собственной северной стеной. Поэтому в 2002 г. западный участок расширили с целью доследовать всю северо-восточную зону. Обнаружилось, что край внешней северной стены, кончающийся «лишней» апсидой, примыкает к углу северного притвора, где расположен еще один склеп, № 2 (его западное окончание прорезано краем западного фундамента «храма XII», и не удивительно, что он заполнен мусором). Чтобы окончательно установить план придела, над стыком его апсиды с северной аспидой храма был заложен раскоп, примыкнувший к траншее 2000 г.

Чтобы разобраться с северной стеной притвора, в 2002 г. пришлось выяснить, что имели в виду авторы начала XX в, упоминая «подцерковье» нового храма. В массивной западной кладке фундамента «храма 1913», несшем тяжелую колокольню, открылась узкая камера (ширина 2,3 м, длина 6,10–6,12 м), оставленная строителями специально с целью сохранить и показывать остатки притвора «храма XII». В нее попал внутренний северо-западный угол притвора с кирпично-каменным склепом, аналогичным по конструкции и расположению склепу № 1. Он был пуст и засыпан чистым песком с известью. Кладка фундамента северной стены притвора, сложенная из мелких и средних кусков ломаного известняка, сохранилась ниже уровня пола подцерковья. В кирпичной кладке стен подцерковья были сделаны «штробы» с выкладкой из древнего камня – однако они расположены таким образом, что вряд ли могут принадлежать реальным конструкциям. Скорее, они призваны демонстрировать включенность первоначальной

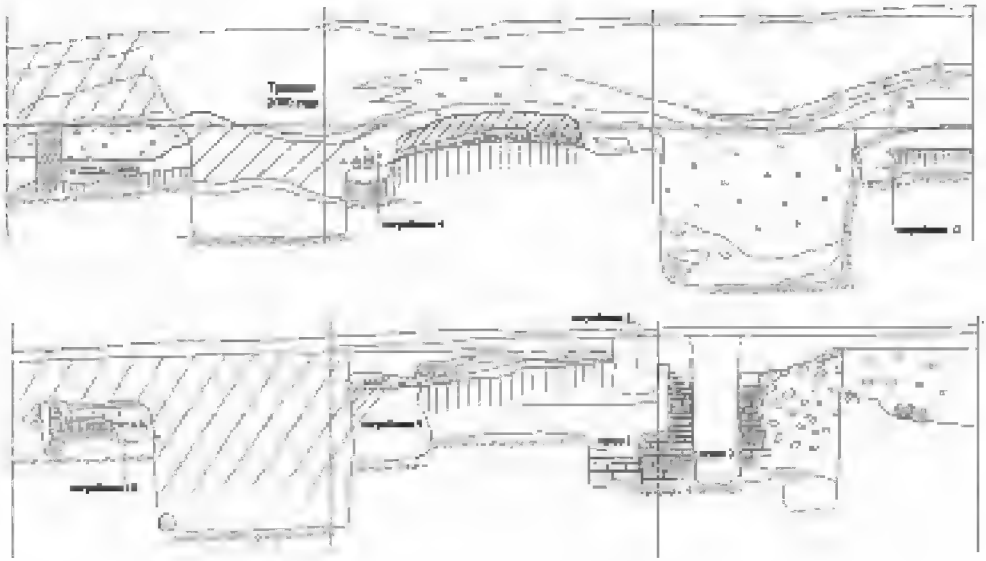


Рис. 14. Западный участок. Восточный и западный профили по зачистке 2002 г.

святыни в новый архитектурный контекст. С той же целью в восточной стене устроили небольшую заложенную нишу (она, вероятно, маркирует оссуарий для костей, собранных при строительных работах 1913 г.). Таким образом, «подцерковье» задумано как своего рода реликварий.

Работы 2003 г. имели целью раскрыть западный участок северной стены «храма XII» и проверить гипотезу о существовании к западу еще одного членения, «северной галереи», (которая не подтвердилась). В 2004 г. с целью получить полные габариты «храма XII», мы пересекли траншеей ров его южной стены и, вероятно, простенок между центральной и южной апсидой.

В итоге удалось зафиксировать положение следующих частей храма, известных ранее: (1) двух участков северной стены (в районе крайней с востока лопатки и вблизи северо-западного угла); (2) северного края северной апсиды; (3) стыка между северной и центальной апсиды, с началом кривой этой последней; (4) южной стены в районе крайней к востоку лопатки и начала закругления южной апсиды; (5) фрагмента простенка между южной и центральной апсидами.

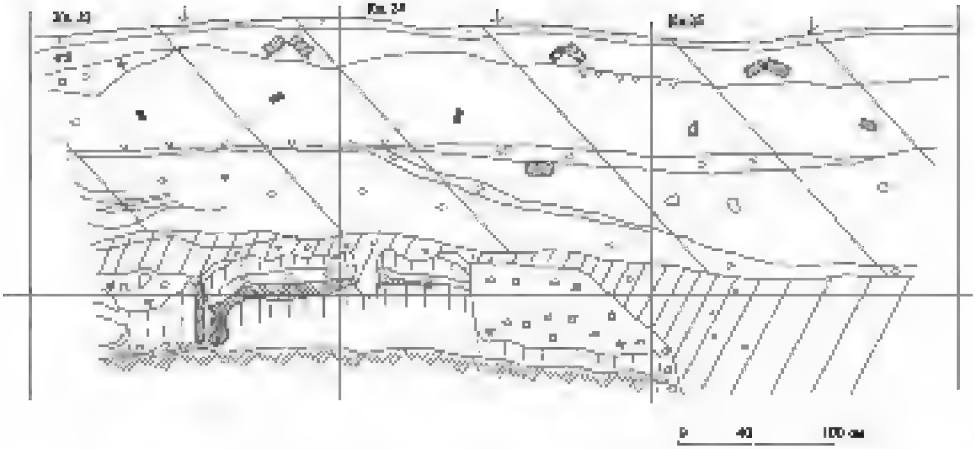


Рис. 15. Западный участок. Восточный профиль кв. 22–26 по зачистке 2001 г.

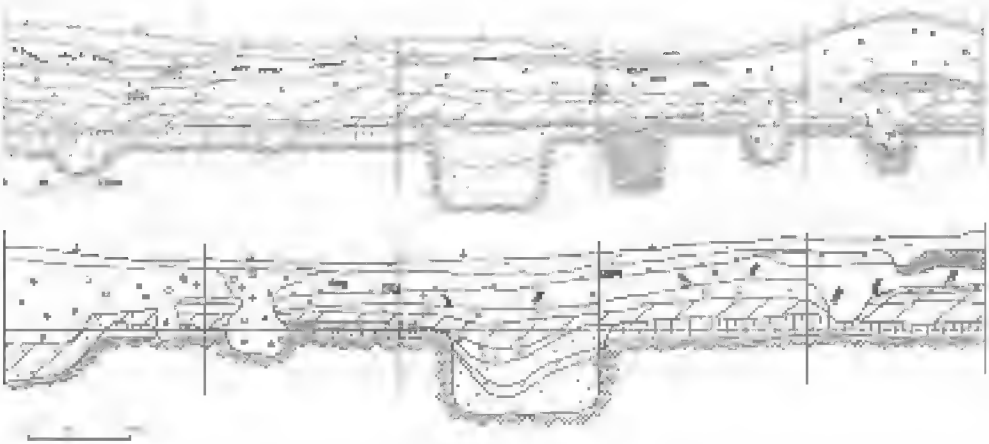


Рис. 16. Профили кв. 6–10, 1999 г.

Этого достаточно для того, чтобы проверить габариты плана «храма XII» и установить их точное соотношение с кладками «храма 1913» (ранее это не делалось). Были установлены формы и размеры фундаментных рвов и особенно крупных кусков известняка и валунов, которые показались добытчикам камня слишком тяжелыми для того, чтобы вытащить их из рвов . Удалось внести отдельные уточнения в план Д. Тихомирова: так, внутри «храма XII» к западу от восточной пилястры не оказалось никаких следов могилы или саркофага, указанных здесь исследователем – при том, что слой, отложившийся в этом месте до строительства, сохранился безукоризненно; доказано и отсутствие крайней восточной пилястры снаружи северной стены. Возможно, и к остальным деталям на старом плане следует отнестись более критично.

Кроме того, были открыты ранее не изучавшиеся или неизвестные части Борисоглебской церкви, прежде всего – одноапсидный придел с небольшим внутренним помещением (ок. 4,20×5 м), вписанный в угол между восточной стеной северного притвора и восточной частью северной стены «храма XII». Он имеет собственную северную стену и апсиду (по ширине практически равную всему приделу), а двумя другими стенами ему служат стены притвора и основного объема. Снаружи придел в уровне фундамента имеет отступ на 20–25 см от фасадной линии. Он был, видимо, чуть уже, чем притвор, и архитектурно выделен как особый объем.

Следует указать и на ряд других, важных для интерпретации истории здания, наблюдений. Так, зафиксировано отклонение оси «храма XII» от «храма 1913» (близко 11° к югу, по теодолитному промеру).

В устройстве северного притвора замечен ряд отличий от конструкции южного и северного. Следует отметить, что все склепы западного и южного притворов развернуты длинной стороной по оси кладки – невзирая на то, что половина погребенных при этом лишилась традиционной ориентации тела с запада на восток. Этот прием встречается и в других памятниках Руси при устройстве стенных склепов, он, так сказать, «нормален». Однако в северном притворе его не применили: склепы поперечных стен, восточной и западной размещены здесь поперек кладки, что обеспечило правильную ориентацию тел, но сделало технически затруднительным их устройство и доступ к склепам для совершения погребений. Для Древней Руси это очень необычно (мы затрудняемся привести хотя бы один аналог).

Резко отличается и техника кладки фундамента северного притвора: слоистая бутовая, засыпная с проливкой, из мелких камней, булыжника и кусков плинфы: описанные предшественниками кладки фундаментов западного и южного притворов были, видимо, сложены более регулярно, из достаточно крупных блоков известняка.

О том, что эти особенности могут значить для относительной и абсолютной датировки памятника, скажем ниже. Сейчас же остановимся на их архитектурной трактовке. Склепы в восточной и западной стене были устроены не просто поперек кладки: они смещены от оси запад-восток вплотную к северным углам. При этом, сколько можно судить, других склепов в

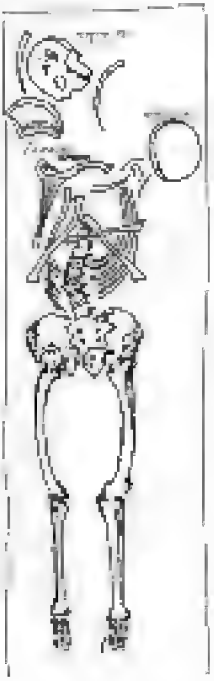


Рис. 17. Западный участок. Погребение в склепе № 1

этих стенах устроено не было (в восточной точно не было), хотя оставались места для, по крайней мере, еще двух в каждой стене.

Это следует объяснить тем, что вдоль северной стены храма могли существовать проемы: один открывал доступ из притвора в придел и служил его западными дверями, литургически необходимыми в любом храме. Через западную стену проем мог выводить только наружу (но возможно, что здесь планировали построить дополнительное западное членение) .

Неясно, были ли перевязаны кладки притвора с северной стеной храма (уровень заложения фундаментов, во всяком случае, разный, также как у притвора и придела). Но даже отсутствие перевязки – не свидетельство разновременности: уровень заложения мог диктоваться соображениями разной нагрузки низких и высоких частей здания (в древнерусских зданиях строили как перевязанные, так и неперевязанные притворы). Учитывая, как основные доводы, расположение склепов в поперечных стенах и отсутствие внешней пилястры напротив внутренней лопатки – можно осторожно предположить, что притвор, придел и основной объем храма построены одновременно.

Заканчивая описание раскрытых частей «храма XII», следует остановиться на отслеженных деталях, связанных с организацией пространства вокруг здания. К сожалению, их немного: большая часть прилегающих слоев уничтожены при выборке камня. Значительный участок поверхности строительства открыт снаружи от апсиды северного придела. Ров ее фундамента выкопан с уровня древнего дерна, на котором отмечена тончайшая лента песка с мелкими отесками белого камня, а выше желтый суглинок в смеси с темным гумусом и, местами, обожженной глиной. Это следы строительных работ лежат неширокой (до 2 м) полосой. Интерес представляют слабые параллельные линии извести в зачистке верха материковых выбросов – вероятно, отпечатки случайно брошенных или настланных деревянных жердей, заполнившиеся раствором. У края рва по оси апсиды отмечен участок обожженной до красного цвета глины, – возможно, выкладка из необожженного кирпича, подвергшаяся действию огня .

Следует указать и на следы благоустройства вокруг «храма XII». Вымостки из белокаменного щебня и мелких камней с раствором, открытая в траншее I / 1999–2000 и в прирезанных к ней квадратах 2003 г. (а также подстилающие их, для выравнивания, подсыпки) образуют дальнюю периферию мощения. Вблизи храма такого мощения нет – но здесь много участков, на которых подсыпан и выровнен вынимаемый из рвов (или специально привозимый?) слой жирного суглинка, достигающий с изученной северной стороны 50 см. Похоже, что такая подсыпка была использована и под полами придела «храма XII» (см. выше).

Некрополи

Прежде чем перейти к интерпретации новых данных по «храму XII», необходимо рассмотреть полученные материалы по некрополю – они имеют непосредственное отношение к реконструкции обстоятельств появления храма.

Все погребения, открытые при работах 1999–2005 гг. (рис. 8–11; 17–19; 27к–м; 32), могут быть отнесены к трем периодам:

(1) совершенные до постройки «собора XII»;

(2) предусмотренные при его возведении и совершенные в пределах жизни одного–трех поколений после постройки;

(3) не предусмотренные при строительстве собора, но совершенные внутри него после возведения.

Мы рассмотрим их отдельно, учтя и другие существовавшие в зоне храма захоронения.

Погребений первой группы изучено четыре, хотя на участке их когда-то было больше. К этому числу следует добавить следы по крайней мере трех погребений, разрушенных при строительстве «храма XII».

Они совершены в могилах, по площади обычно превосходивших габариты тела, и на очень разной глубине (от 30 до 110 см от уровня материка). Три из них мужские и безинвентарные: погребение № 1 / 1999, в 13 м к северу от северной стены северного придела «храма XII»; погребение № 3 / 2000, в 4 м к востоку от угла северного придела, севернее северо-восточного столба «храма 1913»[23] и погребение № 13 / 2003 на западном участке[24].

Одно из сохранных (№ 2) и одно перемещенное (№ 12) погребения – женские. Погребение № 2 расположено на 1 м севернее погребения № 3 и строго параллельно ему; на черепе сохранился головной убор из бусинных височных колец, датирующихся не позднее середины XII – начала XIII в. Принадлежность этих двух (вероятно, парных) погребений к городскому некрополю при уже существующем храме сомнительна: могилы вырыты с уровня «чистого» дерна; имеют ровики ограды; рядом нет других могил.

Погребение № 12 / 2002 представляет особый интерес – остатки костяков (или кусков тел, сохранявших естественные сочленения?) оказались здесь лежащими прямо на выбросе из фундаментного рва, и частично были ими засыпаны. На фаланге одного из пальцев сохранилось витое металлическое кольцо, имеющее широкую дату существования.

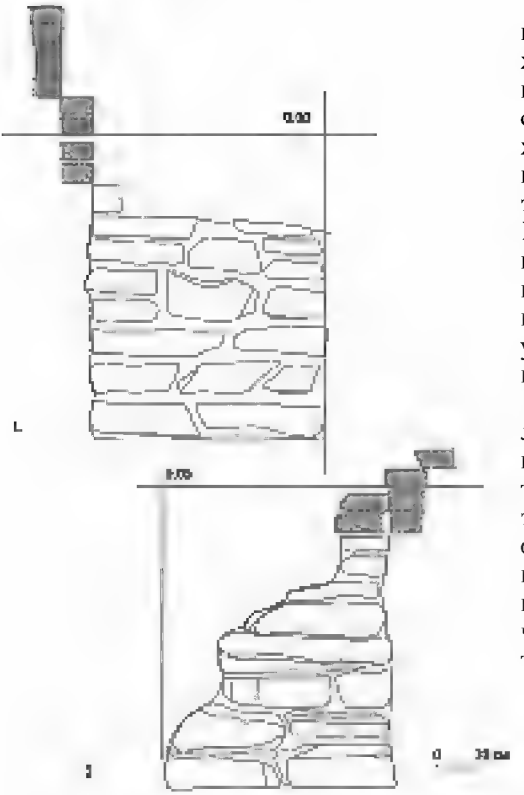
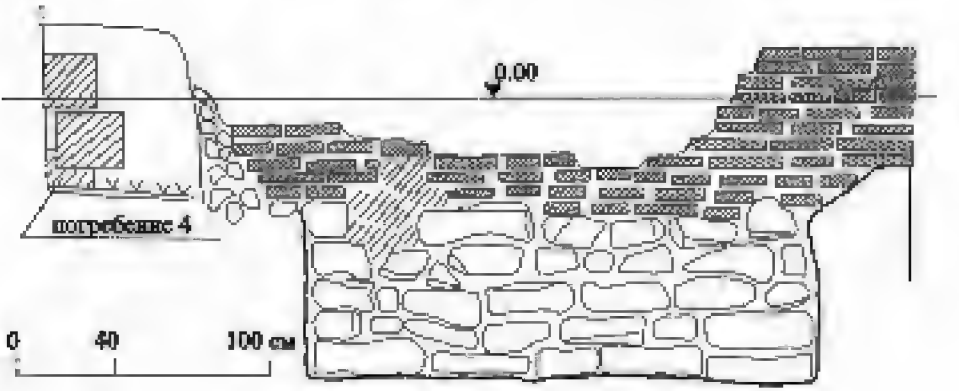


Рис. 18. Западный участок. Склеп № 1; кладка западной и восточной стен; кладка южной стены и погребение № 4



На самом западном участке, в его юго-западном углу, на погребенном дерне выявлен край еще одной могильной ямы (?) с кольцевой оградкой (?), но оно не вскрывалось (в раскоп попала незначительная часть изножия). Наконец, в прошлом было еще одно погребение: оно фиксируется на кв. 47, где почти на краю фундаментного рва северной апсиды «храма XII» прослежен ряд часто вбитых колышков, идущих по широкой дуге (могильная яма, лежавшая к юго-западу уничтожена рвом храма ?)[25].

Все эти погребения отнесены нами к периоду до строительства собора по стратиграфии (все вырыты с уровня погребенного дерна). Тем не менее, все погребения имеют традиционно христианскую ориентацию головой на запад, довольно точно выдержанную. Их раннюю дату поддерживают собранные в заполнении фрагменты кухонной керамики (крайне немногочисленные) и красноглиняных амфор-корчаг, собранных в глинистом слое, просевшем в заполнение могилы № 1 (возможно, связаны с совершением поминальной службы). В заполнении могильных ям совсем не встречается строительный мусор и нет признаков многократной перекопанности заполняющего их слоя. Общее число отслеженных погребений этого пласта – не менее 8. К этому числу следует добавить ряд погребений, открытых ранее в радиусе двух-трех десятков метров от «храма XII», но их следует сначала проанализировать (см. ниже).

В целом, учитывая возможность разрушений при постройке «храма XII», можно считать, что в его зоне изначально существовало не менее 20–30 погребений, типологически соотносимых с тем огромным кладбищем, которое заполнило Южное городище в конце XI – XII в. Для датировки храма было бы важно знать общую дату прекращения его существования, но окончательно ее удастся установить только после точной датировки валов городища.

Погребения в «храме XII»

Естественно начать историю кладбища при «храме XII» с тех погребений, места для которых были предусмотрены уже при строительстве. Мы относим к ним, в первую очередь те, что совершены в стенных склепах, под нишами–аркосолиями или без них. В древнерусской традиции (как, впрочем, в византийской и в западноевропейской) было принято при сооружении храма учитывать возможность погребения ктитора, членов его семьи и других лиц, и готовить для них места. На практике это выражалось в том, что склепы в подземной части стены и венчающие их аркосолии (если они были) строили одновременно со стенами (установлено неоднократно при раскопках). По мере совершения погребений их закрывали («замазывали», по выражению летописей) и расписывали[26]. К таким погребениям был возможен доступ: известны случаи вторичных и даже многократных захоронений в стенных склепах, служивших, таким образом, семейными усыпальницами (в монастырях склепы всего многочисленнее – их заполняли по мере упокоения насельников).

Нами изучено три склепа в стенах северного притвора (изначально было, вероятно, четыре, но один полностью уничтожен при строительстве «храма 1913»). Они, скорее всего, не имели внутреннего свода. В двух склепах костяков не оказалось, они были извлечены в 1913 г.: склеп № 2 в его восточной части перерезан западной стеной «храма 1913» и потом засыпан; склеп № 3 специально раскрыт, внутри засыпан песком и сохранен в небольшом подпольном помещении[27].

На погребении в склепе № 1 остановимся подробнее, поскольку оно частично сохранилось *in situ*. Склеп – простой каменный ящик с внутренним пространством 196×56 см, ориентированный строго поперек стены (З-В). Таким образом, в изголовье и изножье остаются тонкие стенки в один ряд камня. Внутренняя об-

лицовка склепа сохранилась до уровня отметки + 16, что соответствует 11 рядам кладки из плинфы. На пятом снизу ряду (отм. – 19) кладка имеет отлив шириной 14–15 см; ниже стена продолжается плинфой, а затем, заподлицо, большими ломаными камнями, подобранными на растворе. Облицовка тонкая, в один кирпич; размер плинф 26–27 (редко до 30) × 18–19 × 3,0/ 3,5 – 5/5,5 (до 6,0) см. Дно (отм. –115) выложено плоским камнем и обмазано мягкой цемянкой.

Склеп заполнен строительным мусором (особенно много плинфы), смешанным с грунтом, в котором выделяются яркие слои горения (в т.ч. темно-синяя крупная зола с характерным запахом). В этих слоях много индивидуальных находок, в том числе предметы церковного назначения из медного сплава, такие как части хоросов (массивные крепежные элементы для подвески, штыри и чашечки для крепления свечей, боковые ажурные полосы); мелкие бронзовые (?) гвоздики для крепления окладов; множество бронзовых фрагментов, назначение которых неопределимо. Собрано также много фрагментов фресок (в основном покраски: охристые, розовые и красные), капли свинца, железные кованые гвозди (не менее 60), возможно, крепившие штукатурку под фрески (один гвоздь обнаружен *in situ* в верхнем юго-западном углу склепа), фрагменты стекол и керамики.

Здесь же найден фрагмент чеканного серебряного оклада поля иконы с растительно-плетеным орнаментом, по-видимому, рубежа XII–XIII вв.[28]. В склепе открыты останки не менее двух усопших: в заполнении изредка встречались человеческие кости, среди которых, ближе к дну, открылся отдельно лежащий череп (женщина, adultus, 25–35 лет). На дне склепа, ближе к южной стене, расчищен еще один костяк, мужской: его череп откатился в угол; кости шеи, грудной клетки и рук частично смещены; но таз и кости ног не потревожены. Возможно,

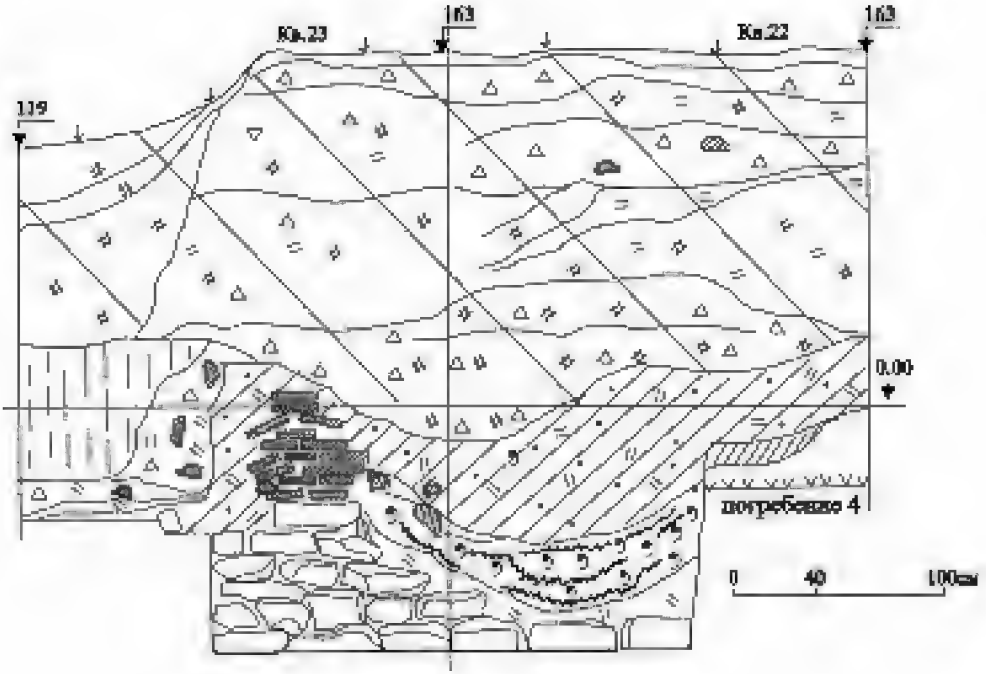


Рис. 19. Западный участок. Кв. 22–23. Северный профиль с верхней частью северной стенки склепа № 1

в склепе находились два погребения, но более вероятно, что череп № 1 попал туда случайно, при позднейшем вскрытии склепа, или даже при засыпке (повторной?) склепа, в которую могли попасть кости от ранее совершенного погребения[29] (рис. 24–26; 28–29).

Внешние характеристики не выделяют найденные останки из общей антропологической картины древнерусского населения. Костяк и череп из погребения в склепе принадлежали мужчине 45–55 лет (поздний зрелый возраст, maturus II), небольшого роста, но со значительно развитой мускулатурой, крупным и мощным черепом. Дальнейшее антропологическое исследование, конечно, расскажет больше о погребенном, при жизни принадлежавшем, судя по погребению внутри храма в особом склепе и в непосредственной близости к алтарной части, к высшей знати (князь, высший церковнослужитель ?). Находок непосредственно на костяках не было, но в заполнении встречены две шестигранные прозрачные стеклянные накладки для перстня (рис. 30).

Не повторяя сказанного о склепах, открытых в южном и северном притворах Городцовым и Монгайтом, отметим главное. Склепы были двух видов: сводчатые и с прямыми стенами (возможно, выше они перекрывались плитами, или имели свод на большей высоте). Сводчатые построены в западной и восточной стенах южного притвора, прямостенные – в южной. Сверху в сводах Городцовым отмечены отверстия 2,1×0,54 м (он затруднялся определить, люки это в склеп или поздние проломы – думаю, первое вероятнее, хотя Городцов полагал обратное). Все открытые в 1926 и 1948 г. склепы были потревожены, а часть не сохранила костяков. Так, никаких вещей или человеческих костей не найдено в склепах 1–3 / 1926. Возможно, их там и не было, – Городцов не пропустил бы следов погребения, а грабители вряд ли выбросят все кости до последней. Тем более это относится к фрагментам росписи – их нет в склепах 1–3, зато в склепе 4 / 1926, где сохранились остатки погребения, отмечены и фрагменты фресок, причем в очень большом количестве (также и у склепов, открытых Монгайтом в западном притворе). Не будет слишком смелым допущение, что только восточный (наиболее почетный) склеп был заполнен к моменту разрушения храма – остальные еще ждали своих «хозяев». В отличие от южного, склепы западного притвора были заняты, причем в них помещалось более одного погребения (а всего 7 или 9)[30].

Среди погребений, которые совершены внутри основного объема «храма XII», также могут быть такие, место для которых предусматривалось уже в период строительства. Особенно это касается тех, что были раскрыты в самом почетном месте – внутреннем приделе-усыпальнице, т.н. «крещальне», маленьком апсидном помещении в юго-западном углу нартекса. По площади он мог вместить несколько захоронений, но в него поставили только три каменных ящичных саркофага[31], два из которых служили оссуариями: в одном найдено, кроме костей, 12 черепов (что живо напоминает о монастырских обычаях совместно хранить черепа всей братии[32]), а в другом – останки четырех покойных. Неизвестно, был ли задуман внутренний придел как церковь заупокойного культа. Тихомиров писал, что его стены сложены из белого камня, и апсида явно приложена к стене и столбу, – но других аргументов в пользу позднейшего появления, а тем более какой-то связи появления погребений с татаро-монгольским нашествием (о чем писали наши предшественники) – не существует[33]. Оссуарии – типичнейший элемент любого средневекового кладбища; обычай помещать все новые тела в каменную гробницу или оссуарий хорошо известен в византийском мире.

Итак, внутри храма изначально мог быть придел для упокоения ктитора/ов и его/их родни, которsq начал заполняться останками. Кроме того, погребения со-

вершали прямо в зале храма, вдоль его западной и северной стены, в отдельных могилах с деревянными гробами и каменными саркофагами. На чертеже Тихомирова таких погребений изображено 9, но их могло быть несколько больше, так как нет уверенности, что зачистки в 1836 г. проводились правильным образом и всегда давали результат – самые глубокие могилы вполне могут еще сохраниться. Место самого восточного из вскрытых Тихомировым внутри храма погребений мы, по-видимому, затронули в 2002 г. (погребение № 9?), оно оказалось почти полностью срезанным западной стеной «храма 1913» – можно отметить, что его точное местоположение не прямо возле восточной лопатки, а на метр к западу от нее. Поскольку в минувшие пять лет работ в «храме XII» практически не велось, остальные места погребений не проверялись. Из вновь открытых погребений эпохи существования «храма XII» к их числу можно добавить лишь два: часть могильной ямы вблизи северо-западного угла северного придела, датирующейся, несомненно, после постройки, и следы начала ямы вдоль северной стены северного притвора (погребения № 4 и № 5)[34]. Для погребений в храме характерно присутствие в заполнении строительных остатков и ямы, соразмерные по величине человеческому телу.

За пределами храма, к северу и востоку от него, нами не встречено ни одного захоронения, которые были бы совершены после постройки; что касается открывавшихся в прошлом могил с юга и запада, то нет оснований относить сколько-нибудь значительное число из них к периоду более позднему, чем постройка храма. Тем не менее, хотя вокруг «храма XII» явно нет развитого некрополя, связанного с его существованием, наши предшественники отнесли к его эпохе и к более позднему периоду ряд погребений, на которых остановимся особо.

Погребения снаружи от «храма XII» открывали неоднократно, причем постепенно возникло мнение, что окружающая его поверхность – чуть ли не сплошное позднее кладбище – тем паче, что такое кладбище существует неподалеку и сейчас, а густые скопления могил прослеживаются на многих останцах-мысах приречного гребня Южного городища. Посмотрим, сколько и каких захоронений было в действительности раскрыто в радиусе 20 м от собора, а затем расширим этот круг до 100 м, т.е. выйдем за пределы двора церкви и познакомимся с теми кладбищами, которые его окружали.

Ряд разновременных погребений был вскрыт В.А. Городцовым в 1926 г. В траншее IV (18 м к востоку от середины алтарной абсиды, вдоль ее восточной стороны) было два погребения, которые Городцов отнес к т.н. «кладбищу № 2», которое счел поздним некрополем заложных покойников[35]. По его чертежу

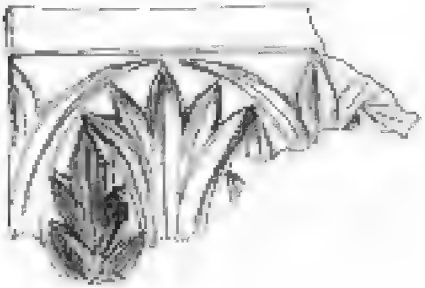


Рис. 20. Фрагмент известняка с растительным резным орнаментом (деталь карниза)

можно понять, что оба погребения совершены далеко друг от друга: между ними ок. 9 м; оба имеют уклон оси к югу от строгого В-З (до 35–40°). Ямы довольно глубокие. От гробов остался только тлен. На одном костяке найдена медная пуговица (?) и железная иголка. Этого недостаточно, чтобы безоговорочно отнести могилы к позднейшему кладбищу (обычно они выглядят по-иному) – скорее, это два погребения древнейшего некрополя, равномерно покрывающего южную зону городища.

В траншее V (З – В, вдоль южной стены «храма 1913», но не параллельно ему, в 11 м от юго-западного угла) число погребенных 6. Их Городцов также отнес к «кладбищу 2». Вероятно, он был прав касательно погребений детей (№ 3/1 и 4/2) и одного из взрослых (5/3). Эти погребения могут быть интересны этнографам: они содержали еще не разложившиеся гробы, одежду, обувь, медные крестики. Все три погребения расположены кучно, одно за другим, и могут считаться поздними (XVII–XIX вв.?). Нет оснований видеть здесь «заложных» покойников – скорее, мы имеем дело с периферией кладбища при деревянной церкви, которая существовала к югу от руин до XIX в.

Три другие погребения не имели поздних признаков. Часть их можно отнести к древнейшему некрополю; это погребение 8(6), вблизи которого больше нет погребений: оно далеко и от южного притвора (между 14 и 16 метрами), и от ближайшего к нему (6 м) погребения 7(5). Само погребение 7(5) совершено в колоде и может относиться к кладбищу при «храме XII»; такая же датировка не исключена для близко расположенного к нему погребений 6(4), 7(5) и 8(6). Никакого инвентаря могилы не сохранили.

В траншее VI / 1926, открывшей южную стену западного притвора и часть прилегающего участка с запада, как и в двух небольших траншеях VII/1926 и VII / 1926, заложенных у северо-западного угла «храма 1913», Городцов не нашел погребений (впрочем, к западу от храма он даже не довел вскрытия до материка).

Позже А.Л. Монгайт открыл у южного края западного притвора погребение (№ 1 / 1948). В.П. Даркевич отнес его к эпохе после постройки «храма XII» на основе обряда: скелет лежал в долбленой дубовой колоде, обернутой берестой, в башмаках из цельных кусков кожи. Второе погребение снаружи (№ 2 / 1948) открыто при входе в западный притвор, у его северного края, но совершено в простом дощатом гробу[36].

В 1979 г. В.П. Даркевич обнаружил у западного притвора еще одно погребение, в 1 м от края фундамента, а гораздо дальше на запад, через значительный промежуток без погребений (7, 16 и 20 м от притвора) – еще по крайней мере четыре могилы: две в южной прирезке к северной траншее, одну в южной, в одном ряду с ними, и еще одну прямо по оси траншеи, ближе к востоку. Кроме того, были затронуты два-три края ям, которые могут оказаться могильными. Густота некрополя (даже если разделить эти 7–8 погребений на два временных слоя) кажется значительной, – но следует иметь в виду, что большие промежутки между могилами, в том числе по линии запад-восток, крайне нехарактерны для церковных городских кладбищ. Скорее всего, все эти могилы (исключение – №1 / 1979, как очень близко лежащее к крыльцу) появились еще до постройки «храма XII». Этому есть и прямые доказательства: два погребения имели инвентарь: в мужском – два круглых поясных кольца; в женском – височные петлеобразные «завязные» височные кольца[37]. Кроме ранней даты вещей (XI – 1-я половина XII в.), их принадлежность к раннему некрополю определяет очень высокое залегание: они совершены на уровне материка (под невысокими курганами?).

В большем отдалении от «храма XI» поиск его кладбища, конечно, невозможен – но обнаруживаемые здесь могилы подтверждают, что храм был поставлен

в районе, достаточно ровно покрытом ранними погребениями. В.П. Даркевич раскрыл в 75 м к юго-востоку от храма (раскоп 14,488 кв. м) две богатые усадьбы 2-й половины XII в. и 7 предшествующих им погребений (еще часть, как думает исследователь, разрушена строителями усадеб). В соседнем (на 20 м восточнее) раскопе 16 (1973–1974 гг., 100 кв. м) тогда же открыт очень слабый слой XIII (?) в. и одно мужское погребение (в обширной яме 2,8×1,4×0,45 м, размер гроба 2,2×0,7 м). Это одинокое погребение, конечно, также совершено до возведения «храма XII». Важно отметить, что в довольно крупном раскопе 15 (25 м к востоку от храма; площадь 112 кв. м; работы 1973–1974 гг.) погребений вообще не обнаружили (здесь открыт богатый усадебный двор XIII в.).

Суммируем наблюдения. Снаружи от «храма XII» можно видеть, в лучшем случае, зачаток прицерковного некрополя с единичными и тесно жмущимися к его стенам могилами. Три-четыре погребения сразу к востоку от южного притвора принадлежат шлейфу гораздо более позднего кладбища, доживающего до Нового времени, центр которого связан, скорее всего, с деревянной церковью Бориса и Глеба (юго-восточнее «храма XII»). За апсидами и к северу от храма погребений периода его существования вообще не отмечено. Отсутствие здесь развитого кладбища может служить доводом в пользу поздней постройки храма и его недолгого существования: внутренние погребения не успели умножиться настолько, чтобы пришлось использовать участок вокруг храма[38].

Подавляющее большинство погребений, обнаруженные по всей изучаемой зоне нами и нашими предшественниками, принадлежат древнейшему из кладбищ и условно датируются 2-й половиной XI – серединой XII в. «Храм XII» был поставлен в зоне обширного более раннего некрополя, покрывающего значительное пространство южной оконечности Южного городища. Возможно, он имел, при всем архаизме обряда (отчасти, возможно, и курганного) христианский характер.

Храм могли строить на месте родового княжеского участка в общем некрополе, с целью освятить его и обеспечить загробное спасение ранее умершим родичам (модель, прослеженная в Западной и Центральной Европе, а недавно предложенная и для объяснения локации Десятинной церкви в Киеве)[39]. В этом случае горизонт некрополя, связанный со строительством усыпальниц (в притворах и нартексе) и с совершением погребений под полом храма можно считать естественным продолжением, развитием раннего некрополя[40]. Тем самым во многом получит объяснение и эксцентричное расположение храма в городской среде Южного городища.

Можно ли признать некрополь в интерьере «храма XII» достаточно развитым? Общее число погребенных на нем относительно невелико – в зале (включая юго-западный придел) захоронили не менее 30 человек; к этой цифре нужно добавить 3–4 погребения из северного придела и притвора. Нельзя исключить, что в двух других притворах тоже были погребения под полами (сведений о них ни Городцов, ни Монгайт не приводят, они не снимали остатки пола и не зачищали материк ?).

То, что некрополь Борисоглебской церкви развился исключительно (или почти исключительно) в пределах самого храма, может указывать на владельческий, «персональный» характер его усыпальницы, где клали только членов ктиторского рода (к какой бы ветви власти они ни принадлежали – светской или духовной). В связи с этим встает вопрос о составлении при храме монастыря, что типично для родовых церквей–усыпальниц, и на что указывает присутствие под головами некоторых погребенных в каменных саркофагах «подушек» из кирпича. Этот признак встречается и в других церковных некрополях Рязани, с которыми «Борисоглебский» полезно сравнить хотя бы по нескольким признакам.

Внутри Успенской церкви кладбище сохранилось слишком плохо, и Монгайт не смог однозначно ответить, были в нем погребения, или нет. Он упоминает о кладбище к западу, но возникшем позднее, – часть его могил перекрыла фундаменты западной стены. Другие могилы исследователь считал совершенными до разрушения храма и относил к XII–XIII вв. Но это кладбище очень далеко от здания: в 40 м, причем открыто всего 5 могил. В.П. Даркевич счел, что это свидетельствует о чрезвычайной обширности кладбища, уходившего на запад не менее чем на 40 м, но в такие размеры трудно поверить[41]. Возможно, все это «западное» кладбище принадлежало другому некрополю, расположенному к западу от каменного храма или, скорее, оно более позднее и возникло после разрушения храма, как это случилось у «храма XII».

Кладбище «церкви Спаса», наоборот, охватывает храм плотными кольцами с трех сторон; погребения идут рядами вдоль северного придела и к востоку от апсид, причем по количеству наружные явно превосходят внутренние. В храме есть ямы-оссуарии с черепами; погребенные часто имели под головой плинфы, которые встречены еще на одном некрополе (не ранее начала XII в.), в 75 м к северо-западу. Возможно, что этот яркий признак монашеского чина погребения (соотносимый обычно с монахами из знати) указывает на то, что при Спасском храме был составлен монастырь; второй монастырь мог быть вблизи него, северо-западнее (скопления монастырей в определенных зонах обычно для средневековых городов); все это не исключает составления монастыря и при «храме XII».

Датировка « храма XII»

Обратимся к вопросу датировки. Как большинство древнерусских (и все старорязанские), «храм XII» не имеет летописной даты. Обычный прием, применяемый в этом случае историком архитектуры – поиск хорошо датированных аналогов. Однако когда мы имеем в своем распоряжении только план, и, со многими оговорками, кое-какие детали строительного характера, такой подход оказывается слишком близок к типологическому, применение которого в рамках средневизантийской строительной традиции неоднократно осуждалось как ведущее к прямым хронологическим ошибкам. В Византии стремление следовать образцу иногда заставляло воспроизводить тип храма через очень длительный промежуток[42]. Так что предпочтительнее начать прямо с наблюдений над собранными материалами, воздержавшись до поры от исторических интерпретаций и архитектурных сравнений.

До сих пор такой метод для «храма XII» не применялся, поскольку находки в слоях вокруг него были крайне малочисленными, а керамическая стратиграфия городища специально не разрабатывалась. В настоящее время она выстроена в работах И. Стрикалова и достаточно надежна, чтобы на нее можно было опереться в нашем случае. Кроме того, открытие сохранных слоев дало достаточное количество массового материала не только из слоев, «запечатанных» уровнем работ по возведению храма, но и непосредственно связанного с моментом строительства. Эти слои тщательно разобраны на достаточно широкой площади, причем керамика, оказавшаяся характерной, бралась строго по прослойкам[43].

Исходным пунктом датировки слоя стало распределение фрагментов из накрытого строительными остатками погребенного дерна на участках севернее, северо-восточнее и восточнее северного придела. Подавляющая масса керамики здесь близка рубежу XII–XIII вв. (к середине – 2-й половине XII в. относятся немногочисленные и мелкие фрагменты, а крупные – к рубежу XII–XIII вв.). Из самых поздних упомянем; (1) развал верхней части горшка с линейным орнаментом и венчиком, характерным только для начала – середины XIII в. из уровня погре-

бенного дерна под выбросом глины из фундаментного рва; (2) керамику с датой не позднее начала XIII в. из западин над могильными ямами, особенно фрагменты горшков светлого обжига с линейным орнаментом над погребением № 2 в слое, близком строительству храма. Показательны также сборы в выбросах из строительного рва фундамента: их керамика также близка рубежу XII–XIII вв., лишь единичные экземпляры можно отнести ко 2-й половине XII в. (что естественно, поскольку при строительстве перемещались и более древние слои). Уровень освоения территории сразу после постройки храма дает только керамику 1-й половины XIII в. Керамические сборы с южного и западного участков подтверждают эти наблюдения: подавляющее большинство посуды принадлежит рубежу XII – 1-й трети XIII в., остальные периоды представлены небольшим количеством более ранней древнерусской (середина XII в.)[44]. В этот же интервал попадают большинство фрагментов амфор (определение В.Ю. Коваля).

В итоге, момент перекрытия древнего дерна строительством можно отнести к времени около 1200 г., так как в подавляющем большинстве фрагменты относятся к интервалу 1180–1220-х годов.

Сузить эту дату в рамках анализа керамики, разумеется, невозможно, учитывая известную расплывчатость «керамических дат». Только другие материалы помогают, за счет сокращения доверительного интервала, свести период возможного закрытия комплекса (= начало сооружения храма) к 1190–1200 гг. Следует указать на встречаемость в довольно значительном количестве стеклянных браслетов (нами найдено 14 фрагментов, см. выше; примерно столько же собрали предшественники), причем не только в перекопах, но и в слоях до постройки храма. Под слоем строительства они встречены в траншеях 1979 г. к западу от «храма XII», причем вместе с ключем от замка типа В. Исследователь справедливо указал, что дата этого слоя не может быть старше 2-й половины XII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 205–211). Браслеты «в черном слое Е толщиной 20–45 см», под уровнем строительства, были собраны и Монгайтом в 1948 г. (см. выше).

Еще одна важная находка, взятая безусловно из слоя, отложившегося до начала строительства «храма XII» – уже упоминавшийся нашивной крестик из перламутра. Распространение таких артефактов связывают с развитием паломнического движения, развернувшегося в Европе ко 2-й половине XII в. и достигшего максимума на Руси в XIII столетии. Это подтверждено серией находок, среди которых точно стратифицированные из Новгорода (начиная с 1160-х годов) и Пскова. Все случаи ложатся во 2-ю половину / последнюю четверть XII – 1-ю треть XIII в., и дают шлейф в XIV в.[45].

Конечно, на участке есть и более ранние материалы – прежде всего речь должна идти о бубенчиках – однако среди них как будто нет грушевидных, а только круглые, в т.ч. с крестопрорезной прорезью и золоченый (см. выше). Вероятно, они происходят из погребений; к ним же несомненно относятся фрагмент витого металлического браслета и бронзовое ложновитое кольцо. Эти предметы имеют широкие, но не слишком ранние даты, и укладываются в установленный В.П. Даркевичем период существования древнейшего кладбища (конец XI – половина XII в.).

Итак, материалы, отложившиеся до постройки «храма XII», выстраиваются в достаточно строгую последовательность: до середины XII в. на участке развивается некрополь, оставляющий индивидуальные находки, но очень мало керамики; в последней четверти XII – на рубеже XIII в. количество откладывающейся керамики резко возрастает. Фрагменты рубежа XII–XIII вв. абсолютно господствуют. Это можно связать с обживанием участка – как общим, начавшимся по все-

му Южному городищу после постройки его стен, так и конкретным, связанным с периодом работ по сооружению «храма XII»[46].

Посмотрим, что дают для датировки храма артефакты, связанные с ним непосредственно. Прежде всего важен, конечно, кирпич – сегодня размеры, тип и качество формовки и обжига, знаки и многие другие особенности плинфотворения считаются надежным средством определить время постройки здания, по крайней мере, в пределах от трети до четверти века, а подчас и точнее. (рис. 21–23).

К сожалению, наши представления о том, из чего были сложены стены основного здания, остаются туманными. Мы не можем, как будет показано ниже, полностью опираться на промеры, приводимые Д. Тихомировым. Остальные же исследователи имели дело только с притворами, да и не произвели по-настоящему массового промера кирпича из основных стен.

Обычно приводят одну и ту же, пересчитанную с русских мер, цифру «по Тихомирову»: 67×178×266 мм. Ширина и длина здесь выглядят, в общем, разумной в общей картине размеров XII в., но толщина явно завышена: она достигает размера «брускового» кирпича и приближается к нормальному большемеру, так что не может приниматься в расчет.

Городцов в дневнике 1926 г. (л. 191–192) дает таблицу с промерами кирпича из стен и склепов (11 экз.) и пола (3 экз.), причем первые можно «статистически» приравнять к размеру 280×190×50. Их 3 экз.; остальные размеры колеблются в сторону незначительного увеличения ширины и толщины (280×190×55; 280×200×53; 280×200×50 мм) или уменьшения одного из трех габаритов (277×193×45; 260×190×50; 260×185×50; 240×180×55; 225×120×37). Заметим, что длина более 280 мм не отмечена, также как толщина менее 37 мм, в то время как от узкой грани иногда остается всего 120 мм, а от широкой – 225 мм. Плинфа для пола иных пропорций, близкая к квадрату, но той же толщины: 170× 170×37 (2 экз.); 180×170× 40 мм.

Монгайт, определив кирпич как хорошего обжига, красный, желтый или палево-розовый, а кладку как равнослойную со швом 10–14 мм, привел немногочисленные промеры, в целом соотносимые с теми, что дал Городцов. Он отметил, что в кладке низа склепов попадается иногда несколько более крупный кирпич: 280×200×50–53 мм, но в основном это размеры 250×180×40; 260×185×50; 278×193×45; 280×190×50; 250×250×45 мм. Мы подчеркнем здесь отсутствие толщин менее 40 мм и на то, что длина, не выходя из 280 мм, часто опускается до 250 мм.

Наконец, Даркевич указал на сходство размеров кирпича притворов и основных стен, а также на встреченные им мелкоформатные кирпичи (180×120×40 мм. Однако он сам приводит несколько иные данные промеров: ему удалось измерить несколько плинф от западной основной стены, поскольку одна из его западных траншей (южная) пересекла упавший кусок кладки:14 рядов кирпичей 300 х 200×43 см при швах 15–20 мм (с обмазкой в 7–10 мм). Обращает на себя внимание явное превышение плоскостных габаритов этих кирпичей над теми, что фиксируются в притворах, при сравнительно небольшой толщине; однако количество образцов из

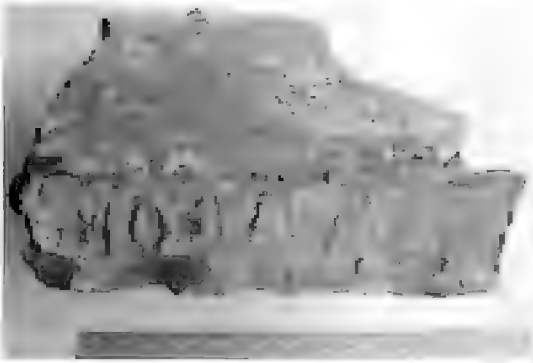


Рис. 21. Плинфа с рельефной штампованной надписью «Марко» (?) на кирпиче

фрагмента кладки было слишком незначительным, и мы вправе принять эти цифры за приблизительные. Тем не менее, Даркевич счел габарит стандартным для 2-й половины XII в. (особенно толщину ок. 45 мм), а порядовую с гладким швом кладку из такого набора плинфы – усредненно-типичной для 2-й половины XII в. Им указано также на открытие в 1880-х годах в с. Шатрищах печей для обжига плинфы с сохранившимися кирпичными стенами и сводами.

Таким образом, приводимые размеры плинфы южного и западного приделов можно свести к (37)45(55)×(180)190(193)×260–280 мм, а в стене храма ее плоскостные габариты, возможно, несколько крупнее (200×300 мм).

Мы можем опираться, по крайней мере в отношении северного притвора, и на собственные промеры. Его склепы дают близкие размеры, но с более значительным разбросом: толщина от 30 до 60 мм (наиболее часто 45–55), ширина 180–190 и длина 260–270 (хотя встречаются и 300) см. В стенках склепов in situ промерены также «толстые и короткие» (60×?×260; 55×?×270; 50×?×300 мм) и «тонкие» (30–35×180–190×?; 30×18×? мм) плинфы. Среди немногих целиком сохранившихся встречены более корокие и узкие, при средней толщине (43×170× 240 мм).

Пять рядов такой кладки (5 кирпичей + 5 слоев раствора) в нашем склепе № 1 составляли в высоту 270 мм, а 8 рядов – 500/520 мм.

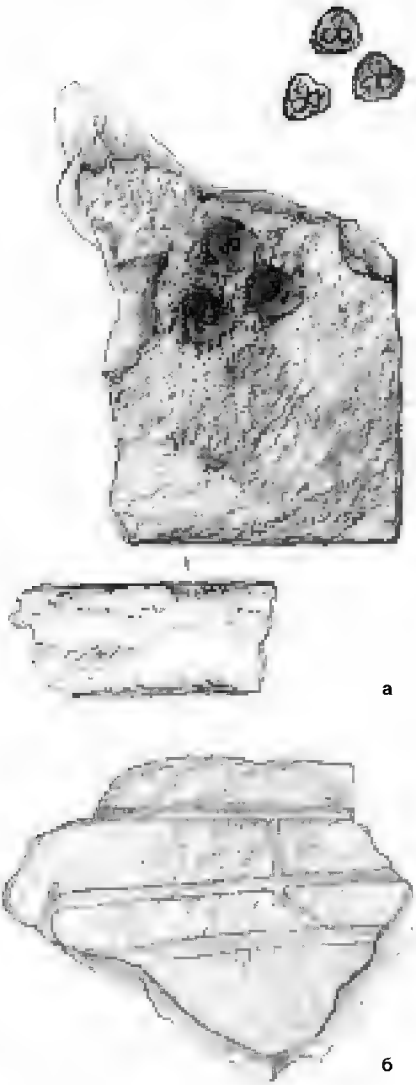


Рис. 22. Плинфы с граффити и клеймами:
а – плинфа с тремя клеймами «смоленского типа»;
б – плинфа с граффити-вавилоном

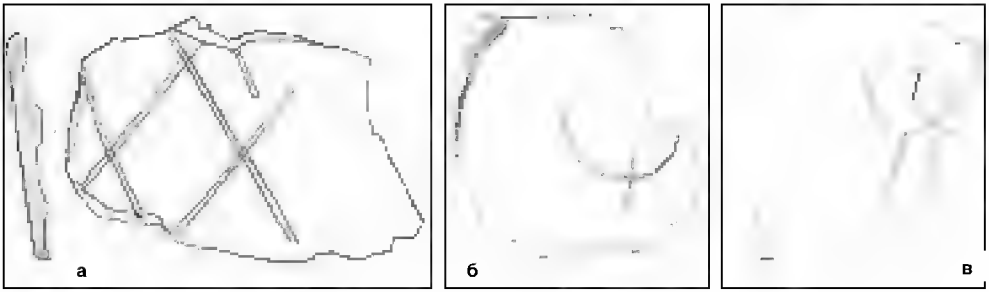


Рис. 23. Плинфы с граффити

Рис. 24. Звено цепи для подвески паникадила. Бронза, литье

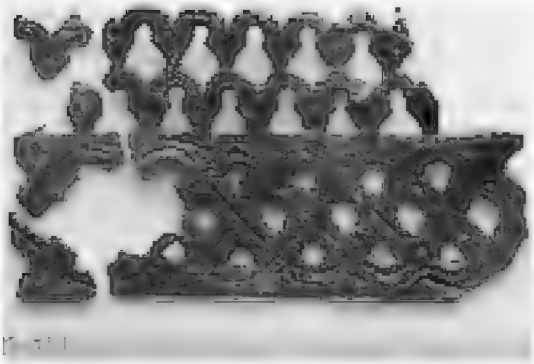


Рис. 25. Ажурная стенка паникадила. Бронза, литье

Представляется, однако, что такие, в сущности выборочные, промеры не дают полной картины – они охватывают в лучшем случае, один-два десятка «образцов», а нужны сотни, если не тысячи. Конечно, состояние памятника не позволяет надеяться узнать о его кирпиче абсолютно все – но иметь общее представление о массиве кладки, который образовал когда-то здание, желательно. Поэтому мы стремились встреченные переотложенные плинфы промерить полностью (включая фрагменты хотя бы с одним размером), и, не усредняя их, свести в одну таблицу.

Например, сплошные промеры кирпича в 2004 г. позволяют утверждать, что толщина 583 плинф в основной массе (451 или около 78 %) лежит в промежутке от 40 до 50 мм. Более мелкие – 30–39 мм (84 экз.), более крупные: 51–66 мм (50 экз.). Если расширить доверительный интервал в сторону мелких цифр всего на 3 мм (37–50 мм), то он охватит более 84% (495 экз.), причем еще более мелкими размерами можно будет пренебречь как техническими отклонениями, в то время как более крупные будут по-прежнему составлять около 8% от всех. (Следует отметить, что группа с малой толщиной все же заметна, даже 30 мм встречены 5 раз, а близкие ему – 11 раз (32 мм – 2 экз., 33 мм – 5 экз.; 34 мм – 4 экз.), образцов же 35 мм встречено 20 экз. Толщины более 55 мм такой группы не образуют: близкие к ней размеры немногочисленны (56 мм – 3 экз., 57 – 6 экз.) а начиная с 60 мм (3 экз.) встречаются эпизодически (62 мм – 2 экз., 63 мм – 2 экз., есть даже 66,5 – 1 экз.).

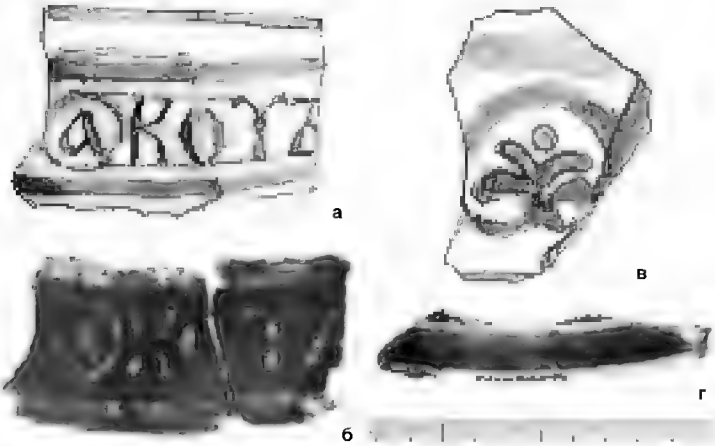


Рис. 26. Фрагменты витражей и оконных стекол: *а* – фрагмент надписи «Оагиос Коуз[ма]», полевая зарисовка; *б* – фотография того же фрагмента; *в* – зарисовка фрагмента с орнаментом; *г* – край круглого оконного стекла

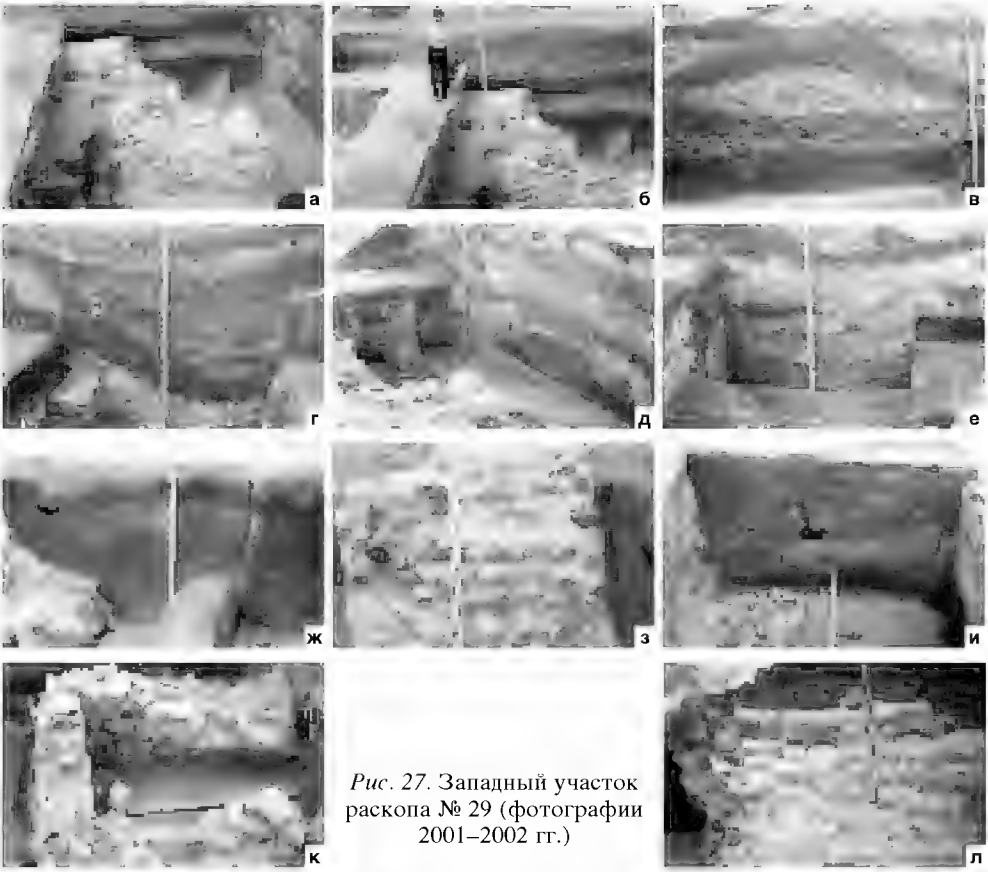
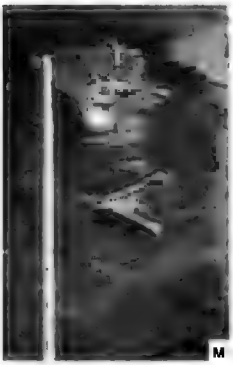
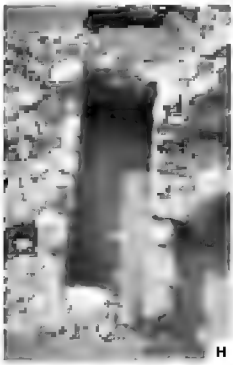


Рис. 27. Западный участок раскопа № 29 (фотографии 2001–2002 гг.)





а – Вид с юга вдоль остатка фундамента восточной стены северного притвора храма XII в.; *б* – вид с юга на остатки фундамента западной стены храма 1913 года и остатки кладок северных пристроек храма XII века; *в* – южный профиль западного участка (зачистка 2002 г.); *г* – часть восточного профиля западного участка с разрезом выбранного рва северной стены храма XII века; *д* – северо-восточный угол западного участка в 2002 г.; *е* – выбранный ров северной стены северного придела храма XII века в восточном профиле западного участка (2002 г.); *ж* – погребенный гумус, предматериковые и материковые слои в зачистке неповрежденной почвы севернее северной стены северного притвора храма XII в.; *з* – поперечный разрез бутовой кладки фундамента северной стены северного притвора храма XII в. Вид с востока; *и* – остатки бутовой кладки фундамента северной стены северного притвора храма XII века в камере под колокольней храма 1913 года. Вид с запада; *к* – склеп № 3 в западной стене северного притвора храма XII века (в камере под колокольней храма 1913 г.). Вид с севера; *л* – бутовая часть кладки склепа № 2. Вид с севера; *м* – склеп № 1, вид с востока (сохранность в 2002 г.); *н* – переотложенные костяки за северной стеной северного притвора храма XII в.

Есть и другой путь: поскольку более половины всех промеров (313 экз.) лежат в промежутке 40–45 мм, можно считать именно этот размер ведущим, но при этом окажутся неучтенными крупные партии с размером 46–49 мм и, особенно, 50 мм; доля крупных размеров в целом будет сопоставима, хотя и меньше (186 экз.) – а доля «малых» размеров пропорционально упадет (84 экз.).

Конечно, пики размеров 40, 50 и, отчасти, 45 мм формируются за счет невольного округления при промере, но наличие промежуточных размеров купирует этот недостаток. Мы корректируем его также по целым формам и по тем, у которых можно промерить хотя бы одну сторону. Короткая сторона колеблется от 115 см до 200 мм (основная масса замеров 120/125–175/200 мм), абсолютно господствуют 180–190 с легким уклоном в сторону 200 мм. «Средний» размер выводим как 40–45×180–200×? мм, причем редкие целые экземпляры дают очень небольшую длину в 225–250 мм, что уменьшает вытянутость кирпичей (35×188×230; 37×169×225; 40×168×232; 44–52×194×250; 52×18×25.5).

Достаточно близкую картину дает и промер 2002 г., когда в нашем распоряжении было 114 образцов. Самая малая отмеченная толщина 35–37 мм (8 экз.), подавляющий максимум (104 экз.) составили цифры 40–45–50–55 мм (56–25–18–5 экз. соответственно). При этом толщину 40 мм имело около половины всех кирпичей, а более 55 мм – всего 2 экз. Размеры «целых» форм: 40×19×275; 40×185×?; 40×175×?; 40×13×?; 45×19×? (два экз.); 45×105 (!)×?; 50×205×?; 50×19×? (5 экз.); 50×185×?; 50×180×?; 50×145×?; 55×185×255; 55×185×?; 60×135×?; ?×19×285 мм.

Эти цифры кажутся нам достаточно представительными для того, чтобы утверждать, что в кладках собора использовался в основном кирпич толщиной в 40–45 мм, имевший тенденцию к увеличению до 50–55 мм (но не более). Шлейф тонких кирпичей не та значителен, особенно если учесть, что размеры в 37–39 мм составляют зону естественной ошибки при промере кирпича с толщиной в 40 мм.

В плоскости размеры плинф, в основном, прямоугольные, но не слишком вытянутые: короткая сторона колеблется от очень узкой (120 мм) до сравнительно широкой (180–190 мм); это же касается длины, начинающейся с крайне незначительной (225–250 мм) до «средней» для развитого XII в., 270–280 мм. Более круп-

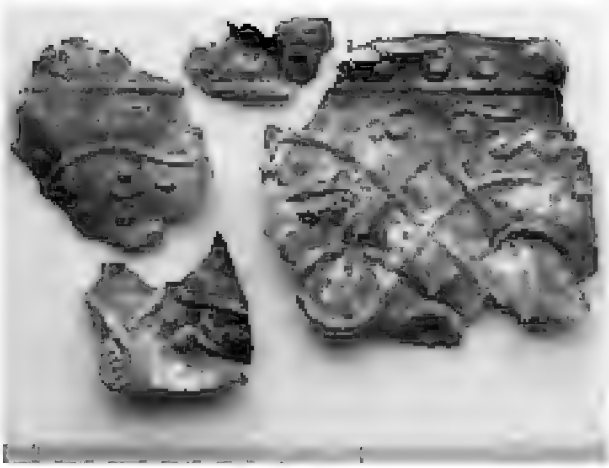


Рис. 28. Фрагменты металлического с позолотой оклада иконы XIII в. из склепа № 1

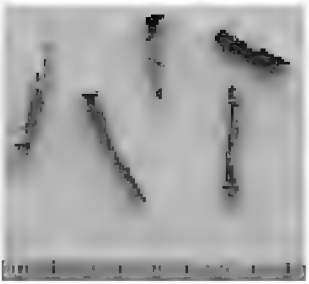


Рис. 29. Медные гвоздики из склепа № 1 (от оклада иконы XIII в.?)

ные экземпляры (200×300 мм) встречены как в главных стенах, так и в склепах, но они очень редки.

В целом наши результаты сходны с предыдыущими промерами, но их массовость придает им некоторую надежность, несмотря на отсутствие архитектурного контекста. Это почти те же цифры, которые привел Д. Тихомиров для стен храма (за исключением толщины в 67 мм), а Городцов и Монгайт – для притворов.

Это позволяет перейти к поиску места для наших кирпичей на шкале хронологии древнерусского плинфотворения. Как усредненные, так и индивидуальные промеры позволяют уверенно отнести весь кирпич «храма XII» к группе «нового», или «маломерного», кирпича, который распространился по всей Руси в XII в. в связи с отказом от кладки с утопленным рядом и переходом на порядовку. «Стандарт» такого кирпича был, видимо, близок в длину 270 мм (пядь?), в ширину 190 мм ; толщина на протяжении века постепенно дрейфовала от 28–30 к 40 мм и более[47].

Развитие габарита кирпича на Руси следовало общей европейской тенденции, то есть постепенному отказу от римского стандарта с переходом на кирпич прямоугольный (вместо квадратного) и толстый (вместо плитчатого) и сравнительно короткий. Поэтому всюду на Руси вектор развития новых типов направлен к возрастанию толщины, уменьшению длинной стороны и сокращению короткой, т.е к формированию кирпича с более вытянутыми пропорциями постелистой стороны.

Плинфу Борисоглебского собора нужно отнести к позднему этапу домонгольского производства из-за ее небольшой (менее 270 мм) длины, вытянутых пропорций и значительной толщины (не 6,77, но все же в среднем 40–45, при заметном крене к 50–55 мм). Ее горизонтальные размеры существенно меньше плинфы той группы памятников Чернигова, которые сегодня относят к самым ранним примерам равнослойной кладки и среди которых есть, по крайней мере, два храма, справедливо считающиеся прототипами Борисоглебского рязанского: католикон Елецкого монастыря с его двумя стандартами размеров (350×270×22–25 и 360×280×35 – 40 мм) и Успенский храм Старой Рязани. Длина плинфы в этой группе памятников не менее 300 (от 390 до 320), ширина 250–278 мм, толщина 27–40 мм (больше только у поздних из них, Ильинской и Борисоглебской церквей в Чернигове)[48].

В сортаменте плинф для фигурной кладки, встреченных на «храме XII», Городцов выделил кирпич «клиновидной» формы (трапециевидный), применявшийся для выкладки «романских» аркатурных поясов; Даркевич указал размеры таких кирпичей (45 мм длина короткой стороны, 150–170 мм у боковых, толщина 40–45 мм); он же привел пример плинф с закругленным концом (хорда 145 мм), которые могли применяться для архитектурных форм (профилированные лопатки, порталы и др.). Все эти типы встречены и в раскопе № 29.

Кроме размеров, значение имеют также тип глины, замес, формовка и обжиг кирпича. Нам (в отличие от наших предшественников) технический уровень производства не показался особенно высоким: среди плинфы много

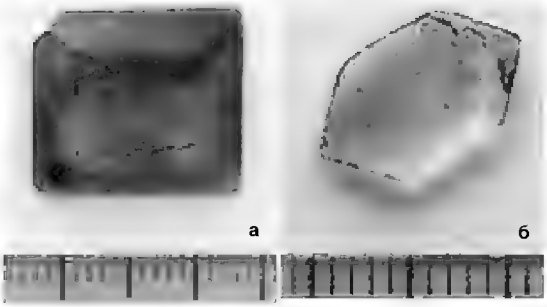


Рис. 30 а–б. Стеклянные вставки перстней

плохо отформованной (один край резко толще другого; много вмятин); плохо промешано глиняное тесто (на сколах обнаруживает пестрая «мраморная» поверхность; много раковин и трещин); встречаются пережженные и недожженные образцы. Такой кирпич непрочен. Тем не менее, следует отметить и присутствие хорошо отформованного и обожженного кирпича как из красножгущейся, так и из светложгущейся (каолиновой) глины, с цветом от розовато-желтого до почти серого.

Отдельного разговора заслуживают знаки на плинфах. На них обратил внимание Городцов, зарисовавший в дневнике три формы рельфных знаков: равноконечный крест; «рамку», разделенную изнутри осью с отпятнышем; композицию из симметрично перевернутых «птичьих лап» (см. л. 191–192). Таблицы знаков опубликовали позже Монгайт и Даркевич. Значительно число собрали и мы – среди них много римских «единиц», «двоек», «троек» и «пятерок»; простые трезубцы/«птичьи лапы»; изобразительно-символические мотивы (лунница с крестом; «солнышко»); «буквы» (Х, И, М). Особенно интересно обнаружение двух редких типов пометок на плинфе: нескольких букв, складывающихся в зеркальную надпись М, а, р, о, к..? (= Марко, Марко[в], чтение А.А. Медынцевой)[49], и кирпича с вдавленными в постелистую сторону клеймами «смоленского типа» (треугольник с «сердечками» внутри, оттиснут трижды). Похожее клеймо отмечено В.П. Даркевичем, но особого внимания не привлекло. А это интересный признак присутствия на строительстве людей, знакомых с полоцко-смоленской школой – клейма такого типа более нигде в домонгольской Руси не встречаются, за исключением собора в Новгороде-Северском[50]. С другой стороны, помещение на ложке плинфы нескольких букв, складывающихся или не складывающихся в надпись (псевдоэпиграф), известно в самой Рязани (при раскопках Успенского собора Монгайтом было найдено несколько кирпичей, на которых прочли «Яковтв», восстановив как «Яков творил»), но также в Чернигове и Киеве. Рельефные знаки на плинфе считаются наиболее многочисленными в черниговских памятниках конца XI – 1-й трети XII в., – но позже их, в сущности, не меньше: ими, например, буквально покрыта кладка столбов в церкви Параскевы Пятницы. Кроме Чернигова, знаки получат большое развитие в Смоленске не ранее 2-й половины XII – начале XIII в., где будут сочетаться с клеймами на постелях[51].

В целом хронология кирпича (размеры, качество, знаки, надпись), собранного нами и промеренного нашими предшественниками, уверенно сдвигает дату постройки во 2-ю половину XII в., не препятствуя сколь угодно поздней датировке в пределах этого периода. Кроме того, его характеристики позволяют говорить об участии плинфотворителей, работавших не только в черниговской, но и в смоленской традиции. Это хорошо сочетается с общей картиной домонгольского строительства в

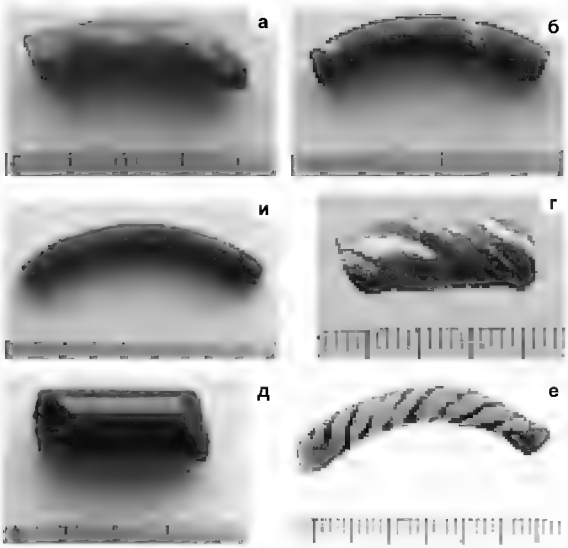


Рис. 31 а-е. Фрагменты стеклянных браслетов XII–XIII вв.

Рязанской земле: планы двух храмов, Спасского и церкви Нового Ольгова городка, несомненно, построены в смоленской традиции, развившейся позднее периода активного строительства «шестистолпных» соборов[52].

Прежде чем закончить с хронологическим анализом собранных материалов, напомню описанную выше «стратиграфию некрополей»: общая дата раннего могильника отодвигает строительство минимум во 2-ю половину XII в., а пустые склепы в южном притворе и неразвитость внешнего церковного кладбища говорят о сравнительно недолгом периоде его развития, что в контексте истории городища также выглядит поздним признаком.

Предварительный вывод звучит так: наблюдаемая стратиграфия и датировка по типам кирпича склоняют к мысли поместить «храм XII» по меньшей мере во 2-ю половину XII столетия или прямо в 1-ю половину 1190-х годов, ближе к году погребения князя Игоря Глебовича (1194/95 г.), если согласиться с идентификацией храма как церкви Бориса и Глеба.

Борисоглебская церковь в истории древнерусской архитектуры

Легко предвидеть возражения столь поздней датировке: она резко противоречит существующим представлениями о развитии типа храма в Древней Руси. Однако обратим внимание на то, что наши предшественники очень серьезно расходятся в вопросе о дате. Крайние точки отстоят почти на столетие: с конца 1070–1180-х годов (Н.В. Холостенко) по 1170-е годы (Г.К. Вагнер)[53]. В работах П.А. Раппопорта, отличавшегося взвешенностью в хронологии, даны просто две разные даты. В авторитетном своде архитектуры X–XIII вв. приведена самая общая, в пределах XII в., причем специально оговорено, что точнее храм датировать нельзя. Но в посмертно изданной таблице к курсу древнерусской архитектуры дата приведена с точностью, явно избыточной (1130-е годы), и вряд ли принадлежит самому Павлу Александровичу[54].

Первым в пользу позднейшей даты храма высказался Г.К. Вагнер. Он привел ряд аргументов, которые, по-моему, сохраняют силу. Так, отсутствие ленточных фундаментов в «храме XII» не позволяет опустить храм в XI в. Подтверждается отмеченный им поздний (см. выше) тип кладки и кирпича; промеры 2000-х годов немного иные, но дата сходна: 2-я половина – последняя треть XII в. Верны и наблюдения над своеобразием в деталях плана «храм XII»: отказ от «закрытого» нартекса, типичного для архаичных соборов, и, главное, неравномерная расстановка столбов, приводящая к сокращению западной части и указывающая не на раннюю «базиликальную» композицию, а на позднюю «динамичную» (в плане «храма XII» мало следов византийских прототипов). Вагнер подчеркнул также, что, при значительном размере, «храм XII» все-таки уступает самым большим шестистолпным, уходя достаточно далеко от архетипа, собора Киевской Печерской лавры. Он имеет также иной модуль по-

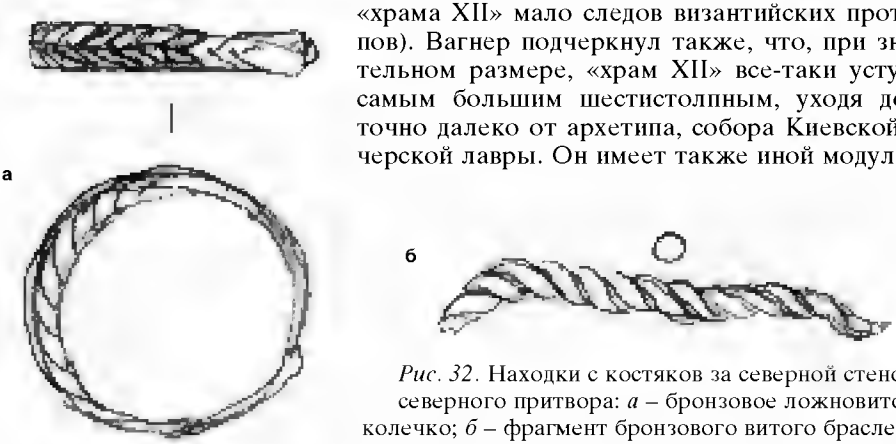


Рис. 32. Находки с костяков за северной стеной северного притвора: *а* – бронзовое ложновитое колечко; *б* – фрагмент бронзового витого браслета (?)

строения[55]. Поздним признаком мы готовы, вслед за Вагнером, считать использование белого камня не только в декоре, но и в кладке стен[56]. Строительство белокаменных цоколей в кирпичных зданиях известно в Чернигов, но в Рязани они были и у «Спасского» собора, что позволяет хронологически сблизить эти два памятника. При этом белокаменными были нижние (по крайней мере) части столбов.

Добавим к наблюдениям Г.К. Вагнера некоторые особые детали «храма XII», которые можно выяснить, опираясь на чертеж-врезку в общий вид и план Старой Рязани середины XIX в.[57]. Так, наружные пилястры описывали то как плоские, то как с приставными полуколоннами. Верно и то, и другое: восточные пилястры полоуколонны имели (вряд ли нужно думать, что чертежник, не будучи специалистом в древнерусской архитектуре, их домыслил). Зато лопатки, отвечающие «стене» нартекса, на чертеже отсутствуют, а западные углы показаны с простыми прямоугольными лопатками. Добавим, что пары лопаток, отмечающие подкупольные столбы, могли просто отсутствовать (по крайней мере, в уровне фундамента их нет) и выводиться на стену только выше примыкания стен притворов. При этом такая черта, как восточные полуколонны – уникальна, во всех известных древнерусских памятниках XII в. восточные пилястры плоские, и наоборот – центральные лопатки часто подчеркнуты полуколоннами. Странно выглядит и отсутствие лопаток против западных столбов. Отметим еще, что между апсидными полукружиями на чертеже показаны две тонкие колонки – до сих пор не отмечавшаяся, но, думаю, достоверная деталь. В древнерусском зодчестве места стыков апсид обычно подчеркивали не колоннами, а парой лопаток. Можно сделать вывод, что строитель употреблял тот или другой тип артикуляции фасада «по месту», что в целом характерно для древнерусского строительства, но более – для его поздней стадии[58].

В области архитектурных и археологических аргументов за раннюю датировку «храма XII» остался доныне незыблемым единственный, хотя весомый: это общий тип плана. Он, действительно, принадлежит к кругу так называемых шестистолпных храмов с тремя апсидами. Эта группа городских соборов и монастырских католиконов XII в. восходит к архитектурному решению, найденному при строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры. Обычно это крупные храмы, уступающие по размерам только древнейшим соборам X–XI вв.

Начиная с аспирантской работы Г.Ф. Корзухиной, наиболее близким из памятников этого круга к «храму XII», считался католикон Елецкого монастыря в Чернигове. Эта позиция усилилась в 1960-х годах, после того, как Н.В. Холостенко опубликовал материалы исследований черниговского памятника и доказал наличие у него трех крестообразно поставленных притворов. Сходство, по крайней мере в уровне плана, казалось столь точным, что Н.В. Холостенко принял версию посвящения храма, предложенную Корзухиной: она видела в «храме XII» не Борисоглебскую церковь, а Успенскую. К этому склонялся Б.А. Рыбаков,

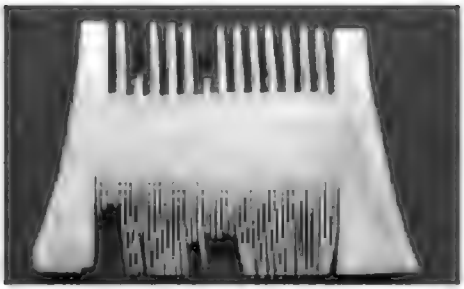


Рис. 33. Изделия из кости: *а* – гребень; *б* – писало или булавка

К.Н. Афанасьев же в своем аналитическом своде просто назвал «храм XII» – Успенским, оговорив неясность с датой и посвящением[59].

Легко заметить, что позиция ученых в вопросе о соотнесении «храма XII» с летописными известиями кореллирует с их взглядами на хронологию. Те, кто считал «Борисоглебские руины» Успенской церковью (Г.Ф. Корзухина, Н.В. Холостенко, Е.В. Михайловский и др.), склонялись к ранним датам. Их оппоненты А.Л. Монгайт и Г.К. Вагнер, предпочитая поздний период, были уверены, что Д. Тихомиров раскопал именно храм Бориса и Глеба. Средней даты (середина XII в.) держались Б.А. Рыбаков и К.Н. Афанасьев.

Приводившиеся выше архитектурные соображения дают мало оснований сомневаться в том, что «храм XII» возведен более-менее единовременно. Некоторые наблюдаемые противоречия («двухстенность» придела; тип клади фундамента притвора и т.п.) могут быть объяснены в рамках метода работы «нарастающим итогом» («аддитивного процесса», по выражению Р. Оустерхаута), который был в высшей степени характерен для византийской архитектуры. Он состоит в том, что «задание заказчика» реализуется постепенно, заказчик и исполнитель по ходу дела вносят изменения в начальный замысел, вплоть до достроек. Так что, по мере возникновения новых запросов и появления новых средств, сооружение может довольно существенно меняться. В нашем случае процесс строительства не выглядит особо длительным, хотя позволяет предположить, что, благодаря известной протяженности, в нем смогли на каком-то этапе принять участие мастера смоленской школы (их частое привлечение для работ в других землях, особенно в Рязанской в конце XII – XIII в. – хорошо доказанный факт).

Думаю, сходство плана с группой шестистолпных храмов, «моду» на которые принято относить к периоду 1-й половины XII в., не должно мешать датировке на основе археологических и архитектурных материалов. Так ли устойчива и узко датирована сама группа? Аналоги «храма XII» ни в Чернигове, ни в других городах не имеют установленных дат: есть минимум два варианта хронологии черниговского Борисоглебского собора (1115–1123 гг. или 2-я половина XII в.; неизвестна точная дата Успенского собора Елецкого монастыря (как и для «храма XII», предлагаются версии от конца XI до конца 2-й четверти XII в.); далеко за рамки хронологической схемы выходят некоторые сооружения, план которых восходит к Успенскому лаврскому собору– например, собор Рождества Богородицы в Суздале (1220-е годы)[60]. Вряд ли стоит сопоставлять «храм XII» со всеми перечисленными памятниками, но сравнить его особенности с наиболее, как считается, близким собором Елецкого монастыря следует.

Рис. 34. Перламутровый крестик

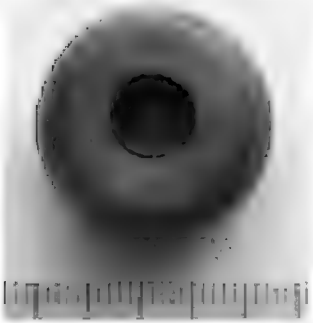


Рис. 35. Ниферное пряслице

В будущем изучение археологического контекста должно привести к ряду передатировок ряда зданий Южной Руси XII в. прочно, казалось бы, встроенных в шкалу истории архитектуры. «Храм XII» близок популярным в 1-й половине XII в. монастырским и городским соборам, но вопрос об устойчивости их типа, о продолжительности периода его воспроизводства остается открытым. Полвека – несомненно, слишком короткий срок для появления и схода его со сцены.

В задачи этой статьи, конечно, не входит пересмотр всей хронологии древнерусских сооружений или построение новой. Просто следовало указать, что в традиционной системе хронологии нет строгих оснований для отвода даты «храма XII», помещаемой, на основе археологических выкладок, в поздний XII в. (начало 1190-х годов?). Вероятность того, что она найдет подтверждения и, в свою очередь, поведет к существенным сдвигам в хронологии памятников домонгольской архитектуры XII столетия, существует, и было бы ошибкой не указать на нее коллегам.

Возможность поздней датировки «храма XII» важна и для правильного понимания общего архитектурного процесса в Рязанском княжестве, она позволяет объяснить немногочисленность каменных храмов, исчисляющихся в других стольных городах десятками. Если строительство началось не ранее 2-й половины XII в., его «отставание» выглядить не столь странным.

Письменные источники о старорязанских храмах

В этой статье не предлагается новых письменных источников, поэтому только покажу, как мало помогают известные тексты в отождествлении и датировке храмов на городище. Материал крайне скуден, хотя позволяет узнать посвящения трех престолов, существовавших в домонгольской Рязани: это Борисоглебский, Успенский и Спасский (по порядку событий, упоминаемых в источниках). Для Борисоглебского храма дан даже надежный *terminus ante quem*, погребение князя Игоря Глебовича Рязанского. Это первое по времени упоминание церкви в Рязани дано в Ипатьевской летописи под 6000 (1194/95) г.: «Того же лета преставися князь Игорь Глебович Рязанский и положен бысть во граде в Рязани, в церкви камене святых мученик Бориса и Глеба» (ПСРЛ, I, 173; отметим отсутствие оговорки о постройке храма самим князем или его отцом – монастырь не назван ни «своим», ни «отним», как часто бывает в подобных случаях). Второй престол упомянут не в погодном летописании, но в «Повести о разорении Рязани Батыем», это собор «пресвятые владычицы Богородицы честнаго ея Успения»; после взятия города эта «великая церковь внутрь погоре и почернешаЕ ». Последнее упоминание церковного посвящения, летописное, появляется под 1258 г. в связи с погребением князя Олега Ингваревича, причем речь, возможно, идет о монастырской церкви: «Преставися князь великий Олег Рязанский постригся во иноческий образ и в схиму на страстной недели в среду и положен бысть в церкви святого Спаса» (ПСРЛ, I, 203).

Дата постройки двух последних храмов, конечно, более ранняя, оба они возникли до монгольского нашествия. Но последовательность появления всех трех церквей остается неясной. Позднее упоминание Спасского храма никак не свидетельствует о его более поздней, в сравнении с Успенским и Борисоглебским, дате, и наоборот. Все, что можно выяснить из имеющихся текстов – это то, что до 1237 г. в Рязани было по меньшей мере три церкви, (причем каменные: две – наверняка, а третья, Спасская, с большой долей вероятности). Привлечение косвенных свидетельств, прежде всего о развитии общей политической ситуации на Руси и в Рязанской земле, дает еще меньше. Вряд ли следует думать о каменном

строительстве в городе до того, как началось выделение Муромско-Рязанского княжества из состава Черниговского, то есть до конца 1-й трети XII в., когда в 1129 г. в Муроме умер Ярослав Святославич, и его дети, Ростислав и Святослав Ярославичи, «сели на Рязани». А.Л. Монгайт допускал строительство первых храмов в конце 1150 – начале 1160-х годов, при Глебе Ростиславиче, исходя из того, что при нем Рязань впервые стала стольным городом и могли появиться укрепления Южного городища. Но это не самая вероятная, а скорее самая ранняя из возможных дат: город оставался вторым в княжестве после Мурома, поскольку даже в 1145 г., по смерти Святослава, Ростислав «седе на столе (т.е. в Муроме. – *Л.Б.*) а Рязаню послаша меншего Ростиславича Глеба».

Конечно, можно привлечь общие соображения. В Муромско-Рязанском княжестве свв. Бориса и Глеба особо почитали, так как исторический князь Глеб считался местным святым (он правил в Муроме). Допустимо думать, что каменный храм его памяти мог появиться в Рязани очень рано. Однако обязательно ли это? Достаточно проверить ход освящения престолов в память святых князей в Древней Руси, чтобы убедиться, что их почитание прежде установилось в городах Поднепровья (Киев, Чернигов, Смоленск) – и только в позднем XII в. (как раз в 1190-х годах), наблюдается широкая волна строительства храмов и освящений престолов в честь братьев-мучеников по всей Руси.

Таким образом, письменные источники дают очень мало для датировки каменного строительства в Рязани. Конечно, на первый взгляд соединить сведения о трех вышеназванных престолах с тремя же каменными церквями, открытыми на Южном городище, соблазнительно легко. Обычно так и делают, опираясь на относительную хронологию, которая довольно надежна. Типологически и технико-конструктивно самый ранний храм открыт последним, после раскопок 1949 г. (в атрибуции А.Л. Монгайта и Г.К. Вагнера это городской Успенский собор). За ним следует «храм XII» – Борисоглебский (или, по Корзухиной и Холостенко, Успенский); третий раскопан А. Севостьяновым, который видел в нем также Борисоглебский, но со времени работ Монгайта эту точку зрения оставили, и обычно храм считают Спасской церковью. Но ведь источники не говорят, какой среди трех упомянутых престолов возник раньше, а какой – позже, и основанием для таких атрибуций служат только дополнительные соображения, косвенные аргументы.

Предложенное Д. Тихомировым отождествление изученных им руин с летописной церковью Бориса и Глеба» поддержано, главным образом, тем, что вблизи них в XVII–XIX вв. стояла кладбищенская «Деревянная церковь во имя Рождества Богородицы, именуемая Борисоглебской Городищенской». Такое название, само по себе неординарное, указывает на сохранении памяти о прежде стоявшем храме или о сохранении в храме древнего престола в качестве придельного. Косвенно поддерживает идею отождествления и развитый внутренний некрополь «храма XII», а также явная неординарность его прихожан и клира, которые оставили на стенах граффити греческой скорописью, учебные «таблицы» по расчету пасхалий и множество других текстов, для начертания которых нужно было ежедневно упражняться в каллиграфии[61]. Захоронения в храме, явно принадлежавшие знати, соотносимы со сведениями о Борисоглебской церкви как о престижной княжеской усыпальнице[62]. Таким образом, отождествление, предложенное Тихомировым и поддержанное Монгайтом, можно считать обоснованной гипотезой.

Меньше оснований для атрибуции крестообразной в плане «церкви Селиванова», стоявшей вблизи рва, разделяющего Южное и Северное городища Старой Рязани. Храм не мог быть построен ранее середины XII в.[63], а его план и строи-

тельные особенности явно восходят к смоленской традиции 1-й трети XIII в. Вряд ли его следует датировать ранее 1200 г. но середина 1190-х годов все-таки не исключена. Кроме того, погребения внутри и вокруг него указывают на высокий статус покойных и позволяют видеть среди них монахов, как и в Борисоглебских руинах. Таким образом, оба памятника сопоставимы, и можно понять попытку А. Селиванова взаимно поменять их посвящения. Тем не менее, «в активе» у «храма XII» остается безусловно ранняя дата (XII век) и долгое сохранение в соседнем храме Борисоглебского престола.

Третий храм городища, стоявший западнее Борисоглебского, близок к «Борисоглебским руинам» по плану, идущему от киевского Успенского Печерского собора, но строительные особенности (ленточные фундаменты, размер кирпича, размеренная расстановка столбов, закрытый нартекс, отсутствие притворов) гораздо архаичнее, они выдают в нем здание 1-й половины – середины XII в. Вполне вероятно, что это – Успенский собор Рязани.

Таким образом, несмотря на остающиеся сомнения, не только хронологическая последовательность храмов, установленная работами Монгайта, но и его распределение престолов, с тех пор исследователями городища не оспариваемые, следует пока сохранить.

Письменные источники не дают никаких оснований датировать «храм XII» раньше конца XII столетия, что не исключает начала каменного строительства в Рязани в середине XII в. (например, храмом Монгайта 1949 г.).

Детали декора и утварь

Скажем несколько слов о находках, связанных с художественным оформлением здания. К сожалению, они немногочисленны.

Среди многих мелких фрагментов архитектурной резьбы выделяется белокаменный карниз с тонко и остро, до сухости, нарезанным растительным орнаментом: лист аканфа в композиции взаимосвязанных «пальметт» (камень побывал в огне и растрескался, но его удалось собрать). В данной статье не будет разбираться вопрос о довольно многочисленных образцах резьбы, собранных ранее: их анализу препятствует, прежде всего, неясность происхождения камней, собранных в разное время и в разных местах Старорязанского городища (в том числе – и не при раскопках)[64]. Может оказаться, что часть их просто не от «храма XII». Интересно, что обнаруженный нами фрагмент сравнительно мало похож на резьбу, которую до сих пор связывали с Борисоглебским собором.

Вокруг склепа № 1 / 2000 и в его заполнении собрано много фрмагментов оплавленного свинца от кровли или оконных переплетов, а также церковной утвари, украшавшей некогда интерьер храма: обломки бронзового хороса (до 20 фрагментов, в том числе целые ажурные детали – звено цепи, боковые пластины, острия для насадки свечей и т.п.; в целом по раскопу собрано до 30 фрагментов хоросов); фрагмент чеканного оклада иконы с мелкими бронзовыми гвоздиками для его прикрепления к доске (см. выше, при описании склепа); кусочки стеклянных вставок окон (круглые прозрачные «окули») и фрагменты витражей (отождествлены впервые при работах 2002 г.) (рис. 26).

В данном случае «витражи» – плоские темно-красные и темно-коричневые стекла, иногда с протравленным узором (ранее, по-видимому, позолоченным или окрашенным) – бордюрами из линий и растительного орнамента (трилистник). Наиболее важно открытие букв, складывающихся в надпись «ѡа(гиос) коуз [ма]». Надпись и бордюр идут по дуге большого диаметра. По-видимому, это действительно остатки витражей, иногда встречающихся как в Древней Руси, так и

в самой Византии, где они вызывают долгую дискуссию по вопросу о вероятности их происхождения с романского Запада. Фрагмент с надписью для Руси уникален – но надписи есть среди витражей храмов Константинополя, где реконструируются в виде высоких и узких заполнений оконных проемов, каждый из которых включал фигуру одного святого[65].

Новые задачи

Работы 1999 – 2002 гг. представляются отнюдь не завершением, а только первым этапом исследований храма Бориса и Глеба. Их роль видится в том, что они обновили наши представления о центральном церковном памятнике Старорязанского городища, показав, что, хотя, в известном смысле, это самостоятельный, замкнутый на себя объект, его следует изучать в контексте местной истории, и в нескольких других, более широких рамках: истории церковной жизни Рязанского княжества; истории домонгольской архитектуры; истории археологии в России. Эта многоплановость определена и тем сложным историко-культурным сплавом, какой образует любой каменный храм Средневековья, и, не в меньшей мере, индивидуальной судьбой именно этого, конкретного храма. Конечно, в ходе работы все эти плоскости истории неразделимы, вторжение в один из пластов тут же тянет за собой еще несколько; но в изложении проблематики сделана попытка развязать изучаемый исторической узел .

Теперь ясно, что новые раскопки храма Бориса и Глеба были, действительно, необходимы; они могут ежегодно приносить данные, изменяющие наши представления о культуре и истории Рязанской земли и всей Руси. «Борисоглебские руины» уже задали столько новых и интересных вопросов, что ответ на них смогут теперь дать лишь работы широкой площадью. Они позволят провести более полный и точный, строжайший обмер всех фундаментных рвов и доследование сохранившихся участков кладки (если они еще есть). Появятся десятки важных деталей, позволяющих судить о типе и времени сооружения. В частности, стоит раскрыть южное подцерковье и познакомиться с белокаменной кладкой, которая описывалась нашими предшественниками как «юго-западный угол» храма; следует еще раз осмотреть все стыки кладок (особенно места примыкания приделов и западные углы); познакомиться с кладками интерьера. Необходима также общая зачистка всей поверхности внутри храма и в притворах: она наверняка обнаружит остатки погребальных комплексов, которые предшествуют постройке храмов – а, возможно, и незамеченные Д. Тихомировым погребения внутреннего кладбища «храма XII». Думаю, будут найдены и недокопанные древние слои – впрочем, всего не предусмотришь и не перечислишь.

Но дальнейшее исследование участка, окружающего Борисоглебские руины, следует планировать только при условии появления общей программ консервации и актуализации этой «достопамятности» в рамках неизбежного превращения Старорязанского городища в реально работающий музей археологии с полностью раскрытыми остатками и демонстрацией как «храма XII», так и «храма 1913». Раскрытие руин вне такой программы создаст риск разрушения немногих сохраняющихся фрагментов.

Однако есть возможность продолжить раскопки на дальних подступах к руинам, за пределами кладок 1913 г.: перспективность их для работы со слоем и некрополем, возникшими до постройки «храма XII», очевидна, это одна из немногих неперепаханных зон городища. Такие работы смогут пролить свет и на историю самого храма, и на историю ранней планировки и застройки Старой Рязани.

Примечания

[1] В качестве такового их часто изображают на изделиях промышленности, в том числе на этикетке местной водки. Точное положение Борисоглебских руин – почти при въезде на площадку городища, между современным кладбищем и краем обрыва к речной долине.

[2] Об открытии храма и поездке Солнцева см.: Богатская, Панова, 1999. Дальнейшая история исследований Борисоглебской церкви подробнее рассмотрена в статье Е. Буланкиной в этом сборнике

[3] Северная пчела. 1836. № 129, 262, 265, 274, 286, 297.

[4] *Селиванов В.* Извлечение из дела о постройке каменного храма или часовни в с. Старая Рязань // ТРУАК. 1888. Т. 2. С. 35–103

[5] На одном из двух обмерных чертежей 1830-х годов показано начало кладок этого притвора, но он никак не отражен в публикациях Тихомирова и его последователей. Кладки симметричного северного притвора видели при строительстве 1910-х годов.

[6] С любезного разрешения и при постоянной помощи Рязанского Областного музея в лице Е. Буланкиной (см. ее статью в этом сборнике). Приношу самую искреннюю благодарность за постоянную помощь в работе.

[7] *Даркевич В.П.* Отчет Старорязанской экспедиции за 1979 год // Архив ИА РАН № 9901.

[8] Саркофаг с резьбой на крышке был опубликован А.А. Мансуровым в путеводителе по экспозиции Рязанского музея (Старая Рязань по материалам археологических раскопок. Рязань, 1927) и впоследствии включался в сводки находок из Старой Рязани (Ермонская В.В., 1978. С. 22), однако, согласно исследованиям Е. Буланкиной, фрагменты хранящихся в музее саркофагов не связаны со Старорязанским городищем (личное сообщение).

[9] Афанасьев, 1961; Вагнер, 1963; Пуцко, 1991; Михайловский, 1972; Он же, 1985; Рыбаков, 1957.

[10] Само отождествление с упоминаемой в летописях церковью, освященной в честь Бориса и Глеба, предположительно, что делает менее надежной датировку храма (см. ниже). Неясно время ее гибели: считали, что храм разрушили зимой 1237 г., но раскопки, судя по тексту Тихомирова, не дали следов внезапного насильственного разрушения здания, т.е. мощного пожара или крушения стен. Как известно, сам город в XIII в. возродился, сохраняя имя и статус еще несколько веков, до конца XVII столетия. Даже в XVI в. поселение называют городом Рязанью: духовная Ивана IV 1570-х годов ставит Рязань сразу после тогдашней провинциальной столицы, Переяслава; во время правления царя Федора Иоанновича в Рязани еще сидели царские наместники, и в начале XVII в. она как город упомянута в Книге Большому чертежу (1627 г.). Нынешняя Рязань, девний Переяслав, официально присвоит древнее имя только в 1778 г.). Селом и Старой Рязанью городище назовут только в окладных книгах конца XVII в.

[11] Качественные для своего времени, работы Д. Тихомирова все же не оставили данных по стратиграфии; не были сохранены находки, а их рисунки делались исключительно выборочно; саркофаги перезахоронили (их поиск может составить особую задачу). Невозможно было судить об относительной хронологии здания (построены его части одновременно, или среди них есть пристроенные позже? каково место белокаменных кладок в кирпичном здании? действительно ли основные стены и притворы построены из разного кирпича?) До наших работ считалось, что храм сложен из плинфы 6,7×17,8×26,6 см (по Тихомирову), а притворы – из плинфы 4–5×18–19×25–28/29 см (по Городцову и Монгайту). См. анализ кирпича ниже.

[12] Оставалось непонятным, отделялись притворы от главного здания стеной, или полностью открывались внутрь. Загадочно звучало описание северного притвора, вскрытого без фиксации в процессе строительства 1913 г.: судя по тексту В.А. Городцова и А.Л. Монгайта, его сохранили для осмотра в «подцерковье» нового храма – но, сколько было известно, новый храм не имел подцерковья.

[13] Остро стояла проблема «актуализации» Борисоглебских руин: без абсолютно достоверной и наглядной информации о степени разрушенности кладок и состоянии культурного слоя невозможно начать разработку концепции музеефикации немногочисленных монументальных сооружений Старой Рязани

[14] Длина 20 м, ширина 2 м. Раскопу был присвоен порядковый номер 29 (XXIX), который с тех пор сохраняется за всей системой участков и траншей, связанных с изучением руин.

[15] В этой статье мы не ставим задачу характеризовать здание 1913–1914 гг. (далее: «храм 1913»). Отметим те его признаки, которые важны для общего понимания стратиграфии и планиграфии наших работ. Стены «храма 1913» выбраны только до уровня фундамента, на котором может сохраняться 1–3 ряда кладки. Ширина фундамента северной стены очень велика (325 см); он уложен в слабо сужающийся книзу ров. Кирпичная кладка существенно уже этой платформы, ее внутренняя линия идет на расстоянии 344–345 см от щеки подкупольно-

го столба, что определяет ширину бокового нефа «храма 1913». Фундамент из желтоватого ломаного известняка, утопленного в прочный раствор с добавкой цемента; раствор кирпичной кладки желтоватый, ближе к чисто-известковому.

16 Все вертикальные замеры брались от нулевого уровня, отвечающего верху железного триангуляционного знака (запад-юго-запад от руин, над обрывом к реке), – одного из установленных при разбивке городища на квадраты, предпринятой экспедицией В.П. Даркевича, но не доведенной до конца.

17 Мы не даем здесь «поквадратного» описания раскопок, отсылая за ним к отчетам экспедиции, и ограничимися общим описанием стратиграфии по участкам с анализом археологических и архитектурных комплексов

18 Приведу более подробное описание этого слоя по отчету 2000 г.: слой строительства внутри «храма 1913» состоит из смеси материковой глины с песком и гумусом, возникшей как выброс из фундаментных рвов, легший неровными слоями внутри храма. Толщина колеблется от 30 до 60 см (самые высокие отметки верха выброса достигают + 108, самые низкие не выше + 60/70 см). Выше пролегает красная от битого кирпича лента «чистого» строительного мусора, тощиной 5–20 см. Еще выше – засыпка того же состава, но грязнее, с включениями мелкого строительного мусора (извести, щебня кирпича и камня) и обилием гумуса. Она достигает толщины 50–60 см (в основном тоньше: 30–35 см). Видимо, это строительная засыпка под полы «храма 1913». Накопление слоя строительства прекратилось в 1920-х годах. Над ним лежит слой разрушения: сначала гумусированная супесь с мелким мусором (наносы в храм или постепенное заполнение пространства под настилом пола), а затем — мощный завал сводов и стен, возникший при разрушении купола и стен постройки в послевоенный период (с 1950-х годов), мощностью местами до 1 м. Общая толща строительных слоев с 1913 г. до наших дней – до 170 см (обычно не превышает 100–150 см). Таким образом, именно эти слои занимают главную часть любого профиля внутри «храма 1913». На долю остальных периодов остается не более 50–70 см.

19 Так, в траншее № 1 / 1999 прослежены два уровня, связанные с сооружением «храма XII» и его первичной эксплуатацией. На отметках + 26/30 см лежал пласт жирной глины желто-охристого цвета, с незначительными включениями извести, толщиной 7–10 см, выходивший на практически ровную поверхность с отметками + 19/20 см и накрывший коричнево-серую супесь с очень незначительным количеством извести (крошки раствора) и одним-двумя кирпичами. Эта супесь, в свою очередь, на отм. + 8/10 см перекрыла тончайшую ленту белокаменной и кирпичной крошки и желтого глинистого натопа по черному погребенному дерну. Эта свита наслоений связана, видимо, со строительством «храма XII». Лежащий выше нее, над ровной глинистой насыпью, толстый слой строительного мусора серо-кремового цвета, с беспорядочным навалом фрагментов кирпича и камня-известняка, можно воспринимать как уровень постепенной разборки стен храма в послемонгольскую эпоху. Его перекрывает желто-черный пестроцвет с кусочками извести и плоско положенными кирпичами (остатки вымостки ?), под которыми кое-где прослеживается деревянный тлен настила (отм. + 40/52 см) – следы освоения окрестностей храма в позднесредневековый период. Слои мало затронуты сквозными перекопами, и в основном лежат горизонтально, утолщаясь в направлении руин храма.

20 Погребенный дерн неоднороден, но делится везде на два четких горизонта. Верхний из них перекрыт глинистой подсыпкой материка (благоустройство и выбросы рвов XII в.), имеет темный коричневый цвет и светлеет книзу. Но в светлой супеси его нижней части различима еще одна гумусная полоса, интенсивно-черного цвета, которая не везде имеет точно прорисованный край, но цветом выделена отчетливо. Обе полосы погребенной почвы имеют следы корней, уходящие в светлый суглинистый предматерик, который ниже сменяется рыжеватым глинистым слоем и песком. «Верхняя» почва имеет отметки от 0/+ 2 (на севере) до + 6/+26 см (на юге) вскрытого участка, то есть повышается по направлению к «храму XII». «Нижняя» почва начинается с отметки + 9 и кончается на отметке – 3 см. Таким образом, толщина нижнего погребенного дерна ок. 12, верхнего 15–17 см. Поверхность обоих слоев почвы неровная, они не включают строительных остатков и дает очень мало находок, – однако и безжизненным его назвать нельзя. По-видимому, два уровня почвы соответствуют двум историческим периодам освоения (распашка ?) площадки береговой террасы, разделенных достаточно большим помежутком времени.

21 Названные «сооружения» из слоя I заслуживают более подробного описания. «Канавка» в кв. 4/2000 имела ширину 2,0–2,15 м по верху при глубине 65–75 см (отметка дна – 75), очень отлогие стенки и неровно-округлое дно. Она тянется с северо-запада на юго-восток по слабой дуге (внешний край изогнут к северо-востоку). Ее нельзя принять за курганный ровик или канавку вокруг могильной ямы из-за большой ширины и огромного радиуса. Кроме того, она

не прорезана в древнем дерне, – поверхность дерна и канавки составляют одно целое, как если бы это была естественная западина. Жители средневековой Рязани приняли меры к ее выравниванию: в уровне зачистки, близком – 20/22 см (т.е. 50 см от дна канавки), ближе к ее внутреннему краю, лежит полоса серой супеси, на которой отчетливо видны два ряда отпечатков от прямоугольно подтесанных кольев, которые позднее заполнил (заместил) прокаленный песком, глина и угольки. Их яркие пятна охристых, лимонных и оранжевых с черными вкраплениями цветов хорошо выделялись на сером, а край серой полосы, в свою очередь, был хорошо виден на фоне ровного коричнево-пестроцветного с редкими мелкими угольками заполнения канавки. На внешнем склоне канавки отмечена уходящая в материк круглая ямка с отпечатком прямоугольного столбика, – возможно, ее следует датировать временем, когда канавка еще не была засыпана. Но в канавку попала и довольно крупная (до 70 см) более поздняя яма, в которой сохранилась полость от столба с древесным тленом и прикрывавшие ее сверху плинфы вторичного использования. Следует отметить найденный в кв. 5, в верхней части погребенного дерна на краю «канавки» (отметка – 12) паломнический (?) крестик из перламутра, попавший сюда еще до постройки «храма XII».

Особый интерес представляет широкая (90 см) неглубокая «канавка» в погребенном дерне, в плане дугообразная, с редкими включениями керамики и костей животных (в т.ч. скопление фрагментов лошадиных челюстей). Ее дуга проходит так, что линия апсиды придела составляет род концентрической окружности по отношению к «канавке». Предварительно ее можно трактовать как часть ровика большого кургана, центр которого попал под северную апсиду храма.

Продолговатая западина встречена и восточнее апсиды придела «храма XII», но она не столь отчетливо выражены. Это слишком широкая (чуть менее 4 м) мелко-отлогая полоса (отметка дна – 41, общая глубина ок. 55 см), идущая через квадраты 13 и 14 почти точно с востока на запад. Канавка не имеет изгиба, но ее верхние края сильно размыты и точно определить форму на коротком отрезке сложно. В профиле отчетливо читается провал в уровне черного дерна и коричнево-серое заполнение до общего уровня погребенной почвы (отметки +9 / +16 см). Выше все перекрывается рыже-желтой глиной материкового выброса XII в. В юго-западном углу кв. 13 была открыта также совершенно круглая мелкая ямка с плоским дном и чистым черным гумусным заполнением (дм. 75 см). К северу от апсиды придела «храма XII» в 2001 г. отмечен край большой ямы (жилища ?), заглубленной с уровня предматерика и предшествовавшей постройке храма (ее основная часть уходит к северу и, возможно, связана с большой ямой на участке за стеной «храма 1913»). Низ ямы заполнен черной гумусированной супесью с обилием костей животных и фрагментами керамики 1-й половины XII в., а верх забит чистой глиной (с пятнами обожженной), заполняющей и обширный приямок (нивелировка времени строительства ?). В северо-зап. углу самого северного квадрата (№ 18) открыто пятно развала печи (?) – обожженная и сырая глина, угольки, столбик при одном из углов (возможно, надворная печь).

22 Дополнительный гумусный уровень нельзя трактовать как слой, отложившийся вокруг основного объема до постройки придела, – в таком случае, его должен подстилать строительный уровень, чего не наблюдается. Глиняные замки в качестве отмосток известны и в других памятниках XII в. (Успенский собор Елецкого монастыря).

23 Западные оконечности «парных» могильных ям попали в 2000 г., соответственно, в кв. 11 (погребение № 2) и в кв. 12 (погребение № 3). Обе ямы обрамляла очень мелкая и плохо поддававшаяся фиксации, однако совершенно явственная, кольцевая канавка (общий диаметр ок. 8 м), внутри которой удалось заметить слабые следы еще одной, меньшего диаметра, концентрически вписанной в первую (дм. ок. 4 м). Внутри этих канавок и рядом с могилами отмечены столбовые ямки небольшого диаметра. Ориентировка могил строгая, головами на запад. Погребение № 3 было мало затронуто и не расчищалось в 2000 г., от ямы погребения № 2 в траншею попало 45 см длины, поэтому часть ее была выбрана. Оба погребения были полностью докопаны в 2001 г.

Заполнение ямы погребения № 2 – тяжелый влажный перемешанный пестроцветный суглинок; стенки вертикльные, углы и линии четкие. Дно имеет отметку ок. – 100 см, могила была вырыта с уровня верхнего погребенного дерна на глубину ок. 110 см. Размер ямы существенно превышает размер гроба: ок. 270×120 м против 220–230×55 см. Гроб из деревянных досок, скреплен по углам железными костылями. На черепе молодой женщине (сохранность кости плохая) сохранились остатки тканой повязки и набор металлических (сплав серебра?) сильно патинированных колец: на правом виске их 6 (5 трехбусинных, 1 – однобусинное, сомкнутое с перстнеобразным), на левом не менее 5, из которых три сомкнуты в связку (однобусинное и два двухбусинных). Бусины выролнены в технике настоящей зерни, сплошной или с треугольными «резервами». Кольца относят погребение скорее не к XI в. (так датируется

большинство могил некрополя, лежащего на площадке Южного городища до постройки здесь вала и каменных церквей), а ко 2-й половине XII в., то есть ко времени, близкому предполагаемой дате постройки Борисоглебского храма.

Погребение № 3 имеет чуть более узкую яму (около 1,1 м), по длине, видимо, аналогичную № 2, и гораздо более мелкую (45 см от уровня древнего дерна, с которого она выкопана); ширина гроба 60 см, длина не выяснена.

24 Погребение № 13 / 2003 г. совершено в могильной яме, окруженной кольцевой оградкой. Сохранился участок «оградки» к востоку от могилы, проходящей в 30 см от ее изголовья. «Оградка» прослежена по кольцевой канавке (хорда длиной ок. 1,8 м) шириной 5 см, заглубленной в материк на 2–3 см, с «нанизанными» на нее через неровные промежутки (от 10 до 40 см по осям) ямками от столбиков, содержавшими древесный тлен (диаметр 10–12 см, глубина от поверхности материка 10–12 см).

Могильная яма погребения очень мелкая (покойный был положен, практически, под древний дерн, на глубину ок. 30 см), но, как и большинство ям некрополя, обширная (240×80 см). Ориентировка З–В строгая, что характерно и для других погребений некрополя, совершенных до постройки каменного храма. Костяк принадлежал взрослому мужчине (длина 167 см) и сохранился полностью. Череп повернут влево; правая рука слегка согнута и лежит кистью в области таза; левая резко согнута в локте, так что лучевая кость почти параллельна плечу, и кисть лежит в области ключицы. Инвентаря нет. Сверху и снизу костяка прослежены тонкие ленты тлена, по углам могильной ямы найдены железные гвозди: один в северо-восточном углу изголовья, один в северо-западном углу, два – в юго-западном углу.

25 Нельзя полностью исключить, что перед нами – не остатки погребального комплекса, а фрагмент какой-то разметки участка перед началом строительства, остальные части которой уничтожены фундаментным рвом.

26 «И аркосолий, и гробница штукатурились одновременно и в этом виде ждали своего «жильца», – пишут Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт об аркосолиях храма на Протоке в Смоленске (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 309).

27 Внутренние размеры склепов в плане: № 1 – 192×50 см; № 2 – более 170×48 см; № 3 – 190–200×60–65 см.

28 При определении фрагмента из Старой Рязани я воспользовался консультацией Ирины Анатольевны Стерлиговой для подтверждения даты и атрибуции; сердечно благодарю за помощь. Ср., например, бордюр из бусин в обрамлении «веревочек» на фрагментах оклада иконы св. Николая и, особенно, фрагменты икон рубежа XII–XIII в. из усадьба Олисея Гречина в Новгороде с датой по ярусам 1194–1209 гг.: Стерлигова, 2000, рис. 64, 66.

29 Антропологические материалы осмотрены Д. Пижемским и Л. Яблонским, заключение которых здесь цитирую. Выражаю обоим ученым самую искреннюю благодарность.

30 По отчету А.Л. Монгайта, в склепе А (западная стена, к югу от входа) найдена часть черепа и берцовые кости одного погребенного; в склепе Б (западная стена, к северу от входа) – полный скелет на дне склепа и два детских черепа в верхнем слое засыпки (подхоронены?); в склепе В (южная стена) – 2 погребения на дне склепа (прослежены остатки золотного шитья одежд); в склепе Г (северная стена) – три скелета взрослых людей в ряд на дне.

31 Одна из крышек, якобы, имела остатки надписи, что крайне маловероятно, если речь идет о захоронениях XII – 1-й половины XIII в.

32 Не исключено, однако, что эти черепа принадлежали костякам из могил, разрушенных при строительстве «храма XII» – ведь среди них могли быть родственники ктиторов: традиция перезахоранивать кости с некрополя, на котором потомки ставят каменный храм, хорошо известна уже в первые десятилетия после принятия христианства. Поговорим об этом несколько ниже.

33 В отчете Монгайта за 1948 г. приведены сведения о погребениях в склепах западного притвора: в склепах западной стены было по одному костяку на дне (в северном из них в засыпке встретились еще 2 детских черепа, а в южном сохранились только часть черепа и берцовая кость); в южном склепе на дне открылись два погребения, одно из которых содержало фрагмент золотного шитья; в северном на дне лежили три костяка, при которых найдены поясная пряжка и «штырек золоченой бронзы» (булавка ? – см.: Монгайт, 1948. С. 40; Он же, 1955, рис. 149). Монгайт напомнил в связи с этим место из «Повести о разорении Рязани Батыем»: Ингварь Игоревич собрал трупы погибших князей, бояр и воевод, «принесе их во град Резань» и положил некоторых «во едине раце» (Монгайт, 1955, с. 191). Если среди погребенных были погибшие при нашествии (чего отрицать нельзя) – оснований для выявления их останков пока нет никаких.

34 Погребение № 4 явно совершено в северном приделе: могила шириной 80 см, длина не выяснена (основная часть погребения осталась за пределами раскопа); отмечен тлен гробовища и

фрагменты черепа; встречено немного керамики в перекопе. Вдоль южного края, в области головы, могильная яма обложена плинфой на ребро (размер 26×19×4,5/5,5 см) в два ряда: типичный в византийской практике погребений, этот прием редко встречается на Руси (но все же известен: именно так обложена кирпичами голова погребенного в соборе Никитского монастыря Переяслава Залесского, в котором видят захоронение св. Никиты Переяславского).

35 Об этом рассказал Городцову местный священник: сколько ему было известно, здесь хоронили «отреченных» покойников умерших случайной смертью. Вряд ли стоило воспринимать такую информацию всерьез. См. Гордцов, 1926. Л. 156–157 и чертеж-вклейку между ними.

36 Погребение № 1 в 2,5 м от ступени портала; погребение № 2 в 0,5 м к югу от входа, в гробу размером 2×0,5 м. См.: Даркевич, Борисевич, 1995. С. 371; Монгайт, 1955. С. 189 и рис. 148; Он же, 1948. С. 40–41.

37 См.: Даркевич, 1979; Даркевич, Борисевич, 1995, Табл. 143.

38 Отметим, что позднейший средневековый и постсредневековый некрополь возник по соседству, но в существенном отдалении от руин: вероятно, он начал складываться в то время, когда сам «храм XII» перестали использовать, причем хоронить в его руинах не стремились. Таким образом, позднейшее (третье по счету) кладбище не совпадает территориально со вторым (внутри «храма XII»), хотя по смыслу и традиции с ним связано.

39 Михайлов К.А., 2004. С. 35–45.

40 На некрополе отмечены отклонения от ориентации, которые в иных условиях можно было бы связать со сменой ориентира – оси существовавшего храма. Эти отклонения уже вызвали удивление А.Л. Монгайта, указавшего на погрешность в 20° к югу для погребения № 2 / 1948 (в непосредственной близости от западного придела) и некоторых других. Большинство могил все же имеют ориентацию, близкую осям как «храма XII», так и «храма 1913» (ориентированного довольно точно по сторонам света). Чем вызваны имеющиеся случаи отклонений – не берусь гадать до тех пор, пока не будет обнаружено более надежных доказательств существования деревянного предшественника у «храма XII».

41 Монгайт, 1955. С. 89; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 370.

42 См. разбор вопроса в книге Роберта Оустерхаута «Византийские строители», а также вступление к книге С. Мэнго «Византийская архитектура».

43 Анализ керамики произведен И. Стрикаловым.

44 В предматериковых слоях изредка встречаются стенки и венчики баночных неорнаментированных сосудов с грубым тестом, насыщенным дресвой, по-видимому, связанная с первичным дославянским обживанием (финно-угорская керамика конца I тыс. н.э.?).

45 Эти даты подтверждены и представлениями о производстве реликвий из перламутра в мире латино-византийских государств Средиземноморья. Сводка крестиков из перламутра на Руси дана в новой статье: *Колпакова Ю.В.* Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова // РА. 2005. № 1. С. 143–144.

46 Усиленное отложение бытовых материалов в зоне строящегося здания естественно. Все проекты по сооружению каменных церквей в домонгольское время были «штучными», особенно в городах, где их возводили редко. Для работы ставили специальные скамьи, столы и навесы для лепки и сушки кирпича, тески камня, выжига извести и керамических материалов, и т.п. Все (или почти все) делали на месте стройки, вокруг будущего здания. См.: *Беляев Л.А.* Древнерусская архитектура по данным археологии...; *Раппопорт П.А.* Строительная техника... Возведение внушительного «храма XII» должно было занять не менее двух-трех строительных сезонов, что предполагает значительный «строительный городок» с временными жилищами для рабочих, открытыми бытовыми печами и т.п.

47 *Мезенцев В.І.* Метричний та порівняльний аналіз форматів малих плинф Русі та Візантії X – XII столітъ // ААС. С. 5–19.

48 *Иоаннисян О.М.* К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI–XII ввеков и равнослойной кладки на Руси // ААС. Табл. 2.

49 Палеографические признаки надписи, по мнению А.А. Медынцевой, не позволяют датировать ее точнее чем XII в., или даже шире – концом XI – началом XIII в.

50 *Игнатенко И.М.* Плинфоделие Чернигова // ААС. С. 45–47. Смоленско-полоцкие клейма имели очень интересное (по-видимому, западное) происхождение и еще более интересное будущее: они сохранятся в западнорусских землях на много столетий, и будут эпизодически встречаться вплоть до эпохи Московского государства.

51 Отметим на плинфах, кроме описанных рельефных знаков и полоцко-смоленских клейм, граффити по сырому (типа «вавилона»). Этим «вавилонам» Б.А. Рыбаков уделил в свое время очень много внимания, видя в них геометрические построения. Однако мне не кажется возможным всерьез обсуждать основы такой гипотезы – скептическое отношение к визан-

тийскому чертежу Р. Оустерхаута кажется мне более оснвательным. См.: Оустерхаут Р., 2005. С. 72–98.

52 См.: *Монгайт А.Л., Чернышев М.Б.* Спасский собор в Старой Рязани // Новое в археологии. Сборник к 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 210–216; *Монгайт А.Л., Раппопорт П.А., Чернышев М.Б.* Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

53 Среди сторонников ранних дат, кроме Н.В. Холостенко, были Е.В. Михайловский и Б.А. Рыбаков (середина XII в.), среди сторонников поздней – И.В. Моргилевский (2-я половина XII в.). См.: Чернигів та пивнічне лівобережжя. Київ, 1927. С.169–183, 206.

54 Раппопорт, 1982. С. 50; Он же, 1993. С. 256–257. «Точная» дата базируется на введении сведений о размерах кирпича в общую хронологическую шкалу промеров древнерусской плинфы. Однако в этой системе ее нельзя признать достоверной (см. выше о кирпиче «храма XII»).

55 В порядке убывания размеры шестистолпных (частью трехпритворных) храмов выглядят так: лаврский Успенский: 35,6×24,2; старорязанский Успенский ок. 31,6×20 м; черниговский Успенский 29,6×19,2 м; суздальский Рождественский 27×18 м; старорязанский Борисоглебский 26,6×16,2; черниговский Борисоглебский («храм XII») 26,5×18,1.

56 Этот факт требует проверки. Каменную кладку стен юго-западной части храма отметил Д. Тихомиров. Судя по отчетам Городцова и Монгайта, они могли видеть уже только фундаменты притворов, которые описали как сложенные из рваного постелистого камня, а не из бута камня и булыжника, – но у северного притвора они именно бутовые.

В связи с этим нужно разобрать одну запутанную историю. В.А. Городцов и А.Л. Монгайт наблюдали белокаменные кладки в подцерковье «храма 1913», сохраненные «по настоянию РУАК при постройке церкви в 1913–1914 гг.» (Монгайт, 1955. С. 85). Монгайт зафиксировал (графически) большой фрагмент одной из кладок, назвав рисунок «Часть белокаменной стены Борисоглебского собора (юго-западный угол)» рис. 54). Этот красивый чертеж хорошо известен и включался позднее в другие издания. Однако совершенно непонятно, о чем все-таки идет речь. В стене открытого в 2001–2002 гг. северного подцерковья нет белокаменной кладки, кроме коротенького (менее 1 м) фрагмента, явно призванного имитировать «древнюю кладку», остальное – кирпчиные стены . Возможно, в южной части западной стены «храма 1913» тоже есть подвал (мы оставили ее нераскрытой на протяжении, примерно, 3 м, что как-раз позволяет его разместить). Но этот подвал никоим образом не может совпасть с юго-западным углом «храма XII», до которого остается еще метров пятнадцать ! Ясно, что подпись к рисунку ошибочна, и речь идет о какой-то кладке (выложенной в 1913 г. из древнего камня ?) в юго-западном углу «храма 1913», а не «храма XII». Материал для такой выкладки мог дать северо-западный подкупольный столб, приходящийся, примерно, в районе юго-западного угла «храма 1913». Можно даже надеяться, что в подцерковье сохранялась часть такого столба непереложенной – в этом случает рисунок 1948 г. показывает нам подлинную кладку «храма XII» и доказывает, что нижние части столбов, как и в «Спасском» соборе, были из грубо тесаного белого камня.

57 ЦГАДА, картографический отдел, МГАМИД, Рязанская губерния, № 7, опубликован: Монгайт, 1955, рис. 3.

58 Следует указать еще ряд отличий разбираемого плана от опубликованного у Тихомирова. Примерно половина южного придела показана расчищенной, причем отчетливо виден портал из придела в храм. Таким образом, можно найти ответ на старый вопрос о закрытом или открытом характере притворов: они раскрывались в зал откосами широкой (более 4 м) арки внутренних порталов. Такие порталы нехарактерны для черниговской строительной традиции. Оговоримся, что отсутствие на чертеже аналогичных порталов, как и притворов вообще, у северной и западной стен необъяснимо; но именно здесь чертежник мог последовать «плану Тихомирова» или отразить ту же ситуацию меньшей исследованности этих частей и их худшей сохранности.

59 Афанасьев, 1961. С. 93–94. «Успенский» храм городища, стоявший западнее «храма XII», близок ему по плану, идущему от киевского Успенского Печерского собора, но его строительные особенности (ленточные фундаменты, размер кирпича, размеренная расстановка столбов, закрытый нартекс, отсутствие притворов) гораздо архаичнее. Они выдают в нем здание не моложе 1-й половины – середины XII в. К тому же он больше, чем «храм XII». Вполне вероятно, что именно это – первый собор Рязани, Успенский.

60 В этом легко убедиться, открыв свод памятников: Раппопорт, 1982. Вообще, датировки по типологической схеме ненадежны: мастера, по желанию ктитора, часто обращались к образцам существенно более ранним. Стремление следовать традиции, восходящей к почитаемому прототипу, заставляло воспроизводить его элементы и в том случае, если уже утратили функциональный смысл. В средневизантийском строительстве это было скорее правилом,

чем исключением; на Руси механизм архитектурного «копирования святынь» фиксируется в хрестоматийных примерах.

61 *Медынцева А.А.* Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988.

62 Возможно, и епископской. Впервые епископ Рязани упомянут Лаврентьевской летописью в 1207 г., затем в 1212 г., но считается, что Рязано-Муромская епархия была выделена из Черниговской раньше, в 1198 г. До этого «бе... Рязань и Чернигов едина епископья». Согласно В.Н. Татищеву, «Ярослав, князь Рязанский, по согласию с братьями просили великого князя Рюрика и Митрополита, дабы область Рязанскую от епархии Черниговской отделить, и поставить в Рязань особого епископа, и как князь великий соизволил, избрали игумена Арсения и послали к митрополиту Иоанну, его же митрополит поставил сентября 26 дня». Кафедральным собором, по крайней мере на первых порах, могли служить по крайней мере те два храма, которые несомненно существовали к концу 1190-х гг.: «храм XII» и «храм 1949 года», но не исключен и «храм Селиванова».

63 Terminus post quem дает обнаруженный под полом клад, спрятанный до постройки церкви. Он содержал монеты Иоанна Комнина (прав. 1118–1143 гг.).

64 *Пуцко В.Г.* Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.

65 В памятниках романской Европы XII–XIII вв. надписи в витражах обычны. Витражные стекла на Руси встречаются в основном в памятниках 2-й половины XII – XIII в.: Нижней церкви (Гродно), ц-ви Иоанна Златоуста (Холм), а также в Галиче, Новгороде, Владимире (девять стекол в «Мономаховом городе», между Рождественским монастырем и Дмитриевским собором и др.) и Суздале (Суздальский Кремль). Десятки образцов (85 ф-тов) собраны при работах в Успенском соборе Елецкого монастыря (Чернигов) в слое пожара на месте алтарной преграды (синие, желтые, красные, темно-зеленые; многие с растительной и геометрической росписью. Отдельные фрагменты цветного стекла, обнаруженные при раскопках Десятинной ц-ви в Киеве, не имеют точной привязки; кроме того, аналогов им нет ни в Византии, ни в Европе того же периода. В Константинополе витраж появляется в начале XII в. (храм монастыря Пантократор). О происхождении витража в восточнохристианском мире ведутся споры, т.к. анализы указывают на смешанный состав мастеров (присутствуют следы как западноевропейской, так и византийской рецептуры варки стекла). См.: *Холостенко Н.* Древнерусские витражи // Декоративное искусство СССР. 1963. № 8; *Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972; *Megaw A.H.S.* Notes on recent work of Byzantine Institut in Instanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1963. Vol. 17; *Henderson J., Mundell Mango M.* Glass at Medieval Constantinople. Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland / Ed. Mango C., Dagron G.]. Belfast, 1995 [Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications, 3] 333–356; *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998; *Родина М.Е.* Находки витражных стекол во Владимире // Материалы исследования. Сб. ст. / Сост. А.А.Тенеткина. Владимир, 1996 ; *Лядова А.В.* Витражные стекла из Владимира и Суздаля // РА. 2005. № 1.

Литература

Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб, 2003 (ААС).

Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961. С. 188–190.

Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань // Российская археология. 1999. № 1.

Вагнер Г.К. Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. 1963. № 15. С. 20–22

Вагнер Г.К. Еще раз о церкви Нового Ольгова городка // Средневековая Русь. М., 1976.

Городцов В.А. Дневник археологических раскопок Старорязанского городища в 1926 г. Рукопись // Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников.

Городцов В.А. Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища в 1926 г., раскопки 1926 г. // Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Научный архив. Ед. хр. 152.

Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 140–162.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Записки археолога. Рязань, 1993.

Даркевич В.П., Борисевич В.Г. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Даркевич В.П. Отчет Старорязанской экспедиции за 1979 год // Архив ИА РАН. № 9901.

Корзухина-Воронина Г.Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII веков // Сборник аспирантов ГАМК. Л., 1929. Вып. I. С. 69–82.
Михайловский Е.В. О датировке Успенского собора в Старой Рязани // Архитектурное наследство.М., 1972. т. 19. С. 52
Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955.
Монгайт А.Л. Отчет Старорязанской экспедиции за 1945 год // Архив ИА РАН. № 19.
Монгайт А.Л. Отчет Старорязанской экспедиции за 1948 год // Архив ИА РАН. № 232.
Монгайт А.Л. Отчет Старорязанской экспедиции за 1968 год // Архив ИА РАН. № 3861, 3861а, 3861б.
Моргилевский И.В. Успенська церква Элецького монастиря // Чернигів та пивнічне лівобережжя. Київ, 1927.
Пуцко В.Г. Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991
Селиванов А.В. Дневник раскопок в Старой Рязани // ТРУАК. Т.3. № 8. Рязань, 1888.
Селиванов А.В. Древности Старой Рязани // Труды АС в Ярославле в 1887 г. Т.II. М., 1891.
Селиванов А.В. Отчет о раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Т.III. Вып.8. Рязань, 1890.
Селиванов А.В. Отчет о раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Т.V. Рязань, 1890.
Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических раскопках в Старой Рязани. М., 1844.
Холостенко Н.В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1961. Вып. 3. С. 51–67.
Чернецов В.А. Отчеты о раскопках на Старорязанском городище за 1999–2004 годы // Архив ИА РАН, Р-1 (не оприходованы).

Е.В. Буланкина

Из истории исследования Борисоглебского собора

Необходимость нового обращения к истории исследований остатков Борисоглебской церкви, о которых не раз и довольно подробно писали (Тихомиров, 1844; Монгайт, 1955; Беляев, 2000), обусловлена новым этапом работ, начатых здесь с 1999 г. Старорязанской археологической экспедицией. В процессе сбора материалов выяснилось, что целый ряд свидетельств и даже прямых материалов фиксации вскрытий остались неизвестными, или, по крайней мере, не были опубликованы нашими предшественниками. Эти материалы хранятся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО), Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, архиве ИИМК и других, и связаны как с работами 1830–1913 гг., так и с исследованиями В.А. Городцова в 1926 г. В этой статье дается очерк исследований (и связанных с ними разрушений) важнейшего архитектурного памятника Старой Рязани с 1830-х до 1920-х годов, специально останавливаясь на тех подробностях, которые представляются важными для интерпретации новых материалов.

Первое значительное археологическое открытие на городище, привлекшее к нему внимание ученых и любителей отечественной истории, случайная находка крестьянам золотых украшений, получивших в литературе название «рязанских барм», произошла в 1822 г. (клад хранится в Оружейной палате Московского Кремля). Находка клада имела большое значение для развития русской археологии и русской исторической науки. Старая Рязань стала первым древнерусским городом, где были проведены археологические исследования.

Спустя десять лет новая находка еще раз привлекла внимание к Старой Рязани. В 1832 г. крестьянами села на одном из холмов на городище были обнаружены белокаменные гробницы с захоронениями и фундамент каменного здания. По распоряжению президента Академии художеств А.Н. Оленина в Старую Рязань был направлен художник Ф.Г. Солнцев, которым были сделаны 14 рисунков плана городища, гробниц, обнаруженных вещей (рисунки хранятся в музеях Московского Кремля) – (Богатская, Панова, 1999).

Находка в Старой Рязани развалин каменного здания и гробниц возбудили интерес местных любителей истории, один из которых – «купеческий сын» Дмитрий Поликарпович Тихомиров. Отчество удалось установить благодаря тому, что сохранилось его прошение на имя министра внутренних дел Д.Н. Блудова о разрешении на проведение раскопок, хранящееся в архиве ИИМК. Ход исследований и находки Д.П. Тихомирова известны по публикациям, подготовительную работу исследователя позволяют проследить документы, хранящиеся в архиве ИИМК (Ф 6/42), среди которых – прошение о разрешении раскопок, программа археологического исследования городища, переписка различных лиц, темой ко-

торой являются раскопки в Старой Рязани. Изучив историю Рязанского княжества по письменным источникам, Д.П. Тихомиров приходит к выводу о том, что известная история Старой Рязани «не достаточна, не достоверна, искажена повествователями»[1], и для ее исследования необходимо привлечь материальные источники. «Главные материалы, служащие к объяснению Рязанской истории, заключаются в памятниках древности, к сожалению, закрытых от публики мрачной завесой неизвестности»[2], – пишет он в письме в Министерство внутренних дел. Д.П.Тихомиров представляет на рассмотрение составленную им программу археологического исследования Старой Рязани. Пытаясь доказать принадлежность обнаруженных гробниц рязанским князьям, он изучает все, что ему удалось найти об обрядах и способах погребения князей в средневековой Руси. Планируя свои археологические раскопки на Старой Рязани, Д.П. Тихомиров особенно тщательно собирал сведения о рязанских князьях, обращая внимание на указания мест их погребения. Заручившись поддержкой властей и достигнув соглашения с землевладельцем Ф.И. Стерлиговым, которому принадлежал участок земли, где расположены остатки открытых сооружений, и частично взявшим на себя финансирование работ, Д.П. Тихомиров приступил к раскопкам.

Первые траншеи Д.П. Тихомиров заложил с южной и северной стороны холма, скрывавшего развалины храма, и на глубине двух аршин обнаружил каменные стены. Следуя за их направлением, он сообщает, что им были вскрыты фундаменты и остатки стен с наружной стороны здания. После этого началось раскрытие внутреннего пространства сооружения, которое исследователь правильно определил как церковь и отождествил с известным по источникам храмом Бориса и Глеба. Д.П. Тихомирову удалось проследить план собора и обнаружить захоронения в каменных и деревянных гробах, помещавшихся в склепах или под полом собора; при них были найдены немногочисленные украшения, остатки тканей, и др. Стены здания исследовались с внешней стороны менее тщательно, причинами этого могла быть плохая сохранность стен и фундаментов приделов, поскольку развалины собора использовались местными крестьянами и землевладельцами для добычи камня, или несовершенство использовавшейся методики (внешняя сторона стен была засыпана выбросами из раскопа внутри собора, что отмечено В.А. Городцовым). Все это привело к тому, что план собора, составленный участником работ С.И. Завьяловым, оказался неполным.

В отношении методики работы Д.П. Тихомирова во многом опережали свое время: так, им было соблюдено очевидно необходимое (но отнюдь не бывшее тогда правилом) требование публикации материалов работ: предварительные сообщения о ведушихся работах выходили в журнале «Северная пчела» (1836, № 129, 162, 265, 274, 280, 297), а в 1844 г. окончательная публикация была издана в виде отдельной книги. В нее вошли сведения по истории Старой Рязани, списки рязанских великих князей и описание археологических раскопок с приложением чертежей и рисунков найденных предметов. При этом книга не содержит ни стратиграфических чертежей, ни детальных архитектурно-археологических обмеров; в ней полностью отсутствуют керамические материалы; антропологические определения; обмеры и фиксация погребений и саркофагов дается в самой общей и примитивной форме (сами предметы, полученные Д. Тихомировым в процессе раскопок, не сохранились – Отчет..., 1914. С. 3). Но это было вполне обычно для археологических исследований 30-х годов XIX в., когда научная археология делала и в Западной Европе, и в России, первые шаги, во многом оставаясь еще в рамках «антикваризма». В остальном же работы Д.П. Тихомирова имели большое значение и для развития русской археологии, и для истории самого памятника. Он стал одним из первых среди русских археологов, кто не просто

искал древние диковины, а формулировал историко-культурные цели своего исследования, расширяя круг исторических источников посредством дополнения данных письменных источников материалами вещественных памятников. Большое значение имела сама попытка археологического исследования разрушенного храма домонгольского времени – это был бесценный опыт открытия и фиксации плана древнего строения, не испорченного поздними перестройками.

Среди хранящихся в Государственном архиве Рязанской области материалов раскопок есть план Борисоглебского собора, с автографом Д.П. Тихомирова: «План внутренности соборного здания, открытого в 1836 г. купеческим сыном Тихомировым в Старой Рязани. Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, чтобы открываемые остатки не были разрушаемы»[3]. Это распоряжение можно считать первой попыткой охраны изученного памятника археологии и первым шагом в области музеефикации археологического объекта. В последствии, однако, решение об охране раскопанного храма оказалось лишь декларацией, не предотвратившей дальнейшее разрушение его остатков.

До 70-х годов XIX в. раскоп Д.П. Тихомирова не был засыпан, саркофаги находились на открытом воздухе, а позднее были зарыты на кладбище с. Шатрищи, расположенном на городище вблизи остатков собора, «во избежание дальнейшего небрежения ими». Место это не было ничем отмечено[4], и в настоящее время остается неизвестным. В 1886 г. на месте раскопанного Д.П. Тихомировым храма была построена часовня.

Исследования храма были возобновлены в 1913 г., когда А.В. Стерлигова, владелица участка земли на Старорязанском городище, обратилась к руководству Рязанской епархии с просьбой разрешить постройку каменной церкви на месте, где стоял древний Борисоглебский собор. Председателю РУАК С.Д. Яхонтову было поручено обследовать место будущего строительства. Внутри часовни были проложены перпендикулярно друг другу две траншеи, но исследования не выявили под часовней «никаких памятников старины» (Отчет..., 1914. С. 2). Воспользовавшись благоприятным моментом. С. Д. Яхонтов продолжил исследование остатков собора. Была создана комиссия, куда из местных жителей вошли член РУАК А.Ф. Федоров, местный учитель и священнослужители. Комиссия наблюдала за земляными работами и должна была сообщать об их ходе и наиболее интересных находках в РУАК. Во время этих работ было выяснено, что фундаменты древнего храма с юга и запада остались за границами строящейся церкви. В северной части храма были обнаружены древние стены придела или притвора и два склепа с погребениями в них. РУАК внесла изменения в проект строящейся церкви, которые позволили сохранить склепы и фрагменты древних стен в подцерковье, где было запланировано сооружение усыпальницы для останков из погребений, обнаруженных во время работ. После этого работы по возведению нового храма были продолжены. Фиксация выявленных остатков древнего храма не сохранилась.

Новые широкомасштабные работы были проведены в 1926 г. на участке собора в рамках совместной экспедиции Московского исторического музея и Рязанского губернского историко-художественного музея (при участии его директора С.Д. Яхонтова и ученого секретаря А.А. Мансурова). под руководством известного российского археолога В.А. Городцова. Программа исследований Старорязанского городища, рассчитанная на пять лет (ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 7. Д. 19. Л. 10), имела целью общее обследование городища. «Подвергнуть рекогносцировочному обследованию все три части городища, ведя его с севера на юг, т.е. следуя от древнейших объектов исследования к более поздним» – так были сформулированы в дневнике В.А. Городцова задачи экспедиции (Н.а. РИАМЗ152. Л. 3).

Экспедицией был проделан значительный объем работ практически на всей территории городища. Методика – характерные для того времени раскопки траншеями, с расширениями в случаях, когда обнаруженные объекты (жилища, погребения и т.д.) выходят за пределы траншеи.

В научном архиве РИАМЗ хранятся два экспедиционных дневника В.А. Городцова. Один из них (КП 12527) – рукопись небольшого формата, в 4°, сшитая из листов бумаги различного типа, где В.А. Городцов записывал свои мысли, делал копии документов, наброски чертежей, рисунки. Другой (Н.а. РИАМЗ 152) содержит ежедневные записи о ведущихся работах, чертежи, план и разрезы городища. Документация В.А. Городцова значительно отличается от документации предшественников: планы и профили траншей даны с относительными отметками высот и масштабом, указанием стран света; расположение траншей и шурфов отмечено на плане, и т.д. Стратиграфия культурного слоя описана подробно, по пластам, выводы об итогах работ на участке делаются только после тщательной фиксации обнаруженного. Значительно отличает документацию В.А. Городцова от документации его предшественников наличие списка находок, зафиксированных по слоям и участкам, на которые разбиты траншеи, фиксация массовых находок, включений культурного слоя, определения костей животных и рыб. Во время работы экспедиции было собрано более семи тысяч находок, которые были распределены почти поровну между Государственным историческим музеем и Рязанским губернским историко-художественным музеем. Коллекция существенно отличается от более ранних, она гораздо полнее – собрано большое количество массового материала, в ней присутствуют предметы разной степени сохранности, она более полно представляет репертуар находок из культурного слоя Старой Рязани.

По участку храма Бориса и Глеба прошли две траншеи.

Одна из них (80×2 м) была заложена для обследования площади, примыкавшей к храму вдоль восточной стены «новой каменной церкви», в 18 м восточнее ее. Она показала, что культурный слой имеет мощность 45–50 см, а среди находок встречены были обломки «плитчатых кирпичей», фрагменты амфор, железные предметы. Обнаруженные здесь два погребения были сочтены позднейшими – по словам священника местной церкви, здесь располагалось некогда кладбище для «заложных» покойников[5]. Покойников хоронили по христианскому обряду (трупоположение вытянутое, на спине, ориентировано головой на запад, руки сложены на груди или животе, инвентаря, кроме остатков одежды и обуви, нет; хорошо прослеживаются остатки гробов).

Другая траншея шла вдоль южной стены новой каменной церкви. Здесь мощность культурного слоя достигала 80–170 см, но он содержал очень мало керамики и костей, зато плинфа и куски известняка были найдены в большом количестве. Было исследовано 6 погребений. Покойники также похоронены по христианскому обряду, хорошо прослеживаются остатки гробов и даже остатки тканей одежд погребенных.

В западном борту этой траншеи была открыта стена храма, исследованного в 1836 г. Д.П. Тихомировым. Исследователь 1-й половины XIX в. изучал храм в основном изнутри, причем внешняя сторона стен оставалась не везде раскрытой. В.А. Городцов просил ГИМ выслать для раскопок храма и фиксации остатков здания архитектора, но эта просьба не была удовлетворена. В.А. Городцовым было отмечено, что от фундаментного рва древней стены (глубина рва 170 см, ширина дна 215 см, вверху расстояние между стенами рва – 275 см) отходят еще два фундаментных рва на расстоянии 590 см друг от друга, соединяясь на юге в виде буквы «П». Фундаментный ров храма был не заполнен: камень из не-

го выбрали во время строительства на этом месте в 1886 г. часовни. Местный священник показал В.А. Городцову документы церковного архива об оплате труда рабочих, выбиравших камень. Часть его была использована при постройке часовни, часть продана для пополнения средств на строительство, которые были собраны по подписке; камень фундаментов древнего собора использовался и при строительстве храма в 1913 г. В.А. Городцов с горечью пишет о непоследовательности государственной политики в деле охраны памятников – сразу после раскопок Д.П. Тихомирова это место было объявлено заповедным, тем не менее через пятьдесят лет была разрешена его застройка.

Фундаментные рвы придела древнего храма имели глубину 170 см, размеры по верху: восточного 300 см, западного 275, южного 245 см. Ширина стен придела, поднимавшихся над фундаментом, составляла 250 см. На глубине второго слоя были открыты участки сохранившегося пола из керамических плиток, положенных на слой известнякового щебня и битого кирпича. Стены придела возвышались над ним на высоту от 1 до 5 рядов плинфы. Плинфа, из которой были сложены стены, была по размеру крупнее плиток пола. Цвет плинфы – от желтого до розового, на некоторых экземплярах встречены клейма, найдена фигурная плинфа. В дневнике В.А. Городцова приводится чертеж современной церкви и рекоструироемое взаимное расположение новой церкви, часовни 1886 г. и древнего храма[6].

Было начато исследование западного притвора древнего храма, причем были обнаружены фрагменты штукатурки древнего храма с остатками фресок, но скудость средств и нехватка времени помешали продолжить работы. В стенах южного и западного приделов были обнаружены склепы. В.А. Городцовым был нанесен на план и северный притвор храма, часть фундаментов которого была сохранена стараниями членов РУАК в 1913 г. при строительстве новой церкви, и был виден в «подцерковье» в 1926 г. (пол в строящемся храме еще не был настелен). При обследовании «подцерковья» выяснилось, что северо-западный угол древнего храма почти совпадает с северо-западным углом колокольни, составляющей одно целое с новой церковью[7].

По материалам раскопок В.А. Городцова позже были написаны работы А.А. Мансурова (1941) о старорязанских жилищах, Г.Ф. Корзухиной (1929) об архитектуре Старой Рязани, С. А. Боголюбского (1928) о животных, применявшихся в сельском хозяйстве. Сам же В.А. Городцов опубликовал лишь научно-популярную статью (1927). Дневник раскопок Старорязанского городища был передан в Рязанский музей для публикации, которая стояла в планах музея, но откладывалась из-за отсутствия финансирования, и так и не была осуществлена. Не был претворен в жизнь и пятилетний план исследований Старой Рязани.

Изложение результатов работ экспедиции 1926 г. на участке храма Бориса и Глеба позже дал в своей монографии А.Л. Монгайт, но чрезвычайно выборочно (Монгайт, 1955. С. 76–85). Позднее к публикации материалов В.А. Городцова по работам на Старорязанском городище обращается В.П. Даркевич (1991), но в нее не вошли страницы, посвященные Борисоглебскому храму.

О раскопках в Старой Рязани В.А. Городцовым был сделан доклад на совместном заседании археологического отделения научно-исследовательского института, археологической комиссии Московской секции Академии истории материальной культуры, Государственного исторического музея и археологического студенческого кружка МГУ. Текст доклада не сохранился, но в дневнике В.А. Городцова[8] остались замечания, сделанные слушателями по поводу доклада (среди выступивших были К.Я. Виноградов, А.С.Башкиров, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.А. Куфтин).

При обсуждении доклада В.А. Городцова затрагивалась и тема архитектурных особенностей двух известных к тому времени Старорязанских соборов, был поставлен вопрос о повторении раскопок Спасского собора, открытого в 1888 г. А.В.Селивановым (чертежи которого вызвали большое сомнение у ученых). Одной из тем для обсуждения была явно наблюдаемая дифференциация населения Древней Руси на городской и сельское. Обсуждался и вопрос о делении жителей общества на классы, о классовой борьбе. В.А. Городцов изложил свои выводы, сделанные на основе находок в жилищах горожан о зажиточности всех жителей Рязани и о том, что «большого гнета, по-видимому, не было».

Методика ведения работ была одобрена. Заседание постановило просить Исторический музей и Рязанский губернский историко-художественный музей продолжить раскопки. Но в исследовательских работах на Старорязанском городище наступает перерыв, и раскопки на месте Борисоглебского храма возобновляются только в 1945 г. экспедицией под руководством А.Л. Монгайта. А.Л. Монгайт раскапывает его западный притвор, начатый исследованием в 1926 г., и доводит до конца изучение раскопанного В.А. Городцовым южного притвора, проведя более тщательную фиксацию его остатков. В северной части собора, где В.А. Городцовым предполагалось существование северного притвора, раскопки были невозможны из-за стоявшего здесь здания позднего храма.

В 1945 г. работы на Старорязанском городище были возобновлены под руководством А.Л. Монгайта.

В 1948 г. экспедиция ставит задачу завершить исследование Борисоглебского собора, вскрыв фундаменты западного притвора, существование которого было отмечено В.А. Городцовым в 1926 г., и провести более тщательную фиксацию раскопанного им южного притвора. Он оказался аналогичным западному (различались отдельные детали и размеры); фундаментные рвы были заполнены белым камнем на известняковом растворе; стены сложены из плинфы. Были найдены поливные керамические плитки пола, фрагменты фресок. В западной стене обнаружены два прямоугольных склепа, нижняя часть которых сложена из известняка, а верхняя – из кирпича. Под южной и северной стенами обнаружены склепы, выложенные из кирпича в буте фундаментов. А.Л.Монгайт делает вывод о том, что притворы были задуманы именно как усыпальницы. (Монгайт, 1955. С.76–85).

Итак, после более чем столетних работ (1836–1948 гг.) на участке Борисоглебского храма, была получена, на первый взгляд, исчерпывающая информация, в частности, о плане здания. Основной объем храма был зафиксирован раскопками Д.П. Тихомирова (1836 г.); фундамент части северного притвора был осмотрен членами РУАК в 1913 г. в ходе наблюдений за строительством новой церкви, но материалы их фиксации не сохранились; южный и, частично, западный притворы открыл, обследовал и привязал к плану (основу которого составил чертеж Д.П. Тихомирова) В.А. Городцов (1926 г.), который реконструировал северную часть здания по аналогии с южной; наконец, А.Л. Монгайт (1948 г.) закончил раскопки западного притвора, вторично раскрыв и более тщательно зафиксировав южный притвор. Ему же принадлежала последняя сводная реконструкция плана (Монгайт, 1955. С. 79, рис. 44), при публикации которой в чертеж вкралась неточность: был пропущен крайний северо-западный столб. В дальнейшем исследователи (Г.К. Вагнер, архитекторы Афанасьев и Г.В. Борисевич) опирались именно на этот приблизительный план, основанный на предположениях и, отчасти, аналогах.

Однако многие вопросы остались нерешенными: это касалось археологической даты постройки храма и синхронности сооружения его притворов; способа

соединения их с основным объемом; остались открытыми многие вопросы строительной техники. Северная часть храма исследована не была, и особенности ее структуры и планировки были выявлены только после работ Старорязанской экспедиции в 1999–2004 гг. под руководством Л.А. Беляева (раскоп 29). Их результаты представлены в данном сборнике в виде отдельной статьи.

Примечания

[1] Архив ИИМК. Ф. 6. Д. 42. Л. 3.
[2] Там же. Л. 6.
3 Материалы (отчеты, доклады, планы, фотоматериалы) об археологических раскопках в Старой Рязани. ГАРО. Ф. Р2798. Оп. 1. Д. 35. Л. 90.
[4] Материалы (отчеты, доклады, планы, фотоматериалы) об археологических раскопках в Старой Рязани. ГАРО. Ф. Р2798. Оп. 1. Д. 35. Л. 94.
5 Городцов В.А. Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища // Научный архив РИАМЗ 152. С. 163.
[6] *Городцов В.А.* Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища // Научный архив РИАМЗ 152. С. 199.
[7] *Городцов В.А.* Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища // Научный архив РИАМЗ 152. С. 205.
[8] *Городцов В.А.* Дневник Старо-Рязанского городища в 1926 г. // РИАМЗ КП12527. С. 1–9.

Литература

Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2000.
Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань // Российская археология. 1999. № 1.
Боголюбский С. А. Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани по раскопкам Городцова // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV.
Городцов В.А. Раскопки городища Старой Рязани // Хочу все знать. 1927. № 1.
Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
Корзухина Г.Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII вв. // Сборник аспирантов ГАИМК. Л., 1929. Вып. I.
Мансуров А.А. Древнерусское жилище. Исторические записки. М., 1941. Т. 12.
Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955.
Отчет о деятельности Рязанской ученой архивной комиссии за 1913 г. Рязань, 1914.
Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических раскопках в Старой Рязани. М., 1844.

Городцов В.А.

Дневник археологических раскопок 1926 г.*

Публикация Л.А. Беляева и Е.В. Буланкиной

[*л. 152*]

«Траншея № IV.

[*Предшествующие страницы дневника В.А. Городцова посвящены линиям шурфов, проходящим очень далеко от интересующего нас южного участка и развалин храма Бориса и Глеба – Л.Б., Е.Б.*].

Траншея № IV проведена вдоль восточной стороны новой каменной церкви с севера на юг, в расстоянии от середины алтарной абсиды 18 метров. Траншея заложена для обследования площадки, прилегавшей в XIII веке к храму Бориса и Глеба, развалины которого в 1836 г. исследовались Д. Тихомировым.

Траншея имела в длину 80, в ширину 2 метра и в глубину около 1 метра и разделана на 40 участков, занумерованных с севера на юг. Раскопка ведена послойно.

Слой 1-й.

В слое найдены:

1) на 8 уч. – жел. гвоздь,
2) на 26 уч. – ручка амфоры,
3) на 30 уч. – то же,
4) на 31 уч. – целый кирпич плитчатой формы древнего типа,
5) на 14 уч. – жел. костыль,
6) на 18 уч. – два жел. гвоздя,
7) на 21 уч. – железное шило,
8) на 8 уч. – обломок жел. пластинки,
9) на 6 уч. – второй пластинчатый кирпич,
10) на 15 уч. – жел. гвоздь,
11) на 13 уч. – жел. пластинка,
12) на 18 уч. – жел. гвоздь,
13) на 22 уч. – ручка от амфоры, [*л. 153*]
14) на том же уч. – вторая подобная ручка,
15) на 23 уч. – жел. пластинка,
16) на 36 уч. – жел. гвоздь,
17) на 40 уч. – жел. нож,

---

* Публикация имеет предварительный характер и включает только фрагменты, имеющие отношение к остаткам храма Бориса и Глеба и прилегающей к нему территории.

Подлинник документа хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике (Научный архив, ед. хр. 152). Цитируются страницы со 152 по 205 (текст дневника написан на обеих сторонах листов, которые имеют постраничную, а не полистную нумерацию); приводятся также все рисунки, размещенные на цитируемых страницах.

18) на том же уч. – жел. гвоздь,
19) на 30 уч. – жел. гвоздь,
20) на 25 уч. – ручка от амфоры,
21) на 30 уч. – точильный брусок,
22) на 18 уч. – железный наконечник вильчатой стрелы,
23) на 30 уч. – жел. гвоздь,
24) на 16 уч. – ножевидная железная пластинка
Слой 2-й.
В слое найдены:
1) на 15 уч. – жел. пластинка,
2) на 16 уч. – бусина из рыбьего позвонка,
3) на 19 уч. – железный гвоздь,
4) на 21 уч. – три жел. гвоздя,
5) на 26 уч. – обломок стеклянного браслета,
6) обломок жел. ножа,
7) на 21 уч. – железное шило,
8) на 28 уч. – обломок жел. гвоздя,
9) на 32 уч. – жел. гвоздь,
10) на 33 уч. – шиферная буса с орнаментом,
11) на 36 уч. – жел. гвоздь,
12) на 38 уч. – обломок железа,
13) на 39 уч. – осколок стеклянной золоченой бусины,
14) на 2 уч. – кусок сплавленного свинца,
15) на 6 уч. – обломок стекл. браслета,
16) на 4 уч. – два жел. гвоздя,
17) на 5 уч. – жел. гвоздь,
18) на 6 уч. – то же,
19) на 9 уч. – обломок стекл. браслета,
20) на 11 уч. – жел. гвоздь,
21) на 5 уч. – пять жел. гвоздей, [*л. 154*]
22) на 6 уч. – жел. гвоздь,
23) на 3 уч. – обломок жел. ножа и три жел. гвоздя,
24) на 4 уч. – жел. гвоздь,
25) на 8 уч. – два жел. гвоздя,
26) на 9 уч. – жел. нож,
27) на 4 уч. – жел. гвоздь,
28) на 5 уч. – жел. гвоздь,
29) на 12 уч. – то же и медный обломок какого-то предмета,
30) на 12 уч. – жел. гвоздь,
31) на 12 уч. – медное кольцо,
32) на том же уч. – днище горшка с зеленой поливой.
Слой 3-й.
В слое найдены:
1) на 9 и 10 участках обнаружилась горелое место, засыпанное рыбьей чешуей,
2) на 2 уч. – обломок жернова ручной мельницы,
3) на 5 уч. – обломок жел. замка,
4) на 6 уч. –жел. нож,
5) на 7 уч. – жел. нож,
6) на 3 уч. – железный обломок подковы с шипом,
7) на 9 уч. – жел. круглый костыль,
8) на 7 уч. – жел. гвозд,

9) на 32 уч. – ручка амфоры,
10) на 33 уч. – жел. гвоздь,
11) на 23 уч. – жел. заклепка,
12) на 26 уч. – жел. нож,
13) на 33 уч. – жел. гвоздь,
14) на 32 уч. – жел. пластина.
Слой 4-й.
В слое найдены:
1) на 9 уч. – много рыбьей чешуи, [*л. 155*]
2) на 19 уч. – жел. гвоздь,
3) на 3 уч. – обломок подковы с шипом,
4) на 8 уч. – обломок гвоздя,
5) на 3 уч. – осколок синего стекла,
6) на 19 уч. – обработанная кость,
7) на 26 уч. – два обломка жел. гвоздей,
8) на 31 уч. – жел. стержень,
9) на т. же уч. – глиняное грузило,
10) на 14 уч. – костяная сломанная копоушка,

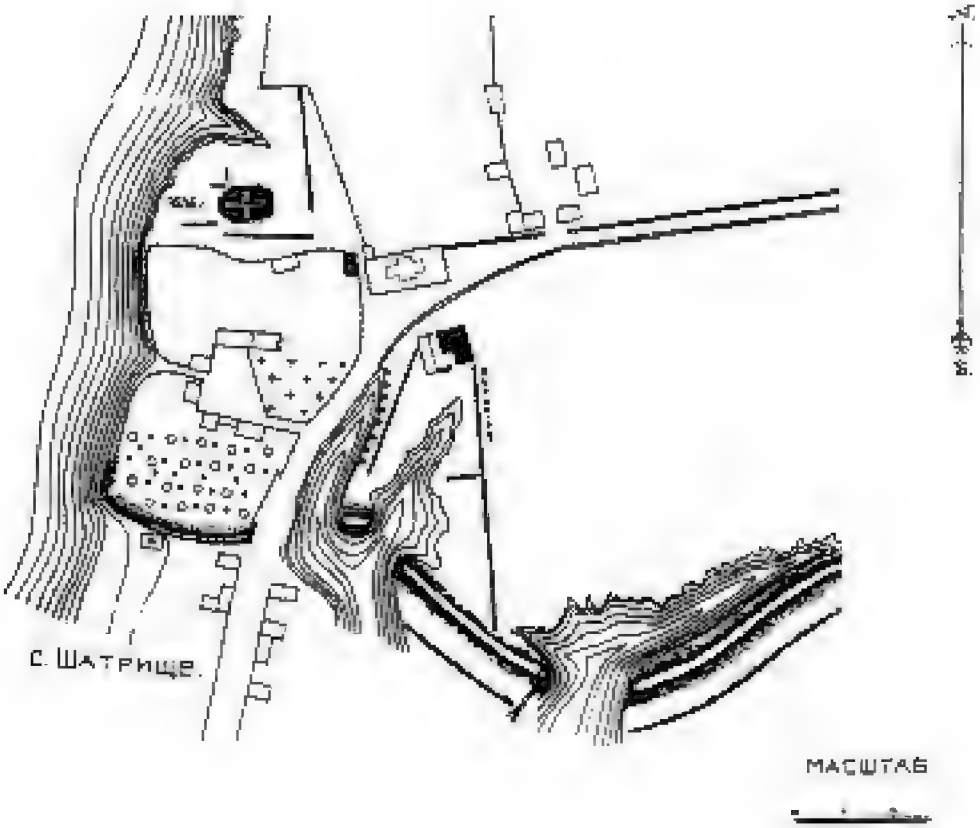


Рис. 1. «План городища Старой Рязани. Снят М.В. Городцовым. 1926 г.». Фрагмент с показанием ситуации вокруг руин церкви Бориса и Глеба и траншей возле нее В.А. Городцова. Приложение к дневнику работ

11) на 19 уч. – наконечник железной четырехгранной стрелы,
12) на т. же уч. – два обломка жел. гвоздей,
13) на т. же уч. – обломок железа,
14) на 18 уч. – обломок жел. гвоздя,
15) на 35 уч. – половинка стекл. браслета,
16) на 25 уч. – обломок жел. гвоздя.

Слой 5-й.

В слое найдены:

1) на 15 уч. – кусок ржавого железа,
2) на 11 уч. – ручка глиняной вазочки.

Общее наблюдение.

В траншее наблюдается культурный слой около 45–50 сантиметров толщиною. В этом слое повсюду встречаются мелкие, а иногда и более крупные куски извести, то разреженные, то сгущенные, по-видимому, они являются свидетелями сооружения древних и современных каменных и кирпичных сооружений, развалины которых открыты в виде остатков храма Д. Тихомировым, в 1836 г., и на-

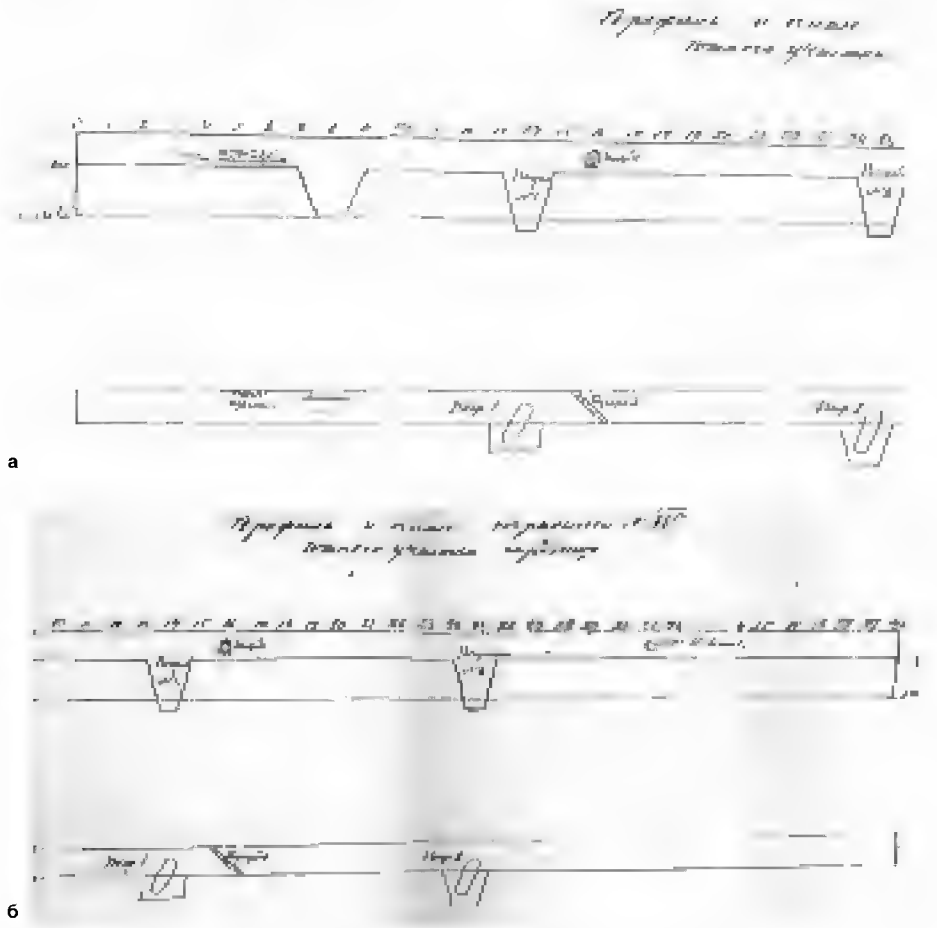


Рис. 2. Вклейка между страницами 156 и 157: «Профиль и план траншеи № IV южного участка городища». (*а* – левая часть, *б* – правая часть рисунка)

ми в виде остатков дыма [? – *Л.Б., Е.Б.*]. 10 августа сегодня [*нрзб.*] [л. 156] культурный слой содержал незначительное число обломков глиняной посуды и костей животных. Среди обломков преобладали светлосерого цвета [*полторы строки зачеркнуты – Л.Б., Е.Б.*]. Сравнительно много встречалось обломков плитчатых кирпичей древнего типа разных цветов, но преимущественно желтого; размеры их также различны. Кирпичи были находимы на небольшой глубине и преимущественно в сгущенном щебне известняка. На 16м участке, в третьем слое открыты остатки плохо сохранившихся шести досок, идущих по диагонали на дне траншеи. Доски имели в ширину до 12, а в толщину 0,5 см. Около дощатой перегородки лежали плитчатые кирпичи числом три или четыре. На 9 участке на третьем и четвертом слое обнаружены большие скопления рыбьей чешуи.

Из костей животных определены:

1) лошади плюсневых и пястных 3, бедра 4;

2) коровы астрагалов 5, больших фаланг 4, пястных и плюсневых 6, пяточных 1;

3) овцы – б. фаланг 1, астрагалов 1, пястных 2, челюстей 1;

4) свиньи челюстей 1;

5) лося б. фаланг 1, м. фаланг 1.

В траншее найдено два погребения, отнесенные нами к кладбищу № 2.

[*Между 156 и 157 листами помещена вклейка-чертеж с заголовком над чертежом :* «Профиль и план траншеи № IV южного участка городища». *На нем показаны оба погребения – в довольно глубоких ямах, через промежуток ок. 9 м, причем оба имеют существенный уклон изножия к югу от строгого положение восток-запад (до 35–40 градусов) – если считать, что траншея проложена точно по компасу или буссоли.*]

Кладбище № 2.

Кладбище № 2 относится к очень позднему времени. Местный священник сообщил нам, что на данной площади, насколько ему известно, [л. 157] хоронили «отреченных» покойников умерших случайной смертью), что, по-видимому, и подтверждается сравнительной редкостью встреченных погребений.

Погребение 1-е.

На 14 участке открыта могильная яма, имевшая в длину 2,06, в ширину 0,70 и в глубину 1,34 м. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головой на З, имея кисть левой руки на животе, а кисть правой руки – у левой ключицы. Рост костяка 1,76 м. При костяке никаких вещей не найдено, замечены только слабые пятна гроба. [*Ниже слева, вдоль дальнейшего текста, схематический рисунок костяка с маркировкой разреза буквами В – В по оси скелета и подписью у головы* «Погреб: 1»]

Погребение 2-е.

На 25 участке 25 (sic) открыта могильная яма, имевшая в длину – [*sic, пропуск в рукописи*], в ширину 0, 70 и в глубину 1,13 см. На дне ямы лежал костяк на спине, вытянуто, головой на З. При погребении найдены: 1) в области шеи – медная пуговица с ушком (?) и 2) около плеча – обломок железной иглы.

Вокруг костяка прослежены остатки гроба, имевшего в ширину в головах 0,48 и на средине 0,46 м. Гроб в ногах не сохранился.

Рис. 3. Фрагмент страницы 157 с планом погребения 1 траншеи IV

Траншея № V.

Траншея направлена с З на В, вдоль южной стороны нового каменного храма, в расстоянии от южного угла абсиды, [*л. 158*] а от юго-западного угла храма в 11 метрах. Траншея имела в длину 56, в ширину 2 и в глубину от 0,80 до 1,70 метр. Траншея разделена на 23 участка, счет которым велся с З на В. Раскопка ведена послойно.

Слой 1-й.

В слое найдены:

1) на 2 уч. – три железных костыля,
2) на 6 уч. – кусок сплавленного стекла,
3) на 11 уч. – три жел. гвоздя,
4) на 12 уч. – жел. гвоздя,
5) на 11 уч. – кусок жел. обруча,
6) на 10 уч. – кусок расплавленного свинца, вероятно, от свинцовой крыши др. храма,
7) на 12 уч. – жел. гвоздь,
8) на 9 уч. – жел. пластина,
9) на 15 уч. – современный ключ от висячего (?) замка,
10) на 18 уч. – обломок точильного бруска,
11) на 10 уч. – кусок расплавленного свинца,
12) на 18 уч. – жел. скоба,
13) на 19 уч. – дно небольшого горшочка.

Слой 2-й.

В слое найдены:

1) на 18 уч. – четыре железных гвоздя,
2) на 17 уч. – жел. пробой,
3) на 9 уч. – кусок стекла,
4) на 2 уч. – кусок стекла зеленоватого цвета,
5) на 19 уч. – железные петля и гвоздь,
6) на т. же уч. – кусок белого стекла,

на 20 уч. – 1/3 часть изразца с зеленой поливой и растительным орнаментом, [*л. 159*]

Слой 3-й.

В слое найдены:

1) обломок резного известкового камня от карниза,
2) на 20 уч. – жел. скоба,
3) на 24 уч. – обломок стеклянного браслета,
4) на 24 уч. – жел. нож древнего типа,
5) на 16 уч. – обломок жел. пробоя,
6) на 28 уч. – жел. нож,
7) на 7 уч. – кусок оплавленного свинца,
8) на 10 уч. – то же,
9) 8 уч. – два куска,
10) на 1 уч. – обломок стеклянного браслета,
11) на 26 уч. – то же,
12) на 27 уч. – древний железный ключ,
13) на 28 уч. – [*нрзб.*] зеленого стекла и обломок стеклянного браслета,
14) на уч. 27 – медное пластинчатое колечко.

Общие наблюдения.

В траншее найдено немного обломков глиняной посуды и костей животных, очень много плитчатых кирпичей; открыто шесть погребений кладбища № 2 и

фундаменты большого каменного (кирпичного) здания.

Кладбище № 2.

Погребения 3-е (1-е).

На 14 участке, открыта могильная яма, на дне которой, на глубине 0,4 м, дощатый гробик длиною 1 метр, шириною в головах – 0,30 см и в ногах – 0,25 см и высотою – 0,20 метра. Доски сосновые плохо оструганные, толщиною 0,03 м. Гробик внутри обит холстиной. На дне гробика лежал костяк ребенка вытянуто на [*л. 160*] спине, головою на З, с руками, сложенными на груди. Длина костяка – 0,90 м. Весь костяк сверху покрывался тканью; под головою [*нрзб.*] остатки подушечки, а на ногах чулки и кожаные *коточки* (башмаки), рис.

[*Справа ниже приведен рисунок калошеобразного ботиночка на правую ногу, с подписью*: «Коты. Башмачок из детского погребения.»]

Рис. 4. Фрагмент страницы 160 с описанием погребения 4 траншеи VI и рисунком «башмачка» из детского погребения

Погребение 4-е (2-е)

На 13 уч., на глубине 38 см. от поверхности обнаружен маленький детский гроб, свалившийся на бок. Под крышкой лежал детский костяк вытянуто, на спине, головою на З. При костяке, на груди, найден медный крестик; на черепе замечены следы медной окиси. Гроб имел в длину 0,74, в ширину 0,24 м.

Погребение 5-е (3-е)

На 15–16 уч., на глубине 55 см от поверхности, обнаружен гроб, покрытый крышкой. На дне гроба лежал костяк вытянуто, на спине, головою на З, с руками скрещенными на груди. На груди костяка найден медный четырехконечный крест; на ступнях ног кожаные хорошо сохранившиеся коты (башмаки). Длина костяка 1,65 м. Гроб был сбит из досок и заколочен жел. четырехгранными гвоздями. Толщина крышки и боковых стенок гробов равнялась 0,035 м, высота гроба 0,25 м, ширина гроба в головах 0,47, а внизу [*вставлено сверху той же рукой*] в ногах 0,45 / а внизу 0,34 см.

[*между л. 160 и л. 161 вклеен лист с грубой схемой раскопа (план и северный профиль), включающей притвор храма и места погребений; заголовок этого чертежа:* «Профиль и план // траншеи V, // южного участка городища». *Обозначены номера погребений; на притворе сделана надпись* «южное крыло храма» *и помечены номера склепов в нем, а на ленте южной стены «храма XII»* – «ров для бута»; *сбоку от плана тем же почерком помета:* «См. более детальн. план и разрез камен. здан. на др. листе; здесь же представлена только приблизительная схема»*; другим почерком (?) внизу, со стрелкой к участку траншеи с севера от северной стены, помечено:* «Эта часть траншеи представлена не точно, а только схемой»] *с отсылкой к другому, более подробному чертежу*]

[*л. 161*]

Погребение 6-е (4-е).

На 12 уч., на глубине 1.25 м, открыт костяк, лежавший вытянуто, на спине, головою на З, с кистями рук на тазу. При костяке вещей не найдено. Длина костяка 1,06 метра. Вокруг костяка прослежены остатки гроба.

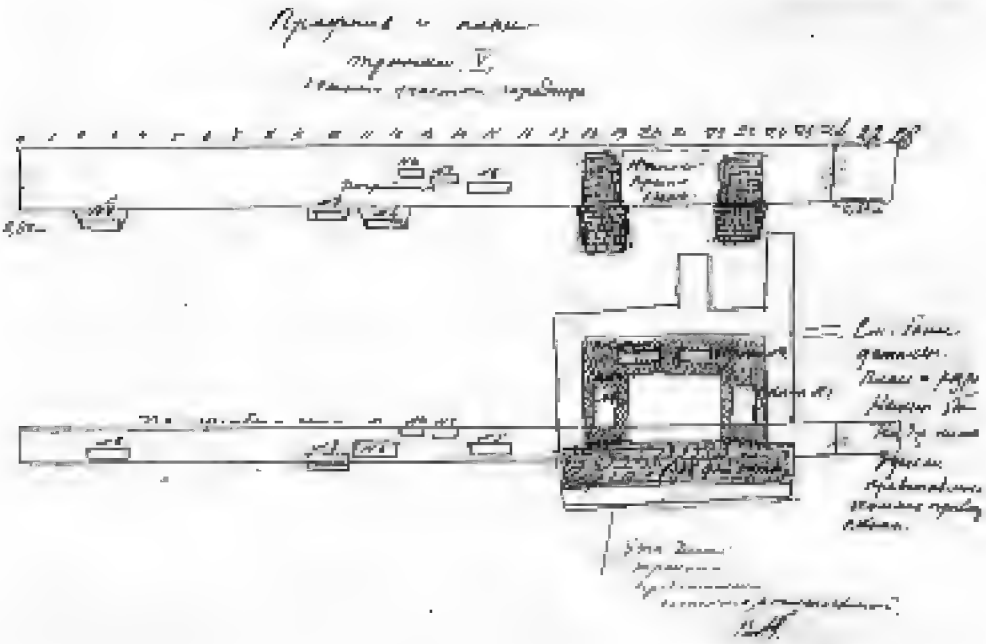


Рис. 5. Вклейка между страницами 160 и 161: «Профиль и план траншеи V южного участка городища»

Погребение 7-е (5).

На уч. 10 и 11, на глубине 0,90 м, открыт гроб-колода, имевшая в длину 2,15, в ширину 0,38 м. На дне колоды лежал костяк мужчины вытянуто, на спине, головою на З. Кисть левой руки на животе, а кисть правой руки на левой плечевой кости. При костяке никаких вещей не найдено.

Погребение 8-е (6).

На 3 участке, на глубине 1,07 м открыто погребение мужчины, лежавшего на спине вытянуто, головою на З; кисть правой руки прижата к правому плечу, кисть левой руки на животе. Вещей никаких не найдено.

Кирпичное здание.

Очистка здания продолжается.

12 августа.

1) Закончена М.В. Городцовым съемка плана всего городища, профилировка валов, рвов и оврагов, вторгнувшихся в область городища.

2) Отчистка кирпичного здания продолжается

3) Производится отрывка жилища № 14 в траншее [*л. 162*] № VII и жилища № 15, в траншее № VIII среднего участка городища <...>

[*На листах 162–186 дается описание жилищ, которое мы здесь опускаем, так как они расположены в другой части городища. Продолжаем с листа 187, имеющего отдельный заголовок вверху страницы*].

16 августа.

Описание

фундамента [*зачеркнуто*: «кирпичного»] каменного здания, открытого у южной стены новой сельской Шатрищенской церкви на Старо-Рязанском городище.

В западной половине траншеи № V, 10 августа, были открыты развалины [*сверху вставлено*: «вероятнее всего»] правого крыла храма, исследованного в 1836 г. Тихомировым, оставившим [*сверху вставлено*: «крыло»] без исследования. 16-го августа обследование было закончено и приступлено к засыпке крыла землею и щебнем.

Следует заметить, что, в целях наилучшего обследования интересной части храма, я просил Госуд. Исторический Музей выслать архитектора-археолога для описания и [*зачеркнуто:* «составления»] ведения самой работы по раскопке, но моя просьба с 12 по 16 августа не была удовлетворена, а поэтому обследование крыла велось силами участников экспедиции.

Путем расширения траншеи № V и ряда добавочных к ней малых траншей было выяснено, что перед нами открылось основание южного крыла храма, раскопанного в 1836 г. Д. Тихомировым. Судя по плану к отчету последнего, это крыло не было известно. Явление это, вероятно, объясняется тем, что Д. Тихомиров, занятый исследованием внутренности храма, завалил мусором и землею примыкающие к стенам места настолько, что вести исследование в стороны от главных стен [*л. 188*] было затруднительно. По очистке фундаментов и возвышающихся стен, выяснилась следующая картина: от бутового рва южной стены храма шли два параллельных бутовых рва к югу на расстоянии друг от друга 5.90 метра, где они соединялись, образуя форму буквы П, см. план.

Бутовый ров южной стены храма имел трапециевидное сечение, измеряемое вверх (по горизонтали) 2.45 м* [*сноска В.А. Городцова*: «* Местами ров сверху расширялся до 2,80 м, что по-видимому объясняется разрушением краев рва при позднейшем вынимании изо рва бута»] и внизу 2,15 метра; глубина же рва равнялась 1,70 м. Бут из рва был выбран начисто. [*Ниже слева на странице рисунок с подписью:* «Профиль бут. рва» *и нанесенными по пунктирной разметке размерами*].

Это опустошение рва произведено в 1886 г., при постройке часовни, когда древним бутом воспользовались как для фундамента часовни, так и для продажи, чтобы получить средства для сооружения часовни.

В церковном архиве хранится ведомость причта и церковного старосты Борисолебской церкви села Старорязанского городища 1886 г., сентября 30 дня, которая, в статье 13, гласит: «отдано рабочим за выборку белого камня из земли 50-ти кубов, по 3 рубля за куб, 150 рублей».

Местный священник, познакомивший нас с приведенным архивным документом, пояснил, что камень выбирался из рва по указанию архитектора А.Ф. Крюгера, руководившего постройкой часовни в 1886 г. Интересно, что часовня эта сооружалась на развалинах известного храма с разрешения высшего правительства на средства, [*л. 189*] собранные по всероссийской подписке; тогда как в 1836 г., после обнаружения остатков храма Д. Тихомировым, отдано было приказание также высшим правительством блюсти и хранить все остатки. Таким образом, сила постановления одного правительства просуществовала только 50 лет, после чего была уничто-

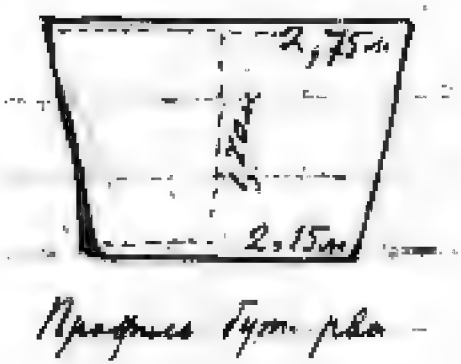


Рис. 6. Фрагмент страницы 188: «Профиль бут.[ового] рва»

жена силой того же правительства, но потерявшего сознание важности древнего памятника.

При сооружении вновь строящегося каменного храма, по свидетельству священника, также разбирались стены и бут древнего храма.

При выемке бута изо рва южной стены, рабочие видели рвы и бут отходящих остатков стен придела к югу и отчасти воспользовались бутом, но немного.

Бутовые рвы стен придела имели те же формы трапеций, но размеры их по верху были различны, а именно: восточного – 3,00, западного – 2,75 и южного – 2,45 м; глубина же рва всех рвов была одинаковою в 1,70 м. Ширина стен придела, поднимавшихся над бутом, равнялась [*зачеркнуто два слова*] 2,50 м.

Стены придела обнаружились в траншее № V на первом слое, под густо рассыпанным мелким щебнем известняка и битого древнего и нового кирпича.

На глубине 2го слоя были открыты отпечатки плитчатого пола, сохранившиеся участками на всем пространстве придела, [*зачеркнуто*: «но в особенности на средней части»] ограниченного стенами. Пол был выстлан плитчатым кирпичом, положенным на щебень из мелкого известняка и битого кирпича. Плитки пола в большинстве [*л. 190*] случаев оказывались растрескавшимися так, что их поднять целыми не представлялось возможным. Очевидно, под тяжестью налегавшего некогда на эти плитки мусора, они иногда не только раскалывались, но и расслаивались на множество чешуек и отдельностей. Пол не был горизонтален, но местами несколько прогибался и выпучивался, что также следует объяснить бывшей на нем весьма значительной и неравномерной нагрузкой мусора развалин. Некоторые кирпичи пола носили следы поливы.

Стена возвышалась над полом и бутом от одного до четырех, а местами даже до пяти рядов. Сложены они были из кирпичей плитчатой более или менее квадратной формы, при чем размеры были несколько более размера кирпичей пола, см. табл. измерений. Цвет их не был одинаков: встречались кирпичи красного, желтого или палевого и розового цветов. Тесто их было слоевато и волокнисто; обжиг сильный. Кирпичи, по-видимому, требовали неких технических приемов для их выработки, увеличивавших значительно их стоимость, но, однако, они не были так прочны как современные и ломались на мелкие куски. На некоторых кирпичах встречались клейма, которые ставились на одной из боковых граней. Клейма имели вид крестов и более сложных фигур (см. рис. ниже). Однажды встречен кирпич клиновидной формы (см. рис. ниже), имевший один желобок на боковой грани, и другой более обширный на одной широкой плоскости. Очень вероятным представляется, что кирпич такой формы специально вырабатывался для сооружения из них колонн.

[*Л. 191 занят таблицей размеров плинфы и рисунками знаков на бортах плинфы. Приводим размеры по таблице. Из пола: 17×17×3,7 (2 экз.); 18×17× 4,0; из стен и склепов: 28×19×5 (3 экз.); 28×19×5.5; 28×*

Рис. 7. Фрагмент страницы 191 с зарисовками знаков на плинфах

Рис. 10. Фрагмент страницы 192 с изображением знака на кирпиче западной стенки склепа № 4 (вверху) и клиновидного кирпича (внизу)

20×5,3; 28×20×5; 27,7×19,3×4,5; 26×19×5; 26×18,5×5; 24×18×5,5; 22,5×12×3,7.

Рисунок плинфы со знаком креста и подписью: «Крест на грани кирпича; повторяется несколько раз. Кирпичи взяты». *Второй рисунок под ним с квадратом, разделенный изнутри рогулькой и подписью:* «Клеймо на кирпиче в западной стенке (закладка арки) склепа № 1 (рис. несколько меньше нат. вел.»].

[*л. 192 открывается рисунком сложного знака на кирпиче и клиновидного кирпича. Подписи*: «Знаки на одном кирпиче западной стенки (закладка арки) склепа № 4. Рис. в нат. велич. Кирпич оставлен в кладке на месте». «Кирпич клиновидной формы с широким желобком на одной широкой плоскости и с узким желобком на одной из боковых продольных граней». «К сожалению, кирпич оказался с обломанными концами. Вероятно, он употреблялся для выкладки колонн». *Далее продолжается текст*].

В стенах и в буте было открыто четыре склепа, см. план.

Склеп № 1.

Склеп был сооружен под западной стеной придела храма. Для склепа в буте была выложена правильная арка толщиною в один кирпич, рис. [*номер рисунка отсутствует в рукописи; то же самое см. ниже*]; затем арка была заложена с обеих сторон стенками, сложенными также в один кирпич; в результате получился склеп с коробовой крышкой, имевший правильное четырехугольное отверстие, сделанное сверху в крышке. Размеры арки – см. чертеж.

[*Л. 193 открывается заголовком и под ним – чертежом-«аксонометрией» открытого притвора с привязкой к стене «храма 1913» – расстояние между внутренним краем основной стены XII в. и внешним краем стены новой церкви составляет 10 м*].

Общий вид на остатки южного придела древней церкви.

На рисунке изображены: бутовое основание трех стен придела, примыкавших к бутовому рву южной стены древней церкви. Южная стена церкви и бут, заложенный во рве, оказались разобранными до основания. Ров имел общую глубину для южной стены и стен придела в 1,70 м. На поверхности бута стен придела сохранилась кирпичная кладка в [*нрзб.*] и в пять рядов (последнее на небольших участках. Кладка начиналась с поверхности гумусового слоя).

[*отчеркиванием отделена нижняя половина страницы, на которой даны два рисунка аркосолия № 1 с размерами и комментарий к ним*]:

Кирпичи в арке измерялись в 19,5 см, т.е. они выходили наружу узкими, не длинными боками. Бут покрывал арку до уровня замка. Закладка арки выполнена кирпичами, положенными в 18 рядов.

[*Л. 194 открывается перспективным рисунком с подписью:* «Внутренняя полость склепа № 1»].

Отверстие, открывавшееся в склеп сверху, имело в длину 2,10 и в ширину 0,54 метра. Затруднительно сказать, было ли это отверстие изначальное, предназначенное для входа в склеп сверху, или оно пробито при ограблении склепа. Последнее, кажется, более вероятным.

Внутренность склепа оказалась до верха наполненною землей и щебнем, в которых никаких вещей не было найдено; на самом же дне склепа найдены клыки кабана и астрагал овцы.

Склеп № 2.

Склеп № 2 расположен в южной стене придела церкви, рис. . Он имел вид правильного четырехугольного ящика длиною (с З на В) в 2,09 и шириною в 0,61 метра. Глубина склепа измерялась 0,85 м, но она, вероятно, была больше, так как верхняя часть склепа была разрушенною. Дно склепа было залито известковым раствором по буту; стены же выложены кирпичом. В склепе ничего, кроме почвы и щебня, не было.

Склеп № 3.

Склеп расположен в той же южной стене придела, рис. , и имел тот же вид правильного четырехугольного ящика длиною (с З на В) в 2,12, шириною в 0,61 м (sic) шириною в 0.85 метра; дно склепа залито также [*л. 195*] раствором извести по буту, а стенки выложены кирпичом. Склеп был наполнен землей и щебнем, в которых никаких вещей и признаков погребения не было найдено. Под известковой заливкой найдены обломок глин. амфоры и шип осетрового плавника.

Склеп № 4.

Склеп сооружен под восточной стеной придела церкви. Для склепа в буте была сооружена правильная арка в один кирпич; за тем арка была заложена с обеих сторон стенками, сделанными также в один ряд кирпича. Сверху в склепе имелось, по-видимому, такое же отверстие какое отмечено в склепе № 1, но оно хуже сохранилось, пострадав при обвале частей арки. Длина отверстия равнялась 2, а ширина 0,55 м.

[*Ниже следует рисунок с названием* «Профиль склепа № 4»]

Внутренняя полость склепа равнялась 2 метрам в длину и 1,62 м в ширину. Внут– [*текст продолжается на л. 196, а л. 195 заканчивается перспективным рисунком* «Внутренняя палатка склепа № 4»] ренность склепа была наполнена землей и строительным мусором с большим количеством кусков штукатурки, покрытой фресковою росписью орнаментального характера. На одном из кусков штукатурки выцарапано грубое изображение человеческого лица, см. рис. ниже, на других – буквы и геометрические фигурки, см. рис. . Цвета господствуют желтые, затем следуют коричневые, синие, белые, голубые (чистые), зеленые и графитные. На некоторых обломках сохранились каймы росписи (рамки), связанные с геометрической росписью плафонов, рис. ниже. Изучение фрескового материала обещает значительный научный и художественный интерес. На 0,50 метра ниже замка арки, у восточной стенки, найден поврежденный череп человека* [*Подстраничная сноска Городцова*: «* Череп сдан на хранение в Рязанский Областной Музей. По внешнему виду, череп принадлежал мужчине средних лет. Череп долихоцефальный или субдолихоцефальный, имеет красиво очерченный лоб и профиль всего черепа»]. Нижняя часть склепа заполнена более однородною массою мелкого мусора, почти не содержащею фресок. У самого дна склепа, в СЗ углу, найдена переломленная [*л. 197, открывается рисунком с заголовком* «Куски фресковой росписи:», *причем верхний из двух рисунков зачеркнут и тем же почерком помечено:* «поздний»].

Бедренная кость человека и в разных местах – куски сильно обгнившего дерева, по-видимому, от гроба. В мусоре найдено также несколько костей овцы, че-

Рис. 11. Фрагмент страницы 194 с обмером «внутренней полости» склепа № 1 южного придела

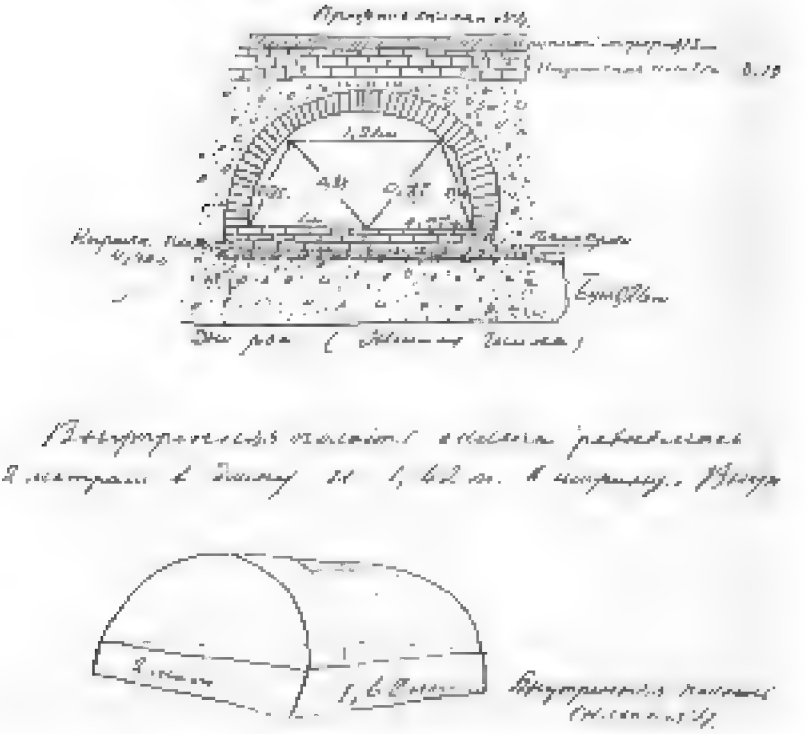


Рис. 12. Фрагмент страницы 195 с зарисовками граффити на фресковой штукатурке

Рис. 13. Фрагмент страницы 197 с зарисовками остатков фресковой росписи (верхний рисунок зачеркнут как принадлежащий более позднему периоду) (*слева*)

Рис. 14. Фрагмент страницы 198 с зарисовкой поливной керамической ручки от крышки курильницы (?)и ее возможного аналога (*справа*)

люсть щуки, шип и щиток осетра и, наконец, два осколка майоликового сосуда.

Общие замечания.

В мусоре, сопровождавшем развалины придела церкви, найдены кусочки мозаики и скопления штукатурки с фресковою росписью на пространстве между склепами № 1 и № 2, а также метра на три южнее склепа № 1, среди большого скопления кирпичного лома.

Кости животных на площади развалин придела встречались очень редко; среди них было 3 или даже 4 случая находок клыков кабана.

Найдена примитивная глиняная статуэтка, служившая, очевидно, навершием какого-то сосуда, может быть, кацеи (курильницы), рис. . Верхняя часть статуэтки покрыта зеленой глазурью, а нижняя часть, входившая, вероятнее всего, в крышку сосуда, оставлена красною (кирпичного цвета).

[*ниже следует рисунок предмета в* $^1/_2$ *нат. вел. и его аналог – целая современная кацея из Ярославской губ.*]

Траншея VI.

По окончании исследования склепов южного придела церкви, заложена траншея № VI для того, чтобы определить западную стену древней церкви. Траншея имела в длину 23, в ширину 2 и в глубину от 0.50 до 1,70 м. И была подразделена на 11 участков, заномерованных с запада на восток. Раскопка ведена послойно.

Слой 1й.

Никаких находок не сделано. Прорезался аналогичный мусор, состоящий из известкового щебня, битых древних и современных кирпичей и штукатурки от снесенной, при постройке новой кирпичной церкви, каменной (кирпичной) часовни.

[*Л. 199 занят масштабным чертежом совмещенного плана церквей XII и XX вв. с траншеями 1926 г. с несколькими надписями*]. [*Сверху в правом углу:*]

Новая церковь:

длина ..... 31 метр,

ширина .... 22 метра.

Древняя церковь:

441/2 арш. = длина .... 31.60 (?) м

28 арш. = ширина ..... 19,88 м

[*Приписка под чертежом справа:*]

В ширину древняя церковь имела 45 арш., а в длину 53 арш.; следоват., значит. больше церкви, открытой А.В. Селивановым в 1888 г.

[*Внизу листа*:]

Предполагаемое соотношение древнего храма к современному каменному храму. Однако требуется еще проверить размеры храмов по точным документам.

[*Подпись:*]

В.А. Городцов

19–17/VIII 26 г.

[*Л. 200 – пустой*]

[*Л. 201 занят схемой с подписью*]: Предполагаемый план древней церкви. (Заштрихованные места соответствуют прослеженным и исследованным частям церкви). *Схема сопровождается комментарием*: «По моему мнению, Тихомиров был прав, предполагая, что исследованная им церковь была главным собором города, и не прав А.В. Селиванов, утверждая, что им исследованная церковь в 1888 г. была главным собором города, так как размеры церкви 1836 г. более размеров церкви 1888 г.» Подпись: В.А. Городцов. 19–20/XI 26 г.

К л. 201 приклеена склейка-продолжение с масштабным чертежом, озаглавленным :

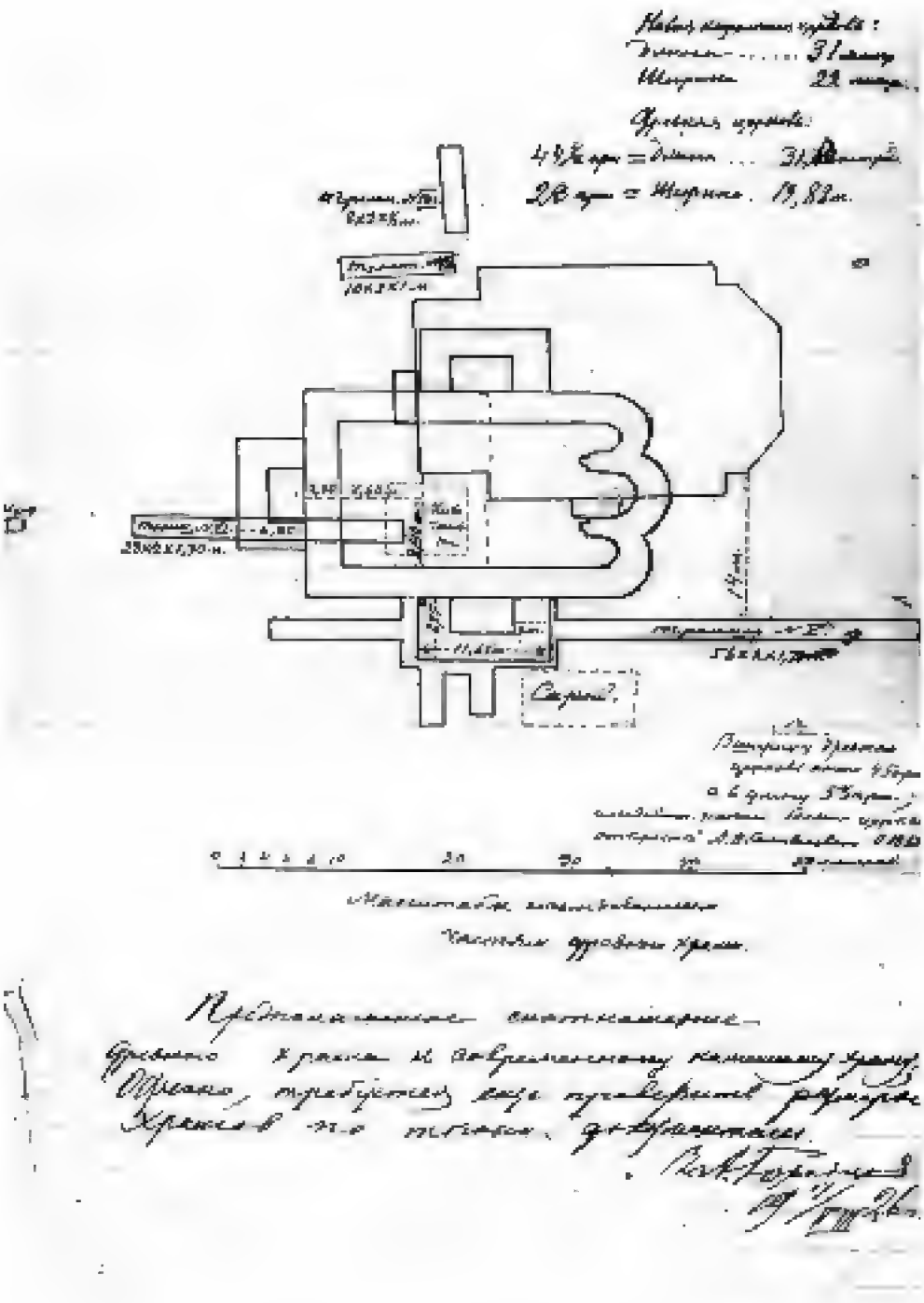


Рис. 15. Страница 199 с обмером храмов Бориса и Глеба: «Предполагаемое соотношение древнего храма к современному каменному храму»

Рис. 16. Страница 201 с реконструкцией плана древней церкви и указанием частей, изученных в 1926 г.

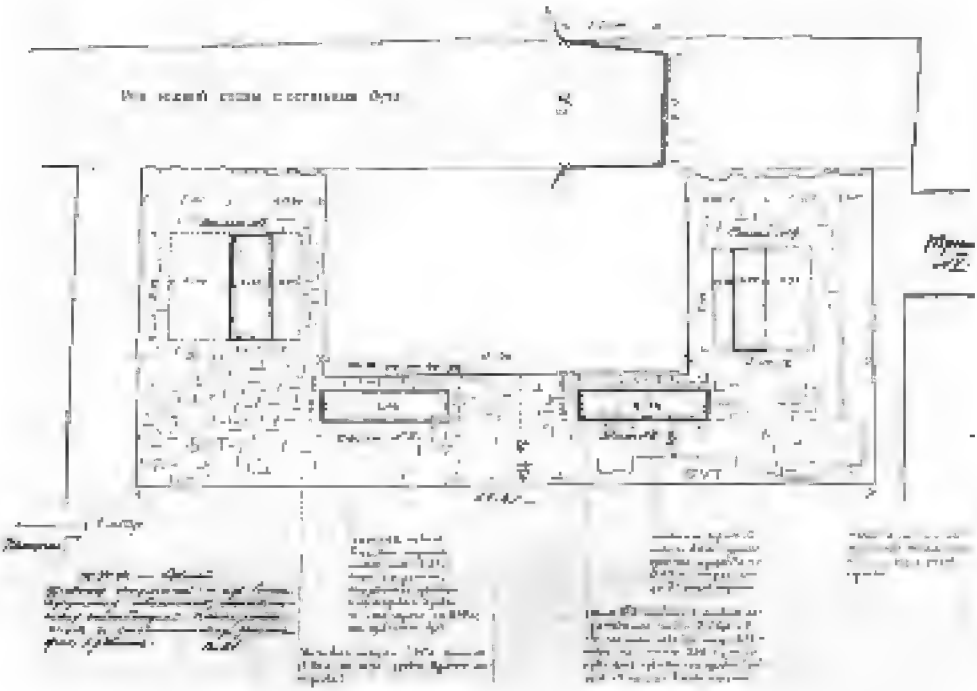


Рис. 17. Вклейка к странице 201 с обмерным планом южного придела древней церкви

План южного придела церкви, открытой Д. Тихомировым в 1836 г.

с пояснительными текстами под рисунком, повторяющими описание, и экспликацией: «*** – склад древних кирпичей и пр. более крупных обломков, оставленных экспедицией после раскопок и засыпанных землей для хранения. В.А.Г.

[*Л. 202 – без текста*].

[*Л. 203*].

Слой 2-й.

Обнаружена кирпичная кладка западного придела древнего храма. В восточном конце траншеи коснулись: бута уничтоженной часовни, почему 11 часть 10 участка глубже не раскапывались.

В мусоре, покрывшем древнюю кирпичную кладку, найдены куски штукатурки с фресковою росписью, относящиеся к древнему храму.

Слой 3-й.

Выяснилась южная стенка западного придела древнего храма и часть западной стены этого же придела.

Слой 4-й.

В буте южной стены обнаружен арочный склеп № 5, подобный склепам № 1 и № 4, в стенах южного придела. Западный конец траншеи шел строительным мусором, выбранным при раскопках Д. Тихомирова и после спланированного для выравнивания местности. Для выявления мощности были заложены два шурфа в квадратный метр, расположенные в линии траншеи и в направлении к гребню берега, при чем выяснено, что толща мусора достигает аршин двух, или около 1,50 м.

Западный конец траншеи глубже 4-го слоя не раскапывался.

Дальнейшая раскопка

ведена с целью вскрытия склепа, при чем выяснено, что склеп потревожен: вне его найден обломок длинной человеческой кости и обломок стеклянного браслета. Убедившись, что дело касается западного придела, по-видимому, имевшегося [*л. 204*] такие же размеры, какие имел южный придел, мы, произведя промеры, выше выраженные на планах, решили дальнейшую раскопку не вести, так как средства наши подошли к концу, и засыпать склеп и стены для будущих раскопок.

Траншея VII.

Траншея имела в длину 10, в ширину 2 м и в глубину 1 м. Траншея имела рекогносцировочное назначение проверки, не существуют ли какие-либо сооружения у северо-западного угла новой церкви.

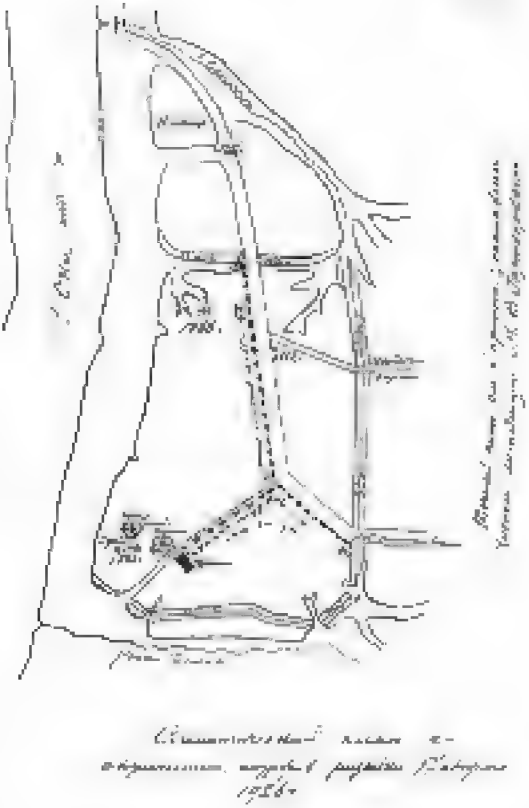
В траншее найдены в первых двух слоях, обломки новых и древних кирпичей, в третьем слое – головка льва или вообще зверя, высеченная из известкового камня, служившая, очевидно, архитектурным украшением древней церкви. Ниже шел чистый чернозем, не содержавший в себе древних остатков.

Траншея VIII.

Траншея имела в длину 8, в ширину 2 и в глубину 0,50 м. Назначение траншеи рекогносцировочное. В траншее никаких следов древних сооружений не найдено. Внизу ее шел чистый чернозем.

На этом были закончены раскопки на месте древней церкви, некогда обследованной Д. Тихомировым. Нами найдены два придела: 1) южный и 2) западный, указывающие, что храм был в плане крестообразным, а это требовало от нас разведки третьего северного придела, [*л. 205*] симметричного южному приделу. Траншеи № VII и № VIII указали нам, что северный придел не вышел за черту современной кирпичной церкви. Это заставило нас обратить внимание на подпольную северо-западную часть церкви, еще не закрытую полом (храм еще строит-

Рис. 18. Страница 207: «Схематический план с обозначением шурфов разведки 17 августа 1926 г.»



ся), при чем выяснилось, что северо-западный угол древней церкви почти совпадает с северо-западным углом колокольни, составляющей одно целое с церковью. В древнем углу северного придела сохранился склеп. Таким образом, наша мысль, что древняя церковь имела крестообразную форму в плане, вполне оправдалась. Однако при дальнейшем исследовании это следует еще проверить и произвести раскопки внутри северо-западной части новой церкви. То, что нашими рекогносцировочными раскопками и обследованиями выяснено, мы выражаем в прилагаемых чертежах и планах.

17 августа.

Произведена засыпка траншей №№ IV–VIII, всего южного придела древней церкви* [*примечание В.А. Городцова по вертикали страницы слева*: «* При засыпке южного придела древней церкви, древние кирпичи (целые и большие обломки) сложены внутри стен придела и засыпаны землею. С древн. кирпичами положен один новый кирпич, чтобы указать время склада древних кирпичей».] и произведена шурфовка по линиям дорог от угла кирпичного здания Шатрищенской школы до Новых Пронских ворот, прорезанных через вал южного городища, и от этих ворот до ворот, прорезанных в северном валу, отделяющем средний участок городища от южного.

[*Начиная с этих строк дальнейшие страницы дневника В.А. Городцова посвящены линиям шурфов, проходящим очень далеко от интересующего нас южного участка и развалин храма Бориса и Глеба – Л.Б., ЕБ.*]

Л.А. Беляев, А.В. Чернецов

Новые находки произведений художественного ремесла

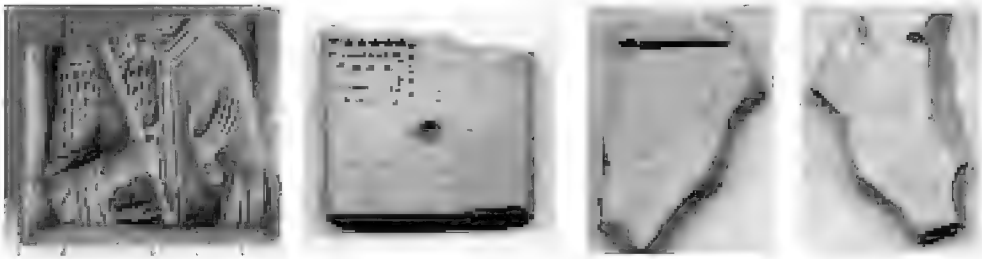
Среди археологических материалов, находимых ежегодно на Старорязанском городище, сравнительно немного предметов, важных для изучения древнерусской иконографии. В 2004 г. на городище местными жителями был найдено несколько объектов, которые нуждаются в детальном иконографическом анализе. Кроме того, в статье рассматриваются две находки из научных раскопок, являющиеся своеобразными параллелями рассматриваемым случайным находкам.

1. Иконка с изображением святого воина (рис. 1, *а*).

На месте прошлогоднего раскопа № 29 (Борисоглебская церковь конца XII в.) М. Собчаковой, школьницей из г. Спасска, был обнаружен обломок (нижняя половина) резной каменной иконки, который, скорее всего, выпал из стенки раскопа.

Иконка имеет размеры 2,7×2,85 см (в полном виде, вероятно, ок. 4 см), толщина 5–6 мм. Рельеф достаточно высокий, практически не затерт, все линии резкие и отчетливые. Камень – желтовато-серый мелкозернистый (стеатит или близкая к нему порода). Предварительное определение породы камня, использованного для изготовления этой иконки, а также еще одного фрагмента каменной иконки из раскопок на раскопе № 34 было произведено кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником Минералогического музея РАН им. А.Е. Ферсмана М.Б. Чистяковой. По краю иконки простая выпуклая рамка шириной 3–1,5 мм. На обороте следы первоначального использования каменной пластины в качестве литейной формы (см. ниже).

Изображение поясное: сохранившаяся часть (до плеч включительно) позволяет считать, что перед нами один из святых воинов, вероятно, св. Димитрий или св.



а б

Рис. 1. Каменные иконки из Старой Рязани, найденные в 2004 г. (лицевая и оборотныая стороны): *а* – случайная находка; *б* – из раскопа 34

Георгий. Судя по едва видимому краю подбородка, этот святой молод. В правой руке он держит древко копья (или жезла), левая поднята открытой ладонью к зрителю.

Иконография, на первый взгляд довольно простая, на самом деле заслуживает детального рассмотрения. Сама поза изображенного (вернее, сочетание жестов его рук) довольно необычна. Правая рука, спокойно согнутая в локте, сжимает древко – левая же поднята к плечу и раскрыта ладонью к зрителю, то есть воспроизводит жест, в классической иконографии трактуемый (не всегда однозначно) как жест поклонения, самопожертвования или обращения к предстоящим, свойственный мученикам (как правило, не воинам, а проповедникам и богословам). В области древнерусского искусства нам удалось найти мало примеров такой жестикуляции, поскольку она – признак иконографии, восходящий к эпохе раннего христианства, и в Средние века воспринимавшийся как пережиточный; в книгах образцов этот жест левой руки стандартно сочетается с мученическим крестом в правой (см. Евсеева Л.М., 1998. Л. 77 (10–1); 79об. (28); 80 об. (5); 81 (8); 83 об.(29); 86 об. (9); 95 об. (8, 11); 102 об. (4); 106 (24); 110 об. (22); 111 (29); 114 (15); 120 об. (6); 125 об. (27). Укажем для Древней Руси на ранние изображения мучеников и мучениц в росписях киевского Софийского собора; на некоторые из многочисленных резных изображений мучеников на фасаде Дмитриевского собора во Владимире (ок. 1197 г.) (напр.: Гладкая, 1997, илл. 41); на иконы св. Варвары (ГТГ, 2-я половина XIV в.: Каталог ГТГ. № 49. С. 122, и др. образцы).

«Жест внимания» изображаемые мученики почти всегда делают левой рукой, а в правой сжимают четырехконечный мученический крест. В других случаях мученики могут держать в обеих руках оружие (варианты: копье и щит; меч и щит; реже копье и меч). Однако сочетание оружия и раскрытой ладони довольно редко; меч еще встречается, поскольку в этих случаях, благодаря форме своей рукоятки, он мог заменять крест. Изображение, как в нашем случае, копья в сочетании с «жестом внимания» практически не встречается – такие случаи должны восприниматься как исключения.

К немногочисленным аналогам можно отнести, прежде всего, полуфигуры святых воинов с четрехсторонних капителей, причисляемых к кругу работ константинопольских скульпторов поздневизантийской эпохи (ок. 1300 г.). Обе капители сопоставляют с резьбой комплекса Паммакаристос (в числе находок которого эпистиль с образами святых воинов) и с капителями колонок, фланкирующих погребальную нишу в монастыре Хора (Yalçin, 1999. P. 360–361).

Первая из капителей хранится в Париже (Национальный музей Средневековья, отель Клюни, Cl. 1456) (рис. 2, *а, б*). Она найдена в Афинах, но сделана, видимо, в Константинополе, по заказу высших кругов аристократии (возможно, императорской семьи Палеологов). На этой четырехсторонней капители святые воины держит в правой руке меч в ножнах, с крестообразной рукоятью, а левую протягивают раскрытой ладонью вперед в жесте обращения. На их плечах – военные плащи-хламиды в «классических» складках, завязанные узлом на левой ключице (Byzantium, 2004. № 54).

Вторая капитель, из Стамбульского археологического музея (найдена в 1905 г. при его постройке, инв. № 71.148), дает еще более близкую аналогию. Все четыре высеченные на ней святых воинов (один с бородой, остальные юноши; точная атрибуция святых невозможна) одеты в завязанные узлами хламиды, из-под которых видны короткие рукава пластинчатых доспехов. Один из них точно воспроизводит композиционную схему старорязанской иконки: он держит в правой руке копье, идущее по диагонали композиции, а левую раскрыл против своего плеча жестом ритора (остальные юноши также обращаются к зрителю, но рас-

крывают правую ладонь, а в левых держат крестообразные рукояти мечей) – (Byzantium, 2004. № 55 – рис. 2, *в*).

Таким образом, уже в композиции иконки из Старой Рязани мы видим довольно необычное и свободное решение, хронологически указывающее, вероятно, на конец средневизантийской – начало поздневизантийской эпохи.

Кроме общих стилистических и иконографических наблюдений, атрибуции помогает ряд типологических (отчасти датирующих) признаков, а именно: форма плаща из тяжелой ткани, застегнутого слева у ворота округлой пряжкой-фибулой; наличие у этого плаща отчетливо выраженной каймы средней ширины (опушка или род оторочки); узор ткани плаща из крупных овальных медальонов; доспех кольчужного или чешуйчатого типа, лежащий ровными вертикальными цепочками, в которых все звенья имеют форму оттянутых книзу колец с глубокой внутренней выемкой, причем каждое верхнее звено нависает над нижним.

Остальные элементы: складки рукавов с оторочкой; манжеты нижней одежды (рубахи?); длинный шток в правой руке (вероятно, древко копья) – не отмечены специфическими чертами и не могут служить ни атрибуции, ни датировке, ни интерпретации изображения.

Рассмотрим аналоги отдельным элементам.

Тяжелые плащи с широкой каймой, округлыми медальонами узорчатой ткани и круглой фибулой, соединяющей углы плаща на правой ключице, типичны для Руси с X по XV в., они есть в таких ранних памятниках, как ктиторские портреты в росписи Софии Киевской середины (?) XI в. (Лазарев, 1970. Рис. на с. 45), но есть и в практически финальных для византийской традиции портретах великого князя Василия Дмитриевича и его супруги Софьи на «большом» саккосе не позднее 1425 гг. (конечно, в последнем случае сам плащ несколько иной, но трансформация не столь уж существенна) (Маясова, 1991. № 10. С. 49). Можно сказать, что это обязательный атрибут князя в иконографии Руси, причем он часто встречается и в миниатюрной резьбе каменных иконок. На нем, однако, воспроизводятся обычно совершенно иные элементы: прежде всего – кайма из «жемчужной обнизи» (напр., на иконках с изображением св. Дмитрия конца XII – XIII в.: Николаева, 1983, № 36; № 38, табл. 6: 4 и 5). Такой каймы на старорязанской иконке нет.

Как особенно близкий типологический аналог изображению ткани следует выделить известный каменный образок свв. Бориса и Глеба из Рязанского музея

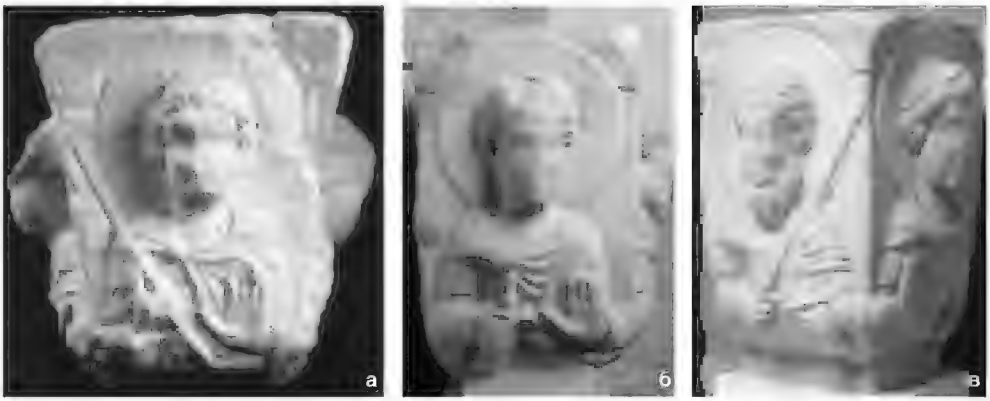


Рис. 2. Византийские капители рубежа XIII–XIV вв.: *а, б* – византийская капитель из Национального музея в Париже; *в* – из археологического музея в Стамбуле

(1-я треть XIII в.: Николаева, 1983. № 30, табл. 5: 1а; возможно, стоит учесть территориальную близость обеих находок). Плащ св. Бориса покрыт неправильными овалами-«лимончиками», почти совершенно такими же, как на плаще со старорязанской иконки (только они посажены гуще). Правда, следует отметить, что этим сходство и ограничивается – различий здесь больше: манера резьбы иконки из Рязанского музея крайне примитивна, хотя и наделена своего рода экспрессией. Укажем, что плащ здесь прямого кроя; он из тяжелой, не дающей складок ткани с оторочкой. Это типично средневековый (более того – древнерусский) элемент, в то время как раннехристианских святых воинов (и, в соответствии с традиционной иконографией, их более поздних преемников) византийские художники обычно облачают в складчатый военный плащ – хламиду, часто не застегивающуюся, а завязывающуюся.

Не менее интересен кольчужный (или пластинчатый?) доспех, хотя образцы его в резьбе почти столь же растянуты по времени, как и образцы изображений плащей. Чрезвычайно близок по манере передачи доспеха рельеф со св. Георгием с фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, 1230–1234 гг. (фронтальная фигура в рост; правая рука приподнята, опирается на стоящее копье, левая покоится на миндалевидном щите) – (рис. 3). На плечи святого накинут лежащий свободными складками плащ с каймой, застегнутый на правой ключице небольшой круглой фибулой. В стилистическом отношении рельеф далек от манеры мастера старорязанской иконки: ему свойственны примитивизм и лапидарность (достаточно посмотреть на совершенно не проработанные ладони; что объясняется разным материалом, размерами и функцией двух изображений). Очень близкая манера передачи доспеха применена при изображении святых всадников на резных шиферных плитах из Михайловского Златоверхого монастыря Киева. На плите из музея Св. Софии (СМАА 8616) левый из двух конных драконоборцев облачен в доспех, переданный приемами, вполне тождественными использованным в старорязанской иконке и в рельефе собора из Юрьева-Польского. Сходным образом разработаны и «кольца» на рельефе из ГТГ (№ 25536), парном названному – но в этом случае они разделены на горизонтальные ряды и явно изображают род пластинчатого доспеха; плащи – очень примитивно переданные хламиды – во всех случаях застегнуты круглыми фибулами. Броня на третьем, недавно найденном, рельефе проработана хуже и не может быть сопоставлена с интересующей нас группой. Дата памятников – 2-я половина XI – середина XII в. (см. музейные описания и библиографию: Архипова, 2005. Кат. № 193, 194, 195).

Значительные черты сходства отмечаются на резных плакетках из слоновой кости средневизантийского периода, восходящих к константинопольским мастер-

Рис. 3. Св. Георгий. Рельеф на стене Георгиевского собора в Юрьеве Польском (фото Ю.Ю. Моргунова)

ским. На плакетке св. Дмитрия (музей Метрополитен, 1970. 324.3 – рис. 4) сходным образом изображен доспех: вытянутые пластины-кольца идут такими же вертикальными рядами, но утолщения направлены не вниз, как в старорязанской иконке, а вверх. Жесты святого достаточно воинственны: он держит в правой руке копье, пересекающее композицию наискось от левого плеча к правому бедру, а левой рукой придерживает круглый или овальный щит, стоящий на земле. Изображенный плащ – типичная хламида с живописными складками, застегнутая круглой фибулой. Следует отметить, что в анатомических деталях, прежде всего в руках, явно чувствуются утонченность и аристократизм, что также роднит пластину с найденной в Старой Рязани иконкой. Вещь датируют 2-й половиной XI в., что сближает ее по времени с рельефами Михайловского монастыря (Glory of Byzantium, 1997, № 81, p. 134–135).

Известную близость (при гораздо более совершенной, чем на старорязанской иконе, передаче анатомии) можно усмотреть и в пластине с изображением архангела Михаила из Государственных Музеев Берлина (n. 571), относимой к XI в., например, в трактовке раскрытой ладони правой руки, а также левой, держащей жезл (Там же, № 88. С. 143).

Нам представляется, что наиболее вероятно изготовление иконки византийским мастером. Об этом свидетельствует, прежде всего, использование камня желтоватой стеатитоподобной породы (для иконок русской работы характерно использование серого сланца). О том же говорят стилистические особенности, изящество исполнения, тонкость проработки. В этом отношении иконку из Старой Рязани можно сопоставить с очень немногими образцами среди найденных на Руси. В качестве аналога можно указать иконку, изображающую святителя и найденную в Новгороде Великом в 1953 г. Т.В. Николаева датировала ее, по стратиграфии находки, концом XIV в. (Николаева, 1983. № 94, табл. 19: 3). Судя по стилистическим признакам, такая дата представляется неоправданно поздней, и у М.В. Седовой были все основания передатировать находку на два столетия раньше – XII в., объясняя это нарушениями стратиграфии (Седова, 1994. С. 91– 92). Следует отметить, однако, что эта иконка, по определению Седовой, относится к литикам – иконкам, обычно изготовлявшимся из стеклянной массы, в данном случае – резная. Это аргумент в пользу средиземноморского происхождения вещи: литики были широко распространены в Восточном Средиземноморье, особенно в XIII в. (но производились, вопреки утверждению у М.В. Седовой, не только в Константинополе, но и в Венеции).

Утонченность трактовки ладони святого (изгиб пальцев, их диспропорция, условные линии, пересекающие ладонь) не оставляют сомнения в византийском происхождении мастера. Эта особенность может быть сопоставлена с трактовкой благословляющей длани св. Николая и св. Саввы Освященного на резных каменных иконках, найденных во Влади-

Рис. 4. Св. Димитрий Солунский. Византия, слоновая кость, 2-я половина XI в.

мире, хотя стилистически все три произведения существенно отличаются друг от друга (Седова, Мухина, 1999; Жарнов, 1999. Рис. 1) (рис. 5).

Интересно, что в данном случае поделочный камень, из которого сделана иконка (очевидно, воспринимавшийся как достаточно ценный, дорогостоящий материал), имеет несомненные следы вторичного использования. На обороте иконки прослеживаются следы того, что каменная пластинка первоначально являлась частью литейной формы, по-видимому, для отливки пластинчатого браслета (в частности, виден след паза для штырька, который соединял створки двусторонней формы). Поскольку литейная форма сохранилась частично («негатив» изделия на ней явно не умещается), приходится полагать, что использование данной каменной пластинки в качестве литейной формы первично, а превращение ее фрагмента в иконку – вторично. Такая последовательность использования пластинки поделочного камня может показаться странной, однако особенности данной находки как будто не оставляют места для других версий. Подобные следы вторичного использования камня, из которого было изготовлено священное изображение, представляются авторам крайне редкими.

В хронологическом отношении собранные аналоги дают нам право говорить о 1-й трети XIII столетия как о наиболее вероятном времени появления иконки – после разрушения города зимой 1237/1238 г. ее изготовление мало вероятно; для отнесения ее к более поздней эпохе, XIV–XV вв. типологических и стилистических оснований недостаточно. Более ранняя дата, в пределах 2-й половины XI – XII в., не может быть исключена, но все же представляется менее вероятной (хотя бы с учетом первоначальной функции камня как формы для отливки браслетов). Дополнительным аргументом в пользу предлагаемой даты служит возможная связь изготовления иконки со временем существования Борисоглебской церкви, которую в настоящем сборнике предлагается датировать ближе к концу XII столетия.

2. Фрагмент каменной иконки с раскопа 34 (рис. 1, *б*).

На раскопе № 34, участок 3 в слое был найден еще один обломок каменной иконки, также из камня желтого цвета, но в данном случае это слюдоподобная порода из плотного глинистого материала, возможно, происходящая из местных (среднерусских) осадочных отложений (определение М.Б. Чистяковой). Сохранилась часть верхней рамки иконки, фрагмент нимба святого, украшенный мотивом вьюна и начало колончатой надписи ОА EV. Наиболее существенно в данном случае то, что оборот и этой иконки первоначально использовался в качестве литейной формы (также имеется паз для штырька). Очевидно, эта редкая черта является признаком «почерка» единичной ремесленной мастерской, по-видимому, местной.

Следует полагать, что в Старой Рязани в домонгольское время работала мастерская, в которой резчики по камню изготовляли как иконки, так и литейные формы. Можно допустить, что один из ремесленников, работающих в мастерской, был греческого происхождения. Отметим, что находки резных каменных иконок на древнерусских памятниках вообще весьма редки. Они представляют собой дорогостоящие заказные изделия, владельцы которых принадлежали к верхушке общества.

Бронзовые матрицы для рельефных медальонов.

На одной из усадеб, расположенных на территории Северного городища, обнаружены два плоских бронзовых изделия круглой формы, несущие на выпуклой стороне декоративные мотивы. Согласно несколько сбивчивым сообщениям информатора (Н.В. Долгова), оба предмета были найдены покойным владельцем усадьбы В.В. Печниковым, не совсем ясно где. Не исключено, что нынешние

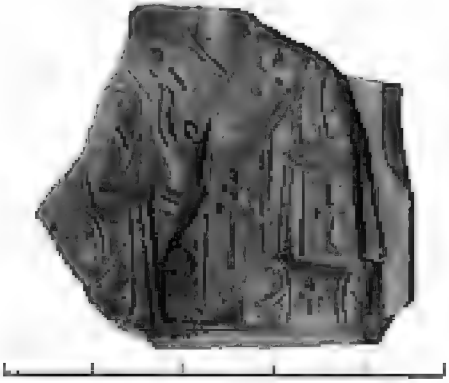


Рис. 5. Св. Николай Мирликийский. Каменная резная иконка из Владимира

Рис. 6. Ювелирная матрица с мотивом «сегнерова колеса»

владельцы усадьбы склонны отводить внимание археологов от собственного огорода, где, вероятно, и были найдены рассматриваемые находки. Это, несомненно, матрицы, использовавшиеся для «тиражирования» соответствующих мотивов, которые оттискивались на тонких серебряных пластинках.

3. Одна матрица несет на себе сравнительно несложный мотив – розетку типа «сегнерова колеса» (рис. 6). Круглые подвески, украшенные подобным мотивом, хорошо известны в археологическом материале (см.: Новикова, 1998).

4. Вторая матрица несет сюжетное изображение, представляющее своеобразную модификацию широко распространенной в средневековом искусстве композиции «Полет (вознесение) Александра Македонского» (рис. 7). Обе матрицы уже после находки подверглись довольно значительным повреждениям – по ним прошлись напильником, очевидно, пытаясь установить наличие драгоценного металла. Подобные «пробы» (иногда простая поломка изделий) довольно обычны на вещах, случайно обнаруженных местным населением. В данном случае, по счастью, «пробы» затронули преимущественно тыльную сторону матриц, лишенную изображений. Однако следы напильника заметны и на лицевой стороне обоих изделий. Обе матрицы с лицевой стороны выпуклые (линзовидные), с обо-

Рис. 7. Ювелирная матрица с изображением полета Александра Македонского ее оборот

ротной – плоские, отлиты в открытой форме. На оборотной стороне имеются древние риски, указывающие, где у матрицы верх (очевидно, при оттискивании изображений, матрица использовалась лицевой стороной вниз).

Композиция выполнена в обобщенной, можно сказать несколько грубоватой манере. Очевидно, предполагалось, что в дальнейшем оттиснутое изображение будет подвергаться доработке, например в технике гравировки, черни. Можно предположить, что модель, по которой была изготовлена глиняная литейная форма, представляла собой довольно грубую резьбу по дереву (см. трактовку фигур грифонов крупными рельефными штрихами-порезками).

Композиция с изображением «Полета Александра Македонского» связана с легендарным эпизодом средневековых версий псевдо-Каллисфенова романа об Александре. Она неоднократно воспроизводилась древнерусскими мастерами (Уваров, 1910; Вагнер, 1964. С. 78–80; Даркевич В.П., 1975. С. 154–158; Макарова Т.И., 1975. С. 46, 48, 49, табл. 12 и др.). В данном случае композиция подверглась трансформации и деградации, отражающими частичную утрату смысла изображаемого. Прежде всего, отсутствует изображение колесницы, или, хотя бы, некой «корзины», в которой должен восседать великий завоеватель. Несущие его грифоны представлены без крыльев, что противоречит самой идее вознесения/полета. Наконец, вместо того, чтобы держать в руках копья с приманкой, побуждающей грифонов подниматься, Александр представлен ухватившимся за их клювы. Наглядно эти различия можно видеть, сопоставив рассматриваемую матрицу, например, с фасадным рельефом собора св. Марка в Венеции (XII в) – (рис. 8). Тем не менее, и по общей композиции, и по своим основным элементам сюжет поддается опознанию. Возникает вопрос, насколько мотив, представленный на матрице, на котором присутствуют указанные черты деградации, выпадает из серии изображений на данную тему.

Необходимо отметить, что это не единственный случай деградации отдельных элементов композиции «Полета Александра». Уже на рельефе Дмитриевского собора во Владимире (1194–1197 гг.) – (рис. 9) мотив, несомненно, подвергся упрощению. Действительно, колесница царя утрачивает колеса и превращается в некую «корзину». Наиболее сильной деградации мотив полета/вознесения Александра подвергся на инициале Смоленской Псалтыри 1395 г. (Бугославский, 1906. Табл. 19) – (рис. 10) . Здесь вместо колесницы или «корзины» фигурирует пасть чудовища (очевидно, указывающая на то, что воздухоплаватель является

Рис. 8. Полет Александра на фасаде собора св. Марка в Венеции

Рис. 9. Полет Александра на фасаде Дмитриевского собора во Владимире

Рис. 10. Инициал Смоленской псалтыри 1395 г.

грешником, покидающим ад / колдуном, встающим из гроба); вместо грифонов или птиц изображены драконы, причем их крылья сильно искажены и скорее напоминают гривы. Хвосты драконов в соответствии с традициями тератологического стиля завязаны узлами. Мотив привлечения чудовищ приманкой отсутствует – вместо этого главный персонаж, как и на матрице, держится за них, но в данном случае не за пасти, а за специальные «ручки». Мотив полета Александра на инициале деградировал гораздо сильнее, чем на матрице из Старой Рязани – здесь утрачены признаки царственности персонажа, в частности, корона. Таким образом, мы имеем дело со сходным уровнем искажения популярной композиции, но при этом ее смысл на инициале утрачен в гораздо большей степени.

Державный характер мотива на матрице, по-видимому, свидетельствует о том, что с помощью нее изготовляли пластины, украшавшие престижные принадлежности великокняжеского обихода. Поскольку в данном случае найдена не одна матрица, а две, и притом необычно крупных, можно думать, что их находка означает существование где-то поблизости от их находки ювелирной мастерской. Судя по престижному мотиву полета Александра, речь идет о мастерской ювелиров, обслуживавших двор великих князей Рязанских.

Нет необходимости говорить об исключительной популярности мотива «полета» Александра Македонского на Руси, в Византии и Западной Европе. Об этом, в частности, свидетельствует каменная иконка из Зарайска, опубликованная Т.М. Панковой (см. статью в настоящем сборнике). Из сравнительно недавних находок, украшенных этим мотивом, укажем византийскую чашу из Нижнего Приобья (Шурышканский р-н Тюменской обл., Константинополь (?), XIII в. – Сокровища Приобья, СПб., 1996. С. 149–

Рис. 11. Изображение на византийской чаше XIII в., найденной в Приобье

157) – (рис. 11) и золотное шитье из раскопок 1999 г. Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде (погребение XII–XIII в., вероятно, княжеское, раскопки Вл. В. Седова; по-видимому, нагрудное украшение). Чаша из Приобья несет на себе развитую, подробную версию композиции и сопровождается надписью, не оставляющей сомнения в том, какой персонаж изображен. Тем не менее и на ней можно видеть черту частичного затемнения изначального смысла изображаемого – колеса колесницы превратились в стилизованные розетки, конструктивно никак не связанные с повозкой. Среди сравнительно поздних изображений полета Александра представляется незаслуженно забытой миниатюра Лицевого летописного свода 2-й половины XVI в. (Чернецов, 1997. С. 29) – (рис. 12). На ней виден, в частности «механизм» подъема и спуска: когда Александр поднимает стержни с приманкой вверх, грифоны тянутся в ту же сторону, когда вниз, то соответственно меняют направление полета.

Рис. 12. Полет Александра на миниатюре Лицевого свода (Хронографический том БАН. 17.17.97 Л. 729 об.)

Отметим, что на Северном городище Старой Рязани была найдена еще одна матрица для тиражирования изобразительных мотивов на ювелирных изделиях. Она была обнаружена в ходе раскопок в 1999 г. на раскопе 28 (юго-западная часть Северного городища, примыкающая к разрезу вала 1994–1995 гг.), в заполнении жилища, превращенном в помойку XII–XIII вв.

5. Бронзовая матрица с изображением стоящей птицы с приподнятыми крыльями (рис. 13). Размеры находки более соответствуют обычным размерам древнерусских матриц подобного типа (2,5×2,5 см). Птица представлена головой влево. Туловище и крылья разделаны крупными членениями, которые, вероятно,

Рис. 13. Ювелирная матрица с изображением птицы из раскопок 1999 г. (раскоп 28).

Рис. 14. Изображения птиц на западном фасаде Дмитриевского собора во Владимире

предполагают последующую более детальную проработку мотива, оттиснутого матрицей. Привлекает внимание значительное типологическое сходство данного мотива с образами птиц в фасадном убранстве Дмитриевского собора во Владимире (1194–1197 гг.) – (рис. 14). Это сходство, в частности, возвращает нас к вопросу о взаимоотношении домонгольского искусства Рязанщины и Владимиро-Суздальской земли. Так, прототипы основных архитектурных памятников Старой Рязани находят в южнорусской (Киев, Чернигов) и смоленской традиции. Между тем, обнаруженный в 1999 г. при раскопках руин Борисоглебского собора белокаменный рельеф с мотивом аканфа находит себе многочисленные владимиро-суздальские аналогии (как и сама традиция украшения фасадов зданий белокаменными рельефами, давно известными в Старой Рязани) – (см. статью Л.А. Беляева в этом сборнике, рис. 20).

Публикуемые в данной заметке произведения художественного ремесла интересны не только сами по себе, как отражение художественной культуры эпохи, но и как характеристика ювелирного производства Старой Рязани, связанных с этим производством мастеров и мастерских. Концентрация находок ювелирных матриц на Северном городище достаточно надежно указывает на существование здесь крупной ювелирной мастерской, обслуживавшей знатных заказчиков.

Литература

Архипова Е.И. Резной камень в архитектуре древнего Киева (конец X – 1-я половина XIII в.). Киев, 2005.

Бугославский Г.К. Замечательный памятник смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символико-политического содержания // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1906. Т. 21. Вып. 1.

Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польской. М., 1964.

Гладкая М.С. Реставрация фасадной резьбы Дмитриевского собора в 1838–1839 гг. // Дмитриевский собор. К 800-летию создания. М., 1997.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995.

Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975.

Евсеева Л.М. Афонская книга образцов XV в. О методе работы и моделях средневекового художника. М., 1998.

Жарнов Ю.А. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира на Клязьме // РА. 1999. С. 165–174.

Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970.

Маясова Н.А. Средневековое лицевое шитье. Византия. Балканы. Русь. М., 1991.

Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси.

Новикова Г.Л. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Седова М.В. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения / Под ред. В.Л. Янина, П.Г. Гайдукова. Новгород, 1994. С. 90–94.

Седова М.В., Мухина Т.Ф. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. 1999. С. 150–164.

Сокровища Приобья / Под ред. Б. Маршака и М. Крамаровского. СПб., 1996.

Уваров А.С. Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве // Христианские древности и зодчество. М., 1910. Т. 1.

Чернецов А.В. «Я опущусь на дно морское, я поднимусь под облака» // Живая Старина. 1997. № 3.

Byzantium. Faith and Power (1261–1557). New York – New Haven – London, 2004.

The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A. D. 843–1261. NY., 1997

Yalçin A.B. Materiali di etá paleologa nel Museo Archeologico di Istanbul // L'arte di Bisanzio al tempo dei Paleologi, 1261–1453 / Eds. Iacobini A., Della Valle M. Rome, 1997. P. 359–3827

Е.В. Буланкина

Клад 2002 г.

Первое значительное археологическое открытие на городище Старая Рязань, привлекшее к нему внимание ученых и любителей отечественной истории, произошло случайно: в 1822 г. при опахивании обочин идущей через городище дороги крестьянами были найдены золотые украшения, получившие в литературе название «рязанских барм». Тогда же начинаются и археологические исследования городища. Во время раскопок или случайно, при полевых работах, на городище было найдено еще 15 кладов ювелирных украшений, спрятанных жителями накануне штурма города монголо-татарами в декабре 1237 г. Большее количество кладов этого периода обнаружено только в Киеве. Обстоятельства обнаружения кладов и их подробные описания неоднократно были опубликованы исследователями.

Второй клад был, состоящий из серебряных украшений, был найден в 1868 г. при земляных работах у Борисоглебского собора.

В 1887 г. при обвале земли на склоне Северного мыса был обнаружен третий клад. Четвертый клад был полностью выкопан во время работ археологической экспедиции в 1950 г., хотя первые вещи были найдены еще в 1937 г. Клад был спрятан в печи жилища вблизи восточных валов у Исадских ворот Южного городища Старой Рязани.

В 1966 г. при изучении богатой усадьбы в прибрежной части городища был найден клад, состоявший из серебряных ювелирных украшений и денежных слитков – гривен. В 1967 г. там же были найдены еще два клада, включавшие серебряные украшения.

В 1968 г. в юго-западной части Южного городища был найден серебряный медальон с изображением процветшего креста, весной 1970 г. при вспашке были найдены еще несколько украшений. Сразу же после начала работ Старорязанской археологической экспедиции на месте находок был открыт клад ювелирных украшений, растащенный плугом на значительное расстояние.

Первые вещи из девятого клада были обнаружены в мае 1974 г. Во время полевого сезона клад, в основном, был собран. Поскольку территория городища распахивалась, украшения из клада были найдены на площади 16×12 м, основное скопление вещей занимало площадь 6×6 м, многие предметы сильно повреждены, от некоторых найдены лишь фрагменты.

В 1979 г. во время исследования жилищ неподалеку от Спасского собора были найдены еще три клада. Один из них был сокрыт в подпечной яме наземного жилища. В другом наземном жилище, в глубокой подпольной яме, было спрятано еще два клада: один – под лестницей, другой был найден в северо-восточном углу подполья.

В 1992 г. вблизи раскопа, где была исследована «усадьба воеводы» и найдены три клада серебряных украшений в 1960-е годы, был случайно обнаружен клад, состоящий из золотых ювелирных украшений.

Клад 2002 г. (рис. 1) был найден при незаконных раскопках на территории Старой Рязани. Этот клад был изъят сотрудниками ФСБ и в настоящее время передан в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Помимо информации об этом кладе существуют сведения еще об одном кладе ювелирных изделий, найденных на городище в том же году (?). К сожалению, автор располагает только некачественной фотографией клада. В состав этого клада входили чечевицевидные колты, украшенные чернью и гравировкой, шестилучевые колты, криновидные подвески (близкие представленной в публикуемом кладе), трехбусинные височные кольца, значительное число трехбусинных полуколец, часть которых нанизана на проволочную основу (среди бусин представлены как глухие, так и ажурные экземпляры), каменный крестик с серебряными накладками на концах, витой бронзовый браслет, витой перстень и др.

В ходе работ Старорязанской экспедиции с помощью аэрофотосъемки удалось найти места незаконных раскопок в южной части памятника (см. вступительную статью А.В. Чернецова, рис. 4). По-видимому, клад 2002 г. был найден здесь, а не в другой части городища, ближе к руинам Борисоглебского собора, как указывали информаторы (обычно сведения о местах находок, сделанных при незаконных раскопках недостоверны). Всего в составе клада, который хранится

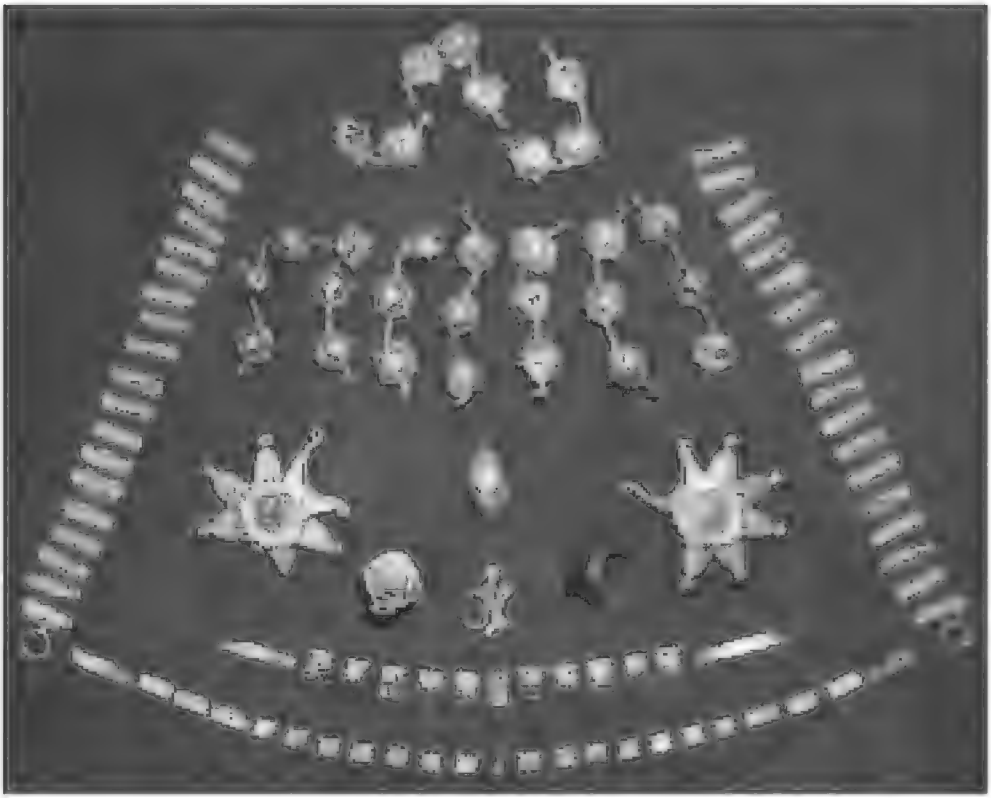


Рис. 1. Клад 2002 г.

в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, 126 музейных предметов (включая фрагменты украшений). Нет уверенности в том, что находчиками собраны все предметы, составлявшие клад. Вещи сильно пострадали при вспашке городища и были реставрированы до передачи их в музей. Состав находок обнаруживает ближайшие аналогии в кладах, ранее найденных на городище Старая Рязань.

1. Лучевые колты (два). Серебро. Зернь, скань.

Размеры. Диаметр 64 мм.

Колты имеют форму шестилучевой звезды, верхний луч заменен лунницей. Грани лунницы украшены рядом шариков зерни, повторяющим ее форму, двумя ромбиками из зерни. Напаянными в ряд шариками зерни отделено заходящее на лунницу плоское кольцо. Сохранившаяся часть дужки, основанием которой служат концы лунницы, обмотана плотными рядами скани. На другом конце лунницы стержень дужки расклепан и завернут в петлю.

Грушевидные лучи украшены зернью, каждый шарик которой посажен на маленькое проволочное колечко, завершаются лучи крупными уплощенными шариками, спаянными из двух частей.

Центр колта украшает полусфера, на вершине которой – спаянный из двух частей шарик. Полусфера украшена четырьмя зерневыми ромбами, вписанными в круг из сканной проволоки, между ними размещены четыре зерневых треугольника, основания их лежат на основании полусферы, завершаются они крупными шариками, составляющими кайму верхнего шарика полусферы. Основание полусферы окаймлено тремя рядами проволоки, центральный сделан из гладкой, крайние – из сканной, и широким плоским кольцом, которое украшено небольшими обрамленными зернью полусферами, расположенными попарно у основания лучей.

Оборотная сторона колта в центральной части сплошь орнаментирована мелкими колечками, по этому фону выложены из двойной скани два кольца, расположенных справа и слева, сверху выложена из такой же проволоки каплевидная фигура, под ней кольца соединены горизонтальной перемычкой из двух рядов сканной проволоки. Место крепления лучей прикрыто таким же, как и на лицевой стороне колта, широким плоским кольцом, в месте крепления лучей напаяны мелкие обрезки проволоки и шарики зерни.

Сохранность. Оба колта повреждены при вспашке, деформированы. Утрачены дужки, у одного колта отломаны два луча и шарик, венчающий центральную полусферу, у другого один луч. Колты были реставрированы до поступления в музей – у одного колта восстановлены два луча.

Аналогии. Колты аналогичной конструкции и декора имеются в составе клада, найденного в Старой Рязани в 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С.9, 22, 23).

2. Два фрагмента лучевого колта. Серебро. Зернь, скань.

Сохранились два деформированных луча, украшенных напаянной на колечки зернью, на вершинах – уплощенные полусферы.

3.Аграф (полукольцо с тремя бусинами) (десять). Серебро. Зернь, скань.

Размеры. Длина дужки 90 мм; диаметр проволоки 3 мм; диаметр бусины 15 мм.

На проволочные дужки, круглые в сечении, изогнутые в форме полуколец, надето по три бусины. Концы дужек расклепаны и завернуты в петлю. Дужки между бусинами и на концах обернуты плотными рядами скани. Бусины украшены двойными рядами сканной проволоки, один расположен поперек направления дужки, четыре других вдоль дужки, разделяя поверхность бусины на восемь частей. В образовавшихся сегментах шара сканью выложены круги с маленьким отверстием в центре каждого. Места пересечения рядов скани и соприкосновения их декорированы зерневыми шариками, напаянными на колечки.

Сохранность. Деформированы дужки и бусины. Часть бусин порвана.

Аналогии. Аграфы аналогичной конструкции и декора имеются в составе кладов, найденных в Старой Рязани в 1887 (золотые), 1967 (серебряные), 1992 (золотые) гг. (Даркевич, 1974. С. 32–34; Даркевич , Борисевич, 1995. С. 64–66).

4. Фрагменты аграфа (2 бусины; 1 бусина). Серебро. Зернь, скань.

Сохранность. Бусины деформированы, порваны.

5. Перстень. Серебро. Гравировка, чернь (рис. 2, 1).

Размеры. Ширина кольца 3 мм, диаметр 24 мм; диаметр щитка 20 мм.

Перстни 5 и 6 пустотелые, по-видимому, должны были имитировать массивные литые изделия. Щиток перстня имеет круглую форму. Боковые части щитка украшены криновидным орнаментом и двумя выпуклыми валиками. По окружности щитка идет кайма, образованная косыми насечками, от поля щитка она отделена ровной гравированной линией. На щитке выгравирована подпрямоугольная фигура с вогнутыми сторонами. В центре ее – тамгообразный знак сложных очертаний (монограмма – ?). С четырех сторон подпрямоугольную фигуру окружает стилизованный растительный орнамент в виде декоративного листа.

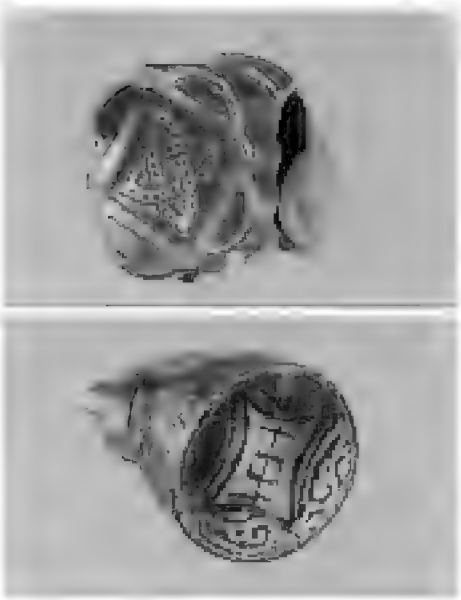
Сохранность. Был реставрирован до поступления в музей. Собран из фрагментов и укреплен щиток с внутренней стороны.

6. Перстень. Серебро. Гравировка, чернь (рис 2, 2).

Размеры. Диаметр кольца 24 мм, ширины 4 мм. Диагональ щитка 23 мм, сторона ромба 21 мм, квадрата – 15 мм.

Кольцо несомкнутое. Место соединения кольца со щитком орнаментировано тремя выпуклыми валиками. Щиток перстня квадрифолийной формы, представляет собой ромб с закругленными углами почти квадратной формы, в него вписан квадрат с выступающими за границы ромба углами. Границы геометрических фигур четко выделены гладкой серебряной полосой, внутренние поверхности покрыты чернью. В центре прямоугольника размещены два переплетенных овала с приостренными узкими концами, не покрытых чернью. Овалы орнаментированы рядом мелких углублений.

Сохранность. Полная



Аналогии. Перстень с круглым щитком и вписанным в него подпрямоугольником (что можно считать модификацией квадрифолийного щитка, у которого прямоугольник не вписан в круг, как в данном случае, а выступает своими углами наружу), украшенным гравированным рисунком, присутствует в составе клада, найденного в Старой Рязани в 1979 г. (Даркевич, Борисевич,1995. С. 63).

7. Перстень. Серебро. Гравировка, чернь.

Размеры. Диаметр щитка предположительно 22 мм.

Щиток перстня круглой формы, по периметру расположена кайма из коротких насечек, отделенная от остального поля глубокой гравированной линией.

Рис. 2. Перстни из клада 2002 г.

В центре – фигура подквадратной формы с вогнутыми сторонами, образованными тремя сходящимися к углам линиями. Пространство между квадратом и каймой украшено крестообразным орнаментом, образованным длинными гравированными линиями, перекрещенными короткими глубокими насечками. В центре квадрата – восемь насечек, образующих солярный знак, нанесенных коротким сильным ударом в направлении от углов квадрата и центров его сторон к центру.

Сохранность. Дужка согнута и отделена от щитка. Щиток разломлен на три фрагмента.

Аналогии. Перстень с круглым щитком и гравированным орнаментом присутствует в составе клада, найденного в Старой Рязани в 1979 г. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 63).

8. Фрагменты медальона. (5 фрагментов). Серебро.

Обломки, вероятно, составляли кайму медальона вокруг его центральной части (аналогии – медальоны, входящие в состав клада, найденного в 1970 г.). Фрагменты украшены двумя рядами проволоки с насечками, имитирующими зернь, внешнее и внутреннее кольца проволоки соединены перемычками из коротких отрезков такой же проволоки. Сохранилось ушко медальона бочонковидной формы, по наибольшей окружности ушка и вокруг отверстий – обрамление, составленное из шариков

Аналогии. Серебряные позолоченные медальоны, декорированные изображениями процветших крестов и изображением Св.Глеба, присутствуют в составе клада, найденного в Старой Рязани в 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978.С.10, 29–31).

9. Бусина. Серебро. Зернь, скань.

Размеры. Длина 29 мм, диаметр 16 мм.

Бусина имеет овальную форму. Концы ее примерно на треть длины обмотаны плотными рядами скани. Центральная гладкая часть украшена треугольниками из шариков зерни, обращенными вершинами к центру, расположены треугольники в шахматном порядке. Отверстия для нити обрамлены гладкими проволочными колечками

Сохранность. Бусина слегка деформирована. Центральная часть надорвана.

Аналогии. Бусины подобной формы и декора присутствуют в составе кладов, найденных в Старой Рязани в 1868 г., 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 10, 35).

2 фрагмента бусины. Серебро. Зернь, скань.

Форма, видимо, аналогична форме сохранившейся бусины. См.выше.

10. Колодочки. 49 шт. Серебро.

Размеры. Длина 25 мм, ширина 8 мм, высота 4 мм.

Колодочки имеют форму полуцилиндра, концы закруглены. Поверхность колодочек украшена пятью выпуклыми поперечными валиками и четырьмя овальными глазками, расположенными попарно у концов колодочек. С каждой стороны имеются по три отверстия для нити.

Сохранность. Часть колодочек деформирована.

11. Колодочки с колечком 3 шт. Серебро.

Размеры. Длина 25 мм, ширина 8 мм, высота 4 мм. Диаметр петельки 4 мм, внешний диаметр колечка 12 мм.

Колодочки имеют форму полуцилиндра, концы закруглены. Поверхность колодочек украшена пятью выпуклыми поперечными валиками и четырьмя овальными глазками, расположенными попарно у концов колодочек. С каждой стороны имеются по три отверстия для нити. К одной из сторон припаяна петелька, в которую продето колечко из круглой проволоки. Концы петельки расклепаны и охватывают заднюю стенку колодочки с обеих сторон.

Сохранность. Часть колодочек деформирована

Аналогии. Колодочки имеются в составе кладов, найденных в Старой Рязани в 1967, 1970, 1974 гг. (Даркевич, Монгайт, 1978. С 20; Даркевич, 1974. С. 30–33).

12. Подвеска. Серебро.

Имеет форму крина, от петли отходят вниз три листика, боковые изогнуты в стороны, средний направлен вертикально вниз.

Сохранность. Повреждена, отсутствует значительная часть центрального и правого «лепестков».

13. Бляшки нашивные. 11 шт. Серебро. Позолота.

Размеры. 12×14 мм.

Бляшки имеют прямоугольную форму. По периметру идет кайма в виде выпуклых точек, в центре – равноконечный крест с расширяющимися концами. По углам – четыре отверстия для пришивания.

Сохранность. Некоторые бляшки слегка деформированы

14. Бляшки нашивные. 15 шт. Серебро. Позолота.

Размеры 11×9 мм.

Бляшки квадратной формы. В центральной части – выпуклый орнамент в виде ромба, углы квадрата основания оформлены в виде выпуклых лучей. В углах – отверстия для пришивания.

Сохранность полная.

15. Бляшки нашивные. 8 шт. Серебро. Позолота.

Размеры 15×8 мм.

Бляшки имеют прямоугольную форму, в центре – гладкая полоса, по бокам орнамент, образованный рядом из 7 мелких выпуклых полусфер.

Сохранность полная.

Аналогии. Нашивные бляшки, сходные с описанными в пп.13–15, 17 по размерам, материалу и технике изготовления, присутствуют в составе кладов, обнаруженных в Старой Рязани в 1887 и в 1970 гг. (Даркевич, 1974. С. 34, 35).

16. Пластины нашивные. 6 шт. Серебро. Позолота.

Размеры. Две пластины 32х6 мм (11 отверстий); 26х6 мм (7 отверстий); две пластины 19×6 мм (6 отверстий); 39×6 (13 отверстий).

Тонкие пластины прямоугольной формы, у некоторых один конец имеет косой срез. По краям – отверстия для пришивания.

Сохранность. Слегка помяты.

17. Бляшка нашивная. Серебро. Позолота.

Размеры Длина 11 мм, наибольший поперечный размер 5 мм

Имеет каплевидную форму. Объемная. Два отверстия для пришивания в широкой части, 1 – в узкой.

Сохранность. Деформирована, нарушено соединение двух ее частей, придававшее объем.

Литература

Бочаров Г.Н. Клад 1822 года из Старой Рязани // Музей. М., 1983. Кн. 4.

Бочаров Г.Н. Художественный металл Древней Руси. X – начало XIII в. М., 1984.

Буланкина Е.В. Клады Старой Рязани // Труды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Рязань, 1998.

Василенко В.М. Русское прикладное искусство: истоки и становление. I век до н.э. – XIII в. н.э. М., 1977.

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. М.–Л., 1936.

Даркевич В.П. Древняя Русь X–XIII вв. // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.

Даркевич В.П. Прикладное искусство домонгольской Руси в собрании Рязанского музея // Музей. М., 1987. Кн. 8.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Записки археолога. Рязань, 1993.
Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М. 1974.
Даркевич В.П. Старая Рязань // Памятники Отечества. Вып.1. 1988.
Даркевич В.П. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970–1979 гг.) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985.
Даркевич В.П. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970–1979 гг.) // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М., 1988. Т. III. Вып. 1а.
Даркевич В.П., Борисевич В.Г. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанские клады. 1967 г. // СА. 1972. № 2.
Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанский клад. 1966 г. // СА. 1967. № 2.
Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978
Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // СА. 1982. № 2.
Даркевич В.П., Фролов В.П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.
Кондаков Н.П. Русские клады. СПб. 1896. Т. I.
Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л., 1954.
Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955.
Монгайт А.Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967.
Оленин А.Н. Рязанские русские древности, или Известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ Старой Рязани. СПб., 1831.
Селиванов А.В. Дневник раскопок в Старой Рязани // ТРУАК. 1888. Т. 3. № 8.
Селиванов А.В. Древности Старой Рязани // Труды АС в Ярославле в 1887 г. Т. II. М., 1891.
Толстой Н., Кондаков Н.И. Русские древности в памятниках древности в памятниках искусства. СПб., 1897.

Е.В. Буланкина, И.Ю. Стрикалов, А.В. Чернецов

Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище

Жены их как в окладах в драгоценных нарядах,
Домы полны, богат их обычай

А. Мицкевич (пер. А.С. Пушкина)

31 июля 2005 г. на Старорязанском городище был обнаружен очередной, 16-й по счету клад ювелирных изделий, происхождение которого связано с драматической историей взятия Старой Рязани полчищами Батыя в декабре 1237 г. Клад был найден на заложенном в 2005 г. новом раскопе 37 в ходе научных раскопок (см. план, помещенный во вступительной статье А.В. Чернецова, рис. 4). Этот новый раскоп был заложен по предложению И.Ю. Стрикалова, который в начале полевого сезона заметил здесь следы сравнительно недавних грабительских раскопок – участок со снятым дерном и поддерновым культурным слоем. Площадь разрушенного участка составила около 50 кв.м. Нарушения культурного слоя фиксировались до глубины 15–20 см, а местами (в центре и юго-восточной части)– до 40 см. Раскоп № 37 расположен в 45 м к северу от раскопа 35 и в 140 м к западу от древних Пронских ворот городища. Отметим,

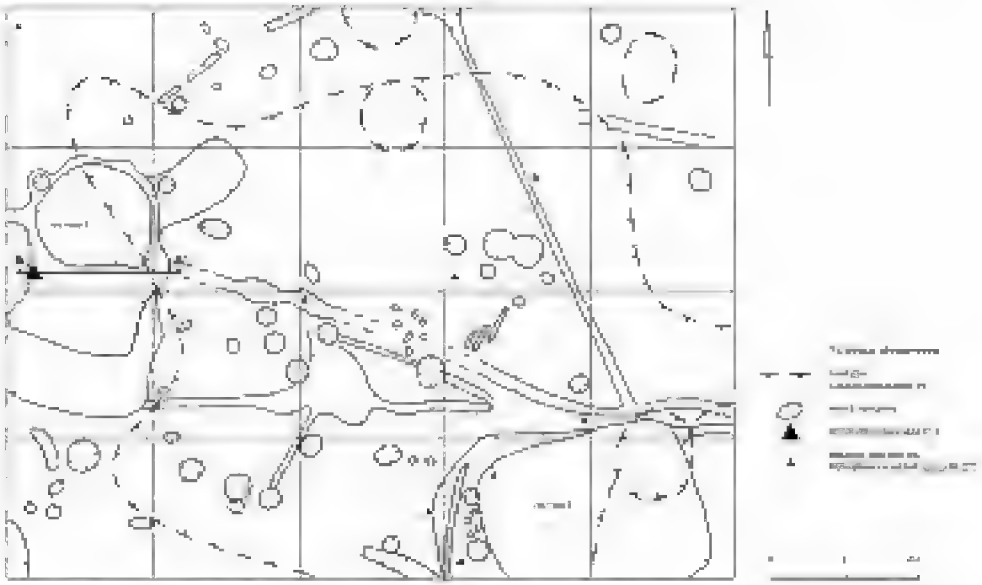


Рис. 1. План раскопа № 37 2005 г.

что раскопы, заложенные начиная с 2003 г. в юго-восточной части Южного городища по следам грабительских раскопов выявили здесь ряд богатых усадеб. Ранее эта часть городища считалась слабо заселенной и мало перспективной. Площадь раскопа 10×8 м; он вытянут с востока на запад. Размеры раскопа определялись размерами грабительской ямы, которая практически полностью в него вписалась (рис. 1).

Рис. 2. Остатки клада, найденного при грабительских раскопках

В верхних слоях раскопа (в выбросах грабительской ямы и в пахотном слое на глубину до 30 см от дневной поверхности) были обнаружены мелкие фрагменты серебряных ювелирных изделий, очевидно остатки клада, «недобранные» кладоискателями (рис. 2). Среди них небольшие обломки многолучевых колтов (окончания «лучиков»), что, скорее всего, свидетельствует о том, что добытый ими клад, подобно многим другим, известным в Старой Рязани, находился в верхнем, пахотном слое и был поврежден и растащен плугом. Утраченный клад включал колодочки для подвески колтов разных типов (т.е от нескольких разных наборов украшений), цепочки с круглыми и каплевидным подвесками от колоколовидных рясен, поврежденный фрагмент верхней части подобных рясен, фрагменты дужек для подвески колтов или трехбусинных колец и т.п.

Клад 2005 г., найденный как единый комплекс в ходе научных раскопок (рис. 3, 5) был обнаружен северо-западном углу раскопа, в примыкающей к раз-

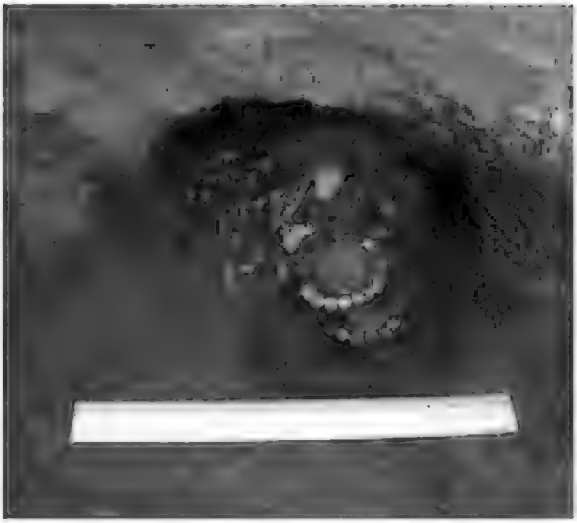


Рис. 3. Клад 2005 г. в процессе расчистки. Вид с востока

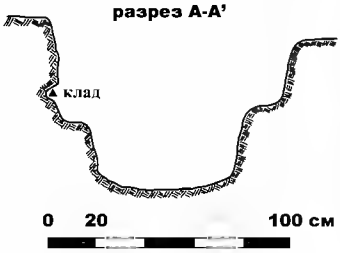


Рис. 4. Разрез ямы, в которой был обнаружен клад 2005 г.

Рис. 5. Комплекс клада 2005 г.

валу печи хозяйственной яме размерами 3×2 м, очевидно, находившейся внутри наземного жилища на территории богатой усадьбы на глубине 95–110 см. При захоронении клада были использованы минимальные усилия – он расположен у стенки ямы в небольшом подбойчике-нише, расположенном на высоте около 45 см от дна ямы (рис. 4). Клад не был замечен кладоискателями по причине достаточно глубокого залегания. В результате он достался исследователям как единый неповрежденный комплекс. Клад состоит из украшений, крепившихся к головному убору и входивших в состав ожерелья. Он включает три уникальных серебряных медальона, с гравировкой и чернью; две височных подвески – колта, украшенных в той же технике и ряд серебряных изделий, декорированных зернью и сканью. Среди них пара подвесок-рясен в форме колокольчиков с длинными привесками, около 30 трехбусинных колец и полуколец, декор которых представлен несколькими вариантами, девять крупных бусин, а также две подвески, украшенные растительными мотивами. Клад представляет собой единый комплекс. При этом трудно себе представить, что три комплекса височных украшений могли носиться одновременно (колты, колоколовидные рясны и украшения из трехбусинных колец). Таким образом, перед нами единичное семейное сокровище, включающее, однако, компоненты нескольких наборов парадного костюма. Степень сохранности находок очень высокая, сохранились даже фрагменты кожи, тесьмы и нитей, что позволяет реконструировать способ крепления украшений.

Предлагаемая вниманию читателей публикация является сугубо предварительной. Детальный анализ вещей, входящих в его состав, представленной на них иконографии, особенностей технологии их изготовления, реконструкция убора потребуют значительного времени. Наконец, исчерпывающая информация о кладе невозможна до завершения работ по его реставрации. Тем не менее, авторы считают необходимым ознакомить научную общественность с найденным уникальным комплексом драгоценных украшений.

Рис. 6. Ожерелье из клада 2005 г.

Рис. 7. Медальоны из клада 2005 г.

Приводим перечень вещей из клада. Учитывая исключительное значение комплекса ожерелья (типа барм – рис. 6) и уникальность входящих в его состав медальонов (рис. 7), начинаем описание клада с них.

Ожерелье

1. Медальон круглый (рис. 8). Ушко биконическое. По центру украшено зернью, по краям – гладкой проволокой. По внешнему краю медальона – гладкая кайма, обрамленная с обеих сторон рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – такие же перемычки, расположенные попарно сверху, снизу и по сторонам. Ушко, кайма и изображенный в центре шестиконечный крест позолочены. Навершие креста имеет вид ромба. Перекладины креста на концах расширяются. Поверхность креста украшена гравированными ромбическими фигурами и насечками. Вертикальная часть креста переходит в П-образное основание (Голгофа), в основании – знак в виде расположенной горизонтально S-видной фигуры. У основания креста – по изображению птицы с каждой стороны, головы их обращены к центру композиции, к кресту, лапы птиц четырехпалые, одной лапой птицы опираются на основание креста. Выше птиц – растительный орнамент. Уверенный, несколько эскизный характер изображений птиц (мелкие детали проработаны не вполне отчетливо), округлые очертания растительных мотивов и фигур указывают на опытного мастера высокой квалификации, по-видимому, известного по гравировке пластинчатых браслетов из клада 1971 г. (ср. совсем другие стилистические черты медальона 2 из клада 2005 г.). Распространенный в христианском искусстве мотив процветшего креста отражает представление о животворящем кресте, который ассоциировался с древом жизни. Птицы по сторонам креста также связаны с этой идеей. Пара птиц по сторонам древа или стилизованного растительного мотива – обычная в древнерусском искусстве

Рис. 8. Медальон из клада 2005 г.

Рис. 9. Медальон из клада 2005 г.

идеограмма райского сада. В контексте женского парадного костюма пара птиц может также связываться с темой плодородия, свадебной символикой.

Размеры: Ø 79 мм; длина ушка 18 мм; Ø ушка max 17 мм; Ø ушка min 7 мм.

2. Медальон круглый (рис. 9). Ушко биконической формы. По краям и центру украшено зернью. По внешнему краю медальона – гладкая кайма шириной 5,5 мм, обрамленная с обеих сторон рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – зерненые же перемычки, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. В центре на черневом фоне – шестиконечный крест, перекладины которого расширяются к концам, поверхность покрыта насечками. Между перекладинами – по одной четырехлепестковой розетке с каждой стороны вертикальной части креста. У основания креста – две птицы, по одной с каждой стороны, головами наружу. Неуклюжие, угловатые фигурки птиц резко контрастируют с изображениями птиц на медальоне 1. Вся композиция обрамлена растительным орнаментом. Узкие ленты с жестким контуром опять-таки сильно отличаются по своему характеру от растительных мотивов меадльона 1. Значительные стилистические отличия между медальоном 1 и медальонами 2 и 3, очевидно изготовленными одновременно в одной мастерской для одного заказчика, свидетельствуют о том, что индивидуальный почерк разных мастеров может очень существенно варьировать в рамках единого «стиля эпохи», и о том, что стилистические отличия не всегда надежны в качестве хронологического индикатора.

Размеры: Ø 72 мм; длина ушка 20 мм; Ø ушка max 15,4 мм; Ø ушка min 6 мм.

3. Медальон круглый (рис. 10). Ушко биконическое. По краям и центру украшено гладкой проволокой. По внешнему краю медальона – гладкая кайма шириной 6 мм, обрамленная с обеих сторон о рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – зерненые перемычки, расположенные на равном расстоянии друг от друга. На белом фоне – черневой восьмиконечный крест, конфигурация которого осложена дополнительными элементами (мотив полумесяца в верхней части, изгибы книзу на центральной перекладине и криновидные мотивы в нижней части). Крест обрамляет черневой растительный орнамент, в который вписаны четыре изображения человеческого лица. Одно – под основанием креста, второе – примыкает к его вершине, перевернуто, два последних – по сторонам креста на уровне двух верхних перекладин. Изображения схематические, волосы (шапки?) вписаны в растительный орнамент. Лица по сторонам креста имеют ворот (ожерелье), изображенные двумя параллельными линиями, соединенными короткими перпендикулярными штрихами. Нижнее изображение снизу имеет сходное обрамление, повторяющее овал лица, у верхнего подобная деталь отсутствует. Чрезвычайно любопытны изображен-

Рис. 10. Медальон из клада 2005 г.

ные на медальоне человеческие личины (то, что их четыре и перевернутая позиция верхней). Ниже предлагается предположительное истолкование композиции. Медальон, по-видимому, изготовлен тем же мастером, что и медальон 2 (менее искусным, чем создатель медальона 1). По своей иконографии (особенности трактовки креста, наличие четырех личин) медальон представляет исключительный интерес.

Размеры: Ø 70 мм; длина ушка 18,5 мм; Ø ушка max 15,5 мм; Ø ушка min 7 мм

Три уникальных медальона из клада 2005 г. являются выдающимися произведениями ювелирного искусства, представляющими большую художественную ценность и значительный научный интерес в плане иконографии и символики изображений.

4–12. 9 серебряных бусин, украшенных зернью (рис. 11). Они представлены тремя типами.

(4, 5). Бусы биконической формы, концы плотно обмотаны сканью примерно на $^1/_3$ длины бусины. Посередине бусины по наибольшему диаметру гладкий выпуклый валик, с обеих сторон обрамленный рядом зерни. Гладкое поле между валиком и сканью украшено зерневыми треугольниками, расположенными поочередно основаниями на валике и на скани. Отверстие для нити обрамлено гладкой проволокой. Одна из бусин имеет несомкнутый ободок, дефект прикрыт зернью.

Размеры:

(4). длина 32,5 мм; Ø бусины max 24 мм; Ø (снаружи) отверстия для нити 7 мм.

(5). длина 33 мм; Ø бусины max 23,5 мм; Ø (снаружи) отверстия для нити 7 мм.

(6). Биконическая бусина без ободка в центре, слегка помята.

Размеры: длина 36 мм; Ø бусины max 20,7 мм; Ø (снаружи)отверстия для нити 6 мм.

(7–12). Бусы биконической формы, концы плотно обмотаны сканью примерно на $^1/_3$ длины бусины. Посередине каждой бусины по наибольшему диаметру гладкий выпуклый валик, с обеих сторон обрамленный рядом зерни. Гладкое поле между валиком и сканью украшено зигзагом из двух рядов зерни, внутри зигзага – ромбы и треугольники из зерни.

Размеры: длина 43 мм; Ø бусины max 25,7 мм; Ø (снаружи) отверстия для нити 5,2 мм.

13, 14. Криновидные подвески (рис. 12). Представляют собой удлиненные пустотелые украшения с четырьмя растительными мотивами в виде геральдичес-

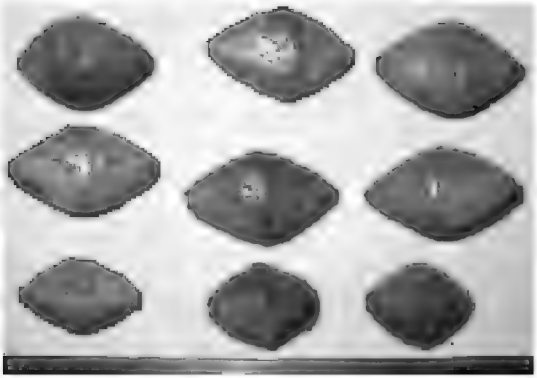


Рис. 11. Бусы из клада 2005 г.

Рис. 12. Криновидные подвески из клада 2005 г.

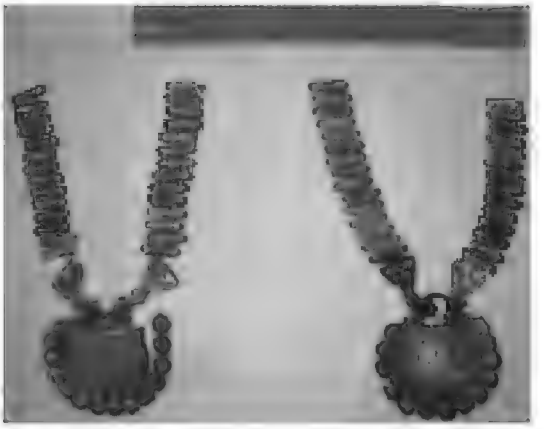


Рис. 13. Колты из клада 2005 г.

кой лилии, расположенными крестообразно. Ушко украшено тремя продольными валиками.

Размеры: длина 46 мм; ширина 28,5 мм; толщина 13,3 мм; ширина ушка 4 мм; Ø ушка 5 мм.

Украшения головного убора

Украшения головного убора включают два чечевицевидных колта, украшенных чернью и гравировкой с набором колодочек для их подвешивания (рис. 13).

15. Колт чечевицевидный с обнизью из 13 гладких шариков (рис. 14). Проволочка, на которую нанизаны шарики сломана и подвязана ниткой. Центральная часть колта окаймлена с обеих сторон сканью. Колт украшен чернью и граивровкой. На лицевой стороне на черневом фоне представлено изображение фантастического животного с четырьмя лапами, двумя крыльями, хвостом и звериной (?) головой. Зооморфный мотив переходит в растительную плетенку, обрамляющую изображение зверя. Крылья изображены в виде узких сужающихся полосок; их соединение с плечевым поясом животного не показано. Крылья как бы выходят из-под груди и спины зверя. Возможно, это указывает на то, что мастер сомневался в существовании крылатых четвероногих и воспринимал мотив как чисто сказочный. Зооморфные мотивы переходят в растительную плетенку, обрамляющую изображение зверя. На обороте асимметричные растительные мотивы. На дужку колта надето два колечка, прикрепленных к привескам, имеющим форму треугольников с ромбом на вершине. Привеска украшена штампованным орнаментом, имитирующий зернь. Привески расположены основанием кверху. Дужка в местах крепления колечек, соединяющих колт с привеской, обмотана тканью. Дужка прикреплена при помощи имеющихся с лицевой и оборотной стороны колта круглых замкнутых петель, перпендикулярно к ним размещена петля для крепления проволочки, на которую нанизаны шарики. Проволочка имеет вторую поддерживающую петлю в нижней части колта.

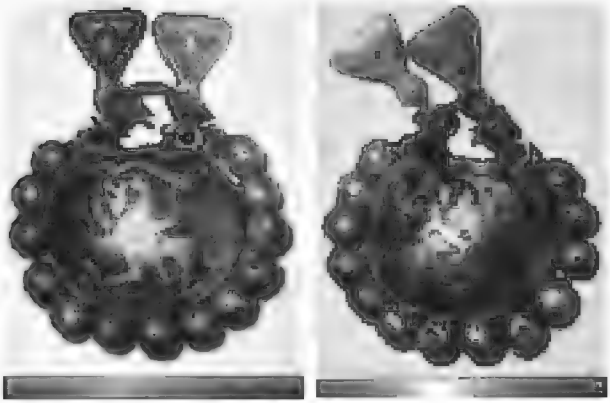


Рис. 14. Колт из клада 2005 г. (лицевая и оборотная стороны)

Размеры: Ø max 77 мм; Ø центральной части 53 мм; Ø шарика обнизи 12 мм; толщина колта 27,4 мм; Размеры привески: длина 31 мм; ширина основания 23 мм.

16. Колт чечевицевидный с обнизью из 14 гладких шариков (рис. 15). Центральная часть колта окаймлена с обеих сторон сканью. На лицевой стороне изображение фантастического животного с четырьмя лапами, хвостом и птичьей головой, обрамленное растительным

орнаментом. Изображение сходно с имеющимся на колте 15, но сильнее смещено вправо, так что почти половина композиции занята плетениями. Оборотная сторона колта закрыта прилипшими остатками кожаной сумки(?), в которой находился клад. На дужку колта надето два колечка, прикрепленных к привескам, имеющим форму треугольника с ромбом на вершине, аналогичных привескам колта 15. Дужка в местах крепления колечек обмотана тканью. Треугольные привески расположены углом к колту, основанием кверху. Дужка прикреплена при помощи имеющихся с лицевой и оборотной стороны колта круглых замкнутых петель, перпендикулярно к ним размещена петля для крепления проволочки, на которую нанизаны шарики. Проволочка имеет вторую поддерживающую петлю в нижней части колта. В отличие от колта 15 данный экземпляр сильно корродирован.

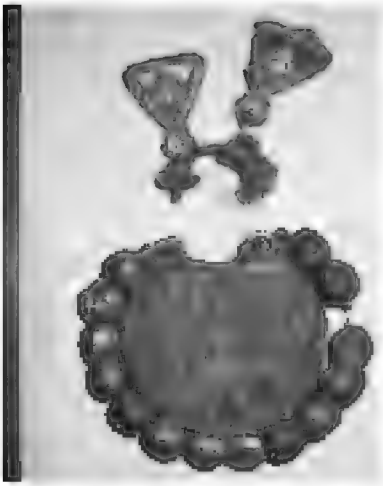


Рис. 15. Колт из клада 2005 г.

Размеры колта: Ø max 77 мм; Ø центральной части 53 мм; Ø шарика обнизи 12 мм; толщина колта 27,4 мм.

Размеры привески: длина 31 мм; ширина основания 23 мм.

Оба колта из клада 2005 г. представляют собой выдающиеся произведения древнерусского искусства. Для них может быть указан ряд аналогий с изображениями грифонов, однако иконография изображений этих существ на колтах из клада 2005 г. отмечена значительным своеобразием.

Для подвешивания колтов использовались колодочки полуцилиндрической формы с поперечными ложбинками, имеющие с каждой стороны – по два или три отверстия для нити. В кладе насчитывается 63 (?) такие колодочки.

Размеры: длина 26 мм; ширина 7,5 мм

17, 18. Подвески-рясны (рис. 16). Верхняя часть имеет колоколовидную форму с глухим дном. Верхняя часть разделена вертикальными рядами шариков зерни (их размер плавно уменьшается снизу вверх) на пять секторов, каждый сектор украшен в нижней части выстроенными пирамидой шестью арочками из скани, обрамленными рядом зерни, внутри арочек – зерневые ромбы, выше орнамент чередуется: в двух секторах – «елочка» с тремя веточками с каждой стороны, составленная из напаянных в ряд шариков, в трех – по три зерневых треугольни-

Рис. 16. Колоколовидные подвески-рясны из клада 2005 г.

ка, стоящих друг на друге вершинами вниз. Зерневыми треугольниками и ромбами украшено пространство между арочками и вертикальными рядами шариков. Донце верхней части орнаментировано проволочными колечками, расположенными радиально: от петли с цепочкой ряд колечек, от свободной петли – треугольник из шести колечек, далее – одно-два колечка, орнамент делит поверхность донца на восемь сегментов. По окружности основания прикреплены 16 колечек, в центре – еще одно. К восьми из колечек по периметру и к одному в центре прикреплены цепочки, которые украшены круглыми привесками, по одной в верхней и средней части цепочек, оканчиваются цепочки каплевидными привесками. Одна из цепочек имеет меньшую, чем остальные, длину, связана с соседней в нижней части. Круглые привески цепочек имеют окаймление из зерневых шариков, в центре – круг из скани, обрамляющий четыре круглых отверстия, также окаймленных сканью. Каплевидные привески окаймлены шариками, скань обрамляет два отверстия, расположенные в широкой части привески. На концах привесок – колечки.

Размеры: верхняя часть высота 45,9 мм; Ø донца38,5 мм; длина ушка 7 мм; Ø ушка 7 мм; длина цепочки: 150 мм (отрезки 17 мм, 32,4 мм, 42 мм; у короткой цепочки 17,4, 20,5, 39,5); Ø круглых привесок 14 мм; длина каплевидных привесок 28,8 мм.

Пара рясен из клада 2005 г. выделяется исключительно хорошей сохранностью.

Наиболее многочисленная часть украшений головного убора из клада 2005 г. представлена трехбусинными кольцами и полукольцами (рис. 17). Часть из них сохранилась в комплексе с тканой основой убора, что исключительно важно для его реконструкции. Трехбусинные украшения можно разделить на четыре группы:

а) 19–21. Трехбусинные кольца. Поверхность каждой бусины разделена на три части, в центре каждой – шарик, вокруг него – зерневые треугольники, располо-

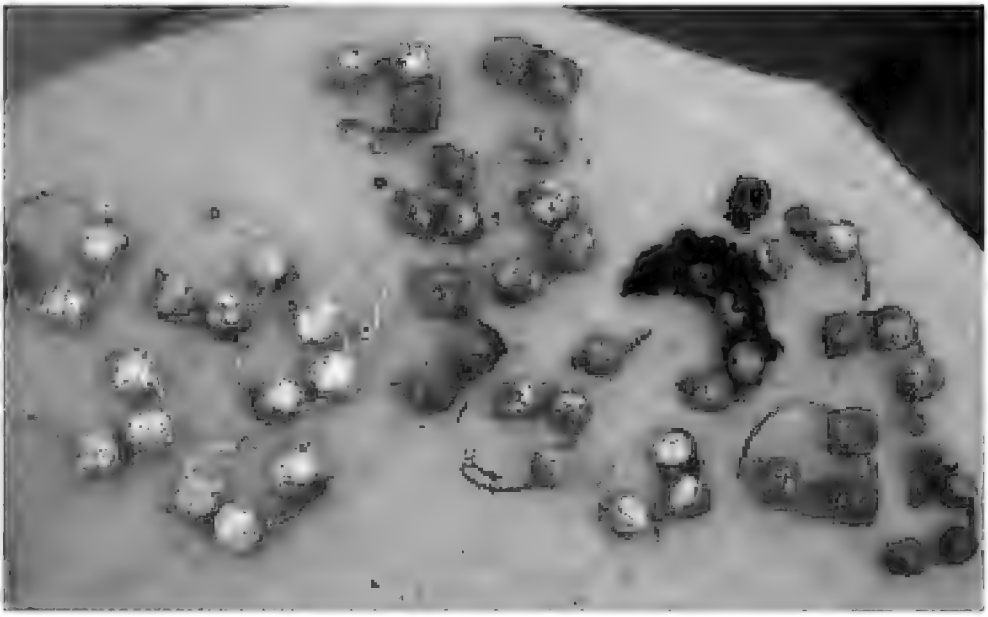


Рис. 17. Трехбусинные кольца и полукольца из клада 2005 г.

женные вершинами к шарику, образуя крестообразный мотив; композиция обрамлена двумя рядами скани. Дужка между бусинами обмотана несколькими витками скани. Концы дужки расклепаны, один завернут в петлю в 2–3 оборота, другой имеет маленькое круглое отверстие.

Размеры: длина дужки 35–38 мм; длина бусины 18 мм.

b) 22–30. Трехбусинные полукольца. Декор бусин аналогичен вышеописанному. Дужка между бусинами обмотана несколькими витками скани. Концы дужки расклепаны и завернуты в петлю в 2–3 оборота.

Размеры: Ø бусины 18 мм.

c) 31–39. Трехбусинные кольца, переделанные в полукольца. Поверхность бусины разделена на три сектора, в центре каждого – шарик, от него отходят по шесть лучей из двух сканных проволочек, композиция окаймлена кольцом из скани. Кроткий конец дужки расклепан и завернут в петлю, длинный с расклепанным, имеющим отверстие концом согнут практически пополам (реже – на одну треть)

d) 40. Трехбусинное полукольцо с гладкими бусинами (как на обнизи колта).

Фрагмент ткани с нашитыми на него трехбусинными полукольцами (рис. 18):

41. Трехбусинное полукольцо с гладкими бусинами (d).

42–45. Трехбусинные полукольца типа «с».

46–48. Три фрагмента (бусины с обломками дужки) полукольца типа «b».

49–55. Фрагменты трехбусинных украшений (два по две бусины, пять одиночных) типа «а».

Общее количество трехбусинных колец и полуколец 37. Еще раз отметим, что напущенные на них бусины представлены тремя разновидностями, различающимися по своему декору, а также то, что в составе клада имеются трехбусинные кольца, полукольца, а также кольца, переделанные в полукольца, очевидно, различавшиеся по своему использованию в составе головного убора.

Прежде чем обратиться к общей характеристике клада и оценке его значения, хотелось бы вернуться к иконографическим особенностям одного из медальонов клада, с необычным рисунком креста, окруженного четырьмя личинами (рис. 10).

Иконография процветшего креста, осложненная изображениями четырех человеческих личин (одна из которых представлена перевернутой), представляет исключительный интерес в плане истолкования скрытой в ней символики. Личина в основании креста могла бы быть истолкована как «лоб Адамов», обычный на изображениях Распятия, однако всегда имеющий вид человеческого черепа, а не личины. Два лика по сторонам креста можно было бы интерпретировать как аллегорические изображения солнца и луны, также обыкновенные на многих подобных композициях. Единственный, но весьма важный иконографический элемент, не позволяющий ограничиться этими традиционными моделями – наличие

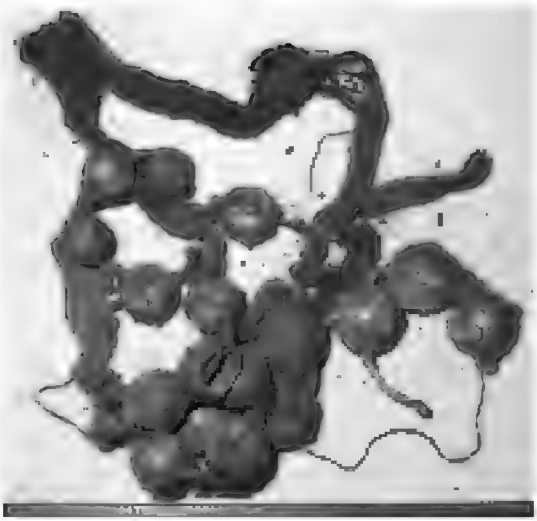


Рис. 18. Фрагменты ткани с прикрепленными к ней полукольцами из клада 2005 г.

четвертой личины, имеющей к тому же необычное перевернутое положение. Четыре личины наводят на мысль о четырех евангелистах, призванных проповедовать евангелие во всех четырех странах света, однако образы последних трактуются традиционно в виде святых, или символизирующих их существ (льва, орла, тельца и ангела); в любом случае при изображении евангелистов в антропоморфном облике они должны иметь нимбы. Учитывая эти соображения, следует остановиться на возможности иной трактовки антропоморфных личин в качестве четырех ветров, также связанных со странами света. В таком контексте, в связи с представлениями о конце света, четыре ветра упоминаются в Новом Завете (Матфей, *24*, *31*; Марк, *13*, *27*). Особенно выразительно упоминание четырех ветров в Апокалипсисе: «видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли...» (Апок., 7, 1).

Отметим, что по средневековым представлениям земля имеет четырехугольную форму и омывается рекой Океаном. На медальоне можно видеть образованную побегами процветшего креста четырехугольную фигуру с вогнутыми сторонами и скругленными углами – мотив, который вполне мог восприниматься как «идеограмма» земли. В соответствии с текстом Нового Завета две личины расположены на углах этой фигуры.

Предложенные допущения могут показаться недостаточно обоснованными, но они находят свое подтверждение в особенностях иконографии основного элемента композиции – креста. Здесь прежде всего имеется в виду наличие у основной перекладины креста отростков, направленных книзу. Эти необычные особенности креста могут быть связаны с переосмыслением значения композиции, коль скоро она воспринималась как изображение креста, вписанное в «идеограмму» земли. В том случае, если «побеги» процветшего креста стали восприниматься как очертания суши, мастер неизбежно должен был вспомнить о локализации креста Господня и Голгофы в контексте мироздания. Согласно общераспространенным средневековым представлениям, Голгофа и Иерусалим расположены в центре земли (там же находится и пресловутый «пуп земли»). По всей вероятности, мастер, коль скоро ему пришло в голову подобное истолкование создаваемой им композиции, должен был стремиться разместить основание креста в центре «земли». По этой причине он отказывается от трактовки наиболее длинной перекладины креста, оказавшейся посередине «земли», как той его части, к которой были пригвождены руки Спасителя. Эта перекладина, оказавшаяся на месте основания креста, превращается в Голгофу, на что указывают изгибы перекладины книзу (не имеющие иного объяснения). Теперь главной перекладиной креста, к которой были пригвождены руки Спасителя, становится его верхняя перекладина, первоначально, очевидно, задуманная как изображение таблички с надписью «Иисус Назорей, царь иудейский».

Предложенная модель заставляет нас признать значительную изменчивость древнерусской иконографии и символики, которая, очевидно, допускала кардинальное переосмысление значения элементов популярных композиций. Действительно, принимая предложенное истолкование, мы должны согласиться с тем, что растительные побеги могли переосмысляться как изображение реки Океан и т.п. Следует, однако, заметить, что вполне аналогичные метаморфозы почитаемых христианских мотивов давно известны. Г.Д. Филимонов (1866) весьма убедительно показал, что мотив процветшего креста обнаруживает ближайшее типологическое родство с мотивами креста, попирающего змея первородного греха или полумесяц. При этом очевидно, что бесспорное генетическое родство иконографии не означает автоматически родства символики соответствующих изображений и их отдельных деталей. Возвращаясь к конкрет-

ным особенностям рассматриваемой композиции отметим, что перевернутое положение верхней личины может объясняться знакомством мастера с пассажем «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова, посвященной антиподам.

Данная интерпретация рассматриваемых особенностей композиции на медальоне заставляет задуматься еще об одном вопросе. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с переосмыслением традиционной композиции, возникшем непосредственно в ходе ее создания (мастером, украшавшим данный медальон, или создателем композиции, которую он воспроизводит). Дело в том, что другим образом трудно объяснить необычайно широкую «Голгофу», которая обычно значительно уже основной перекладины креста и то, что вертикальный столб, основа креста, продолжается книзу от «Голгофы». Полукруглое обрамление, которым завершается нижний конец креста, в которое вписана нижняя личина, является как бы второй Голгофой.

Обнаруженный в 2005 г. клад, естественно, возвращает нас к вопросу о том, где и кем изготовлялись подобные сокровища и кому они принадлежали.

Если в 2005 г. на Старой Рязани был найден 16-й учтенный клад, между тем как раскопано всего 6% укрепленной площади, то это не значит, что мы должны делать из этого слишком прямолинейные выводы. Дело в том, что до 70-х годов прошлого столетия включительно городище распахивалось, и, следовательно, большое число ценностей (и значительное число неучтенных находок), зарытых неглубоко, были выявлены благодаря этому обстоятельству.

16 кладов – это не 16 богатейших владельцев сокровищ. Последние, как показывают материалы Старой Рязани, сознательно рассредоточивали имевшиеся у них ценности. На «усадьбе воеводы» найдено 4 клада, один из них включает золотые изделия (а таких в Старой Рязани только два), другой – наиболее художественные (в частности знаменитый браслет с изображением гусляра). По-видимому, все это принадлежало одному владельцу. В подполье жилища около Спасского собора обнаружены два небольших клада и одна отдельная находка драгоценной серебряной чаши, также, вероятно, принадлежавших одному владельцу. То же касается находки 2005 г. В вышележащих слоях был найден грабителями еще один клад, явно принадлежавший владельцу той же усадьбы. Клады Батыева времени содержат, преимущественно, женские украшения. Однако, судя по нравам эпохи, это было по преимуществу имущество мужчин-дворовладельцев. Отсутствие в составе кладов культовых предметов из ризниц храмов и монастырей, по-видимому, связано с тем, что сокрытие кладов в условиях монголо-татарского нашествия было делом частной инициативы и касалось исключительно личной (семейной) собственности. Церковные ценности, очевидно, в подобных обстоятельствах полностью или практически полностью доставались захватчикам. Показательно, что в Новгороде Великом, не подвергшемся монголо-татарскому разгрому, в ризнице Софийского собора сохранилась значительная серия ранних ювелирных изделий литургического назначения.

Судя по исключительному богатству (прежде всего по трудозатратам на отдельное изделие) клады должны были принадлежать скорее князьям, чем боярам (последние первоначально мало отличались по зажиточности от богатых горожан). Род рязанских князей был весьма многочислен (причем в их среде имели место случаи избиения родственников); вероятно совместное владение Старой Рязанью группой князей-совладельцев (практика, известная позднее в Московском и Рязанском княжествах). В 1237 г. в Старой Рязани помимо великокняжеской семьи находилась вдовствующая княгини и, вполне вероятно, также представители младших ответвлений княжеского рода.

В «Повести о Николе Заразском» в связи с повествованием о взятии Старой Рязани монголами сообщается, что «все узорочье нарочитое богатство рязанское и сродников их киевское и черниговское поимаша», «и все узорочье в казне черниговской и рязанской взято» (Лихачев, 1949. С. 292, 295, 313, 316, 334, 335, 337, 373, 375, 385, 389). Эти сообщения трудно объяснить, если они не заимствованы из ранних источников (поскольку неясно, в чьих интересах мог быть подобный вымысел). Но в таком случае следует полагать, что в Старой Рязани были сосредоточены богатства не только одних рязанских князей, но также черниговских и, возможно, киевских.

Безусловно, в процессе сокрытия старорязанских кладов играли роль не только представители княжеского рода, но и обслуживавшие их ювелиры, у которых могли временно находиться подобные ценности, ключники и иные княжеские чиновники, а также грабители, похитившие сокровища в суматохе, связанной с захватом города монголами.

Обилие в Старой Рязани кладов профессионально изготовленных ювелирных изделий ставит вопрос о том, являлись ли они изделиями местных мастеров и где находились соответствующие мастерские. Отметим, что в кладе 1822 г. присутствует византийская перегородчатая эмаль с пространной греческой надписью (Банк, 1966. С. 308, 309. Рис. 181), что может свидетельствовать о том, что не все вещи в составе кладов были изготовлены на месте. Все же, наиболее вероятно, большинство мастеров были русскими, работавшими в Старой Рязани. При этом необходимо учитывать, что в средние века мастера могли быть «бродячими» (Максим, чьи подписные литейные формочки найдены в Киеве и захолустном Серенске – Медынцева, 1978).

Рассматриваемые в отдельной публикации Л.А. Беляева и А.В. Чернецова две каменные иконки (одна, резанная, несомненно, византийским мастером) имеют на обороте следы использования в качестве литейных форм. Эта редкая особенность, скорее всего местная. Следует отметить, что в средневековой Руси изготовление резных каменных иконок было связано с обслуживанием верхушки общества; художественная резьба по камню и кости обыкновенно совмещалась с ремеслом ювелира. Особенности рассматриваемых старорязанских иконок свидетельствуют о том, что в старорязанской мастерской мог работать византийский ремесленник. Найденные на Северном городище две крупные матрицы для тиснения серебряной или золотой фольги (одна из них с мотивом, наделенным несомненной державной символикой – «Полет Александра Македонского») указывают на то, что где-то поблизости находилась ремесленная мастерская, обслуживавшая княжеский двор.

Литература

Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.–М., 1966.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л., 1954.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском. Тексты // Труды отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1949. Т. VII.

Медынцева А.А. О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Монгайт А.Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967.

Филимонов Г.Д. Значение луны под крестом // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866.

А.А. Медынцева

Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества

Изучение грамотности жителей древнерусских городов – основного показателя уровня культуры – очень затруднено недостаточностью прямых письменных (летописных и литературных) свидетельств. Окраинное положение Рязанского княжества на границе со степью, изнурительные междоусобицы, в которых рязанские князья зачастую использовали половцев как союзников, завершились гибелью многих рязанских городов, в том числе и столицы Рязани, под ударами войск хана Батыя. На долгие столетия могущественное княжество утратило свое значение, даже столица была перенесена, и исчезло само ее название. Лишь в XVIII в. оно вернулось на географические карты России, когда по указу Екатерины II в Рязань был переименован Переяславль Рязанский. Прежняя столица древнерусского княжества была заброшена и сохранилась лишь под именем Старая Рязань.

Особенности истории Рязанского княжества не могли не сказаться на состоянии письменных источников. Рязанские летописи до нас не дошли, некоторые свидетельства по истории княжества сохранились лишь в составе общерусских летописных сводов.

Домонгольская Рязань – столица княжества, богатый и цветущий город с мощными укреплениями, развитым домостроительством, великолепными каменными храмами, украшенными фресками, город искусных ремесленников и многочисленных торговцев, стала известна благодаря долговременным археологическим раскопкам. Хотя археологические исследования городища спорадически проводились на протяжении XIX в., подлинно научные, масштабные раскопки были проведены в 1945–1950 гг. под руководством А.Л. Монгайта. Они были продолжены в 1966–1979 г. (руководитель В.П. Даркевич) и продолжаются в настоящее время под руководством А.В. Чернецова. В процессе раскопок и в качестве случайных находок было обнаружено немало эпиграфических источников: надписей на различных предметах, граффити на стенах храмов, – практически единственных свидетельств грамотности жителей древней Рязани. Но сведения о них, разбросанные в разных изданиях, не давали цельного представления о высоком уровне не только материальной, но письменной культуры этого времени.

Помимо надписей были найдены многочисленные писала, застежки и накладки на книжные переплеты – вещественные свидетельства использования книгой и письмом (Монгайт, 1955. С. 179, 180. Рис. 24, 25, 38, 139, *2, 8, 16, 17*; см. также: Даркевич, Борисевич, 1995.). Находки такого рода были известны уже давно, хотя назначение книжных застежек определено только в последние десятилетия, ранее их называли амулетами. Но только полное комплексное исследование всего известного к тому времени эпиграфического материала позволило судить об

уровне грамотности и образованности жителей столицы Рязанского княжества (Медынцева, 1988. С. 247–255).

Обнаруженные в последние годы новые эпиграфические находки, в том числе и более позднего времени, расширяют наши представления об уровне письменной культуры древнего города. Для получения целостного представления о грамотности и образованности его жителей необходимо рассмотреть как основные результаты прежних исследований, так и вновь открытые надписи.

Оказалось, что в Старой Рязани обнаружены почти все категории эпиграфических находок, что подтверждает высокую письменную культуру жителей солицы княжества.

В первую очередь внимание привлекает находка двух надписей на пряслицах (случайные находки), сделанных едва ли не первыми в этой категории источников: на одном из них прочитано имя «Молодило», на втором – обозначена принадлежность «княжее». Хотя имя «Молодило» мужское, а вторая надпись тоже указывает на владельца-мужчину (князя), обе надписи свидетельствуют о грамотности женщин. Очевидно, это подарки грамотных мужчин своим избранницам, которых тоже следует счесть грамотными, иначе надписывать пряслица не имело бы смысла. Это подтверждается сравнительной редкостью надписей на пряслицах, в то время как орнаменты, метки, знаки, рисунки, помогающие владелицам отличить свою вещь от им подобных предметов женского обихода, – явление довольно обычное.

Другая, широко известная надпись из Старой Рязани – надпись на корчаге (обнаруженная в 1948 г.), несмотря на, казалось бы, полную ясность в прочтении, вызывала долгие сомнения в интерпретации. Это фрагмент корчаги с ручкой, на которой полностью сохранилась начерченная на уже обожженном сосуде надпись-граффити в четыре строки: «Новое вино добрило послал князю Богунка»(рис. 1). Это одна из самых пространных и хорошо сохранившихся надписей на корчагах – целое послание князю по случаю отправки вина в Рязань. Тем не менее с истолкованием и датировкой ее далеко не все ясно. Смущало наличие двух собственных имен (Добрило, Богунка), из которых ни одно не является княжеским. Отправитель вина – Богунка (уменьшительное от Богуслав, Богу-хвал), его имя выделено более крупными буквами. Известное по другим источникам имя «Добрило» тоже не может принадлежать князю, к тому же связать его со словом «князю» мешает падежная несогласованность. Поэтому А.Л. Монгайт при публикации надписи, ссылаясь на мнение Б.А. Рыбакова, высказал предположение, что «добрило» – не имя собственное, а название сорта вина (Монгайт, 1949. С. 161).

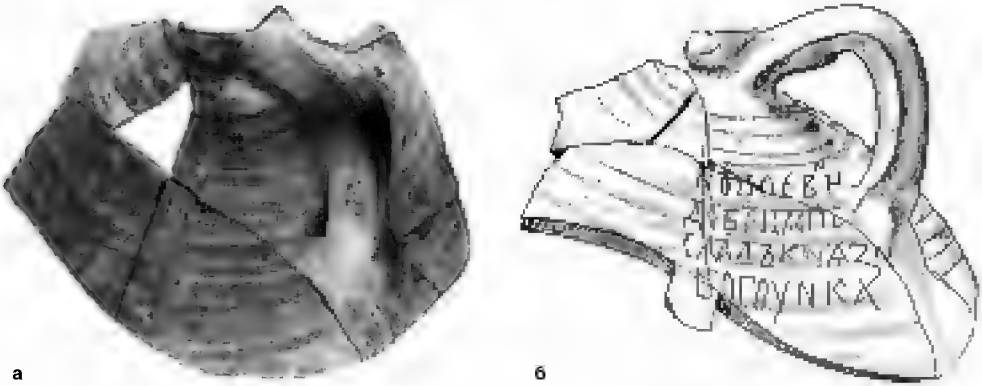


Рис. 1. Надпись на корчаге (раскопки А.Л. Монгайта, 1948 г.)

Но следует еще раз подчеркнуть, что при сохранении общего смысла толкования надписи, с ее переводом не все ясно. Скорее всего «добрило» – не имя собственное, а прилагательное, образованное с помощью суффикса «*l*» от глагола «добрити» по типу прилагательных «кисел», «гнил», «тепл» и т.д., поэтому «добрило» – эквивалент «доброе», «улучшенное». Таким образом, полностью становится ясным перевод: «Новое вино доброе послал князю Богунка». К сожалению, имя князя остается неизвестным. Уточняется и датировка надписи. А.Л. Монгайт датировал ее концом XI – 1-й половиной XII в., ссылаясь на стратиграфию и палеографические особенности. Но указанные им особенности свойственны всему XII в., в то время как некоторые черты более поздней графики – «оплывшие» петли букв, выносное «^{N}», пропущенные слабые глухие – указывают на XII–XIII вв. Корчага, на фрагменте которой обнаружена надпись, относится к типу, распространенному в XII–XIII вв., что согласуется с датировкой надписи.

Из Старой Рязани происходит еще целая серия редких надписей, найденных при раскопках Успенского собора. На боковых поверхностях нескольких кирпичей обнаружены выпуклые надписи однотипного содержания. Они были вырезаны на деревянной форме для кирпичей и поэтому отпечатались «зеркально». Прочтение их затруднено «смазанностью» и непропечатанностью значительной части букв. Издатель (А.Л. Монгайт) предположил, что эти подписи представляют клеймо мастера, которое он прочел как «Яков тв [орил]» – Яков сделал (Монгайт, 1949. Рис. 9). Наиболее сохранившаяся из этих надписей как будто подтверждает такое прочтение: если читать слева направо – **НКОВЪ**, далее отчетливо читается **Т** и нижняя часть **Ъ** или **В**. Таким образом, для прочтения надписи подобным образом есть некоторые основания.

При раскопках другого – Борисоглебского – собора в 2004 г. (руководитель Л.А. Беляев, любезно предоставивший материал для публикации) обнаружена еще одна плинфа с надписью – клеймом. На боковой части фрагмента плинфы полностью сохранилась выпуклая надпись, также, очевидно, первоначально вырезанная на деревянной форме и отпечатавшаяся «зеркально» (рис. 2) и читать ее следует слева направо. Первые две буквы несомненны – это **М** и **А**; прочтение следующей вызывает некоторые сомнения: на глине отпечатался какой-то знак, напоминающий «ижицу» или глаголическое «веди», но две последующие буквы вполне ясны – это **О** и **К**. Таким образом, все слово **МА-ОК**. В контексте легко расшифровывается «загадочный» третий знак: вероятно, мастер сначала вырезал **Р** с маленькой незамкнутой верхней петлей, но потом, учитывая ее зеркальность, добавил новую петлю, исправив первоначальный вариант. Таким образом, все слово читается как «**МАРОК**». Скорее всего, это клеймо – имя мастера. Обращает внимание отсутствие обязательного конечного **Ъ**, хотя места для него достаточно, сохранность плинфы позволяет утверждать это с уверенностью. Но автором его не мог быть греческий мастер, так как греческий вариант имени, наиболее отвечающий прочитанному, – «Μάρκος». Объяснить появление необычного имени может «зеркальность» подпи-

Рис. 2. Надпись-клеймо на плинфе из раскопа № 29 (руины Борисоглебского собора, 2004 г.)

си и попытка мастера ее преодолеть: помимо исправленного **Р** он поменял местами **О** и **К**. В таком случае, восстановив порядок, можно прочесть «**МАРКО**», уменьшительное от канонического «**МАРК**». Можно допустить, что здесь **О** заменяет собой **Ъ**, как в некоторых рукописях, берестяных грамотах и граффити – т.н. неупорядоченное употребление **Ъ/О**, что характерно в основном для памятников Северо-Западной Руси. Особенности исполнения подписи (ее «зеркальность») не позволяют настаивать на таком предположении, в то же время первый вариант прочтения (Марко) подтверждается как самой каноничностью имени, так и распространенностью уменьшительной (звательной) формы в других древнерусских надписях. Для палеографической датировки данных мало. Обращает внимание широкое **М** с провисшей серединой и широкими плечами. В датированных надписях такое написание встречается в древнейших надписях – середины XI – рубежа XI–XIII вв. (Рыбаков, 1964: хронологический график буквы **М**), в то же время **М** похожей формы отмечено в берестяных грамотах от XI до XIII в., иногда встречается и позднее (Зализняк, 2000. С. 176–177. Табл. 14). Напротив, начертание **Р** (в строке, с округлой незамкнутой головкой, является ранним признаком как в надписях, так и в берестяных грамотах. В последних аналогичная форма отмечена только в одной грамоте (№ 421), датированной около 1120 г.; другие формы, объединенные издателями в одну строку по принципу написания в «строке», к данному начертанию отношение не имеют (Зализняк, 2000. С. 182. Табл. 18).

К архаичным начертаниям относится и остроугольная **А** с отсечкой, **К** – симметрична. Таким образом, палеография надписи указывает на домонгольское время, возможно на XII в., но настаивать на такой датировке при крайне ограниченном материале невозможно. Вероятно, более точную датировку может дать дата строительства храма, которая приблизительно определяется серединой XII в. Подробнее о возможной дате его строительства, наименовании и назначении будет сказано несколько позже, после рассмотрения других эпиграфических находок, с ним связанных.

При раскопках того же храма (в 2004 г.) была сделана поистине уникальная находка: это два небольших фрагмента стекла (совпадающих при соединении), на которых видны остатки букв, написанных золотом по темному (черно-зеленому) фону (рис. 3). Значение первой буквы несомненно – это **А** в круге, что означает сокращение греческого слова «агиос». Следовательно, далее должно быть написано имя святого. Первая буква – **К** или **В**, далее **О**, чтение остальных двух проблематично: третий знак – либо «ижица», либо «пси» в виде цветка лилии, последний знак напоминает **Ъ**. Но сочетание предыдущих двух – **О** и **Ѵ**(?) – вызывает сомнение в прочтении последнего сохранившегося знака как **Ъ**, так как он не может следовать за гласной. Вероятнее, что это остатки буквы **З** («земля»), так называемой «**Ъ**-образной», а тонкая золотая линия по нижнему краю строки – декоративная, прочерченная под более широкой золотой полосой, что отчетливо прослеживается по

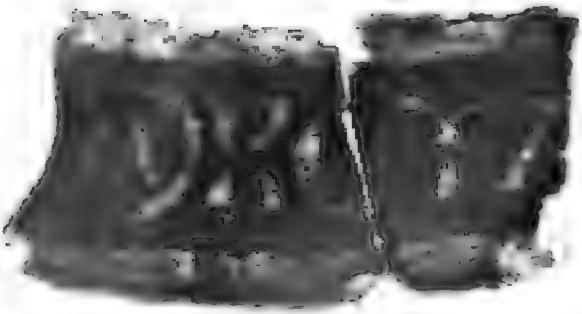


Рис. 3. Надпись на фрагментах витражного стекла (руины Борисоглебского собора, 2004 г.)

всей поверхности сохранившегося фрагмента. В письме по бересте такие формы отмечены в группе грамот, датируемых промежутком времени от 20-х до 80-х годов XIII в., другая группа подобных начертаний относится к 1-й половине XIII в. (Зализняк, 2000. С. 168). Написание на пластинке (золотое письмо) отличается декоративностью, четкостью и уверенностью линий. «Ижица» по начертанию очень напоминает «пси» в «виде цветка лилии» с декоративным перечеркиванием под чашечкой, широко раскрытыми лепестками и низким пестиком. В.Н. Щепкин отмечает, что подобные формы по сути своей являются греческими уставными типами XI в., нашедшими отражение в русской графике с опозданием почти на столетие, а форма с широко раскрытой чашечкой и низким пестиком характерна для русских рукописей XIII в. (Щепкин, 1967. С. 113). Если истолковать эту форму как «пси», то следующая буква могла быть **Ѣ**, а все слово – сокращенное «писал». Но контекст, насколько можно судить по сохранившимся буквам, препятствует такому прочтению, несмотря на то что «ижица» в декоративных византийских и русских надписях XI в., хотя и использует декоративную точку, обычно пишется с более узкой и глубокой чашечкой (например, в надписях Софии Киевской), к тому же предпоследний знак лишь по форме напоминает «пси». Поэтому логично предположить, что перед нами надпись, называющая имя святого: **а коуз**..... (агис Козьма?). Фрагментарность находки оставляет нерешенными многие вопросы, прежде всего – неясно назначение стеклянной пластины. Судя по форме, это плоское закругленное стекло, на котором присутствовало изображение святого с надписью, может быть часть витража или дробница реликвария. Проблематична и ее датировка, хотя единственная буква, в прочтении которой нет сомнения, – **А** с незамкнутой оплывшей петлей и отчеркиванием – встречается в конце XII – начале XIII в., например, в надписях серии иконок мастерской Тудора (Медынцева, 2000. С. 172, 173, 180). На то же время, по-видимому, указывают и другие буквы, если они восстановлены правильно. Византийский облик письма и предполагаемое назначение стекла с росписью золотом заставляет предположить византийское происхождение предмета, но форма имени святого «**Куз**[**ма**]», вместо греческого «Κοσμᾶς», скорее указывает на русское исполнение.

Таким образом, этот предмет и по назначению и датировке во многом остается загадочным. Несомненна его связь с храмом, хотя стратиграфической даты нет, поскольку стекло найдено в разрушенном погребении стенного склепа северного притвора храма, но общая датировка слоя совпадает с предложенной выше – XII–XIII вв.

Из раскопок этого храма происходит и значительное количество надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденных в различное время: большая часть в 1948 г. при раскопках храма экспедицией под руководством А.Л. Монгайта, другая – при продолжении раскопок под руководством В.П. Даркевича. Это весьма значительный и интересный материал уже получил прочтение и истолкование (Медынцева, 1988), но необходимо, хотя бы в общих чертах, вернуться к нему в рамках данной статьи. Хотя надписи по большей части фрагментарны, они содержат важный материал. Помимо традиционных надписей, обычных для храма: молитвенных, рисунков, крестов, монограмм, выделяются надписи и рисунки на одном из фрагментов штукатурки с профессионально выполненными заглавными буквицами (инициалами), орнаментами, в исполнении которых проявляется рука опытного писца-профессионала. Среди этих «проб пера» привлекает внимание имя «Игорь», написанное вне обычного контекста молитвенной формулы или глагола «писал» (рис. 4, *1*). Имя «Игорь» по источникам известно лишь как княжеское и к тому же довольно редкое. Согласно летописям, в Рязани было лишь два князя с таким именем. В Никоновской летописи под

1147 г. сообщается, что князем стал Игорь Святославич, по другим – Давыдович. Другой Игорь – Глебович – упоминается вместе с братьями Романом и Владимиром в 1182 г. (ПРСЛ. Т. 10. С. 18). О его смерти в 1194 г. сообщает ряд летописей. В Никоновской летописи это известие дополнено данными о месте захоронения князя: «Положен во граде Рязани в церкви каменной святых мученик Бориса и Глеба» (ПРСЛ. Т. 9. С. 36).

Большинство исследователей признает авторитетность этого сообщения о месте погребения Игоря Глебовича. Однако А.Г. Кузьмин, исследователь рязанского летописания, предположил, что это сообщение имеет в виду собор Бориса и Глеба в Переяславле Рязанском (Кузьмин, 1965. С. 122–123). В связи с атрибуцией раскопанного храма следует еще раз вернуться к истории его изучения. Большинство исследователей именно этот храм отождествляет с Борисоглебским, впервые упомянутым в летописи под 1195 г. Для такого отождествления есть серьезные основания. Прежде всего, рядом с раскопками этого храма до 1836 г. существовала ветхая деревянная Борисоглебская церковь. Кроме того, сам характер постройки, украшенной фресками и резьбой, витражами(?), погребениями знати, обнаруженными при раскопках, говорит о том, что это был главный храм древней Рязани (Вагнер, 1963. С. 19–23). К этим аргументам в специальной статье Г.К. Вагнер добавляет также такой важный, как топография: расположение храма на набережной, в княжеско-боярской части города, где и должен был располагаться главный княжеский собор, посвященный патрональным святым рязанских князей. Анализ исторической обстановки XII в. и архитектурных особенностей храма позволили ему высказать убедительное предположение о строительстве этого храма Глебом Ростиславичем (1155–1177 гг.).

Надпись-граффити с именем Игоря еще раз подтверждает предположение о строительстве храма Глебом Ростиславичем и летописные сообщения о захоро-

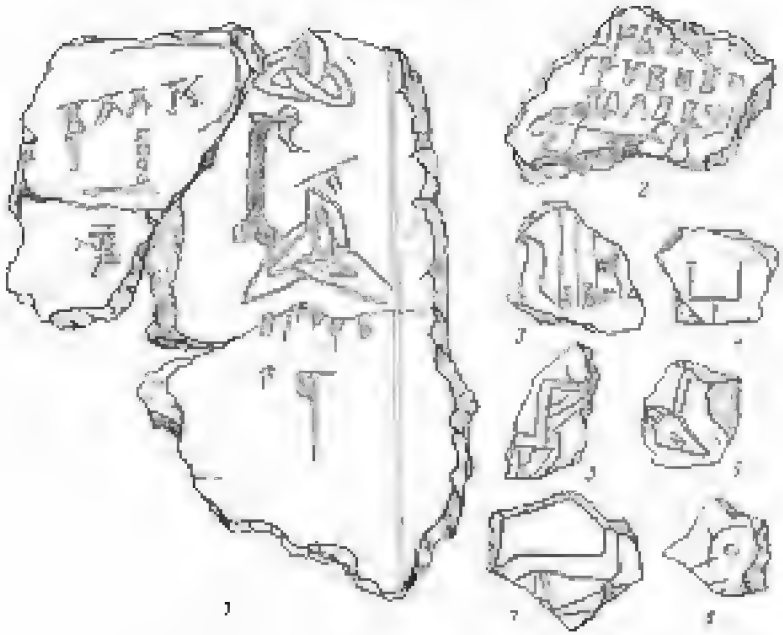


Рис. 4. Надписи-граффити на обломках штукатурки Борисоглебского собора (из раскопок А.Л. Монгайта и В.П. Даркевича)

нении Игоря (сына Глеба) в этом храме. Конечно, неясно, какое событие послужило непосредственной причиной появления надписи; скорее всего какие-то события из жизни этого князя, а возможно, и его захоронение в этом храме дало повод книжнику-профессионалу для своеобразной «пробы пера» на церковной стене.

Другие надписи (рис. 4, *2*) – хозяйственные: «о получении гривны от половника», «о получении торговой пошлины по осени» (Медынцева, 1988. С. 255–253) – выделяют храм из обычных церковных построек. Среди них обращает внимание небольшой обрывок надписи, прочерченный византийской скорописью. Греческие граффити – достаточно редкое явление даже для кафедральных храмов Киева и Новгорода. Эта надпись – свидетельство не только грамотности, но и определенной образованности писавшего.

Исключительный интерес представляет небольшой обломок штукатурки, на котором начерчен рисунок левой человеческой ладони (рис. 4, *3*). В основании пальцев буквы **А**, **В**, **Г**, **Д**, выше начало следующего ряда – **Ѕ**, **З**. Хотя рисунок сохранился фрагментарно и записи на нем не закончены, определение граффити не составляет труда: это рисунок так называемой «пасхальной руки», по другим источникам – «руки Иоанна Богослова». Так назывались специальные таблицы для определения дня, на который приходился праздник Пасхи, от чего зависели остальные даты переходящих церковных праздников.

Первой задачей в этих сложных расчетах явилось определение дня, с которого начинался год. В календарном году – 52 недели плюс 1 или 2 дня, в зависимости от того, является ли год високосным или нет. Поэтому воскресные дни перемещаются из года в год, совершая полный цикл за 28 лет. Этот период называется «кругом солнца». Весеннее полнолуние в зависимости от «лунных» месяцев совершает полный цикл в период, равный 19 годам («лунный круг«). Согласно определению первого вселенского собора в 325 г., день Пасхи приходился на первое воскресение вслед за весенним полнолунием. Таким образом, для определения Пасхи нужно было вычислить день полнолуния и ближайший воскресный день. Все числа календарного года расписывались в определенной последовательности по первым семи (согласно числу дней в неделе) буквам-цифрам кирилловского алфавита. Таким путем каждая буква связывалась с определенным днем недели; та из них, которая приходилась на первое воскресенье в данном году, называлась «вруцелетом года» (Каменцева, 1967. С. 98–102).

Для определения «вруцелета» и была предназначена таблица из Старой Рязани – буквальное изображение «в руце лета». Рисунок остался незаконченным, вероятно, потому, что автор его слишком близко начал второй ряд к первому и буквы слились. Заметив ошибку, писец оставил рисунок незавершенным. Ближайшую аналогию ему представляет таблица XIII в., начерченная на стене Софии в Киеве (Высоцкий, 1976. С. 202–205). Отличие ее от рязанской – в ее завершенности и в ином оформлении: она представляет собой 28 клеток, в которых в определенной последовательности повторяются семь букв – условные обозначения дней недели – седьмиц. Другая аналогия – изображение на л. 394 в служебнике 1-й половины XIV в., предположительно также происходящем из Рязани, где наряду с другими календарными расчетами и записями помещено изображение обеих рук (Вздорнов, 1980. № 14). Таким образом, назначение рязанского рисунка сомнений не вызывает. Хотя это только первый этап пасхальных расчетов, и для определения дня Пасхи нужны были дальнейшие сложные расчеты, ясно, что перед нами упражнение в их проведении, записанное на церковной стене.

Очень важна датировка этого рисунка. Хотя сам рисунок по палеографическим признакам датировать трудно, его дата, вероятно, не выходит за пределы

XII–XIII вв., так как весь комплекс граффити датируется приблизительно этим же временем. Как предполагают исследователи, храм был разрушен во время взятия Рязани Батыем в 1237 г., следовательно – и этот рисунок пасхальной руки на фресковой штукатурке не может быть датирован более поздним временем. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что не только в общепризнанных культурных центрах (например, Киеве), но и в столице окраинного княжества (Рязани), проводились достаточно сложные календарно-астрономические расчеты. Рисунок из Борисоглебского храма, начерченный, вероятно, для тренировки в процессе обучения, – прямое доказательство этому.

Значительный эпиграфический материал, полученный при раскопках, добавляет новые данные о статусе самого Борисоглебского храма. Как уже говорилось, Г.К. Вагнер, считая его вслед за А.Л. Монгайтом княжеским, допускал, что после образования Рязанской епархии он мог стать одновременно и кафедральным, подобно черниговскому Спасскому собору. Наличие профессионально выполненной надписи – имени Игоря (Святославича?) – подтверждает связь храма с княжеской семьей, и это предположение становится еще более достоверным. Вне сомнений, какое-то время этот храм выполнял роль княжеского патронального храма. Когда строился этот храм (по предположению исследователей, Глебом Ростиславичем), Рязанская епархия еще входила в состав Черниговской. Время выделения Рязанской епархии известно лишь по сообщению, сохранившемуся в трудах В.Н. Татищева, – 1198 г., но оно хорошо увязывается с текстом летописей (Кузьмин, 1965. С. 127). Логичным выглядит предположение, что Борисоглебская церковь становится после этого кафедральным храмом Рязанской (точнее, Борисоглебской) епархии.

Характер археологического материала (в том числе и эпиграфического), связанного с этим храмом: фресковая роспись, витражи(?), богатые погребения, многочисленные граффити, книжные орнаменты, греческая скоропись, фрагменты хозяйственных записей, в которых оговаривается время получения торговой пошлины, и особенно учебная таблица по расчету пасхалий, выделяет Борисоглебский храм из числа других. Скорее всего, в XII–XIII вв. это уже кафедральный собор, резиденция епископа, где велась хозяйственная документация, где обучали письму и переписывались рукописи, украшенные орнаментами и инициалами, где были образованные книжники, знавшие греческий язык, и где, наконец, велось обучение не только письму, но и сложным календарным расчетам. Уместно еще раз напомнить, что подобные расчеты обнаружены лишь среди граффити Киевского храма Софии, там же известно небольшое количество обрывков греческих надписей, и только одна – в Новгородском Софийском соборе.

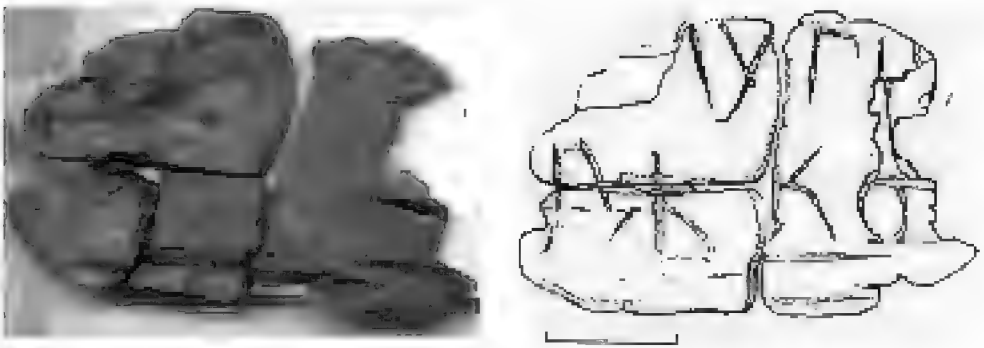


Рис. 5. Фрагменты берестяной грамоты из раскопа № 27 (1997 г.)

В 1997 г. было совершено еще одно открытие: на посаде Старой Рязани найдены три небольших фрагмента бересты (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 29). При сложении они образуют единый фрагмент, на котором можно различить остатки 7 букв, расположенных в две строки:

(Л) ѴГ (Н)
(Д) ѣ К О

Бесспорно чтение второй и третьей буквы (Ѵ Г) в первой строке. У первой буквы читается лишь правая наклонная черта – возможно, это Л. Во второй строке первая буква по сохранившимся штрихам восстанавливается как Д, целиком расположенная в строке. Как возможный вариант можно допустить ее чтение как Р, тоже в строке, с прямой спинкой и треугольной головкой, но этому варианту препятствует ясно видная черта от ножки Д. Следующая буква, хотя и находится на стыке разлома бересты, читается отчетливо – это ѣ с треугольной петлей и «коромыслом», расположенным несколько ниже уровня строки, затем прочерчена К в три приема, с изогнутым «коленом», последняя буква – О из двух несомкнутых в нижней части изогнутых линий. Достоверная реконструкция текста невозможна. Как один из вариантов можно допустить такое разделение на слова: (Л) ѴГ (Н) [Б] Ѵ(Д) ѣ К О..., где первое слово – производное от «луг«, во второй строке – производное от глагола «быть» с Є вместо ѣ, КО – предлог. Так же предположительна и палеографическая датировка. В качестве хронологических признаков могут быть использованы Ѵ (вместо дифтонга ОѴ) и ѣ с треугольной петлей в строке. Первое начертание обычно в рукописях с XIII в., второе – со 2-й половины XII – XIII в. (Щепкин, 1967. С. 111, 116). Но в берестяных грамотах архаичное написание ѣ в строке используется на протяжении всего периода их существования (от XI до XV в.), и поэтому данная примета не может быть использована, но Ѵ в надписях и берестяных грамотах, хотя изредка используется и в более раннее время, все же более распространенной становится именно с XIII в. Поэтому предположительно можно отнести обрывок грамоты из Рязани к XII–XIII вв., что совпадает с данными археологическими, которым и в данном случае следует отдать предпочтение.

Несмотря на фрагментарность, условность прочтения и датировки, следует отметить, что находка берестяной грамоты в Старой Рязани, где культурный

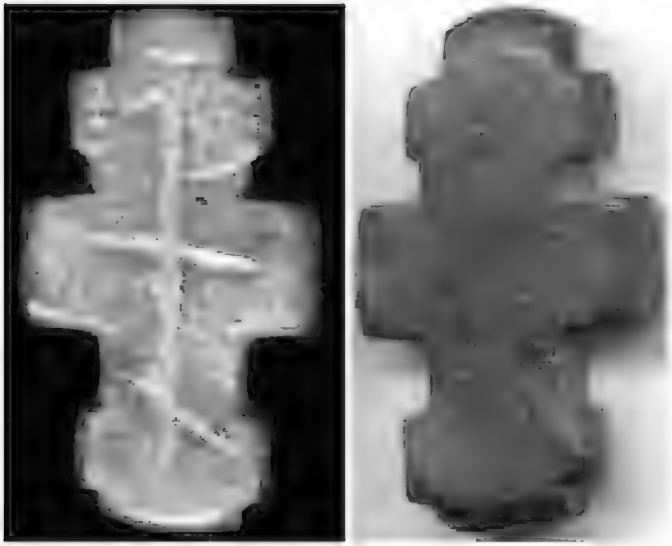


Рис 6. Каменный наперсный крест (раскоп № 25, 1995 г.)

слой не сохраняет органические остатки, очень важна, так как позволяет предположить, что письмо на бересте использовалось ее жителями в более широких масштабах, чем можно судить по археологическим данным.

Все перечисленные выше эпиграфические находки относятся к домонгольскому времени, но следующая говорит о том, что жизнь в городе не прекращалась и позднее (рис. 6). На Южном городище в поврежденном пахотой слое обнаружен каменный наперсный крест из розового шифера, на котором сохранились и надписи (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 28. Рис. 11).

На лицевой стороне, вокруг гравированного изображения восьмиконечного креста прочерчена традиционная надпись

ІСѴ / ХЪ / НН КА (Иисус Христос ника).

Необычно сокращение имени Иисус, титло отсутствует. На оборотной, сильно потертой – следы надписи, начерченной тем же почерком:

СѴ (В) О / Ѵ (ЄН)... К (?).

Содержание ее неясно, две первые буквы под титлом можно прочесть как неумело сокращенное «**ІИСѴСЪ**» – подобно надписи на лицевой стороне. Дальнейшие буквы стерты. Можно лишь различить **О** в конце первой строки и первую **Ч** во второй. Другим почерком поверх стертой надписи начерчено: **АМ [І] НЪ**. Для палеографических наблюдений важно начертание **Ъ** – на лицевой стороне с петлей во всю величину буквы. Подобное начертание в рукописях появляются в конце XIII в. и становится типичным в XIV в. (Щепкин, 1967. С. 116–117. Рис. 57), в эпиграфике используется на протяжении XIV в. (Рыбаков, 1964. № 48, 50) и в начале XV в. (Николаева, 1971. С. 171. № 2). Характерно крестообразное начертание і (десятиричного). В памятниках эпиграфики оно встречается редко, отмечено лишь в конце XIII в. (Рыбаков, 1964. № 44), в берестяных грамотах такое начертание появляется во 2-й половине XIII в., и довольно часто используется в XIV– XV в. (Зализняк, 2000. Табл. 11). О том же времени свидетельствует написание **Ѵ** (без **О**). Начертание Ъ с квадратной петлей ограничены временем: конец XIV – XV в. (Рыбаков, 1964. № 55; Николаева, 1971. Табл. 81. № 2). Более архаичные (XI–XIII вв.) имеют **Н** (наш) и **Н** (иже). Датирующее значение имеет начертание **К** с резким изломом «колена». В датированных надписях подобная форма встречена только в середине XIV в. (Рыбаков, 1964. № 51, 53), в берестяных грамотах – в конце XIV – начале XV в. (Зализняк, 2000. Табл. 2).

Таким образом, палеографические признаки определенно указывают на послемонгольское время; широкая палеографическая дата – конец XIII – начало XV в., но наиболее вероятной представляется конец XIV – начало XV в.

Подводя итоги изучения эпиграфического материала из Старой Рязани следует сделать вывод о том, по уровню грамотности ее населения она не только уступала другим княжествам, но и превосходила многие: из культурного слоя этого древнерусского города происходят и надписи на пряслицах, и на амфорной керамике, граффити на штукатурке и подписи – клейма на плинфах из раскопок двух храмов. Один из них – Борисоглебский – был, очевидно, и учебным и письменным центром, где образованные книжники не только обучали письму и сложным календарным расчетам, но, возможно, и вели местную, рязанскую летопись. Находка фрагмента берестяной грамоты включает Рязань в список городов, где велась частная переписка на бересте. Среди грамотных людей того времени были княжеские люди и ремесленники, женщины, высокообразованные книжники из кафедрального собора и, вероятно, рядовые горожане.

После разорения ордами Батыя Рязань постепенно утрачивает свое значение и уступает место стольного города соседнему Переяславлю. Но как показывают

археологические раскопки (Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 30), жизнь на городище Старая Рязань и после монголо-татарского разгрома продолжается. Не прерывается и письменная традиция, об этом говорят и эпиграфические находки: крестик с надписями XIV–XV вв., переписка в 1294 г. для Рязанской епархии свода законов – Рязанской кормчей, находка медной пластины от золоченых церковных дверей, датируемых XIV в. (Монгайт, 1955. С. 139, 141; Лазарев, 1953. С. 436). Связь последнего памятника именно со Старой Рязанью проблематична, хотя несомненна с Рязанским княжеством. Но, вероятно, грамотность и образованность уже не могли достичь такого уровня, какой демонстрирует домонгольская Рязань.

Литература

Вагнер Г.К. Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. 1963. № 15.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980.

Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. НГБ. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000.

Каменцева Е.И. Хронология. М., 1967.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Лазарев В.Н. Васильевские врата 1336 года // СА. 1953. Т. XVIII.

Медынцева А.А. Эпиграфические материалы из Старой Рязани // Древности славян и Руси: К 80-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1988.

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. М., 2000.

Монгайт А.Л. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. // Изв. АН СССР. Серия история и философия. 1949. Т. 4. № 5.

Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. Вып. 49.

Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. 1971. Вып. Б1–49.

Полное собрание русских летописей. Т. 9, 10. М., 1965.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. 1964. Е1–44.

Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.

Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.

И.Ю. Стрикалов

Округа Старой Рязани в XII–XV вв.

В рамках исследования Старой Рязани в 1996–1999 гг. проводилось сплошное обследование Спасской Луки – ближней округи города, результатом которого стало картографирование около 80 памятников археологии на площади около 40 кв. км (Стрикалов, 1996, 1997, 1998, 1999). Среди памятников встречены стоянки эпохи бронзы, раннего железного века, могильники и поселения культуры рязано-окских могильников. Но основную часть в этом списке составляют памятники древнерусского времени XII–XV вв. и позднего средневековья (рис. 1).

Спасская Лука образована излучиной Оки, которая начинается от устья Прони – второй по величине и значению реки Рязанского княжества. Ока после впадения Прони резко меняет направления своего течения с восточного на северное. Далее она огибает микрорегион с севера, поворачивает на юг и, распадаясь на несколько рукавов с заболоченными островами, вновь продолжает свое течение на восток и северо-восток. Спасская лука, ограниченная Окой с запада, севера и востока протянулась на 7–8 км с севера на юг и на 4–6 км с запада на восток. С юга этот микрорегион ограничен небольшими притоками Оки текущими в западном (р. Ива) и восточном направлении (рр. Студенец и Ряса), оставляющими лишь узкий перешеек водораздела между их истоками.

Берега Оки в пределах Спасской Луки прорезаны множеством ручьев и сырых балок. Самый крупный из них – ручей Марицань – течет на север и делит Спасскую Луку на две части. Другие ручейки в изобилии встречены в западной части микрорегиона и в юго-восточной его части, разделяя крутой окский берег на множество мысов. Северная оконечность Луки практически лишена подобных источников (за исключением ручья Марицань) и отличается более пологим и ровным рельефом.

Окский берег в пределах Спасской Луки довольно высок, местами он достигает 30 м, и образует несколько террас лишь на небольших участках западной кромки. На большей части он мало пригоден для поселений из-за сложности водоснабжения. Поэтому ручьи и сырые балки являются здесь основными образующими элементами поселенческой структуры.

В пределах микрорегиона в настоящее время известно 38 неукрепленных поселений времени существования Рязанского княжества – XII–XV вв., а также два

* Полевые исследования Старорязанского городища проводятся при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ (в 2005 г. проект № 05–01–18040е), Центра «Интеграция», а также Президиума РАН. С 2003 г. поддержку в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» получает проект «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», руководитель проекта А.В. Чернецов.

городища – Старорязанское и Новоольговское (рис. 1). Помимо Старой Рязани широкомасштабные раскопки проводились лишь на двух памятниках: на Новоольговском городище, исследовавшимся в разные годы А.В. Селивановым, А.Л. Монгайтом, П.А. Раппопортом (Монгайт, Раппопорт, Чернышев, 1974) и на селище Чевкино V, где в 1978 г. был заложен раскоп площадью 140 кв. м (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 433–435). Для остальных памятников имеются лишь небольшие коллекции керамики из шурфов и подъемного материала. Тем не менее, на основании хронологической шкалы керамики, разработанной на материалах Старой Рязани (Стрикалов, 1996, 2002, 2003), имеющиеся данные позволяют охарактеризовать структуру поселений округи города на разных этапах его истории.

Керамика сельских поселений Спасской Луки включает типы, характерные для Старой Рязани периода XII–XIV вв. (рис. 7).

Тип 8 включает венчики т. н. «общерусского типа», преобладавшего на всей территории Руси в XII – начала XIII в. Для этой керамики характерно оформление края сосуда в виде округлого валика на внутренней поверхности отогнутого устья венчика. По материалам Старой Рязани зафиксированы некоторые особенности керамики этого типа, позволяющие разделить ее на две хронологические группы по особенностям профиля, орнаментации и состава глиняного теста. К ранним относятся образцы с сильнопрофилированным венчиком, декорированием большей части тулова сосуда и среднегрубым тестом (с примесью некалиброванного и мелкого песка). К поздним – слабопрофилированные формы, изготовленные из тонкого, как правило, белоглиняного теста и орнаментальным поясом по плечикам. Первые могут быть отнесены к середине – 2-й половине XII в., вторые датируются рубежом XII–XIII вв. В коллекции керамики сельских поселений абсолютно преобладают поздние варианты типа, а ранние встречаются лишь в некоторых коллекциях. Однако, данных для дробного хронологического деления памятников на основании этих различий еще недостаточно, поэтому керамика типа 8 рассматривалась при анализе материала как единый комплекс.

Более определенные выводы о времени возникновения наиболее ранних поселений Спасской Луки позволяют сделать немногочисленные образцы керамики, орнаментированной зубчатым штампом. В коллекциях сельских поселений Спасской Луки встречены только стенки подобных сосудов. В Старой Рязани такой орнамент характерен для керамики ***типов 5*** и ***6*** с изогнутым венчиком и оттянутым вверх краем. Он составляет 39% всей орнаментированной керамики этих типов. Изредка он встречается на ранних вариантах керамики типа 8. Подобная орнаментация встречена только на Северном городище, в северной части посада и на отдельных участках Южного городища, примыкающих к валам Северного. Орнамент в виде зубчатого штампа, нанесенного колесиком, помимо Старой Рязани в Среднем Поочье практически не встречается, но он хорошо известен из раскопок в других областях Древней Руси. В.П.Даркевич отмечает распространение такого орнамента в различных районах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 213), его присутствие отмечено в Верхнем Поволжье, на территории современной Московской, Калужской областей (Мальм, 1959. С. 132). Встречается он на Правобережье Днепра (Малевская, 1965), но совершенно не характерен для днепровского Левобережья. Здесь он присутствует лишь на керамике, связанной своим происхождением с северными районами Руси – на сосудах с цилиндрическим горлом (горшках-кринках данной классификации) (Моргунов, 1996. С. 20). Керамика, аналогичная типам 5 и 6, получила широкое распространение в конце XI – начале XII в. на Волыни (Малевская, 1965). Аналогии найдены в материалах Правобережья Днепра (Кучера, 1992. Рис. 106, 15–16; Блажевич, 1992. Типы 15 в,г), Белоруссии (Позд-

1. Никитино II (Новоольговское) городище
2. Никитино I (Новоольговское) селище
3. Климентовское I
4. Климентовское II
5. Климентовское III
6. Чевкино I
7. Чевкино II
8. Чевкино III
9. Чевкино IV
10. Чевкино V
11. Чевкино VI
12. Шатрище
13. Старая Рязань городище
14. Фатьяновка I
15. Фатьяновка II
16. Устрань I
17. Устрань II
18. Устрань III
19. Устрань IV
20. Кутуково IV
21. Аргамаково I
22. Аргамаково II
23. Аргамаково III
24. Исады II
25. Исады III
26. Исады IV
27. Исады V
28. Исады VI
29. Красный Яр I
30. Студенец I
31. Студенец V
32. Студенец VII
33. Студенец VIII
34. Студенец X
35. Студенец XI
36. Студенец XII
37. Соболевая I
38. Соболевая III
39. Соболевая IV
40. Соболевая

Рис. 1. Древнерусские памятники Спасской Луки

няков, 1992. Тип 9). В незначительном количестве она встречена в материалах Северской земли XI в., где, по мнению авторов, не имеет местных корней. (Сарачев, 2000. Тип 7). Единичные образцы подобной керамики представлены во многих публикациях по археологии Древней Руси. Эти данные в сочетании со стратиграфическими наблюдениями позволили признать орнаментацию, нанесенную зубчатым колесиком, характерным признаком рязанского гончарного дела конца XI – 1-й половины XII в., т.е. «достоличного» периода истории города, который получил собственного князя в 1129 г. (ПСРЛ. Т. VII. С. 242; Т. IX. С. 156). Следует отметить, что орнамент, нанесенный зубчатым колесиком входил в моду и позднее: его присутствие отмечено на керамике XII–XIII вв. в Ростово-Суздальских землях, изредка он встречается в материалах Переяславля-Рязанского и Москвы XV–XVI вв., на белоглиняной поливной посуде конца XVIII – XIX в. Но столь массовым, как в Старой Рязани «достоличного» периода, он тогда не стал.

Тип 9, широко представленный в коллекциях сельских поселений Спасской Луки, для Старой Рязани и окружающих территорий является индикатором всего XIII столетия. Он характеризуется вертикальными или слабо наклоненными внутрь венчиками, переходящими в покатые, слобовыраженные плечики; с резко отогнутым наружу и завернутым внутрь краем, образующим массивный уплощенный валик на внешней стороне венчика. Эта керамика изготавливалась почти исключительно из беложгущегося теста с абсолютным преобладанием тонких формовочных масс. Время его распространения на других территориях Древней Руси исследователи отмечают в начале XIII в. (Кучера, 1992. С. 10; Поздняков, 1992. Тип 17; Сарачев, 2000. Тип 21; Блажевич, 1992. Тип 18г) или в его 2-й половине (Беляева, 1982. Тип II; Полубояринова, 1992.Тип V; Судаков, 1991. С. 38; Чернов, 1991. С.24; Пряхин, Цыбин, 1996. Тип 3), на что указывает и присутствие на керамике данного типа волнистого орнамента, распространившегося Южной и Юго-восточной Руси именно в золотоордынский период (Коваль, 2000).

Определенно к золотоордынскому времени относится ***тип 10***, также многочисленный в коллекции керамики сельских поселений, но редко встречающийся в материалах Старой Рязани. Он является результатом развития типа 9 в технологическом и морфологическом плане: валик, расположенный на внешней стороне венчика формуется простым заворотом чернового края. Более выражены и другие признаки, определяющие его принадлежность к более позднему периоду: состав глиняного теста без искусственных примесей, наличие волнистого орнамента наряду с линейным. Концом XIII – XIV в. этот тип датируется большинством исследователей (Пряхин, Цыбин, 1996. Тип IV; Смирнова, 1956. С. 79, Беляева, 1982, Тропин, 2004. С.128 и др.), а в материалах Переяславля Рязанского формы, сходные с подтипом 10Б бытуют и позже – до начала XV в. (Судаков, 1991. С. 38).

Этим же периодом датируется и керамика ***типа 11***, являющегося развитием типа 8. Его отличает слабая профилировка венчика, массивный загнутый внутрь в виде уплощенного валика край, тонкое белоглиняное тесто без искусственных примесей и широкое распространение волнистого орнамента. В Старой Рязани этот тип встречается редко, но в материалах сельских поселений его присутствие фиксируется на многих памятниках. В указанное время такая керамика встречается в Москве (Чернов, 1991. С. 24), в Среднем Поволжье (Полубояринова, 1992. Тип III), в Переяславле Рязанском (Судаков, 1991. С. 38), в Подонье (Тропин, 2004. С. 127) и на других территориях юга и юго-востока Руси.

В анализируемой коллекции отмечен еще один тип керамики – ***тип 12***, единичный в материалах Старой Рязани, но являющийся одним из наиболее характерных для слоев XV – начала XVI в. Переяславля Рязанского (Судаков, 1991. С. 38). Для него характерен вертикальный венчик с разнообразной дополнительной обработкой края.

Распределение керамики по типам для отдельных поселений показано в табл. 1.

Таблица 1

Хронологические группы древнерусских поселений Спасской Луки

Группа	№	Наименование	Площадь (га)	Типы керамики					
				6	8	9	11	10	12
1а	17	Устрань II	0,6	+	+	+			
1а	18	Устрань III	2,2	+	+	+			
1а	21	Аргамаково I	2	+	+				
1а	22	Аргамаково II	2,4	+	+				
1а	26	Исады IV	0,7	+	+				
1б	16	Устрань I	1,2	+	+	+	+		
2а	31	Студенец V	0,7		+				
2а	34	Студенец X	0,6		+				
2а	40	Соболевая V	0,4		+				
2а	20	Кутуково IV	0,5		+				
2а	6	Чевкино I	0,3		+	+			
2а	7	Чевкино II	0,6		+	+			
2а	8	Чевкино III	0,5		+	+			
2а	9	Чевкино IV	0,4		+	+			
2а	10	Чевкино V	4		+	+			
2а	11	Чевкино VI	0,7		+	+			
2а	12	Шатрище г-ще	1,5		+	+			
2а	19	Устрань IV	2		+	+			
2а	30	Студенец I	2,2		+	+			
2а	33	Студенец VIII	0,6		+	+			
2а	35	Студенец XI	0,9		+	+			
2а	36	Студенец XII	1,6		+	+			
2а	38	Соболевая III	1,2		+	+			
2а	39	Соболевая IV	0,9		+	+			
2б	37	Соболевая I	1		+	+	+		
2б	32	Студенец VII	1,6		+	+	+		
2б	1	Никитино II (Ново-ольг.) г-ще	1,3		+	+	+	+	
2б	14	Фатьяновка I	7		+	+	+	+	+
2б	15	Фатьяновка II	1,2		+	+	+	+	+
2б	27	Исады V	2,5		+	+	+	+	+
3	5	Климентовское III	1,2			+	+	+	
3	2	Никитино I (Новоольг.) селище	4,5			+	+	+	+
3	28	Исады VI	3,5			+	+	+	+
3	23	Аргамаково III	1,5				+	+	
3	29	Красный Яр I	0,5				+	+	
3	24	Исады II	0,5				+	+	
3	25	Исады III	0,8					+	
3	4	Климентовское II	0,6				+	+	+
3	3	Климентовское I	0,5				+		+

Нна основании таблицы по особенностям коллекций керамика может быть разделена на следующие хронологические группы:

1. Возникшие в «достоличный период» истории Старой Рязани.
2. Возникшие в период расцвета города.
3. Возникшие в период упадка города.

Среди первых двух групп следует выделить подгруппы:

а. Прекратившие существование в начале XIII в.

б. Продолжавшие существовать в золотоордынский период.

Таким образом, наиболее ранние материалы сельских поселений Спасской Луки относятся к периоду рубежа XI–XII вв. или 1-й половины XII столетия, когда Старая Рязань уже существовала как крупный центр, занимавший значительную площадь – Северное городище и окружающие посады в прибрежной и напольной частях. Материалы этого времени очень малочисленны и встречены только на 6 памятниках. Наиболее многочисленна керамика конца XII – XIV в., т.е. периода расцвета и упадка города. В период расцвета Старой Рязани число сельских поселений достигает 29. После Батыева нашествия численность поселений резко сокращается: продолжают существовать лишь 6 сельских поселений, а число новых составляет только 9. При сравнении площади распространения культурного слоя эти изменения выглядят менее значительными: накануне монгольского нашествия площадь сельских поселений приближалась к 40 гектарам, тогда как в XIV–XV вв. она составила около 30 га.

Кроме того, наличие керамики XV в. на большинстве поселений этого времени отражает тот факт, что округа переживает город. Старая Рязань, вероятно, прекратила существование в XIV в. Возможно, отдельные усадьбы еще продолжали существовать в этот период и на территории городища. Об этом свидетельствуют находки керамики типа 12 в верхних слоях большой хозяйственной ямы у северной стенки Борисоглебского собора в раскопе № 29 (Чернецов, 2004), а также материалы двух усадеб XVII в. в южной части городища на раскопе 14 (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 168) Однако, письменные источники в XVII в. перестают называть Старую Рязань городом, а московский купец Федор Котов в описании своего путешествия 1623 г. в Персию и Турцию отмечает относительно Старой Рязани, что «на горней стороне крепости нет, только один земляной вал, а дворы стоят врозь среди леса на протяжении многих верст» (Хождение купца Федора Котова..., 1958).

В целом анализ керамики сельских поселений Спасской Луки свидетельствует, с одной стороны, о довольно позднем формировании округи города по отношению ко времени возникновения самой Старой Рязани, а с другой – об устойчивом развитии микрорегиона на протяжении XII–XV вв. Батыево нашествие, основной фактор начала упадка Старой Рязани, на составе населения округи отразился менее существенно.

Более заметные изменения произошли в XIII в. в структуре сельского расселения.

Если к началу XIII столетия вся Спасская Лука была заселена довольно плотно – были заняты практически все удобные для поселений места окского берега и берега ручьев, – то последний этап характеризуется размещением населения исключительно на прибрежных участках. Во внутренних участках микрорегиона не возникло ни одного нового поселения, а три поселка, которые продолжали существовать там после нашествия (Устрань I, Студенец VII, Соболевая I), судя по керамике, врядли пережили эту катастрофу надолго. Для всех них характерна керамика типов 9 и 11, бытовавшая в течение всего XIII в., но типов более позднего времени (10 и 12) в коллекциях не представлено.

При характеристике отдельных структурных элементов микрорегиона изменения в системе расселения выглядят более наглядно.

Древнерусские поселения Спасской Луки концентрировались на нескольких, наиболее удобных отрезках окского берега и по берегам ручьев. В естественно-географическом отношении они могут быть разделены на пять групп, представленных в табл. 2.

Таблица 2

Размещение поселений на участках Спасской Луки

Участок		к. XI – н. XII в.	XII – н. XIII в.	к. XIII – XV в.
Окский берег на участке Чевкино – Никитино	поселения	–	8	5
	площадь	–	9,3 га	8,1 га
Окский берег на участке Ст. Рязань – Фатьяновка	поселения	–	2	2
	площадь	–	4,7 га	8,2 га
Окский берег на участке Кутуково – Исады	поселения	3	5	6
	площадь	5,1 га	8,1 га	9,3 га
Система ручья Марицань	поселения	3	4	1
	площадь	4 га	6 га	1,2 га
Система ручья Студенец	поселения	–	11	2
	площадь	–	11,7 га	2,6 га

Из таблицы четко видны различия в развитии отдельных участков: устойчивое сохранение и даже некоторое увеличение населения в период упадка Старой Рязани в прибрежной зоне и резкое сокращение его численности во внутренней части микрорегиона, на оврагах.

Рассмотрим более подробно структуру поселений Спасской Луки на трех временных отрезках, отражающих этапы истории Старой Рязани – «достоличный» период конца XI – начала XII в., период расцвета города в конце XII – начале XIII в. и золотоордынское время, период упадка Старой Рязани в конце XIII – XV в.

Поселения раннего этапа истории старорязанской округи, как уже отмечалось, малочисленны. Три из них располагались на окском берегу на отрезке Аргамаково – Исады, на восточной оконечности Спасской Луки. Это селища Аргамаково I и II, Исады IV, занимавшие соседние мысы оврага Ольговка и составлявшие, по-видимому, единое целое. Вероятно, именно эти селища на северной окраине современного села Исады следует связывать с летописными Исадами, упомянутыми под 1217 г. Здесь «в шатрах» проходил съезд рязанских князей, на котором князьями Глебом и Константином Владимировичами были убиты их родной брат Изяслав и двоюродные Михаил Всеволодович, Ростислав Святославич, Глеб и Роман Ингваревичи (ПСРЛ. Т. I. С. 186; Т. VII. С. 125).

Весьма показательно само название этого села. Согласно В.И. Далю, в поволжских и северорусских областях «исад», «исады» – это «место высадки на берегу, пристань; торговая пристань, базар, где привоз разных припасов»; «рыбачья слобода, поселок у берега», «песчаная отмель, коса, лука, заросшая ивняком, тальником; прибрежье»; «спуск или съезд с берега на лед». Все предложенные значения этого слова могут быть применены и к исследуемому участку. На Оке у села имеется и поросшая ивняком коса, от села в реке ведет удобный спуск, у

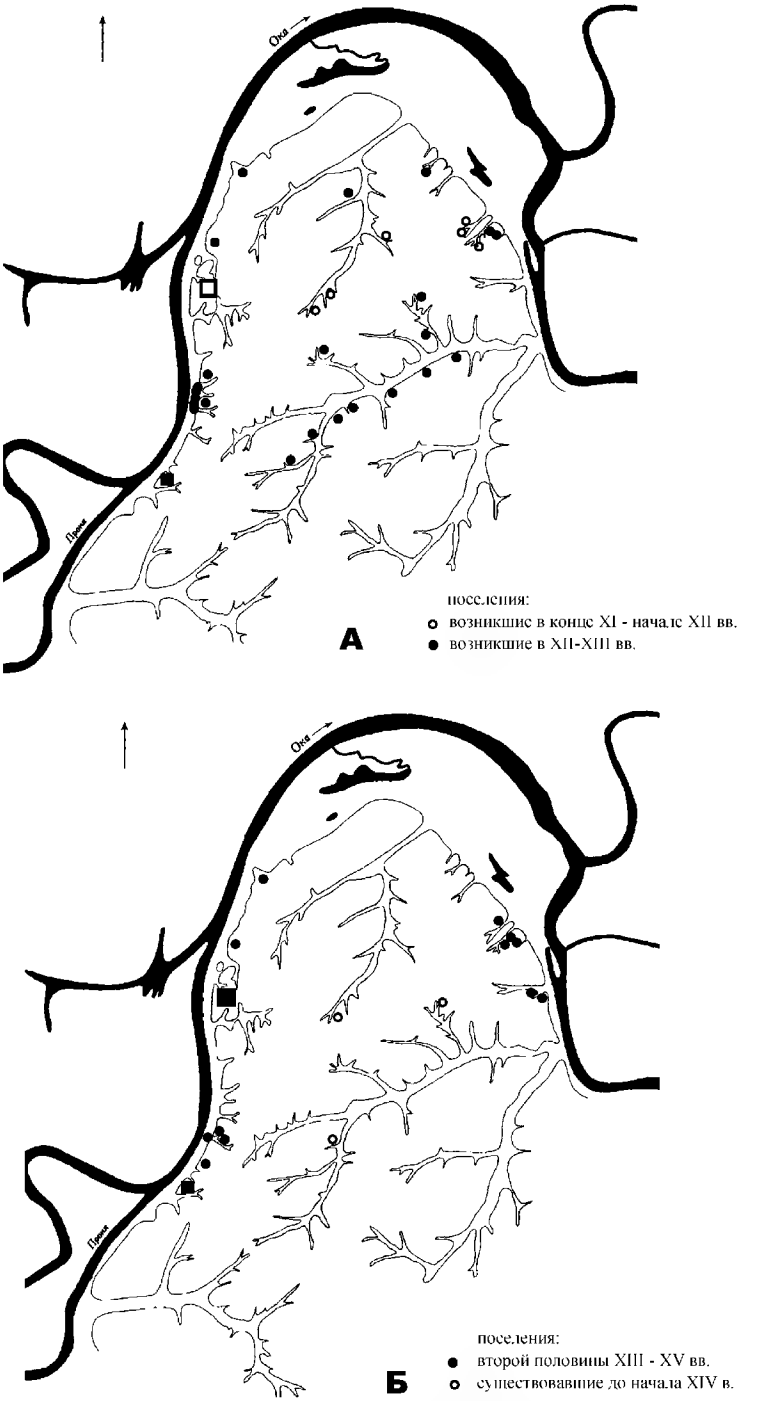


Рис. 2. Динамика структуры древнерусских поселений Спасской Луки: *А* – поселения XI–XIII вв.; *Б* – поселения 2-й половины XIII – XV в.

которого могла располагаться пристань и поселок с таким же названием. Но все же следует заметить, что открытые памятники располагались в верховьях оврага, почти в километре от окского берега. Тем не менее, иных претендентов на роль летописных Исад в настоящее время не известно.

Еще три поселения с керамикой рубежа XI–XII вв. – Устрань I, II и III – открыты на небольших мысах правого, восточного, берега оврага Марицань в центре микрорегиона, на полпути от Рязани к Исадам.

Ранние поселения, таким образом, образуют цепочку вдоль древней дороги, спрямлявшей Спасскую Луку и соединявшей ее западную и восточную оконечности. На западном краю этого отрезка располагалась Старая Рязань, а на востоке – летописные Исады. На существование этой дороги указывает и система укреплений Южного городища Старой Рязани: это направление было отмечено воротами.

Итак, в «достоличный» период истории Старой Рязани процесс формирования сельской округи города только начинался. Все поселения связаны с дорогой, связывавшей Рязань с ее дальней пристанью, обеспечивавшей контроль за торговыми путями с востока.

С ростом города, строительством укреплений Южного городища Старой Рязани и притоком населения из южнорусских земель начала бурно развиваться и округа Рязани. Материалы конца XII–XIII вв. встречены, как уже отмечалось, на 29 сельских поселениях.

К этому времени в расположении памятников довольно четко выделились две системы: прибрежная и внутренняя (рис. 2А).

По берегу Оки селища располагались компактными группами на трех участках, образуя, вероятно, довольно крупные сельские общины: у с. Исады на противоположной от Старорязанского городища оконечности луки (4 поселения площадью более 6 га), у с. Чевкино в 3 км к югу от города (6 поселений общей площадью 6,5 га) и у с. Фатьяновка к северу от Рязани (1 поселение площадью 3,5 га). Вероятно, группы селищ у Чевкина и Исад представляли собой не отдельные поселки, а топографически разделенные части одного целого. Наиболее крупное из 6 чевкинских селищ (Чевкино V) располагалось на коренном берегу Оки, а пять небольших – на останцах первой надпойменной террасы под ним. То же можно сказать и о 4 селищах в районе Исад: они занимали мысы в верховьях трех соседних разветвленных оврагов Ольговка, Березник и Барак на северной окраине современного села.

Помимо трех названных пунктов на берегу Оки располагались еще три малодворных поселения, удаленные не более чем на 1 км от перечисленных крупных сельских общин: Щатрищенское селище к северу от Чевкина, Кутуково к северу от Исад и Фатьяновка II к северу от Фатьяновки I.

Прибрежные поселки тяготели к небольшим сырым овражкам, прорезающим коренной берег Оки. Исключение составляет только селища Фатьяновка I и II, расположенные высоко над рекой без соседства с оврагами. Правда и здесь под коренным берегом встречаются небольшие родники.

Особенностью топографии отличается и чевкинский комплекс. Средневековое поселение располагалось на двух уровнях. На коренном берегу Оки расположено крупное селище, Чевкино V, протянувшееся на 400 м. Под ним, на пяти останцах первой надпойменной террасы также встречен древнерусский культурный слой. За исключением посада Старой Рязани, поселений, спускавшихся с коренного берега к реке в микрорегионе не встречено. Возможно, это было связано с особенностями занятий населения этого комплекса.

Иная структура сложилась во внутренних районах луки, где небольшие поселки равномерно располагались в удобных местах по берегам сырых оврагов и ру-

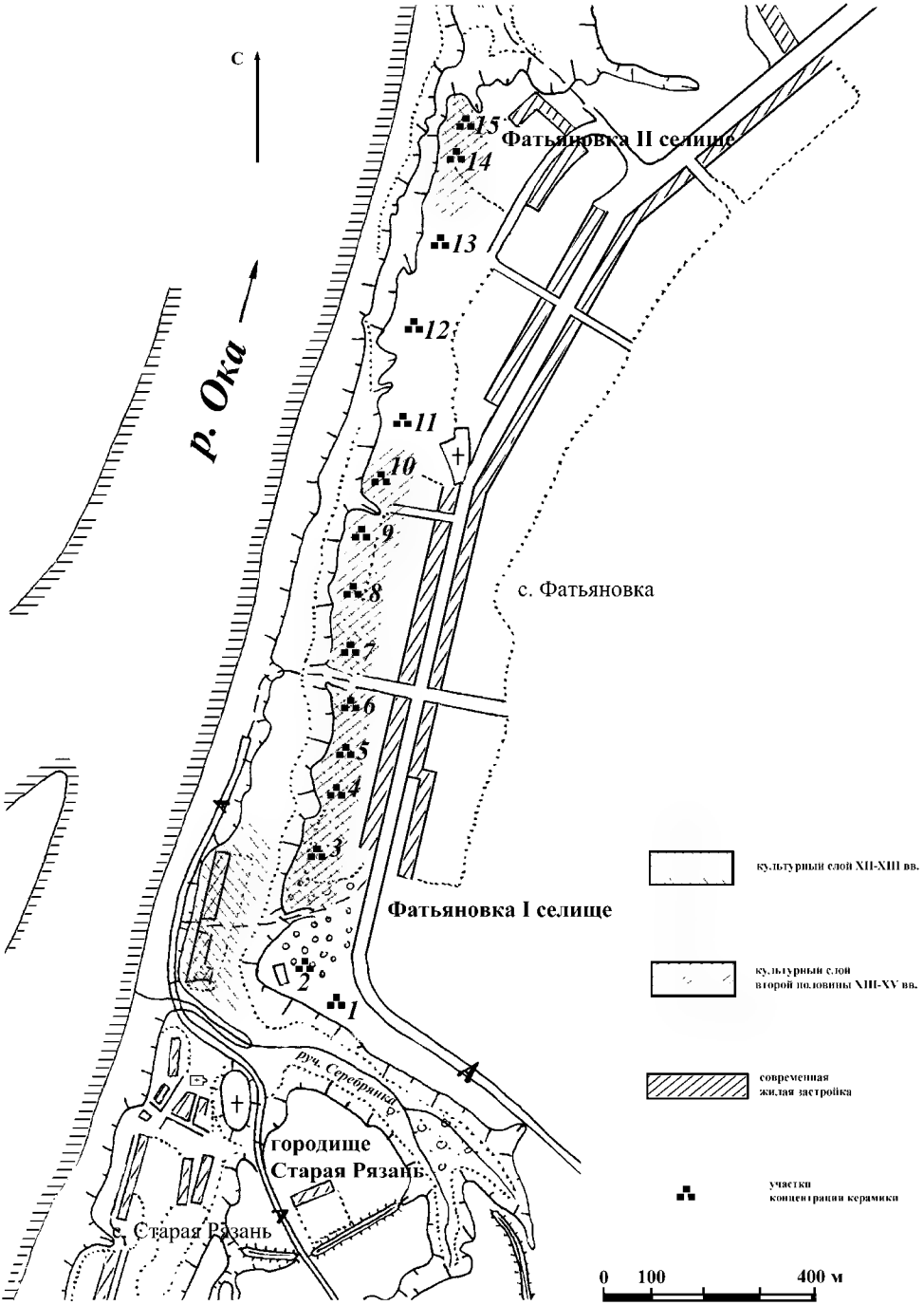


Рис. 3. Поселения у с. Фатьяновка

чьев. Размеры этих селищ не превышают 2,2 га, а основная масса, вероятно, представляла собой малодворные поселения площадью не более 1–1,2 га (11 поселений из 15). По площади распространения культурного слоя селища по оврагам и ручьям Марицань и Студенец, тем не менее, составили значительную часть сельской округи Старой Рязани (16,8 га из 40 от общей площади сельских поселений этого периода, т.е. почти половину).

Трудно выявить какую либо четкую систему в размещении этих поселений. Как правило, они тяготели к крупным полянам меж оврагов, располагаясь на их берегах у пологого отвершка, облегчавшего доступ к воде. Поселения открыты на берегах практически всех сырых балок, за исключением ржавцев. Представляли ли собой эти поселения какой-нибудь один или несколько единых социальных организмов, каковыми, вероятно, являлись прибрежные группы селищ, сказать трудно. Их размещение и практически полное исчезновение в последующий период упадка Старой Рязани наводит на мысль об очень тесной и прямой связи этих поселений с городом.

Помимо перечисленных сельских поселений, на окском берегу, у устья Прони в этот период строится княжеская крепость – Новый городок Ольгов, замкнувший микрорегион с юго-востока. Однако селищ близ городка не известно. Ближайший комплекс поселений древнерусского времени XII–XIII вв. расположен в 2 км севернее, у с. Чевкина.

Чем, помимо военно-стратегического назначения, вызвано обособленное положение городища? Остановимся подробнее на истории этой крепости. Ее возникновение, судя по материалам из раскопок 1970 г., следует отнести ко времени не ранее конца XII – начала XIII в.

Уточнить время возникновения крепости помогает само название городка. В этот период нам известны несколько рязанских князей с именем Олег:

– Олег Владимирович из пронской ветви удельных князей, бывший вместе со своими братьями, Изяславом и печально известными братоубийцами Глебом и Константином Владимировичами, союзником Всеволода Большое Гнездо в событиях 1207–1208 гг. Летописи упоминают о его смерти в 1208 или 1209 г. в Белгороде (ПСРЛ. Т. I. С.183; ЛПС. С. 109).

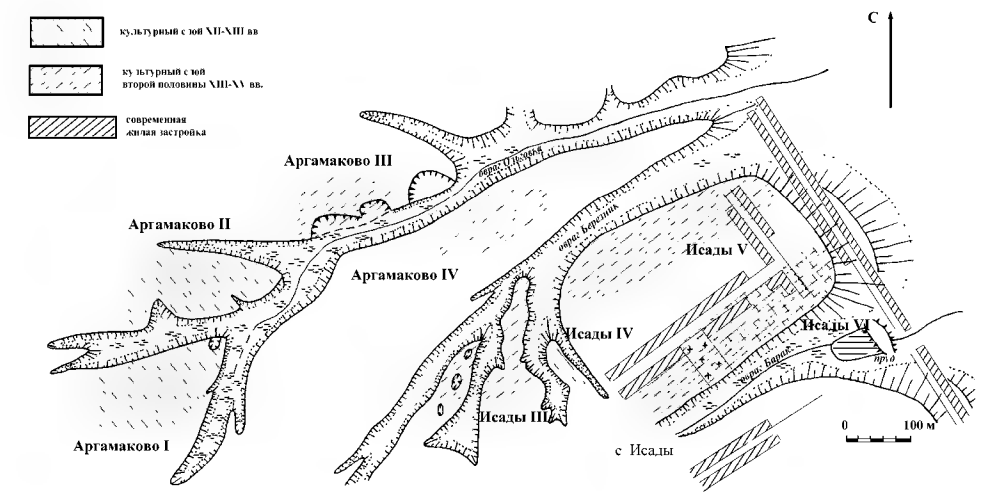


Рис. 4. Поселения у с. Исады

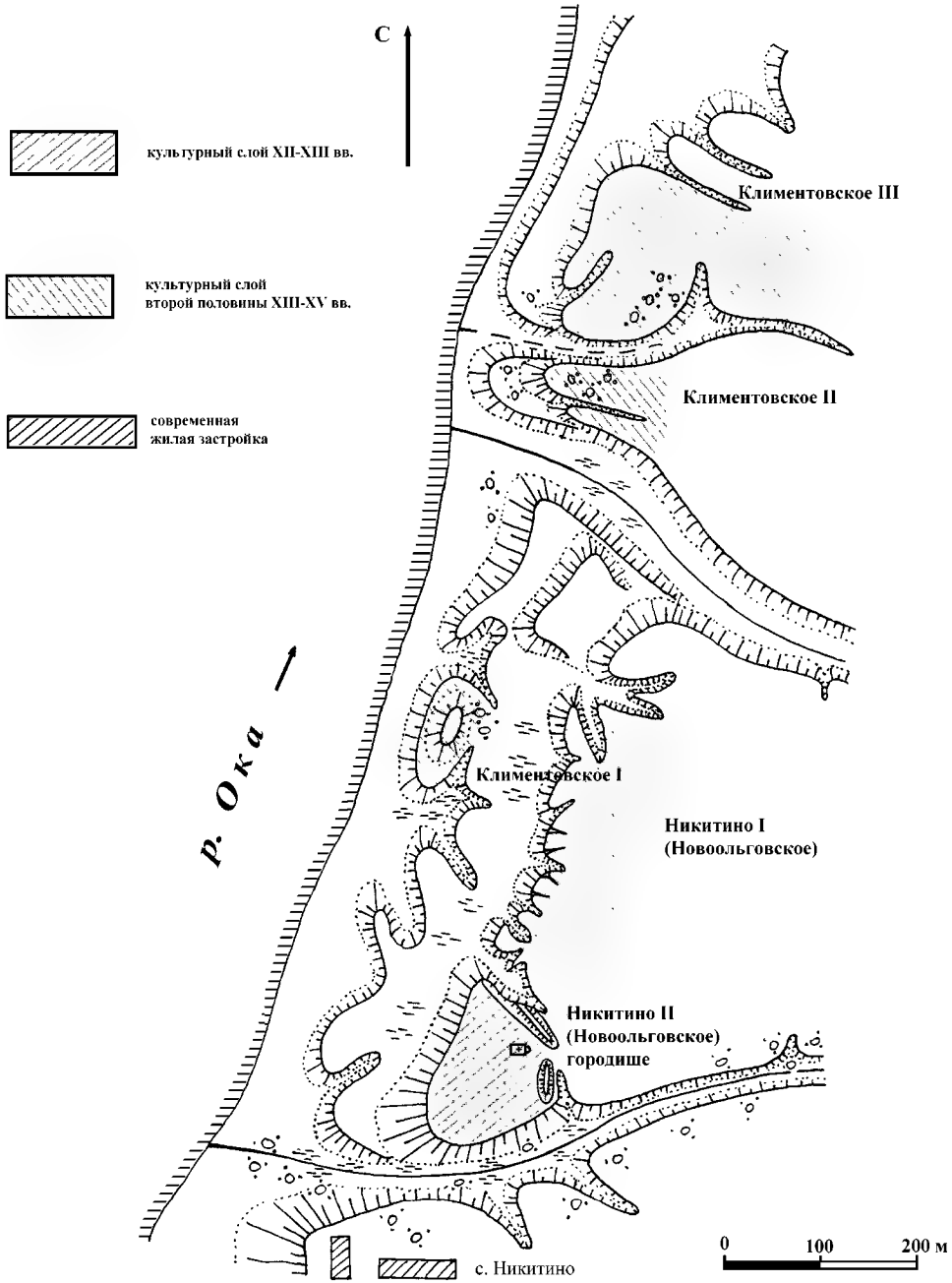


Рис. 5. Поселения в районе Нового Ольгова городка

– Олег Игоревич, вероятно, сын Игоря Глебовича, умершего в 1194 г. и похороненного в церкви Бориса и Глеба в Рязани (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 36). Из «Повести о разорении Рязани Батыем» известно только, что он мученически погиб в 1237 г. при обороне города.

– Олег Ингваревич Красный, княживший в Рязани в 1252–1258 гг,. сын Ингваря Игоревича, севшего на рязанский стол после исадского братоубийства 1217 г. и княживший до 1235 г. При нашествии Батыя Олег был взят в плен в битве при Коломне в январе 1237 г. В плену Олег находился до 1252 г., когда, после смерти брата Ингваря, занял рязанский стол. Умер в 1258 г., приняв перед смертью схиму.

Среди трех представленных кандидатур третья, Олега Красного, наиболее подходящая для соотнесения с основателем Нового Ольгова городка.

Первый из названных князей, Олег Владимирович, был представителем пронской ветви рязанских князей и вряд ли мог быть устроителем крепости на подступах к столице, против которой он выступил в 1207 г. Олег Игоревич, если он и существовал, а не является результатом путаницы летописцев с Олегом Ингваревичем Красным (такое мнение высказывали Д.И. Иловайский, А.В. Экземплярский и поддерживал А.Л. Монгайт, см.: Монгайт, 1961. С. 358) скорее, может быть связан с Ольговым, расположенным выше по течению, названным «Старым Льговом» в «Списке русских городов дальних и ближних» XIV в. Как предполагает А.Г. Кузьмин, его отец, Игорь Глебович и все Игоревичи были связаны с Переяславлем Рязанским (Кузьмин. С. 123). Под этим Ольговым в 1208 г. встретился с ратями суздальцев и пронских Владимировичей Роман Игоревич, брат Олега. Возможно, Ольгов был основан при жизни их отца, князя Игоря Глебовича. На это указывает и отсутствие упоминания Ольгова ранее 1208 г., хотя в событиях рязано-суздальской войны 1187 г. упоминается урочище «Опаков» или «Копанов», располагавшееся, как пишет А.Г. Кузьмин на основании более поздних документов, напротив Ольгова и около которого суздальские войска переправились на другой берег Оки (Кузьмин. С. 120). Это, конечно, не исключает участие Олега Игоревича в строительстве нового города с таким же именем, но, скорее всего, Новый Ольгов обязан своим именем Олегу Красному, чей отец (и брат Олега Игоревича) сидел на столе в Рязани в 1217–1235 гг. Вероятно, в период его княжения, т.е. накануне Батыева нашествия, и была основана крепость на устье Прони.

На такую дату косвенно указывают и другие факты. Контроль за стратегически важным пунктом слияния двух главных реки Рязанской земли – Оки и Прони – стал актуален как никогда именно после событий 1207–1209 гг. В ходе военных действий суздальские рати шли к Рязани по Проне и были встречены рязанским посольством у Доброго Сота в нижнем течении этой реки, а ладьи с припасами спускались вниз по Оке, где у Ужеска были перехвачены князем Романом Игоревичем.

Кроме того, отсутствие домонгольских культурных напластований на примыкающем к городку селище может быть объяснено только тем, что посад и слободы к моменту Батыева нашествия не успели сформироваться. Слишком мало прошло времени между строительством крепости и нашествием – не более 20 лет.

В связи с этим Новый Ольгов городок и не стал существенным структурообразующим фактором Спасской Луки в начале XIII в. Но в последующий период он выступает уже одним из основных центров концентрации населения.

Таким образом, в период расцвета Старой Рязани, в конце XII – начале XIII в., ближняя округа города, Спасская Лука, была плотно заселена. Как представля-

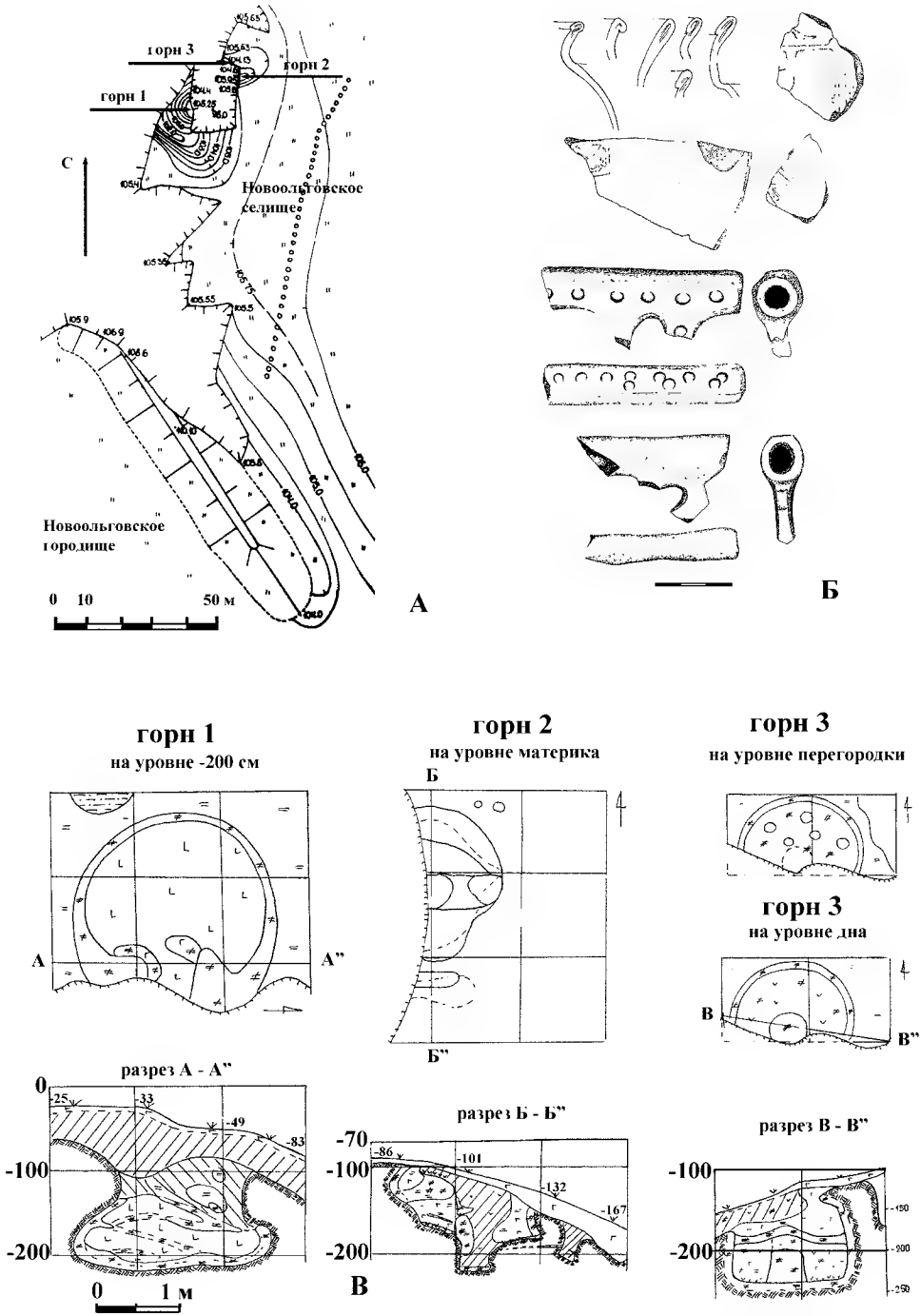


Рис. 6. Горны Новоольговского селища: *А* – план расположения комплекса горнов; *Б* – керамика горна 3; *В* – планы и разрезы горнов 1–3

ется, на этой территории по берегу Оки существовали три крупные сельские общины и сеть мелких поселков на оврагах во внутренней части округи.

После разгрома Рязани 1237 г. эта структура претерпевает существенные изменения (рис. 2Б). Как уже отмечалось, мелкие поселения на оврагах исчезают. Присутствие керамики типов 9 и 11, характерных для XIII–XIV вв., на некоторых из них свидетельствует о том, что этот процесс не был одномоментным. Как минимум три из 16 поселков этой части микрорегиона продолжали существовать еще некоторое время, но вряд ли долго: керамики, типичной для XIV в. здесь не встречено.

По-другому развивались сельские поселения прибрежной зоны.

В районе Исад (рис. 4) культурный слой этого времени встречен как на староосвоенных, так и на новых участках: поселения сместились с верховьев оврагов к окскому берегу и протянулись широкой полосой вдоль него. Площадь распространения культурного слоя по сравнению с предшествующим периодом несколько увеличилась. Кроме того, возникли два новых небольших поселения на южной окраине современного села в 1 км от основной группы комплекса, на мысах глубокого сырого оврага. Открытие в его обнажениях на территории селища Красный Яр остатков производственного сооружения – ямы, заполненной шлаком – позволяет предположить в них усадьбы ремесленников или их мастерские, вынесенные на безопасное расстояние от остальных жилых построек.

Вырос комплекс к северу от Старой Рязани, селища Фатьяновка I и II (рис. 3). На огородах современной деревни средневековый культурный слой протянулся полосой шириной от 50 до 100 м на 1,6 км. При сборе подъемного материала было отмечено 15 пятен концентрации керамики, удаленных друг от друга на 50–150 м. Они, возможно, маркируют усадьбы, располагавшиеся цепочкой у кромки коренного берега. Все скопления содержат позднесредневековые образцы, а более ранние материалы XII – начала XIII в. и XIII–XV вв. концентрируются в южной и северной частях участка берега (соответственно селища I и II). Материалы периода расцвета Старой Рязани собраны на 5 участках скопления керамики в южной части и встречены в самом северном пятне (участки № 3–7, 15). Керамика золотоордынской эпохи представлена шире: на восьми участках южного отрезка и двух участках северного, в том числе на всех участках с более ранними материалами (участки № 3–10, 14, 15). Площадь распространения культурного слоя выросла по сравнению с предшествующим периодом почти вдвое.

К югу от Старой Рязани на смену чевкинскому комплексу, керамика которого не выходит за рамки начала XIII в., пришла группа новых поселений, примыкавших с севера к Новоольговскому городищу (рис. 5). Это Новоольговское селище, культурный слой которого протянулся на 400 м вдоль береговой кромки полосой шириной 40–120 м, а также три небольших поселения севернее, на мысах коренного берега Оки и останце первой надпойменной террасы реки – Климентовские I–III селища. Слабая изученность Новоольговского городища не позволяет уверенно говорить о наличии у него укреплений в этот период, но в «Списке русских городов дальних и ближних», памятнике конца XIV в., «Новый городок Ольгов» назван среди прочих рязанских городов. На территории городища встречена и немногочисленная керамика этого времени. Наличие укреплений может быть названо и одной из наиболее вероятных причин концентрации населения вблизи городища в этот период.

В любом случае группа поселений у Нового Ольгова городка носила более сложный, чем просто земледельческая община, характер. На это указывает открытый в 1997 г. комплекс гончарных горнов в южной части Новоольговского селища, за валами городища (рис. 6). В обнажениях оврага были исследованы остат-

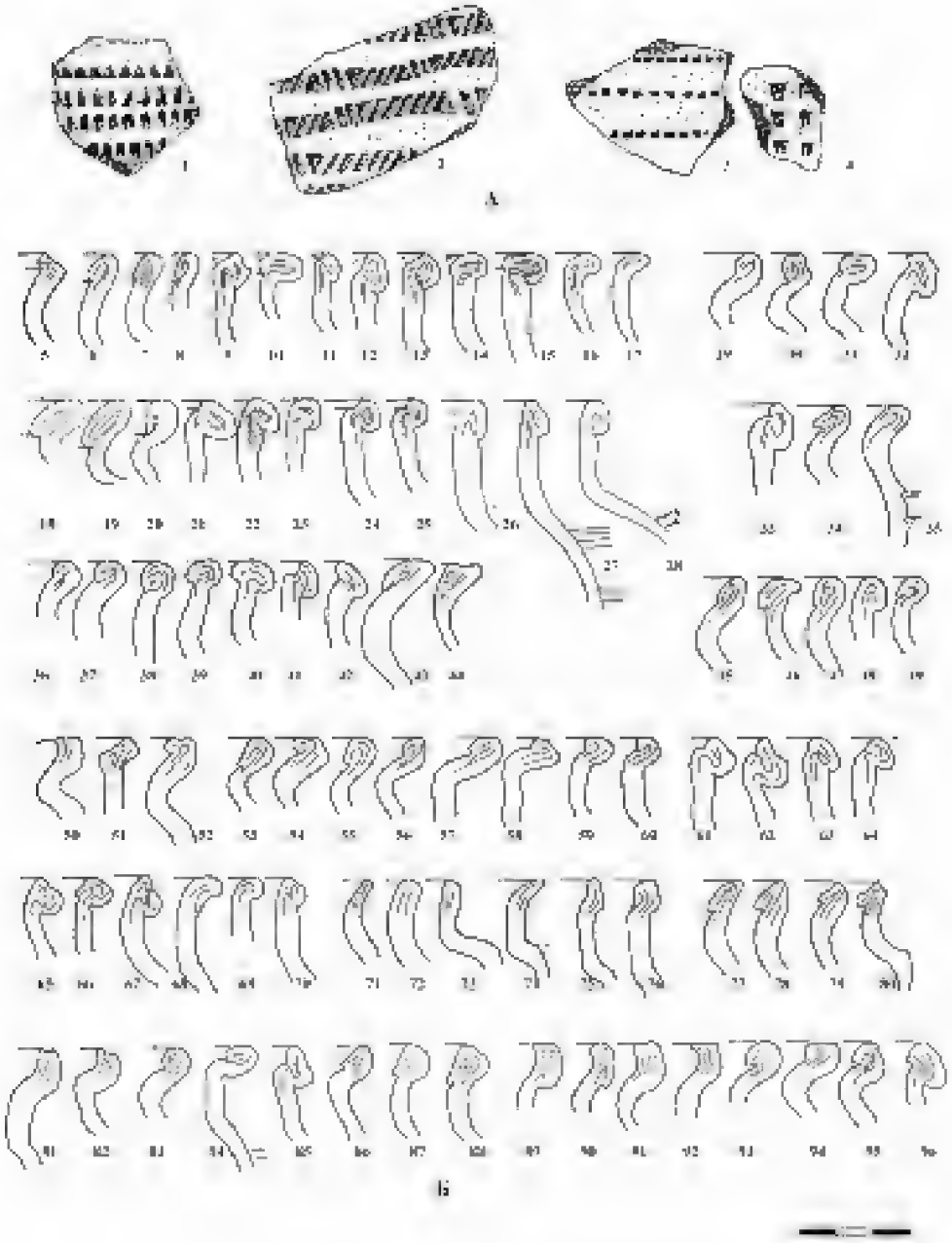


Рис. 7. Керамика XII–XV вв. сельских поселения Спасской Луки:
А – фрагменты керамики со штампованным орнаментом; *Б* – фрагменты венчиков типов 5–12 (*50, 81, 82, 91, 92* – тип 5; *5, 20, 29–31, 36–39, 49, 52–60, 83, 84, 93–95* – тип 8; *9–15, 21–26, 32, 33, 40–42, 61–67, 85, 96* –тип 9; *16, 27, 28, 48, 68–70* – тип 10; *6–8, 17–19, 34, 35, 43–47, 77–80, 86–88* – тип 11; *71–76* – тип 12) (*1*– Исады IV; *2* – Устрань; 3, 4, 89–96 – Устрань III; 5–28 – Исады VI; 29–32 – Студенец I; 33–35 –Студенец VII; 36–44 –Исады II; 45–49 – Красный Яр; 50–80 – Фатьяновка I–II; 81–88 – Устрань I

ки трех горнов, сопутствующая керамика которых указывает на дату XIV–XV вв.

Горн № 1 располагался на западном склоне оврага. Он имел колоколовидную форму и представлял собой округлую в плане расширяющуюся ко дну яму диаметром около 2,6 м и высотой около 70 см. Дымоход, расположенный над центром ямы в плане был квадратным со сторонами около 1,5 м. Яма горна заполнена гумусом, перемешанным с печиной частично обрушенного дымохода. Стенки и дно горновой ямы сильно прокалены на глубину до 10 см. Топочная камера полностью разрушена осыпью.

Горн № 2 располагался на противоположной стороне оврага у небольшого полого отвершка. Судя по сохранившейся части горн был однокамерным, частично разделенным на две части – топочную(южную) и рабочую (северную): округлая в плане горновая яма имеет два уровня дна и разделена на две части перегородкой из прокаленной глины. Размеры сохранившейся части горна – 1,8×1 м. Вероятно, нижняя часть горна была врезана в материк, а свод был сложен из глины и возвышался над ямой. Его остатки встречены в заполнении горна в виде кусков печины. Стенки и дно ямы сильно прокалены. Кроме того, на склоне отвершка оврага прослежена узкая траншея, соединенная с ямой горна продухами, следы которых зафиксированы при зачистке обнажения. Траншея, вероятно, предназначалась для подачи воздуха в топку, используя естественную циркуляцию воздуха в отвершке оврага.

В северной стенке оврага были исследованы остатки горна № 3, который имел двухъярусную конструкцию. Этот горн сохранился лучше остальных: разрушен был только топочный канал с южной стороны, а сам горн, представлявший собой округлую яму диаметром 1,4 м и высотой более 1 м с плоским дном и вертикальными стенками, сужающимися в верхней части, сохранился почти полностью Стенки горновой ямы прокалены, а в ее центре прослежен круглый опорный столб из прокаленной глины («козел»), основание для перекрытия. Само перекрытие («черень»), разделявшее нижнюю топочную и верхнюю обжигательную камеры также почти полностью сохранилось. Оно представляло собой пласт прокаленной глины толщиной около 8–10 см, сооруженный на каркасе из прутьев. В перекрытии прослежены округлые отверстия-продухи диаметром 10–12 см. Они располагались двумя кольцами на расстоянии 20 см и 40 см от стенок горновой ямы.

Все три горна, таким образом, имели разную конструкцию, но имели два принципиальных сходства: они были врезаны в склоны одного оврага и располагались на одном уровне от поверхности площадки на расстоянии 7–20 м друг от друга. Это позволяет высказать предположение о едином производственном комплексе, существовавшем в XIV–XV вв.

Горны Новоольговского селища и производственная яма селища Красный Яр свидетельствуют о еще одной важной особенности последнего этапа – наличии ремесленного производства на сельских поселениях.

На современном уровне исследованности микрорегиона информация о развитии сельского ремесла в период расцвета Старой Рязани отсутствует. Можно лишь предположить, что «столичный» микрорегион в значительной степени обеспечивался товарами рязанского рынка. Но с упадком города Спасская Лука постепенно стала превращаться из столичной в обычную сельскую волость, обеспечивающую себя большей частью сельскохозяйственной и ремесленной продукции самостоятельно. На это и указывают находки следов производства на сельских поселениях XIV–XV вв. Сельское ремесло не было уникальным явлением того периода. В частности, подобный новоольговскому гончарный комплекс (три горна) встречен на поселении Полозово на Воронеже (Тропин, Чалых,

2001), металлургическое производство известно на поселениях южной окраины Рязанской земли (Тропин, 2004. С. 112–114). Изменение структуры расселения также отражает этот процесс: двойственность в системе расселения (крупные прибрежные сельские общины – сеть малодворных поселков на оврагах) сменяется однотипными комплексами с селом в центре и выселками и починками вокруг него.

Сложившаяся в XIV в. структура расселения по окскому берегу с малоосвоенной внутренней частью луки сохраняется и позднее. Вплоть до столыпинского вывода крестьян на хутора (их следы до сих пор сохранились на берегах оврагов и ручьев) основное население микрорегиона концентрировалось на узкой полосе береговой кромки от устья Прони до Исад, которая постепенно покрылась сплошной жилой застройкой. Вне этой зоны сельские поселения возникли в XVII–XVIII вв. лишь в верховьях Студенца и Ивы, но появление этих существующих и поныне населенных пунктов (Соболевая, Разбердеево, Романовка, Милованово), скорее, связано с дорогой, проходившей через Спасскую Луку по водоразделу этих ручьев.

Литература

Беляева С.А. Южнорусские земли во 2-й половине XIII–XIV в. Киев, 1982.

Блажевич Н.В. Керамика Ржищевского комплекса // Древнерусская керамика. М., 1992.

Мальм В.А. Производство глиняных изделий.// очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33.

Гоняный М.И., Грищенко В.П. Поселение 2-й половины XIII – начала XIV в. Березовка 5 на Куликовом поле.// Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. Вып. 10.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Кучера М.И. Керамика // Археология УССР. Киев, 1992. Т. 3.

Малевская М.В. О датировяе нижнего горизонта Новогрудка // КСИА № 120. М., 1965.

Монгайт А.Л., Рапопорт П.А., Чернышев М.Б. Церковь нового Ольгова городка. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.

Писцовые книги Рязанского края (ПКРК). Рязань, 1898. Т. I. Вып. 1 (Рязань, 1996).

Поздняков В.С. Развитие керамики древнерусского Клецка. // Древнерусская керамика М, 1992.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I, VII, IX, X, XVIII.

Полубояринов М.Д. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М., 1992.

Полубояринов М.Д. Керамика городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–93 гг.). // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.

Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // *Григорьев А.Н.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956.

Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика поселений XII–XIV вв. междуречья Прони и Рановы // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 1.

Стрикалов И.Ю. Отчет о разведках в Спасском районе Рязансокй области в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996.

Стрикалов И.Ю. Отчет о разведках в Спасском районе Рязансокй области в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997. № 21143.

Стрикалов И.Ю. Отчет о разведках в Спасском районе Рязансокй области в 1998 г. // Архив ИА РАН. 1998. № 22796.

Стрикалов И.Ю. Отчет о разведках в Спасском районе Рязансокй области в 1999 г. // Архив ИА РАН. 1999.

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Судаков В.В. Отчет об охранных раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (совр. Рязань) в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1991.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.

Тропин Н.А., Чалых Н.Е. Находки гончарных горнов 2-й половины XIII–XIV в. на р. Воронеж. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.

Хождение купца Федора Котова в Персию. М., 1958.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики ХШ – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

В.В. Судаков, В.М. Буланкин

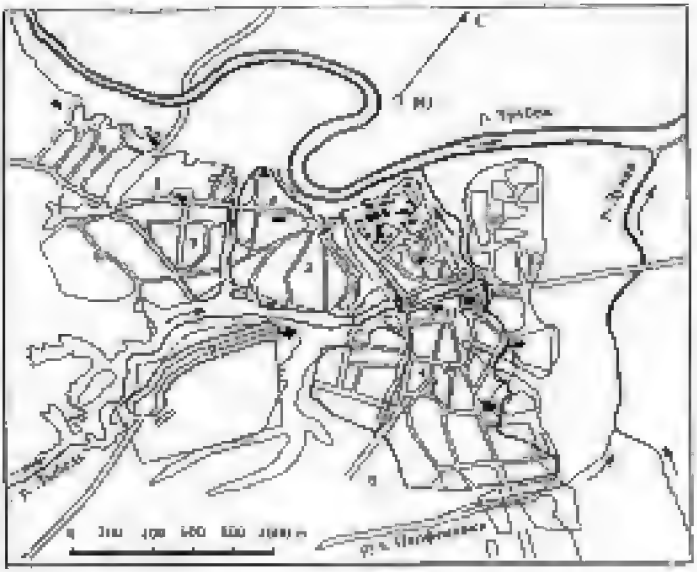
Культурный слой Переяславля Рязанского

Культурный слой является ценнейшим памятником материальной культуры, хранящим сведения о жизни людей на протяжении сотен и тысяч лет, что обусловило отнесение его к объектам культурного наследия, подлежащих охране государством (Федеральный закон «Об объектах...», 2002. Ст.3). Особенно большое значение культурный слой играет как источник знаний при изучении древнерусских городов, он позволяет осветить многие вопросы их истории, в силу чего в ряде городов (Москва, Новгород, Псков, Рязань и др.) были приняты постановления об охранных зонах культурного слоя. Для более полного и всестороннего его изучения необходимо комплексное изучение письменных, археологических и других видов источников, при этом археологические материалы часто играют главную роль.

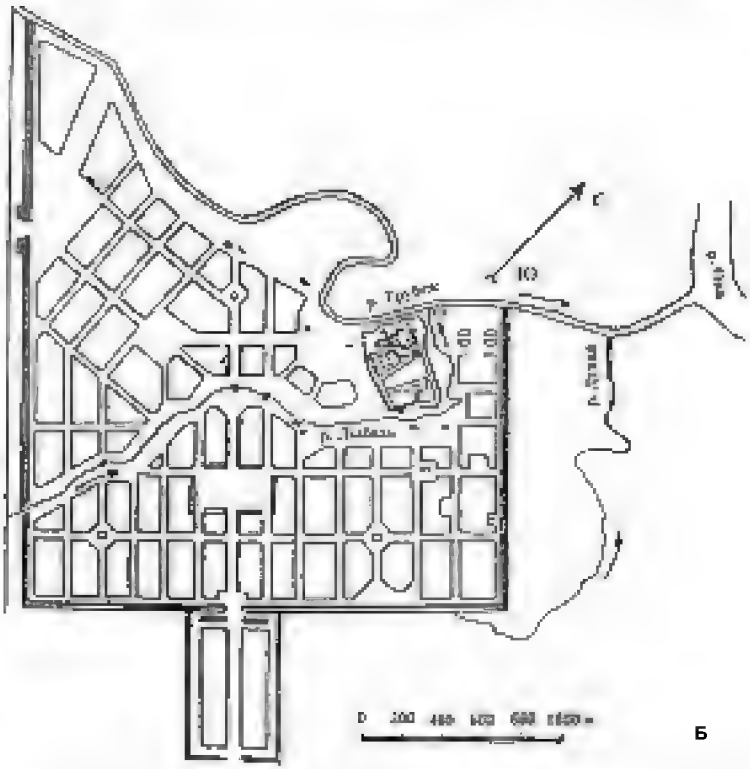
Образование культурного слоя – сложный процесс, поэтому при его изучении следует учитывать разнообразные факторы, как связанные с деятельностью человека, так и природные, оказывающие влияние на его характер и скорость накопления. Несомненно, влияют на процесс отложения культурного слоя и перепады микрорельефа, наличие всхолмлений и низин. В пониженных местах, более насыщенных грунтовыми водами, лучше сохраняется органика и слой нарастает интенсивнее. На возвышенных сухих местах в силу быстрого разрушения органических материалов слой накпливается медленнее, кроме того здесь возможны его смывы и оползания. В результате самые мощные слои не всегда самые древние. Довольно часто культурный слой имеет многочисленные нарушения, преимущественно связанные со строительной деятельностью человека, что требует более внимательного его изучения во избежание ошибок при его характеристике и датировке.

При изучении культурного слоя Переяславля Рязанского были использованы сообщения летописей и писцовых книг, карты конца XVIII – начала XX в., результаты геологического бурения и, главным образом, материалы археологических исследований, полученные в ходе как раскопок и разведочной шурфовки (около 30 раскопов и шурфов общей площадью 2500 кв. м), так и наблюдений за земляными работами (84 участка).

Описания слоев дается по основным частям города, сложившимся к XVI–XVII вв.: Кремль, Острог, Верхний Посад, Нижний Посад, Рыбацкая слобода. Кремль и примыкающие к нему с юго-запада Острог и Верхний Посад находятся на мысу правобережной террасы р. Ока между р. Трубеж и левым берегом долины р. Лыбедь (правый приток р. Трубеж, правого притока р. Ока), средняя высота от уровня поймы р. Оки около 20 м. Нижний Посад с окружающими его слободами располагался по правому берегу р. Лыбедь на высоте от 2–3 до 20 м от уровня поймы р. Ока (рис. 1).



А



Б

Рис. 1. А – План Переяславля-Рязанского 1778 г.: *1* – Кремль, *2* – Старый Острог, *3* – Острог, *4* – Нижний посад, *5* – надолбы, *6*– Владычная (Борисо-Глебская) слобода, *7* – Черный посад, *8* – Всполье; *9* – Ямская слобода, *10* – Выползова (Рыбацкая слобода, *11* – древний торг; *Б* – Генплан реконструкции г. Рязани 1780 г.

Кремль

Кремль является наиболее древней частью древнего Переяславля Рязанского. Довольно сложный характер кремлевской платформы, сформировавшейся в ледниковый период из двух террас, наличие на нем в древности многочисленных низин и возвышенных мест оказали определяющее влияние на характер и мощность культурного слоя в разных частях территории Кремля. Выделяется ряд участков, где слой обильно насыщен грунтовыми водами, что обусловило прекрасную сохранность дерева и другой органики. Основная же часть территории характеризуется сухим культурным слоем, где органика сохраняется плохо. Культурный слой, во многих местах поврежден перекопами, появившимися в результате активной деятельности человека, что затрудняет четкое выделение стратиграфических ярусов.

К сожалению, в археологическом отношении Кремль изучен еще недостаточно хорошо: при общей площади Кремля в 14 га, вскрыто всего лишь около 1075 кв. м (при этом 875 кв. м в 1979–1990 гг.). В 1890 г. В.А. Городцов обследовал только вал Кремля, в южной части которого произошел крупный оползень, и выделил 2 слоя насыпи вала (Городцов, 1905. С. 590). В советское время археологические раскопки велись преимущественно на территории Старой Рязани, а Переяславль оставался в тени. В 1924 г. В.А. Городцов вместе со студентами МГУ заложил 25-аршинную траншею в юго-восточной части бывшего архиерейского сада. Буквально за день были пройдены слои мощностью около 2 м, но пошла вода и раскопки были прекращены (Титов, 1924; ГАРО. Фонд Яхонтова, Р-2798).

В 1929 г. Н.П. Милоновым при участии А.А. Мансурова, И.И. Проходцева, Н.В. Говорова были заложены пять разведочных шурфов в разных частях Кремля.: два во дворе «Дворца Олега», по одному в северо-западной части сада музея, в б. Спасском монастыре и на улице Рабочих (Милонов, 1929; Милонов, 1935). В 1931 г. он продолжил исследование жилища, открытого в шурфе 1 (Милонов, 1931). К сожалению, эти раскопки были неудовлетворительными как по масштабам работ – шурфы 4×3 м или траншеи, так и в методическом плане. Кроме этого, нет и точной привязки мест раскопок. В 1945 г. Н.П. Милоновым были проведены новые исследования: был сделан разрез вала с южной стороны, в северном углу площадки проведена зачистка обрыва длиной 10–12 м, а у Архангельского собора заложен небольшой раскоп (Милонов, 1945).

В 1955–1957 гг. в Кремле работала экспедиция ИА АН СССР под руководством А.Л. Монгайта, планировавшего организовать здесь широкомасштабные раскопки как в Новгороде. Однако было заложено только 5 сравнительно небольших шурфов и этим все ограничилось (Монгайт, 1955; Монгайт, 1956; Монгайт, 1957; Монгайт, 1961).

Вновь работы возобновились только в 1979–1980 гг. Совместной экспедицией РИАМЗ и ГИМ под руководством А.А. Коновалова был исследован участок площадью 100 кв. м бывшего Архиерейского сада[1] (под проектируемое здание трансформаторной подстанции) (рис. 7, 5).

В 1981 г. В.П. Челяповым обследована верхняя часть культурного слоя Кремля между зданиями бывшего Певческого корпуса и Гостиницы черни общей площадью 36 кв. м (рис. 7, 14) и участок у Гостиницы знати (Челяпов, 1981).

Наиболее широкие исследования в Кремле падают на 2-ю половину 1980-х годов: (в связи с проектированием магистральной теплотрассы) раскопки проводились в южной части Кремлевской платформы у подножия вала (1983, 1987, 1989 гг.[2] – рук. Макаров М.М. (рис. 7, 6–8), 1986, 1988, 1990 гг. – рук. Судаков В.В. (рис. 7, 9–11); (Макаров, 1983; Макаров, 1987; Судаков, 1986; Судаков, 1988;Судаков, 1990).

Таковы основные археологические исследования на территории Кремля.

Правда, здесь проводились многочисленные (хотя и небольшие по площади) архитектурно-археологические раскопки, как, например, работа И.В. Ильенко, Е.А. Толмачева (Толмачев, 1972; Ильенко, №. 2870), Е.Л. Хворостовой (Хворостова, 1977, № 3039; Хворостова, 1977, № 3040) и другие, но они, в основном, дают информацию о верхних напластованиях культурного слоя конца XVII – XIX в., т.к. до материка не доходили.

На основании изучения результатов археологических исследований можно высказать ряд предварительных замечаний о культурном слое Кремля, хотя на-

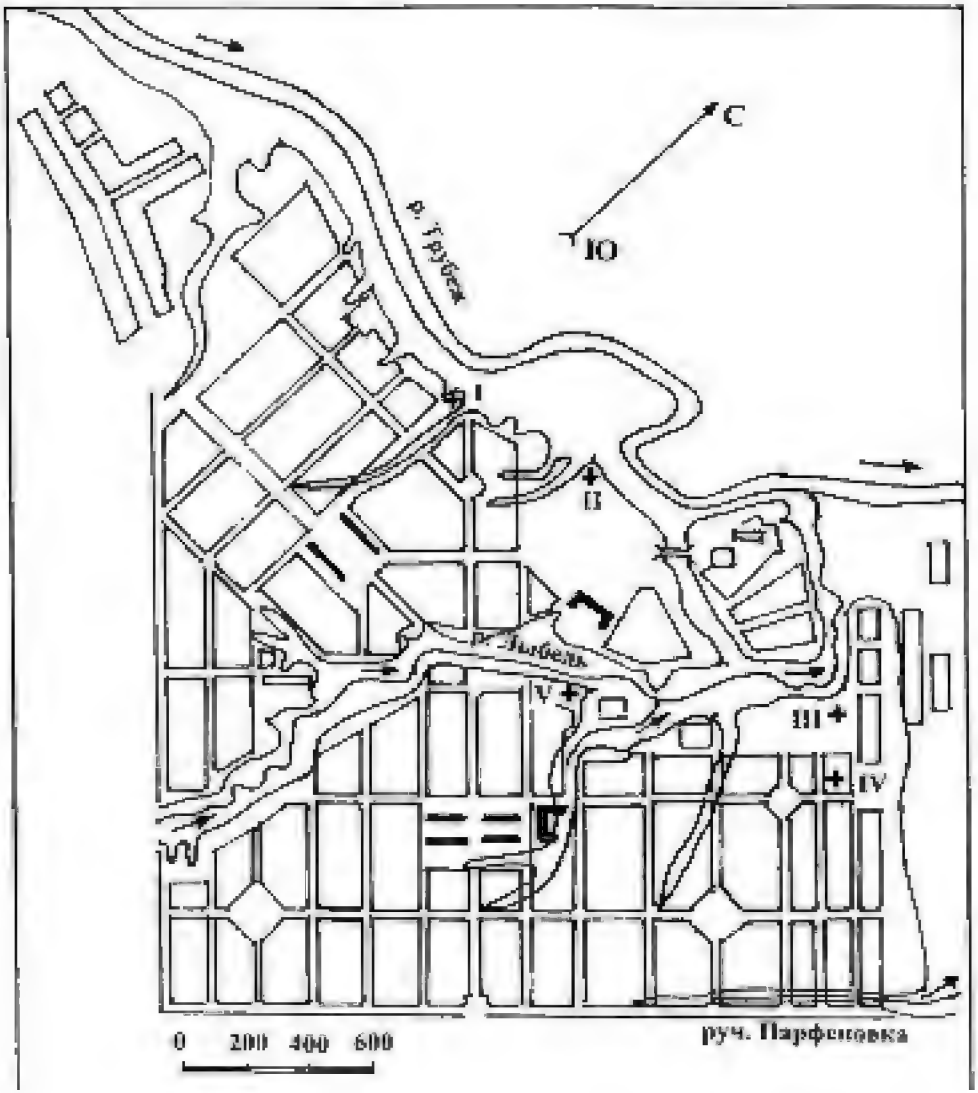


Рис. 2. План губернского города Рязани 1836 г.: *I* – Борисоглебская ц., *II* – ц. Спаса на Бору, *III* – ц. Входоиерусалимская, *IV* – ц. Благовещенская, *V* – ц. Николы Дворянского

до помнить, что буквально на расстоянии 1–2 м от исследованного участка он может отличаться.

Северо-западная часть платформы (рядом с ц. Святого Духа) не раскапывалась и некоторую информацию о культурном слое конца XVII – XX в., связанного с активным каменным строительством мы имеем только по результатам зачистки Н.П. Милонова в 1945 г. (длиной 10–12 м и глубиной до 3 м), тем более что не сохранился чертеж. Н.П. Милонов выделял 4 горизонта. Под верхним слоем почвы и щебня шел горизонт XVIII в. с битым кирпичом и известью, в нижней части которого встечена керамика и стекло XVII в. Второй горизонт – супесчаные слои светло-серого цвета с многочисленными фрагментами простой и лощеной керамики, костями животных. По фрагментам изразцов Н.П. Милонов датировал его XVI в.

Третий горизонт – темно-серый, неодинаковый по мощности, в котором зафиксированы контуры ямы (подпол жилища) с остатками дерева, обожженной глины; на дне ее найдены обрезки кожи и части кожаной обуви. В данном горизонте найдена монета эпохи Рязанского княжества. Четвертый (нижний) горизонт – суглинистые по составу и темно-коричневые по окраске слои, где были найдены 2 фрагмента стеклянных браслетов, 2 красных шиферных пряслица, биконическая бусина и донца с клеймами. Н.П. Милонов датировал этот горизонт XI–XIII вв., указывая, что керамика из данных слоев сходна с керамикой XI–XII вв. с Борковского селища.

Культурный слой у Гостиницы черни, как показали работы В.П. Челяпова в 1981 г. (рис. 7, 14), превышает 2 м, сам слой довольно влажный, хорошо сохраняется органика. В траншее на глубине около 1,5 м вскрыты остатки многочисленных деревянных сооружений.

В 1984 г. проводилась расчистка Солодовенных палат, но были исследованы только верхние (до 1 м) слои, представлявшие поздний строительный мусор.

Не совсем ясны мощность и датировка культурного слоя в архиерейском дворе, так как здесь он в значительной степени нарушен остатками больших каменных построек XV–XVIII вв. и прокладкой коммуникаций. Разведочный шурф №1 А.Л. Монгайта (1956 г.) как раз попал на фундаменты поздних построек и поэтому не был доведен до материка. Было установлено, что белокаменный фундамент одного из зданий был уложен в глубокие (2 м) рвы, в дно которых были вбиты дубовые сваи, а на них уже устроена подушка из тесаного белого камня, залитого известью. Отдельные находки – фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, а особенно «курганная» керамика – позволили А.Л. Монгайту сделать вывод о несомненном наличии здесь домонгольских слоев (рис. 7, 1).

Наблюдения в 1973 г. за стратиграфией траншеи, прошедшей почти параллельно стенке Певческого корпуса, показали, что слой мощностью до 2,3 м в этой части Кремля датируется временем не ранее XV в (Макаров, 1973). Верхняя его часть (около 0,6–0,7 м) – слой XVIII–XIX вв. с большим количеством строительного мусора. Ниже (0,7–1,6 м) шел темный суглинок с прослойками щепы и протяженными линзами зеленоватой и серой глины; по керамике слой датируется XVI–XVII вв. С глубины 1,4–1,6 м и до дна траншеи (глубина 1,8–2,3 м) шел слой XV в.(?) – также темный суглинок, с включениями большого количества угольков, прокаленной глины, обгоревшего зерна и т.п. В верхней части этого слоя залегала прослойка со следами сильного пожара, который, по мнению М.М. Макарова, можно датировать 1494 г. По нашему мнению, этот слой датируется не XV в., а XVI–XVII вв. – керамика здесь преимущественно чернолощеная, мореная и сероглиняная XVII в.

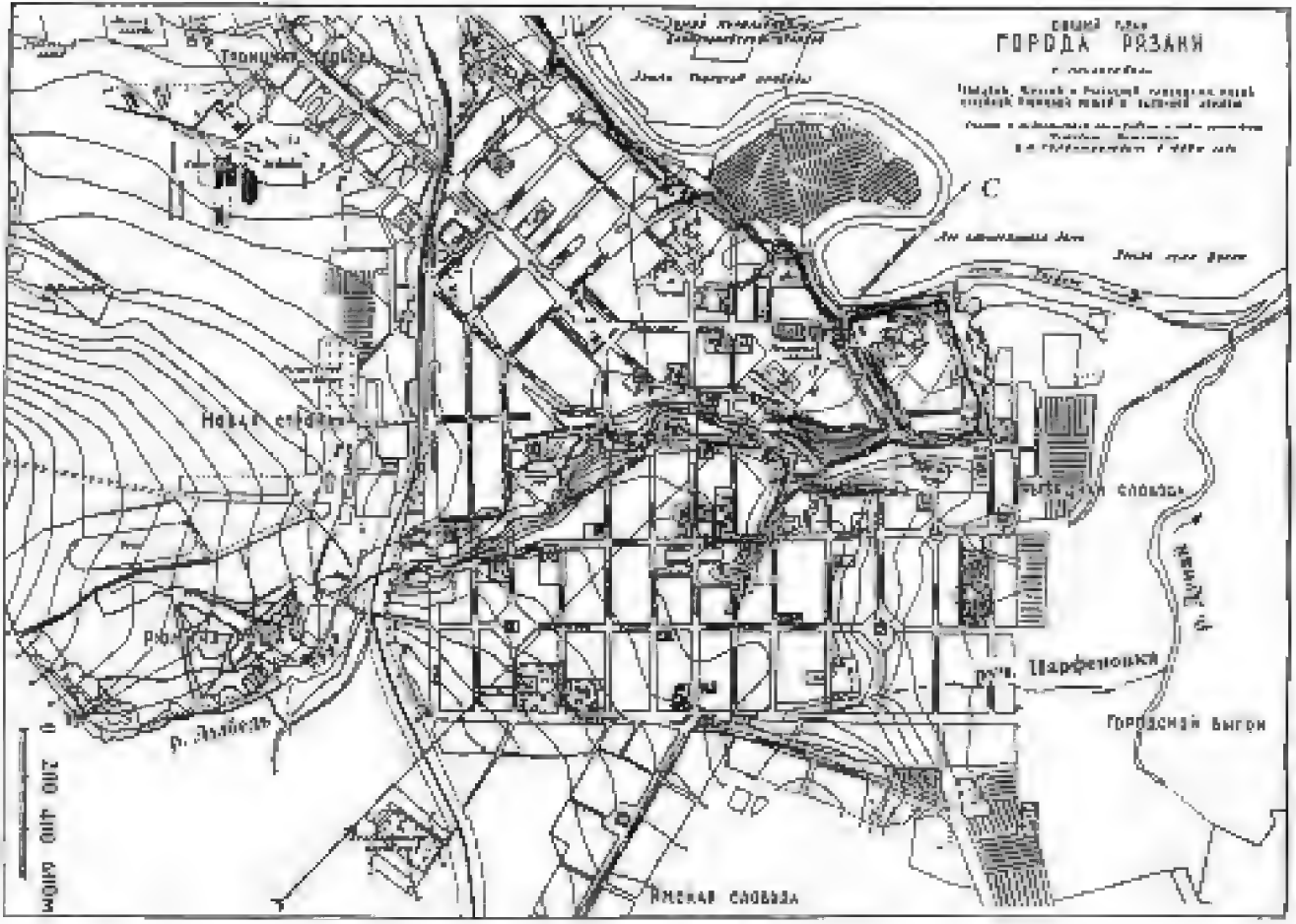


Рис. 3. План города Рязани с пригородами 1909 г.

Более позднюю датировку этого слоя подтверждает и раскоп у западного фасада Певческого корпуса 1977 г., где культурный слой был вскрыт до глубины 280 см (Хворостова, 1977а). Под поздним строительным мусором (50–60см) вплоть до дна раскопа залегал однородный темный суглинок с включением строительного мусора. Сам фундамент опирался на суглинок темного (до черного) цвета, датируемый, в лучшем случае, концом XVI в., а скорее всего серединой – 2-й половиной XVII в.

В том же 1977 г. Е.Л. Хворостова провела исследования у подножия Архангельского собора (Хворостова, 1977б). Ею были вскрыты расположенные друг над другом остатки порога XIX в. и крылец XVII–XVIII вв. Ниже крыльца XVII в. (глубина около -130 – 140 см) шло несколько прослоек с известью и кирпичным щебнем, а с глубины около 200 см пошли прослойки черного суглинка: с угольками (мощность около 40 см), с примесью кирпичного щебня (до 10 см) и без каких-то включений (вскрыты только до глубины около 260 см от дневной поверхности). В нижних слоях найдена чернолощеная керамика XVII в.

Территорию у Архангельского собора, но с южной стороны, исследовал и Н.П. Милонов в 1945 г. Он отметил, что под известняковыми плитами фундамента залегал мощный культурный слой, который он разделял на два горизонта – XV в. и XII в. Датировка нижнего горизонта на основании находок (шиферного пряслица и железного ножа, как явствует из отчета) вызывает очень серьезные сомнения. Описание остальных найденных в траншее предметов, в том числе изразцов, дают дату XVII–XVIII вв., самое раннее – XVI в. Но по отчету Н.П. Милонова очень трудно разобраться, где что найдено, какова мощность слоев и были ли доведены раскопки до материка.

Значительно лучше изучен культурный слой на территории так называемого архиерейского сада (рис. 7, 2). В раскопе № 2 А.Л. Монгайта в северной части сада (в 34 м к югу от южной стены бывшей Гостиницы черни) мощность слоя составила 4 м. Нижняя граница его датируется временем не ранее 2-й половины XIII в. Так как грунт влажный, то здесь хорошо сохранилось дерево и в раскопе были исследованы остатки деревянных построек XIII–XVI вв., а также мостовой и частокола 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. Материк – супеси и пески ледникового периода.

К юго-западу от раскопа № 2 (1956 г.) в 1972 г. Е.А. Толмачевым было заложено два раскопа. К сожалению, раскопы не были пройдены до материка, слой снят только до глубины около 2 м. В раскопе №1 (4×6 м) верхнюю часть наслоений (до глубины около 0,7 м) составлял строительный мусор XVIII–XIX вв. Под ним шел влажный, обеспечивающий сохранность органики, темно-серый гумусный грунт с включениями дерева, золы и мелких угольков. На глубине 0,9–1 м был расчищен развал глинобитной печи, а немного ниже – остатки сруба, рубленного в обло, рубежа XVI–XVII вв. В заполнении сруба и рядом – много щепы и обрывков кожи. На глубине 1,2–1,8 см расчищены остатки двух срубов, один из которых находился внутри второго. Подавляющая масса керамики, найденная в нижних слоях, относится к горшкам XV в.

В раскопе № 2 (первоначальная площадь 16 кв. м, затем расширен до 72 кв. м) (рис. 7, 13) слой с 1 по 8 пласт представлял, как и в раскопе № 1, поздний строительный мусор, насыщенный белокаменной крошкой, известкой, обломками и целыми блоками белого камня. Через весь раскоп на линии СВ-ЮЗ проходила траншея от фундамента каменного здания (камень из нее почти весь выбран), с дна которой (на глубине 180–190 см) были забиты деревянные сваи. На глубине 200 см под сваями расчищены остатки деревянного сруба и прослежены следы частокола.

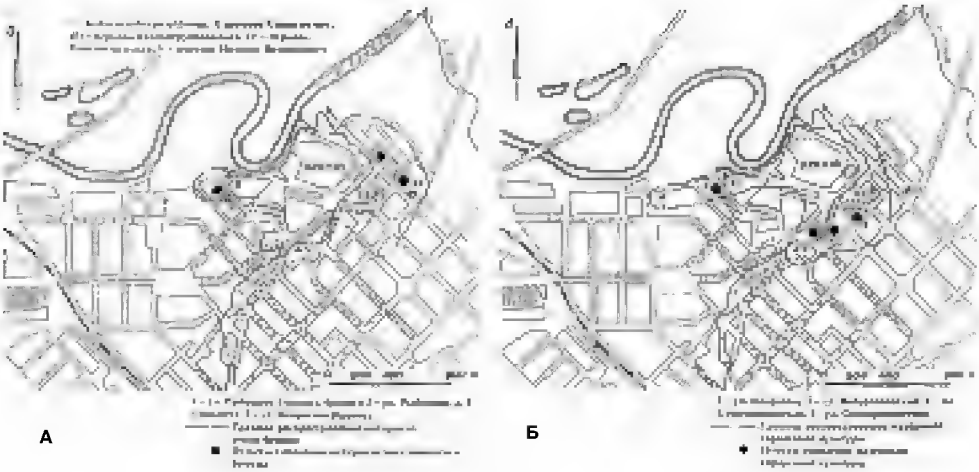


Рис. 4. А–Б. Планы исторического центра г. Рязани

На различной глубине (от 25 до 80 см) в раскопе обнаружено 8 человеческих черепов и значительное количество человеческих костей. В кв. 4 на глубине около 0,4 м расчищены 2 практически полных скелета. Найдены и фрагменты надгробных плит. Е.А. Толмачев предполагал, что остатки фундамента и захоронения относятся к церковному зданию XVII–XVIII вв.

Датировка нижнего слоя не выходит за пределы XV в., хотя под ним, несомненно, шли более древние слои, о чем свидетельствует и находка фрагмента золотоордынской керамики в верхнем перемешанном слое.

Наибольшая мощность культурного слоя зафиксирована в раскопе № 4 1956–1957 гг. (рис. 7, 4). Участок, где располагался раскоп, в древности был сильно заболочен. Верхний слой XVI–XIX вв. достигал толщины 1,5 м и состоял из гумированного чернозема с большим количеством строительного мусора (0,6–0,7 м) и чернозема с прослойками щепы и линзами желтой глины (0,8 м). Слой XV в. имел мощность 1,6 м и почти сплошь состоял из плотно слежавшегося навоза с большим количеством щепы и соломы. Толщина слоя XIV в. равнялась 2 м, он представлял собой черную плотную землю с отдельными прослойками коричневой. Слой XIII в. мощностью 1–1,2 м состоял из суглинка с увеличивающимся книзу количеством навоза (на глубине от 5,5 м до 6,00 м шел сплошной слой навоза). Слой XII в. толщиной 0,8–1 м представлял собой суглинок с большим количеством щепы и перегноя. На глубине 6,9–7 м шел материк – пески ледникового периода.

Слой в раскопе влажный, с глубины 4 м все постройки находились в воде. В раскопе открыты небольшие хозяйственные и жилые постройки разных эпох, частоколы, мостовые, при этом не только в верхних горизонтах, но и в слоях XII–XIII вв. В самом низу был обнаружен настил из больших плах, в край которого были забиты сваи.

В раскопе 1979–1980 гг. Л.А. Коновалова (площадь 100 кв.м.) (рис. 7, 5), расположенного всего в 25 м югу от раскопа № 4 (1957 г.) мощность слоя неодинакова[3]. На значительной части раскопа материк начинался на глубине около 200 см, в то же время в северо-восточной части раскопа отмечалось резкое понижение до -360 см. Верхний горизонт культурного слоя состоял из строительного мусора и серого суглинка мощностью около 100 см, ниже залегала щепа с навозом и коричневый суглинок с органикой (50–100 см). Верхние слои датируются XVII–

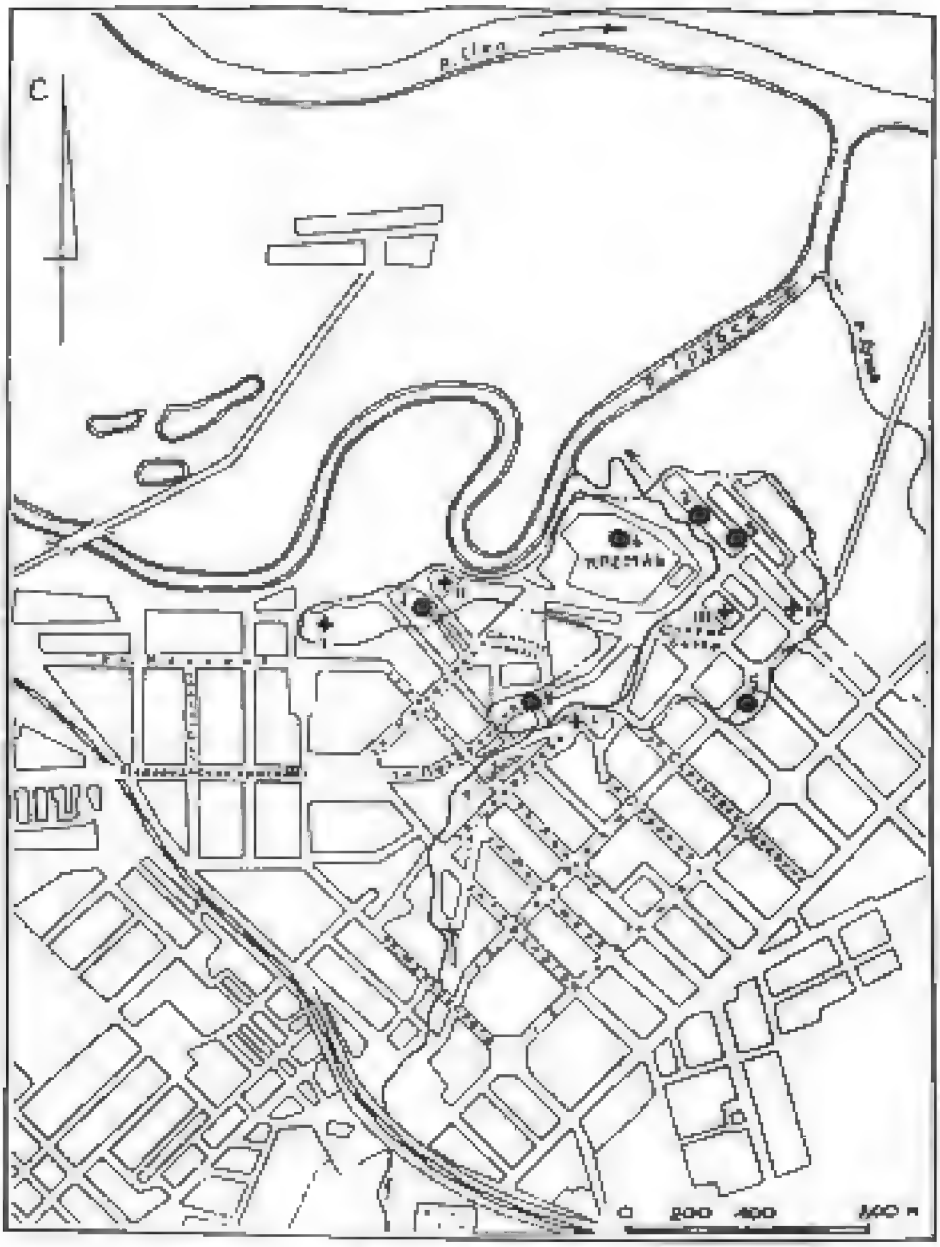


Рис. 5. План исторического центра Г. Рязани:
I – Борисоглебская ц., *II* – ц. Спаса на Бору, *III* – ц. Входоиерусалимская,
IV – ц. Благовещенская, *V* – ц. Николы Дворянского, *1*– ул. Некрасова, *2* – ул. Затинная,
3– ул. Рыбацкая, *4* – ул. Новослободская, *5*– ул. Свободы, *6* – Кремль

XIX вв., слои с органикой XV–XVII вв., нижние – 2-й половиной XIII – XIV в. В раскоп частично попал могильник, некоторые из погребений которого, вероятно, датируются XIV–XV вв. Грунт в раскопе влажный, прекрасно сохраняющий органику.

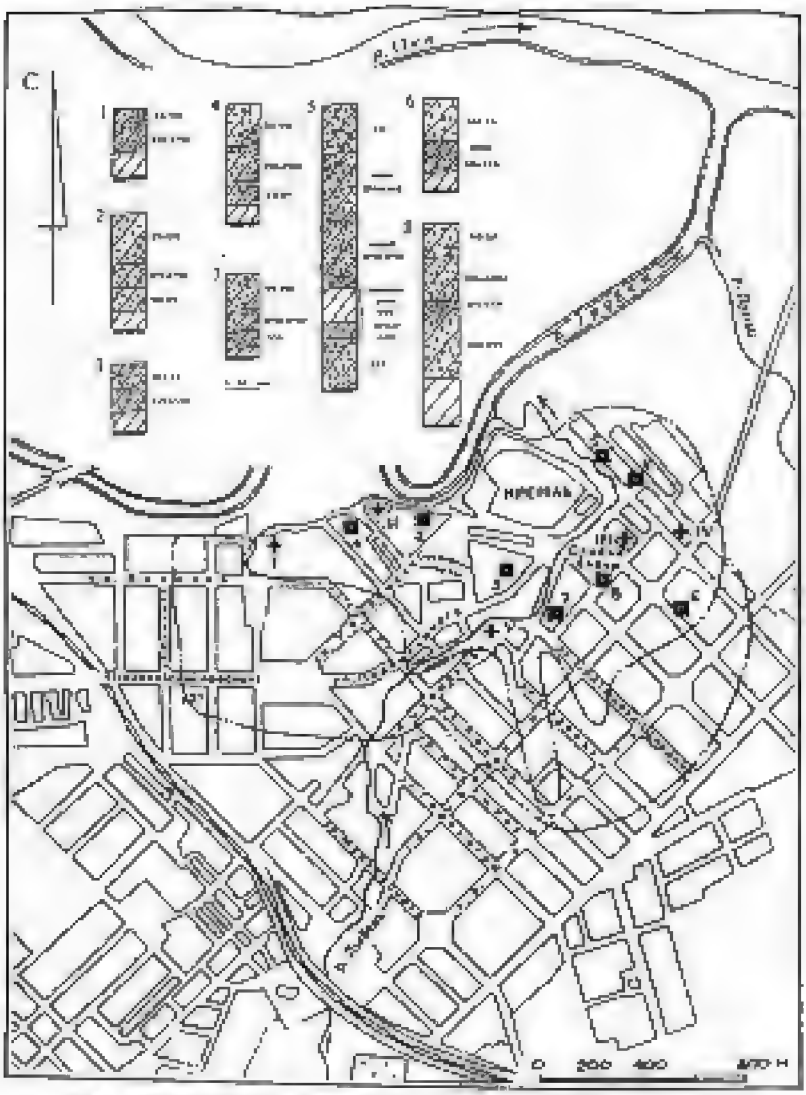
Культурный слой на территории бывшего Спасского монастыря, расположенного около внутреннего двора и занимающего также южную часть архиерейского сада, в значительной мере испорчен кладбищем XVII–XX вв. и позднейшей посадкой фруктовых деревьев. Мощность слоя в раскопе № 3 А.Л. Монгайта (в 47 м к юго-востоку от раскопа № 4) (рис. 7, 3) составила всего 1,5 м, материк – глина. Слой сухой, очень сильно поврежден кладбищем. В основном он датируется XVI–XVIII вв., но ряд находок и керамика свидетельствуют о заселении данного участка начиная с XIII в.

В южной части Кремлевской платформы, у подножия вала, грунт в основном сухой. В юго-западной ее части (раскопки М.М. Макарова 1983, 1987, 1989 гг., вскрытая площадь – 240 кв. м) (рис. 7, 6, 7, 8) мощность культурного слоя превышала 2 м, а в материковых ямах доходила до 5 м. Верхняя часть наслоений (до глубины 100–150 см) датируется XVI–XVIII вв., при этом в ряде случаев отмечались сильные нарушения культурного слоя. Так, в раскопе 1987 г. постройка XVI–XVII вв. прорезала все слои и уходила в материк. Нижняя часть культурного слоя датируется 2-й половиной XIII – XV в., в то же время отдельные предметы и материалы из заполнения некоторых ям свидетельствуют о заселении данного участка уже в конце XII – начале XIII в.

В юго-восточной части Кремлевской платформы (раскопки В.В. Судакова 1986, 1988, 1990 гг. – 334 кв. м) (рис. 7, 9–11) отмечено довольно резкое понижение дневной поверхности с запада на восток и, соответственно, уменьшение толщины культурного слоя со 120–150 см до полного его отсутствия (он сохранялся только в материковых ямах). Верхняя часть культурного слоя, начинающегося под асфальтовой дорогой – плотная супесь серого цвета с большим количеством строительного мусора мощностью до 50 см. Ниже шли слои темно-серого, серовато-коричневого или темно-коричневого цветов с линзами или отдельными включениями глины (обожженной и необожженной), углей, золы, органики, максимальная мощность данных слоев – около 80 см. Подстилает культурный слой пепелисто-серый однородный суглинок – погребенная почва, мощностью 5–30 см. Материк – коричневая глина. Грунт сухой, сохранность органики плохая.

Культурный слой в данной части Кремля, в отличие от других участков, датируется не позднее XV в. – слоев XVI–XVII вв. здесь нет. Встречаются только отдельные предметы и немногочисленные фрагменты керамики этого времени. Это объясняется не только смывом слоя из-за уклона местности, но и тем, что, по крайней мере, с XVI в., здесь проходила дорога – следы канавок от дороги были хорошо видны в материке на раскопе 1990 г. Слой датируется в целом 2-й половиной XIII – XV в., при этом основная его часть – XIV–XV вв. Слои XII–XIII вв. стратиграфически почти не выделяются, об этом периоде можно судить по отдельным находкам и заполнению ряда материковых ям. В материке вскрыта часть кладбища 1-й половины XII в. (Судаков, 1993).

Такова характеристика культурного слоя Кремля по результатам археологических исследований. Как видно, слой не одинаков: если на большей части платформы он сухой, то выделяются и отдельные участки с влажным грунтом и хорошей сохранностью органики. В результате активной хозяйственной и строительной деятельности (в том числе кирпичного строительства) в XVI–XIX вв. слои этого времени в Кремле являются довольно мощными, достигая иногда 2 м. Значительными являются и слои конца XIII – XV в., что отражает бурный рост



■ - расположение стратиграфических колонок культурного слоя
1 – ул. Некрасова, 2 – 20 квартал, 3 – 22 квартал, 4 – ул. Рыбацкая,
5 – ул. Затинная, 6 – ул. Грибоедова, 7 – ул. Скоморошинская,
8 – пл. Скоморошинская
- — · — · Границы распространения материала конца XIII – начала XIV вв
— · · — Граница распространения материала XVI – XVII вв
Состав: 1 – супесь, 2 – суглинок, 3 – глина, 4 – грунт ненарушенного литологического состава, 5 – навоз спекшийся, 6 – материк, включения: 7 – строительный мусор, битый кирпич (щебень), 9 – известь, 10 – органические вещества, 11 – угольки, 12 – зола, 13 – обожженная глина, 14 – пропаленная глина, 15 – обгоревшее зерно, 16 – щепа, 17 – солома

Рис. 6. План исторического центра г. Рязани:
I – Борисоглебская ц., *II* – ц. Спаса на Бору, *III* – ц. Входоиерусалимская, *IV* – ц. Благовещенская, *V* – ц. Николы Дворянского

Переяславля в результате превращения в столицу великого Рязанского княжества. В тоже время, слои XII – 1-й половины XIII в. стратиграфически почти не выделяются, хотя в этот период Кремлевская платформа была заселена, о чем свидетельствует могильник 1-й половины XII в., материалы ряда материковых ям и отдельные находки. Слоев конца XI – начала XII в. этого времени в Кремле пока не найдено.

Острог

Представления о культурном слое на территории Острога дали раскопки В.М. Буланкина, В.В. Судакова и В.П. Челяпова в 1992–1994 гг. (Буланкин, 1992; Судаков, 1993; Челяпов, 1994; всего раскопано 222 кв. м) и наблюдения за земляными работами в 1991–2004 гг. (рис. 1–6). Культурный слой на территории Острога сухой, мощность его в разных частях неодинакова. В юго-восточной части под слоем строительного мусора идет перемешанный слой мощностью 0,4–0,5 м с керамикой XIII–XVII вв., бедный находками. В северо-западной части Острога, на берегу р. Трубеж, мощность слоя достигает 1,5 м (в ямах до 2,8 м). Верхняя его часть (до глубины 0,6–0,8 м) датируется XVII–XIX вв., нижняя (за исключением построек XVII и XIX вв., уходящих в материк) – XIII–XIV вв. В слое отмечается большая концентрация находок, особенно фрагментов стеклянных браслетов. Найдены также фрагменты керамики и другие находки XII – 1-й половины XIII в.

Верхний Посад

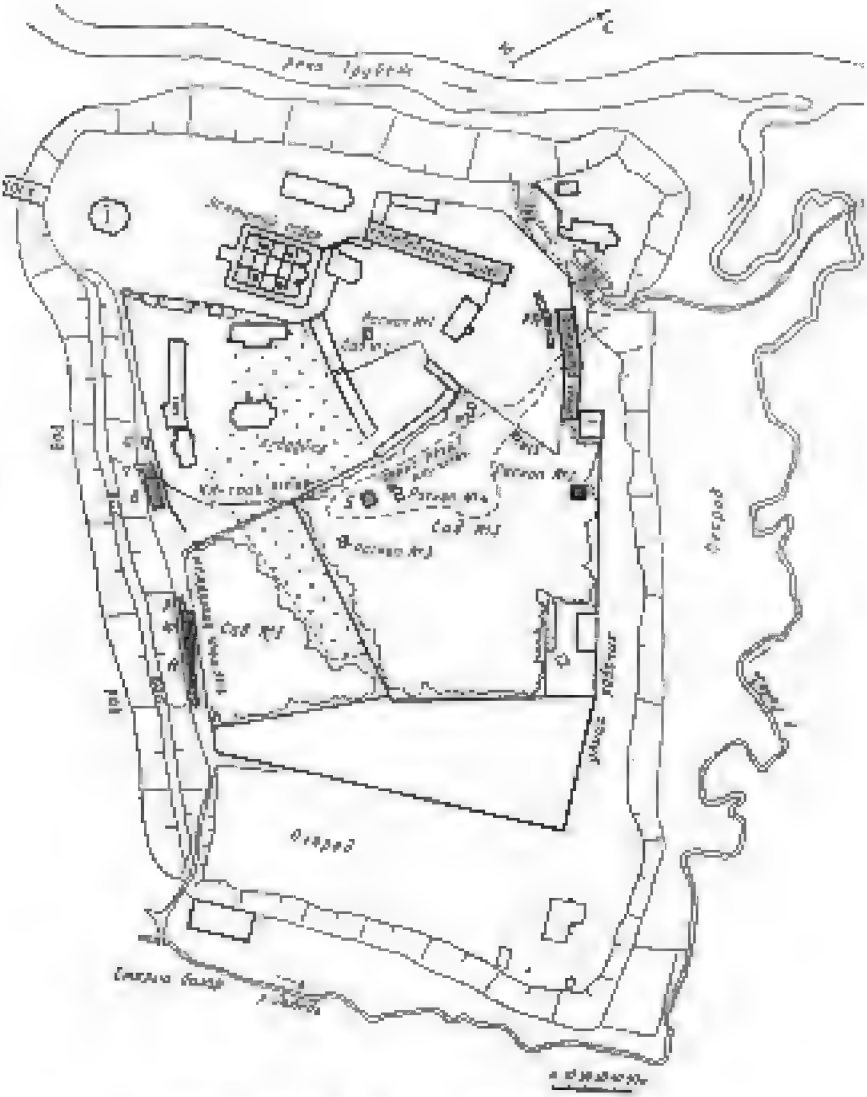
В 1981 г. в разных частях Верхнего Посада были заложены три шурфа (Челяпов, 1981), в 1990 г. – 5 разведочных шурфов (Судаков, 1990), в 1992 г. – 3 раскопа общей площадью 260 кв. м (Буланкин, 1992), в 2000 г. – раскоп площадью 256 кв. м (Судаков, 2000) (рис. 1–6). Общая исследованная площадь составила 733 кв. м. Культурный слой на территории Верхнего Посада сухой. На значительной части он нарушен в результате перепланировок и строительной деятельности. В северной части, вдоль р. Трубеж, мощность его составляет 0,6–0,8 м (за исключением засыпанных оврагов и остатков построек, уходящих в материк) и он датируется XVII–XX вв. Только в материке уцелели остатки жилых и хозяйственных построек XII–XVII вв., на основании изучения которых мы можем говорить о заселении данной территории начиная с конца XII в. Здесь же были найдены фрагменты городецкой керамики, что говорит о наличии поселения в раннем железном веке, но слой данного времени пока не обнаружен. Возможно, заселение данной территории началось еще в эпоху бронзы (найдены кремневый наконечник копья, кремневые отщепы и орудия, единичные фрагменты керамики).

В центральной и южной частях Верхнего Посада мощность слоя доходит до 1,5 м, но датируется он временем не ранее XVI в. У дна ныне засыпанных оврагов, во влажном слое, хорошо сохраняется органика – дерево, фрагменты кожаной обуви XVI–XVIII вв.

Рыбацкая слобода

Исследовалась В.М. Буланкиным в 1992 г. (Буланкин, 1992) и В.В. Судаковым в 2002 г. (Судаков, 2002; Судаков, Буланкин, 2003. С.227–237), всего вскрыто 214 кв. м (рис. 1–6).

Раскоп 1992 г. площадью 60 кв. м располагался в нижней петле р. Лыбедь (высота от уровня поймы р. Ока до 2–3 м), но грунт, не смотря на это, здесь был преимущественно сухой. Под поздним перемешанным слоем со строительным мусором XVII–XX вв. мощностью от 0,2 до 1 м шел слой 2-й половины XIII – XVII в.



- - - первоначальные вал и ров по данным геологии

— — — -овраг и пруд по данным геологии

—•—•— предполагаемая линия укрепления I пол XII в.

- раскопы 1956 – 1957 гг. экспедиции ИИМК АН СССР и Рязанского областного музея

- раскопы 1972 – 1990-х гг.

1 – 4 – раскопы 1956 – 1957 гг. экспедиции ИИМК АН СССР и Рязанского областного музея; 5 – раскоп 1980 г. (А. А.Коновалов); 6 – раскоп 1981 г. (М. М. Макаров), 7 – раскоп 1987 г. (М. М. Макаров); 8 – раскоп 1989 г. (М. М. Макаров), 9 – раскоп 1986 г. (В. В. Судаков); 10 – раскоп 1988 г. (В. В. Судаков); 11 – раскоп 1990 г. (В. В. Судаков); 12 – раскоп № 1, 1972 г. (Е. А. Толмачев); 13 – раскоп № 2, 1972 г. (Е. А. Толмачев); 14 – раскоп 1981 г. (В. П. Чернов)

Рис. 7. План Кремля Переяславля-Рязанского по А.Л. Монгайту

толщиной 0,5–0,9 м, в котором найдена также керамика конца XII – начала XIII в. В слое погребенной почвы найдены фрагменты керамики эпохи энеолита и ранней бронзы.

Раскоп 2002 г. на улице Затинной имел площадь 154 кв. м и находился на склоне долины р. Лыбедь. Мощность культурного слоя колебалась от 2 до 3,5 м. Слой XX в. имел мощность 0,4 м, конца XVIII – XIX в. – 0,8 м, XVII–XVIII вв. – 0,8 м. Ниже шла стерильная прослойка мощностью от 0,1 до 0,7 м – следы половодья конца XVI – начала XVII в., а под ним шел слой XVI в., мощностью до 60 см.

В раскопе найдены редкие фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века, а также керамика и отдельные предметы конца XII – XIV в.

Кроме упомянутых выше раскопов в течение 1990-х годов на данной территории велись наблюдения за ремонтом подземных коммуникаций, которые показали, что мощность культурного слоя колеблется здесь от 1 до 2 м, а заселение данной территории началось в эпоху неолита.

Нижний Посад

Исследовался И.Н. Верестовой в 1996 г. (Верестова, 1996), В.М. Буланкиным в 1997 г. (Буланкин, 1997), В.П.Челяповым в 2004 г. (Челяпов, 2004), раскопано 110 кв. м) (рис. 1–6).

Шурф 1996 г. площадью 12 кв. м по ул. Скоморошинская, д. 18, располагался на мысу правобережной бровки долины р. Лыбедь на высоте около 20 м от уровня поймы. Под поздним перемешанным слоем XIX–XX вв. мощностью до 50 см залегал слой XVII–XVIII вв. (25 -30 см), ниже – перемешанный слой с материалами XIII–XVI вв. мощностью до 20 см. Встречены отдельные фрагменты керамики с текстильными и рогожными отпечатками, кремневые отщепы.

В 1997 г. проводились наблюдения за строительством теплотрассы на пл. Скоморошинской на протяжении 170 м. Участок располагался на правом берегу р. Лыбедь, к востоку от Кремля, на территории Нижнего Посада и Старого торга (высота от уровня поймы реки Оки до 8 м). Под перемешанным слоем строительного мусора XIX–XX вв. мощностью до 40 см залегали напластования XVII–XVIII вв., достигавшие толщины 50 см. Ниже на значительном протяжении наблюдалась угольно-зольная прослойка (5–10 см), перекрывавшая ряд подпольных ям XVI – начала XVII в. Ниже шел культурный слой с материалами конца XIII – XVI в. мощностью до 70 см. На уровне предматерика выявлено скопление керамики городецкой культуры с текстильными отпечатками.

Раскоп 2004 г. площадью 99 кв. м по ул. Грибоедова, д. 48, находился на высоте до 8 м от уровня поймы р. Оки. Под перемешанным слоем XIX–XX вв. мощностью до 50 см залегал слой XVI–XVIII вв., мощностью 40 см, непосредственно над материком прослежен слой с находками XIII–XIV вв. мощностью до 20 см.

На всех изученных участках Нижнего Посада в материке обнаружены ямы конца XIII – XVIII в. По ул. Рыбацкой, Затинной, Грибоедова до пересечения их ул. Свободы в культурном слое встречаются материалы домонгольского времени. Вдоль правобережной бровки р. Лыбедь отмечены отдельные материковые ямы этого времени.

Результаты археологических исследований конца XX – начала XXI в. позволяют дополнить и уточнить сведения о разных этапах заселения территории Переяславля Рязанского и его исторической топографии (Судаков, Челяпов, Буланкин, 1995. С. 3–17; Судаков, Челяпов, Буланкин, 1993. С. 21–23).

Исторический центр Переяславля Рязанского, включающий территорию Кремля и его ближайших окрестностей был заселен начиная с эпохи неолита на участке около 2 км вдоль р. Трубеж и на отдельных участках (особенно вверх по

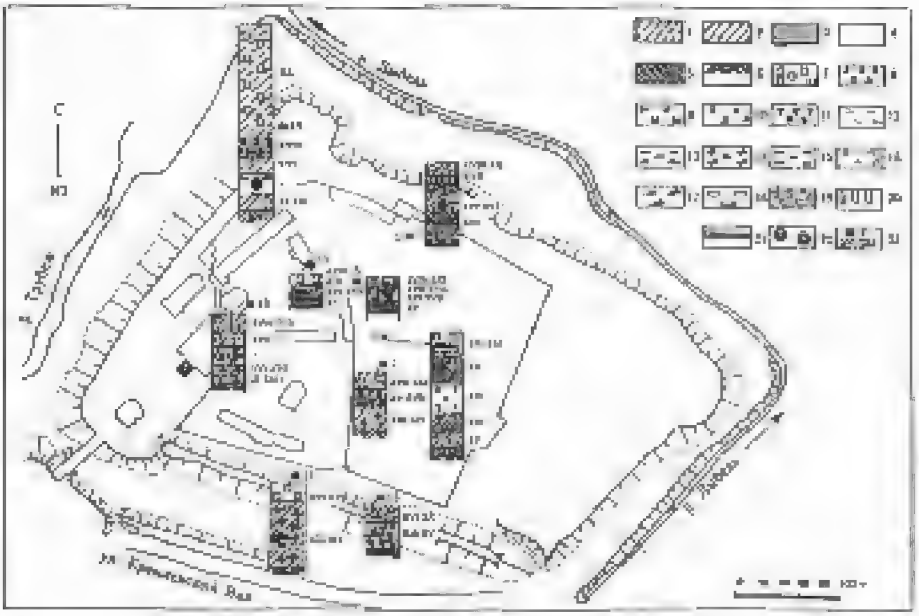
р. Лыбедь, правому притоку р. Трубеж) до 0,7 км вглубь по правобережной террасе р. Оки.

К эпохе ***неолита*** относятся единичные кремневые орудия и отщепы, фрагменты лепной ямочно-гребенчатой керамики, найденные в городских слоях на территории Кремля, Верхнего и Нижнего Посадов на высоте от 2–3 до 20 м от уровня поймы р. Оки.

Поселения эпохи ***энеолита*** располагались на первой надпойменной террасе на высоте 2–4 м от среднего уровня поймы р. Оки на территории Рыбацкой слободы (рис. 4А, 1, 2), где на уровне предматерика обнаружен культурный слой мощностью до 10 см с керамикой этого времени.

Эпоха ***бронзы*** представлена преимущественно единичными фрагментами керамики, кремневыми и каменными орудиями труда, встреченными в историческом центре города (рис. 4А) как на первой надпойменной террасе (высота 2–4 м от уровня поймы р. Ока), так и на верхней террасе высотой до 20 м.

Скопление материалов данного времени отмечено только в двух местах: фрагменты керамики ранней бронзы найдены в Рыбацкой слободе (рис. 4А, 1), в



Условные обозначения: 1 – кровля, 2 – чердаки, 3 – глина, 4 – грунт ненарушенного природного залегания, 5 – нижнее сооружение, 6 – материк, 7 – строительный мусор, битый кирпич, 8 – известь, 10 – органические вещества, 11 – уголь, 12 – зола, 13 – обожженная глина, 14 – прокаленная глина, 15 – обгорелое дерево, 16 – щепа, 17 – солома, остатки тростника, 18 – отдельные бесформенные блоки, 19 – кирпичная кладка, 20 – деревянные сваи, 21 – фрагменты деревянных настилов, мостовых, 22 – фрагменты дерева, 23 – разрез культурного слоя в разных квадратах – номер раскопа, образец – интервал слоя; раскопы: 2, 3 – Монгайт А.Л., 1956-57 гг., 5 – Тихомиров С.А., Рязенко И.В., 1972 г., 7 – Кошелев А.А., 1979-80 гг., 11 – Мизиров М.М., 1987 г., 15 – Судаков В.В., 1986 г., 16 – Алешковский М.Х., 1973 г., 18, 19 – Мерцалов Н.Н., 1945 г.

Рис. 8. Схема строения культурного слоя на территории Рязанского кремля (по В.В. Судакову, В.П. Челяпову, В.М. Буланкину

Верхнем Посаде на набережной р. Трубеж – кремневые орудия и отщепы, отдельные фрагменты керамики эпохи поздней бронзы (рис. 4А, 3).

В разрозненном материале эпохи бронзы преобладает керамика конца II – начала I тысячелетия до н.э. (в том числе сетчатая), реже поздняковская, встречены также отдельные фрагменты керамики примокшанской и балановской культур.

Керамика городецкой культуры с текстильными и рогожными отпечатками ***раннего железного века*** распространена преимущественно в переотложенном виде на более широкой площади, чем керамика эпохи бронзы (рис. 4Б).

В Кремле выявлены как единичные фрагменты керамики, так и развалы горшков. В северо-западной части Кремлевского мыса, у Духовской церкви, скорее всего, было городище этого времени (рис. 7).

На Верхнем Посаде городецкий материал встречен узкой полосой на бровке правобережной террасы р. Трубеж от Борисо-Глебского собора до Кремля, при этом на мысу у Борисо-Глебского собора, возможно, располагалось городище (рис. 4Б, I). Еще одно городище, скорее всего, было в 100 м к северо-западу от здания казначейства (бывшего кинотеатра «Мир»), где в 1992 г. было выявлено скопление городецкой керамики, а на топографических планах 1780 и 1836 г. на этом участке показан мыс между двумя глубокими ныне засыпанными оврагами (рис. 1–3; 4Б, 1).

На Остроге единичные фрагменты керамики городецкой культуры найдены у церкви Спаса-на-Яру (рис. 4Б, II), здесь на мысу также, возможно, располагалось городецкое городище. По левому берегу р. Лыбедь (на ул. Подбельского (Новослободской) городецкая керамика встречена от Кремля до обувной фабрики и хлебозавода на ул. Некрасова, образуя скопление (пункт 2, работы 1991 г.) на мысу левого берега р. Лыбедь (в 38-м квартале во дворах домов № 13, 15, 17 по ул. Подбельского в 40–100 м к северо-востоку от здания цирка) (рис. 4Б, 2), где могло размещаться городецкое городище.

Единичные материалы городецкого времени известны в ближайших окрестностях Николо-Дворянской церкви по ул. Полонского и ул. Праволыбедской, на мысу правобережной бровки долины р. Лыбедь, в 50 и далее к югу от цирка (рис. 4А, V).

На Нижнем Посаде отдельные фрагменты текстильной керамики найдены вдоль правобережной бровки р. Лыбедь по ул. Затинной, Рыбацкой, Скоморошинской до ул. Салтыкова-Щедрина на отметках от 2–3 м до 20 м от уровня поймы р. Оки. На площади Скоморошинской, в 50 м к юго-западу от угла ул. Грибоедова и ул. Скоморошинской (рис. 4Б, 3), возможно, располагалось селище: на уровне предматерика в слое мощностью 10–15 см обнаружено скопление лепной керамики с текстильными отпечатками. В 300 м к юго-западу отсюда вверх по течению р. Лыбедь, на мысу ее правобережной террасы, на ул. Скоморошинской, д. 20, возле Радиодома (историческое название «Скоморошинская горка») (рис. 4Б, 4) по данным РУАК начала XX в. наблюдались остатки городища, что подтверждается находками городецкой керамики.

Заселение ***славянами*** территории Переяславля Рязанского начинается в IX–X вв. К сожалению, пока мы имеем единичные фрагменты керамики IX–X вв., обнаруженные в следующих пунктах: 1 – набережная р. Трубеж по ул. Некрасова; 2 – ул. Затинная; 3 – ул. Рыбацкая (ул. Затинная и ул. Рыбацкая располагаются в Рыбацкой слободе); 4 – ул. Новослободская (Верхний посад); 5 – угол ул. Свободы и ул. Подгорной (Нижний посад); 6 – Кремль (рис. 5). По нашему мнению, здесь были поселения этого времени. Сейчас в окрестностях г. Рязани в радиусе 60 км выявлено около 30 поселений с лепной славянской керамикой (Судаков, Буланкин, 2002; Судаков, Буланкин, 2004). На территории самой Рязани

располагается одно из крупнейших поселений этого времени на Борковской дюне, а недавно открыто и обследовано селище на территории Троицкого монастыря (Вячин,1997, 1999; Барышев, 1998; Вячин, Судаков, 2001).

Одним из мест, которое осваивалось наиболее активно, являлась площадка будущего Кремля. Первоначальное укрепление располагалось, скорее всего, на мысу у церкви Святого Духа на месте бывшего городецкого городища, сильно поврежденного осыпями обрыва в XVI–XVIII вв., при каменном строительстве XVII–XIX вв. и благоустройстве территории музея в XX веке. По топоплану 1909 г. В.Н. Галактионова (рис. 3) прослеживается линия дугообразных рвов с перемычкой посредине в 20–40 м к югу и западу от существующей церкви Святого Духа, что подтверждается геологическим обследованием культурного слоя Кремля: зондирование показало здесь остатки погребенного вала (Романова, 1995. С. 72–74, рис. 31). Дальнейшее освоение Кремлевской платформы было связано с ее топографическими особенностями. На расстоянии 15–45 м к востоку от существующего здания архиерейской конюшни и каретного сарая XVIII–XIX веков, на нынешних огородах, по данным раскопок А.Л. Монгайта (раскоп № 3 1956–1957 гг.) и А.А. Коновалова (1979–1980 гг.) залегал мокрый культурный слой средневекового города мощностью до 8 м и более (?). По всей видимости, на этой территории в средневековье располагался пруд на древнем, ныне засыпанном, овраге. Топоплан 1995 г. указывает на этом месте небольшое понижение, данные геологических исследований определяют мощность поздних влажных отложений по оврагу до 10 м. Предположительные размеры пруда 20×120 м.

Можно предположить, что очередной этап расширения укреплений Кремля (в 1095 г.(?), во всяком случае, не позже середины XII в.) привел к возведению нового укрепленного рубежа в средней части Кремлевского холма, линия которого опиралась на засыпанный ныне овраг с выходом к нынешнему Кремлевскому рву вдоль существующей кирпичной ограды Спасского монастыря в 70–100 м к востоку от существующего Преображенского собора (рис. 7). За пределами этой предполагаемой линии укреплений размещалось кладбище («на путях из города») 1-й половины XII – середины XII в. (Судаков В.В., 1999), перекрытое городским слоем 2-й половины XII в.

По всей видимости, значительная часть территории Кремлевского холма была заселена и укреплена в домонгольское время. Наиболее активно она застраивалась во 2-й половине XIII – XIV в., когда город становится столицей Рязанского княжества. Насыпка мощного вала, маркирующего границу Кремля в настоящее время, началось еще в домонгольское время и продолжалась вплоть до XVI в.

Ныне существующий Кремлевский ров длиной до 500 м по своему объему в 3–4 раза превышает объем насыпанного Кремлевского вала. По всей видимости, на месте нынешнего рва существовало два древних оврага: короткий западный овраг длиной до 150 м впадал в р. Трубеж, длинный восточный овраг длиной до 300 м впадал в р. Лыбедь.

Перемычка между оврагами находилась в 100 м к востоку от существующего кирпичного моста через ров (судя по наивысшим отметкам дна рва). Ров всегда был сухим. Сейчас перепад отметок дна рва составляет до 9 м от отметок устьев рва до наивысшей части его дна. При возведении вала из оврагов выбирались плотные лессовидные суглинки за счет расширения и спрямления их склонов. Дно рва сложено лежащими ниже третичными и раннечетвертичными песками, уровень залегания которых и определил профиль дна рва.

Летописное озеро Карасево, по данным XVI–XVIII вв., располагалось в пойме р. Оки, между северным подножием Кремлевского холма и нынешней ул. Лесопарковой у судоремонтного завода (у западных оконечностей ул. Затинной и Ры-

бацкой). Котловина озера, размерами около 200×200 м несмотря на засыпку, до сих пор хорошо просматривается.

Заселение исторического центра Переяславля Рязанского за пределами Кремля с домонгольского времени и позднее, судя по археологическим материалам, происходило следующим образом.

Материалы ***домонгольского времени (2-й половины XII – начала XIII в.)*** на Верхнем Посаде зафиксированы в узкой полосе вдоль набережной р. Трубеж от Борисоглебского собора до Кремля и вдоль левой бровки долины р. Лыбедь от Кремля до ул. Некрасова. Перед Кремлевским рвом в полосе 150–200 м материал этого времени единичен. По всей видимости, здесь существовала незастроенная зона перед Кремлевскими укреплениями (следовательно, Кремлевский вал на нынешнем месте стал насыпаться в конце XII – начале XIII в.).

Значительно более многочисленный домонгольский материал распространен по всей территории Кремлевского холма и на Нижнем Посаде по улицам Затинная, Рыбацкая, Грибоедова, Подгорная до пересекающей их ул. Свободы и на «Скоморошинской горке», но достоверно культурный слой XII – начала XIII в. прослеживается лишь в отдельных местах.

Находки домонгольского времени по большей части залегают в переотложенном виде в слоях конца XIII – XVII в., или же в ямах XII–XIII вв., заглубленных в материк. Вплоть до конца XIII – начала XIV в. Нижний Посад по площади и интенсивности жизни резко преобладал над Верхним Посадом (рис. 5).

В конце XIII – начале XIV в. столица Рязанского княжества и епископия из Старой Рязани переносятся в г. Переяславль-Рязанский, ставший столицей Рязанского княжества вплоть до вхождения его в состав Московского государства в 1521 г. В этот период в городе ведется активная строительная деятельность. По современным археологическим данным территория города выросла примерно в полтора раза, при этом резко увеличилась плотность застройки (рис. 5-6), а значит количество жителей увеличилось в 3–4 раза.

На Верхнем и Нижнем посадах появляются усадьбы с заметным количеством импортных предметов: византийские амфоры, византийская и восточная стеклянная посуда, поливная керамика, встречаются отдельные фрагменты плинфы.

Верхний Посад получил сплошную застройку от набережной Трубежа до р. Лыбедь по линии Борисоглебский собор – ул. Каляева – ул. Ленина, а по площади примерно сравнялся с Нижним Посадом, но плотность застройки была здесь ниже (рис. 6).

Культурный слой конца XIII – начала XIV в.обнаружен в основном на Нижнем посаде и в Кремле. На Верхнем Посаде материал XIII–XIV вв. выявлен или в переотложенном виде в более поздних слоях, или в материковых ямах конца XIII – начала XIV в. в виде замкнутых комплексов.

В конце XIV – 1-й половине XVI в. город Переяславль-Рязанский по археологическим данным переживает существенный упадок: сокращается площадь города, застройка становится менее плотной, появляются значительные пустыри на Верхнем и Нижнем Посадах, уменьшается количество следов ремесленного производства. Достоверный культурный слой этого времени не выделен, материал найден в переотложенном виде в более поздних слоях или в материковых ямах, что затрудняет установление хотя бы приблизительных границ города.

По всей видимости, в последнее десятилетие XV в. (Иван III) или в начале XVI в. (Василий III) на территории Верхнего Посада формируется вторая после Кремля укрепленная территория города (Острог) с деревянными стенами и 16 деревянными башнями. Острог располагался к юго-западу от Кремля, отделен от него Кремлевским рвом, с севера ограничен бровкой правобережной террасы

р. Ока (набережная Трубежа), с юго-востока – левобережной бровкой долины р. Лыбедь, с юго-запада от поля – отделялся крепостным укреплениями, опиравшимися на овраги, один из которых впадал в долину р. Лыбедь на юге, другой, более протяженный, в долину р. Оки на севере. Линия укреплений Острога от поля проходила к западу от ТЮЗа на ул. Петрова и примыкала к бровке долины р. Лыбедь в начале ул. Некрасова (рис. 1).

Так называемый «Старый Острог», известный по литературным источникам как резиденция Рязанского епископа (с конца XIII в.) на мысу правобережной террасы р.Оки возле Борисоглебского собора (в 0,4–0,6 км к З от «Острога») размером около 200×100 м археологически не изучался (рис. 1, 2). Вся информация исходит от Рязанской ученой архивной комиссии (конец XIX – начало XX в.). С юга к «Старому Острогу» в этот период примыкала «Владычная (Борисо-Глебовская) слобода» протяженностью вдоль правобережной террасы р. Ока (от ТЮЗа до нынешней ул. Каширина) до 1,1 км, шириной от бровки террасы до 0,3 км (рис. 1, 8). После 1521 г. (вхождение Рязанского княжества в состав Московского государства) резиденция Рязанского епископа переносится в Кремль.

Культурные слои конца XVI – 1-й половины XVII в. представлены гумусированными суглинками с углем, перегнившей органикой, значительным количеством фрагментов обожженной и прокаленной глины. Эти слои сформировались как остатки деревянной застройки без фундаментов с глинобитными печами, уничтожаемой в результате многочисленных пожаров.

Для уточнения датировки культурных слоев конца XVI – 1-й половины XVII в. нужно использовать следующие наблюдения:

При раскопках на территории Рыбацкой слободы по адресу ул. Затинная, д. 88 (Судаков, 2002 г.) (рис. 6, 5) на *отметках +97.9 +97.3 от уровня моря* выявлена стерильная прослойка, образованная в ходе катастрофических половодий последних лет XVI – начала XVII в. (в годы царствования Бориса Годунова) мощностью от 10 см вверх по склону правого берега р. Лыбедь до 60–70 см вниз по склону, отделяющая нижележащие слои XVI в. от вышележащих слоев 1-й половины XVII в. Подобную ситуацию (с наличием сохранившейся стерильной прослойки начала XVII в.) можно ожидать на соответствующих отметках по всему периметру Рыбацкой слободы (район ул. Затинная, Рыбацкая, Лесопарковая вплоть до ул. Свободы), в пределах распространения Нижнего Посада и окружавших его слобод. *Очень важно в этом плане исследование участка нижней террасы у подножия мыса с церковью Спас-на-Яру*, где на соответствующих отметках в осыпях правого берега р. Трубеж известен значительный материал XII– XVII вв., ориентировочная мощность культурного слоя до 1,5–2 м.

В ряде мест Нижнего Посада, реже на Верхнем Посаде (более плохая сохранность слоя, большая его перемешанность на значительной площади) прослеживается угольно-зольная прослойка, перекрывающая подпольные материковые ямы деревянных жилищ с преимущественно глинобитными печами, по керамике датируемые до конца XVI – начала XVII в., выше угольного слоя в перемешанных слоях материал XVII–XVIII вв.

Угольную прослойку можно предположительно связать с набегом Сагайдачного в 1618 г., когда был сожжен весь город, кроме Кремля, или с аналогичными событиями 1613 г. (Буланкин – пл. Скоморошинская – 1997 г.; Рыбацкая Слобода – 1992; Верестова И.Н. – 1996).

По всей видимости, новый этап интенсивного развития города начинается в середине XVII в., после окончания «смутного времени».

Культурные слои XVII – конца XVIII в. мощностью 0,5–1,0 м распространены по всей территории исторического центра г. Рязани от ул. Каширина на западе до

ул. Есенина на востоке и примерно по ул. Ленина, Правольбедской, Кудрявцева на юге, а с севера ограничивается подножием правобережной террасы р. Ока (рис. 1, 8; 2), они содержат в себе материалы предыдущих эпох в переотложенном виде или же этот материал сохраняется в виде замкнутых комплексов в материковых ямах, остатки ранних культурных слоев зафиксированы на отдельных изолированных участках.

Массовое применение кирпича для сооружения печей в Переяславле Рязанском, по всей видимости, следует относить к концу XVII – XVIII в. Начало массового применения кирпича и тесанного камня, известковой штукатурки при жилищном строительстве, кирпичные или каменные фундаменты глубокого заложения, скорее всего, можно отнести к концу XVIII – 1-й трети XIX в.

По археологическим данным, к середине – 2-й половине XVII в. в основном сформировалась та планировка города, которая была зафиксирована планом 1780 г. (рис. 1). По указу Петра I от 1699 г. с жителей Рязанского уезда была снята «Градская повинность» по содержанию и обороне городских укреплений. Постепенно, в течение 1-й половины XVIII в., ветхие деревянные стены разбирались, валы и рвы засыпались, территория большей части укреплений (кроме Кремля) использовалась под городскую усадебную застройку.

Такова характеристика культурного слоя Переяславля Рязанского.

Примечания

[1] Из-за смерти держателя Открытого листа отчёт написан не был. Часть материалов хранится в фондах и научном архиве РИАМЗ.

[2] Отчет за 1989 г. из-за смерти исследователя не написан, археологическая коллекция из раскопок 1989 г. хранится в фондах РИАМЗ: КП № 16500А

[3] К сожалению, после смерти А.А. Коновалова полностью полевая документация не найдена, поэтому характеристика нижних слоев неизвестна.

Литература

Барышев И.Б. Отчет об археологических раскопках на территории Троицкого монастыря г. Рязани в 1998 г.// Архив ИА РАН. 1998.

Буланкин В.М. Отчет о производстве археологических наблюдений при строительстве теплотрассы по ул. Скоморошинской в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997.

Буланкин В.М. Отчет о раскопках в исторической части г. Рязани в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992.

Верестова И.Н. Отчет об охранных раскопках в г. Рязани, ул. Скоморошинская, д. 18 в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996.

Вячин А.А. Отчет об археологических раскопках на территории Троицкого монастыря в г. Рязани в 1997 г. // Архив ИА РАН. 1997.

Вячин А.А. Отчет об археологических раскопках на территории Троицкого монастыря в г. Рязани в 1999 г. // Архив ИА РАН. 1999.

ГАРО. Ф. С.Д. Яхонтова. Р–2798. № 30. С. 20; № 18. С. 22.

Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды XII АС. М., 1905. Т. 1.

Ильенко И.В. Описание и фиксация шурфов по трассе водопровода у ц. Преображения и у ц. Богоявления в Рязанском Кремле // НА РИАМЗ. 1974. III. № 2870.

Макаров М.М. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Кремле Переяславля-Рязанского летом 1973 г. // НА РИАМЗ. 1973. III. № 2873.

Макаров М.М. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р-1.

Макаров М.М. Отчет об охранных работах в Кремле г. Рязани в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р–1. № 11181.

Милонов Н.П. О результатах археологических раскопок в б. Кремле Переяславля-Рязанского в июле 1931 г. // Научный архив РИАМЗ. 1931. III. №560.

Милонов Н.П. О результатах археологических раскопок в б. Кремле Переяславля-Рязанского летом 1945 г. // НА РИАМЗ. 1945. III. №1300.

Милонов Н.П. Отчет о палеонтологических исследованиях на месте Кремля Переяславля-Рязанского летом 1929 г. // Архив ИИМК. 1929. №1060/12.
Милонов Н.П. Разведки 1929–1930 гг. в Переславле-Рязанском // ПИДО. 1935. № 5–6.
Монгайт А.Л. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р–1. №1354.
Монгайт А.Л. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1955. Р–1. №1205.
Монгайт А.Л. Отчет о раскопках в 1957 г. в Кремле Переяславля-Рязанского //Архив ИА РАН. 1957. Р–1. №1621.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
Романова Е.И. Геоморфологические условия // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995.
Судаков В.В. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего Посада г. Переяславля-Рязанского (Современная Рязань) в 1990 г. // НА РИАМЗ. 1990. III.. № 3524.
Судаков В.В. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 12119.
Судаков В.В. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1988г. //Архив ИА РАН. 1988. Р.-1. №14169.
Судаков В.В. Отчет о раскопках в г. Рязани и Рязанской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993.
Судаков В.В. Отчет о раскопках на территории Верхнего Посада г. Переяславля Рязанского по ул. Некрасова, д. 24 в 20 квартале г. Рязани в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2000.
Судаков В.В. Славянский могильник Переяславля-Рязанского // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1999.
Судаков В.В., Буланкин В.М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье. 2002 // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005.
Судаков В.В. Отчет о раскопках на территории Рыбацкой слободы г. Переяславля Рязанского ул. Затинная, д. 88 в 28 квартале г. Рязани в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2002.
Судаков В.В., Буланкин В.М. Памятники с лепной славянской керамикой IX–X вв. на территории Рязанской области. 2004. (в печати).
Судаков В.В., Буланкин В.М. Раскопки в Рыбацкой слободе Переяславля Рязанского в 2002 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.
Судаков В.В., Челяпов В.П. Раскопки в Рязани // АО 1986 года. М., 1988.
Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М. Дославянские археологические памятники на территории г. Рязани // Из прошлого и настоящего Рязанского края. Рязань, 1995.
Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М. Переяславль Рязанский (итоги исследований 1979–1995 гг.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Новгород. 1996. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.
Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., Романова Е.И. Материальная и духовная культура древнего Переяславля // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995.
Титов С.М. Тайники Рязанского Кремля // Рабочий клич. № 177. Рязань, 1924.
Толмачев Е.А. Отчет о работе археологического отряда на территории Рязанского Кремля, июнь-октябрь 1972 г. // НА РИАМЗ. 1972. III. № 2863.
Федеральный закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации.
Хворостова Е.Л. Отчет об археологических исследованиях у западного фасада Певческого корпуса Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. 1977. III. № 3039.
Хворостова Е.Л. Отчет об археологических исследованиях у северного портала Архангельского собора Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. 1977. III. № 3040.
Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1994.
Челяпов В.П. Отчет об охранных раскопках в г. Рязани в 2004 году // Архив ИА РАН. 2004.
Челяпов В.П. Отчет о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р-1. №8501.

Коваль В.Ю.

Планировка средневекового Ростиславля*

Планировка и застройка средневековых городов Руси до сих пор остается одним из наименее выясненных вопросов их исторической топографии. Если в крупнейших городских центрах (таких как Новгород, Псков, Киев, Москва), которые даже в своей современной планировке сохранили следы древней городской структуры и к тому же на протяжении десятков лет подвергаются планомерному археологическому изучению, древняя планировка может быть реконструирована по целому ряду взаимодополняющих признаков (Засурцев, 1963), то в «мертвых» городах решение этой задачи затрудняется отсутствием внешних следов от разрушенных деревянных построек, малой площадью археологических исследований и трудностью интерпретации вскрываемых объектов (особенно, если древесина в культурном слое не сохраняется и реконструкцию приходится проводить по заглубленным в грунт частям построек). В тех случаях, когда на памятниках удается провести масштабные раскопки (например, в Старой Рязани, Суздале, Владимире, Твери) древняя планировка и застройка начинают постепенно вырисовываться, однако подавляющее большинство так называемых «малых» городов средневековой Руси изучены настолько фрагментарно, что никаких конкретных данных об их планировке получить не удается. При этом среди «малых» городов особенно слабо изучена планировка мысовых городищ (Куза, 1985. С. 62), к числу которых относится Ростиславль Рязанский. В этой связи материалы раскопок этого летописного города представляют определенный интерес.

Ростиславль Рязанский был основан муромо-рязанским князем Ростиславом Ярославичем в 1153 г. и просуществовал до начала XVII в. В настоящее время это типичный «мертвый» город средневековой Руси – полузаросшее лесом городище, площадка которого расположена на мысу, образованном высоким правым берегом р. Оки и прорезающим этот берег оврагом. Она имеет вытянутую треугольную форму длиной 350 м и шириной 150 м. Основание этого треугольника составляет вал, проведенный от края склона долины Оки до оврага (рис. 1), в котором имеются два проема, разделяющие его на 3 линейных отрезка. Перед валом сохранились остатки заплывшего рва. Не известно, являются ли эти проемы в валу остатками древних ворот, оформленных башнями, либо они возникли позже возведения вала, но по крайней мере в XIX в. они уже существовали (см. ниже).

---

* Полевые исследования городища Ростиславль проводятся при финансовой поддержке Отделения исторических и филологических наук РАН в рамках программы «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (проект «Город и поселенческие структуры Рязанской земли (Средневековая Русь: центры и периферия)», руководитель проекта А.В. Чернецов).

Площадь городища внутри участка, отрезанного валом, составляет около 25 тыс. кв. м (2,5 га). Следовательно, Ростиславль следует относить к числу типичных «малых» городов средневековой Руси, а его площадь соответствует минимальному размеру таких городов (Куза, 1985. С. 57). К городищу примыкает неукрепленный посад (рис. 1), общая площадь которого превышала 5 га. Таким

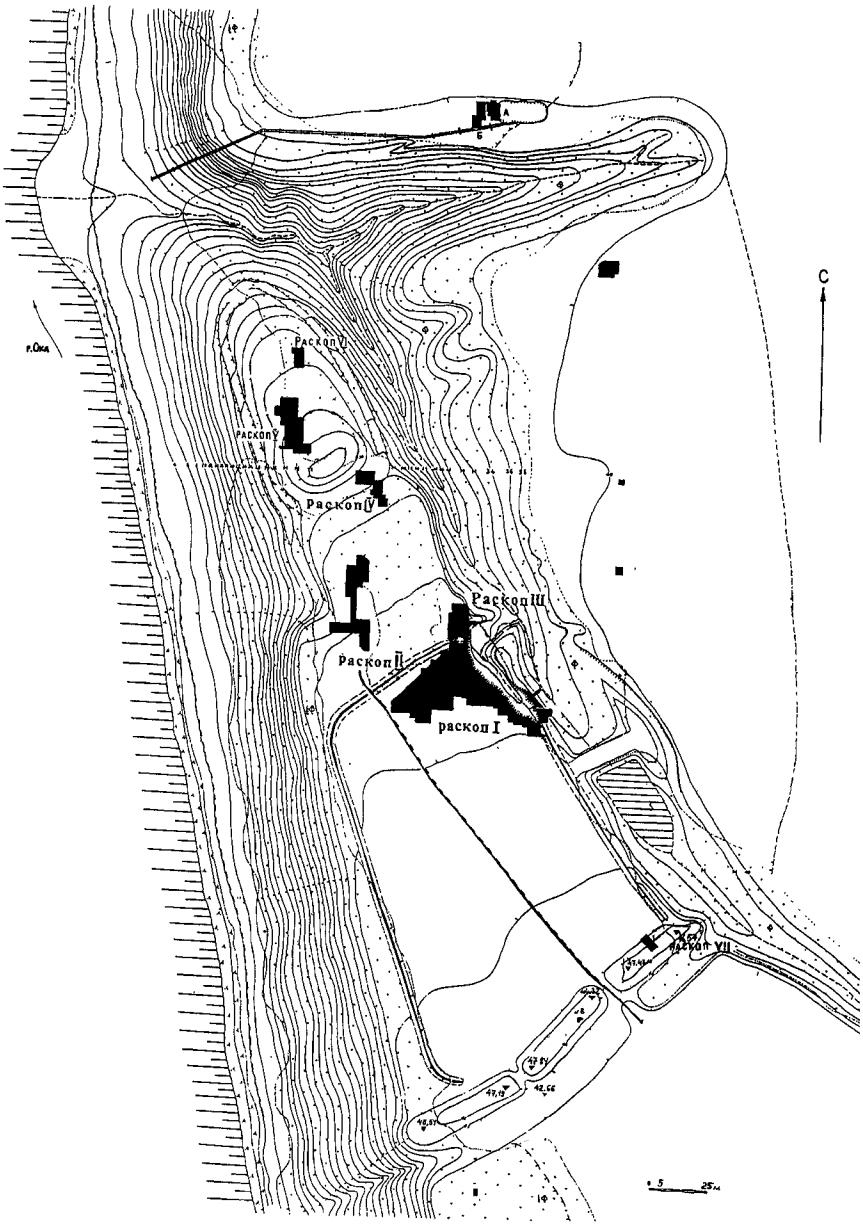


Рис. 1. Топографический план городища Ростиславль с указанием размещения раскопов 1994–2004 гг.

образом, суммарная площадь средневекового Ростиславля в период максимального расширения его территории составляла 7–8 га.

Мысовая часть городища отделена от остальной его территории валом высотой 5 м, длиной 30 м и шириной 15 м, склоны мыса эскарпированы (рис. 1). Площадь участка, отделенного этим валом (размеры 50 х 30 м), составляла не более 1000 кв. м (без учета площади вала). П.А. Раппопорт при классификации древнерусских городов отнес Ростиславль (по формальным признакам наличия 2 линий укреплений) к числу городищ сложно-мысового типа, причем его мысовая площадка рассматривалась им в качестве детинца, а остальная часть городища – окольного города (Раппопорт, 1956. С. 51; 1961. С. 31). А.Л. Монгайт был в целом согласен с такой интерпретацией и предполагал, что этот «детинец» Ростиславля возник на месте городища эпохи раннего железного века, «укрепления которого были использованы для защиты детинца» (Монгайт, 1961. С. 236). Однако с интерпретацией мысовой части городища в качестве «детинца» нельзя согласиться, поскольку ее размеры слишком малы. Поэтому еще А.В. Куза выражал сомнение в правильности интерпретации этой мысовой площадки в качестве детинца (Куза, 1996. С. 136): на его территории могла бы разместиться только одна крупная усадьба либо несколько совсем мелких. Кроме того, детинцы размерами 0,1–0,2 га (или менее того) на территории Руси не известны; даже для укреплений площадью 0,5–1,0 га интерпретация в качестве детинцев является сомнительной. Следовательно, в действительности детинцем Ростиславля выступала вся укрепленная площадка городища (площадью 2,5 га), которую П.А. Раппопорт называл окольным городом. В этом случае окольного города на Ростиславле не существовало вовсе. Подобно многим городам Залесской и Рязанской земель, он состоял из детинца и обширного неукрепленного посада, непосредственно примыкавшего к детинцу (Коваль, 2003. С. 265–269). Заметим, что среди городищ Рязанской земли есть и такие, где внутри детинца валами был выделен небольшой по площади участок. Такова, к примеру, планировка Ижеславльского городища близ Пронска. Следовательно, планировка Ростиславля не является совершенно уникальной. Вместе с тем, следует признать, что назначение и социальная природа мысового укрепления на Ростиславле остаются пока неясными.

Для предмонгольской эпохи площадь детинца Ростиславля (2,5 га), как и общая площадь его городской застройки (7–8 га) может считаться достаточно скромной. Например, территория только укрепленной части Старой Рязани (столичного города Рязанской земли) составляла в XI–XII вв. 7 га, а в XIII в. уже 66 га. Вместе с тем, даже самые крупные из русских городов в момент своего возникновения имели приблизительно такую же площадь, как и Ростиславль (детинец Пскова – 2,5 га, Суздаля – 1,5 га), а очень многие крупные и знаменитые уже в XII в. города Руси по площади своих детинцев (2,5–3 га) были в то время равны Ростиславлю: это Туров, Звенигород-Южный, Путивль, Теребовль, Дорогобуж, Юрьев, Серенск, Мстиславль, Новогрудок, Минск, Друцк, Ярославль и другие (Куза, 1985. С. 53, 54, 56). Другое дело, что вокруг многих из этих городов располагались обширные укрепленные (окольный город) и неукрепленные (посады) территории застройки.

Следует отметить, что в описание городища Ростиславль, данное в свое время А.Л. Монгайтом (Монгайт, 1961. С. 235), вкрались существенные ошибки, проистекавшие из невнимательного прочтения ряда описаний памятника, выполненных в XIX в. рязанскими краеведами. В одном из них укрепления Ростиславля были описаны следующим образом: «с востока – глубокий овраг, с севера огромнейшая кругообразная насыпь, ... и юга – три насыпных вала, разделенные двумя проходами» (Местные известия ..., 1874. С. 40). А.Л. Монгайт понял этот

невнятный текст таким образом, что речь в нем шла о ***трех рядах*** валов, а поскольку на Ростиславле присутствовали только 2 ряда валов: первый (малый) – на оконечности мыса и второй (главный) – в 300 м от него, им был сделан вывод о том, что «за последние 50 лет ... один из внешних валов был уничтожен» (Монгайт, 1961. С. 235). Однако «три вала» в цитированном описании – это всего лишь три отдельных отрезка одного и того же вала, разделенные проходами (рис. 1). Таким образом, никакого третьего ряда валов, уничтоженного к XX в., у Ростиславля никогда не было.

Ввела в заблуждение уважаемого ученого и приведенная в корреспонденции 1874 г. формулировка «огромнейшая кругообразная насыпь», которая была, видимо, принята им за обозначение полукольцевого вала. Отсюда был сделан вывод о каких-то укреплениях, защищавших Ростиславль с севера и также уничтоженных к нашему времени (Монгайт, 1961. С. 235). Однако под этой «насыпью» подразумевался вал мысового укрепления, который внешне отдаленно напоминает большой сторожевой курган. Именно так, в качестве кургана, этот вал и воспринимался посетителями городища в XIX в. Так фигурирует он в описании 1841 г., где указано, что «курган» находится в 100 саженях от валов (О древних монастырях..., 1841. С. 483), так же описывали его и рязанские краеведы XIX в. (Любомудров, 1874. С. 484; Пискарев, 1845. С. 128). Таким образом, «курган» и «огромнейшая кругообразная насыпь» – это одно и то же. Сразу же заметим, что функционально вал мысового укрепления не мог служить сторожевым курганом, поскольку насыпан на сниженном участке мыса, так что уровень высшей точки этого «кургана» на 2–3 м ниже уровня поверхности окружающей равнины, так что для стоящего на его вершине человека горизонт закрыт со всех сторон, кроме запада (т.е. со стороны Оки). Наконец, вал мысового укрепления не мог защищать Ростиславль с севера, т.к. его северный склон является очень пологим, тогда как южный склон очень крут и очевидно, что именно он был обращен в сторону потенциального противника.

За время работы Ростиславльской экспедиции (1994–2004 гг.) на площадке детинца Ростиславля семью раскопами была вскрыта площадь 1665 кв. м (рис. 1). При этом для изучения древней городской планировки наибольший интерес представляют раскопы I и III, поскольку они оказались состыкованы друг с другом, а общая вскрытая ими площадь составила 1100 кв. м. На этой площади были исследованы 190 различных заглубленных в материк объектов (представлявших собой остатки подпольных, подпечных и хозяйственных ям, погребов, столбовых ям, оград и т.п.). Расположение этих объектов на первый взгляд кажется хаотичным (рис. 2), но такое впечатление происходит из-за того, что все они возникали на протяжении пяти столетий, планиграфически накладываясь друг на друга. Очевидно, что для изучения планировки городской территории необходимо вычленение синхронно существовавших (или одновременно выходивших из употребления и засыпавшихся для нивелировки территории) сооружений. Только так можно реконструировать реальную картину городской застройки и проследить те изменения, которые происходили в планировке города на протяжении столетий.

Отказ же от принципа хронологической дифференциации археологических объектов приводит, как правило, к тому, что при реконструкции планировочной структуры города остатки разновременных построек рассматриваются как существовавшие в один и тот же исторический период. Отсюда возникает иллюзия чрезвычайно плотной городской застройки, не имеющая ничего общего с реальностью. Пример такого некорректного подхода к реконструкции городской планировки Старой Рязани дает работа В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича (Даркевич,

Борисевич, 1995), где на один план (рис. 1) были вынесены постройки конца XII, 1-й трети XIII и 2-й половины XIII – XV в., поскольку дробной датировки этих объектов не было проведено, но все они априорно рассматривались в качестве «домонгольских». В результате плотность застройки города получилась значительно выше, нежели она была в действительности. Лишь благодаря тому, что сооружений XIII–XV вв. на территории Старорязанского городища оказалось относительно немного, полученная реконструкция не оказалась совершенно неприемлемой.

Поэтому первой задачей нашего исследования было получение дробных датировок для имеющихся остатков построек и сооружений. Для достижения этой цели предварительно был проведен анализ всех датирующих находок и всех керамических наборов из комплексов с использованием выявленных хронологических индикаторов керамики (т.е. хронологически изменявшихся ее признаков) (Коваль, 1996; 2000; 2004 Керамика...)[1]. В результате для 65 объектов (из упомянутых на площади раскопов I и III 190 объектов) удалось установить узкие датировки *с точностью до половины столетия*, которые маркировали время прекращения функционирования этих объектов. Параллельно были установлены две особенности формирования исследованных на Ростиславле комплексов:

1) подавляющее большинство из них сформировались не в результате каких-то катастрофических событий (пожары, внезапные разрушения), а представляли собой итог целенаправленной засыпки котлованов, образовавшихся после разборки наземных (а иногда и подземных) частей деревянных построек, проводившейся с целью скорейшего выравнивания поверхности участка. Это означало, что ликвидация построек проходила в условиях обычной мирной жизни города и могла быть связана с перестройками отдельных обветшавших зданий и сооружений, либо с какими-то общими перепланировками городской территории. При этом все ценные вещи из котлованов старых построек (независимо от назначе-

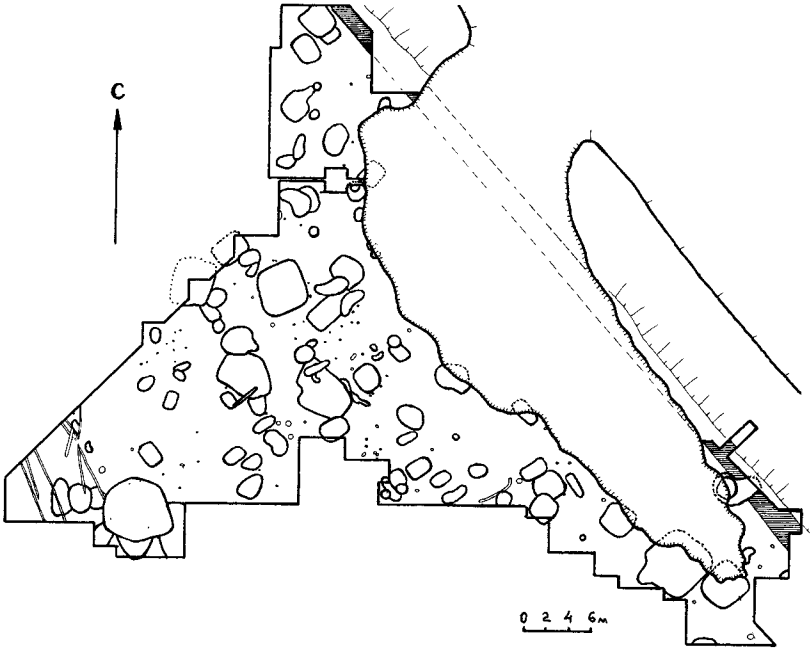


Рис. 2. Городище Ростиславль. Раскопы I и III.
Общая схема размещения древних объектов

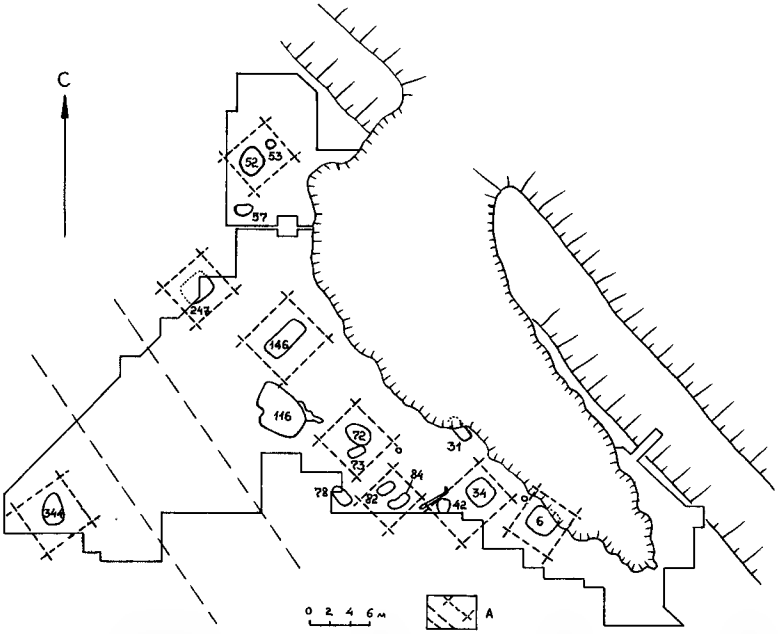


Рис. 3. Раскопы I и III. Схема размещения построек и улицы 2-й половины XII в. (*А* – ориентировочные контуры деревянных построек и трассы улицы. Цифрами отмечены номера объектов по полевой нумерации, представленной в отчетах о раскопках памятника в 1994–2004 гг.)

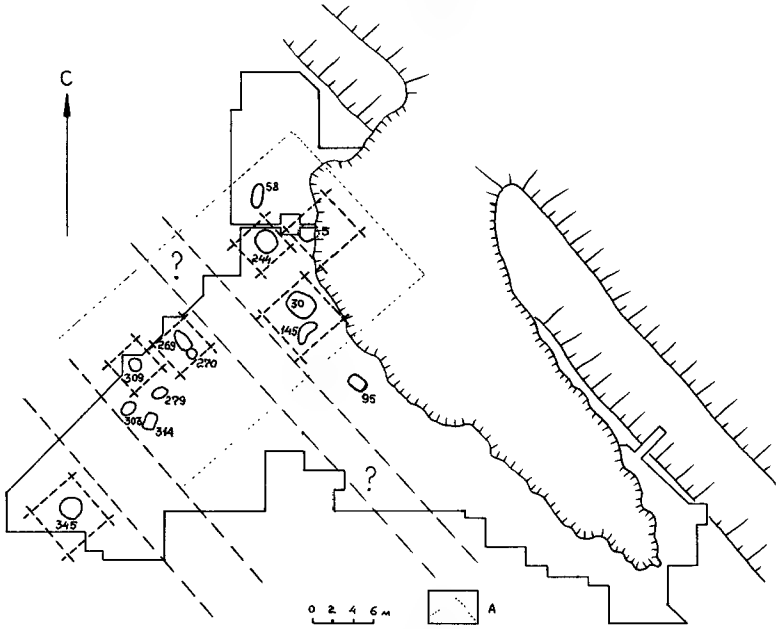


Рис. 4. Схема размещения построек и улицы в 1-й половине XIII в. (*А* – ориентировочные контуры усадебных участков. Прочие условные обозначения см. на рис. 3)

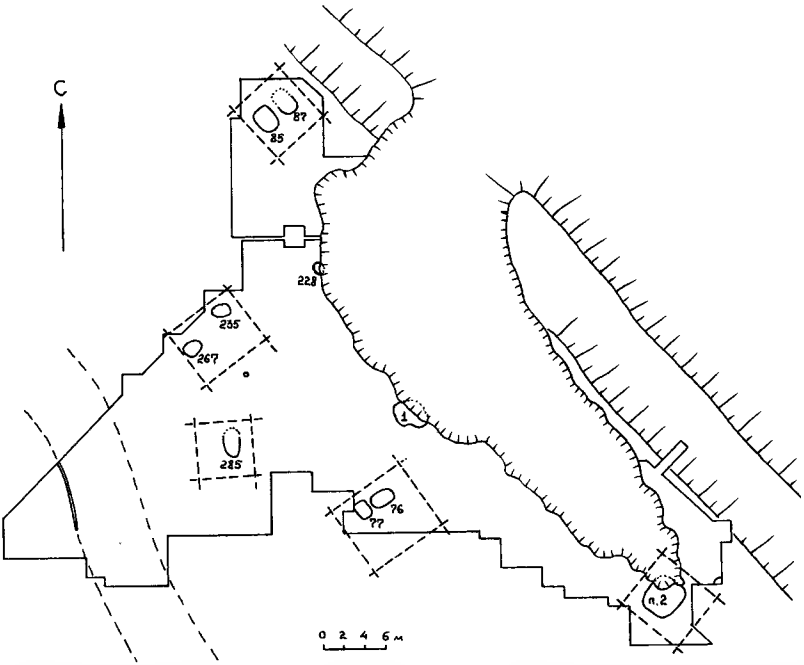


Рис. 5. Схема размещения построек и улицы во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV в.

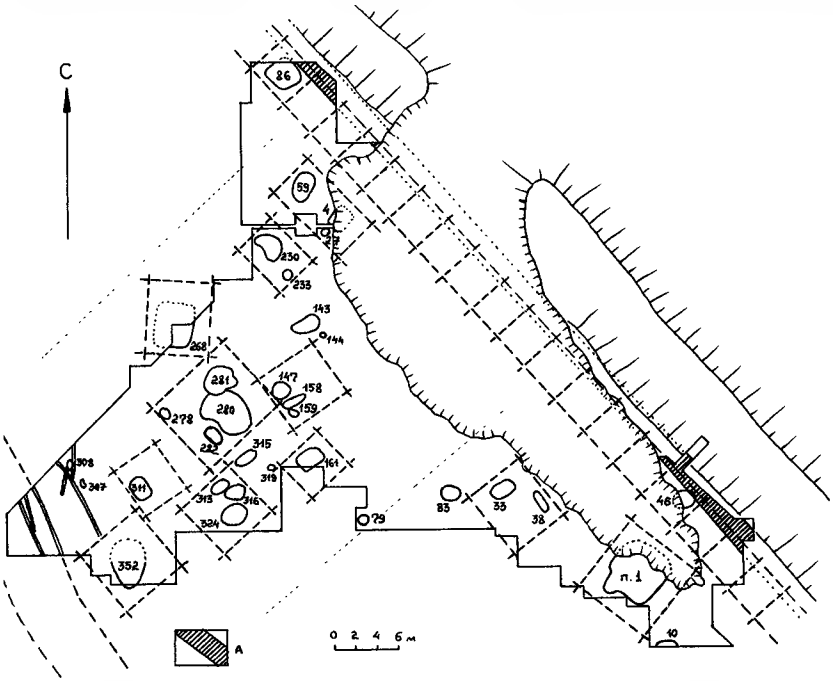


Рис. 6. Схема размещения построек и улицы во 2-й половине XIV в.
А – насыпь-основание деревянной оборонительной стены

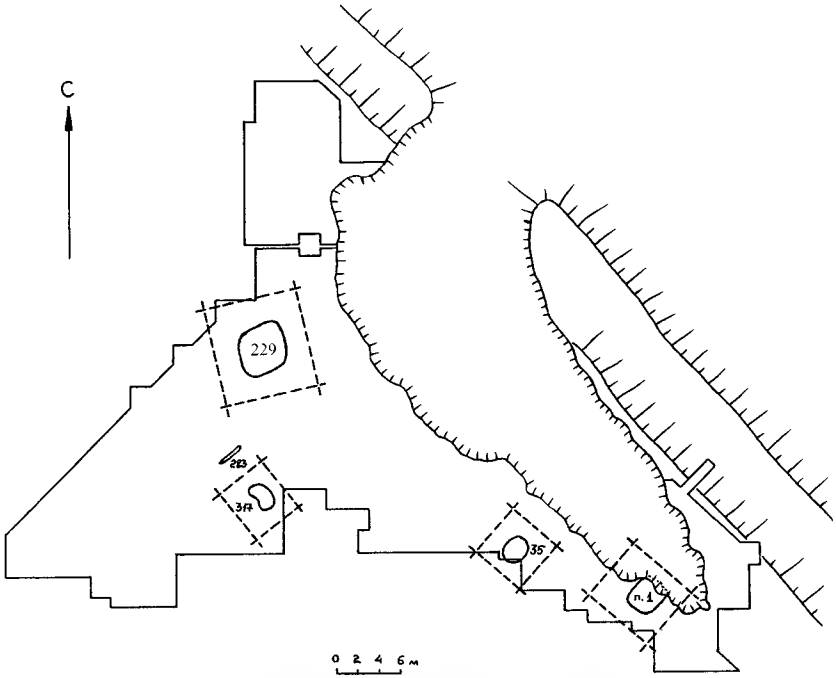


Рис. 7. Схема размещения построек XV в.

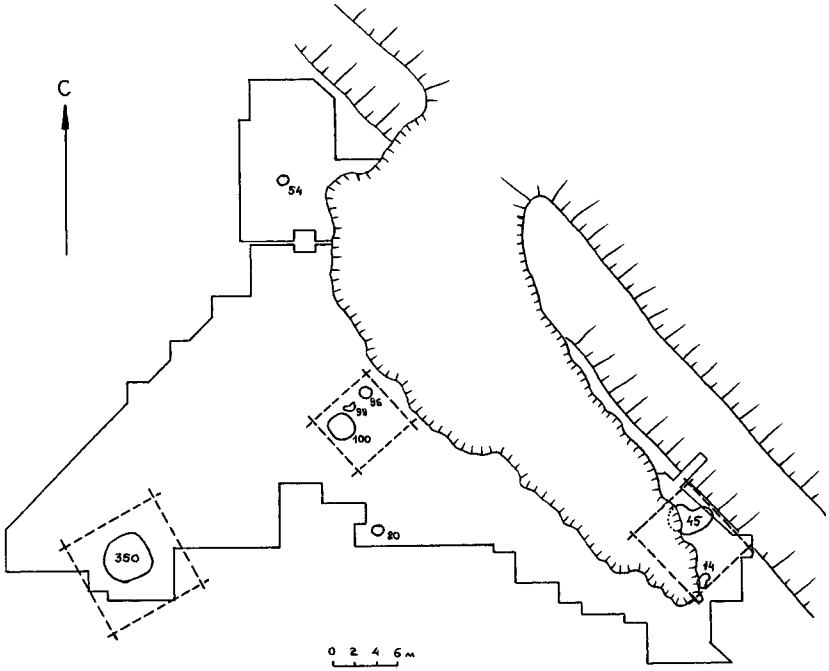


Рис. 8. Схема размещения построек XVI в.

ния последних) вынимались, а в засыпку попадал только разнообразный мусор (сломанные или случайно утерянные вещи).

2) Засыпка образовавшихся после разборки деревянных построек ям производилась как культурным слоем, бравшимся, вероятно, с окружающей территории конкретного двора, так и материковым грунтом, который мог поступать в результате выкапывания каких-то новых ям. При этом заполнение ставших ненужными котлованов производилось в максимально сжатые сроки, о чем свидетельствует отсутствие в заполнении подавляющего большинства ям дождевых замывов (тонкослоистых суглинистых прослоек), неизбежно возникающих при длительном пребывании незасыпанной ямы под открытым небом. Меньшую часть объектов составляли ямы, заполнение которых бытовым мусором происходило длительное время: это подпечные ямы, находившиеся внутри построек, в которые сгребалась зола и уголь из печей, а также мусорные ямы конической профилировки (на их дне невозможно было стоять) с дождевыми замывами на дне или в толще заполнения (они располагались под открытым небом). К числу погибших в пожаре объектов относились только подпечная яма и погреб (ямы 77 и 76), входившие в состав одной крупной жилой постройки начала XIV в.

Из сделанных наблюдений следуют следующие важные выводы:

– датировки по вещевому и керамическому материалу основной массы комплексов не могут быть сужены в пределах выделенных хронологических этапов протяженностью в полстолетия (поскольку материал в этих комплексах смешан);

– на территории Ростиславля имеется очень мало комплексов мгновенного накопления, для которых можно пытаться установить дискретные даты;

– планировка Ростиславля изменялась не под влиянием катастроф (пожаров и разорений города врагами), а в условиях нормально протекавшей жизни.

Еще для 35 объектов даты прекращения их функционирования оказалось возможным установить с точностью до века (по причине недостаточно объемных керамических комплексов и отсутствия датирующих вещевых находок). Таким образом, для исследования оказались доступны 100 разновременных объектов, являвшихся остатками жилых и хозяйственных построек. На основании полученных ранее датировок эти объекты были разделены на 6 хронологических групп:

1) 2-я половина XII в. (не ранее 1153 г., т.е. летописной даты основания Ростиславля)[2];

2) 1-я половина XIII в. (в основном – до 1237 г.);

3) 2-я половина XIII – 1-я половина XIV в. (раннезолотоордынский период)[3];

4) 2-я половина XIV – начало XV в. (позднезолотоордынский период);

5) XV в.;

6) XVI в.

Мы не рассматриваем здесь конкретные черты, отличающие комплексы каждой из выделенных групп (их хронологические индикаторы), поскольку они рассматривались в ряде опубликованных работ (Коваль, 1996; 2004 Керамика...). Объекты, отнесенные к каждой из выделенных хронологических групп, выносились на отдельные схемы исследованного раскопами I и III участка, что позволяет проследить динамику в размещении этих объектов (рис. 2–7).

Указанные 6 хронологических групп объединяются в 3 эпохи:

– домонгольскую (середина XII – середина XIII в.);

– золотоордынскую (середина XIII – начало XV в.);

– позднесредневековую (эпоху финала Рязанского княжества и его включения в состав Московского государства) (XV–XVI вв.).

Необходимо остановиться также на ряде методических вопросов, связанных с интерпретацией выявленных при раскопках заглубленных в материк объектов

(ям и котлованов построек), а также реконструкции размеров и пространственной ориентировки жилых и хозяйственных построек. Отметим, что на всей исследованной площади городища пока не встречено никаких следов каменного или кирпичного строительства. Таким образом, все постройки Ростиславля на всем протяжении его полутысячелетней истории были только деревянными. Поскольку культурный слой Ростиславля является сухим и не сохраняет органических материалов, следы деревянных конструкций здесь встречаются исключительно редко и в неудовлетворительном состоянии сохранности. Не сохранились не только основания деревянных стен, но даже отпечатки бревен в материке, по которым можно было бы реконструировать размеры и конфигурацию построек. Поэтому установление размеров существовавших некогда деревянных наземных строений сопряжено здесь со значительными трудностями. Единственными маркерами древних деревянных построек Ростиславля являются котлованы их подземных частей, вырытых в материке[4]. При этом можно с полной уверенностью констатировать тот факт, что на раскопанных площадях в Ростиславле не было обнаружено ни одной постройки, которую можно было бы интерпретировать в качестве землянки или полуземлянки. Выявленные же крупные углубления в материке являлись остатками подпольных частей зданий (кратко – «подполий», называемых иногда также «подклетами») и погребами (как отдельно стоявшими, так и находившимися под жилыми постройками) (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 119). Сложнее обстоит дело с интерпретацией столбовых ям в качестве построек каркасной конструкции, которые предполагались исследователями древнерусской архитектуры в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 117). На Ростиславле несомненных образцов таких построек не выявлено, однако известны несколько подпольных ям и погребов, в ближайшем окружении которых были обнаружены скопления столбовых ям, которые могли быть остатками каркасно-столбовых конструкций, перекрывавших эти сооружения.

Остатки деревянных конструкций удалось выявить только в одной постройке XV в. и при исследовании остатков оборонительной стены 2-й половины XIV в., возведенной вдоль восточного края площадки города (здесь на нераспаханных участках сохранилась ленточная прослойка грунта, насыщенного древесным тленом). Учитывая все пречисленные трудности, при реконструкции размеров и ориентировки деревянных построек на Ростиславле мы сочли целесообразным исходить из 5 гипотез:

1) ориентировка заглубленных частей построек совпадала с направлением их наземных деревянных стен;

2) все постройки предположительно рассматривались в качестве срубных;

3) размеры внешнего контура стен срубов устанавливались на расстоянии не менее 0,5 м от края углубленной части постройки (исходя из того, что стена должна была устанавливаться на прочном основании);

4) каждое углубление в грунте размерами не менее 2×2 м рассматривалось соответствующим, как правило, одной наземной постройке, однако в тех случаях, когда два (или более) соседних углубления содержали идентичный материал (например, обломки от одних и тех же сосудов, что означало, как минимум, их одновременную засыпку) и размещались изолированно от других синхронных комплексов, то эти углубления в ряде случаев рассматривались как относящиеся к одному и тому же строению;

5) конфигурация наземных построек условно была принята за квадратную в плане; исключение составляли некоторые постройки, в состав подземных частей которых входили 2 или более углубления (планировка таких домов реконструировалась в виде прямоугольника).

В результате были гипотетически реконструированы срубные постройки (клети) размерами от 2×2 до 10×10 м при среднем размере домов приблизительно 5×5 м (рис. 2–7). Подчеркнем, что эти реконструкции не претендуют на полную научную достоверность – они создавались нами только для того, чтобы составить наглядное представление о плотности размещения построек по площади города. В то же время они соответствуют средним размерам срубов наземных жилых домов и хозяйственных построек, известных по раскопкам в Новгороде и Киеве[5].

В связи с тем, что все постройки Ростиславля XII–XVI вв. относились с числу наземных, а их остатки оказались практически начисто уничтожены распашкой XIX–XX вв. (к которой добавилась еще разрушительная деятельность кладоискателей, не оставлявших своим вниманием Ростиславль на протяжении полувека), то отопительные сооружения (печи) жилых и хозяйственных построек оказались начисто уничтожены. Их единственными остатками являются крошечные кусочки обожженной глины в перемешанном культурном слое и пласты такой же глины («печины»), сохранившиеся в заполнении многих ям, в том числе таких, которые были остатками заглубленных в материк подземных частей наземных построек. Эти массивы печины информируют о том, что все печи жилищ на Ростиславле изготавливались только из материкового тяжелого суглинка, но в подавляющем большинстве случаев они не могут указывать на конкретное местоположение таких печей до их разрушения, поскольку ремонты печей (при которых они частично разбирались) производились часто, а образовывавшийся «печной мусор» мог выбрасываться довольно далеко от того места, где ремонтировавшиеся печи располагались. Конечно, такой тяжеловесный мусор старались выкинуть где-то неподалеку от дома, но по месту его обнаружения, как правило, невозможно, достоверно установить первоначальное местоположение печи.

Лишь в двух случаях удалось более или менее точно выяснить расположение глинобитных печей по отношению к углубленным частям построек. Остатки глинобитного массива от первой печи были обнаружены на краю объекта 21, являвшегося остатками подпольной ямы в жилом доме 1-й половины XIII в. (судя по датировке материала из заполнения). Уверенность в синхронности существования подпольной ямы и отопительного устройства проистекает из того факта, что одна часть массива печины компактно залегала на материковом краю ямы, а другая сползла в яму и фиксировалась на ее стенке и дне. К сожалению, размеры печи по этому скоплению не могут быть точно установлены, но можно констатировать ее относительно небольшие размеры (не больше, чем у основной массы печей Новгорода)[6].

Второй случай фиксации печи связан с объектами 76 и 77, заполнение которых датировано концом XIII – 1-й половиной XIV в. В первом из них (являвшемся остатками погреба) был обнаружен блок обожженной глины размерами 130×50–70×30 см с отпечатками бревен на одной из граней, который несомненно принадлежал очень крупной глинобитной печи, стоявшей некогда вплотную к стене дома. Размещавшаяся рядом яма глубиной до 30 см (объект 77), заполненная углистой супесью, была перекрыта аморфным массивом аналогичной по цвету и плотности печины. Вероятно, это была подпечная яма, над которой, собственно, и размещалась большая глинобитная печь. Нам представляется возможным следующее объяснение данного археологического контекста: после разрушения наземной постройки с печью, которое произошло в результате пожара (следы этого пожара фиксировались в объекте 76), часть материала печи была сброшена в ставший ненужным погреб, а другая ее часть просела в подпечную

яму. Остается неясным, в какой части постройки размещалась эта печь и каковы были ее размеры и конструкция.

В ряде случаев фиксировались подпечные ямы, по которым допустимо весьма приблизительное определение положения отопительного устройства внутри здания. Однако в подавляющем числе реконструируемых построек не только расположение печи, но даже само ее наличие оставалось трудноразрешимым вопросом. Этому способствовало также то, что Ростиславльские печи, видимо, устанавливались не на столбовых опечках (или не только на них). Достоверные следы таких опечков в виде 3–4 столбовых ям, размещающихся по углам квадрата с размерами, близкими типовым параметрам печей, пока обнаружить не удалось. Возможно, в отличие от Новгорода, здесь печи устанавливались на срубных опечках не только в производственных помещениях, но и в жилых домах.

Следы оград, разделявших усадьбы, пока на Ростиславле не выявлены. Возможно, они представляли собой не частоколы, а более легкие сооружения типа плетней или наметов (подобные ограды известны на Старой Рязани). И хотя именно ограды рассматриваются исследователями древнерусского градостроения в качестве главного признака наличия усадебной застройки (Куза, 1985. С. 62), трудно сомневаться в том, что застройка Ростиславля была именно усадебно-дворовой. Подтверждением тому служат канавки от частоколов, ограничивавших усадебные территории со стороны улицы, которые были здесь зафиксированы (рис. 2).

Планировка Ростиславля 2-й половины XII в.

Постройки с материалами 2-й половины XII в. размещаются по всей площади исследованного участка полосой, вытянутой по линии СЗ–ЮВ, т.е. параллельно восточному краю площадки городища, обращенному к оврагу (рис. 3). Одна из построек (с объектом 52, который мог быть небольшим подпольем) размещалась всего в 6 м от края оврага, другие располагались на расстоянии 10–20 м от него, но поскольку значительная часть площадки городища между этой линией домов и склоном уничтожена эрозией (новообразовавшимся оврагом), нет уверенности в том, что здесь располагался только один ряд домов.

Наряду с подпольными ямами, выявлена одна крупная яма с неровным дном (объект 116), которая могла изначально находиться вне построек (под открытым небом), назначение ее остается неясным.

К юго-западу от сплошного ряда построек фиксируется пустое пространство, не занятое какими-либо строениями, за которым, на расстоянии 46 м от края оврага, обнаружена подпольная (?) яма от постройки (объект 344), которая, возможно, входила в следующий ряд строений. В этом случае, на «пустом» пространстве вполне остается место для уличного проезда шириной до 10 м. Если обратиться к плану всего городища, то окажется, что участок предполагаемого проезда точно вписывается в трассу, проведенную по прямой линии от восточных ворот города (восточного проема в валу детинца) к месту размещения городского собора (на площади раскопа II) (рис. 9). Последний фиксируется по насыпи из материкового суглинка (мощностью 20–40 см), перекрывшей культурный слой, содержавший материалы 1-й половины I тыс. н.э. и X–XI вв. Очевидно, что такая подсыпка могла возникнуть только на начальном этапе существования Ростиславля, когда городской культурный слой еще не начал накапливаться на его площадке. Существование культового строения на этом месте подтверждается также размещением вокруг насыпи христианских погребений, датировка которых по ряду признаков возможна в пределах XIV–XVII вв. Насыпь могла служить нивелирующей субструкцией для монументальной деревянной постройки

размерами не менее чем 8 х 8 м, которая могла принадлежать христианскому храму (городскому собору), воздвигнутому, вероятно, в момент закладки города и сохранившемуся вплоть до самого конца существования Ростиславля.

Размещение всего в 15 м к югу от стен предполагаемого собора подпольных ям жилых построек (рис. 9) свидетельствует о том, что храм был окружен отно-

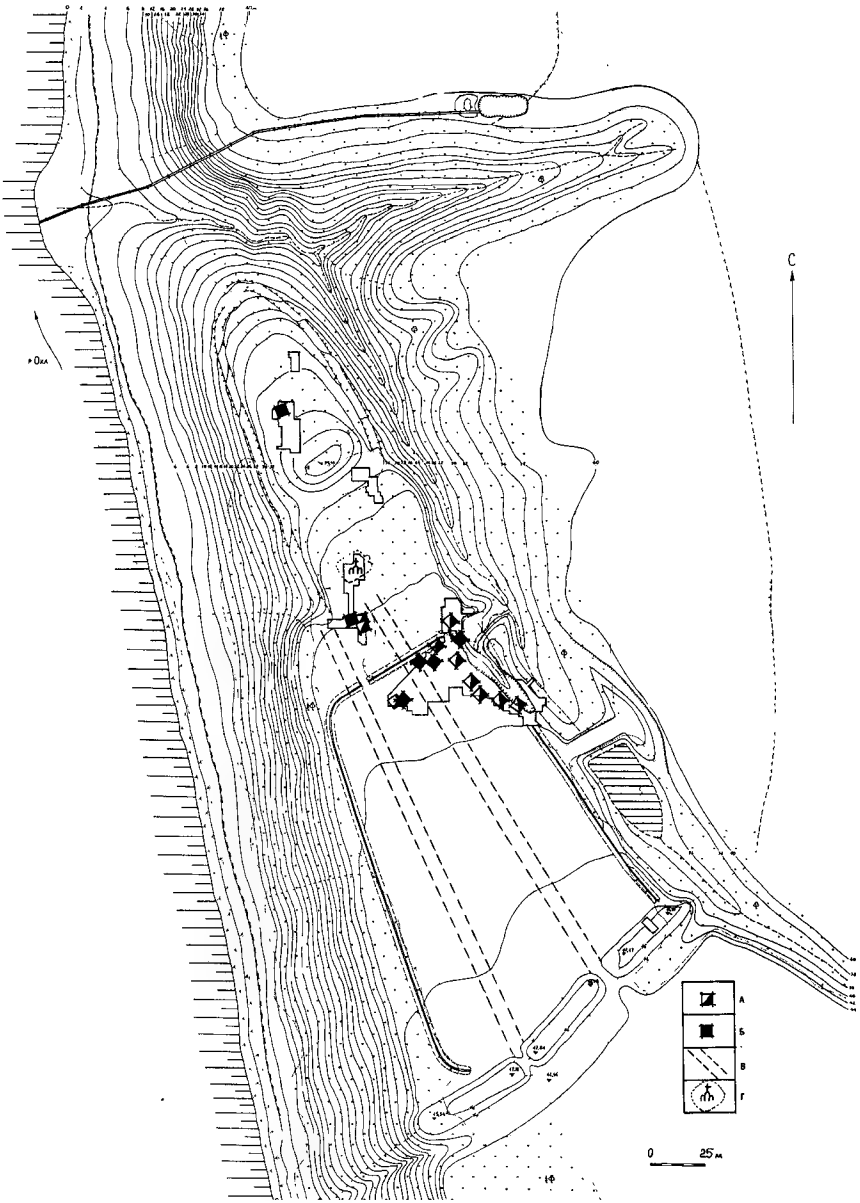


Рис. 9. Планировка Ростиславля во 2-й половине XII – 1-й половине XIII вв. (*А* – постройки 2-й половины XII в.; *Б* – постройки 1-й половины XIII в.; *В* – трассировка улиц; *Г* – площадка размещения городского собора

сительно небольшой свободной от застройки зоной (назовем ее условно «центральной площадью»). К западу от собора, на расстоянии 10 м от его стен (вплоть до края склона, обращенного к р. Оке), застройки, вероятно, также не существовало, иначе здание церкви оказалось бы закрыто с самой выигрышной стороны – от реки. Правда, не известно, как далеко простиралась «центральная площадь» к северу и востоку от собора (здесь исследования пока не проводились). Очевидно лишь то, что на первом этапе жизни города эта зона не была еще занята кладбищем, хотя какие-то отдельные захоронения здесь могли появиться уже в это время (данный вопрос требует дополнительных исследований).

Вторая улица могла начинаться от «западных» ворот в валу детинца, пролегая почти параллельно первой улице. Однако в отличие от нее, эта улица могла быть сориентирована на выход к эскарпу, огибавшему мысовую укрепленную площадку, попасть на которую можно было, только двигаясь по этому эскарпу к оконечности мыса, где, вероятно, и находился единственный вход на нее.

Совершенно невыясненным вопросом остается планировка городской фортификации этого времени (валы детинца и мысового укрепления находятся сейчас в процессе изучения). На восточном краю площадки города, вдоль оврага, отрезающего ее от окружающей равнины, никаких следов укреплений не обнаружено, однако нельзя полностью исключать возможности их существования в форме деревянной стены (вариант частокола мы не можем допускать по причине отсутствия всяких следов такого сооружения). Для размещения такой стены здесь остается достаточно места, а следы этого раннего сооружения могли быть полностью уничтожены во время постройки в XIV в. более мощного укрепления по этой же линии.

Итак, планировка Ростиславля в первый период его существования (после основания города) была подчинена форме площадки детинца, представлявшей собой вытянутый по линии ССЗ–ЮЮВ четырехугольник. По территории города в указанном направлении могли проходить две почти параллельные улицы, начинавшиеся от воротных проемов в валу и стене, ограничивавших детинец с юга. При этом межуличное пространство составляло от 20–25 м в южной (наиболее широкой) части площадки детинца до 15–20 м в ее северной части, рядом с городским собором и «центральной площадью». Определение площади усадеб затруднено тем, что какие-либо следы межусадебных оград не сохранились. Можно лишь предполагать, что эта площадь составляла не менее 400 кв. м. На участках раскопов I и III могло размещаться не менее 2 различных усадеб. Наиболее ранними постройками на них были здания, включавшие объекты 6 и 146, которые были засыпаны материковым суглинком, в котором включения культурного слоя практически отсутствовали (может быть, к моменту их засыпки этот слой еще не успел отложиться на городище). Постройки с объектами 52 и 247 вполне могли входить в одну усадьбу. Сложнее понять усадебную принадлежность построек с объектами 72/73, 82/84 и 34/42.

Планировка в 1-й половине XIII в.

В 1-й половине XIII в. произошли существенные изменения в застройке основного исследованного участка на раскопах I и III. Прежде всего, в его восточной части комплексы этого времени отсутствовали начисто (возможно, они здесь были уничтожены позднейшими постройками). В то же время, в западной части этого участка обнаружен целый ряд подпольных и мелких хозяйственных ям, расположенных довольно кучно (рис. 4) и маркирующих, возможно, одну усадьбу с целым рядом построек, причем пока нельзя сказать, какая из них была главной (жилой). Полагаем, что данная усадьба в целом сохраняла конфигурацию усадь-

бы предшествующего времени (2-й половины XII в.) (рис. 3. Постройки с объектами 52 и 247). Кучность размещения построек на этой усадьбе заставляет допускать возможность того, что ширина усадебного надела (по линии СЗ–ЮВ) была невелика и в данном случае составляла 20–25 м. Если это так, то площадь размещавшейся здесь усадьбы составляла от 600 до 800 кв. м.

На западном краю исследованного участка можно вычленить полосу, свободную от ям, в целом совпадающую с трассой предполагавшейся улицы 2-й половины XII в., но ширина этого проема оказывалась значительно уже, чем в предшествующий период – не более 6 м. Впрочем, такой ширины было достаточно для размещения улицы и даже деревянной мостовой на ней. В частности такую ширину имели в ряде мест даже самые крупные улицы Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 58), а в Новгороде ширина Великой улицы составляла всего 4,5 м (Засурцев, 1963. С. 7). Сразу же отметим, что следов самой мостовой нигде на Ростиславле обнаружено не было, но существование подобных мостовых допустимо предполагать по принципу «от противного». Если бы улицы Ростиславля не имели деревянного покрытия, то в сырую погоду суглинистый грунт превращался бы в липкую жижу, растаптываемую ногами людей и животных, прорезаемую колесами повозок (археологически такая перемешанная масса легко фиксировалась бы на материковой поверхности). Однако по таким улицам просто невозможно было бы передвигаться большую часть года, поэтому единственно возможным выходом из положения была постройка деревянных мостовых, которые должны были периодически обновляться, как это происходило во многих других городах Руси, в том числе и в столице Рязанской земли – Старой Рязани, где уличные мостовые также не обнаружены, но в существовании которых нет сомнений.

Следует заметить, что в пределах предполагаемой усадьбы фиксируются 2 скопления построек, между которыми остается место, достаточное для размещения еще одного уличного проезда шириной 4–5 м. Важно подчеркнуть, что в предшествующий и последующие периоды никакой улицы на этом месте не существовало (для нее просто не оставалось места среди строений). Возможно, такая улица существовала непродолжительное время, причем только на протяжении 1-й половины XIII в. Если такой проезд здесь действительно существовал, то тут располагалась не одна, а две усадьбы, площадь каждой из которых, видимо, была невелика (200–300 кв. м).

Таким образом, никаких серьезных изменений в планировке детинца Ростиславля в это время не произошло, хотя застройка отдельных усадеб изменялась порой коренным образом. Кроме того, именно к 1-й половине XIII в. относилось заполнение ямы на территории мысового узла фортификации, которое свидетельствует о заселенности этого участка в домонгольскую эпоху. По набору вещевого материала и керамики эта яма ничем не выделялась на фоне множества других подобных же подпольных ям, изученных на остальной площади детинца.

Планировка во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV в.

Комплексы раннезолотоордынской эпохи на Ростиславле немногочисленны, но весьма выразительны. На площади раскопов I и III к этому времени относились 10 объектов, принадлежавших к 4 различным постройкам (рис. 5). Самой ранней из них, по-видимому, была постройка 2 (остатки крупного погреба) на юго-восточном краю раскопа. В северной зоне выявлены 2 расположенные рядом подпольные ямы прямоугольной формы (объекты 85 и 87), которые, вероятно, входили в состав одной постройки, причем эта постройка могла быть частью деревянной оборонительной стены, проходившей по восточному краю площадки го-

родища и предшествовавшей там стене 2-й половины XIV в. (см. ниже). Объекты 235 и 267 также могли входить в состав одной крупной постройки. Объект 285 (небольшой по размерам, но глубокий погреб), заполнение которого состояло из остатков разрушенной глинобитной печи, сброшенной в него, маркирует еще одну постройку, ориентировка которой (если исходить из ориентировки погреба), заметно отличалась от всех других построек на раскопе, выстроенных параллельно главной улице города (по оси СЗ–ЮВ).

Самым интересным объектом этого периода являлась крупная ***жилая*** постройка с объектами 76 и 77 (погреб и подпечная яма), в которые были сброшены части крупной глинобитной печи (см. выше). Разрушение печи было связано с пожаром, в котором погибла данная постройка (об этом свидетельствовал обугленный дощатый пол в погребе и следы воздействия огня на его стенках). Под обугленным полом погреба были найдены обломки иранской фаянсовой чаши с люстровой росписью и подцветкой синей и бирюзовой красками, с арабскими надписями и изображениями лани, датирующаяся 2-й половиной XIII – 1-й половиной XIV в. (Коваль, 1998. Рис. 1). Эта чаша представляет собой исключительную редкость, а в эпоху средневековья ее ценность была соизмерима с предметами из драгоценных металлов. Таким образом, этот дом мог принадлежать только очень богатому человеку (в том числе и представителю ордынской аристократии, проживавшему в городе). Вероятно, размеры дома были весьма велики и соответствовали размерам стоявшей в нем печи, т.е. не могли быть меньше, чем 8×8 м. В состав этой же усадьбы несомненно входил также объект 1 (мусорная яма к северу от жилой постройки, в которой был найден еще один обломок от той же иранской чаши). Размеры усадьбы достоверно не могут быть определены, но вряд ли ее площадь была меньше 1000 кв. м.

Трасса улицы проходила в это время примерно по тому же месту, что и раньше, лишь немного сдвинувшись к западу. Возможно, к исследуемой эпохе принадлежала одна из частокольных канавок, обнаруженная на западном краю раскопа.

В целом для раннезолотоордынской эпохи отметим заметное снижение плотности застройки площадки городища (на других раскопах и на посаде города следы построек этого времени пока не обнаружены) при сохранении общей планировки города. Однако на месте рядовых построек и небольших по площади дворов домонгольской эпохи в это время возникает крупная усадьба аристократа (возможно, ордынского чиновника) с большим жилым домом. Все это свидетельствует о существенной перекройке дворовладений на Ростиславле, что могло произойти при частичной (или даже полной) смене населения города после событий 1237–1238 гг. На такую смену населения указывают заметные изменения в материальной культуре Ростиславля, отмечавшиеся нами ранее (Коваль, 1996. С. 120; 2002. С. 388, 389).

Планировка во 2-й половине XIV в.

На Ростиславле этот период выделяется необычно большим числом археологических комплексов (34 шт.) и, соответственно, количеством построек (не менее 11). Именно ко 2-й половине XIV в. относилась и деревянная стена, возведенная на ленточной глиняной подсыпке вдоль восточного края площадки городища (Коваль, 2003. Рис. 1, 2). Эта стена, состоявшая, вероятно, из полых клетей, фиксируется по скоплениям древесного тлена и ямам, располагавшимся вдоль указанной подсыпки (одна из этих ям – объект 46, возможно, использовалась как хранилище запасов зерна). Вероятно, полые клети, составлявшие эту стену, использовались в хозяйственных целях, как подсобные помещения. Остается неясным, существовал ли проезд вдоль этой стены. Судя по размещению построек

рядом со стеной, такого проезда либо вовсе не существовало, либо он был чрезвычайно узок (не более 2 м).

Из 11 построек, реконструируемых на площади раскопов I и III (рис. 6), не все, разумеется, были жилыми домами: к числу последних можно относить крупные постройки с подпольными ямами (объекты 313/324, 352, 280–282), причем даже на протяжении полувекового периода они существовали не одновременно. Таким образом, реальная плотность застройки на тот или иной момент времени была не столь высокой, как это может показаться, исходя из того количества объектов, которые относились к данному периоду (поскольку пока более узкая датировка комплексов не может быть проведена). Вместе с тем показательна интенсивность строительства (очевидная по неоднократным перестройкам жилых и хозяйственных построек), происходившая в этот период.

Плотная застройка, фиксируемая в западной части раскопа и отражающая несколько этапов перестроек, позволяет выделять здесь усадебную территорию, отделенную от соседних дворов незастроенными пространствами. Центром этой усадьбы мог быть дом со сменявшими друг друга подпольными ямами 280–282. Реконструируются следующие размеры усадебного участка: ширина (по линии СЗ–ЮВ) – около 30 м, длина (по линии СВ–ЮЗ) – около 40 м. Следовательно, площадь этой усадьбы составляла не менее 1200 кв. м. Судя по материалам Новгорода, такие размеры соответствуют крупным боярским владениям (Куза, 1985. С. 63). Вероятно, и на Ростиславле такая крупная усадьба могла принадлежать аристократической фамилии. Материалы из археологических комплексов с этой площади подтверждают подобную интерпретацию: здесь были найдены железные накладки от воинской конской упряжи, обломок стремени, щиток серебряного перстня со сканью и гнездом для вставки камня, две шахматные фигурки, обломки импортной керамики: иранского полуфаянса, причерноморской полумайолики и краснолощеной керамики Волжской Булгарии, которые в русских городах золотоордынской эпохи как правило обнаруживаются на усадьбах представителей привилегированных слоев общества.

Западный край выявленной усадьбы был ограничен частокольными канавками, маркировавшими границу уличного проезда. Количество этих канавок (4 параллельных линии) свидетельствует о том, что трасса улицы периодически смещалась, отодвигаясь к западу, расширяя и без того немалую площадь усадьбы. Этот сдвиг трассы улицы был настолько существенным, что позволяет предполагать происшедшее на протяжении 2-й половины XIV в. изменение всей планировки Ростиславля (рис. 10).

К юго-востоку от выявленной усадьбы размещалась, видимо, территория другого, близкого по размерам и статусу, дворовладения. На это указывает размещение здесь крупного погреба (постройка 1), в заполнении которого встречены предметы вооружения (железная пластина от панцыря, костяная накладка от сложного лука) и обломок бронзового кочевнического зеркала (Коваль, 1998). Таким образом, вдоль восточного края площадки детинца, по-видимому, располагался целый ряд аристократических усадеб.

Что касается мысовой укрепленной площадки, то во 2-й половине XIV в. на ней возникло несколько построек с глубокими подпольными ямами, в расположении которых какой-либо системы пока не прослеживается. Материал из заполнения вскрытых комплексов в целом идентичен тому, который присутствовал в это время на основной площади детинца, однако здесь встречены и некоторые нестандартные вещи: бронзовая иконка с изображением св. Николая и крупная стеклянная бусина ордынского происхождения, которая у степняков использовалась в головном уборе женщин (украшение конца косы). Западный край мы-

совой площадки в это время мог иметь укрепление в виде стены из брусов, вставленных в пазы вертикальных столбов, ямы от которых здесь удалось зафиксировать (Коваль, 2003. С. 269. Рис. 6).

С напольной стороны вала, ограничивающего мысовую площадку, обнаружен довольно узкий (3–4 м) ров глубиной не более 2 м (рис. 10), заполнение ко-

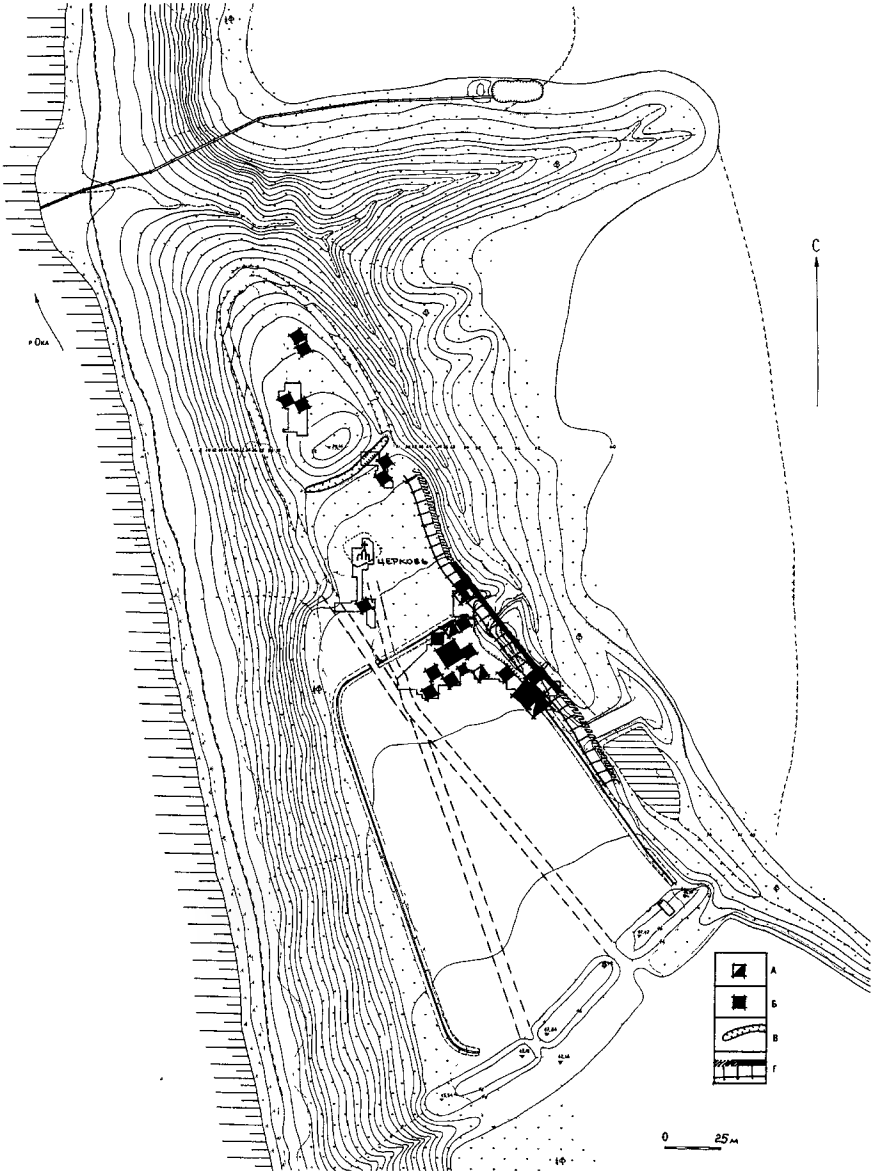


Рис. 10. Планировка Ростиславля во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV вв. (*А* – постройки 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в.; *Б* – постройки 2-й половины XIV в.; *В* – ров перед валом мысового укрепления; *Г* – деревянная стена вдоль восточного края площадки города)

торого началось во 2-й половине XIV в. (заплывы на дне)[7], а закончилось в начале XV в., когда весь ров был быстро засыпан культурным слоем, снятым с площадки городища. При этой спешной засыпке рва в него попали несколько серебряных монет конца XIV – начала XV в. (чекана Золотой Орды и Рязанского княжества). Интересно, что еще в период функционирования рва, во 2-й половине XIV в., рядом с ним, буквально в 3–4 м от его края, размещались дома с подпольями (или небольшими погребами), что является вопиющим нарушением основных правил фортификации, требующих освобождения пространства перед линией обороны от каких-либо построек (рис. 10).

Представленные материалы свидетельствуют о том, что во 2-й половине XIV в. площадка детинца Ростиславля была застроена с гораздо большей плотностью, нежели в предшествующий период и даже по сравнению с домонгольской эпохой. Возможно, именно нехватка площадей для застройки заставила власти города пойти на нарушение правил фортификации и позволить застройку пространства перед рвом мысового укрепления. В то же время, в детинце сохранились очень крупные усадьбы площадью более 1 тыс. кв. м (появившиеся еще во 2-й половине XIII в.), явно принадлежавшие аристократии. Планировка городской территории в целом осталась прежней, но уличные трассы несколько сместились с тех мест, которым они следовали начиная с домонгольской поры. Вероятно, начало этому процессу было положено еще в предшествующий период, когда площадка детинца была застроена еще довольно слабо и появилась возможность для ликвидации одних усадеб и расширения площади других.

К XIV в. незастроенная площадка вокруг городского собора заметно расширилась (это видно по тому, что на месте или рядом с постройками XII–XIII вв. не выявлено крупных объектов позднезолотоордынского времени. Возможно, это связано с появлением или расширением кладбища, возникшего вокруг собора. Такая перепланировка на «центральной площади» города в условиях возросшей плотности его застройки не могла произойти стихийно. Следовательно, здесь можно предполагать целенаправленные действия городской администрации для организации вокруг собора кладбища, потребовавшей расширения «центральной площади» за счет ликвидации одной или нескольких усадеб к югу от храма. В то же время, кладбище это оставалось еще очень небольшим, поскольку со всех сторон оно было окружено жилой застройкой.

Планировка в XV в.

В XV в. плотность застройки Ростиславля резко сократилась, возвратившись к уровню, фиксировавшемуся в раннезолотоордынский период (во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV в.): на площади раскопов I и III в это время рсасполагались всего 5 объектов, относившихся к 4 разным постройкам (рис. 7). Одна из них (постройка 1 на восточном краю исследованного участка) наследовала более ранней: в заполнение погреба, засыпанного во 2-й половине XIV в. была впущена деревянная облицовка (клеть ?), принадлежавшая погребу или подклету несколько меньших размеров. Неподалеку размещалась еще одна постройка с подпольной ямой (объект 35), также выстроенная на месте более ранней постройки. Эти два строения, таким образом, находились на тех же самых местах, что и в XIV в. На площади крупной усадьбы 2-й половины XIV в., описанной выше, в XV в. сохранились только две постройки, причем, возможно, они были разделены частоколом (объект 283). Одна из этих построек реконструируется по остаткам большого погреба (объект 229), вторая – по подпечной (?) яме, в заполнении которой был найден резной наперсный крест из рога, имевший уникальную форму . Таким образом, обе постройки относились к числу неординарных.

Ориентировка трех из четырех построек совпадала с обычной для данного участка и лишь постройка с погребом (229) заметно отличалась тем, что была сориентирована едва ли не по линии С–Ю. Остатки еще одной постройки с погребом этого времени открыты в северной части площадки, рядом с валом мысового узла фортификации. Остатки культурного слоя XV в. сохранились в верхней части некоторых более ранних ям в результате просадки грунта их основного заполнения. По ним можно констатировать отложения этого слоя в центральной части раскопа II и на раскопе III.

Кладбище вокруг городского собора в XV в., несомненно, уже существовало, но размеры его для этого времени пока не могут быть точно установлены.

Для реконструкции планировки Ростиславля XV в. данных недостаточно: невозможно сказать, существовала в это время одна улица или их было по-прежнему две (рис 11). В структуре размещения зданий по площадке города серьезных изменений не произошло, однако таких зданий стало существенно меньше, чем раньше. Кроме того, можно выделить факт исчезновения укреплений, проходивших по восточному краю площадки города: на месте разрушенной (не сожженной, но частично истлевшей) деревянной стены не возникло какой-либо иной линии фортификации, что и позволило сохраниться остаткам древесного тлена и сделанной в XIV в. подсыпки под основание этой стены.

Планировка в XVI в.

На XVI в. приходится последний период существования городской застройки Ростиславля (по имеющимся на сегодняшний день данным), хотя письменные документы свидетельствуют о существовании города еще на протяжении 1-й половины XVII в. (Медведь, 2004). На территории I и III раскопов для XVI в. зафиксировано 8 объектов, входивших в состав не менее чем 3 построек (рис. 8). Самая крупная из них размещалась на западном краю раскопа и включала погреб (объект 350) исключительно крупных размеров (5×5 м при глубине более 2 м). В заполнении погреба встречен разнообразный материал, датируемый серединой – 2-й половиной XVI в., позволяющий относить время гибели перекрывавшей его постройки к середине этого столетия. Вторая постройка, с погребом гораздо более скромных размеров (объект 100), располагалась в 16–18 м к СВ от первой. Размеры этого погреба были невелики, но, судя по компактному размещению рядом с ним других ям с синхронным заполнением, здесь размещалась довольно крупная по размерам постройка (около 7×7 м), которая вполне могла быть и жилой. Наконец, третья постройка реконструируется на восточном краю изученного участка и связывается с крупной подпольной ямой (объект 45), почти половину заполнения которой составляла печина (остатки разрушенной глинобитной печи). Эта постройка располагалась буквально на самом краю площадки городища. Кроме того, фиксировались и другие мелкие ямы этого же времени, которые невозможно связывать с постройками. Еще одна постройка с подпольной ямой находилась в XVI в. на мысовой площадке городища (рис. 11). Следует также заметить, что последний по времени (самый верхний) ярус досыпки вала мысового узла фортификации состоял из грунта, содержавшего керамику XVI в., а это значит, что работы по досыпке этого вала могли производиться не ранее середины этого столетия. Полное же отсутствие на всех изученных к настоящему времени участках материалов XVII в. позволяет заметно сузить дату последней перестройки этого укрепления, верхняя временная граница которой вряд ли могла проходить позже начала XVII в.

Интересно, что несмотря на досыпку вала в XVI в., ров перед ним в это время не был возобновлен. Зато место усадебной застройки, примыкавшей к валу с юга

еще в XV в., в это время уже, видимо, было занято сильно расширившимся кладбищем. Во всяком случае, на площади раскопа IV зафиксированы могилы, врезанные в заполнения ям 2-й половины XIV в. и располагающиеся вплотную к ямам XV в. Редкая встречаемость материалов XVI в. в этой зоне позволяет предполагать включение всей территории между собором и валом мысового укрепления в состав кладбища именно на протяжении XVI в.

Что касается трассировки улиц данного времени, то для ее реконструкции нет никаких конкретных данных. Можно лишь предполагать, исходя из сохранения неизменной ориентировки построек, что улицы продолжали проходить по тем же линиям, как и в предшествующее время (в XIV–XV вв.).

Особый интерес вызывает вопрос о возможной численности населения Ростиславля. На этот счет пока имеется только одно мнение А.И. Цепкова, согласно которому численность населения этого города в предмонгольскую эпоху составляла около 900 чел. Однако расчет этой цифры основывался на неверно определенной площади города (4,5 га) и априорно установленной плотности населения здесь в 200 человек на 1 га[8] (Цепков, 1994. С. 189). Площадь детинца Ростиславля составляет 2,5 га, однако далеко не вся она, разумеется, находилась под застройкой (необходимо исключить территории, занятые валом и рвом мысового укрепления, улицами, «центральной площадью» с собором). Вероятно, застроена была площадь никак не более 20 тыс. кв. м (а может быть и еще меньше). Для домонгольской эпохи мы располагаем данными (да и то не вполне однозначными) о размерах только одной усадьбы, составлявшей 600–800 кв. м (или же двух усадеб площадью по 200–300 кв. м каждая), а для золотоордынской эпохи получены сведения о существовании крупных усадеб площадью до 1200 кв. м, причем на столь больших участках земли размещался не один жилой дом и проживала не только семья владельца усадьбы, но и зависимые от него люди, число которых могло быть весьма велико. Средняя площадь городских усадеб на Руси составляла около 400 кв. м[9]; в столичной Старой Рязани их размеры колебались от 200 до 400 кв. м, хотя сообщается и о совсем крошечных усадьбах площадью 50–100 кв. м (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 91, 95). Существование последних кажется нам сомнительным и недоказанным на конкретных примерах[10], а потому усредненный размер усадьбы для Ростиславля может быть принят предварительно в размере 400 кв. м. В таком случае, на площадке детинца могло размещаться не более 50 усадеб. При средней численности семьи, владевшей усадьбой, в 4–5 человек численность населения, проживавшего здесь, могла составлять от 200 до 250 человек. Однако в домонгольскую эпоху, когда к Ростиславлю примыкали посады площадью до 5 га, суммарно городское население могло насчитывать от 700 до 900 человек (200/250 + 500/625 [50000 кв. м : 400 х 4–5 чел.]). В золотоордынскую эпоху, когда плотность застройки внутри детинца увеличилась (при сокращении числа усадеб), здесь могло проживать несколько большее число людей – до 400 человек, однако на посадах плотность застройки в это время сильно сократилась, так что общая численность населения города, вероятно, снизилась. В XV–XVI вв. посады Ростиславля уже обезлюдели, а заселенной оставалась только площадка бывшего детинца, на которой размещались усадьбы весьма крупных размеров. Следовательно, населенность города в это время должна была стать еще меньше.

Исследование планировки древнего Ростиславля позволяет прийти к выводу о преимущественно линейной (или линейно-поперечной) сетке улиц этого города, проистекавшей из приспособления к геометрической конфигурации площадки детинца. Выявленные дворовладения, к сожалению, не сохранили полного периметра оград, однако возобновление жилых домов и хозяйственных построек на

одних и тех же местах (с незначительными сдвигами) свидетельствует о существовании здесь стабильных дворовладений. Следовательно, в этом смысле Ростиславль не отличался от всех остальных средневековых русских городов. В то же время, многие вопросы планировки Ростиславля еще остаются неясными или реконструируются гипотетически. Для ответа на эти вопросы потребуются новые

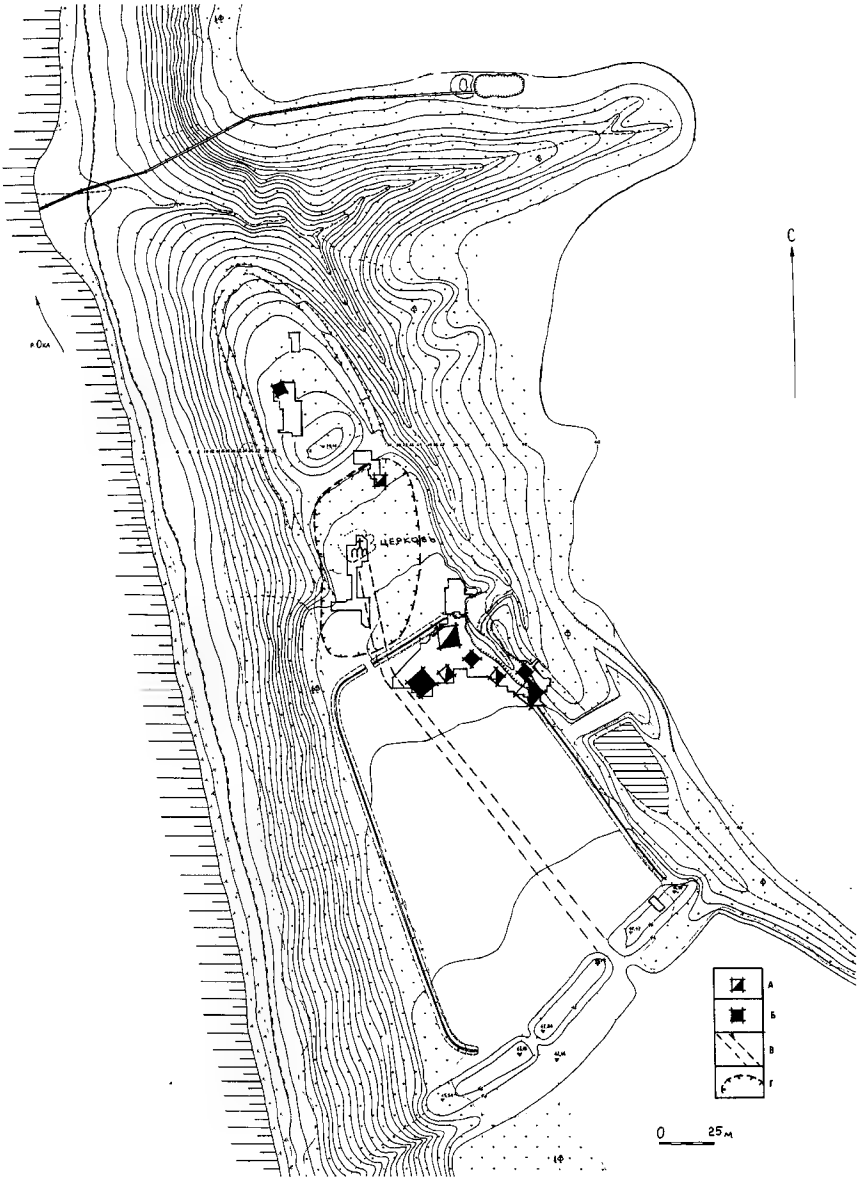


Рис. 11. Планировка Ростиславля в XV–XVI вв.
(*А* – постройки XV в.; *Б* – постройки XVI в.; *В* – трассировка улицы; *Г* – граница кладбища)

исследования как на площадке детинца, так и на посадах города, которые пока остаются очень слабо изученными.

Примечания

[1] Здесь мы не будем останавливаться на методике, применявшейся нами для достижения столь дробной хронологии, отсылая заинтересованного читателя к соответствующей литературе.

[2] О достоверности этой даты нам уже приходилось писать (Коваль, 2004 История...).

[3] В связи с небольшим числом комплексов 2-й половины XIII в. и 1-й половины XIV в., имевших к тому же близкое сходство по ряду параметров примененных хроноиндикаторов, эти комплексы были объединены нами в одну группу.

[4] Как правило, в поле такие объекты рассматривались как «ямы» с уточнением их функционального предназначения исходя из особенностей конструкции и заполнения

[5] В Новгороде размеры таких срубов колебалась от 3×3 м в XIV в. до 6х6 м в домонгольскую эпоху, с максимальными размерами до 13×14 м. Следовательно площадь построек здесь составляла 9–36 кв. м с максимумом 180 кв. м. В Киеве домонгольской эпохи площадь жилых построек колебалась в пределах 40–60 кв. м, а хозяйственных – 16–18 кв. м (Раппопорт и др., 1985. С. 145, 147).

[6] От 1,1×1,2 до 3,5×3,5 м. Средние размеры – 2×2 м (Засурцев, 1963. С. 29).

[7] О существовании рва в более раннее время никаких данных нет, но исключать возможности его появления еще в домонгольскую эпоху нельзя, поскольку ров мог неоднократно вычищаться. Поэтому на его дне сохранился только наиболее поздний материал, отложившийся после последней очистки.

[8] Вероятно, исходя из определенной А.В. Кузой средней плотности населения в малых городах (Куза, 1985. С. 65).

[9] В Новгороде площадь большинства дворов составляла от 400 до 460 кв. м, в Киеве их размеры равнялись 300–800 кв. м (Куза, 1985. С. 63, 64).

[10] Например, участки усадеб Г и Д на раскопе 13 в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 58) на наш взгляд вряд ли являлись самостоятельными владениями, а составляли части более крупных усадеб (в данном случае: усадеб К и О)

Литература

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. Вып. 123.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории г. Москвы. 1996. Вып. 9.

Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2.

Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. 1998. № 2.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Труды Музея истории г. Москвы. 2000. Вып. 10.

Коваль В.Ю. Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4.

Коваль В.Ю. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России / Материалы и исследования Музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. XV. М., 2003.

Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья. М., 2004.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М., 2004.

Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996.

Любомудров Н.В. Местногеографические древности в Рязанской губернии // Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. № 21. Рязань, 1874.

Медведь А.Н. Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII веке // Археология Подмосковья. М., 2004.

Местные известия о городищах и городках в Рязанской губернии // Рязанские губернские ведомости. № 10. Рязань, 1874.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

О древних монастырях, церквах и прочих зданиях, состоящих в Рязанской епархии // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб. , 1841. Ч. 40. № 6.

Пискарев А. Историческо-археологическое обозрение города Зарайска и его удела // Прибавление к Рязанским губернским ведомостям. № 24. Рязань, 1845.
Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. 1956. № 52.
Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105.
Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Жилище // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.
Цепков А.И. Количество славянского населения в Рязанском княжестве к 1237 г. // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994.

Приложение

Средневековые памятники в окрестностях Ростиславля

До начала работ Ростиславльской экспедиции на территории междуречья правых притоков Оки – рек Смедва и Осетр (которая сегодня ходит в состав Озерского, Зарайского и Луховицкого районов Московской области) – было известно всего 24 памятника эпохи русского средневековья, т.е. времени существования Великого княжества Рязанского (рис. 1). Некоторые из этих памятников были известны археологам более 100 лет (городище Ростиславль, крупные курганные могильники). Большинство из них никогда не подвергалось археологическому изучению или материалы таких исследований не сохранились (как, например, от раскопок курганов в XIX в.). Большинство памятников, известных до 1993 г., концентрировались в долине р. Осетр – они были открыты Р.Л. Розенфельдтом либо данные о них были собраны им у местного краеведа А.В. Камакина. Заметим, что хотя сообщения последнего в большинстве случаев остались непроверенными, обследование отдельных памятников подтвердило достоверность поступавшей информации, что позволяет доверять и иным, пока непроверенным, данным.

За время работы Ростиславльской экспедиции на этой же территории было обнаружено 40 памятников (2 одиночных кургана и 38 селищ). Из числа этих памятников 6 датировались XI – 1-й половиной XII в., 27 – возникли не ранее середины XII в. (причем многие из них существовали, судя по собранному материалу, до XVIII в.); 7 – появились в XV–XVI вв., причем уже в XVII в. прекратили свое существование.

Как видно из прилагаемой карты, непосредственно на берегу р. Оки размещались только крупнейшие курганные могильники, городище Ростиславль и 5 селищ, возникших в XI в. (к ним следует прибавить селище X в., обнаруженное на площадке городища Ростиславль). В долине р. Осетр (на участке от устья до г. Зарайск) сегодня известно еще 8 селищ раннеславянской эпохи. Таким образом, более $^1/_5$ известных на сегодня памятников микрорегиона относятся к эпохе славянского заселения Поочья.

32 селища, 2 городища (Ростиславль и Бебиховское) и большинство курганных могильников (более $^1/_2$ памятников микрорегиона) возникло не ранее середины XII в., после начала массового заселения Поочья выходцами из южнорусских земель. Бебиховское городище исследовано весьма слабо, однако имеющиеся данные позволяют утверждать, что оно не является остатками какого-либо города, а представляло собой либо убежище, либо (что менее вероятно), остатки феодального замка. Интересно, что 13 селищ раннеславянской эпохи к этому моменту прекратили свое существовоание, хотя новые поселения иногда возникали рядом с ними. Керамический материал, обнаруживаемый на площадках поселений домонгольской поры весьма однороден и имеет сходство (часто доходящее

до идентичности) с керамикой, изготавливавшейся в Ростиславле (административном и экономическом центре региона). Не исключено, что большая часть такой керамики поступала на сельские поселения именно из мастерских этого города (хотя нельзя исключать и возможности множественности центров керамического производства).

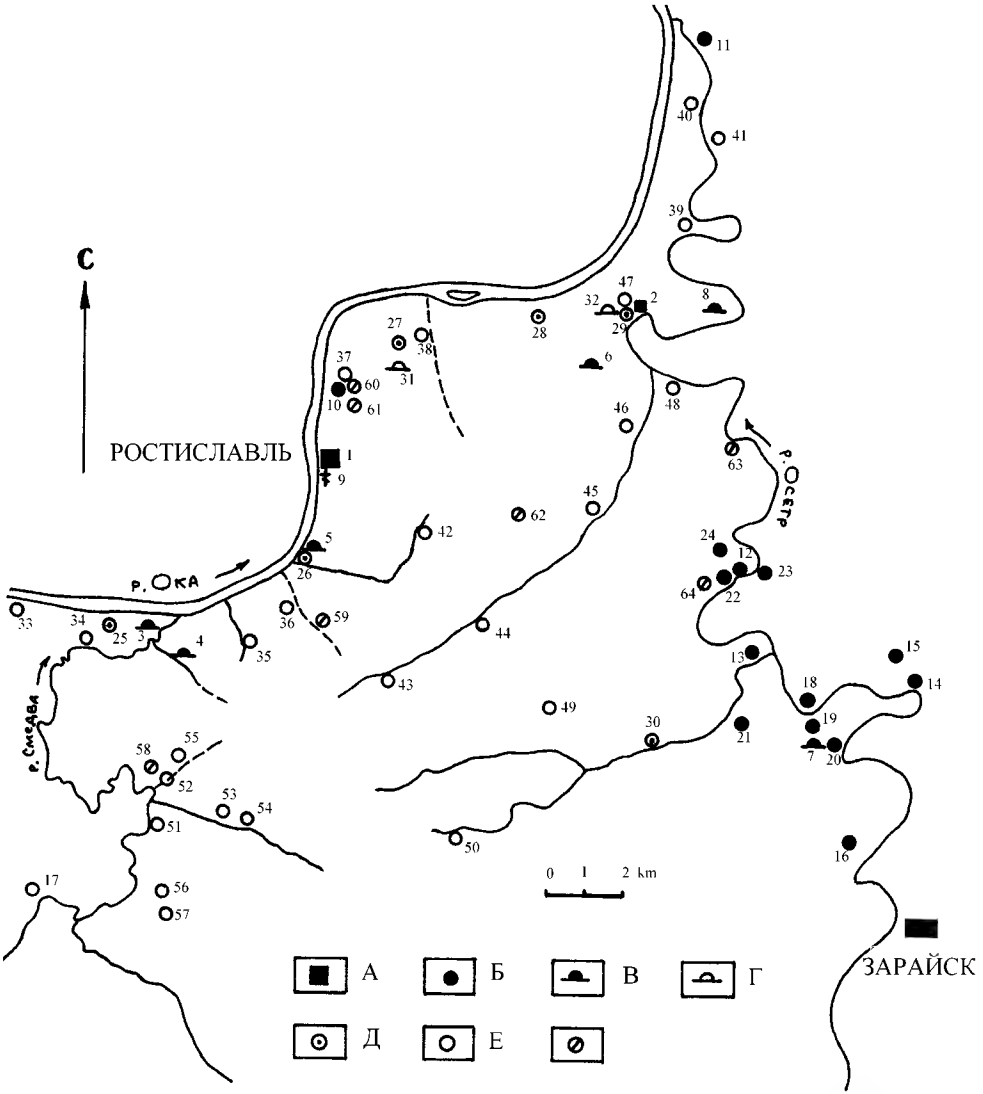


Рис. 1. А – городища; *Б* – ранее известные селища; *В* – известные курганные могильники; памятники, открытые при работах Ростиславльской экспедиции: *Г* – одиночные курганы; *Д* – селища XI – 1-й половины XII в.; *Е* – селища середины XII – XIII в.; *Ж* – селища XV–XVI вв.

Список памятников археологии (в скобках указаны номера по АКР, 1997): Ранее известные памятники: *1* – городище Ростиславль с посадом (селища Ростиславльские 1–4) (2317–2321); *2* – городище Бебихово (2277); курганные группы: *3* – Смедовская; *4* – Клишинская (2294; местоположение не установлкено); *5* – Ростиславльская (2331); *6* – Сенницкая (2310; местоположе-

ние не установлено); *7* – Власьевский курган (2282, 2283); *8* – Овечкинский курган (2050, не сохранился); *9* – погост Ростиславль (кладбище XIV–XX вв.) (2322, 2333); *селища XI – 1-й половины XII в.*: *10* – Сосновка 1 и 4 (2325, 2327); *11* – Городна 2 (2237); *12* – Ратькино (2075); *13* – Протекино 1 (2065); *14* – Новоселки 1 (2057); *15* – Новоселки 2 (2058); *16* – Мендюкино (2052); *селища середины XII – XIII в.*: *17* – Фроловское (2339); *18* – Радушино 1 (2070); *19* – Радушино 2 и 3 (2071, 2072); *20* – Овечкино (2060); *21* – Машоново (2049); *22* – Ратькино 3 (2078); *23* – Ратькино 1 (2076); *селища XV–XVI вв.*: *24* – Ратькино 2 (2077). Памятники, открытые при работах Ростиславльской экспедиции: *селища XI – 1-й половины XII вв.*: *25* – Смедово 2 (2313); *26* – Свиридоново 2 (2307); *27* – Сосновка 9; *28* – Сосновка 7; *29* – Бебихово 3 и 6 (2279); *30* – Тюфитское 1 (Секирино 1) (2079); *селища и курганы середины XII – XIII в.*: *31* – курган у с. Сосновка; *32* – курган у дер. Бебихово (2284); *33* – Смедово 3 (2314); *34* – Смедово 4; *35* – Свиридоново 1 (2306); *36* – Свиридоново 3 (2308); *37* – Сосновка 6; *38* – Сосновка 2 (2323); *39* – Берхино 1 (2221); *40* – Берхино 2 (2222); *41* – Городна 3 (2238); *42* – Полуряденки (2300); *43* – Старое (2336); *44* – Клинское 1 (2292); *45* – Сенницы (2309); *46* – Болобново (2287); *47* – Бебихово 5 (2281); *48* – Кудрино 1 (2298); *49* – Клинское 2 (2293); *50* – Баребино (2015); *51* – Протасово 1 (2302); *52* – Протасово 5 (2304); *53* – Протасово 4 (2303); *54* – Протасово 6; *55* – в с. Протасово (2305); *56* – Протасово 2 (2019); *57* – Протасово 3 (2020); *селища XV–XVI вв.*: *58* – Протасово 7; *59* – Каблучки (2290); *60* – Сосновка 5; *61* – Сосновка 8 (2326); *62* – Климово (2291); *63* – Кудрино 2 (Ковылино); *64* – Протекино 2 (2066)

В XV–XVI в. в микрорегионе возникло всего 8 новых поселений, однако жизнь продолжалась еще на 16 селищах, возникших в домонгольскую эпоху. Таким образом, в постзолотоордынский период количество поселений в микрорегионе несколько снизилось. При этом не вполне ясно количество поселений, продолжавших существовать на этой территории во 2-й половине XIII – XIV в. Достоверно подобный континуитет установлен для материала лишь с 5 селищ домонгольской эпохи, однако фактически количество поселений, сохранившихся после монгольского нашествия, могло быть значительно больше (выявление таких памятников затруднено дефицитом материала и отсутствием масштабных раскопок на них).

Для уточнения данных о датах возникновения и продолжения жизни на сельских поселениях требуется их углубленное изучение путем проведения археологических раскопок. Шурфовка этих памятников дает относительно немногочисленный материал, редко позволяющий делать определенные культурно-хронологические выводы. Ростиславльская экспедиция проводит стационарные раскопки одного такого памятника – селища Сосновка 4 (карта, № 10), на котором изучена площадь более 150 кв. м.

В отношении топографии размещения памятников можно констатировать жесткую связь подавляющего большинства из них с берегами крупных и мелких рек. Появление сельских поселений вдали от постоянных водотоков – в верховьях оврагов (где размещаются родники) – связывается с эпохой XV–XVI вв. Однако уже в домонгольскую эпоху существовали селища, размещавшиеся близко к верховьям мелких водотоков (ручьев в оврагах длиной 1–3 км) или рядом с родниками, располагавшимися вдали от постоянных водотоков. Особо отметим, что непосредственно на берегу р. Оки (на расстоянии не более 200 м от ее берега) существовало только 6 различных поселений (включая городище Ростиславль, причем одновременно – не более 5), т.е. всего 8% поселений исследованного микрорегиона.

Литература

Археологическая карта России. Московская область. М., 1997. Ч. 4 (АКР, 1997).

А.Б. Мазуров

К столетию начала археологического изучения Коломны

В 2003 г. исполнилось 100 лет с начала археологического изучения Коломны и 15 лет с момента организации постоянных охранных исследований. Это хороший повод для подведения некоторых промежуточных итогов и анализа накопленного материала. Обзорный жанр не является сегодня распространенным в археологической литературе, но полезность его очевидна. Последний аналитический обзор по археологии Коломны по состоянию на 1996 г. включительно (Мазуров, 1997; 1998) подвел итоги начального изучения этого интересного археологического памятника. С тех пор появилось значительное количество нового материала, нуждающегося в осмыслении. В настоящей статье обобщаются материалы 1997–2004 гг.

Коломна – один из средневековых городских центров Московской земли. Впервые упомянутая в 1177 г., в XII–XIII вв. она была одним из заметных удельных центров Рязанского княжества (вероятно, занимая третье место после самой Рязани и Пронска). В XIV–XV вв., в эпоху собирания Руси, Коломна стала (после присоединения в 1300 г.) вторым по значению после Москвы городом Московского княжества. В XVI–XVII вв. она входила в десятку крупнейших городов Московского царства, а в XVIII столетии превратилась в уездный город Московской губернии.

Целый ряд обстоятельств придают особое значение археологии Коломны. Во-первых, этот археологический памятник Московской земли систематически изучается уже довольно продолжительное время (непрерывно – с 1989 г.). Материальная культура Коломны XIV–XVII вв. может быть признана типичной для города московского периода русской истории. Для периода же XIV–XV вв. археологический материал Коломны, расположенной на древнейшей территории Московского княжества и ранее всего вошедшей в состав последнего, правомерно трактовать как эталонный. При этом синхронные материалы из самой Москвы XIV в. (особенно кремля) далеко не столь представительны и выразительны, как в Коломне. Вплоть до последнего времени в городской археологии Руси позднесредневековому периоду не уделялось должного внимания, хотя значимость его очевидна. Значительный интерес представляют и древности XVI–XVII вв. Задача их пристального изучения поставлена самой практикой современной охранной археологии.

Во-вторых, Коломна пережила несколько раз радикальное изменение своего статуса, непосредственно отразившееся в археологическом материале. Немаловажно и то, что средневековая история этого городского центра хорошо изучена (Мазуров, 2001) и археологические материалы могут быть вписаны в соответствующий контекст, что не всегда осуществимо в других случаях. Возможности со-

поставления с данными письменных источников здесь многократно возрастают, что выгодно отличает раннемосковский период от домонгольского. Так, например, обработка связанной с рыболовством остеологической и вещевой коллекции из Коломны при сопоставлении с актовыми источниками привела к совершенно неожиданным выводам о становлении и развитии здесь княжеского хозяйства (его стольничего пути) в XIV–XV вв. (Мазуров, Цепкин, 2003).

Вплоть до 1990-х годов археология Коломны – одного из крупных средневековых памятников Центральной России и крупнейшего в Подмосковье (площадь кремля 24 га, посада около 300 га), – была мало известна специалистам. Между тем за последние годы в процессе проведения охранных работ здесь накопился достаточно объемный новый материал. Стационарными раскопками охвачено около 4000 кв.м. культурного слоя, наблюдениями – около 10000 кв.м. Актуальным для современного состояния археологической науки в России является оперативное введение в научный оборот полученных данных. Охранные исследования ведутся во многих пунктах, но лишь небольшая часть материалов публикуется. Это разительно контрастирует со сложившейся практикой в западноевропейской (а шире – и мировой) археологии.

В ***археологическом изучении Коломны***, начавшемся в 1903 г., четко выделяются три периода:

1) 1903–1930-е годы – период первичного знакомства с городом как памятником археологии (работы Г.Т. Синюхаева, М.А. Ратманова, А.В. Арциховского, К.Я. Виноградова, Н.П. Милонова). Наиболее масштабные раскопки провел Н.П. Милонов. Сохранность материалов по его исследованиям неудовлетворительна, но во многих случаях возможна реинтерпретация результатов на основе сопоставления с современными знаниями.

2) 1947–1980-е годы – период исключительного внимания к памятникам раннемосковской архитектуры (раскопки Н.Н. Воронина, М.Х. Алешковского, А.А. Молчанова).

3) с 1989 г. по сегодняшний день – период начала и широкого развертывания охранных археологических исследований (М.Г. Савицкого, В.Н. Огнева, В.Л. Державина. С. И. Самошина, А.С. Сыроватко, А.Б. Мазурова).

В 1989 г. в Коломенском краеведческом музее по инициативе М.Г. Савицкого (см. о нем: Мазуров, Сыроватко, 2004) создается отдел «Археологическая служба», который с 1996 г. выделяется в самостоятельное структурное подразделение муниципального уровня. Параллельно создавались юридические основания для охранных исследований. В 1991 г. городскими властями принимается специальное решение об охране городского культурного слоя. Как и любые другие решения, затрагивающие хозяйственные и финансовые интересы лиц и организаций, далеких от потребностей науки, оно выполняется далеко не безупречно. Однако на его основе уже создана достаточно эффективная система, обеспечивающая проведение охранных мероприятий. Трудности работы в живом, развивающемся городе общеизвестны. Фактором, существенно осложнявшим работы, являлось то обстоятельство, что средневековая территория города в основном занята частными дворовладениями (т.к. вопрос о физических лицах не рассматривался в ст.43 Закона об охране памятников 1978 г.). Это затруднение устранено с совершенствованием федеральной нормативно-правовой базы в сфере охраны памятников (Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ).

В результате археологического изучения культурного слоя Коломны в 1990-х – начале 2000-х годов охвачены ключевые точки средневекового города. Получены характеристики практически всех участков городской территории.

Работы в Коломне можно подразделить на стационарные раскопы (площадью 100–280 кв. м, самый большой раскоп имел площадь 860 кв. м) и наблюдения. В лучшей степени изучен кремль, в меньшей – посад. В ряде случаев изучение локальных участков крупных или двух близ расположенных раскопов дало возможность охарактеризовать становление микрорайонов средневекового города. Так, на посаде прослежено становление Михайловской и Симеоновской слобод XIV–XVI вв., Рыбного ряда Коломенского торга. В кремле изучено начало ул. Ильинской, окончание ул.Большой, прилегающий к великокняжескому двору участок. Несмотря на очень существенное приращение наших знаний, необходимо все же отметить, что пока идет начальный этап освоения (стадия накопления) такого крупного археологического памятника, каким является средневековая Коломна.

Основные итоги археологического изучения Коломны

1. *Догородские поселения.* Позднейшая городская территория эпизодически обживалась в каменном веке. Древнейшие находки могут быть отнесены к раннемезолитическому времени (иеневская культура – топоровидное орудие, скребки, нуклеусы). Отмечены на территории города и находки кремневых орудий бутовской культуры эпохи мезолита. Неолитическая керамика найдена на посаде близ берега Москвы-реки (подъемный материал). Имеются также артефакты эпохи бронзы (керамика). Из городских слоев происходят три каменных шлифованных топора, но все они связаны с вторичным использованием их средневековым населением. Ни в одном из перечисленных случаев не выявлен культурный слой поселений, речь может идти только о единичных находках. Стабильное поселение возникло в раннем железном веке и связано с носителями дьяковской куль-

Рис. 1. Раскоп по ул.Болотникова в г. Коломне, 2003–2004 гг.

туры. Оно располагалось в районе сквера «Блюдечко» (мысовая часть Коломенского кремля) и ориентировалось на прибровочную часть разветвленного оврага, врезанного во вторую надпойменную террасу. Анализ сетчатой керамики из раскопов 1995 г. и ее картографирование позволили выяснить, что поселение существовало в рамках всех основных периодов развития (с разрывом) дьяковской культуры низовьев Москвы-реки (см. о ней: Сыроватко, 2001). Это было специализированное земледельческое поселение (выявлены следы культивации почв мотыгами) дальней округи (в 2,5 км) от базового крупного городища – у с. Городищи на р. Коломенке.

В результате работ последних лет доказано, что на территории позднейшего средневекового города находилось крупное поселение начального этапа славянской колонизации Подмосковья, занимавшее площадь около 5 га и документированное находками лепной и раннекруговой керамики с небогатым вещевым комплексом. Выяснилось, что район Коломенского Поочья был одним из заметных узлов ранней славянской колонизации Подмосковья (в округе выявлено более 10 памятников этого типа). Ранее атрибутировавшиеся как позднедьяковские памятники на самом деле относятся к славянским позднероменским или ранневятическим (исследователи определяют их культурную принадлежность по-разному: А.А. Юшко склоняется к первому варианту, В.Ю. Коваль – ко второму). Проведенное В.В. Черкасовым исследование открытого комплекса лепной и раннекруговой керамики из Коломны показало, что он датируется не позднее 2-й половины/конца X – XI в. (Черкасов, 2004. Лепная...). Важно подчеркнуть, что в Коломне найден ряд ранних датирующихся находок, связанных с этим поселением: гладилка втор.пол.X в. (Мазуров, 1998) и подковообразная фибула, происходящая из Юго-Восточной Балтики (вероятно, с полуострова Самбия) с датой ок. 950 г. (Кулаков, Сыроватко, 2003). Можно утверждать, что это поселение никак не было связано с городом и между ними существовал хронологический разрыв.

2. *Проблема возникновения и древнейшего этапа истории города XII–XIII вв.* В ходе анализа полученных при раскопках комплексов выяснено, что город возник чуть ранее даты первого летописного упоминания (1177 г.), около середины XII в. Массовые находки городского характера относятся именно к середине-втор.пол.XII в. Это курганная керамика в основном с линейным орнаментом, вятический комплекс украшений (височные кольца и решетчатые перстни), классический домонгольский набор находок (стеклянные браслеты, бусы, перстни, сосуды, шаровидные и бипирамидальные бусы из горного хрусталя и сердолика, шиферные пряслица, амфорная керамика). К сожалению, до сего времени не удалось обнаружить домонгольский детинец Коломны, у стен которого состоялось знаменитое сражение с монголами зимой 1237/38 г. Картографирование раскопов с учетом древнего рельефа позволило методом исключения гипотетически локализовать его в северо-восточной части кремля 1525–1531 гг. и оценить площадь не более чем в 3–5 га. Удалось открыть древнейший некрополь Коломны, для которого характерна последовательная смена погребального обряда (Мазуров, 2004. Древнейший...). Датировка могильника надежно определяется в рамках середины – 3-й четверти XII в., т.е. очень узким отрезком не более чем в 3–4 десятилетия, на протяжении которых кардинально изменилась погребальная традиция. Древнейший период представлен курганным некрополем (полностью вскрыт кольцевой ровик одного кургана, еще два ровика – затронуты) с погребениями (не сохранились) на горизонте или на подсыпке. Это один из самых поздних курганных городских некрополей Древней Руси, которые обычно датируются XI – 1-й половиной XII в. Его сменило типичное христианизированное кладбище (8 грунтовых погребений без инвентаря, совершенных в межкурганном про-

странстве). В конце XII в. некрополь был спланирован в ходе роста городской территории.

Полученные при раскопках свидетельства позволяют уверенно констатировать, что в конце XII – 1-й трети XIII в. город пережил интенсивный рост. Заселенная площадь достигла размеров в 35 га, в округе сформировался агроландшафт (пашни). Среди торговых связей доминировало южнорусское (шиферные пряслица, стеклянные изделия, энколпионы) и причерноморское направления. В целом для домонгольского времени Коломна была типичным «малым городом» Руси, одним из 66 городов, где по данным письменных источников имелись княжеские резиденции. Предмонгольский расцвет города надо поставить в связь с таким фактом его политической истории, как появление здесь в 1180-х г. особого княжеского стола (в составе Рязанской земли).

3. *Коломна в XIV–XV вв.* Раскопки в Коломне позволяют говорить о проблеме континуитета или разрыве преемственности в послемонгольское время (2-я половина XIII – начала XIV в.) (Мазуров, 2003). Констатируется не только восстановление, но и дальнейшее развитие города (найдены постройки и ярусы застройки 1240-х и 1290-х годов, в этот же период осваиваются новые районы – в частности побережье Москвы-реки вниз от кремля). Резкая интенсификация городской жизни, прямо отраженная в археологических материалах, пришлась на XIV–XV вв.

Об этом свидетельствуют в первую очередь подробно исследованные в нескольких точках укрепления XIV–XV вв. Важно подчеркнуть, что это не один разрез, а несколько стационарных раскопов как непосредственно на валу, так и на предвалье (внутри кремля). Овально-округлые в плане, дерево-земляные укрепления Коломны охватили площадь 20–22 га, что по масштабам охваченной территории ставит Коломну на один уровень с синхронными укреплениями Москвы (кремли Калиты – 19 га и Дмитрия Ивановича – 23 га). Они больше, чем синхронные кремли столиц соседних княжений: Твери (19 га) и Переяславля-Рязанского (12 га). Очевидно, московские князья, обустраивая свой удельный центр, руководствовались как идеей создания сильной крепости на пути основных маршрутов вторжения татар, так и соображениями престижа. Их резиденция должна была соответствовать столичному уровню. Принципиально важно, что время создания этого масштабного кремля падает на первое десятилетие XIV в. (очевидно, непосредственно после присоединения Коломны к Московскому княжеству): на шлейфе насыпи первого этапа вала был сооружен сруб 1307 г. На

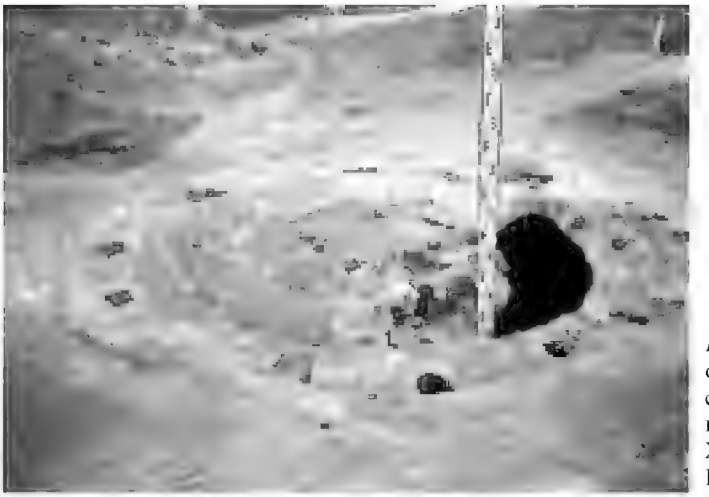


Рис. 2. Нижняя часть обжигательной камеры с продухами гончарного горна второй половины XVII в. Раскоп по ул. Яна Грунта, 2002 г.

протяжении двухсотлетнего существования (до 1525 г.) раннемосковские фортификации Коломны постоянно совершенствовались и подновлялись (Мазуров, 2004. Топография...). Второй этап датирован дендрохронологически рубежом 1320–1330-х годов, т.е. временем Ивана Калиты. Третий этап на одних участках относится к 1370-м годам (отдельные участки сгорели в пожар 1382 г. нашествия Тохтамыша), на других рубежом 1380–1390-х годов. Четвертый этап пришелся на 1390– 1400-е годы. (Черных, Карпухин, 2004). В его подошву оказалась впущена постройка с погребом 1418 г. Конструкции и этого этапа обгорели, как полагаем, в Едигеево нашествие 1408 г. В 2001 г. впервые удалось выделить пятый этап сооружения валов (2-я четверть – середина XV в.). Данные археологии и письменных источников, подчеркивающих военную значимость Коломны, коррелируются полностью.

После вхождения Коломны в состав Московского княжества московские князья обустраивают здесь свой двор. Раскопками затронута такая существенная часть его ансамбля, как Воскресенская домовая церковь. Исследования позволили уточнить по граффити на белокаменном подклете дату строительства четверика церкви (самое начало XVI в.), ранее храм существовал как деревянный. Выявлен прицерковный некрополь XIV – 1-й половины XVIII в. Такие редчайшие находки как обломок китайского селадонового блюда (всего в Коломне за все время раскопок найдено два обломка подобного типа) и бронзовая просечная икона-энколпий «Лоно Авраамово» XIV–XV вв. подчеркивают высокий социальный статус храма.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в XIV в. сложились основные звенья градостроительной структуры Коломны. В ряде случаев удалось изучить процессы становления средневековых слобод. Так, при раскопках Михайловской слободы (раскоп по ул. Гранатной), располагавшейся к западу от кремля, выявлено, что усадебная застройка появилась в XIV в. и была представлена единовременно нарезанными вдоль улицы (ориентированной на храм Архангела Михаила) усадьбами прямоугольного плана. На одной из усадеб был найден крупный гончарный горн с обломками булгарской керамики внутри. По найденным в предгорновой яме золотоордынским монетам ханов Кильдибека и Хызра горн функционировал в 1360-е г., а прекращение его работы можно связать с Тохтамышевым разорением Коломны в 1382 г. Таким образом, это узко датированный объект (Мазуров, 2002. Гончарный горн...). Он помогает пролить

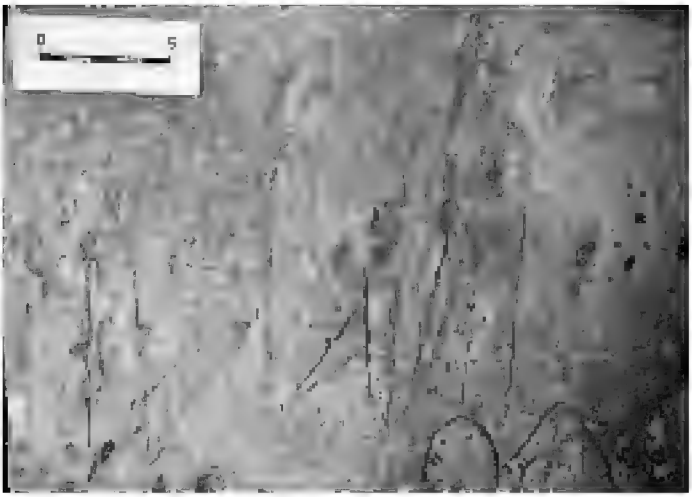


Рис. 3. Граффити XVI–XVII вв. на внешней печуре окна подклета храма Воскресения на Соборной площади (начала XVI в.). Работы 2002 г.

свет на происхождение московской красной лощеной керамики. В ранний период (XIV–начало XV в.) на изученных усадьбах явно присутствовали выводцы (беглецы во время «великой замятни»?) из Волжской Болгарии. Здесь отмечены не прослеженные ранее нигде в Коломне находки обломков чугунных котлов, большое количество произведенной здесь же в булгарских традициях керамики, присутствовала кашинная и зеленополивная восточная керамика, золотоордынские монеты. На еще одной усадьбе на протяжении трех строительных горизонтов отмечены следы обработки меди (тигли, выплески, обрезки меди, заготовки заклепок, цельнолитые и изготовленные при помощи холодной ковки вещи), совмещенной с обработкой кости. Всего на усадьбе изучено семь горизонтов застройки, датирующихся в пределах XIV – 3-й четверти XVI в. Принципиально важным является тот факт, что усадьбы и XIV, и XV и первых трех четвертей XVI в. одинаковы и по размерам, и по конфигурации, и по социально-экономической характеристике (ремесленное посадское население). Это позволяет считать, что охарактеризованная в писцовых книгах XVI в. посадская застройка может считаться типичной и для раннемосковского времени.

К востоку от кремля в ходе раскопок и наблюдений по ул.Посадской изучено становление Симеоновской слободы, центром которой был храм Симеона Богоприимца. Храм возник, судя по прицерковному кладбищу, в конце XIII – 1-й половине XIV в. на месте ранее существовавших пашен. Территория кладбища была ограничена частоколом. Рядом располагались усадьбы горожан, на которых выражена ремесленная ориентация населения в XIV–XV вв.

Данные археологии свидетельствуют, что в послемонгольское время (2-я половина XIII–XIV вв.) на фоне резкого усиления конфессионального самосознания и религиозности широких масс происходило становление приходской системы в городе. Проведенные раскопки некрополей ряда приходских храмов (Николы Гостиного, Борисоглебского, Симеона Богоприимца, Норовской иконы Божией Матери на торгу, неизвестного по посвящению храма на берегу оз. Бельского) говорят об их возникновении в XIII–XIV вв.

Подъем города в XIV–XV вв. проявился и в расцвете торговли, в частности международной. Она хорошо реконструируется по находкам восточной керамики. Число и ассортимент фрагментов пиал, блюд, кувшинов, ваз для розовой воды (гюльабдан), миниатюрных сосудиков из Коломны в пересчете на вскрытую площадь является одним из самых высоких показателей для Северо-Восточной Руси (Мазуров, Коваль, 2004). Индикатором интенсивности контактов (как прямых, так и транзитных) Орды с Коломной являются находки трех экземпляров фрагментов глазурованных архитектурных плиток от панно (нигде, кроме Коломны, в городских центрах Руси не найдены), привезенных, скорее всего, как диковинный сувенир. Наиболее яркие и интересные находки керамического импорта, представленные большими сериями, относятся к середине XIV – началу XV в.

4. *Коломна в XVI–XVIII вв.* В археологическом отношении этот период изучен в городских центрах России слабо. Слои XVI–XVIII вв. активно исследуются во многих городах в процессе охранных исследований. Но в научный оборот эти материалы вводятся крайне недостаточно.

Большой интерес представляет раскопанный участок коломенского торга XVI–XIX вв. Подобные объекты нечасто становятся предметом исследования. Из городов Замосковного края, пожалуй, можно назвать лишь Волоколамск, где выявлены остатки двух торговых лавок начала XVII в. (кожевенной и продуктовой) (АКР, 1995. С. 14). Данные письменных источников говорят о том, что в Коломне раскопана часть Рыбного ряда. В XII–XV вв. на участке существовала обычная посадская застройка. Однако в XVI–XVII вв. появляются специализиро-

ванные торговые помещения, выстроенные в ряд и археологически представленные глубокими подпольями разнотипной конструкции. По-видимому, в Коломне были проведены те же мероприятия, что и в Москве в конце XV в., когда застройка вдоль кремлевских стен от р.Неглинной (на современной Красной площади) была уничтожена и обращена в площадь для торговли. В одном из подполий лавки середины XVII в., погибшей в пожаре, был обнаружен уникальный комплект торговых гирь (двух видов: призматические с ручкой и в виде параллелепипеда) с клеймением, фрагменты безмена, сечка для разрубания рыбы и большое количество костей крупных рыб. В конце XVIII в. в соответствии с регулярным планом застройки на участке раскопа были возведены строения кирпичного Гостиного двора с глубокими белокаменными подвалами. В целом на раскопе удалось проследить смену жилой застройки позднесредневековым торгом, а того в свою очередь – регулярным Гостиным двором.

Большое значение имеют полученные по периоду XVI–XVIII вв. материалы по домостроительству и рядовой застройке. На раскопе по ул. Гранатной была изучена крупная постройка общественного назначения, с подпольем площадью около 120 кв.м. и полом, выложенным кирпичом «в елочку». Она датируется ранними монетами Михаила Федоровича конца 1610 – 1620-х годов. После реконструкции на ее месте существовали менее значительные сооружения, с одним из которых связан клад, сокрытие которого датируется ок. 1704 г.

В древней Кузнецкой слободе (по ул. Яна Грунта и Уманской) изучены довольно редкие производственные сооружения допетровского времени – гончарный горн 2-й половины XVII в., кирпичеобжигательные печи XVI в., кузнечный горн XVI–XVII вв.

В окончании ул. Большой удалось раскопать подполье изображенного на рисунке М.Ф. Казакова 1778 г. дома, что впервые обеспечило достоверную реконструкцию целой серии заглубленных в материк сооружений XV–XVIII вв. Рядом с храмом Симеона Богоприимца выявлены следы пожара 1792 г., в слое которого обнаружена редчайшая для раскопок находка – литургическое копие (для приготовления Св. Даров). Научный интерес представляют и результаты изучения ряда позднесредневековых некрополей. Накоплен некоторый материал для археологической характеристики монастырских комплексов (Брусенский и Старо-Голутвин монастыри).

В результате пятнадцатилетних исследований в Коломне сформирована первичная дендрохронологическая коллекция. Всего изучению подвергнуты более 100 образцов с крайними хронологическими датами шкалы 1186–1419 гг. Наибольшее их количество получено из раскопов в районе церкви Воздвижения Креста Господня у Пятницких ворот. Определение древесины позволило констатировать, что в Коломне применялся редкий прием комбинированного строительства из хвойных и лиственных пород одновременно. На основании дендрохронологического датирования построена хронология оборонительных сооружений XIV–XV вв. (Черных, Карпухин, 2004). В задачу работ в Коломне входит увеличение базы данных по дендрохронологии и продолжение шкалы в XV–XVIII вв.

В ходе раскопок получена большая вещевая коллекция. Отдельные категории находок уже подвергнуты тщательному исследованию. Среди них в наибольшей степени исследована керамика. В.В. Черкасовым подготовлена и успешно защищена в МГУ кандидатская диссертация на тему «Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции)» (2004. Круговая...). Ему удалось выделить в гончарстве три традиции (сложившиеся во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в.; XIV в. и 2-й половине XV в.). Важно отметить, что в Коломне очень рано началось освоение белоглиняной керамики из тонких фор-

мовочных масс. Истоки этого явления восходят к XIV в. Уже во 2-й половине XV в. белоглиняная керамика составляет $^3/_4$ всей посуды. В XVI–XVII вв. стандартизированная белоглиняная керамика широко распространяется по всей стране. Выявлены важные отличия коломенского керамического производства от московского. Так, со 2-й половины XIV столетия (ранее, чем в Москве), коломенские гончары начинают применять способ ангобирования белой глиной красноглиняных сосудов. Довольно рано (в третьей четверти XIV в.) в Коломне зародилось собственное производство красной лощеной посуды, что связано с поселением в Коломне выходцев из золотоордынской Волжской Болгарии. Производство же черной лощеной керамики начинается существенно позднее, чем в Москве, где она известна уже с конца XV в. и широко распространена в XVI столетии. Напротив, в Коломне она массово входит в быт только с XVII в. и изготовляется не из красных, а из белых глин, что давало максимально черный цвет поверхности.

С.Н. Козина изучала гончарные клейма средневековой Коломны, обобщив материалы за 1990–1999 гг. (Козина, 2001). На основании исследования 80 клейм она пришла к выводу о том, что период их максимального распространения пришелся на домонгольское время. Однако, если к XIV в. на Руси клейма почти повсеместно исчезают, в Коломне они продолжают встречаться на белоглиняной гладкой посуде до конца XV в. Значительное сходство по общему рисунку клейм отмечено со Старой Рязанью. Для XV столетия типичны квадратные клейма (в том числе вдавленные). Имеются в коллекции и индивидуальные клейма (кириллические буквы: «зело», «иже», «наш»; квадрифолийное).

Керамические игрушки (почти 400 фрагментированных и целых экземпляров) из раскопок 1999–2000 гг. систематизированы В.В. Черкасовым (Черкасов, 2004. Коломенская...). В Коломне с XV–XVI вв. несомненно существовало их собственное производство. В XV–XVI вв. игрушки изготовляли из красной глины, а в XVII– XVIII вв. – из белой. Прослежена тенденция постепенного перехода от натуралистичных игрушек XV–XVII вв. к стилизованным поделкам XVII–XVIII вв., технологически более простым.

Рыболовные грузила из глины были изучены автором статьи (Мазуров, 2003). Оказалось, что белоглиняные грузила XV–XVI вв. отличаются от аналогичных XVII – 1-й половины XVIII в. Очень индивидуальны укрупненные грузила 2-й половины XVIII – XIX в.

Значительная коллекция найденного в Коломне керамического импорта XII–XVII вв. также введена в научный оборот (Мазуров, Коваль, 2004). Эта категория находок очень четко отражает изменения в статусе города. Домонгольскому периоду соответствуют небольшое количество амфорной керамики (15 экз., в том числе редкая разновидность, представленная верхней третью небольшого сосуда) при полном отсутствии поливной (имеются лишь единичные древнерусские фрагменты последней). Раннемосковский период характеризуется многочисленной золотоордынской керамикой (166 обломков от 94 сосудов) 2-й половины XIV в. и 25 обломками (от 21 сосуда) XIV–XV вв. из Византии и стран Причерноморья. Редкие находки из Закавказья, Турции, Ирана, Китая (два фрагмента селадоновых сосудов) характеризуют поздний этап внешних связей города XIV–XVII вв. Становится очевидным, что керамический импорт в полной мере отразил очень высокий (приближающийся к столичному) статус Коломны XIV–XV вв., когда она была главным домениальным городом великого князя московского.

Несмотря на значительные достижения в исследовании коломенской керамики, остаются не изученными местные изразцы, строительная и техническая керамика, курительные трубки.

При раскопках в Коломне были обнаружены четыре монетных клада. Два из них (12 ранних монет Михаила Федоровича 1614 – 1620-х годов и 896 монет Романовых XVII – самого начала XVIII в., сокрытых около 1704 г.) найдены при раскопках на ул. Гранатной и публикуются в настоящем сборнике. Еще два клада начала XVII в. из раскопа по улице Болотникова опубликованы (Сыроватко, Самошин, 2004). Нумизматические находки мелких номиналов (медные пула) встречались в датированных слоях XVII в., что позволяет решить спорный вопрос об их бытовании в это время. Особенно велико значение находок монет удельного периода из меди и серебра в культурном слое (всего в Коломне их обнаружено 15 экз.). Нумизматами выделена особая категория монет с надчеканками «коломенского» типа (испорченная арабская надпись «малик», т.е. «князь»), топография которых свидетельствует об их происхождении из Коломны или ее окрестностей (Волков, 2004). Недалеко от Коломны обнаружен редчайший клад серебряных монет удельного периода начала XV в. (Самошин, 2003). Из предметов, связанных с торговлей, в Коломне найдены полностью сохранившиеся костяные весы, предназначенные для отбраковки легковесных, фальшивых и обрезанных монет. Проверка коломенских весов показала, что они начинают «работать» с веса 0,84 г. Из хорошо датированных слоев происходят три монетных гирьки, соответствующие счетным единицам в алтын, пять алтынов и полтинеслитку конца XIV – самого начала XV в.

До настоящего момента в Коломне не найдено ни одной древнерусской печати. Не исключено, что это обстоятельство связано с недоступностью пока для исследований территории древнейшего детинца Коломны домонгольской эпохи. В коллекции имеется лишь заготовка с частично отпечатавшимся точечным ободком, датированная по слою XIV–XV вв. Вместе с тем надо отметить, что на территории обширной коломенской округи кладоискателями найдено уже три моливдовула: киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113 гг.), новгородского Мстислава Владимировича (1096–1113 гг.) и неизвестного пока князя (с изображением св. Козьмы и Георгия) конца XII – 1-й половины XIII в. (Янин, Гайдуков, 2003).

Одним из интереснейших и представительных в вещевой коллекции из Коломны является раздел металлопластики, охватывающий период от XII до XVIII–XIX вв. Наиболее древние и интересные образцы домонгольского литья введены в научный оборот (Мазуров, 2002. Древнерусские...). Это створки энколпионов Борисоглебского XII – 1-й половины XIII в., с Богородицей (Одигитрией Перивлептой) 1-й трети XIII в. и целый энколпион из серии широко известных и давно описанных крестов с зеркальной надписью «С(вя)тая Бобобце (испорченное «Богородице». – *А.М.*) помагай» 1-й трети XIII в. Интересно отметить, что все коломенские экземпляры отлиты по оттиску в глине с оригинала, не исключено, что на месте. Перечисленные находки представляют наиболее многочисленные серии древнерусских нагрудных крестов-реликвариев XII–XIII вв.

Таким образом, организованные в Коломне в 1990-е г. широкие охранные исследования дали серьезные научные результаты. Полная их публикация, как представляется, станет важным событием в археологическом изучении как городов Московской земли, так и средневековой Руси в целом. Дальнейшая работа должна быть направлена на углубленное изучение материальной культуры Коломны XII–XVIII вв., с разработкой типологии и хронологии отдельных категорий находок. Приоритетными задачами на ближайшие годы является изучение: 1) погребальных памятников и селищ раннего периода славянской колонизации; 2) ближней сельской округи города; 3) волостных территорий Коломны; 4) продолжение охранных исследований в городе.

Литература:

Археологическая карта России (АКР). Московская область. М., 1995. Ч. 2.

Волков И.В. Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Козина С.Н. Гончарные клейма средневековой Коломны // Краеведческие записки. Сборник научных трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001.

Кулаков В.И., Сыроватко А.С. Подковообразная фибула из Коломны // КСИА. 2003. Вып. 215.

Мазуров А.Б. Археологическое изучение Коломны: основные итоги и перспективы // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.

Мазуров А.Б. Гончарный горн XIV в. из раскопок в Коломне // Проблемы истории Московского края. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья (Москва, 26 февраля 2002 года). М., 2002.

Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // КСИА. 2004. Вып. 216.

Мазуров А.Б. Древнерусские кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Коломны // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2002 года. Тезисы докл. М., 2002.

Мазуров А.Б. Основные итоги и перспективы археологического изучения Коломны // Российская археология. 1998. № 1.

Мазуров А.Б. О расположении детинца и размерах Коломны в XII–XIII вв. // Краеведческие записки. Сб. научных трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна, 2001.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Мазуров А.Б. Топография и хронология укреплений Коломны XIV–XV вв. // Проблемы истории Московского края: Тезисы докл. IV регион. научн. конференции, посвященной 75-летию образования Московской области (Москва, 25 февраля 2004 г.). М.,. 2004.

Мазуров А.Б. Эволюция Коломны в XIII–XIV вв.: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Мазуров А.Б., Коваль В.Ю. Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Мазуров А.Б., Сыроватко А.С. Михаил Георгиевич Савицкий // Исторические чтения Коломенского государственного педагогического института. Коломна. 2004. Вып. 3.

Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. 2003. № 4.

Сыроватко А.С. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья. Автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 2001.

Сыроватко А.С., Самошин С.И. Нумизматические находки из раскопок 2003 года в Коломне // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Черкасов В.В. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Черкасов В.В. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

Черкасов В.В. Лепная и раннекруговая керамика г.Коломны (по материалам раскопок в 1991–2002 гг.). К вопросу о раннем славянском поселении // Вестник МГУ. 2004. № 5. Сер 8: История.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны XIV в. (по данным дендроанализа) // КСИА. 2004. Вып. 216.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы научной конференции: Новгород, 28–30 января 2003). Вып. 17. Великий Новгород, 2003.

Черкасов В.В.

Домонгольская традиция гончарного производства Среднего Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.)

Изучение продукции средневекового гончарства является важной темой в исследованиях, посвященных городской археологии Руси. На сегодняшний день накоплен значительный керамический материал, который постепенно вводится в научный оборот. Между тем следует признать, что исследование русской глиняной посуды до начала 90-х годов прошлого столетия базировалось в основном на методе визуальной систематизации керамических фрагментов, зачастую, лишь по одному морфологическому признаку – форме верхней части сосуда или только по венчику. Фактическое игнорирование важнейших технологических (сырье, состав формовочной массы, режим обжига), орнаментальных (техника нанесения, способ размещения), конструктивных (появление новых конструктивных частей сосуда) и иных морфологических (пропорции посуды) признаков вкупе с нарушением принципов классификации вещей (иерархичность и разделение по одному критерию) привело отечественную керамологию к кризисному состоянию. Это проявилось в том, что когда были решены две задачи в исследовании керамики (а в рамках обозначенного методического подхода ставить задачи другого уровня было невозможно): создание хронологических шкал керамики различных памятников, выявление ассортимента посуды и использование ее в качестве надежного хронологического определителя культурного слоя, керамика из исторического источника превратилась в мертвый, поскольку заложенная в ней информация не была полностью востребована. Субъективный фактор при морфологической систематизации не позволял производить полноценное сравнение (не на уровне общего описания и общих аналогий) керамических коллекций разных территорий и даже памятников в пределах одной территории, и, следовательно, изучение собственно средневековой посуды, а значит и гончарного ремесла, хозяйственной жизни, торговых отношений, миграций населения.

Осознание археологами такого положения дел привело к выработке в середине 90-х годов XX в. нескольких исследовательских подходов, которые были направлены на более глубокое изучение керамики как источника. Среди них выделим следующие: 1) модернизация и развитие метода визуальной обработки и классификации (исследования В.Ю. Коваля); 2) изучение морфологических признаков методами формализации и математической статистики; 3) создание универсальной программы описания сосудов на основе типологии (школа Ю.Л. Щаповой); 4) привлечение разработок естественнонаучных методов и метода эксперимента (работы И.В. Болдина).

Стоит отметить и то, что накопленный в огромном количестве в течение последних пятидесяти лет керамический материал, а также его публикации[1] делают для археологов очевидной необходимость создания обобщающей работы по

русскому средневековому гончарству, что, вероятно, позволит не только отказаться от существующих стереотипов, но и по иному посмотреть на сложившиеся к настоящему времени представления об уровне и характере развития экономики, степени влияния на нее внешних факторов, о процессах интеграции или размежевания отдельных земель. Реализация данной цели, как нам представляется, должна идти по пути исследования керамики малых и средних городов, и изучения воздействия городского керамического производства на сложение гончарства сельской округи, а в методическом плане – в направлении тщательного анализа комплексов и фиксации максимального количества признаков керамики с использованием разработок математической статистики и естественнонаучных методов.

Настоящее исследование по коломенской домонгольской керамике как раз и лежит в плоскости обозначенных приоритетов, поскольку, во-первых, изучается гончарная посуда важнейшей порубежной крепости 2-й половины XII – XIII в. Рязанского земли и второго по значению города Московского княжества XIV–XV вв., ставшего домениальным владением великого князя, а во-вторых, анализ керамического материала производился на основе учета всех важнейших признаков технологии, морфологии, конструирования и декора по каждому фрагменту комплекса по методике, предложенной В.Ю. Ковалем (Коваль, 1995, 1996, 1997. Керамика..., 1999, 2000, 2004. Керамика...).

С момента начала систематических археологических раскопок в г. Коломне (1989 г.) и по 2002 г. в городском культурном слое было выявлено 13 условно-закрытых комплексов 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. (раскопки 1991–2001 гг. А.Б. Мазурова, 1992 г. В.Н. Огнева и 2002 г. А.С. Сыроватко). В нашем распоряжении было несколько комплексов, имеющих одинаковую датировку, что позволяло видеть характерное в керамическом наборе определенного периода. Эти комплексы по возможностям узкого (в рамках 50 лет) датирования керамики были разделены нами на два класса и две хронологические группы. Первый класс, включавший 11 условно-закрытых комплексов, характеризуется достаточной представительностью (не менее 100 фрагментов керамики) и возможностью датирования посуды, прежде всего, по вещевым находкам с учетом данных стратиграфии. Второй класс, а это всего два комплекса, отличался от первого тем, что содержание в ямах вещей не позволяло дать точную датировку, и поэтому для определения хронологии авторами раскопок более активно использовалась стратиграфия и собственные эмпирические представления об изменениях в гончарной продукции, большинство из которых подтвердилось (с помощью сравнительного статистического анализа) в процессе нашего исследования. Датировка комплексов дается по отчетам с внесением уточнений и корректив там, где это необходимо. Статистический учет производился при непосредственной работе с комплексами двух классов, но при изучении развития гончарной посуды, все полученные результаты основывались в первую очередь на комплексах первого класса.

Характеристика керамической продукции домонгольского времени[2] интересна тем, что позволяет выявить характер связи с гончарным производством (раннекруговой посудой), непосредственно предшествовавшим городскому 2-й половины XII – 1-й половины XIII в., а также дает возможность проследить изменения внутри последнего, разделив керамические комплексы на две хронологические группы.

Первая хронологическая группа (2-я половина XII – начало XIII в.) была выделена на основании полного отсутствия (или единичных находок) стеклянных браслетов в комплексах, хорошо датированных по набору других вещевых нахо-

док, поскольку временем наибольшего распространения стеклянных браслетов на Руси является конец XII – 1-я треть XIII в. (Щапова, 1997, табл. 6; рис. 17; Коваль, 1996. С. 104). Вторая хронологическая группа (конец XII – 1-я половина XIII в.) характеризуется наличием в комплексах многочисленных обломков стеклянных браслетов. Отметим, что датировка комплексов 1-й половиной XIII столетия, а не первой его третью, обусловлена, прежде всего, тем, что, принимая во внимание время наибольшего распространения на Руси стеклянных браслетов, мы должны учитывать и такой фактор как максимальное время использования самой вещи (Макаров, 2003. С. 9), поэтому совершенно правомочно относить комплексы со стеклянными браслетами к концу XII – 1-й половине XIII в. Описание и датировка комплексов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Условно-закрытые комплексы Коломны второй половины XII - 1-й половины XIII в.

Комплекс	Вещевые находки	Датировка
Первый класс условно-закрытых комплексов		
Первая хронологическая группа (вторая половина XII – начало XIII в.).		
1. Яма 2б/2 - погреб (369 фр.). Раскоп IV по ул. Лазарева,15 1996 г.	1 – фрагмент вятического височного семилопастного кольца раннего типа второй половины XII в. (Равдина, 1968, с. 138–139, рис.1,5); подобные кольца встречаются и в более позднее время (Мазуров, 2004, с. 94). 2 – фрагмент вятического височного кольца первой половины XII в. (?) (Равдина, 1968, с. 139–140). 3 – фрагмент стеклянного крученого браслета (Киев, 1160–1240 гг.) (датировка и атрибуция всех изделий из стекла произведена Ю.Л. Щаповой). 4 – цилиндрическая бусина бирюзового непрозрачного стекла с инкрустацией двумя бело-красно-желтыми пятнами (IX–X вв., Ближний Восток). 5 – фрагмент серпа. 6 – оселки. 7 – ножи. 8 – светец.	2-я пол. XII – нач. XIII в.
2. Яма 6а - подпечная (705 фр.). Раскоп IV по ул. Лазарева,15 1996 г.	1 – фрагментированный трапециевидный двусторонний цельный гребень с часто и редко расположенными зубцами конца X – второй половины XII в. (Колчин, 1982, с.101-102). 2 – топор железный с опущенным лезвием и выемом у шейки X – конца XII в. (Колчин, 1982, с. 98–99). 3 – горнохрустальная шаровидная бусина X – начала XIII в. (Колчин, 1982, с. 102–106), X – XIII вв. (Фехнер, 1959, с. 155–157, 185–186). 4 – часть косы-горбуши. 5 – фрагмент перстня бронзового сплава.	2-я пол. XII – нач. XIII в.
Вторая хронологическая группа (конец XII – 1-я половина XIII в.).		
3. Яма 2 - хозяйственная (133 фр.). Траншея на Соб. пл. 1991 г.	1 – фрагмент стеклянного ребристого пережженного браслета (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – половинка маленькой стеклянной кольцевидной желтой непрозрачной бусины (Киев, 1160–1240 гг.).	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
4. Яма 7б - печной комплекс (259 фр.). Раскоп I по ул. Лазарева,20 1993 г.	1 – фрагмент крученого браслета зеленого прозрачного стекла (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – четыре фрагмента желтоватого прозрачного стекла (Киев, 1160–1240 гг.). 3 – половинка пряслица из ярко-малинового шифера XII – начало XIII в. (Колчин, 1982, с.107, 111).	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
5. Яма 17- нежил.соор. (501 фр.). Траншея по ул. Исаева, 1994 г.	1 – фрагменты стеклянных крученых и гладких браслетов: черного, ультрамаринового прозрачного, изумрудно-зеленого, лазурного с желтым перевитьем, темно-синего, зеленого, бирюзового с желтым перевитьем, темно-красного с золотисто-розовым перевитьем, коричнево-красного цветов (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – фрагмент стеклянного бирюзового прозрачного перстня (Киев, 1160–1240 гг.). 3 – бусина фиолетового стекла (Киев, 1160–1240 гг.). 4 – лопасть четырехконечного каменного креста-корсунчика XII (пре-	кон. XII – 1-я пол. XIII в.

	(преобладают) – XIV вв. (Колчин, 1982, с.106, 108, 111). 5 – шарообразная бусина из горного хрусталя X–XIII вв.(Фехнер, 1959, с. 155–157, 185–186). 6 – бипирамидальная горнохрустальная бусина IX – XII вв. (Фехнер, 1959, с.156). 7 – фрагмент амфоры типа "Триллия" – до 1204 г. (Коваль, 2003, с. 364). 8 – два фрагмента амфор типа "Трапезунд" – до середины XIII в. (Коваль, 2003, с. 364).	
6. Яма 26 – сруб (163 фр.).Траншея по ул. Исаева,1994г.	1 – фрагменты стеклянных крученых браслетов красного и зеленого цветов (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – обломок литого стеклянного крестика зеленовато-красновато-желтоватого цвета (был отлит в каменную форму с использованием приемов мозаичной техники) XII (с большей вероятностью) – XIII вв.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
7. Яма 4а,4б –хоз.компл. (144 фр.). Траншея по ул. Исаева,1994 г.	1 – фрагмент стеклянного крученого фиолетового браслета (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – фрагмент круглого гладкого браслета красного стекла (Киев, 1160–1240 гг.). 3 – миниатюрное костяное острие с шаровидной просверленной головкой XII–XIII вв. (Никольская, 1987, с. 100, рис. 52:4,5). 4 – перстнеобразное височное проволочное кольцо 60–70-е гг. XI – начала XV в. (Седова, 1981, с. 13).	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
8. Яма 6 – овраг (1428 фр.). Раскоп II по ул. Лазарева, 8 1995 г.	1 – три фрагмента от разных стеклянных крученых браслетов (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – фрагмент круглого гладкого браслета желтого прозрачного стекла, перевитый желтой нитью XII в. 3 – обломок другого стеклянного круглого гладкого браслета (Киев, 1160–1240 гг.). 4 – фрагмент донца лампадки желтого прозрачного стекла с сетью мелких трещин XII в. 5 – мелкий фрагмент перстня стеклянного ярко-бирюзового цвета (Византия, до 1204 г.). 6 – сердоликовая бипирамидальная бусина конца XI – третьей четверти XIII в. (Колчин, 1982, с. 105–106). 7 – часть железного цилиндрического навесного замка с сохранившимся донцем с ключевым отверстием от ключа типа «В» середины XII – начала XV в. (Колчин, 1982, с. 95–97). 8 – фрагмент двухстороннего наборного округлобокого костяного гребня на медных заклепках типа «О» XII – начала XIII в. (Колчин, 1982, с. 100–102). 9 – часть двухстороннего наборного костяного гребня типа «Ж» XII – третьей четверти XIII в. (Колчин, 1982, с. 100–102); 10 – фрагмент костяной рукояти ножа с глазковым орнаментом зонами и треугольниками XII–XIV вв. (Асташова, 1993, с. 69–70, 77; Костыгина, 1996, с. 183–184). 11 – часть вятического височного семи – или пятилопастного кольца второй половины XII – XIII в. (Равдина, 1968, с. 137, 140). 12 – целая круглая ажурная привеска с включенным крестом XII в. (Седова, 1981, с.42; Даркевич, Борисевич, с. 213, табл. 96–98; с. 228, табл. 60: 4). 1 3 – шаровидный линейнопрорезной бубенчик бронзового сплава второй половины XI – первой половины XIII в. (Колчин, 1982, с. 109–110). 14 – два мелких фрагмента амфор XII – середины XIII в. (Колчин, 1982, с. 107; Коваль, 2003, с. 363–364). 15 – два розовошиферных пряслица.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
9. Яма 13 – припечная (101 фр.). Раскоп III по ул. Лазарева, 8а 1995 г.	1 – обломок стеклянного крученого браслета черного цвета (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – ключ типа «В-1» второй половины XII – начала XV в. (Колчин, 1982, с. 95–97; Древняя Русь, 1997, с. 15, 252).	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
10. Яма 21 – припечная (323 фр.). Раскоп III по ул. Лазарева, 8а 1995 г.	1 – фрагменты стеклянных круглых гладких браслетов: темного зеленовато-коричневого, фиолетового, светлого зеленовато-коричневого, коричневого и светло-зеленого цветов (Киев, 1160-1240 гг.). 2 – фрагменты стеклянных крученых браслетов: прозрачного изумрудного, прозрачного янтарного и темно-янтарного цветов (Киев, 1160–1240 гг.). 3 – стеклянная сине-голубая зонная бусина (Киев, XII–	кон. XII – 1-я пол. XIII в.

	XIII вв.). 4 – привеска-лунница из непрозрачного бирюзового стекла XII в. 5 – решетчатый двузигзаговый перстень бронзового сплава с орнаментом в виде насечек по краю XI-XIII вв. (Древняя Русь, 1997, с.77).	
11. Яма 5 – хозяйственная (134 фр.). Раскоп по ул. Лазарева, 20 2001г.	1 – фрагмент стеклянного крученого коричневого браслета (Киев, 1160–1240 гг.). 2 – фрагмент круглого с продольными желобками подграненного браслета фиолетового прозрачного стекла (Киев, 1160–1240 гг.). 3 – две фрагментированные прозрачные стеклянные бусины цвета морской волны (Киев, 1160–1240 гг.).	кон. XII – 1-я пол. XIII в.
Второй класс условно-закрытых комплексов		
Первая хронологическая группа (вторая половина XII – начало XIII в.).		
1. Яма 18 – хозяйственная (133 фр.). Раскоп по ул. Пушкина, 1999 г.	Вещевой набор отсутствовал. Комплекс был датирован по стратиграфии и по результатам сопоставления с комплексами первого класса.	2-я пол. XII – нач. XIII в.
Вторая хронологическая группа (конец XII – первая половина XIII в.).		
2. Яма 20 – хозяйственная (166 фр.). Раскоп I по ул. Лазарева, 20, 1993 г.	Вещевой набор отсутствовал. Комплекс был датирован по стратиграфии и по результатам сопоставления с комплексами первого класса.	кон. XII – 1-я пол. XIII в.

Переходя к характеристике ***технологических признаков*** коломенской домонгольской керамики отметим, что под ними подразумеваются использование исходного сырья, технология изготовления формовочной массы, технология формования сосуда, технология закрепления начина к подставке гончарного круга и снятия сосуда с нее, технология обжига, технология обработки поверхности.

Керамическая посуда 2-й половины XII – начала XIII в.

В это время использовались ожелезненные (красножгущиеся) глины (до 60%)[3], в гораздо меньшей степени – неожелезненные (светложгущиеся) ($^1/_{10}$) и слабоожелезненные глины ($^1/_7$). Еще у пятой части цвет глины проявлен не был. В качестве отощителя доминировал средний и крупный песок ($^2/_3$), мелкий песок использовался реже (до $^1/_3$); массы с примесями дресвы составляли около 4 %, а с известью и песком – 1%. Глиняные сосуды представляют собой развитую круговую керамику, изготовленную на ручном гончарном круге с использованием метода налепа (РФК-3–5 по А.А. Бобринскому) и донно-емкостного начина. В качестве подсыпки использовался в основном песок ($^3/_4$ всех исследованных днищ), а также зола ($^1/_{10}$) и в редких случаях (около 2%) дресва. Обжиг посуды происходил в большинстве случаев в окислительной среде ($^4/_5$ всей керамики), но полный обжиг проходила только $^1/_8$ часть сосудов.

Керамическая посуда конца XII – 1-й половины XIII в.

До $^1/_3$ всей керамики увеличилось использование неожелезненных глин, тогда как применение ожелезненных ($^1/_2$) и слабоожелезненных глин ($^1/_{10}$) сократилось. Уменьшилось количество фрагментов с непроявленным цветом глины (не более $^1/_{10}$ исследованных образцов). Самым применяемым отощителем становится мелкий песок ($^2/_3$); реже добавлялся крупный песок ($^1/_5$), дресва ($^1/_{10}$) и известь (1%). Песчаные подсыпки под днища доминировали – они фиксируются на $^3/_4$ днищ, значительно в меньшей степени использовалась зола ($^1/_7$) и дресва (около 3%). Посуда обжигалась в окислительной среде (более 90%; $^1/_7$ из нее проходила полный обжиг). Впервые отмечен такой прием обработки поверхности сосуда, как нанесение поливы (желтой и зеленой).

При изучении ***морфологических признаков*** посуды наше внимание было обращено на общую форму сосуда, рассматриваемую как совокупность конструктивных его частей, и морфологию одной из таких частей – венчика, поскольку изменения в его профилировке хронологически обусловлены и более выражены, в отличие от других составляющих формы сосуда. Венчиком будем называть верхнюю часть сосуда, которая включает в себя шейку и устье, край которого (как и само устье) может быть деформирован различными способами. В исследовании хронологических изменений в оформлении венчика мы исходили из той позиции, что в основе формования венчика лежит технологический навык, реа-

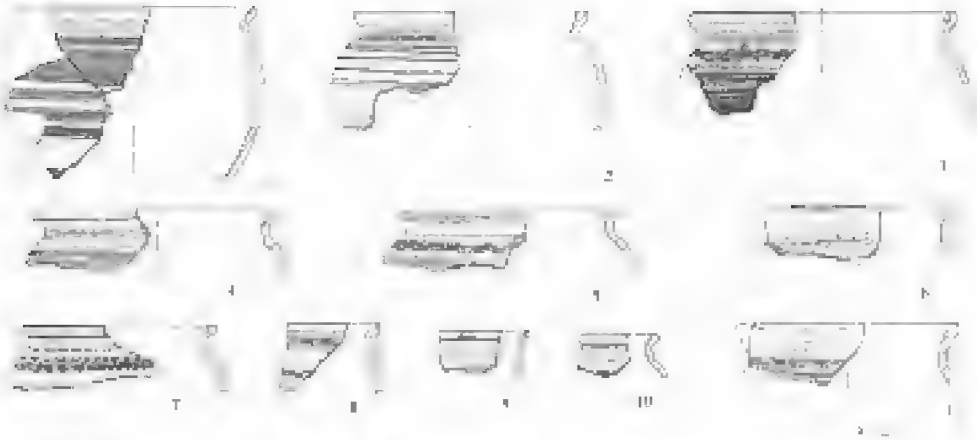


Рис. 1. Комплексы первого слоя. Первая хронологическая группа (вторая половина XII – начало XIII в.)
(Ул. Лазарева, 15, 1996 г., шурф 6)

1 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 27.1; пит 9; д – 21; 2 – кремль: 100б; пит 2.2; пит 10.2; пит 2.1; д – 19; 3 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 27.1; пит 3/15; д – 22; 4 – кремль: 100б; пит 2.2; пит 11.1; пит 9; д – 20; 5 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 10.1; пит 2/12; д – 18; 6 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 8.2; д – 16; 7 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 9.1; пит 12; д – 16; 8 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 25.1; пит 7; 9 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 6.1; 10 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 26.2; пит 12; 11 – кремль: 100б; пит 2.1; пит 8.2; д – 19

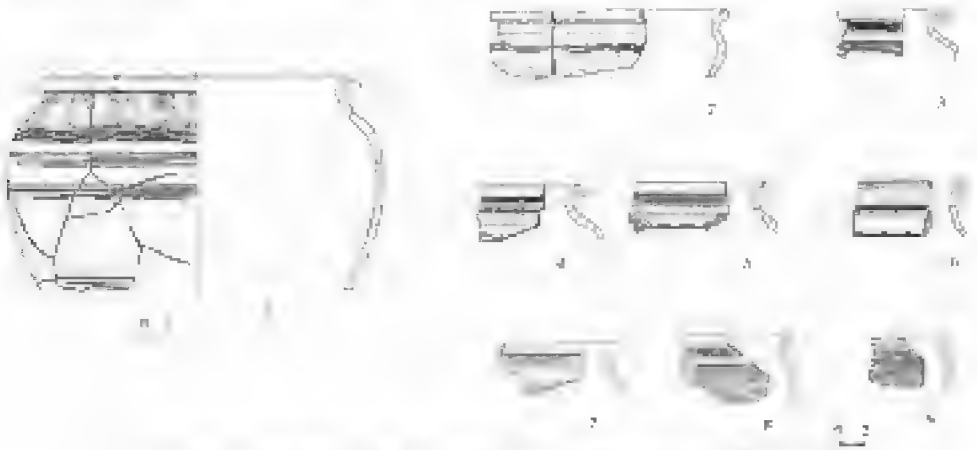


Рис. 2. Комплексы первого слоя. Первая хронологическая группа (вторая половина XII – начало XIII в.)
(Ул. Лазарева, 15, 1996 г., шурф 2, 6/2)

1 – кремль: 100; пит 2.2; пит 29.4; пит 2/7; д – 25/4; 2 – кремль: 100; пит 2.1; пит 19.1; пит 12; д – 18; 3 – кремль: 100; пит 2.1; пит 29.1; пит 2; 4 – кремль: 100; пит 2.1; пит 1.1; пит 6; 5 – кремль: 100; пит 2.1; пит 20.1; пит 1.1; 6 – кремль: 100; пит 2.1; пит 6.1; пит 2/1; 7 – кремль: 100; пит 2.1; пит 23.1; пит 5; 8 – кремль: 100; пит 2.14; пит 27.1; пит 5; 9 – кремль: 100; пит 2.1; пит 18.1; пит 5

лизация которого гончаром состоит как бы из двух этапов. Первый предполагает конструирование собственно венчика (он может быть вертикальным, изогнутым, отогнутым, наклоненным), а второй – это способ деформации края венчика (заворот, срез, заглаживание без деформации).

Керамическая посуда 2-й половины XII – начала XIII в.

Венчики формовались четырьмя способами. Первый способ: вертикальный венчик, состоящий из шейки и небольшого устья, край которого срезался (тип 6.1 – до $^1/_{10}$ всех венчиков, тип 6.2 – около 2%)[4], либо заворачивался внутрь сосуда (тип 8.2 – $^1/_7$). Это так называемые «цилиндрические» венчики. Второй способ: вертикальная шейка и сильно отогнутое наружу устье, «черновой» край которого заворачивался внутрь и либо уплощался (тип 18.1 – $^1/_8$), либо ему придавалась фор-

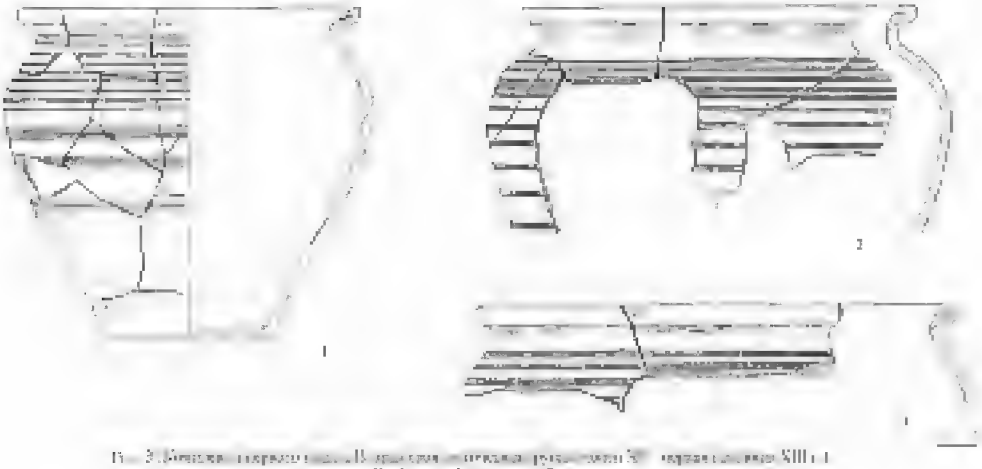


Рис. 3. Венчики сосудов [illegible] (Из: Нежда, 1994 г., лист 17)
1 – [illegible]; 2 – [illegible]

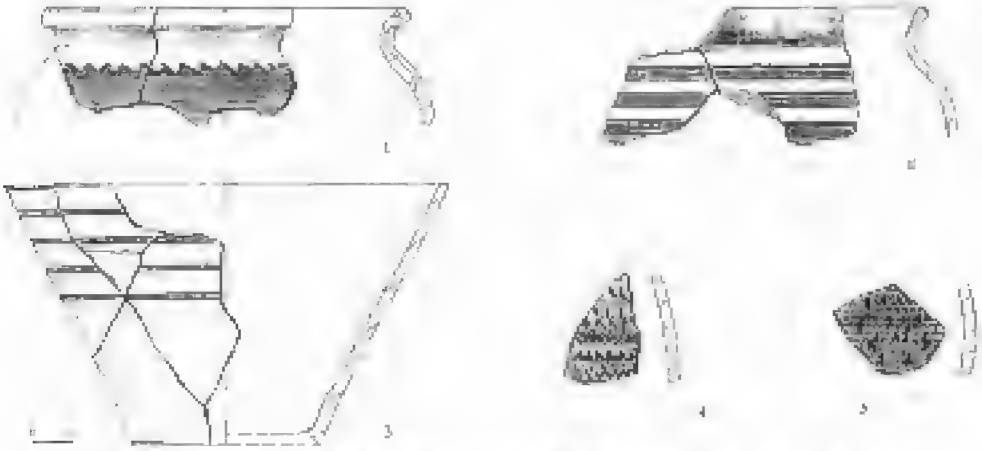


Рис. 4. Венчики сосудов [illegible] (Из: Нежда, 1994 г., лист 17)
1 – [illegible]; 2 – [illegible]; 3 – [illegible]; 4 – [illegible]; 5 – [illegible]

ма округлого валика (тип 18.2 – $^1/_{10}$). Третий способ: наклоненная внутрь шейка и отклоненное наружу устье, край которого заворачивался внутрь и так же, как и при втором способе, мог быть приплюснутым (типы 28.1 – около 7%, 28.5 – $^1/_{10}$) или округлым (тип 28.2 – $^1/_8$). Четвертый способ: венчики без резких перегибов с изогнутым профилем, а также венчики, состоявшие из одного устья, плавно переходящего в тулово сосуда, при этом их «черновой» край, завернутый во внутрь сосуда, тоже уплощался (тип 23.1 – $^1/_5$) или округлялся (типы 23.2 – до 4% и 13.2 – около 2%). Закрепившееся название их (последние три способа) – «эсовидные» (рис. 1, 2)[5].

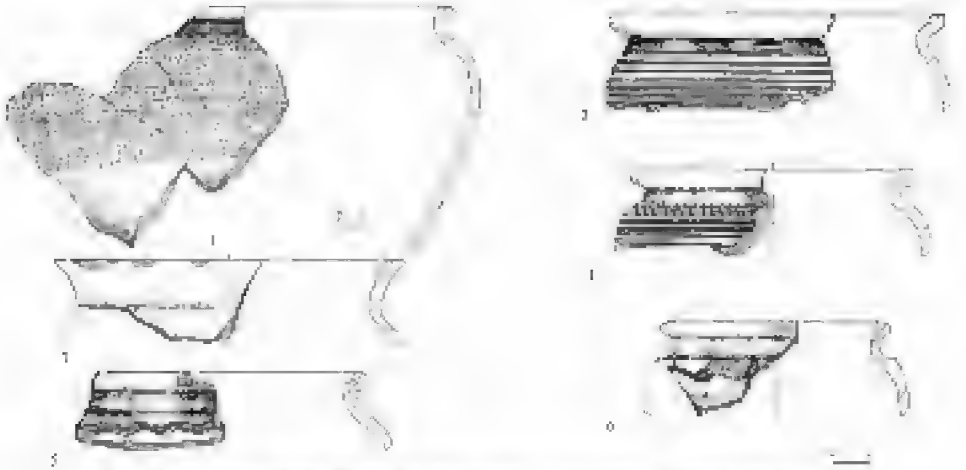


Рис. 5. Керамика первого кома. Вторая хронологическая группа (конец XII – первая половина XIII в.)
(Ф.Г. Гаврилов, М., 1995 г., рис. 1)

1 – арт. с. 490, тип 2.1, тип 18.2, тип 9.20/27; 2 – арт. с. 494, тип 2.1, тип 15.2, тип 2, d = 19; 3 – арт. с. 501, тип 2.1, тип 8.2, d = 20; 4 – арт. 108, тип 2.1, тип 28.1, тип 2/24, d = 16; 5 – арт. 140, тип 2.1, тип 28.2, тип 13; 6 – дерев. с. 600, тип 2.1, тип 23.1, тип 13, d = 15

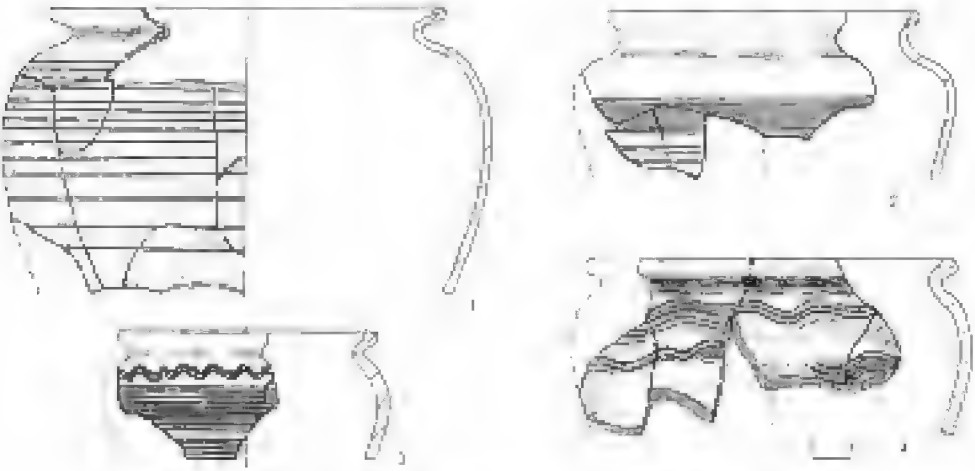


Рис. 6. Керамика первого кома. Вторая хронологическая группа (конец XII – первая половина XIII в.)
(Ф.Г. Гаврилов, М., 1995 г., рис. 13)

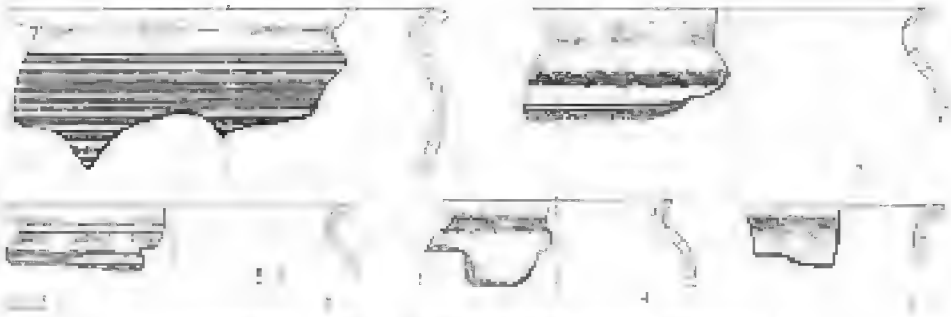
1 – арт. с. 498, тип 2.1, тип 28.1, тип 2, d = 21; 2 – дерев. с. 600, тип 2.2, тип 28.1, тип 2/7, d = 16; 3 – арт. с. 501, тип 2.14; тип 12.2; тип 2.13; d = 14; 4 – арт. с. 600, тип 2.2; тип 28.2; тип 1.1; d = 20

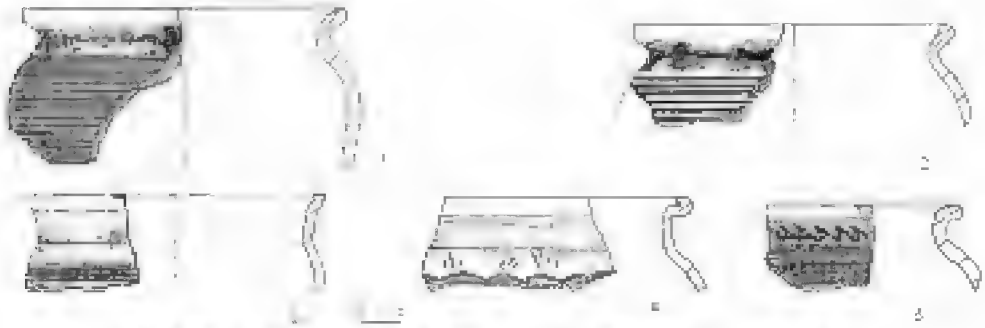
Керамическая посуда конца XII – 1-й половины XIII в.

Изменений в способах конструирования венчиков и оформления края не происходит, но меняется их соотношение (рис. 3–8). Первым способом формуется только седьмая часть всех венчиков (тип 8.2), при этом полностью исчезают венчики типов 6.1 и 6.2. Второй способ фиксируется также у $^1/_7$ всех венчиков (типы 18.1 – около 4%, 18.2 – $^1/_{10}$), третий – у $^1/_2$ (типы 28.1 – $^1/_4$, 28.2 – $^1/_5$, 28.5 – около 2%) и четвертый – у пятой части (типы 23.1 – $^1/_7$, 23.2 – 1%, 13.2 – до 6%).

Для горшков домонгольского времени характерны следующие пропорции: это высокие относительно «закрытые» сосуды с максимальным расширением примерно на $^2/_3$ их высоты.

При изучении ***функциональных форм*** сосудов (горшок, миса, кувшин и так далее) их морфология рассматривалась как совокупность конструктивных элементов, которые были предложены в работе Ю.А. Лихтер и Ю.Л. Щаповой (Лихтер, Щапова, 1991. С. 16–17). Три конструктивных элемента составляют основу сосуда: край, тулово, дно. В упомянутой работе было вычислено максимальное число сочетаний основы с другими элементами (128 конструктивных классов). Но среди коломенской посуды 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. известны лишь 3 класса из этого списка.





Керамическая посуда 2-й половины XII – начала XIII в.

В это время доминирует простая конструкция 2 (Основа+Венчик), которой соответствуют такие функциональные формы как горшок, миска, горшок-миска и крышка. К первому конструктивному классу (Основа) принадлежат только миски.

Керамическая посуда конца XII – 1-й половины XIII в.

Наряду с прежними конструктивными классами 1 и 2 и формами (горшок, миска, горшок-миска, крышка) появляется сложная конструкция 13 (Основа+Ручка), соответствующая такой форме как сковорода или кастрюлька.

При характеристике изменений в ***орнаменте*** коломенской посуды учитывались следующие признаки: элементы орнамента, техника его нанесения, способы и место размещения.

Керамическая посуда 2-й половины XII – начала XIII в.

Доля линейного орнамента составляла от $^4/_5$ до $^9/_{10}$, а доля волнистого не превышала $^1/_{10}$ всех орнаментированных образцов керамики в изученных комплексах (рис. 1, 2). Гравировка линиями, расположенными на большом расстоянии друг от друга (тип 1) и разреженными ко дну (тип 2) использовалась редко ($^1/_5$). Орнамент в виде линий, близко нанесенных друг к другу («рифление»), отмечался у 40% (тип 5). Применялась и гребенка с широкими зубьями (типы 3,4 – зональный орнамент: от $^1/_4$ до 60%). Элементы волнистого орнамента включали как «крутые» (типы 7, 10, 13, 15 – до 60%), так и «пологие» волны (тип 12 – около 40%). Нанесение волнистого декора с помощью гребенки с широкими зубьями явно доминировало (типы 12, 13, 15 – более $^4/_5$). В среднем 5% приходится на линейно-волнистый орнамент (типы $^2/_6$, $^5/_8$, $^4/_{13}$). Крайне редко (до 1%) в это время используется штамп, оставляющий отпечатки в виде точек (тип 28) и прямоугольных вдавлений (тип 27); фиксируются и насечки (тип 29). Декор покрывал большую часть поверхности (от $^1/_2$ до $^2/_3$).

Керамическая посуда конца XII – 1-й половины XIII в.

Линейный декор составлял $^9/_{10}$ орнаментации и относился к типам 3, 4 ($^3/_4$ этой разновидности декора), типы 1, 2 ($^1/_{10}$), тип 5 ($^1/_5$) (рис. 3–8). Доля волнистого орнамента снизилась в это время до 5% (линейно-волнистый декор составлял около 4%): отмечен декор типов 13,15 ($^4/_5$ образцов с волнистым орнаментом); абсолютно доминировала «крутая» волна. Все так же редко применялся штамп, оставлявший круглые (тип 25) или треугольные (тип 26) вдавления.

Таким образом, проведенный нами статистический учет разнообразных признаков керамики позволяет охарактеризовать домонгольскую традицию гончарного производства Коломны (см. табл. 2). В это время гончары использовали в качестве сырья как месторождения ожелезненных, так и неожелезненных глин (в соотношени 2:1). Отметим и использование слабоожелезненных глин, которые могли быть таковыми как по своим природным свойствам, так и являться результатом смешения разных сортов глин. Для решения вопроса об использовании местных глин представляет интерес такая подготовительная стадия в изготовлении керамической посуды, как добыча сырья. В ходе археологических работ 1995 г. на центральной площадке Коломенского кремля (сквер «Блюдечко») было выявлено древнее русло оврага, которое было засыпано в 1-й трети XIII в. На склоне этого оврага было обнаружено несколько округлых ям с подбоями, интерпретированных как глинодобычные (Мазуров, 1996. С. 28). По этнографическим данным известно, что подобные ямы устраивались гончарами на склонах оврагов, как можно ближе к их дну, где залегала глина необходимого качества

Таблица 2

Хронологическая шкала керамических комплексов г. Коломны из раскопок 1991–2002 гг. Комплексы первого класса

Комплексы	Хроноиндикаторы по типу формовочной массы (в % от общего количества керамики комплекса)			Хроноиндикаторы по типу (цвету) глины (в % от общего количества керамики комплекса)			Хроноиндикаторы по типам венчиков (в% от общего количества внчиков)							Хроноиндикаторы по типам днищ (в % от общего количества днищ)			Хроноиндикаторы по орнаментации (в % от всех орнам. фрагм. комплекса)		Датировка по вещевым находкам
	типы 1.1, 1.2	тип 2.1	типы 2.2, 2.7	всего крам. полн. окисл. обжига	из неожел. глин окисл. реж..	из ожелез. глин окисл. реж.	типы 6.1, 6.2, 8.2, 8.3	типы 18.2, 23.2, 28.2	типы 18.1, 28.1	тип 23.1	тип 3.1	типы 4, 14, 19, 24, 29	типы 3.3, 3.4.	типы 2, 3	типы 4, 5	типы 6, 7	линейный	волнистый и лин.-волн.	
Первая хронологическая группа (вторая половина XII – начало XIII в.)																			
УЛ-IV-96: Яма 2б/2	–	33	64	14	7	62	20	29	29	12	–	–	–	18	71	11	83	16,5	2-я п. XII – н. XIII в.
УЛ-IV-96: Яма 6а	–	30	69,5	11	12	54	23	20	8	23	–	–	–	6	78	12	92	7,6	2-я п. XII – н. XIII в.
Вторая хронологическая группа (конец XII – первая половина XIII в.)																			
СП-91: яма 2	–	65	33	23	23	57	18	28	36	18	–	–	–	–	73	27	89	11	1-я п. XIII в.
УЛ-I-93: Яма 7б	2	73	24	12	38	40	24	38	28	7	–	–	–	–	100	–	93	7	2-я п. XII – 1-я п. XIII в.
УИ-94: Яма 17	3	75	22	18	29	55	4	–	42	35	–	–	–	–	78	19	84	15,5	1-я п. XIII в.
УИ-94: Яма 26	–	78	21	9	30	52	22	45	–	33	–	–	–	–	91	9	91	9	к. XII – 1-я п. XIII в.
УИ-94: Яма 4а,б	2	67	30	7	17	68	29	29	14	14	–	–	–	–	100	–	93	7	к.XII – 1-я п. XIII в.
УЛ-II-95: Яма 6	–	41	57	10	18	63	10	32	18	20	–	–	–	24	64	7	88	8	к.XII – 1-я п. XIII в.
УЛ-III-95: Яма 13	8	64	28	13	50	50	–	12,5	62	13	–	–	–	12	71	17	84	16	к. XII – 1-я п. XIIIв.
УЛ-III-95: Яма 21	2	68	28	7	51	49	12	18	58	3	–	–	–	–	67	30	93,5	5,5	к. XII – 1-я п. XII Iв.
УЛ-20-01: Яма 5	–	77	23	37	25	38	44	12,5	31,25	6,25	–	–	–	–	90	10	96	4	к. XII – 1-я п. XIII в.

(Сущева, 1996. С. 134–135). Для удобства добычи глины ямы эти делались с подбоем. Таким образом, наличие в домонгольское время на территории города глинодобычных ям в определенной степени свидетельствует об использовании местных глин при формовании керамической посуды 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. (окончательное же решение этого вопроса возможно только после проведения петрографических исследований). Заметим, что в отечественной керамологии физико-химические исследования глин с целью получения информации о соотношении местной и привозной гончарной продукции на памятниках средневековой Руси только начинаются (Олейников, 2001) .

При подготовке гончарами формовочной массы в качестве основного отощителя использовался песок, причем во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в. преимущественно применялся мелкий песок (у половины исследованных образцов), доля крупного составляла около 40%. Добавление дресвы в глиняное тесто не было широко распространенным (около 7% всей керамики), при этом она всегда сочеталась с песком. Наличие извести (у 1% находок) можно расценивать как случайное.

Использование такого приема формования посуды, как ленточный налеп на донно-емкостный начин было обусловлено, с одной стороны, невысокой пластичностью глин, не позволявших вытягивать емкость из куска глины, а с другой – низким уровнем развития гончарства, когда гончарный круг применялся только для профилирования сосуда, но не для его конструирования, которое осуществлялось методом скульптурной лепки. Для облегчения снятия готового сосуда с круга использовались подсыпки (отмечены на $^{9}/_{10}$ всех исследованных днищ), для которых применялся тот же минеральный компонент, что доминировал при изготовлении глиняного теста, то есть песок ($^{3}/_{4}$ всех днищ). На втором месте по частоте использования стояла зольная подсыпка ($^{1}/_{10}$ днищ). Часть днищ имела закраину.

В основе создания всей посуды этого времени лежат три конструктивные схемы. Первая предполагает формование только основы (край тулово, дно), вторая – добавление к основе венчика, а третья – добавление к основе ручки. И если при конструировании основы формуются только миски, то при использовании второй – и горшки, и миски и горшки-миски. Последняя схема применялась при создании сковородок. Как видно, производимые функциональные формы не отличались большим разнообразием, что может быть объяснено полифункциональными свойствами посуды. Так, горшки, имевшие высокие вертикальные венчики, могли использоваться в качестве крынок для отстоя молочных продуктов (Розенфельдт, 1968. С. 8). Судя по наличию нагара, большинство производимых горшков использовалась в качестве кухонной посуды, а некоторая часть – как столовая. При этом важно подчеркнуть, что значительную долю столовой посуды в это время составляли изделия из дерева, которые фиксируются в напластованиях г. Коломны (небольшое их число скорее говорит об условиях консервации: лишь на отдельных участках культурный слой сохраняет предметы из органического материала).

Появление так называемых «эсовидных» отогнутых и изогнутых венчиков (типы 18, 23, 28), в том числе с валикообразным краем и площадкой по внутреннему радиусу, обычно связывается исследователями с решением производителями посуды узкофункциональных задач (приспособление сосуда для закрытия его крышкой, для удобного переливания жидкостей, для его подвешивания). Однако по нашему мнению причина перехода к новому оформлению края сосуда лежит в области технологии: утолщение по краю было своего рода ребром жесткости, которое обеспечивало большую прочность сосуда при его создании; к тому же

это увеличивало и время эксплуатации посуды (Археология Калужской области, 1999. С. 267). Подтверждение такого объяснения видится в том, что число крышек, обнаруженных в домонгольских комплексах Коломны (впрочем, как и других городов), единично, тогда как именно горшки с «эсовидными» венчиками составляют в среднем $^4/_5$ всей выпускавшейся гончарной продукции.

При декорировании поверхности сосуда основным приемом было гравирование с использованием двух элементов: линии и волны. При этом линейный орнамент наносился в $^9/_{10}$ случаев, тогда как волнистый примерно в 7%; крайне редко наносился штамп. Для гравирования гончары в большей степени используют инструмент с одним рабочим концом, нежели гребенку.

В домонгольское время гончары Коломны при обжиге стремятся поддерживать окислительную среду в горне (об этом свидетельствуют $^9/_{10}$ найденных образцов), но только $^1/_7$ часть керамики проходит полный обжиг. Такое же количество посуды ($^1/_7$) имело темный цвет поверхности и излома (редко серый), что по большей части является не результатом неполного обжига, а следствием ее использования в быту (появление нагара и т.п.).

К сожалению, в домонгольском культурном слое Коломны не найдены пока гончарные горны, однако последние известны на многих памятниках Древней Руси, в том числе на тех, что расположены недалеко от Коломны. Для этого времени горны, использовавшиеся в малых городах и поселениях (Ростиславль Рязанский (Коваль, 1997. Гончарный горн... С. 121–123), Монастырщина 5 на Дону (Гоняный, 1993. С. 147–150), представляли собой небольшие округлые в плане (в среднем диаметр был равен 1,5 м, а высота – 1 м) глинобитные сооружения, вырытые в материке, и состоящее из двух камер: нижней топочной и верхней обжигательной, которые были разделены перегородкой («черенем») с отверстиями-продухами через которые из топочной камеры горячие газы поступали в обжигательную. «Черень» покоился на опорном столбе (его называли «козел»). К нижней камере вел топочной канал, через который производилась загрузка топлива. Размещение самой посуды осуществлялось с помощью отверстия в обжигательной камере, свод которой (иногда временный) сооружался из глины. Небольшой объем такого сооружения не позволял обжигать одновременно большое количество сосудов и получать всегда качественный обжиг, так как высокая теплоотдача горна мешала достижению высокой и постоянной температуры. Ввиду того, что материальная культура Древней Руси была единой, несмотря на региональные отличия, мы можем предполагать, что в Коломне домонгольской поры гончары для обжига своей продукции пользовались именно такими горнами.

Ничего нам неизвестно и об организационных формах гончарного производства Коломны. В качестве возможных их вариантов отметим, что горн, найденный на посаде Ростиславля, датированный рубежом XII–XIII вв., располагался в пределах усадьбы, но вне помещения (Коваль, 1997. Гончарный горн... С. 121, 123), тогда как горны поселения Монастырщина 5 были размещены внутри сооружений (Гоняный, 1993. С. 147–150).

Таким образом, несмотря на единые технологические навыки изготовления гончарной посуды Коломны, применявшиеся в домонгольский период, нельзя не отметить отличия[6] при формовании сосудов 2-й половины XII в. и 1-й половины XIII в., которые сводятся к следующим пунктам:

1) В 1-й половине XIII в. в три раза увеличивается использование неожелезненных глин по сравнению со 2-й половиной XII – началом XIII в.

2) Доля керамики, в которой в качестве отощителя применяется мелкий песок, возрастает с $^1/_3$ до $^2/_3$.

3) Если во 2-й половине XII в. «цилиндрические» венчики формуются у четверти всей посуды, то в 1-й половине XIII в. – только у $^1/_7$.

4) Для времени, непосредственно предшествующему монгольскому нашествию, отмечено появление белоглиняной керамики полного обжига без визуально фиксируемых примесей (около 2%).

По сути, прослеженные изменения являются микроэволюционными в рамках единой традиции домонгольского керамического производства.

Определенные различия прослеживаются и при работе гончара с разными сортами глины. Так, рецепты составления формовочных масс для глин с неодинаковой степенью ожелезненности были разными. При изготовлении посуды из ожелезненных глин гончары преимущественно использовали мелкий песок (до 60% всех найденных образцов), кроме того, применялись такие отощители, как крупный песок и дресва. При формовании керамики из неожелезненных глин рецепт глиняного теста также включал преимущественно добавку мелкого песка (до 75% образцов), при этом дресва практически не использовалась. Различаются эти две группы керамики и по степени обжига: белоглиняная посуда, в отличие от красноглиняной, проходила полный обжиг в окислительной среде гораздо чаще ($^1/_2$ и $^1/_{10}$ часть керамики соответственно).

Перечисленные различия, скорее всего, обусловлены свойствами самого используемого сырья. Известно, что для снижения степени усадки глины при сушке и обжиге посуды используются отощители, но они в свою очередь снижают и пластичность глиняного теста, что вызывает трудности при формовании сосуда. Однако, как показал в своем исследовании керамики Верхнего Поочья И.В. Болдин, при использовании крупнозернистых отощителей потеря пластичности минимальна, так как она зависит не от объема примесей, а от общей площади их поверхности, а при равном объеме крупные минеральные компоненты имеют меньшую совокупную площадь поверхности по сравнению с мелкозернистыми (Болдин, 2002. С. 17–18). Поэтому в ожелезненные глины, которые являются менее пластичными, по сравнению с неожелезненными, и добавлялись крупнозернистые примеси в большей степени, что позволяло гончару сохранять и без того невысокую пластичность красножгущихся глин и предотвращать порчу сосуда в результате усадки. Преимущественное использование красножгущихся глин, вероятно, может быть объяснено тем, что температура их спекания (500–600°С) ниже, температуры спекания беложгущихся (700–900°С) (Археология Калужской области, 1999. С. 264). Высокую температуру, очевидно, не всегда удавалась поддерживать в горне, что может говорить о низком уровне развития обжигательных устройств.

Некоторые различия прослеживаются и в формовании верхних частей сосудов. Во 2-й половине XII в. «цилиндрические» венчики гораздо чаще встречаются у сосудов, сделанных из неожелезненной глины, чем из ожелезненных ($^1/_3$ против $^1/_4$), тогда как в 1-й половине XIII в. наблюдается обратная ситуация ($^1/_{10}$ против $^1/_4$). В период, непосредственно предшествующий монгольскому нашествию, доля изогнутых и отогнутых венчиков с уплощенным (подовальным или подтреугольным) валиком у белоглиняной посуды гораздо выше ($^2/_3$ венчиков), чем у красноглиняной ($^1/_3$).

Отдельно стоит отметить тот факт, что в керамических комплексах 1-й половины XIII в. в незначительных количествах присутствует белоглиняная керамика полного окислительного обжига без отощителей в тесте (около 2% от всей керамики и около 5% от всей неожелезненной посуды). Неслучайность присутствия ее в слоях домонгольского времени может быть подтверждена наличием такой керамики в половине комплексов, относящихся к этому времени. В то же время,

она не характерна для коломенского гончарства 2-й половины XII – 1-й половины XIII в., что говорит о привозном характере такой посуды.

Последнее предположение, а также необходимость определения места коломенской керамической продукции в древнерусском гончарстве заставляет нас сопоставить посуду Коломны с керамикой других территорий Древней Руси. Трудность такого сопоставления заключается в отсутствии полноценной статистики по керамическому материалу многочисленных изученных памятников как по домонгольскому, так и по последующим периодам, поэтому основное внимание будет уделяться тем поселениям, где такая статистика существует. Особый интерес представляет для нас керамика Ростиславля Рязанского, средневекового поселения Настасьино и селища Дураково 3 на р. Воже, поскольку она была обработана В.Ю. Ковалем по методике, которая применялась и нами при работе с коломенской посудой. Важно, что и Коломна, и два упомянутых поселения в домонгольское время входили в состав Рязанского княжества, а Коломна и Ростиславль находились в северо-западной его части.

Отметим, что по значениям хроноиндикаторов керамики (признаков, меняющихся со временем) первая и вторая хронологические группы коломенской керамики могут быть соотнесены с посудой Ростиславля 2-й половины XII в. и 1-й половиной XIII в. соответственно. Коломенская керамика 1-й половины XIII в. по данным признакам близка посуде селища Дураково 3 (XIII – начало XIV в.), керамический комплекс которого сформировался в основном в 1-й половине XIII в. Это еще раз подтверждает правильность датировки коломенских комплексов.

Сходство керамических традиций Коломны и Ростиславля 2-й половины XII в. проявляется прежде всего по таким показателям, как доля «цилиндрических» венчиков (типы 6, 8.2), число днищ на зольной подсыпке и количество белоглиняной керамики полного обжига окислительного режима. Между тем, только $^1/_3$ коломенской посуды изготовлялась из формовочной массы с отощителем в виде мелкого песка, тогда как керамика Ростиславля формовалась почти исключительно из нее. К тому же при производстве последней применялась преимущественно слабоожелезненная глина, не характерная для коломенской посуды. Значительно больше признаков сходства имеет керамика двух памятников, изготовлявшаяся в 1-й половине XIII в. (использование беложгущихся глин, отощителей в виде мелкого песка, доля посуды из тонких формовочных масс, доля отогнутых венчиков с уплощенным краем (типы 18.1 и 28.1), число днищ на зольной подсыпке и частота использования волнистого орнамента). По этим же признакам коломенская керамика близка посуде селища Дураково 3, за исключением посуды без искусственных отощителей, которая составляла там от четверти до половины всей керамики (Судаков, 2001, табл.1). При этом такая посуда изготовливалась из беложгущихся глин и проходила полный обжиг в окислительном режиме.

Посуда еще одного поселения северо-западной части Рязанской земли – Зарайска отличается широким использованием тонких формовочных масс. Здесь, при изготовлении посуды на протяжении XI–XIII вв. они применялись в 33% случаев, при доминировании сосудов, сформованных из глин с примесью мелкого песка (63%). В XIII столетии посуда из глин без примесей формуется почти также часто (47%) как и керамика, содержащая в качестве отощителя мелкий песок (53%) (Стрикалов, 1998. С. 41, табл. 3). Отметим, что для керамики Зарайска не характерны «цилиндрические» венчики.

Большое значение имеет сопоставление домонгольской гончарной посуды Коломны с керамикой этого же времени поселения Настасьино. Это наиболее близкое к Коломне поселение (оно расположено в 12 км к северу от города). Во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в. керамика Настасьинского поселения

принципиально отличалась от коломенской по таким признакам, как применение в качестве основного отощителя мелкой дресвы (80% образцов), преимущественное использование зольной подсыпки под днища (до 85% днищ). По этим показателям она близка гончарной традиции Москвы и Москворечья (Коваль, 2004. Исследование... С. 29, 31, 38–39).

Большой интерес представляют также данные о гончарной продукции стольного города Рязанского княжества. На Южном городище Старой Рязани сосуды с «цилиндрическими» венчиками 2-й половины XII в. формовалась из белоглиняного теста с примесью мелкого песка, тогда как посуда, имевшая сильнопрофилированные «эсовидные» венчики, изготовлялась как из красных глин с некалиброванным песком, так и из белых – с включением мелкого песка. Заметим, что такая же зависимость была прослежена и в коломенской посуде 2-й половины XII в. Конец XII – начало XIII в. ознаменовался появлением в Старой Рязани посуды со слабопрофилированными «эсовидными» венчиками, которая производилась из беложгущихся глин, не содержащих искусственных примесей (Стрикалов, 1996. С. 152–153, рис. 3). При этом было отмечено, что к началу XIII в. преобладающей становится тенденция к уменьшению профилированности венчика (Стрикалов, 2003. С. 376).

Гончарная посуда поселений Верхнего Поочья (городища Серенск и Лебедка) XII–XIII вв. отличается от коломенской тем, что здесь в большей степени использовались неожелезненные глины, в которые в качестве отощителей добавлялся мелкий песок (Болдин, 2002. С. 15). Для памятников 1-й половины XIII в. юга Рязанской земли (селище Крутогорье на р. Воронеж и селище Замятино 10 на р. Дон) характерны как «цилиндрические» (до 18% и 12% соответственно), так и «эсовидные» (до 46% и 72%) венчики. Но если на первом селище волнистый орнамент преобладал (54%) над линейным (41%), то на втором – наблюдалось иное соотношение (12% и 84% соответственно), что типично для Коломны, Ростиславля и поселения Дураково 3. Н.А. Тропин, изучавший керамику селищ Крутогорье и Замятино 10, объясняет такую разницу характером освоения территории бассейна р. Воронеж, которое шло из южных, а не из западных территорий Рязанской земли. При этом отмечается, что во 2-й половине XIII в. уже на всем юге Рязанской земли в декорировании посуды преобладает волнистый орнамент (Тропин, 2000. С. 104–107).

На поселениях Верхнего Подонья – района Куликова поля (селища Монастырщина 5, Колодези) посуда формовалась из высококачественных серо-синих беложгущихся глин, в которые добавлялась примесь мелкого песка. В предмонгольское время линейный орнамент на такой керамике составлял 81–95%, а волнистый – только 2 – 18%. В отличие от «цилиндрических», венчики «эсовидного» профиля были широко распространены (Гоняный, 2003. С. 152–173). На Семилукском городище в слое 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. встречаются и «цилиндрические» (21%) и «эсовидные» (42%) венчики (Пряхин, Цыбин, 1986. С. 62–64).

Теперь рассмотрим домонгольскую посуду поселений Северо-Востока Руси. В это время вся керамика Москвы изготавливается из красножгущихся глин, которые включали такие отощители как песок и дресва, обжиг носил кратковременный характер. Для горшков характерны и сильно- и слабопрофилированные «эсовидные» и «цилиндрические» венчики. Все сосуды создавались в технике ленточного налепа. Основным орнаментом был линейный, тогда как штамп (зубчатое колесико) использовался крайне редко, при этом для гравировки использовалась преимущественно заостренная палочка (Розенфельдт, 1968. С. 7–11). Для посуды, встречаемой в курганах Подмосковья, прежде всего характер-

ны горшки с сильнопрофилированным венчиком и так называемым «упором под крышку», датируемые в пределах XII в., а также сосуды с косопоставленным венчиком (в виде низкой конической воронки). Последние относят к XII в., но единичные их экземпляры встречаются и в 1-й трети XIII в. (Равдина, 1991. С. 13). Подобные венчики (тип 13.3) не характерны для коломенской посуды.

Более точными сведениями мы располагаем о посуде г. Владимира. В конце XII – 1-й трети XIII в. для ее производства использовалась в основном ожелезненная глина, в которую добавлялись следующие отощители: мелкая дресва с песком (64%), средняя дресва с песком (23%), крупная дресва с песком (4%), только песок (8%). Такое соотношение рецептур формовочных масс существенным образом отличается от коломенской керамики. При оформлении верхней части сосуда венчикам придавался как сильно изогнутый, так и цилиндрический профиль. Линейный декор прочерчивался ножом и присутствовал на 98% всех орнаментированных образцов керамики (Кадиева, 2003. С. 324). В Суздале «цилиндрические» и «эсовидные» венчики были распространены на всем протяжении XII – 1-й половины XIII в., причем последние явно доминировали в более поздних комплексах этого времени (Лапшин, 1992. С. 96–97, рис. 1, 2).

Рассматривая керамику отдаленных от Коломны территорий, выделим в первую очередь ее отличительные черты. Так, для посуды XII–XIII вв. юго-западных территорий Руси (Среднее Поднепровье, Киев, Галицко-Волынские земли) прослеживается определенная эволюция венчиков: от так называемых «манжетовидных», которые полностью отсутствуют в Коломне, до валикообразных с бороздкой по внутренней стороне; при этом «цилиндрические» венчики здесь не формовались (Толочко, 1981. С. 298–300, рис. 130,131; Кучера, 1986. С. 448, рис. 106).

При изготовлении посуды XII–XIII вв. Смоленска использовали красножгущиеся глины средней пластичности, в которые добавлялись мелкая дресва и песок. Обжиг был недостаточно качественным. Горшки с венчиками цилиндрического профиля изготовливались в небольшом количестве (1,3%) и в основном в XII в. (Каменецкая, 1976. С. 41–44, рис. 2).

Новгородская керамика домонгольского времени изготовливалась из серой материковой глины (по мнению Г.П. Смирновой темный цвет сосудов был обусловлен также неполным обжигом), в которую вплоть до конца XIII в. добавляли дресву и крупнозернистый песок. На сосудах прослеживались следы обвара. Несмотря на формование типичных для посуды многих древнерусских городов сильнопрофилированнных «эсовидных» венчиков, оформление их края и валика было своеобразным, а «цилиндрические» венчики во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в. встречены в единичных экземплярах. Орнамент отличается чрезвычайным разнообразием: помимо линейно-волнистого декора использовался треугольный и ромбический штамп (Смирнова, 1956. С. 239–242, 247, рис. 1).

Керамическое производство Верхневолжского региона характеризуется следующими чертами: при изготовлении посуды Твери в домонгольское время использовались в основном ожелезненные глины (в комплексах 2-й половины XII в. образцы из неожелезненной глины единичны, а в комплексах 1-й трети XIII в. составляют лишь $^1/_5$ часть) с грубыми отощителями (преимущественно дресва и песок). При этом отмечается, что для изделий из неожелезненных глин характерны более тонкие формовочные массы (с примесью песка). Неполный обжиг в основном проходил в окислительном режиме. Выделим такие особенности тверской посуды, как использование в $^2/_3$ случаев зольной подсыпки под днища и распространенность штампованного орнамента (от 14 до 20%) (Кобозева, 1997. С. 107–122). Для новоторжской посуды прослежена следующая зависимость: ес-

ли в XII в. использовали ожелезненную глину с примесью дресвы, то с начала XIII в. используются в основном глины с отощителем в виде песка. Посуда после обжига приобретала темно-серый, серый или белый цвет. В декоре керамики Торжка широко применялись косые вдавления (Малыгин, 1991. С. 199, 202, рис. 10 А, 10 В).

Таким образом, приведенные данные по керамике различных земель средневековой Руси и сопоставление их с признаками посуды Коломны позволяют прийти к следующим выводам.

1) В южных регионах сложилась традиция использования наряду с ожелезненными и неожелезненных глин. При этом наблюдается увеличение применения последних в 1-й половине XIII в. Это общее заключение имеет и свои исключения, поскольку использование разных сортов глин зависит в большой степени от сырьевой базы региона.

2) Прослеживается зависимость составления формовочных масс от степени ожелезненности глины: при формовании посуды из ожелезненных глин практически всегда в тесто добавляются грубые отощители (дресва, крупный песок), тогда как при работе с неожелезненной глиной гончар использует в большей мере песок (в том числе и мелкий).

3) В декорировании посуды западных и северо-западных территорий Древней Руси штампованный, тычковый и орнамент в виде насечек используется в гораздо большей степени, чем в других регионах.

4) Формование верхней части сосуда на Юго-Востоке и Северо-Востоке Руси домонгольского времени осуществлялось, несмотря на те или иные особенности, двумя способами, при этом венчики приобретали либо цилиндрический, либо эсовидный профиль. В 1-й половине XIII в. первые исчезают вовсе, а вторые изменяются в сторону меньшей профилированности. В гончарстве юго-западных земель Руси «цилиндрические» венчики не формовались, а в западных и северо-западных регионах они встречаются редко.

5) В 1-й половине XIII в. в Рязанской земле, а также в районе Верхнего Подонья все большее распространение получает посуда, изготовленная из беложгущихся глин, не содержащих искусственных отощителей и прошедшая полный обжиг в окислительном режиме.

Все это позволяет говорить о том, что сложившаяся в Коломне в домонгольское время традиция керамического производства наиболее близка гончарной традиции Юго-Востока Древней Руси и, в частности, Рязанской земли.

В этой связи возникает вопрос об истоках сложения во 2-й половине XII – 1-й половине XIII в. коломенской керамической традиции. Здесь необходимо сопоставить посуду этого времени с раннекруговой догородской керамикой XI в. Такие технологические характеристики последней, как использование исключительно ожелезненных глин, преобладание дресвы в качестве отощителя (47% образцов), тогда как песок отмечался только в 26% случаев, обжиг в условиях окислительно-восстановительной среды (50%, причем у другой половины образцов наблюдался черный цвет поверхности и излома, что может свидетельствовать и о невысоких температурах при обжиге), существенным образом отличаются от хроноиндикаторов керамики предмонгольского времени. По такому признаку как формование венчика, также очевидны изменения. Известно всего лишь два венчика раннекруговых сосудов, которые могут быть отнесены к типам 8.2 (вертикальные прямостоящие венчики, с завернутым внутрь краем) и 28.2 (отогнутые венчики с валикообразным краем). Для коломенской раннекруговой посуды характерны венчики с изогнутой шейкой и срезанным краем и с вертикальной шейкой либо со срезанным внутрь краем, либо просто закругленным. Подобные

венчики, особенно последние, могли эволюционировать в так называемые «цилиндрические» и «эсовидные». Принципиальным отличием является отсутствие у венчиков раннекруговой посуды заворотов края или утолщений, а также минимальная деформация самого венчика, что может быть объяснено трудностью в производстве таких операций при начальных стадиях освоения гончарного круга. По сравнению с раннекруговой посудой, при изготовлении керамики 2-й половины XII в. на 10% увеличилось использование линейного орнамента и уменьшилось применение волнистого (включая его сочетания с линейным) с 14 до 11%. Существенно уменьшилось и использование различных штампов (с 8% до 1%) (Черкасов, 2004).

Как видно, существенные различия в технологических, морфологических и орнаментальных признаках раннекруговой посуды и керамики 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. могут быть объяснены прежде всего появлением гончаров, владеющих более совершенными навыками работы с гончарным кругом и применяющих более совершенные обжигательные устройства. В середине XII в. подобные процессы могут быть связаны только с одним событием – постройкой рязанскими князьями на северо-западной окраине своего княжества в 5 км от устья р. Москвы значимой стратегической крепости – Коломны (первое летописное упоминание под 1177 г.), которая позволяла контролировать важнейший гидроузел Волго-Окского междуречья. Строительство мощной пограничной крепости безусловно потребовало мобилизации сил и средств. А это неизбежно означало приток людей, обеспечивавших возведение и дальнейшее развитие города. Известно, что после распада в 1-й трети XII в. Древнерусского государства на отдельные княжения центр политической и экономической жизни постепенно перемещается на северо-восток. Именно сюда устремляются переселенцы из Южной Руси, где в это время складывается неблагоприятная военная и экономическая обстановка. О прибытии колонистов в район города Коломны свидетельствуют такие топонимы как Канев, Песочна, Малино (в XIV–XV вв. являлись коломенскими волостями), которые могут быть сопоставлены с аналогичными городами Южной Руси. А в конце XII – 1-й трети XIII в. отмечается стремительный рост городской застройки, а значит и приток все нового населения, что объясняется основанием в Коломне в 1180-х годах княжеского стола (Мазуров, 2001. С. 36, 276–277).

Таким образом, формирование новой, отличной от предыдущей (догородской) гончарной традиции Коломны домонгольского времени может быть связано с привнесением уже сложившегося гончарного дела переселенцами из Рязанской земли и, возможно, южнорусских территорий, участвовавших в постройке города-крепости. Между тем наличие у раннекруговых сосудов венчиков, близких к «цилиндрическим» венчикам городской посуды, которые составляли существенный процент в посуде курганов вятичей, а также местная лепная догородская керамика, по своим характеристикам близкая посуде этой племенной группировки, позволяет говорить и о субстратном элементе в сформировавшейся в домонгольский период гончарной традиции Коломны. В.Ю. Коваль появление более качественной посуды в Ростиславле Рязанском (основан в 1153 г.) объясняет также появлением здесь колонистов из юго-западных земель, и предположительно выделяет и исходный район: Переяславльские и Черниговские земли (Посеймье, Деснинское Левобережье) (Коваль, 1996. С. 119). Для подтверждения этой гипотезы, как нам представляется, необходимо полноценное статистическое сравнение местной керамики с сопоставимыми по количеству комплексами вышеназванных земель.

Примечания

[1] На данный момент существует целая серия исследований, посвященных гончарной посуде как отдельных крупных городов (Москва, Смоленск, Новгород, Старая Рязань), так и целых земель (Юго-запад Украины, Ростово-Суздальская земля, Верхнее Поочье, Верхнее Подонье, Среднее Поднепровье).

[2] В данной работе не приведены сведения о гончарных клеймах на посуде 2-й половины XII – 1-й половины XIII в., а также о поливной посуде этого времени, обнаруженной в Коломне, поскольку данные категории находок требуют специального исследования.

[3] Приводимые значения технологических, морфологических и орнаментальных признаков были выражены двумя способами: с помощью процентов и долей. Первые использовались в том случае, когда значения одного признака в разных комплексах одной и той же хронологической группы не сильно различались между собой, а вторые – когда полученный интервал мог быть заменен дробным числом (например, интервал 69–76% соответствует значению до $^3/_4$).

[4] Нумерация типов венчиков и орнамента дается в соответствии с типологией В.Ю. Коваля.

[5] В иллюстрациях приведены характеристики признаков каждого сосуда или фрагмента посуды, где первый показатель означает тип сырья (красножгущиеся – кр.гл., беложгущиеся – бел.гл., слабоожелезненные глины– сл.ож.), второй – режим обжига (ОП и ОН – окисл. полный и неполный соответственно, ВП и ВН – восст. полный и неполный, ОВ – окисл.-восст.), третий – тип формовочной массы, четвертый – тип венчика, пятый – тип орнамента, шестой – диаметр венчика и днища. Все типы даны по В.Ю. Ковалю (см. упомянутые работы).

[6] Данные отличия необходимо воспринимать с определенной долей условности, в виду того, что ко 2-й половине XII в. было отнесено два комплекса, а к 1-й половине XIII в. – девять. Вероятное пополнение комплексов первой хронологической группы позволит проверить обозначенные изменения.

Литература

Асташова Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска // Труды ГИМ. 1993. Вып. 82.

Археология Калужской области. Калуга, 1999.

Болдин И.В. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы хронологии и периодизации). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2002.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Труды ГИМ. 1993. Вып. 82.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля. Дисс... канд. ист. наук. М., 2003.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Каменецкая Е.В. Керамика Смоленска XII–XIII веков // Проблемы истории СССР. 1976. Вып. V.

Кобозева Е.В. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1997. Вып.2.

Коваль В.Ю. Проблемы археологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск, 1995.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. II // Труды Музея истории г. Москвы. 1996. Вып. 9.

Коваль В.Ю. Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. 1997. Вып. 6.

Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1997. Вып. 2.

Коваль В.Ю. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1999. Вып.3.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. III // Труды Музея истории г. Москвы. 2000. Вып. 10.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Коваль В.Ю. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. М, 2004. Т. 2.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по археологии //Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., 2004.
Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
Костыгина (Новикова) Л.А. К изучению косторезного ремесла Древней Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1996. Вып. 1.
Кучера М.П. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986.
Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992.
Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды» // Артефакт. Программный продукт по археологии. М., 1991.
Мазуров А.Б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля и отдельных пунктах посада средневековой Коломны в 1995 году. Т. 1–4 // Архив ИА РАН. 1996.. Р-I. № 19322/3/4/5.
Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.
Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // КСИА. 2004. Вып. 216.
Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
Малыгин П.Д. Типология и хронология новоторжской керамики // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.
Олейников О.М. К вопросу о месте производства круговой керамики Тверского Поволжья // КСИА. 2001. Вып. 212.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968.
Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.
Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1–39.
Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. 1956. № 55.
Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
Стрикалов И.Ю. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Сборник статей. Зарайск, 1998.
Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.
Судаков В.В. Отчет о раскопках Дураковского III (Алешня 6) поселения в Рыбновском районе Рязанской области в 2000 г. // *Коваль В.Ю.* Результаты статистического изучения керамики Дураковского III селища (по материалам раскопок 2000 г.) // Архив ИА РАН. 2001. Р-I.
Сущева А.Н. Производство керамики в Серпуховском уезде по результатам обследований 20-х гг. // Материалы юбилейной конференции: Серпуховской ИХМ: 75 лет. Серпухов, 1996.
Толочко П.П. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
Тропин Н.А. Древнерусская керамика XII–XIV вв. как источник по изучению хронологии сельских поселений южных территорий Рязанской земли // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Вып. 2. // Труды ГИМ. 1959. Вып. 33.
Щапова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь: быт и культура. М., 1997.

А.Б. Мазуров, С.И. Самошин

Монетные находки XVI – начала XVIII веков из Михайловского раскопа в городе Коломна

В 1998–1999 гг. в городе Коломна Московской области, в западной части древнего посада (ныне улица Гранатная, 4), напротив церкви Михаила Архангела Коломенской археологической службой исследовался раскоп площадью 860 кв. м, давший значительные результаты. Среди находок было более 900 экземпляров русских «проволочных» медных и серебряных монет XVI – начала XVIII в., которые встречались в культурном слое как в виде единичных находок, так и виде двух кладов*.

Среди единичных находок выделяются пять экземпляров неплохо сохранившихся и определимых медных пул московской и тверской чеканки (табл. 1). Чеканку этой группы монет исследователи, учитывая их маленький вес, относят к XVI в., а участие в денежном обращении продлевают предположительно до XVII в. (Гайдуков, 1993. С. 70). Археологических подтверждений последней гипотезе до сих пор не было. Определимые пулы из Михайловского раскопа все найдены в слоях и ямах не старше 2-й половины XVII в. Можно, конечно, думать, что все они переотложены. Однако, на наш взгляд, эта серия подтверждает присутствие медных монет-пул в городской «мелочной» торговле Коломны в течение долгого времени, до XVII в. включительно.

Найдены в раскопе и два клада. Первый небольшой (Мазуров, 1999, № 690) состоит из 12 серебряных монет Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) (табл. 2). Монеты лежали компактно в стопке, сильно коррозированы. После очистки в Государственном историческом музее И.В. Волковым они потеряли значительную часть узаконенного веса. Судя по возрасту самой поздней монеты, клад можно датировать серединой – 2-й половиной 20-х годов XVII в. Клад был связан с большой общественной постройкой XVII в. Возможно, учитывая наличие вместе с копейками и двух экземпляров «денег», это некая плата приказному человеку за услугу.

Второй клад раскопа включает нескольких сотен русских монет XVII – начала XVIII веков (Мазуров, 1998. С.124–125; Мазуров, 2000. С.123–125)**. Клад не был закрытым комплексом. Он находился в переотложенном состоянии россыпью, сильно рассеянный в поздней мусорной яме советского времени, равномерно распределяясь по нижележащим пластам вплоть до дна. Причину такого

* Монеты конца XIV–XV вв. будут рассмотрены в другой статье. Неопределимые плохо сохранившиеся проволочные монеты XVI–XVII вв. не рассматриваются.

** Упоминание о кладе см.: Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1999. С. 237, № 331. Здесь неправильно указано, что клад состоял только из новых монет, появившихся в ходе денежной реформы Петра I (Там же. С. 170). На самом же деле коломенский клад состоит только из старых проволочных копеек. Наиболее близок ему по дате клад 1703–1704 гг. с ул. Ямское поле в Москве 1963–1964 гг. (Там же. № 301).

Таблица 1

Медные пула XVI в. из Михайловского раскопа

№ п/п	Место чеканки	Дата	Металл	Номинал	Ссылка на каталоги	Кол-во	Вес, г	Шифр находки, дата слоя
1	Тверь	XVI в.	Медь	пуло	Гайдуков П.Г. 1993. № 360	1	0,39	УГр.-98 кв.120,-144 № 371, слой XVII в.
2	Тверь	XVI в.	Медь	пуло	Гайдуков П.Г. 1993. № 362 Вариант 2	1	0,34	УГр.-99 кв.189,-100 № 779, слой XVIII–XIX вв.
3	Москва	Нач. XVI в.	Медь	пуло	Гайдуков П.Г. 1993. № 404	1	0,42	УГр.-98 кв.55,-78 №1, слой 2-й пол. XVII – XIX в.
4	Москва	XVI в.	Медь	пуло	Гайдуков П.Г. 1993. № 407–408	1	0,35	Угр. – 99 кв. 131,-202 № 543, слой 2-й пол. XVII – нач. XVIII в.
5	Москва	XVI в.	Медь .	пуло	Гайдуков П.Г. 1993. № 405?	1	0,16 после очистки, сильно корро-зирована	Угр.-99 кв. 177-240 №664, слой 2-й пол. XVII – 1-й пол. XVIII в.

Таблица 2

Клад русских серебряных монет XVII в., найденный в 1999 г. в Коломне на Михайловском раскопе

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Дата	Номинал, дифферент	Ссылка на каталоги	Кол-во	Вес, г
1	Михаил Федорович (1613–1645)	Москва	1614	Копейка Москва	Мельникова 1989. Табл. 8, 3–1	1	0,33
2–3	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1614	Копейка Москва	Мельникова 1989. Табл. 8, 3–3	2	0,31 0,39
4	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1616	Копейка Мо	Мельникова 1989. Табл. 8, 7–8	1	0,43
5	-«-«-«-«-	-«-«-«-	После 1618	Копейка оМ	Мельникова 1989. Табл. 8, 10-?	1	0,32
6	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1618	Копейка оМ	Мельникова 1989. Табл. 8, 11–11	1	0,40
7	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1620	Копейка М	Мельникова 1989. Табл. 8, 10–14	1	0,36
8	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1620	Копейка оМ	Мельникова 1989. Табл. 8, 11–15	1	0,44
9	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1620	Копейка М	Мельникова 1989. Табл. 8, 12–15	1	0,40
10	-«-«-«-«-	-«-«-«-	1623	Копейка оМ	Мельникова 1989. Табл. 8, 17–22	1	0,28
11	-«-«-«-«-	-«-«-«-	После 1614	деньга	Мельникова 1989. Табл. 9, 1–2 (5)	1	0,18
12	?	?	?	деньга	Плохая сохранность	1	0,19
	ИТОГО монет клада					**12**	

Таблица 3

Состав клада русских монет первых лет XVIII в., найденного на Михайловском раскопе в г. Коломна

№ п/п	Правитель	Номинал	Металл	Монетный двор	Ссылка на каталоги	Кол-во
1–7	Михаил Федорович (1613–1645)	Копейка	серебро	Москва Псков	Мельникова А.С. 1989. т. 8, 10 Монеты плохой сохранности	7
8–15	Алексей Михайлович (1645– 1676)	Копейка	серебро	Москва	Мельникова А.С. 1989. т. 12 Монеты плохой сохранности	8
16–21	Федор Алексеевич (1676–1682)	Копейка	серебро	Москва	Мельникова А.С. 1989. т. 13 Монеты плохой сохранности	6
22–23	Иван Алексеевич (1682–1696)	Копейка	серебро	Москва	Клещинов В.Н.,Гришин И.В. 1995. т.1–2. 14–9. 1 экз.	2
24–37	Петр Алексеевич (1682–1696)	Копейка	серебро	Москва	Клещинов В.Н.,Гришин И.В. 1995. т. 1–3. 6–3; 7–3; 12–7; 13–6; 14–7; 17–9. 6экз. + 8 плохой сохр.	14
38–53	Иван или Петр Алексеевичи 1682–1696)	Копейка	серебро	Москва	Плохая сохранность	16
	Всего копеек (1613–1696)					**53**
54–57	Петр Алексеевич (1696–1725)	Копейка 1697	серебро	Москва Старые денежные дворы	Клещинов В.Н., Гришин И.В. 1992. т. 8 штемпеля 2–4	4
58-83	-«-«-	Копейка 1698	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 5–6	26
84–128	-«-«-	Копейка 1699	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 7	45
129–199	-«-«-	Копейка 1700	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 8	71
259	-«-«-	Копейка 1700	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 9–12	60
260–442	-«-«-	Копейка 1701	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 13–18	183
443–477	-«-«-	Копейка 1702	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 19–22	35
478–482	-«-«-	Копейка 1703	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 23–27	5
483–517	-«-«-	Копейка 1702–1703	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 28	35
518–709	-«-«-	Копейка 1697–1703	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 2–28	192
	Всего копеек Московских серебряных денежных дворов					**656**
710–732	Петр Алексеевич (1696–1725)	Копейка 1701	серебро	Москва Кадаш. монетный двор	Клещинов В.Н., Гришин И.В. 1992. т. 10 штемпеля 1–6	23
733–864	-«-«-	Копейка 1702	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 7–20	132
865–883	-«-«-	Копейка 1703	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 21–23	19
884–885	-«-«-	Копейка 1704	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 24–25	2
	-«-«-	Копейка 1701–1704	-«-«-	-«-«-	-«-«- шт. 1–25	8
886–893	**Всего копеек Московского Кадаш. монетного дв.**					**184**
	Фальшивые копейки					
894	«Корелка худая»	Копейка, 1619–1621	серебро		Мельникова А.С. 1989. т. 11	1
895	Алексей Михайлович (1645–1676)	Копейка	Медь (видимо, была «луженой»)	Псков	Мельникова А.С. 1989. С. 217 рис. 5Е	1
896	Подделка копейки Петра Алексеевича Кадаш. монетного дв.	Копейка	Белый металл	?		1
	Итого фальшивых копеек					**3**
897	Анна Иоанновна (1730–1740)	Полушка, 1735	Медь	отнесена к кладу условно		1
	Итого монет клада					**897**

странного залегания клада проясняют обстоятельства последнего времени. После ликвидации одноэтажной застройки на участке раскопа оставшийся мусор и неровности рельефа были спланированы бульдозером. Очевидно, нож последнего срезал находившееся в слое компактное гнездо клада и сдвинул его в поздний мусоросборник, после чего монеты в процессе уплотнения грунта стали проседать вниз. Разумеется, поэтому следов кладовой емкости не сохранилось. Однако в составе засыпки в небольшом количестве присутствовали керамика и находки конца XVII – 1-й половины XVIII в., происходящие из переотложенного культурного слоя. Клад связан с посадской застройкой раскопа конца XVII – 1-й половины XVIII в. Монеты сильно коррозированы, многие плохой сохранности. Всего археологами собрано 897 монет. 896 монет относится к русской средневековой «проволочной» чеканке. Из состава клада выпадает медная полушка 1735 г. (видимо, она к составу клада не относится и попала в яму из более позднего слоя).

Монеты клада можно разделить на три группы (табл. 3). К первой относятся 53 серебряные копейки 1613–1696 гг., отчеканенные от имени русских царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, а также Ивана и Петра Алексеевичей во время их совместного правления. За несколько десятилетий участия в денежном обращении эти монеты истерлись (одна из них пробита), и поэтому потеряли значительную часть своего узаконенного веса. Так, например, 21 экземпляр копеек первых трех царей суммарно весят 7,74 г; что в среднем на монету составляет 0,37 г, хотя нормативный вес должен быть 0,40–0,46 г (Мельникова, 1989. С. 308–316).

Вторая, наиболее многочисленная часть клада состоит из 840 серебряных «проволочных» датированных копеек Петра Первого, отчеканенных в Москве в 1697–1704 гг. на трех серебряных денежных дворах Приказа Большой казны (маточники для чеканки монет резал один мастер (Дуров, 1980. С. 12) и Кадашевском монетном дворе по весовой норме копейки в 0,28 г.

В кладе также обнаружились три монеты – копейки, которые можно считать фальшивыми. Они отнесены к третьей группе. Одна из них иностранной чеканки, так называемая «карелка худая» (фальшивка), попавшая в русское денежное обращение в 1619–1621 гг. из Дании. Она обрезана и имеет вес 0,31 г. Две другие – продукция русских фальшивомонетчиков: 1) медная копейка царя Алексея Михайловича середины XVII в. псковской чеканки, попавшая, видимо, в клад « луженой» (т.е. посеребренной) весом 0,38 г, и 2) подделка датированной копейки Петра Алексеевича Кадашевского монетного двора.

Самыми поздними монетами клада являются немногочисленные копейки 1704 г. Кадашевского монетного двора. Будет верным отнести сокрытие клада в землю именно к этому году.

С какими же событиями может быть связан описанный клад? В 1704 г. завершается денежная реформа Петра Первого. Была отчеканена и введена в обращение медная большая копейка и первые серебряные рублевики (Спасский, 1970. С. 144). Новые монеты были приняты населением, но наиболее ценными и надежными оно считало все-таки «проволочные» серебряные копейки. Видимо коломенский посадский человек или мелкий приказной служащий спрятал свое небольшое «серебро», не доверяя новым монетам. Величина коломенского клада укладывается в средние их размеры того неспокойного времени (Векслер, Мельникова, 1999. С. 170)

Новые нумизматические находки в Коломне из Михайловского раскопа – яркий памятник местного денежного обращения XVII – начала XVIII в.

Литература

Векслер А.Г., Мельникова А.С. Российская история в Московских кладах. М., 1999.

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.

Дуров В.А. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII – начале XVII в. / Памятники русского денежного обращения XVIII–XX веков. Нумизматический сборник. М., 1980. Вып. 53. Ч. 7.

Клещинов В.Н., Гришин И.В. Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича. М., 1992.

Клещинов В.Н., Гришин И.В. Реконструкция и классификация штемпелей проволочных копеек совместного правления царей Ивана и Петра Алексеевичей (1682–1696) // Монета. Международный нумизматический альманах. М., 1995. Вып. 2.

Мазуров А.Б. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломна в 1998 г. Т. 1. // Архив ИА РАН. 1998. Р-1. Д. 22028.

Мазуров А.Б. Отчет об охранных археологических исследованиях в городе Коломна в 1999 г. Т.1 // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. Д. 22524

Мазуров А.Б. Охранные исследования в Коломне //Археологические открытия 1998 года. М., 2000.

Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.

Спасский И.Г. Русская монетная система. Л., 1970.

И.Е. Зайцева

Средневековый Зарайск: археологический комментарий

Зарайск – небольшой город, расположенный на северо-западной окраине древней Рязанской земли. Он стоит на правом высоком берегу правого притока Оки реки Осетр при впадении в нее речки Монастырки. Имя города прочно увязывается в нашем сознании с легендой о жене рязанского князя Федора Юрьевича княгине Евпраксии, которая спрыгнула (заразилась) с высокого храма вместе со своим сыном Иваном, узнав о том, что ее любимый супруг был убит в ставке Батыя. Это событие произошло в 1237 г. Несколько менее известна еще одна легенда, связанная с Зарайском, о принесении в это место Евстафием чудотворной иконы Николая Мирликийского из Корсуня в 1225 г. Обе истории взяты из «Повестей о Николе Заразском», составляющих первую часть «Повести о разорении Рязани Батыем».

Казалось бы, столь яркие свидетельства доказывают древность существования города Зарайска по крайней мере с начала XIII в. Однако никакие иные письменные источники этого не подтверждают. Первые достоверные документированные данные о существовании города относятся только к XVI в.. Это постройка по указу Василия III каменного Кремля (1528–1531 гг.), первое описание Зарайска в «выписи из Рязанских платежных книг письма и меры Василия Яковлевича Волынского и Ивана Афанасьевича Нащокина, подъячих Второва Ильина и Алексея Малахова», сделанное в 1595–1597 гг. (ПКРК... С. 157–159). Все они принадлежат уже ко времени после присоединения Рязанского княжества к Москве и началу создания Большой засечной черты. Довольно показательным является факт, на который обратил внимание К.А. Аверьянов, что до середины XVII в. город не имеет устойчивого названия. В 30–40-е годы XVI в. после строительства каменной крепости он называется «Никола на Осетре», «Никола Заразский», позже, в конце XVI в. употребляется название «город Николы Заразского», в 1-й четверти XVII в. известен «Зарайский город» и только в середине XVII в. становится устойчивым употребление названия «Зарайск» (Аверьянов, 2002. С. 94).

Более ранние упоминания, приписываемые Зарайску и относящие постройку города к древнерусскому времени, неопределенны и достоверными считаться не могут. Это «град Осетр» (1146) (ПСРЛ. Т. IX. С. 181), «Красный» (в источниках этого термина нет, есть только сведения в литературе), «Новгородок-на-Осетре» (НПЛ. С. 476).

Основных аргументов в пользу ранней, домонгольской, даты возникновения города – предшественника Зарайска в литературе два. Это упоминание в Ипать-

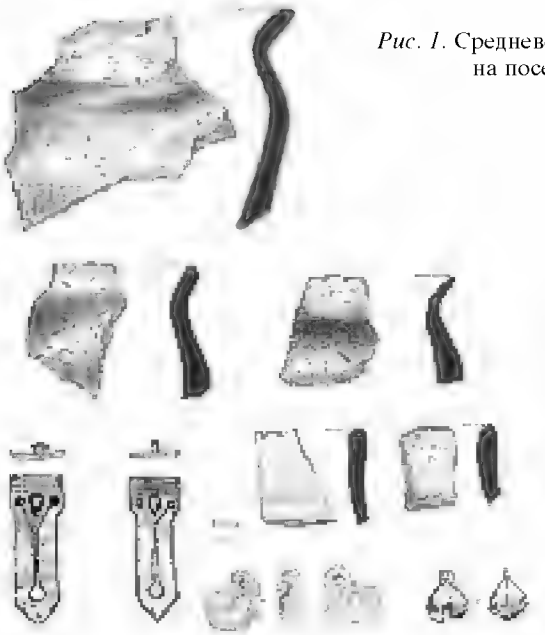


Рис. 1. Средневековые предметы, обнаруженные на поселении «Белый колодец»

евской и Никоновской летописях об остановке новгород-северского князя Святослава Ольговича на Осетре в 1146 г. и сообщение в «Повестях о Николе Заразском» о принесении на это место в 1225 г. чудотворного образа Николая Мирликийского из Корсуня. В наиболее ранней и достоверной Ипатьевской летописи «Осетр» является не градом, а рекой: « иде Святослав к Осетру» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338). Реконструкция пути Святослава позволяет однозначно считать, что он переправился через Осетр в его нижнем течении, и данное сообщение не может быть приведено в качестве аргумента при обсуждении вопросов истории Зарайска.

В более поздней Никоновской летописи (XVI век) сказано, что князь Святослав Ольгович «... прииде в Рязань на Оку, и поиде вверх по Оке, и пребыв во граде Осетре» (ПСРЛ. Т. IX. С. 181). Из текста следует, что «град Осетр» располагался непосредственно на Оке. Таким образом, и это летописное известие не имеет отношения к Зарайску.

Повесть о Николе Заразском, как убедительно доказал Б.М. Клосс, была написана в XVI в. (Клосс, 2001. С. 452) для прославления местночтимой иконы Николая Чудотворца. Изложенные в ней события, связанные с путешествием иконы, перекликаются с реалиями времени Ивана Грозного (Клосс, 2001. С. 455– 456), а потому не могут служить достоверным источником по ранней истории Зарайска.

Таким образом, письменные источники не могут дать определенного ответа на вопрос о дате возникновения города Зарайска. Единственным надежным материалом, позволяющим определить время возникновения поселения на месте современного города Зарайска и его характера, являются археологические данные.

Район течения р. Осетр начинает заселяться славянами еще в VIII–IX вв. Так, А.Л. Монгайт, анализируя материалы, происходящие из раскопанных А.В. Дмитриевской Палецких (Аксеновских) курганов, пришел к выводу, что они были насыпаны на месте славянского поселения IX–X вв. (Монгайт, 1961. С. 242). Слой этого времени обнаружен на селищах Гололобово и Новоселки на р. Осетрик (АКР, 1997. С. 42, № 2018; С. 49–50, № 2057–2059).

Еще одно многослойное поселение, содержащее как сетчатую и гладкостенную лепную керамику дьяковской культуры, относящуюся к периоду от середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э., так и толстостенную керамику раннеславянского облика, изготовленную из красножгущейся глины с примесью крупного шамота, реже крупной дресвы или смеси дресвы с шамотом, располагается на северной окраине Зарайска на мысу террасы в урочище «Белый колодец». Разведочные шурфы на поселении были заложены нами в 1996 г., В.Ю. Ковалем и П.Е. Русаковым в 2003 г. В 1998, 2000, 2001 и 2003 г. памятник стационарно ис-

следовался Среднеокской археологической экспедицией ИА РАН под руководством к.и.н. Е.В. Леоновой (Леонова, 2004). Общая раскопанная площадь составляет на сегодняшний день более 150 кв. м. На поселении открыт переотложенный культурный слой средневекового времени мощностью 25–40 см. Чистые комплексы сохранились в материковых ямах. По определению В.Ю. Коваля собранная на «Белом колодце» лепная толстостенная керамика обычна на ранних славянских поселениях X–XI вв. долины Оки (Коваль, Русаков, 2004. С. 28–29). Из раскопок Е.В. Леоновой происходят бронзовый крестопрорезной бубенчик и два бронзовых поясных наконечника, характерных для прикамской ломоватовской культуры V–IX вв. (рис. 1; Голдина, 1985. С. 218, таб. X)*. Подобные наконечники встречены в материалах синхронных памятников Северной Руси, например, в сопках Северного Поволховья (Петренко, 1994. С. 78, рис. 39).

Широко известен в литературе Железницкий клад, найденный в 1855 г. на берегу р. Осетр в 20 верстах от Зарайска. Клад датируется рубежом IX–X вв. и содержит монетные (арабские дирхемы) и вещевые находки: серебряные пятилучевые височные кольца, серьги салтовского типа, серебряные проволочные браслеты, наконечник ремня с растительным и зооморфным орнаментом, фрагменты тордированных гривен с грибовидными головками. (Последняя публикация клада см. Каталог выставки ГИМ « Из варяг в греки и из грек...». С. 72– 73; там же см. литературу о кладе).

Много в округе Зарайска памятников XI–XIII вв. – курганов и селищ. Курганы известны близ деревень Куково, Столпово, Долгое, Плуталово, Пронюхлово, Дятьково, Апонитищи, Козловка, Слепцово и др. (Никольская, 1981. Рис. 1). Раскопанные в конце прошлого века членами Рязанской ученой архивной комиссии под руководством А.И. Черепнина и П.Н. Милюкова, курганы у деревень Апонитищи, Козловки, Ситкова содержали трупоположения, сопровождаемые типичным вятичским инвентарем: семилопастными височными кольцами, решетчатыми перстнями, витыми браслетами, наборами стеклянных, сердоликовых и хрустальных бус (Монгайт, 1961. С. 242–244).

Т.Н. Никольская указывает на значительное количество городищ древнерусского времени, расположенных вдоль р. Вожи. Цепочка городищ, возможно, маркирует более короткий путь из района Переяславля до Коломны, минуя подъем по Оке против течения. Ряд городищ обнаружен в нижнем течении Осетра, начиная от Зарайска.

Ближайшим к современному Зарайску является городище в 3 км к северу от города при впадении р. Осетрик в Осетр и упоминаемое сотрудником Зарайского музея И.П. Перловым (Перлов, 1927. С. 9). Это городище в настоящее время практически полностью разрушено в результате добычи извести. Местным археологом-любителем А.В. Камакиным в подъемном материале обнаружены проволочный плетеный бронзовый браслет с концами, украшенными стеклянными вставками и бронзовая матрица луновидной формы. Аналогичные матрицы происходят из Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 289, таб. 61–5) и черниговского городка Серенска (Зайцева, 2001. С. 375, таб. I–11). В.П. Даркевич полагает, что такие матрицы могли использоваться для изготовления верхней лунницы в лучевых колтах – височных украшениях, входящих в драгоценные боярские женские уборы (Там же. С. 191). Такая находка, несомненно, свидетельствует о высоком статусе существовавшего здесь поселения. Возможно, это остатки укрепленной богатой усадьбы.

---

* Благодарю Е.В. Леонову за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

Селищ XII–XIV вв. в округе Зарайска зафиксировано немного. На карте, составленной Т.Н. Никольской в конце 70-х годов, представлено всего одно – Слепцово, на археологической карте Зарайского района, вышедшей в 1997 г., их уже 16 (АКР, 1997. С. 31–58), причем, как и городища, они концентрируются по преимуществу в нижнем течении Осетра, начиная от Зарайска. Надо полагать, что столь малое количество выявленных селищ – результат слабой археологической обследованности Зарайского района. Большинство данных по селищам, указанным в своде, приведено со слов обнаружившего их А.В. Камакина. Район нижнего течения р. Осетр обследуется в последнее время В.Ю. Ковалем. Им обнаружено несколько селищ древнерусского времени и проведены археологические раскопки на селище Городна, расположенном при впадении р. Осетр в Оку и ранее считавшемся городищем (Коваль, 2001. С. 59–68). Три средневековых селища: XIII–XVI, XIII–XIV вв. и XV – начала XVII в. открыты в 2003 г. в ближайших окрестностях Зарайска П.Е. Русаковым (Коваль, Русаков, 2004. С. 31–34).

Одно из селищ находится в 1,5 км к северу от Зарайска на правом берегу Осетра. В настоящее время культурный слой на нем сильно испорчен карстовыми процессами. Собранная из зачистки ямы керамика была отнесена И.Ю. Стрикаловым к XIII–XIV вв. (№ 2057 по АКР). Напротив Зарайска, на другом берегу Осетра, располагается деревня Мендюкино. В происходящем из слоя распашки подъемном материале, собранном А.В. Камакиным, имеются половина небольшого бронзового луженого семилопастного кольца без боковых колечек с каплевидными лопастями, серебростеклянная бусина, бронзовый крестопрорезной бубенчик с орнаментом «елочка» и серебряная кованая игла от фибулы. Такой набор вещей может датироваться концом XI в. – началом XII в. (№ 2052 по АКР).

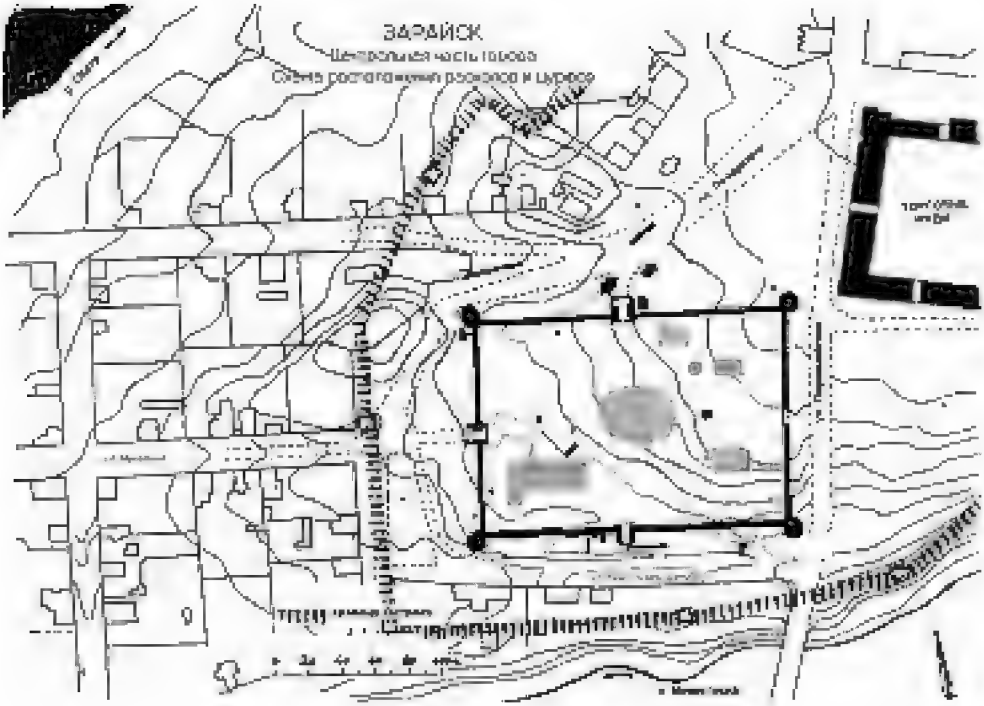


Рис. 2. Схема расположения раскопов и шурфов в центральной части г. Зарайска

* * *

Археологических исследований на территории самого города долгое время не велось. Осуществлялись лишь эпизодические наблюдения, результаты которых не сохранились. Так, И.П. Перлов в книге, вышедшей в 1927 г. указывал, что в начале века при прокладке водопровода наблюдали остатки деревянного Острога, некогда существовавшего в центральной части города (Перлов, 1927. С. 11). Главный хранитель Государственного историко-архитектурного художественного и археологического музея «Зарайский Кремль» Л.И. Максимова сообщила, что археологические наблюдения были проведены в 30-е годы в Кремле при прокладке коммуникаций, однако, никаких документальных материалов об этих работах в архиве ИИМКа обнаружить не удалось.

Систематическое археологическое изучение культурного слоя на территории города началось в 80-е годы прошлого века в связи с открытием А.В. Трусовым Зарайской верхнепалеолитической стоянки, находящейся в северной части Кремля и на участке, прилегающем к нему с севера.

Начиная с 1994 г., стоянка исследуется экспедицией Института археологии РАН под руководством чл.-корр. РАН Х.А. Амирханова. Наряду с изучением верхнепалеолитических напластований, в шурфах и раскопах, заложенных сотрудниками экспедиции, исследовался и перекрывающий их культурный слой средневекового времени.

Целенаправленно средневековый культурный слой Зарайска изучался трижды. В 1985 г. сотрудником Института археологии к.и.н. Р.Л. Розенфельдтом в юго-западной части Кремля была заложена траншея размерами 2×6 м. В ней на глубине около 100 см обнаружен интенсивно окрашенный слой мощностью 7–10 см, датируемый автором раскопок домонгольским временем. Прямо на нем располагался слой с керамикой XVI в. (Розенфельдт, 1985. С. 13). В отчете указано, что при работах найдены два фрагмента стеклянных браслетов и обломок кашинной керамики.

Летом 1996 г. по заказу Администрации Зарайского района мной совместно с А.А. Зайцевым в центральной части города (Кремль и прилегающие к нему участки) была заложена серия раскопов и шурфов с целью исследования средневекового культурного слоя Зарайска, определения его мощности, стратиграфии и хронологии. В 2003 г. три разведывательных шурфа были пройдены Зарайским отрядом Подмосковной экспедиции ИА РАН под руководством В.Ю. Коваля (рис. 2.). Суммарная площадь всех археологических исследований в Зарайске на сегодняшний день насчитывает уже более 300 кв. м, а потому можно подвести некоторые итоги.

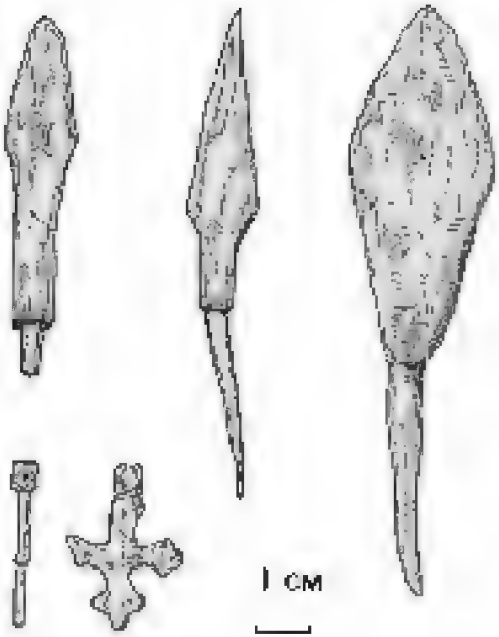


Рис. 3. Средневековые предметы из раскопок 1996 г. в г. Зарайске

Наиболее значительный средневековый культурный слой отложился на территории Кремля. Здесь его общая мощность достигает 100–125 см (в ямах 145 см). Под завалами строительного мусора нового и новейшего времени во всех раскопах и шурфах фиксируется черно-коричневый гумусированный слой толщиной от 10–15 см в юго-западной части Кремля и до 40–45 см в северной части кремлевского холма. Ниже располагается прослойка серой слабогумусированной супеси мощностью до 25–40 см, лежащая на материке.

Слой черно-коричневой супеси насыщено обломками керамики. Преобладают фрагменты белой гладкой посуды, есть обломки чер-нолощеных полосами сосудов. Такой набор позволяет датировать слой XVI–XVIII вв., т.е. временем после строительства крепости. Вперемешку с этими фрагментами находились обломки, относимые И.Ю. Стрикаловым к XII–XIV вв. На одном из раскопов доля фрагментов венчиков горшков раннего времени в слое черно-коричневой супеси достигала 12%, однако чистого слоя, содержащего только раннюю керамику, нигде зафиксировать не удалось. Косвенным подтверждением переотложенности древнерусской керамики на территории Кремля является ее измельченность.

Слой серой слабогумусированной супеси, подстилающий черно-коричневый, находок не содержал и был интерпретирован сотрудниками Института географии РАН к.г.н. Е.И. Куренковой и к.г.н. Ю.С. Грибченко как древние пашни.

Шурфами и раскопами на территории Кремля не зафиксировано ни одной углубленной в материк ямы с керамикой только домонгольского времени. Гипотеза А.В. Трусова и Р.Л. Розенфельдта о существовании древнего оборонительного рва на кремлевском холме нашими раскопками не подтвердилась (Розенфельдт, 1985. С. 3; Трусов, 1982. С. 19).

Непереотложенный культурный слой с керамикой XII–XIV вв. все же был открыт в нескольких раскопах на участке, расположенном к югу от Кремля. Черно-коричневый слой с керамикой XVI–XVIII вв. здесь не отложился, и под напластованиями нового

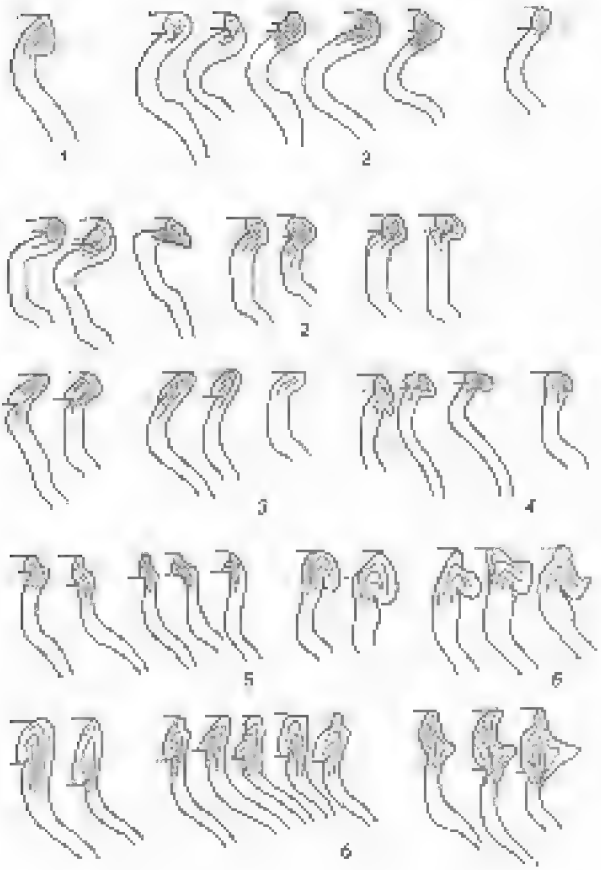


Рис. 4. Типы керамики из раскопок в г. Зарайске (по И.Ю. Стрикалову: *1* – X–XI вв.; *2* – XII – начало XIII в.; *3* – 2-я половина XIII – XIV вв.; *4* – XIV в.; *5* – конец XV – середина XVI в.; *6* – конец XVI – XVIII в.

и новейшего времени сразу залегал слой серой слабогумусированной супеси мощностью около 40 см. Обнаружено несколько материковых ям, заполненных этим слоем. Собранная в слое и ямах керамика полностью может быть датирована в пределах XII– XIV вв. На всех раскопах, кроме одной зачистки, преобладают фрагменты домонгольского времени, хотя в целом для всех раскопов Зарайска процент домонгольских венчиков и фрагментов ордынского времени примерно одинаков – соответственно 19,4% и 18,4% от общего количества собранных венчиков горшков (рис. 4). В раскопе около юго-восточной башни Кремля расчищена углубленная в материк яма размерами 300×232 см глубиной около 115 см. Собранная в ее заполнении керамика целиком относится к домонгольскому времени, а в придонной части обнаружены один лепной и два фрагмента «манжетовидных» венчиков. По мнению И.Ю. Стрикалова, такая «форма является общепризнанным элементом южнорусской керамики X и отчасти XI в.» На сегодняшний день это самый ранний закрытый комплекс средневекового времени в Зарайске.

Индивидуальных находок, датируемых временем ранее постройки крепости, немного: это три железных наконечника стрел, происходящих из переотложенного слоя, и один бронзовый крест-тельник с граненым ушком (рис. 4). Несмотря на очень плохую сохранность, его можно отнести к типу тельников с трехлепестковыми криновидными концами и ромбом в средокрестии. М.В. Седова датирует такие кресты по новгородской хронологии началом XIV – началом XV в. (Седова, 1981. С. 54), Э. Мугуревич для Латвии считает их русскими и относит время их появления к XII в. (Мугуревич, 1974. С. 226, рис. 2; С. 237). Кресты такого типа обнаружены на поселении Настасьино в Подмосковье (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 57–58).

По свидетельству старожилов, в 30-е годы XX в. при прокладке улицы вдоль южной стены Кремля была проведена значительная подрезка грунта, так что в настоящее время ранний слой, возможно, сохранился только в виде полосы шириной 14 м, тянущейся вдоль южной стены Кремля и, вероятно, на усадьбах по р. Монастырке. Установить северную границу распространения слоя также непросто. В 70-е годы при проведении реставрации стен крепости с внутренней стороны вдоль восточной, южной и западной стен был срезан грунт на глубину около 2 м. В результате культурный слой на значительной площади был уничтожен без предварительного изучения. Небольшой участок слоя светло-серой супеси с керамикой XII–XIII вв. обнаружен в шурфе, находящемся в 65 м к западу от Кремля. Вероятно, это западный край поселения. В шурфе, заложенном на стрелке мыса р. Осетра и Монастырки, слой ранее XVI в. не обнаружен. Нет его и к востоку от Кремля южнее Торговых рядов (канализационная траншея).

Небольшая углистая прослойка толщиной около 10 см, из которой собрано 5 фрагментов древнерусской керамики, открыта в водопроводной траншее на ул. Пожарского на соседнем с кремлевским мысу ниже по течению Осетра (Селезнев, 2002. С. 55). Эти данные весьма интересны, однако, незначительный объем информации и неясность со стратиграфическим положением слоя не позволяют пока делать какие-либо выводы.

Судя по характеру непереотложенного древнерусского слоя, состоящего из серой слабогумусированной супеси, мы имеем дело с небольшим по размеру селищем, возникающем, вероятно, в XII (XI?) веке. Селище было вытянуто вдоль реки Монастырки примерно на 250 м. Вокруг располагались пашни. Керамический материал позволяет нам говорить о существовании этого поселения до конца XIV в., что полностью согласуется с данными археологии для сельских памятников Среднего Поочья и Верхнего Подонья: активизация татарских набегов и

изменение климатической ситуации приводят к оттоку населения из этого региона и запустению поселений (Стрикалов, 1998. С. 35).

Жизнь на селище возобновляется, причем, на том же самом месте, в конце XV в. Имеется керамический материал этого времени: от 12 до 31% на разных раскопах на участке селища. Одна из расчищенных около южной стены Кремля ям содержит только обломки сосудов конца XV – начала XVI в. Керамика рассматриваемого времени встречена в засыпке могильных ям, обнаруженных при исследовании фундаментов сени (см. ниже) на территории Кремля.

Возможно, поселение конца XV – начала XVI в. имело связь с церковью Николы, строящейся в это время. Впервые церковь Николы чудотворца Зарайского упоминается в жалованной грамоте Василия III 1509/1510 г. (Водарский, 2002. С. 219). Известно, что она стояла в «селе великого князя» (1527 г.; Водарский, 2002. С. 220). О возникновении Зарайска «на месте погоста, где стояла церковь в честь Николы», писал М.Н. Тихомиров (Тихомиров, 1962. С. 402). Местность в районе Зарайска входила в Перевитский стан, который вместе с третью Переяславля принадлежал младшему сыну великого рязанского князя Василия Ивановича Федору. В 1503 г. Федор умер бездетным и передал свое княжество Ивану III (Зимин, 1988. С. 113–114).

В 30-е годы XVI в. возводится каменный Кремль, вокруг него возникает посад, и интенсивность жизни на этой территории резко возрастает. При исследовании площадки, прилегающей к южной кремлевской стене, был получен разрез рва крепости, сооруженного вместе с ней. Ров, опоясывающий Кремль с южной, западной и восточной сторон, виден на сохранившемся дорегулярном плане города, составленном в 1730-х годах архитектором Готовцевым. В настоящее время он полностью засыпан и на поверхности никак не просматривается. В результате археологических работ было установлено, что внутренний край рва располагался на расстоянии 350–400 см от стены крепости, по верху ров был шириной около 500 см, его стенки круто спускались вниз, и по дну, находящемуся на глубине 300 см от поверхности, его ширина составляла около 50 см.

На сегодняшний день неясным остается вопрос о времени строительства и функционированием деревянного Острога, остатки которого можно было видеть при прокладке городского водопровода в начале века (Перлов, 1927. С. 11). И.П. Перлов считал, что он был возведен ранее кремлевских стен и охранял рязанские пределы со стороны Московского княжества (Перлов. 1927. С. 17). Действительно, такую ситуацию можно наблюдать в Туле, где в 1509 г. возводится дубовый острог, а в 1514– 1521 гг. строится каменный Кремль (Кипарисова, 1948. С. 12, 14). Однако для Зарайска никаких данных о строительстве острога в начале XVI в. нет. Вопрос о времени его появления остается открытым, но надо полагать, что Острог был сооружен все же позже кремлевских стен.

Описание Острога имеется в «Писцовой книге города Зарайска» 1625 г. и «Описи города Зарайска 1687 года» (Зарайск, 1883). Из последней можно узнать, что Острог, к тому времени уже основательно разрушенный и сгнивший (стояли только башни), был рублен в клетку, имел в длину 760 саженей, 5 проезжих и 7 глухих башен и был опоясан рвом. Острог обозначен на плане Готовцева. Правда, на другом плане 1767–1775 гг. Острога уже нет, но опоясывающий его ров виден хорошо (ЦА ВМФ РФ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 3363; планы Зарайска были предоставлены в наше распоряжение Л.И. Максимовой). Подробно занимавшийся планировкой и застройкой Зарайска, архитектор Н.Н. Годлевский полностью воспроизводит план Острога по Готовцеву.

Натурное изучение остатков Острога еще впереди. Этому в значительной мере может способствовать компьютерное совмещение планов дорегулярной и ре-

гулярной планировки Зарайска, выполненное И.И. Кондратьевым, что дает точную привязку башен Острога к современной городской застройке и позволяет выбрать максимально удобный для исследований участок (см. рис. на л. 3 вклейки).

В связи с ранней историей Зарайска хотелось бы рассмотреть еще один сюжет: археологическое исследование остатков сени (вид беседки) над легендарными погребениями князя Федора, убитого в 1237 г. в ставке Батыя, его жены княгини Евпраксии и их малолетнего сына Ивана. Сень была возведена в XIX в. над тремя каменными крестами, установленными в 1665 г. по повелению князя Никиты Гагарина после прочтения им «летописной книги», содержавшей текст этой легенды в составе «Повестей о Николе». Кресты были поставлены на месте предполагаемых могил Федора, Евпраксии и Ивана в память о них (Изюмский. 1980. С. 76). Сень была уничтожена при взрыве колокольни храма Иоанна Предтечи в 30-е годы прошлого столетия. На поверхности ее остатки никак не читались, и само местоположение было утрачено. Примерное расположение памятника можно было восстановить по изобразительным материалам – картинам, гравюрам, фотографиям. Имеется описание сени, сделанное в конце XIX в. и фиксирующее ее облик в это время (рис. 5): «В небольшом расстоянии от соборного храма находится древний памятник над гробами зарайского князя Феодора Ингоревича, убитого в Орде Батыем, жены его Евпраксии и малолетнего сына их, князя Иоанна, которые, как известно, первыми из князей земли Рязанской удостоились принять мученические венцы в Царстве Христовом... На лицевой стороне крестов изображены – на крайних крестах князь Феодор и сын его, младенец Иоанн, а на среднем – княгиня Евпраксия... внизу крестов изображено мучение князя Феодора, низвержение княгини Евпраксии с терема и погребение ее. На задней стороне крестов находятся следующие надписи вязью – на первом: «Лета 7173 (1665) июня на десятый день, по рассмотрению летописной книги»; на втором: «поставил си кресты по обещанию столник князь Никита Григорьевич Гагарин»; на третьем: «на благоверных князех рязанских, которые побиты от беззаконного царя Батыя» (Зарайский Николаевский... С. 505–506).

К востоку от центральной апсиды храма Иоанна Предтечи, примерно на линии фаса западной стены Никольского собора в ходе археологических работ была расчищена фундаментная конструкция сени, состоявшая из белокаменной и кирпичной кладок.

Практически весь строительный материал, изученный на месте обнаружения, находился во вторичном использовании: белокаменные блоки-квадры, ступени лестницы от стоявшего здесь ранее храма XVI в., детское белокаменное надгробие 2-й половины XVII в., кирпич, преимущественно битый (не зафиксировано единой размерной группы). Кладка фундамента исполнена небрежно.

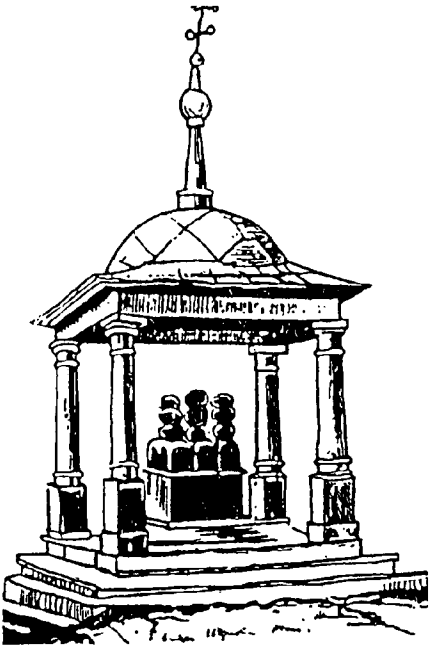


Рис. 5. Памятник князьям Федору, Евпраксии и их сыну Ивану (XIX в.). С рисунка неизвестного художника

Конструкции фундамента сени перекрывают фундаментный ров от какого-то сооружения, в котором были найдены плитки пола XVIII в. (квадратные 30×30×3 см, прямоугольные и 30×15×3 см, треугольные), а фундаментный ров, в свою очередь, прорезает слой довольно плотного кладбища, относящегося, вероятно, к выстроенному на территории крепости храму «иже под колоколы» середины – 2-й половины XVI в. Реальных погребений князя Федора, Евпраксии и Ивана обнаружено не было.

Сопоставление уровня нахождения кладок с уровнем примыкающего к ним мощения из белокаменных плиток и мелкого булыжника, позволяет предположить, что открытая конструкция была возведена не ранее начала XIX в., что соответствует ее внешним данным по имеющимся изображениям, а потому этот памятник следует считать мемориальным. В настоящее время (после археологических работ) на месте сени Русской православной церковью восстановлены кресты.

Таковы первые итоги археологического изучения средневекового культурного слоя города Зарайска. Безусловно, и город, и его мало исследованная округа таят в себе еще много интереснейших фактов, которые ждут своего открытия.

Литература

Аверьянов К.А. Зарайский край XIV – первой трети XVI в. // Зарайск. Проблемы и перспективы духовного и культурного развития. Зарайск, 2002. Т. 2.

Археологическая карта России. Московская область. М., 1997. Ч. 4.

Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М., 2002. Т. 1.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 1985.

Даркевич В.П. Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Зайцева И.Е. Ювелирный инструментарий Серенского городища (XII–XIV вв.) // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М., 2001.

Зарайск. Материалы по истории города. М., 1883.

Зарайский Николаевский собор // Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. № 18. Рязань, 1878.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

«Из варяг в греки и из грек...» Каталог выставки ГИМ. М., 1996.

Изюмский В. Древняя святыня Зарайска // ЖМП. 1980.

Кипарисова А. Тула. Серия «Сокровища русского зодчества». М., 1948.

Клосс Б.М. Избр. труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.

Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. Вып. 212. М., 2001.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Отчет об археологических исследованиях в городе Зарайске и Зарайском районе Московской области в 2003 году. 2004 // Архив ИА РАН.

Леонова Е.В. Отчет об исследованиях Среднеокской археологической экспедиции ИА РАН в Зарайском районе Московской области в 2003 году (Открытый лист № 416, форма № 1) // ОПИ ИА РАН. 2004.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском. Тексты // ТОДРЛ. Т. VII. М.–Л., 1949.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Мугуревич Э. Крестовидные подвески // Arheologija un etnografija. Riga, 1974. Вып. XI.

Никольская Т.Н. Земля вятичей, М., 1981.

НПЛ. М.–Л., 1950.

Перлов И.П. Зарайские укрепления. Зарайск, 1927.

Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

Писцовые книги Рязанского края. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. 1.

ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.

ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862.

Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской области. Архив ИА РАН. 1985. Р–1. № 11829.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. М., 2004,. Т. 2.
Седова М.В. Ювелирные украшения средневекового Новгорода X–XV вв. М., 1981.
Селезнев А.Б. Новое городище раннежелезного века в г. Зарайске (по материалам работ Зарайской экспедиции в 1999 г.) // Зарайск. Проблемы и перспективы духовного и культурного развития. Зарайск, 2002. Т. 2.
Стрикалов И.Ю. Керамика Зарайска// Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск, 1998.

Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П.

Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы

Территория Рязанской земли эпохи средневековья не представляла собой единого целого ни в природном, ни, соответственно, в социально-экономическом плане. Ядро княжества составляли долины Оки и ее главных притоков в среднем течении, Прони и Осетра, – «Рязанская сторона». Здесь располагались крупнейшие центры княжества – Рязань, Пронск, Переяславль, Коломна, Ростиславль. Здесь концентрировалось основное сельскохозяйственное население, что отражено в характере размещения древнерусских памятников (Археологическая карта России). К северу от Оки лежала болотистая и залесенная «Мещерская сторона», с редким населением, бортными угодьями и бобровыми гонами, упоминание о которых содержится в актовых материалах XV–XVII вв. Третью область Рязанской земли составляла «Степная сторона» – плодородные открытые пространства на южных окраинах Рязанщины (Россия, 1902. С. 294).

Степь вклинивается в Рязанскую землю несколькими языками (рис. 1) (Буланкин, 2004. С. 361). Самым западным из них является обширное ополье на левом берегу среднего течения Прони, известное по письменным источникам под именем «Михайлова поля» (по: Кузьмин, 2001. С. 56. Прил. № 2). На востоке степной клин проникает далеко на север вдоль левого берега Цны вплоть до ее впадения в Мокшу. Еще один клин тянется с юга на север вдоль левого, западного, берега реки Пары. И, наконец, обширное ополье, окруженное со всех сторон лесами, занимало пространство междуречья Прони и ее притока Рановы. Эта территория и является предметом исследования данной статьи.

В настоящее время все пространство к югу от Прони лишено лесного покрова за исключением небольших островков леса, разбросанных по берегам речек и ручьев. Однако, анализ почвенной карты Рязанской области (Почвенная карта Рязанской области) позволяет в общих чертах реконструировать границы этого ополья. Черноземы, определяющие древние остепненные участки, занимают пространство между долиной Прони на севере, левым берегом Рановы на востоке и юге и массивом лесных почв в верховьях Прони и ее правого притока Керди – на западе. В целом ополье протянулось на 50–60 км с запада на восток и на 40–50 км с севера на юг. Крупный массив лесных почв расположен в центре этого района, разделяя его на две части, западную и восточную. Небольшие островки серых почв отмечены на карте и в других местах ополья.

Данные о ландшафте микрорегиона содержат и актовые материалы по Рязанскому княжеству и Писцовые и Приправочные книги станов Рязанского уезда конца XVI – XVII в. Во-первых, такие сведения мы находим в жалованной грамоте 1497 г. и подтвердительной грамоте 1522 г. на вотчины бояр Вердеревских к югу от Прони. В них упомянут «Чижевский лес», который локализуется в центре опо-

лья вокруг с. Чижово, на месте массива серых лесных почв (АСЭИ. Т. III. № 360, 363). Во-вторых, в Писцовой книге 1598 г. Пехлецкого стана, занимавшего территорию восточной части ополья и земли к востоку от него, неоднократно встречается упоминание «Рановского леса», «Великого леса», местоположение которых по смежным населенным пунктам определяется на левом берегу Рановы, ограничивавшем ополье с юга и востока (ПКРК. С. 101–160). Кроме того, в этом же источнике многократно встречаются указания на «липяги», или «липнеги», т.е. небольшие островки леса в степи, остатки которых все еще можно встретить на этой территории. В северо-восточной части ополья локализуется «Корабьинский липяг», южнее – «Мокарьев липяг», в верховьях Молвы – «Кореев липяг», на р. Моше – «Красный липяг», которые довольно уверенно можно совместить с островками лесных почв на этой территории. Конечно, эти данные характеризуют ситуацию на полтора – два столетия позже интересующего нас периода, однако, даже с учетом климатических изменений XIV–XV вв., вряд ли залесенность ополья в ту эпоху существенно отличалась от нарисованной картины. Междуречье Прони и Рановы на протяжении средневековья представляло собой особый микрорегион с лесостепным ландшафтом, в котором чередовались открытые степные пространства с островками лесов по балкам и берегам рек и ручьев. Со стороны степи, с запада, юга и востока, он был ограничен крупными лесными массивами, остатки которых сохранились до наших дней, и названия которых (Чижевский, Рановский, Великий лес), отразились в документах позднего средневековья.

Естественной преградой на пути кочевников служили леса и реки, при этом восточная часть ополья по своей защищенности со стороны степей существенно

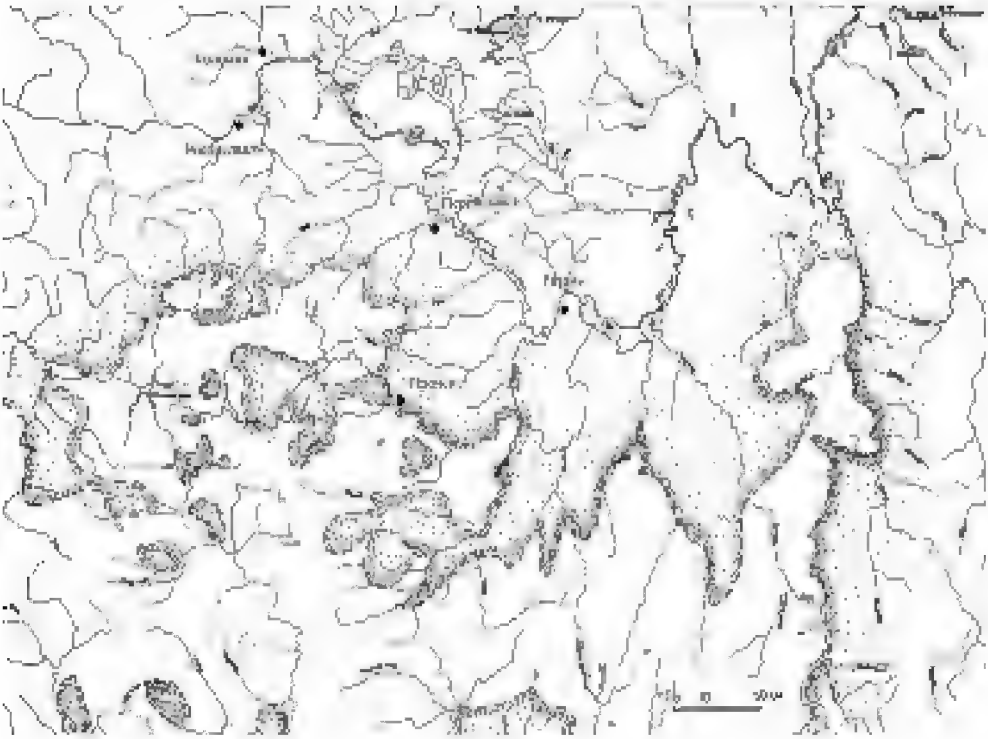


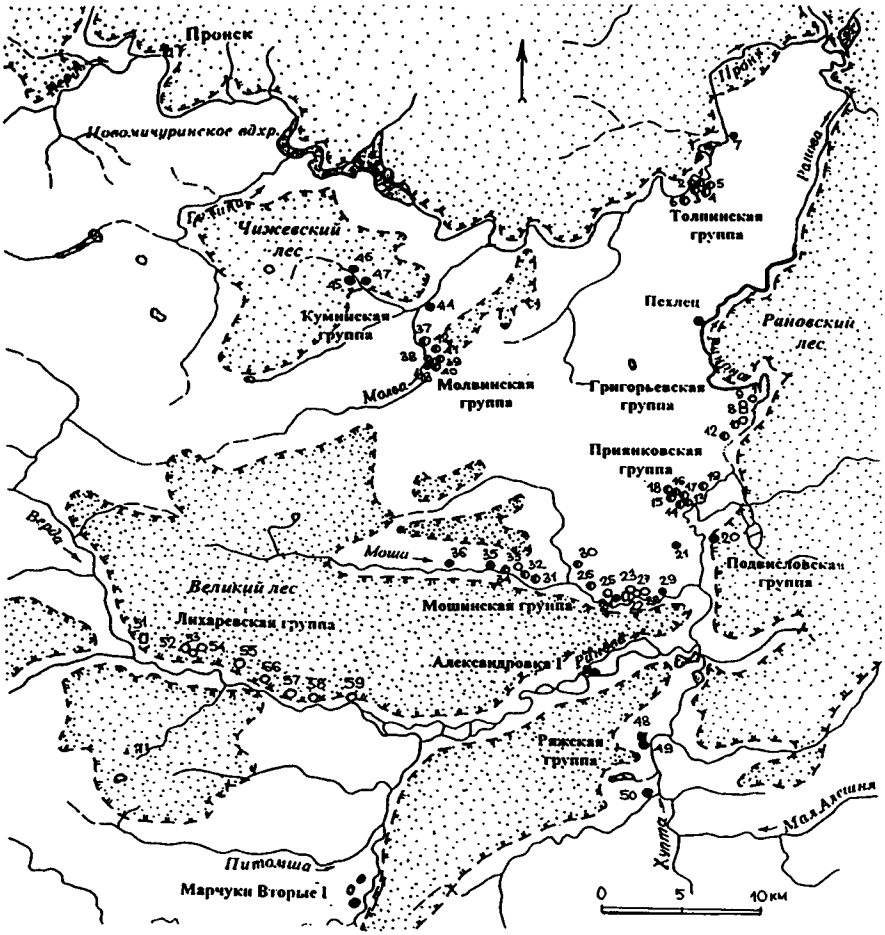
Рис. 1. Граница лесных почв и черноземов в бассейне Средней Оки

отличается от западной. Западная половина, между Проней, Кердью и Чижевским лесом оставалась открытой с юго-востока. Восточную же часть ополья леса закрывали со всех сторон, оставляя лишь узкие проходы на юго-востоке, между Чижевским лесом и залесенными долинами Верды и Моши, и на юго-западе, где миновать лесную преграду можно было по пойме и берегу реки Хупты (рис. 2). Что касается водных преград, то в западной части микрорегиона рубежом были только верховья Верды и ее притока Слободки, тогда как восточная половина была закрыта с юга целой системой рек, текущих с запада на восток. Это Ранова и ее левые притоки Полотебня, Питомша, Верда с Брусной, Моша. Именно эти реки с покрытыми лесом берегами стали основой Ряжских засек, возведенных здесь в XVI в. Остается добавить, что с востока помимо Чижевского леса этот участок был прикрыт правым притоком Прони Молвой.

В начале XIII в. земли к югу от Прони летописи именуют «Половецким полем» (статья 1207 г. об осаде Пронска войсками Всеволода Большое Гнездо) (ПСРЛ. Т. 1. С. 181–182). О каком-либо русском населении в этих местах они не сообщают. Для более позднего времени имеются лишь отрывочные сведения о заселении этих земель: это уже упомянутые жалованная грамота 1497 г. о владениях бояр Вердеревских к югу от Прони (АСЭИ. Т. III. № 360) и подтвердительная грамота 1522 г. на эти же земли (АСЭИ. Т. III. № 363), в которых, между прочим, упоминается селище Григорьевское под «Чижевским лесом». Косвенные сведения о существовании еще одного населенного пункта к югу от Прони – Толпинского городища – содержатся в жалованной грамоте князя Михаила Ярославича рязанскому владыке от 1303 г., в которой упоминается «толпинский волостель» (Морозов, 1987. С. 299–300). И, наконец, в «Списке Русских городов дальних и ближних» – памятнике конца XIV в. – среди рязанских городов назван город Вердерев (ПСРЛ. Т. 7. С. 241). Следует отметить наличие современного топонима Вердерево близ реки Верды и наличие вотчин бояр Вердеревских под Чижеским лесом, южная оконечность которого располагалась в нескольких километрах от этой реки. Кроме того, в Приправочной книге города Пронска 1598 г. упомянута Вердеревская дорога, выходившая из города «за реку за Проню» в южном направлении (между «Рязской большой» и Донковской дорогами) (ПКРК, 1898. С. 262). Рядом исследователей этот городок помещался на месте Лихаревского древнерусского городища на р. Верде, на месте современного села Вердерево и на месте города Скопина, известного с конца XVI в. как вотчина бояр Романовых. Оставив в стороне дискуссию о точном местоположении города, отметим, что все исследователи локализуют его в пределах исследуемого региона, а упоминание одноименной дороги свидетельствует о значительности этого населенного пункта. Этим и ограничиваются скудные сведения письменных источников о населении региона в XII–XV вв.

Для XVI–XVII вв., когда этот микрорегион стал областью активной крестьянской колонизации, стимулировавшейся строительством Ряжской засечной черты 2-й половины XVI столетия, в Писцовых книгах Рязанского уезда содержатся более полные сведения о междуречье Прони и Рановы, входившего в состав Пехлецкого и Каменского станов (ПКРК, 1996). На исследуемом участке локализуются большая часть населенных пунктов Пехлецкого стана. При этом существенным следует признать тот факт, что среди них упомянуты и поселения на водоразделах (на это указывает присутствие слова «наземная» в названии поселения, а также указание на «наземные поля» в характеристике поместий).

Археологические исследования, проводившиеся в этой части Рязанской области с XIX в. (Баранович, 1860; Милонов, 1949; Монгайт, 1961, Челяпов, 1993; Челяпов, Иванов, 2001) и активизировавшиеся с 1970-х годов, значительно попол-



серые лесные почвы
городища
селища

поселения:
XII – начала XIII вв.
XII – XIV вв.
XIII – XIV вв.

1. Толпинское городище
2. Толпино I
3. Толпино II
4. Толпино III
5. Толпино IV
6. Незнаново I (VII)
7. Семион I
8. Княжое (Григорьевское) городище
9. Григорьевское I
10. Григорьевское II
11. Григорьевское IV
12. Красная Горка
13. Приянки I
14. Приянки II
15. Приянки III
16. Приянки IV
17. Приянки V
18. Приянки VI
19. Хомутск
20. Подвислово XI
21. Подвислово II
22. Нагайское I городище
23. Нагайское I
24. Нагайское II
25. Нагайское III
26. Нагайское IV
27. Нагайское V
28. Поплевино VI
29. Поплевино VII
30. Кучуково I
31. Чирково I
32. Лупиловка I
33. Лупиловка II
34. Гусиловка I
35. Гусиловка II
36. Желтухино
37. Моловка I
38. Аманово I
39. Аманово II
40. Аманово III
41. Аманово IV
42. Аманово VII
43. Аманово VIII
44. Моловка II
45. Кумино I
46. Кумино III
47. Кумино V
48. Ряжское городище
49. Ряжск IV
50. Введеновка I (Строcткова Гора)
51. Лихаревское городище
52. Дмитриевское II
53. Дмитриевское I
54. Дмитриевское III
55. Гуменки I
56. Старобараково I
57. Костемерово I
58. Костемерово II
59. Городецкое IV

Рис. 2. Поселения XII–XV вв. в междуречье Прони и Рановы (восточная часть)

нили наши знания о колонизации этой рязанской «украины» в период средневековья и существенно изменили картину, известную по письменным источникам. В ходе разведок И.Б. Барышевым, В.М. Буланкиным, Д.А. Ивановым, М.М. Макаровым, В.Е.Стоговым, И.Ю.Стрикаловым, М.Ф. Третьяковым, Б.А. Фоломеевым и В.П. Челяповым в этом районе было открыто и обследовано около 300 поселений эпохи средневековья, данные о которых опубликованы в Археологической карте России. К сожалению, они дают слишком обобщенную картину динамики расселения в микрорегионе в период XII–XV вв. В публикации памятники средневековья разделены на два хронологических этапа: XI–XIII и XIV–XVII вв. При этом, как показывает детальный анализ материалов некоторых из этих пунктов, датировка и в таких пределах не всегда точна. Тем не менее, даже такой историко-географический анализ структуры поселений микрорегиона позволяет сделать определенные выводы.

По данным Археологической карты России по Рязанской области в междуречье Прони и Рановы расположены 65 пунктов XI–XIII вв., в том числе 7 городищ и 4 курганных группы. При этом 49 из них (в том числе 4 городища и 1 курганная группа) расположены в восточной части ополья, а в западной – только 16 (в том числе 3 городища и 3 курганных группы). Следует заметить, что датировка 4 городищ (включая все три в западной части района) из расположенных здесь остается спорной, а одно известно только по данным исследователей XIX в. (Маклаковское). Примечательно также, что из 10 селищ западной половины ополья 7 расположены между берегом Прони напротив древнего Пронска и Чижевским лесом, т.е. тяготели к Рязанской стороне княжества, а в глубине дикого поля найдено только три селища, лежащие в верховьях Керди на границе черноземных и лесных почв верхней Прони. В восточной части ополья ситуация иная. На правом южном берегу Прони располагалась только одна группа поселений – Толпинское городище и окружающие селища (всего 6 памятников). Остальные поселения размещены несколькими группами на участках, примыкающих к лесным массивам.

Не произошло кардинальной смены системы расселения и позднее. При резком возрастании числа позднесредневековых памятников они по-прежнему располагаются на тех же участках, что и древнерусские. Из памятников XIV–XVII вв. в пределах ополья и связанных с ним более южных районах размещались 234 пункта, в том числе 211 – в восточной части (в пределах староосвоенной территории – 129) и лишь 23 – в западной части, главным образом по течению ограничивающей ополье с запада Керди. Эта ситуация отразилась и в документах той эпохи: в пределах микрорегиона локализуются населенные пункты только Пехлецкого стана, не выходя на западе за пределы Чижевского леса. Западнее писцовые книги не упоминают сел и деревень. В пределах Каменского стана на правобережье Прони (т.е. в западной половине ополья) располагались только пашни и угодья городовых стрельцов (ПКРК. Рязань, 1989. Т. I. Вып. I. С. 262)

Уже из этого анализа видно, что в западной половине ополья структура поселений оставалась неразвитой, вероятно, из-за открытости этого участка в сторону степи. Скорее всего, применительно именно к этому участку в летописи под 1207 г. упоминается «поле половецкое» к югу от Пронска. В более защищенной восточной части сложилась довольно сложная система расселения, которую следует рассмотреть подробнее.

Среди помещенных в «Археологическую карту России» пунктов для дальнейшего исследования была выбрана группа поселений, коллекции которых содержат керамику XII–XV вв. Она включила 53 поселения, в том числе 4 городища. Следует оговориться, что эта выборка включает не все памятники XII–XIV вв. восточной части ополья, а лишь те из них, керамика которых подверглась специ-

альному анализу. Например, из этого списка была полностью исключена группа поселений на р. Верде в южной части микрорегиона (рис. 2).

Керамике некоторых памятников этого участка была посвящена специальная статья одного из авторов данной работы (Стрикалов, 2002). В работе анализировались коллекции керамики 37 поселений микрорегиона. В настоящей статье список был пополнен, прежде всего, группой поселений в окрестностях с. Приянки на левом берегу Рановы и селищем Александровка I, расположенном в левобережье верхнего течения Рановы, а также новыми материалами некоторых других поселений.

Анализ керамики проводился по классификации, разработанной для Старой Рязани (Стрикалов, 1996). В выборку были отобраны коллекции, включавшие керамику типов 8–12, бытовавших в XII–XV вв. Их подробная характеристика дана в статье И.Ю. Стрикалова. Здесь лишь коротко охарактеризуем эти типы с учетом новых данных.

Тип 8. Керамика т. н. «общерусского типа», широко распространенная на всей территории Руси в XII–XIII вв. Для нее характерно оформление края сосуда в виде округлого валика на внутренней поверхности венчика. В материалах поселений междуречья Прони и Рановы она составляет 33% от общего числа (без учета позднесредневековой кухонной керамики, а также чернолощеной столовой посуды).

По особенностям формы, глиняного теста и орнаментации керамика типа 8 разделяется на 2 хронологические группы: резкопрофилированные формы 2-й половины XII в. (подтипы А и Б – 7% от общего числа керамики) и более поздние слабопрофилированные формы (подтипы В-Д). Новые материалы позволяют наметить признаки самых поздних форм данного типа, встреченных главным образом на поселениях Ряжск, Подвислово XI и Александровка I (рис. 9Б, 5; 10Б, 14; 11В, 2), где основную часть коллекции составляет керамика XIII–XIV вв. Эти формы, относимые к подтипу 8Д, отличаются миниатюрными размерами валика и удлиненными пропорциями шейки. Среди них наиболее часто встречается орнамент в виде волны, характерный для золотоордынского времени. Кроме того, все они без исключения изготовлены из белой глины без использования искусственных примесей, что также характерно для этого периода. Вероятно, данная группа может быть отнесена ко 2-й половине XIII в. и, возможно, к более позднему времени.

Тип 9. Вертикальные или слабо наклоненные внутрь венчики с резко отогнутым наружу и завернутым внутрь краем, образующем массивный уплощеный валик на внешней стороне венчика. Датировке этого типа на территории Рязанского Поочья посвящена специальная статья, согласно которой время его бытования относится к XIII в (Стрикалов, 2003). На материалах поселений ополья наметилось разделение форм данного типа на две группы. Поздние формы отличаются удлиненной пропорцией или плавно изогнутой формой шейки, граненой формой валика по краю при широком использовании волнистого орнамента. Такая особенность отмечена в коллекциях поселений Красная Горка Григорьевской группы, Ряжск, Кумино III, в поздних комплексах Толпинского IV селища (рис. 3 В, *18–20, 22–27*; 4В, *7, 8*; 8В, *4, 7, 8*; 10Б, *1–3*). В анализируемой выборке керамика типа 9 составляет 28%.

Тип 10. Представляет собой дальнейшее развитие типа 9: при сохранении такого же профиля венчика упрощается форма края, имеющего вид округлого валика на внешней стороне сосуда. Датируется этот тип концом XIII–XIV вв. Доля такой керамики в коллекции – 8%.

Тип 11. Слабопрофилированные венчики с загнутым внутрь в виде массивного уплощенного валика краем. По аналогиям и особенностям орнаментации и со-

става глиняного теста керамика типа 11 может быть отнесена к XIV–XV вв. В материалах поселений исследуемого микрорегиона она составляет 28%.

Тип 12. Сосуды с вертикальным коротким венчиком и простым краем без утолщений. Край иногда имеет желобок на внутренней или внешней стороне, или заострен. Достаточно часто встречается ребро на плече. Сосуды данного типа наиболее многочисленны в слоях Переяславля Рязанского XV–XVI вв. На поселениях к югу от Прони тип 12 представлен незначительной долей: он составляет лишь 3% венчиков.

Поселения с керамикой перечисленных типов в исследуемом районе не образуют сплошного массива, а расположены несколькими группами (рис. 2). Внутри

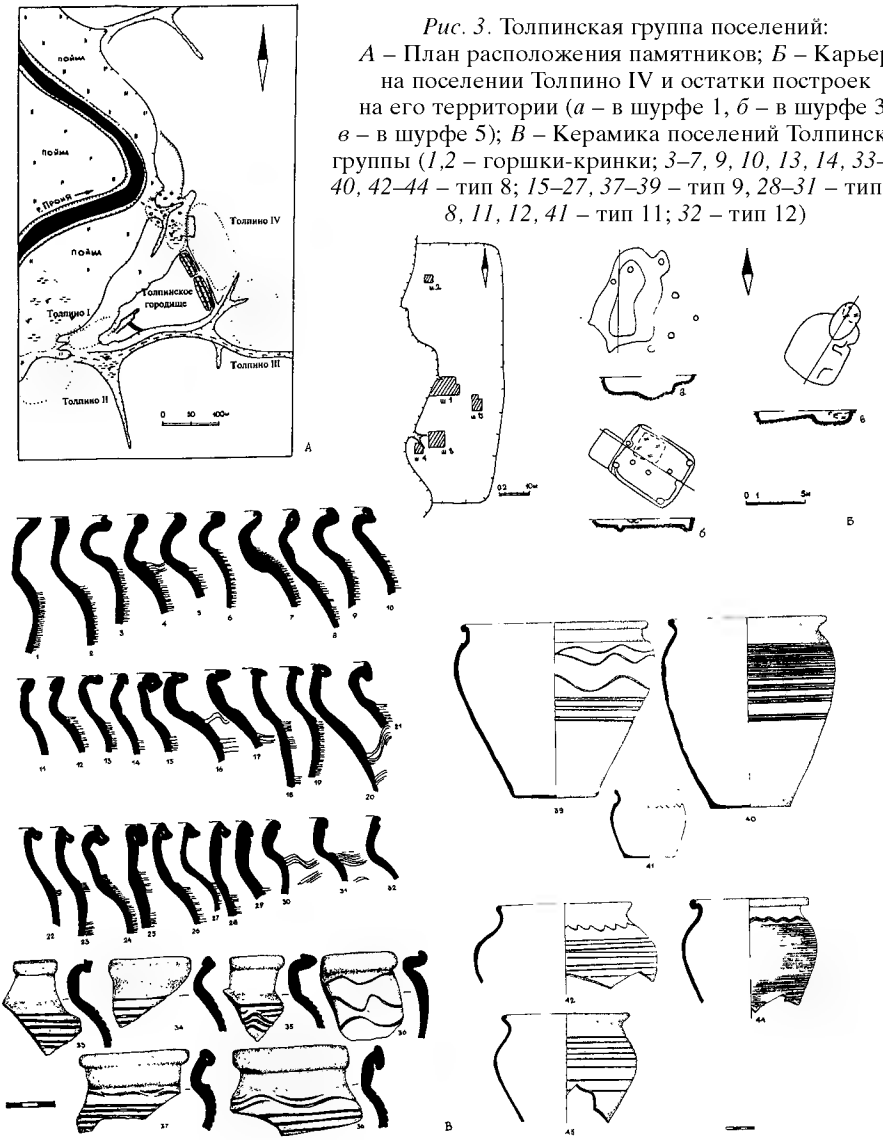


Рис. 3. Толпинская группа поселений:
А – План расположения памятников; *Б* – Карьер на поселении Толпино IV и остатки построек на его территории (*а* – в шурфе 1, *б* – в шурфе 3, *в* – в шурфе 5); *В* – Керамика поселений Толпинской группы (*1,2* – горшки-кринки; *3–7, 9, 10, 13, 14, 33–36, 40, 42–44* – тип 8; *15–27, 37–39* – тип 9, *28–31* – тип 10; *8, 11, 12, 41* – тип 11; *32* – тип 12)

каждой группы памятники удалены друг от друга 0,5–1 км за редким исключением, тогда как расстояние между группами значительно больше – от 3 до 10 км. Все группы расположены по периметру ополья – на берегах рек Прони (Толпинская группа), Рановы (Григорьевская, Приянковская, Подвисловская группы и поселения Пехлец, Александровка I (Городок I) и Марчуки Вторые I), Хупты (Ряжская группа), Моши (Мошинская группа), Верды (Лихаревская группа) и Молвы с притоком Молоделкой (Молвинская и Куминская группы). Таким образом, 62 поселения (в это число включены и 9 поселений на р. Верде, которые были исключены из дальнейшего анализа) образуют 9 групп (по 4–15 памятников) и 3 отдельных поселения.

Сравнительный анализ состава коллекций позволяет разделить группы на три хронологических комплекса. В первый включена Толпинская группа, в которой в равной степени представлены типы 8–11. Второй комплекс составляют 4 группы с преобладанием керамики типа 9, характерного для XIII в. Это Мошинская, Григорьевская, Молвинская и Приянковская группы. Третий характеризуется преобладанием типов 10–11 XIII–XIV вв. В него вошли 3 группы (в районе сел Кумино, Подвислово и города Ряжска) и 3 отдельных поселения – Александровка I (Городок I), Пехлец и Марчуки 2-е I.

Различия между группами по составу керамики представлены в таблице:

Группы	типы керамики (в%)					Дата
	Тип 8 ран.	Тип 8 поздн.	Тип 9	Типы 10–11	Тип 12	
Толпинская	17	29	28	25	1	2-я пол. XII – XIV в.
Григорьевская	2	24	56	18	0	к. XII – нач. XIII в.
Мошинская	2	34	37	24	3	к. XII – XIV в.
Приянковская	3	26	35	31	5	к. XII – XIV в.
Молвинская	10	18	37	33	0	к. XII – XIV в.
Куминская	0	11	40	48	0	XIII–XIV вв.
Александровка I	4	21	25	50	0	XIII–XIV вв.
Подвисловская	0	10	2	88	0	XIII–XIV вв.
Ряжская	2	22	14	54	8	XIII–XV вв.

Примечание: материалы селища Пехлец при абсолютном преобладании керамики XVII–XVIII вв. содержат лишь несколько хронологически определимых фрагментов посуды XII–XV вв. Это два венчика (типов 9 и 11) и несколько фрагментов стенок с волнистым и линейным орнаментом. Все они изготовлены из беложгущейся глины без искусственных примесей в тесте. Фрагменты венчиков орнаментированы волной, что позволяет датировать эту часть коллекции XIV в. В коллекции селища Марчуки 2-е I также коллекция керамики XIII–XV вв. непредставительна и поэтому тоже исключена из статистического анализа.

Детальный анализ структуры каждой группы позволяет понять процесс их развития.

Толпинская группа памятников (рис. 3) представляет собой типичный городской комплекс средневековой Руси. Поселения располагались на мысах и береговой террасе правого берега Прони на небольшом участке расширения поймы. Центральное место занимало укрепленное городище, известное с XIX в. (Баранович, 1860). Вокруг него известно 5 селищ XII–XIV вв, образовывавших неукрепленные посады и пригородные села вокруг городища. Это Толпинские I–IV и Незнановское I селища. В некотором отдалении (в 2 км ниже по течению Прони) располагалось только одно селище – Семион I, занимавшее мыс, образованный правым берегом Прони и северным берегом оврага на южной окраине одно-

именного села. Поселения этого микрорегиона существовали одновременно: везде встречена керамика типов 8–11, хотя выборки различны по своей представительности. Исключение составляет только селище Семион I. Коллекция этого памятника содержит материалы только XIII–XIV вв. (К сожалению, одному из авторов статьи удалось лишь осмотреть образы керамики этого памятника из сборов местных жителей. Вся керамика однотипна: преобладают образцы керамики типа 11 с линейным и волнистым орнаментом.) Большая коллекция получена только для Толпинского IV селища, расположенного непосредственно за валами городища. Здесь на территории карьера исследованы остатки нескольких углубленных построек разного времени (Стрикалов, 1995). Постройка, открытая в шурфе 5 относится к рубежу XII–XIII вв. В ее заполнении были найдены развалы 4 сосудов типа 8 XII – начала XIII в. Преобладает такая керамика и в прямоугольной постройке в шурфе 3 (51%), хотя развал найденного в ней сосуда и наиболее крупные фрагменты относятся к типу 9. Поздним комплексом следует признать заполнение ямы в шурфе 1, в котором господствует керамика типа 9 (50%) при значительной доле керамики типов 10–11 (32%). В коллекции подъемного материала соотношение типов иное. Тип 8 составляет в этой выборке 60%. При этом ранние формы, характерные для всей 2-й половины XII в., составляют половину образцов. На этом основании возникновение города следует отнести ко времени, по крайней мере, раньше рубежа XII–XIII вв. Господство типа 8, вероятно, отражает и общую тенденцию развития группы поселений – сокращение населения после Батыева нашествия, хотя город продолжал существовать до XIV в. Этот факт подтверждается и данными письменных источников: «толпинский волостель» упомянут в грамоте 1303 г. Присутствие представителя княжеской администрации наряду с выгодным положением у северной оконечности ополья на крупной реке – Проне – стали, вероятно, основными стабилизирующими факторами развития Толпинского комплекса, самого устойчивого и долговременного в микрорегионе.

Григорьевская группа (рис. 4) сходна по своей структуре с Толпинской. Поселения также располагались на мысах и террасах коренного левого берега Рановы на участке небольшого расширения поймы с заболоченными старичными озерами. Центральное место здесь также занимало городище. Правда, Княжое (Григорьевское) городище значительно уступало в размерах Толпинскому. Его площадь составляла около 2000 кв. м, тогда как Толпинское занимало более 3 га. За валами городища и на небольшом удалении от него (не более 1 км) располагались неукрепленные поселения (Григорьевские I, II, IV селища и селище Красная Горка). Коллекции подъемного материала немногочисленны, но сходны по своему составу: везде преобладает керамика типа 9 в сочетании с более ранней керамикой (тип 8). При этом на всех поселениях, за исключением наиболее удаленного от городища селища Красная Горка, тип 9 представлен почти исключительно ранними формами. Что касается коллекции селища Красная Горка, здесь преобладают граненые формы типа 9, а керамика типа 11 присутствует в большей степени, нежели на остальных поселениях. Вероятно, весь комплекс Княжого городища прекратил существование одновременно – в период Батыева нашествия или вскоре после него. Незначительные размеры городища (и, соответственно, место в структуре княжества) определили и неустойчивость всего комплекса: после татарского погрома он не смог возродиться, хотя, вероятно, на одном из селищ (Красная Горка) жизнь какое-то время еще продолжалась.

Приянковская группа памятников (рис. 5) располагалась к югу от Григорьевской также на левом берегу Рановы. Ее главным отличием является отсутствие укрепленного поселения, но в остальном ее структура сходна с вышеописанными.

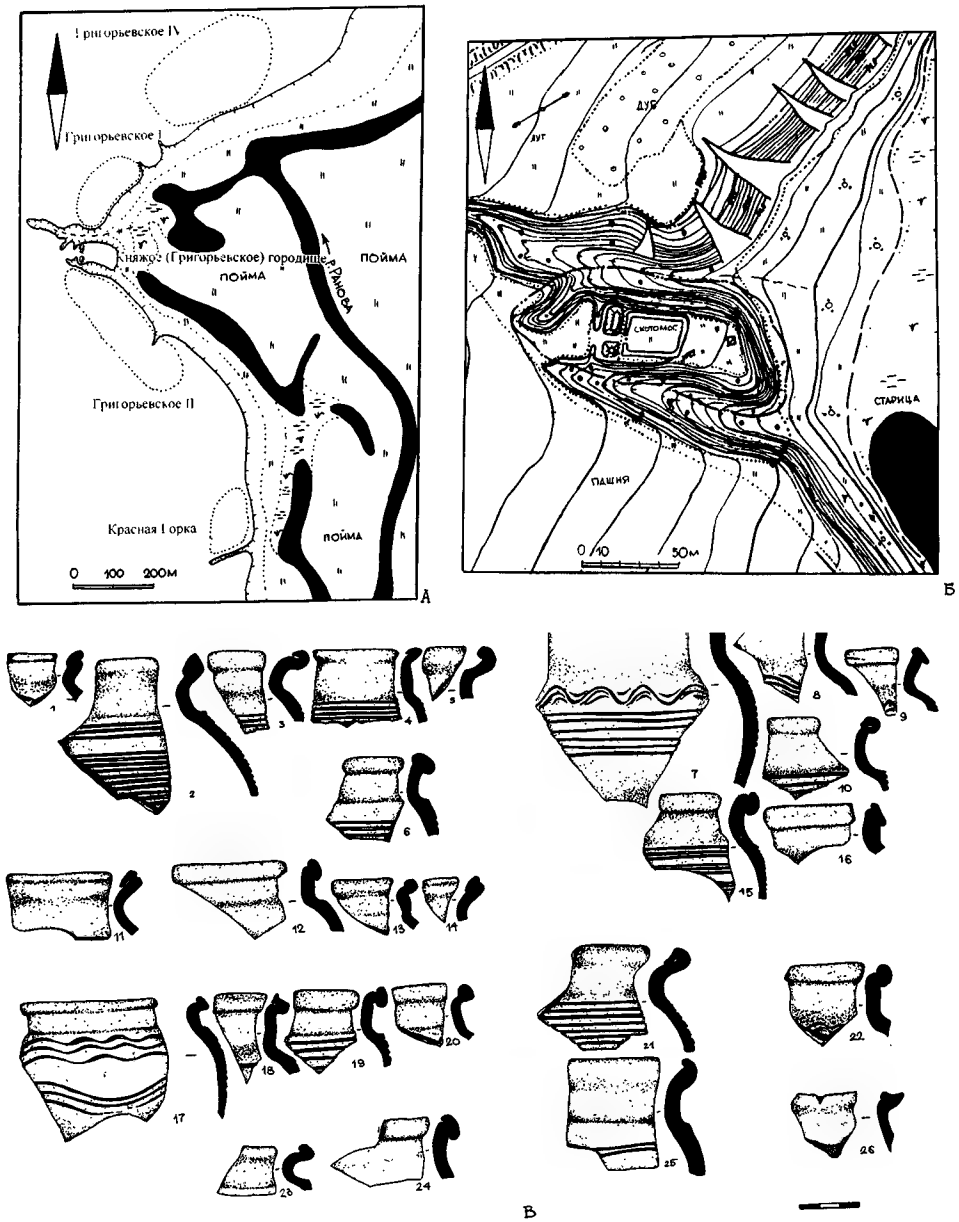


Рис. 4. Григорьевская группа поселений: *А* – План расположения памятников; *Б* – Княжое (Григорьевское) городище. План; *В* – Керамика поселений Григорьевской группы (*1–5, 10, 13, 17, 20, 23, 25* – тип 8; *6–9, 12, 15, 16, 18, 19, 22, 24* – тип 9; *11, 14, 21, 26* – тип 11)

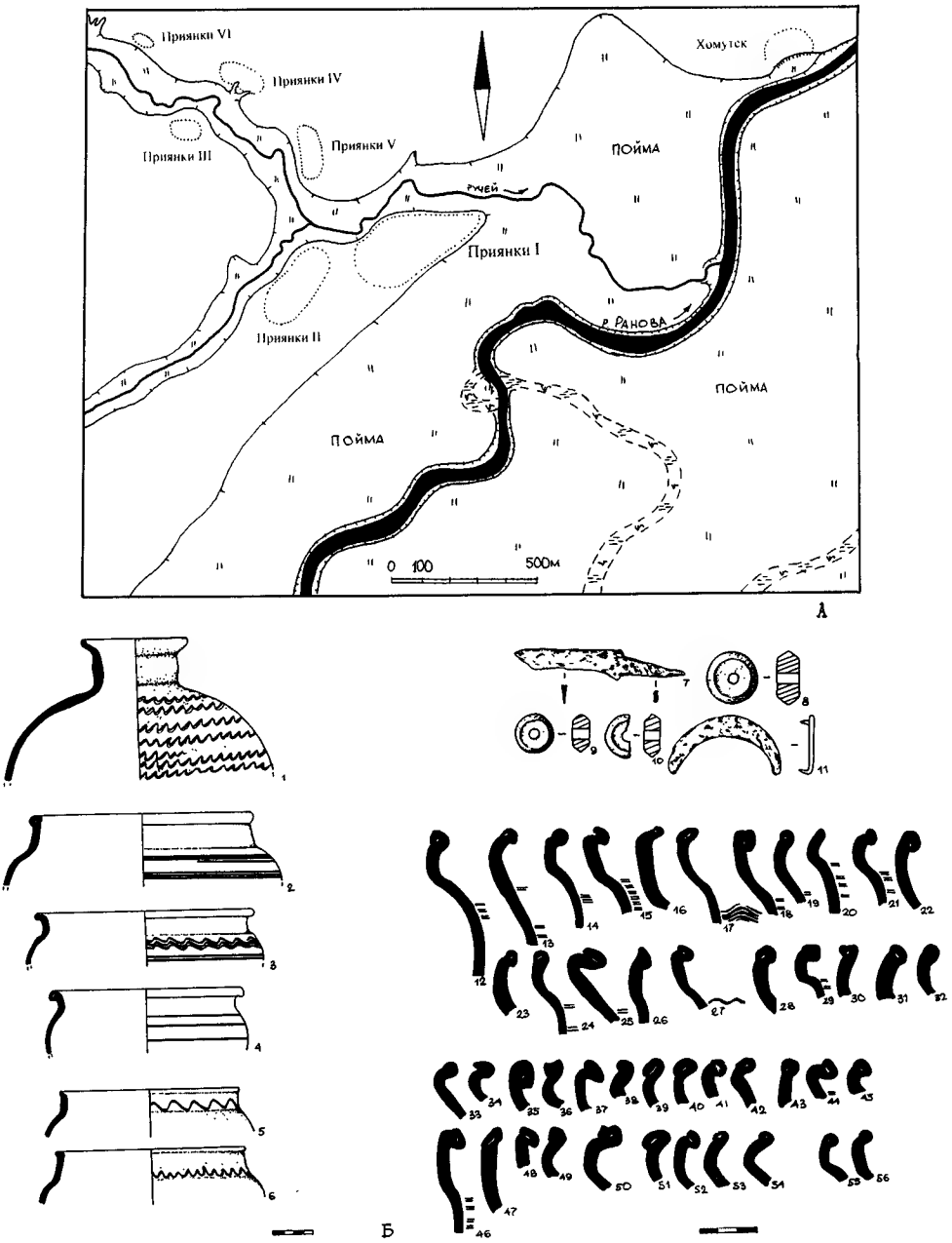


Рис. 5. Приянковская группа поселений: *А* – План расположения памятников; *Б* – Керамика и вещи поселения Приянки I (*7* – железный нож, *8–10* – шиферные пряслица, 1 – обувная подковка; керамика: 1 – корчага; *2, 3, 12–16, 23, 31–33, 38, 44, 45* – тип 8; *4, 18, 21, 25–27, 29, 37, 41* – тип 9; 22, 35 – тип 10; *17, 19, 20, 24, 28, 30, 34, 36, 39, 40, 42, 43* – тип 11; *5,6* – тип 12)

Во-первых, 6 поселений из семи расположены по берегам ручья, впадающего с запада в Ранову и образующего заболоченный участок широкой поймы в его устье. Во-вторых, среди поселений выделяется центральное (Приянки I), отличающееся своими большими размерами. Оно занимало мыс, образованный берегом Рановы и правым берегом ручья. Находки керамики встречены на площади около 10 га. Остальные селища, распложенные по руслу ручья (Приянки II–VI) и к северу от заболоченного участка поймы (Хомутск), имели небольшие размеры и были, вероятно, одно- двухдворными. Самой ранней керамикой из сборов и шурфов на этих поселениях являются образцы типа 8, тех его вариантов, которые характерны для рубежа XII–XIII вв., а преобладает керамика типа 9 (ранние формы типа, характерные для 1-й половины XIII столетия). Тем не менее, во всех комплексах встречена и керамика типов 10 и 11, бытовавшая позднее, в XIII–XIV вв. При этом в материалах поселения Приянки I, где проводились небольшие раскопки, в отличие от остальных памятников, керамика типов 10–11 составляет значительную долю – 36% (при 27% в общем на остальных поселениях). В коллекции селища Приянки I присутствует и керамика типа 12 XV в. Хотя число фрагментов такой керамики невелико, все они довольно крупные и явно свидетельствуют о продолжении жизни на поселении в этот период. Существование поселка не выходит за рамки XV столетия: материалов XVI в. в коллекции не встречено. Вероятно, первоначально жизнь прекратилась на однодворных поселениях, а уже значительно позднее население покинуло и центральный поселок участка.

Молвинская группа (рис. 6) компактно располагалась к северу от с. Аманово на мысах и террасах правого берега реки Молвы вокруг расширения поймы, которое местные жители называют «Атамановым болотом». Оно представляет собой заболоченный участок размерами 2×0,5–1 км со старичными протоками. Крупнейшим среди них было поселение Моловка I, занимавшее длинный мыс в северной оконечности участка. Культурный слой на мысу распространен на участке 450×100–250 м, т.е на площади около 9 га. Поселение имело естественные укрепления с трех сторон, а с северной, напольной, было ограничено ложбиной. Возможно, эта западина представляет собой заплывший ров поселка, однако, без специального исследования это остается только предположением. Судя по керамике, жизнь на всех поселениях началась в конце XII – начале XIII в. и продолжалась вплоть до XIV в. Исключение составляет только поселение Аманово VIII с керамикой типов 9–11. Оно дало очень небольшую коллекцию хронологически определимой керамики, что и объясняет отсутствие керамики типа 8 рубежа XII–XIII вв.

Мошинская группа (рис. 7) включала 15 поселений, в том числе одно городище (Ногайское I). В отличие от участков, описанных выше, здесь поселения протянулись полосой по левому, северному берегу реки, а не образовали компактной группы. Лишь в районе Ногайского городища наблюдается увеличение плотности размещения селищ. Здесь на километровом отрезке берега открыто 4 поселения, тогда как остальные памятники расположены на расстоянии 0,5–1,2 км друг от друга. Долина Моши была заселена на рубеже XII–XIII вв., и население сохранялось здесь до XIV столетия. Из 12 пунктов с материалами домонгольского времени в золотоордынский период продолжают существовать лишь 6: характерная керамика не встречена в группе поселений вокруг Нагайского I городища (селища Нагайское I, Нагайское III, Нагайское V и Поплевино VII), а также на поселении Лупиловка I в западной части участка. При этом появляются и новые поселения: Нагайское II, Поплевино VI в восточной части и поселение Желтухово на западной оконечности участка. Следует отметить, что в западной части, в верховьях Моши встречена и керамика более позднего времени – XV в., а доля

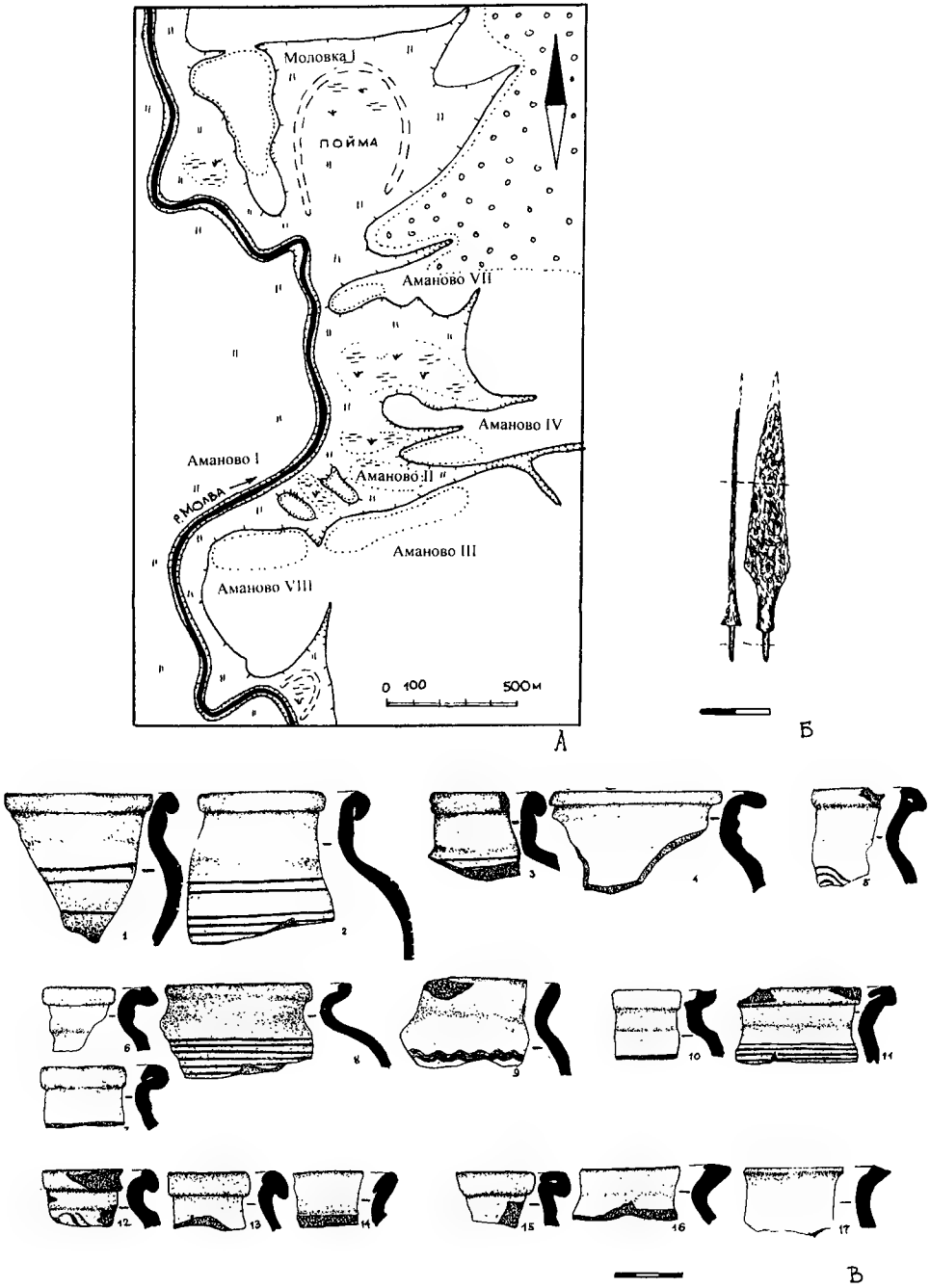
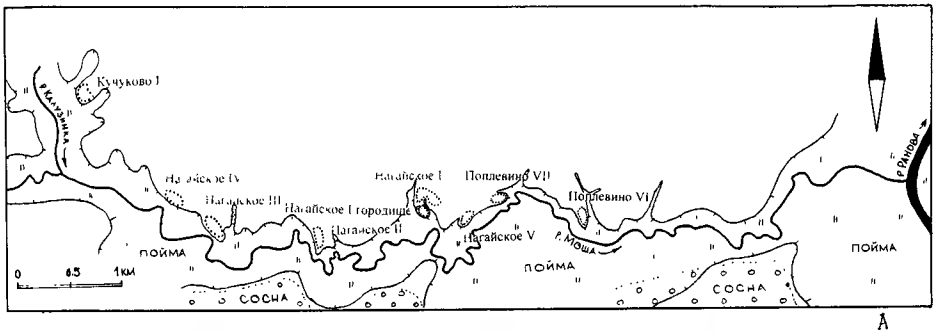


Рис. 6. Молвинская группа поселений: *А* – План расположения памятников; *Б* – стрела железная. Поселение Аманово I; *В* – Керамика поселений Молвинской группы (*6–8, 10* – тип 8; *4, 5, 12, 13, 15* – тип 9; *1–3* – тип 10; *9. 11, 14, 16* – тип 11, *17* – горшки-кринки)

керамики типов 10–11 выше, чем в низовьях реки. Судя по анализу почв, верховья Моши находились в зоне лесов, чем, вероятно, и обусловлена большая устойчивость поселений. Если в домонгольский период из 12 пунктов семь размещались в восточной части участка (т.е. более половины), то позднее основное население концентрировалось уже в западной, лесной, части участка: из 9 селищ здесь располагались 5.

Группы и отдельные поселения, возникшие в XIII–XIV вв. (в их коллекциях керамика XII – начала XIII в. отсутствует или представлена небольшими сериями) расположены в иных природных условиях.

Куминская группа (рис. 8) располагалась на притоке Молвы ручье Молоделке. Здесь обследованы 3 поселения – Кумино I, III и V. В этой группе, расположенной в пределах Чижевского леса, собрана керамика только XIII–XIV вв. Сле-



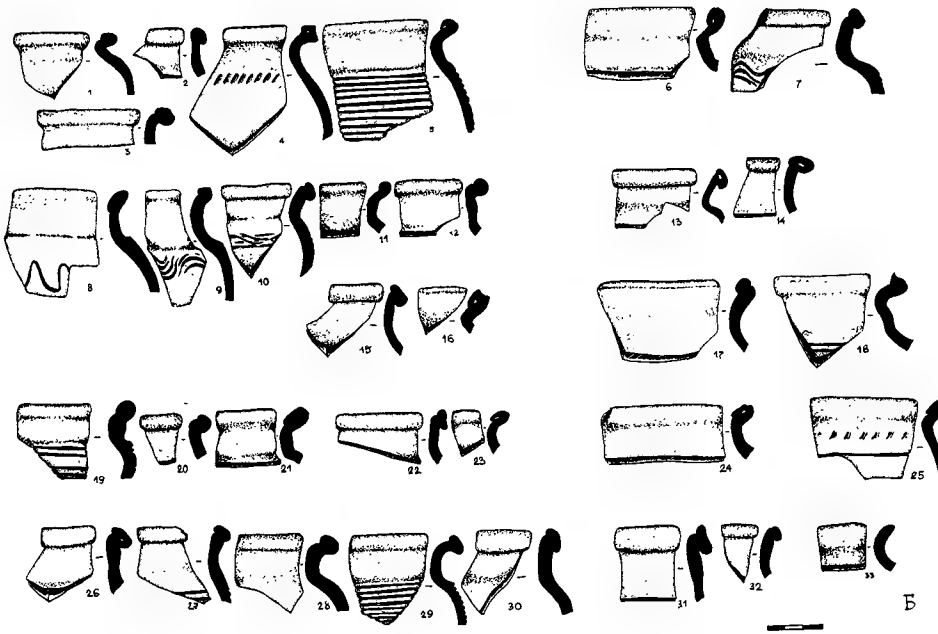


Рис. 7. Мошинская группа поселений: *А* – План расположения памятников (восточная часть); *Б* – Керамика поселений Мошинской группы (*1, 4, 5, 9, 11, 12, 17–20, 26–29* – тип 8; *3, 7, 10, 13–15, 22, 30–32* – тип 9; *2* – тип 10; *6, 8, 16, 21, 23–25, 33* – тип 11)

дует добавить, что напротив устья этого ручья расположено селище Моловка II, где была собрана значительная коллекция керамики, содержавшая 18 определимых венчиков. Все они также относятся к типам XIII–XIV вв. Дополняет вывод о датировке памятника абсолютное преобладание волнистого орнамента в коллекции (Коваль, 2000).

Подвисловская группа (рис. 9) включает два поселения: Подвислово II, расположенное на территории села на берегу ручья, впадающего с запада в Ранову, и Подвислово XI на противоположном лесистом восточном берегу Рановы в пойме старицы реки. В коллекции Подвисловского II поселения среди керамики XVII–XVIII вв. встречены отдельные фрагменты более раннего времени, в том числе фрагмент венчика типа 11. Керамика XIII–XIV вв. поселения Подвислово XI представлена большой выборкой, в которой абсолютно преобладают образцы типа 11. Среди остальной керамики значительную группу образует только тип 8. При этом все экземпляры отличаются миниатюрным венчиком и наличием волнистого орнамента, что позволяет отнести эти образцы к XIII–XIV вв. Практически отсутствует в коллекции и керамика типа 9. Это заставляет отнести время существования поселения к XIV в.

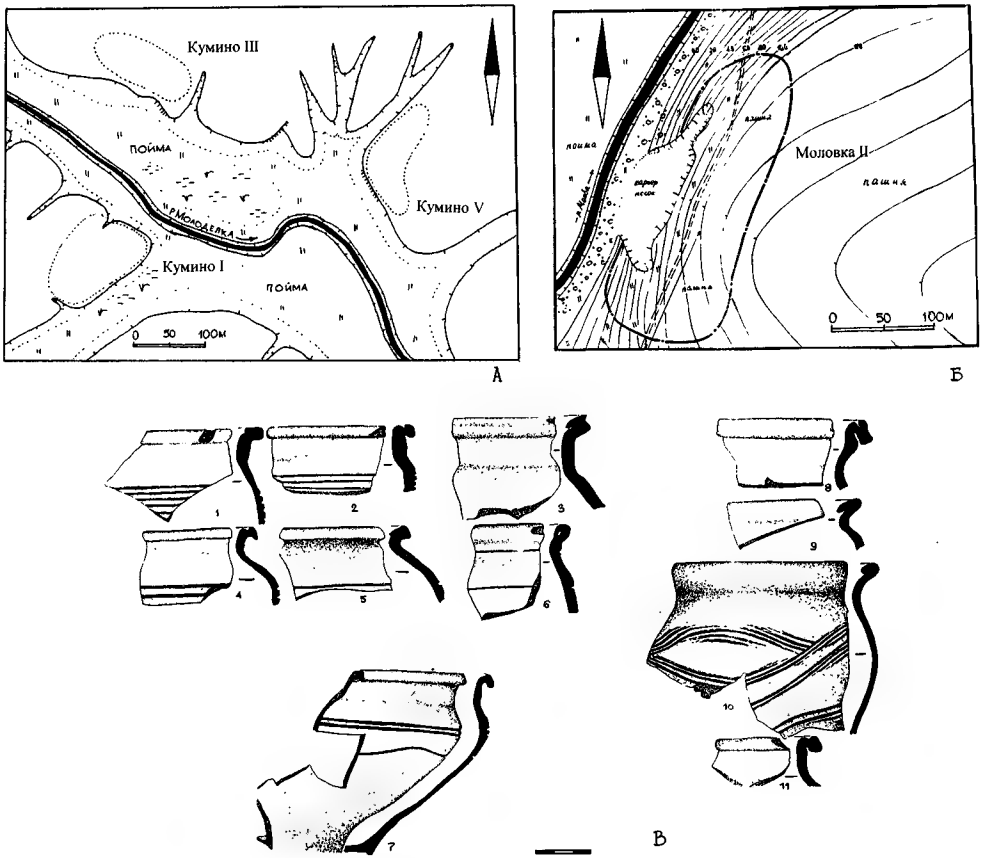


Рис. 8. Куминская группа поселений: *А* – План расположения памятников около с. Кумино; *Б* – Поселение Моловка II. План; *В* – Керамика поселений Куминской группы (*1, 2, 4, 7, 8, 11* – тип 9; *3, 5, 6, 9, 10* – тип 11)

Ряжская группа (рис. 10) включает три поселения, крупнейшим из которых было Ряжское городище, занимавшее мыс высокого правого берега р. Хупты – притока Рановы. В ходе раскопок на его территории получена представительная коллекция керамики. В нижних горизонтах культурного слоя двух шурфов собраны материалы XIII–XIV вв. (Челяпов, Иванов, 2002). В коллекции преобладает керамика типа 11 и поздних форм типа 8, сходная с посудой поселения Подвис-

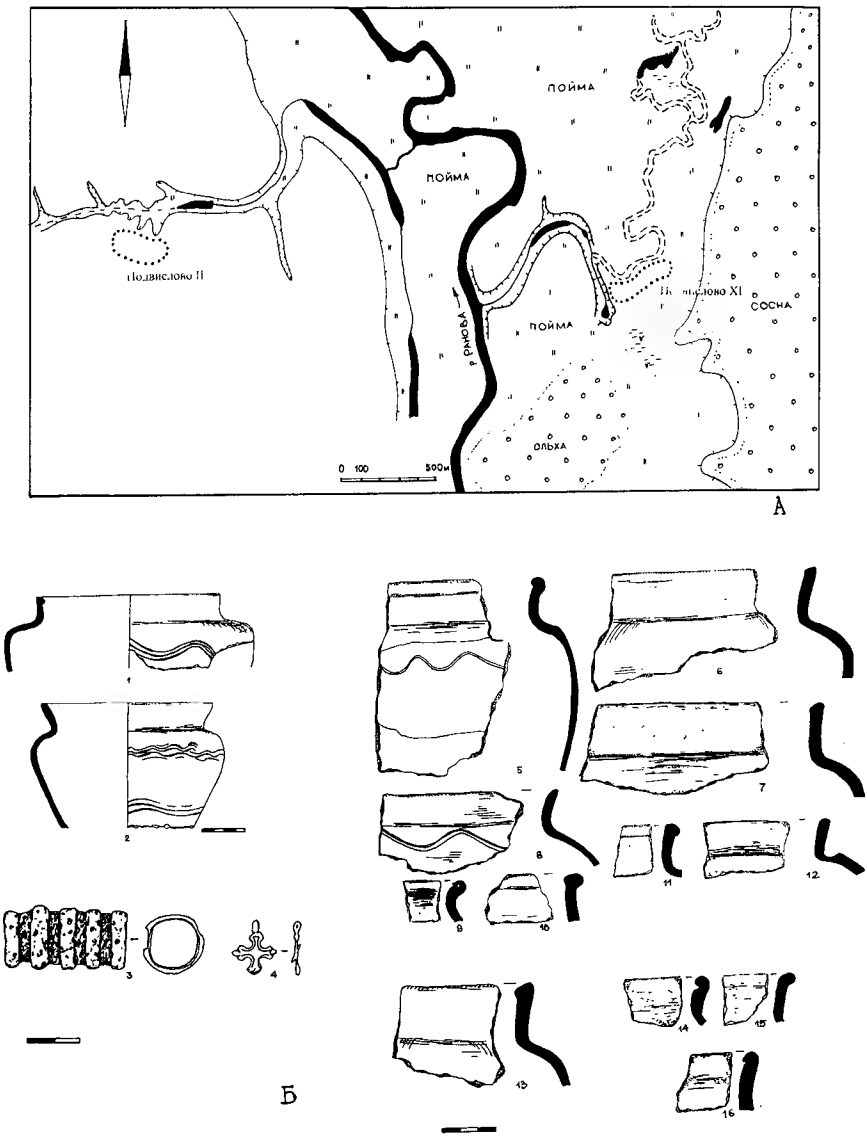
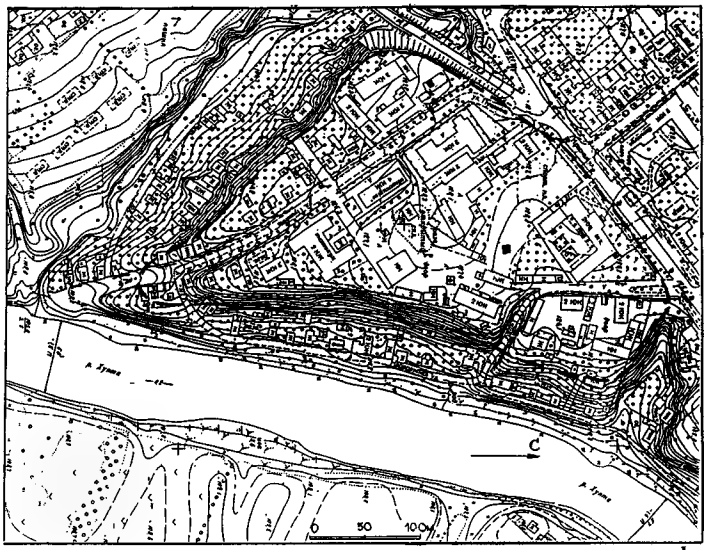


Рис. 9. Подвисловская группа поселений: *А* – План расположения памятников; *Б* – Керамика и вещи поселения Подвислово XI (*3* – деталь железного цилиндрического замка; 4 – бронзовый крестик; *5, 9, 10, 14* – тип 8; 11 – тип 10; *1, 2, 6–8, 12, 13, 16* – тип 11; *15* – горшки-кринки)

лово XI, хотя, в отличие от нее в ряжской коллекции существенную долю составляет и керамика типа 9. Присутсвует в коллекции и керамики XV в. – типа 12, а также и более поздняя керамика XVI–XVIII вв. Возможно, Ряжское поселение возникло раньше и существовало без перерыва дольше, чем селище Подвислово XI. Что представляло собой поселение на месте будущего Ряжска? Степень археологической изученности памятника не позволяет сделать вывод о существовании городища в интересующий нас отрезок времени. Первые упоминания о городе Ряжске относятся к 60-м годам XVI в. (ПСРЛ, 1913. Т. XXI. Ч. 2. С. 520–521). Но город возник на торговом пути из Оки в Дон, который активно использовался намного раньше этой даты. Еще в 1502 г. московский государь Иван III, отпуская из Москвы турецкого посла, описывает именно этот маршрут: «отпустил я судном посла Турецкого до Старой Рязани, а от Старой Рязани ехать ему Пронею вверх, а из Прони к Пранову (Ранову), а из Прановой Хуптою вверх до переволоки, до Рясскаго поля. Переволокою Рясским полем до реки до Рясы...» (Карамзин, 1989. С. 78. Прим. 563). Следует отметить, что в этом документе нет упоминания о каком-либо населенном пункте на этом пути. Возможно, в этот период поселение на месте будущего Ряжска все-таки находилось в запустении. Два других поселения группы располагались также на правобережье Хупты: селище Ряжск IV, расположенное к югу от городища, и селище Введеновка I (Строскова Гора), открытое в устье р. Малая Хупта. На них найдены только единичные образцы керамики XIII–XIV вв. – фрагмент венчика типа 9 на поселении Ряжск IV и несколько фрагментов белоглиняных стенок с волнистым орнаментом, характерным для этого времени, на поселении Введеновка I.

В заболоченном и залесенном правобережье Рановы в этот период появляется еще одно поселение – ***Александровка I (Городок I)***, существовавшее, судя по керамике, в течение XIII–XIV в. (рис. 11). Оно располагалось на большом удалении от описанных выше групп на дюне правого берега Рановы между Мошинской и Ряжской группами и было хорошо защищено со всех сторон лесами и болотами широкой рановской поймы (Челяпов, Иванов, 2003). Поселение примыкало с юга к городищу Александровка I, где в настоящее время древнерусский культурный слой не обнаружен. Наличие средневекового селища позволяет высказать предположение о строительстве или, по крайней мере, использовании городища в качестве убежища в тот период. Использовалось городище и позднее, когда поселок за его валами был уже заброшен, – оно было включено в систему Ряжской засеки, перекрывая брод через Ранову (Буланкин, 2004. С. 366–367).

Таким образом, территории к югу от Прони были колонизированы русскими в конце XII в. Следует оговориться, что на этой территории известны два поселения и более ранней эпохи – IX–XI вв. Это поселение Александровка IX (Барышев, 2000), расположенное на правом берегу Рановы в ее среднем течении и Таркинское III поселение (Валкуша) на правом берегу Прони. Коллекции керамики этих памятников содержат лепную и подправленную на круге керамику роменско-боршевского облика (рис. 12). Однако, между временем их существования и началом активного заселения микрорегиона существует значительный хронологический разрыв. Ни на берегах Прони, ни южнее не найдено переходных форм круговой керамики XI в., представленной, например, в материалах Старой Рязани. Немногочисленное славянское население покинуло эту область, вероятно, еще до окняжения Средней Оки. Массовый же приток населения на Степную сторону Рязанщины начался еще позднее: здесь нет и керамики конца XI – XII в., встречающейся в материалах поселений Рязанской стороны, активная колонизация которой началась в середине XII столетия. В этот период строится Южное городище Старой Рязани, впервые упоминаются такие города Рязанской земли,



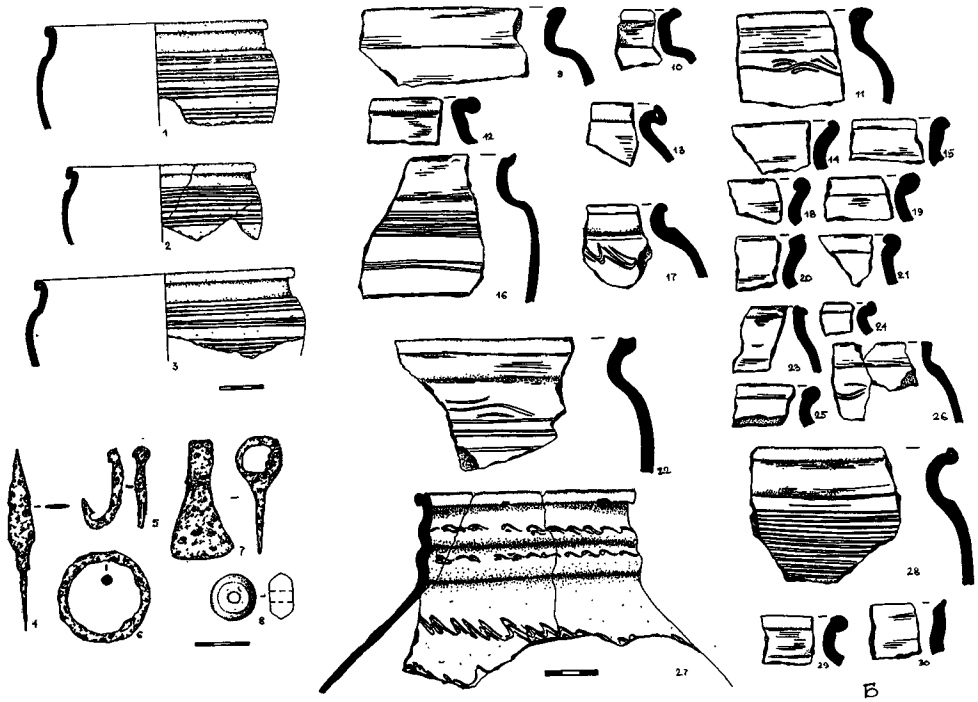


Рис. 10. Ряжск: *А* – План городища (Ряжской крепости); *Б* – Керамика и находки из шурфов на территории Ряжской крепости (*4–7* – изделия из железа: стрела, рыболовный крючок, кольцо сбруи, топор; *8* – глиняное пряслице; керамика: *27* – корчага; *10, 12, 14, 18, 20–22, 24, 25, 28, 29* – тип 8; *1–3, 12, 13* – тип 9; *15, 17, 23* – тип 10; *9, 11, 19* – тип 11; *16, 26* – тип 12; *30* – горшки-кринки)

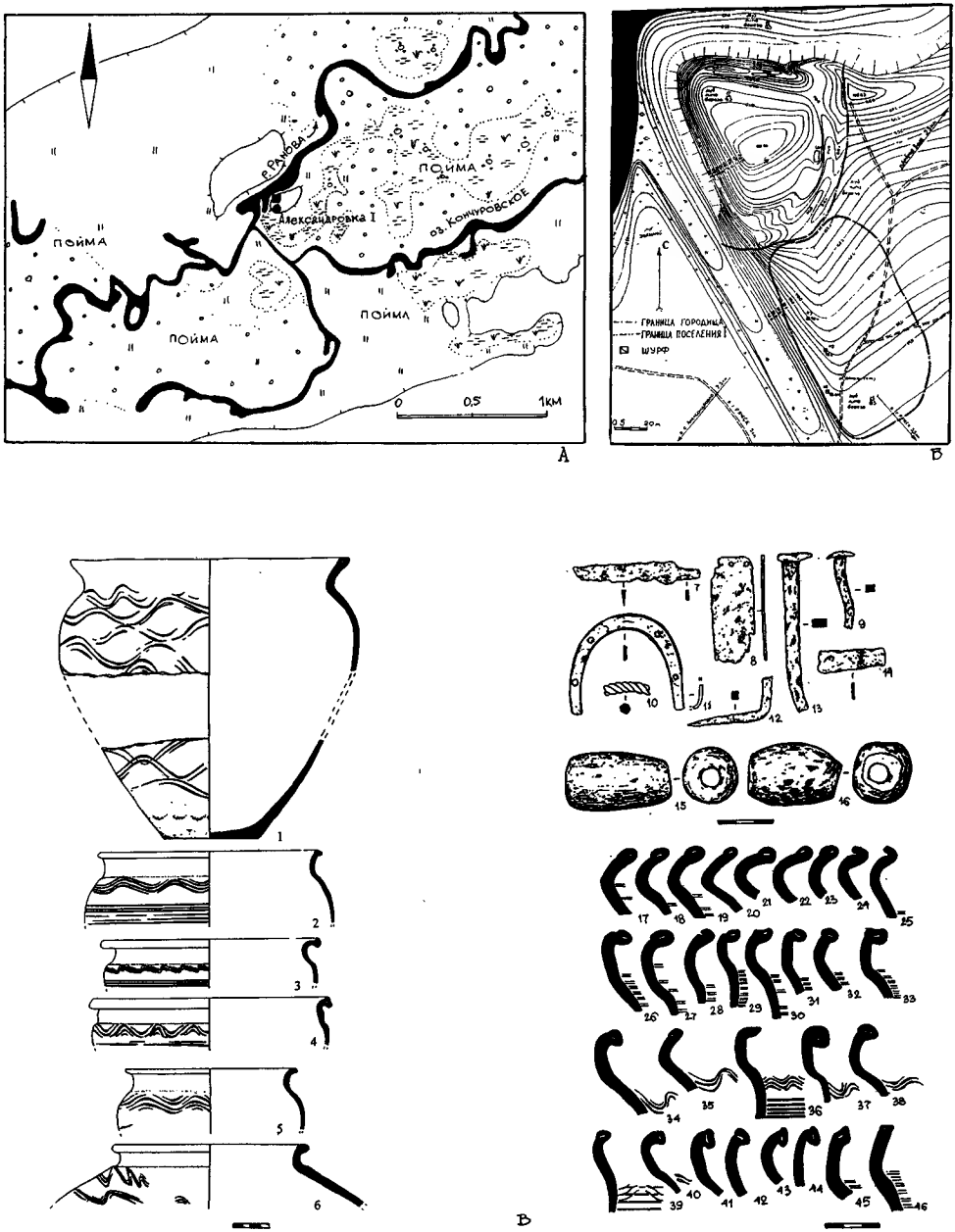
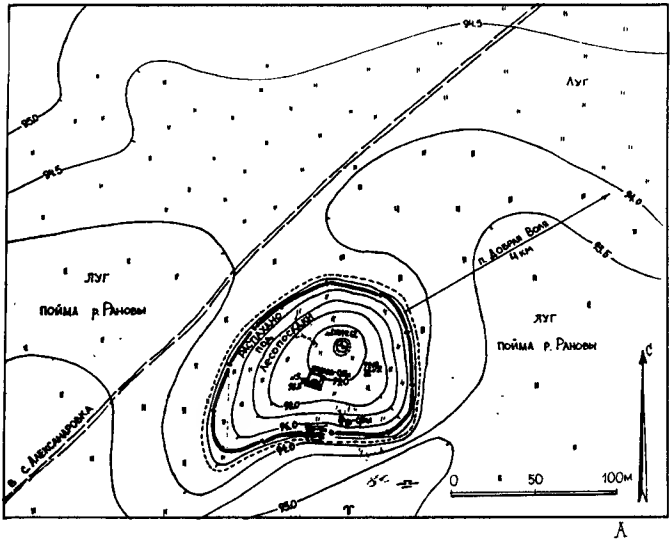
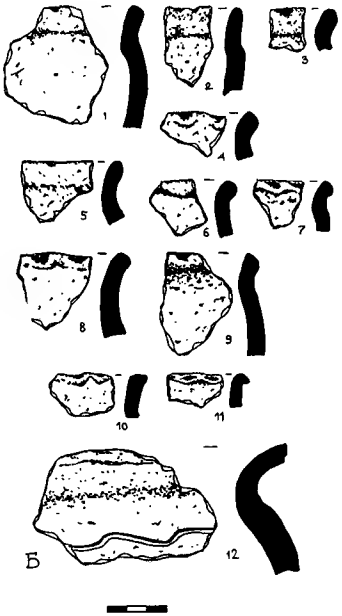


Рис. 11. Поселение Александровка I: *А* – План окрестностей поселения; *Б* – Поселение Александровка I. План; *В* – Керамика и вещи поселения Александровка I (*7–9, 11–14* – изделия из железа : нож, подкова, костыли, пластины брони; *10* – стеклянный браслет; *15–16* – глиняные рыболовные грузила; керамика: *6* – корчага, *46* – горшки-кринки; *2, 3, 24, 25, 28* – тип 8; *4, 29, 31–34, 38, 40–44* – тип 9; *36, 37* – тип 10; *1, 5, 17–23, 26, 27, 30, 35, 39, 45* – тип 11)

как Пронск, Ростиславль, Коломна. С этим временем можно связать существование только Толпинского городища и окружающих селищ, основанных, вероятно, во 2-й половине XII в. Этот комплекс возник, скорее, как окраинная волость Рязанской стороны и стал отправной точкой на пути освоения степного ополья.





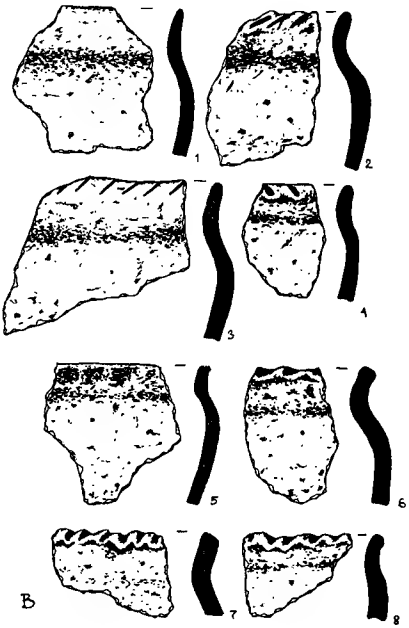


Рис. 12. Лепная и раннекруговая керамика поселения Александровка IX:
А – план поселения Александровка IX; *Б* – керамика поселения Александровка IX (*1–11* – лепная; *12* – подправленная на круге); *В* – лепная керамика поселения Валкуша

На рубеже XII–XIII вв. ситуация в ополье коренным образом меняется. Здесь возникают несколько групп древнерусских поселений. Помимо Толпинской в этот период появляются Григорьевская, Молвинская, Приянковская, Мошинская группы памятников. Общее число поселений достигает 36. Позднее начало колонизации Степной стороны находит свои объяснения при анализе русско-половецких отношений того времени. На период 50–90-х годов XII столетия падает время наибольшей активности половцев на русском пограничье (Плетнева. С. 266). Вероятно, неспокойная политическая обстановка в Поднепровье стала одной из причин колонизации Среднего Поочья южнорусскими переселенцами. Однако, степная сторона первоначально оказалась в стороне от этого потока: «рязанские украины» тогда сами страдали от половецких набегов. Никоновская летопись, единственная, повествующая о рязано-половецких отношениях того периода, говорит о набегах степняков под 1156, 1187, 1195 гг. и, предположительно, под 1155 г. Об ответных же походах в степи на кочевников – под 1131, 1136, 1148, 1150, 1177 гг. (ПСРЛ. Т. IX. С. 157, 160, 178, 184, 205, 207; ПСРЛ. Т. X. С. 6, 18, 23). Стабилизация отношений русских князей с половецкими ханами на рубеже XII–XIII вв. сразу же выразилась в появлении русских поселений в лесостепной полосе Рязанского княжества, вплоть до летописного Чюр-Михайлова, основанного вероятно, пронским князем Кир-Михаилом в начале XIII в. и локализуемого на месте Архангельского городища на р. Кочуровке, левом притоке Дона (Челяпов, Иванов, 2001. С. 62; Челяпов, Судаков, 1998). Началу русской колонизации способствовала и слабая освоенность приграничных с Рязанью степей половцами (Цыбин, 1999).

Возникшие в этот период группы поселений располагались в сходных ландшафтных условиях: на черноземах степного высокого берега рек вблизи лесного массива. Все они, за исключением одной, Мошинской, группы, занимали сходные участки береговых террас вокруг заболоченных расширений поймы. Вероятно, при широких возможностях выбора участков переселенцы занимали наиболее удобные для хозяйственного освоения места. Близость природных условий указывает и на сходство в хозяйственной специализации общин. При господстве перелога в земледелии лесостепной зоны в тот период существенно возрастала роль скота для удобрения полей. Вероятно, пойменные луга использовались для выпаса стада и заготовки кормов.

В период Батыева нашествия Пронско-Рановское междуречье оказалось на пути монгольского войска (Челяпов, Судаков, 1997. С. 28–29). Именно через «ряские места» двигался «Батый в войну на Русь» в 1237 г. по мнению средневековых источников (Известия ТУАК. Вып. XXXIII. С. 49).

Эти события привели к гибели 10 из 36 поселений ополья. При этом практически полностью был заброшен участок на р. Ранове у Княжого городища, существенно (с 12 до 6) сократилось число поселений на р. Моше. Однако остальные группы пережили бедствия. Более того, в XIII–XIV вв. в пределах ополья возникли и новые поселения и даже целые группы. Число памятников с материалами этого времени достигло 41 (в том числе 15 новых). При исключении из анализа Григорьевской группы памятников мы видим стабильную ситуацию в микрорегионе: на староосвоенных участках число поселений не изменяется. Если домонгольские материалы остальных 4 участков ополья встречаются на 31 поселении, то более поздние – также на 31. Кроме того, возникают новые группы и отдельные поселения, которые появляются уже в иных природных зонах – на лесной стороне рек (Куминская, Приянковская и Ряжская группы, поселение Александровка I).

Таким образом, устойчивое русское население в междуречье Прони и Рановы сохранялось в течение большей части XIV столетия и лишь к XV в. оно в основ-

ном покинуло степные участки. Более того, за период XIII–XIV вв., несмотря на появление новых неспокойных соседей – татар, число поселений даже выросло по сравнению с предшествующим этапом, хотя для новых участков поселенцы были вынуждены искать более защищенные лесами места. В целом анализ структуры поселений междуречья Прони и Рановы позволяет сделать вывод о поступательном и стабильном развитии микрорегиона в течение всего периода конца XII – конца XIV в. События XIII в. отразились в смене направлений, отчасти в темпах, но не в тенденциях самой колонизации. Лишь на рубеже XIV–XV вв. население резко сокращается. Это находит объяснение во внешнеполитической ситуации на границе степи и леса.

За весь период от нашествия Бату-хана до середины XIV в. документы фиксируют лишь 4 похода на Рязань. Это время характеризуется организованными походами татар на русские земли. Основным объектом татарских посольств и набегов в тот период была Северо-Восточная Русь, куда степняки шли чаще всего через Поволжье (в том числе и походы1239 и 1288 г., охватившие и Рязанскую землю (ПСРЛ. Т. X. С. 115; 167); неясным остается путь двух походов – в 1278 г. и посольства Киндяка 1342 г. в Переяславль (ПСРЛ. Т X. С. 156, 215)) . Их целью были, главным образом, города и их ближайшая округа. Южные окраины Рязанской земли (куда не по географическому положению, а по ландшафтным особенностям относилось и междуречье Прони и Рановы) в этот период оказались в стороне от основных направлений татарских набегов.

Ситуация меняется в период «замятни» в Орде. С этого времени отмечаются регулярные набеги татар на рязанские «украины» вплоть до Переяславля (1356, 1365, 1373, 1377 гг. – ПСРЛ. Т. X. С. 230; Т. XI. С. 5–6, 19, 28–29). Основным районом, откуда совершались набеги на рязанские «украины» в тот период был улус с центром в Мохши (Наручадь русских летописей), расположенный к юго-востоку от рязанских земель (Егоров, 1985. С. 44, 62; Селезнев, 2002. С. 44). Позднее через эти земли пролегла на Русь Ногайская дорога, которая тянулась от Самарской Луки по водоразделу бассейнов Оки и Дона вплоть до Шацка, Темникова, Ряжска, Пронска и Рязани (Егоров, 1985. С. 182; Загоровский, 1969. С. 58). Тем же путем шел на Русь, вероятно, и Бегич к Воже в 1378 г. (Челяпов, 2004. С. 204), и Мамай к Переяславлю в том же году (ПСРЛ. Т. XI. С. 42–43). Продолжались набеги на рязанские земли и после Куликовской битвы 1380 г. Летописи отмечают набеги 1387, 1388, 1391 (2 раза), 1393, 1400, 1402, 1405, 1408, 1411, 1425, 1437, 1438, 1442, 1443, 1444, 1460, 1468 гг. (см.: ПСРЛ. Т. XI, XII). По подсчетам А.А. Астайкина, наибольшая активность татарских набегов на Рязанские земли падает на период 1437–1460 гг. (Астайкин, 1996. С. 553).

Результатом татарской активности в этом районе и стало, вероятно, первоначально смена направлений колонизации – освоение более защищенных лесных участков микрорегиона, а позднее, в конце XIV – начале XV в., и почти полное запустение земель к югу от Прони. Тогда же сходные процессы шли и в Подонье (Гоняный, 1993). Одновременно с будущей Ногайской сакмой активно начинает использоваться и другая дорога на Русь – вдоль правого берега Дона. Впервые летописи отмечают появление татарских отрядов на этом направлении в 1348 г., когда был сожжен Алексин (ПСРЛ. Т. X. С. 220), тем же путем шли на Русь Тохтамыш в 1382 г, Тимур в 1395 г. и татары в 1414 гг. Активизация степняков на этом направлении на рубеже XIV–XV вв. стала причиной гибели Елецкого княжества (Тропин, 1999. С. 111).

Факт запустения лесостепных окраин Рязанской земли находит отражение в «Хождении митрополита Пимена в Царьград», помещенном в летописи под 1389 г. (ПСРЛ. Т. XI. С. 95–96): «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, –

пишет автор о плавании по Дону, – быше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села...» Вероятно, на рубеже XIV–XV вв. обширное пространство лесостепей от Рановы на востоке до правобережья Дона на западе было в основном оставлено русским населением.

Неблагоприятный период в истории микрорегиона смогли пережить немногие поселения. Материалы XV в. надежно фиксируются только на двух памятниках– на месте будущего Ряжска на р. Хупте и на селище Приянки I на р. Ранове. Возможно, их жизнь поддерживалась существованием торгового пути из Руси в Причерноморье, проходившего по Проне, Ранове и Хупте к переволоке в бассейн Дона (Челяпов, Иванов, 2001. С. 61). Его существование отмечено в наказе 1502 г, о котором уже упоминалось выше. Новый этап в освоении междуречья Прони и Рановы был уже связан с продвижением на юг засеченых черт Русского государства в XVI в. Дожили ли названные поселения до этого времени, сказать трудно. Для этого данных еще не достаточно.

Тем не менее, судя по письменным источникам, какое-то население в XV – начале XVI в. в микрорегионе сохранялось. Документы этого времени (упомянутые жалованные грамоты 1497 и 1522 гг.) отмечают наличие здесь вотчин бояр Вердеревских (следует добавить, что на поселениях в верховьях Моши, примыкавших к владениям Вердеревских, встречены отдельные фрагменты керамики XV в.), да и само совпадение территории ополья с будущим Пехлецким станом Рязанского уезда может быть косвенным свидетельством сохранения данной территории в структуре Рязанского княжества.

Упоминаемые в документах эпохи независимости Рязанского княжества каменский, рязанский волостели (и, соответственно, административные образования того же уровня) находят аналогии в названиях будущих станов – Каменского и Старорязанского. Предшественником Пехлецкого стана с центром в Ряжске, была, вероятно, территория, находившаяся под управлением толпинского волостеля, а крупнейшее поселение микрорегиона – на месте Толпинского городища – его центром. Отдельные группы поселений, рассмотренные в статье, таким образом, выступали сельскими общинами этой Толпинской волости.

Архивные материалы и источники

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. (АСЭИ). Т. III. М., 1964.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. VI.

Морозов Б.Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского Архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1987.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 1961.; Т. 7. СПб., 1856–1859.;. Т. XXI. Ч. 2. 1913; Т. IX–XII.

Писцовые книги Рязанского края (ПКРК). Рязань, 1898. Т. I. Вып. 1; Рязань, 1996.

Выписка в Разряде о построении новых городов и черты 1681 // Известия ТУАК. Тамбов, 1892. Вып. XXXIII.

Археологическая карта России. Рязанская область. Ч. 1–3. М., 1993, 1994, 1996.

Барышев И.Б. Отчет о разведках на территории Ряжского района Рязанской области в 1983 году // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 10091, 10091а.

Барышев И.Б. Отчет о разведках на территории Ряжского и Кораблинского районов Рязанской области в 1985 году // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10844, 10844а

Барышев И.Б. Отчет о разведках на территории Ряжского района Рязанской области в 1986 году // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 16916.

Барышев И.Б. Отчет об археологических разведках на территории Рыбновского и Ряжского районов Рязанской области в 1999 году // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. №№ 22375, 22376.

Буланкин В.М. Отчет об археологических разведках на территории Ряжского, Шацкого и Ермишинского районов Рязанской области в 1992 году. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17006.

Иванов Д.А. 1999. Отчет об археологических разведках в Спасском и Ряжском районах Рязанской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22550, 22551.

Иванов Д.А. Отчет об археологических разведках в Кораблинском районе Рязанской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2002.
Макаров М.М. Отчет об археологическом обследовании Пронского и Старожиловского районов Рязанской области в 1978 году // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 7081, 7081а.
Стогов В.Е. Отчет об археологических разведках в Рязанской области в Спасском, Старожиловском, Кораблинском районах // Архив ИА РАН. Р-1. № 6592, 6592а.
Стрикалов И.Ю. Отчет об археологических разведках на территории Ряжского района Рязанской области в 1989 году // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 14680, 14681.
Стрикалов И.Ю. Отчет о работах в Кораблинском районе Рязанской области в 1990 году // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15930.
Стрикалов И.Ю. Отчет о разведках в Кораблинском районе Рязанской области в 1991 году // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 16176.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Ряжском районе Рязанской области в 1984 году // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 10607, 10607а.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Ряжском районе Рязанской области в 1984 году // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 11066, 11066а.
Третьяков М.Ф. Отчет об археологических разведках в Ряжском районе Рязанской области в 1986 году // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 10607, 10607а.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Ряжском районе Рязанской области в 1987 году // Архив ИА РАН. 1987. Р-1. № 14964.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Милославском, Ряжском и Скопинском районах Рязанской области в 1988 году // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 12711, 12712.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Скопинском, Ухоловском иРяжском районах Рязанской области в 1989 году // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 13466, 13467.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Скопинском и Милославском районах Рязанской области в 1990 году // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15910, 15911.
Третьяков М.Ф. Отчет о разведках в Скопинском районе Рязанской области в 1992 году // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17105, 17106.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1977 году // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6805, 6805а.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанского и Кораблинского районов Рязанской области в 1982 году // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 8982, 8982а.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Кораблинского, Рязанского, Старожиловского и сасовского районов Рязанской области в 1983 году // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 10768, 10768а.
Челяпов В.П. Отчет о разведках в Шацком, Рязанском, Скопинском, Новодеревенском районах Рязанской области в 1988 году // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 13376, 13377, 13378.
Челяпов В.П. Отчет о разведках в Шацком, Скопинском, Спасском, Новодеревенском, Ряжском и Сапожковском районах Рязанской области в 1989 году // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 14987.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1991 году // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. № 16883, 16884, 16885.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1994 году // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. № 18698, 18699.
Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 году // Архив ИА РАН. 2001.
Челяпов В.П. Отчет о раскопках поселения Городок I в Ряжском районе Рязанской области в 2002 году // Архив ИА РАН. 2003.
Челяпов В.П. Отчет о разведках в Кораблинском и Ряжском районах Рязанской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. 2004.
Почвенная карта Рязанской области. Рязань, 1986.

Литература

Андреев С.И. Древнерусское селище Никольское I в верховьях р. Цны // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.
Астайкин А.А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь // Арабески истории. Русский разлив. М., 1996. Т. 1.
Баранович М. Историческое исследование о древних могилах, курганах, городищах, развалинах и пр. и о связанных с ними народных преданиях и местных сказаниях // Материалы для географии и статистики России: Рязанская губерния. СПб., 1860.

Буланкин В.М. Система оборонительных сооружений от «Поля» в XII–XVII веках // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.
Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
Гоняный М.И. К вопросу о динамике заселения района Куликова поля древнерусским населением в XII–XIV вв. // Археология и история юго-востока Древней Руси (материалы конференции). Воронеж, 1993.
Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Труды Музея истории г. Москвы. М., 2000. Вып. 10.
Кузьмин А.В. Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. // Первые Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 2001.
Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1961.
Милонов Н.П. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. Рязань, 1949.
Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1902. Т. 2. С. 294.
Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
Селезнев Ю.В. Отношения Рязанского великого княжества и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV в. (1382–1434 гг.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002.Т. 3.
Стрикалов И.Ю. Новые данные по истории южной окраины Рязанской земли в XII–XVII вв. // Провинциальная культура и культура провинции: Материалы конференции «Роль Российской провинции в защите Отечества». Кострома, 1995. Ч. 3.
Стрикалов И.Ю. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика поселений XII–XIV вв. междуречья Прони и Рановы // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 1.
Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М, 2003.
Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.
Челяпов В.П. Памятники археологии Кораблинского района. Рязань, 1993.
Челяпов В.П. Проблема определения места поля Вожской битвы // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.
Челяпов В. П, Иванов Д.А. Археологические памятники XII–XIV вв. в бассейне реки Рановы // Первые Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 2001.
Челяпов В. П, Иванов Д.А. Археологическое обследование г. Ряжска в 2000 году // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3.
Челяпов В. П, Иванов Д.А. Комплекс материалов древнерусского времени с поселения Городок I на р. Ранове // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья/ Материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2003.
Челяпов В.П., Судаков В.В. Новые данные о локализации летописной Нузлы (Онузы) // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1997. Вып. 1.
Челяпов В.П., Судаков В.В. Памятники XII–XIV вв. на юго-западе Рязанской области // Материалы международной научной конференции, посвященной 850-летию г. Ельца. Елец, 1998.
Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Евразийская лесостепь в эпоху металла / Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.

М.И. Гоняный

Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле

На протяжении последних 25 лет пристальное внимание уделяется поиску и изучению древнерусских археологических памятников в низовьях р. Мокрая Табола (Кимовский район Тульской области). Предлагаемый для рассмотрения участок площадью более 150 кв. км, охватывающий долину реки Мокрая Табола и прилегающие водораздельные территории, ограниченные на севере течением р. Сизовка, на юге р. Дон и р. Сухая Табола, выбран не случайно (рис. 1А, 11А, 12А, 17А). Благоприятные ландшафтные условия расположения, развитая гидросеть, высокая степень залесенности в древности способствовали его заселению и хозяйственному освоению в древнерусское время.

Комплексные междисциплинарные исследования проводятся научным коллективом историков, археологов, палеогеографов, геофизиков из ГИМ, ГВИ и ПМЗ «Куликово поле», ИГ РАН, МГУ в рамках программы «Древнерусские археологические памятники XII–XIV вв. района Куликова поля на Верхнем Дону» (рук. М.И. Гоняный). Работы нацелены на изучение историко-природных процессов, происходящих на протяжении более чем 150 лет (конец XII – 3-я четверть XIV в.) в бассейне р. Мокрая Табола. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

– изучение истории заселения и хозяйственного освоения древнерусским населением низовьев р. Мокрая Табола;

– определение времени начала и направления заселения региона, причин его запустения, установление основных черт расселенческой структуры, степени заселенности края, ее динамики, как в домонгольское, так и в золотоордынское время;

– рассмотрение вопросов, связанных с почвенно-геоморфическим расположением археологических памятников;

– изучение материальной культуры древнерусского населения рассматриваемой территории с целью датировки памятников.

История археологического изучения региона более чем скромная. Первым исследователем, который упоминает о наличии на берегу р. Мокрая Табола древнего городища, является тульский историк И.П. Сахаров. В своем сочинении по истории Тульского края он касается городища у д. Красное, в приходе с. Суханово и называет его Дороженъ (Сахаров, 1851. С. 17).

В 1978 г., в связи с составлением свода памятников истории и культуры, В.Г. Мироновой было обследовано городище у д. Красное (рис. 1А, *25*). Памятник был датирован XVI–XVII вв. и отнесен к системе укреплений засечной черты (Миронова, 1978. Л. 9, 10). В 1980 г. Тульской археологической экспедицией ГИМ под руководством Н.В. Тухтиной на городище у д. Красное произведена шурфовка (12 кв. м), зафиксирована зона разрушения юго-западной части крепости, образо-

вавшаяся в результате разработки карьера. На основании маловыразительного керамического материала городище было датировано XIV–XV вв. (Тухтина, 1980. Л. 6–8; 1981. С. 85).

Древнерусское городище у д. Устье открыто В. Г. Мироновой в 1980 г. (рис. 1А, *40*). Памятник ошибочно был датирован серединой I тыс. н.э. (Миронова, 1980. Л. 24).

В 1983 г. Б.А. Фоломеевым к северу от городища было выявлено древнерусское селище Устье 2. На памятнике собран подъемный материал, проведена шурфовка, снят инструментальный топографический план (Фоломеев, 1983. Л. 23).

Практически полное отсутствие информации о наличии археологических памятников древнерусского времени определило направление исследований: с одной стороны разработку методики сплошного многократного обследования территории с целью выявления и первичного изучения памятников археологии, с другой – выбор и комплексное междисциплинарное исследование опорных памятников.

В процессе разведочного этапа работ визуально осматривались распаханные и шурфовались задернованные долинные и водораздельные участки (не менее трех раз). На выявленных памятниках собирался подъемный материал, в 13 случаях планшетный с использованием детекторов металла (Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 228). С целью изучения микрорельефа на всех памятниках проводилась инструментальная топографическая съемка. На 12 – магнито- и электроразведочные исследования. По результатам геофизических работ на 9 археологических памятниках проведены раскопки широкой площадью (рис. 1А, *19, 34. 40;*17А, *8, 15, 26, 27, 30, 31*).

На рассматриваемой территории к настоящему времени нам удалось зафиксировать 62 древнерусских памятника конца XII – 3-й четверти XIV в. По степени изученности и информативности их можно разделить на 4 группы.

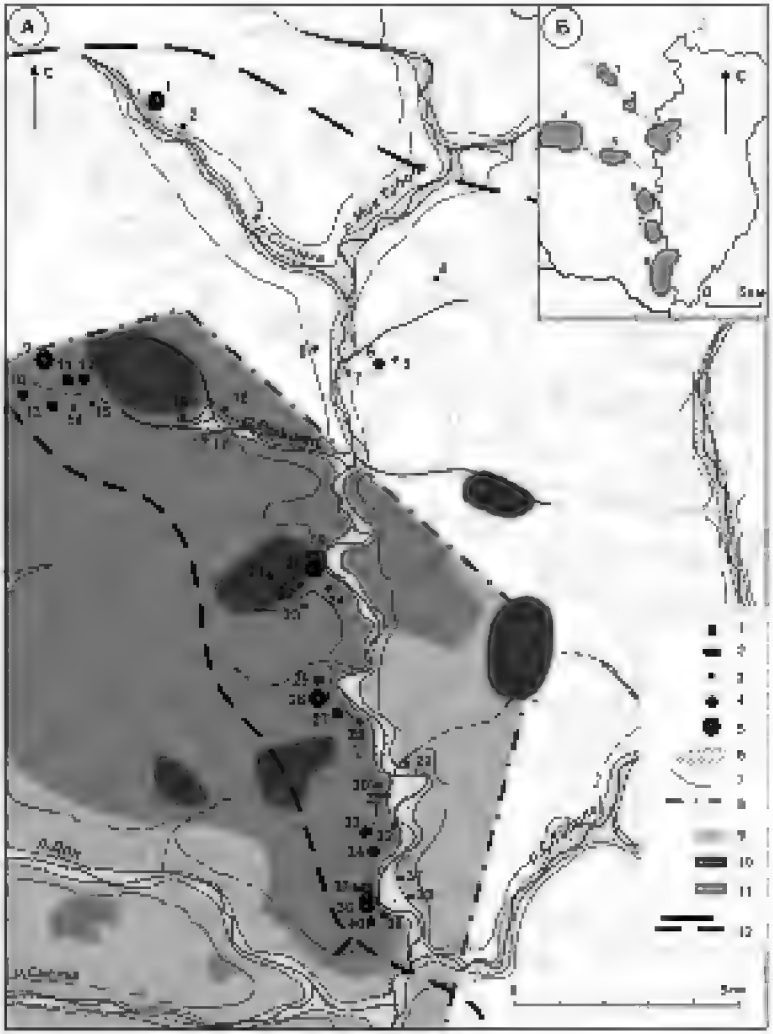
К первой правомерно относить комплексно исследованные, раскопанные полностью или широкой площадью селища, городища и грунтовые могильники (14,5%). Во вторую группу можно включать памятники, исследованные раскопками на небольшой площади, частично или полностью обследованные геофизическими и палеогеографическими методами (14,5%). Третья группа объединяет малоизученные археологические объекты, когда определена их площадь, планировка, датировка, произведены шурфовка и топографические работы (58%). Недавно выявленные, неизученные памятники (13%) составляют четвертую группу.

Первые две группы включают 18 археологических объектов, что составляет почти треть от всех выявленных. Нам представляется, что можно говорить о значительной изученности древнерусских памятников региона. Особую роль для повышения информативности источников 3-й и 4-й групп, объектов разрушенных, расположенных в местах, где невозможен полный комплекс междисциплинарных исследований, играют всесторонне исследованные опорные памятники.

Исторический ландшафт низовьев р. Мокрая Табола был более разнообразен, чем современный, в основном по характеру растительного покрова и отчасти по свойствам и плодородию почв. По данным палеопочвенных исследований, на этой территории в древности располагались большие лесные массивы, чередовавшиеся с открытыми земельными участками, которые могли использоваться под пашню. Именно здесь выявлена значительная часть древнерусских памятников, как предмонгольского, так и золотоордынского времени (рис. 1А).

---

* Благодарю за помощь в компьютерном оформлении используемых в статье картографических материалов и топграфических планов памятников М.П. Гласко (ИГРАН) и И.Г. Вальдовскую (ГИМ)



Условные обозначения:
1 – городища; *2* – грунтовые могильники; *3* – селища площадью до 1 га; *4* – селища площадью до 2 га; *5* – селища площадью более 2 га; *6* – пойма; *7* – долина реки; *8* – граница территории реконструированного ландшафта; *9* – степь; *10* – современные леса; *11* – леса, реконструированные по почвам; *12* – дороги, существовавшие в древнерусское время

Рис. 1. А. Карта расположения древнерусских археологических памятников конца XII – середины XIII вв. в бассейне нижнего течения р. Мокрая Табола:

1 – поселение Барановка 2; *2* – поселение Барановка 1; *3* – поселение Барановские Выселки 3; *4* – поселение Бучалки 7; *5* – поселение Бучалки 2; *6* – поселение Бучалки 1; *7* – поселение Бучалки 8; *8* – поселение Бучалки 9; *9* – поселение Астапово 2; *10* – поселение Астапово 1; *11* – поселение Федоровка 2; *12* – поселение Федоровка 1; *13* – поселение Федоровка 5; *14* – поселение Федоровка 4; *15* – поселение Федоровка 3; *16* – поселение Вединец 4; *17* – поселение Вединец Ia; *18* – поселение Вединец 3; 19 – грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки; 20 – поселение Исаковские Выселки 1; 21 – поселение Красное 5; *22* – поселение Красное 4; *23* – поселение Красное 2; *24* – поселение Красное 1; *25* – городище у д. Красное (Пустое Красное городище); *26* – поселение Себино 2; *27* – поселение Себино 3; *28* – поселение Себино 4; *29* – поселение Себино 6; 30 – поселение Себино 7; *31* – поселение Себино 8; *32* – поселение Колесовка 4; *33* – поселение Колесовка 2; *34* – поселение Колесовка 1; 35 – грунтовый могильник у д. Устье; *36* – поселение Устье 2; *37* – поселение Колесовка 5; *38* – поселение Колесовка 6; *39* – поселение Устье 1а; *40* – городище у д. Устье (Чичино городище)

Б. Схема расположения гнезд древнерусских археологических памятников домонгольского времени в низовьях р. Мокрая Табола:

1 – д. Барановка; *2* – д. Барановские Выселки (отд. памятник); *3* – с. Бучалки; *4* – дд. Астапово – Федоровка; *5* – р. Вединец; *6* – дд. Исаковские Выселки – Красное; *7* – с. Себино; *8* – д. Устье

Долина р. Мокрая Табола имеет асимметричное строение, наблюдается чередование узких и расширенных участков с разной выраженностью и развитием надпойменных террас. В результате комплексных археолого-географических исследований установлено два типа заселения территории: долинный (приречный) и водораздельный, намечены их характерные черты и особенности.

Наиболее привлекательны для первопоселенцев, осваивавших рассматриваемый регион, были речные долины. Здесь был разнообразен ландшафт, представленный сочетанием склонового степного (левый берег реки, разрезанный проточными и суходольными балками, рис. 1А) и склонового лесного, пойменно-лугового и пойменно-лесного, а также речного типов.

В долине располагалось 26 памятников относящихся по типологии, предложенной В. В. Седовым, к приречному типу заселения (Седов, 1960. С. 9).

Для хозяйственного освоения наиболее пригодными были широкие участки с хорошо развитыми низкими обширными надпойменными террасами, имеющими пологие склоны (рис. 1А, *24, 27–29, 31–34*). Распашке, скорее всего, подвергались пойма и надпойменные террасы. По-видимому, распахивались террасы и придонные водораздельные остепненные склоны левого берега р. Мокрая Табола. Эта территория сложена черноземными почвами, более плодородными, чем на правобережье, где преобладали серые лесные почвы (рис. 1А).

Для заселения удобным являлся залесенный правый берег. Именно леса могли быть одним из необходимых условий для существования поселений в степной зоне, являясь укрытием от набегов степняков. Лесной ландшафт, по-видимому, был необходим древнерусскому населению в лесостепи и для сохранения традиционных форм ведения хозяйства.

Древнерусские городища, селища и грунтовые могильники предмонгольского времени (конец XII – середина XIII в.) зафиксированы преимущественно на правобережье р. Мокрая Табола, включая и водораздельные территории. Три поселения выявлены в долине левого берега р. Сизовки (рис. 1А, *1–3*), 7 селищ тяготеют к истокам р. Вединец (рис. 1А, *9–15*), 3 – к средней части этой же проточной балки (рис. 1А, *16–18*), 3 селища обнаружены на пологих склонах безымянной проточной балки у с. Бучалки (рис. 1А, *4–6*), 3 поселения привязаны к прибровочным частям в настоящее время суходольной балки у д. Красное (рис. 1А, *21–23*). 21 памятник занимает различные долинные уровни р. Мокрая Табола. (рис. 1А).

Основное количество памятников в долине р. Мокрая Табола сосредоточено на первой надпойменной террасе (рис. 1А, *7, 8, 24, 29, 31–34, 37, 38*). Как правило, заселялась ее поверхность, представленная длинными пологими склонами, иногда переходящими в пойму, и расчлененная овражно-балочной сетью. Поселения располагаются преимущественно в прибровочной части террасы с крутым уступом, реже занимают несколько элементов первой надпойменной террасы (слабо наклоненную поверхность, относительно пологий уступ и бровку). Высотное положение памятников на первой террасе от 5–6м до 10–12 м.

В пойме зафиксировано всего два селища – Себино 4 и Устье 1а (рис. 1А, *28, 39*). Они располагаются на участках высокой поймы (4–5 м). На второй надпойменной террасе известны два памятника: грунтовый могильник 1 у д. Исаковские выселки и селище Себино 7 (рис. 1А, *19, 30*). Их высотные отметки достигают 15–20 м.

К коренным бортам долины тяготеют 5 памятников. Это городище у д. Красное (Пустое Красное городище), примыкающее к нему селище Себино 2 (рис. 1А, *25, 26*) и городище Устье (Чичино) с посадом (селище Устье 2) и грунтовым могильником (рис. 1А, *35, 36. 40*). Их высота над урезом воды 40–45м.

Два селища занимают несколько элементов рельефа. Поселение Себино 3 сосредоточено на пологом склоне 1 и 2 террас, плавно переходящих в пойму реки

(рис. 1А, *27*; 4Б), а селище Исаковские Выселки 1 приурочено к пологому коренному склону и второй террасе (рис. 1А, *20*; 2).

Важно заметить, что рассмотренные памятники находятся достаточно близко к руслу реки, не далее 150 м.

Преобладающее положение селищ на низких отметках долины свидетельствует об особой привлекательности природных условий этих участков рельефа для обитания и хозяйственной деятельности человека.

К водораздельному типу заселения бассейна р. Мокрая Табола можно отнести 19 неукрепленных сельских поселений конца XII – 1-й половины XIII в., расположенных вдоль бортов балок и по берегам малых рек (рис. 1А, *1–6, 9–18, 21–23*). Расчлененность территории водоразделов овражно-балочной сетью придает рельефу холмисто-увалистый характер. Врез балок в древности отличался от современного: он был более глубоким, бровки положе и располагались несколько выше по склону.

В ландшафтном отношении водораздельные залесенные территории рассматриваемого участка в предмонгольское время значительно отличались от современных, совершенно безлесных (рис. 1А). С другой стороны, наличие незалесенных высокоплодородных черноземных участков на левобережье р. Мокрая Табола создавало благоприятные условия для их распашки.

Наиболее заселяемыми были верховья и средние части балок. Близкое стояние грунтовых вод, многочисленные родники в верховьях балок способствовали созданию искусственных водоемов, необходимых для освоения водораздельных территорий.

В предмонгольский период на изучаемой территории в верховьях балок и малых рек известно 10 неукрепленных поселений. Все они расположены на пологих прибалочных склонах (рис. 1А, *1, 2, 4, 9–15*). Замечено, что они тяготеют к древним сухопутным дорогам, сведения о существовании которых имеются в писцовых материалах, картах Петровских геодезистов и Генерального межевания, а также в других источниках. Установлено, что памятники, располагающиеся вдоль дорог и их маркирующие, в условиях повышенной опасности со стороны степняков в серединеXIII в. исчезают.

В средних частях и низовьях балок выявлено 9 селищ домонгольского времени (рис. 1А, *3, 5, 6, 16–18, 21–23*). Они приурочены к прибалочным частям водораздельных склонов. Некоторые из них продолжают существовать и в золотоордынское время, например, селища Красное 4, 5 (рис. 1А, *21, 22*; 17А, *20, 21*).

Важной задачей в изучении сельских памятников является определение их размеров и планировочной организации. Методика определения границ поселений, разработанная еще в 1950-х годах В.В. Седовым (Седов, 1960. С. 17), широко применялась в наших работах. Результаты геофизической разведки, используемой для уточнения как границ памятников, так и определения контуров отдельных крестьянских дворов, производственных комплексов, а также планшетный сбор подъемного материала с применением детекторов металла, позволили достаточно обоснованно подойти к определению площадных и планировочных характеристик древнерусских памятников региона.

По площади распространения подъемного материала и культурного слоя выделяется пять групп поселений.

К первой относятся памятники площадью 0,04–0,07 га. На подобной территории могло располагаться не более одного двора. Возможно, что некоторые селища (4 памятника, 11,1%) данной группы имели, например, сельскохозяйственный и промысловый нежилой характер (овин, гумно) или сезонный, типа летников (Бучалки 7 – площадь 0,05 га; Федоровка 3 – 0,06 га), рис. 1А, *4, 15*.

Вторая группа, наиболее многочисленная (14 памятников, 38, 9%), объединяет малодворные селища площадью 0,1–0,4 га, включающие 1–2, реже 3 двора (Бучалки 2, Бучалки 9, Веденец 1а, Себино 6 и т.д.) (Рис. 1А, *5, 8, 17, 29*).

Под условным термином «двор» мы подразумеваем участок культурного слоя площадью 0,05–0,2 га, четко выделяемый на поселении концентрацией различных культурных остатков и наличием вокруг себя территории, не содержащей археологических материалов.

Более крупные селища (третья группа) площадью 0, 4–0, 8 га (5 памятников, 13, 9%) могли включать 3–5 дворов (поселения Вединец 4, Красное 4, 5). Рис. 1А, *16, 21, 22*; 2; 3.

В четвертую группу входят селища, имеющие площадь 2–8 га, они составляют 22, 2%. Это крупные поселения Бучалки 1, Астапово 1, Себино 3, Колесовка 1, 2 и другие (рис. 1А, *6, 10, 27, 33, 34*; 4Б; 6).

К пятой группе (5 селищ, 13, 9%) можно отнести наиболее значительные по площади поселения: Барановка 2 (4,3 га), Астапово 2 (2,5 га), Исаковские Выселки 1 (9,5 га), Себино 2 (3 га), Устье 2 (более 15 га). Рис. 1А, *1, 9, 20, 26, 36*; 2;4Б; 6; 10Б. На территории подобных памятников могло располагаться до нескольких десятков дворов.

Поселения первых двух групп имели, как правило, малодворную (однодворную) застройку. На селищах последующих групп, судя по распространению культурного слоя и подъемного материала, преобладала прибрежно-рядовая застройка, включающая в себя приречно-рядовую и овражно-рядовую. Особенно четко прослеживается рядность дворов на памятниках значительных по площади.

На селищах площадью 4–9 и более гектаров, имеющих ширину 100 и более метров, крестьянские дворы могли располагаться в два ряда.

Проанализировав площадные характеристики предмонгольских неукрепленных поселений бассейна низовьев р. Мокрая Табола можно заметить, что половина всех селищ представлена однодворными и малодворными памятниками. К числу малодворных, скорее всего, можно отнести селища, на территории которых располагалось 3–5 дворов (группа 3).

Интересно отметить, что процент малодворных поселений рассматриваемого участка несколько меньше, чем на территории района Куликова в целом, где он составляет 68,8% (Гоняный, 2003. С. 8).

Тенденция к уменьшению площадей сельских неукрепленных поселений в предмонгольское время характерна для многих районов Древней Руси (Фехнер, 1967. С. 278). Этот процесс наблюдается, например, в смоленских землях (Седов, 1960. С. 24), в «земле вятичей» (Никольская, 1981. С. 65), в Белозерском крае (Макаров, 1997. С. 64, 65; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 52–55).

Рассматривая вопрос о социальной принадлежности изучаемых памятников, считаем, что однодворные и малодворные селища правомерно соотносить с починками и деревнями. Крупные поселения могли являться селами и выполнять функции административных центров.

Как правило, небольшие селища (от 2 до 10) группируются вокруг одного или нескольких значительных по площади поселений, образуя гнезда. Подобные скопления различны по площади, занимаемой поселениями, отмечается их неравномерное размещение как в долинах рек, так и на водоразделах, что было связано с особенностями ландшафта в древности. Незаселенные территории отделяли гнезда памятников друг от друга «локализуя» их. Ландшафтный фактор дает возможность проводить членение региона на ареалы сельских общин в территориально-планировочном аспекте (Александровкий, Гоняный, Гласко, 1999. С. 36–45).

В низовьях р. Мокрая Табола удалось локализовать 8 гнезд памятников, хронологически относящихся к концу XII – середине XIII в. Одни из них прекращают свое существование в середине XIII в. (рис. 1Б, *1–5*), другие продолжают жить в золотоордынское время (рис. 11А; Б, *1, 2, 3*). Скорее всего, большинство подобных гнезд памятников с округой можно связывать с землями сельских территориальных общин (Третьяков, 1935. С. 162; Седов, 1960. С. 24, 31; Куза, 1985. С. 97, 101; Тимощук, 1990. С. 72, 79; Буров, 1995. С. 174, 177; Гоняный, Зайцев, Александровский, Гласко, Янович, 1997. С. 127–129, 134; Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 251). Однако отсутствие письменных свидетельств о территориальном делении региона в древнерусское время обязывает относиться к понятию сельская территориальная община с большой осторожностью.

С. З. Чернов, изучая процесс расселения, происходивший в 1-й половине XIII – XIV в. на северо-востоке Подмосковья, связывает вновь возникающие расселенческие структуры с такой новой формой крестьянского землевладения и княжеской административно-податной единицей, как волостная община (Чернов, 1991. С. 127, 128).

Исследуя структуру расселения в районе Белоозера, Н.А. Макаров предлагает дробное, двухступенчатое выделение групп поселений. Говоря об историко-социологической интерпретации гнезд памятников, исследователь указывает на необходимость детального изучения особенностей их ландшафтной приуроченности, хронологического соотношения, близости функциональной направленности поселений (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 124–125).

Учитывая результаты археологических работ и методические подходы, разработанные и используемые предшественниками при изучении проблематики, связанной с расселением на территории Древней Руси, попытаемся проследить динамику заселения и структуру расселения древнерусского населения в низовьях р. Мокрая Табола.

Гнездо поселений у д. Барановка. Долина р. Сизовка (рис. 1А, *1, 2*; 1Б, 1)

Участок, на котором расположена рассматриваемая группа поселений, тяготеет к верховьям р. Сизовка и занимает пологий склон первой надпойменной террасы ее левого берега.

Верхняя и средняя часть долины реки активно изрезана балками. Поселения Барановка 1, 2 приурочены к прибровочной распахиваемой части террасы и занимают территорию протяженностью около 1000 м при ширине до 60 м (АКР, 2002. С. 83). Высота над урезом воды достигает 3–5 м. Селище Барановка 2 разделено слабо выраженной в рельефе балкой на два участка площадью 0,9 и 3,3 га. С северо-запада и юго-востока памятник ограничен суходольными балками. В аналогичных топографических условиях расположено селище Барановка 1. Его площадь 0,9 га. В результате площадного сбора подъемного материала на селищах удалось локализовать 28 участков его концентрации. Скопления находок, расположенные в два ряда вдоль русла реки, указывают на места расположения крестьянских дворов, которые, судя по результатам раскопок на древнерусских селищах района Куликова поля, могли занимать площадь 450–800 кв. м (Гоняный, 1985. Л. 23–32; 1986. Л. 14–21; 1987. Л. 35–45; 1988. Л. 38–53). На территории двора проживала только одна семья, состоящая, как правило, из 4–5 человек (Урланис, 1941. С. 15). Следовательно, население данного гнезда памятников могло насчитывать 110–140 жителей (см. табл.). Рассматриваемая группа памятников прекращает свое существование, видимо, к середине XIII в.

Характеристика заселенности нижнего течения р. Мокрая Табола

Площадь зоны жилой и хозяйственной застройки гнезда памятников	№ на карте (рис. 1Б6 11Б, 12Б, 17Б)	Фактическая площадь зоны жилой и хозяйственной застройки гнезда памятников, кв. м	Условное название гнезда памятников	Количество поселений	Количество дворов	Возможное число жителей (одно поколение)	Возможное число жителей за весь период существования
Конец XII – 1-я половина XIII в.							
До 2 га	5	11000	р. Вединец	3	6	25–30	40–50
До 3 га	3	21050	с. Бучалки	5	10	40–50	70–85
До 6 га	1	50500	д. Барановка	2	28	110–140	185–240
	7	51000	с. Себино	3	30	120–150	200–255
До 11 га	4	102650	дд. Астапово-Федоровка	7	41	160–200	270–340
	6	108900	дд. Исаковские Выселки-Красное	5	40	160–200	270–340
Свыше 20 га	8	203500	д. Устье	10	50	200–250	340–425
Итого		548600	7 гнезд, 1 отдельный памятник	36	207	815–1020	1375–1735
2-я половина XIII – 3-я четверть XIV в. (на поселениях, возникших в 1-й половине XIII в.)							
До 2 га	1	17200	д. Красное	3	11	45–55	180–220
До 3 га	2	22300	с. Себино	2	15	60–75	240–300
Свыше 3 га	3	185000	д. Устье	3	36	140–180	560–900
Итого		224500	3 гнезда	8	62	245–310	980–1420
Конец XIII – 3-я четверть XIV в. (на вновь возникших памятниках)							
До 1 га	5	3200	д. Устье	3	3	12–15	30
	1	18200	д. Барановские Выселки	2	12	50–60	100–120
До 4 га	2	35050	с.Бучалки	4	14	60–70	120–140
	3	84000	р.Вединец	10	21	80–100	160–200
До 10 га	4	99500	дд. Исаковка-Красное	3	32	130–160	260–320
Итого		239950	5 гнезд памятников	22	82	330–400	660–800
Середина XIII – середина XIV в.							
До 3 га	1	18200	с. Барановские Выселки	2	12	50–60	100–120
	5	22300	с. Себино	2	15	60–75	240–300
До 4 га	2	35050	с. Бучалки	4	14	60–70	120–140
До 10 га	3	84000	р. Вединец	10	21	80–100	160–200
Свыше 10 га	4	116700	дд. Исаковка-Красное	6	43	175–215	440–540
	6	188200	д. Устье	6	45	180–225	670–830
Итого		464450	6 гнезд памятников	30	150	605–745	1730–2130

Гнездо поселений у с. Бучалки (рис. 1А, *4–8*; 1Б, 3)

В низовьях проточной безымянной балки, прорезающей левый берег долины р. Мокрая Табола, расположена еще одна группа древнерусских памятников предмонгольского времени. Она включает 5 селищ, четыре из которых однодворные и малодворные (рис. 1А, *4, 5, 7, 8*). Видимо центральным поселением в гнезде является селище Бучалки 1, его площадь достигает 1,3 га (рис. 1А, *6*). Поселения Бучалки 7, 8 приурочены к пологим склонам первой надпойменной террасы долины р. Мокрая Табола, остальные занимают прибровочные участки балки, располагаясь на высоте от 9 до 30 м над ее дном.

Площадь зоны жилой и хозяйственной застройки гнезда памятников достигает немногим более 2 га. На пяти поселениях удалось оконтурить 10 участков, на площади которых могло располагаться 10 крестьянских дворов и проживать на протяжении одного поколения 40–50 человек (см. табл.).

Гнездо памятников в верховьях р. Вединец у д. Астапово-Федоровка (рис. 1А, *9–15*; 1Б, *4*)

Рассматриваемый участок площадью 4 кв. км расположен у истоков р. Вединец. Врез балки в верховьях не глубокий – 3–12 м. Судя по данным детальной почвенной съемки бассейн р. Вединец в древности был залесенным. В настоящее время территория, где выявлено 7 древнерусских поселений домонгольского времени, вся безлесная и распахивается.

Это обстоятельство способствовало поиску памятников, определению их площади, выделению жилых и производственных зон поселений.

Наиболее значительным по площади является селище Астапово 2 (рис. 1А, *9*). Оно занимает пологий левый борт балки, возвышаясь над ее дном на 4–8 м. Подъемный материал концентрируется на участке протяженностью более 600 м при ширине до 40 м. В процессе планшетного сбора находок на памятнике удалось выделить 11 участков площадью от 800 до 1200 кв. м, каждый из которых, с определенной долей вероятности, можно отождествлять с местом расположения крестьянских дворов. Выделенные участки цепочкой располагаются вдоль края балки, что, скорее всего, может указывать на планировку памятника, которую можно рассматривать как овражно-рядовую. На противоположной стороне балки расположено синхронное поселение Астапово 1, имеющее также овражно-рядовую планировку. На его площади (1,4 га) удалось наметить участки нахождения 7 дворов. На селище Федоровка 1, приуроченном к пологому склону отвершка балки Вединец, удалось выделить территории, соответствующие 9 крестьянским дворам. На северной окраине памятника, на площади около 400 кв. м, обнаружено скопление металлургических шлаков, обломков керамических сопел, указывающих на расположение производственной зоны по выплавке кричного железа.

На селищах Федоровка 2, 5, имеющих площадь 1,2 и 1,4 га, судя по концентрации культурного слоя и подъемного материала, могло располагаться 12 крестьянских дворов. Селища Федоровка 3, 4 – однодворные.

Площадь зоны жилой и хозяйственной застройки данного гнезда селищ достигает более 10 га. По нашим предварительным подсчетам на 7 выявленных памятниках мог располагаться 41 двор и соответственно проживать 160–200 жителей.

Столь крупное гнездо памятников возникло поблизости от Старой Данковской дороги (участок поселок Епифань – д. Устье), существующей еще с предмонгольского времени (рис. 1А).

Гнездо поселений у бывшего поселка Шахтерский на р. Вединец (рис. 1А, *16–18*;1Б, *5*)

В средней части р. Вединец в предмонгольское время возникло небольшое гнездо, включающее 3 селища. На этом отрезке балка раздваивается, ее склоны крутые, врез достигает 20–25 м. В древности территория, где найдены поселения, была залесена. Селище Вединец 4 имеет площадь 4400 кв. м. Три участка концентрации находок могут указывать на количество крестьянских дворов на памятнике. Следы двух дворов локализованы на селище Вединец 1а. Планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла позволил относительно точно установить площадь памятника – 5600 кв. м. Керамическая серия, индивидуальные находки, представленные черешковыми ножами, обломком цилиндрического замка, фрагментом литого рубчатого бронзового браслета, свинцовым грузиком, железной наременной накладкой «Т» – образной формы аскизского облика позволяют датировать памятник предмонгольским временем. Третье поселение гнезда – Вединец 3 имеет площадь 1000 кв. м. На его поверхности собрано несколько десятков кусков металлургического шлака. Магниторазведочные исследования выявили на селище несколько аномалий антропогенного характера, которые правомерно связывать с остатками железоделательных горнов и иными следами металлургического производства.

Площадь застройки гнезда достигает 1,1 га. На памятниках этой группы могло располагаться 6 дворов и проживать 25–30 человек (см. табл.). Селища прекращают свое существование к середине XIIIв.

Группа памятников у дд. Исаковские Выселки-Красное. Правобережье р. Мокрая Табола (рис. 1А, *19–24*; 1Б, *6*)

Еще одна группа поселений, возникшая на рубеже XII–XIII столетий, расположена на правом коренном берегу р. Мокрая Табола и по обоим бортам сухой безымянной балки, впадающей в долину реки в 0,7км к западу от д. Красное (рис. 2). Балка прорезает склон водораздела, ее верховье разветвленное, имеет незначительный врез, дно уплощено. Средняя часть и низовья врезаны довольно сильно, увеличивается крутизна бортов.

Современный почвенный покров как в верховьях, так и в низовьях балки в районе поселений сложен черноземами оподзоленными и серыми лесными почвами, что говорит о достаточно плотной залесенности участка в древности. Левобережье р. Мокрая Табола к востоку от гнезда памятников сложено черноземными почвами, благоприятными для распашки. Здесь полностью отсутствуют селища древнерусского времени.

Несомненно, центральным и наиболее значительным по площади (около 9,5 га) является поселение Исаковские Выселки 1, занимающее пологий коренной склон правого берега р. Мокрая Табола (рис. 2). В северной части памятника зафиксировано три отчетливых скопления подъемного материала, расположенных цепью вдоль берега реки. В мысовой части выявлено шесть различных по площади скоплений. По-видимому, данное поселение имело сложную планировку и было застроено достаточно плотно. На протяжении 10 лет в его центральной части раскапывается грунтовой могильник, площадь которого, судя по разбросу человеческих костей, не менее 4 тыс. кв. м (Гоняный, Заидов, 1991. С. 29).

К настоящему времени вскрыта площадь 1912 кв. м, обнаружено 564 погребения, совершенных в неглубоких 0,15–1,3 м могильных ямах, с юго-западной и западной ориентировкой. Деревянные погребальные сооружения сохраняются плохо, поэтому удалось зафиксировать лишь в 29 случаях остатки дощатых гробов, в 54 погребениях следы колод, в 4 – прослежены доски под костями. Только в

21 захоронении (3,7%) встречен погребальный инвентарь, причем лишь в 5 случаях украшения и детали костюма надеты на погребенных, в остальных 16 вещи положены в могилу в качества дара. Полностью отсутствует посуда с напутственной пищей. В центральной части могильника обнаружена округлая в плане площадка диаметром около 12 м (120 кв. м) не занятая погребениями, а вокруг нее зафиксирована наибольшая концентрация могил. Скорее всего, это был наиболее пре-

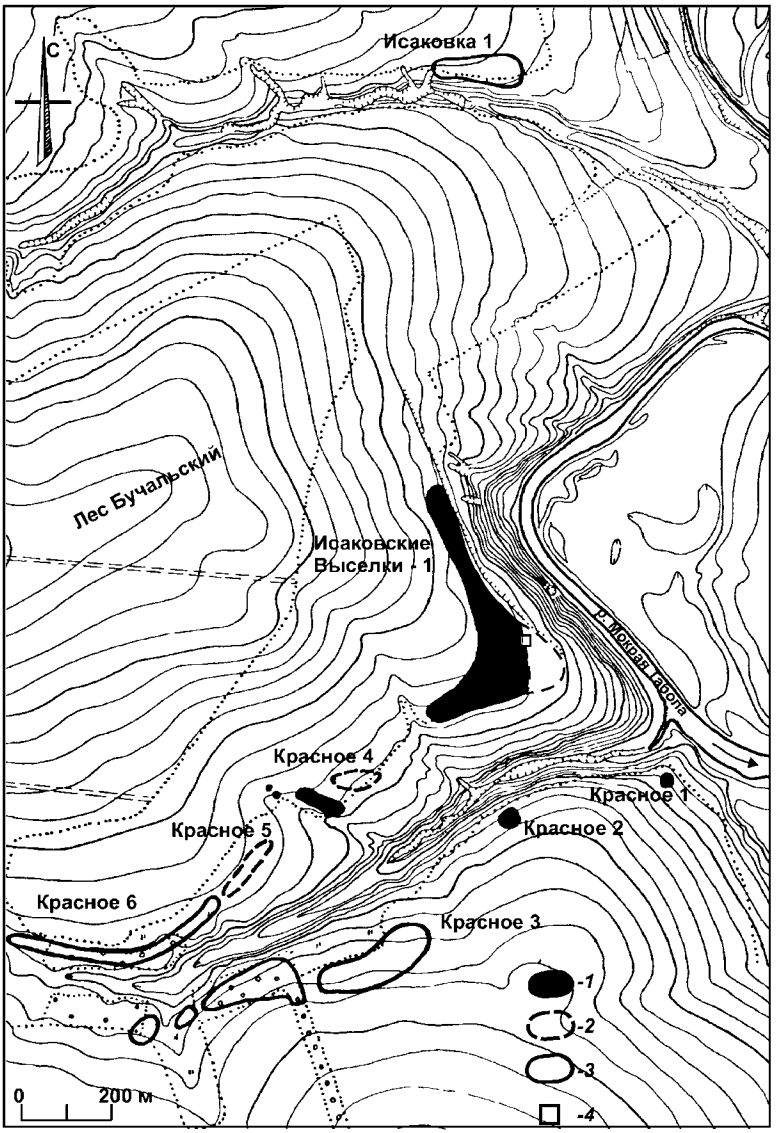


Рис. 2. Схема расположения древнерусских археологических памятников конца XII 3-й четверти XIV в. у д. Исаковские Выселки Красное.

Условные обозначения: 1 – селище конца XII – середины XIII в.; *2* – селище конца XII – 3-й четверти XIV в.; *3* – селище конца XIII – 3-й четверти XIV в.; *4* — могильник конца XII – 3-й четверти XIV в. у д. Исаковские Выселки

стижный участок кладбища, расположенный вокруг культового сооружения. Раскапываемый могильник существовал с конца XII – 3-ю четверть XIV в. и, по-видимому, выполнял функции общинного кладбища, на котором хоронили своих умерших жители рассматриваемого гнезда памятников (Гоняный, Заидов. В печати).

В 0,3 км к юго-западу от описанного памятника обнаружены поселения Красное 4 и Красное 5 (площадь соответственно 0,75 га и 0,42 га), занимающие пологие прибалочные склоны (рис. 3). Их планировка близка к овражно-рядовой. На правом борту балки выявлены два, по-видимому, однодворных поселения – Красное 1, Красное 2 (рис. 2).

Таким образом, рассматриваемое гнездо памятников конца XII – 1-й половины XIII в. имело площадь жилой и хозяйственной застройки около 11 га, где приблизительно могло разместиться 40 крестьянских дворов и проживать около 160–200 жителей (см.табл.).

Гнездо археологических памятников у с. Себино (рис. 1А, *25–28*; 1Б, *7*; 4Б).

В рассматриваемую группу памятников входят городище и три селища, являющиеся его неукрепленным посадом. Памятники занимают участок долины правого берега р. Мокрая Табола протяженностью более 1км и располагаются в различных топографических условиях. Городище у д. Красное (Пустое Красное городище) тяготеет к прибровочной части коренного склона долины, возвышаясь над водой на 39–45 м. Южнее находится синхронное по времени селище Себино 2 (площадь 3 га), занимающее аналогичные топографические условия. Поселение конца XII – XIV в. Себино 3 приурочено к нескольким элементам рельефа: вто-

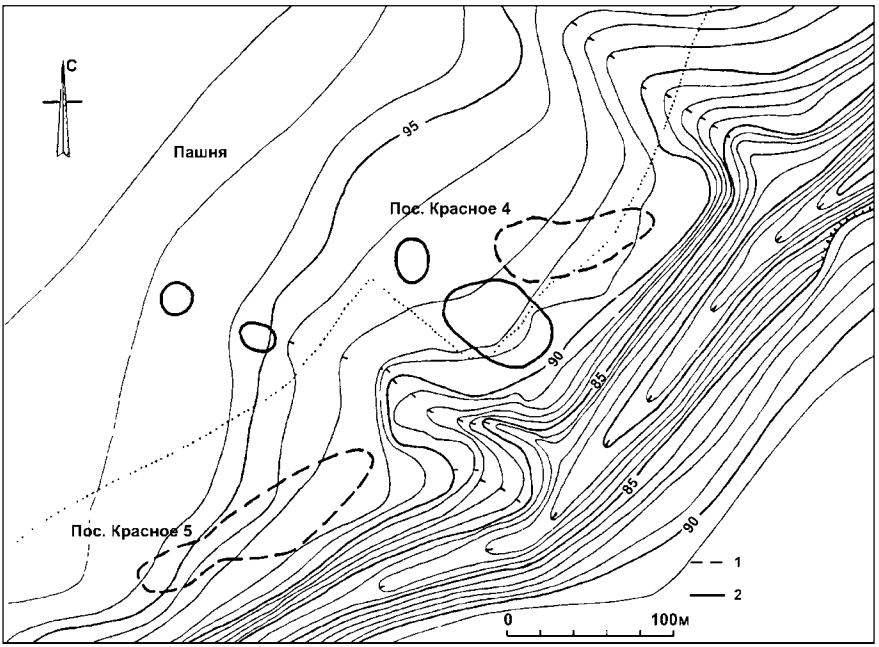


Рис. 3. Топографический план поселений конца XII – 2-й половины XIII в. Красное 4, Красное 5.

Условные обозначения: 1 – граница селища 2-й половины XIII в.; *2* – граница селища конца XII – середины XIII в.

рой и первой надпойменным террасам, а также участку высокой поймы. Однодворное селище Себино 4 зафиксировано в прирусловой части высокой поймы.

Палеопочвенные исследования свидетельствуют о том, что к началу древнерусского этапа заселения правобережная часть рассматриваемого участка долины была залесена и соответственно сложена серыми лесными почвами.

В 1984, 1987, 2000 гг. на археологических памятниках рассматриваемого гнезда были проведены разведочные работы, включающие: сбор подъемного материала, инструментальную топографическую съемку, палеопочвенные и геоморфологические исследования, геофизическую разведку, шурфовку селища Себино 2 (Гоняный, 1984. Л. 9; 1987. Л. 6, 7, 19, 20; 2002. Л. 17, 18).

Городище у д. Красное имеет овальную в плане форму, протяженность площадки с севера на юг 60 м, с запада на восток 46м, уклон поверхности в сторону реки достигает 6м. В древности укрепленная часть имела площадь 0,23 га. В настоящее время южная часть памятника разрушена карьером (рис. 4А).

С юго-западной напольной стороны сохранились остатки вала и рва. В древности вал имел протяженность 92 м. Его максимальная ширина в основании 8–9 м, ширина уплощенной части поверхности гребня достигает 4м, высота 1,5 м. Насыпь

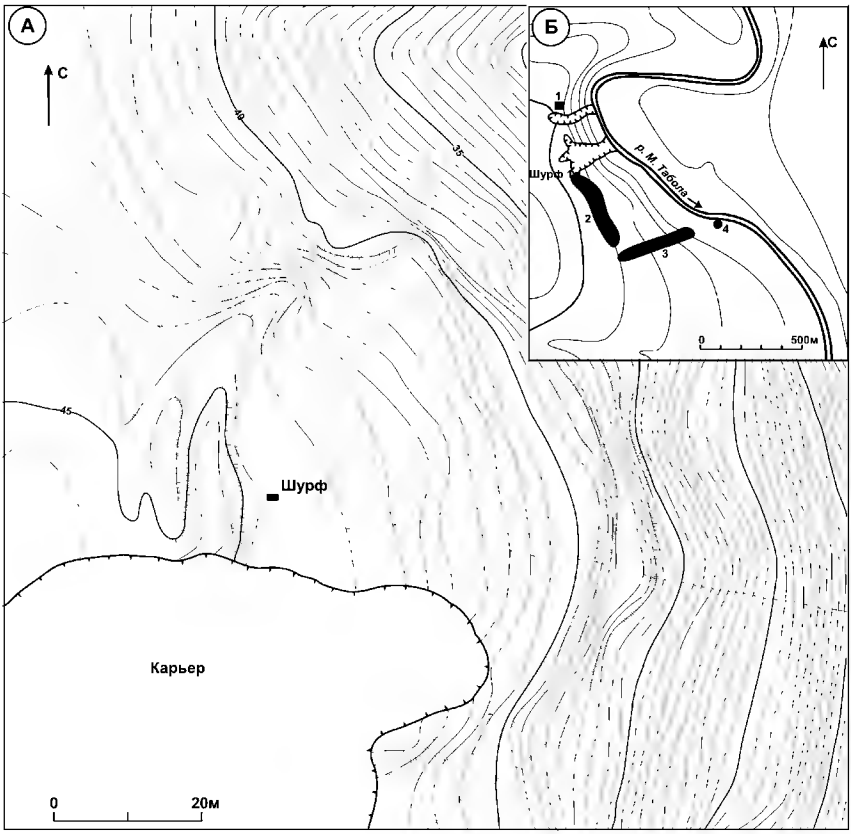


Рис. 4. А. Топографический план городища конца XII – 1-й половины XIII в. у д. Красное.

Б. Гнездо памятников у с. Себино: *1* – городище у д. Красное; *2* – селище Себино 2; *3* – селище Себино 3; *4* – селище Себино 4

вала сложена из суглинка с большим содержанием щебня и охристых включений, и поэтому хорошо сохранила свою первоначальную форму. Ров, шириной 5–6 м и глубиной до 0,7 м, сохранился лишь с западной стороны памятника. С целью некоторого выравнивания территории крепости, а также придания большей крутизны склону, северо-восточная кромка площадки эскарпирована. Почвой, образовавшейся при выполнении эскарпа, подсыпан край площадки городища.

Культурный слой, как правило, выделяющийся по цвету и содержанию, на площадке городища практически отсутствует. Подъемный материал, собранный грабителями с использованием детекторов металла на площадке памятника (рис. 4А), представлен железным бронебойным наконечником стрелы, ножом, шилом, железной пластиной с заклепками, хрустальной бусиной, фрагментом крицы, металлургическими шлаками, мелкими обломками горшков, изготовленных из беложгущейся глины. Геофизическое обследование памятника не выявило каких-либо значительных аномалий антропогенного характера, которые можно было бы связывать с остатками жилых, хозяйственных или оборонительных сооружений. Все это указывает на нежилой характер и кратковременность существования крепости. Скорее всего, городище на начальном этапе освоения лесостепных территорий

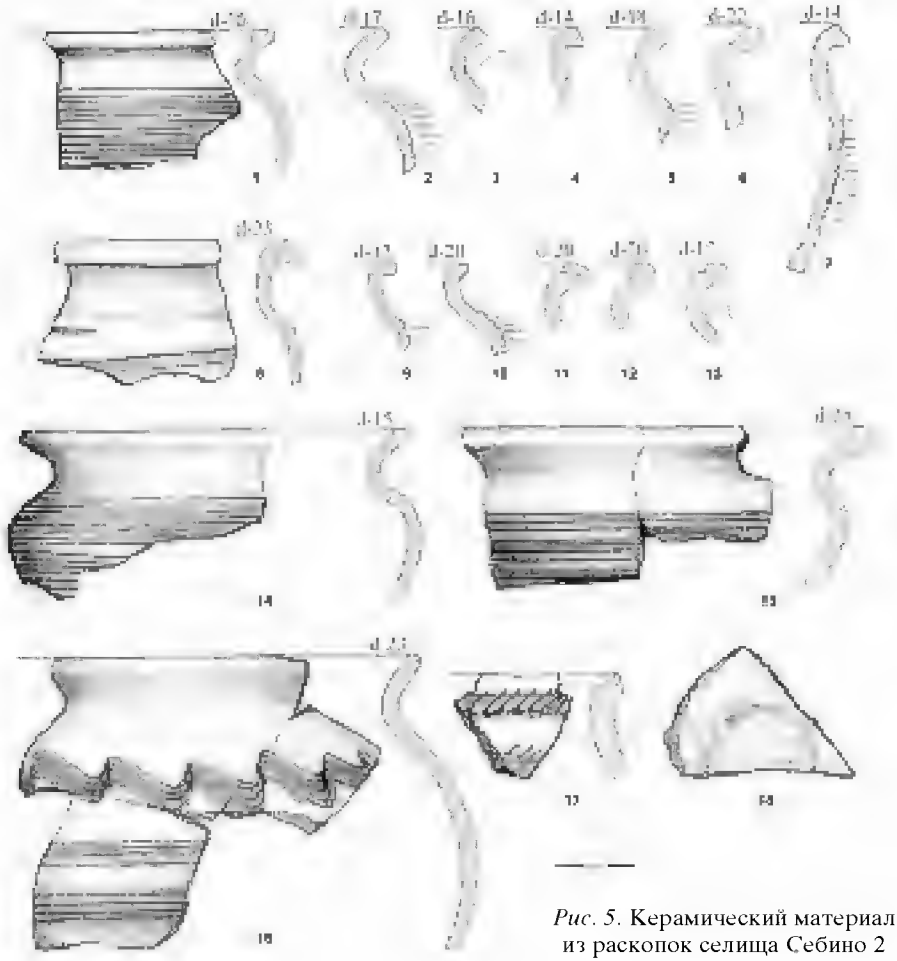


Рис. 5. Керамический материал из раскопок селища Себино 2

выполняло функцию крепости-тверди, своеобразной военной базы, где мог располагаться небольшой военный гарнизон, задачей которого являлась дозорно-сторожевая служба на лесостепном пограничье в верховьях Дона (АКР, 2002. С. 102; Гоняный, 2003. С. 12).

Памятник входил в состав гнезда, площадь жилой и хозяйственной застройки которого составляла более 5 га. Городище контролировало броды на р. Мокрая Табола и древнюю дорогу, ведущую к судоходному участку Дона.

Селище Себино 2, по-видимому, возникло как поселение-спутник поблизости от городища. На нем неоднократно собирался подъемный материал, а в 1987 г. предприняты раскопки небольшого участка, площадью 10кв. м с целью исследования хозяйственной ямы, обнаруженной в обрыве одного из отвершков молодого оврага, прорезающего площадь селища (рис. 4Б).

Яма имела неправильную округло-вытянутую форму размером 2×2,4 м, глубину 0,8 м от дневной поверхности. Она была заполнена темно-серым гумусированным суглинком с включением мелких угольков, кусочков прокаленной глины, керамики. На глубине 0,5 м выявлено зольное пятно размером 0,8×1,2 м. Из находок можно отметить кованый гвоздь-костыль длиной 25 см и обломок стеклянного браслета бирюзового цвета. Интерес представляет керамическая коллекция, включающая 331 фрагмент круговой посуды, изготовленной из беложгущейся глины с примесью мелкого и среднего песка в тесте (рис. 5).

Преобладают обломки горшков, верхняя часть которых имеет эсовидную форму. Венчики в большинстве случаев отогнуты наружу, а черновой край завернут внутрь, образуя желобок для крышки (рис. 5, *1–4, 6, 13–15*). Встречаются венчики, черновой край которых загнут внутрь, образуя округлые утолщения с небольшой бороздкой с внутренней стороны (рис. 5, *11, 12*). Небольшой процент состовляют венчики с черновым краем без утолщений (рис. 5, *10, 16*), а также с краем загнутым наружу в виде козырька (рис. 5, *7–9*) или же имеющим припухлые очертания (рис. 5, *5*). В коллекции присутствуют два фрагмента мискообразных сосудов (рис. 5, *15, 17*) и обломок донца с клеймом (рис. 5, *18*).

Практически все верхние части горшков орнаментированы. Преобладает линейный узор, составляющий 96,2% от числа декорированной, 3,7% – волнистая орнаментация. На одном сосуде нанесен линейно-волнистый узор (рис. 5, *16*). Учитывая, что большинство горшков по краю венчика имеют желобок для крышки, а также линейную орнаментацию по плечику и тулову – признаки, характерные для домонгольской керамики Верхнего Подонья, правомерно датировать раскопанное сооружение концом XII – 1-й половиной XIII в. (Гоняный, Кокорина, Свирина, 1993. 150–159; Гоняный, 2003. С. 17).

На поселениях Себино 3, 4 был собран значительный по объему подъемный керамический материал, позволяющий датировать памятники рубежом XII–XIII – 3-й четвертью XIV в.

Результаты детального сбора подъемного материала позволяют предполагать, что на площади селищ Себино 2–4 в предмонгольское время могло располагаться до 30 крестьянских дворов и ориентировочно проживать 120–150 жителей.

Гнездо дневнерусских памятников в районе устья р. Мокрая Табола (рис. 1А, *29–40*; 1Б, *8*; 6)

Наиболее крупное гнездо памятников находится в приустьевой части р. Мокрая Табола. Оно включает 10 селищ, грунтовой могильник и городище, которые рас-

* Рисунки керамического материала и индивидуальных находок выполнены художником С.И. Вильниной; статистическая и типологическая обработка керамики проведена сотрудником экспедиции А.Б. Свириной.

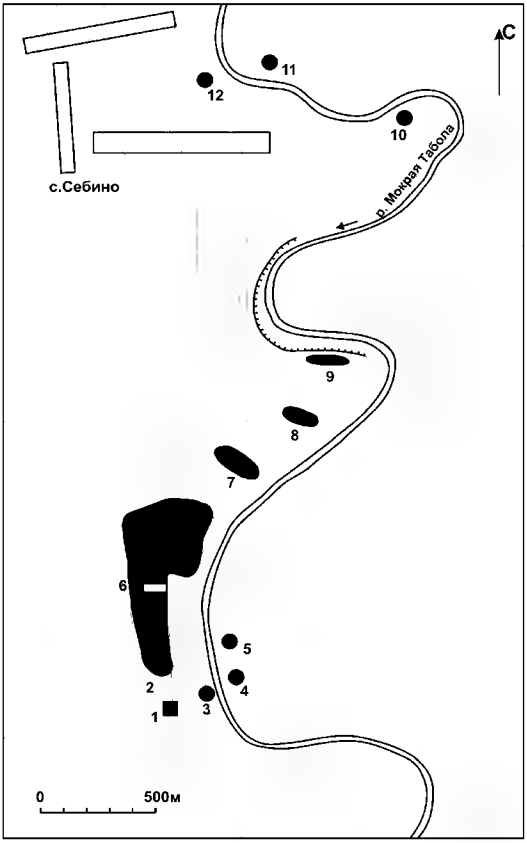


Рис. 6. Гнездо древнерусских археологических памятников домонгольского времени у д. Устье:

1 – городище Устье (Чичино); *2* – селище Устье 2; *3* – селище Устье 1а; *4* – селище Колесовка 6; *5* – селище Колесовка 5; *6* – грунтовый могильник Устье; *7* – селище Колесовка 1; *8* – селище Колесовка 2; *9* – селище Колесовка 4; *10* – селище Себино 8; *11* – селище Себино 6; *12* – селище Себино 7

положены на участке долины протяженностью 4 км.

Приустьевая часть р. Мокрая Табола имеет ассиметричное строение. Чередуются высокие борта долины с развитым террасовым комплексом с пониженными участками рельефа – пологими склонами первых надпойменных террас и поймы. Левобережье низовьев р. Мокрая Табола было в древности безлесным остепненным. Правый берег к моменту освоения был залесенным. Ядро гнезда – городище у д. Устье (Чичино), селище Устье 2 и грунтовой могильник занимают пологий склон коренного правого берега, возвышаясь над урезом воды на 30–40 м (рис. 6, *1, 2, 6*). Селища Колесовка 1, 2, 4–6, Себино 6, 8 (рис. 6, *4, 5, 7–11*) тяготеют к склонам первой надпойменной террасы, возвышаясь над водой на 5–14 м, Себино 7 занимает прибровочную часть второй надпойменной террасы (рис. 6, *12*). Поселение-однодворок Устье 1а, возможно выполняющее какую-то хозяйственную функцию, расположено на участке высокой поймы у подножия городища (рис. 6, *3*).

Поселения Себино 6–8, Колесовка 5, 6 – малодворные, на их территориях прослежены контуры 1–3 крестьянских дворов. На селищах Колесовка 2, 4 выявлена приречно-рядовая планировка, 4–5 скоплений подъемного материала с перерывами 30–40 м вытянуты в цепочку вдоль края террасы или гривообразного останца первой надпойменной террасы. На селище Колесовка 1 жилая часть памятника тяготела, в основном, к бровке левого склона сильно выположенной, в настоящее время, балки. На этом памятнике также угадывается однорядная овражно-рядовая застройка. Юго-западная часть селища носила производственный характер. Геофизическая разведка на площади 3600 кв. м подтвердила наличие металлургического комплекса (руководитель работ М.Я. Кац). Археологические раскопки, проведенные в 1998, 2003 гг. на площади 880 кв. м, выявили остатки гончарной мастерской домонгольского времени и следы металлургического производства XIV в.

Селище Устье 2 является наиболее крупным памятником в низовьях р. Мокрая Табола (рис. 1А, *40*; 6, *2*; 10Б). Его площадь достигает 15 га. Протяженность поселения вдоль берега более 800 м при ширине 150–350 м. Три года на селище соби-

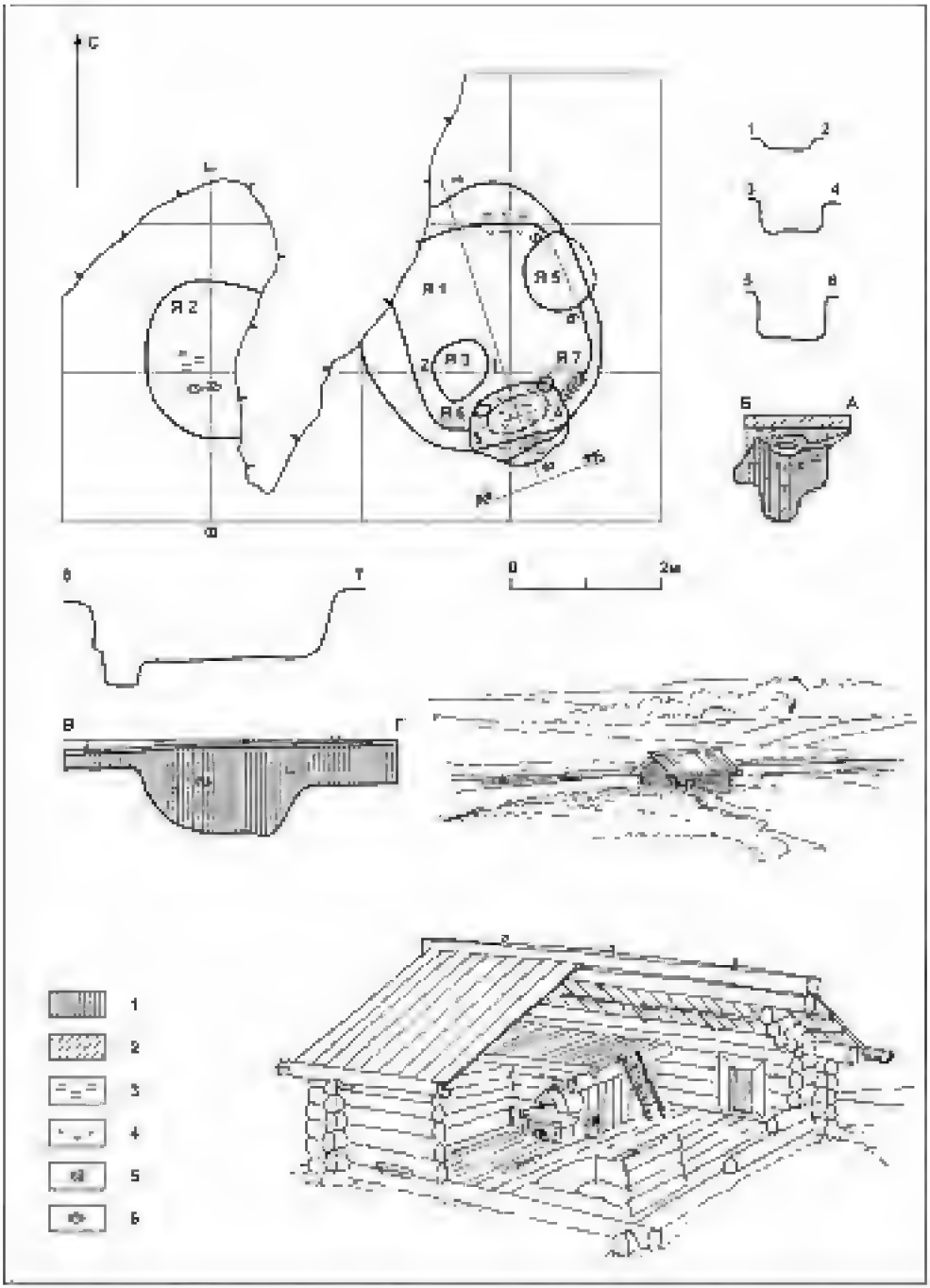


Рис. 7. Жилая постройка домонгольского времени на селище Себино 8.

Условные обозначения: 1 – темно-серый гумусированный суглинок; *2* – темно-серый суглинок; *3* – прокаленная глина; *4* – уголь; *5* – прокаленные камни; *6* – камни без следов прокала

рался подъемный материал с использованием детекторов металла, в результате чего было установлено, что его древнейшая часть практически примыкала к городищу с северо-западной стороны. Находки, характерные для предмонгольского времени, концентрировались на участке 400×140 м. Материалы золотоордынского периода редко встречались на южном участке. Они чаще попадаются в центральной и преобладают в северной части памятника.

В центральной части селища обнаружен грунтовой могильник, площадь которого, ориентировочно, могла достигать 0,5 га (рис. 10А, Б). Раскопы общей площадью 475 кв. м заложены в западной распахиваемой части некрополя (Гоняный, 1987. Л. 23–26; Недошивина, 1988. Л. 1–13)*.

Вскрыто 37 безинвентарных погребений. Лишь в районе головы погребения 1 найден фрагмент бронзового перстнеобразного височного кольца. Отсутствие погребального инвентаря затрудняет датировку раскопанной части могильника. Однако, если учесть нахождение домонгольской керамики в хозяйственных ямах, перекрытых погребениями 22, 23, обнаружение домонгольской наземной, с углубленной подпольной частью, жилой постройки с глинобитной печью в юго-западном углу раскопа, можно предположить, что нами раскопана западная окраина могильника, которая функционировала в золотоордынское время.

Погребения совершались в неглубоких могильных ямах и не читались в материке. Они имели западную, с небольшим отклонением к югу, ориентировку. Руки погребенных, в большинстве своем, покоились на груди или в области живота, что является одним из показателей христианизации погребального обряда (Недошивина, 1971. С. 194, 195). Скорее всего исследованный памятник являлся кладбищем для жителей гнезда поселений, расположенных близ устья р. Мокрая Табола.

Освоение приустьевой части реки, происходившее на рубеже XII–XIII вв., было начато со строительства небольшой крепости – Чичина городища, упоминаемого в документах XVII в. (Фомин, 1999. С. 62). Оно занимает склон левого коренного берега реки, возвышаясь над водой на 20–30 м и имеет округлую в плане форму, размером 30×32 м (рис. 6, *1*; 10Б).

По результатам предварительной геомагнитной разведки был заложен раскоп площадью 470 кв. м, выявивший остатки сгоревших деревянных укреплений, выполненных в различной строительной технике. В северо-восточной части крепости обнаружены следы сгоревшей дубовой стены, основанием которой являлась режевая конструкция, забутованная глиной. В околовальной части сохранились остатки нижних венцов срубной стены, возведенной на подсыпке вала, мощностью 0,2–0,4 м. В восточной части крепости с целью дренажа производилась вымостка поверхности известняковым камнем.

Слабая насыщенность культурного горизонта находками, отсутствие жилых и хозяйственных построек на площадке, говорят о кратковременности существования городища и его нежилом характере. Крепость контролировала броды через р. Мокрая Табола, располагаясь поблизости от Старой Данковской дороги, а также являлась убежищем для первопоселенцев. Она погибла в пожаре, по-видимому, в середине XIII в. и впоследствии не восстанавливалась.

Городище Устье входит в состав наиболее крупного гнезда памятников как в бассейне р. Мокрая Табола, так и районе Куликова поля. Площадь жилой и хозяйственной застройки этой группы поселений превышает 20 га. По нашим предварительным подсчетам на 10 селищах могло располагаться до 50 дворов и соответственно проживать 200–250 человек (см. табл.).

---

* Приношу благодарность Н.Г. Недошивиной за предоставленную возможность использовать в статье неопубликованные материалы раскопок могильника у д. Устье.

Рассмотрев ландшафтные и демографические характеристики 7 гнезд памятников бассейна низовьев р. Мокрая Табола, попытаемся подойти к проблеме изучения заселенности рассматриваемого региона в начальный период его освоения.

По площади зон жилой и хозяйственной застройки намечаются гнезда памятников трех уровней: минимальные по площади, а следовательно по числу жителей (от 1 до 3 га), средние (5-6 га) и максимальные – свыше 10 га (см. табл.).

Гнезда первого уровня (минимальные) включают малодворные поселения, а наиболее крупное, центральное имеет площадь не более 1,3 га. Население подобных объединений не превышало 50 человек.

На территории гнезд второго уровня (средние), помимо малодворных поселений, располагается одно или два поселения, площадь которых 1,5–4 га. Иногда на подобных памятниках встречаются следы гончарных, железоделательных производств (Барановка 2). Подобные гнезда могли объединять до 150 жителей (д. Барановка, с. Себино).

Наиболее крупные памятники (5–9 и более га), с расположенными поблизости малодворными селищами, по площади зон жилой и хозяйственной застройки и со-

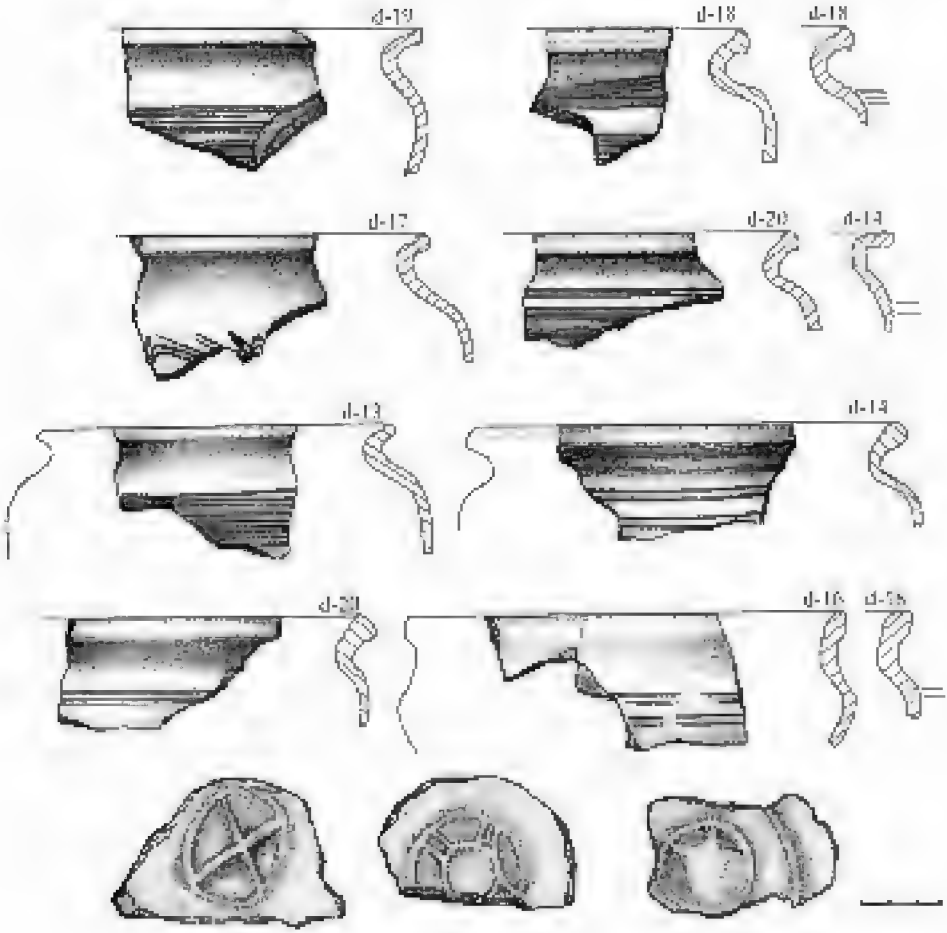


Рис. 8. Белоглиняная круговая керамика конца XII – 1-й половины XIII в., собранная в заполнении жилой постройки на селище Себино 8

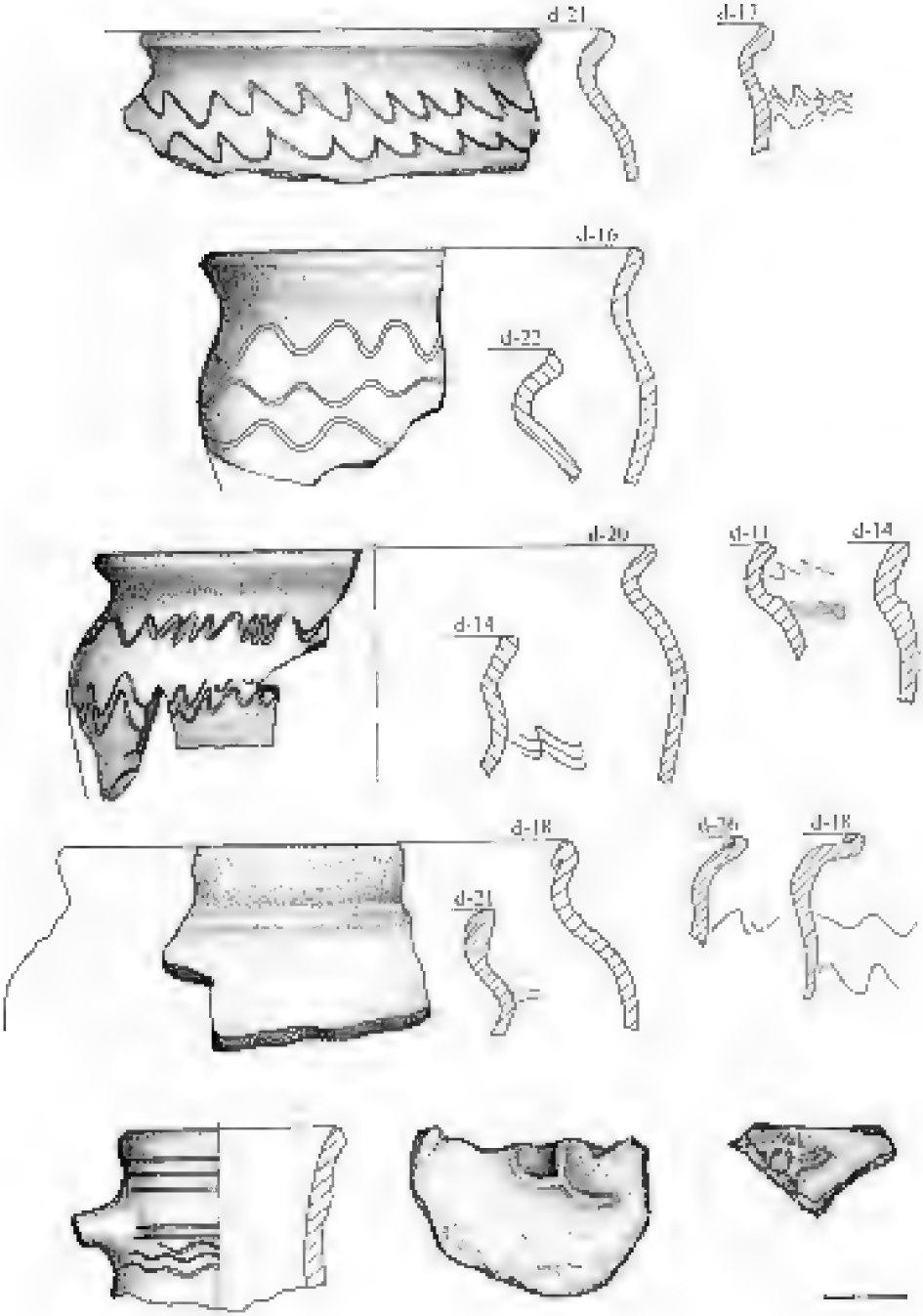


Рис. 9. Белоглиняная круговая керамика конца XIII – 3-й четверти XIV в. со следами пережога в гончарном горне, обнаруженная в заполнении жилой постройки на селище Себино 8

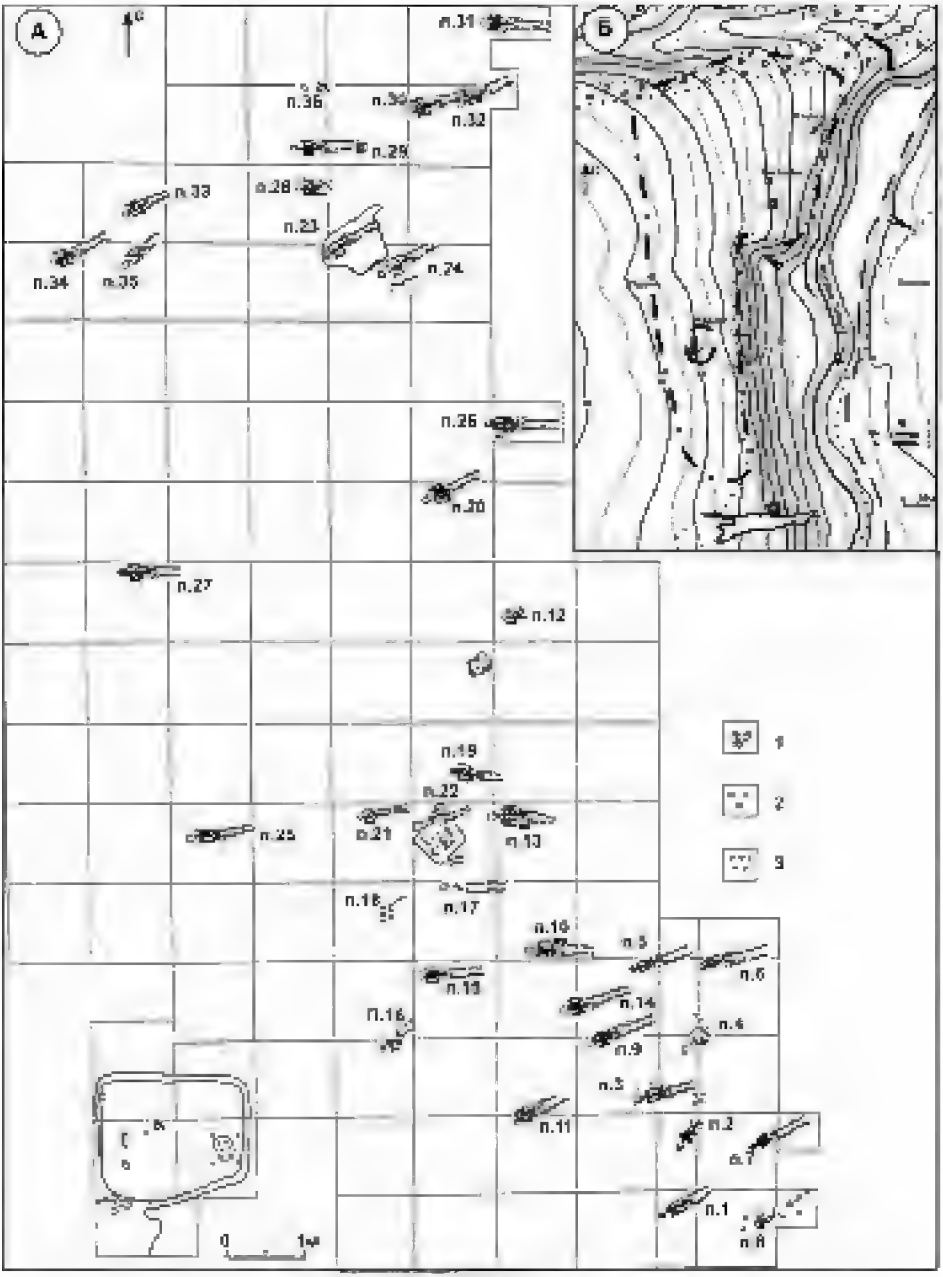


Рис. 10. А. Грунтовой могильник конца XII – 3-й четверти XIV в. у д. Устье.
Условные обозначения: 1 – прокаленные камни; *2* – прокаленная глина; *3* – уголь
Б. Топографический план селища Устье 2–3.
Условные обозначения: 1 – городище Устье (Чичино); *2* – примерная граница грунтового могильника; *3* – примерная граница селищ Устье 2–3

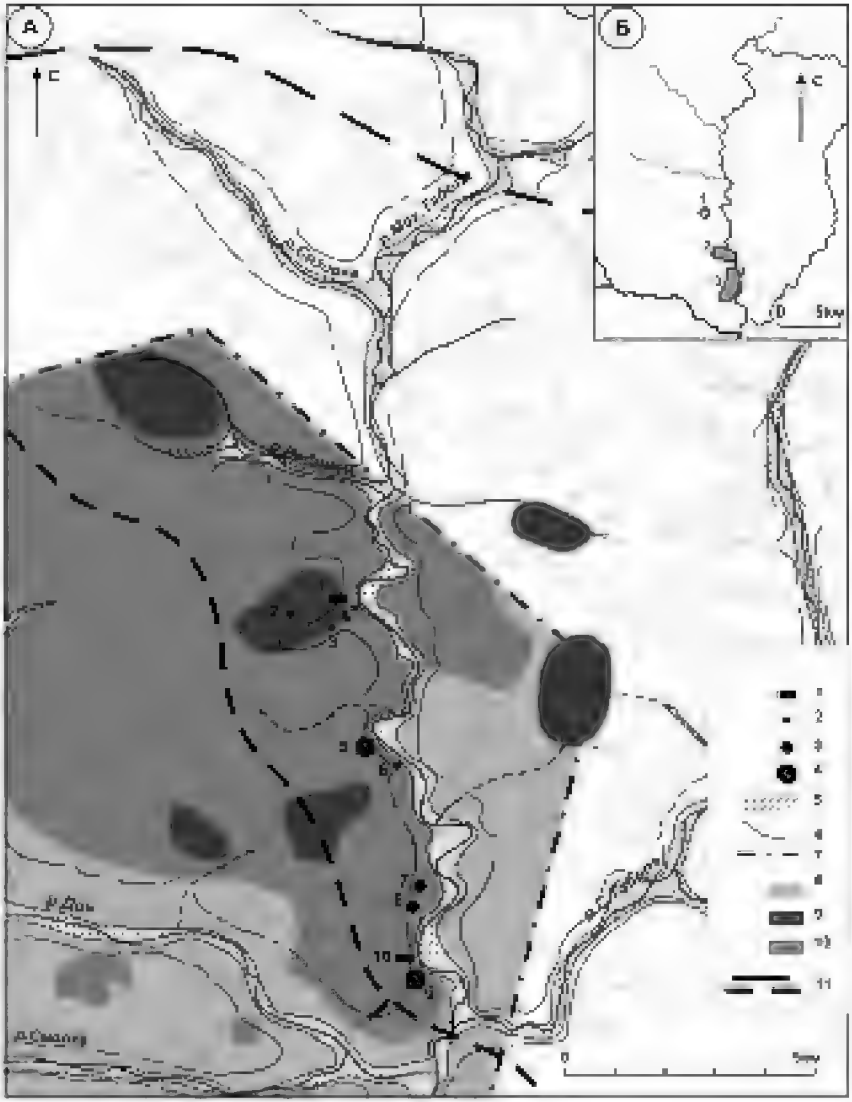


Рис. 11. А. Карта расположения древнерусских археологических памятников середины XIII – 3-й четверти XIVв. в нижнем течении р. Мокрая Табола (на селищах, возникших в домонгольское время):

1 – грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки; *2* – поселение Красное 5; *3* – поселение Красное 4; *4* – поселение Исаковские Выселки 1; *5* – поселение Себино 3; 6 – поселение Себино 4; 7 – поселение Колесовка 2; *8* – поселение Колесовка 1; 9 – поселения Устье 2 – 3; 10 – грунтовый могильник у д. Устье

Б. Схема расположения гнезд древнерусских археологических памятников середины XIII – 3-й четверти XIV вв. в бассейне низовьев р. Мокрая Табола:

1 – д. Красное; *2* – с. Себино; *3* – д. Устье

Условные обозначения: 1 – грунтовые могильники; *2* – селища площадью до 1га; *3* – селища площадью до 2 га; *4* – селища площадью более 2га; *5* – пойма; *6* – долина реки; *7* – граница территории реконструированного ландшафта; *8* – степь; *9* – современные леса; *10* – леса, реконструированные по почвам; *11* – дороги, существовавшие в древнерусское время

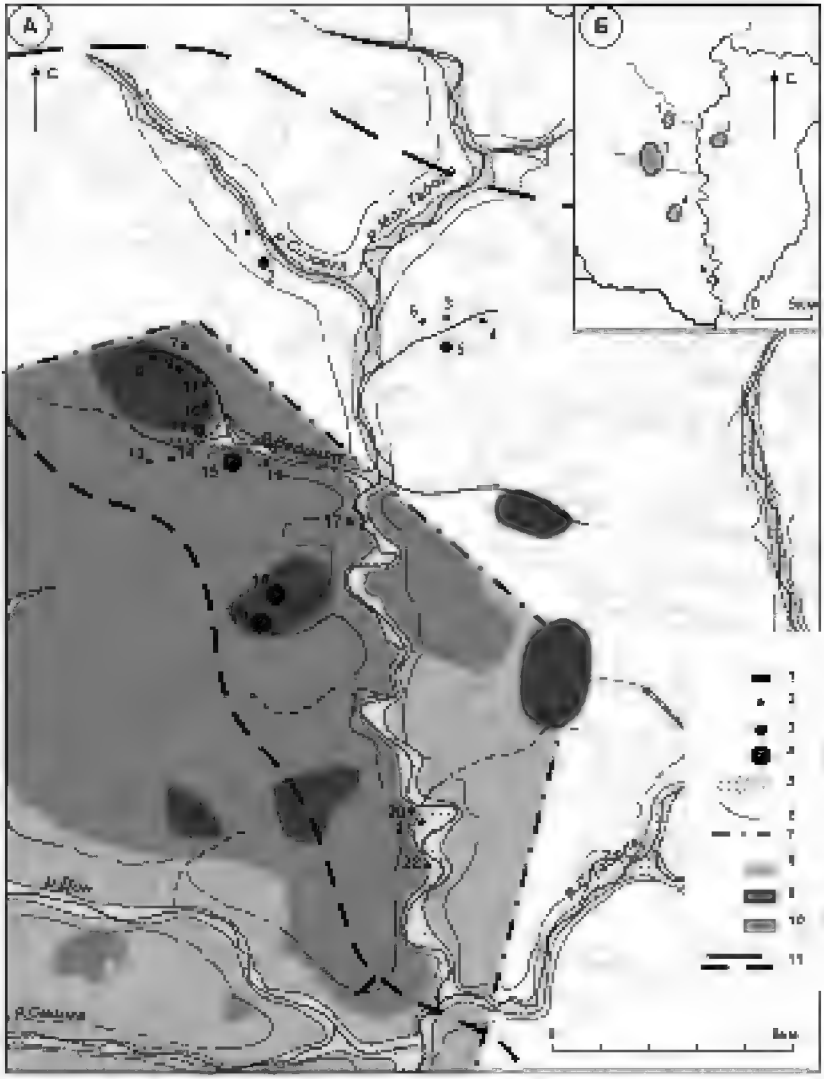


Рис. 12. А. Карта расположения древнерусских археологических памятников, появившихся в конце XIII – 3-й четверти XIVв. в нижнем течении р. Мокрая Табола:

1 – поселение Барановские Выселки 2; *2* – поселение Барановские Выселки 1; *3* – поселение Бучалки 4; *4* – поселение Бучалки 6; *5* – поселение Бучалки 3; *6* – поселение Бучалки 5; *7* – поселение Вединец 10; *8* – поселение Вединец 9; *9* – поселение Вединец 8; *10* – поселение Вединец 6; 11 – поселение Вединец 7; *12* – поселение Вединец 2; *13* – поселение Вединец 5а; *14* – поселение Вединец 5; *15* – поселение Вединец 1; *16* – поселение Вединец 11; *17* – поселение Исаковка 1; *18* – поселение Красное 6; *19* – поселение Красное 3; *20* – поселение Себино 8; *21* – поселение Себино 9; *22* – поселение Колесовка 3

Б. Схема расположения гнезд древнерусских археологических памятников конца XIII – 3-й четверти XIV в. в бассейне низовьев р. Мокрая Табола:

1 – д. Барановские Выселки; *2* – с. Бучалки; *3* – р. Вединец; *4* – дд. Исаковка-Красное; *5* – д. Устье

Условные обозначения: 1 – грунтовые могильники; *2* – селища площадью до 1га; *3* – селища площадью до 2 га; *4* – селища площадью более 2 га; *5* – пойма; *6* – долина реки; *7* – граница территории реконструированного ландшафта; *8* – степь; *9* – современные леса; *10* – леса, реконструированные по почвам; *11* – дороги, существовавшие в древнерусское время

ответственно количеству населения можно отнести к гнездам третьего уровня (максимальные). Крупные поселения могли нести функции административных центров. Как правило, на них встречаются остатки ремесленных производств. Выявленные на их территории или поблизости могильники значительны по площади и числу погребений (д. Устье, д. Исаковские Выселки). На территории подобных гнезд могло проживать 250 и более человек.

Примечателен факт расположения крупных гнезд памятников на долинных и водораздельных облесенных участках у д. Астапово-Федоровка, Исаковские Выселки-Красное, Устье, с. Себино. Скорее всего, они существовали вдоль древних сухопутных дорог, маркируя их (рис. 1А). Изучая структуру размещения гнезд памятников, их численность и топографическую расположенность, важно учитывать, что ландшафтный фактор являлся определенным регулятором их размеров. Анализируя территорию низовьев р. Мокрая Табола, необходимо отметить достаточно высокую степень заселенности края и как следствие – значительный уровень его хозяйственного освоения в домонгольское время. По предварительным подсчетам на 36 поселениях могло располагаться 207 крестьянских дворов и проживать в период с конца XII до середины XIII в. 1,4–1,7 тыс. человек (см. табл.).

Создание за короткий отрезок времени стройной системы расселения, прекрасно учитывающей ландшафтные особенности региона, может говорить о строго продуманной и хорошо скоординированной политике, проводимой

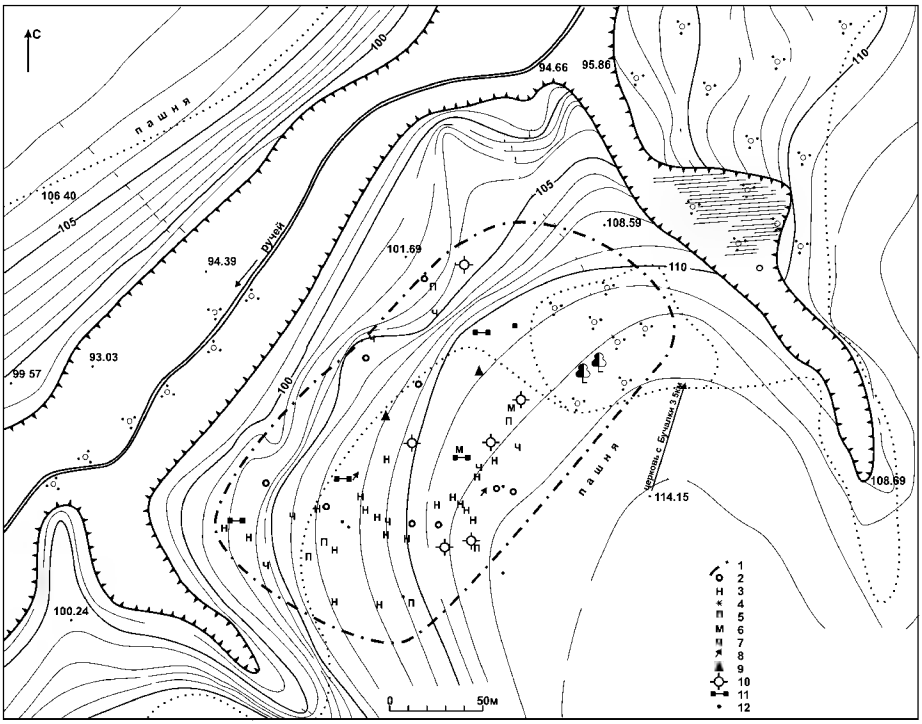


Рис. 13. Топографический план селища XIV в. Бучалки 3.

Условные обозначения: 1 – примерная граница селища; *2* – замки, ключи, дверные пробои; *3* – ножи; *4* – металлургические шлаки; *5* – железные поковки; *6* – золотоордынские монеты; *7* – фрагменты чугунных котлов; *8* – наконечники стрел; *9* – железные накладки на упряжь; *10* – пряжки; *11* – обломки топоров и другого инструментария; *12* – прочие находки

Пронскими князьями в освоении юго-восточного пограничья Руси накануне Батыева нашествия.

Процесс заселения и хозяйственного освоения рассматриваемого региона был в значительной степени нарушен монголо-татарским нашествием во 2-й четверти – середине XIII в. Хотя археологически пока не обнаружено следов разрушений и насильственной гибели поселений в период близкий середине XIIIв., а письменные источники, освещающие историю региона в интересующее нас время отсутствуют, наблюдается значительный отток населения, многие памятники перестают существовать.

При изучении процесса заселения и хозяйственного освоения низовьев р. Мокрая Табола в золотоордынское нами отдельно рассматриваются поселения, возникшие в домогольское время и продолжающие функционировать во 2-й половине XIII – XIV в., а также селища, вновь возникшие в конце XIII – XIV в. и просуществовавшие до конца 70-х годов XIV в. Они изучены в разной степени: поселения Вединец 1 (гончарная и металлургическая мастерские), Себино 8, 9 (мастерские по выплавке железа), Колесовка 1 (металлургические комплексы), Устье 3 (рис. 17А, *15, 26, 27, 31*), грунтовые могильники у дд. Исаковские Выселки, Устье (рис. 17А, *23, 32*) раскопаны широкой площадью, Вединец 9 (гумно) – полностью (рис. 17А, *8*), на селище Себино 8 (рис. 17А, *26*) заложены небольшие раскопы. Разведочные геофизические работы были сосредоточены на селищах Вединец 1, 2, 9, Устье 3 (рис. 17А, *8, 11, 15, 31*) на площади 4,3 га. Сбор подъемного материала с использованием детекторов металла проводился на селищах Вединец 1, Бучалки 3, 4, 5, Красное 4, Колесовка 1, Устье 3, была обследована территория 18,7 га.

На всех 32 памятниках проведен комплекс палеогеографических исследований.

Из 40 домонгольских памятников во 2-й половине XIII – XIV в. продолжают существовать 10 (рис. 11А, Б). Прекращается жизнь в долине рр. Сизовка, Вединец и на всех поселениях левого берега р. Мокрая Табола. Сокращается число селищ в гнездах Исаковские Выселки-Красное, Себино, Устье. Перестают функционировать городища Красное, Устье.

В ландшафтном отношении наиболее привлекательной остается долина Таболы (рис. 11, *1, 4–10*), лишь два селища: Красное 4, 5 тяготеют к склону суходольной балки (рис. 11, *2, 3*).

По площади 8 селищ можно разделить на 4 группы. К первой относится селище однодворок Себино 4 (рис. 11, *6*). Ко второй – селища Красное 4, 5 и Исаковские Выселки 1 (рис. 3; 11, *2–4*). Их площадь достигает 4200–7500 кв. м. Третья группа представлена поселениями, площадь которых 1,5–2 га (Колесовка 1, 2).

Селища Себино 3 (2,2 га) и Устье 2 (15 га) наиболее крупные, они относятся к четвертой группе. На подобных поселениях число дворов достигало 14 и 27.

Важно отметить, что перестали существовать малодворные поселения, площадь которых достигала не более 0,4 га. Более чем в 2 раза уменьшается количество гнезд памятников (рис. 11Б).

В группе поселений у д. Красное во 2-й половине XIII в. полностью перестают существовать селища Красное 1, 2, сокращается площадь поселений Красное 4, Исаковские Выселки 1 (рис. 11А, *3, 4*). На последнем удалось зафиксировать следы только 6 крестьянских дворов, продолжавших существовать во 2-й половине XIII – XIV в. Таким образом, территория зоны жилой и хозяйственной застройки гнезда уменьшается, по сравнению с домонгольской, в 6,3 раза, число дворов в 3 раза, население в 3,5 раза. Аналогичная картина наблюдается при рассмотрении группы поселений у с. Себино.

В целом площадь зон жилой и хозяйственной застройки трех гнезд поселений на исследуемой территории, по сравнению с предмонгольским этапом заселения,

уменьшается в 2,4 раза, количество селищ в 4,5 раза, крестьянских дворов в 3,3 раза, а населения в 3,3 раза (см. табл.).

В связи с некоторой стабилизацией русско-золотоордынских отношений в конце XIII в. происходит приток земледельческого населения в рассматриваемый регион. Появляются как отдельные, так и целые группы неукрепленных сельских поселений. В конце XIII – 3-й четверти XIV в. в низовьях р. Мокрая Табола возникает 22 селища (рис. 12А).

С наибольшим предпочтением осваиваются залесенные участки в долинах малых рек и по балкам (18 памятников). Лишь 4 селища появляется в долине правого берега р. Мокрая Табола (рис. 12А, *17, 20–22*). Снова заселяются водораздельные участки, памятники тяготеют к верхним и средним частям балок, располагаясь поблизости от сухопутных дорог (балки Вединец, у д. Красное, у с. Бучалки).

Более половины (13 селищ – 65,5%) – небольшие, площадью до 0,4 га. Все они малодворные. Видимо, некоторые из них не были жилыми, например, Вединец 9, реконструируемое как гумно (Гоняный, Шеков, 1996. С. 91–93). Поселение Вединец 5а (площадь 500 кв. м), скорее всего, носило производственное назначение. Подъемный материал, собранный на памятнике, в основном был представлен металлургическим шлаком (рис. 12А, *13*). 6 поселений имеют средние размеры от 0,5 до 2 га. Судя по пятнам культурного слоя и концентрации находок на селищах этих групп размещалось 4–6 крестьянских дворов.

Появление значительных по площади памятников: Красное 6 – 2, 4 га, Красное 3 – 6,7 га, Вединец 1 – 6,3 га, Устье 3 – 15 га (рис. 12А, *15, 18, 19*) может говорить о некоторой стабилизации социально-экономической ситуации в регионе. На подобных поселениях прослеживается приречно-рядовой и овражно-рядовой тип застройки (рис. 16).

Численность населения, а соответственно, количество и размеры гнезд поселений в регионе увеличивались за счет естественного прироста населения. В результате этого появлялись новые, как правило, незначительные по площади поселений, входящие в гнезда памятников, существующих с домонгольского времени – Красное 4, 5, Себино 3 (рис. 17А, *20, 21, 24*).

С другой стороны, образование гнезд памятников на землях, ранее не заселенных, могло происходить за счет прихода и расселения новых групп населения. Так в золотоордынский период возникают 4 новых гнезда поселений: в долине правого берега р. Сизовка у д. Барановские Выселки (рис. 12А, *1, 2*; 12Б, *1*), в верховьях балки у с. Бучалки (рис 12А, *3 – 6*; 12Б, *2*), в верхней и средней части р. Вединец (рис. 12А, *7 –16*; 12Б, *3*), у дд. Исаковка-Красное (рис 12А, *17 – 19*; 12Б, *4*).

Гнездо поселений у д. Барановские Выселки (рис. 12А, *1, 2*; 12Б, *1*)

В XIV в. возникает небольшая по площади (1,82 га) группа поселений на правом, пологом берегу р. Сизовки. Высота поселений над урезом воды не превышает 5 м. На селище Барановские Выселки 1, имеющим протяженность 240 м при ширине 60м, удалось выделить 9 скоплений концентрации находок, на втором поселении гнезда – три скопления. Находки обломков чугунных котлов, серебряный дирхем времени правления хана Узбека (?), керамическая серия позволяют с уверенностью датировать памятники 1 – 3-й четвертями XIV в.

Гнездо поселений в верховьях балки у с. Бучалки (рис. 12А, *3–6*; 12Б, *2*)

Памятники расположены на пологих склонах балки на высоте 8–20 м над уровнем воды в ручье. Поселения долгое время распахиваются. Это обстоятельство облегчило определение границ селищ и выделение участков с наибольшей кон-

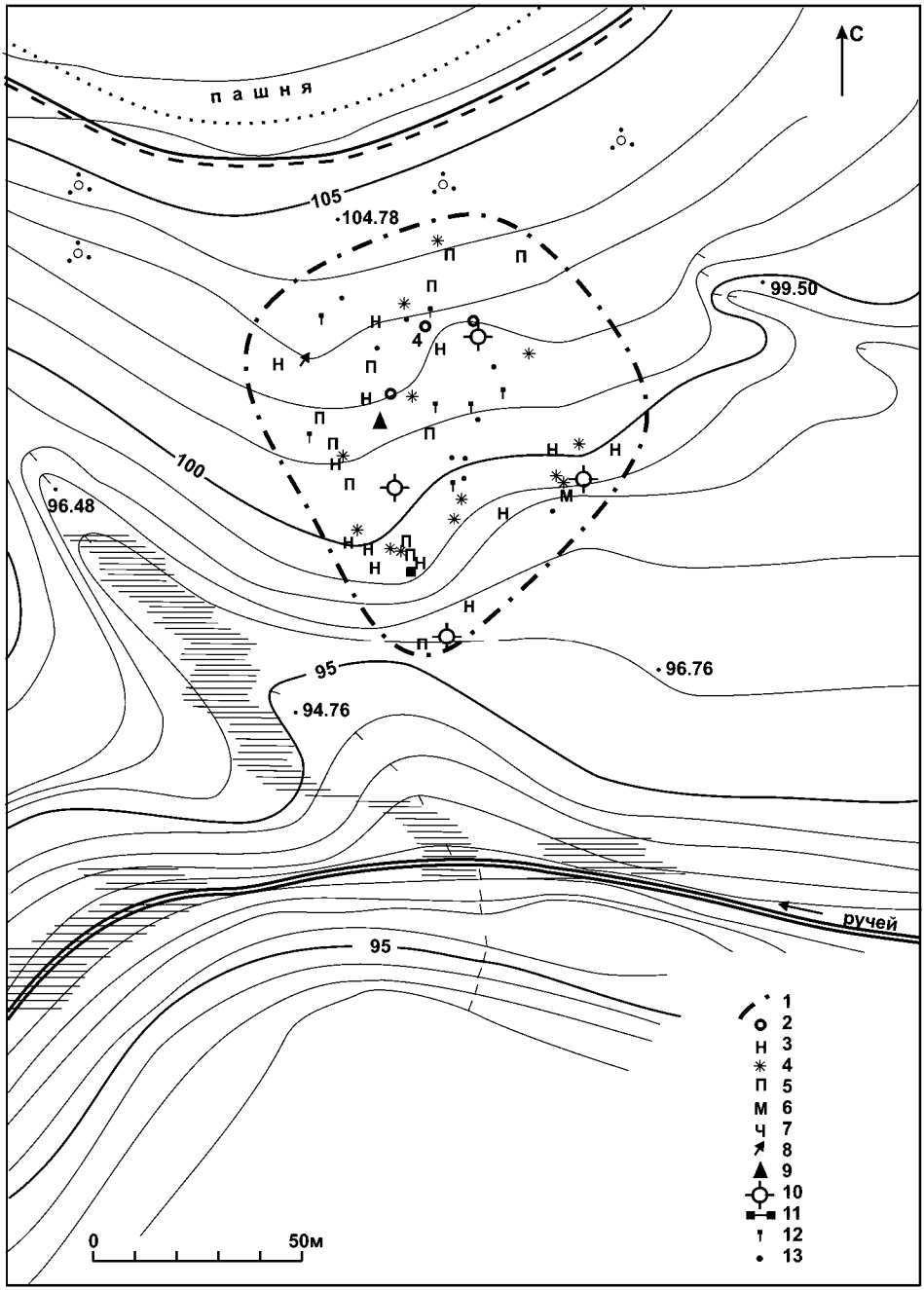


Рис. 14. План расположения древнерусского поселения XIV в. Бучалки 4.

Условные обозначения: 1 – примерная граница селища; 2 – замки, ключи, дверные пробои; 3 – ножи; *4* – металлургический шлак; *5* – железные поковки; *6* – золотоордынские монеты; *7* – фрагменты чугунных котлов; *8* – наконечники стрел; *9* – железные накладки на конскую упряжь; *10* – пряжки; *11* – обломки топоров, инструментарий; *12* – гвозди; *13* – прочие находки

центрацией находок. На селищах Бучалки 3 – 5 проводился сбор подъемного материала с использованием детекторов металла (рис. 13, 14). Набор находок, происходящий с площади поселения Бучалки 3, представлен, в основном, бытовыми предметами: цилиндрическими замками, ключами (рис. 15, *14, 15*), дверными пробоями (9 экз.), ножами черешковыми и с накладными рукоятями (19 зкз.) рис. 15, *19, 20, 22*, фрагментами топоров, втульчатым теслом (рис. 15, *16*), 5 обломками чугунных котлов (рис. 15, *13*), пряжками (рис. 15, *4–7*).

Половину всех находок составляют замки, ключи, дверные пробои и ножи – предметы, как правило, маркирующие жилые и хозяйственные зоны поселений.

На соседнем поселении Бучалки 4 почти половину находок составляют железные поковки и металлургический шлак (рис. 14). Их присутствие дает возможность предполагать, что жители поселка занимались плавкой железа, а возможно, и кузнечным делом. Найден всего 1 фрагмент цилиндрического замка и 1 дверной пробой (рис. 15, *12*), 12 ножей (рис. 15, *17, 18, 21*), подпружные пряжки (рис. 15, *1, 2*), железная наременная накладка прямоугольной формы с петлей для колечка (рис. 15, *11*), рыболовный крючок, железная петля от котла (рис. 15, *8, 10*), ромбовидный наконечник стрелы с прямыми сторонами и слегка вогнутыми плечиками, с наибольшим расширением в верхней половине длины пера. Подобные (тип 52 по А.Ф. Медведеву) были широко распространены по всей территории Восточной Европы с VIII по XIII в. включительно (Медведев, 1966. С. 69). Перечисленные находки, керамический материал, 3 серебряных дирхема времени правления Джанибека и Абдуллаха позволяют предполагать, что памятники рассматриваемого гнезда существуют на протяжении 1–3-й четвертей XIVв. Площадь жилой и хозяйственной застройки этой группы селищ достигает 3. 5 га, где могло расположиться до 14 крестьянских дворов и проживать 60–70 жителей (см. табл.).

Гнездо поселений в долине р. Вединец у бывшего поселка Шахтерский (рис. 12А, *7–16*; 12Б, *3*)

В XIV в. активно заселяется территория в верховьях и средней части долины р. Вединец. Восемь селищ однодворные и малодворные, их площадь не превышает 0,3 га. На двух из них (Вединец 5, 5а) встречены металлургические шлаки. На западной окраине селища Вединец 2 (площадь 1,2 га) обнаружены металлургические шлаки и фрагменты глиняных сопел. Магниторазведочные исследования подтвердили наличие на памятнике следов металлургического производства (АКР, 2002. С. 126).

Наиболее крупным (6,3 га) является селище Вединец 1. Оно занимает пологий склон правого борта р. Вединец на протяжении около 550 м при ширине 100–140 м. Высота над урезом воды достигает 15–25 м. В 1990–1992, 2000–2002 гг. в восточной части памятника, после предварительной геофизической магниторазведки на площади 1 га, был заложен раскоп общей площадью 1388кв. м, выявивший остатки жилых и хозяйственных сооружений гончарной мастерской, включающей два глинобитных горна и основание железоделательной домницы (Клянин, 1990. Л. 1–18; 1991. Л. 1–16; 1992. Л. 1–6; 2000. Л. 1–9; 2001. Л. 26–35; 2002. Л. 1–10; АКР. 2002. С. 87, 88).

В 2002 г. на всей площади памятника был проведен платшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла (Гоняный, 2002. Л. 19–22). Концентрация керамического материала (7405 фрагментов), индивидуальных находок (308 предметов), шлаков позволили конкретизировать участки занятые мастерскими по производству железа, жилыми и хозяйственными постройками. На памятнике прослежен овражно-рядовой тип застройки, выделено 10 участков, которые можно соотносить с расположением крестьянских дворов.

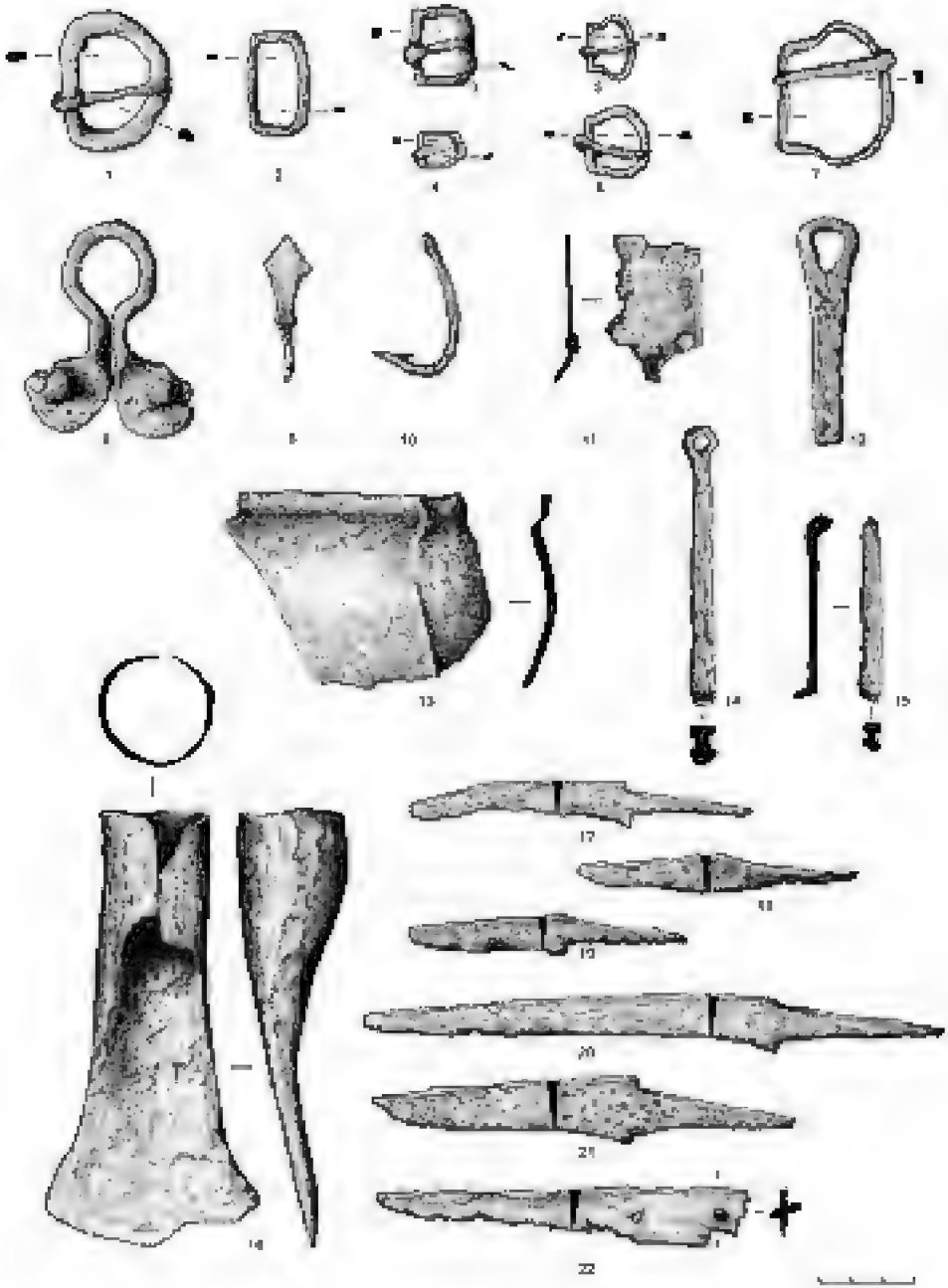


Рис. 15. Находки из металла, собранные на селищах XIV в. Бучалки 3, 4.
Условные обозначения: 1–3, 8–12, 17, 18, 21 – селище Бучалки 4;
4–7, 13–16, 19, 20, 22 – селище Бучалки 3

Площадь жилой и хозяйственной застройки гнезда, включающего 10 поселений, достигает 8,4 га. По нашим представлениям на этой территории мог располагаться 21 двор и проживать 80–100 жителей (см. табл.).

Гнездо поселений у дд. Исаковка-Красное
(рис. 12А, *17–19*; 12Б, *4*)

Видимо, на рубеже ХШ–XIV вв. продолжают заселяться пологие прибалочные склоны в верховьях балки у д. Красное, а также приустьевая часть балки, выходящая в долину правого берега р. Мокрая Табола у д. Исаковка, где возникает поселение Исаковка 1 площадью 0,8 га. По соседству с запустевшими памятниками домонгольской поры вновь появляются поселения Красное 3 (6, 7 га), Красное 6 (более 2,4 га) (рис. 16). Продолжается жизнь на небольших селищах Красное 4, 5, в мысовой части селища Исаковские Выселки 1, возникших в предмонгольское время (рис. 2, 3). Таким образом, к началу XIVв. жизнь возрождается на данной территории. Степень заселенности достигает почти домонгольского уровня (см. табл.).

Гнездо памятников у д. Устье (рис. 12А, *20–22*; 12Б, *5*)

В конце XIII – XIV в. продолжается жизнь на селищах Колесовка 1, 2, Устье 2–3, функционирует могильник (рис. 17А, *29–32*). В пойме р. Мокрая Табола вновь возникает селище-однодворок Колесовка 3 (рис. 12А, *22*) и памятник производственного назначения – железоделательная мастерская Себино 9 (Наумов, 1996. Л. 141– 151; АКР, 2002. С. 118).

Второе дыхание получило поселение Себино 8 (рис. 6, *10*). В золотоордынское время оно функционировало как металлургическая мастерская, на площади которой раскопана наземная 4,4×3,5м с углубленным на 0. 8м подполом постройка, в которой размещался сыродутный горн. Поблизости расчищены две ямы, одна из которых была заполнена рудой и отходами железоделательного производства (Гоняный, Наумов, 1994. С. 56). Видимо, где-то поблизости сохранились остатки гончарной мастерской ордынского времени, о существовании которой позволяет судить керамический брак, найденный в заполнении котлована жилой постройки 1-й половины XIII в., раскопанной в 1987 г. (Гоняный, 1987. Л. 8, 20–22).

Остатки селища домонгольского периода сохранились в прибровочной части первой надпойменной террасы правого берега реки на высоте 6–8 м над водой. Следы двух заглубленных в материк ямы были обнаружены в его обрыве. С целью их изучения был заложен раскоп площадью около 26 кв. м (рис. 7).

После снятия перепаханного до материка культурного слоя появились контуры подквадратной ямы 1 размером 3,5×3,1м, заполненной темно-серым суглинком с включением белоглиняной керамики, керамического брака, угля, кусочков прокаленной глины. В северной ее части, на глубине 0,29 м от современной поверхности, зафиксировано небольшое скопление прокаленной глины и угля (рис. 7). В южной части ямы на глубине 0. 3м расчищен под глинобитной печи размером 1,5×1 м, толщиной до 0,4 м. Задняя часть основания печи покоилась на материковой полке, вырезанной в стенке ямы 1, передняя была смонтирована на деревянном опечке, вынесенном над подпечной ямой на двух столбах диаметром 0,2 м (ямы 6, 7). В юго-восточном углу ямы 1 на глубине 0,95 м расчищен развал из трех прокаленных камней, размером 0,35×0,2 м, каждый.

После выборки заполнения ямы 1 на ее плоском дне выявились три различных по форме и назначению ямы. Ямы 3 и 5, скорее всего, использовались для хранения припасов и были перекрыты деревянным настилом. Интересно, что яма 5 была углублена в борт ямы 1 в виде подбоя и выполняла функцию полки. В ее запол-

нении обнаружена горловина кувшина, украшенного линейно-волнистым орнаментом (рис. 9, *13*).

Яма 4 имела овальную форму (0,9×0,4м), глубину 0,4м и выполняла функцию подпечной (рис. 7).

Несомненно, что изученная нами яма 1 являлась углубленной частью наземного жилища с глинобитной печью. В 1м к западу расположена яма 2, округлая в плане, с наклонными стенками и плоским дном. Скорее всего, она являлась небольшим погребом, находящимся в неотапливаемых сенях, через которые нужно было пройти, чтобы попасть в жилую часть избы. Входная дверь в жилище, по-видимому, располагалась с напольной южной стороны (рис. 7).

Керамическая коллекция, собранная при раскопках на селище Себино 8, насчитывает 1232 фрагмента. В придонной части ям 1, 2 и в заполнении ям 3–5 в подавляющем большинстве встречены обломки белоглиняных горшков (346 фрагментов), венчики которых отогнуты наружу, а черновой край оттянут вверх или загнут внутрь, образуя желобок для крышки (рис. 8, *1–5*). Реже встречаются отогнутые наружу венчики, край которых отогнут наружу в виде «козырька» (рис. 8, *6*) или завернут внутрь, образуя уплощенные или округлые утолщения, а с внутренней стороны – небольшую бороздку (рис. 8, *10, 11*). Немногочисленны венчики, край которых оформлен без утолщений (рис. 8, *7*) или имеет припухлый черновой край (рис. 8, *8, 9*).

Практически все верхние части горшков орнаментированы (рис. 8, *1–11*). Преобладает линейный узор (176 фрагментов). Черепков, украшенных волнистым орнаментом всего 19. Найдено 5 фрагментов придонных частей сосудов с клеймами (рис. 8, *12–14*).

Рассмотренный керамический материал является характерным для древнерусских археологических памятников домонгольского времени бассейна верховий До-

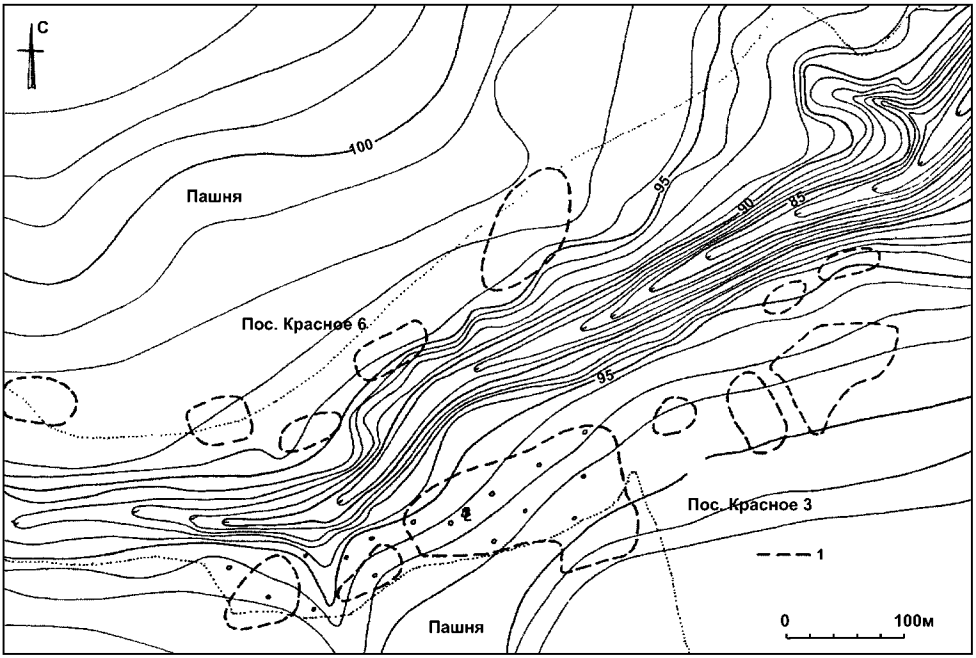


Рис. 16. Топографический план селищ конца XIII – XIV в. Красное 3, 6.
Условные обозначения: 1 – граница поселений XIV в.

на и сопредельных территорий (Пряхин, Цыбин, 1986. С. 65. Рис. 5, *16, 17*;С. 66. Рис. 6, *1. 10, 14, 16*; Пряхин, Винников, Цыбин, 1987. С. 22. Рис. 9, *8–15*; Гоняный, Кокорина, Свирина, 1993. С. 151, 152; Тропин, 1996. С. 165, 167. Рис. 3; 2000. С. 97, 108. Рис. 1, *5–11*; Гоняный, 2003. С. 17).

В заполнении верхних горизонтов ям 1, 2 обнаружено 886 фрагментов круговой белоглиняной керамики – гончарного брака. Эта посуда из-за недостаточно высокой температуры прокала имеет беловато-розовый или серо-розовый оттенок, иногда встречаются ошлакованные обломки, несущие следы пережога, полученного из-за нарушения режима обжига в гончарном горне. В рассматриваемой серии 604 обломка без орнамента, 59 имеют линейный узор, 216 – волнистый (рис. 9, *1–12*). Найдено 7 донцев сосудов с клеймами (рис. 9, *14, 15*).

Большинство верхних частей горшков характеризуется отогнутым наружу венчиком без утолщений, с округлым, срезанным, вытянутым вверх заостренным черновым краем (рис. 9, *1–8*). Несколько реже встречаются отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут внутрь, образуя округлые или уплощенные утолщения, а с внутренней стороны – небольшую канавку (рис. 9, *9–12*). Подобная керамика встречается на древнерусских памятниках золотоордынского периода в бассейне верхнего и среднего Дона (Гоняный, Гриценко, 2000. С. 153, 164. Рис. 10; 2001. С. 34, 38. Рис. 3, *1, 2, 6, 8, 12*; Тропин, 2002. С. 155, 156, 162. Рис. 3; 163. Рис. 4).

Датирующей находкой рассмотренного керамического комплекса является фрагмент бронзового зеркала золотоордынского времени с изображением всадника на спокойно стоящей лошади и двух львов, нападающих на него (Федоров-Давыдов, 1976. С. 181).

В целом площадь жилой и хозяйственной застройки, количество крестьянских дворов и соответственно число жителей рассматриваемого гнезда памятников в XIV в. достигали показателей предмонгольского уровня.

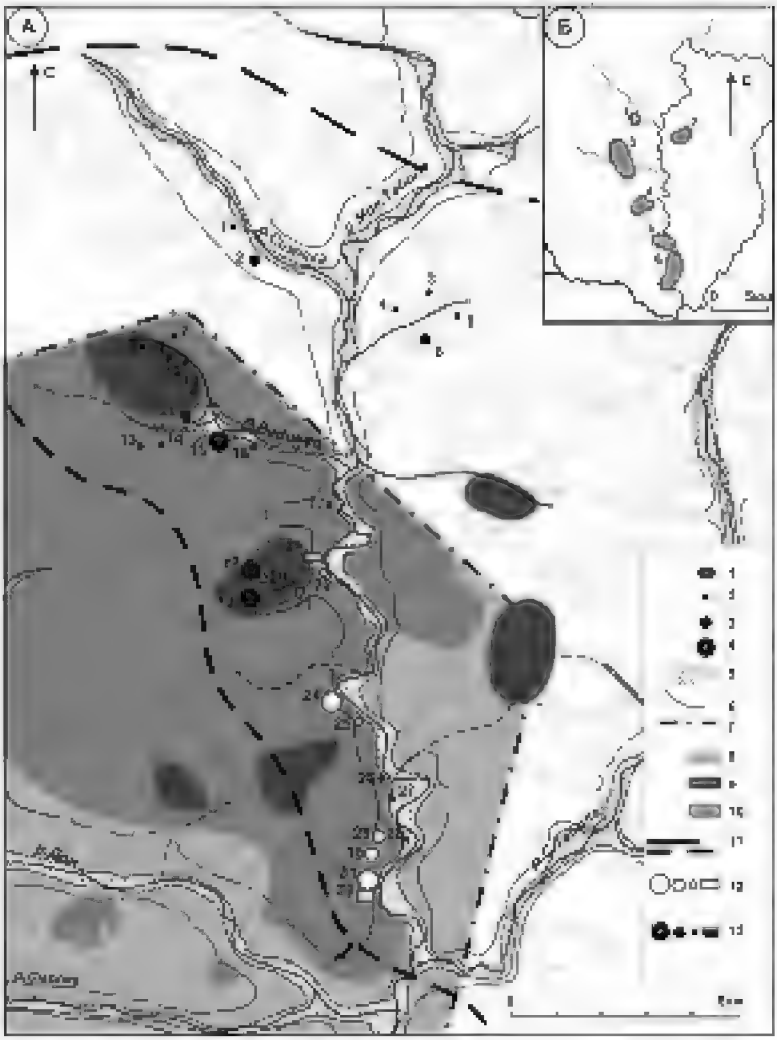
В золотоордынский период в изучаемом регионе существует 30 селищ и два грунтовых могильника (рис. 17А). Как и прежде, они тяготеют к пониженным частям рельефа – пологим склонам первых надпойменных террас и участкам высоких пойм в долинах рек. На водораздельных территориях селища приурочены к невысоким прибалочным склонам.

По площади их можно разделить на 5 групп. 14 памятников (46. 7%) малодворные – от 0,05–0,4 га, 10 селищ (33,3%) среднего размера – от 0,4–2 га. 6 памятников (20%) значительные по площади – свыше 2 га. Поселения 3–5 групп имеют, как правило, рядовую застройку, включающую приречно-рядовую и овражно-рядовую.

Территориально памятники группируются в 6 гнезд (рис. 17Б). По площади зон жилой и хозяйственной застройки, количеству дворов, численности населения выделяются группы поселений трех уровней: минимальные (до 3 га), средние (3–8 га) и максимальные (свыше 10 га). Минимальные – с. Барановские Выселки и с. Себино (рис. 17Б, *1, 5*) включают всего по два селища. На поселениях подобных объединений могло проживать не более 70 человек.

На территории гнезд второго уровня располагалось 1–2 крупных поселения и несколько более мелких селищ – с. Бучалки, р. Вединец (рис. 17Б, *2, 3*). На памятниках таких групп встречены остатки керамического и металлургического производств. Численность населения таких гнезд могла насчитывать 100 человек.

Максимальные гнезда памятников, возникшие еще в конце XII – начале ХШ в., расположены в верховьях балки у дд. Исаковка-Красное, Устье (рис. 17Б, *4, 6*). Их площадь более 10 га. На их территории выявлены гончарные, металлургические, ювелирные мастерские. Общинные могильники, возникшие в домонгольское вре-



Условные обозначения:
1 – грунтовые могильники;
2 – поселения площадью до 1 га;
3 – поселения площадью до 2 га;
4 – поселения площадью более 2 га;
5 – пойма; *6* – долина реки; *7* – граница территории реконструированного ландшафта;
8 – степь; *9* – современные леса;
10 – леса, реконструированные по почвам; *11* – дороги, существовавшие в древнерусское время; *12* – памятники конца XII – начала XIII в., просуществовавшие до середины-третьей четверти XIVв.; *13* – памятники, возникшие в конце XIII – середине – 3-й четверти XIV в.

Рис. 17. А. Карта расположения древнерусских археологических памятников золотоордынского времени в низовьях р. Мокрая Табола:
1 – поселение Барановские Выселки 2; *2* – поселение Барановские Выселки 1; *3* – поселение Бучалки 4; *4* – поселение Бучалки 5; *5* – поселение Бучалки 6; *6* – поселение Бучалки 3; *7* – поселение Вединец 10; *8* – поселение Вединец 9; *9* – поселение Вединец 8; *10* – поселение Вединец 7; *11* – поселение Вединец 2; *12* – поселение Вединец 6; *13* – поселение Вединец 5а; *14* – поселение Вединец 5; *15* – поселение Вединец 1; *16* – поселение Вединец 11; *17* – поселение Исаковтка 1; *18* – поселение Красное 6; *19* – поселение Красное 3; *20* – поселение Красное 5; *21* – поселение Красное 4: *22* – поселение Исаковские Выселки 1; *23* – грунтовой могильник у д. Исаковские Выселки; *24* – поселение Себино 3; *25* – поселение Себино 4; *26* – поселение Себино 8; *27* – поселение Себино 9; *28* – поселение Колесовка 3; *29* – поселение Колесовка 2; *30* – поселение Колесовка 1; *31* – поселения Устье 2 – 3; *32* – грунтовой могильник у д. Устье.

Б. Схема расположения гнезд древнерусских археологических памятников середины XIII – 3-й четверти XIV в. в бассейне нижнего течения р. Мокрая Табола:
1 – д. Барановские Выселки; *2* – с. Бучалки; *3* – р. Вединец; *4* – дд. Исаковка–Красное; *5* – с. Себино; *6* – д. Устье

мя, продолжают функционировать во 2-й половине XIII – XIV в. Количество дворов на площади таких объединений могло достигать 40–45, а число проживающих 200 и более человек (см. табл.).

Гнездо древнерусских памятников конца XII – 3-й четверти XIV в. у д. Устье – самый крупный археологический комплекс в районе Куликова поля, включающий городище, грунтовой могильник и 10 селищ. Древнерусские поселения, занимающие площадь более 20 га и примыкающие к городищу, являлись, по существу, его неукрепленным посадом. Результаты комплексных археолого-геофизических исследований, проводящихся на протяжении последнего десятилетия на рассматриваемых памятниках, позволяют предполагать, что Устьенский археологический комплекс можно рассматривать как административный (волостной) центр региона.

Суммируя данные, позволяющие судить о степени заселенности изучаемой территории в золотоордынское время, можно отметить, что по сравнению с предмонгольским периодом происходит сокращение площади жилой и хозяйственной застройки гнезд поселений – примерно в 1,2 раза, количества селищ в 1,2 раза, дворов в 1,4 раза и жителей в 1,3 раза. В это время в рассматриваемом регионе на 30 селищах могло располагаться до 150 крестьянских дворов и проживать за весь период их существования примерно 1,7–2,1 тыс. человек (см. табл.).

В заключение хочется отметить, что начало процесса заселения Верхнедонского региона, частью которого является территория низовьев р. Мокрая Табола, относится к концу XII – началу XIII в. Он связан, по-видимому, как с ослаблением половецкой опасности, так и с заинтересованностью рязанских князей в освоении безлесных, черноземных, высокоплодородных незаселенных земель. Активное продвижение русского земледельческого населения к югу от Пронска было подготовлено успешной борьбой Владимиро-Суздальских и Черниговских князей с половцами в конце XII – начале XIII в. (Гоняный, Зайцев, 1990. С. 149–150). Именно в этот период в долинах р. Мокрая Табола, Непрядва, Дон происходит строительство небольших по площади порубежных городищ-твердей (Гоняный, Шишков, 1991. С. 33), появляются неукрепленные поселения. Принадлежность к Рязани левого берега верховий Дона как в предмонгольское время, так и в XIV в. не вызывает сомнений у современных историков (Монгайт, 1961. С. 144–145; Иловайский, 1990. С. 176; Любавский, 1996. С. 136–137). Заселение рассматриваемого региона осуществлялось выходцами из Пронских земель. С XIIв. функционировал водный путь с верховьев р. Проня на верхнее течение р. Мокрая Табола и далее по Дону (Шебанин, 2000. С. 118–121). Использовались и сухопутные дороги.

Пик освоения территории приходится на 1-ю половину XIII в. В связи с ордынским нашествием во 2-й половине XIII в. наблюдается отток населения в более безопасные районы. Количество поселений уменьшается в 4,5 раза, а уровень заселенности в 3. 3 раза.

В конце XIII–XIV в. происходит вторичное заселение региона земледельческим населением. Уровень заселенности и, соответственно, хозяйственной освоенности низовьев р. Мокрая Табола в золотоордынское время сокращается, по сравнению с домонгольским периодом, в 1,3 раза.

В конце 70-х годов XIV в. население окончательно покидает рассматриваемую территорию, что согласуется со сведениями текста «Хождение митрополита Пимена в Царьград».

Литература

Александровский А.Л., Гоняный М.И., Гласко М.П. Ландшафты Куликова поля времени битвы (по данным комплексных почвенно-археологических исследований) // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Москва–Тула, 1999.

Археологическая карта России. Тульская область. М., 2002. Ч. 2.
Буров В.А. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. М., 1995.
Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда ОДАЭ ГИМ в Тульской области (район Куликова поля) и в Подольском районе Московской области в 1984г. // Архив ИА РАН. 1984. Р–1. № 10456.
Гоняный М.И. Отчет об археологических разведках и раскопках в районе Куликова поля в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р–1. № 11718.
Гоняный М.И. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р–1. № 11710.
Гоняный М.И. Отчет о работе Верхне-Донской археологической экспедиции ГИМ в районе Куликова поля в 1987 г. // Архив ИА РАН. 1987. Р–1. № 11927.
Гоняный М.И. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных в Кимовском, Куркинском, Богородицком, Узловском, Новомосковском районах Тульской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р–1. № 13133.
Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных Верхнее-Донской археологической экспедицией ГИМ в Истринском, Рузском, Серпуховском, Чеховском, Подольском районах Московской области и в Кимовском районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2002. Р–1.
Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис... канд ист. наук. М., 2003.
Гоняный М.И., Заидов О.Н. Древнерусские грунтовые могильники XII–XIV вв. Верхнедонского региона// Археология и история Юго-Востока Руси. Тезисы докладов. Курск, 1991.
Гоняный М.И., Заидов О.Н. Древнерусские грунтовые могильники конца XII – 3-й четверти XIV в. в бассейне Верхнего Дона// В печати.
Гоняный М.И., Зайцев А.К. Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских памятников района Куликова поля// VI Международный Конгрессс славянской археологии. Тезисы докладов. М., 1990.
Гоняный М.И., Зайцев А.К., Александровский А.Л., Гласко М.П., Янович Я.Д. Проблемы музеефикации и разработки зон охраны Куликова поля в свете междисциплинарных исследований // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997.
Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV в. в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле// Русь в XIIIвеке. Древности темного времени. М., 2003.
Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1993. Вып. 82.
Гоняный М.И., Наумов А.Н. Исследование древнерусских памятников в районе Куликова поля. Разведки в Ясногорском районе Тульской области// АО. 1993, 1994.
Гоняный М.И., Шеков А.В. Древнерусское гумно середины XIVв. в верховьях р. Вединец на Куликовом поле// Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
*Гоняный М.И.*И., Шишков А. В. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. бассейна Верхнего Дона// Археология и история Юго-Востока Руси. Тезисы докладов. Курск, 1991.
Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Рязань, 1990.
Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р–1. №16895.
Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р–1. №16823.
Клянин Р.В. Отчет о раскопках на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р–1. №17382.
Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2000. Р–1.
Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-усаддьбы А. Т. Болотова «Дворяниново» и на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р–1.
Клянин Р.В. Отчет об археологических исследованиях на поселении Вединец 1 Кимовского района Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2002. Р–1.
Куза А.В. Древнерусские поселения// Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996.
Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. САИ. 1966. Е1–36. М.
Миронова В.Г. Отчет о работе в Тульского отряда ИА АН СССР в 1980г. // Архив ИА РАН. 1980. Р–1. № 10074.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
Наумов А.Н. Отчет об исследованиях в Туле и на Куликовом поле в 1996 году // Архив ИА РАН. 1996. Р–1. № 20421.
Недошивина Н.Г. Отчет о раскопках безкурганного могильника и поселения близ д. Устье Кимовского района Тульской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р–1. № 13844.
Недошивина Н.Г. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.
Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Раскопки многослойного Семилукского городища // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.
Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. 1960. № 92.
Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М., 1990.
Третьяков П.Н. Работы на строительстве Ярославской гидростанции // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Известия ГАИМК. 1935. Вып. 109.
Тропин Н.А. Древнерусское поселение XIII–XIVвеков у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Сборник научных трудов. Липецк, 1996. Вып. 1.
Тропин Н.А. Древнерусская керамика XII–XIV вв. как источник по изучению хронологии сельских поселений южных территорий Рязанской земли // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
Тропин Н.А. Гончарные сооружения второй половины XIVвека на селище Аргамач – Пальна–5 // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 1.
Тропин Н.А., Чалых Н.Е. Находки гончарных горнов второй половины XIII – XIV в. на р. Воронеж // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.
Тухтина Н.В. Работы на Куликовом поле // АО. 1980. 1981.
Тухтина Н.В. Отчет о работе Тульской экспедиции ГИМ в 1980 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р–1. № 8339.
Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
Фехнер М.В. Заключение (деревня северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв. по археологическим данным) // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской экспедиции ГИМ 1983г. // Архив ИА РАН. 1983. Р–1. № 9663.
Фомин Н.К. Куликово поле. Документы по землевладению XVIIв. Тула, 1999.
Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождении волостной общины // СА. 1991. №1.
Шебанин Г.А. Окско-Донской путь XII – начала XIII в. в свете новых археологических данных// Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

П.Е. Русаков

Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля

Древнерусские памятники Рязанской земли имеют длительную и богатую историю изучения. На сегодняшний день накоплен обширный и интереснейший материал по истории основных городских центров и их округи, таких как Старая Рязань, Переяславль, Пронск. Но многие другие поселения и районы исследованы в значительно меньшей степени, или вовсе не подвергались археологическим раскопкам. К сожалению, даже сейчас в Рязанской области существуют обширные регионы, о жизни которых в древнерусское время не известно почти ничего. Хотелось бы надеяться, что исследования последних лет в Михайловском и Захаровском районах Рязанской области хотя бы частично смогут исправить создавшуюся ситуацию.

Речь идет о территории, занимающей северную и северо-восточную часть Михайловского района, северо-западную часть Пронского и почти весь Захаровский район. В исторической и краеведческой литературе этот регион получил название Михайловского поля. Под этим термином подразумевается «обширное лесостепное пространство к югу от Оки, по обе стороны р. Прони в верхнем течении в районе ее излучины»[1]. Основанием для этого считаются неоднократные упоминания Михайловского поля в Писцовых книгах. При этом полагается, что название этому региону дано по древнему г. Михайлову, являющемуся историческим центром т. н. Михайловского поля. Использование этого термина для обозначения региона, возможно не совсем удачно, но в этой статье, регион назван Михайловским полем в силу сложившейся в литературе традиции. Здесь это лишь условный термин, обозначающий географически единую исследуемую территорию.

В настоящее время лесов на исследуемой территории почти нет. По всей видимости, вырубки носили весьма интенсивный характер. Но современная почвенная карта позволяет предполагать существование в прошлом на этой территории так называемого ополья – степного региона, окруженного лесными массивами. (Использовалась Почвенная карта Рязанской области 1986 г. с масштабом 1 см: 2 км) Она располагает в центре исследуемой территории участок, где доминируют черноземы, а к северо-западу, северу, востоку, югу и юго-западу зоны бытования лесных почв (рис. 1). С юга эта зона отгораживает т.н. ополье от обширного черноземного региона, доходящего на востоке до Пронска, который, очевидно, следует связывать с упоминаемым в летописи «Половецким полем»[2].

Возможно, реконструкция ситуации расположения лесов в регионе не достаточно точна. Антропогенное влияние могло привести к изменению характера почв в некоторых участках. Иначе трудно объяснить не соответствие данных современной почвенной карты материалам карт Генерального межевания. Среди

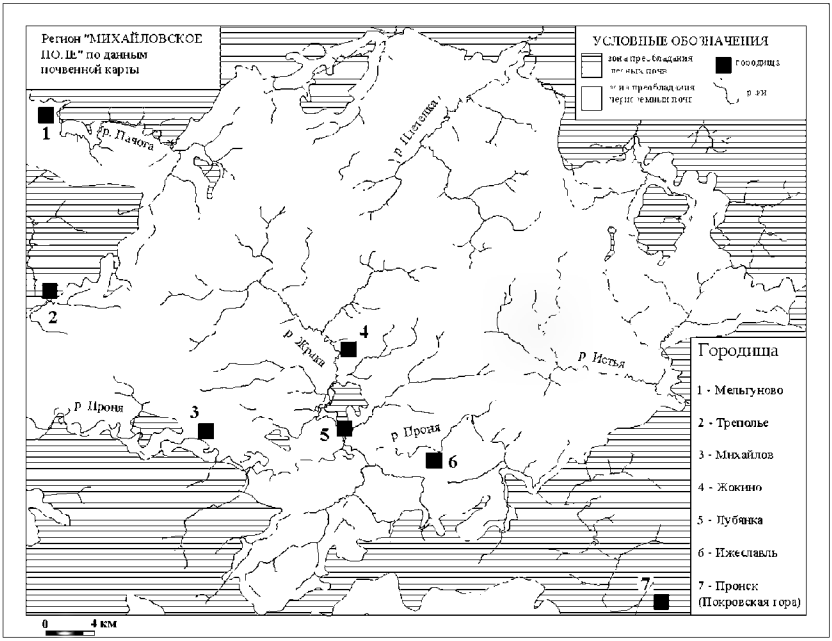


Рис. 1. Древнерусские городища на территории Михайловского поля по данным Почвенной карты Рязанской области

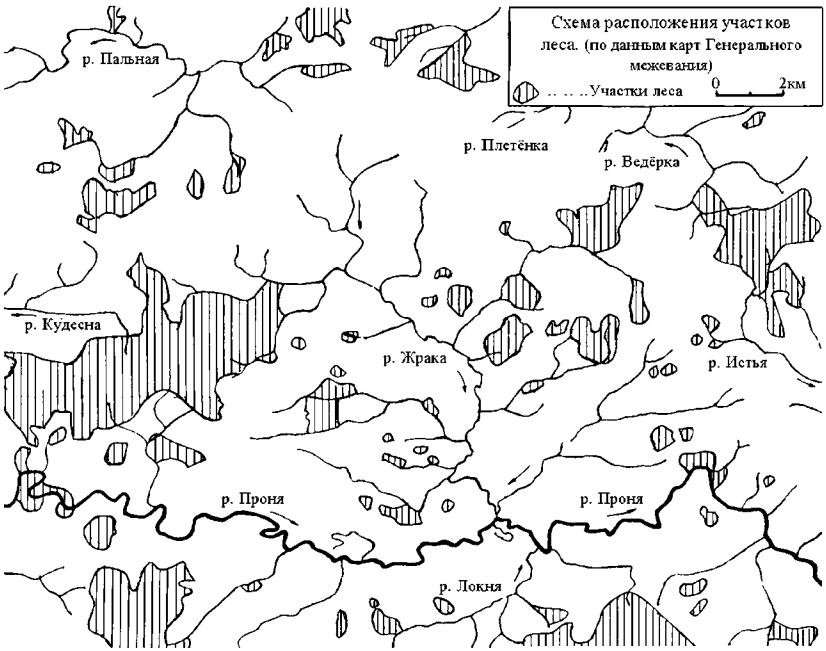


Рис. 2. Расположение участков леса в южной части Михайловского поля в конце XVIII в.

них есть карты двухверстного масштаба, на которых обозначены участки леса и значительные по площади лесные массивы, не читающиеся по почвенной карте. Так на западе рассматриваемой территории расположены леса, имеющие сложные изрезанные контуры, иногда совпадающие с границами земельных владений, имеющими подчас правильную геометрическую форму. Это свидетельствует, очевидно, о происходивших локальных вырубках. В этом месте лесной массив составляет до 12 км с севера на юг и 17 км с запада на восток. Почвенная карта в этом участке располагает только черноземы, а также, лугово-черноземные почвы. Подобные, но значительно меньшие участки леса, никак не отразившиеся в современной почвенной карте, есть и на других участках Михайловского поля (рис. 2).

Все же нельзя не принять во внимание, что уже существует удачный опыт подобных историко-географических реконструкций, проведенных с учетом почвенной карты[3]. Опираясь на опыт предыдущих исследований, можно попытаться реконструировать ситуацию региона Михайловского поля.

Пределы этого географического анклава очерчены зонами распространения серых и темно-серых лесных почв. Территория самого ополья характеризуется абсолютным преобладанием черноземов, – черноземы оподзоленные, черноземы выщелоченные, черноземно-луговые с лугово-болотными почвами. Последние концентрируются в западной и северной частях региона. Внутри этого черноземного анклава встречаются небольшие островки бытования лесных почв, перечисленных выше, а также, локальные участки лугово-черноземных почв.

В итоге размеры этого сравнительно безлесного участка – до 46 км с севера на юг и более 60 км с запада на восток. Общая площадь этой территории превышает1100 кв. км.

Окраины очерченого региона маркируют следующие современные населенные пункты: пос. Треполье, д. Мельгуновка. С. Бол. Коровино. С. Нов. Зимино. С. Высокое. С. Безлычное. С. Малинищи. С. Киселево. С. Мишино. С. Голдино. С. Рачатники, г. Михайлов, пос. Октябрьский.

Наиболее крупной водной артерией здесь является р. Проня (среднее течение), которая протекает в южной части ополья, с запада на восток. Значительную часть площади этого региона занимают бассейны рек Жрака (Жеравка, Жиравка, Жарская) и Локня – притоков Прони. На территории ополья также берут свое начало несколько рек: на северо-запад течет Кудесна и Пачога (притоки Осетра), на северо-восток держат направление р. Польная (приток Вожи), Плетенка, Павловка, на восток текут р. Рака и р. Истья, которые связывают данный регион с различными участками течения Оки.

Историческим центром этого региона в XVI–XX вв. является город Михайлов, упомянутый в конце XIV в. в Списке городов русских дальних и ближних[4] и регулярно упоминаемый в Разрядных книгах с 1551 г. В 1555 г. он назван одним из городов, в которых размещались «воеводы от поля»[5].

Этот район археологически обследовался А.А. Мансуровым в 1930 г.[6], который провел разведку по берегам Прони, дал археологическое описание городищам, находящимся на ее берегах. Больший масштаб имели исследования А.Л. Монгайта, который в 1953 и 1959 г. заложил на территории Лубянского, Ижеславльского и Жокинского городищ ряд шурфов и раскопов. Им был получен материал продатированный по аналогии со Старой Рязанью древнерусским временем, выявлены остатки построек на всех исследованных объектах, прорезаны некоторые валы Ижеславльского городища. Публикация этих материалов содержит топографические планы этих городищ, отличающиеся высокой точностью[7]. Он связал Жокинское городище с феодальным замком и уделил ему наи-

большее внимание. Р.Ф.Ворониной в 1978 г. была произведена паспортизация этих городищ и частичная шурфовка (информация только в паспортах). В 1983–1987 гг. И.Л. Чернай обследовал вновь берега Прони и отдельные участки Захаровского района и открыл ряд новых поселений[8].

С 2000 г. в Михайловском и Захаровском районах проводятся регулярные археологические разведки автором этой статьи. В основном, они проходили в районе расположения Лубянского, Ижеславльского и Жокинского городищ (рис. 3). Также проводилось локальное обследование ближайших окрестностей других городищ, расположенных на территории Михайловского поля, или мест их предполагаемого существования. Проводились сбор подъемного материала, шурфовка, картографирование. Керамический материал, получаемый в ходе этих исследований, обрабатывался по методике Коваля В.Ю.[9]. В том числе по его методике, велся статистический подсчет керамики (подъемный материал и материал шурфов с 5 памятников, а также керамика из раскопок А.Л. Монгайта 1959 г.).

Всего в регионе известно 53 памятника-поселения, которые бытовали в диапазоне с X по XIV в. Это 48 селищ и 5 городищ. Существуют данные позволяющие предполагать наличие в регионе еще нескольких городищ, пока не зафиксированных археологически. Например, пока не локализована и не исследована территория городища средневекового Михайлова, которое должно, согласно письменным упоминаниям[10] содержать материалы XIV в., а вероятно, и ранее.

Археологически зафиксированное количество поселений для такой обширной территории явно не велико. Это вызвано слабой изученностью региона, о которой уже говорилось выше. В реальности поселений древнерусского времени на территории Михайловского поля должно быть намного больше. Это подтверждается и археологическими разведками последних лет, которые в 2,5 раза увеличили количество древнерусских памятников в регионе.

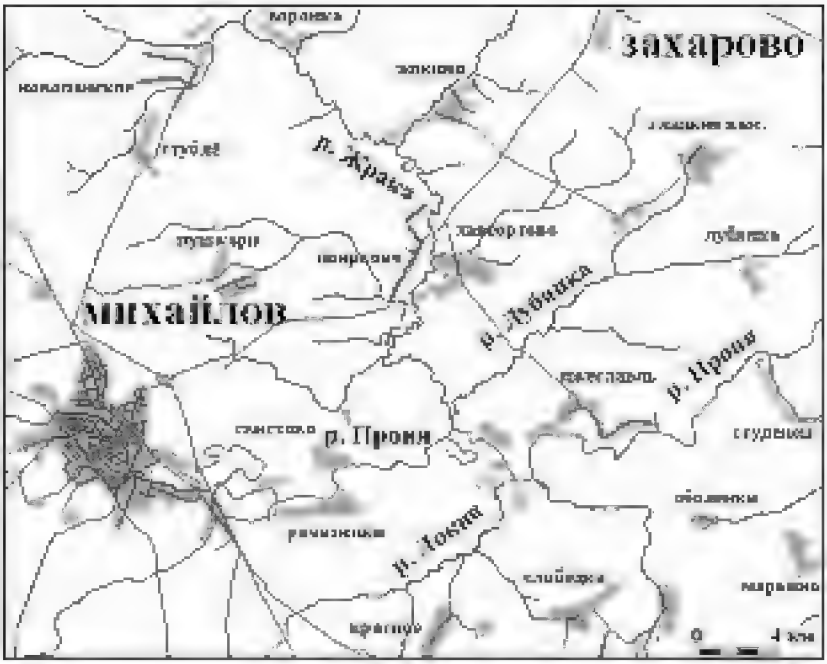


Рис. 3. Район проведения разведок в 2000 – 2005 гг.

Погребальные памятники в регионе тоже известны. Это отдельные курганы или курганные могильники, но археологически изучен из них лишь Мельгуновский курганный могильник, состоявший из 10 насыпей[11]. Погребения содержали характерный вятичский инвентарь. Могильник продатирован концом XII – XIII в. Прочие курганные насыпи вовсе не исследовались, и, поэтому, их назначение этническая принадлежность и датировка остаются не определенными.

Дославянские памятники, известные в регионе немногочисленны, мало изучены, и их рассмотрение выходит за приделы тематики этой статьи. Традиционно считается, что предшественники славян в регионе были носителями одного из финно–угорских языков. Также мало известно, о контактах между славянами и их предшественниками на этапе заселения Михайловского поля.

Пока единственный памятник, соотносимый с раннеславянским населением это селище Мельгуново 3, расположенное в бассейне Осетра, в северо–западной части Михайловского поля. Происходящий с него подъемный материал состоит

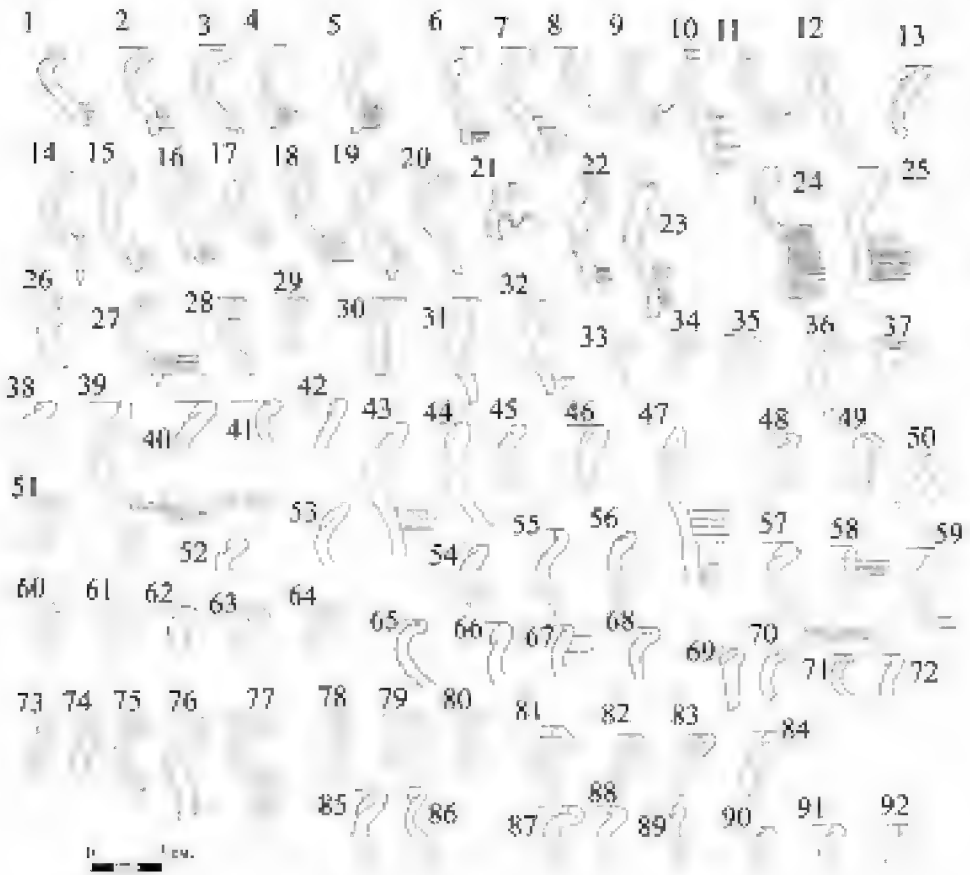


Рис. 4. Примеры профилировки венчиков, происходящих с территории археологических памятников Михайловского поля:

1–23 – Городище Ижеславль; *24–32* – селище Жокино 1; *33–35* – селище Жокино 5; *36–37* – селище Жокино 6; *38–47, 51–53* – селище Треполье 2; *48–50, 57–59* – селище Мельгуново 2; *60–64* – селище Лубянка 1; *54–56, 65–68* – селище Лубянка 4; *69–72* – селище Марьино 4; *73–89* – селище Мужичий колодец 1; *90–92* – селище Поярково 1

из 106 фрагментов лепной и 59 – круговой керамики. Лепной керамический материал составляют несколько групп. Весь он представлен фрагментами из сильноожелезненных глин. Это 27 фрагментов с примесью дресвы и иногда песка (края венчиков оформлены вдавлениями), 29 – с примесью шамота и иногда песка, 20 – с крупной дресвой и шамотом, 27 – просто с шамотом и 3 – оставшихся неопределенными. И всего один фрагмент без четко фиксируемых примесей, может представлять собой образец раннекруговой керамики12. По мнению В.Ю. Коваля, состав керамического теста фрагментов лепных сосудов позволяет соотнести этот материал с материалом памятников ранних славян в бассейне Осетра. По всей видимости, поселение существовало в эпоху славянской колонизации региона, т.е. не позже начала XI в.

На раннюю дату указывает и часть местной гидронимии. Так в центральной части региона существует ручей, который на картах и планах Генерального межевания подписан как река Катогощ[13]. Ю.П. Чумакова рассматривает этот и подобные ему топонимы на – гощь /а/ как маркирующие два основных направления «в раннем продвижении славян из среднеднепровской области на северо–запад и через бассейн Десны – в Верхнее и Среднее Поочье»[14].

Вятичский материал, упомянутый в отношении Мельгуновских курганов, не случаен. Его обилие на средней Оке объясняет присутствие вятичских височных колец среди курганного материала на Осетре. Но также хорошо известны вятичские материалы и на Проне. Так в 1890–х годах А.И. Черепнин исследовал в районе Пронска, в 14 км от Михайловского поля, курганные могильники, некоторые погребения которых содержали вятичский инвентарь (прочие были безынвентарны). В 1-й четверти XX в. и в 1969–1970 гг. неоднократно исследовался Маклаковский курганный могильник под Пронском, в 27 км от Михайловского поля. Н.Г. Недошивина на основании инвентаря погребений, и характера вышивки найденных тканей, датировала раскопанные ей курганы 2-й половиной XII – XIII в. Этническая интерпретация могильника как вятичского не вызвала у нее сомнений[15]. На основании сведений о присутствии вятичей на средней Проне, Ю.П. Чумакова отнесла территории верховьев Прони и, соответственно, район Михайловского поля к земле Вятичей[16].

О памятниках XI в. в регионе никогда ранее не сообщалось. Между тем еще в 1959 г. в ходе раскопок А.Л.Монгайта на Жокинском городище обнаружили керамику, которая по аналогиям из Старой Рязани могла датироваться XI–XII вв. Это фрагменты круговых сосудов, обладающие зачастую т. н. вертикальными, слабо профилированными венчиками. Они богато орнаментированы различными штампами с сочетанием нескольких видов орнамента на одних и тех же сосудах (волна, линия, ряды диагональных точек, нанесенных зубчатым штампом и т.д.). Часто встречаются и диагонально расположенные перекрещивающиеся участки орнамента[17]. К сожалению, в отчете и последовавшей публикации, отмечая богатство орнаментации некоторых Жокинских сосудов, автор раскопок не воспользовался для их датировки аналогиями Старой Рязани[18]. Поселение на Жокинском городище было, таким образом, продатировано XII–XIII вв.[19]. Это обстоятельство тем более досадно, что керамические коллекции из раскопок А.Л. Монгайта 1953 г., происходящие с городищ этого региона, видимо, не сохранились. И хотя в отчете за 1953 г. подобные особенности керамического комплекса для Лубянского и Ижеславльского городищ не упоминаются, не исключено, что на их территории поселения также могли возникнуть ранее XII столетия.

Ни на одном более из известных памятников, расположенных на территории Михайловского поля, материалов, которые можно было бы четко связать с XI в. пока не обнаружено.

С XII – 1-й половиной XIII столетия в регионе связано во много раз больше памятников, чем со всеми предыдущими эпохами. Трудно себе представить, чтобы археологические разведки проводились выборочно, затрагивая только памятники этого времени. Даже при такой слабой исследованности региона, столь неравное соотношение, видимо, связано с резким увеличением во 2-й половине XII – начале XIII в. количества поселений на территории Михайловского поля (рис. 6).

Об особенностях расположения неукрепленных памятников этого времени в масштабах всего обширного региона говорить не приходится, так как он в большей части археологически не обследован. Почти все известные селища группируются вокруг городищ. Компактность расположения этих групп памятников, их топографическое и временное единство, часто позволяют считать их едиными поселениями. Таковы группы памятников в районе городищ Треполье и Мельгуново.

Первое из них расположено на правом коренном берегу реки Кудесны, в ее среднем течении, в контактной зоне лесных и черноземных почв. Памятник был открыт сравнительно недавно – в 2001 г. Площадка городища овальная в плане, 50×40 м. Находится на высоте 14–17 м над уровнем уреза воды. С севера, востока и юго-востока ограничена полукольцевым валом высотой до 2,5 м и сильно заплывшим рвом глубиной не более 1 м. С юго-запада и запада площадка городища ограничена склоном в пойму реки Кудесна. На ее территории читаются многочисленные следы кладоискательской деятельности. Подкопы обусловили появление многочисленных обнажений, показавших, что вал сложен из светло-желтого суглинка на материке[20].

Подъемный материал на городище отсутствовал. Шурфовка показала наличие культурного слоя, слабо насыщенного мелкими угольками, представляющего собой темно-коричневую супесь, идущую от дерна до материка. Мощность слоя немного превышала 0,3 м. Никаких ям и следов построек не обнаружено. Индивидуальных находок в шурфе не было обнаружено, керамика из шурфа была представлена двумя мелкими и невыразительными фрагментами – обломками стенок гончарных сосудов.

О названии этого укрепленного пункта в древности судить трудно. Ближайшие населенные пункты меняли свое название, а ближайшими гидронимами являются названия рек Кудесны, Аглобешки, Орловки (или Фроловки). Ни один, из топонимов и гидронимов в окрестностях памятника, не указывает на какой либо летописный населенный пункт[21].

Топография объекта, наличие вблизи от него селищ, изобилующих подъемным материалом, не позволяют сомневаться в его интерпретации, как городища. В непосредственном соприкосновении с этим памятником компактно расположены 4 одновременных селища (Бекленево 1 и Треполье 1, 2, 3, общей площадью 5–6 гектар). Только

Рис. 5. Керамические полные формы селища Мужичий колодец 1

наиболее территориально отдаленное из них, на максимальном расстоянии от городища содержало несколько фрагментов лепной керамики. Этот миниатюрный и маловыразительный материал не может серьезно повлиять на датировку всего поселения, части которого представлены этими селищами. Весь остальной керамический материал с этих селищ состоит из т. н. гончарной беложгущийся керамики (общее количество подъемного материала составило около 400 керамических фрагментов). Она либо без искусственных примесей, либо с примесью мелкодисперсного песка с венчиками, датирующимися по ростиславльским и старорязанским аналогиям XШ–XIV вв. (преобладают типы 3/4, 8/1, 13/1, 13/2, 18/1, 23/1, 28/1, по В.Ю. Ковалю) (рис. 4).

Топографическим центром этого поселения является городище Треполье, которое, очевидно следует датировать так же, как и сопутствующие селища. Так как вал городища сложен на материке, и ему не предшествует, расположенный вплотную к нему культурный слой, можно сделать вывод о сооружении укреплений городища на начальном этапе существования поселения.

Миниатюрные размеры и отсутствие керамического материала на площадке не редкость для древнерусских городищ. Существуют многочисленные аналогии в разных регионах на территории Руси, и в том числе в Рязанской земле (например – городища Мшанка 1 и 2).

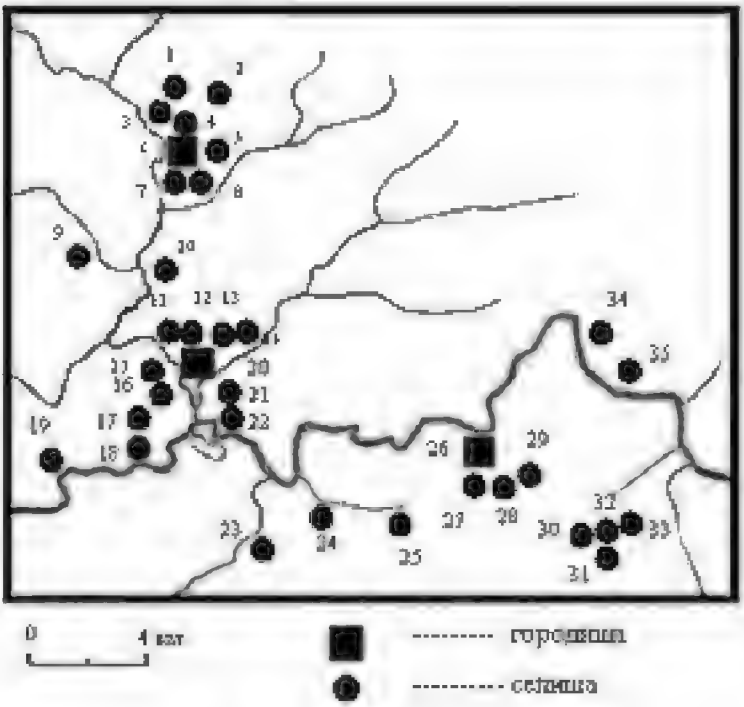


Рис. 6. Археологические памятники южной части Михайловского поля:
1 – Жокино 5; *2* – Жокино 6, *3* – Жокино 4, *4* –Жокино 2, *5* – Хавертово 1, *6* – Жокино (гор.), *7* – Жокино 1, *8* – Хавертово 2, *9* – Поярково, *10* – Мужичий колодец 1, *11* – Лубянка 7, *12* – Лубянка 4, *13* – Лубянка 1, *14* – Лубянка 2, *15* – Лубянка 8, *16* – Лубянка 9, *17* – Лубянка 10, *18* – Рождествно, *19* – Б. Свистово, *20* – Лубянка (гор.), *21* – Лубянка 3, *22* – Лубянка 6, *23* – Локня 1, *24* – Слободка2, *25* – Слободка 1, *26* – Ижеславль (гор.), *27* – Ижеславль 2, *28* – Ижеславль 1, *29* – Ижеславль 3, *30* – Марьино, *31* – Марьино 2, *32* – Марьино 3, *33* – Марьино 4, *34* – Верхи, *35* – Попадьино

В значительной степени аналогична Трепольской группе памятников и группа из трех селищ и городище в Районе села Мельгуново. Городище Мельгуново обследовалось И.Л. Чернаем в 1983 г. и автором этой статьи в 2002 г. Расположено на мысу, в месте впадения р. Пачога в р. Осетр, на правых берегах этих рек. Площадка его подтреугольная в плане 75×50 м, находится на высоте 15–20 м от уровня уреза воды. С северной, напольной стороны городище ограничено прямым в плане валом высотой до 1,8 м[22]. Вплотную к нему примыкают селища Мельгуново 1 и 2. И еще одним из памятников этой группы является селище Мельгуново 3, о котором уже упоминалось выше, также расположенное сравнительно вблизи городища. Общая площадь поселения при условии одновременности существования всех его частей составит около 10 – 13 га.

Подъемный материал в 2002 г. был собран в основном из отвалов грабительских ям и напашне в районе расположения селищ (рис 4). Вместе с керамикой, полученной в ходе шурфовки и сбора подъемного материала И.Л. Чернаем в 1983 г., эта керамика позволяет связывать существование поселения в районе городища с домонгольским периодом и, может быть, несколько позже (общее количество материала с городища и селищ Мельгуново 1 и 2 составила более 200 керамических фрагментов). Среди венчиков, основная масса которых, происходит с территории селищ, часто присутствуют типы, характерные для XIII в. (типы 3/1, 3/3, 13/1). Нельзя также исключать, как и для многих городищ этого района, использование их в системе укреплений Засечной черты.

В Писцовых Книгах Рязанского Края упоминается поселение «Заломы на реке на Осетре и на реке на Почешке»[23] в перечислении населенных пунктов под 1628–1629 г. и деревня Заломы без указания на местонахождение в списке 1594–1598 г. В обоих случаях это населенный пункт Моржевского стана. Указанные данные совпадают с данными Мельгуновского городища и селищ Мельгуново 1 и 2, и, скорее всего, эти памятники соответствуют поселению с названием Заломы, которое в картографических материалах пока не встречается. Этим объясняется присутствие в числе подъемного материала некоторого количества «поздней» керамики.

Общая площадь поселения, располагавшегося на территории городища и селищ Мельгуново 1 и 2, составляет до 12 гектар, но площадь поселения древнерусского времени требует уточнения.

С группой памятников в районе городища Треполье Мельгуновскую группу – объединяют малые габариты городищ, их расположение в бассейне Осетра и бытование их в контактной зоне лесных и черноземных почв.

Подобная топография имеет аналогии западнее Михайловского поля. Так в контактной зоне лесных и черноземных почв расположен ряд городищ в Тульской области[24]. Да и в самом рассматриваемом здесь регионе есть подобные примеры, и не только среди древнерусских городищ, но и среди памятников эпохи засечных черт. Видимо подобная топографическая ситуация характерна вообще для лесостепи. Дерево являлось основным топливом и основным строительным материалом для оседлых земледельцев. Лесные массивы также использовались и в стратегических целях, как препятствие на пути враждебных вторжений кочевого населения степей. Городища в этом случае могут выступать как необходимое дополнение естественной преграды. Известны случаи, когда их расположение маркирует оборонительные рубежи на границе со степью[25]. Что же касается расположения неукрепленных поселений в окрестностях этих городищ, то, видимо, их топография тоже может соответствовать тульским аналогам[26].

Подтвердить это сходство могут данные, полученные в ходе исследований в южной части Михайловского поля. Это район расположения Лубянского, Иже-

славльского и Жокинского городищ. Он исследован несколько лучше остальной территории Михайловского поля. Причиной тому не только раскопки А.Л. Монгайта но и археологические исследования последних лет, проводившиеся в этой зоне особенно интенсивно.

Так как подробные описания, и планы этих городищ, а также, основания для датировки опубликованы ранее[27], здесь стоит остановиться, лишь на основных особенностях этих памятников.

Лубянское городище – второе по площади городище в Рязанской земле, относимое к периоду 2-й половины XII – XIII в., после городища Старой Рязани (имеется в виду максимальная площадь последнего). Его площадь составляет около 12–13 гектар. Высота над уровнем уреза воды – 21–28 м. С напольной, северной стороны оно ограничено валом высотой до 3 м и рвом глубиной до 2,5 м, а со стороны склонов – невысоким валом (до 1,5м). С внешней стороны последнего в южной части городища обследование 2004 г. зафиксировало следы небольшого рва. Городище обладает эскарпироваными береговыми склонами[28]. Оно исследовалось шурфами и предположительно интерпретировалось А.Л.Монгайтом как остатки города Белгорода Рязанского[29]. Это городище тоже расположено вблизи локального участка лесных почв.

Лубянское городище является центром крупного поселения, к которому также относятся 9 селищ, датирующихся по подъемному материалу в диапазоне XII–XIII вв. Некоторые из них, кроме того, обладают керамическим материалом, позволяющим связать их существование с XIV в. Таковы, например, селища Лубянка 1, 4 и 10. (На селищах Лубянка 1 и 4 преобладают венчики типа 23/1.) Наиболее многочисленны керамические коллекции селищ Лубянка 1 (230 фрагментов), Лубянка 3 (90), Лубянка 4 (137), Лубянка 10 (130). Общее количество керамического материала с селищ Лубянка 1 – 10 и городища составило около 800 единиц (рис. 4). Общая площадь поселения, при условии одновременного существования всех его частей, составляет около 25–30 гектар.

Г.Я. Мокеев и А.С. Щенков по характеру плана выделяют 4 типа древнерусского города[30]. В данном случае Лубянское городище соответствует выделяемому ими четвертому – секторному (мысовому) типу. По мнению этих авторов, он ограничивает направление развития посадов. Но в случае с данным поселением, естественные препятствия – реки при его пространственном развитии были преодолены. Для других поселений в районе городищ Михайловского поля пока этого сказать нельзя. Поэтому планировочная структура этого поселения представляется наиболее развитой. Это свидетельствует о его долговременном существовании.

Его габариты ставят его в один ряд с крупными городскими центрами Рязанской земли, такими как Пронск или Переяславль. Не смотря на наличие поблизости городищ, чья площадь составляет несколько гектар, поселение в районе Лубянского городища значительно их превосходит. Его габариты и уровень развития его планировочной структуры заставляют видеть в нем главенствующий политический и административный центр региона.

К сожалению, материал письменных источников не позволяет точно связать это поселение с каким либо летописным городом. Косвенные данные позволяют предполагать в нем один из центров феодальных уделов последней четверти XII – XIII в. Так в Воскресенской летописи под 1186 г. сообщается: «Глебовичи поделилися: Роман, Игорь да Володимер сели на Рязани, а Всеволод да Святослав на Проне»[31]. Попытка переделить между Глебовичами территории Рязанской земли в 1186 г. не удалась, и по логике событий все князья должны были оставаться на прежних позициях. О каких–либо значительных событиях, способных изме-

нить сложившееся разделение владений сохранившиеся источники не сообщают. Тем не менее, в 1207 г. в Пронске княжит лишь потомок одного из Глебовичей – Всеволода[32]. По видимому, фраза Воскресенской летописи о событиях 1186 г. «...Всеволод да Святослав на Проне» подразумевает не город Пронск, а собственно реку. Потомки Святослава в этом случае должны были обладать владениями на Проне, не включающими сам Пронск. Это вполне соответствует восприятию поселения в районе Лубянского городища, как центра еще одного удела. Других объектов подобного масштаба на берегах Прони нет.

В отличие от этого обширного поселения, древнерусское название еще одного центра на территории Михайловского поля можно определить. Город Ижеславль упоминается в Повести о разорении Рязани Батыем наряду с Белгородом и Пронском. Сейчас одно из сел Михайловского района Рязанской области называется Ижеславль, а до революции оно называлось – Новорождествено. Есть основания полагать, что современное село на этом месте возникло в XVIII в., как выселки из одной из слобод Михайлова[33]. Но А.Л. Монгайт, обратил внимание на то, что в народе этот пункт носит название Ижицких или Жеславских выселок. Так как поблизости располагается древнерусское городище, он посчитал это основанием для его интерпретации, как остатков рязанского города Ижеславля[34]. Несмотря на то, что само село может иметь позднее происхождение, подобная интерпретация городища получила дополнительные аргументы.

Писцовые книги Рязанского края содержат упоминание «дикого поля в Выславском городище»[35] в районе села Мишинского на р. Муравке и Мишинке в Моржевском стане. Это село легко локализуется по данным географическим ориентирам при помощи карт Генерального межевания. Оно соответствует современному селу Мишино Михайловского района Рязанской области. В окрестностях этого села известно только одно городище, возле которого карты Генерального межевания помещают овражек – «Жеславский проток»[36]. Все эти данные только подтверждают предположение А.Л. Монгайта. На сегодняшний день этот вариант локализации города Ижеславля кажется наиболее верным.

Сам памятник расположен на правом берегу р. Прони, в 7,5 км от Лубянского городища (рис. 4). Его габариты – 280×260 м. Высота над рекой до 50 м. Особенность памятника в редко встречающемся типе планировки городища.

Его площадка поделена крутым береговым склоном на 2 части, расположенные на разном уровне относительно реки[37]. Склон достаточно крутой и не пригоден для внутренней застройки. Одна часть площадки городища располагается на первой надпойменной террасе. Ее ограничивают следы двух параллельно идущих валов. Другая часть площадки начинается примерно на 10 м выше – на верхней части берегового плато. Эта, верхняя часть больше по площади и ограничена тройной линией валов и рвов. В верхних оборонительных линиях имеются два въезда на площадку.

Северо–западная часть городища в верхней части дополнительно ограничена двумя сравнительно невысокими валами и рвом между ними. В нижней части здесь же прослеживаются следы еще одного полукольцевого вала, окаймляющего существующий в этом месте родник. Эти валы образуют т.н. цитадель, расположенную внутри городища, укрепления которой примыкают к его западным валам.

Кроме того, Ижеславльское городище обладает четырехугольным контуром плана, один из углов которого не зависит от рельефа местности, что тоже является редкостью для древнерусских памятников. Возможно, объяснить эту особенность позволят некоторые одновременные аналоги с территории Волжской Булгарии. Подобную особенность, согласно опубликованным планам имеют За-

падно-Войкинское, Хулашское, Сосновское, Старобаранское, Таттюгульбаевское, Янтиковское, Среднелиповское городища[38].

В ближайшей округе городища известны три селища, которые в силу их топографии можно связать с посадами этого древнерусского города. При условии одновременности существования всех селищ и городища, общая площадь поселения составит от 16 до 20 га. Количество керамических фрагментов, происходящих с территории сопутствующих селищ, превышает 300 единиц. Их материал имеет тот же облик, что и материал, происходящий с городища.

Так как керамическая коллекция из раскопок А.Л. Монгайта, видимо, не сохранилась, сейчас можно обсуждать лишь 660 фрагментов керамики (из них 110 венчиков), извлеченных в 2003 г. из отвалов грабительской траншеи на территории цитадели городища (рис. 4). По мнению И.Ю. Стрикалова и В.Ю. Коваля, комплекс датируется в диапазоне XIII – XIV вв (преобладают типы 3/4, 8/1, 8/3, 13/1, 13/3, 18/1, 18/2, 23/1, 28/1 по В.Ю. Ковалю)[39]. Не стоит забывать, что этот материал происходит лишь с территории цитадели, т.е. с небольшой ограниченной валами части городища. Этот материал не может определять датировку всего памятника.

Несмотря на почти уникальные особенности планировки, Ижеславльское городище имеет аналогии на территории Михайловского поля. Таким аналогом можно считать Жокинское городище, расположенное на левом берегу р. Жраки, в 5,5 км к северу от Лубянского городища (расстояние от Жокинского до Ижеславльского городищ по прямой составляет 11 км). Так же, как и Лубянское городище оно расположено вблизи локального участка лесных почв. Давая описание сложной системы Жокинских укреплений, стоит особо обозначить сходства и различия в топографии Жокинского и Ижеславльского городищ.

Его площадка, так же, как на Ижеславле поделена крутым береговым склоном на 2 части, расположенные на разном уровне относительно реки. Совпадает количество валов, окаймляющих нижние и верхние части площадок обоих городищ. Совпадают пропорции разных частей городищ: верхние больше по площади, нижние – меньше. Но, в отличие от Ижеславля, – Жокинское городище само по себе значительно меньше по площади (210×130 м), не обладает цитаделью, имеет в плане подковообразные контуры, изгибы и углы которых не зависят от рельефа местности. Кроме этого четче читается внутренний вал городища в местах, где он спускается по береговому склону и проем в нем в нижней части площадки. Она в свою очередь содержит следы колодца или пересохшего родника в виде небольшой размытой воронки. Аналог второго вала, окаймляющего нижнюю площадку на городище Ижеславль, здесь выглядит иначе. Начинаясь от склона, с разных сторон городища параллельно друг другу здесь проходят остатки двух валов, обрывающиеся уже у самой реки. Таким образом, остатки этих валов и берег реки ограничивают еще одну часть площадки Жокинского городища, расположенную уже в пойме. Сохранность валов в пойме очень плоха. Это, видимо, связано с тем, что во время весенних разливов река часто затапливает этот участок и постепенно размывает их[40]. С юга к верхней части площадки городища примыкает укрепленное небольшим валом селище – Жокино 1. Формально этот небольшой вал требует включить Жокино 1 в состав территории городища. Но масштабы данного сооружения, неопределенность функционального назначения, непродатированность и, наконец, несочитание с законченной, почти симметричной планировкой городища, позволяют оставить этот вопрос открытым.

Как можно легко заметить, Жокинское городище, не смотря на значительное сходство с Ижеславльским, все же не является его копией. Многочисленные различия не позволяют уверенно предполагать один памятник подражанием друго-

му. Это два самостоятельных объекта, обладающих развитыми, весьма сложными системами фортификационных укреплений. При столь оригинальной планировке, выделяющей эти памятники из общей массы древнерусских городищ, сходство между ними может быть скорее объяснено другими причинами. Например, наличием одного и того же зодчего, проектировавшего эти крепости. Или одним и тем же заказчиком строительства. Последнее тем более вероятно, так как обе крепости находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Еще более близко расстояние от них до крупного городища, предположительно интерпретируемого как центр небольшого удела. В последней четверти XII – начале XIII в. эти земли вполне могли находиться под властью одного из рязанских Глебовичей или его потомков.

Не исключено, что Ижеславльское и Жокинское городища формировались поэтапно, и их планировка была изменена или дополнена в более позднее время в связи с формированием укреплений засечных черт. Но материалы эпохи активного функционирования засечных черт на этих памятниках пока не встречены.

Сопутствующие городищу селища, расположены как вплотную к валам и рвам городища, так и на небольшом отдалении от него. На многих из них встречен многочисленный позднесредневековый материал. При хорошо известной их общей площади, четко локализовать участки на территории «позднего» поселения, где присутствует древнерусский материал, не всегда удается. В ближайшей округе Жокинского городища известно 6 селищ, содержащих материал XII–XIII вв. (преобладают типы венчиков: 6/1, 8/1, 13/1, 18/1, 23/1 по В.Ю. Ковалю). Материал части этих селищ позволяет предполагать их существование в XIV в (рис. 4). Большинство их обладает площадью распространения подъемного материала в приделах 1–1,5 га. Если в других случаях компактность расположения селищ, сопутствующих городищам позволяет предполагать единое поселение, то здесь скорее стоит считать Жокинское городище центром, объединяющим группу различных поселений. Непосредственно связаны с городищем лишь селища Жокино 1 и 2 (у последнего древнерусский материал концентрируется в основном в южной его части, примыкающей к городищу)[41].

Так как южная часть Михайловского поля и берега Прони сравнительно лучше исследованы археологическими разведками, там известно несколько больше «сельских» памятников XII–XIII вв. Это отдельные селища или группы селищ, расположенные обособленно от городищ, топографически с ними не связанные. В качестве селищ – «одиночек» можно назвать Б. Свистово, селища Лубянка 2 и 6, Слободка 1 и 2, Локня 1, Поярково 1, Мужичий колодец 1, Хавертово 1 и 2, Жокино 3, 5, 6, Байдики 1, Верхи 1 и 2, Октябрьский 5. Часть селищ группируется в т. н. гнезда. Это группы селищ Марьино 1–4 и Октябрьский 2–4, Серебрянь 1–3.

Из 27 этих селищ – 11 тяготеют к прибровочным частям первых надпойменных террас, располагаясь на мысовых выступах. 1 – на участке высокой поймы. 7 – на первой надпойменной террасе, вытянуты вдоль прибровочной части (селище Хавертово 2 – на некотором расстоянии от нее). 3 – на более высоких долинных уровнях.

Еще 5 – относится к водораздельному типу, занимая невысокий мысовидный выступ на берегу малого ручья, тяготея к его верховьям.

Подавляющее большинство этих селищ по площади не превышает 1–1,5 га. Это дает основания причислять их к т. н. малодворным поселениям.

Топография других селищ, известных в регионе может быть продиктована непосредственной близостью укрепленного центра. Во многих из них можно предполагать посады древнерусских городов. Такие селища в этих подсчетах не участвовали.

Учитывая слабую изученность региона и недостаточное количество памятников Михайловского поля, пока нет возможности для какой–либо статистики. Но все же надо отметить, что сходные показатели характерны для неукрепленных памятников конца XII – 1-й половины XIII в. в районе Куликова поля[42].

В южной части Михайловского поля также несколько лучше известен и керамический материал XII–XIV вв. В целом, он близок аналогам из Старой Рязани, Переяславля, Ростиславля и Пронска. Отличие состоит, пожалуй, в большем разнообразии формовочных масс и способов обработки поверхности. Собранная керамика, вероятнее всего является следами местного производства. Но, пока, четко выделяется только 1 группа керамики, которую можно с большей определенностью отнести к таковому. В отличие от керамики Пронска и более удаленных памятников фрагменты этой группы на ряде открытых памятников достигают 10–15 и более процентов от всего подъемного материала. В некоторых комплексах она составила около половины от общего числа керамики (шурф 1 на селище Жокино 1 и коллекция из грабительской траншеи на городище Ижеславль) Ее отличают 6 признаков.

1. Примесь мелкодисперсного песка.
2. Примесь (видимо, естественная) слюды мелкой фракции.
3. Преобладание окислительно–восстановительного обжига.
4. Сильноожелезненная глина.
5. Иногда наличие следов ангоба. (Среди материалов 2003г., происходящих с городища Ижеславль ангобированная керамика составила до половины всего комплекса).
6. Наличие в тесте редких включений, напоминающих шамот.

Керамика этой группы точно присутствует на участке Пронского бассейна как минимум на его протяжении от г. Михайлова до Ижеславльского городища. Она в небольшом количестве обнаружена на селище Байдики 1 в верховьях р. Истьи. Керамика из похожих глин в небольшом количестве встречается на памятниках Мельгуновского комплекса, но, возможно, она иного происхождения. Датировка этой группы проводилась по венчикам, имеющим характерные аналогии в материалах Ростиславля Рязанского, и по преобладанию в ее массе фрагментов с линейным орнаментом. По этим признакам она отнесена к периоду XII–XIII вв.

В 2002 г. был обнаружен сильно разрушающийся памятник, на котором удалось исследовать 3 т. н. условно закрытых комплекса. Это селище Мужичий колодец 1. Характерно, что оно почти не содержит керамики вышеописанной группы. Почти весь материал (более 400 единиц) составляют фрагменты из «беложгущихся» глин, датирующиеся, в целом, XIII–XIV вв. Для венчиков этого селища характерен приплюснутый валик (очень распространен тип 23/1). Волнистый орнамент встречается более часто (рис. 4).

Из условно закрытых комплексов происходят 2 так называемые полные формы, для которых характерны, уже упомянутые, венчики типа 23/1, тесто типа 1 (по В.Ю. Ковалю), окислительный обжиг, беложгущаяся глина и, наконец, линейный орнамент. Он сделан гребенкой, и проходит от донца сосудов до венчиков с интервалами 1,5–6 см. В целом, по Ростиславльским аналогам материал продатирован 2-й половиной XIII в. – XIV в. (рис. 5).

Подъемный материал еще ряда памятников, также либо не содержит вовсе керамики вышеописанной группы, характеризующейся шестью признаками. Либо содержит ее в очень небольших количествах. Таковы, например, селища Хавертово 2, Лубянка 10, Локня 1, Слободка 1 и 2. Венчики керамических сосудов, происходящие с этих памятников, позволяют по старорязанским и ростиславль-

ским аналогиям говорить о существовании этих поселений во 2-й половине XIII – XIV в. Те же предположения можно сделать и на основании подъемного материала со многих других памятников (например, селища Поярково 1, Лубянка 1 и 2, Марьино 1–4 или поселение на территории городища Ижеславль) (рис. 4).

Таким образом, можно считать, что Батыево нашествие не вызвало абсолютного запустения края. Ряд поселений продолжает существовать, в том числе и поселения в районе Лубянского, Ижеславльского, Жокинского, Трепольского городищ. Собственно «города», т.е. городские укрепления уже могли быть разрушены, но поселения с ними связанные, если и прекращали свое существование, то на краткий период, пока не фиксируемый археологически. Вероятные изменения их площади на данном этапе исследования памятников Михайловского поля, выявить пока невозможно.

Топография городищ и неукрепленных памятников на территории Куликова поля и в данном регионе зачастую сходна. Это не удивительно, так как в обоих регионах поселения существовали в географически сходных лесостепных условиях.

Примечания

1 *Горбунов Б.В.* Михайловское поле // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1995. Т. 1. С. 626; *Журкин И., Зарубин В., Катогощин Б.* Михайлов. Рязань, 1961. С. 9.

2 ПСРЛ. М. 1961. Т. 1. С 181–182.

3 *Моргунов Ю.Ю.* Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998; *Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М., 2003; *Гоняный М.И.* Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля. Автореф. дисс... кандидата исторических наук. М., 2003. С. 13.

4 ПСРЛ. СПб., 1856–1959. Т. 7. С. 240–241.

5 Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 148.

6 *Мансуров А.А.* Археологическая карта реки Прони. Рязань, 1937. С 215–238.

7 *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. М., 1961. С. 219–226.

8 *Чернай И.Л.* Отчеты за 1983, 1985, 1987 гг.

9 *Коваль В.Ю.* Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 207–212; *Коваль В.Ю.* Керамика Ростиславля рязанского // Археологические памятники Москвы и Подмосковья / Труды Музея истории города Москвы. М., 1996. Вып. 9. С. 103–133; *Коваль В.Ю.* К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. М., 2000. Вып. 10. С. 73–83.

10 ПСРЛ. Т. 7. С. 240–241.

11 *Проходцев И.И.* Осовские курганы // ТРУАК. 1899. Т. 14. Вып. 1. С. 73 – 75.

12 *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2002 году // Архив ИА РАН.

13 РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 4830–4833.

14 *Чумакова Ю.П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим данным. Уфа, 1992. С. 62.

15 *Недошивина Н.Г.* Курганный могильник у деревни Маклаково // Археология Рязанской Земли. М., 1975. С. 210 – 215.

16 *Чумакова Ю.П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим данным. Уфа, 1992. С. 21.

17 Монгайт А.Л.Отчет о раскопках Жокинского городища в 1959 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 2861а.

18 *Монгайт А.Л.* Старая Рязань М., 1955. С. 121–122, 125.

19 *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. М., 1961. С. 228.

20 *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2001 году // Архив ИА РАН.

21 РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 4830–4833.

[22] *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2002 году // Архив ИА РАН.
[23] ПКРК. 1996. Т. 1. Вып. 3. С. 98.
[24] *Гоняный М.И.* Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля. Автореф. дисс... кандидата исторических наук. М., 2003. С. 13.
[25] *Моргунов Ю.Ю.* Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998; *Моргунов Ю.Ю.* Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М., 2003.
[26] *Гоняный М.И.* Древнерусские археологические памятники... С. 9–10.
[27] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. С. 219 – 226; *Русаков П.Е.* Жокинский комплекс памятников по материалам исследований 2000–2001 гг. // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 209–217.
[28] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. С. 216–219; *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2000 году //Архив ИА РАН.
[29] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. С. 217.
[30] *Мокеев Г.Я., Щенков А.С.* Планировочная структура городов // Древнее русское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 54.
[31] ПСРЛ. Т. 7. С. 242.
[32] ПСРЛ. Т. 1. С. 181–182.
[33] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 4830–4833.
[34] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. М., 1961. С. 219.
[35] ПКРК. Т. 1. Вып. 3. С. 131.
[36] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 4830.
[37] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. С. 219–226; *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2003 году // Архив ИА РАН.
[38] *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII в. Казань, 2001. С. 358–373.
[39] Пользуясь случаем, автор выражает благодарность В.Ю. Ковалю и И.Ю. Стри – Марьинокалову за участие и консультативную помощь.
[40] *Монгайт А.Л.* Рязанская Земля. С. 226–229; *Русаков П.Е.* Отчет об археологических разведках в Михайловском и Захаровском р-нах Рязанской области в 2001 году // Архив ИА РАН.
[41] *Русаков П.Е.* Жокинский комплекс памятников по материалам исследований 2000–2001 гг. // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 209–217.
[42] *Гоняный М.И.* Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2003. С. 8.

В.П. Челяпов

Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли

Одной из важнейших задач изучения древней истории Среднего Поочья является определение направления и интенсивности славянской колонизации северо-восточной части Рязанского края, уточнение северо-восточных границ Рязанского княжества в домонгольское время.

В результате многолетних археологических исследований на северо-востоке Рязанской земли выявлены два района концентрации древнерусских памятников: Касимовское Поочье и нижнее течение р. Цны.

В первом из этих районов зарегистрировано 13 археологических памятников с древнерусским слоем – это городище Земляной Струг, Ватреницкий и Поповский курганные могильники и 10 селищ, расположенных у г. Касимова, сел Алешино, Балушевы-Починки, Ибердус, Иванчино, Мараево, Поповка (два селища), Толстиково, Царицино (рис. 1, *1–13*).

В 2000–2002 гг. археологическая экспедиция Центра охраны объектов культурного наследия проводила исследования на территории г. Касимова, одной из основных задач которых был поиск материалов, относящихся к домонгольскому времени, в том числе и определение местонахождения Городца Мещерского. Согласно легендарным данным основание Городца Мещерского относится к 1152 г., но письменных источников о раннем периоде истории города не сохранилось.

В 30-х годах XIX в. И.С. Гагин пытался определить местонахождение Городца Мещерского, считая, что город располагался на правом берегу р. Оки в месте впадения в нее реки Бабенка. В 1932 г. О.Н. Бадер и А.А. Мансуров провели обследование мыса в устье р. Бабенки, но материальных свидетельств, относящихся к XII–XIII вв. обнаружено не было (Мансуров, Бадер, 1974. С. 281–282). Наши исследования в этом районе г. Касимова также не дали материалов домонгольского времени (Челяпов, 2000).

В 2001, 2002 г. раскопки были проведены на городище Земляной Струг (Челяпов. 2001, 2002). Впервые памятник обследован И.С. Гагиным в 1823 г. (Гагин. О достопамятностях...). Впоследствии о памятнике писали Д.Т. Воздвиженский (Воздвиженский, 1827), Н.В. Любомудров (Любомудров, 1874). В 1897 г. городище осмотрели члены РУАК А.И. Черепнин, И.И. Проходцев и А.П. Мансуров (Отчет о деятельности...). В 1924 г. городище раскапывалось Н.И. Лебедевой и Б.А. Куфтиным (Лебедева, 1925). В 1932 г. памятник обследовали О.Н. Бадер и А.А. Мансуров (Мансуров, Бадер, 1974. С. 285). В 1925–1928 гг. и 1950–1960-х годах городище часто посещал И.А. Китайцев, проводивший ограниченные раскопки и зачистки культурного слоя и передавший вещи из раскопок в Касимовский краеведческий музей. К большому сожалению, отчеты об этих раскопках не составлялись. Кроме того, в 1935–1948 гг. памятник регулярно осматривался

директором Касимовского краеведческого музея Л. Кленовым, а в 1949 г. на городище побывал В.И. Зубков (Зубков, 1949). В 1962 г. М.Х. Алешковский посетил городище в целях его паспортизации (Паспорт на городище...).

Городище Земляной Струг находится в 1,9 км к востоку от восточной окраины Касимова и в 1,1 км к северо-западу-западу от д. Кучуково на удлиненном мысе правого коренного берега р. Бабенка (правый приток р. Ока), образованном двумя оврагами. Состоит из двух площадок – северной и южной, разделенных глубоким рвом. Южная площадка возвышается от уреза воды в реке на 18 м. В северной ее части сохранились остатки вала, достигающие высоты 3,6 м, а в южной части – система укреплений, состоящая из остатков вала на площадке,

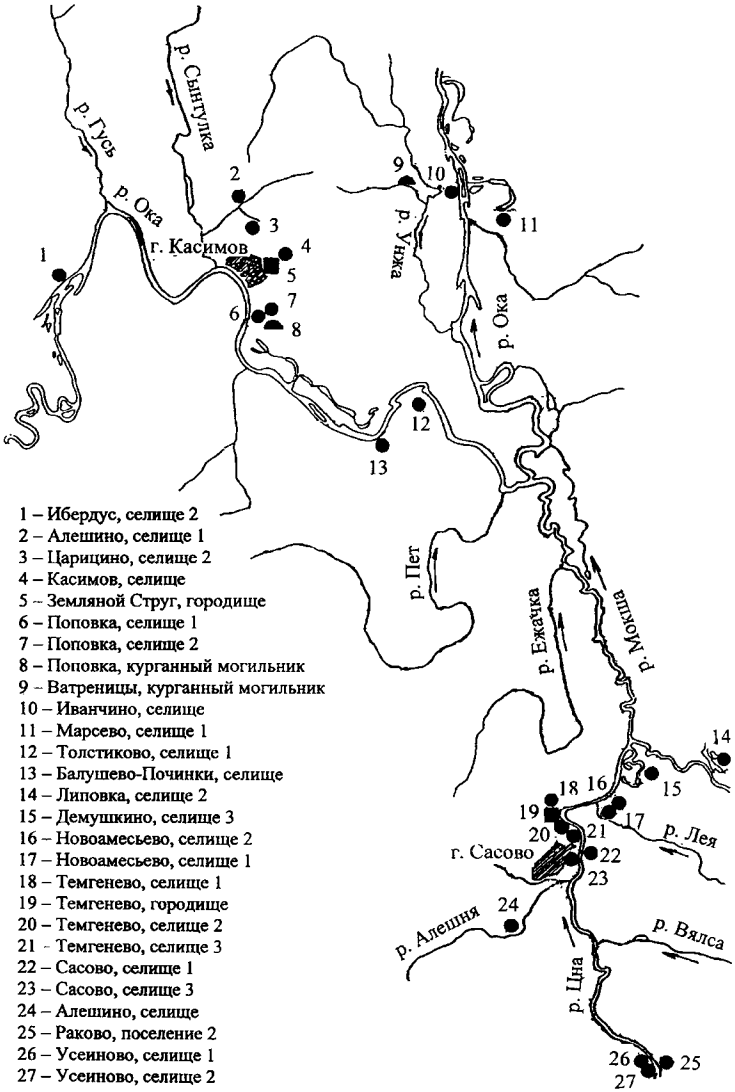


Рис. 1. Археологические памятники древнерусского времени на северо-востоке Рязанской земли

высотой около 0,5 м и длиной до 20 м, и вала и рва у подножья площадки (бастион). Высота вала бастиона от дна рва достигает 1,2 м, протяженность до 25 м. Длина площадки вместе с укреплениями достигает 130 м, ширина – 40 м. Северная площадка возвышается над дном оврага на 7–9 м. Размеры площадки 150×65 м. С напольной стороны зафиксированы остатки вала и рва. Вал имеет высоту до 1 м и ров глубину чуть больше метра. В центре укреплений проход на городище. Общая длина северной и южной площадок с укреплениями достигает 320 м.

В 2001 г. на памятнике были проведены рекогносцировочные работы, позволившие обнаружить кроме материалов городецкой культуры и слой древнерусского времени (Челяпов, 2003. С. 12–13).

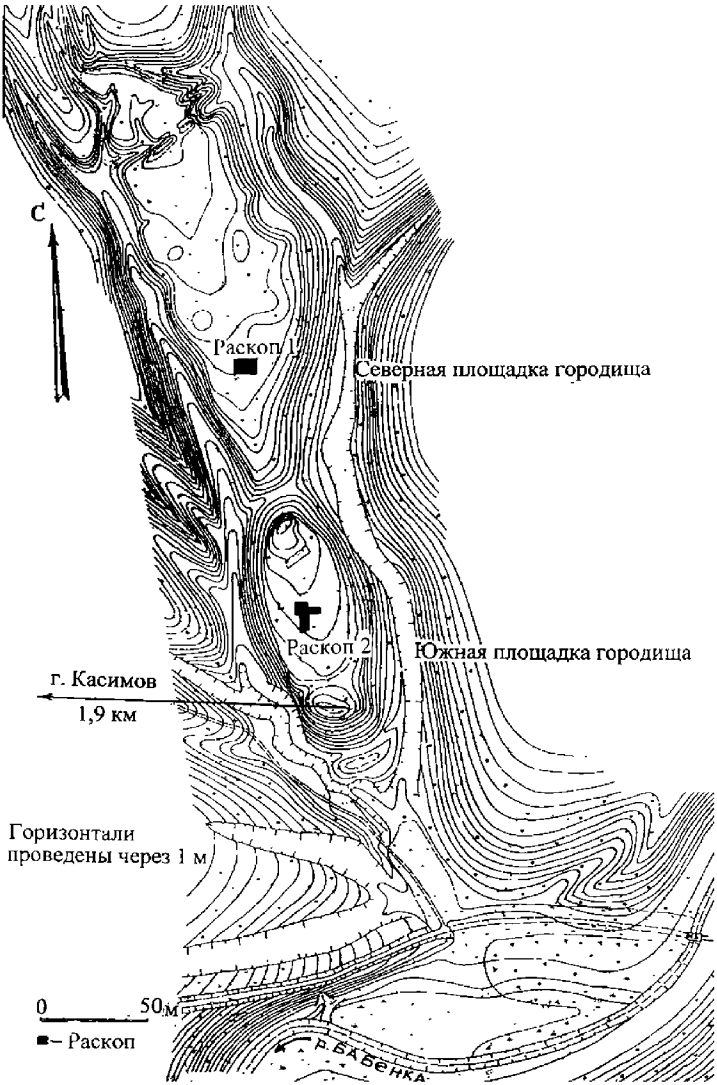


Рис. 2. План городища Земляной Струг

В 2002 г. работы на городище были продолжены. Заложено 2 раскопа. Раскоп 1 площадью 52 кв. м был разбит на северной площадке, раскоп 2 (48 кв. м) – на южной (рис. 2). В раскопе 1 культурный слой достигал мощности 0,4 м. Найдены отдельные фрагменты керамики гончарных древнерусских сосудов XI–XIII вв., украшенные волнистым и линейным орнаментом, овальными вдавлениями, ромбовидным орнаментом, а также 24 обломка амфор византийского круга (Коваль, 1999), наконечник копья (рис. 3, *1*), железный браслет (рис. 3, *15*), наконечники стрел (рис. 3, *2–10, 16, 17*), кресала (рис.3, *13, 14*), лопатовидные ключи от цилиндрических замков (рис. 3, *11, 12*), обломок подковы, фрагмент перекрестия сабли (рис. 3, *18*), удила (рис. 3, 19), ножи (рис. 4, 1–6), железные изделия (рис. 4,

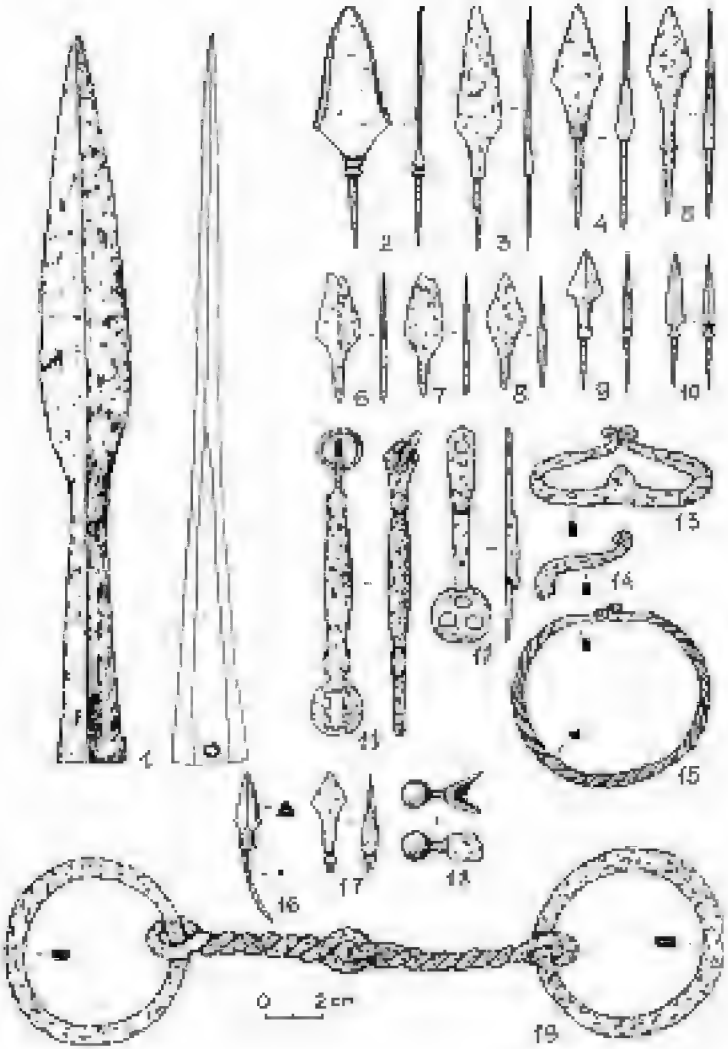


Рис. 3. Городище Земляной Струг. Изделия из железа: *1* – наконечник копья; *2–10, 16, 17* – наконечники стрел; *11, 12* – ключи от цилиндрических замков; *13, 14* – кресала; *15* – браслет; *18* – фрагмент перекрестия сабли; *19* – удила

7–14), железный псалий (рис. 5, *1*), обломок подковы (рис. 5, *2*), железная ручка от сундука (рис.5, *4*), бронзовая привеска (рис. 5, *5*), бронзовый бубенчик (рис. 5, *6*), бронзовая пуговица (рис. 5, *7*), монетовидная подвеска из белого металла (рис. 5, *8*), бронзовая подвеска в виде лунницы (рис. 5, *9*).

На южной площадке, в культурном слое найдены фрагменты гончарной древнерусской керамики XII–XIII вв., а также железные иглы и шилья, наконечники стрел (рис. 6, *1–12*), ножи, весовые гирьки (рис.7, *17–19*), ключи от цилиндрических замков (рис.7, *12, 13*) бронзовые пуговицы (рис. 8, *14, 15*), монетовидная привеска (рис. 8, *11*), фибулы (рис.7, *8*; 8, *23*), перстни (рис. 8, *16*), шиферное пряслице, накладка из белого металла (рис. 8, *22*), обломки от медных котлов (рис. 8, *19, 20*) и другие предметы.

Монетовидные привески имеют аналогии на городище Старая Рязань, где они датируются XII–XIII вв. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 282. Рис. 54, *6*).

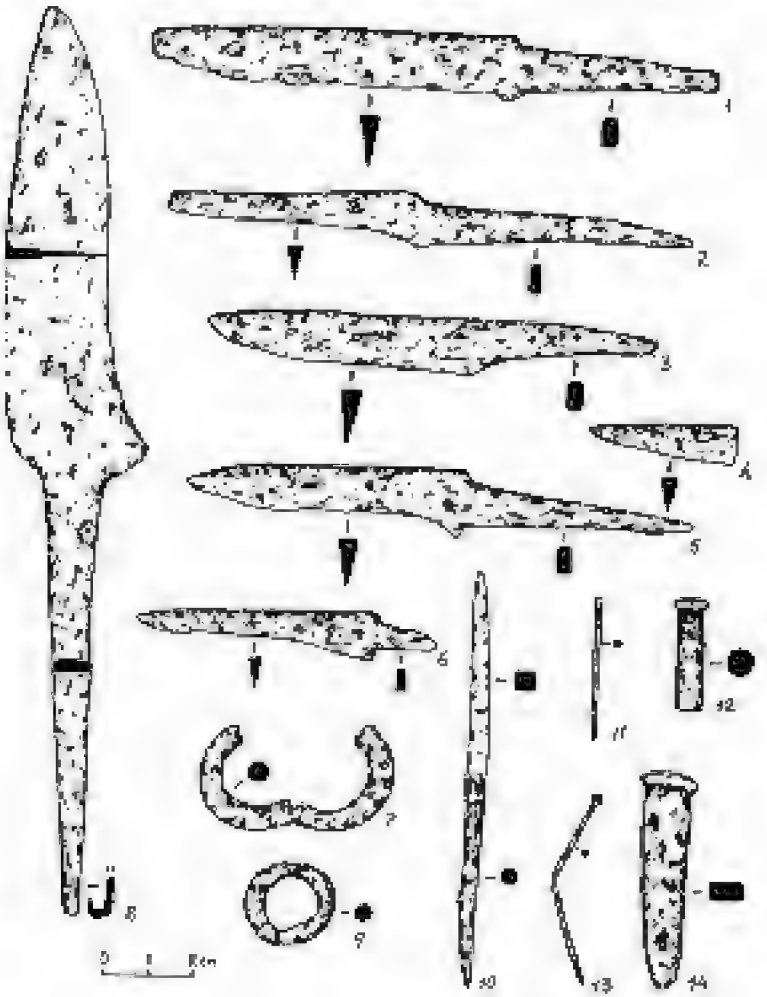


Рис. 4. Городище Земляной Струг: *1–6, 8* – железные ножи; *7, 9–14* – железные изделия

Найденная бронзовая фибула (рис. 8, *23*) имеет аналогии в материалах Березовецкого курганного могильника (Успенская, 1993. С.101. Рис.12) и в курганном могильнике Плешково I (Комаров, 2002. С. 186. Рис. 9, *9, 10*).

В фондах Касимовского краеведческого музея хранится большая коллекция предметов с городища Земляной Струг. В коллекцию входят предметы, которые можно отнести к древнерусскому времени:

– гончарные древнерусские сосуды, украшенные линейным и волнистым орнаментами (рис.9, *1–8*);

– костяные двусторонние гребни (рис.9, *9, 10*);

– биллоновая монетовидная привеска с изображением креста, по краю украшенная крупной ложной зернью (рис.9, *11*). Подобные привески встречены на городище Старая Рязань (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 282. Рис. 54, *6*). Датируются XII–XIII вв.;

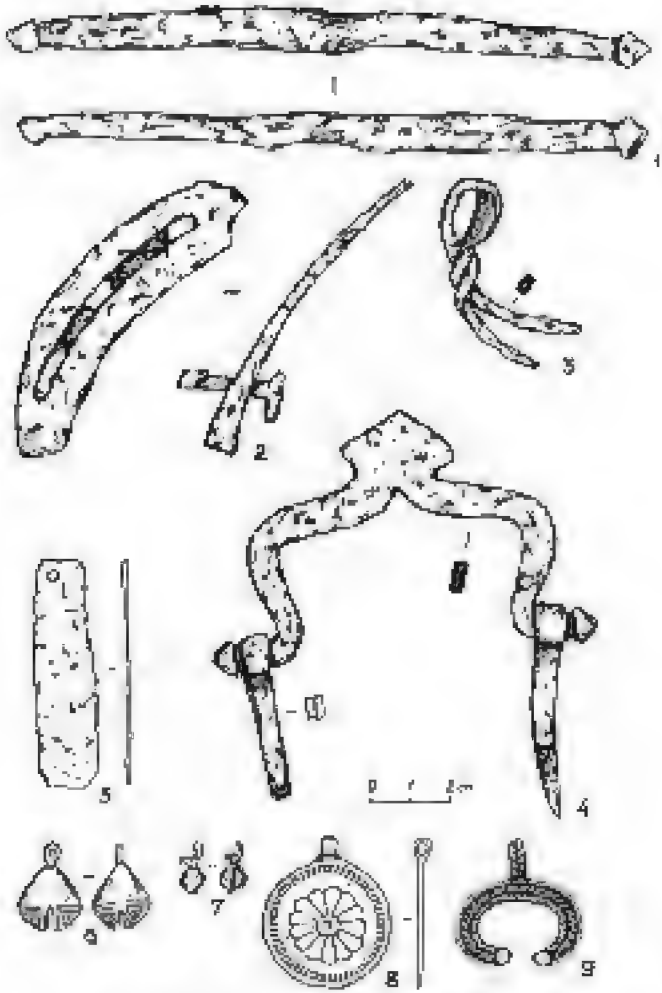


Рис. 5. Городище Земляной Струг: *1* – псалий; 2 – обломок подковы; *3* – пробой; *4* – ручка от ларца; 5 – подвеска; *6* – бубенчик; *7* – пуговица; *8* – монетовидная подвеска; *9* – подвеска (*1–4* – железо; *5–9* – бронза)

– костяной наконечник стрелы (рис.9, *13*). С обеих сторон украшен циркульным орнаментом;

– боевой топор (рис.9, *12*). Имеет две пары щековиц и удлиненный вырезной обух. На лезвие сквозное отверстие диаметром около 4 мм. Топор типа IV (по А.Н. Кирпичникову и А.Ф. Медведеву) датируется X–XII вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 339. Табл. 127, *16)*;

– наконечник копья (рис.9, *14*). Имеет форму четырехгранного стержня с воронковидной втулкой. Во втулке имеется отверстие для крепления наконечника с древком, в котором сохранились остатки гвоздя. Наконечник относится к типу V (по А.Н. Кирпичникову и А.Ф. Медведеву) и датируется очень широко с X до XVII в. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 337. Табл. 125, *23*);

– железные пружинные ножницы (рис. 9, *15*);

– ключи от цилиндрических замков (рис. 10, *1–3*). Все ключи лопатообразные

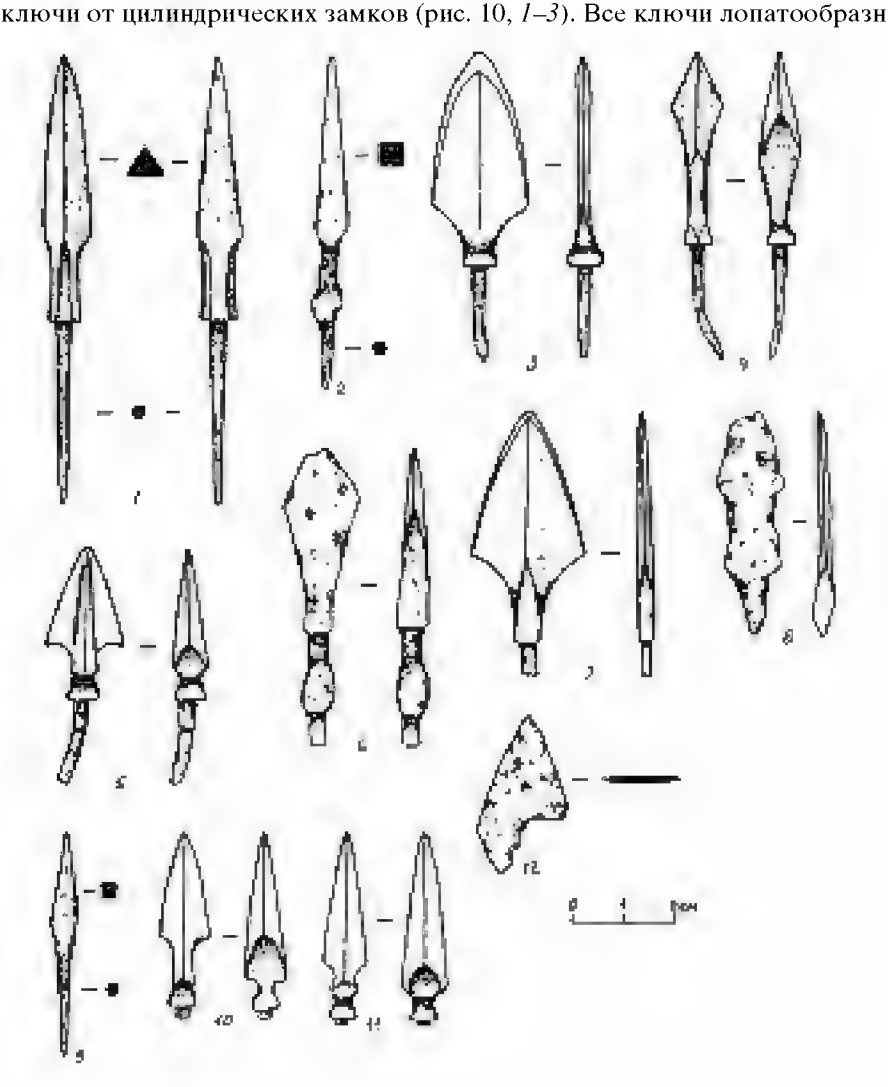


Рис. 6. Городище Земляной Струг: *1–12* – железные наконечники стрел

с квадратной (рис. 10, *3*) или круглой (рис. 10, *1*, *2*) лопастью. Ключи датируются XI–XIII вв.;

– железные кресала (рис. 10, *4–7*). Большая часть кресал имеет калачевидную форму;

– железные наконечники стрел (рис. 11, *1–15*);

– фрагмент лезвия меча (рис. 10, *8*). По небольшому фрагменту трудно отнести меч к какому-либо типу, но находки мечей на Руси датируются в пределах IX–XIV вв. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 300).

– шиферные пряслица биконической, бочковидной и подвовальной (рис. 10, *9–17*) в сечении формы. На трех пряслицах нанесены знаки в виде ряда точек (рис. 10, *15а*), прочерченной косички (рис. 10, *16а*), двух прочерченных букв (?) – (рис. 10, *17а*).

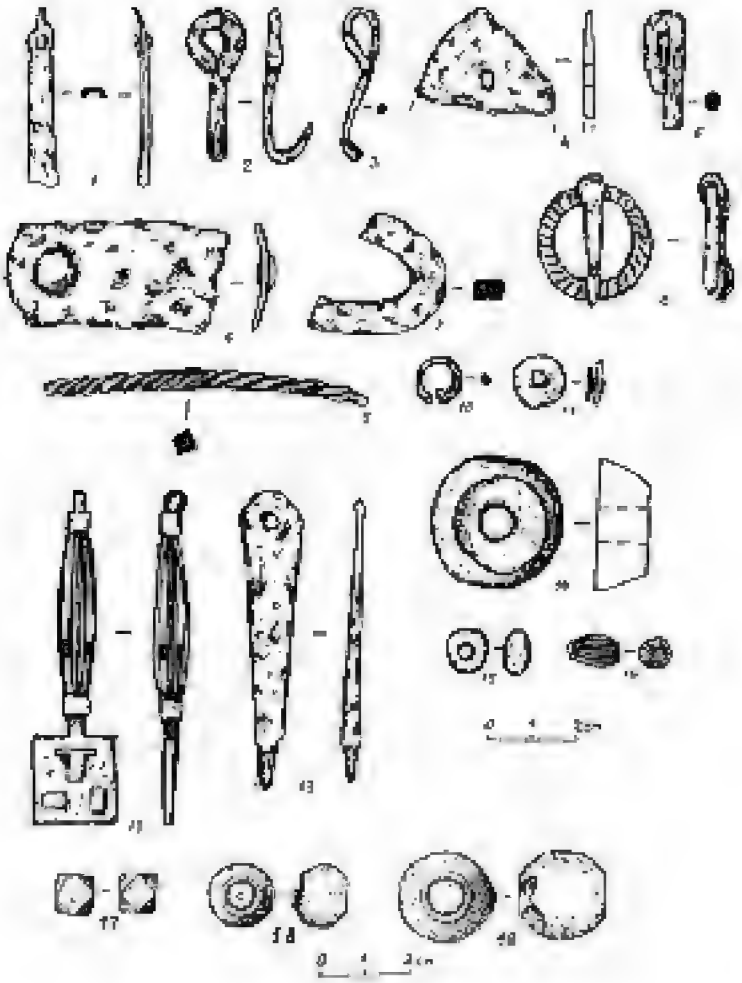


Рис. 7. Городище Земляной Струг: *1–7, 9* – обломки железных предметов; *8* – бронзовая фибула; *10* – железное кольчужное колечко; *11* – железная заклепка; *12, 13* – ключи; *14* – пряслице; *15, 16* – бусы; *17–19* – весовые гирьки

Исследование городища показало, что здесь находился значительный населенный пункт древнерусского времени, расположенный на месте более раннего городища, вероятно, основанного племенем мещера (отсюда Городец Мещерский).

По данным ряда источников Городец Мещерский был разрушен татарами в 70-х годах XIV в. и возобновлен на новом месте уже на берегу р. Оки. Первоначально город получил называние «низовый новый городок». Это противоречит общепринятой точки зрения о первоначальном местонахождении Городца Мещерского в устье р. Бабенка, т.к. фактически город, впоследствии ставший называться Касимовым, был сооружен выше по течению р. Оки от устья Бабенки. Если же брать за отправной ориентир р. Бабенку, то восстановленный город располагался ниже по ее течению и мог называться «низовый новый городок».

На основе полученных археологических данных и упоминаний в письменных источниках можно, с большой долей вероятности, утверждать, что первоначально Городец Мещерский находился на месте городища Земляной Струг.

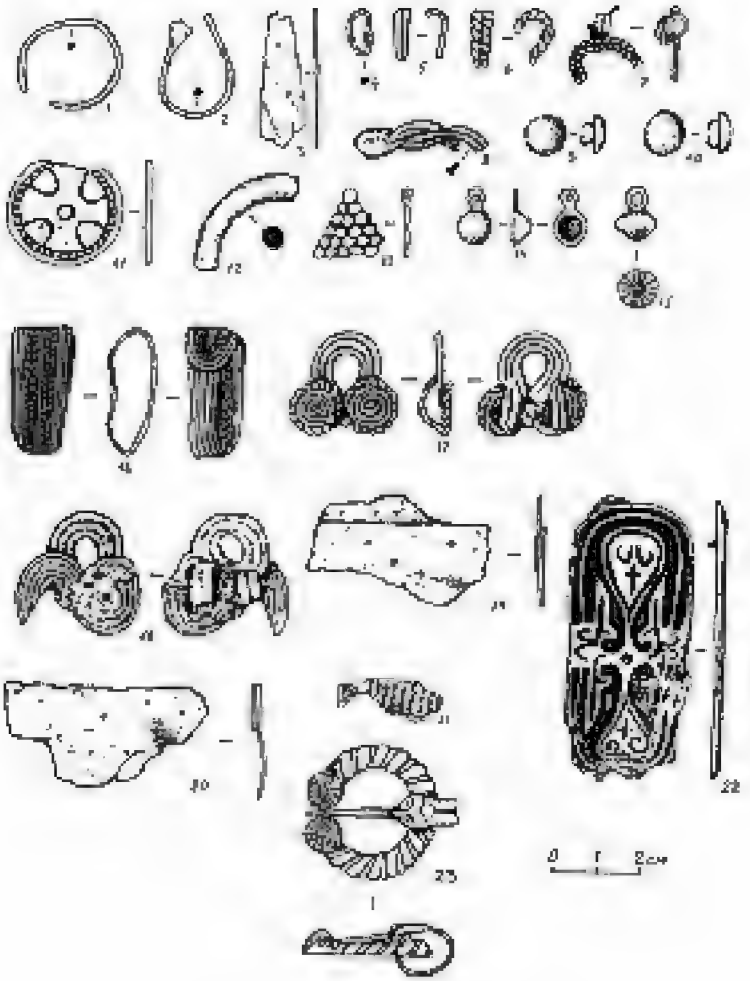


Рис. 8. Городище Земляной Струг: *1–21, 23* – изделия из бронзы; *22* – накладка из белого металла

Вторым регионом концентрации древнерусских памятников на северо-востоке Рязанской земли является нижнее течение р. Цны. Здесь исследованы селища у сел Раково, Алешино, Демушкино, Липовка, по два памятника найдено у сел Усеиново, Новоамесьево, на территориии г. Сасово, у с. Темгенево находится городища и три селища. Эти поселения образуют анклав славянских памятников, отделенных от основного ядра Рязанского княжества значительным пространством.

Темгеневское городище является пока единственным на востоке Рязанской области (бассейны рек Мокши и Цны) городищем с древнерусским культурным слоем. Памятник известен с конца XIX в., когда он был описан тамбовскими краеведами А.В. Проскурниковым и М.Г. Розановым (Проскурников, Розанов, 1890. С. 47). В 1986 г. обследован бригадой по Своду памятников истории и культуры (Челяпов, Буланкин. 1988. С. 43).

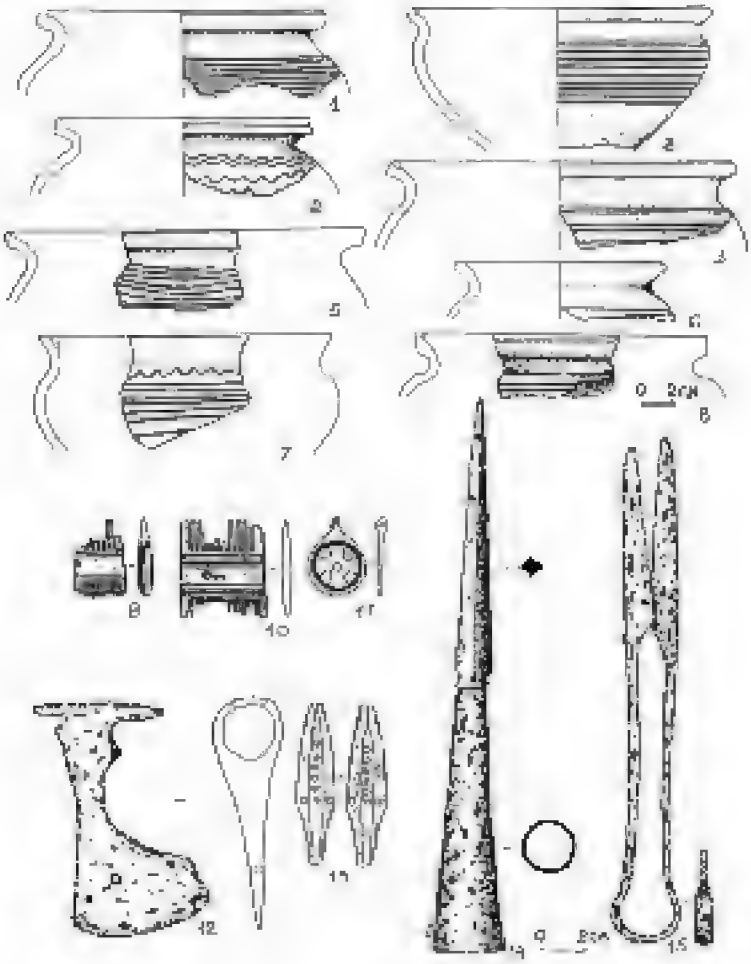


Рис. 9. Городище Земляной Струг. *1–8* – глиняные сосуды; *9, 10* – костяные гребни; *11* – монетовидная привеска; *12* – железный топор; *13* – костяная стрела; *14* – железный наконечник копья; *15* – железные ножницы

Городище располагается на левом берегу р. Цны в 0,5 км к северу от с. Темгенево (рис. 12). Площадка имеет подтреугольную форму размером 240×175 м и возвышается над современным уровнем воды в р. Цне на 20–25 м. От напольной стороны площадка отделена валом длиной 240 м и высотой 5 м. Концы вала загнуты внутрь площадки. Между ними и берегом реки оставлены проходы на городище. Перед валом находится ров, современная глубина которого достигает 4 м. Мысовая часть городища отделена от площадки валом длиной 85 м и высотой до 1 м, образующие детинец размером 70×70 м. Культурный слой с включениями угля, золы, глины и известняка достигает мощности 0,6 м. Найдена гончарная древнерусская керамика с линейным и волнистым орнаментами. Встречены донца сосудов с клеймами, железные предметы, в том числе пружина от цилиндрического замка. К городищу примыкают 3 селища, образующие посад площадью 10 га.

Таким образом, данный памятник представляет собой крупное поселение городского типа со сложной системой оборонительных укреплений и значитель-

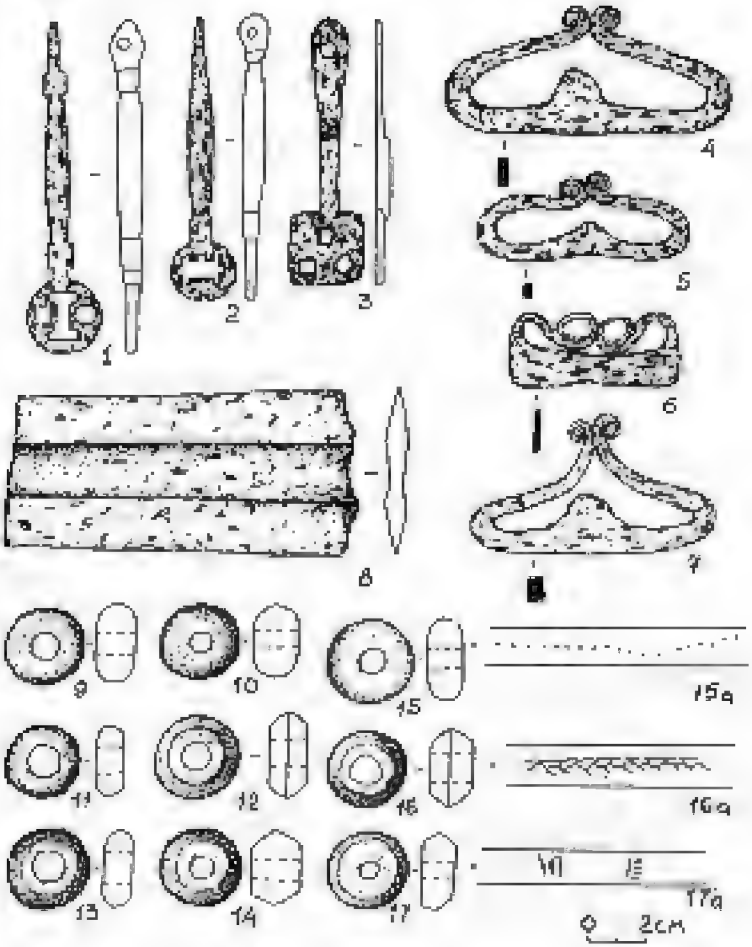


Рис. 10. Городище Земляной Струг: *1–3* – ключи от цилиндрических замков; *4–7* – кресала; *8* – фрагмент лезвия меча; *9–17* – шиферные пряслица

ным посадом. Скорее всего именно здесь находился главный форпост на восточной окраине Рязанского княжества.

Вопрос о восточной границе Рязанского княжества в домонгольский период в настоящее время недостаточно разработан. До настоящего времени о ней можно было говорить лишь приблизительно.

Для решения поставленного вопроса можно использовать только два летописных известия. Под 1209 г. Никоновская летопись сообщает, что «убиен бысть в Кадоме тысяцкий Рязанский Матфей Андреевичь» (Патриаршая... 1965. С. 60). В.Н. Татищев, используя не дошедший до нас документ, дает более развернутую характеристику этого события: «Болгары, пришед на Рязанскую землю, делали разорение, о чем уведав, князь великий Всеволод велел резанскому тысецкому Матфею Андрееевичу, собрав войска сколько можно, идти на них. Он же немедля собрався, догнал их в Кадоме, и был между ими жестокий бой. И едва болгар победили, но тысецкий резанский сам убит» (Татищев, 1964. С. 182). Опираясь на это сообщение, некоторые исследователи считают Кадом одним из восточных форпостов Рязанской земли (Шитов, 1992. Старокадомское... С. 112). А.Г. Кузь-

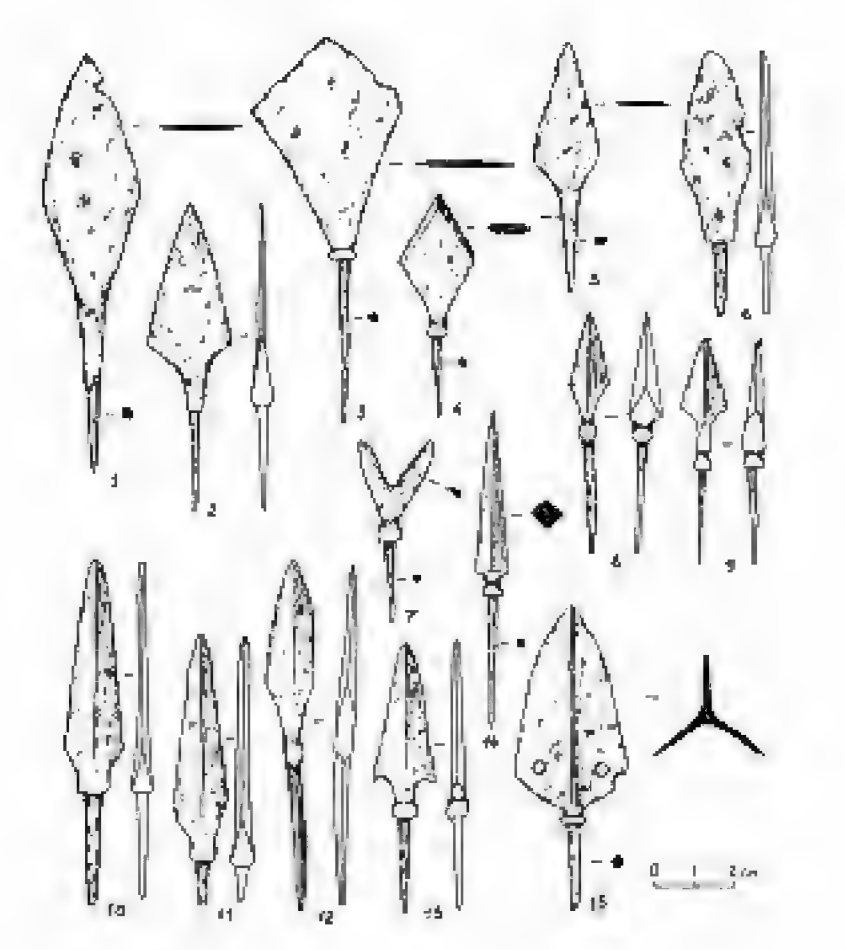


Рис. 11. Городище Земляной Струг. *1–15* – железные наконечники стрел

мин предположил, что Кадом мог и не быть рязанским, а это – место, где рязанцы настигли болгар (Кузьмин, 1965. С.141).

Археологические исследования Кадома и его окрестностей проводились в 30–70 годах XX в. Н.В. Говоровым (Говоров, 1930), В.Н. Шитовым (Шитов, 1992. Старокадомское...; 1992 Поселение...), Б.А. Фоломеевым (Фоломеев, 1983). Н.В. Говоров обнаружил в окрестностях Кадома Армыжевское и Мокшинское селища, относящиеся к XII–XIV вв. В.Н. Шитовым было раскопано Старокадомское поселение. Обнаружены материалы, относящиеся к XIII–XV вв. (Шитов, 1992. Старокадомское.... С. 56). На поселении Кокуй, расположенном в самом Кадоме, найден энколпион, датируемый XIII–XIV вв. (Шитов, 1992. Поселение... С. 71. Табл. XIV). В.Н. Шитов предположил, что крепость древнего Кадома находилась на одном из высоких песчаных холмов в центральной части современного Кадома (Шитов, 1992. Старокадомское.... С. 112).

Интересно и другое летописное сообщение о восточной границе рязанских владений. Оно связано с татаро-монгольским нашествием 1237 г. В Симеоновской летописи говорится, что в лето 1237 г. «приидоша от восточная страны, на Резаньскую землю лесомъ безбожнии татарове съ царем их Батыемъ и пришедше сташа первое станом по Онузе и взяша ю и пожгоша» (Симеоновская летопись, 1913. С. 54). В этом сообщении ясно говорится, что татары остановились на восточных границах Рязанской земли. В свое время автор и В.В. Судаков высказали мнение, что Онуза (Нузла, Нухля) находилась в бассейне р. Цны и связали ее с Темгеневским городищем (Челяпов, Судаков, 1987. С. 33).

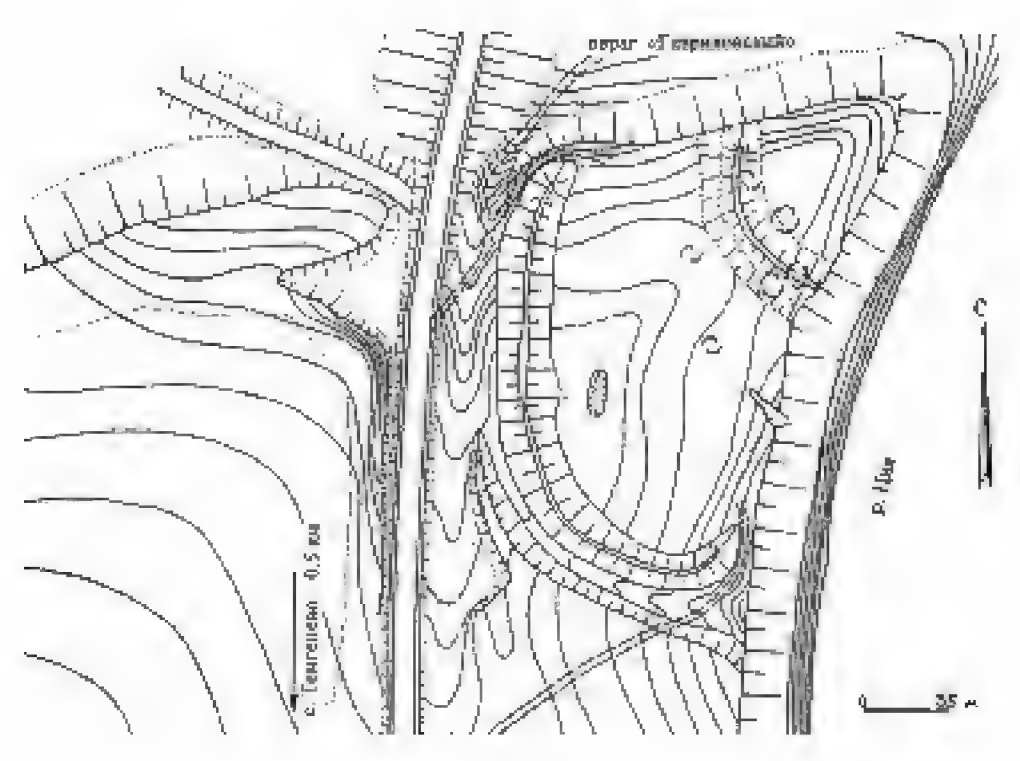


Рис. 12. План Темгеневского городища

С образованием Рязанского княжества в XII – начале XIII в. начинается активное расширение его северо-восточных границ. В нижнем течении р. Цны и в касимовском Поочье возникает ряд славянских поселений и городищ. Эти памятники как бы маркируют восточную границу Рязанского княжества в домонгольский период.

Литература

Воздвиженский Д. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии // Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света. М., 1827.Ч. II. Кн. 2.

Гагин И.С. О достопамятностях г. Касимова – древнем и о нынешнем его состоянии, извлеченное из разных российских историй. Рукопись, фонды Касимовского музея.

Говоров Н.В. Предварительный отчет о поездке в Кадомский район. 1930 г. // Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. № 417.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XII вв. М., 1995.

Зубков В.И. Отчет о разведках 1949 г. на территории Рязанской области в // Архив НА РИАМЗ. № 1472.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского круга в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1999. Вып. 13.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. 1959. № 65. Т. II.

Комаров К.И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Лебедева Н.И. Отчет о летних работах по археологии в окрестностях г. Касимова // Вестник Рязанских краеведов. 1925. № 1.

Любомудров Н.В. Местногеографические древности в Рязанской губернии // Прибавления к Рязанским Епархиальным ведомостям. Рязань, 1874.

Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Отчет о деятельности Рязанской Ученой Архивной комиссии за 1897 г. Рязань, 1898.

Паспорт на городище Земляной струг (1962 г., сост. М.Х. Алешковский). Архив Центра по охране объектов историко-культурного наследия Рязанской области.

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. X.

Проскурников А.В., Розанов М.Г. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // Известия ТУАК. 1890. Вып. 26.

Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII.

Татищев В.Н. История Российская. М.–Л., 1964.

Успенская А.В. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. ТГИМ. М., 1993. Вып. 82.

Фоломеев Б.А. Отчет Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ за 1983 год // ИА РАН. Р-I. № 9663.

Челяпов В.П., Судаков В.В. Новые данные о локализации летописной Нузлы (Онузы) // Тр. Рязанского исторического общества. Рязань, 1997. Вып. 1.

Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 году // Архив ИА РАН.

Челяпов В.П. Отчет о разведочных работах в Рязанской области в 2001 году // Архив ИА РАН.

Челяпов В.П. Отчет о раскопках городища Земляной Струг в Касимовском районе Рязанской области в 2002 году // Архив ИА РАН.

Челяпов В.П. В поисках Городца Мещерского // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2003. Т. 4.

Шитов В.Н. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья / Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып. 104.

Шитов В.Н. Поселение Кокуй в Кадомском Примокшанье // Древние поселения Примокшанья / Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып 104.

Н.А. Тропин

Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения

Южные территории Рязанской земли расположены в бассейне Верхнего Дона, южнее памятников района Куликова поля и Чур-Михайлова, включая также бассейн р. Воронеж (рис. 1). Особенностью рассматриваемого региона являлась непосредственная близость к Степи (русско-половецко-ордынское пограничье), сравнительно слабая заселенность и периферийность расположения относительно крупных центров.

Не смотря на то, что история южных территорий слабо отражена в письменных источниках, ее соотнесение с Рязанской землей, несомненно. Первое упоминание, связанное с территорией р. Воронеж относится к 1177 г. и встречается в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, 1962. Т. 1. С. 385). Об этой же территории сообщается в событиях начала Батыева нашествия на Рязанское княжество в декабре 1237 г. (Новгородская Первая летопись.., 1950. С. 74, 286). О Верхнем Доне, как юго-западной границе рязанских земель, подвергшихся разорению татарами во 2-й половине XIV в., упоминается в литературном памятнике «Хождении митрополита Пимена в Царьград» (ПСРЛ, 1965. Т. XI. С. 95–96). В духовных и договорных грамотах московского и рязанских князей конца XV в. оговариваются рязанские владения в районе устья Красивой Мечи и задонской излучины р. Дон (ДДГ, 1909. С. 127, 130; ДДГ, 1950. С. 335). Сказанное наглядно показывает, что письменная традиция XIV–XVI вв. рассматривала исследуемую территорию в составе Рязанской земли.

Ее археологическое изучение с выявлением древнерусских поселений началось с середины XX в. С 1959 г. Верхнедонская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Левенка (1959–1967 гг.), а в период 1968–1984 гг. та же экспедиция, возглавляемая В.И. Матвеевой (ИА АН СССР), осуществляла разведки и раскопки ряда памятников в бассейне Верхнего Дона. Но изучение древнерусской проблематики не оказалось в центре внимания исследователей. Преимущественно происходило осмысление материалов эпох камня, раннего железного века. Однако ряд памятников был раскопан значительной площадью (Стрешневское городище, поселение у с. Яблоново, Казинка, Каменное и др.)

Сложившаяся ситуация начала меняться в начале 1980-х годов, когда экспедиция Воронежского госуниверситета под руководством А.Д. Пряхина приступила к целенаправленному изучению древнерусских памятников самого южного рязанского порубежья в рамках проблематики юго-восточного пограничья Руси эпохи раздробленности. В специальных работах этого и других воронежских археологов (А.З. Винникова, М.В. Цыбина) не только публиковались результаты раскопок, но и рассматривались различные аспекты проблемы, преимущественно с позиций изучения пограничья со Степью (Пряхин, 1995; Пря-

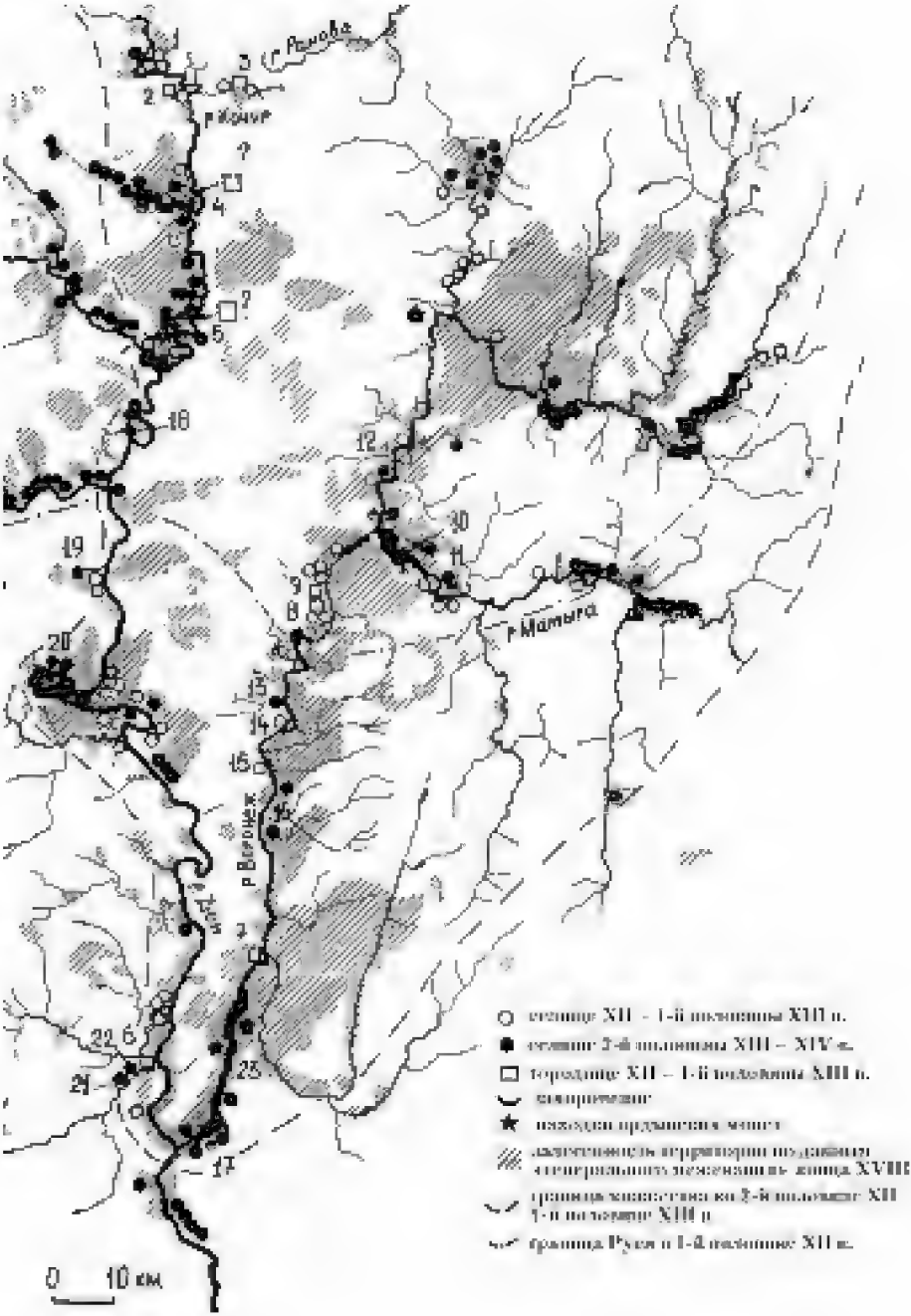


Рис. 1. Южные территории Рязанского княжества:
1 – Стрешневское; *2* – Долговское; *3* – Архангельское; *4* – в устье р.Вязовки; *5* – в устье р. Лебедянки; *6* – Семилукское; *7* – Животинное; *8–9* – Романовские; *10* – Казинка; *11* – Каменное; *12* – Богородицкое; *13* – Полозово; 14 – Вербилово; *15* – Курино; *16* – Пристань; *17* – Шиловское; *18* – Яблоново; *19* – Липовка (Бехтеевка); *20* – Каменка; *21* – Девица; *22* – Семилуки; *23* – Отрожка

хин, Цыбин, 1991, 1996; Винников, 1991; Винников, Кудрявцева, 1998; Цыбин, 1987, 1989, 1999).

С рубежа 1980–1990-х годов свои исследования на территории Верхнего Подонья начинает проводить экспедиция Елецкого госуниверситета под руководством автора. Помимо раскопок ряда поселений (Крутогорье, Полозово, Замятино 10) осуществлялись разведки. В среднем течении р. Воронеж и на р. Дон были картированы древнерусские памятники и привязаны к топооснове 1:100. Это расширило информационную базу в их изучении и позволило в итоге выйти на вопросы изучения характера расселения, топографии, размеров, датировки поселений. Были повторно обследованы ранее известные памятники, которые также включены в анализируемую систему древнерусского расселения по Дону и Воронежу. В итоге впервые была получена наиболее полная картина древнерусских памятников на рассматриваемой территории, учитывающая при этом динамику заселения.

Важное место в работе занимает картографический материал, отражающий залесенность по данным «генерального межевания» конца XVIII в. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1). Его экстраполяция на период средневековья во многом оправдана тем, что антропогенное воздействие на растительный покров в XVI–XVIII вв. на рассматриваемой территории было не значительным. Сопоставление данных залесенности с картой археологических памятников, а также привязка памятников к зонам распространения леса, во многом перспективны и способствуют выяснению специфики заселения территории.

Нами была предпринята попытка осмысления размещения памятников на микро и макроуровнях. При этом учитывался опыт, накопленный рядом исследователей по археологическому изучению сельских поселений Древней Руси (Седов, 1960; Макаров, 1990, 1997; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Чернов. 1991, 1999; Александровский, Гласко, Гоняный, 1996; Гоняный, Кац, Наумов, 2003; Юшко, 1991). На уровне изучения самих памятников нами фиксировались их точные размеры с учетом распахиваемой поверхности и топографической ситуации, отмечались места скоплений находок, учитывалась ландшафтная характеристика памятника. В отдельных случаях обследовались водораздельные участки, где не были выявлены древнерусские памятники.

На микрорегиональном уровне фиксировались локальные группы памятников с попыткой определения условного центра каждой группы. На макроуровне нами выделяются группы концентраций памятников (ГКП), объединяющие локальные группы и тяготеющие к определенной речной системе. Предпринятое столь детальное изучение памятников позволило ввести их в общеисторический контекст региона: определить истоки его заселения, динамику вычленяемых нами «волостей», уточнить южную и юго-западную границу княжества.

В пределах рассматриваемой территории выделяются несколько ландшафтных отрезков – систем смежных, взаимодействующих между собой, региональных и типологических единиц, обладающих общностью происхождения (Долина Дона..., 1982. С. 52, 59–60): Галичьегорский, Семилукский, подрайон первой и второй надпойменных террас р. Воронеж (рис. 2). Некоторые ландшафтные отрезки нами рассматриваются более детально на уровне ландшафтных участков (узлов): к примеру, Задонский ландшафтный узел. Опираясь на выделенные участки парагенетических комплексов, можно более детально проследить особенности археологических памятников на уровне конкретных микрорайонов.

Галичьегорский ландшафтный отрезок (ГЛО) охватывает значительную часть Верхнего Дона – от южных пределов Тульской области до с. Хлевное на юге Липецкой области (Долина Дона..., 1982. С. 12–16). Он состоит из семи ланд-

шафтных участков: Долговский, Данковский, Гагаринский, Галичьегорский, Кошарский, Каменско-Даньшинский, Хлевенский. Последние три участка образуют своеобразный Задонский ландшафтный узел (ЗЛУ). В виду ландшафтных особенностей ЗЛУ его характеристика дается отдельно.

Семилукский ландшафтный отрезок (СЛО) ограничивается на севере с. Хлевным Липецкой области, а на юге с. Гремячьим Воронежской области. Он состоит из трех ландшафтных участков: Подгоренского, Воронежского, Гремяченского (Долина Дона..., 1982. С. 61–62, 86–89). Территория подрайона первой и второй надпойменных террас р. Воронеж охватывает бассейн среднего и верхнего течения р. Воронеж.

Северный участок Галичьегорского ландшафтного отрезка

На его территории насчитывается 82 памятника XII–XIV вв.: 3 городища, 74 селища, 3 могильника, 2 клада ордынских монет (рис. 3). Здесь находятся известные городища Долговское (раскопки под руководством В.П. Левенка, В.И. Матвеевой, М.И. Гоняного) и Стрешневское (В.И. Матвеева, Н.А. Тропин), поселения

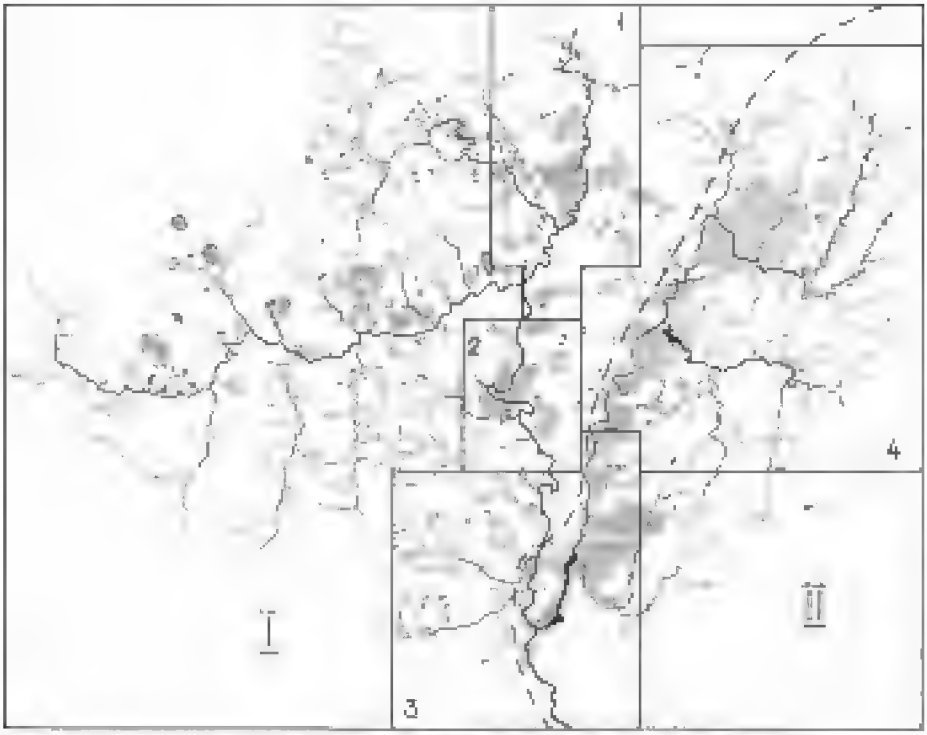


Рис. 2. Территория физико – географических провинций, парагенетических комплексов в южных пределах Рязанской земли:

I – лесостепная провинция Среднерусской возвышенности; *II* – лесостепная провинция Окско – Донской равнины; *1* – Северная территория Галичьегорского ландшафтного отрезка; *2* – Южная территория Галичьегорского ландшафтного отрезка (Задонский ландшафтный узел); 3 - Семилукский ландшафтный отрезок и прилегающая территория нижнего течения р.Воронеж; *4* – Подрайон первой и второй надпойменных террас р. Воронеж

Яблоново (В.И. Матвеева) и Ново-Никольское (А.П. Медведев, И.Е. Бирюков). На Долговском городище (вскрыто более 100 кв.м) работы М.И. Гоняного позволили сузить датировку памятника до 1-й половиной XIII в. (Гоняный, 1996. С. 65). Он функционировал короткое время и являлся сторожевой крепостью на северном участке юго-западной границы Рязанского княжества.

Укрепления Стрешневского городища (раскопано более 300 кв.м) относятся ко 2-й половине XVI – началу XVII в. Исследования его округи выявили местонахождение группы селищ XIII в. В древнерусский период эти памятники представляли собой единый комплекс. Вероятность наличия на городище остатков древнерусских укреплений требует дальнейших исследований.

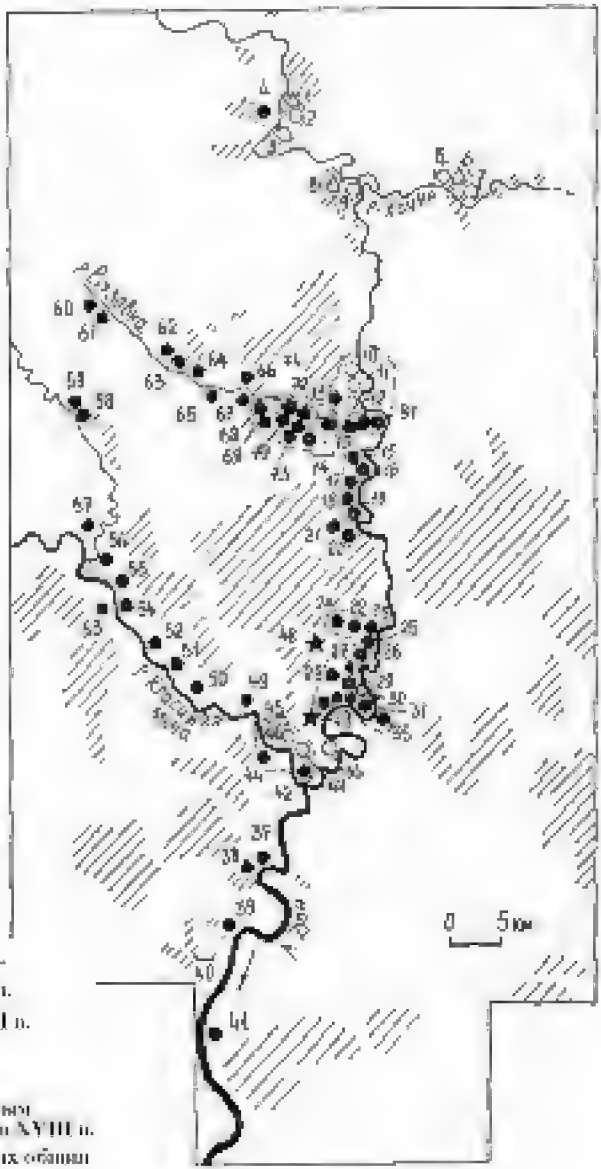


Рис. 3. Памятники древнерусского времени на северном участке Галичьегорского ландшафтного отрезка:

1–3 – Стрешнево; 4 – Сторожевое; *5–7* – Архангельское (Чюр Михайлов); *8–9* – Долгое; *10–13* – г. Данков; *14–15* – Ново-Никольское; *16–19* Сугробы; *20* – Перехваль; *21* – лес Озерки; *22–24* – Ст. Ракитино; *25* – г. Лебедянь 1; *26* – г. Лебедянь 5; *27* – г. Лебедянь (Тяпкина гора); *28* – Пушкари – Кладбищенские; *29–34* – Покрова – Инвалидное; *35* – Покрова – Казацкое; *36* – Волотово; *37* – Казаки; *38* – Кр. Дворики; *39–40* – Яблоново; *41* – Засосенки, в устье р. Быстрая Сосна; *42* – Тютчево; *43* – Черепянь; *44* – СХП «15 лет Октября»; *45–46* – Курапово; *47* – Коллектив; *48* – Лебедянка; *49* – Троекурово; *50* – Мочилки; *51–52* – Сергеевское; 53 – Малинки; *54–55* – Кузьминки; *56* – Бол. Верх; *57* – Хрущевка; *58–59* – Красное; *60* – Голубевка; *61* – Клешня; *62* – Головщино; *63* – Хрущевка; *64* – Горбачев Лог; *65* – Городки; *66* – Спешнево – Ивановка; *67* – Вислая; *68–72* – Хвощевка; *73* – Пролетарский; *74–76* – п/л Солнечный; *77–78* – Барановка; *79–81* – г. Данков;

- ○ селище XII – 1-й половины XIII в.
- ● селище 2-й половины XIII – XIV в.
- □ городище XII – 1-й половины XIII в.
- ⌣ захоронение
- ★ орнаментный монетный клад
- ▨ заболоченность и притерраси по данным топографических и межевых планов конца XVIII в.
- ⌣ предполагаемые границы сельских общин

Раскопки поселения у с. Ново-Никольское (вскрыто около 150 кв. м) установили существование древнерусского селища во 2-й половине XIII – XIV в.

Наиболее крупные раскопки (вскрыто более 700 кв. м) осуществлялись на поселении у с. Яблоново. Его можно датировать серединой – 2-й половиной XIII в. Такая датировка следует из отсутствия находок как домонгольского времени, так и XIV в. Керамический комплекс, насчитывающий обломки 363 сосудов, обладает некоторыми особенностями указанного хронологического отрезка. Памятник интересен выявленной трехчастной структурой, состоящей из жилой, производственной зон и кладбища. Это селище, отличающееся значительными размерами, отождествляется нами с общиной.

Результаты разведок в пределах рассматриваемого ландшафтного отрезка показывают, что древнерусские памятники возникали как на первых надпойменных террасах высотой 3–12 м (34%), так и на склонах коренных берегов рек (66%) (рис. 4). Явное преобладание памятников склонового типа объясняется особенностями рельефа, где господствуют коренные склоны и слабо выражен надпойменно-терассовый тип местности. Примерно $^1/_3$ их расположена в устьях ручьев, речек или водоносных балок. Приречной характер расселения являлся единственным, характерным для ГЛО. Памятники на водораздельных участках не известны.

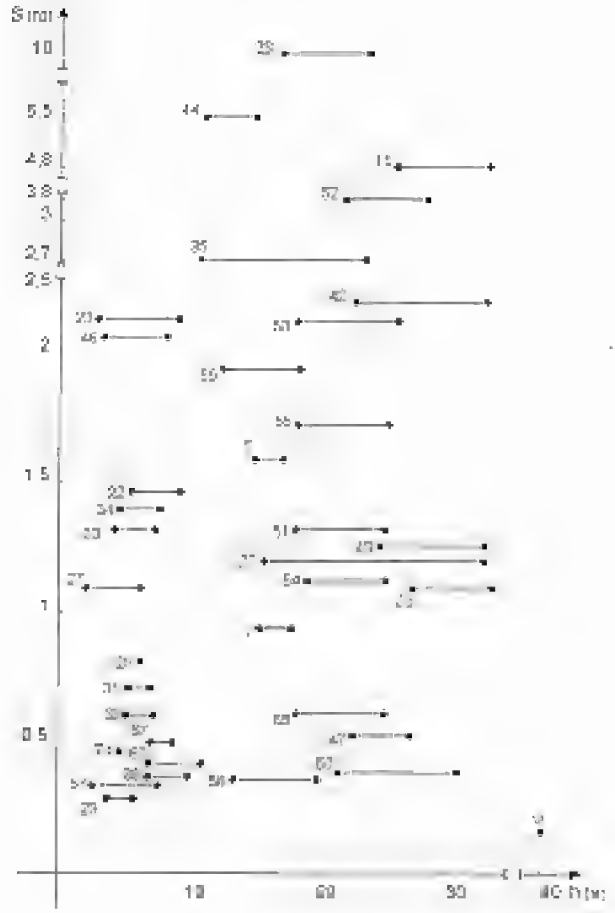


Рис. 4. График корреляции размеров селищ с их топографией на северном участке Галичьегорского ландшафтного отрезка.

Имеются сведения о размерах 37 селищ, что составляет 50% от всех селищ на исследуемой территории. Почти половина (40%) из них имеет незначительную площадь – до 1 га. Селища площадью 1–2 га составляют 28%, а селища площадью свыше 2 га – 32% (рис. 4). График корреляции размеров селищ фиксирует три устойчивые по занимаемой площади группы памятников. Первая группа включает селища площадью 0,2–0,6 га (13 памятников), вторая группа – 0,8–1,3 га (9 памятников), третья группа – около 2–3 га (7 памятников). Данные три группы объединяют 29 из 37 селищ и отражают весьма точную картину занимаемой площади памятников. Оставшиеся восемь селищ имеют следую-

щие размеры: 4 памятника – 1,4–1,7 га; 4 памятника – свыше 3 га. График наглядно демонстрирует тот факт, что на ГЛО представлены как малодворный тип поселений (0,2–1,3 га – 22 селища), так и крупные по площади селища (от 1,4 га и более – 14 селищ). Причем первый тип несколько преобладал.

Корреляция топографии селищ с их размерами не обнаруживает устойчивой закономерности между этими показателями. Памятники значительных размеров встречаются как на первой надпойменной террасе, так и на коренных склонах и наоборот.

Обобщенно рассматривая хронологию селищ можно отметить заметное преобладание памятников монгольской эпохи (68%) над селищами домонгольского времени (32%).

В пределах ГЛО выделяются три группы концентрации памятников (ГКП). Они расположены на Долговском, Данковском и Гагаринском ландшафтном участках. Рассматривая их, необходимо ответить на ряд вопросов: правомерность выделения ГКП, структура ГКП и состав локальных групп, датировка, интерпретация структур.

Наиболее северной по расположению является ГКП на Долговском ландшафтном участке. Она состоит из трех городищ, расположенных у с. Архангельское, Долгое, Стрешнево и примыкающих к ним шести селищ. Этот участок неоднократно подвергался разведкам общего характера В.П. Левенка и В.И. Матвеевой. М.И. Гоняным, помимо обычных разведок, детально обследовались городища и их округа с помощью геофизических методов исследования. С учетом сказанного, мы склонны согласиться с правомерностью выделения этой ГКП, хотя считаем перспективным этот участок для уточнения размеров округи городищ.

Протяженность ГКП на участке составляет 20 км с запада на восток. В его пределах выделены три локальные группы, формирующиеся вокруг названных городищ. Расстояние между локальными группами – 8–12 км. Для них выделяются общие признаки: господствующее положение площадок городищ на местности, их незначительные размеры и нежилой характер, примыкающие к ним селища площадью 0,1–1,7 га со слабонасыщенным культурным слоем, локализация у лесных массивов, их синхронность в рамках конца XII – 1-й половины XIII в. (за исключением единственного селища 2-й половины XIII – XIV в. у с. Сторожевое).

Сходство ряда признаков наталкивает на мысль об их единой социально-исторической оценке. Городища у сс. Долгое и Архангельское являлись сторожевыми крепостями, в округе которых располагались селища (Гоняный, 1996. С. 65). Аналогичную функцию выполняло Стрешневское городище, древнерусские укрепления которого были срыты при постройки крепости – Старого Данкова в 1564 г. О том, что Старый Данков был построен на городище, сообщает Писцовая книга Данковского уезда 1627–1628 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 431). Эти городища входили в систему пограничного рубежа вместе с пятью известными городищами района Куликова поля и, которые маркировали западную границу Рязанского княжества в малозалесенном районе, плотно освоенном земледельческим населением.

Выполнение функций сторожевых крепостей в пограничье с Черниговской землей было важной, но не единственной задачей. Охрану торгового пути на участке от верховьев р. Рановы по р. Кочур к Дону могло выполнять городище Архангельское, упоминаемое как Чюр Михайлов в маршруте следования митрополита Пимена из Переяславля Рязанского в Константинополь под 1389 г. в известном «Хождении». Со стороны Черниговской земли устье р. Кочур, то место, откуда начиналось плаванье по Дону, прикрывало городище Долговское. К северу от устья р. Кочур находилось Стрешневское городище, выполнявшее функ-

цию сторожевой крепости в системе охраны участка речного (торгового) пути из верховьев Дона (памятников района Куликова поля) к устью р. Кочур. Полагаем, что возникновение этих городищ было вызвано необходимостью охраны торгового пути.

Южнее в 20 км, на Данковском ландшафтном участке, расположена вторая ГКП. Она занимает течение р. Вязовка и долину Дона вверх и вниз по течению от устья Вязовки. Общие размеры ГКП составляют 12×30 км. Она насчитывает 32 селища, 1 могильник и древнерусское городище в историческом центре г. Данкова (устье Вязовки). Укрепления городища не сохранились, так как строительство в 1618 г. Нового Данкова уничтожило фортификацию более раннего времени. Данные Писцовой книги Данковского уезда 1627–1628 гг. сообщают о том, что Новый Данков возник на городище (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 379]. Культурный слой исторического центра содержит находки 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.

Степень обследованности участка весьма высокая. Сплошному изучению подверглось нижнее течение р. Вязовка (разведки С.В. Соболева 1995/96 г., А.Б. Клокова 1994 г.) и территория по Дону от г. Данкова до г. Лебедяни (И.Е. Бирюков, 2002 г., А.Н. Бессуднов, 1996 г.). Поверхностно обследованы участки верхнего течения р. Вязовка и р. Дон севернее г. Данкова. Памятники древнерусского времени не выявлены по левому берегу р. Дон. Территория имела в средневековье значительную залесенность.

Распределение памятников в пределах ГКП неравномерное. Их значительная часть находится в нижнем течении Вязовки и по р. Дон, что, вероятно, отражает степень обследованности территории.

В пределах рассматриваемой ГКП можно выделить три локальные группы памятников, которые чаще всего исследователями связываются с территориальными общинами. Одна из групп находится на территории г. Данкова и состоит из семи селищ. Вторая группа из 11 селищ расположена в нижнем течении р. Вязовня в районе д. Хвощевка, Барановка, пионерского лагеря Солнечный, пос. Пролетарского. Третья локальная группа известна в районе с. Сугробы и состоит из четырех селищ.

Для каждой из выделенных локальных групп характерны общие черты. Группа памятников занимает участок протяженностью 5–7 км. От соседних селищ локальную группу отделяет незаселенное пространство в 2–3 км. Внутри ее имеются нередко как селища XII – 1-й половины XIII в., так и 2-й половины XIII – XIV в. В одном случае отмечен могильник.

Проведенная датировка памятников позволяет сделать наблюдение о концентрации селищ XII – 1-й половины XIII в. в устьевой части р. Вязовки, у исторического центра г. Данкова. Причиной этому могло служить лишь расположенное в этом месте несохранившееся древнерусское городище, выполнявшее административные функции. Его сельская округа насчитывает не менее 5 селищ в двух локальных группах памятников.

Концентрация памятников 2-й половины XIII – XIV в в. наблюдается лишь на одном участке в нижнем течении р. Вязовки. К сожалению, отсутствие полноты сведений о размерах большинства памятников в данной ГКП из-за застройки их территории не позволяет детально проследить внутреннюю структуру локальных групп. Аналогичное замечание можно высказать и к однообразию ландшафтной приуроченности памятников, которые расположены только на коренных склонах.

Южнее в 8 км, на Гагаринском ландшафтном участке, находится третья ГКП. Она расположена в нижнем течении р. Красивая Меча и по р. Дон от с. Ольхо-

вец до д. Засосенка. Ее максимальные размеры – 36×45 км. Однако наибольшая концентрация памятников фиксируется на ограниченной территории в низовьях р. Красивая Меча и вверх по Дону до с. Ольховец (ее размеры составляют 10×17 км). Повышенная залесенность также характерна и для этого ландшафтного участка, особенно в междуречье Красивой Мечи и Дона.

ГКП насчитывает 35 селищ, два грунтовых могильника, два монетных ордынских клада, одно древнерусское городище в историческом центре г. Лебедяни (Тяпкина гора). Укрепления городища не сохранились. Их уничтожило строительство города Лебедяни в начале XVII в. Данные Писцовой книги Данковского уезда 1627– 1628 гг. сообщают о том, что Лебедянь возникла на городище (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 27 об.) Культурный слой ее исторического центра содержит находки 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.

Обоснованность выделения этой ГКП не вызывает сомнений из-за результативной, детально проведенной разведки И.Е. Бирюковым в 1993, 2001 гг. в г. Лебедяни, по ручью Ракитянке (правый приток Дона), в низовьях р. Красивая Меча автором в 2002 г. Полагаем, что вышеуказанная территория размерами 10×17 км исследована достаточно хорошо. Остальные участки рек многократно обследовались многими археологами, что тоже говорит в итоге о качестве разведок.

В данной ГКП выделяются три локальные группы. Одна из них обнаружена севернее г. Лебедяни по р. Ракитянке. Она включает три селища 2-й половины XIII – XIV в. Вторая группа зафиксирована в черте г. Лебедяни и состоит из одиннадцати разновременных селищ, одного древнерусского городища и еще одного монетного ордынского клада. Третья группа отмечена в низовьях р. Красивая Меча и состоит из пяти разновременных селищ и грунтового могильника. Остав-

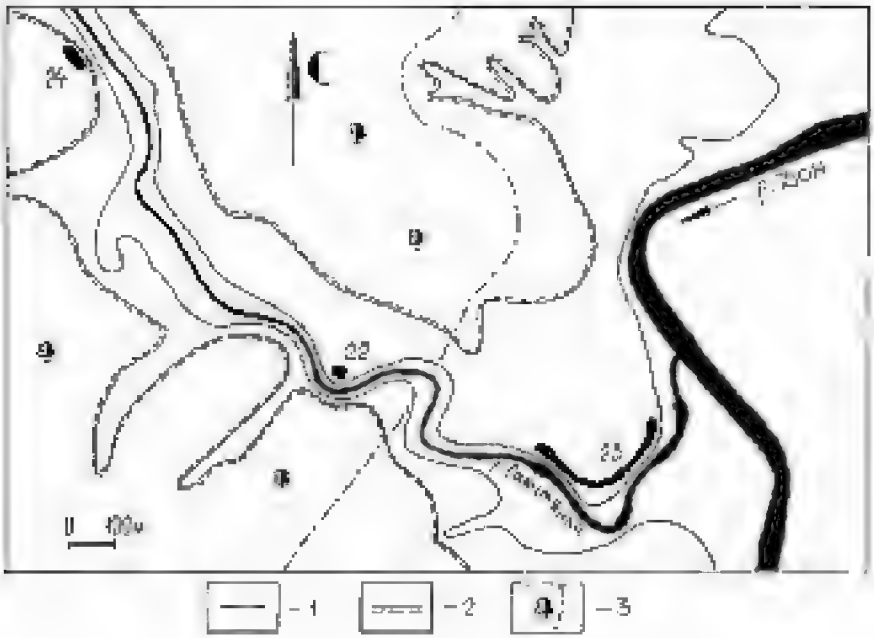


Рис. 5. Локальная группа памятников по р. Ракитянке:
1 – граница надпойменной террасы; *2* – граница коренного склона;
3 – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.;
22 – Ст. Ракитино 5; *23* – -Ст. Ракитино 2, 3, 4; *24* – Ст. Ракитино 6

шиеся памятники, кстати сказать, относящиеся ко 2-й половине XIII – XIV в. не образуют какой – либо локальной группы.

Тщательно проведенные разведки дают возможность детально обратиться к изучению этих локальных групп: Ракитянской, Лебедянской и Кураповской.

Одна локальная группа памятников расположена в нижнем течении ручья Ракитянка (рис. 5). Ее обособленность от других памятников очевидна. К северу от нее в 5 км находится селище у с. Ольховец, южнее – в 3,7 км находится еще одна локальная группа, расположенная на территории г. Лебедяни. Отсутствие древнерусских памятников на этом пространстве зафиксировано надежно результатами многократных разведок И.Е. Бирюкова и другими археологами.

Локальная группа состоит из трех селищ 2-й половины XIII – XIV в. Ее протяженность вдоль ручья составляет 2,6 км. Расстояние между памятниками внутри группы достигает 0,8–1 км. Почти все ее пространство занято лесом. Исключение представляет лишь низовье ручья. Здесь на окраине леса расположено наиболее крупное селище Старое Ракитино 2–4. Оно занимает левобережную, первую надпойменную террасу высотой 2–10 м. По распахиваемой поверхности установлены размеры памятника. Его протяженность вдоль ручья составляет 0,7 км. Ширина полосы распространения материала не превышает 30–35 м. Занимаемая площадь селища составляет 2,3 га. Можно считать, что для этого селища характерной является прибрежно-рядовая застройка.

В пределах селища в ходе разведки И.Е. Бирюкова установлены три зоны наибольшей концентрации керамики, обозначенные как Старое Ракитино 2, 3, 4. Их размеры: 70×100 м, 60×90 м, 80×160 м. По всей видимости, они связаны с участками концентрации жилой и хозяйственной застройки. Это селище могло являться центром сельской общины, о чем косвенно указывают значительные его размеры.

В состав общины входили еще два селища. Одно из них – Старое Ракитино 5 – расположено на излучине первой надпой-

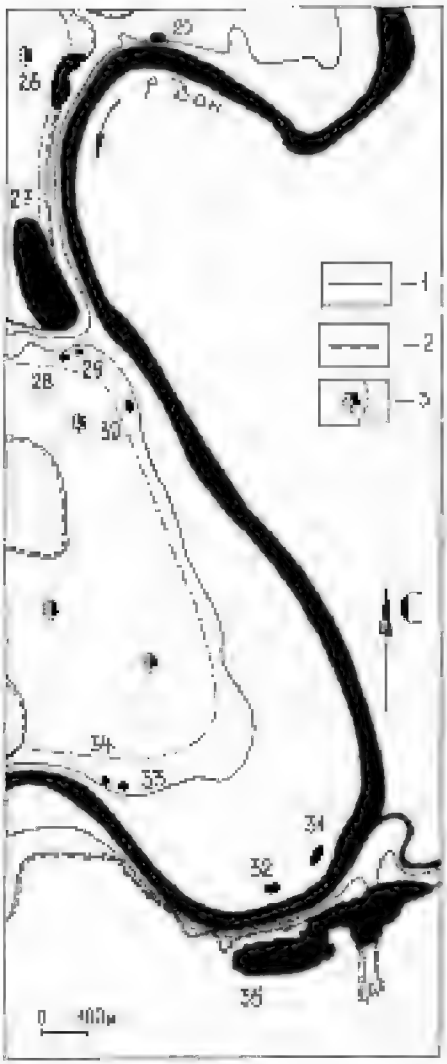


Рис. 6. Лебедянская локальная группа памятников:
1 – граница надпойменной террасы; *2* – граница коренного склона; *3* – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.
25 – г. Лебедянь 1; *26* – г. Лебедянь 5;
27 – г. Лебедянь (Тяпкина гора); *28* – Пушкари-Кладбищенские; *29* – Покрова-Инвалидное 1;
30 – Покрова-Инвалидное 10; *31* – Покрова-Инвалидное 2; *32* – Покрова-Инвалидное 3;
33 – Покрова-Инвалидное 4; *34* – Покрова-Инвалидное 5; *35* – Покрова-Казацкое 1

менной террасы левого берега ручья на высоте 5–10 м. Памятник распахан. Подъемный материал встречен на территории в 140×100 м, что составляет 1,4 га площади. Расположение селища на излучине объясняет подобное распространение находок, где можно в равной степени предполагать как рядовой, так и кучевой тип застройки.

Третье селище – Старое Ракитино 6 занимает невысокий коренной склон правого берега ручья высотой 10–14 м. С поверхности памятника собрано небольшое количество керамики, что указывает на слабую насыщенность культурного слоя артефактами. Размеры селища установить затруднительно.

Вторая Лебедянская локальная группа имеет протяженность вдоль Дона не менее 5 км (рис. 6). Свободное от памятников пространство вокруг локальной группы составляет 3,7–5 км, что подтверждается отсутствием находок на пашне. В локальной группе насчитывается 11 памятников. Они расположены по Дону, за исключением селищ Пушкари-Кладбищенское 4 и Покрова-Инвалидное 1, занимающих берег ручья Лебедянка (Городянка). В группе встречены памятники как конца XII – 1-й половины XIII в, так и 2-й половины XIII – XIV в, что свидетельствует о стабильной территории хозяйственного освоения.

На первый взгляд может показаться, что данная локальная группа состоит из двух групп памятников. Подобное предположение считаем поспешным, поскольку плотная застройка слободы Покрова-Инвалидное мешает полному выявлению памятников на ее территории.

Детально проведенная датировка памятников позволяет рассмотреть в динамике эту локальную группу. В конце XII – 1-й половине XIII в. на территории исторического центра Лебедяни в устье ручья появляется городище. Его размеры не определены. Однако, опираясь на результаты изысканий в 1993 г. И.Е. Бирюкова, осуществлявшего сплошное обследование исторического центра методом закладки шурфов, мы знаем общие размеры распространения культурного слоя XII–XIII вв. Они составили 35–150×500 м. Направление распространения культурного слоя свидетельствует о приречном характере заселения.

Общие размеры распространения культурного слоя говорят, скорее всего, не об одном памятнике, а о локальной группе, которая сформировалась вокруг городища. К сожалению, это очевидное предположение вряд ли когда-нибудь можно проверить из-за сплошной застройки исторического центра Лебедяни – Тяпкиной горы. Еще один памятник 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. расположен южнее остатков городища. Речь идет о селище Покрова-Инвалидное 10, занимающем высокую, первую надпойменную террасу (8–10 м). Его размеры незначительны – 0,4 га.

Нам представляется близкой структура памятников конца XII – 1-й половины XIII в. в исторических центрах Данкова и Лебедяни, когда вокруг городища на небольшом пространстве группируются селища. Подобные городища являлись административными центрами формирующихся политико-административных единиц-волостей.

Во 2-й половине XIII – XIV в. Лебедянская локальная группа памятников получает дальнейший импульс в своем развитии. Происходит рост территории в южном и северном направлениях. Увеличивается количество селищ до 9 памятников. Семь селищ из девяти занимают первую надпойменную террасу, что свидетельствует об активном хозяйственном освоении новой экологической ниши на данном ландшафтном отрезке. Размеры селищ не велики – 0,8–1,3 га. О стабильности свидетельствует факт продолжения жизни на Тяпкиной горе, однако функции административного центра поселение, расположенное там, скорее всего, потеряло.

Селище Покрова-Казацкое расположено на левом берегу р. Дон на высоте 10–20 м, его площадь составляет 2,7 га. Разведочные работы выявили на нем признаки усадебной застройки, зафиксировав на пашне 13 скоплений находок площадью 400–1800 кв. м. Любопытно отметить, что в пределах изучаемой территории это единственный известный нам памятник, который на 100 м удален от кромки берега реки. Не исключено, что он являлся центром сельской общины 2-й половины XIII – XIV в.

Кураповская локальная группа памятников расположена в низовьях р. Красивая Меча и имеет протяженность в 5 км от устья до с. Курапово (рис. 7). От ближайших селищ в с. Троекурово и с. Волотово она обособлена незаселенным пространством в 4 км. Группа состоит из пяти селищ и 1 грунтового могильника. В ней представлены памятники домонгольского и монгольского времени.

Наиболее ярким из них является поселение 1 у с. Курапово. Оно находится на левом, обрывистом берегу р. Красивая Меча на высоте 40–45 м и вытянуто вдоль балки. Основная площадь памятника уничтожена карьером. Его размеры по северному склону оврага составляют 60×290 м. На южном склоне оврага зафиксирован участок культурного слоя древнерусского времени. Его размеры – 40×120 м. Можно предположить, что древнерусское селище занимало оба склона оврага. Его общая площадь составила 2,2 га.

К северо-западу от селища, на возвышенном участке кромки левого берега р. Красивая Меча обнаружены остатки разрушенного грунтового древнерусского могильника. Наблюдения за обнажениями карьера показали его удаленность от селища на 20–30 м. Размеры могильника не превышали 55×60 м.

Древнерусское селище следует датировать 1-й половиной XIII в. Возможно, что какое-то время оно существовало и после нашествия монголов, о чем предположительно могут свидетельствовать находки фрагментов котлов. Памятник можно рассматривать как центр общины, для которого характерными являются ряд признаков: зна-

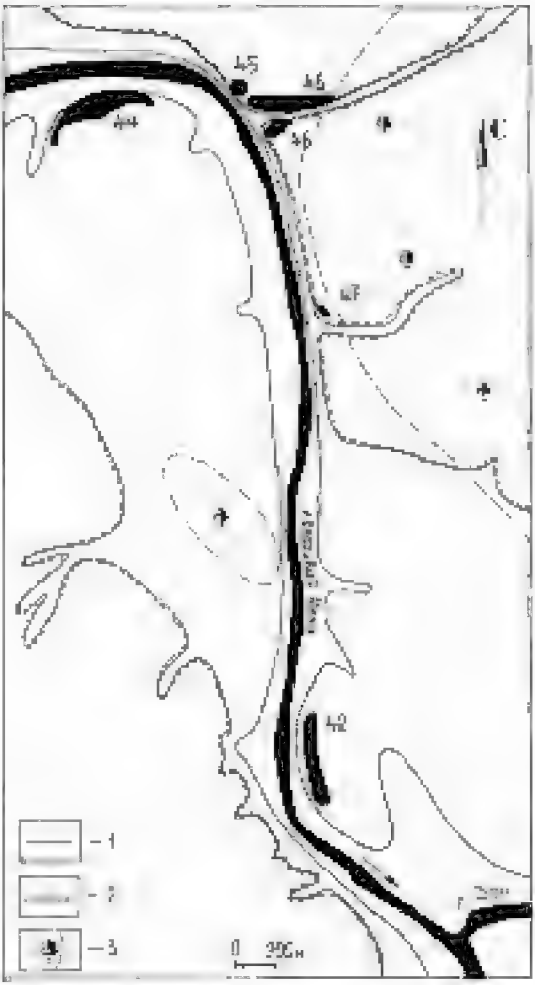


Рис. 7. Локальная группа памятников в нижнем течении р Красивая Меча (Кураповская):
1 – граница надпойменной террасы; *2* – граница коренного склона; *3* – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в. *42* – Тютчево; *44* – СХП «15 лет Октября»; *45* – Курапово, могильник; *46* – Курапово 1; *47* – Курапово 2

чительные размеры, расположенный рядом могильник, следы ремесленной деятельности.

В 500 м ниже по течению расположено небольшое по занимаемой площади селище 2 у с. Курапово (0,5 га). Оно занимает левобережный коренной склон, располагаясь в устье небольшой балки. Точные размеры его не установлены. Такой представляется заселенная территория общины в рамках 1-й половины-середины XIII в.

Со 2-й половины XIII – XIV в. связаны два селища у с. Тютчево и у СХП «15 лет Октября». Оба они расположены на первой надпойменной террасе, на высоте до 15 м. Значительны также и размеры памятников, площадь которых достигает 2,3 га и 5,5 га соответственно. Памятники удалены друг от друга на расстоянии 3 км. Каждое такое селище представляло собой отдельную общину, о чем свидетельствуют их значительные размеры.

Особенность расположения селищ 2-й половины XIII – XIV в. по р. Красивая Меча состоит в том, что они не образуют каких-либо локальных групп по всему нижнему течению реки. Памятники примерно с равным интервалом в 3–4 км удалены друг от друга. Следовательно, такое пространство определяло хозяйственную территорию общины. Наглядным примером подобного памятника является селище середины – 2-й половины XIII в. у с. Яблоново на р. Дон, изученное раскопками. Это значительное по площади селище (10 га), в ближайшей округе которого не известны другие поселения. На его окраине располагался грунтовый могильник. На самом памятнике существовало гончарное производство.

Изучение Ракитянской, Лебедянской и Кураповской локальных групп позволяет сделать ряд общих наблюдений: 1) Локальные группы включают памятники как XII – 1-й половины XIII в. так и 2-й половины XIII – XIV в. 2) Они расположены в различных ландшафтных условиях: на надпойменных первых террасах и коренных склонах. 3) Осваивались окраины залесенных участков речных долин. 4) Протяженность локальных групп составляла до 5 км с незаселенным пространством вокруг в 3–4 км.

С учетом хронологических рамок существенны различия в характере заселения территории. Они наблюдаются в системе расселения, топографии памятников. Нужно отметить, что селища XII – 1-й половины XIII в. на ГЛО, как правило, тяготеют к городищам. Все они расположены на коренных склонах. Система расселения 2-й половины XIII – XIV в. предполагает наличие, как локальных групп, так и одиночных поселений, которые, по сути, и представляли общины. Для этого времени более характерны памятники, расположенные на склонах и первой надпойменной террасе.

Социально-историческая оценка памятников различна. Среди них встречаются городища-крепости, охраняющие торговые пути и дороги, городища-административные центры небольших сельских округ, сельские общинные центры.

Сформулируем основные критерии для интерпретации таких памятников. Для городищ-крепостей, охраняющих торговые пути и дороги: 1) незначительные размеры укрепленных площадок (0,1–0,24 га для городищ Архангельское и Долговское соответственно), 2) их нежилой характер, 3) непосредственно примыкающие к городищу одно-два селища со слабонасыщенным, культурным слоем.

Для городищ-административных центров сельской округи: 1) жилой характер городищ, 2) тяготеющие к городищу синхронные селища в округе на площади в 150–170 кв. км.

Для сельских общинных центров: 1) значительные размеры селища, превосходящие соседние памятники по занимаемой площади, 2) фиксируемые признаки ремесленного производства, 3) расположенный рядом могильник, 4) ландшафт-

ная приуроченность к более возвышенной местности (в некоторых случаях).

Проведенные исследования свидетельствуют, что возникновение древнерусских поселений было вызвано освоением малонаселенной территории во 2-й половине XII в. В XIII–XIV вв. процесс хозяйственного развития территории происходил более активно. Древнерусские поселения возникали с учетом залесенности местности, которая была значительна в этом регионе. Вероятно, с учетом этих обстоятельств осваивалась территория, а в дальнейшем сформировалась территориально-административная единица на юго-западной окраине Рязанского княжества, известная по договорной грамоте от 1496 г. как Романцево (ДДГ, 1950. С. 335).

Южный участок Галичьегоского ландшафтного отрезка (Задонский ландшафтный узел)

На территории Задонского ландшафтного узла (ЗЛУ) известен 31 памятник XII–XIV вв.: 28 селищ, 2 местонахождения ордынских монет, 1 грунтовый могильник (рис. 8). Наиболее значительные раскопки проходили на поселение 10 у д. Замятино (раскопки И.Е. Бирюкова, Н.А. Тропина, М.В. Ивашова), в ходе которых изучено 1325 кв. м площади. Благодаря им удалось изучить на значительной площади планировку поселения, зафиксировать рядовую застройку и два хозяйственных участка на памятнике (Ивашов, Тропин, 2003).

Важным для изучения специфики заселения р. Дон является коллекция древнерусской керамики, насчитывающая 411 сосудов. Среди известных сельских поселений на Дону поселение Замятино 10 содержит значительное количество фрагментов импортной посуды: амфор и корчаг. По определению В.Ю. Коваля, они принадлежат как минимум трем амфорам «трапезундской» группы XII – 1-й половины XIII в. Интересную находку составили три фрагмента ручки от амфоры, отнесенные И.В. Волковым к группе клейма «SSS» (предположительно происходившей из Иерусалимского королевства).

Чрезвычайно интересны разнообразные и отличные по своей сохранности индивидуальные находки, связанные с земледелием, ремеслами, промыслами. Среди них

Рис. 8. Памятники древнерусского времени на участке Задонского ландшафтного узла: *82–84* – Липовка (Бехтеевка); *85* – Невежеколодезное; *86–89* – Верхнее Казачье; *90–92* – Нижнее Казачье; *93* – Алексеевка; *94–96, 99–100* – Каменка; *97–98* – Яблоново; *101* – в устье р. Репец; *102–103* – Замятино; *104–106* – Ксизово; *107–108* – Даньшино; *109* – Введенка; *110–112* – Елецкое Маланино

особо отметим в группе украшений бусы, которые определены Ю.Л.Щаповой. Они датируют древнерусский горизонт на памятнике сравнительно узким отрезком времени в рамках конца XII – 1-й половины XIII в. Сопоставление этих данных с керамикой способствует датировке известных по разведочным данным в округе селищ.

Подчеркнем, что для нашего исследования особая важность селища состоит в его кратковременности и принадлежности к периоду до монгольского нашествия. Об этом свидетельствует слабая насыщенность культурного слоя находками за пределами построек, отсутствие взаимоперекрывающихся сооружений, однотипность находок во всех постройках. По сути, весь древнерусский поселок представляет собой закрытый комплекс, культурный слой которого позднее не перемешивался.

Изучение топографии селищ на ЗЛУ обнаруживает, что населением активно была освоена первая надпойменная терраса (47% селищ). На склоне коренных берегов рек обнаружено 53% селищ (рис. 9). Почти $^1/_4$ часть памятников расположена в устьях ручьев, речек или водоносных балок. Для данного микрорайона памятников также характерным был приречной характер расселения. Он же являлся и единственным, так как памятники на водораздельных участках не известны.

Имеются сведения о размерах 16 селищ, что составляет 58% от известных селищ на ЗЛУ. Почти все селища (87%) имеют незначительную площадь до 1 га . Причем 10 селищ из 15 (61%) занимают площадь 0,3–0,8 га. Селищ площадью более 1 га известно лишь два: Замятино 10 (1,7 га) и Липовка (Бехтеевка) (3,5 га). Таким образом, незначительные по размерам поселения составляют большинство памятников.

По признаку хронологии преобладают селища предмонгольского времени (52%). Селищ последующей эпохи (2-й половины XIII – XIV в.) встречено несколько меньше.

Памятники на ЗЛУ образуют одну ГКП. Южная граница этой группы очерчена достаточно надежно как результат сплошной разведки экспедиции Липецкого госпедуниверситета под руководством А.Н. Бессудного. Северные рубежи ГКП пока представлены условно. Археологически не обследован ручей Хмелинец, отделяющий основной массив памятников от локальной группы Бехтеевка-Невежеколодезное. Однако важно учесть и то обстоятельство, что в двух км север-

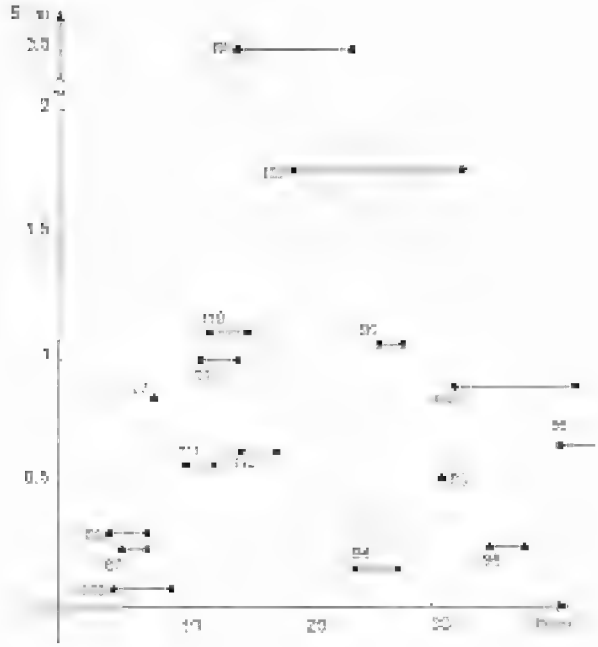


Рис. 9. График корреляции размеров селищ с их топографией на участке Задонского ландшафтного узла

нее этой локальной группы в районе шоссе Липецк-Елец происходило общее обследование территории до устья р. Быстрая Сосна. На этом участке памятники древнерусского времени не выявлены.

В пределах рассматриваемой ГКП выделяются четыре локальные группы памятников, которые можно связать с территориальными общинами. Самая северная из них находится в устье ручья Липовки и состоит из трех синхронных памятников домонгольской эпохи (селища, производственного поселка, могильника) и двух случайных находок ордынских монет (чеканка – Крым, Тохтамыш).

Вторая локальная группа памятников выявлена в нижнем течении р. Каменка. Она состоит из 7 селищ 2-й половины XIII – XIV в. и одного монетного ордынского клада.

Третья локальная группа известна в устье р. Сновы и состоит из трех селищ XII–XIII вв. Четвертая – в окрестностях с. Елецкое Маланино. Она состоит из трех селищ 2-й половины XIII – XIV в.

Перейдем к характеристике первых трех локальных групп памятников, изученных достаточно хорошо. Обращает внимание тот факт, что в основе локальной группы памятников, расположенной в устье ручья Липовка, находятся памятники конца XII – 1-й половины XIII в.: селище, расположенный рядом могильник, производственный поселок (рис. 10). Случайные находки двух ордынских монет времени Джанибека, скорее всего, указывают на расположение вблизи селищ этого времени. Однако пока селища 2-й половины XIII – XIV в. здесь не обнаружены.

В этой локальной группе выделяется селище у с. Липовка (Бехтеевка). Памятник занимает склон правого берега р. Дон, который полого спускается в юго-восточном направлении к устьевой части ручья. Высота площадки памятника над р. Дон составляет 14–26 м. Его общая протяженность вдоль берега р. Дон и ручья составила 700 м. Ширина полосы застройки достигала 50 м. Общая площадь селища – 3,5 га.

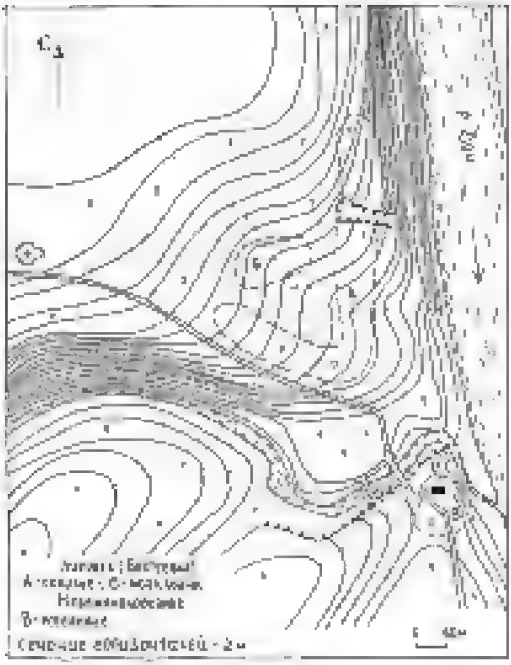


Рис. 10. Селище (*А*) и могильник (*Б*) у с.Липовка (Бехтеевка); поселение у с. Невежеколодезное (*В*)

В 30–50 м от зоны жилой и хозяйственной застройки находится могильник, потревоженный газовой траншеей. Его размеры – 70×120 м. Он расположен на склоне высотой 22–26 м. Раскопки погребений не проводились, однако установлено, что костяки лежали на спине в вытянутом положении и ориентированы головой на запад. Захоронения при визуальном осмотре не имели погребального инвентаря.

Селище было открыто в 1995 г. разведкой Госдирекции по охране памятников истории и культуры под руководством И.Е. Бирюкова. В 1999 г. на нем в связи с начавшейся газификацией села проводились разведочные работы экспедицией Елецкого пединститута. Были

уточнены размеры селища, обнаружен грунтовый могильник и установлены его размеры.

На противоположном берегу ручья располагался производственный поселок у с. Невежеколодезное. Он занимал первую надпойменную террасу правого берега р. Дон, полого спускающуюся к устью ручья Липовка. Высота террасы составляет 6–8 м над уровнем поймы р. Дон. Памятник расположен в 150 м севернее окраины села. Его поверхность задернована. На памятнике встречены находки донской срубной культуры эпохи бронзы и древнерусского времени конца XII – 1-й половины XIII в.

Памятник был обнаружен разведкой экспедиции Елецкого пединститута в 1999 г. под руководством Н.А. Тропина. Культурный слой поселения был нарушен траншеей под газ. Ее обследование выявило скопление сопел, обожженную глину, керамику. Эти находки позволили считать, что древнерусский материал локализуется на краю террасы, на участке не более 50×50 м.

В месте скопления обломков сопел был заложен охранный раскоп площадью 20 кв. м. В культурном слое встречены преимущественно фрагменты древнерусской керамики, представленной 57 венчиками от разных сосудов, 78 сопел. Наи-

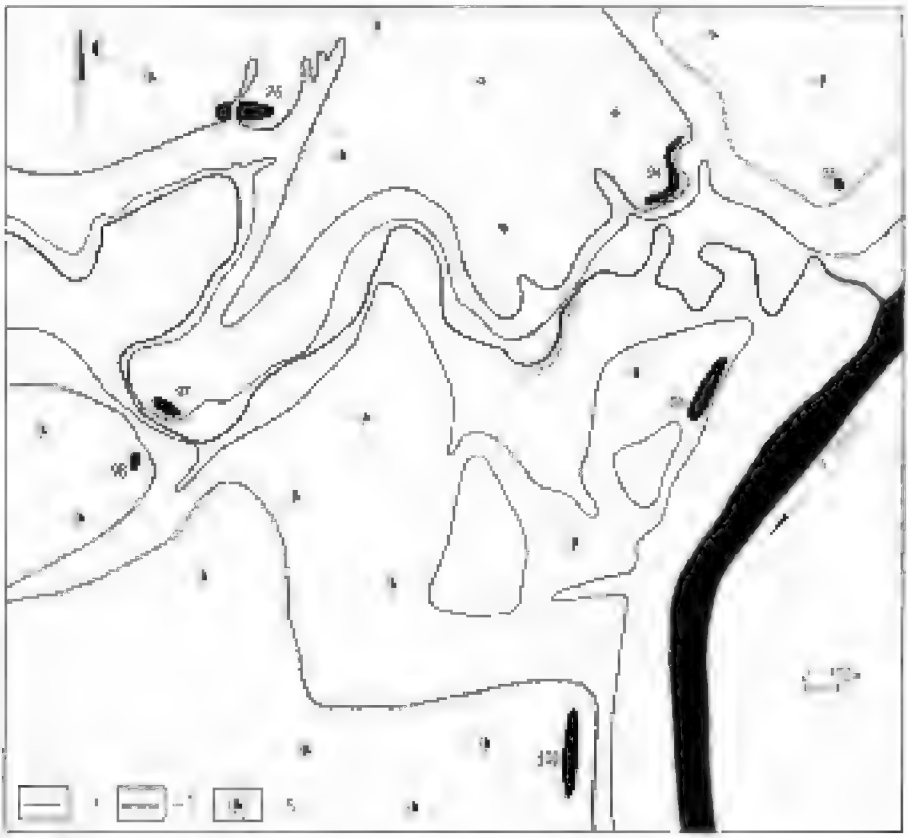


Рис. 11. Локальная группа памятников по р. Каменка:
1 – граница надпойменной террасы; *2* – граница коренного склона; *3* – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.; *93* – Алексеевка 3; *94* – Каменка 7; *96* – Каменка 10; *97* – Яблоново 1; *98* – Яблоново 2; *99* – Каменка 1; *100* – Каменка 2

более интересная находка на памятнике – развал домницы – свидетельство древнерусского ремесла.

Данную локальную группу памятников можно интерпретировать как сельскую общину с радиусом приблизительно в 1 км и расположенную в устье ручья Липовка. На ее территории располагался лесной массив, что указывает на общую закономерность в характере расселения. Центром общины являлось селище Липовка – Бехтеевка. Для него характерны следующие признаки: расположение на возвышенной местности (склоновый тип) в устье ручья, крупные размеры, расположенный рядом могильник и производственный поселок, отделенный от жилой зоны ручьем.

Другая локальная группа исследована в нижнем течении р. Каменка (рис. 11). Она состоит из семи селищ 2-й половины XIII – XIV в. и одного ордынского монетного клада, находится на залесенном участке реки протяженностью 2,2 км. Памятники, за исключением двух, расположены на высоких коренных берегах и удалены друг от друга на 0,2–1 км. Лишь селище Яблоново 1 занимает первую надпойменную террасу высотой до 8 м, а селище Каменка 1 расположено на высокой (10–15 м) террасе, при впадении р. Каменки в Дон. Известны размеры трех памятников (0,15–0,8 га).

Селище Каменка 2 находится на коренном склоне высотой 25–45 м, задернованном и поросшим лесом, на правом берегу р. Дон, южнее устья р. Каменка. Границы памятника определены с учетом многократной шурфовки его поверхности. Установлена его протяженность на 560 м. Уверено говорить об общинном центре по р. Каменка по данным разведочных работ пока не приходиться. Этот район требует дальнейших исследований.

Третья локальная группа расположена в устье р. Снова (рис. 12). Она состоит из трех селищ XII – 1-й половины XIII в., удаленных от соседних памятников на расстоянии не менее 5 км, что подтверждается сплошными разведками И.Е. Бирюкова, А.Н. Бессудного и др. Ее протяженность вдоль Дона составила 3 км. Территория локальной группы не залесена. Расстояние между памятниками достигает 1–2 км. Центральное место в группе занимает селище Ксизово 5,18. Его территория охватывает и расположенное рядом городище раннего железного века. Селище расположено на коренном склоне высо-

Рис. 12. Локальная группа памятников в устьевой части р. Сновы:
1 – граница надпойменной террасы;
2 – граница коренного склона;
3 – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.; *104* – Ксизово 5, 18; *105* – Ксизово 3; *106* – Ксизово

той 35–50 м, его площадь не менее 7,5 га. По занимаемой территории оно напоминает прямоугольник размерами 250–300×270 м, которые определены по подъемному материалу. Овраги расчленили его поверхность и интенсивно разрушают. Размеры памятника, его топография, а также его местонахождение на городище раннего железного века позволяют видеть в нем центр сельской общины.

Другие два памятника (Ксизово 3, Ксизово) занимают первую надпойменную террасу и имеют незначительные размеры. Они составляют округу общинного центра.

Отдельную территориальную общину могло составлять селище Замятино 10 площадью 1,7 га. Сплошные разведочные работы в окрестностях этого памятни-

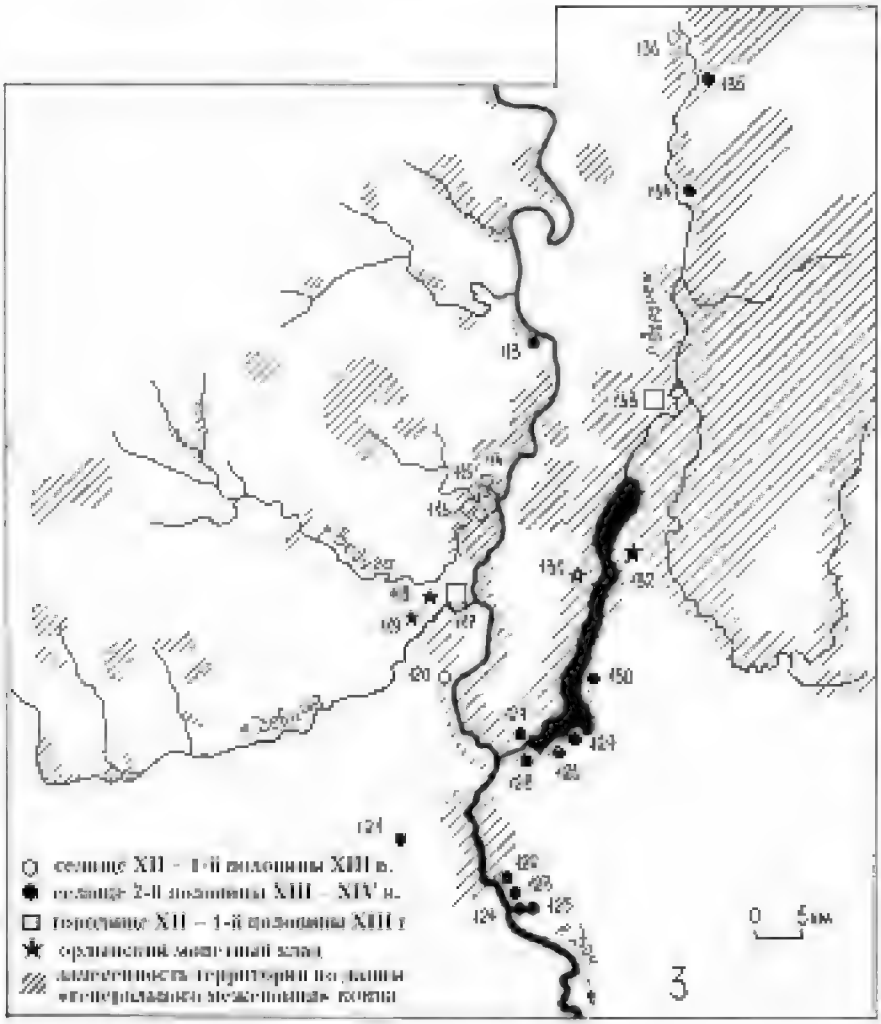


Рис. 13. Памятники древнерусского времени на Семилукском ландшафтном участке: *113* – Гнездилово; *114* – Благовещенка; *115* – Губарево; *116* – Терновое; *117–118* – Семилуки; *119* – Девица; *120* – Орлов Лог; *121* – Ивановка; *122* – Костенки; *123* – Заталия; *124* – Борщево; *125* – Александровка; *126* – Шилово; *127–130* – г. Воронеж; *131* – Подклетное; *132* – Отрожка; *133* – Животинное; *134* – Пристань; *135* – Савицкое; *136* – Курино

ка не выявили синхронных ему селищ. К тому же, это селище отличается присутствием находок, свидетельствующих о торговых связях и пребывании на нем представителей военного сословия.

Сравнительная характеристика локальных групп памятников на ЗЛУ с северным участком ГЛО (на примере Ракитянской, Лебедянской и Кураповской локальных групп) показывает много общих черт. К ним относятся топография памятников, приуроченность к залесенным участкам рек, размеры локальных групп. Определенное своеобразие наблюдается лишь в том, что на ЗЛУ локальные группы образуют синхронные по времени памятники 2-й половины XIII – XIV в. на тех участках речных долин, которые не были заселены в древнерусское время. Вторая особенность участка на ЗЛУ заключается в том, что среди социально выделяющихся памятников на нем выявлены лишь сельские общины, а городища пока не обнаружены.

Территория ЗЛУ была привлекательной для хозяйственного освоения. Во многом это объясняется почти сплошной ее залесенностью. Здесь формировалась территориально-административная единица на юго-западной окраине Рязанского княжества, известная по договорной грамоте рязанских князей от 1496 г. как «Тешев» (ДДГ, 1950. С. 335).

Семилукский ландшафтный отрезок

На Семилукском ландшафтном отрезке (СЛО) насчитываются 2 городища, 18 селищ, 3 монетных ордынских клада, 1 единичная находка ордынской монеты (рис. 13). Степень изученности СЛО по результатам разведок свидетельствует о еще нереализованном потенциале. Раскопками изучались городища Семилукское (А.Д. Пряхин, М.В. Цыбин), Животинное (А.З. Винников), поселение Шиловское (А.Д. Пряхин).

Значение результатов исследований Семилукского городища трудно переоценить. На территории Верхнего Подонья он является памятником, исследованным значительной площадью в 3338 кв. м. Это позволило изучить его планировку, выявить дворовую застройку, а также улицу, проходившую по оси мыса. С древнерусским временем связаны 16 жилых построек и около 20 хозяйственных ям, что дает представление о характере домостроительства на изучаемой территории.

Получена массовая серия керамики, на основе которой создана ее типология. Многочисленные находки дают возможность всесторонне характеризовать хозяйственную деятельность населения, а также время и истоки появления городища. Кстати сказать, «эталонность» памятника во многом объясняется его сравнительно узкими хронологическими рамками бытования. Исследователями городища дана и его социально – историческая оценка как сторожевой крепости и административного центра сельской округи (Пряхин, Цыбин, 1991; 1996).

Поселок древнерусского времени на многослойном Животинном городище (вскрыто более 2000 кв. м площади) занимал наиболее высокую часть его площадки. Он состоял из четырех наземных жилищ, протянувшихся цепочкой вдоль склона на 50 м. Размеры его определить затруднительно, поскольку он исследован частично. За пределами поселка расчищено единичное грунтовое погребение, совершенное по христианскому обряду. Древнерусское поселение интерпретируется как сторожевой пост на юго-западных рубежах Рязанского княжества (Винников, Кудрявцева, 1998).

На Шиловском поселении (вскрыто 4584 кв. м) изучены 12 жилых, многочисленные хозяйственные постройки, получена значительная серия находок, выявлены два грунтовых погребения. Представительная коллекция керамики позво-

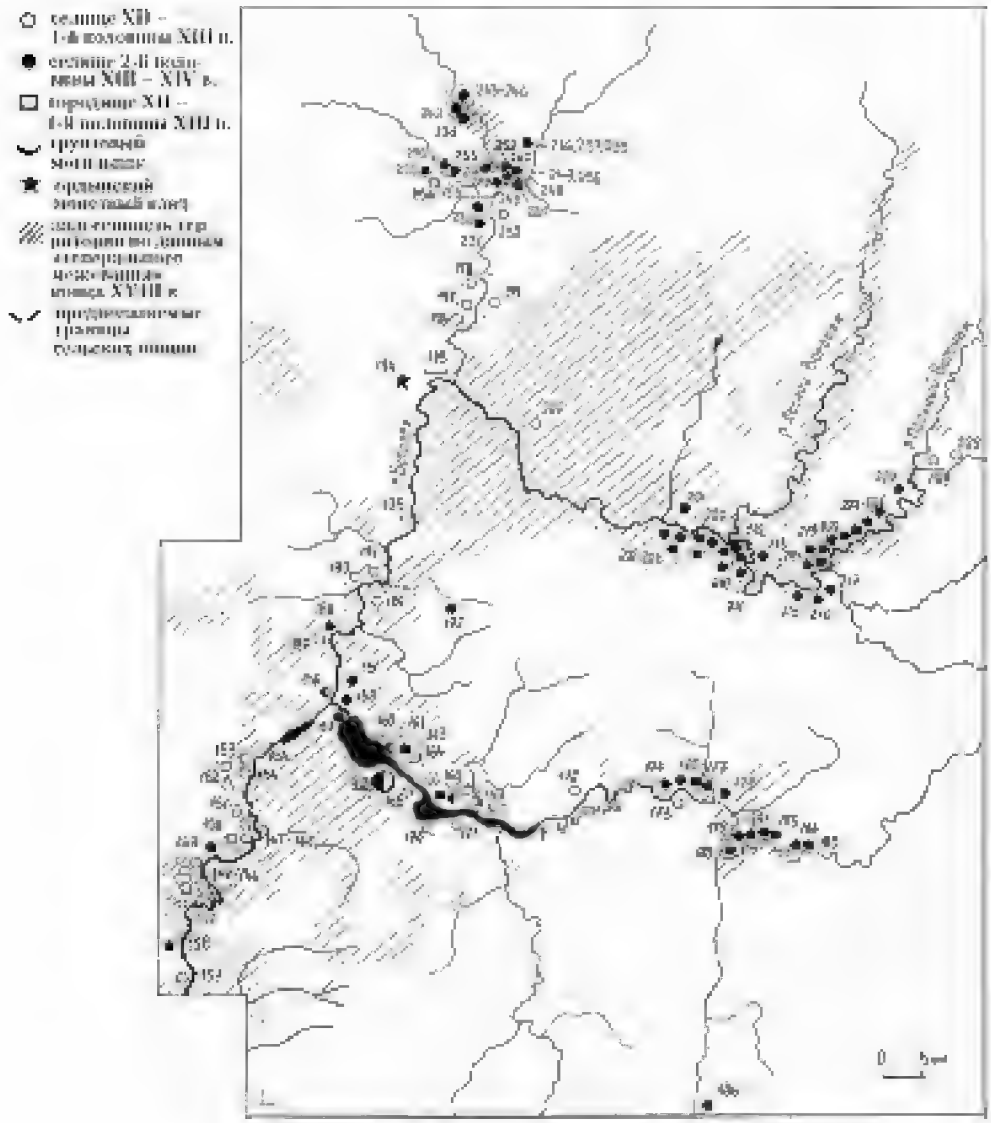


Рис. 14. Памятники древнерусского времени подрайона первой и второй надпойменных террас р. Воронеж:

137 – Вербилово; *138* – Полозово; *139–141* – Пады; *142–146* - Крутогорье; *147–148* – Троицкое; *149–150* – Елецкое; *151–153* – Ленино; *154–155* – Хрущевка; *156* – г. Липецк (ул.Чкалова); 157 – Сселки; 158 – Плехановское лестничество; *159* – «Наташа»; *160–162* – Казинка, включая комплекс из 11 поселений в окрестностях пос. Казинка; *163–164* – Ярлуково; *165–168* – Каменное; *169* – в устье р. Самовец; *170–171* – Таволжанка; *172* – Виноградовка; *173* – Чернышовка; *174* – Панково; *175–177* – Тофино; *178* – Шехмань; *179–180* – Яблоновец; *181–183* – Хренное; *184–185* – Альфа; *186* – Покровка; *187* – Ильино; 188 – Никольское; *189* – Горицы; *190–191* – Богородицкое; *192* – Капитанщино; *193* – Доброе; *194* – Каликино; *195* – Делеховое; *196* – Демкино; *197–199* – Колыбельское; *200* – Преображенье; *201–206* – Ст. Тарбеево; *207–210* – Никольское, *211–212* – Красный городок; *213–214* – Ст. Хмелевое; *215–216* – Крюковка; *217* – Марьино; *218–222* – Дубки; *223–226* – Мановницы; *227* – Марьевка; *228–229* – Ярославы; *230* – Юсово; *231–232* – Гая; *233-251* – Рощинский; *252* – Мелеховое; *253* – Лучки; *254–256* – Пиково

лила М.В. Цыбину создать ее типологию в широком хронологическом диапазоне для территории Верхнего Подонья (Цыбин, 1987). Благодаря полной изученности памятника выявлена планировка поселка, удалось выделить его два хронологических периода. Так, постройки домонгольского времени концентрируются на двух участках края мыса на площади 0,1 га (20×55 м), Сооружения 2-й половины XIII – начала XV в. занимают центральную часть мыса площадью 0,1 га (25×40 м). На памятнике встречены находки византийского, западноевропейского, золотоордынского производства: бусы, посуда, монеты. Шиловское поселение расположено на окраине территории, освоенной древнерусским населением. В этом заключается его своеобразие и значимость (Пряхин, Винников, Цыбин, 1987).

Подрайон первой и второй надпойменных террас р. Воронеж

В указанном районе известны 136 памятников XII–XIV вв.: 2 городища, 130 селищ, 2 могильника, 1 одиночное захоронение, 1 клад ордынских монет (рис. 14).

В бассейне р. Воронеж находятся известные по раскопкам поселения Полозово (раскопки Н.А. Тропина), Крутогорье (раскопки В.П. Левенка, Н.А. Тропина), Казинка (раскопки В.П. Левенка, В.И. Матвеевой), Каменное (раскопки В.И. Матвеевой), два городища у с. Ленино (Романово) (раскопки В.П. Левенка, В.И. Матвеевой. С. И. Андреева). Могильники обнаружены на окраине двух селищ: Казинка и Каменное. Одиночное погребение было расчищено у с. Делеховое.

Среди памятников в среднем течении р. Воронеж отметим поселение у хут. Полозово (вскрыто 354 кв. м). Оно представляет интерес своими значительными размерами (площадью не менее 15 га), характером застройки (усадьбы, производственные зоны), находками гончарных комплексов. Особо важно подчеркнуть имеющиеся сооружения, которые взаимно перекрывают друг друга. Последнее обстоятельство дает возможность выделить керамические комплексы 2-й половины XIII в. и XIV в. и в дальнейшем проследить динамику в изготовлении посуды. Поселение у хут. Полозово представляло собой общину и ее центр одновременно (Тропин, Чалых, 2001).

Другим памятником на р. Воронеж, изучавшимся раскопками, является поселение Большой Липяг у с. Крутогорье (вскрыто около 800 кв. м) Большой интерес представляют девять различающихся функционально хозяйственных построек, составляющих остатки хозяйственного двора. О кратковременном существовании поселка в рамках середины XIII в. свидетельствуют отсутствие взаимоперекрывающихся сооружений и одновременная гибель их от пожара. Полагаем, что весь памятник в целом можно назвать «закрытым комплексом», так как в последующем жизнь на нем не продолжалась (Тропин, 1995).

Особое место среди раскопанных памятников в среднем течении р. Воронеж занимают два городища, расположенные у с. Ленино (Романово). На Первом городище наиболее интересным представляются остатки рва, на дне которого найдена посуда XII–XIII вв. (вскрыто 36 кв. м). Значимость результатов раскопок можно определить тем, что в бассейне р. Воронеж это первое известное по раскопкам городище, материалы которого указывают на его принадлежность к XII–XIII вв. Материалы этого времени встречены и на Втором городище (вскрыто 236 кв. м). В округе двух Романовых городищ разведками обнаружены семь селищ этого же времени, что косвенно указывает на их административную функцию над сельской округой (Андреев, 2001).

Два поселения, изученных раскопками, известны на р. Матыра: Каменное и Казинка. Значительная часть информации с этих памятников уже опубликована:

жилища, керамика, погребения (Тропин, 1996. О характере...; 19967 Древнерусская...; 1998). Однако целостное осмысление поселений пока не предпринималось.

Наиболее масштабные работы были связаны с изучением селища Каменное (вскрыто более 2 тыс кв. м). На памятнике изучены остатки 13 жилищ, более 20 хозяйственных построек, 1 керамический горн, 45 погребений примыкавшего к селищу могильника. Эти свидетельства дали целостное представление о жилой и хозяйственной структуре древнерусского селища, погребальном обряде и его эволюции.

Отметим тот факт, что благодаря раскопкам сплошной площадью, выявлена планировка селища, а именно, его двухрядная застройка, территория хозяйственных участков (дворов), топография грунтового могильника. Благодаря проведенному планиграфическому анализу импортной поливной и неполивной керамики и, учитывая датирующие находки в сооружениях, удалось разделить имеющиеся постройки на два периода: XII – 1-я половина XIII в. и 2-я половина XIII – XV в., а также получить целостное представление о жизни древнерусского селища.

Для периода XII – 1-я половина XIII в. мы имеем дело с небольшим по размерам селищем, состоящим как минимум из двух усадеб (усадьба №1: жилища (постройки № 2, 3), хозяйственная яма № 7; усадьба № 2: жилище (яма № 6). Расстояние между ними составляло не менее 150 м. Жилища погибли от пожара, однако перерыва в жизни селища в середине XIII в. не наблюдается. Во 2-й половине XIII – XIV в. происходит рост селища. Его протяженность достигает 500 м. Наиболее плотно застраивается центральный участок, где отчетливо фиксируется двурядная застройка. Восточнее изучен хозяйственный двор.

Рядом расположена усадьба, состоящая из жилища (постройки № 1) и хозяйственных сооружений (ямы № 1, 8–10). О зажиточности владельца усадьбы свидетельствует находка в подпольной яме жилища фрагментов поливной золотоордынской керамики, тюркских наременных накладок. Отметим, что на площади усадьбы найдены шиферный крестик, книжная застежка и аналогичные наременные накладки. Западнее хозяйственного двора на территории селища домонгольского времени в это время появляется кладбище.

Была получена значительная керамическая серия, насчитывающая обломки от 1510 сосудов. Она положила основу для классификации посуды с сельских поселений среднего течения рек Воронежа и Матыры. Несколько сотен индивидуальных находок с поселения дали исчерпывающее представление о хозяйстве, торговых связях, быте населения. Учитывая сказанное, можно без преувеличений сказать, что памятник является одним из опорных в нашем исследовании. Он возник в начале XII в. согласно датировке перстня из стекла византийского производства (определение Ю.Л. Щаповой). С середины XIII в. происходит расцвет жизни на селище. Возможно, что оно становится центром сельской общины. Прекращает же оно функционировать в начале XV в.

Другим известным памятником на р.Матыре является поселение Казинка (вскрыто более 1 тыс. кв. м), где изучены остатки двух домниц, семи жилых построек, могильник (раскопано 43 погребения). Важное значение для всего микрорайона памятников имеет керамическая серия поселения Казинка, насчитывающая обломки от 1500 сосудов. Она вполне сопоставима с аналогичной коллекцией селища Каменное. Многочисленные индивидуальные находки характеризуют разнообразную хозяйственную деятельность населения.

Древнерусское селище датируется XII – началом XV в. Памятник, несмотря на раскопки, так и не был до конца понят исследователями, что ограничило его информативные возможности. Мы считаем, что селище Казинка, возникнув в

начале XII в., являлось одним из крупных сельских поселений по р. Матыра и выполняло функцию общинного центра. На это косвенно указывают размеры памятника, разностороннее ремесленное производство, наличие могильника. В отличие от селища Каменное, на нем значительно лучше представлены находки XII – 1-й половины XIII в., что предполагает его более высокий статус по отношению к селищу Каменное. Прекращает оно функционировать, возможно, в начале XV в.

Для памятников в бассейне р. Воронеж типичным остается приречной характер расселения. Их преобладающая часть занимает первую надпойменную террасу высотой до 10 м (64%), что можно объяснить широким распространением данного вида ландшафта. Немалая часть селищ располагается на коренных берегах (26%). Реже встречаются памятники в пойме, на дюнных всхолмлениях (10%).

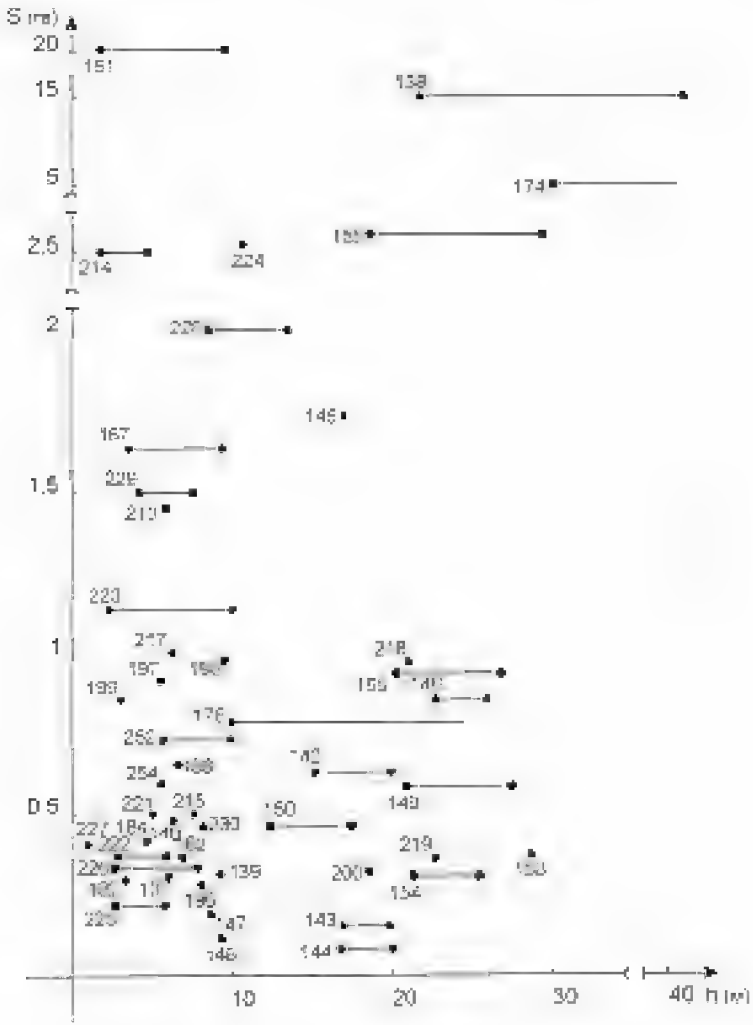


Рис. 15. График корреляции размеров селищ с их топографией в подрайоне первой и второй надпойменных террас р. Воронеж

Типичным для этого микрорайона является расположение селищ в устье водоносной балки.

Имеются сведения о размерах 69 селищ, что составляет 53% от общего известного количества памятников в этом районе. Основную часть составляют селища, площадь которых не более 1 га (57 селищ или 82,6%). Селища площадью 1–2 га составляют 9% (6 селищ). Столько же известно селищ площадью свыше 2 га. Среди них такие «гиганты», как Казинка (20 га), Полозово (не менее 15 га) и др. В итоге можно отметить, что бассейне р. Воронеж преобладают небольшие по размерам поселения (рис. 15).

Говоря о хронологии, можно отметить примерно равное соотношение памятников домонгольского времени (44%) и золотоордынской эпохи (56%). Памятники XII – 1-й половины XIII в. расположены преимущественно по рекам Воронеж, Становая Ряса и в нижнем течении р. Матыра. Они почти отсутствуют на других участках бассейна р. Воронеж. Селища же 2-й половины XIII – XIV в. в основном известны в верховьях р. Воронеж (по р. Польный Воронеж) и р. Матыра.

В пределах рассматриваемой территории выделяются четыре ГКП. Одна из них находится в среднем течении р. Воронеж и нижнем течении р. Матыра. Вторая ГКП обнаружена в верхнем течении р. Матыра. Третья ГКП – в верхнем течении р. Воронеж. Четвертая ГКП – в бассейне р. Становая Ряса. Степень обследования территорий ГКП неодинакова. Сравнительно высока она в бассейне р. Становая Ряса, а также в среднем течении р. Воронеж (территория к югу от устья р. Матыра) и нижнем течении р. Матыра (по итогам разведок В.П. Левенка. С. И. Андреева, А.Н. Бессудного, Р.В. Смольянинова и др.) Однако недостаточно изучены участки, расположенные по р. Воронеж к северу от устья р. Матыра и в нижнем течении р. Матыра, затопленные водохранилищем. Выделение двух других ГКП является в настоящее время пока условным, поскольку разведочные работы в этих районах еще не завершены.

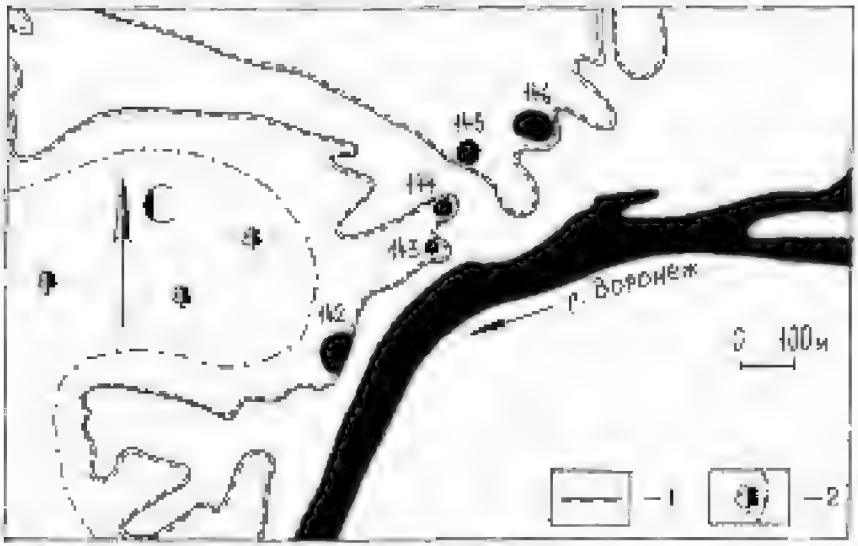


Рис. 16. Локальная группа памятников у с. Крутогорье:
1 – граница коренного склона; *2* – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.; *142* – Крутогорье 7; *143* – Крутогорье 4; *144* – Крутогорье 3; *145* – Крутогорье 2; *146* – Крутогорье 1 (Бол. Липяг)

Обратимся к первой ГКП, расположенной в среднем течении р. Воронеж и нижнем течении р. Матыра. Она включает 56 памятников: 2 городища, 52 селища, 2 могильника. Ее территория по р. Воронеж к югу достигает с. Вербилово, а севернее – с. Доброе. В нижнем течении р. Матыра к указанной ГКП относятся памятники, до с. Таволжанки. Общие размеры ГКП – 25×75 км. По данным «генерального межевания» это одна из залесенных территорий в бассейне р. Воронеж. Значительное место в ней занимают памятники домонгольского времени.

В пределах этой ГКП выделяются 5 локальных групп памятников: в районе сел Пады, Крутогорье, Ленино, Горицы – Богородицкое, в нижнем течении р. Матыра. Более полно можно получить представление о локальной группе памятников в районе с. Крутогорье (рис. 16).

Она расположена к северу от села и отделена от ближайших памятников расстоянием 4–7 км. К северу в 7 км от нее находится еще одна локальная группа в окрестностях с. Ленино (Романово). Южнее в 4 км расположена другая локальная группа памятников в окрестностях с. Пады.

Локальная группа памятников у с. Крутогорье состоит из 5 селищ XII–XIII вв., занимающих компактное пространство протяженностью в 0,65 км (рис. 16). Расстояние между памятниками незначительное. Они отдалены друг от друга глубокими и широкими балками. Все селища занимают коренной склон правого берега р. Воронеж высотой 18–24 м и располагаются на краю леса. Эта территория была залесена.

Размеры памятников не значительны: 0,1–0,7 га. Они установлены по площади распространения находок в осыпях. Одно селище Бол.Липяг 2 имеет большую площадь (до 1,7 га). Оно распахивается. Однако насыщенность находками на его поверхности не значительна. Не имеет, каких-либо заметных отличий и селище Большой Липяг 1, изучавшееся раскопками. Полагаем, что выделение центра сельской общины в этой локальной группе является преждевременным.

Другая локальная группа памятников XII – 1-й половины XIII в. выявлена в районе с. Ленино (Романово). Она состоит из двух городищ и шести селищ, расположенных на участке протяженностью в 4 км. Среди селищ выделяется своими размерами Хрущевка 6 (2,5 га). Очевидно, что административным центром этой локальной группы могло быть одно из городищ. Под их прикрытием и происходил заметный рост сельских поселений.

Рис. 17. Локальная группа памятников в нижнем течении р. Матыра до затопления поймы водохранилищем (по схеме В.П. Левенка):
1 – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.; *158* – Плехановское лесничество; *159* – «Наташа»; *160–161* – Казинка («Митькин запор»);*162 а-л* – комплекс памятников на территории пос. Казинка (по данным В.П. Левенка); *163–164* – Ярлуково; *165–166* – Каменное; *167–168* – Каменное («пункт 237); *169* – в устье р. Самовец; *170–171* – Таволжанка

Весьма многочисленна группа памятников в нижнем течении р. Матыра. К сожалению, затопленная водохранилищем пойма реки не позволяет провести дополнительных исследований по выявлению памятников в этом районе. Сведения основываются во многом на результатах исследований В.П. Левенка, проводившего в нижнем течении р. Матыра активные разведки и охранные раскопки.

Тем не менее, можно предварительно дать ее характеристику. Группа памятников занимает территорию современных сел Ярлуково, Каменное, Таволжанка и пос. Казинка. Она включает в себя 22 памятника: 20 селищ, 2 могильника и имеет протяженность в 8 км (рис. 17). В ландшафтном отношении памятники занимают участки высокой поймы и первой надпойменной террасы. Можно отметить значительную залесенность территории, согласно данным «генерального межевания». Основная часть памятников имеет широкие хронологические рамки, определяемые XII–XV вв.

Своеобразие этой группы памятников заключается в ее насыщенности селищами. Не исключено, что в данном случае речь может идти о нескольких локаль-

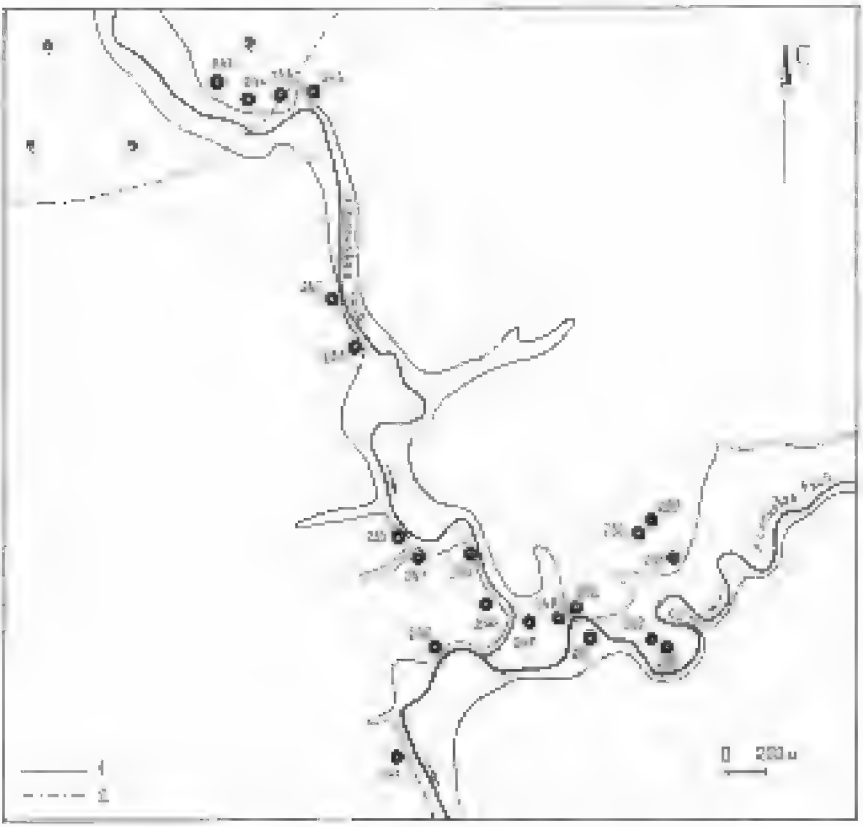


Рис. 18. Куст памятников в бассейне Становой Рясы:
1 – граница первой надпойменной террасы; *2* – граница леса по данным «генерального межевания» конца XVIII в.; *231* – Гая 3; *232* – Гая 4; *233* – Рощинский 1; *234* – Рощинский 4; *235* – Рощинский 5; *236* – Рощинский 9; *237* – Рощинский 10; *238* – Рощинский 13; *239* – Рощинский 15; *240* – Рощинский 16; *241* – Рощинский 17; *242* – Рощинский 19; *243* – Рощинский 20; *244* – Рощинский 21; *245* – Рощинский 22; *246* – Рощинский 23; *247* – Рощинский 28; *248* – Рощинский 29; *249* – Рощинский 31; *250* – Рощинский 32; *251* – Рощинский 33; *252* – Мелеховое 5

ных группах, составляющих своего рода «куст памятников» (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 125). Благодаря раскопкам, можно с уверенностью сказать, что эти памятники вполне сопоставимы с центрами сельских общин. На них встречены разнообразные свидетельства ремесленной и торговой деятельности. Рядом с селищами исследованы грунтовые могильники. Памятники имеют значительные размеры. Особенностью селища Казинка является то обстоятельство, что, возникнув в 1-й половине XII в., оно сразу же выделялось своими более высоким статусом и оставалось таковым и вj 2-й половинt XIII – XIV в. Селище Каменное в XII – 1-й половине XIII в. было рядовым поселением, а время расцвета его относится ко 2-й половине XIII – XIV в.

Вторая ГКП, расположенная в бассейне Становой Рясы, насчитывает 30 селищ. Она занимает пространство 15×25 км. По данным «генерального межевания» эта территория почти безлесая. В ее пределах выделяются две отдельно расположенные локальные группы памятников. Самая южная из них расположена в районе сел Демкино, Колыбельское. Она состоит из четырех селищ площадью 0,2–0,8 га, расположенных на первой надпойменной террасе. На западном участке этой ГКП находится локальная группа у с. Пиково и Лучки. Она состоит из одного селища XII – 1-й половины XIII в. и трех селищ 2-й половины XIII – XIV в. Памятники занимают различные топографические условия: пойму, террасу, коренной склон. Размеры памятников не установлены.

Наибольшее внимание привлекает своего рода «куст памятников» (21 селище), расположенный в районе слияния Московой и Становой Ряс (рис. 18). Он, в свою очередь, состоит из четырех локальных групп. Сведения о памятниках основываются лишь по данным разведки. Все они, за исключением пяти селищ на пойме, занимают края низкой первой надпойменной террасы. Размеры их незначительны и составляют 0,1–0,6 га. Все памятники за исключением одного (Мелеховое 5) относятся ко 2-й половине XIII – XIV в.

На других участках в бассейне р. Воронеж можно выделить пять локальных групп памятников. Однако их размеры еще требуют уточнения. Две локальные группы расположены на р. Матыра, три – на р. Воронеж и р. Польный Воронеж. Они состоят из 5–6 селищ. Одна локальная группа по р. Польный Воронеж состоит из 9 селищ. Как правило, одно из селищ в группе выделяется своими большими размерами. Такими условными центрами локальных групп являются Панково (5 га), Мановницы (2,5 га), Марьино (1 га).

В самых общих чертах характер расселения в бассейне р. Воронеж почти ничем не отличался от расселения на других территориях. Помимо локальных групп памятников, здесь также встречаются и одиночные селища, которые являются одновременно и общинами. Ярким примером сказанному является селище Полозово площадью не менее 15 га.

Однако следовало бы обратить внимание на систему «кустового» расселения, отмеченную нами в нижнем течении р. Матыра, а также в месте слияния Московой и Становой Ряс. Этим она заметно отличается от системы расселения по р. Дон. Причем «кустовое» расселение отмечается как для памятников домонгольского времени (в нижнем течении р. Матыра), так и для селищ 2-й половины XIII – XIV в. (в бассейне Становой Рясы). Подобная система расселения в бассейне р. Воронеж отражает более интенсивное в этом районе хозяйственное освоение территории.

В бассейне р. Воронеж нами отмечается и новый тип памятника – промысловые, сезонные стоянки. Они характеризуются следующей суммой признаков: отсутствием следов ремесленной деятельности, расположением в пойме или на невысоких террасах, слабой насыщенностью культурными останками. Эти памят-

ники известны в нижнем течении р. Воронеж: Тавровское, Шиловское, Университетское поселения (черта г. Воронежа), Курино, Вербилово, Пристань. Один из них (Шиловское поселение) раскопан полностью. Площадь поселка для XII – 1-й половины XIII в. и для 2-й половины XIII – XIV в. не превышала 0,1 га.

Социально-историческая оценка древнерусских памятников в бассейне р. Воронеж тесно связана с летописной областью «Воронеж» – юго-западной окраиной Рязанского княжества, первое упоминание о которой под 1177 г. помещено в Лаврентьевскую летопись (ПСРЛ., 1962. Т. 1. С. 385). Концентрация памятников домонгольского времени в среднем течении р. Воронеж и нижнем течении р. Матыра может указывать на изначальную территорию ее формирования. А ГКП в верхнем течении рек Воронежа и Матыры, где доминируют памятники 2-й половины XIII – XIV в. отражают рост области (волости) «Воронеж» в последующее время.

Подытоживая сказанное о системе расселения на южных территориях Рязанской земли в первую очередь отметим, что древнерусским населением были освоены как участки надпойменных террас, так и склоны коренных берегов. Расположение селищ зависело от особенностей ландшафта. В пределах южных территорий Рязанской земли в первую очередь осваивалась первая надпойменная терраса. Как известно, ландшафтной особенностью для задонского участка течения р. Дон и бассейна среднего, верхнего течения р. Воронеж является развитая первая надпойменная терраса. На ней расположена значительная часть селищ (47% и 67% соответственно). Активное освоение пойменных пространств и первой надпойменной террасы в древнерусское время отмечено как наиболее характерное и для сопредельных территорий: районов Куликова поля (Александровский, Гласко, Гоняный, 1996) и Среднего Подонья (Цыбин, 1987). В иных случаях (к примеру, на Данково – Лебедянском участке течения р. Дон) первая надпойменная терраса слабо выражена, вследствие этого основная часть селищ (66%) расположена на склоне коренного берега.

Характерной особенностью расселения является преимущественное тяготение селищ к крупным лесным массивам. Эта особенность не прослеживается на памятниках района Куликова поля, расположенных севернее от рассматриваемой территории. Однако наблюдается их приуроченность к небольшим пойменным лесам. В отличие от Куликова поля, на территории Среднего Подонья вполне отчетливо прослежено тяготение памятников к залесенным участкам речных долин. Данное сходство рассматриваемой нами территории и Среднего Подонья мы объясняем близостью русско-половецкой границы.

Прибрежно – рядовая планировка селищ является преобладающей. Лишь однажды зафиксирована двухрядная застройка селищ (Каменное).

Имея сведения о размерах 121 селища, можно сказать, что преобладающая их часть – небольшие по площади памятники. Селища с площадью до 1 га составляют 60% (из них площадью 0,1–05 га – 45% памятников), площадью 1–2 га – 19%, свыше 2 га – 21%.

Хронологическое распределение материалов показывает, что памятники времени до монгольского нашествия составляли не менее 41% от общего числа древнерусских поселений. В последующую эпоху, во 2-й половине XIII – XIV в., численность поселений заметно возрастает, что составляет еще одну особенность, отличающую нашу территорию от района Куликова поля. Объяснение этому можно найти в большей степени залесенности юго-западных и южных территорий Рязанской земли, которые не находились в зоне активного скотоводства ордынцев.

В целом отмечено 28 локальных групп памятников, которые можно связать с территориальными общинами. Для них характерно расположение сравнительно

компактной группой на участке протяженностью 3–7 км. Между группами отмечено незаселенное пространство протяженностью в 2–3 км и более. Как правило, одно из поселений заметно выделяется своими размерами. Кроме того, многочисленны примеры и таких памятников, которые сами по себе являлись общиной и общинным центром одновременно. Как правило, они имели сравнительно крупные размеры (Полозово – не менее 15 га, Яблоново 1 – 10 га, Липовка (Бехтеевка) – 3,5 га и др.). На них отмечены признаки ремесленного производства и могильники. Локальные группы памятников образуют ГКП или «куст памятников», которые, по нашему убеждению, соответствовали крупным административным единицам того времени или ее составным частям. Среди памятников выделяются следующие типы поселений: городища – крепости (сторожи), городища – административные центры сельской округи, селища – центры сельских общин, селища – рядовые поселения в составе общин и промысловые стоянки.

Изучение южных территорий Рязанской земли обнаруживает несколько моделей систем расселения. Первая модель представлена одиночным селищем, территориально обособленным от остальных на 3–5 км. Как правило, его площадь превышает 1 га. Примерами такой модели являются Замятино 10, Полозово, Яблоново.

Вторая модель, являющаяся, возможно, производной от первой представлена «основным» селищем и расположенным вблизи еще 1–2 пунктами незначительной площади. «Основное» селище выделяется значительными размерами, следами ремесленного производства, расположенным рядом могильником. Примерами такой модели являются Курапово, Липовка (Бехтеевка).

Третья модель предполагает локальную группу селищ, состоящую из трех и более равнозначных по формальным признакам памятников. К ней относятся локальные группы по р. Каменка, у с. Крутогорье. Четвертая модель предполагает «кустовое» расселение (нижнее течение р.Матыра и Становую Рясу). Все выше перечисленные модели расселения встречаются как в домонгольское, так и в золотоордынское время. Пятая модель расселения характерна лишь для домонгольского времени и представлена локальной группой памятников, состоящей из городища и тяготеющих к нему селищ (локальные группы на Долговском ландшафтном участке, округа Романовских городищ). Шестая модель представлена промысловыми стоянками (Курино, Вербилово, Пристань), для которых характерно пойменное расположение, отсутствие следов ремесленной деятельности, слабая насыщенность культурными останками.

Литература

Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И. Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII–XIV веков долины Верхнего Дона (район Куликова Поля) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.

Андреев С.И. Романово городище // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2.

Винников А.З. Древнерусское население лесостепного Дона в VIII –нач. XIII в. Автореф... докт. дисс. М., 1991.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусское Животинное городище // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники XII–XIV вв. в бассейне Верхнего Дона // Липецк: начало истории. Липецк, 1996.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. Тр.ГИМ. М., 1993. Вып. 82.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом Поле // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.
Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М., 1909.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М–Л., 1950.
Ивашов М.В., Тропин Н.А. Древнерусское селище X – первой половины XIII в. у д. Замятино на р. Дон // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2.
Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990.
Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
Новгородская Первая летопись младшего и старшего изводов. М., 1950.
Пряхин А.Д. Археология и археологическое наследие. Воронеж. 1995.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987 – 1993 гг.) // На юго – востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.
ПСРЛ. 1962. Т. 1.
ПСРЛ 1965. Т. XI.
РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5661–5663. Лебедянский уезд. Генеральный уездный план (атлас) в трех частях; Д. 4772. Данковский уезд. Генеральный уездный план; Д. 4774. Данковский уезд. Уездный план (атлас); Д. 6114–6115. Епифанский уезд. Генеральный уездный план (атлас) в двух частях.
РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229.
Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. 1960. № 92.
Тропин Н.А. Древнерусское селище у с. Крутогорье // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1995.
Тропин Н.А. О характере домостроительства на южном рязанском порубежье в XII–XIV вв. (по материалам раскопок селищ Казинка и Каменное) // РА. 1996. № 1.
Тропин Н.А. Древнерусская керамика XII–XIV вв. южных районов Рязанщины (по материалам раскопок селищ Казинка и Каменное) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996.
Тропин Н.А. Христианский погребальный обряд XII–XIV вв. // Зарайские мученники – князь Феодор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск, 1998.
Тропин Н.А. Древнерусская керамика XII–XIV вв. как источник по изучению хронологии сельских поселений южных территорий Рязанской земли // Куликово поле: вопросы изучения наследия. Тула, 2000.
Тропин Н.А., Чалых Н.Е. Находки гончарных горнов 2-й половины XIII – XIV в. на р.Воронеж // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.
Цыбин М.В. Древнерусские памятники 2-й половины XIII – XIV в. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
Цыбин М.В. Древнерусские поселения 2-й половины XIII – XIV в. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII – XV вв. и происхождение волостной общины // СА. 1991. № 1.
Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице – Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999. М., 2000.
Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.

Шебанин Г.А.

Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в.

Основной целью данной работы является попытка локализации изменяющейся западной границы Рязанского княжества в процессе исторического развития Северо-восточной и Юго-восточной Руси в XII–XVI вв. Как показывает опыт исследований, для достижения поставленной цели недостаточно локализовать крайние западные города и места, упоминаемые в письменных источниках как «рязанские». Возникает ряд вопросов, связанных с ролью Рязанского княжества в системе взаимоотношений как внутри русских княжеств в XII – начале XVI в., так и с Золотой Ордой в XIII–XV вв., с генеалогией рязанских князей, с внутренней и внешней политикой Рязани и ее удельных княжений. Решения некоторых частностей этих вопросов является дополнительными задачами работы.

История изучения Рязанского княжества, его исторической географии, начинается с XVIII – начала XX в. Практически во всех трудах историков, посвящавших свои работы истории Древнерусского государства, истории формирования Русского единого государства, встречаются вопросы и отдельные разработки, связанные с Рязанским княжеством и его исторической географией (Татищев, 1963; 1964; Карамзин, 1993; Соловьев, 1988; Любавский, 1909; 1929; Пресняков, 1998). Особое место среди этих трудов занимает работа Д.И. Иловайского, непосредственно посвященная истории и исторической географии Рязанской земли[1] и заложившая основы изучения этого региона (Иловайский, 1990).

Вехой в истории изучения Рязанского княжества XII – 1-й трети XIII в. являются работы А.Н. Насонова и А.Л. Монгайта, авторы которых, рассмотрев все известные им источники, смогли, во многом верно, ответить на вопросы формирования территории Рязанского княжества, его границ, локализации летописных городов и мест Рязанской земли, ее политической и экономической истории (Насонов, 2002; Монгайт, 1961).

Важным моментом в изучении истории Рязанского княжества XIV – начала XVI в., во многом, связанном с его исторической географией (особенно западной части) является процесс присоединения рязанской территории к землям Великого Московского княжества. Кроме вышеперечисленных общих трудов по истории России, этот процесс рассматривался в работах Л.В. Черепнина, В.А. Кучкина и А.А. Горского (Черепнин, 1960; Кучкин, 1984; 2003; Горский, 2000; 2004).

Рассмотрение исторической географии Рязанского княжества невозможно без локализации рязанских городов и мест, упоминаемых в письменных источниках. В историографическом обзоре, посвященном этому вопросу, кроме вышеуказанных исследований Д.И. Иловайского, А.Н. Насонова и А.Л. Монгайта, необходимо отметить труды В.Н. Дебольского, М.Н. Тихомирова (Дебольский,

1901; Тихомиров, 1979) и ряд современных работ (Гриценко, 1997; Гриценко, Наумов, 2004; Наумов, 1997; Клянин, 1997; 2000; Темушев, 2004; Шебанин 2001; 2002; Иванов, Шебанин, 2004; Шебанин, Шеков, 2004).

Кроме того, с учетом поставленной в данной работе цели рассмотрения западных пределов Рязанского княжества, важными для ее решения являются работы, посвященные (в том числе) исторической географии: Черниговского княжества (Зайцев, 1975) и его политических наследников (Kuczynski, 1936; Шеков, 1998); Московской земли (Юшко, 1991; Темушев, 2002[2]); Коломенских волостей (Мазуров, 2001); Елецкой земли (Тропин, 1999); Золотой Орды (Егоров, 1985; 1997).

Одним из важных вопросов исторической географии Рязанского княжества является нанесение на карту его границ. Эта работа для домонгольского периода была проведена в работах А.Н. Насонова и А.Л. Монгайта (Насонов, 2002. С. 186; Монгайт, 1961. Рис. 46). Для XIV – начала XVI в. – в работах В.А. Кучкина и А.А. Горского (Кучкин, 1984; Горский, 2004. С.188). Большой интерес представляют карты, опубликованные в журнале «Родина», которые были подготовлены по материалам В.Н. Темушева:

– «Русские земли накануне образования Московского княжества (начало 60-х гг. XIII в.)» (Родина. 2003. № 11. С. 18);

– «Русские земли в годы правления Дмитрия Донского» (Родина. 2003. № 12. С. 8);

– «Рост Московского княжества в конце XIII – начале XVI в.» (Родина. 2003. № 12. С. 61).

В этом кратком историографическом обзоре приведен основной перечень исследований, посвященных (хотя бы своей частью) решению поставленных в данной работе задач. Краткость обзора (несмотря на широту задач) связана с относительно небольшим количеством исследований, посвященных Рязанской земле. В свою очередь, это объясняется крайней ограниченностью письменных источников, освещающих историю Рязанского княжества.

Одна группа источников по истории Рязанской земли – летописные известия – была подробно проанализирована А.Г. Кузьминым. Исследователь тщательно выбрал эти известия, привел историографический обзор их изучения, определил их достоверность (Кузьмин, 1965)[3].

Другая группа источников представлена актовым материалом – духовными и договорными грамотами московских и литовских князей с рязанскими князьями, жалованной грамотой рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю, которая датируется А.Ю. Дворниченко 1355–1356 гг. (Дворниченко, 1996).

Из дошедших до наших дней духовных и договорных грамот[4] к рассматриваемой теме относятся:

– первая духовная грамота Ивана Калиты – 1336 г. (Кучкин, 1989);

– вторая духовная грамота Ивана Калиты – 1339 г. (Кучкин, 1989);

– первая духовная грамота Ивана Ивановича (Красного) – весна–лето 1359 г. (Кучкин, 2004. С. 242);

– вторая духовная грамота Ивана Ивановича (Красного) – октябрь – первая декада ноября 1359 г. (Кучкин, 2004. С. 242);

– договор великого князя московского Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем – 1381 г. (Зимин, 1958. С. 286–287; Греков, 1975. С. 144–145);

– договор великого князя московского Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем – 1402 г. (Черепнин, 1948. С. 80);

– договор великого князя рязанского Ивана Федоровича с великим князем литовским Витовтом – 1427 или 1428 г. (Зимин, 1958. С. 294–295; Шебанин, Шеков, 2004. С. 150);

– договор великого князя московского Юрия Дмитриевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем – 1434 г. (Черепнин, 1948. С. 114);

– договор великого князя московского Василия Васильевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем – 1447 г. (Черепнин, 1948. С. 149);

– договор великого князя московского Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем – 1483 г. (Черепнин, 1948. С. 191, 200);

– договор великого князя рязанского Ивана Васильевича с рязанским князем Федором Васильевичем – 1496 г. (Черепнин, 1948. С. 208–209);

– духовная грамота Ивана III – конец 1503 г. (Каштанов, 1967. С. 198–202).

Рязанское княжество как самостоятельное политическое образование появилось только в середине XII в. Д.И. Иловайский относил его выделение ко времени после смерти кн. Ярослава Святославовича в 1129 г. (Иловайский, 1990. С. 22–24). А.Л. Монгайт также относил выделение Рязанской, Муромской и Пронской земель из Черниговского княжества к 1129 г., но отметил, что Муром оставался стольным городом до середины XII в., так как еще в 1145 г. князь Ростислав Ярославович, после смерти своего брата Святослава, перешел в Муром, посадив в Рязани своего младшего сына Глеба (Монгайт, 1961. С. 336). По мнению А.Г. Кузьмина, в 1146 г. Ростислав «сел» в Рязани, так как переход на главный княжеский стол в Муроме уже не сулил никаких преимуществ (Кузьмин, 1965. С. 81–82). А.Л. Монгайт считал, что старший княжеский стол был перенесен в Рязань лишь после смерти князя Владимира Святославовича в 1162 г. (Монгайт, 1961. С. 347). Таким образом, Рязанское княжество выделилось из Черниговского княжества, сначала как удельное в составе Муромо-Рязанского в 1129 г., и только к середине XII в. стало самостоятельным. В.А. Кучкин отмечал, что вопрос о границах приобретает особую важность с того времени, когда князья становятся государями своих владений, что приводит к неизбежным столкновениям между ними (Кучкин, 1969. С. 77). В связи с этим необходимо отметить, что первоначальные границы Рязанского княжества должны были сложиться к середине XII в. Начало их формирования относится ко времени выделения Муромо-Рязанского княжества из Черниговского (очевидно, что западные границы Рязанского княжества были такими и для Муромо-Рязанского).

Скорее всего, выделение Муромо-Рязанского княжества из состава Черниговского не могло произойти гладко, без появления ряда спорных территорий, за обладание которыми впоследствии эти князья (и их преемники) могли конфликтовать. Несмотря на то что сплошной территории, соединяющей ядро Черниговской земли с формирующимся ядром муромо-рязанской земли не было (Насонов, 2004. С. 178–179; Зайцев, 1975. С. 109), спор мог возникнуть позднее, при освоении этой территории, либо (учитывая общих предков) при возникающих вопросах о наследовании некоторых волостей как «отчин». Учитывая географический фактор, эти территории должны были располагаться в бассейне верхнего Дона и средней Оки. Отголоски этих конфликтов мы можем заметить в так называемых «вставках» Никоновской летописи и в договорных грамотах московских и рязанских князей.

Таким образом, вопрос о западной границе Рязанского княжества XII – начала XIII в. является вопросом рязанско-черниговского порубежья. На левобережье Оки эти границы исследователи наносили на карты, основываясь на сообщениях Ипатьевской летописи о принадлежности черниговским князьям Колотеска (Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 2. 1962. Стб. 338), Лопас-

тенской волости (ПСРЛ. Т. 2. 1962. Стб. 602), спорности территории Свирилеска (ПСРЛ. Т. 2. 1962. Стб. 602) и сообщения Никоновской летописи об основании Ростиславля рязанским князем в 1153 г. (ПСРЛ, 1862. С. 197)[5]. На правобережье р. Оки и в верховьях Дона эта граница проходила между Колотеском и Ростиславлем, пересекала Осетр и проходила между городами Пронском и Дедославлем, вдоль верховьев Дона до устья р. Сосны (Насонов, 2002. С. 186, 190–191; Монгайт, 1961. С. 144, рис. 46; Зайцев, 1975. С.102–103, рис. 2).

С этой линией границы, в целом, можно согласиться как с основой для историко-географических исследований. Однако трудно представить, чтобы на всем протяжении XII – начала XIII в. граница оставалась стабильной. Высказанное выше мнение о возможности конфликтов по поводу порубежных территорий, подтверждается некоторыми фактами.

События 1176 г. показали, что притязания Рязанского княжества на черниговские земли началась еще в XII в. Кроме того, из духовных грамот московских князей Ивана Калиты, Ивана Красного и московско-рязанской договорной грамоты 1381 г., известно, что в начале XIV в., кроме коломенских, от Рязани к Московскому княжеству отошли «Лопастенские» волости, находившиеся в бассейне р. Лопастня, и «иные рязанские места», которые локализуются в бассейне р. Протвы (Романов, 1940. С. 216–218; Темушев, 2002. С. 11). Таким образом, рязанские князья смогли до начала XIV в. присоединить к своим владениям значительные территории на левобережье Оки.

Д.И. Иловайский считал, что переход этих земель к рязанскому княжеству произошел во 2-й половине XIII в. (Иловайский, 1990. С. 96). А. А. Горский связывает эти события с усилением мощи хана Ногая в 90-х годах XIII в. (Горский, 1996. С. 81).

Этому противоречит текст жалованной грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю (Греков, 1955. С. 15–16). Часть ее посвящена подтверждению земельных пожалований рязанских князей начала XIII в. В грамоте упоминаются рязанские погосты, четыре из которых на момент составления грамоты входили в состав Московского княжества (см. подробнее: Романов, 1940. С. 216–218; Л.В. Черепнин, 1951. С. 125–129; Дворниченко, 1996; Горский, 2000. С. 71–72). Следовательно, в домонгольское время на левобережье Оки у Рязанского княжества существовали владения кроме «коломенских»[6], на что и указал в своей жалованной грамоте великий рязанский князь Олег Иванович.

В бассейне р. Оки, на территории черниговской волости «Вятичи» в середине XII – 1-й половине XIII в. происходил процесс формирования княжеских волостей – личных владений князей черниговского дома – «жизней» (Зайцев, 1975. С. 98– 113; Шеков, 1993. С. 28–30; 1998. С. 10–11). Нельзя отрицать возможность наличия (или перспективы наследования) таких владений (даже чересполосных) у князя Ярослава Святославовича, наследники которого – рязанские князья – могли вступать в борьбу против черниговских князей за обладание ими. Скорее всего, так и произошло в 1176 г. Свирилеск в этом году был возвращен черниговским князьям, но, судя по документам XIV в., позже вернулся в состав рязанских владений. Какие-то разногласия между рязанскими Ярославовичами и черниговскими Ольговичами возникли в 1194 г., когда князь Святослав Черниговский собрался походом на рязанских князей, и только вмешательство владимиро-суздальского князя Всеволода, в зависимости от которого Рязанское княжество тогда находилось, отвратило эту угрозу (Монгайт, 1961. С. 352). Д.И. Иловайский, не без основания, полагал, что этот поход черниговские князья могли затевать в связи с захватом рязанскими князьями некоторых волостей (Иловайский, 1990.

С. 48). Через четыре года в 1198 г., согласно сообщению В.Н. Татищева, произошло отделение рязанской епархии от черниговской (Татищев. 1964. С. 168). А.Г. Кузьмин, приводя убедительную аргументацию, считает, что это сообщение не может вызывать сомнения в своей подлинности (Кузьмин, 1965. С. 128–129). А.Л. Монгайт считал для Рязани это событие актом политического отделения от Чернигова (Монгайт, 1961. С. 353).

Характерно, что, судя по археологическим данным, именно, на рубеже XII–XIII вв., в период окончательного отделения Рязанского княжества от Черниговского, началось освоение древнерусским населением региона верхнего Дона (Гоняный, 2003. С. 8–9, 12–13). К этому же времени возникают Семилукское городище, которое, по мнению его исследователей, определяло южные пределы Рязанской земли (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 43), и Чур-Михайловское городище, которое интерпретируется как летописный город Чур-Михайлов, основанный пронским князем Кир-Михаилом в начале XIII в. (Шватченко, 1990). Интересно, что и в верховьях Прони поселения в середине XII в. также отсутствовали, появляясь к концу XII в. (Заидов, 1996). Кроме того, анализ антропологического материала погребений региона верхнего Дона позволяет сделать вывод, что основной миграционный поток его заселения был направлен с территории Рязанской земли (Заидов, 2000. С. 140–142). К рубежу XII–XIII в. относится период второго миграционного потока заселения бассейна нижнего течения р. Сосны, который, по мнению исследователя Елецкой земли Н.А. Тропина, был связан с попыткой Рязанского княжества закрепиться в этом регионе (Тропин, 1999. С. 60).

Хозяйственное освоение прежде незаселенного бассейна верхнего Дона стало возможно, в том числе, и в связи с успешной борьбой рязанских князей и их сюзеренов – князей владимиро-суздальских против половцев (Зайцев, 1988. С. 47). Целенаправленное изучение истории взаимоотношений Рязанского княжества и половецких кочевых объединений в XII – начале XIII в. показало, что некоторый перевес в военной активности был на стороне половцев лишь в 80–90-е годы XII в. В целом, рязанским князьям удалось нейтрализовать отрицательное воздействие «половецкого фактора» на формирование южной границы своего княжества и демографическую ситуацию в регионе (Цыбин, 1999. С. 133–134).

Таким образом, на рубеже XII–XIII вв. Рязанское княжество окончательно обособилось от территории Черниговского княжества. Пользуясь поддержкой Владимиро-Суздальского княжества, рязанские князья присоединили к своим коломенским владениям на средней Оке и «иные рязанские земли» в бассейне р. Протвы, и, возможно, «лопастенские волости». Также, на рубеже XII–XIII вв., рязанское население начинало осваивать незаселенные пограничные пространства бассейна верхнего Дона[7].

К концу 1-й трети XIII в. проблема границ между Рязанским и Черниговским княжествами окончательно не могла быть решена. Противоречия в вопросе принадлежности земель в бассейне средней Оки и верхнего Дона должны были сохраняться. Процесс установления границ был прерван монгольским нашествием.

Прежде чем перейти к вопросу о рязанских границах 2-й половины XIII – начала XVI в. необходимо рассмотреть некоторые проблемы истории Рязанской земли – о существовании удельных владений на территории Рязанского княжества, о взаимоотношениях Рязани и Орды, о порядке и механизме перехода титула «великий рязанский князь», о времени и обстоятельствах перехода Коломны к Московскому княжеству.

После разделения Муромо-Рязанского княжества в Муроме стала княжить линия Святославичей, а в Рязани – Ростиславичей. История этих княжеств разделилась и пошла, хотя во многом параллельными, но отдельными дорогами. Рос-

тиславичи получили в коллективную собственность территорию складывающегося Рязанского княжества. Они и их наследники могли считать ее своей «отчиной». Согласно нормам Любеческого съезда, это коллективное владение могло делиться на уделы. Что и произошло на территории Рязанского княжества в последней четверти XII в.

Очевидно, что в это время выделился Пронский удел. А.Г. Кузьмин считает упоминание о «пронских князьях» Никоновской летописи в 1131 г. недостоверным. По его мнению, обособление «пронских» от «рязанских» князей произошло в 80-х годах XII в. и было невозможно до смерти Глеба Ростиславовича (около 1178 г.) (Кузьмин, 1965. С. 76). Во всяком случае, при описании военных столкновений Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств 80-х годах XII в. упоминается деление рязанских волостей «старейшинству» и упомянуты пронские князья (Монгайт, 1961. С. 350–351; Кузьмин, 1965.С. 114–118).

Вероятно, после смерти князя Глеба Ростиславовича выделился и Коломенский удел. Автор монографического исследования о средневековой Коломне А.Б. Мазуров, подробно проанализировав летописные известия о 1180 г., пришел к мнению о возможности этого события. По его мнению, Коломной с 1178 г владел князь Владимир Глебович и именно у него хотел отобрать эту волость старший рязанский князь Роман Глебович (Мазуров, 2001. С. 37–41). После смерти Владимира Глебовича волость перешла к его сыновьям (Мазуров, 2001. С. 42–46).

Возможно, на рубеже XII–XIII вв. в Рязанском княжестве выделился и Переяславльский удел, которым владели Игоревичи (Кузьмин, 1985. С. 123–125, 140–141, 150–151).

После трагедии в Исадах 20 июля 1217 г. (ПСРЛ, Т.18. С. 49) рязанским князем стал Ингварь Игоревич. По мнению А.Л. Монгайта, в 1217 г. была сделана попытка объединения Рязанской земли путем истребления удельных князей (Монгайт, 1961. С.355). Она сорвалась. Князья Глеб и Константин были изгнаны из Рязани. Однако благодаря этой попытке, выживший по случайности Ингварь Игоревич стал единовластным князем Рязанской земли. В его правление уделов не существовало, так как все остальные рязанские князья были либо убиты, либо бежали и умерли в изгнанье.

После смерти Ингваря Игоревича рязанским князем стал Юрий Ингварович, а его брат Роман получил Коломенский удел, который, по всей видимости, обособился от Рязани (Кузьмин, 1965. С. 160; Мазуров, 2001. С. 47–54).

События 1237 г. для Рязанского княжества стали поистине катастрофическими. Кроме физического уничтожения или разорения городов, подрыва экономики, княжество потеряло всех своих князей, а тем самым и самостоятельность. А.Г. Кузьмин убедительно показал легендарность упоминания в «Повести о разорении Рязани Батыем» возвращающихся после нашествия в Рязань и Пронск князей Ингваря и Кир Михаила (Кузьмин, 1965. С. 175–176). А.Б Мазуров предполагает, что упоминаемый в той же «Повести...» Глеб Коломенский мог жить и владеть Коломенским уездом после событий 1237/38 г., но подчеркивает, что это гипотеза, которая не может быть подтверждена заслуживающими доверия летописными текстами (Мазуров, 2001. С. 55). Между тем, А.Г. Кузьмин считает, что «Повесть...» содержит много данных, отражающих легенды и взгляды уже конца XV – начала XVI в. и доверять ей можно только в части, восходящей к «Сказанию о разорении Рязани Батыем», к которому он относит рассказы в составе летописей о разорении Рязани (Кузьмин, 1965. С. 160–179).

Таким образом, в результате нашествия 1237/38 г. Рязанское княжество потеряло не только свою самостоятельность, но и всех князей рязанской линии, которые могли бы владеть княжеством. Уцелел единственный князь – Олег Ингваре-

вич, однако он находился в плену. А.Г. Кузьмин, рассмотрев летописные упоминания об Олеге, считает, что можно доверять позднему родословцу, сообщающему о пребывании Олега в плену в течение 14 лет (Куьмин, 1965. С. 185–186). Кто управлял Рязанским княжеством все это время? Видимо, оно также находилось «в плену» Батыя и управлялось монгольской администрацией.

Такое положение могло сохраняться до 1252 г., когда Олег был отпущен в свою землю (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450). В 1258 г. он скончался (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451).

Очевидно, что князь Олег был отпущен из плена на определенных условиях, в числе которых могли быть требования по ограничению территориальных владений. Спорные рязанско-черниговские и рязанско-владимиро-суздальские земли могли оказаться под юрисдикцией монголов. Именно таким образом, посреди земель русских княжеств могли образоваться «татарские земли», «тульское баскачество» московско-рязанских договорных грамот (ДДГ. № 10. С. 29) и появиться определенные права монголов на коломенские, лопастенские и «отменные места рязанские», которые нашли свое отражение в духовных грамотах московских князей Ивана Даниловича и Ивана Ивановича (ДДГ. № 1, 4. С. 8, 15). Несомненно, верно замечание А.Б. Мазурова о неубедительности гипотезы В.Л. Егорова об отнесении Коломны к «отчине» коломенского посла, упоминаемого в докончании 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем. Слова об «отчине» обращены к Владимиру Андреевичу, но важно, что наряду с владимирским послом, приехавшим из Орды после смерти великого князя Дмитрия Ивановича (очевидно, с ярлыком на Владимирское княжение), существовал и особый коломенский посол, который от лица хана Золотой Орды мог распоряжаться Коломной (по крайней мере, подтверждать право на ее владение) (Егоров, 1985. С. 41; Мазуров, 2001. С. 375).

В годы правления Олега Ингваревича в истории Рязанского княжества произошли важнейшие события. В 1257 г. татарские численники провели «исчисление народу в России», с уходом которых в Рязанской земле, наряду с другими, были сформированы особые баскаческие отряды (см. подробнее: Насонов, 2002. С. 223–227). По мнению А.Н. Насонова во 2-й половине XIII в. на Северо-Востоке Руси наряду с великим князем, появились «великие баскаки», основной обязанностью которых была служба внутренней «охраны» (Насонов, 2002. С. 230–231). После смерти князя Олега Ингваревича Рязанским княжеством правил его сын – Роман. К сожалению, о его правлении летописных известий не сохранилось, за исключением одного: в 1270 г., по сообщению многих русских летописей, князь Роман был убит в Орде[8]. К этому сообщению добавляется одно интересное свидетельство В.Н. Татищева, проливающее свет на взаимоотношения баскаков с князьями: Роман был оклеветан рязанским баскаком. А.Г. Кузьмин не доверяет этому известию (Кузьмин, 1965. С. 191–192), хотя в обязанности баскака вполне могли входить функции надзора за «благонадежностью» князя.

Ко времени правления Олега Ингваровича и Романа Олеговича относится начало наименования рязанских князей «великими», как они и называются в договорах XIV–XV вв. (Кузьмин, 1965. С. 195). Это вполне объяснимо. Если в XI – 1-й половине XII в. титул «великий князь» использовался, всего лишь, как величальный (Свердлов, 2003. С. 149–152), то во 2-й половине XIII – XIV в. он приобретает политико-правовое значение. Великим князем Владимирским мог стать любой наследник владимирских князей, получивший ярлык на великое княжение. Вместе со своими личными владениями он начинал распоряжаться особой территорией Владимирского княжения, в которую, как правило, входили «вымороченные» земли. Вместе с потерей ярлыка князь лишался и полномочий на великокняжеской территории (Насонов, 2002. С. 290). Подобная же ситуация долж-

на была существовать и на территории Рязанского княжества, не входившего в феодальную систему великого Владимирского княжения. Оно представляло собой обособленное феодальное владение, управляемое Ордой через своего «великого князя»[9]. Следовательно, Рязанское княжество имело отдельную (параллельную с Владимирским княжением) структуру взаимоотношений со складывающемся монгольским государством.

Такая постановка вопроса проливает свет на взаимоотношения рязанских князей в конце XIII – 1-й половине XIV в. Становятся понятными неясные А.Г. Кузьмину моменты, почему старший Ярослав Романович оказывается «пронским», почему в Росписи князьям Рязанским «великим» назван Федор Романович, почему рязанский князь Иван при освещении событий 1320 г. назван Ростиславльским (Кузьмин, 1965. С. 196,198).

В 1299 г. умер Ярослав Романович, после смерти которого, разгорелся спор за великокняжеский стол (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461). Титул «великого князя» переходил от одного князя к другому, и все они становились «рязанскими» независимо от своих личных владений («отчин») – Пронска (князь Ярослав Романович), Переяславля (князь Константин Романович) или Ростиславля (князь Иван Ярославович).

В спор 1299 г. между младшим братом Ярослава – Константином и его племянниками – Ярославичами (на стороне последних) вмешался московский князь Даниил, который пленил Константина (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461–462). Эти события не раз привлекали внимание историков[10]. Именно с ними связывается переход «коломенских» и «лопастенских» волостей к Москве (Борисов, 1999. С. 74–77; Горский, 2000. С. 28–29; 2002. С. 122–126; Мазуров, 2002. С. 98–99).

Данный подход к проблеме, при отсутствии прямых указаний источников, однобок. По своей сути он исключает (или принижает) роль Золотой Орды в отношениях между русскими княжествами, что вряд ли было возможно для рассматриваемого времени. Возвращаясь к мысли о том, что спорные рязанско-черниговские и рязанско-владимиро-суздальские земли могли оказаться под юрисдикцией монголов уже в середине XIII в., механизм перехода этих волостей мог быть иным.

В 80–90-х годах XIII в. в Орде воцарилось двоевластие. Князья Северо-восточной Руси разделились на две враждебные политические группировки. Ростовские князья во главе с Андреем Городецким ориентировались на Волжскую Орду. Переяславльский (Дмитрий Александрович), тверской (Михаил Александрович) и московский (Даниил Александрович) князья поддерживали Ногая. В 1291 г. Ногай умертвил Телебугу-хана и посадил на царство Тохту (Насонов, 2002. С. 269– 273). А.А. Горский считает, что в этом году Ногай наделял своих вассалов владениями сторонников Телебуги. Именно так Углич перешел к владениям переяславского князя Дмитрия Александровича, а Можайск – к владениям московскоко князя Даниила Александровича (Горский, 2000. С. 20). В 1294–1297 гг. Даниил становится главой проногаевской группировки, но, после княжеского съезда зимой 1296–1297 гг. во Владимире признает себя вассалом хана Тохты, благодаря чему, Тохта оставляет приобретенные ранее земли Даниилу (Горский, 2000. С. 27–28). Кроме того, по мнению А.Н. Насонова, которое поддержал А.А. Горский, переяславльский, московский и тверской князья, будучи вассалами Ногая, получили право на самостоятельный сбор дани, которое, видимо, подтвердил Тохта (Насонов, 2002. С. 276; Горский, 2000. С. 28). Съезд князей 1304 г. признал все приобретения московских князей. Орда, заинтересованная в это время в усилении Москвы и ослаблении Твери поддержала это решение (Насонов, 2002. С. 299).

В летописных известиях 1300–1306 гг. отсутствуют упоминания о переходе Коломны к Москве. В связи с этим, присоединение коломенских волостей к Мос-

ковскому княжеству в начале XIV в. можно считать гипотезой. По мнению А.Е. Преснякова, «все Рязанское дело связано с вмешательством Москвы в рязанские смуты» (Пресняков, 1998. С. 97,358, примеч. 37–38).

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что коломенские и лопастенские «места» могли перейти в ***пользование*** московскому князю Даниилу Александровичу уже в 1291 г. Зимой 1296–1297 г. и в 1304 г. эта передача была подтверждена. Права на переданные земли оставались за Ордой. Московский князь мог ими управлять и собирать на их территории дань, то есть с юридической точки зрения – пользоваться этой территорией. Распоряжаться этими землями Даниил и его наследники могли при условии, если не «имуть искати» Коломны и лопастенских мест из Орды, что и отразилось в духовных московских князей Ивана Калиты и Ивана Ивановича Красного (ДДГ, 1950. № 1. С. 7, 9; № 4а. С. 14–15). В случае потери этих мест наследники должны были поделиться «беспенными» землями, то есть, по мнению В.А. Кучкина, землями, на которые не распространялись бы чужие притязания (Кучкин, 2004. С. 238).

Таким образом, Коломна и лопастенские места относились к землям, на право пользования которыми распространялись чужие притязания. Мнение А.Б. Мазурова, что это были притязания рязанского князя, которые мог поддержать хан Орды, выступающий высшей инстанцией в спорах о недавно приобретенных землях, достаточно обосновано (Мазуров, 2001. С. 373–374). Однако важно, что волостей «станут искать» «татарове», «Орда». Из этого следует, что решение о передаче «волостии» принимает хан Орды, а претензии рязанских князей вторичны. Следовательно, право собственности на эти волости сохранялось за Ордой, которая и распорядилась этим правом, передав их Москве. Рязанские князья, осознавая возможность (при поддержке Орды) возврата этих земель, на протяжении почти всего XIV в. безрезультативно пыталась их вернуть.

После перехода к Москве «Коломна со всеми коломенскими волостьми» стала княжеским доменом, родовой собственностью наследников Калиты (Мазуров, 2001. С. 106–107). Эта территория стала неделимым достоянием, которое переходило к владельцу титула «московский князь»[11]. Независимо от завещания, указанные земли могли быть отобраны по решению хана Орды, или перейти к князю, занявшему московский «стол». Так произошло после смерти князя Симеона Гордого, когда его брат Иван Иванович (очевидно, не захватил как считает А.Б. Мазуров), а, наиболее вероятно, получил в управление коломенские и лопастенские волости, в качестве московского князя (Мазуров, 2001. С. 107). При великом князе Дмитрии Ивановиче появилась важнейшая новация «княжого права» московского княжеского дома – теперь владение Коломной делало ее обладателя великим князем Владимирским и наоборот (Мазуров, 2001. С. 109). Однако и при сыне Дмитрия Ивановича – Василии золотоордынские ханы подтверждали права московских князей не только на великое Владимирское княжение, но и на не входившие в его территорию коломенские земли. По крайней мере, только так можно объяснить присутствие отдельного от владимирского коломенского посла, о котором было указано выше, в год вокняжения Василия I.

Итак, после трагедии 1237–1238 гг. и 14-летнего пленения единственного оставшегося в живых претендента на рязанский «стол» рязанские князья потеряли право владения спорными территориями Окско-Донского водораздела, которые отошли к Орде. Эти земли превратились в упоминаемые в актовых материалах XIV–XV вв. «татарские земли» и «тульское баскачество». Также рязанские князя потеряли право владения коломенским уделом и лопастенскими волостями (такими же спорными рязанско-черниговскими и рязанско-владимиро-суздальскими территориями). Право владения этими территориями перешло к Орде. Очевидно, это пра-

во золотоордынские ханы осуществляли в виде передачи в управление указанных территорий русским князьям. Возможно, рязанские князья могли управлять этими волостями до конца XIII в., но потом право управления было передано московским князьям. Номинальный переход права владения рассматриваемыми волостями к Москве мог произойти при отказе от этих земель единственных законных претендентов – рязанских князей. Этот факт был закреплен в московско-рязанском договоре 1381 г., а юридически оформлен при сложении великим князем Иваном III с себя вассальных обязанностей по отношению к хану Большой Орды.

Возможно, после перехода Коломны к Москве, на западных окраинах Рязанского княжества возник новый удел – Ростиславльский (Коваль, 2004. С. 13–14). Во всяком случае, в Новгородской первой летописи младшего извода называется князь Иван Ростиславльский (НПЛ, 1950. С. 338, 457). Большинство историков считают, что он был сыном пронского князя Ярослава Романовича, который с 1294 г. по 1299 г. занимал великокняжеский Рязанский стол (Коваль, 2004. С. 14). В 1327 г., будучи уже князем рязанским, он был убит в Орде, по мнению А.Г. Кузьмина – в связи с известными событиями в Твери (Кузьмин, 1965. С. 198).

Таким образом, мы видим, что в Рязанском княжестве в начале XIV в. существовали Переяславский, Пронский и, очевидно, выделившийся из последнего Ростиславльский удел. Великим князем рязанским мог стать любой удельный князь рязанского дома, в то числе и ростиславльский, получивший ярлык на «великое рязанское княжение». Так же как и в великом Владимирском княжении ярлык мог передаваться одному из представителей местной княжеской династии, а неугодный князь при этом уничтожался.

Яркое подтверждение укзанной мысли – противостояние князей Пронского и Переяславского уделов в 1339–1344 гг. Летописные известия об этих событиях подробно проанализированы А.Г. Кузьминым (Кузьмин, 1965. С. 201–203). По его мнению, убийство рязанским (переяславским. – *Г.Ш.*) князем Иваном Ивановичем Коротополом своего двоюродного брата пронского князя Александра Михайловича, направлявшегося в Орду с «выходом», было одним из событий борьбы за рост политического значения нового рязанского центра – Переяславля (Кузьмин, 1965. С. 201). По мнению Л.В. Черепнина, в этом событии проявилось желание рязанского князя сосредоточить в своих руках сношения с ханами Золотой Орды (Черепнин, 1960. С. 532). Но, князь Иван Коротопол в момент убийства пронского князя вместе с ордынским послом Товлубием шел во главе ордынского войска на Смоленск, и, очевидно, обладал какими-то правами, позволившими ему совершить убийство. По всей видимости, это были права великого рязанского князя, полученные Иваном вместе с войском в Орде. Получив эти права, Коротопол мог убить провинившегося чем-то перед Ордой князя Александра Михайловича. Пронский князь, по всей видимости, бывший перед этим великим рязанским князем, ехал с «выходом» в Орду бороться за сохранение себе великокняжеского титула. Но князь Иван Коротопол опередил его.

В 1342 г. эта ситуация повторилась с точностью до наоборот (Кузьмин, 1965. С. 202–203). Из Орды вместе с послом Киндяком пришел князь Ярослав Александрович Пронский. Переяславль был осажден. Коротопол бежал, и в следующем году его убили «на Рязани». Произошла очередная смена великого князя рязанского. В ряде летописей отмечено, что князь Ярослав Александрович «сел в Ростиславле», но в 1344 г., по сообщению все тех же летописей, он умирает уже как князь пронский. Эти же летописи в 1350 г. отметили смерть брата Ярослава – Василия Александровича (Кузьмин, 1965. С. 203).

Таким образом, ситуация в великом Рязанском княжении подобна ситуации в великом Владимирском княжении – шла борьба за титул великого князя: во Вла-

димирском княжении между князьями Твери и Москвы, в Рязанском – между князьями Пронска и Переяславля. В 1344 г. князья пронской линии победили. Линия переяславльских князей прервалась. Однако, очевидно, что произошел новый раздел уделов. Во всяком случае, Олег Иванович, сын, судя по его жалованной грамоте Ольгову монастырю, Ивана Александровича[12] владеет Переяславлем и в 1371 г. борется с пронским князем Владимиром Дмитриевичем[13]. В результате этой борьбы, согласно Никоновской летописи, Владимир стал рязанским князем, но вскоре Олег «согна его с рязанского княжения» (ПСРЛ. Т. 11. 1897. С. 17). Характерно, что в событиях 1371 г. приведших к битве при Скорнищеве, в которой рязанский князь Олег Иванович потерпел поражение, активно участвует московский князь Дмитрий Иванович, который, по всей видимости, вмешивается в усобицу между рязанскими князьями Олегом и Владимиром на стороне последнего (Кузьмин, 1965. С. 213). Московский князь желал посадить на рязанский «стол» своего союзника, по вполне понятным политическим причинам, в том числе учитывая и вопрос о коломенских, лопастенских и «иных рязанских мест».

Последняя смута в Рязанском княжестве была отмечена летописными источниками в 1408 г., когда пронский князь Иван Владимирович, очевидно получив ярлык на великое княжение Рязанское, с ордынским войском разбил князя Федора Ольговича. А.Г. Кузьмин, разбирая летописные известия об этом событии, признал их достоверность и считает их (за исключением сообщения Тверского сборника) записанными на рязанской стороне (Кузьмин, 1965. С. 250–253).

Таким образом, мы видим, что, Рязанскому княжеству за все время своего существования, несмотря на неоднократное деление на уделы, удавалось, за исключением потери Коломенского удела, сохранить свою целостность. Этому способствовали внутренние усобицы (события 1217, 1299–1306, 1339–1344 гг.) и внешние факторы (нашествие 1337–1338 гг.). В связи с этим границы Рязанского княжества 2-й половины XIII – 1-й половины XVI в. можно рассматривать как границы единого политического образования.

Потеряв коломенские, лопастенские и «иные рязанские места»[14] на левобережье Оки, Рязанское княжество сохранило свои правобережные владения[15]. Границы этих владений позволяют определить московско-рязанские и литовско-рязанские договоры конца XIV – XV в.

Первый по хронологии из дошедших до нас документов этого круга – докончание великого князя московского Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата князя серпуховского Владимира Андреевича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем. Документ впервые был опубликован в 1775 г. в «Древней Российской Вивлиофике», неоднократно публиковался в изданиях XIX – первых десятилетий XX в. Наиболее известное издание грамоты было осуществлено Л.В. Черепниным в 1950 г. в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв.» (ДДГ, 1950. № 10. С. 29, 30). Л.В. Черепнин указал, что это – список конца XV в., и на основании косвенных данных датировал несохранившийся оригинал 1382 г. Позднее датировка соглашения была уточнена А.А. Зиминым и И.Б. Грековым – 1381 г. (Зимин, 1958. С. 286–287; Греков, 1975. С. 144–145). Последнее издание грамоты со всеми ее палеографическими особенностями было сделано В.А. Кучкиным в монографии «Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры». В главе, посвященной этому договору он, подробно рассматривает историографию его изучения, палеографические особенности и проводит исторический анализ самого договора (Кучкин, 2003. С. 223–269). В.А. Кучкин присоединяется к мнению А.А. Зимина и И.Б. Грекова о датировке документа 1381 г. и вслед за многими другими историками отмечает неравноправность договора (Кучкин, 2003. С. 244–245, 268).

Прежде всего, Олег Иванович Рязанский, по отношению к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу признается «братом молодшим», но продолжает именоваться «великим рязанским князем», что, по мнению В.А. Кучкина, говорит об определении положения князя, прежде всего не титулом, а степенью «родства» с договаривающимся с ним правителем (Кучкин, 2003. С. 249–250). В связи с этим, хочется отметить, что в этом договоре как нельзя лучше отражается политическая ситуация того времени, сложившаяся после победы на Дону 1380 г. и до нашествия Тохтамыша 1382 г.. Была выстроена иерархическая система внутри русских княжеств, во главе с московским князем, но сохранилась система взаимоотношений с их общим сюзереном – ханом Золотой Ордой. Именно поэтому Олег Иванович по отношению к Орде является великим рязанским князем, а для московского князя Дмитрия Ивановича (также по отношению к Орде являвшегося великим владимирским князем) – «братом молодшим».

Во-вторых, московское княжество, после почти восьмидесятилетней борьбы с рязанским княжеством, добилось от него признания бывших рязанских владений за Окой «отчиной» московского князя. Таким образом, Рязанское княжество документально подтвердило свой отказ от коломенских, лопастненских и «иных рязанских мест». Граница между княжествами прошла по Оке (Мазуров, 2001. С. 101–102).

За Рязанским княжеством, в его западной части, остались правобережные владения[16]. Границы этих владений можно очертить на основании московско-рязанских договоров 1381, 1402, 1434, 1447, 1483 гг., рязанско-литовского договора 1428 г., договора великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г. и известного обзора «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» (НПЛ. 1950. С. 476)[17].

В последнем, начиная с Перевитеска[18], перечисляются «рязанские города», расположенные в его западной части. К ним относятся: Шипино, Ростиславль, Венев, Тешилов, Крилатеск, Неринеск, Кулатеск, Рославль Польский, Свинеск, Новгородок на Осетре, Бобруеск, Дубечин, на Плаве Микитин, Ломихвост, в верх Дону Дубок, Корнике, Урюпейск. Для решения задач данного исследования важна локализация некоторых из них.

Ростиславль локализуется на правом берегу Оки на территории Озерского района Московской области в 3 км от с. Сосновка. В Веневском районе Тульской области, на правом берегу р. Осетр недалеко от устья р. Веневка, близ д. Гурьево -Венев (Клянин, 2000. С. 118–119). Тешилов – в Серпуховском районе Московской области, на правом берегу Оки, при впадении в нее ручья Хохли (Тихомиров, 1979. С. 120–121; Куза, 1996. С. 135). Кулатеск, он же, по мнению М.Н. Тихомирова – Колотеск локализуется в Московской области, на правом берегу Оки, близ с. Колтово, на мысу левого берега р. Мутенки (Тихомиров, 1979. С. 123; Куза, 1996. С. 136). Корнике локализуются в Веневском районе Тульской области, на правом берегу р. Шат, при впадении в нее р. Корничка (Клянин, 1997. С.145). Остальные города локализуются с большей или меньшей долей вероятности. Неринеск – близ Каширы у озера Неринское (Тихомиров, 1979. С. 121–122). Рославль Польский – на р. Вашане севернее Тулы, у с. Лаптево (Тихомиров, 1979. С. 122). Свинеск – к югу от Серпухова, или (что, по всей видимости, ближе к правде) в Веневском районе Тульской области близ с. Аннино, у речки Свинески (Тихомиров, 1979. С. 122). Новгородок на Осетре – на правом берегу Оки, близ устья р. Осетр (Тихомиров, 1979. С. 119–120; Куза, 1996. С. 137). Бобруеск – в Киреевском районе Тульской области, на правом берегу нижнего течения р. Шат, при впадении в него речки Бобровки, у с. Новое Село (Шебанин, в печати). На Плаве Микитин должен располагаться в бассейне р. Плава (Тихомиров,

1979. С. 123). Шипино, Крылатеск, Ломихвост, Урюпейск, Дубечин не локализованы.

Важным моментом для исторической географии западной части Рязанского княжества является локализация пунктов, упомянутых в договорных грамотах конца XIV – XV в. Бывших Тарусских владений: уезда Мстиславля, Жадене городища, Жадемля, Дубка, Броднича с месты. Спорных московско-рязанских мест: Тулы, которую при царице Таидуле «баскаки ведали», и Берестея. Спорных рязанско-литовских мест: та же Тула, Берестеи, Ретань с Паши, Дорожень, Заколотен Гордеевский. Владений рязанского княжества московско-рязанского договора 1483 г.: «Романцево с уездом», которое в договоре великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г. упоминается как «Романцево». «Татарских мест», отнятых Олегом Ивановичем Рязанским.

Уезд Мстиславль локализуется в верховьев рек Беспуты и Вашаны, правых притоков р. Оки на месте стана Мстиславль Тульского уезда XVI в. (Дебольский, 1912. С. 162). Жадемль и, возможно, Жадене городище локализуются в бассейне р. Плавицы – левого притока в верхнем течении р. Плавы (Иванов, Шебанин, 2004. С. 69–70). В.А. Кучкин, рассматривая полный перечень упомянутых мест («почен Лопастна, уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты»), учитывая локализацию В.Н. Дебольским «уезда Мстиславля» в верховьях рек Беспуты и Вашаны, переводя слово «почен» как «начиная», пришел к выводу, что эти места располагались дисперсно, и искать их нужно к югу и западу от впадения р. Лопастны в Оку (Кучкин, 2003. С. 254–256). Таким образом, следуя логике перечисления, и учитывая, что между «уездом Мстиславль» и «Жадемлем» располагались земельные владения, оставшиеся за тарусскими князьями, на территории которых в XV в. сформировалось удельное Волконское княжество (Шеков, 1998. С. 15–17, карта), «Дубок, Броднич с месты» можно искать южнее, юго-западнее или юго-восточнее р. Плавы.

Местонахождение пунктов московско-рязанских договоров 1381, 1402, 1434, 1447, 1483 гг. и рязанско-литовского договора конца 20-х годов XV в., судя по анализу археологических и письменных источников (проведенному в отдельном исследовании), не должно выходить за рамки бассейна среднего течения р. Упы (Шебанин, 2002. С. 212).

Два пункта уже локализованы в этом регионе. Тула XIV–XV вв. локализуется исследователями в бассейне среднего течения р. Тулицы (правый приток р. Упа) (Гриценко, 1997. С. 12–16; Наумов, 1997. С. 30–33; Гриценко, Наумов, 2003. С. 8–9). Ретань, по всей видимости, находилась на р. Ретинка – правом притоке нижнего течения р. Соловы – левого притока р. Упы, на территории современного Щекинского района Тульской области (Иванов, Шебанин, 2004. С. 71).

«Романцево» московско-рязанского договора 1483 г. и рязанского договора 1496 г. локализуется, с большой долей вероятности, на правобережье верховьев Дона, в бассейнах рек Люторичь и Сукромна, к западу от пос. Епифань Кимовского района Тульской области. Южные границы уезда, упоминаемого с «Романцево» не пересекали р. Непрядву (Шебанин, 2001. С. 164–166; Гоняный, Шебанин, 2005)[19].

Вопрос локализации «татарских земель» более сложен. Если учитывать, что земли в районе сражения 1380 г. принадлежали Орде (Хорошкевич, 1980 с.106), а к 1483 г. земли севернее р. Красивой Мечи (ее левобережный бассейн) принадлежали рязанскому княжеству (поскольку у нее сохранились владения «за Доном»; «Мечей» она с Москвой ведает «вопче»; а «Елеч и елецкие места» принадлежат Москве), можно говорить, что именно эти земли правобережья Дона северней Красивой Мечи были «отняты» у татар Рязанью (см. подробнее: Шеба-

нин, 2001. С. 164). Кроме того, к «татарским землям», скорее всего, относилась и территория левобережья верхнего и среднего течения р. Упы (Иванов, Шебанин, 2004. С. 74; Шебанин, Шеков, 2004. С. 152–153). Возможно, что и Елецкое княжество возникло в последней четверти XIV в. на «татарских землях» в итоге экспансии Литовского княжества на русские и ордынские территории, которые стали «татарскими», в итоге территориального спора между Рязанским и Черниговским княжеством. Таким образом, к «татарским землям» относилась территория, прорезавшего леса «степного языка», вытянутого по линии север-юг, по условной линии которого В.Л. Егоров и провел границу Золотой Орды (Егоров, 1985. С. 41–43. Карта 1, 2). К «татарским землям», отнятым Рязанью, по всей видимости, относились земли в междуречье рек Непрядвы и Красивой Мечи, земли водораздела Мечи, Упы и Зуши, а также – левобережный бассейн верхнего и среднего течения р. Упы.

Прежде чем перейти к вопросу о хронологии политической принадлежности вышеперечисленных территорий и мест, необходимо обратится к вопросу о политической принадлежности Тулы 2-й половины XIV – XVI в. В.А. Кучкин отметил, что список московско-рязанского договора 1381 г., который, по его убедительному мнению, был сделан в 1503 г., содержит множество ошибок (Кучкин, 2003. С. 226–227). А.В. Шеков, проведя анализ текста этой грамоты, сделал предположение, что в опубликованном списке грамоты, в фрагменте, касающимся Тулы, была допущена ошибка – замена предлога «то» в оригинале на предлог «и» в списке. По его мнению, окончание цитированной фразы вполне могло быть следующим: «в то ся кн(я)зю великому Олгу не вступати, то кн(я)зю великому Дмитрию» (Шебанин, Шеков, 2004. С. 146–147). К подобному выводу пришел и А.А. Горский (Горский, 2004. С. 164–165). Таким образом, по московско-рязанскому соглашению 1381 г. Тула, скорее всего, принадлежала великому князю Дмитрию Ивановичу. По крайней мере, такую возможность нельзя исключать.

Когда эта территория вошла в состав московских владений?

Точно датировать переход территории Тулы к Московскому княжеству достаточно сложно. В 60–70 годах XIV в. (во время так называемой «великой замятни») власть в Орде принадлежала узурпатору – «цари» реальной властью не обладали. На Руси это прекрасно осознавали, что соответственно и отражалось во взаимоотношениях с Ордой, русские князья могли позволить себе не соблюдать вассальных отношений с ее правителем (Горский, 2000. С. 89). Таким образом, время периода «замятни», особенно конца 60 – начала 70-х годов XIV в., было наиболее благоприятным для перехода «места Тулы» к Москве. Указание в тексте договора 1381 г. на Таидулу, по мнению В.Л. Егорова, свидетельствовало об ослаблении власти золотородынских чиновников над Тулой после убийства ханши в 1361 г. (Егоров, 1985. С. 42). В 60–70-х годах XIV в., скорее всего, к московским и рязанским князьям отошли отнятые у Орды «татарские места». Именно эти события (кроме приостановки сбора дани в Орду в 1371–1374 гг. (Горский, 2000. С. 86, 89) могли послужить одним из поводов для резко участившихся набегов ордынских войск, начиная с 1373 г.

Однако переход к московскому княжеству Тулы и отдельно оговоренных в грамоте «татарских земель» к московскому и рязанскому княжествам, мог произойти во время похода князя Дмитрия Ивановича на Дон в августе-сентябре 1380 г. Но в таком случае возникает вопрос, как московский великий князь Дмитрий Иванович позволил великому князю рязанскому Олегу Ивановичу, оказавшемуся осенью 1380 г. в невыгодной политической ситуации, «отнять» «татарские земли»? Вероятно, эти земли (если не Тула, то, по крайней мере «татарские») были «отняты» ранее сентября 1380 г. А в договоре 1381 г. победившая

Мамая Московское княжество могло диктовать свои условия Рязанскому княжеству, также претендовавшему на «татарские земли» в данном регионе: Тула в границах «баскачества» вероятно оставалась московской. Недовольство великого князя рязанского Олега Ивановича разделом территорий по договору 1381 г., очевидно привело к ожесточенной борьбе Москвы с Рязанью в 1382–1385 гг. (Кузьмин, 1965. С. 224–225, 230–231).

В 1402 г. великий князь московский Василий Дмитриевич обязался уже не вступать в «Тулци» (ДДГ, 1950. № 19. С. 54). Когда Московское княжество отказалась от претензий на эти места? Скорее всего, в 1385 г. (Кузьмин, 1965. С. 232–233; Мазуров, 2001. С. 104–105; Шебанин, Шеков, 2004. С.148; Горский, 2004. С. 165–166).

С 20-х годов XV в. по 1432 г. территория Тулы принадлежала великому княжеству Литовскому. В 1434 г. она снова принадлежала Рязанскому княжеству, а в конце 50-х – начале 60-х годов XV в., согласно договору 1483 г. перешла, к Москве (Шебанин, Шеков, 2004. С. 149–153).

Но в тексте договора 1483 г. ни «Тула», ни другие спорные земли: «Берестеи», «Дорожен», «Ретань с Паши», «Заколотен Гордеевьскои» не упоминаются, хотя они были расположены западнее или юго-западнее земель, отошедших к Москве. Характерно, что эти места и в дальнейшем не упоминались в договорных грамотах. Это было связано не столько с потерей политической независимости Рязанским княжеством, сколько с политическим статусом территории бассейна средней Упы. В духовной грамоте великого князя Ивана III 1503 г. упоминаются практически все земли вокруг Тулы, исключая ее (ДДГ, 1950. № 89. С. 354–355). Более того, в духовной грамоте царя Ивана IV эта ситуация повторяется (ДДГ, 1950. № 104. С. 435; 32. С. 20). Тула и прилегающие к ней ближайшие земли не были упомянуты. Судя по всему, юридически эти земли оставалась территорией, которую «баскаци ведали».

Косвенно это подтверждает ярлык официального наследника Золотой Орды – крымского хана Менгли-Гирей, который, наряду с другими землями, передавал Тулу (ок. 1506–1507 гг.) королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I (АОИЗР. № 6. С. 5; Kuczynski, 1936. S. 78). Еще одним подтверждением этой мысли является сообщение С. Герберштейна о том, что еще при Василии III Тула имела своего государя (Герберштейн, 1988. С. 143). Скорее всего, правительство Василия III, учитывая особый статус этой территории, могло здесь «посадить» «своего государя». Этот «государь» мог существовать до окончательного укрепления Москвы в этом регионе – строительства в 1514–1520 гг. на берегу р. Упы каменной крепости. Хотя, в сообщении Герберштейна нельзя отрицать возможности отголосков владения Тулой татарами «при царице Таидуле».

Таким образом, регион среднего течения р. Упы во 2-й половине XIV – XV в. обладал особенным политическим статусом. Хотя территория номинально переходила из рук в руки претендовавшим на нее Великим княжествам Московскому, Литовскому и Рязанскому, судя по всему, юридически она оставалась территорией, принадлежавшей Орде и ее наследникам (Шебанин, Шеков, 2004. С. 152–153).

Итак, о западных территориях, принадлежащих во 2-й половине XIV – начале XVI в. Рязанскому княжеству, можно сказать следующее. В 60 – начале 70-х годов XIV в. земли в междуречье Непрядвы и Красивой Мечи, на водоразделе рек Мечи, Упы и Зуши, а также левобережный бассейн верхнего и среднего течения р. Упы («татарские земли») номинально отошли к рязанским князьям[20].

В 1381 г. рязанский князь документально отказался от западных левобережных заокских владений. Район Тулы, скорее всего, был признан великим князем рязанским Олегом Ивановичем за московским великим князем Дмитрием Ивано-

вичем. За рязанским великим князем было признано право «отчины» на правобережье Оки. От Оки граница начиналась западнее Тешилова. В эту территорию входят земли напротив устья р. Лопасни, с городищем у д. Макаровки, которая рядом историков отождествляется с Лопасней XII в. Другие историки локализуют этот город – в верховьях реки Лопасни[21]. В.А. Кучкин указал, что слово «почен» начала перечисления бывших тарусских владений – «почен Лопастна», следует читать, как начиная с Лопастны. Таким образом, по его мнению, Лопастна это не город, а устье р. Лопасни – точка отсчета, определяющее географическое положение нижеупомянутых мест (Кучкин, 2003. С. 254, 255). В любом случае, важно, что эта точка отсчета (земли на правом берегу Оки, напротив устья р. Лопасни – городище у д. Макаровки), судя по тексту грамоты, относятся к территории Рязанского княжества. Далее вниз по Оке, на ее правом берегу располагались также рязанские владения: Колотеск (Кулатеск), Ростиславль и Перевицк с округами[22]. Южнее граница Рязанского княжества огибала бассейн р. Тулицы («тульское баскачество») – правого притока р. Упа и шла к устью р. Шат (Бобровическ) – также правого притока р. Упа. Она включала в себя верховья рек Беспуты и Вашаны (уезд Мстиславль), а также бассейн р. Осетр (Венев) и верховья р. Дон, на правобережье, до устья р. Непрядвы (Корнике, Романцево с уездом). Также к Рязанскому княжеству официально отошли земли в районе верхнего течения р. Плавы (Жадомль и Жадене городище), где, очевидно, и возникает рязанский Никитин на Плаве, упоминаемый в списке «городов русских». Кроме того, как уже отмечалось выше, великий рязанский князь Олег Иванович «отнимает» земли междуречья Непрядвы и Красивой Мечи, водораздела Мечи, Упы и Зуши, а также левобережный бассейн верхнего и среднего течения р. Упы.

Со 2-й половины 90-х годов XIV в. – по начало 30-х годов XV в. в регионе бассейна верхней Оки усилилось влияние Литовского княжества. Когда зимой 1395–1396 гг. отрядами великого князя литовского Витовта была разорена Рязанская земля, великий князь рязанский Олег Иванович, очевидно, утратил свою власть над районом бассейна средней Упы (ПСРЛ. Т. 25. С. 227). Монетные клады, найденные в правобережной части бассейна средней Упы, сокрытие которых, кстати, и датируется серединой 90-х годов XIV в., подтверждают это. В регионе известно четыре таких клада, найденных в XIX – начале XX в. Монетный состав этих кладов позволяет сделать вывод, что они выходят за пределы складывающейся в конце XIV – начале XV в. рязанской «нумизматической провинции», которая отличалась от соседних регионов и по составу, и по весу обращающихся монет (Шеков, Шебанин, 2004. С. 149). Это говорит об отсутствии экономического и, следовательно, нестабильности политического влияния Рязанского княжества в рассматриваемом регионе.

Однако серьезные потери, понесенные великим князем Витовтом при разгроме его войска на реке Ворскле в 1399 г., очевидно, не позволили закрепиться ему в регионе окско-донского водораздела, и как уже отмечалось выше, по московско-рязанскому договору 1402 г. часть земель бассейна Упы – район «Тулци и Берестея» был признан за рязанским князем (ДДГ, 1950. № 19. С. 54).

Судя по кладу, найденному на левобережье Упы, несколько южнее современного г. Тулы, который был сокрыт в начале 20-х годов XV в., эта территория, как и в середине 90-х годов XIV в., выходила за пределы рязанской «нумизматической провинции». Практически тот же состав монет (монеты Золотой Орды чеканки 780–807 гг., а также монеты-подражания и монета московского вел. кн. Василия Дмитриевича) содержался и в кладе, обнаруженном у с. Лавы в черте г. Ельца. (Гончаров, 1999. С. 133–137; Шеков, Шебанин, 2004. С. 150). Как видно, «нумизматические провинции» появляются в результате существования различ-

ных курсов серебра в монете наряду с границами феодальных владений и государств (Федоров–Давыдов, 1981. С. 8). Характерно, что более высокие по весу монеты Рязанского княжества могли выходить за пределы территории своего государства (где они обрезались), но не наоборот (Волков, 2004. С. 354–356). Следовательно, данные регионы к началу XV в. не входили в пределы границ Рязанского княжества.

Владения Литвы в бассейне среднего течения р. Упы были закреплены рязанско-литовским договором конца 20-х годов XV в. (Шебанин, Шеков, 2004. С. 149–150). Эти земли принадлежали Великому княжеству Литовскому вплоть до 1432 г. Это следует из списка городов и земель, принадлежавших великому князю литовскому Свидригайло, который хранился в архиве Тевтонского Ордена и был датирован С. Кучиньским 1432 г. (Kuczynski, 1936. S. 42). В числе других мест указаны: «Tula Castrum, Rereste, Dorczen, Rethun» (Коцебу, 1835. С. 130; Kuczynski, 1936. S. 42). Таким образом, в списке городов и земель, принадлежавших великому литовскому князю, перечислены (за исключением Заколотеня Гордеевского) почти все места, отошедшие к Литве по рязанско-литовскому договору конца 20-х годов XV в.: крепость Тула, Берестье, Дорожень, Ретань (Петрунь, 1928. С. 165–166).

В ситуации феодальных войн второй трети XV в. в Московском и Литовском княжествах великий князь рязанский смог вернуть эти земли себе. Во всяком случае, по московско-рязанскому договору 1434 г. за великим князем рязанским Иваном Федоровичем были признаны «Тула и Берестеи» (ДДГ, 1950. №33. С. 84). Этот же пункт договора был подтвержден московско-рязанским договором 1447 г. (ДДГ, 1950. №47. С. 143). «Татарские места», отнятые великим князем рязанским Олегом Ивановичем, по обоим договорам оставались за Рязанским княжеством.

Согласно договору 1483 г. между великим князем московским Иваном Васильевичем и великим князем рязанским Иваном Васильевичем, Рязанское княжество по купле, совершенной еще великим князем Василием Темным, утратила земли «за Окою, Тешилов, и Венев, и Растовець» (ДДГ, 1950. № 76. С. 285). Граница между княжествами прошла от р. Оки, от устья р. Смедовы до впадения в нее р. Песоченки, далее вверх по р. Песоченке до р. Осетра к устью р. Кудесны, потом вверх по р. Кудесне к верховьям рек Табол и далее вниз по Таболам к их устью (ДДГ, 1950. № 76. С. 285). Купля была совершена, по мнению В.П. Загоровского, в 1461–1462 гг. (Загоровский, 1991. С. 27), а, по мнению А.В. Лаврентьева, между 1456–1462 гг. (Лаврентьев, 1999. С. 56–57).

Таким образом, в начале 60-х годов XV в. процесс усиления Московского княжества привел к потере (по «купле») Рязанским княжеством владений за Окой, территорий в бассейне р. Осетр и части левобережья верховий Дона. Однако, судя по договору рязанских князей 1496 г., правобережье верхнего Дона оставалось во владении великого рязанского князя Ивана Васильевича, который умер в 1500 г., оставив свои владения сыну Ивану. Его брат – князь Федор Васильевич умер в 1503 г., завещав свои земли московскому князю (Иловайский, 1990. С. 149). Таким образом, земли правобережья верхнего Дона, которые должны были достаться в наследство Ивану Ивановичу, скорее всего, продолжали принадлежать, сильно уменьшившемуся рязанскому княжеству[23], вплоть до его присоединения к Москве в начале 20-х годов XVI в. (Иловайский, 1990. С. 156–160, Кузьмин, 1965. С. 269–270). Также за Рязанью, видимо, оставались и «татарские земли», упомянутые за ней в московско-рязанском договоре 1483 г.

В заключение, хотелось бы отметить значимость присоединения к формирующемуся Московскому государству территории бывшего великого княжества Рязанского. Кроме огромных территорий на юге государства к великим москов-

ским князьям перешел и титул великих князей рязанских. Следовательно, Московское государство могло теперь претендовать на территории, являвшиеся «отчиной» рязанских князей и вступать в споры по поводу земель, на которые рязанские князья ранее претендовали.

Работа по подготовке духовной грамоты Ивана III 1503 г., очевидно, привела к пересмотру взаимоотношений Москвы с Рязанским княжеством. Не случайно, в конце 90-х годов XV в. – начале XVI в. были переписаны московско-рязанские договорные грамоты (Кучкин, 2003. С. 224–226). Таким образом, переход территории Рязанского княжества к Московскому государству в полном объеме начал готовиться еще с начала XVI в.

После вхождения Рязанского княжества в состав Московского государства – в 20-х годах XVI в. началась работа по составлению Никоновского свода, происходившая, по мнению Б.М. Клосса между 1526–1530 гг. (Клосс, 1980. С. 51). Исследователи, касающиеся изучения этой летописи отмечают, что ее составитель проявил большой интерес к истории Рязанского княжества, но тем не менее, отстаивал интересы Москвы. Достаточно много в тексте летописи «рязанских прибавлений», касающихся принадлежности территорий, прилегающих к Рязанскому княжеству. Появление этих «прибавлений» как раз и объясняется временем и обстоятельствами составления Никоновского свода. Земли к западу от территории Рязанского княжества в конце XV – начале XVI в. стали предметом спора между Московским и Литовским государствами. Составитель Никоновской летописи, обосновывая принадлежность спорных земель Рязанскому княжеству, доказывал их принадлежность Московскому государству (Клосс, 1980. С. 101–102).

Примечания

[1] Д.И. Иловайский и А.Л. Монгайт термины «княжество», «земля», «край» хотя и различали между собой, но считали взаимозаменяемыми. Поэтому начинали свои работы с истории населения бассейна средней Оки I тысячелетия нашей эры. Все же А.Л. Монгайт отмечал, что термин «Рязанская земля» более широкий, чем термин «Рязанское княжество». Это – территория, которая впоследствии была занята Рязанским княжеством, существовавшая до возникновения княжества и после его вхождения в состав Московского государства (Монгайт, 1961. С. 7). Однако Рязанское княжество в разные периоды своего существования занимало разную территорию. В связи с этим неясно, что считать «Рязанской землей» – максимальные или минимальные пределы княжества? Таким образом, в работе, посвященной вопросам исторической географии, правильнее употреблять термин «княжество», который также определяет хронологические рамки работы.

[2] Автор выражает признательность Виктору Николаевичу Темушеву за возможность ознакомления с его диссертационной работой.

[3] Анализ летописных известий не входит в задачи данного исследования, потому в работе используются выводы А.Г. Кузьмина.

[4] Текст грамот в работе используется по изданию Л.В. Черепнина (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950).

[5] Вопрос о границах этого порубежья достаточно полно освящен в исторической литературе (Насонов, 2002. С.61–62,186,190–191; Кучкин 1969. С.77–79; Зайцев, 1975. С. 102; Юшко, 1991. С. 107–113; Мазуров, 2001. С.36–37,56–58; Темушев, 2004. С. 53).

[6] Недоверие к «легендарной» части грамоты в области цифры населения и числа бояр, присутствовавших при оформлении документа, не позволяет так же уверенно сомневаться в самом существовании «давныи грамоты» данной «прадедами» великого князя Олега. Даже если такого документа не существовало, и князь Олег «придумал» его, чтобы, по мысли Л.В. Черепнина, предъявить счет Московскому княжеству, то он все равно должен был бы придерживаться в своей предполагаемой лжи исторических фактов – принадлежности части левобережных территорий бассейна Оки (кроме «коломенских волостей») рязанскому княжеству еще в начале XIII в. (Романов, 1940. С. 212–219; Черепнин, 1951. С. 128).

[7] Очевидно, что миграционные потоки рязанского и черниговского населения на территории бассейна верхнего Дона (особенно его правобережья) могли пересекаться, что, видимо, и

произошло в бассейне р. Сосны. В этом случае могли вновь возникать споры о принадлежности осваиваемых территорий к тому или иному политическому объединению.

[8] Подробно сюжет о гибели Романа в Орде по летописным источникам рассмотрел А.Г. Кузьмин (Кузьмин. 1965. С. 189–192).

[9] Характерно, что города Владимир, Рязань (Старая) в это время потеряли свое прежнее значение. Они оставались номинальными центрами великих княжений, здесь сидели баскаки. Но фактическими, а, следовательно, и экономически более развитыми становились столицы удельных княжений, князья которых носили титул «великий князь». В связи с этим обращает на себя внимание находка на территории Старой Рязани каменной пластинки с арабской надписью с именем хана. По мнению А.В. Чернецова, эта находка показывает, что Рязань в глазах ордынцев представляла собой важный в военно-политическом отношении пункт (Чернецов, 2000. С. 87).

[10] Подробный историографический обзор приведен в работе А.Б. Мазурова (Мазуров, 2001. С. 93–98).

[11] Возможно, именно поэтому, здесь располагались владения только княжеского дома.

[12] В литературе существует мнение, что отцом Олега был Василий Александрович (Иван – возможное его имя при крещении), который назван в Симеоновской и Никоновской летописях «великим» (Кузьмин, 1965. С. 203–204). Однако, как мы видим, «великий рязанский князь» не обязательно должен был владеть Переяславлем. Василий Александрович мог, после смерти своего брата Ярослава Александровича «сидеть» в Пронске. Тогда в Переяславле мог «сидеть», известный нам только по жалованной грамоте Ольгову монастырю, брат Ярослава и Василия – отец Олега – Иван Александрович.

[13] А.Г. Кузьмин высказал мнение, что Владимир Дмитриевич, муж дочки Олега, был сыном Дмитрия Черниговского. Это мнение основано на том, что если бы Владимир был сыном Ярослава, то его брак с дочерью двоюродного брата был бы незаконным (Кузьмин, 1965. С. 214–215). Однако, судя по отчеству, Владимир Дмитриевич мог быть внуком одного из пронских князей, и тогда брак между Владимиром и дочерью Олега – троюродными братом и сестрой, имевшими одного общего прадеда, был бы возможен.

[14] Судя по всему, переход этих земель произошел при московском князе Семене Ивановиче в 1344 г. Они были обменены на осколки тарусских владений, перешедших к Москве (упоминаемых в московско-рязанской грамоте 1381 г.) (Горский, 2004. С. 126–130).

[15] Часть коломенских волостей, как показали исследования А.Б. Мазурова, располагалась на правом берегу Оки (Мазуров, 2001. С. 75–78).

[16] Таким образом, к ней вернулись утерянные ранее две коломенские волости, которые локализуются на правом берегу Оки: Горетова и Горки (Мазуров, 2001. С. 75–79).

[17] Как известно, точная датировка этого документа затруднительна, но в целом он датируется исследователями в пределах последней четверти XIV в. (Янин, 1989. С.61–67).

[18] Перевицк, известный по летописям как город с 1385–1389 гг., локализуется на правом берегу Оки к юго – востоку от Коломны, на Перевицком городище близ села Белоомут (Тихомиров, 1979. С.120; Мазуров, 2001. С. 77,78).

[19] Население покинуло эти места на рубеже XIV–XV вв., но «Романцево» в договоре 1496 г. и упоминается среди бортных и рыбных угодий, следовательно, мест необжитых (ДДГ. № 84. С. 335, 339). Как видно, название этого района сохранилось с более раннего времени. Его заселение и непрерывное развитие происходило с рубежа XII–XIII вв. по рубеж XIV–XV вв. (Гоняный, Шебанин, 2005). Учитывая это, можно говорить о принадлежности этой территории (упоминаемой отдельно от «татарских земель») Рязанскому княжеству на всем протяжении указанного промежутка времени. А зная, что «Романцево с уездом» входило в удел рязанского князя Ивана Васильевича – и до конца существования Рязанского княжества – 20-х годов XVI в.

[20] Возможно, это стало одной из основных причин (вместе с невыплатой дани) ордынских набегов на Рязанские земли в 70-х годах XIV в. (Кучкин, 1980. С. 94).

[21] Подробную историографию этого вопроса с анализом аргументации каждой из сторон приводит в своей работе В.Н. Темушев (Темушев, 2004. С. 44–46).

[22] Как указывалось выше, к Рязанскому княжеству таким образом, вернулись утерянные ранее две коломенские волости на правом берегу Оки: Горетова и Горки (Мазуров, 2001. С. 75–79).

[23] Судя по договору великого князя рязанского Ивана Васильевича с рязанским князем Федором Васильевичем – 1496 г. к Москве после 1503 г. отошли земли вокруг Перевицка, Рязани «Старой», часть мещерских волостей, часть территории мордвы, а также часть бортных и рыбных угодий в верхнем Воронеже и на Дону. Из западных владений, в составе Рязанского княжества остались Ростиславль и Романцево.

Литература

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 2.

Волков И.В. Особенности денежного обращения на московско-рязанском пограничье в последней четверти XIV – начале XV в. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гончаров Е.Ю. Клад из с. Лавы // Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV в. района Куликова поля. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2003.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А. «Романцево с уездом» // Сборник трудов ГИМ. 2005 (в печати).

Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.

Греков Б.Д. Феодальная деревня Московского государства. Сборник документов. М.–Л., 1935.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997.

Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и история // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1.

Дворниченко А.Ю. О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты князей XIV–XV вв. как историко-географический источник // Записки Русского Археологического общества. Новая серия. СПб., 1912. Т. XII.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Егоров В.Л. О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.

Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новомосковском районе Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-1. № 20522.

Заидов О.Н. К вопросу о заселении района Куликова поля в XII–XIII вв. // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Зайцев А.К. К исторической географии южного пограничья Рязанского княжества в XII–XIV вв. // Археология Рязанской земли. Рязань, 1988.

Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI.

Иванов Н. В., Шебанин Г.А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во 2-й половине XIV – XV в. // Верхнее Подонье: Природа. История. Археология. Тула, 2004. Т. 2.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. Рязань, 1990.

Карамзин Н.М. История государства Российского // Соч. В 12-ти т. М., 1993.

Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Клянин Р.В. Корнике – город Рязанского княжества // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.

Клянин Р.В. Венев (историко-археологический очерк) // Труды Музея истории города Москвы. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. М., 2000. Вып. 10.

Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по письменным источникам) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004.

Коцебу А. Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1835.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв.: свод археологических памятников. М., 1996.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII в. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2.
Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: сборник статей. М., 1980.
Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.
Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитическте договоры. М., 2003.
Кучкин В.А. Духовные грамоты великого московского князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.
Лаврентьев А.В. К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. Москва–Тула, 1999.
Любавский М.К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909.
Любавский М.К. Образование основной территории великорусской народности. Л., 1929.
Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2003.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002.
Наумов А.Н. О двух подходах к вопросу местоположения древней Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изволов. М.-Л., 1950.
Петрунь Федір. Східня межа великого князівства литовського в 30-х роках XV сторіччя // Ювілейний збірник на пошану академика Михайла Сергиевича Грушевського з нагоди шістьдесятоі річниці життя та сорокових роковин наукової діяльности. Киів, 1928.
Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. М., 1998.
Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнее Семилукское городище // На Юго-Востоке Древней Руси. Историко-археологические исследования. Сб. научных трудов. Воронеж, 1996.
Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Вып 1–3. 2-е изд. Л., 1926–1928. Т. 1 (Фототипич. воспроизведение – М., 1962; М., 1997).
ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. (Фототипич. воспроизведение – М., 1962; М., 1998).
ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. (Фототипич. воспроизведение – М., 1965: М., 2000).
ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. (Фототипич. воспроизведение – М., 1965: М., 2000).
ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.
ПСРЛ. М.–Л., 1949. Т. 25.
Родина. 2003. № 11.
Родина. 2003. № 12.
Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. В 18-ти кн. М., 1988.
Татищев В.Н. История Российская. М.–Л., 1963. Т. 2; 1964. Т. 3
Темушев В.Н. Территория и границы Московского княжества в конце XIII – первой половине XIV в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2002.
Темушев В.Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. История. Археология. Тула, 2004. Т. 2.
Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.
Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. М., 1981.
Хорошкевич А.Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4.
Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.
Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. М.–Л., 1948. Ч. 1.
Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. М.–Л., 1951. Ч. 2.
Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
Чернецов А.В. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Тезисы докладов. М., 2000.
Шватченко О.А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990.

Шебанин Г.А. О владениях рязанских князей на правобережье верхнего Дона в конце XIV – начале XVI в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001.
Шебанин Г.А. К вопросу о локализации Дороженя // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. I.
Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы во 2-й половине XIV–XV в. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004.
Шебанин Г.А. Древнерусское городище в нижнем течении р. Шат (в печати).
Шеков А.В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.). Тула, 1993.
Шеков А.В. Верховские княжества (2-я половина XIII – середина XVI в.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991.
Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

Коваль В.Ю.

Восточные связи Рязанской земли по материалам импортной керамики

Связи Рязанской земли со странами Востока уже привлекали внимание исследователей, занимавшихся археологическим изучением этого региона (Монгайт, 1955. С. 155–159; 1961, С. 311–327; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 81–83; Чернецов, 1981), однако керамический импорт для этого почти не использовался. А.Л. Монгайт полагал, что в рязанские земли попадала керамика из Золотой Орды, Средней Азии и Херсонеса, однако специально ее не исследовал. Восточной поливной посуде из Старой Рязани была посвящена лишь одна работа (Даркевич, Стародуб, 1983), в которой вся рассматривавшаяся керамика была интерпретирована в качестве импорта из Ирана. Практически полностью опубликована только восточная керамика из Переяславля (Коваль, Судаков, 1995) и Ростиславля (Коваль, 1998в).

Ныне назрела необходимость рассмотреть все имеющиеся сведения об импортной керамике, найденной на территории Рязанской земли[1]. Хронологические рамки исследования определялись историей Рязанского княжества, сформировавшегося в XII в. и прекратившего свое существование в начале XVI в. Исследуемая территория соответствовала границам Рязанской земли в период ее максимального расширения. Под ***«керамикой восточного происхождения»*** (далее – КВП) или «восточной керамикой» нами подразумеваются керамические изделия различного функционального назначения, происходившие из стран Азии, Северной Африки (она входит в географический регион «Ближний Восток») и Византии (ее азиатских и европейских провинций), поскольку последняя исторически располагалась на границе восточного и западного миров, тяготея к странам Востока.

Группировка материала проведена в соответствии с принципами, основные положения которых опубликованы (Коваль, 1997б. С. 8; 1997 г. Рис. 1). Вся КВП разделяется на категории посудной, тарной и производственной керамики. По признакам технологии первая категория разделяется на блоки поливной (глазурованной) и неполивной керамики. В глазурованной керамике различаются 5 классов: фаянсы, полуфаянсы, майолика, полумайолика, фарфор. Фаянсами принято называть глазурованную керамику, изготовленную из кашина, покрытую непрозрачной или полупрозрачной поливой. Полуфаянсы отличаются от фаянсов только тем, что они покрыты прозрачной глазурью. Майоликой называют поливную керамику, изготовленную из обычных глин, покрытую непрозрачной глазурью, а полумайоликой – такую же керамику, облицованную прозрачной глазурью[2]. Фарфором на-

* Статья подготовлена автором в ходе работы над проектом «Завершение исследования и подготовка к изданию монографии "Керамика Востока и Византии на Руси (IX–XVII вв.)"» в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

зывается поливная керамика из Китая, изготовленная из каолиновой массы. Внутри классов выделяются серии КВП с надглазурным и подглазурным дополнительным декором либо вовсе без него («основным» декором глазурованной керамики выступает само глазурное покрытие). Серии разделяются на группы по признакам технологии исполнения дополнительного декора (с росписью, выполненной красками, эмалями или ангобами, с рельефом, с гравировкой по основе или по ангобу и т.д.). Группы делятся на подгруппы по цвету кроющей поливы. При использовании на одном сосуде глазурей двух или более оттенков, определение подгруппы осуществляется подобно установлению классов, т.е. приоритет отдавался цвету глазури на лицевой стороне сосуда (внутренней поверхности – для чаш и блюд, внешней – для сосудов закрытых форм). Подгруппы объединяют типы КВП, различающиеся цветовой гаммой декора и его стилем. В состав типов могут входить виды, определяемые по некоторым особенностям формовочной массы (цвету глины, набору примесей к формовочной массе, твердости кашина[3]) и варианты, различающиеся наборами элементов орнаментации.

Группировка неполивной керамики (как посудной, так и тарной) несколько отличается от классификации поливной посуды. Серии здесь выделяются по способу обработки поверхности:

1) керамика без дополнительной обработки поверхности специальными инструментами и (или) материалами;

2) лощеная керамика (т.е. керамика со специальной дополнительной обработкой поверхности при помощи лощения).

Группы неполивной керамики выделялись по признакам дополнительной обработки поверхности, проводимой с целью нанесения декора (гравировка, тиснение, роспись и т.п.). В составе тарной керамики выделение групп проводилось в соответствии с существующей традицией, т.е. по признакам морфологии и функционального назначения сосудов (амфоры, пифосы, сфероконусы и т.д.). Группы разделялись на типы или виды, различающиеся морфотехнологическими особенностями и составом формовочной массы.

Посудная КВП

Поливная (глазурованная) КВП

Фаянсы

Фаянсы без дополнительного декора

(группа монохромных, подгруппа бирюзовых)

Монохромные бирюзовые фаянсы появились в Иране в XII в. и бытовали в XIII–XV вв. на Ближнем Востоке, в Хорезме (Вактурская, 1959. С. 324, 326) и всей Средней Азии (Сайко, 1982. С. 133), а также в золотоордынском Поволжье в XIV в. (Булатов, 1968. С. 107).

В Старой Рязани известны два образца такой керамики. Один обломок принадлежал чаше из мягкого мелкопористого белого кашина, который при первой публикации рассматривался как фрагмент керамики типа «минаи» (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 190, Рис. 1А, *25*)[4]. Теоретически этот мелкий обломок мог относиться к такому типу, но на нем все же полностью отсутствуют следы какой-либо росписи. Второй обломок являлся частью горловины (диаметром 5 см) кувшина из твердого кашина, покрытого полупрозрачной поливой (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191, Рис. 1А, *27б*). Вторая находка происходит из комплекса домонгольского времени.

Фаянсы с надглазурным декором

Группа 1. Люстровые фаянсы

Люстровые фаянсы – это фаянсы с росписью люстром, т.е. сложным красочным составом, наносимым на поверхность глазури керамического изделия и за-

крепляемый на ней в процессе низкотемпературного (600–700° С) третьего обжига, осуществлявшегося в восстановительном режиме (без доступа воздуха).

Подгруппа 1.1. Фаянсы с росписью люстром по молочно-белой поливе

Тип 1. Фаянсы с росписью люстром без дополнительной подцветки

Фаянсы этого типа изготавливались из твердого (значительно реже – мягкого) белого кашина и облицовывались молочно-белой (сильно заглушенной оловом) поливой. Такая керамика производилась в Иране во 2-й половине XII – 1-й четверти XIII в. Среди иранских люстров извесны три стиля росписи – «монументальный», «миниатюрный» и «кашанский» (Watson, 1985). Люстры, достоверно относящиеся к «монуметальному» стилю, на Руси пока не встречены. «Миниатюрный» стиль отличался использованием в основном позитивной росписи и датируется последней четвертью XII – началом XIII в. «Кашанский» стиль характеризуется широким применением приема резервирования изображений, иногда – подцветкой рисунка полосами кобальта, нанесенного по сырой глазури, и гравированными по люстру надписями почерком «насх» (датируется первыми двумя десятилетиями XIII в.) (Watson, 1985. P. 109).

Вид 1. Люстровые фаянсы из твердого кашина («миниатюрного» стиля)

1) Старая Рязань. Здесь найдено 18 обломков (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 184–188), принадлежавших 6 кувшинам и 2 чашам. Вопреки мнению авторов указанной публикации, 6 обломков (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1А, *4, 9, 10, 15*, 1Б, *16, 18*) относились не к различным сосудам, а принадлежали одной чаше, причем найдены они были в разные годы на одном и том же раскопе 13[5]. От второй чаши сохранился один обломок, найденный на старорязанском Подоле[6] (рис. 1, *1*).

Кувшины имели три разновидности:

а) Сосуды из твердого белого кашина с рельефной моделировкой тулова вертикальными или октагональными выпуклостями-»ложками» (достигавшимися отливкой сосуда в специальной форме-«калыбе»), облицованные изнутри прозрачной бесцветной глазурью. Подобные кувшины были широко распространены на Среднем Востоке (Шелковников, 1959. Табл. X, *2*; Кафадарян, 1982. Рис. 4; Watson, 1985, Fig. 33, Pl. «A»). Встречены обломки 2 таких кувшинов, найденных на раскопах 13 (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1А, *2, 6*) и 17 (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1А, *7, 8*).

б) Кувшины без рельефной моделировки тулова, внутренняя поверхность которых покрывалась прозрачной бесцветной глазурью, представлены одним обломком придонной части сосуда (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1А, *5*).

в) Пять обломков принадлежали трем кувшинам без рельефной моделировки тулова, покрытым изнутри прозрачной глазурью с неравномерной подцветкой бледно-синим кобальтом. Подобная подцветка хорошо известна у иранских люстровых кувшинов (Watson, 1985. P. 69). Найдены эти образцы на раскопах 13, 14 и 22 (Даркевич, Стародуб, 1983, рис. 1А, *3 и 11; 1 и 13; 14*).

2) Переяславль-Рязанский (современный город Рязань) – здесь найден единственный и к тому же очень мелкий обломок сосуда, украшенного росписью люстром зеленовато-коричневого цвета[7], который происходил из заполнения ямы 1-й половины XIII в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 122, 135, Рис. 2, *1*).

Вид 2. Фаянсы из мягкого кашина («миниатюрного» стиля)

В Старой Рязани известен один обломок чаши из пористого желтовато-розоватого кашина, отличающийся к тому же тем, что был облицован полупрозрачной поливой (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *17*).

Тип 2. Фаянсы с росписью люстром и внутриглазурной росписью синей краской

Вид 1. Твердые и мягкие фаянсы «кашанского» стиля с поливой цвета слоновой кости и подцветкой кобальтом по сырой поливе

Роспись «по сырой поливе» заключалась в нанесении красителя на слой поливы до ее обжига, когда краситель проникал внутрь непрозрачного глазурного покрытия. После обжига полосы кобальтовой подцветки получались матовыми и не имеющими четких контуров.

В Старой Рязани известен один обломок чаши из твердого белого кашина (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *23*), имеющий аналогии среди фаянсов «кашанского» стиля (Watson, 1985. Fig. 71, Pl. «G») и редких изделий, изготовленных с сочетанием техник «минаи» (см. ниже) и люстровой росписи, датирующихся концом XII – началом XIII в. (Watson, 1985. P. 36, 85, Fig. 56, 57). По этой причине мы не можем согласиться с мнением первых публикторов находки, связывавших его с люстрами конца XIII–XIV в. (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 190), среди которых твердый кашин уже не встречается. К сожалению, место находки этого образца не может быть установлено. Согласно отчету о раскопках, он был найден в яме 2 раскопа 22, отнесенной к домонгольской эпохе (Даркевич, 1977. С. 56), в которой были найдены обломки амфор и стеклянная вставка от перстня с резным изображением охотника, датирующаяся не позднее середины XIII в. (Даркевич, 1977. С. 56. Рис. 61; Чернецов, 1981. С. 546, 550; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 203, 204). Однако на чертеже раскопа все находки поливной керамики показаны не в этой, а в другой, соседней с ней яме (Даркевич, 1977. Рис. 61, № 35, 36). Поскольку данные отчета не дают ясного представления о месте находки данного образца, а датировки комплексов приведены без ссылок на статистические характеристики керамики, этот образец не может быть датирован по археологическому контексту.

Вид 2. Фаянсы, из мягкого и рыхлого кашина, облицованные полупрозрачной мутно-белой (слабо заглушенной) поливой с крупным цеком и подглазурными полосами синей и бирюзовой красок

По химическому составу глазурь этих изделий была щелочно-свинцовой, с невысоким содержанием окиси олова (от 2 до 3 %). Люстровая краска отличается низким качеством (зеленый оттенок, очень слабый блеск, обычно со временем полностью исчезающий). Подцветка синей и бирюзовой красками наносилась до глазурования, в результате она кажется мутной под полупрозрачной поливой и не имеет четких контуров. Такие изделия составляют специфический поздний (второй половины XIII – 1-й половины XIV в.) вариант иранских люстров, традиционно называемых *«ильханскими»*[8] (Watson, 1985. P. 110, 111; Oriental Islamic Art, 1963. № 26; Pope, Ackerman, 1965. Pl. 772–775). «Ильханские» люстры найдены в двух комплексах золотоордынского времени (второй половины XIII – начала XIV в.) на Ростиславле Рязанском, где чаша этого типа была собрана из обломков (Коваль, 1998 в. Рис. 1)[9]. Изготовлена она была из рыхлого бледно-розового кашина.

Подгруппа 1.2. Фаянсы с росписью люстром по синей поливе

Тип 1. Люстровые фаянсы с монохромным синим фоном

В Старой Рязани, в слое предмонгольской эпохи, найден венчик чаши из твердого белого кашина с двусторонней бледно-синей непрозрачной глазурью[10] (рис. 1, *7*), однако его размеры слишком малы для того, чтобы определить стиль имеющейся на нем росписи. Непрозрачная кобальтовая полива встречается, как величайшая редкость, среди иранских фаянсов «монументального» стиля 2-й половины XII в. (Pope, Ackerman, 1965. Fig. 649; Watson, 1985. Fig. 35).

Тип 2. Люстровые фаянсы с бихромным (белым и синим) фоном

ЛФ с бихромными – белыми и синими (окрашенными кобальтом) –секторами поверхности встречаются среди иранских люстров «монументального» стиля конца XII – начала XIII в. (Watson, 1985. Fig. 22, 23; Pope, Ackerman, 1965. Pl. 648; Fehervary, 1973. Pl. 42). Один образец подобной чаши из белого твердого (остеклованного, пористость отсутствует) кашина найден в Старой Рязани (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *20*). Внутренняя поверхность чаши была разбита на сектора с

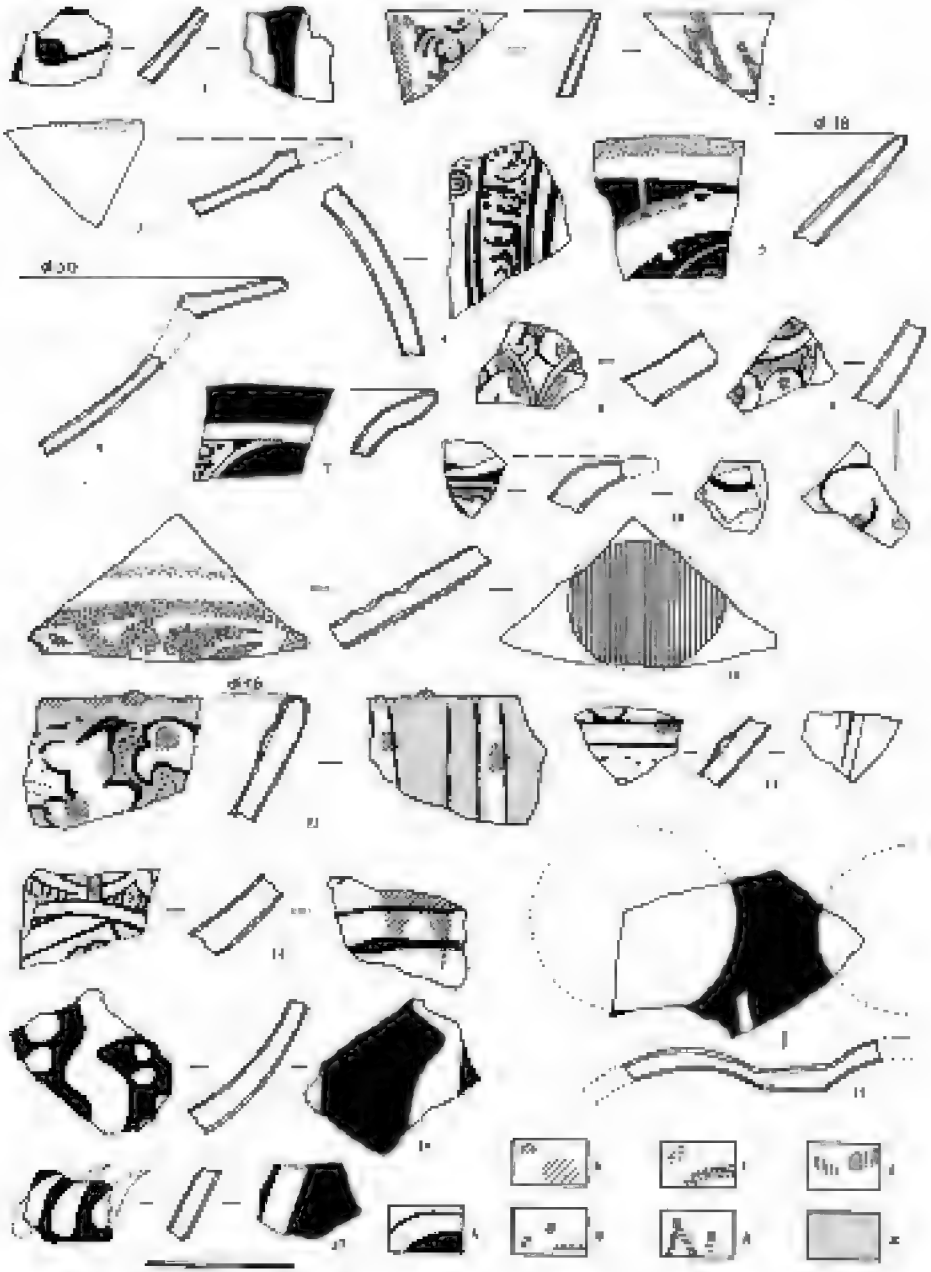


Рис. 1. Фаянсы с люстровой росписью (*1, 2*) и «минаи» (*7*), полуфаянсы с люстровой росписью (*4–6*), подглазурной гравировкой (*11*), подглазурной росписью (*8–10, 12–15*), росписью ангобом (*16, 17*) (Старая Рязань – *1–11, 13–16*; Пронск – *12*); *А* – люстр (*1, 5, 7*), черная краска (*2, 8, 12–15*), неангобированная поверхность под зеленой глазурью (*16, 17*); *Б* – синяя краска (*2, 8, 9, 10, 12–14*); *В* – красная краска (*2, 8, 9*); *Г* – бирюзовая краска (*2, 14*), следы люстровой росписи (*5*), гравировка по основе (*11*); *Д* – коричневая краска; *Е* – след от белой поливы; **Ж** – серая краска

белой и синей непрозрачной поливами (синий цвет достигался подцветкой кобальтом по сырой поливе), а внешняя поверхность была покрыта прозрачной густо-ультрамариновой глазурью.

Группа 2. Фаянсы с полихромной росписью красками, глазурями («минаи»)

Данная группа представлена единственной подгруппой (и типом) фаянсов, покрытых молочно-белой опаковой поливой (заглушенной окисью олова) с надполивной росписью полихромными глазурями и неглазурными красками. Такие фаянсы традиционно называются керамикой типа «мина'и» или, в упрощенном написании, «минаи» (это слово в переводе с персидского означает просто «поливной, покрытый глазурью») (Сайко, 1969. С. 86). Такая керамика стала производиться в Иране во 2-й половине XII в., а угасло это производство, как полагают, во 2-й половине XIII в. (Масленицына, 1969. С. 201, 205). По нашему мнению, нельзя исключать того, что оно продолжалось и в XIV в.

Вид 1. Фаянсы из твердого кашина:

1) Старая Рязань – 1 обломок края чаши конического профиля[11] (рис. 1, *2*). Декор состоял из росписи кобальтом и бирюзовой краской по сырой белой поливе и надполивной росписи черной и красной красками. Профилировка и декор чаши идентичны иранской керамике домонгольской эпохи.

2) Лавское селище (около г. Ельца Липецкой обл.) – 1 обломок кувшина с росписью красно-коричневого и зеленого цвета[12], относившегося вероятно к изделиям домонгольской эпохи.

Вид 2. Фаянсы из мягкого кашина

Два обломка тонкостенной чаши из белого кашина найдены в домонгольских слоях Старой Рязани (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 190. Рис. 1Б, *24, а, б*).

Полуфаянсы

Полуфаянсы без дополнительного декора

Мелкие обломки сосудов без следов какого-либо декора, находимые при раскопках, по формальным признакам не могут быть отнесены ни к какой иной серии из-за отсутствия на них следов декора. В то же время, следует иметь в виду, что в действительности многие из них могли принадлежать изделиям с тем или иным видом орнаментации.

Группа 1. Монохромные полуфаянсы

Подгруппа 1.1. Белые полуфаянсы

В Старой Рязани найдены 3 мелких обломка подобной керамики, 2 из которых были изготовлены из твердого белого кашина (и явно принадлежали одному сосуду), а один – из рыхлого желтоватого[13]. Все эти обломки вполне могли принадлежать декорированным изделиям.

Подгруппа 1.2. Бирюзовые полуфаянсы

Все известные образцы были изготовлены из рыхлого или мягкого кашина. Аналогичные изделия производились в Средней Азии (Хорезм, Хорасан, Самарканд) XIII–XIV вв. и золотоордынских городах Поволжья 2-й половины XIV в. (Булатов, 1968. С. 104, 105). Источником поступления такой керамики на Русь, очевидно, была не далекая Средняя Азия, а близлежащие поволжские центры Золотой Орды.

1) Старая Рязань – 4 мелких обломка от 3 различных кувшинов[14].

2) Переяславль Рязанский – 1 обломок сосуда[15].

3) Ростиславль-Рязанский – 1 мелкий обломок[16].

4) Пронск – 2 образца[17], в т.ч. обломок кувшина из красного кашина, характерного для керамического производства Селитренного и Царевского городищ (Була-

тов, 1968. С. 95). Внутренняя поверхность этого кувшина была оставлена неглазурованной.

Подгруппа 1.3. Ультрамариновые полуфаянсы

Тип 1. Изделия с двусторонней облицовкой ультрамариновой глазурью

1) Старая Рязань – 3 мелких обломка от двух чаш или блюд из твердого белого кашина (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191. Рис. 1Б, *2б а-в*), относящиеся к домонгольскому времени (см. табл. 7).

2) Ростиславль-Рязанский – 2 мелких обломка чаш из рыхлого белого кашина[18], происходящие из комплексов золотоордынской эпохи (Коваль, 1998 в. С. 179. Рис. 4, *3*).

3) Пронск – 1 обломок[19].

Тип 2. Полуфаянсы с бихромной (ультрамариновой и бирюзовой) глазурью

Эти изделия отличались тем, что их внешняя поверхность покрывалась толстым слоем ультрамариновой глазури, а внутренняя – бирюзовой глазурью. Все образцы изготовлены из рыхлого белого или розоватого кашина. Подобные изделия известны в золотоордынских городах Поволжья XIV в. (Булатов, 1968. С. 105), с производством которых их обычно и связывают. По формам такая керамика принадлежала, в основном, сосудам закрытого типа (вазам для розовой воды, на персидском – «гюльабдан»). Найдена такая керамика пока только в Переяславле-Рязанском, в слоях золотоордынской эпохи (3 обломка от разных сосудов)[20]. Интересно, что один из обломков был использован вторично – из него было сделано пряслице (Коваль, Судаков, 1985. С. 127).

Следует также отметить известия о находках в Пронске при раскопках Н.П. Милонова и А.А. Мансурова в 1927–1929 гг. обломков «восточных сосудов, покрытых синей глазурью» (Монгайт, 1961. С. 208), которые могли относиться к этой разновидности КВП.

Подгруппа 1.4. Пурпурно-коричневые полуфаянсы

В Старой Рязани найден 1 обломок края тарелки из твердого белого кашина[21] (рис. 1, *3*). Изделия подобного типа известны в Иране и Сирии XII в. (Watson, 1985. P. 23; Fehervary, 1973. P. 75).

Полуфаянсы с надглазурным декором

Группа 1. Люстровые полуфаянсы

Люстровые полуфаянсы (ЛПФ) отличаются от фаянсов с люстровой росписью только тем, что полива у них была прозрачной. Для люстровых полуфаянсов в литературе не разработана классификация по стилям росписи.

Подгруппа 1.1. Люстры с бесцветной глазурью (белофонные)

Представлены единственным типом монохромных белых полуфаянсов без дополнительных подцветок.

Вид 1. ЛПФ из твердого белого кашина

ЛПФ с гравировкой по сырому люстру, причем непосредственно по самому люстровому рисунку, дополняя и обогощая его (а не по люстровому фону рисунка, как на иранских фаянсах «кашанского» стиля). Глазурь по составу щелочно-свинцовая, с крупным цеком. Подобные изделия характерны для люстровой керамики Египта и Сирии (Lane, 1958. Pl. 57B, 59A; Porter, Watson, 1987. P. 178–180. Fig. A–58; Porter, 1981. P. 3, 4. Pl. II).

В Старой Рязани найден 1 обломок чаши усеченно-конического профиля[22] (рис. 1, *5*). На ее внутренней поверхности имелась роспись деградировавшим люстром (полностью утратившим блеск и приобретшим болотно-зеленую окраску), по которому был нанесен гравированный орнамент. По качеству глазури (с большим количеством воздушных пузырьков) эта чаша близка образцу сирийской керами-

ки типа «Русафа» (описание типа см. ниже), также найденному в Старой Рязани. Сирийское происхождение данного образца ЛПФ представляется наиболее вероятным.

Вид 2. ЛПФ из мягкого кашина

Из раскопок Старой Рязани происходит 1 обломок стенки кувшина из белого мелкопористого кашина (рис. 1, *4*). На внешней поверхности – следы от полустертой люстровой росписи в виде эпиграфического орнамента (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1А, *12*)[23]. Использование прозрачной глазури зеленоватого оттенка заставляет предполагать в качестве места производства такой керамики Сирию (Porter, 1981. P. 25), где в XII–XIV вв. в люстровом производстве безраздельно господствовала прозрачная глазурь, а глухие поливы, в отличие от Ирана, почти не применялись (Porter, 1981. P. 32, 47; Cager-Smith, 1985. P. 52).

Подгруппа 1.2. Люстровые полуфаянсы с синей глазурью

Тип 1. ЛПФ со светло-синей глазурью

Один обломок сосуда закрытого типа из твердого белого кашина с двусторонней светло-синей кобальтовой глазурью и полустертой люстровой росписью зеленоватого цвета на внешней поверхности найден в Старой Рязани (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *21*). Изделия этого типа известны как в Сирии, так и в Иране XII–XIV вв.

Тип 2. ЛПФ с ультрамариновой (темно-синей) глазурью

Люстры с плотной ультрамариновой глазурью считаются в основной своей массе произведениями мастеров Сирии XII–XIV вв. (Lane, 1957. P. 16; Lane, 1958. P. 38; Fehervary, 1973. P. 50; Kuhnel, 1976. P. 123; Porter, 1981. P. 47). Именно они (совместно с сосудами, покрытыми бирюзовой глазурью) получили у искусствоведов XIX – середины XX в. условное наименование «сикуло-арабских люстровых фаянсов» (Kuhnel, 1976. P. 120, 123) из-за большого числа таких изделий, сохранившихся на Сицилии (и в других районах Южной Европы). Эта керамика представлена изделиями из твердого кашина:

1) Старая Рязань – 4 обломка от 2 кувшинов с рельефной моделировкой тулова (по-видимому, вертикальными «ложками») и блюда. Один из кувшинов (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *19*) был покрыт изнутри бесцветной глазурью, второй (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *22*) – аналогичной глазурью с бледно-синей подцветкой кобальтом. Два обломка принадлежали блюду диаметром около 30 см с полустертой росписью зеленоватым люстром[24] (рис. 1, *6*).

2) Переяславль-Рязанский – один мелкий обломок сосуда[25] был найден в слое XIII в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 127, 135).

Группа 2. Полуфаянсы с надглазурной росписью красками и аппликациями золотой фольги (тип «ладжвардина»)

Эта группа представлена одной подгруппой полуфаянсов с ультрамариновой глазурью, традиционно называемых в литературе керамикой типа «ладжвардина». Такая керамика изготавливалась из рыхлого белого или розоватого кашина. Надглазурная роспись выполнялась белой и красной матовыми красками неглазурного происхождения. Орнаментика состояла исключительно из растительных (иногда геометризированных) мотивов, многие из которых идентичны росписи фаянсов «минаи», изготовлявшихся по аналогичной технологии. Керамика типа «ладжвардина» производилась в Иране в конце XIII – XIV в. (Kuhnel, 1976. P. 106; L'Islam..., 1977. № 296). В городах Средней Азии и Золотой Орды она встречается довольно редко и, очевидно, была привозной.

Единственный в Рязанской земле образец этой керамики найден в Переяславле-Рязанском – это обломок дна чаши[26] (Монгайт, 1961. Рис. 146, *6*).

Группа 3. Полуфаянсы с надглазурной росписью эмалями и подглазурной гравировкой (подгруппа пурпурно-коричневых полуфаянсов)

Единственный обломок чаши этой чрезвычайно редкой разновидности найден в Старой Рязани[27] и опубликован (Монгайт, 1955. Рис. 123, слева внизу), однако он не был правильно атрибутирован и описан. Обломок принадлежал чаше или тарелке, изготовленной из твердого белого кашина, облицованной с обеих сторон пурпурно-коричневой (окрашенной окисью марганца) глазурью. На внутренней стороне декор состоял из гравировки по основе широкой линией, внешняя поверхность была украшена крупным круглым пятном белой непрозрачной эмали, нанесенным поверх слоя коричневой глазури. Сама эмаль отслоилась от основы (от нее сохранились лишь два крошечных кусочка), однако на поверхности глазури осталось четко выделенное темное пятно, границы которого точно фиксируют форму первоначального эмалевого налепа (рис. 1, *11*). Судя по результатам спектрального анализа глазури, ее химический состав соответствует ряду сирийских образцов[28] (см. табл. 1. № 1).

Таблица 1

Количественные спектральные анализы глазури

№	Типы керамики и адреса образцов	Удельный вес оксидов (в %)											
		Na_20	K2O	CaO	MgO	Al_2O_3	PbO	SnO_2	MnO	FeO	CuO	CoO	SiO2
1	Полуфаянс с гравировкой по основе (Сирия, 12 в.) [пурпурная глазурь] Старая Рязань	6,8–7,0	1,4–1,5	4,3–4,5	1,5	1,2–1,4	17,7–18,5	0,02	5,4–5,6	0,6–0,7	0,1	–	56,7–57,5
2	Полуфаянс типа “Русафа” (Сирия, XIII в.) [бесцветная глазурь] (Старая Рязань)	5,5–13,2	2,6–3,2	6,1–8,6	3,1	0,7–1,3	–	–	–	0,4–0,8	–	–	61,7–64,6
3	Полуфаянс с синей росписью (Золотая Орда, конец XIV вв.) [бесцветная глазурь] (Переяслаль-Рязанский)	6,8–8,2	4,1–5,2	8,1–13,0	5,6–7,7	1,4–2,2	0–0,2	–	0,3	0,7–1,1	–	0,09	63,5–69,5
4	Фаянс с люстровой росписью и подглазурной синей росписью (Иран, конец XIII – начало XIV вв.) [белая полива] (Ростиславль Рязанский)	8,8	1,8	5,6	2,2	1,9	12,1	2,6	–	<0,04	–	<0,05	65,0

Полуфаянсы с подглазурным декором

Группа 1. Полуфаянсы с гравированным декором (подгруппа бирюзово-голубых полуфаянсов)

В Старой Рязани найдены два мелких обломка блюд с гравировкой по внутренней поверхности. Один из них изготовлен из твердого кашина (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *27а*), второй – из мягкого розоватого кашина (Даркевич, Стародуб, 1983. Рис. 1Б, *34*). Последний образец, отличающийся ярким цветом глазури, имеет прямые сирийские аналогии (Riis, Vagn Poulsen, 1957. P. 154; Soustiel, 1985. № 158).

Группа 2. Полуфаянсы с гравировкой и ажурным декором (подгруппа бирюзово-голубых полуфаянсов)

Ажурный декор (так называемый «grain de riz», т.е. «рисовое зерно») достигался просверливанием стенок сосудов и последующей заливкой их поверхности и отверстий прозрачной глазурью. Подобная керамика начала изготавливаться в Иране (Pope, Ackerman, 1965. Pl. 593 C,D, 594 A,C; Islamische Keramik, 1973. № 206–208; Искусство Ислама, 1990. № 26) с XII в. (Grube, 1976. P. 158–160. Fig. 103–104, 107–108).

В Старой Рязани найдены три обломка от одной чаши усеченно-конического профиля, изготовленной из твердого белого кашина и покрытой голубой глазурью[29].

Группа 3. Полуфаянсы с плоской резьбой, гравировкой и росписью полихромными глазурями («лакаби»)

К этой группе относился один тип керамики, традиционно называемый «polychrome carved ware» (полихромная керамика с плоской резьбой) или «lakabi» («лакаби») (Lane, 1958. P. 35; Pope, Ackerman, 1964. P. 1521, 1525; Fehervary, 1973. P. 80; Grube, 1976. № 220). Эта керамика изготавливалась из твердого кашина и покрывалась высококачественной бесцветной щелочно-свинцовой глазурью типа Na-K-Ca-Pb-Si. Основной формой такой керамики были блюда полусферического профиля с резко выделенным плоско отогнутым краем, на котором обычно гравировкой изображались круглые медальоны «в скобках», количество которых варьировало от 3 до 6 (Islamic Pottery ..., 1956. Pl. 5, № 40; Lane, 1958. Pl. 46A; Wilkinson, 1963. Pl. 45; Pope, Ackerman, 1964. Pl. 603, 604, 605, 606; Islamische Keramik, 1973. № 209; Atil, 1973. № 17; Soustiel, 1985. № 127). Изготавливалась такая керамика в Сирии в XII в. (Grube, 1976. P. 273; Porter, 1981. P. 36; Porter, Watson, 1987. P. 187, 190– 191; Коваль, 1997 а. С. 141–144).

В Старой Рязани известны два обломка от разных блюд. Один из них при первой публикации был неверно определен как обломок кувшина с гранеными стенками и случайной каплей бирюзовой глазури (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191. Рис. 1Б, *28*). В действительности это фрагмент ребра блюда при переходе стенки в плоскоотогнутый край, на котором был гравирован медальон «в скобках», подцвеченный бирюзовой и пурпурно-коричневой (марганцевой) глазурями[30]. К сожалению, находка происходила из переотложенного слоя и не имела стратиграфической даты.

Второй обломок сохранил участок подцвеченного кобальтом пояса из наклонных штрихов, гравированных по основе – характерного элемента декора блюд этого типа[31].

Группа 4. Полуфаянсы с контррельефным декором (подгруппа пурпурно-коричневых)

К этой группе принадлежит единственная находка из Старой Рязани обломка кувшина (?) из белого твердого кашина с контррельефным (углубленным) рисунком на наружной поверхности[32]. Из-за малых размеров обломка рисунок может быть установлен лишь гипотетически – вероятно, он представлял собой мелкие розетки или листовидные фигуры. Достигался такой декор тиснением в калыбе с рельефными элементами. По высочайшему качеству кашина, мастерству формовки и цвету глазури этот образец может связываться с иранской продукцией XII в.

Группа 5. Полуфаянсы с подглазурной росписью красками «в резерве» и рельефной моделировкой тулова (подгруппа бирюзовой глазури)

В данной группе отмечен один тип керамики – с рельефной моделировкой тулова (в калыбе) и черной росписью, применявшейся в основном для закраски фоновых поверхностей (за пределами рельефных выпуклостей). К этому типу отно-

сятся обломки двух кувшинов из Старой Рязани. Оба они изготовлены из твердого белого кашина, тонкостенны и облицованы снаружи ярко-голубой глазурью, а изнутри – бледно-голубой тонкослойной.

Одному из этих кувшинов принадлежали три обломка (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191. Рис. 1Б, *25, 30, 31*), причем все они найдены вне определенного археологического контекста. Керамика столь высокого качества кашина, со сложной моделировкой тулова, производилась в Иране в домонгольскую эпоху (ср. описанные выше люстровые кувшины со сложнопрофилированным туловом), а потому сомнения авторов публикации в иранском происхождении этих образцов излишни.

Второму подобному кувшину принадлежали 2 крупных и 8 мелких обломков[33] (рис. 1, *15*). Датировка кувшина возможна в пределах 1-й половины XIII в. Его отличие состояло в использовании приемов «резерва» и гравировки по слою черной краски.

Группа 6. Полуфаянсы с подглазурной росписью кашином и красками

Подгруппа 6.1. Полуфаянсы с бесцветной глазурью

Данная подгруппа представлена единственным типом, за которым в отечественной литературе закрепилось наименование «кашинной керамики с полихромной подглазурной росписью и подглазурным рельефом», однако «рельеф» являлся здесь очень низким и достигался обычно не тиснением в калыбе, а росписью густым белым кашином. Поэтому такую керамику мы назывем *«полуфаянсами с росписью кашином и красками»*. Красочная роспись проводилась пигментами жидкой фракции (на основе различных оксидов металлов – меди, кобальта, марганца, железа).

Полихромные полуфаянсы с росписью кашином и красками появилась в Иране, Сирии и Египте в XIII в. Во 2-й трети XIV в. они начали производиться в золотоордынских городах Поволжья (Булатов, 1968. С. 99–101; Федоров-Давыдов, 1994. С. 79–88. Рис. 3–6).

1) Старая Рязань – здесь найдены 2 обломка чаш[34], типичных для поволжского производства 2-й половины XIV в. – из рыхлого белого кашина, с чуть зеленоватой глазурью. Один из обломков (рис. 1, *13*) найден в комплексе XIV–XV вв. (яма 2 раскопа 25) (Чернецов, 1995. С. 90).

2) В Переяславле-Рязанском известны 10 обломков от различных чаш[35], 6 из которых найдены при раскопках 1955–1956 гг. (Монгайт, 1961. Рис. 146, *9–10, 12–13*). Два обломка связаны с заполнениями ям, датирующихся XIV и концом XIV–XV вв. (Коваль, Судаков, 1995. С. 124, 135. Рис. 2, *2*).

3) В Пронске обнаружены 3 обломка от 2 чаш этого типа[36]. Два из них (от одной чаши), найденные при раскопках Н.П. Милонова в 1928 г., несли на себе роспись кашином по поверхности, окрашенной серой краской (рис. 1, *12*). Такой прием более характерен для ранних образцов золотоордынской посуды (середины XIV в.).

Подгруппа 6.2. Полуфаянсы с бирюзовой глазурью

Единственный мелкий обломок чаши этой подгруппы относился к достаточно редкой разновидности керамики золотоордынского производства, типологически идентичной полуфаянсам, покрытым бесцветной глазурь. Этот образец найден в Переяславле-Рязанском[37].

Группа 7. Полуфаянсы с подглазурной росписью красками (без росписи кашином)

Подгруппа 7.1. Расписные полуфаянсы с бесцветной поливой

Тип 1. Полуфаянсы с 3-цветной росписью черно-коричневой (или зеленой), синей и бирюзовой красками

Все изделия этого типа изготовлены из рыхлого кашина белого или серого цвета. Этот признак, равно как и трехцветная гамма росписи по белому фону, присущи полуфаянсам, изготавливавшимся в золотоордынском Поволжье в середине – 2-й половине XIV в. (Булатов, 1968. Рис. 101, 102; Федоров-Давыдов, 1994. С. 88–114. Рис. 7–23).

1) Старая Рязань – 2 обломка[38].

2) Переяславль-Рязанский – 4 обломка от разных чаш[39].

3) Пронск – 1 обломок чаши с гравировкой по черной краске[40].

Тип 2. Полуфаянсы с 3-цветной (черной, синей и красной) росписью (тип «Русафа»)

Керамика этого типа изготавливалась из белого мягкого кашина и покрывалась бесцветной, чуть зеленоватой, бессвинцовой глазурью типа Na-K-Ca-Si (табл. 1. № 2). Подобная керамика изготавливалась в Сирии в XIII–XIV вв. (Riis, Vagn Poulsen, 1957. P. 182, 196. Fig. 595–665; Islamische Kunst..., 1971. Abb. 8), причем ее датировка является в достаточной мере приблизительной. За пределами Ближнего Востока такие изделия встречаются исключительно редко: известен, например, один обломок подобной керамики из Авиньона (Южная Франция) (Thiriot, 1987. P. 296. Fig. 4, *4*). На территории Руси подобная керамика найдена пока только в одном месте – в Старой Рязани, где обнаружены 3 небольших обломка от одной (?) чаши. Один из обломков был опубликован ранее без должной атрибуции[41] (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 192. Рис. 1Б, *33)*. Другие 2 образца ранее не публиковались[42]. Мнение публикаторов находки, атрибутировавших ее в качестве подражания керамике «минаи», не может быть принято, поскольку полуфаянсы типа «Русафа» отличаются оригинальными орнаментальными схемами, не имеющими ничего общего с иранской керамикой. Различаются указанные типы посуды и по технологии декорировки. Чаша, обломки которой были найдены в Старой Рязани, была изготовлена из желтоватого, очень мягкого кашина. Рисунок росписи выполнен черной краской, расцветка его элементов – синей краской и красным ангобом.

Первая находка не обозначена на плане раскопа и место ее обнаружения неизвестно, две других происходили из «дома боярина», материалы из которого датируются 1-й третью XIII в. Таким образом, чаша этого типа попала в Старую Рязань, скорее всего, еще до 1237 г.

Тип 3. Полуфаянсы с бихромной росписью черной (или зеленой) и синей красками

В данный тип выделены только те изделия, в отношении которых нет никаких сомнений в их бихромной расцветке. Изделия этого круга представлены обломками чаш, расписанных интенсивно-черной (или зеленовато-черной) и синей (кобальтовой) красками.

1) Переяславль-Рязанский – дно чаши[43] из твердого белого кашина, с черно-синей росписью (вероятно, иранского происхождения), найденное в комплексе конца XIII – 1-й половины XIV в. (рис. 2, *1*).

2) Старая Рязань – 6 обломков от одной чаши[44] и 2 кувшинов (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191. Рис. 1Б, *31, 32*)[45], изготовленных из рыхлого белого кашина с росписью черного (или зеленовато-серого) и синего цвета. Обломок чаши с черно-синей росписью несомненно относился к продукции золотоордынского Поволжья (рис. 1, *14*). Фрагменты кувшинов (5 шт.) также связывались ранее с изделиями золотоордынского круга (Даркевич, Стародуб, 1983. С. 191), однако внутренняя поверхность сосудов была покрыта голубой прозрачной глазурью, что нехарактерно для ордынской полихромной керамики. Видимо, кувшины происходили из Ирана, а их датировка возможна в пределах XIII в. К сожалению, образцы не могут быть датированы по археологическому контексту, поскольку датировки комплексов из раскопок Старой Рязани в 1970–1977 гг. во многих случаях недостоверны.

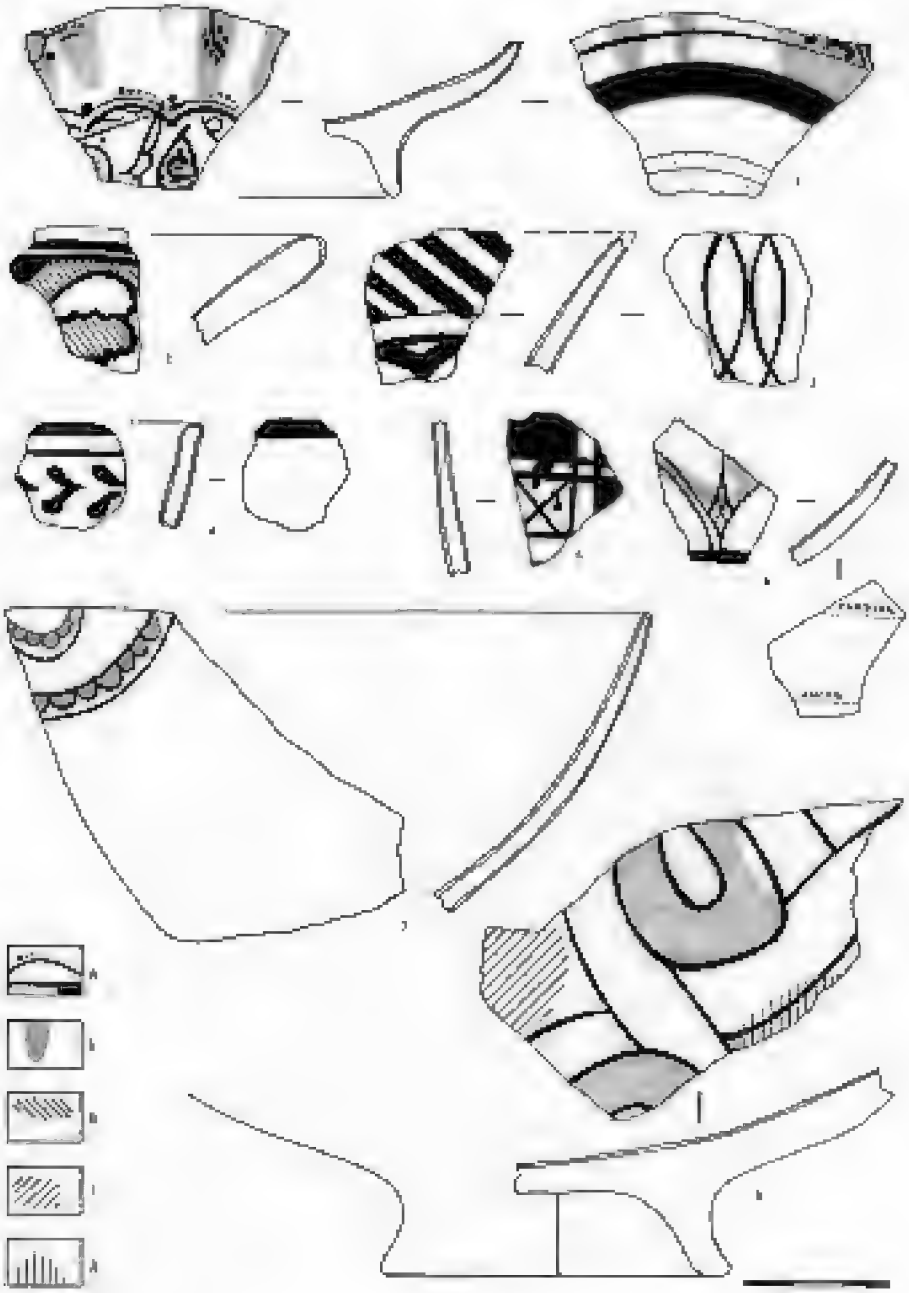


Рис. 2. Полуфаянсы с подглазурной росписью (*1, 3, 4*), полумайолика с росписью (*2*) и гравировкой по ангобу (*5–8*) (Переяславль Рязанский – *1, 5*; Старая Рязань – *2, 3, 6, 7*; Пронск – *4, 8*); *А* – черная краска (*1, 3, 4*), темно-коричневая краска (*2*), линии и поля гравировки по ангобу (*5–8*); Б – синяя краска (*1*), желтая краска (*6–8*); *В* – желто-коричневая краска (*2*); *Г* – зеленая краска (*8*), *Д* – пурпурно-коричневая краска (*8*)

Тип 4. Полуфаянсы с монохромной синей росписью

Подобная керамика появляется на Востоке в конце XIV в. под влиянием китайского бело-синего фарфора и быстро завоевывает популярность. В XV в. она получает широчайшее распространение на всем Ближнем и Среднем Востоке. В Средней Азии ее традиционно называют «тимуридской», поскольку расцвет ее популярности пришелся на эпоху Тимуридов. Изготавливалась она и в золотоордынском Поволжье (Булатов, 1976; Шляхова, 1980; Федоров-Давыдов, 1994. С. 118–121).

1) Переяславль-Рязанский – 1 обломок дна чаши[46] из рыхлого белого кашина с рельефной моделировкой (гофрированием) внешней поверхности вертикальными каннелюрами, выполненными формовкой в калыбе (Монгайт, 1961. С. 325. Рис. 146, *1*).

2) Старокадомское поселение на границе Рязанских и Мордовских земель – 1 мелкий обломок сосуда (Шитов, 1992. Табл. VIII, 4).

Подгруппа 7.2. Расписные полуфаянсы с бирюзовой поливой

Представлены единственным типом (полуфаянсы с монохромной черной подглазурной росписью) и видом (изделия из рыхлого кашина белого или розового цвета), но разделяются на три варианта.

Вариант 1. Тонкостенные сосуды со сложной растительной росписью по слою белого ангоба под голубой глазурью. В росписи использован прием гравировки по слою черной краски. Подобная керамика изготавливалась в Иране в конце XII – начале XIII в. В Старой Рязани найдены два обломка от одной чаши этого варианта[47].

Вариант 2. Сосуды со стилизованной геометрической росписью под голубой глазурью. В Старой Рязани обнаружены два обломка от одной чаши конусовидного профиля, изготовленной из рыхлого бледно-желтого кашина. Один из обломков был найден в комплексе первой половины или середины XIII в. (Чернецов, 1994. С. 108)[48] (рис. 2, *3*), второй – 30 годами ранее на том же самом раскопе вне комплекса[49]. Роспись этой чаши имеет много общего с орнаментацией сирийских полуфаянсов XIII века (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 535). Особое внимание следует обратить на полное сходство орнаментации внешней поверхности старорязанской чаши с образцом из Херсонеса (Романчук, 1982. Рис. 26[50]), роспись внутренней поверхности которого также имеет полную аналогию среди сирийской керамики (Riis, Vagn Poulsen, 1957. Fig. 533).

Вариант 3. Толстостенные сосуды, покрытые бирюзовой (зеленовато-голубой) глазурью. Наиболее распространенной орнаментацией чаш этого вида была роспись внутренней поверхности рядами черных крестиков-»звездочек» в сочетании с изогнутыми каплевидными фигурами (стилизованными рыбками) – на наружной (Коваль, 2001. С. 85, 86. Рис. 1). Такая схема являлась самой распространенной в золотоордынском Поволжье середины – 2-й половины XIV в. (Булатов, 1968. С. 104; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. Рис. 23,*1*), где производилась подобная керамика.

1) Переяславль-Рязанский – 8 обломков от 6 чаш и 1 сосуда закрытого типа[51]. Один из обломков чаши был использован вторично в качестве пряслица (Коваль, Судаков, 1995. С. 126. Рис. 2, *4*).

2) Пронск – 3 обломка от двух чаш[52] (рис. 2, *4*).

Майолика

Майолика без дополнительной декорировки

1, 2) В Старой Рязани известны 2 обломка сосудов из глины желтого цвета, облицованных белой поливой. Один из образцов не имел следов декора[53], второй –

сохранил на внутренней поверхности две полосы полустертой росписи светло-желтым люстром. Похожая глина применялась мастерами Египта при изготовлении люстровой керамики в XI в. (Philon 1980. P. 72; Коваль, 1997 в. С. 279), что позволяет видеть и в этих обломках образцы египетской люстровой посуды.

3) В Переяславле-Рязанском найден также один обломок сосуда из белой глины без видимых примесей[54], покрытый с обеих сторон бирюзовой поливой (на территории Кремля в слоях конца XIII – XIV в.).

Полумайолика

Полумайолика без дополнительной декорировки

Группа 1. Неангобированная полумайолика

Поверхность сосудов этой группы облицовывалась глазурью (поливой) без сплошной подгрунтовки белым ангобом, скрывавшим цветную основу стенок. Подобная ординарная керамика имела широчайшее распространение на Востоке и в Византии с XI в. и практически до современной эпохи.

Полумайолика из светложгущейся глины без видимых примесей, покрытая зеленой глазурью, известна в Старой Рязани, где найдены 2 обломка сосудика закрытого типа диаметром не более 8 см, с двусторонней облицовкой глазурью[55], происходившего, вероятно, из Византии.

В Переяславле-Рязанском найдены два обломка чаш с облицовкой ярко-зеленой глазурью, одна из которых была изготовлена из белой глины (ее внешняя поверхность была покрыта бесцветной глазурью)[56], а вторая – из красножгущейся глины с примесью большого количества мелкого песка[57].

Группа 2. Ангобированная полумайолика

Вся керамика этой группы изготавливалась из ожелезненной (красножгущейся) глины, цвет которой после обжига мог сильно варьировать от бледно-розового до коричневого.

Подгруппа 2.1. Полумайолика с бесцветной (или бледно-желтой, бледно-зеленой) глазурью

1) Переяславль-Рязанский – 2 обломка чаш[58], происходящие из слоев золотордынской эпохи (Коваль, Судаков, 1995. С. 129–130. Рис. 3, *1*). Сосуды были сформованы из плотной глины без видимых примесей. Подобная полумайолика производилась в Причерноморье (по-видимому, на территории Византийской империи) в XI–XIV вв. (в дальнейшем будем условно называть глиняную основу керамики с такими характеристиками *формовочной массой причерноморско-византийского типа*).

2) Пронск – один обломок чаши из формовочной массы со значительным количеством красного шамота[59], что характерно для керамического производства городов Восточного Крыма – Кафы, Судака, Солхата (Старый Крым) (Баранов, 1991. С. 110–112; Волков, 1992. Керамика... С. 10). В дальнейшем будем условно называть глиняную основу керамики с такими характеристиками *формовочной массой восточно-крымского типа*. Отличительная особенность многих образцов полумайолики этого вида – слабое сцепление поливы с ангобной подгрунтовкой, приводившее к отслоению глазурного покрытия.

Подгруппа 2.2. Полумайолика с ярко-зеленой глазурью

Вид 1. Керамика из формовочной массы причерноморско-византийского типа

В Переяславле-Рязанском найдены 10 обломков[60] от 5 чаш и 2 кувшинов (Коваль, Судаков, 1985. С. 131. Рис. 3, *2, 4*). Три обломка принадлежали одной чаше из розовой глины, форма которой характерна для крымской и византийской поливной керамики XV в. (Мыц, 1991. Рис. 2, *3*; Сазанов, Иващенко, 1994. Рис. 1, *1*, 2, *1*).

Вид 2. Керамика из формовочной массы восточно-крымского типа

1) Переяславль-Рязанский – 2 мелких обломка чаш[61].

2) Лавское селище (ок. г. Ельца Липецкой обл.) – 1 обломок сосуда, из которого было сделано пряслице диаметром 2 см[62].

Вид 3. Керамика из формовочной массы с примесью красного шамота и естественными включениями карбонатов (напоминающая формовочную массу восточно-крымского типа)

Четыре обломка от чаши и двух кувшинов найдены в Переяславле-Рязанском[63], причем один из них происходил из комплекса 1-й половины XIV в. (Коваль, Судаков, 1985. С. 131, 135).

Вид 4. Керамика из формовочной массы с включениями большого количества мелкого песка, характерными для изделий золотоордынского Поволжья (в частности, мастерских Селитренного городища) (Булатов, 1976. С. 97). В дальнейшем будем называть ее условно *формовочной массой нижневолжского типа.*

1) Старая Рязань – 1 обломок горла кувшина из глины бледно-розового цвета[64].

2) Переяславль-Рязанский – 2 обломка чаш[65].

Подгруппа 2.3. Полумайолика с желтой глазурью

1) Старая Рязань – 1 обломок чаши из формовочной массы византийско-причерноморского типа[66].

2) Переяславль-Рязанский – 4 обломка от 2 чаш: первая была изготовлена из формовочной массы причерноморско-византийского типа[67] (3 обломка), вторая – из формовочной массы восточно-крымского типа[68].

Полумайолика с подглазурным декором

Вся керамика этой серии изготавливалась из ожелезненной (красножгущейся) глины.

Группа 1. Полумайолика с подангобным гравированным декором

Все образцы (4 фрагмента) найдены в Переяславле-Рязанском:

1) один обломок стенки кувшина с зеленой глазурью (без ангобно-глазурного покрытия на внутренней поверхности) из формовочной массы византийско-причерноморского типа[69];

2) три обломка от 2 кувшинов и 1 чаши, изготовленных из формовочной массы восточно-крымского типа. Один из кувшинов был покрыт светло-зеленой глазурью[70], второй – ярко-зеленой на внешней поверхности и бесцветной – на внутренней[71]. При этом первый образец найден в комплексе конца XIV – XV в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 135. Рис. 2, *9*). Обломок чаши был облицован с обеих сторон ярко-желтой глазурью[72].

Группа 2. Полумайолика с декором, гравированным по ангобу («сграффито»)

Полумайолика с красноглиняной основой и линейной гравировкой по белому ангобу традиционно носит наименование *полумайолики «сграффито».* Техника «сграффито» заключалась в процарапывании (гравировке) рисунка по слою белого ангоба заостренной палочкой, в результате чего обнажавшаяся красная основа резко контрастировала с белым фоном.

Подгруппа 2.1. Полумайолика, покрытая желтой глазурью

Тип 1. Полумайолика «сграффито»

Подобная керамика производилась в Византии и странах Причерноморья, в том числе, в Крыму, в XIII–XIV вв. (Якобсон, 1979. С. 133. Рис. 83; Финогенова, 1987. С. 198; Романчук, Перевозчиков, 1990. С. 101. Рис. 1, 2, 30), а в золотоордынских центрах – в XIV в. (Булатов, 1976. С. 92. Табл. IV, *2*).

1) Переяславль-Рязанский – 6 обломков от 5 чаш[73] (Коваль, Судаков, 1995. Рис. 2, *7, 8*), сделанных из формовочной массы причерноморско-византийского типа.

Среди них выделяются три образца из плотной красной глины с мельчайшими блестящими слюдянистыми включениями[74]. Два обломка принадлежали одной розовоглиняной чаше с поддоном, имевшим изнутри сегментовидную выемку. По своей декорировке эта чаша близка той группе византийской керамики конца XII – XIII в., которую традиционно называют «зевксипповой» («Zeuxippus Ware»), (Megaw, 1968. P. 71. Fig. 2, 5449. Pl. 14, g,h, 15, e), отличаясь от нее более светлым цветом и меньшей плотностью глиняной массы. В Рязани эти образцы найдены в комплексах 1-й половины XIV в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 128, 135. Рис. 2, *5*).

2) Селище у пос. Каменный (Липецкая обл.) – 2 обломка кувшина из формовочной массы византийско-причерноморского типа[75].

Тип 2. Полумайолика, орнаментированная с сочетанием выемчатой техники и «сграффито»

Выемчатая техника (или «резервирование») состоит в удалении (выскабливании) белого ангоба на площади, составляющей фон основного изобразительного сюжета.

В Переяславле-Рязанском найдены два обломка от горловины одного кувшина диаметром около 7 см[76] (Монгайт, 1961. Рис. 146, *11*), изготовленные из глины красновато-серого цвета, насыщенной мелким (до 0,5 мм) песком. Ангоб нанесен только по внешней поверхности, желтая глазурь – по обеим сторонам стенки. Рисунок состоял из расположенных в шахматном порядке квадратов с выскобленным ангобом и квадратов, пересеченных крестообразно гравированными линиями (рис. 2, *5*). Подобная схема хорошо известна среди керамики византийского круга: на черноморском побережье Болгарии (Бобчева, 1979. Табл. III, 29, 30, VI, 77), Румынии (Diaconu, Baraschi, 1977. Fig. 60, *13*), в Крыму – в Херсонесе (Якобсон, 1950. Табл. 23, *89в*) и Каффе, на Северном Кавказе (Крамаровский, 2001. Рис. 104, *1–4, 7*) и в Константинополе (Rice, 1930. Fig. 4, *6*).

Подгруппа 2.2. Полумайолика, покрытая зеленой глазурью

В данной подгруппе известен один тип керамики с орнаментацией «сграффито», к которому относился всего один обломок блюда, изготовленного из формовочной массы византийско-причерноморского происхождения (ангоб двухсторонний, глазурь нанесена только на внутреннюю поверхность), найденный на Лавском селище[77] (ок. г. Ельца Липецкой обл.).

Группа 3. Полумайолика с гравированным декором и подцветкой рисунка (подгруппа бесцветной глазури)

Тип 1. Полумайолика «сграффито» с монохромной желтой подцветкой

В Старой Рязани известны 5 обломков от 2 чаш и блюда[78], изготовленых из темно-красной глины без видимых примесей (рис. 2, *6, 7*). По качеству формовочной массы и декору они идентичны византийской «зевксипповой» полумайолике 1-й половины XIII в. (Morgan, 1942. P. 159; Megaw, 1968. P. 68; Byzantina..., 1999. № 70–74). Близкие по рисунку и особенностям декорировки образцы известны в Херсонесе (Якобсон, 1950. Табл. 27, 28). Все старорязанские находки происходили из одного комплекса, датированного золотоордынской эпохой, но содержавшего также большое количество изделий предмонгольского времени[79] (Чернецов, 1994. С. 33–43, 108).

Тип 2. Полумайолика «сграффито» с полихромной (зеленой и желто-коричневой) подцветкой рисунка

Подобная полумайолика традиционно называется «красноглиняной полихромной керамикой». Полихромная подцветка производилась окисями меди и железа, после чего сосуд покрывался бесцветной или слегка зеленоватой (желтоватой) свинцовой глазурью. Наружная поверхность чаш и блюд обычно не глазуровалась. Все сосуды открытой формы имеют потеки полихромных гла-

зурей к верхнему краю, что свидетельствует об их обжиге в горне вверх дном. В XIII в. такая керамика распространилась в Византии, не ранее середины XIII в. ее производство предполагалось в Крыму (Баранов, 1985. С. 60). Первые надежно датированные образцы подобных импортов на Руси известны в слоях последней четверти XIII в. (Коваль, 1998 а. С. 163). Основная масса этой керамики ввезена в XIV в.

В Старой Рязани встречены 8 обломков от одной чаши, одного блюда и 5 различных кувшинов[80], изготовленных из формовочной массы причерноморско-византийского типа. Для одного из этих кувшинов (Монгайт, 1955. Рис. 123), уже были указаны аналогии из Херсона (Монгайт, 1955. С. 158; Якобсон, 1979. Рис. 84, *2*, 86, *2*) и предложена датировка XIV в. Следует лишь отметить, что в Византии такая керамика производилась уже с середины XIII в. и поэтому возможная нижняя дата этих импортов может быть несколько удревнена.

Тип 3. Полумайолика «сграффито» с полихромной (зеленой, желто-коричневой и пурпурно-фиолетовой) подцветкой рисунка

Керамика с трехцветной подцветкой рисунка, с использованием марганцевого красителя, дающего пурпурно-фиолетовый тон, в Причерноморье встречается довольно редко. Более широко она была распространена в Закавказье (Мицишвили, 1992).

В Рязанской земле известна всего одна находка подобной керамики – это обломок дна блюда из Пронска [81] (рис. 2, *8*).

Группа 4. Полумайолика с росписью ангобом

Подобная керамика изготавливалась во многих странах Востока в XI–XV вв., но широкого распространения не получила. Хорошо известна она в золотоордынских городах Поволжья в XIV в. (Булатов, 1976. С. 79–81. Табл. II), в Крыму и на Тамани в XIV–XV вв. (Финогенова, 1987. С. 207. Рис. 9; Якобсон, 1979. С. 144. Рис. 91).

Подгруппа 4.1. Полумайолика со светло-зеленой (или бесцветной) глазурью

В Переяславле-Рязанском обнаружен один мелкий обломок кувшина из красноглиняной формовочной массы причерноморско-византийского типа [82], с ангобной росписью на внешней поверхности и облицовкой внутренней стороны бледно-зеленоватой глазурью по ангобу, происходивший из слоя 2-й половины XIII в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 131–132, 135. Рис. 3, *6*).

Подгруппа 4.2. Полумайолика с зеленой глазурью

1) В Старой Рязани найден обломок кувшина с высоким ангобным «ребром» на внешней поверхности, изготовленный из ярко-красной глины с включениями очень мелкого песка и глазурованный по внутренней поверхности[83].

2) Переяславль-Рязанский. Здесь найдены два обломка от одной чаши[84] с двусторонней росписью ангобом, изготовленной из формовочной массы нижневолжского типа (рис. 1, *16, 17*).

Группа 5. Полумайолика с подглазурным рельефным декором

В этой группе КВП на территории Рязанской земли известен пока только один тип керамики – так называемая «штампованная», покрытая зеленой глазурью. «Штампованной» по сложившейся традиции не совсем правильно называют керамику, рельефный декор поверхности которой достигался тиснением в матрице–»калыбе». К этому типу относились только сосуды закрытой формы – кувшины, фляги и т.п.

1) Ростиславль-Рязанский – один обломок стенки кувшина[85] из формовочной массы восточно-крымского типа с рельефным декором в виде мелких листочков, происходивший из комплекса XIV в.

2) Селище на Александровском городище (северная окраина г. Ельца) – 1 обломок стенки кувшина из формовочной массы восточно-крымского типа со слабо оттиснутым орнаментом, рисунок которого не читается[86].

Селадоны

Все образцы средневекового китайского фарфора, найденные на территории Рязанской земли, принадлежали к одному семейству – селадонам с подглазурным декором. При этом все эти находки происходили с территории Переяславля-Рязанского.

Селадонами («Лунцюань-яо») традиционно называют семейство керамических изделий, изготавливавшихся в округе Лунцюань провинции Чжэцзян, отличающееся серым цветом своей чрезвычайно твердой формовочной массы (которая является разновидностью фарфора)[87] и зеленой прозрачной глазурью различных оттенков – от голубоватого до бурого (в большинстве случаев – нежно-зеленого цвета). Неглазурованные участки поверхности (внутри поддона) обычно имеют красный или коричневый цвет, который появлялся в результате выпадения в процессе обжига изделий оксида железа, содержащегося в фарфоровой массе селадонов. Производство селадонов существовало в Китае с X по XVII в.

Группа 1. Селадоны без дополнительного декора

Три мелких обломка от одной тарелки и 2 чаш[88] были найдены в слоях XVI–XVII вв. в переотложенном состоянии (Коваль, Судаков, 1995. Рис. 3, *3*). Тарелка характеризовалась плоскоотогнутым краем, часто встречающимся у селадонов эпохи Мин (Арапова, 1977. Илл. 50, 51, 53).

Группа 2. Селадоны с рельефным декором (рельефной профилировкой тулова)

Один обломок чаши или блюда[89] с широкими вертикальными каннелюрами на внутренней поверхности происходил из комплекса 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. (Коваль, Судаков, 1995. С. 132, 135).

В настоящем обзоре учтены 197 фрагментов восточной поливной посуды, найденных на территории Рязанской земли, которые принадлежали не менее чем 146 различным сосудам – чашам, блюдам, кувшинам, вазам. Из них 90 сосудов относились к классам фаянсов и полуфаянсов, 53 – майолики и полумайолики, 3 – селадонам. Прямое сопоставление этого количества с числом находок из других регионов Руси вряд ли уместно, поскольку несопоставимы ни археологически исследованные площади памятников, ни их хронология (отметим лишь то, что по общему числу находок поливной КВП Рязанская земля несколько уступает городам Московской земли). Более информативны сравнения качественных характеристик. Так, в Рязанской земле соотношение классов КВП, изготовленной из кашина (фаянсы и полуфаянсы) и глины (майолика и полумайолика) составляет 2:1, тогда как в Москве и Коломне – 3:1, в Новгороде – 9:1, в Твери – 16:1. Причинами этих различий являются разная датировка образцов КВП и особенности географического размещения территорий, с которых они происходят. Рязанская земля расположена на юго-восточной окраине Руси и была теснее связана с Причерноморьем, откуда в нее проникали образцы византийской и крымской полумайолики. Различия в датировках импортов проявляются уже на уровне отдельных городов: если в Старой Рязани (где образцы КВП датируются XII–XIII вв.) указанное выше соотношение классов КВП составляло 5:1, то в Переяславле-Рязанском (с датами находок КВП в пределах XIII–XV вв.) – 1:1,3 (см. ниже табл. 1). Следует заметить, что Переяславль вообще выделяется из числа русских средневековых городов Северо-Восточной Руси необычно высокой долей полумайолики в корпусе КВП, сближаясь с

городами Южной и Юго-Западной Руси. Вероятно, такое сходство было обусловлено особенно тесными связями этих регионов с торговыми центрами Северного Причерноморья. Кроме того, в XIV–XV вв. Рязань была вовлечена в «сурожскую» торговлю, процветавшую в Москве. Летописные источники сообщают о том, что в 1-й половине XIV в. «купцы... з Москвы и *Резани*... аж до Кафы, Перекопу, Константинополя и до всей Греции и до Африки морем доходят» (ПСРЛ, 1975. С. 175).

Неполивная КВП

Керамика без декора и с гравированным орнаментом

1) Верхнекарабутские I и II селища (Воронежская обл.), существовавшие в XIII–XIV вв. Обломки золотоордынской красноглиняной посуды (в основном, кувшинов) составляли 5–7% всей керамики поселений (Цыбин, 1989. С. 162–163. Рис. 3, *10*, 4, *15–17*; 1987. С. 44–46. Рис. 4).

2) Городище Никольевка и поселение Дрониха (Воронежская обл.) – золотоордынская красноглиняная керамика XIV в. составляла здесь до 2,4 % керамического набора (Цыбин, 1987. С. 44).

3) Шиловское поселение (в черте г. Воронежа) – известны обломки 10 золотоордынских красноглиняных кувшинов (Пряхин и др., 1987. С. 25. Рис. 12, 4–9).

4) Селище Аргамач-Пальна (Елецкий район Липецкой области) – 4 обломка красноглиняной золотоордынской керамики, датированной XIV в. (Тропин, 1996. С. 173).

Все эти находки происходят с территорий, которые в XIV в. входили в состав Рязанской земли или находились на порубежье с владениями Золотой Орды.

Группа 2. Лощеная керамика

Керамика с дополнительной обработкой поверхности лощением являлась одним из характерных типов неполивной керамики, бытовавшей у населения евразийских степей в VIII–XVI вв. Особенно широко лощеная керамика была распространена в X–XIV вв. в Волжской Булгарии и Северном Причернморье. В XIV в. красноглиняная лощеная керамика начала производиться в Северо-Восточной Руси (Москва, Владимир, Коломна) переселившимися (или переселенными?) сюда мастерами из Волжской Булгарии и их русскими учениками (Розенфельдт, 1968. С. 12). Вся импортная лощеная посуда относится к одному виду – керамике из ожелезненных (красных) глин.

1) Старая Рязань – известен развал одного булгарского кувшина из комплекса XIV–XV вв. (рис. 3)[90] и несколько обломков других лощеных сосудов[91].

2) Переяславль-Рязанский (Монгайт, 1961. С. 327).

3) Пронск (Монгайт, 1961. С. 327).

4) Ростиславль Рязанский – 4 обломка кувшинов из комплексов XIV в.[92]

5) Селище Сосновка IV – 5 обломков от не менее чем 2 корчаг из культурного слоя IX – 1-й половины XII в. (из раскопок автора 2003–2004 гг.).

6) Верхнекарабутское II селище (Воронежская обл.) – обломок лощеного кувшина золотоордынского происхождения (Цыбин, 1989. Рис. 4, *14*).

7) Лавское селище (ок. г. Елец Липецкой обл.) – 2 обломка кувшинов с красным ангобом.

8) Никольское городище (в Знаменском районе Тамбовской обл., на правом берегу р. Цны) – в комплексах домонгольской эпохи встречены ручки «булгарских кувшинов» (Андреев, 2002. С. 92).

Группа 3. «Штампованная» керамика

«Штампованная» (т.е. в действительности тисненая в форме-»калыбе») неполивная керамика изготавливалась в странах Востока с IX–XIV вв. После монголь-

ского нашествия производство такой керамики получило развитие в Хорезме и золотоордынских городах Поволжья (Вактурская, 1959. С. 326–327; Федоров-Давыдов, 1994. С. 142–147. Рис. 27, 28).

1) Переяславль-Рязанский – 3 обломка от двух сосудов из слоев XIII–XIV вв. Два из них принадлежали кувшину серого цвета с изображениями рыбок и арабской надписью[93] (Монгайт, 1961. Рис. 146, *4,5*), происходившему, вероятно, из Хорезма. Третий образец отличался тем, что был изготовлен из необычной для керамики этого типа жирной желто-розоватой глины без видимых примесей песка и обожжен в окислительном режиме[94]. Необычен и небрежно выполненный (на калыбе) орнамент из рельефных треугольников пирамидальной профилировки (Коваль, Судаков, 1995. С. 134. Рис. 3, *5*).

2) Пронск – 2 обломка тонкостенных кувшинов из глины серого цвета[95] (рис. 4, *5, 6*).

Тарная керамика

Амфоры

Амфорами называют сосуды, предназначенные для перевозки и длительного хранения жидких и сыпучих продуктов (вина, масла, нефти, пряностей, зерна и т.п.), снабженных двумя (иногда их бывает больше) ручками, которые изготавливались в Византии и странах с провинциально-византийской культурой. На территории средневековой Руси X–XIII вв. известны более 10 различных типов амфор, среди которых подавляющую долю составляли так называемые «грушевидные амфоры с дугообразными ручками» (группа I по нашей классификации), на втором месте по численности находок стоят «амфоры с веретенообразным туловом и высоко поднятыми ручками» (группа II) (Коваль, 2003). Остальные типы амфор встречаются значительно реже и не повсеместно. В Рязанской земле амфорный материал обнаружен в основном в городах (поскольку сельские поселения здесь исследованы пока недостаточно хорошо), конкретно – в 16 пунктах: 6 крупных городах (Старая Рязань, Переяславль-Рязанский, Пронск, Ростиславль Рязанский, Ижеславль, Жокинское городище), 3 городищах на южных окраинах Рязанской земли (Никольское на р. Цна, «Земляной Струг« близ Касимова, Семилукское в Среднем Подонье), на Лавском селище-посаде близ г. Ельца, в Лебедяни и на 5 селищах (Малиновское близ Пронска, Чевкинское около Старой Рязани, Березовка-5, Замятино-10 и Казинка в Подонье). К этому списку можно добавить еще Коломну, поскольку амфорные находки из этого города относятся к домонгольской эпохе, когда он принадлежал Рязанскому княжеству. Однако в большинстве из этих пунктов известно всего по нескольку обломков амфор (не более 10) и лишь в Старой Рязани их количество достигает нескольких сотен. К сожалению, статистические под-

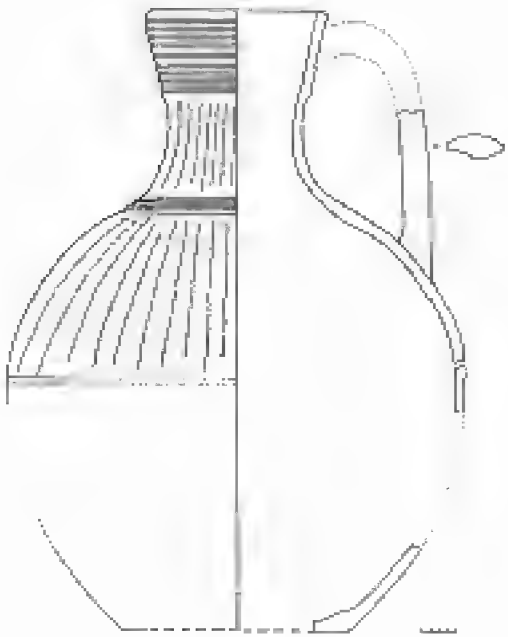


Рис. 3. Краснолощеный кувшин из Старой Рязани (реконструкция)

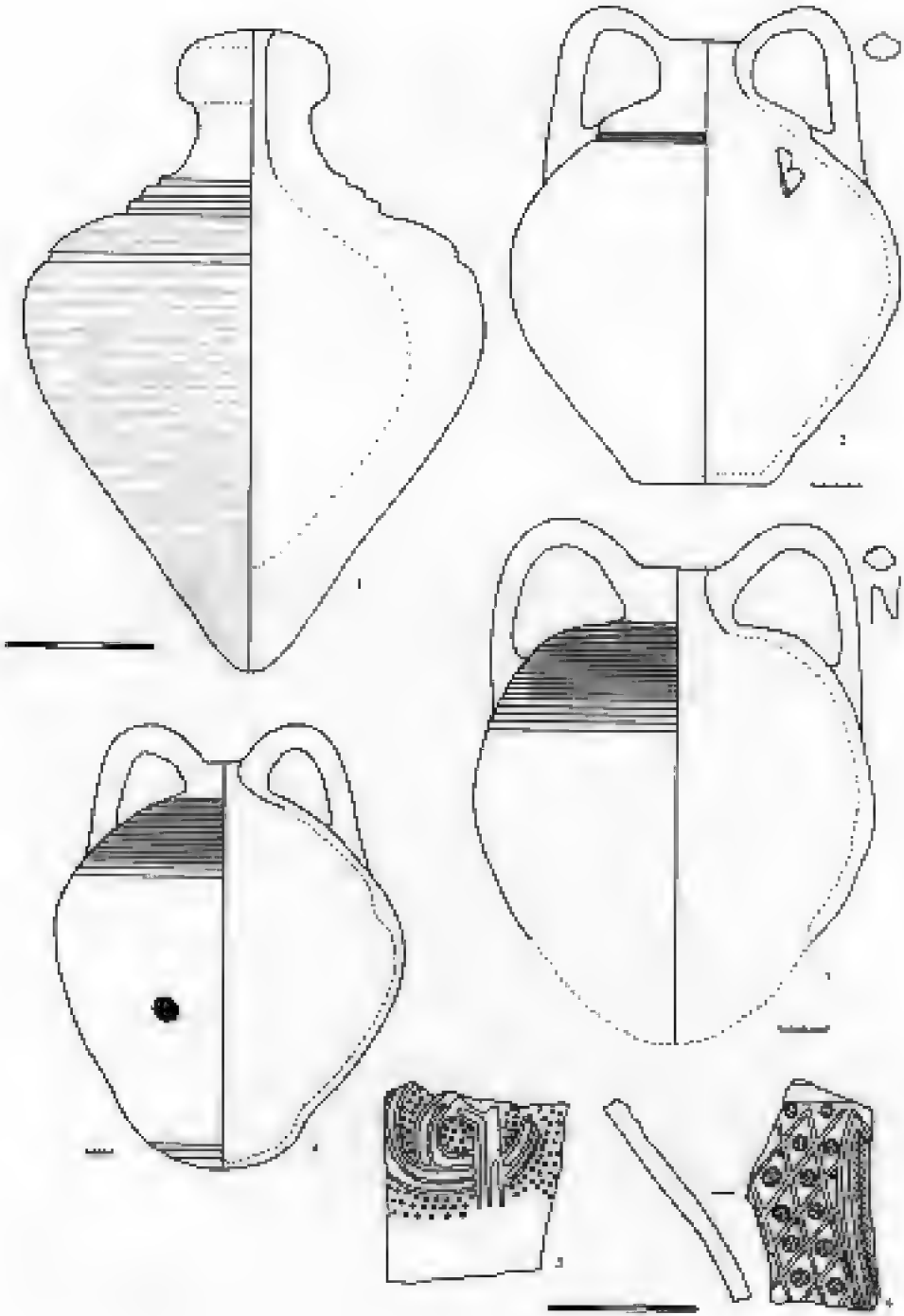


Рис. 4. Сфероконус из Переяславля-Рязанского (*1*), амфоры из Старой Рязани (*2*, *3*) и Пронска (*4*), штампованная керамика из Пронска (*5*, *6*)

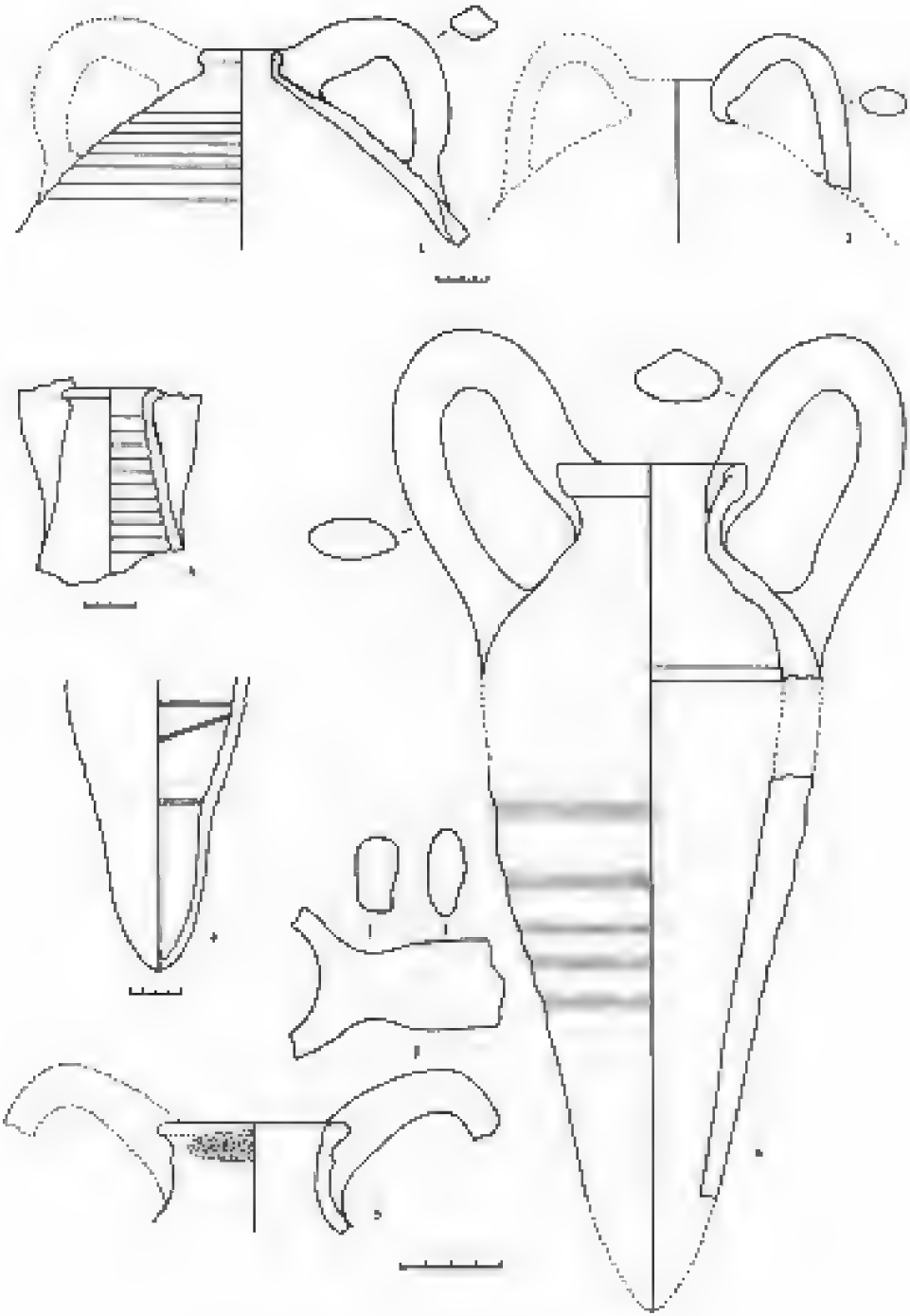


Рис. 5. Амфоры из Старой Рязани (*1, 3–4, 6*), Переяславля-Рязанского (*2*) и Пронска (*5*) (*2, 4, 6* – графические реконструкции)

счеты находок обломков амфор в период раскопок (до середины 1990-х гг.) не проводились, а в фондах музеев сохранились далеко не все такие находки[96] и потому сейчас невозможно указать действительное их число. В подсчет попали в основном образцы из раскопок последних 10 лет. Их количество превышает 400 единиц. Вероятно, реальное число находок амфорной керамики в раскопах предыдущих лет было в 5–10 раз больше.

Типология амфор византийского культурного круга на Руси публиковалась нами ранее (Коваль, 2003). На сегодня в Рязанской земле встречены амфоры 7 различных групп (I, II, III, IV, VIII, X, XI).

Группа I. Амфоры из ожелезненной (красной, розовой или бежевой) глины, с включениями очень мелкого песка (визуально он почти не фиксируется) и естественной примеси слюды. Они характеризуются широким, грушевидной (сферококонической) формы, туловом, покрытым волнообразным рифлением, с узким коротким горлом, дугообразными ручками, прикрепленными к краю горловины и плавно опускающимися на плечи (Якобсон, 1979. Рис. 43, *5, 6*; 69, *1–5*; Романчук и др., 1995. Табл. 33, 35–42, 53–59). Гипотеза о происхождении амфор этой группы из окрестностей Трапезунда высказана И.В. Волковым, разработавшим эволюционный ряд их развития (Волков, 1992. С. 147. Рис. 1; 1996. С. 92; 2001. О происхождении...). Это самая распространенная на Руси группа амфор византийского круга (Коваль, 1997б. С. 12). Древнерусские находки датируются XI – 1-й половиной XIII в. Известны три типа этих амфор, различающихся своей формой, технологией изготовления и, соответственно, хронологией:

Тип 1 датируется X–XII вв. и характеризуется сосудами средних размеров (высотой не более 50 см) с выраженным венчиком и округлыми в сечении ручками, прикрепленными к горлу ниже венчика, которые не поднимались выше уровня его края. Пока известен лишь один обломок амфоры этого типа, происходивший из Старой Рязани (табл. 2).

Тип 2 был распространен в XII–XIII вв. Размеры амфор этого типа были более разнообразны, но преобладали сосуды крупных размеров (высотой до 65 см). Дугообразные овальные в сечении ручки прикреплялись к самому краю венчика и поднимались выше его (рис. 4, *4*; 5, *1, 2*). На такие амфоры часто наносились граффити (процарапанные по обожженному черепку метки, надписи и рисунки) и иногда – дипинти (знаки, выполненные красной или черной краской), встречаются также отпечатанные на ручках или стенках клейма. К этому типу относился известный обломок амфоры с граффито «новое вино добрило послал князю Богунка», профилировка которого (рис. 5, *1*) ранее не публиковалась.

Тип 3 существовал в XIII–XIV вв., мало отличаясь по форме от сосудов типа 2, но с более раздутым туловом и стыковочным швом, проходившим по линии наибольшего диаметра (рис. 4, *3*). К этому типу могли относиться амфоры из Старой Рязани и Пронска, происходившие из комплексов с недостаточно ясной хронологией.

Группа II. Амфоры этой группы изготавливались из глины темно-красного или коричневого цвета и отличались более стройными пропорциями. Граффити на них встречаются реже, клейма отсутствуют. На Руси известны три типа этих амфор – ранний (1), развитой (2) и поздний (3); в Рязанской земле встречены только два последних. Предположение о происхождении таких амфор из Триллии (порта Никеи) выдвинуто И.В. Волковым.

Тип 2, бытовавший в XII в., отличался от более ранних амфор толстостенностью, комковатым пористым тестом сиреневатого оттенка и веретенообразным туловом (Якобсон, 1979. Рис. 68; Романчук и др., 1995. Табл. 34, 36, 41, 43, 44, 58). Поверхность тулова покрывалась мелким и частым бороздчатым рифлением, выполнявшимся гребенкой (род линейного орнамента), а затем облицовывалась светлым

или бледно-зеленоватым ангобом. Массивные ручки, округлые в сечении, высоко поднимались над краем горла (рис. 5, *3*) и имели очень крутой перелом. Прикреплялись они к самому краю горловины, разрывая небольшой слабопрофилированный венчик. Весьма существенным признаком типа являлась формовочная масса ручек, отличавшаяся от остального тулова наличием большого количества органической примеси (навоза), фиксирующейся по крупным пустотам, сохранившим форму травинок, соломы, округлых включений. На территорию Руси эти амфоры перестали поступать уже с начала XIII в. (после 1204 г.) (Волков, 1996. С. 94–95).

Тип 3 был представлен тонкостенными амфорами небольшого размера (высотой около 30 см), формовочная масса тулова и ручек которых, а также профилировка сосудов были близки амфорам типа 2 (рис. 5, *4*). Такие амфоры бытовали во 2-й половине XIII в.

Относительно мест изготовления амфор групп I и II в настоящее время имеются две противоположные гипотезы. Согласно первой, выдвинутой И.В. Волковым, производство амфор группы I связывается с окрестностями Трапезунда, где существовал крупный центр виноделия и экспорта вина, а амфор группы II – с окрестностями Никеи и ее портом Триллией[97] (Волков, 1992. С. 147, 153; 1996. С. 90–93, 97; 2001. О происхождении... С. 203–205). Вторая гипотеза, высказанная турецкой исследовательницей Н. Гюнсенин, и поддержанная рядом российских и зарубежных археологов, исходит из предположения об изготовлении амфор группы I на побережье Мраморного моря в непосредственной близости от Константинополя (в частносте, в Ганосе). Однако достоверных свидетельств амфорного производства XII–XIV вв. (гончарные горны, печной припас, бракованные сосуды) в этом месте пока не найдено. Поскольку основной аргумент гипотезы И.В. Волкова (о Трапезунде как крупнейшем производителе вина в Причерноморье XII–XV вв.) не был опровергнут его оппонентами, именно она представляется нам наиболее обоснованной.

Группа III – маломерные (высота – не более 35 см, максимальный диаметр 15–20 см) амфоры, изготовленные из хорошо обожженной неожелезненной (белой) или слабоожелезненной (желтой) глины с включениями мелкого песка и слюды, имеющие удлиненные пропорции и покрытые рельефным волнообразным рифлением. Ручки прикреплены ниже края венчика, горло в месте прикрепления ручек несколько раздуто. Датируются XII – 1-й третью XII в., т.е. домонгольским временем. Происходят, вероятно, из какого-то пункта в бассейне Эгейского моря (Волков, 1992. С. 156. Рис. 6; 1996. с. 97).

Группа IV – амфоры удлиненных пропорций с высокими профилированными ручками (рис. 5, *6*) из теста с крупными грубыми минеральными примесями (кварциты, гидробиотит или метаморфизированные сланцы и др.) (Волков, 2001. Керамика... С. 136; Коваль, 1997 д), иногда покрытые вместо рифления линейным врезным орнаментом (Волков, 1994. Керамика... С. 3–8. Рис. 1, 2; 1996. С. 95–96; 2001. С. 136–144). И.В. Волков называет ее «амфорами группы клейма SSS». Различные разновидности таких амфор известны в слоях XII–XIII вв. во многих русских городах. Находки обломков амфор этой группы известны пока только в Старой Рязани. Наряду с разрозненными фрагментами, здесь обнаружены 2 развала сосудов. Один из них принадлежал к ранней (XII в.) подгруппе с удлиненной остродонной профилировкой тулова (рис. 5, *6*), а второй (рис. 4, *2*) относился к поздней (середины – 2-й половины XIII в.) плоскодонной разновидности, аналоги которой имеются в Причерноморье (Волков, 2001. С. 139, 140. Рис. 7, 8). На плече последней амфоры имелось граффито в виде буквы «В».

Группа VIII – красноглиняные амфоры небольшого размера из теста без примесей либо с примесями песка, кристаллических пород или органики. Целые формы пока на Руси не встречены. Отдельные же фрагменты найдены во многих городах

в комплексах домонгольской эпохи. По своей профилировке они близки амфорам типа 3, однако отличаются тем, что их ручки прикреплялись к краю венчика и высоко поднимались над горловиной (как у амфор групп II и IV) (рис. 5, *5*). Места производства таких амфор не известны. В Рязанской земле обломки таких амфор найдены в Старой Рязани и Пронске.

Группа X – амфоры, отличающиеся цветом и составом теста – рыхлым, беловато-желтым, зачастую с многочисленными темными включениями. Обломки амфор этой группы ранее были встречены в Белоозере, где они происходили из горизонта XII в. (Голубева, 1973. С. 102. Рис. 34, *3*). В Рязанской земле известны по нескольким обломкам из раскопок Старой Рязани.

Поскольку основная масса амфорного материала Рязанской земли происходит из Старой Рязани, целесообразно более подробно рассмотреть именно его. В настоящее время в фондах ГИМ и Рязанского музея-заповедника хранится 450 отдельных амфорных обломков и 2 целые амфоры, реставрированные из развалов (рис. 4, *2, 3*). Кроме того, по публикациям известны еще три реконструированных сосуда (Даркевич, Богусевич, 1995. Рис. 106, *1–3*).

Из табл. 2 видно, что основную массу находок в Старой Рязани составляли обломки амфор группы II («триллийские»), доля которых превышала 50%. «Трапезундских» амфор было найдено несколько меньше – 37%. Таким образом соотношение «трапезундских» и «триллийских» амфор здесь составляло 1:1,3. Между тем, по имеющимся сегодня сводным данным, амфоры «трапезундской группы»

Таблица 2

Амфорные находки из раскопок Старой Рязани

Раскопы, годы	Группы амфор								
	I (тип 1)	I (тип 2)	I (тип 3)	II (тип 2)	II (тип 3)	III	IV	VIII	X
1888		2		2					
1926		15		37			1	2	
1940-е гг.	1								
7 (1967, 1968, 1994, 1997)		8		11				1	
10 (1968)		3			1				
11 (1968)				1					
13 (1971, 1974)				2					
14 (1976, 1977)			1				1		
24 (1994–1995)		4		5			5	1	
25 (1995)		37		9	6			4	
27 (1997–1999)		57		119		16	1	3	
28 (1998–1999)		39		23		6	2	1	11
Прочие (1972, 1979, 2000)		1		12				1	
Итого	1	166	1	221	7	22	10	13	11
%		37		49	2	5	2	3	2

Примечание: В рамку выделены целые экземпляры амфор, реставрированные из развалов.

составляют 70 % находок амфорной тары на территории Руси, в то время как доля «триллийских» значительно меньше – около 20 % (Коваль, 2003. С. 350; Зоценко, 2001. С. 194). Остальные группы амфор представлены небольшим числом находок, что характерно для всех древнерусских городов.

Наибольшее число находок происходило из раскопа 27 на посаде Старой Рязани, где в 1997–1999 гг. были зафиксированы 196 определимых обломка амфорной керамики, относившихся к 5 различным группам амфор (см. табл. 3). Материалы этого раскопа представляют наибольший интерес, поскольку представляют собой компактный (территория одной усадьбы) и единый в хронологическом отношении комплекс, по которому можно составить представление об импорте амфор в Старую Рязань.

Амфорный материал раскопа 27 происходил из культурных отложений домонгольской эпохи, датированных по вещевым находкам и массовой керамике. Однако, в то время как в большинстве городов Руси обломки амфор «триллийской» группы встречаются в культурном слое в 4–10 раз реже, чем «трапезундские», здесь «триллийская» группа явно преобладает. Объяснений такому феномену может быть предложено два:

1) данное сочетание типов амфор сложилось случайно на площади одной конкретной усадьбы;

2) оно объективно характеризует особенности торговых связей Старой Рязани или даже всей Рязанской земли с Византией.

Соотношение амфор I и II групп в Старой Рязани, если рассматривать его без учета материалов раскопа 27, отличается примерно равной долей этих групп. Следовательно, в разных частях культурного слоя города это соотношение было различным, но повышенная (относительно среднего для Руси уровня) доля амфор «триллийской» группы составляет характерную особенность импорта в этот город. При этом на отдельных усадьбах (как, например, усадьба, исследованная раскопом 27) эти амфоры составляли подавляющую долю византийской тары. Таким образом, оба названных фактора, видимо, влияли на ситуацию, но второй был главенствующим.

Таблица 3

Амфорный материал раскопа 27 (Старая Рязань)

Пласты	Группы амфор							
	I (тип 2)		II (тип 2)		III		IV	V
	мелкие обломки	крупные обломки	мелкие	крупные	мелкие	крупные		
1	–	–	2	–	–	–		
2	4	2	3	1				
3	15	5	18	24	1	–	1	
4	5	6	11	12	5	2		
5	1	4	4	8	2	2		
6	8	5	14	5	2	–		3
8				1	1	1		
Из стенок	2		6	4				
Всего	35	22	64	55	11	5	1	3

Попытаемся в этой связи уточнить хронологию этих находок. Отсутствие среди них явно ранних образцов IX – начала XII в. устанавливает нижнюю границу комплекса. В то же время, по новгородским материалам И.В. Волковым было установлено, что «триллийские» амфоры перестали поступать на Русь с начала XIII в., а потому в комплексах 1-й половины XIII в. «триллийские» амфоры должны были бы отсутствовать. В нашем случае эти амфоры, напротив, явно доминируют. Следовательно, наиболее вероятной датой отложения амфорной керамики на раскопе 27 следует считать 2-ю половину XII – самое начало XIII в. Приблизительно одинаковое соотношение амфор групп I и II в пластах раскопа, а также присутствие в каждом из этих пластов обломков, принадлежавших одним и тем же сосудам, свидетельствуют о синхронности отложения данного культурного слоя на протяжении относительно непродолжительного периода.

На Руси амфоры использовались в различных целях. Главной их функцией было служить тарой для транспортировки дорогих и социально престижных пищевых продуктов («греческого» виноградного вина, оливкового масла, пряностей), а также нефтепродуктов. Собственно, именно для этой цели амфоры и производились в византийском мире. Русские граффити на амфорах подтверждают факт такого использования амфор и на Руси. Именно на амфоре из Старой Рязани сохранилось граффити «новое ***вино*** добрило послал князю Богунка» (Монгайт, 1955. Рис. 145). Амфоры могли являться также вместилищем для долговременного хранения как привезенных в них продовольственных продуктов, так и продуктов местного производства, находясь в крупных специализированных погребах – «медушах» или в небольших погребах домов аристократии, как это было зафиксировано при раскопках в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 180, 181. Рис. 117). Еще одним способом вторичного использования амфор являлось их применение в храмовом строительстве для облегчения веса сводов (в качестве «голосников»). Такие амфоры найдены в целом ряде древнерусских городов. И хотя в храмах Рязанской земель они пока не обнаружены, можно предполагать, что такие находки еще будут сделаны.

Пифосы

Пифосами называют крупные толстостенные сосуды, предназначенные для длительного хранения жидких и сыпучих пищевых продуктов (вина, масла, зерна и т.п.).

В Старой Рязани найдены обломки крупного сосуда, происходящего из комплекса домонгольского времени. Внешний вид сосуда был графически реконструирован (Даркевич, Борисевич, 1995. Рис. 106, *4*), однако полученная реконструкция не имеет сходства ни с одним из известных типов причерноморских пифосов (поскольку местонахождение этого сосуда осталось нам неизвестным, проверка достоверности реконструкции оказалась невозможной). Его форма напоминает скорее золотоордынские и среднеазиатские плоскодонные хумы (которые вообще никогда не транспортировались на дальние расстояния) либо древнерусские корчаги. Таким образом, данную находку мы не можем с достоверностью относить к группе импортной керамики.

Вместе с тем, на территории Рязанской земли (в ее границах XIII–XIV вв.) имеется и одна не вызывающая сомнений находка пифоса причерноморского происхождения. Она происходит из заполнения погреба XIII в., обнаруженного в г. Лебедянь при проведении строительных работ, причем совместно с амфорой группы I (типа 2). Место находки располагалось на неукрепленном поселении, примыкавшем к участку, на котором можно предполагать размещение древнерусского городища. К сожалению, случайный характер находки не позволяет провести надежное датирование вмещавшего ее комплекса.

Сфероконусы («турундж», «симоб-кузача»)

Сфероконусами называют небольшие толстостенные сосуды подшарообразной или вытянутой формы с заостренным дном и узким горловым отверстием, предназначавшиеся для перевозки ртути, благовоний, лекарств и других дорогостоящих препаратов (Лунин, 1961. С. 255–266; Михальченко, 1974. С. 46; Волков, 1994. С. 97, 98). В Средней Азии в начале XX в. их называли «симоб-кузача» («кувшинчик для серебряной воды»). В эпоху средневековья на Ближнем и Среднем Востоке бытовало и иное название этих сосудов, сохранившееся в трактате XII века «Описание ремесел», оставленном Кубайшем Тифлиси – «турундж» (т.е. лимон) (Валиуллина, 1997. С. 20, 21).

В Переяславле-Рязанском найден целый краснолощеный сфероконус золотоордынского (поволжского?) происхождения, являющийся случайной находкой (рис. 4, *1*).

Производственная керамика

Подставки-«сепая»

При изготовлении поливной посуды на Востоке и в Византии с XIII в. начинают использоваться подставки в виде треножников (триподов), которые получили наименование «сепая» («сепаи», «сепои»). Такие подставки предназначались для разделения чаш и блюд, которые собирались в высокие стопки при их установке в гончарные печи, чем достигался значительно больший выход готовой продукции за один обжиг, нежели при прежнем способе, когда сосуды устанавливались поодиночке на дно или на бок вдоль стенок горна. Такие треножники обычно имели форму трехлучевой звезды, все «лучи» которой имели небольшие выступы, которыми треножник и касался глазурованного дна сосуда, будучи поставлен на дно нижестоявшего сосуда (сосуды в стопках устанавливались вверх дном). В результате после обжига выступы треножника сплавлялись с глазурью и его приходилось отрывать от него или даже откалывать. Поэтому на днищах чаш и блюд, обжигавшихся таким способом, оставались 3 пятна, где глазурь отсутствовала либо сохранились остатки выступов отбитого треножника. Практически все известные треножники-«сепая» были изготовлены из красножгущейся глины.

В русском гончарном производстве поливной посуды подобные треножники не применялись (об этом свидетельствует отсутствие их следов на днищах поливных чаш и других сосудов XI–XVI вв.). Между тем, в Старой Рязани обнаружены 3 различных треножника (два фрагментированы), отличавшиеся по размерам (длина лучей колебалась от 4 до 5,5 см)[98] (рис. 6). Находки были сделаны в 1899 г., вероятно, при раскопках, проводившихся А.И. Черепниным на Южном городище (Монгайт, 1955. С. 10). Все треножники были изготовлены из плотной красной глины с примесью мелкодисперсного песка, визуально почти не фиксируемого. Признаки использования этих предметов в производстве поливной керамики отсутствуют (таковыми признаками можно считать капли глазури на поверхности треножников и повреждения на их выступах, соприкасавшихся с глазурованными поверхностями). Таким образом, старорязанские «сепая» в работе не были, а потому не могут быть свидетельствами производства восточной поливной посуды на территории этого города.

Поскольку, как сказано выше, подобные треножники в русском гончарстве не известны, остается предположить, что они были привезены в столицу Рязанской земли каким-то восточным гончаром, который, вероятно, не успел или не сумел наладить здесь свое производство. Форма старорязанских «сепая» весьма своеобразна и существенно отличается от большинства известных образцов таких изделий тем, что каждый из их «лучей» имел заостренное ребро (в большинстве случаев «сепая» старались делать уплощенными). Тем не менее, аналогичные по форме

«сепая» известны: массовые их находки (224 экз.) происходят из Биляра (столицы Волжской Булгарии) (Кокорина, 1986. С. 68. Рис. 3, *4*, *8*, *9*), кроме того, они найдены в Азове (средневековом Азаке) в комплексе гончарной мастерской XIV в. (Перевозчиков, 1993. С. 214–217. Рис. 8, *16*). Билярские «сепая» датированы X – началом XIII в. (Кокорина, 1986. С. 68)[99]. По нашему мнению, наиболее вероятным является вариант привоза этих предметов в Старую Рязань гончаром из Волжской Булгарии в XIII в.

Хронологическое распределение восточных керамических импортов представляет особенно большой интерес. Сразу же отметим, что до XII в. поливная керамика из стран Востока (включая Византию и Причерноморье) на территорию Рязанской земли практически не поступала[100]. Лишь в IX–XII вв. в Поочье стали проникать амфоры византийского культурного круга. Этот импорт следует связывать с христианизацией Руси: строительством в городских центрах храмов и организацией монастырей (исполнение православной литургии немыслимо без совершения обряда причастия, требующего использования красного виноградного вина). Ввоз вина мог осуществляться в тот период только из Причерноморья, где оно и производилось, при этом условия русско-византийских договоров предусматривали проведение торговых сделок в Константинополе. В Рязанскую землю византийское вино ввозилось, очевидно, в основном по Донскому пути, как самому удобному и короткому. Доказателством функционирования этого пути еще в XI в. является существование на протяжении 2-й половины X – 1-й половины XI в. русского города Белой Вежи (на месте хазарского Саркела), контролировавшего его трассу, а также динамичное развитие в XI в. Тмутараканского княжества, во владении которого находился вход в Азовское море, т.е. начало Донского пути. Из поливной посуды XI – начала XII в. могут быть диагностированы лишь два обломка египетсткой люстровой майолики, обнаруженные в Старой Рязани. Лощеная красноглиняная керамика Волжской Булгарии ввозилась по Оке во все крупные и многие мелкие славянские поселения начиная с XI в.

В середине XII в. началась активная миграция южнорусского населения в бассейн р. Оки, приведшая к экономическому подъему Рязанской земли, формированию многочисленных городских центров. Вероятно, именно этот рост экономического потенциала привел к изменениям в характере восточного керамического импорта. Прежде всего, это заметно по появлению глазурованной керамики Ирана и Сирии. Основной массив иранского импорта попал в Старую Рязань не ранее последней четверти XII в. Как раз в это время в Иране началось производство люстровых фаянсов – сосудов, покрытых высокохудожественной росписью, получивших широкое распространение в городах Среднего Востока. Очевидно, что до появления такой керамики в самом Иране она не могла попасть на Русь. Следовательно, скорее всего, иранские люстровые сосуды стали ввозиться на Русь только в конце XII в. Между тем, после разгрома монголами Средней Азии и Ирана в 20-х гг. XIII в. производство люстровой кера-

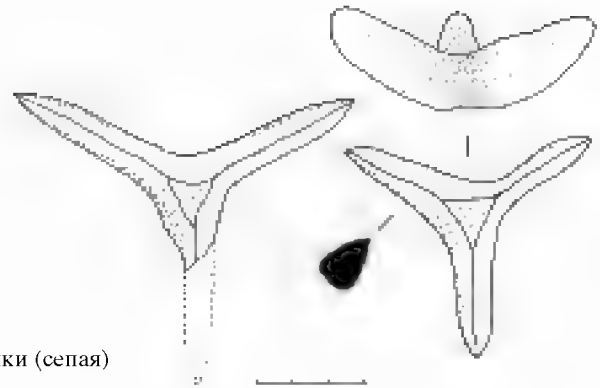


Рис. 6. Керамические треножники (сепая) из Старой Рязани

мики там было свернуто. Таким образом, период импорта на Русь иранских люстровых фаянсов может охватывать не более 30–40 лет, а фактически он охватывал, вероятно, гораздо более узкий промежуток времени. Вместе с люстровой керамикой из Ирана ввозились и другие разновидности художественной парадной посуды, например, фаянсы типа «минаи», найденные в Старой Рязани и на Лавском поселении в Верхнем Подонье.

Наряду с иранской керамикой и одновременно с ней ввозилась и керамика Сирии: это люстровые полуфаянсы, полуфаянсы типа «лакаби» и некоторые другие образцы художественной керамики. Возможно, именно в это время в Старую Рязань попало сирийское блюдо типа «русафа», относившееся к числу исключительных редкостей, практически не известных за пределами Ближнего Востока. Сирийская керамика могла ввозиться в Рязанскую землю из Ирана, куда она попадала по торговым путям внутри империи сельджуков, однако более вероятной представляется ее доставка через Черное море и Византию русскими паломниками, отправлявшимися в Святую землю (паломническое движение на Руси в XII – 1-й трети XIII в. было весьма заметным).

После Батыева нашествия объемы и направления импорта восточной керамики на Русь существенно изменились. Прекратился массовый импорт византийских амфор с вином (при этом на протяжении 2-й половины XIII в. такие амфоры в ограниченном количестве продолжали ввозиться в крупнейшие города региона – Старую Рязань и Переяславль-Рязанский). В то же время, объем импорта поливной керамики из причерноморского региона не только не сократился, но даже вырос. Однако, если раньше византийско-причерноморскую керамику привозили русские паломники и купцы, то теперь ее везли с собой завоеватели, обосновавшиеся на Руси (ордынские чиновники: данщики, численники, баскаки). Впрочем, такую посуду могли привозить с собой и русские, отправлявшиеся в Орду (князья, их послы-бояре, купцы). При этом до образования золотоордынских городов и начала производства в них глазурованной керамики (т.е. до середины XIV в.) дефицит красивой столовой посуды мог восполняться только поставками из Причерноморья и стран Ближнего и Среднего Востока.

Основной объем импорта восточной глазурованной керамики на Русь приходится на 2-ю половину XIV в. Причина резкого роста этого импорта кроется не только в росте богатства князей, боярского сословия и купечества, но главным образом в появлении совсем рядом с границами Руси мощного производственного центра, наладившего выпуск художественной керамики. Таким центром стали города Поволжья, где уже в середине XIV в. объем производства глазурованной керамики стал настолько значительным, что ею были почти полностью вытеснены с рынка все привозные разновидности поливной посуды. По-видимому, именно в этот период в Рязань попали и несколько китайских селадоновых чаш. Вероятно, золотоордынская керамика ввозилась в Рязанскую землю уже не только в качестве личного имущества аристократии и купцов, прибывавших из Орды, но и как товар для продажи состоятельному населению в городах.

Наряду с поливной керамикой, в золотоордынский период начинается заметный импорт высококачественной неполивной столовой посуды (кувшинов), в том числе, украшенной лощением, производившейся в Волжской Булгарии и Подонье. Такая керамика составляла заметную долю в посуде поселений на Рязанском пограничье, впрямую контактировавшем со степным миром, но известна она и в центральных городах – Старой Рязани, Переяславле, Ростиславле.

В XV в., с крушением поволжских центров Золотой Орды, объем импорта восточной поливной посуды резко сокращается. В это время еще продолжала ввозиться полумайолика из городов Северного Причерноморья, торговые связи с которыми в то время оставались достаточно стабильными. Судя по находкам в Моск-

ве, Коломне и Переяславле-Рязанском, поливная керамика ввозилась тогда еще в заметном количестве.

Определенный интерес представляет рассмотрение керамических находок в каждом из крупнейших центров Рязанской земли. Интересные данные представляет сравнение количества находок поливной и неполивной импортной керамики в различных городах.

Таблица 4

Восточная керамика в крупнейших городах Рязанской земли

Число образцов	Глазурованная керамика			
	Всего	Фаянсы и полуфаянсы	Майолика и полумайолика	Амфоры
Старая Рязань	105	85	20	>450
Переяславль-Рязанский	78	32	42	11
Ростиславль	5	3	2	10
Пронск	12	8	4	48

Из табл. 4 видно, что основная масса находок восточной керамики происходит из Старой Рязани и Переяславля – столичных центров рязанской земли. Существенно меньше находок в Пронске, ставшем удельным центром в XIV в. и Ростиславле, лишь недолгое время (в XIV веке) претендовавшем на ведущую роль в княжестве. Разница в числе находок амфорной керамики сразу же показывает, что в домонгольскую эпоху статус Переяславля был гораздо ниже, чем у Старой Рязани. Напротив, в золотоордынскую эпоху значение Переяславля повышается. Это изменение демонстрируют данные табл. 5.

Таблица 5

Находки восточной поливной керамики в крупнейших городах Рязанской земли

Число образцов	Восточная глазурованная керамика	
	Домонгольская эпоха	Золотоордынская эпоха
Старая Рязань	84	21
Переяславль-Рязанский	2	76
Ростиславль	–	5
Пронск	–	12

В то время как в Старую Рязань восточная поливная посуда ввозилась в основном в домонгольский период, в Переяславле-Рязанском известны пока только 2 мелких обломка керамики этого времени. Зато в золотоордынскую эпоху Переяславль выходит на первое место, тогда как в Старой Рязани число подобных находок резко сокращается. Эта смена направлений импорта иллюстрирует изменение в статусе городов – столица княжества и его основной торговый центр перемещаются из Старой Рязани в Переяславль. Судя по находкам дорогой восточной посуды, этот перенос столицы должен был произойти в конце XIII – начале XIV в., поскольку и в Переяславле, и в Старой Рязани известны находки импортов 2-й половины XIII в., однако с начала XIV в. такие находки становятся в Старой Рязани единичными, а в Переяславле – массовыми.

Что касается Ростиславля и Пронска, то здесь вообще не известна восточная керамика домонгольской эпохи, а все находки таких импортов относятся к золотоордынскому периоду.

Старая Рязань

Восточная (в первую очередь – иранская) керамика из Старой Рязани относится к числу наиболее известных образцов импортов. Однако, как показывает сравнение с городами Северо-Восточной Руси, этот импорт не составлял какого-то исключения из правила. Иранские люстровые фаянсы ввозились на рубеже XII–XIII вв. не только в Старую Рязань, но и во Владимир, Тверь, Ярославль, а также, вероятно, и в другие города. Импорт восточной керамики в Старую Рязань не прекратился и в последующем. Для 2-й половины XIII в. здесь известны находки сирийской люстровой керамики и византийской полумайолики. Ввозилась в Старую Рязань и золотоордынская поливная посуда, производившаяся во 2-й половине XIV в. (полуфаянсы с подглазурной полихромной росписью), присутствующая во всех более или менее крупных городах Руси этого периода. Правде, такие находки здесь единичны, но они все же могут свидетельствовать о том, что до конца XIV в. Старая Рязань оставалась значительным городом, хотя и потерявшим статус столицы княжества, а вместе с ним и часть своего экономического потенциала. Тем не менее, город с подобными находками, относившимися к дорогой престижной домашней утвари, никак нельзя считать запустевшим, как представлялось до недавнего времени.

Особую проблему составляет сама датировка находок восточной керамики из Старой Рязани. До настоящего времени основанием для такой датировки служила единственная публикация керамических импортов, в которой констатировалась принадлежность всех опубликованных образцов исключительно к домонгольской эпохе (Даркевич, Стародуб, 1983). Однако проведенная нами проверка оснований для предложенных дат показала более сложную картину (табл. 6) – большинство находок, как оказалось, не могли быть датированы по стратиграфическому контексту, т.е. с методической точки зрения связывать их с домонгольской эпохой недопустимо.

Таблица 6

Восточная поливная керамика из Старой Рязани (находки 1960–70-х гг.)

№ образца по публикации*	№ образца в ГИМ (опись 2605)	Адрес находки по шифру на образце**	Адрес находки по описям РМ***	Примечания: принадлежность находок к комплексам. Номера комплексов по публикациям****
1	2	1972–XIIIв–77	1972–XIV–212–КС–3/51–217	Вне комплексов
2	1	1976–XVII–25	1975–XIII–17–КС–1/554–3	Над постройкой Л-1
3	3	1972–XIV–217	1970–XIII–Я.20–3/19,25–23	13-П-1
4	4	1972–XIIIа–134	1972–XIIIа–134–Зм.1а–3/154–58	13-В-4
5	5	1976 – случ. на-ходка – 22	В описи отсутствует	
6	6	1975–XVII–86	1975–XIII–17–КС–1/554–3	Над постройкой 13-Л-1. См. № 2 (в описи под одним номером записаны 2 находки)
7	6а	1976–XVII–68	1975–XVII–?–2/82–86	В описи под № 68 восточная керамика не числится
8	11	1974–XVII–106	1974–XVII–107–КС–1/44–106	Вне комплексов
9	14	1971–XIV–90	В описи № 90 отсутствует	
10	13	1971–XIII–30	1971–XIII–9–КС–1/56–30	Вне комплексов
11	12	1970–XIIIв–23	1972–XIIIв–77–КС–бровка/225–64	Вне комплексов
12	17	1970–VII6–21	1970–VII6–21–КС–2/12–20	Вне комплексов
13	16	1971–XIII–9	1971–XIV–90–КС–3/16–14	14-А-4 (?)
14	7	1977–XXII–35		В описи под № 35 – стеклянная бусина
15	8	1972–XIIIг–90	1972–XIIIг–90–КС–2/241–60	Вне комплексов, над постройкой 13-В-4
16	10	1971–XIII–108	1971–XIII–108–КС–2/62–48	Вне комплексов, рядом с постройкой 13-В-4

17	9а	1967–VII–225	1967–VII–225–?/О-8–105	«Верхний строительный ярус», погибший в 1237 г.
18	9	1971–XIII–42	1971–XIII–40–КС–1/76–7	Вне комплексов
19	18	1973–XIV–84	1973–XIV–84–КС–1/71–82	Вне комплексов
20	19	1978–XX–28	1978–XX–КС–1/29–28	Над слоем 11 века
21	21	1973–XIII–299	1973–XIII–299–Я.1–24	На чертежах – 3 ямы под № 1. Ни в одной нет находки № 24
22	20	1973–XIII–297	1973–XIII–297–КС–2/389–2	Вне комплексов. На плане находка не отмечена.
23	23	1977–XXII–36	?	В описи предмет отсутствует
24 а,б	15, 22	1973–XIV–83	1973–XIV–83–КС–5/54–81	Вне комплексов. 2 обломка от одной чаши
25	36	1973–XIV–85	1973–XIV–85–КС–1/90–83	Вне комплексов
26	26	1968–VII–51	1968–VII–53–«ров»–9/Ж-4–51	«Ров» вдоль края площадки города
27а	24	1973–XIII–298	1973–XIII–298–Я.1–кв.369–30	Постройка 13-А-1. Согласно чертежам происходит не из ямы 1, а из столбовой ямки без номера
27б	25	1968–VII–37	1968–VII–39–«ров»–7/Б-3–37	«Ров» вдоль края площадки города
28	27	1976–XX–41	1976–XX–41–КС–2/27–28	Вне комплексов
29	30	–	?	
30	31	1974 – № 45–случ. находка	1974–№ 45 (южнее Спасского собора)	
31	33	1976 –XX–29	?	
32	32	1977–XX–85	1977–XX–85–Я. 6–№ 9	
33	28, 29	1977–XX–87	1977–XX–87–Я.6–№7	
34	37	1977–XX–88	1972–XIII–?–КС–1/238–3	Вне комплексов, над постройкой В-4
–	34	?	1967–VII–342	На плане раскопа не показан
–	35	?	1971–XIII–110–КС–2/87–?	
–	38	?	1972–XIII–133–Зм.1а–кв.174	13-Р-1

* Нумерация по рис. 1 из публикации В.П. Даркевича и Т.Х. Стародуб (Даркевич, Стародуб, 1985).

** Состоит из года раскопок – номера раскопа – номера находки по описи (соответствует шифру, приводимому в публикации В.П. Даркевича и Т.Х. Стародуб).

*** Установлен по иллюстрированным описям, хранящимся в Рязанском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике путем сверки рисунка в описи с изображением образца в публикации. Состоит из года раскопок – номера раскопа – номера по описи – названия комплекса (Я – яма, П – постройка, Зм – землянка, КС – культурный слой на площади раскопа) – пласта/квадрата – полевого номера.

**** Установлен путем сверки полевых чертежей со схемами раскопов и номерами комплексов в сводных публикациях раскопок Старой Рязани (Даркевич, 1974; Даркевич, Борисевич, 1995).

Из табл. 6 хорошо видно, что паспортные данные находок восточной поливной керамики, приведенные в статье В.П. Даркевича и Т.Х. Стародуб оказались зачастую недостоверны или перепутаны. Так для образца № 1 был указан шифр, относившийся в действительности к образцу № 11. В свою очередь, для образца № 11 был указан шифр, принадлежавший образцу № 3. Соответственно, для образца № 3 был указан шифр, относившийся в действительности к образцу № 1. Такая же путаница произошла с шифрами образцов № 2, 6, 7, 9, 13, 34. Многих находок вообще нет в описях, сданных в Рязанский музей (№ 2, 5, 7, 9, 14, 23). Часть номеров находок, приведенных в публикации, относится к описям (№ 1, 4, 12, 15–19, 21, 22, 24, 25, 27а, 28, 32, 33), тогда как для других приводятся полевые номера (№ 3, 6, 8, 10, 11, 14, 20, 23, 26, 27 б). Образец № 29 вообще не упомянут в тексте статьи, не приведен и его шифр. Таким образом, почти для 1/3 всех образцов, фигурирующих в указанной статье, приведены неверные шифры, а в шифрах большинства остальных также имеются различные неточности. Очевидно, что подобными данными пользоваться невозможно.

Для идентификации опубликованных образцов была проведена работа, результаты которой представлены в таблице 6. Для большинства находок удалось по

описям и чертежам раскопов установить их истинные шифры. К сожалению, низкий уровень фиксации и недостоверность некоторых отчетных данных (противоречия описей чертежам или текстам отчетов – см. № 21, 27а) не позволяют с полным доверием относиться и к этим результатам. Тем не менее, отметим, что из 34 образцов восточной керамики, рассматривавшихся в статье, в условно-закрытых комплексах (ямах, постройках) были найдены только 7 обломков керамики (№ 3, 4, 13, 17, 26, 27а, 27б). Все остальные находки встречены в культурном слое, т.е. в переотложенном состоянии. Не случайно среди этих находок нет ни одного склеивающегося развала сосуда.

Хотя для 7 находок установлено их происхождение из условно-закрытых комплексов, датировка последних по данным отчетов и публикаций не вызывает доверия, поскольку массовый керамический материал из них не только не был статистически обработан и хотя бы в минимальной мере представлен в отчетах, но там отсутствуют даже прорисовки избранных образцов керамики. Предложенные автором раскопок датировки, не базирующиеся на керамическом материале, не могут быть признаны достоверными. Многочисленные тому примеры дает публикация материалов раскопок (Даркевич, Борисевич, 1995), в которой к числу домонгольских отнесены яркие комплексы с керамикой и вещами XIV и XV вв., например, постройки 13–В–1, 13–В–5, 14–Б–3; 17–1, 20–А–4 (Даркевич, Борисевич, 1995, Табл. 18, *4*; 25, *2, 7*; 65, *12*; 84, *4*; Рис. 117). Не исключено, что и другие комплексы, отнесенные к числу домонгольских, в действительности датировались более поздним временем.

Таким образом, имеющиеся сегодня данные не позволяют рассматривать датировки находок восточной керамики и амфор из раскопок Старой Рязани 1970–1980-х гг. в качестве достоверных и ориентироваться на них в практической работе. Надежными мы можем признать только даты вещей из раскопок 1990–2000-х гг., основанные на анализе массового керамического материала в комплексах.

Переяславль-Рязанский

Даже при тех небольших по масштабам работах, которые проводились в этом городе, удалось собрать интересную и достаточно объемную коллекцию восточной поливной и неполивной посуды (Коваль, Судаков, 1996). Прежде всего, обращает на себя внимание почти полное отсутствие восточной керамики домонгольской эпохи (за исключением амфор византийского культурного круга). КВП золотоордынской эпохи из Переяславля имеет несколько существенных отличий:

1) Здесь обнаружено относительно большое количество керамики византийского происхождения, датирующейся в пределах 2-й половины XIII – начала XIV в., в других русских городах представленной довольно слабо. Возможно, эта керамика свидетельствует о резком повышении статуса города в конце XIII или начале XIV в., когда он стал фактической столицей Рязанской земли.

2) Золотоордынская керамика поволжского происхождения 2-й половины XIV в. представлена в Переяславле достаточно ярко. Интересно присутствие заметного количества обломков китайских селадоновых чаш и блюд, привозившихся на Русь из Орды. Селадоны известны и в других крупных городах Руси – Москве, Новгороде, Твери.

3) В Переяславле обнаружены образцы керамики причерноморского происхождения, датирующиеся XV в. Подобная керамика ввозилась в это время только в Москву и Коломну. Такие находки могут свидетельствовать о самостоятельных торговых и политических связях Рязани с Крымом, откуда и привозилась эта керамика.

Пронск

Количество находок восточной керамики в этом городе крайне невелико (см. табл. 4, 5). Можно лишь отметить заметное число обломков византийских амфор

XIII в. и присутствие золотоордынской художественной посуды 2-й половины XIV в. (как поливной, так и неполивной «штампованной»). Эти находки указывают на то, что именно в этот период статус города стал наивысшим.

Ростиславль

В Ростиславле пока найдено небольшое число восточных импортов, однако среди них присутствует уникальная находка – развал иранской люстровой чаши 2-й половины XIII – 1-й половины XIV в. (Коваль, 1998 в. Рис. 1). Наиболее вероятной датой отложения комплекса является рубеж XIII–XIV вв. или 1-я половина XIV в. Именно в это время Ростиславль выдвинулся как центр удела в составе Рязанского княжества. В 1342–1344 гг. этот город даже был фактической столицей Рязанского княжества (здесь устроил себе резиденцию пронский князь Ярослав Александрович, сумевший на время захватить великое рязанское княжение).

Проведенное исследование восточной керамики в рамках только одного из регионов Древней Руси – Рязанской земли – показывает, что эта категория памятников материальной культуры еще далеко не полностью изучена, а ее использование в историко-археологических штудиях позволяет получить новую важную информацию о социально-экономических процессах, протекавших в средневековых русских землях.

Примечания

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить всех исследователей, предоставивших автору свой материал для изучения: А.В. Чернецова (Москва), В.В. Судакова (Рязань), Н.А. Тропина (Елец). Благодарю также сотрудников музеев Москвы (Н.И. Асташову – ГИМ) и Рязани (Е.В. Буланкину – РИАМЗ) за оказанную помощь в работе.

[2] Если на одном сосуде применялась сразу прозрачная и непрозрачная поливы, класс изделия определялся по характеристике поливы на лицевой стороне изделия (т.е. на внешней поверхности кувшинов или иных сосудов закрытой формы и на внутренней поверхности чаш, блюд и т.п.).

[3] Кашин разделяется на твердый, мягкий и рыхлый (рассыпчатый). Глины различаются по цвету (красные, светлые и белые) и наличию естественных (песок) и искусственных (шамот, органика) примесей.

[4] Адреса находок по образцам, опубликованным В.П. Даркевичем и Т.Х. Стародуб, приведены в табл. 6. Кроме того, они указаны в цитируемой публикации.

[5] См. ниже экскурс в историю изучения старорязанских люстровых изделий (с. 512–514).

[6] 1997–27–49. Здесь и далее указываются шифры образцов, состоящие из аббревиатуры названия музея, в котором они хранятся (ГИМ – Государственный исторический музей, МИГМ – Музей истории города Москвы, РМ – Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник) – коллекционнго номера – года раскопок – номера раскопа – номера по описи в отчете. Отметим, что у ряда образцов коллекционные номера и номера по описи отсутствуют.

[7] РМ–А807/666–1988–1–6627

[8] Исторически «ильханский» период в Иране охватывает 1256–1353 гг.

[9] МИГМ–1997–1–21.

[10] РМ–1967–7–92.

[11] РМ–1995–25.

[12] Находка любезно показана нам Н.А. Тропиным.

[13] РМ–1995–24–120, 151 и 54. У последнего образца внутренняя поверхность была покрыта бирюзовой глазурью.

[14] РМ–1995–24–50; 1997–7–69; 1999–28–30, 92.

[15] 2000–ул. Некрасова, 24–б/№.

[16] МИГМ–1998–1–7.

[17] РМ–1969–152; 1971–8–350.

[18] МИГМ–1997–1(Рст-3)–177; 2000–1–23.

[19] РМ–1970–4–56.

[20] РМ–1987–1–458, 472; РМ–А807/622–1–179.

[21] РМ–1995–24–125.
[22] ГИМ–2605/35–1971–13–110.
[23] В данной публикации глазурь ошибочно определена как непрозрачная. Приведенные авторами отдаленные аналогии с Хорасанскими и Гурганскими находками люстров не доказывают происхождения такой керамики из Прикаспия, где не найдены следы производства люстровой керамики. Главное значение для определения места изготовления этой керамики имеют ее технологические особенности, в частности, применение прозрачной глазури в качестве основы для росписи люстром.
[24] РМ–1998–28–119.
[25] РМ–1988–1–770.
[26] РМ–А664а/216–1955–1–5.
[27] РМ–1948–2в–746.
[28] Он принадлежит к группе свинцово-щелочных глазурей с содержанием оксида свинца в пределах 10–20 % (как правило, около 15 %), к которой относились также полуфаянсы типа «лакаби» (см. ниже) и люстровые полуфаянсы (Коваль, 1997, Прил. 2, № 2).
[29] 2002–28–29, 199; 2003–28–1.
[30] ГИМ–1976–20–41.
[31] 2003–28–534.
[32] РМ–1999–29–58.
[33] РМ–1995–25–16, 33, 57, 61, 65, 68, 75, 133, 149, 150. Обломки этого кувшина были найдены в двух разновременных комплексах, датированных 1-й половиной XIII в. и XIV–XV вв. – ямах 1 и 2 раскопа 25 (Чернецов, 1995, С. 90, 95). В позднюю яму эти обломки могли попасть в результате перекопа.
[34] РМ–1971–13–142; 1995–25–87.
[35] РМ–1955–1–7, 42; РМ–1956–2–72, 98, 102, 121; РМ–1988?–б/№; РМ–А811/314–1989–1–508; РМ–А810/279, 980–1990–1–198, 387.
[36] РМ–435/357, 1184–1928; 1971–8–340.
[37] РМ–А851/103–1993–1–366.
[38] РМ–1965–2–44; РМ–1972–14–148.
[39] РМ–1955–1–4; РМ–1956–2–42, 48; РМ–А807/621–1988–1–205.
[40] РМ–1971–7–123.
[41] ГИМ–1967–VII–342.
[42] РМ–1967–7–95, 399.
[43] 2000–ул. Некрасова, д. 24–378.
[44] РМ–1969 (?)–11–44.
[45] ГИМ–2605/28–32 – 1977–20–17, 85, 87, 88; РМ–1968–10–34.
[46] РМ–1956–2–360.
[47] 2003–34– 69, 103.
[48] РМ–1994–7–15 (находка происходит из ямы 3).
[49] РМ–1967–7–221.
[50] Атрибуция и датировка чаши из Херсонеса, опубликованной А.И. Романчук, в качестве иранского изделия XIV в., неверна. По нашему мнению, этот сосуд может связываться с производством Сирии XIII в. (Коваль, 1998 б, С. 128).
[51] РМ–1956–2–б/№; РМ–11483/194, 318, б/№–1983–1–199, 332, 288; РМ–А811/315–1989–1–508; РМ–А851/117, 118–1993–1–291, 152; 2000–ул. Некрасова, 24–182.
[52] РМ–1970–160; РМ–1971–149, 351.
[53] РМ–1999–28–348.
[54] РМ–А807/1221–1988–1–1064.
[55] РМ–1997–25–27, 105.
[56] РМ–А807/634–1988–1–584.
[57] РМ–А807/643–1988–1–834.
[58] РМ–А807/627–1988–1–337; РМ–1994–1–191.
[59] РМ–1969–141.
[60] РМ–1956–2–61, 81, 73, 105, 434, б/№; РМ–А726/554, 558, 559–1986–1–386, 124, 328; РМ–А811/317–1989–1–397.
[61] РМ–А807/648, 655–1988–1–953, 1053.
[62] Из раскопок Н.А. Тропина 1996 г.
[63] РМ–1956–2–64, 101; 1956–4–178, б/№.
[64] РМ–1999–28–205.
[65] РМ–1956–2–39.
[66] РМ–1995–25–4.

[67] РМ–1956–2–127; РМ–А807/650–1988–1–983; РМ–1994–1–324.
[68] РМ–1956–2–134.
[69] РМ–1956–2–146.
[70] РМ–А810/277–1990–1–352.
[71] РМ–А851/113–1993–1–348.
[72] РМ–А807/660–1957–4–175(15).
[73] РМ–1956–2–40; РМ–А807/657, 658–1957–4–173, 174 (2, 27).
[74] РМ–А807/637, 645, 666–1988–1–711, 838, 1057.
[75] Образец любезно показан нам Н.А. Тропиным.
[76] РМ–1956–2–54, 62.
[77] Из раскопок Н.А. Тропина.
[78] РМ–1994–7–17, 33, 55, 135, 145.
[79] Яма 14 раскопа 7а.
[80] РМ–1948–2–747–751; 1967–7–62; 1970–11–19, б/№; 1997–25–вост. траншея, б/№; 2003–28–271.
[81] РМ–486/219.
[82] РМ–1994–1–94.
[83] 2003–28–520.
[84] РМ–1956–2–53, 70.
[85] МИГМ–1999–1–27.
[86] Из раскопок Ю.Д. Разуваева 2001 г. Информация об этой находке любезно предоставлена Н.А. Тропиным.
[87] По химическому составу теста селадоны практически не отличаются от настоящего белого фарфора (La Ceramique Chinoise, 1978, P. 287).
[88] РМ–А851/104, 105–1993–1–32; 1994–1–42.
[89] РМ–А810/281–1990–1–222.
[90] РМ–1995–25 (Яма 2).
[91] РМ–1995–25–60, 94.
[92] МИГМ–1997–4–119; 2001–1–7, 87, 100.
[93] РМ–1956–2–35, 50.
[94] РМ–А726/552–1986–1–62.
[95] РМ–1970–4–58; 1971–8–390.
[96] В фонды ГИМ и РМ попали только индивидуальные находки. Большая часть массового керамического материала из раскопок 1970–1980-х гг. не сохранилась.
[97] Современный город Терилье на южном берегу Мраморного моря.
[98] РМ–КП 1210 А6/440–442.
[99] Вопрос о датировке этих предметов выходит за рамки темы данной работы, однако столь ранние даты билярских находок не могут быть приняты без специального обоснования.
[100] Мы не рассматриваем здесь импорт гончарной керамики хазарского каганата и крымских амфор VIII–X вв., известный на славянских поселениях Верхнего Дона, не входивших тогда в состав Рязанской земли и не подчинявшихся Русской державе IX–X вв.

Литература

Андреев С.И. Работы Тамбовской экспедиции // Археологические открытия 2001 года. М. 2002

Арапова Т.Б. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – 1-й четверти XVIII в. // Труды ГЭ. Т. XXVII. Л., 1989.

Баранов И.А. Полихромная керамика Сугдеи XII–XV вв. // Материалы I симпозиума по проблеме «Полвная полихромная керамика Закавказья – истоки и пути распространения». Тбилиси, 1985.

Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Бобчева Л. Сграфито керамика от Калиакра // Известия на Народния Музей – Варна. Кн. XV (XXX). Варна, 1979.

Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов // СА. М., 1968. № 4.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Булгаков В.В. Амфорные находки из Автуничей // Восточноевропейский археологический журнал. Киев, 2000. № 2(3).

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 4.

Валиуллина С.И. Исследования ремесленного комплекса алхимика и стеклодува в центре Билярского городища // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997.
Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XV вв. Ростов-на-Дону, 1989.
Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1992.
Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.
Волков И.В. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение международной торговли // Международные отношения в бассейне Черного моря в средние века. Ростов-на-Дону, 1994.
Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1996. Вып. 10.
Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменых амфор // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ, 2001.
Голубева Л.А. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. М., 1973. Вып. 135.
Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
Даркевич В.П. Отчет о раскопках на городище Старой Рязани в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р–1. № 6906.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА.1983. № 2.
Зоценко В.Н. Амфорна тара Киэво-Подолу XII – початку XIII ст. // Морська торгівля в Північному Причерномр'ї. Київ, 2001.
Искусство Ислама. Л., 1990.
Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XIV вв. М., 1981.
Кафадарян К.Г. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1982. Т. 2.
Коваль В.Ю. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1996. Вып. 1.
Коваль В.Ю. Ближневосточная поливная керамика из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997(а). Вып. 11.
Коваль В.Ю. Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX – XVII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997(б).
Коваль В.Ю. Керамика Востока в Древней Руси // Материалы VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997(в). Т. 1.
Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Фаянсы и полуфаянсы // РА. М., 1997 (г).№ 2.
Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // РА. № 3. М., 1997(д).
Коваль В.Ю. Восточная поливная керамика Ильинского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998(а). Вып. 12.
Коваль В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998(б).
Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. М., 1998 (в). № 2.
Коваль В.Ю. Кашинная керамика Золотой Орды: происхождение, технология, терминология // Поволжье в Средние Века. Нижний Новгород, 2001.
Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М., 2003.
Коваль В.Ю., Судаков В.В. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4.
Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986.
Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
Лунин Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Вып. 2.

Мазуров А.Б. Археология Коломны. М., 1994.
Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ. 1967. Вып. Е1–38.
Мальм В.А., Фехнер М.В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974.
Масленицына С.П. К атрибуции двух чаш «Минаи» из коллекции ГМИНВ // Искусство и археология Ирана. М., 1969. Вып. 1.
Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140.
Мицишвили М.Н. Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII–XIV вв. // Bulgaria Pontica. Medii Aevi. III. София, 1992.
Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49.
Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991.
Перевозчиков В.И. Гончарный комплекс XIV в. в котловане под дом быта «Юбилейный»// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов, 1993. Вып. 11.
Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.
Полное собрание русских летописей. Т. XXXII (Хроника Литовская и Жмойтская). М., 1975.
Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // САИ.1968. Вып. Е1–39.
Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
Романчук А.И., Перевозчиков В.И. Глазурованная керамика из Азова // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Екатеринбург, 1995. Ч. 2.
Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. Исследование средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4.
Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе, 1969.
Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
Тропин Н.А. Древнерусское поселение XIII–XIV веков у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк, 1996.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2.
Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.
Цыбин М.В. Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
Чернецов А.В. Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. новые открытия. 1980. Л., 1981.
Чернецов А.В. Отчет о работе Старорязанской экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 18231.
Чернецов А.В. Отчет о работе Старорязанской экспедиции за 1995 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 20870.
Шелковников Б.А. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури, из Орен-Кала // МИА. 1959. № 67.
Шитов В.Н. Старокадомское поселение // Труды Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовской ССР . Вып. 104 (Древние поселения Примокшанья). Саранск, 1992.
Шляхова В.И. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде // СА. 1980.№ 4.
Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
Atil E. Exhibition Catalogue of Turkish Art of the Ottoman Period. Washington, 1973.

Byzantina ephyalomena keramika. Athena, 1999.
Cager-Smith A. Lustre Pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London, 1985.
La Ceramique Chinoise. Fribourg-Paris, 1978.
Fehervary G. Islamic Pottery. London, 1973.
Grube E.J. Islamic Pottery of the 8th to the 15th Century in the Keir Collection. London, 1976.
Diaconu P., Baraschi S. Pacuiul lui Soare. II. Bucuresti, 1977.
L'Islam dans les collections nationales. Paris, 1977.
Islamische Keramik. Düsseldorf, 1973.
Islamische Kunst in Berlin / Museum fur Islamische Kunst. Berlin, 1971.
Kuhnel E. Islamic Arts. London, 1976.
Lane A. Later Islamic Pottery. London, 1957.
Lane A. Early Islamic Pottery. London, 1958.
Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // The Annual of the British School of Archeology at Athens. № 63. London, 1963.
Morgan C.H. The Byzantine Pottery // Corinth. Cambridge, 1942. Vol. 11.
Oriental Islamic Art. Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation. Lisboa, 1963.
Pope A.U., Ackerman P. The Ceramic Art in Islamic Times. The History // A Survey of Persian Art. Tokyo, 1964. Vol. 4.
Porter V. Medieval Syrian Pottery. Oxford, 1981.
Porter V., Watson O. «Tell Minis» Wares // Syria and Iran / Oxford Stydies in Islamic Art. Oxford, 1987. Vol. IV.
Rice D.T. Byzantine glazed pottery. Oxford, 1930.
Riis P.J., Vagn Poulsen. Les verreries et poteries medievales // Hama. Fouilles et recherches. Copenhague, 1957. Vol. IV, 2.
Soustiel J. La Ceramique Islamique. Le guide du connaisseur. Fribourg, 1985.
Thiriot J. Ceramiques fines islamiques du Midi de la France au Bas Moyen-Age // A Ceramica Medieval no Mediterraneo Ocidental. Lisboa, 1987.
Watson O. Persian lustre ware. London, 1985.
Wilkinson C.K. Iranian Ceramics. New Jork, 1963.

А.В. Пачкалов

Восточные монеты XIV–XV вв. в Рязанской земле*

В теме взаимоотношений Руси и народов Востока нумизматика – важнейший источник. Вопрос о роли монет Золотой Орды XIV–XV вв. в денежном обращении русских княжеств – сложен и имеет значительную историографию. Одни нумизматы склонны недооценивать роль восточных монет XIV–XV вв. в монетном обращении русских земель, а другие – наоборот – переоценивать ее.

В настоящее время становится очевидным, что в конце XIV в. серебряные монеты Золотой Орды в Рязанской земле играли важную роль. Именно джучидские серебряные монеты открыли этап монетного обращения на этой территории. Расположение земель Рязанского княжества на границе с Улусом Джучи определило высокую степень восточных связей Рязанской земли. Здесь находки золотоордынских монет особенно обильны.

* * *

Выдающийся нумизмат XIX в. П.С. Савельев считал, что само название «деньги» пришло в русскую монетную систему из Золотой Орды (Савельев, 1847. С. 14). Долгое время серебряные золотоордынские монеты XIV в. именовались в исследовательской литературе исключительно «дирхемами» («дирхамами»), хотя на самих серебряных монетах XIV в. их наименование никогда не указывалось. На I Международной нумизматической конференции по нумизматике монгольских государств XIII–XV вв. (Саратовская область, сентябрь 2001 г.), после выступления нумизмата из Германии, Т. Майера, был проведен «круглый стол», на котором обсуждался вопрос о наименовании джучидских серебряных монет XIV в. Мнение Т. Майера о том, что золотоордынская серебряная монета XIV в., носила название «данг» (отсюда и русская серебряная деньга), было поддержано. Не вдаваясь в данной работе во всю сложность проблемы, отметим только, что данная точка зрения находит все больше и больше сторонников. Многие нумизматы в настоящее время переходят к наименованию «данг» для серебряных джучидских монет XIV в. Таким образом, имеются основания считать, что не только термин «пул» для медных монет, но и термин «данг» (деньга) для серебряных монет, проник в русскую монетную систему напрямую из золотоордынской.

* * *

Перед тем как рассмотреть находки монет Золотой Орды на землях Рязанского княжества рассмотрим гипотезу о возможности чеканки в Рязани в начале XV в. серебряных золотоордынских монет с именем султана Пулада (810 или 815 г. х.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия отечественной науке. Программа «Лучшие аспиранты РАН».

= 1407–1408 гг. или 1412–1413 гг.)*. Речь идет о монетах, чеканенных в «Раджане».

Монетный двор был выделен Х.М. Френом в начале XIX в. Исследователь сомневался в правильности чтения: Раджар, Рахар, Раджан – некоторые из вариантов (Fraehn, 1826. P. 371; Френ, 1832. С. 46, № 296). Вслед за «Нестором золотоордынской нумизматики» монетный двор Раджан (Раджар, Рахан, Дахар) упоминали и другие нумизматы XIX–XX вв., но местоположения его не указывали (Erdmann, 1834. P. 530–531; Krehl, 1856. P. 39; Савельев, 1858. С. 312; Ghiron, 1878. P. 54; Марков, 1896, № 1403–1404; Codrington, 1904. P. 158; История Татарии.., 1937. С. 57; Agat, 1976. P. 53; Мухамадиев, 1983. С. 120 и др.).

Г.А. Федоров-Давыдов первоначально также выделял Раджан, отмечая, что локализация двора неизвестна (Федоров-Давыдов, 1960. С. 189). В дальнейшем исследователь изменил точку зрения, посчитав, что «Рачан» – искаженное слово «Булгар» (Мухамадиев, 1983. С. 121 прим. 25)**. В.П. Лебедевым был проведен поштемпельный анализ дирхемов Пулада. Было установлено, что осмотренные штемпели типа «Раджан» входят в единую сетку с булгарскими штемпелями, что также свидетельствует в пользу отождествления Раджана и Булгара (Лебедев, 1994. С. 60). По Ф.Б. Шармуа, Раджан – искаженное Маджар (Charmoy, 1837. P. 269). С палеографической точки зрения эта версия оправдана, но, если учесть, что на Северном Кавказе в начале XV в. монетное обращение почти угасло, то отождествление Раджана с Маджаром выглядит маловероятным.

Раджан монетных легенд считали Рязанью как востоковеды (Soret, 1868. P. 110), так и руссисты (Ильин, 1924. С. 21). В настоящее время вопрос о Раджане остается открытым (Пачкалов, 2004. С. 178–179).

Версия о тождественности Раджана и Булгара имеет серьезные основания (монеты Раджана находят в кладах из Среднего Поволжья)(Татарстан, Чувашия, Ульяновская обл.). Однако отметим, что топография находок монет – не единственный аргумент в пользу локализации монетного двора, а дата на монетах Раджана очень близка дате похода Едигея на Русь и захвату им Рязани (1408 г.).

* * *

Находки джучидских монет в Рязанской земле рассматривались в сводах Г.А. Федорова-Давыдова (1960, 1963). После публикации указанных сводов появилась информация, как о новых кладах, так и об отдельных находках монет Золотой Орды.

На рассматриваемой территории выявлено около тридцати кладов с монетами Золотой Орды. Точное число кладов назвать трудно, т.к. некоторые клады могут оказаться раздвоенными. Например, два клада с джучидскими пулами из Ряжского уезда, найденные с коротким интервалом во времени, могут являться и частями одного клада. В сводке также могут присутствовать и ложные клады. Клад пулов, выявленный где-то в Рязанской области в 1998 г., содержит монеты большого хронологического диапазона. Для кладов с медными золотоордынскими монетами это нехарактерно. Некоторые из кладов могли состоять только из русских подражаний золотоордынским монетам, и не содержать джучидских. В то же время, число кладов с джучидскими монетами может быть и несколько большим, т.к. некоторые единичные находки могут быть частями разрушенных кладов (некоторые отдельные находки монет в Старой Рязани и в Троице-Пеленицах могут представлять собой фрагменты кладов). Имеется в сводке находок и странный клад из

* 810 г. х., на мой взгляд, более вероятная дата (г. х. здесь и далее – годы хиджры).

** Впрочем, еще в 1960 г. В.Ф. Каховский ссылался на мнение Г.А. Федорова-Давыдова, что «Раджан» – это искаженная форма слова «Болгар» (Каховский, 1960. С. 106).

Елатьмы. В этом кладе присутствуют как джучидские монеты XIV в., так и саманидские дирхемы X в. Сведения о кладе представлены в научно-популярной книге В. Горчакова (1995. С. 91). Неясно, кто производил атрибуцию монет клада, сочетание монет XIV в. с монетами X в. представляется весьма необычным. Возможно, информация об этом кладе опубликована с искажениями.

Многие клады были найдены в XIX – начале XX в., а в настоящее время они утеряны. О десяти кладах не сохранилось почти никакой информации. Неплохо известен состав кладов из Нового Березова (однако, не сохранились данные о количестве монет разных типов), Михайлова, Подсосенок, окрестностей Рязани (1992 г.), Устрани, Доброго Сота (последний клад был велик по размеру, но сохранилась информация только о части клада).

Атрибуции джучидских монет из рязанских кладов производили известные нумизматы-ориенталисты XIX–XX вв. В.Г. Тизенгаузен, О.Ф. Ретовский, А.А. Быков, Г.А. Федоров-Давыдов. С.А. Янина.

Несколько кладов поступили в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. По одному кладу хранится в Михайловском краеведческом музее, в ГЭ, в ГИМе (другие – в частных коллекциях или не сохранились).

Один из кладов (Гавердовский) был денежно-вещевым, в состав клада помимо 163 серебряных монет входили перстни, подвески, браслет, серьга. В кладе 1992 г. из окрестностей Рязани помимо монет были и два серебряных слитка-полтины, на одном из которых была русская надпись.

Около трети кладов происходят из одного района – Спасского.

Количество монет, содержавшееся в рязанских кладах, не всегда известно. Информация о многих кладах фрагментарна. В Новом Березове в 1903 г. был найден самый значительный из кладов (2345 экз. золотоордынских монет). По количеству монет клады распределяются так:

менее 100 экз. – 4 клада,
100–500 экз. – 7 кладов,
500–1000 экз. – 2 клада,
более 1000 – 1 клад.

Отдельные находки джучидских монет зафиксированы в семи пунктах (в некоторых случаях, это могут быть части несохранившихся кладов). Больше всего единичных находок отмечается в Старой Рязани (здесь же были найдены и два клада с джучидскими монетами). Следует также отметить, что в северной части посада Старой Рязани при работах 1978 г. была обнаружена и среднеазиатская медная монета домонгольского времени (хорезмшах Текеш (1172–1200 гг.) или Мухаммед б. Текеш) (1200–1220 гг.) – (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 197–198, рис. 124). Последняя монета могла находиться в обращении как в начале XIII в., так и в более позднее время, т.к. известны находки монет хорезмшахов на памятниках, не имеющих культурного слоя домонгольского времени (например, на Селитренном городище). Для Восточной Европы – это редкая находка (мне известны немногочисленные случаи нахождения монет хорезмшахов на памятниках Нижнего и Среднего Поволжья).

Среди находок джучидских монет в Рязанской земле доминируют серебряные монеты, но есть информация и о трех кладах с медными монетами (два из Ряжского у. и один из неизвестного места), известен также клад, в составе которого были как серебряные, так и медные монеты (Троице-Пеленицы). Отмечаются находки медных джучидских монет и в Старой Рязани. По данным РУАК в 1904 г. на городище было собрано двадцать джучидских пулов (Гомзин, 2002. С. 229–230). Учитывая, что ни в более раннее, ни в более позднее время находки медных монет Золотой Орды на городище не фиксировались, указанное сообщение не-

сомненно вызывает интерес. Привлекает внимание, что все двадцать экземпляров были найдены в один год. Возможно, монеты были в составе клада. Недавно был опубликован клад с медными джучидскими монетами из Рязанской области (Гомзин, 1999. С. 46–50). В кладе было около 200–300 экз. пулов. Состав клада необычен. Хронологически клады джучидских пулов обычно компактны (представлены монеты одного или нескольких смежных выпусков). В этом кладе присутствуют монеты нижневолжской чеканки от 740-х гг. х. (1340-е гг.) до 766 г. х. (1364–1365 гг.). Клад был найден случайно, точное место находки его неизвестно. Нельзя исключать, что это не клад, а собрание подъемного нумизматического материала с какого-то нижневолжского памятника, представленного находчиком в виде клада.

Обратимся к хронологии кладовых комплексов. Наиболее ранним является клад из Елатьмы (монеты от Узбека до Кульны), т.е. клад мог быть сокрыт в самом начале 1360-х годов. За ним следует клад из Ряжского уезда с пулами Хызра 762 г. х. (1360–1361 гг.). Клад пулов с младшей монетой 766 г. х. (1364– 1365 гг.), как указано выше, вызывает сомнение в достоверности состава. К 768 г. х. (1366–1367 гг.) относятся сразу два клада с джучидскми монетами (Новое Березово, Устрань) – (монеты от Токты до Пулад-Тимура). Если учесть, что в Москве (на территории Кремля) также был найден клад джучидских монет (младшая монета – 768 г. х.), близкий по составу вышеупомянутым кладам (Федоров-Давыдов, 2003. С. 89, № 97б), то можно предполагать, что сокрытие сразу нескольких кладов в русских землях в одном – 768 г. х. – явление неслучайное, а связано с какими-то определенными событиями.

Наибольшее количество кладов с джучидскими монетами в Рязанской земле относится ко времени правления султана Токтамыша (1380–1390-е годы). Не менее двенадцати кладов имеют младшие монеты только одного пятнадцатилетия – 782–796 гг. х. (1380–1381 – 1393–1394 гг.). Среди них наиболее ранним кладом является комплекс из Доброго Сота, где младшая монет чеканена в 782 г. х. от имени Булака, креатуры Мамая. Многочисленных монетных эмиссий Токтамыша в кладе нет. Данный фактор позволяет предполагать, что сокрытие клада близко времени младшей монеты. В кладах с монетами Токтамыша младшие монеты не относятся к одному году. 782, 785 или 787, 786, 789, 790, 792, 796 г. х. – даты на младших монетах в кладах времени Токтамыша. Не смотря на то, что о составе некоторых кладов мы не располагаем всей информацией, можно предполагать, что клады этого времени не тяготеют к одной определенной дате, т.е. вряд ли связаны с каким-то одним историческим событием. Среди кладов с младшеми монетами 1380–1390-х годов наиболее ранние монеты относятся ко времени султанов Токты (Добрый Сот, клад 1992 г. из окрестностей Рязани), Узбека (Кривель, Михайлов, Подсосенки, Рязань, Семион) или Джанибека (Гавердово, Исады, Старая Рязань 1931 г., Троице-Пеленицы). Последний клад из Старой Рязани по хронологии выглядит очень компактным (все три экземпляра относятся ко времени правления Токтамыша), но, возможно, это связано с тем, что сохранилась информация только о части клада. По данным сводки чекан времени Токтамыша преобладал в кладах из Михайлова, Исад, и, возможно, в кладах из Троице-Пелениц и в последнем кладе из Старой Рязани.

Это позволяет поддержать мнение Г.А. Федорова-Давыдова о том, что в конце XIV в. в Рязанских землях, как и на территории Волжской Болгарии, в денежном обращении было много монет более раннего времени (Федоров-Давыдов, 1963. С. 180). Исследователь также полагает, что в Рязанских землях «клады с младшей монетой 1380-х годов содержат до 20% монет Токтамыша.., клады с младшей монетой 1390-х годов содержат монет Токтамыша значительно больше».

К XV в. относятся только два клада с джучидскими монетами. В кладе из Заполья, помимо руских монет, присутствовали монеты от Токтамыша до конца XV в. Вызывает интерес из этого клада монета Хаджи-Тархана с именем Мухаммеда и датой 877 г. х. (1472–1473 гг.). Аналогов этой монете неизвестно. Кому из Мухаммедов может принадлежать эта монета? Возможно, дата на монете была чеканена ошибочно (такие случаи в джучидской нумизматике хорошо известны), а, возможно, монета была неверно атрибутирована. Другой клад с монетами Джучидов (атрибуция монет не сохранилась), сокрытый во 2-й половине XV в., был найден в Морозовых Борках.

Подводя итог рассмотрению хронологического аспекта состава кладов, отметим, что комплексов XIII – первой половины XIV вв. с джучидскими монетами в Рязанской земле не зафиксировано. Вероятно, проникновение джучидских монет началось только в 1360-е годы (причем не только серебряных, но и медных одновременно). Пик обращения золотоордынского серебра приходится на 1380–1390-е годы, а в XV в. обращение золотоордынских монет становится эпизодическим явлением.

География мест чекана прослеживается не для всех кладов региона. В ряде комплексов джучидские монеты встречаются вместе с русскими надчеканками и подражаниями (вероятно, русскими) – (Гавердово, Добрый Сот(?), Заполье, Ижевское, Исады, Морозовы Борки, окрестности Рязани, Рязань, Семион, последний клад из Старой Рязани).

Среди джучидских монетных дворов преобладают эмиссии нижневолжских центров (Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, а также встречаются монеты Хаджи-Тархана). Отмечаются в кладах монеты, выпущенные в Болгаре (Елатьма) и в Мохши (Новое Березово, Устронь, Добрый Сот). На серебряных монетах с именем Пулад-Тимура из рязанских кладов место чекана отсутствует. Возможно, что чеканка этих монет осуществлялась также в Мохши или в каком-то другом центре в мордовских землях, об этом свидетельствует топография находок монет Пулад-Тимура и чекан пулов с именем этого правителя в Мохши.

Монета Янги Шехра ал-Махруса была встречена в кладе из Доброго Сота. Наиболее вероятна локализация монетного двора Янги Шехр (Шехр ал-Джедид) в Молдавии, на месте городища Старый Орхей (Янина, 1977). Вместе с тем были высказаны и версии о локализации Нового Города в Крыму (Григорьев, 1994. С. 30) и в Поднепровье (Егоров, 1985. С. 85).

Встречаются в рязанских кладах монеты, выпущенные в Средней Азии. Как упомянуто выше использование монеты хорезмшахов (конец XII – начало XIII в.), найденной в Старой Рязани, также может относиться к золотоордынскому времени. Джучидский чекан Хорезма представлен в кладе из Михайлова, двух кладах из Старой Рязани, а также среди единичных находок в Старой Рязани.

Интересны факты обнаружения хулагуидской монеты 1340-х годов (клад из Нового Березова), а также и джучидской монеты султана Токтамыша, выпущенной в Шемахе (клад из Исад).

В рязанских кладах с джучидскими монетами довольно много эмиссий Крыма, Азака (Азов), однако встречаются клады, состоявшие, возможно, только из монет нижневолжской чеканки (например, клад из Семиона). В шести кладах были встречены монеты чекана Орды. Несмотря на мнение Х.М. Френа, что Орда на монетных легендах – это «местопребывание ханов или ханский лагерь, под коим не должно разуметь какое-либо определенное место» (Френ, 1832. С. 44), исследователи XX в. пытались локализовать место чекана монет Орды. Для монет Абдаллаха и Мухаммеда (Булака) возможными местами чекана оказываются Поднепровье или Приазовье, для монет времени Токтамыша локализация монетного

двора Орды пока еще вызывает вопросы. Особенно много монет Орды 1370-х годов в кладе из Доброго Сота.

Монеты Азака присутствуют в кладах из Михайлова, Нового Березова, Подсосенок, Устрани и Доброго Сота. Однако в этих же кладах много монет и нижневолжской чеканки.

«Если в 1360-х годах денежное обращение Рязанской земли детально совпадало по своему составу с денежным обращением Нижнего Поволжья, то в 1380-е годы наметились резкие различия за счет сокращения поступлений столичной монеты в Рязанские земли... Экономические связи с Нижним Поволжьем к 90-м годам XIV в. вновь на некоторое время восстанавливаются». Такую оценку денежного обращения Рязанской земли дает Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1960. С. 184).

Откуда поступало золотоордынское серебро в Рязанскую землю? Из Нижнего Поволжья или из Приазовья?

Клады, найденные в Приазовье, свидетельствуют, что во второй половине XIV в. в них преобладает местный, азовский чекан, а столичных монет было значительно меньше (клады из Азова 1962, 1977, 1997 гг.) (Пачкалов, 2002. С. 191, № 73–74, 79). В кладах второй половины XIV в. из Нижнего Поволжья монеты Азака встречаются. При этом в кладах времени Токтамыша монет Азака значительно больше, чем в кладах 1360–1370-х годов (например, Дубовка 1997, Николаевка 1988, Николаевск 1980, Селитренное 1976, Хошеутово 1989, Царев 1972). В кладах второй половины XIV в. из Рязанской земли монет Азака меньше, чем монет, выпущенных на Нижней Волге. Вероято, монеты поступали из Нижнего Поволжья, хотя нельзя исключать и притока монет из Приазовья.

В соседних областях с Рязанской кладов с джучидскими монетами значительно меньше. Значительно уступает по находкам Московская область (Колызин, 2001. С. 210–213). Даже в Нижегородской области число кладов с золотоордынскими монетами меньше, чем в Рязанской (Петров, 1997).

* * *

Дополнительным источником по монетному обращению рязанской земли в конце XIV в. могут являться джучидские монеты с русскими надчеканками (кунья мордка, буквенные надчеканки), встреченные за пределами русских княжеств. Надчеканивание джучидских монет производилось, вероятно, на территории Рязанского княжества. Интересно, что некоторые джучидские монеты, надчеканенные в русских землях, вновь попадали в Золотую Орду, в тот регион, где они чеканились, т.к. такие монеты обнаруживают в составе нижневолжских и средневолжских кладов. Монеты с русскими надчеканками на джучидских серебряных монетах находят вплоть до Кавказа.

Сводка находок джучидских монет в рязанской земле

1. Клады

Гавердово, 1947. Клад состоял из трех перстней, браслета, двух подвесок, серьги и 163 серебряных монет: монеты Джанибека и Токтамыша – 3; с надчеканкой «кунья мордка» – 1; подражания с надчеканкой «кунья мордка» – 159 (Зубков, 1951. С. 138–141; Федоров-Давыдов, 1960. С. 172, № 210).

Дегтярное, 1830. Найден клад джучидских монет. Сведений о составе клада не сохранилось (Федоров, 1928. С. 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 305).

Дегтярное, 1838. Найден клад джучидских монет. Сведений о составе клада не сохранилось (Федоров, 1928. С. 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 306).

Добрый Сот, 1985. На огороде в кубышке найдены серебряные монеты Зо-

лотой Орды (Горчаков, 1995. С. 70; Цепков, 1996. С. 467; Пачкалов, 2002. С. 192, № 82).

Сохранилось следующие монеты: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г. х. – 14; Мохши 714 г. х. – 4, г.(?) – 1; город(?) г.(?) – 1; Узбек: Сарай 713 г. х. – 1, 716 г. х. – 2, 717 г. х. – 20, 721 г. х. – 1, 727 г. х. – 1, 731 г. х. – 12, 732 г. х. – 3, 733 г. х. – 1, 734 г. х. – 2, 735 г. х. – 3, 737 г. х. – 9, по типу 731–740 гг. х. – 29, г.(?) – 8; Сарай ал-Махруса 722 г. х. – 16, г.(?) – 37; Джанибек: Сарай ал-Джедид 742 г. х. – 1, 743 г. х. – 32, 744 г. х. – 8, 745 г. х. – 27, 746 г. х. – 30, 747 г. х. – 68, 748 г. х. – 29, 749 г. х. – 10, 740-е гг. х. – 9, 750 г. х. – 1, 751 г. х. – 1, 752 г. х. – 19, 753 г. х. – 1, 754 г. х. – 1, 755 г. х. – 1, 756 г. х. – 1, г.(?) – 49; Гюлистан 752 г. х. – 21, 753 г. х. – 20, 754 г. х. – 1, 759 г. х. – 1, г.(?) – 1; Бердибек: Сарай ал-Джедид 759 г. х. – 19, 760 г. х. – 1; Гюлистан 759 г. х. – 31, 760 г. х. – 3; город(?) г.(?) – 1; Кульна: Сарай ал-Джедид 760 г. х. – 6; Гюлистан 761 г. х. – 3, г.(?) – 4; Науруз: Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 2, г.(?) – 1; Азак 760 г. х. – 2; Хызр: Гюлистан 761 г. х. – 14, 762 г. х. – 2; Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 7, 762 г. х. – 8; Орду-Мелик: Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 1; Кильдибек: Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 2; Азак 763 г. х. – 1; Мюрид: Гюлистан 762 г. х. – 1, 763 г. х. – 3, 764 г. х. – 3; Хайр-Пулад: Гюлистан 764 г. х. – 1; Абдаллах: Орда 770 г. х. – 2; Янги Шахр ал-Махруса г.(?) – 1; Азиз-Шейх: Гюлистан 767 г. х. – 6, 768 г. х. – 4; Каганбек: Сарай ал-Джедид 777 г. х. – 1; Мухаммед-(Булак): Орда 770 г. х. – 1, 771 г. х. – 2, 772 г. х. – 1, 777 г. х. – 22; Сарай ал-Джедид 782 г. х. – 1; подражания – 6; неопределенные – 3; с надченками: Джанибек: Сарай ал-Джедид 743 г. х. – 1, 747 г. х. – 2; Гюлистан 752 г. х. – 1. Монеты были определены, видимо С.А.Яниной. Клад поступил в РИАМЗ (Федоров-Давыдов, 2003. С. 88–89, № 97а).

Елатьма, 1883. Двойной клад, состоявший из саманидских дирхемов и золотоордынских монет (Узбек, Джанибек, Бирдибек, Науруз, Кулпа). Древнейшая из золотоордынских монет относится к 1323 г. (Узбек, Болгар) (Горчаков, 1995. С. 91).

Заполье, 1892. Клад из 28 целых и 22 рубленых и ломаных монет с надчеканкой «кунья мордка»: Токтамыш: город(?) г.(?) – 1; Шадибек: город(?) г.(?) – 1; Пулад: город(?) г.(?) – 1; Мухаммед: Хаджи-Тархан 877 г. х. – 1; Иван Федорович Рязанский – 46. Клад поступил в РИАМЗ, инв. № 1509 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 172, № 211).

Ижевское, конец 1970-х. Сохранилась информация об одной серебряной монете, входившей в состав клада (неопределенная джучидская монета с надчеканкой «кунья мордка»). Монета поступила в Спасский краеведческий музей (КП 3693, № 23)(Федоров-Давыдов, 2003. С. 112, № 306а).

Исады, 1929. Клад состоял из 31 серебряной монеты. Состав: Джанибек – 5; Абдаллах – 2; Азиз-Шейх – 1; Мухаммед (Булак) – 1; Токтамыш – 20; с надчеканкой «кунья мордка» – 1; подражание – 1. Старшая монета – 740 г. х., младшая – 796 г. х. Монетные дворы – Сарай, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Орда, Шемаха (1 экз.). Атрибуции А.А.Быкова. Клад поступил в ГЭ (Федоров-Давыдов, 1960. С. 161, № 158; Северова, 2000. С. 77).

Константиново, 1840. Найден клад джучидских монет в кубышке, обернутой берестой. Сведений о составе клада не сохранилось (Федоров., 1928. С. 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 307).

Константиново, 1885. Найден клад джучидских монет. Сведений о составе клада не сохранилось (Федоров, 1928. С. 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 308).

Кривель, 1904. Клад, найденный в кувшине, состоял из 300 серебряных монет 715–790 гг. х. Клад поступил в собрание РУАК (Черепнин А.И., 1904. С. 167–168; Федоров, 1928. С. 11; Федоров-Давыдов, 1960. С. 162, № 159).

Михайлов, 1956. Клад серебряных монет. Узбек: Сарай г.(?) – 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 741 г. х. – 1, 747 г. х. – 1, г.(?) – 1; Гюлистан 752 г. х. – 1; Бердибек: Гюлистан 759 г. х. – 1; Абдаллах: Сарай 768 г. х. – 1; Токтамыш: Сарай 782 г. х. – 1, 789 г. х. – 2, 796 г. х. – 1, г.(?) – 7; Азак 782 г. х. – 2, 780-е гг. х. – 1, г.(?) – 6; Хорезм 781 г. х. – 1, 782 г. х. – 1, 787 г. х. – 1; Крым 782 г. х. – 1, г.(?) – 2; Хаджи-Тархан 789 г. х. – 1; Орда 791 г. х. – 1, 792 г. х. – 1, г.(?) – 3; Орда ал-Муаззам(?) г.(?) – 2; хан(?): Сарай ал-Джедид г.(?) – 1; «с рязанской надчеканкой»: Мухаммед (Булак): Азак 777 г. х. – 1; с надчеканками: неопределеные – 1; подражания: Токтамышу – 1; неопределенные – 6. Клад хранится в Михайловском краеведческом музее (Федоров-Давыдов, 1960. С. 162, № 158а).

Морозовы Борки, 1912. Клад из 350 серебряных монет Джучидов, Василия II и Ивана III. Клад поступил в РУАК (Ильин, 1924. С. 44, № 96; Федоров-Давыдов, 1960. С. 172, № 212).

Новое Березово, 1903. Клад из 2345 серебряных монет. Состав: Джучиды: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г. х.; Узбек: Сарай 717, 722, 727, 731, 733, 734, 737 гг. х.; Азак 739, 740 гг. х.; Мохши 726 г. х.; Джанибек: Сарай ал-Джедид 742–753 гг. х.; Гюлистан 752–754, 756 г. х.; Бердибек: Сарай ал-Джедид 759–760 гг. х.; Азак 759 г. х.; Кульна: Сарай ал-Джедид 760 г. х.; Гюлистан 760–761 гг. х.; Азак 760 г. х.; Науруз: Сарай ал-Джедид 761 г. х.; Гюлистан 761 г. х.; Азак 760 г. х.; Хызр: Сарай ал-Джедид 761–762 гг. х.; Гюлистан 761–762 гг. х.; Азак 760 г. х.; Орду-Мелик: Сарай ал-Джедид 762 г. х.; Азак 762 г. х.; Кильдибек: Сарай ал-Джедид 762 г. х.; Азак 762 г. х.; Мюрид: Гюлистан 762–764 гг. х.; Абдаллах: Азак 764–765 гг. х.; Орда 766–767, 770 гг. х.; Азиз-Шейх: Гюлистан 766–768 гг. х.; Пулад-Тимур: б.м. 768 г. х.; Хулагуиды: Сулейман: город(?) 740-е гг. х.; Нуширван: город(?) 747 г. х. Атрибуции О. Ретовского. Клад поступил в собрание П.В. Зубова (Пахомов, 1957. С. 99–100, № 1882; Федоров-Давыдов, 1960. С. 147–148, № 96).

Перово, конец 1880-х. На Столбовищенском городище по информации В.И. Зубкова был найден клад джучидских монет. Сведений о составе клада не сохранилось (Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 309).

Подсосенки, 1954. Клад серебряных монет. Узбек: Сарай ал-Махруса 722 г. х. – 2; Сарай 730 г. х. – 2, 731 г. х. – 1, 730-е гг. х. – 1, г.(?) – 2, 736 г. х. – 1; город(?) 717 г. х. – 1; Джанибек: Сарай 752 г. х. – 1; Сарай ал-Джедид 741 г. х. – 1, 743 г. х. – 3, 745 г. х. – 2, 747 г. х. – 8, 748 г. х. – 4, 740-е гг. х. – 2, 751 г. х. – 1, 752 г. х. – 2, 752(?) г. х. – 2, 753 г. х. – 2, г.(?) – 2; Гюлистан 752 г. х. – 3, 752 или 753 г. х. – 3, 753 г. х. – 2, 750-е гг. х. – 1; Бердибек: Гюлистан 759 г. х. – 5; Азак 760 г. х. – 1; Кульна: Гюлистан 761 г. х. – 1; Науруз: Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 1; Гюлистан 761 г. х. – 1; Хызр: Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 1, 762 г. х. – 2, г.(?) – 1; Гюлистан 761 г. х. – 2, 762 г. х. – 2; Азак 760 г. х. – 1, 762 г. х. – 1; Орду-Мелик: Азак 762 г. х. – 1; Мюрид: Гюлистан 764 г. х. – 1, 760-е гг. х. – 1; Абдаллах: Орда 770 г. х. – 1, 770(?) г. х. – 1; Азак 760(?) г. х. – 1, 764 или 769 г. х. – 1, г.(?) – 1; Азиз-Шейх: Гюлистан г.(?) – 1; Пулад-Тимур и Джанибек: город(?) г.(?) – 1; Мухаммед (Булак): Орда 772(?) г. х. – 1, 773 г. х. – 4, 777 г. х. – 1, г.(?) – 1; Токтамыш: Сарай 782 г. х. – 1; Сарай ал-Джедид 782 г. х. – 7, 783 г. х. – 1, 787(?) г. х. – 1, г.(?) – 1; Азак г.(?) – 1; Крым 783 г. х. – 1, 785(?) г. х. – 1, г.(?) – 2; с надчеканкой: Узбек: город(?) г.(?) – 1; подражания: Мухаммеду (Булаку): 1; неопределенные: 7. Клад поступил в ГИМ, инв. № 84751 (Мельникова, 1957. С. 149, № 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 162, № 160).

Ряжский у., 1882. Сохранилась информация о двух пулах (Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 1; Гюлистан 762 г. х. – 1) (Федоров-Давыдов, 1960. С. 187, № 335).

Ряжский у., конец 1890-х. Найден клад серебряных джучидских монет. Сведе-

ний о составе клада не сохранилось (Черепнин, 1904. С. 168; Федоров-Давыдов, 1960. С. 185, № 310).

Ряжский у., конец 1890-х годов. Клад медных джучидских монет XIV в. (Черепнин, 1904. С. 168; Федоров-Давыдов, 1960. С. 187, № 336).

Рязань, 1958. На правом берегу р.Лыбедь в районе Старого базара А.С. Мариничевым был найден клад золотоордынских серебряных монет, в Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник поступило 234 экз. Старшая монета – Узбек (Сарай, 717(?) г. х., обрезан, 1 экз.); младшая – Токтамыш (Сарай ал-Джедид 796 г. х. – 5 экз.). В комплексе есть подражания, на 2 экз. надчеканка «кунья мордка», на 1 экз. (Токтамыш, Сарай ал-Джедид 1382 г.) надчеканка рязанского княжеского знака (Зубков, 1958; Пачкалов, 2002. С. 192, № 85).

Семион, 1993. В урочище «Крутая Межа» в 1 км. к северо-востоку от Толпинского городища было обнаружено несколько серебряных монет. По предположению Г.А.Федорова-Давыдова, клад или остатки клада. Сохранилась информация о пяти экз.: Узбек: Сарай ал-Махруса 722 г. х. – 1; Сарай 731 г. х. – 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 740-е гг. х. – 1; Токтамыш: Сарай ал-Джедид 792 г. х. – 1; подражание – 1 (Федоров-Давыдов, 2003. С. 99, № 161а).

Скопинский у., 1905. Найден клад джучидских монет. Сведений о составе клада не сохранилось (Мансуров, 1939. С. 150; Федоров-Давыдов., 1960. С. 185, № 311).

Спасск, 1837. Клад сребряных джучидских монет с надчеканкой «кунья модка» (Федоров, 1928. С. 5; Федоров-Давыдов, 1960. С. 172, № 214).

Старая Рязань, 1931. На городище был найден клад, состоявший из 503 серебряных монет. Сохранились сведения о 10 экз.: Джанибек: Сарай ал-Джедид 747 г. х. – 2; Гюлистан 752 г. х. – 1 (с припаянной петелькой); Хызр: город(?) 761 г. х. – 1; Абдаллах: Сарай 768 г. х. – 2; Мухаммед-Булак: Орда 773 г. х. – 1, 776 г. х. – 1; Токтамыш: Сарай ал-Джедид 782 г. х. – 1; Хорезм 789 г. х. – 1 (Федоров-Давыдов, 1960. С. 162, № 161).

Старая Рязань, до 2004. В 2004 г. местными жителями были показаны членам Старорязанской археологической экспедиции средневековые серебряные монеты, найденные в Старой Рязани приблизительно в 1980-е годы. Представленные монеты удалось сфотографировать. Обстоятельства находки неизвестны. По всей видимости, монеты были в составе клада, найденного случайно. Были показаны три следующие джучидские монеты XIV в.: Токтамыш: Сарай ал-Джедид 782 г. х. (1380–1381 гг.) – 1; Хорезм 786 г. х. (1384–1385 гг.) – 1; не определеные – 1 (с надчеканкой «кунья мордка»). Атрибуции А.В. Пачкалова.

Троице-Пеленицы, 1931. Был найден кувшин с серебрянми и медными монетами. Сохранились сведения о 15 экз.: Джанибек – 1; Хызр – 5; Токтамыш – 9. Определил В.И. Зубков (Федоров-Давыдов, 1960. С. 162, № 162).

Устрань, 1889. Клад серебряных монет. Токта: Сарай ал-Махруса 710 г. х. – 2; Узбек: Сарай ал-Махруса 722 г. х. – 3; Сарай 722 г. х. – 2, г.(?) – 28; Мохши 722 г. х. – 1; Сарай ал-Джедид г.(?) – 2 (очевидно, штемпель о.с. относится ко времени правления Джанибека); Джанибек: Сарай ал-Махруса г.(?) – 3; Сарай ал-Джедид 742 или 746 г. х. – 1, 743 или 744 г. х. – 5, 745 г. х. – 2, 746 г. х. – 9, 747 г. х. – 15, 749 г. х. – 3, 750 г. х. – 2, 752 г. х. – 4, 753 г. х. – 4, 758 г. х. – 7, г.(?) – 46; Гюлистан 752 г. х. – 14, 753 г. х. – 12, 754 г. х. – 1, 756 г. х. – 6, г.(?) – 14; Бердибек: Сарай ал-Джедид 759 г. х. – 9, 760 г. х. – 3; Гюлистан 753 г. х. – 2, 759 г. х. – 23, 760 г. х. – 1; Азак 759 г. х. – 5; Кульна: Сарай ал-Джедид г.(?) – 2; Гюлистан 760 г. х. – 9, 761 г. х. – 6; Азак 760 г. х. – 2; Науруз: Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 5; Гюлистан 761 г. х. – 8; Азак 760 г. х. – 3; Хызр: Сарай ал-Джедид 761 г. х. – 4, г.(?) – 3; Гюлистан 761 г. х. – 12, 762 г. х. – 4; Азак 762 г. х. – 2, г.(?) – 3; Орду-Ме-

лик: Азак 762 г. х. – 3; Тимур-Ходжа: Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 1; Кильдибек: Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 5, 763 г. х. – 1; Азак 763 г. х. – 2; Мюрид: Гюлистан 763 г. х. – 3, 764 г. х. – 6; Хайр-Пулад: Сарай ал-Джедид 764 г. х. – 1; Абдаллах: Сарай ал-Джедид 764 г. х. – 1; Азак 765 г. х. – 13; Азиз-Шейх: Гюлистан 767 г. х. – 1, г.(?) – 5; Пулад-Тимур и Джанибек: б.м. 768 г. х. – 4; неопределенные – 16. Атрибуции В.Г. Тизенгаузена. Клад поступил в собрание РУАК (Федоров-Давыдов, 1960. С. 148, № 97).

Точное место неизвестно (Кораблинский р-н), 1990-е. Краевед В.Антипов обнаружил на берегу р. Прони несколько серебряных монет Золотой Орды, вероятно, являвшимися частью разрушенного клада (Хроника последних находок, 2000. С. 46; Пачкалов, 2002. С. 193, № 88).

Точное место находки неизвестно (примерно в 40 км. от Рязани), 1992. А.К.Плотниковым на дачном участке обнаружен клад из двадцати серебряных монет XIV в. и двух серебряных слитков-полтин. Джучиды: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г. х.– 1; Узбек: Сарай 731 г. х. – 2, 737 г. х. – 1, г.(?) – 1; Джанибек: Сарай ал-Джадид 743 г. х. – 1, 747 г. х. – 2, 748 г. х. – 2, г.(?) – 1; Гюлистан 752 г. х. – 1, 753 г. х. – 1, 754 г. х. – 1; хан(?): Гюлистан 759 г. х. – 1; Хызр: Гюлистан 761 г. х. – 1; Токтамыш: б.м. б.г. – 2; русские княжества конца XIV в. – 2. Клад хранится у находчика. Определил Г.А. Федоров-Давыдов (Мельникова, Дядченко, 1998. С. 116; Гомзин, 1999. С. 45; Пачкалов, 2002. С. 193, № 86; Федоров-Давыдов, 2003. С. 99, № 162а).

Точное место неизвестно, 1998. Клад золотоордынских пулов (около 200 – 300 экз.). А.А. Гомзиным осмотрено 17 экз. Состав: анонимные: Сарай ал-Джедид 1340-е годы – 2 (с двуглавым орлом), 752(?) г. х. – 2, 1350–1360-е годы – 6; Гюлистан 766 г. х. – 1; Хызр: Гюлистан 762 г. х. – 4; Сарай ал-Джедид 762 г. х. – 1; неопределенные – 1 (Гомзин, 1999. С. 46–50).

2. Единичные находки

Деулино, до 2002. На месте славянского поселения, на правом берегу р. Пра, была обнаружена серебряная монета Джанибека, чеканенная в Сарае ал-Джедид в 747 г. х. (монета обрезана). Сведения А. Гомзина.

Климентовский, конец XIX – начало XX в. Известны находки джучидских монет (Федоров-Давыдов, 1963. С. 203, № 481).

Пронск, до 1963. В южной части городища была найдена монета Джанибека (Сарай ал-Джедид, 743 г. х.) – (Федоров-Давыдов, 1963. С. 203, № 482).

Рязань, 1993 и 1998. Серебряная монета Джанибека (Сарай ал-Джедид, 746 или 756 г. х.), и неясный золотоордынский пул. Сообщил А. Гомзин.

Старая Рязань. В различное время на городище были найдены джучидские монеты.

В конце XIX – начале XX в. на берегу р.Оки была найдена золотоордынская монета и монета великого князя рязанского Ивана Федоровича (Ильин, 1924. С. 44, № 101). Возможно, монеты были в составе кладового комплекса, точные обстоятельства находки остались неизвестны.

В различное время были выявлены следующие серебряные монеты: Узбек: Хорезм 719 г. х. – 1; город(?) г.(?) – 1; Джанибек: город(?) г.(?) – 1 (Федоров-Давыдов, 1963. С. 203, № 483).

По данным РУАК в 1904 г. на городище было собрано двадцать джучидских пулов (Гомзин, 2002. С. 229–230).

В 1990-е годы найдено серебряное подражание монете Токтамыша. Определил Г.А. Федоров-Давыдов (Стрикалов, 2003. С. 378, 380; Чернецов, Стрикалов, 2003. С. 28).

Сумбулово, конец XIX – начало XX в. Серебряная золотоордынская монета (Федоров-Давыдов, 1963. С. 204, № 484).

Троицы-Пеленицы, конец XIX – начало XX в. Узбек – 1, Джанибек – 2 (Федоров-Давыдов, 1963. С. 204, № 486).

Шемякино, до 1963. На городище, по сведениям В.И. Зубкова, было найдено несколько золотоордынских монет (Федоров-Давыдов, 1963. С. 204, № 487).

Литература

Гомзин А.А. Сводка кладов, найденных на территории Рязанской области в 1990–1998 гг. // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1999. Вып. 3.

Гомзин А.А. Коллекция восточных монет Рязанской губернской ученой архивной комиссии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3.

Горчаков В. Рязанские клады. Рязань, 1995.

Григорьев А.П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник СПбГУ. 1994. № 2. [Серия истории, языкознания, литературоведения].

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зубков В.И. Гавердовский клад XV века // КСИИМК. Вып. XLI. М., 1951.

Зубков В.И. Клад XIV в. // Приокская правда. 1958. 8 августа.

Ильин А.А. Топография кладов древних руских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.

История Татарии в документах и материалах. М., 1937.

Каховский В.Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимич-касы Красноармейского района Чувашской СССР // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. XIX. Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960.

Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001.

Лебедев В.П. Поштемпельный анализ Новобулгарского чекана Шадибека и Пулада (1400–1411 гг.) // Город Болгар и его округа. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994.

Мансуров А.А. Материалы к археологической карте Московской области. М., 1939.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.

Мельникова А.С. Клады монет // КСИИМК. 1957. Вып. 67.

Мельникова А.С., Дядченко О.С. Сводка кладов с русскими монетами, поступившими в ОН ГИМ в 1989–1993 гг. // Новейшие исследования в области нумизматики. Нумизматический сборник. М., 1998. Ч. XIII.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7.

Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Нижний Новгород, 2002. Т. 3.

Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wießbaden, 2004. Vol. XIII.

Петров П.Н. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Нумизматический сборник. Нижний Новгород, 1997. Вып. 2. Т. 1.

Савельев П.С. О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России. СПб., 1847.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатаидские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858.

Северова М.Б. Обзор кладов восточных монет монгольского и послемонгольского времени в собрании Эрмитажа // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001.

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.

Федоров А.Ф. Монетные клады Рязанской губернии // Труды Спасского отделения общества исследователей Рязанского края. Вып. 2. Спасск, 1928.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т. I.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.
Цепков А.И. Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. I. Вып. 1. Экономика Рязанского края в конце XIV – середине XVI вв. по письменным источникам. Рязань, 1996.
Черепнин А.И. Находки в Рязанской губернии за последнее время // Труды РУАК. Рязань, 1904. Т. XIX.
Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.
Хроника последних находок // Вестник клуба «Раритет». № 1. М., 2000
Янина С.А. «Новый город» (Янги-шехр – Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // НС ГИМ. 1977. Ч. 5. Вып. 1.
Agat N. Altinordu paralari katalogu 1250–1502. Istanbul, 1976.
Charmoy F.B. Analyse critique des prin cipaux ouvrages orientaux publies en Russie depuis l`annee 1830 jusqu`en 1835 inclusivement // JA. Troisieme serie. T. IV. P., 1837.
Codrington O. A manual of Musalman numismatics. L., 1904.
Erdmann F. Numi asiatici Musei Universitatis Caesareae Literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann. Casani. 183. P. I. Vol. 2.
Fraehn Ch. M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.
Ghiron I. Monete arabiche del gabinetto numismatico di Milano raccolte e illustrate. Milano, 1878.
Krehl L. De numus Muhammedanis in Numophylacio Regio Dresdensi Lipsiae, 1856.
Soret F. Elements de la numismatique musulmane. Bale-Geneva, 1868.

А.А.Зайцев

«Повести о Николе Заразском» и некоторые вопросы истории Рязанской земли накануне монгольского завоевания

В обстоятельных работах В.А. Кучкина (Кучкин, 2002) и Б.М. Клосса (Клосс, 2001, 2002) приведена исчерпывающая аргументация в пользу позднего (XVI в.) происхождения цикла повестей о Николе Заразском. Полученные археологические материалы свидетельствуют о скромном поселении сельского типа на территории современного Зарайска (Зайцев, Зайцева, 1998. С. 13; Зайцева, 2002. С. 11–14).

В этой связи, вероятно, следует отказаться (до появление каких-либо новых данных) от истолкования литературного произведения о принесении образа Николая Мирликийского как свидетельства о ранней дате основании Зарайска и обратиться к вопросу о фактах истории Рязани так или иначе отразившихся в указанном литературном произведении.

* * *

Иосифо-Волоколамский монастырь в XVI в. представлял собой один из крупнейших центров книжности. Это, с одной стороны, было обусловлено традицией, заложенной преподобным Иосифом, а с другой – тем выдающимся положением в политической и церковной жизни, которое занимали осифляне.

Разные сборники в монастырской библиотеке содержали Симеоновскую летопись, сокращенный летописный свод 1495 г. (с продолжением до 1526), византийские хроники, жития сербских святых и т.д. (Клосс, 1974. С 108–116). Именно в Иосифовой обители был составлен Русский Хронограф; монастырские книжники, использовавшие рукописи хранившиеся в собрании обители, непосредственно участвовали в создании Иоасафовской и Никоновской (Ник.) летописей (Клосс, 1974. С. 116, 122, 124; Клосс, 1980. С. 25–43).

Большой объем известий, имеющих «рязанскую» окраску, выделил и исследовал в Никоновской летописи А.Г. Кузьмин (Кузьмин, 1965). Обстоятельное исследование Никоновской летописи была предпринято Б.М. Клоссом (Клосс, 1980), впервые указавшим на непосредственное участие митрополита Даниила (уроженца Рязани) в составлении и редактировании свода.

Подробное рассмотрение летописных известий о Рязани конца XII – начала XIII в. привело А.Г. Кузьмина к утверждению о рязанском происхождении многих сообщений, он отмечает самостоятельные группы известий: прорязанских, нейтральных и даже выдержанных в духе, враждебном Рязани (Кузьмин, 1965. С. 153). Что касается текста Никоновской летописи за указанный период, то исследователь подтвердил аргументированное мнение А.Н. Насонова. Анализируя объем сведений Ник. за конец XII – начало XIII в., А.Н. Насонов установил два чрезвычайно важных обстоятельства: первое – историческая география Ник.,

относящаяся к рубежу этих столетий, не отражает ситуацию того времени, а значительно модернизирует ее с определенными политическими целями: то, что было хорошо известно о рязанских рубежах составителям Ник. не соответствует сведениям ранних источников. Второе – о политической составляющей такого искажения, связанной с обоснованием древних прав рязанских князей на некоторые пограничные (черниговские) города и территории ввиду экспансии Литвы, владевшей в те времена Черниговщиной (Насонов, 2002. С. 189–190). А.Н. Насонов заключил: «приведенные известия Никоновской летописи не являются тем доброкачественным материалом, опираясь на который можно было бы сделать прочный вывод. Оговоримся, что мы имеем в виду только известия Никоновской летописи XII и начала XIII в.» (Насонов, 2002. С. 190). Вывод А.Г. Кузьмина выглядит практически также: «прорязанские статьи летописи не заимствованы из какого-либо особого рязанского источника, а являются результатом прорязанской обработки предшествующего летописного материала. При этом оказывается, что именно прорязанский автор совершил соединение разных источников в свод, придавший особый колорит древнейшей части летописи» (Кузьмин, 1965. С. 154). А.Г. Кузьмин высказался против предположения В.Л. Комаровича о «Рязанском летописном своде XIII в.» как источнике заимствования рассказа о нашествии татар в Новгородскую I летопись и поставил под сомнение вероятность существования единой рязанской летописи в конце XII – начале XIII в. (Кузьмин, 1965. С. 157, 182).

Б.М. Клосс, к сожалению, только обозначил проблему уникальных известий Ник., справедливо посчитав, что это – тема отдельного исследования (Клосс, 1980. С. 189). Уникальные известия в Ник. домонгольской поры Б.М. Клосс отнес, вслед за Б.А.Рыбаковым, к южнорусскому источнику широкого хронологического охвата (Клосс, 1989. С. 185). В целом же, составитель Ник. свободно обращался с материалом, иногда – в своей собственной стилистической манере, иногда – следуя литературным образцам. «Под пером составителя летописи текст источников иногда значительно изменялся, переосмыслялся» (Клосс, 1980. С. 188–189). Важным, среди прочих, источником уникальных известий Ник. был доступный составителю архив русской митрополии.

Наличие рязанских известий в материалах библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря с одной стороны объясняется пребыванием двух уроженцев Рязани на посту игумена (Даниил, будущий митрополит всея Руси, – в 1515–1522 гг., а позднее пребывал в Волоколамской обители на покое после смещения с 1539 г. до смерти в 1547 г.; Леонид Протасьев, епископ Рязанский и Муромский – в 1562–65, 1568–1572 гг.; Словарь 2/1, 1988. С. 182–184; Словарь 2/2, 1989. С. 7–9; Клосс, 2001. С. 418). Волоколамские книжники активно участвовали в работе митрополичьего скриптория в 20–30-е годы XVI в., откуда вышла Ник. (Клосс, 1974.С. 122–123; Клосс, 1980. С. 81–87).

Деятельность Даниила на посту игумена продолжил Нифонт Кормилицын (1522–1543 гг.), будущий архимандрит московского Новоспасского монастыря и, в дальнейшем, епископ Сарский и Подонский (Крутицкий). «По его заданию составляются сборные рукописи для общемонастырского пользования с произведениями широкого диапазона» (Иосифо-Волоколамский монастырь, 1991. С. 10). Нифонт, живя на покое в Волоколамском монастыре, передал сюда в виде вклада свою личную библиотеку (Словарь 2/2, 1989. С. 143–144). Именно из Нифонтовского сборника (ГПБ, Q. XVII. 15), в частности, происходит «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу», содержащая уникальные известия по истории Смоленска. По составу – это «историко-полемический сборник, содержащий сочинения в защиту истинности официального русского православия... Похвала князю

Ростиславу заинтересовала составителя сборника, видимо, как сочинение, показывающее древность православия на Руси и успехи, связанные с его распространением, тем более, что незадолго до возникновения сборника, в 1514 г., Смоленск, захваченный Витовтом, был возвращен Великому княжеству Московскому» (Щапов, 2004. С. 73–74).

Б.М. Клосс обнаружил подтверждение, что сборник ГБЛ, Волок. № 523, содержащий первоначальный вид редакции А Повести о Николе Заразском (по Д.С. Лихачеву с дополнением Б.М. Клосса), принадлежал епископу Леониду Протасьеву. Сборник Волок. № 523 содержит помету о принадлежности его владыке Леониду, и первая его часть имеет много общего со сборником Волок. № 566. Сборник Волок. № 566, в свою очередь, принадлежал предшественнику Леонида на рязанской кафедре епископу Кассиану, участнику Стоглавого собора 1551 г. и содержал материалы к Стоглаву (Словарь 2/2, 1989. С. 7–8; Клосс, 2004. С. 418). Волок № 566 был отреставрирован Леонидом и передан в виде вклада в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Широкое участие постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря в политической и церковной жизни – многие из них занимали видные церковные посты вплоть до митрополичьего престола – вызывало потребность переосмысления многих существенных политических, церковных и исторических вопросов. «По кратким летописным записям, встречающихся в волоколамских сборниках, видно, что в середине XVI в. монахов монастыря интересовали события общего государственного значения» (Иосифо-Волоколамский монастырь, 1991. С. 6–7, 13). Включение литературных исторических произведений в сборники, содержащие патристические тесты, публицистические произведения не было случайным. Как показывают оба примера (Похвала Ростиславу и Повесть о Николе), с одной стороны решалась политическая задача – обоснование древности прав на земли, утраченные после монголо-татарского нашествия, с другой – утверждалась идея исторической древности православных святынь.

* * *

Почитание св. Николая Мирликийского распространилось по Древней Руси достаточно рано. Уже в XI в. был совершен перевод на русский язык жития св. Николая (Крутова, 1997. С. 126). С начала 90-х годов XI в. культ Николы в Киеве постепенно вытесняет культ св. Климента. А в начале XII в. «відбулася своєрідна контамінация св. Миколи і архангела Михайла, який перебрав на себе функції заступника і покровителя Київа» (Ричка, 1996. С. 22–23). Примерно к этому же времени относятся русские чудеса Николы, органично вошедшие в устойчивый набор сказаний о св. Николае. В одном из компартиментов киевского Софийского собора находилась икона Николы «Доброго».

Ранняя иконография Николы представлена фигурой в рост (фрески) или поясной фигурой (иконы, мелкая каменная пластика) с евангелием в левой руке, правая рука в благословляющем жесте у груди.

Подробному анализу истории развития изображений Мирликийского Чудотворца посвящены работы В.И. Антоновой и Н.Г. Порфиридова. К числу безусловных достоинств указанных исследований следует отнести практически полностью охваченный древнерусский материал в части монументальной живописи и иконописи. Однако следует указать на некоторые существенные моменты или неточности, допущенные при логических построениях.

В.И. Антонова в самом начале своего исследования априори высказала утверждение об ошибочности «вследствие увлечения византинизмом (с середины XIX в.), а затем формалистическим и мистическим толкованием икон» наимено-

вания образа Николы. «Так, благословляющий или учащий Никола в рост с евангелием в левой руке назывался в русской иконографии Зарайским» (Антонова, 1957. С. 378).

Датировка иконы Николы В.И. Антоновой не обоснована, она меняется по мере изложения от начала XIV в. до конца XIII – начала XIV в. (Антонова, 1957. С. 376, 378, 391). На наш взгляд, основным просчетом исследователя можно признать изначальную заданность идеи подтвердить на материале станковой живописи достоверность Повести о Николе Заразском (Антонова, 1957. С. 382) без постановки задачи выяснения происхождения иконографического извода Николы Оранта. По неизвестной причине церковь Николы в Сапожке в Москве упорно именуется церковью Николы Зарайского (Антонова, 1957. С. 380, 384; Памятники архитектуры Москвы, 1989. С. 14–15, 19).

Московское прославление св. Николая архиепископа Мирликийского связано с почитанием иконы Николы Гостунского, для которой «в 1506 году был перестроен старый кремлевский храм Николы Льняного, в первый год правления великого князя Василия. Этот храм был расписан и заново освящен после Казанской победы, в 1555 г.» (Маханько, 1998. С 75–76). Иван IV дополнил почитание св. Николая в столице прославлением иконы Николы Великорецкого (Маханько, 1998. С. 76). Увлечение великого князя образом Николы привело к небывалому расцвету культа епископа Мир Ликийских в Москве с начала XVI в..

К числу несомненных достоинств работы В.И. Антоновой можно отнести подборку памятников станковой живописи 2-й половины XIII – XIV в., подтверждающих достаточно устойчивое бытование в иконописных сюжетах образа Николы Оранта с житием (Антонова, 1957. С. 383–386, рис. 1–4), по крайней мере, в XIV в. Вместе с этим, В.И. Антонова высказала интересную мысль о том, что «икона Николы-епископа в позе оранта считалась защитницей от нашествия иноземных захватчиков, а также от междуусобиц» (Антонова, 1957. С. 381). «Сложившееся в XIII в., во время самой тяжелой борьбы с татарами, представление о Николе как об оплоте от иноземных захватчиков оживляется в начале XVI в., при обороне от крымских татар» (Антонова, 1957. С. 385). Из большей части выводов, предложенных по итогам анализа иконы Николы из Киевца, исключая спорные положения, связанные с Повестью о Николе Заразском, самым существенным является утверждение о сложении в XIII в. совершенно нового культа Николая Мирликийского, защитника от «онаго поганых насилия». Русская обработка темы превратила всесильного епископа-византийца в вещего русского старца (Антонова, 1957. С. 387, 391–392).

Оценивая эволюцию художественного образа Николы, Н.Г. Порфиридов отметил раннее и чрезвычайно широкое распространение культа св. Николая в восточно-христианском мире и на Руси. Перенесенный на русскую почву образ Николы первое время мало отличался от византийских образцов, являя собой несгибаемого ревнителя православия (Порфиридов, 1960. С. 40–41). Однако, в течение XII в. происходит существенная перемена, которую, думается, хорошо передают слова одного из русских чудес Николы «Чуда о некоем детищи утопшем, его же святой Николае жива сохрани»: «святыи Николае везде призывающим его быстро предваряет и от находящих бед и скорбей всех избавляет» (Крутова, 1997. С. 76).

Распространение покровительства Николы на странствующих и путешествующих, купцов и мореплавателей на Руси (Порфиридов, 1960. С. 42; Смирнова, 1975. С. 103–104) пришло гораздо позже монгольского завоевания, в первую очередь, из-за противоречивого, скорее отрицательного отношения русской иерархии к паломничеству. Козьма Пресвитер, чьи сочинения были известны на Руси, писал: «Если хочешь быть чернецом и принять крест, называемый Христовым,

возьми его и сиди в своем монастыре... Иные же скитаются по городам, не находя себе места, втуне поедая чужой хлеб и проводя дни в праздности от трудов земных и Божьих» (Родник златоструйный, 1990. С. 259–260). В XII в. в «Вопрошании Кирика» путешествие в Иерусалим приравнено в ответах владыки Нифонта к бегству от честного труда у себя на родине (Подскальски, 1996. С. 320).

Таким образом, восприятие Николы как отца церкви, столпа истины, сурового и страшного святого дополнилось в русском представлении, превращая Чудотворца в доброжелательного покровителя и защитника (Порфиридов, 1960. С. 42; Смирнова, 1975. С. 84, 88).

* * *

О рязанской иерархии ранней поры известно мало. К числу достоверных относятся сообщения Лаврентьевской летописи о событиях 1207–1212 гг., где упоминается первый рязанский епископ Арсений. В 1207 г. он, вместе с рязанцами, просит Всеволода Юрьевича не жечь святых церквей, когда во время осеннего похода в конце октября-начале ноября вероятность штурма Рязани полками Всеволода была велика (Лаврентьевская летопись, 2001. Стб. 432–433; Бережков, 1963. С. 100–101). Однако, в следующем году Всеволод все-таки наказал Рязань, приславшую «буюю речь по своему обычаю и непокорству». Он «повеле все людие изити из града и с товаром и яко изидоша вси повеле зажещи град... и возвратися в Володимерь... поиме по собе все Рязанци и епископа их Арсения» (Там же. Стб. 434; Бережков, 1963. С. 100–101). Рязанские князья и епископ Арсений вернулись в Рязань только в 1212 г. после смерти Всеволода (Там же. Стб. 437; Бережков, 1963. С. 103).

Неназванный по имени епископ упомянут в известной статье Новгородской первой летописи, повествующей об осаде и падении Рязани 16–21 декабря 1237 г. (Новгородская первая летопись, 2000. С. 74–75, 288). Новгородский свод сохранил до наших дней одно из самых блестящих дипломатических донесений: краткое, емкое, не упускающее важных деталей и, вместе с тем, не перегруженное излишними подробностями – это сообщение полностью и вошло в летописный текст. Ни Ипатьевская (Ипат.), ни Лаврентьевская (Лавр.) летописи ничего о судьбе епископа не сообщают. Оригинальный текст Новгородской первой летописи (НПЛ) выглядит так: «а епископа ублюде богъ: отъеха проче во тъ годъ, егда рать оступи градъ». В этом, практически неизменном, виде эта фраза сохранилась в Ник. и Воскресенской летописях (ПСРЛ, 1965. С. 106; ПСРЛ, 1856. С. 139). Об особом месте Ник. в выяснении фактов ранней истории Рязани мы говорили выше. Связь между НПЛ и Ник. оказывается и простой, и сложной одновременно. Через Симеоновскую (Сим.), Троицкую (Тр.) летопись и Рогожский летописец сведения восходят к общерусскому своду 1408 г. в тверской редакции 1412 г. (Клосс, 1980. С. 134–146; Словарь книжности-2/2, 1989. С. 49–50, 56–57, 64–67) и, в конечном счете, к Лавр. летописи не содержавшей искомых данных в сообщениях под 1237 г. Хотя Московские летописные своды конца XV в. (МЛС), с которыми до начала XV в. сходна Сим., искомую фразу содержат (ПСРЛ, 1949. С. 126).

А вот сохранение этого известия в Ник. через Иоасафовскую (Иоасаф.) и Хронографический список Новгородской IV летописей (НIVХрон.) свидетельствует в пользу его достоверности. В Иоасаф. это известие попадает через МЛС конца XV в. (Словарь книжности-2/2, 1989. С. 48–49). С НIVХрон. дело обстоит сложнее, поскольку ее непосредственный протограф – Новгородская IV – не содержит информации о епископе в описании рязанских событий, так же, как и Ермолинская летопись (Ерм.). Но НIV, Ерм. (не содержащие) и МЛС конца XV в. (содержащие) восходят к общему протографу: особой обработке свода 1448 г., попол-

нявшемуся по общерусским сводам близким Лавр., Тр., южнорусским сводам (иногда близким Ипат.) и по какому-то особому владимирскому своду 1-й трети XIII в. (Словарь книжности, 1989. С. 32). Установить происхождение сведений о рязанском епископе достаточно сложно, так как часть сводов, питавшихся информацией общего протографа эти данные отразила, а часть их опустила. Между тем вопрос может решаться гораздо проще, поскольку HIVХрон. пополнялась известиями непосредственно из НПЛ (Словарь книжности-2/2, 1989. С. 56).

Собственно известия Лавр. о Батыевом нашествии отразили двойственное – владимирское и ростовское – происхождение. Соединение разных элементов в единый рассказ произошло во 2-й половине XIII в. (при перенесении центра летописания в Ростов после разгрома Владимира), но не позднее начала XIV в при создании оригинала Лавр. – великокняжеского свода Михаила Ярославича 1305 г. (Словарь 1, 1987. С, 241–245).

Следующее достоверное известие о рязанском владыке обнаруживается в выходной записи Рязанской Кормчей с точной датой 19 декабря 1284 г. – это епископ Иосиф, известный только по этой записи (Столярова, 1998. С. 92, 96–97, 309–310. Столярова, 2000. С. 135–141). Исследователь записи неточно предположил место вклада Кормчей: «не исключено, что местом вклада Кормчей стал кафедральный собор – рязанская церковь Успения Богоматери...» (Столярова, 2000. С. 139). В XII–XIII вв. Успенский собор, вероятно, был общегородским храмом Рязани, а кафедральным служила Борисоглебская церковь (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 40–42).

Перейдем к сведениям о рязанских владыках из менее достоверных источников. Дату создания рязанской епархии называет В.Н. Татищев (26 сентября 1198 г.), однако источники Татищева, позволяющие проверить достоверность, до нас не дошли. В целом дата не вызывает серьезных возражений: на протяжении всего последнего десятилетия XII в. рязанские князья имели возможность учредить собственную епархию. Представляется наиболее вероятной инициатива Всеволода Юрьевича и его непосредственное участие в поставлении собственного владыки в Рязань. Таким образом, Всеволод выводил Рязань из-под церковного подчинения Чернигова и полностью включал в орбиту своего политического влияния, что, свою очередь совпадало и с интересами свата Всеволода Рюрика Ростиславича (Иловайский, 1858. С. 77; Кузьмин, 1965. С. 128).

Повесть о епископе Василии Ермолая-Еразма, созданная среди прочих произведений по поручению митрополита Макария в середине XVI в., еще больше запутывает ситуацию. Несмотря на имеющееся в ней обоснование наименования рязанской епархии Борисоглебской, известий о ранней истории Мурома следует согласиться, что «характерная особенность этого произведения... почти полное отсутствие в нем исторически достоверных фактов» (Словарь 2/1, 1988. С. 287).

Обратимся к Повести о Николе Заразском. Епископ Ефросин Святогорец по замыслу автора Повести встречает чудотворный образ Николая Мирликийского, освящает храм в честь Николы и после чего отбывает «в свой град» (Лихачев, 1949. С. 286, 307, 327). Обращает на себя внимание прозвище владыки недвусмысленно указывающее на место, откуда он прибыл на рязанскую кафедру. Связи древнерусского монашества со Святой Горой начались довольно рано: с 1-й половины XI в. на Афоне известен монастырь Ксилургу (упоминаемый как монастырь Русского с 1081 г.), а с 1169 г. русским становится Пантелеймонов монастырь (Христианство, 1993. С. 143; Полный православный словарь. Стб. 276–282; ПВЛ, 1950. С. 384; Кусков, 1998. С. 238–239).

Характер и уровень связей и контактов Руси со Святой Горой исследованы мало. Св. Антоний Печерский начинал свои иноческие подвиги в пещере рядом с

монастырем Есфигмен (Христианство, 1993. С. 143). Анализируя послания начала XIII столетия в составе Киево-Печерского патерика, Г.П. Федотов пишет о торжестве афонской традиции в Киево-Печерском монастыре: «Это воскрешение традиции Антония и Святой Горы (в начале XIII в. – *А.З.*), конечно, было возможно и благодаря новому духовному току с Афона» (Федотов, 1990. С. 74). Большее влияние афонских и студийских монашеских лидеров, нежели патриархии, на русское «относительно многочисленное, местное по происхождению монашество» отмечает А.В. Поппэ (Культура и общество, 1988. С. 19).

Среди церковных иерархов начала XIII в., кроме Ефросина рязанского, мы обнаруживаем еще как минимум двух представителей афонского монашества. В Галицко-Волынской летописи в статье под 6731 г. имеется более поздняя редакторская вставка с перечислением владимиро-волынских владык: «бе бо Асафъ блаженный преподобный святитель Святое Горы и потомъ бе Василеи от Святое Горы...» (Ипат., 2001. Стб. 739–740).

Существование Ефросина как достоверного исторического лица можно было бы поставить под серьезное сомнение, если бы все ограничилось только вышеупомянутым известием.

В тексте основного вида редакции Б1 (список РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1594, написан около 1587 г. – Клосс, 2001. С. 424) имеется следующая избыточная информация (выделена курсивом), отсутствующая в других редакциях, видах и списках Повести:

> И поидоша в *соборную и* апостольскую церьков и плакашеся пред образом *милостива вседержителя и пречистой его матери Одигитрие, юже принесе епископ Ефросин иза Святыа горы,* и *моля* великого чюдотворца Николу и сродник своих Бориса и Глеба (Лихачев, 1949. С. 311).

На нее обратил внимание Д.С. Лихачев, однако этот сюжет далее не развивал (Лихачев, 1986. С. 244). Между тем, такое сообщение вряд ли можно оставить без внимания, тем более, что, скорее всего, оно содержалось и в протографе Повести о Николе.

Несколько хронологических наблюдений. Дата смерти епископа Арсения источникам неизвестна. И, если он не покинул кафедру в первые годы своего святительства (что, впрочем, возможно, но маловероятно), можно высказать чрезвычайно приблизительные соображения о времени пребывания на кафедре рязанских иерархов 1-й половины XIII в.

Киевский митрополит Никифор, поставивший Арсения в епископы, последний раз упоминается в летописи при рукоположении новгородского архиепископа Митрофана 3 июля 1201 г.; в сообщении летописи митрополит, правда, не назван по имени (НПЛ, 2000. С. 239; Поппэ, 1989. С. 201; Поппэ, 1996. С. 462). Следующий за Никифором митрополит Матфей упоминается под 1210 г., когда прибыл с дипломатической миссией от Всеволода Чермного и всех Ольговичей во Владимир (Лавр., 2001. Стб. 235; Поппэ, 1989. С. 201; Поппэ, 1996. С. 463).

Предстоятель киевской кафедры митрополит Матфей скончался в Киеве 20 августа 1220 г. (Лавр., 2001. Стб. 445; Бережков, 1963. С. 106, 317). Митрополия вдовствовала до января 1225 г. 6 января 1225 г. в Киеве состоялась интронизация митрополита Кирилла (Лавр., 2001. Стб. 447).

Митрополия вновь вдовствовала после кончины Кирилла летом 1233 г (Лавр., 2001. Стб. 512; НПЛ, 2000. С. 282) до прибытия в 1236/37 г. митрополита Иосифа (Лавр., 2001. Стб. 514; НПЛ, 2000. С. 285; Бережков, 1963. С. 270).

Таким образом, смена владык на рязанской кафедре не могла произойти в течение какого-то промежутка времени в первом десятилетии века, с августа 1220

до января 1225 г., с лета 1233 г. до 1236 – весны 1237 г. Следовательно, Арсений, вероятнее всего скончался после августа 1220 г. А хиротония Ефросина Святогорца может быть предположительно отнесена к собору зимы-весны 1225 г., в частности, возвратившего архиепископа Антония к каноническому управлению новгородской епархией (Зайцев, 2004. С. 128–129).

Можно предположить участие рязанского владыки еще в одном событии. 14 марта 1227 г. в Успенском соборе Владимира митрополитом Кириллом и собором епископов был торжественно поставлен «Суждалю и Володимерю, Переяславлю» епископ Митрофан (Лавр., 2001. Стб. 449; Бережков, 1963. С. 107–108). Епископы при этом не поименованы, лишь указано, что их было четверо. В епископской хиротонии ростовского владыки Кирилла II на соборе в апреле 1231 г. в Киеве вместе с митрополитом Кириллом принимали участие епископы Порфирий Черниговский, Алексий Полоцкий и неназванные по имени иерархи Белгородский и Юрьевский, причем владыки поименованы «окрестными епископы» (Лавр., 2001. Стб. 456). «Окрестными» по отношению к Владимиру являлись епископы Ростова, Рязани, Смоленска и Новгорода. Таковыми для 1227 г. были: в Ростове – Кирилл, в Рязани – Ефросин, в Смоленске – Афанасий, в Новгороде – Антоний (Щапов, 1989. С. 208–212).

* * *

По мере обособления земель-княжений в XII в. происходило формирование собственного, отличного от киевского, пантеона святых и святынь. Почти все крупные древнерусские княжества к рубежу XII–XIII вв. имели иконы-палладиумы: Владимирская Богоматерь во Владимиро-Суздальском княжестве, Богоматерь Смоленская в Смоленске, Богоматерь Знамение в Новгороде и т.д. Думается, что и Рязанское княжество не осталось в стороне от этого процесса.

Т.В. Николаевой выделен круг произведений мелкой пластики, сюжетно связанный с местночтимыми святыми и главными храмовыми праздниками Рязани (рис. 1, 2). Из собрания Троице-Сергиевой Лавры происходит двусторонняя каменная трапециевидная иконка в серебряной сканной оправе с оглавием 1-й половины XIII в. (Николаева, 1983. С. 39, 129. Табл. 55, 1. № 310). На лицевой стороне иконы плоским рельефом изображена Богоматерь Одигитрия, на обороте таким же рельефом в рост воспроизведена фигура Николы с воздетыми руками (рис. 1). К подробно выполненному описанию Т.В.Николаевой необходимо добавить несколько уточнений. Гиматий Богоматери, фелонь и подризник Николы изображены с большим количеством тщательно проработанных, гармонично уложенных складок. Ножки младенца, сидящего на левой руке Богоматери прикрыты хитоном и плотно сдвинуты вместе. Левой рукой Христос благословляет.

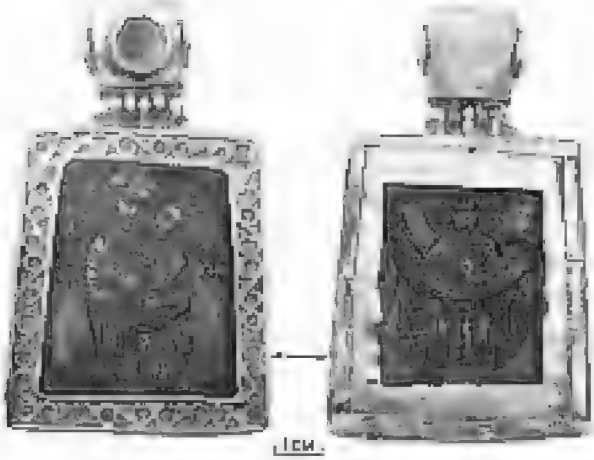


Рис. 1. Богоматерь Одигитрия; Никола. XIII в. Ризница Т роице-Сергиевой лавры (по Т.В. Николаевой, № 310)

Голова Богоматери повернута к младенцу, Он также, слегка повернув голову, смотрит на нее. Фигура Никола дана художником анфас, он стоит, опираясь на обе ноги (что не соответствует обычной иконографии, где чудотворец, опираясь на левую ногу, выдвигает правую несколько вперед). Иконографический извод Богородицы Одигитрии в исполнении рязанского мастера восходит к очень ранним южным (киевским), а, может быть, и византийским образцам. Н.П. Кондаков считал такое изображение Богородицы Одигитрии древнейшим: «Оригинал Одигитрии представлял Богоматерь стоящею во весь рост и держащею Младенца Христа на левой руке» (Кондаков, 1998. С.159).

И, хотя края каменной плитки прикрыты оправой, отчетливо заметно, что нимбы и Богоматери, и Николы едва вписаны в границы изображения. Учитывая некоторую непропорциональность фигур (тщательно проработанные лики едва заметно увеличены в размере), может показаться, что резчик не рассчитал размера. Нам видится следующее объяснение.

Т.В. Николаева подтвердила наблюдение дореволюционных киевских исследователей о воспроизведении в мелкой каменной пластике, в частности, иконографических изображений Богоматери, известных по подлинникам живописных чтимых икон, распространенных в домонгольское время. Создается впечатление, что художник стремился показать значительный размер оригинала-образца. Действительно, обе фигуры представлены в ростовом ракурсе. Известно, что в XIV–XV вв. образ Одигитрии, сохранявшийся в Константинополе, при выносе несли три-четыре человека на кожаных поясах, прицепленных крюками (Кондаков. 1998. С. 160).

По справедливому мнению Т.В. Николаевой, «на иконе представлена самая ранняя иконография Николы Зарайского, связанная с киевской художественной традицией» (Николаева, 1983. С. 129). Более того, по манере резьбы она стоит особняком среди произведений других художественных центров, что позволяет определить иконку, как «произведение рязанского происхождения» (Там же. С. 139).

Если верно предположение о фиксации в мелкой пластике послужившей для нее оригиналом местночтимой иконы-подлинника, то перед нами вне всякого сомнения погибший в пожаре 1237 г. палладиум княжества – Рязанская Одигитрия: большого формата образ Богородицы, находившийся в Успенском соборе древней Рязани. Более того, представляется перспективным развитое И.А. Стерлиговой предположение о принадлежности к иконному убранству некоторых предметов знаменитого старорязанского клада 1822 г., других старорязанских древностей, найденных в 1792 или 1793 г. и вскоре утраченных (Стерлигова, 2000. С. 152–153). С убором иконы Богородицы могли быть связаны корона («коруна»), обруч (гривна), звезда, сионцы, а так называемые «бармы второго набора» вполне могли быль украшением, созданным для иконы или приложенным к ней.

Появление образа рязанской Одигитрии можно однозначно связать с епископом Ефросином Святогорцем, вероятно, принесшим икону в Рязань (следуя тексту Повести о Николе, икона была создана на Афоне). А приход епископа с образом вполне мог совпасть с прибытием на киевскую кафедру митрополита Кирилла.

Сложнее обстоит дело с иконой Николы. Если отбросить в определении Т.В. Николаевой прилагательное «Зарайский», то данное ростовое изображение Мирликийского Чудотворца в иконном варианте является единственным для 1-й половины XIII столетия. О почитании Николы в домонгольской Рязани нет даже отрывочных сведений. Между тем, культ Николы мог развиться в другом крупном центре Рязанского княжества, например, в Переяславле. А.Г. Кузьмин делает вывод о закреплении Переяславля в качестве центра удела за сыновьями князя Игоря Глебовича (Кузьмин. 1965. С. 140, 150). Наряду с Пронском Перея-

славль с рубежа XII–XIII вв. становится одним из центров княжества (может быть Никола становится – наряду с общерязанскими патронами св. Борисом и Глебом – патроном местной ветви рязанских Глебовичей).

В этой связи необходимо вспомнить так удовлетворительно и не объясненное в литературе упоминание об основании Переяславля Рязанского. «В рукописи следованной псалтыри 1570 г., написанной попом Марком и принадлежавшей Рязанской семинарии читаем «В лето 6603 (1095) заложен бысть град Переславль Резанский около церкви святого Николы Старого» (Тихомиров, 1956. С. 434). А.Л. Монгайт предпринял попытку обстоятельно разобраться в достоверности известия, и признал, что, хотя предпочтительным для основания Переяславля выглядит 1208 г., запись попа Марка отражает действительные топографические реалии Переяславля (Кузьмин, 1965. С. 68–70; Монгайт, 1961. С. 163–166; Судаков, 1994. С. 123–126).

Косвенное подтверждение существованию храма Николы в Рязани находим в коломенском эпизоде «Повести о Николе»:

Редакция основная Б, вид 2 (по списку Публ. Библ Спб, Погодинск, № 643):

...а дву попов да диакона отпусти владыка съ образы *к старому престолу на Рязань*. И священници зараскии поставиша *на Рязани у старого престола* образ церковный чюдотворца Николу (курсив наш. – *А.З.*) (Лихачев, 1949. С. 344).

Второй коломенский эпизод (по списку ГИМ, Воскрес. 211):

Служители великого чюдодтворца Николы Заразского нача в сое помышляти, яко не мочно нам на два престола служити, и начаша молити благоверного государя великого князя Василия Ивановича всеа Руси самодрьжца, чтобы государь отпустил чюдотворный Николин образ Заразского *к старому престолу на Рязань*... А старых попов Никольских отпустил *к старому престолу на Рязань* служити (курсив наш. – *А.З.*) (Лихачев, 1949. С. 348).

Под «старым престолом на Рязани» в контексте XVI в. мог подразумеваться только храм в Переяславле, так как домонгольская Рязань в это время устойчиво именуется «Старой Рязанью»: духовная грамота великого князя Ивана Васильевича (1504 г.) отличает Рязань от Старой Рязани (ДДГ. 1950. № 89. С. 357–358). Город Старая Рязань фигурирует в документах XVI в. и после набега крымцев 1550 г. окончательно запустевает (Горбунов, 1994. С. 155–156).

Новое смысловое наполнение образа Николы Оранта нами отмечалось выше. Несомненно, что для Рязани тема обороны рубежей и сохранения от усобиц была как нельзя актуальной.

О продолжавшемся почитании Николы свидетельствует известнейшая иконка с изображением Бориса и Глеба 1-й половины XIII в., происходящая из Солотчинского монастыря (рис. 2). Она имеет одновременную ей серебряную золоченую сканную оправу, а оборот иконы закрыт серебряной пластиной XV в. с поясным изображением Николы, выполненном гравировкой по серебру» (Николаева. 1983. С. 54–55).

В Рязанской земле, вполне возможно, существовали и иные чтимые святыни. Никоновская летопись под 1147 г. повествует.: «в Резани во граде Казари от иконы Святыа Пятницы быша чюдеса и исцелениа многа» (ПСРЛ. 1965. С. 176).

Подведем итоги. Культ св. Николая, епископа Мирликийского, достаточно рано стал популярен на Руси. Идеал ревнителя веры лучше всего соответствовал раннему этапу христианизации. Самые известные Николаи в крещении – постриженник Киево-Печерского монастыря Никола Святоша и крупный политичес-

кий деятель середины-2-й половины XI в. Никола Чудин, известный киевский боярин, советник Ярослава Мудрого и Изяслава Ярославича. С именем Николы Чудина связано граффити в Новгородском Софийском соборе с датой 1 ноября 1052 г. (Куза, Медынцева, 1976. С. 135–145; Медынцева, 1978. С. 114–124). Именно с Николой Чудином может быть связан запрестольный выносной чеканный крест византийской работы, хранящийся в Новгородском музее. Крест первоначально имел широкую дату – XI–XII в., но по совокупности признаков был продатирован XI в., с предпочтением к середине века (Смирнов, 1975. С. 27–40; Банк, 1975. С. 40–44). Основанием для уточнения датировки послужил, в частности, медальон с изображением Николы раннего иконографического типа, а наличие единственного среди изображенных на медальонах креста святых воинов святителя позволило Н.П. Лихачеву предположить возможную связь изображения св. Николая с именем заказчика (Банк, 1975. С. 44).

В течение XII столетия происходит постепенная трансформация византийского культа св. Николая на русской почве. А в начале XIII в. в Рязанской земле складывается совершенно новая, не имеющая греческих корней концепция прославления св. Николая.

Накануне монгольского завоевания Рязанское княжество обретает свой палладиум – Рязанскую Одигитрию, вполне вероятно, что почитание Николы распространяется в Переяславле Рязанском. Именно в это время появляется икона Николы Оранта в рост, послужившая основой для целого иконографического извода.

При этом почитание Николы сохраняется и в других древнерусских землях. В Галицко-Волынской летописи читаем, что Даниил Галицкий едет «молитися святому Николе» в Жидичин (Ипат., 2001. Стб. 751)

Никола-защитник от внешней угрозы и внутренних усобиц после монголо-татарского нашествия получает достаточно широкое распространение в иконописи. В начале XVI в. на фоне собственно местного московского прославления чтимых икон Николы возникает местное почитание иконы Николы при церкви в Зарайске, это почитание приобретает особое значение после строительства зарайской крепости.

Местное почитание Николы в Зарайске получило импульс от почитания святителя в Москве. В условиях постоянной ордынской угрозы культ иконы Николы Зарайского превратился в общерусский культ защитника Русской земли.

Рис. 2. Борис и Глеб. 1-я треть XIII в. Рязанский музей (по Т.В. Николаевой, № 30)

Повесть о Николе Заразском является литературным памятников московского времени. «Повесть о Николе Заразском – произведение единое по своему замыслу, языковым особенностям и использованным источникам» (Клосс, 2001. С. 452). Как Никоновская летопись переносила сведения о владениях и сферах влияния Рязанского княжества более позднего времени на события XII–XIII вв. с целью обоснования прав России на земли, являвшиеся предметом спора с Литовским государством (Клосс, 1980. С. 101–102), так и Повесть о Николе с одной стороны прославляет местные святыни (Клосс, 2001. С. 452), а с другой – еще раз обосновывала древность владельческих прав Рязани на спорные земли (Кучкин, 2002. С. 113).

В XVI в. многие местные памятники при упорядочении общерусского пантеона получили новое оформление и даже новое содержание. Так, например, было написано заново житие Ефрема Новоторжского (утраченное в XIV в.), где местночтимый новоторжский святитель сделался родным братом известного киево-печерского подвижника Моисея Угрина и отрока Георгия, слуги князя Бориса, погибшего вместе со своим патроном на Альтском поле.

Рязань, первой принявшая удар монгольских войск, не смогла уберечь своих церковных святынь: икона Рязанской Одигитрии, вероятно, погибла в пожаре вместе с городским Успеским собором. Епископский кафедральный Борисоглебский собор, видимо, пострадал меньше. О том, что Рязань и ее округа не подверглись тотальному уничтожению свидетельствуют братские могилы жертв декабря 1237 г. Они погребены в братских могилах, открытых в разных районах сгоревшего при штурме города (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 372–385). Нам, к сожалению, так и неизвестна судьба рязанского владыки, которого «Бог ублюде»: вернулся ли он к своим духовным чадам для утешения, покинул ли Русь или настигла его злая судьба владыки Митрофана Владимирского на юге Древней Руси. Рязань в течение XIII в., скорее всего, сохраняла свое значение центра кафедры, но ближе к концу века владыка перебрался в свою переяславскую резиденцию (Борисоглебское городище в Рязани – Археологическая карта России, 1993. С. 39; обоснование предположения о переяславской резиденции рязанских владык с конца XIII в. см.: Кузьмин, 1965. С. 122–125).

Путешествие Евстафия Корсунянина вокруг Европы оказалось выдумкой книжника XVI в. Собственно, можно однозначно утверждать, что основная цель Повести о Николе – убедить читателя в древности и достоверности описанных событий практически была достигнута, о чем свидетельствует обширная литература по этому вопросу. Однако, мы погрешим против истины, если забудем, что в начале XIII в. в соборе Сан-Мартино в Лукке оставил свой автограф неизвестный муромский дьякон (Древнерусские письменные источники, 1991. С. 60).

Последний серьезный аргумент в пользу древнего происхождения если не литературного (Повесть), то архитектурного (Никольский храм) памятника – это родословие никольских попов. Уникальность этого раздела Повести отмечена исследователями, а сам родословный перечень с оговорками признан внушающим доверие (Клосс, 2001 . С. 424, 453–455). Учитывая изложенное выше (о существовании «старого престола» в Рязани/Переяславле-Рязанском), можно предположить, что и синодик храма в Зарайске принадлежал храму Николы в ином месте, возможно, в Переяславле, но материалов для более серьезной аргументации такого предположения кроме скромных косвенных данных нет.

Завершая рассуждения о сложном времени, непростом памятнике и бурных событиях хочется вспомнить слова замечательного исследователя европейского средневековья Йохана Хейзинги вполне применимые к описанию большинства событий и русской истории тоже: «жизнь в те времена была столь яростной и

полной контрастов, что от нее исходил смешанный запах крови и роз» (Февр, 1991. С. 114).

Литература

Антонова В.И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л. 1957. Т. XIII.

Археологическая карта России. Рязанская область. М., 1993. Ч. 1.

Банк А.В. Послесловие к статье А.П. Смирнова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Горбунов В.В. Старая Рязань по письменным источникам XVI – начала XVII века // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы научной конференции). Рязань, 1994.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Древнерусские письменные источники. X–XIII в. М., 1991.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950.

Зайцев А.А., Зайцева И.Е. Культурный слой средневекового Зарайска // Средневековый Зарайск (история и культурный слой). Зарайск, 1998.

Зайцев А.А. Архиепископ Антоний Новгородский и некоторые вопросы канонической практики Русской Церкви в первой трети XIII века // Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Вып. 1: Труды Всероссийского историко-этнографического музея. Торжок, 2004.

Зайцева И.Е. Средневековый культурный слой Зарайска // Зарайск. Т. 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002.

Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 2.

Клосс Б.М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – 1-й половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. VI.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Клосс Б.М. Избр. труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.

Клосс Б.М. История создания Повести о Николе Заразском // Зарайск. Том первый. Исторические реалии и легенды. М., 2002.

Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Том второй. М., 1998.

Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.

Куза А.В., Медынцева А.А. Запись Николы из Новгородского Софийского собора // Советская археология. 1976. № 1.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведение летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.). Зарубежная историография. М. 1988. Ч. II.

Кусков В. Роль Афона в развитии культуры Древней Руси XI–XVII вв. // Культура славян и Русь. М., 1998.

Кучкин В.А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Т 1: Исторические реалии и легенды. М., 2002.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001.

Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VII.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л. 1949. Т. VII.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском // *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

Маханько М.А. Привоз икон в Москву в XVI в. и его влияние на чин городских богослужений // Сакральная топография средневекового города. Известия Института христианской культуры средневековья. М., 1998. Т. I.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М.–Л. 1949. Т. 25.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002.
Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. 1983. Вып. Е1–60 / Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III.
Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989.
Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 9, 10.
Повесть временных лет. М.–Л., 1950. Т. 2.
Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) // Subsi-dia Byzantinorossica. СПб., 1996. Т. 1.
Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., S/a. Т. I–II. Репринт 1992.
Поппэ А.В. Митрополиты киевские и всея Руси (988–1305 гг.) // *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Subsidia Byzantinorossica. СПб., 1996. Т. 1.
Порфиридов Н.Г. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л. 1960. Т. XVI.
Ричка В.М. Культ св. Миколи-Михайла у Київі // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції (Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р.). Чернігів, 1996.
Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI–1-я половина XIV в.. Л., 1987.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: 2-я половина XIV–XVI в.. Ч. I. А–К. Л., 1988.
Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: 2-я половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л–Я. Л., 1989.
Смирнов А.П. Выносной чеканный крест греческой работы XI–XII веков // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.
Смирнова Э.С. Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.
Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М., 2000.
Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
Судаков В.В. Культурный слой Переяславля Рязанского // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы научной конференции). Рязань, 1994.
Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1.
Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
Щапов Я.Н. «Похвала князю Ростиславу Мстиславичу» как памятник литературы Смоленска XII в. // *Щапов Я.Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004.

А.В. Чернецов

Скорнищевская битва на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.*

Рязанцы ж люди сурови, сверепи, высокоумни
Никоновская летопись

На одной из миниатюр богато иллюстрированного Лицевого летописного свода 70-х годов XVI в.[1] можно видеть изображение необычного военного столкновения[2]. Справа обычные для миниатюр рукописи конные воины в доспехах, сражающиеся саблями и копьями. Им противостоят невооруженные всадники, размахивающие развевающимися веревками и ремнями. Миниатюрист наглядно показывает преимущество вооруженного воинства – противник явно терпит поражение.

Эта композиция изображает столкновение воинств Дмитрия Донского и Олега Рязанского, описываемое под 1372 г., так называемую Скорнищевскую битву. Как и во многих других случаях, текст и миниатюры летописи включают недостоверные сведения, отражают легендарную, фольклорную традицию.

На миниатюрах Лицевого свода можно найти значительное число серий миниатюр, посвященных легендарным событиям или эпизодам, имеющим отношение к истории литературы. Среди них миниатюры, иллюстрирующие походы Олега на греков[3], Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г. на половцев[4], Невскую битву и Ледовое побоище[5], подвиги псковского князя Довмонта[7], Куликовскую битву[7], историю Владимира и Рогнеды и др.

Начнем с того, что Скорнищево – место, где произошло столкновение московских и рязанских войск – не поддается точной идентификации и локализации. Существует село Канищево, пригород современной Рязани (средневекового Переяславля Рязанского). Так или иначе многочисленные летописные рассказы об этой битве упорно называют ее Скорнищевской. Более того, в договорных грамотах между великими князьями рязанскими и московскими 1402 и 1447 гг. упоминается «рать отца (или деда) моего великого князя Димитрия Ивановича на Скорнищеве у города»[8].

Какой же текст соответствует привлекшей наше внимание фантастической композиции? Олег Иванович Рязанский «собрав воя многи» готовился к походу против москвичей. «Рязанцы ж люди сурови, сверепи, высокоумни, горди, чаятелни вознесошася умом... малоумныя и безумныя людища аки чюдища». В своей гордыне эти «чудища» сказали друг другу: «Не емлите с собою доспехов, ни щитов, ни копей, ни сабель, ни стрел, но токмо емлите с собою взени (веревки) едины и ремение и ужища, ими же начнете вязати москвич, понеже суть слаби и страшливи и некрепки».

---

* Первоначальный вариант этой статьи («Людища аки чудища») был опубликован в журнале «Живая старина» (2002. № 4).

Москвичи не были столь самонадеянны и направились на врага «со смирением и воздыханием, и сердцем сокрушенным» в полном вооружении. «И бысть им брань люта и сеча зла. Рязанци убо махающе взенми и ремением и ужищи, и ничтоже успеша, но падоша мертвыя, акы снопы, и акы свиньи заклани быша»[9].

Перед нами ярко выраженная тенденциозная политическая легенда, призванная прославить своих и осмеять врагов. Комические образы хвастливых воинов и мотивы их посрамления широко распространены в мировой литературе и имеют весьма древние корни. Достаточно вспомнить комедию Плавта «Miles gloriosus» («Хвастливый воин» – III–II вв. до н.э.) или «Письма земледельцев» Алкифрона (II–III вв. н.э.), а в литературе Нового времени – барона Мюнхгаузена. При всей примитивности и банальности сюжета, он, тем не менее, вызывает богатые литературоведческие и фольклористические ассоциации, и занимает в их контексте весьма своеобразное место.

Начнем с мотива использования вместо боевого оружия иных объектов, подручных средств. Это обычный мотив героического эпоса – настоящий герой и без полного комплекта вооружения справится с противником облеченным в доспехи. Так описывается, например, поединок Давида и Голиафа (I кн. Царств, 17, 39, 40). Здесь уместно вспомнить и воспетых в Слове о полку Игореве дружинников черниговского князя Ярослава Всеволодовича («тии бо бес щитов с засапожникы кликом плъкы побеждают, звонячи в прадеднюю славу»). В эпоху повсеместного распространения металлического меча воспевались подвиги Геракла, по-

Рис. 1–4. Миниатюры Лицевого летописного свода, (Библиотека Академии наук. СПб. II Остерма

стоянным атрибутом которого является примитивная палица. Иногда выбор предмета, используемого вместо современного оружия, оказывается неожиданным и многозначительным. Так один из участников Марафонской битвы успешно поражал персов плугом[10]. Очевидно, предание было призвано подчеркнуть превосходство мирных тружеников над захватчиками. В своем развитии легендарный мотив мог все дальше отклоняться от реальности. Марко Кралевич, которого весть о приближении неприятеля застала во время полевых работ, побивает их подняв «плуг с волами вместе»[11]. Наконец, Илья Муромец использует в качестве подручного средства вражеского воина:

«И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куды отвернет – с переулками.
А сам татарину приговаривает:
А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется»[12].

Однако до сих пор мы говорили только о героических образах, использующих различные суррогаты вооружения. В летописном же рассказе о Скорнищевской битве этот мотив наоборот, характеризует отрицательных персонажей, обреченных быть побежденными.

Сразу же необходимо отметить, что такие мотивы также известны. Собственно говоря, все героические образы и мотивы эпоса с древнейших времен имеют

посвященные Скорнищевской битве
новский том. 31.7.30–2. Л. 633–634)

своих пародийных двойников. Вот как описывается вооружение лягушачьего воинства в древнегреческой «Войне мышей и лягушек»:

«Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья...
Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка»[13].

Пер. М.С. Альтмана

Подобное вооружение известно и в русском фольклоре:

«А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли – кокошники...
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана.
А <у> другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны.
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно»[14].

В пародийной «Службе кабаку» XVII в. пьяница «приимет оружие пьянства..., и наложит шлем дурости, и приимет щит наготы»[15]. Здесь пародируется не эпос, а Священное Писание («Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною и облекшись в броню правды... Возьмите щит веры... и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» – Ефес. 6, 14–17).

Суровые и свирепые рязанцы в глазах их противников москвичей выглядят какими-то чудовищами («людища аки чюдища»). Это архаическое наделение чужаков сверхъестественными чертами хорошо известно по другим литературным эпизодам. Авары – летописные обры представлялись славянам исполинами (по-чешски «obr» – великан). Если подобными чертами наделяются свои персонажи, то, в таком случае, они относятся к иному эпическому времени. Создается впечатление, что рязанские чудища – это реликт древнего богатырского воинства, которое «перевелось» в эпоху татарского нашествия. Рязанские воины в чем-то сродни Святогору, которого не может носить мать сыра земля.

Рязанцы прослыли суровыми и свирепыми не без оснований. В домонгольское время рязанские князья выделяются своей задиристостью и воинственностью, хотя они чаще оказываются неудачливыми на поле брани. В повествовании о нашествии Батыя на Рязань (часть повести о Николе Зарайском) упоминаются «воеводы крепкие, и воинства удальцы и резвецы, узорочье и воспитание рязанское». Под стать древним богатырям главный герой сражений с татарами Евпатий Коловрат «исполин силою». Сами татары говорили про дружину Евпатия «сии бо люди крылатии и не имеющие смерти, тако крепко и мужественно бьяшеся един с тысящею, а два с тмою»[16]. Беспокойный нрав рязанских князей сохранился и в эпоху ордынского ига. Не следует забывать и о том, что из всех русских земель Рязанщина вошла в состав единого русского государства последней.

В том, что рязанское воинство представлено летописцем каким-то анахронизмом, нашло свое отражение его инстинктивно верное понимание исторической перспективы: рязанцы, отстаивавшие ценности эпохи феодальной раздробленности, в их борьбе с москвичами, боровшимися за создание Русского централизованного государства, безнадежно отставали от своего времени.

Критические отзывы в адрес рязанского княжества и его правителей довольно часто встречаются в древнерусской книжности. Прежде всего, это упреки великому князю Олегу Рязанскому, как известно, бывшему союзником Мамая во

время Куликовской битвы. Этот правитель фигурирует как «душегубивый Олег», «отступник наш». Летописная повесть упоминает «велеречиваго и худаго Олга Рязанскаго, не снабдевшему своего христианства. И придет ему день великий господень в суд, аду и ехидну», «лукаваго Олга, кровопивца христьянского, новаго Иуду-предателя». «Сказание» сравнивает Олега еще с одним «эталонным» образом злодейства – «ныне же сего Олга оканнаго новаго Святополка нареку». Характерно обращение в составе летописной повести «враже, изменниче Олже». В «Сказании» Олег обращается к Мамаю, называя себя «твой посаженник и присяжник». Мотивация политики великого князя рязанского объясняется вполне однозначно «скудость же бысть ума в главе его»[17].

Резкие оценки отдельных представителей рязанского княжеского дома встречаются на страницах летописей до монголо-татарского нашествия. В 1217 г., в связи с братоубийственной усобицей в среде рязанских князей, летописец повествует: «Глеб, князь Рязанский, Володимеричь, наущен сотоною на братоубийство, здумав в своем оканьнем помысле...»[18]. Под 1262 и 1264 гг. в Ипатьевской летописи глухо упоминается некий окаянный, проклятый и беззаконный Остафий Константинович, беженец из Рязани, по-видимому, сыгравший важную роль в междоусобной борьбе литовских князей[19].

Подтрунивание над населением других русских земель имеет давнюю традицию. Его можно найти уже у Нестора. «Поляне (единоплеменники летописца) бо своих отец обычай имуть кроток и тих... а древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски... и радимичи и вятичи и север один обычай имяху – живяху в лесе, якоже всякий зверь»[20]. После победы над радимичами воеводы по имени Волчий Хвост на реке Пищане «русь корятся радимичем глаголюще: пищаньци волчья хвоста бегають»[21]. Воевода Святополка Окаянного «нача укаряти» новгородцев «что придосте с хромцемь сим (Ярославом Мудрым), о вы, плотници суще, а приставим вы хоромом рубити нашим»[22]. В дальнейшем подобный местный патриотизм воплощался в таких присказках, как рассказ о пошехонцах, заблудившихся в трех соснах, или о ярославцах-белотельцах, которые пуд мыла извели, чтобы у родной сестры родимое пятно смыть[23]. Подобные сатирические выпады можно найти даже в тексте былин:

«Дешевы поцелуи в Белозерской стороне...
А широки подолы пудожаночки...
Толстобрюхие бабенки лешмозерочки,
Ай пучеглазые бабенки пошезерочки»[24].

Есть насмешки над жителями соседних деревень и в частушках:

«Не ходите, девки, замуж
Во Осташково село.
Там пословица худая,
Говорят: “Цево, цево”»[25].

Не следует удивляться этому пристрастию к насмешкам над жителями других земель или деревень. Издавна повелось, что русский человек «ради красного словца не пощадит ни матери, ни отца». Вполне естественно, что подчас доставалось и воинскому сословию. В одной из сказок из сборника Афанасьева фигурирует «Иван, русский богатырь, рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи»[26].

Мотив посрамленной самонадеянности относится к общим местам фольклорных и письменных текстов. Московское летописание не обходило молчанием и те случаи, когда в подобной роли выступали свои. Вот что повествует та же Ни-

коновская летопись о битве на реке Пьяне (события отделенные от Скорнищевской битвы пятью годами): «И начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташа, рагатины и сулицы и копья не приготовлены, а инии еще и не насажени быша, такоже и щиты и шоломы; и ездиша, порты своя с плеч спускающе, а петли разстегавше, аки в бане разспревше; бе бо в то время знойно зело. Любляху же пианство зело, и егда где наезжаху пиво и мед и вино, упивахуся без меры, и ездяху пьяни и глаголюще в себе кождо их, яко может един от нас на сто татаринов ехати, поистине никтоже может противу нас стати». Естественно, что впоследствии «Огаряне (татары) возрадовашася радостию велиею, и полон мног безчислен собраша и поставиша в станех своих, вострубивше на костех христианскых»[27]. Хвастливость, «шапкозакидательство» – обычный грех воинов всех времен и народов. Менялись только объекты, которыми предполагалось забросать противника. Суздальские бояре, накануне неудачной для них Липицкой битвы 1216 г., похвалялись: «право навержем (закидаем) их седлы»[28].

Использование ремней и веревок в Скорнищевской битве вызывает еще одну любопытную ассоциацию – легендарный эпизод новгородской истории якобы позаимствованный С. Герберштейном из русских летописей.

«...Когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня (при Владимире Святом – ?) их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались, и они вышли за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны... рабы же вознамерились силой не пустить в город своих господ... Тогда господа... отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо они имели дело с рабами, взялись за дубинки и плети; устрашенные этим рабы обратились в бегство...»[29]. Происхождение этого рассказа выяснить не сложно – это очень близко к тексту пересказанное повествование Геродота о скифах и их рабах[30].

Загадкой является вопрос о том, почему Герберштейн в данном случае ссылается на русские летописи, где это предание отсутствует. Дело в том, что Герберштейн понимал славянский язык, и неоднократно правильно использовал древнерусские письменные источники. Может быть, он краем уха услышал летописный рассказ о Скорнищевской битве, в ходе которой использовались веревки и ремни (семантическое тождество ремня и плети не требует аргументации), и он слился в его сознании с эпизодом, описанным Геродотом? Так или иначе, Герберштейн четко привязал это повествование к Новгороду и его округе (в частности к существующему здесь Холопьему городку).

Рассказ Герберштейна получил дальнейшее литературное развитие. Джайлс Флетчер также упоминает о войне новгородцев с рабами (только у него все начинается с похода не на Корсунь, а на татар). По ходу развития сюжета усиливается русский колорит конкретных подробностей. «...Положили идти на холопей не с оружием, а с кнутьями (по тамошнему обычаю, всякий, кто едет верхом, берет кнут с собой), чтобы напомнить им об их рабском состоянии... Это показалось рабам столь страшным и дало им такое понятие о значении кнута, действие которого они и прежде испытывали на себе, что все бросились бежать, как овцы, гонимые пастухом. С тех пор, в память этой победы, новгородцы выбили монету, которая называется новгородскою деньгою и ходит по всей России, с изображением всадника с поднятым и размахнутым кнутом»[31]. Здесь английский автор, резко враждебно относившийся к тираническому правлению Московского государства, дает волю тенденциозным измышлениям. Всадники на русских монетах времен Герберштейна и Флетчера держат в руках мечи, сабли и копья, а отнюдь не кнуты.

Не следует удивляться пристрастности Флетчера, ведь его сочинение представляет собой памфлет, о чем свидетельствует вступление к этой книге, обращенное к королеве Елизавете:

«В образе тамошнего правления Ваше Величество изволите усмотреть не только весьма удивительную, но и действительно существующую форму государства тиранического, далеко не сходную с образом Вашего правления, без истинного понятия о Боге, без письменных законов, без общего правосудия, кроме того, которому источником служит закон изустный, то есть правительственные власти, имеющие сами крайнюю нужду в законе для того, чтобы обуздать их собственную несправедливость»[32].

Примечания

1 Характеристика всех томов Свода, в частности, имеющихся в них миниатюр см.: *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

2 Остермановский второй том Свода. БАН. 31.7.30–2. Л. 634.

3 См.: *Чернецов А.В.* Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (далее ТОДРЛ). Л., 1990. Т. XLIV. С. 427–430.

4 *Морозов В.В.* Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства / ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 520–536.

5 Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Л., 1990.

6 *Охотникова В.И.* Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 176–186.

7 Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Л., 1984.

8 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. С. 54, 144.

9 ПСРЛ. М., 1965. Т. XI. С. 16, 17.

10 *Павсаний*. Описание Эллады. I, 32, 3, 4 (*Павсаний*. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1994. Т. I. С. 86).

11 Эпос славянских народов. Хрестоматия / Под ред. П.Г. Богатырева. М., 1959. С. 292.

12 Сборник Кирши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.–Л., 1958. С. 171.

13 Батрахомиомахия. Война мышей и лягушек. СПб., 1999. С. 19.

14 Сборник Кирши Данилова. С. 182, 183.

15 *Адрианова-Перетц В.П.* «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира 2-й половины XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. I. С. 223.

16 *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском. Тексты // ТОДРЛ. М.–Л., 1949. Т. VII. С. 294, 295, 297, 312, 315.

17 Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 112–116, 134, 138.

18 ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 440.

19 ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 855, 861.

20 ПСРЛ. Т. I. Стб. 13.

21 Там же. Стб. 83, 84.

22 Там же. Стб. 142.

23 *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. I. Стб. 234.

24 *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины. СПб., 1894. Т. I. (Сб. ОРЯС. Т. LIX). С. 455, 456.

25 *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941. С. 410.

26 Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1957. Т. 2. С. 234.

27 ПСРЛ. Т. XI. С. 27, 28.

28 ПСРЛ. Т. I. Стб. 495.

29 Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 150.

30 *Геродот*. Кн. 4 (Мельпомена), 1–3. См.: *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенка. М., 1888. С. 304, 305.

31 *Флетчер Д.* О государстве русском или образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 22, 23.

32 Там же. С. 3.

Т.М. Панкова

О двух произведениях мелкой каменной пластики XII – начала XIII в. (об иконах домонгольского периода с сюжетами «Деисус. Вознесение Александра Македонского», «Апостол Петр»)*

Произведения мелкой пластики из камня, кости, металла, малые по размеру, функционально являющиеся предметами личного пользования, часто с уникальными изобразительными сюжетами, позволяют углубить и уточнить наши представления о мировоззрении той или иной эпохи, свидетельствуют о параллельности художественных процессов, когда сходные исторические условия порождают почти тождественные по стилю произведения. Анализ этих памятников показывает, что взаимодействие различных культур становится мощным импульсом их развития. В этом плане особенно интересна культура Древней Руси рубежа XII–XIII вв.: взаимовлияние византийской и западной художественных традиций, начавшееся в более ранний период, к XIII в. вступило в период активизации, т.е. Русь, ее художественные и культурные центры, усвоившие прежде всего традиции византийского искусства с устойчивой системой декоративного строя, не только оставались под влиянием византийских художественных традиций, но и испытывали усиление культурных контактов с Западной Европой, что сказалось, конечно, и на пластическом искусстве. Это был период соприкосновения западной пластики с византийской, период зарождения византийско-романской и готическо-византийской скульптуры.

Произведения мелкой каменной пластики из коллекции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, о которых далее пойдет речь, – явления общего художественного процесса этого периода средневековья.

Древнерусское декоративно-прикладное искусство, в той или иной степени связанное с Рязанской землей, представлено высокохудожественными ювелирными изделиями, но произведений мелкой пластики с иконографическими изображениями, выполненных в камне и медном литье, как известно, сравнительно мало. И все они, несомненно, заслуживают самого пристального внимания уже потому, что произведений искусства, исторически имеющих отношение к Рязанской земле, в силу ряда известных причин, сохранилось немного, а археологические раскопки и случайные находки выявили уникальные памятники искусства, свидетельствующие в пользу того, что древняя Рязань являлась крупным центром художественной культуры. Нельзя не назвать литую двустороннюю икону «Пантократор. Никита, побивающий беса» рубежа XII–XIII вв., по мнению Т.В. Николаевой, – «один из наиболее художественных образцов в древнерусском металлическом литье, пока не имеющий себе аналогий»[1]. Не менее интересны, высокохудожественны и уникальны резные каменные иконы из собрания

---

* Статья была первоначально опубликована в сб. Труды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Сборник статей. Рязань, 1998. С. 138–153.

РИАМЗ. Это «Деисус» 2-й половины XII в., «Борис и Глеб» начала XIII в., «Апостол Петр» конец XII – начало XIII в., «Деисус. Вознесение Александра Македонского» XIII в., «Георгий и Дмитрий» начала XIV в.[2]

Иконки, вырезанные из камня, принадлежат к числу редких находок. Попавшие в музей из Древлехранилища, частных коллекций, в результате археологических исследований древнерусских городов (как правило, они встречаются лишь в немногих, главным образом, крупных центрах), эти произведения, часто, не имеют самых необходимых сведений. До недавнего времени во многих музеях памятники мелкой пластики хранились, не тронутые исследователями.

Каждая миниатюрная икона резалась мастером индивидуально, поэтому они никогда не повторяют друг друга (у некоторых, с особо распространенными сюжетами, находятся аналоги). Такие произведения не были предметами массового ремесленного производства. Каждая подобная находка является своеобразным образцом древнерусского искусства и иконографии и, к тому же, часто, и палеографическим памятником, если на ней есть надписи.

В настоящей публикации и представляются произведения древнерусской каменной-пластики домонгольского периода, которые до сих пор не получили освещения в научной литературе. Это двусторонняя икона «Деисус. Вознесение Александра Македонского» (размер: 6,2×5,5×1,1(в оправе), Д-5,5) – (рис. 1) и односторонняя «Апостол Петр» (размер фрагмента: 3,5×2×0,6) – (рис. 2). Эти памятники тяготеют к произведениям, условно названным в статьях В.Г. Пуцко группой «1200 г.»[3].

Эти работы отмечены высоким профессионализмом резьбы, византийской иконографией в сочетании с переходными чертами романского искусства (особенно, в иконе «Апостол Петр»), что свойственно греческим мастерам раннего XIII в. Поскольку сопроводительные надписи выполнены на славянском языке, данные памятники можно отнести не к предметам византийского художественного импорта, а к работам греческих мастеров (или резчиков их круга), число которых на Руси возросло после 1204 г., когда Константинополь был захвачен крестоносцами, участниками Четвертого крестового похода. В это время ризницы европейских соборов наполнились произведениями византийского декоративно-

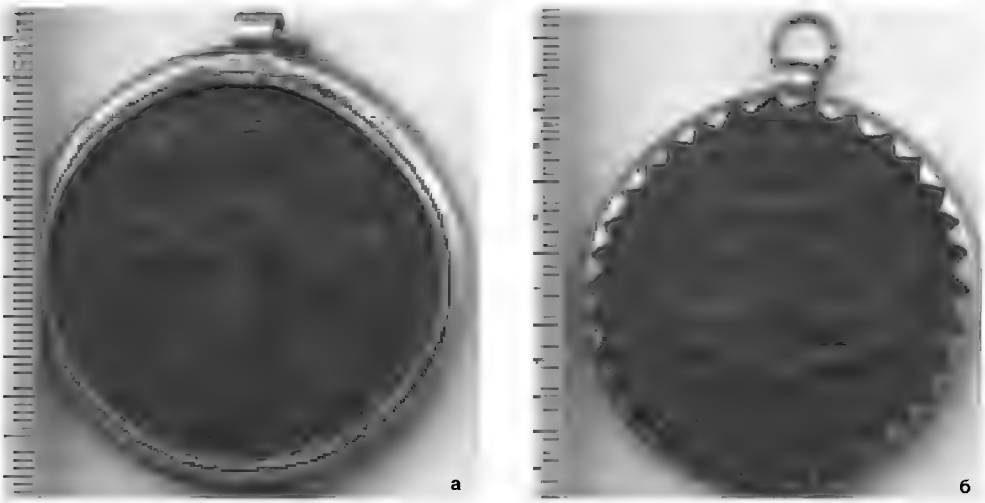


Рис. 1. Икона «Деисус. Вознесение Александра Македонского»:
а – лицевая сторона, *б* – оборотная сторона

прикладного искусства. Больше других вывозили из Константинополя венецианцы, стремившиеся украсить константинопольскими святынями свой город.

Политические события в Византии рубежа XII–XIII вв. в определенной степени способствовали общем культурному подъему Руси. Об этом ярко свидетельствуют дошедшие до нас памятники искусства: архитектуры, скульптуры, иконописи, произведения декоративно-прикладного искусства.

Рассматриваемые иконки по типу и размерам относятся к числу нагрудных. Нередко нагрудные образки как «святости», иногда имевшие патрональные изображения, подвешивались к окладам особо чтимых икон. Т.В. Николаева отмечала, что наиболее древние резные каменные рельефы носили преимущественно патрональный характер[4]. Но подобная функция для них вторична.

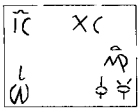
Первая из них – двусторонняя икона «Деисус». Вознесение (полет) Александра Македонского» – резана по круглой пластине темно-серого, почти черного, камня (типа сланца), имеет невысокий плоский рельеф, фон вынут неглубоко и ровно. Рельеф как бы сглажен и обработан тонкими прорезанными вглубь линиями. Оправа, более позднего времени изготовления, гладкая, с узкой рельефной рамкой с лицевой стороны и загнутая зубчиками на оборотную. В верхней части оправы петля с колечком соединялась с оглавием, которое не сохранилось.

На лицевой стороне иконы изображен трехфигурный Деисус – Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча – в рост. Фигура Христа представлена анфас, с благословляющей правой рукой и с закрытым евангелием – в левой. Нимб крещатый с секирообразными концами креста, обозначенного сдвоенными глубоко врезанными линиями. На Спасителе длинный хитон с разделкой глубокими вертикальными линиями, подчеркивающими плоскостной характер рельефа. На гиматии складки обозначены врезанными прямыми и круглящимися линиями. У Христа небольшая борода, раздвоенная на конце, усы; прямые волосы, разделенные прямым пробором, двумя локонами спускаются на плечи.

Богоматерь изображена в полоборота к Спасу с молитвенно поднятыми и протянутыми к нему руками. Складки одежд Богоматери, орнаментальные полосы на вороте и зарукавьях обозначены параллельными врезанными линиями. Вокруг лика и на правом плече отворот мафория украшен клеткой. Гладкий рельефный нимб очерчен двойной линией. Иоанн, как и Богоматерь, представлен в повороте к Христу с молитвенно протянутыми руками. Складки на одеждах переданы глубокими сдвоенными линиями. Рельефный гладкий нимб имеет двойную окантовку. На левое плечо Иоанна спускается локон. Бородка клиновидная. Лики, вероятно, имели довольно детальную моделировку, но в настоящее время рельеф сглажен (в большей степени на лике Иоанна), т.к. рельеф ликов был выше рельефа не только остальных частей композиции, но и валика рамки, окружающей средник. На лицах выделяются крупные глаза с выпуклыми глазными яблоками и глубоко врезанными веками, обозначенными сдвоенной линией. Большие руки с крупными пальцами, выделенными со стороны ладоней характерной глубокой чертой.

Рис. 2. Икона «Апостол Петр»

На фоне обронные надписи: по горизонтали слева от нимба Христа – ІС , справа – ХС , колончатые надписи слева от богоматери – МР , справа от Иоанна – ІѡАННЪ .



Композиция окружена рельефной узкой рамкой, почти скрытой оправой:

На оборотной стороне вписана в круг композиция «Вознесение (полет) Александра Македонского». На переднем плане изображены два грифона со скрещенными хвостами, с широко распахнутыми крыльями. Передней частью они обращены к внешней стороне окружности, а их головы резко повернуты в обратную строну, к центру композиции, где в большой прямоугольной корзине стоит Александр. В поднятых руках он держит за задние лапы двух зайцев. Изображения зайцев в руках Александра отличаются реалистической трактовкой, столь характерной для греческой балканской работы XI–XII вв. Руки его широко разведены в стороны. Головы грифонов тянутся к зайцам. В стертом рельефе одежды Александра хорошо видно широкое вертикальное полотнище лора, спускающееся посередине груди. На его голове корона с подвесками по бокам. На лице Александра рельеф стерт настолько, что различимы только большие глаза с крупными глазными яблоками и веками.

Плетение корзины передано глубоко врезанными перекрещивающимися штрихами. Косая штриховка – на кисточках хвостов грифонов; на крыльях – плавно круглящиеся, почти параллельные, глубокие линии. Фигуры грифонов тщательно проработаны (более низкий рельеф способствовал их лучшей сохранности). Реалистично передано оперение на шеях и крыльях. Изображения отличаются динамичной пластикой*.

По краю оборотная сторона, как и лицевая, имеет приподнятый рельефный ободок, частично скрытый оправой. Оба рельефа иконы построены по принципу формально-композиционной бинарности: левой и правой фигур по отношению к центру композиций. На лицевой стороне – Богоматерь зеркально противопоставлена Иоанну Предтече (в то же время, они одинаково предстоят перед высшей силой – Спасителем, который находится в центре между ними); на другой стороне – противопоставлены грифоны, вписанные в круг, стремящиеся к центру, – Александру Великому.

Технические особенности выполнения резных композиций рассматриваемой иконы созвучны традициям изготовления византийских стеатитов.

Эта икона не относится к числу распространенных типов изделий, представляющих продукцию резчиков Руси домонгольского периода. Ни одно сохранившееся произведение мелкой каменной пластики не дает примера, который можно было бы рассматривать в качестве иконографической параллели для этого памятника из собрания РИАМЗ. Наиболее существенную аналогию лицевой стороны иконы с Деисусом дает односторонняя каменная резная, с остатками позолоты, икона из этой же коллекции[5].

Следует отметить, что культ Спаса, наряду с культом Бориса и Глеба, характерен для Старой Рязани. Свидетельством этому является посвященный Спасителю величественный каменный храм (до нас недошедший)[6].

---

* Любопытная особенность рассматриваемой композиции – несовпадение вертикальных осей симметрии фигуры Александра и пары грифонов, запряженных в колесницу. Фигура Александра незначительно (но заметно) смещена влево. Эта особенность композиции, скорее всего, свидетельствует о ее вторичном, копийном характере, причем мастер воспроизводил оригинал на глаз, приблизительно. При создании оригинальных изображений подобного рода мастера добивались полной зеркальной симметрии (очевидно используя специальные приемы) (*Прим. отв. ред.*).

В.И.Антонова, на основе сопоставления с широким кругом сходных изображений, датировала старорязанский рельеф XI–XII вв. и считала, что мастер был хорошо знаком с техникой эмали; соединение лора и клава в жгутообразную клетчатую полосу сходно с такой же штриховкой на фасадной скульптуре церкви Покрова на Нерли и других владимиро-суздальских памятниках. Т.В. Николаева склонна отнести икону к группе памятников киевского происхождения 2-й половины XII в.[7].

Иконографическая схема исследуемого произведения не традиционная, имеет существенное отличие – Спас представлен не на троне, а стоящим строго фронтально. В то же время изображение восседающего на троне Христа, не только Пантократора, но и в составе Деисуса, относится к разряду наиболее распространенных сюжетов христианского искусства. Весьма близкие иконографии нашего памятника варианты обнаруживаются в византийских произведениях: в Эрмитажных коллекциях хранится византийский стеатит «Деисус. Избранные святые» XII в.[8], в торевтике – Деисус, практически, идентичный рассматриваемому на серебряном окладе киликийского Евангелия 1249 г.[9], в монументальном искусстве – мозаики «Деисус» собора св. Софии и церкви Хора в Константинополе[10].

Ранее отмечалось, что композиция иконы вписана в круг. Подобные изображения в круге свидетельствуют о том, что они идут от монументальных храмовых росписей. Кругом – символом неба, вселенной, вечности – подчеркивалась божественная сущность Богочеловека – Создателя. Изображение Христа, перешедшее на нагрудную икону, воспринималось ее владельцем как знак высшего покровительства.

Пытаясь продолжить поиски возможных аналогий художественным и стилистическим особенностям нашей композиции «Деисус», обратимся к ряду памятников каменной пластики XII–XIII вв., а также к другим произведениям декоративно-прикладного искусства этого и предшествующего периодов. Многие иконки, которые Т.В. Николаева отнесла к киевской группе и датировала 1-й третью XIII в., некоторыми особенностями близки рассматриваемой[11]. Например, манера изображения волос Спаса и Иоанна Предтечи (волосы локонами спускаются вдоль шеи) роднит ее с иконкой из Изяславля «Илья Пророк» (ГЭ) «, иконами «Борис и Глеб» (РИАМЗ), «Симеон Столпник и Ставрокий»[12], упоминавшимися выше, старорязанским образком – «Пантократор. Никита, побивающий беса». Иконографические особенности передачи складок мафория на челе Богоматери прослеживаются не только на произведениях исследуемого времени: на некоторых иконах XII – 1-й трети XIII в.[13], на серебряном медальоне XII в., найденном в с. Старая Буда Киевской губернии[14], но и на более ранних памятниках искусства: монументального – в алтарной мозаике храма Панагии Ангеолоктисты в д. Кити на Кипре [15], пластического – на книжном резном окладе из слоновой кости из Геноэльс-Эльдерена со сценами «Благовещения» и «Встречи Марии с Елизаветой» (конец VIII в., Брюссель, Музей прикладного искусства)[16]. В данном рельефе из слоновой кости изображение складок одежд, орнаментальные полосы на зарукавьях и вороте, переданные параллельными глубоко врезанными линиями, гладкие рельефные нимбы, очерченные двойной линией, декоративная косая клетчатая штриховка стилистически близки нашей иконе. Подобные параллели подтверждают, что соприкосновение византийского искусства с западным не прошло бесследно как для того, так и для другого; в творчестве греческих мастеров произошло соединение элементов романского стиля с византийскими художественными традициями.

В то же время наша икона, по некоторым стилистическим особенностям, перекликается с группой памятников, связанных с Новгородом: плоский рельеф,

сглаженный и отшлифованный до мягкого блеска, характерные пропорции фигур с крупными округлыми лицами, греческими носами (потерявшими свою утонченность из-за механического повреждения), с большими выпуклыми глазами, традиционными прическами, в одеждах с разделкой сдвоенными параллельными прямыми и косыми линиями, с декоративной насечкой клеткой[17]. Но подобные черты можно проследить и в произведениях как из старых коллекций, так и из сравнительно недавних археологических находок (успехи археологии последних десятилетий изменили представление о том, что резные каменные иконки условно группируются вокруг двух-трех центров: подобные находки были обнаружены во многих западных, южных и северных культурно-художественных центрах Руси): в иконках – византийской из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко «Федор Стратилат» XI–XII вв., западнорусской группы – «Христос Эммануил» XII в., Пинск, (Институт истории АН Белоруссии), «Христос» I-й половины ХШ в., Червень, Старый Замок, (Польша), с бывшей территории Золотой Орды – «Ангел с венком» XI–XII вв., городище Увек, (Саратовский музей)[18]. Все эти произведения – памятники византийского круга (некоторые, возможно, византинизирующие) – первоклассные каменные миниатюры, объединенные конкретными стилистическими и техническими свойствами, заставляют предполагать, что их родство – следствие общего художественного процесса и свидетельство его широты.

Изображение на оборотной стороне иконы – «Вознесение (полет) Александра Македонского» – весьма необычно для древнерусской мелкой каменной пластики, предназначенной для ношения на груди. Сюжет был чрезвычайно популярен в X–XIII вв. в декоративно-прикладном искусстве Запада и христианского Востока, в частности, в монументальной фасадной скульптуре.

Жизнеописание Александра Великого в романе Псевдо-Каллисфена (II–III вв. н.э.) распространилось в Византии с V в., а с XI–XII вв. было известно и на Руси. И в средневековой литературе Ближнего и Среднего Востока, и в императорском искусстве Византии Александр Македонский прославлялся как идеальный, мудрый правитель. Культ Александра, преемниками которого считали себя многие византийские императоры, служил упрочению высшей власти самодержца – представителя Бога на земле.

В XII в. представление о божественном происхождении власти было чрезвычайно актуальным. В процессе формирования иконографии тех или иных персонажей мелкой каменной пластики происходил отбор необходимых деталей, в т.ч. и при изображении представителей светской иерархии (царей, военачальников). В XII в. их изображения и на Востоке, и на Западе имели устойчивую традицию. Цари изображались на иконах так же, как и святые. Они, в соответствии с древней византийской традицией, «святы» в силу своего сана. Сюжет «Вознесение Александра Македонского» символизировал у многих народов победоносную мощь верховного правителя.

Необходимо попытаться найти возможные аналогии в памятниках средневекового искусства. В плане сопоставления сравним композицию исследуемой иконки с опубликованными ранее произведениями. Данная икона самым тесным образом связана с художественными традициями XI–XIII вв. и, в первую очередь, конечно, с византийскими. В искусстве Византии иконография полета Александра Македонского сложилась уже в X веке. Придворное изобразительное искусство средневековья определялось не только общностью стиля, но и общностью тематики. Примером этому являются произведения с данным сюжетом. Андре Грабар в своем труде приводит ряд памятников, которые обнаруживают весьма близкий иконографический вариант: золотые медальоны с перегородчатой эмалью XI в. (Пала д'Оро, из ризницы собора св. Марка в Венеции), мраморный ре-

льеф XI–XII вв. (на северном фасаде того же собора), мозаики пола в соборах Таренто и Отранто XII–XIII вв., скульптурные изображения Александра Македонского на соборе в Битонто XII – начала XIII в., рельеф в монастыре Дохиариу на Афоне XI в., свинцовый моливдовул X в. (Эрмитаж, С-Петербург), византийские серебряные чаши XII в. (Эрмитаж, С-Петербург), золотая диадема XI–XII вв. из коллекции В. Ханенко (Киев)[19]. Этот перечень можно продолжить. Сюжет изображался на иранских и византийских тканях X–XII вв., константинопольских эмалях и художественном металле XII в., фасадной скульптуре Италии, средней полосы Франции, берегов Рейна[20]. Особенно отчетливо процесс ассимиляции византийских образцов, в т.ч. и с нашим сюжетом, проявляется в венецианском искусстве (см. на примере собора св. Марка в Венеции). Как уже отмечалось, с X–XI вв. иконография была хорошо известна и на Руси. Вместе с обрядом венчания на княжение русские князья позаимствовали из Византии и короны-диадемы, украшавшиеся символическими изображениями, в т.ч. и «Полетом Александра Македонского»: на великокняжеских золотых диадемах X, XII–XIII вв. В шитье саккоса Московского Митрополита Алексия (2-й половины XII в.) он встречается несколько раз[21]. Во время раскопок в Новгороде был найден фрагмент деревянного расписного блюда XIII в. с композицией «Вознесение Александра Македонского», о чем свидетельствует имеющаяся на нем надпись[22]. В церковной фасадной скульптуре Владимиро-Суздальской Руси 2-й половины XII в. данная композиция соседствует с наиболее важными христианскими сюжетами: в белокаменной резьбе Успенского собора Андрея Боголюбского, Дмитриевского собора во Владимире, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (по реконструкции Г.К. Вагнера).

По иконографии изображение на исследуемой резной иконе близко к одноименной рельефной композиции в восточной закомаре южного фасада Дмитриевского собора во Владимире (1194–1197 гг.) [23].

В XI–XII вв. экономические, политические и культурные связи Руси и Византии были особенно тесными. Идея сильной державной власти, столь популярная в Византии, была близка и русским князьям. Г.К. Вагнер отмечал, что «главной политической идеей владимиро-суздальских князей времени княжения сыновей Юрия Долгорукого – Андрея Боголюбского и Всеволода III, а также и внука – Георгия Всеволодовича – была идея сильной княжеской власти, способной превозмочь феодальное дробление и расчленение Руси»[24]. В осуществлении национальных интересов владимирских князей по централизации использовались как материальные, так и идеологические средства, в их числе и художественная эмблематика, в которой господствовали символы державной власти и силы. Наиболее полно триумф централизованной власти находил свое выражение в скульптуре Владимиро-Суздальской Руси. Здесь как и в византийских памятниках, рельеф с композицией «Вознесение (полет) Александра Македонского» – отражение идеи сильной княжеской власти, продолжавшей быть популярной и в последующие века[25]. Сам прецедент выбора для иконки – личного оберега – сюжета с Александром Великим, символизировавшим в средние века у многих народов победоносного верховного правителя, говорит о принадлежности данного памятника великому князю. Александр здесь рассматривается как патрон, покровитель князя. Мы видим все регалии царя-триумфатора, он изображен в окружении грифонов – символов военачальника и царя. Большой интерес в этой связи вызывают иллюстраций, приведенные в труде В.П. Даркевича «Светское искусство Византии»[26]: на серебряных византийских чашах XII в. (Эрмитаж) грифоны, обращенные орлиными головами друг к другу, стоят на задних лапах; спиной к спине. Стройные туловища с обозначением ребер и грив на шеях, львиные лапы, серпо-

видные поднятые и распахнутые крылья срастаются в центре композиции, шеи вытянуты и напряжены[27]. Сходный характер имеют и фигуры парных грифонов и на исследуемой каменной иконе. На ней так же, как и на чашах, фигуры композиции плотно заполняют пространство, органично вписываясь в круг.

Рельеф «Вознесение Александра Македонского», очевидно, связан идеей силы и могущества с рельефом лицевой стороны «Деисусом» – воплощением идеи моления в лицах главных «заступников», предстоящих Спасу – Богоматери и Иоанна Предтечи. Со всей уверенностью можно сказать, что многофигурные композиции на нашем памятнике должны были выражать идею апофеоза великокняжеской власти, которая находила поддержку и у силы высшей, поскольку нося ее на груди, князь как бы заручался божественным покровительством в своих политических предприятиях.

Феодальная знать Рязани в XII–XIII вв., по-видимому, искала святых воинов, которые могли бы играть роль покровителей и защитников их воинских походов, подобно мученикам-князьям Борису и Глебу, превращенным в воинов-патронов и покровителей князей. По всей вероятности, с той же целью использовалась и икона из коллекции РИАМЗ «Деисус. Вознесение Александра Македонского».

В статье А.С. Уварова «Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве» (где была опубликована прорись только одной стороны иконки, с изображением Александра. – *Отв. ред.*)[28] содержится упоминание о том, что рассматриваемый памятник находился в Никольском храме г. Зарайска (вероятно, в качестве вклада, как святыня). К сожалению, архивные поиски не дали возможность установить, ни каким образом он попала в собор, ни каким путем поступил в музей: в книгах поступлений Епархиального Древлехранилища он не значится; не сохранились описи имущества Никольского собора, а также описи, составлявшиеся комиссией подотдела Зарайского бюро юстиции.

В настоящее время, из-за отсутствия исторических источников, затруднительно окончательно решить вопрос, была ли эта каменная икона выполнена по заказу какого-нибудь рязанского князя при его дворе в столице княжества – Старой Рязани или была привезена на Рязанскую землю.

Представляет определенную проблему и вопрос о мастере, выполнившем уникальную резную иконку. Даже самые совершенные произведения художественного ремесла редко подписывались. В.П. Даркевич, говоря о средневековых мастерах, подчеркивает, что личность «умельца как бы растворялась в его богоугодном художестве – он высоко ценил свой труд, но в мирской известности ощущал даже нечто постыдное, мешающее творчеству». И, в то же время, «по воззрениям средневековья, все, сотворенное Богом, совершенно («он водит рукой смиренного ремесленника»). Отсюда стремление к совершенству воплощения...», к произведению, доведенному до высшей степени артистизма»[29].

Не меньшую трудность представляет установление имени заказчика – конкретного исторического лица. Произведения мелкой каменной пластики, по своему характеру предназначенные не для общественного, а для личного употребления в качестве нагрудной иконы-оберега, почти никогда не попадали на страницы летописей и других исторических документов.

Как правило, большая часть памятников пластики в советских музеях в течение длительного времени хранилась обезличенной[30], за исключением находок археологических экспедиций, вошедших в состав коллекций.

Художественное совершенство нашего памятника свидетельствует о незаурядной ремесленной работе, произведении выдающегося мастера. Для того, чтобы выполнить эту миниатюрную иконку, нужно было владеть высоким профессиональным искусством резьбы и утонченным вкусом, воспитанным на ви-

зантийских образцах: уровень исполнения сказывается во всем – от общего рисунка до манеры нанесения отдельных штрихов. Таким образом, несомненное воздействие на автора иконки византийских произведений приводит к мысли, что он не только был хорошо знаком с литературным сюжетом, видел вещи с подобной композицией, но и имел возможность конкретно их использовать в качестве образца, т.е. можно говорить о прямой связи с классическим византийским источником, который был доступен для резчика.

Все изложенное дает основания полагать, что работа была выполнена мастером греческого происхождения. Был ли он местным, рязанским, ремесленником, работавшим в великокняжеской мастерской, или икона была привезена из какого-то другого русского княжества, не имеет принципиального значения. Более существенно, что автор ориентировался на произведения византийского круга.

На нагрудную икону сюжет пришел из светского придворного быта, из монументального искусства, в т.ч. скульптуры. В это время активно развивалось придворное искусство, призванное удовлетворять потребностям русской аристократии. Как и в Византии, высококвалифицированные мастера на Руси занимали привилегированное положение среди своих собратьев: они имели доступ даже к хранилищам книг, где могли почерпнуть сюжеты для своих произведений.

Позволю себе выдвинуть гипотезу о вероятном заказчике иконы. Это мог быть не кто иной, как великий князь, возможно, Рязанский, но есть вероятность, что и Владимирский или Киевский, необходимо учитывать связи Рязани XII – начала XIII в., культурно-исторические, а также родственные узы, связывавшие ее князей с землями, из состава которых княжество не так давно выделилось, и с Владимиро-Суздальским княжеством той поры, когда оно переживало расцвет его культуры и искусства.

Обратимся к эпиграфике памятника. Анализ надписей показывает, что их графика характерна для XI–XIII вв.[31]. XIII в. делится на две части 1237 г. В.Н. Щепкин отмечал, что первая часть в палеографическом отношении примыкает к XII в. В литургических памятниках долго сохранялись старые варианты начертания букв XI–XII вв.[32]. Своеобразие некоторых букв на данной иконке, как, впрочем, и на других произведениях каменной пластики и в надписях на стенах, объясняется тем, что их написание, вследствие сопротивления материала, представляло определенные трудности.

Поэтому часто ближе к надписям на камнях графика берестяных грамот того же периода[33], отступающая от уставного письма рукописей. Она долго сохраняла свой геометрический характер.

Особого рассмотрения требуют лигатуры (спайки) двух соседних букв. В Византии лигатуры появились в конце X в. XII в. – время их наибольшего распространения, а в XIII в. употребление лигатур сокращается[34]. В Византии наиболее распространенной была мачтовая лигатура, т.е. соединение двух смежных вертикальных линий в одну. В нашем случае это – .

Наряду с другими, встречалось включение одной буквы в другую. На иконе – , т.е. сочетание из «он» (о) и «ижицы» (у). Такое лигатурное построение кирилловской буквы «ук» (оу) в IX–X вв. было подсказано византийским письмом, т.к. в нем для передачи звука «у» также использовалось сочетание «омикрона» и «ипсилона».

Подобную лигатуру – "" мы видим на серебряном медальоне XII в. с изображением Богоматери из композиции «Деисус», найденном в составе клада в с. Старая Буда Киевской губернии в 1908 г.[35]

Стилистические особенности начертания букв на данной иконке дают основание отнести время ее изготовления к раннему XIII в.: по манере исполнения, ико-

нографии, трактовки пластики рельефа памятник тяготеет к стилю круга произведений византийских мастеров рубежа XII – начала XIII в., т.н. группы «1200 г.». В пользу такого предположения говорит и возвышенный характер образов.

Принимая во внимание всю совокупность приведенных стилистических признаков, представляется возможным допустить, что двусторонняя каменная резная икона «Деисус. Вознесение Александра Македонского» принадлежит домонгольскому периоду (до 1237 г.) и выполнена на территории Руси греческим резчиком. Попытки найти аналоги в произведениях других жанров искусства того времени подтверждают это предположение. Учитывая общее смысловое значение сюжетов на лицевой и оборотной сторонах иконки, можно с большой долей вероятности считать ее апотропеем великих Рязанских князей, которые могли носить ее в пути, походах, боях, политических предприятиях.

Не меньший интерес у специалистов вызовет и второе из рассматриваемых произведений резной каменной пластики – икона с изображением апостола Петра (фрагмент) – (рис. 2).

Фрагмент был найден в период проведения охранных археологических раскопок в кремле Рязани (Переяславля Рязанского) в 1988 г. под руководством В.В. Судакова и М.М. Макарова. Раскоп был заложен близ подошвы кремлевского вала (вскрыли участок современной дороги, идущей вдоль его внутренней части). Находку обнаружили в юго-восточном углу раскопа, у самой подошвы вала, на глубине 150 см, на границе перемешанного и непотревоженного культурного слоя. В том же пласте, неподалеку, проявились контуры могильной ямы женского погребения XI–XII вв. с височными кольцами и перстнями XI–XII вв.[36].

Появление каждого нового произведения каменной пластики, связанного с Рязанской землей, особенно такого периода, как домонгольский, позволяет заполнять существующие пробелы в истории древнерусского искусства. Именно с этой точки зрения можно рассматривать ценность для истории искусства отдельных экземпляров подобного рода из коллекции РИАМЗ.

Икона с изображением апостола Петра односторонняя, из темно-серого, почти черного камня, типа сланца. Пластина с закругленными верхними углами (нижние, отсутствующие, вероятно, были прямыми) напоминает по форме перевернутый геральдический щит, с углубленным плоским фоном и выступающими полями – внешней рельефной рамкой, по-видимому, первоначально прикрываемая оправой. Поля выше рельефа лика апостола на 0,5–1 мм, что способствовало, практически полной сохранности его изображения. Иконка расколота по линии плеча, в центре – по овалу бороды.

Характерна моделировка вырезанного строго фронтально лика св. Петра с детальной проработкой черт, выполненных с ювелирной тонкостью: выпуклый лоб, широкие брови, крупные миндалевидные, широко открытые глаза, с большими глазными яблоками и зрачками; нижние веки с двойной окантовкой, набегающие верхние веки. Резцом подчеркнута выпуклая прямая переносица четко очерченного носа с выразительными, слегка раздутыми ноздрями. Усы окаймляют рот и переходят в округлую бороду, подчеркивающую сильный подбородок Петра.

Волосы апостола изображены в виде прически, уложенной в два валика, напоминающих очелье, каждый из которых состоит из 12 поперечных локонов[37]. В собрании Киевского музея западного и восточного искусства хранится уникальное произведение VI в., выполненное в Константинополе – энкаустическая икона «Сергий и Вакх», привезенная в Россию в конце XIX в. из монастыря св. Екатерины на Синае русским ученым Порфирием Успенским (ранних икон до нас дошло мало, почти все были уничтожены в период иконоборчества). Волосы

святых на этой иконе изображены идентично прическе св. Петра на рязанском каменном рельефе – уложены в 12 вертикальных локонов, напоминающих очелье[38]. Аналогичное обрамление лица прической традиционно и характерно в течение довольно длительного времени и для византийской пластики. Такие примеры дают известные произведения: статуя императора из Барлетты (Италия, 2-я половина IV в., бронза), голова императрицы Феодоры (Милан, Кастелло Сфорцеско, середина VI в., мрамор).

Изображение Петра отличается ярко выраженными греческими чертами лица. Близкое по типу лицо мы видим на византийской мозаике церкви Сан Витале в Равенне – слева от императрицы (до середины VI в.)[39]. Среди памятников мелкой каменной пластики, найденных на территории Руси и опубликованных, аналогом единоличного изображения св. Петра является лишь одно произведение, отнесенное Т.В.Николаевой к условно западнорусской группе[40].

На рассматриваемом памятнике нимб святого может быть охарактеризован как романизирующий – вокруг головы он имеет двойную окантовку в виде узкого рельефного валика и заполнен рельефным орнаментом, составленным из узких лепестков или снопов лучей, исходящих от головы апостола (типа розетки, раковины). Аналогичные нимбы известны в бронзовой пластике начала XIII в. – например, иконе с городища на реке Менке «Козьма и Дамиан»[41]. Этот декоративный элемент пластики в данном случае, с одной стороны, иллюстрирует результат тесного взаимодействия византийских и романо-готических традиций в раннем XIII веке, с другой стороны, вследствие этого, является аргументом в пользу датировки каменной иконки этим периодом.

X – начало XIII в., как известно, время, когда одним из мощных источников художественных влияний была Византия. Многие памятники западноевропейской пластики несли черты романо-византийского взаимодействия[42]. Например, Вильгельм Любке в своем труде[43] воспроизводит рельеф из слоновой кости (X в.), который хранился в библиотеке Сан-Галлена. На этом рельефе у фигуры, олицетворяющей солнце, нимб заполнен лучами, исходящими из головы. В немецкой скульптуре рубежа XII–XIII вв. – раннего XIII в. мы встречаем тот же декоративный элемент: в рельефах «Благовещение», «Битва Архангела Михаила с Сатаной» (Бамберг, Георгиевский собор); рельефах ограды хора в церкви Либ-Фраукирхе «Христос», «Мария» (Хальберштадт); ограды хора монастырской церкви (Хаммерслебен)[44]. То есть во всех этих произведениях присутствует прием декора нимбов в виде снопов лучей, розеток.

Художественные качества рельефа «Апостол Петр» столь совершенны (резное изображение чуждо схематизма и условности), что этот прекрасный образец мелкой пластики мог быть создан только резчиком-профессионалом, который сумел передать в образе святого черты жизненной силы и мужественности. Облик св. Петра на иконе своей выразительностью напоминает нам о предании, согласно которому чудесная сила апостола – одного из самых любимых учеников Христа – была так велика, что одна тень его тела исцеляла больных, положенных на пути, по которому он шел.

Лику апостола мастер придал черты человека – своего современника, стремясь к индивидуальному подходу в психологическом решении этого образа. Резчик обладал четкими навыками в рисунке и знал иконописную трактовку, умело пользовался приемами моделировки. Хорошо владея резцом, резал свободно, добиваясь выразительной скульптурной лепки лица.

На фоне иконы резанные вглубь колончатые надписи, слева и справа от головы апостола: слева – П Є Т; справа – Р З

Славянская сопроводительная надпись эпиграфическими признаками характерна для 1-й половины XIII в.[45]

По многим признакам, согласно классификации Т.В. Николаевой и мнению В.Г. Пуцко[46], данный памятник можно условно отнести к киевской группе к. XII – 1-й трети XIII в.[47] Высокий профессионализм резьбы, стилистические особенности, в которых сочетаются переходные черты , связывающие романо-готическое искусство с византийской иконографией XII–XIII вв., обнаруживают устойчивый ряд художественных признаков, присущих искусству византийских мастеров или резчиков, близких их кругу, что позволяет с большой долей вероятности отнести резную каменную икону «Апостол Петр» к группе мелкой пластики, выполненной греческими художниками раннего XIII в.[48]. А сопроводительные надписи на славянском языке на произведениях данной манеры исполнения, в т.ч. и на рельефе с изображением св. Петра, дают возможность считать их византийскими работами, исполненными на территории Руси, возможно, в архиерейских или великокняжеских мастерских.

Каменные иконки никогда не было предметами массового производства, т.е. их не производили на рынок. Они исполнялись только по заказу. Таким образом, это были единичные, индивидуальные изделия. Раскопками еще не были обнаружены мастерские по производству резных каменных икон. Возможно, сравнительно редкие заказы на них выполнялись мастерами, работавшими также в других техниках. Можно с уверенностью сказать, что резная каменная икона «Апостол Петр» представляет собой образец высокого художественного ремесла, яркое явление культуры.

В заключение необходимо подчеркнуть, что собрание мелкой каменной пластики Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника малочисленное, но оригинальное, включающее лучшие образцы своего времени. Среди них – уникальное произведение, которое долгий период времени, в силу ряда причин, не попадало в поле зрения исследователей. Это двусторонняя икона «Деисус. Вознесение Александра Македонского». Из последних археологических находок подобного рода на территории Рязанского кремля происходит рассмотренный фрагмент односторонней иконы «Апостол Петр».

Эти произведения можно считать принадлежащими к одной художественной пластической традиции с выработанными приемами, несмотря на то, что, на первый взгляд, они, казалось бы, представляют собой единичные памятники. В совокупности с другими образцами мелкой каменной пластики рубежа XII–XIII вв. они способствуют более полному раскрытию, освещению истории древнерусского пластического искусства.

Высокие художественные качества рассмотренных памятников обеспечивают им значение полноправных произведений искусства Древней Руси.

Примечания

[1] См.: *Николаева Т.В.* Рязанская икона с изображениями Пантократора и Никиты с бесом // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 383.

[1] РИАМЗ. Инв. № 1207, 1865, 15726, 15146, 3774. ..

[3] *Пуцко В.Г.* Византийские мастера XIII в. на Руси // Byzantinorussica. М., 1994. № 1. С.76–97; *Пуцко В.Г.* Византийская пластика на Руси // Московский журнал. МД. 1995. № 6. С. 16–21; *Пуцко В., Штыхов Г.* Бронзовый образок из городища на р. Менке // Час, помнікі, людзі: Помяці рэпрасаваных археолагаў. 152 Мінск, 1993. С. 141–145.

[4] См.: *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // Свод археологических источников. Е1–60, М., 1983.

[5] Из находок Селиванова А.В. в Старой Рязани. Куплена им в 1888 г. у жителя Старой Рязани, который нашел рельеф в 1885 г. (?) на месте, где стоял Спасский собор. См.: ТРУАК. 1890. Т. V. № 1–2. С. 31–34.

[6] См.: *Монгайт А.Л., Чернышев М.Б.* Спасский собор в Старой Рязани // Новое в археологии. М., 1972. С. 210–216.
[7] *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М., 1955. С. 133; *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... С. 39.
[8] *Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.–Л., 1966. Табл. 152.
[9] См.: Наше наследие. 1988. № 6. С. 124.
[10] См.: *Лихачева В.* Искусство Византии IV–XV веков. Л., 1986. Илл. на с. 220, 221, 228.
[11] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... Табл. 12, № 1 (№ 47).
[12] Там же. Табл. 5, № 1, 3 (№30, 32).
[13] «Устюжское Благовещение», 2-я половина XII в. (ГТГ, № 125539), «Богоматерь Умиление» начала XIII в. (Успенский собор Московского Кремля, № 1075 соб/ж-267), «Богоматерь Великая Панагия» 1224 г. (ГТГ, № 12796).
[14] *Макарова Т.И.* Черненое дело Древней Руси. М., 1986. С.101, рис. 49, № 273.
[15] *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1. С. 234–235, илл. IV.
[16] См.: Всеобщая история искусств. М., 1960. Т. II. Кн. 1. Илл. 176–177.
[17] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... Табл. 18, № 1, 3–6 (№ 84, 86–89).
[18] Там же. Табл. 10, № 3, табл. 64, № 2, 5, табл. 63, № 2.
[19] *Grabar A.* L'art de la fin de L'antiquite et du moyen age. Paris: College de France, 1968. V. I. P. 291–296; V. III. P. 60, 64–66.
[20] См.: *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. М., 1975.
[21] См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 642.
[22] *Колчин Б.А.* Новгородские древности // Резное дерево. М., 1971. С. 60, № 313.
[23] См.: *Бобринский А.А.* Резной камень в России. М., 1916. Табл. 12, 3.
[24] *Вагнер Г.К.* К вопросу о Владимиро-Суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 258.
[25] См.: *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970. С. 90. Одной из эмблем на монетах Великого Тверского князя Бориса Александровича (XV в.) была композиция с полетом Александра Великого на грифонах (на самом деле в данном случае на птицах. – *Отв. ред.*).
[26] См.: *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. С. 12–35, 38–62, 72, 74, 94, 120, 137, 155–159, 191–194.
[27] Там же. С. 191, илл. 292–295.
[28] См.: *Уваров А.С.* Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве // Христианские древности и зодчество. М., 1910. Т. 1. С. 306–311.
[29] *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 54–55.
[30] *Порфиридов Н.Г.* Вопросы областного атрибутирования памятников древнерусской мелкой пластики // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 66.
[31] См.: *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967; *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956; *Истрин В.И.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
[32] *Щепкин В.Н.* Русская палеография. С. 101–102, 114, 241.
[33] *Черепнин Л.В.* Русская палеография. С.162–163, 251–252.
[34] *Щепкин В.Н.* Русская палеография. С.41–42.
[35] *Макарова Т.И.* Черненое дело Древней Руси. С. 101, рис. 49.
[36] См.: *Судаков В.В.* Отчет об охранных археологических раскопках в кремле г. Рязани в 1988 году // НА РИАМЗ. 3473; Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань, 1995. С.75.
[37] См.: *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. С. 75 (О священном числе «12»).
[38] *Лихачева В.* Искусство Византии IV–XV веков. С. 70.
[39] Всеобщая история искусства. М., 1960. Т. V. Кн. 1. Илл. 17.
[40] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... Табл. 63, № 357; стилистическое родство можно заметить в изображении св. Георгия – см.: там же. Табл. 16, № 8 (№81).
[41] *Пуцко В., Штыхов Г.* Бронзовый образок из городища на р. Менке. С. 141–145.
[42] *Demus O.* Byzantine Art and the West. New York, 1970. Fig. 235, 242.
[43] *Любке В.* История пластики с древнейших времен до нашего времени. М., 1870. С. 241.
[44] *Ювалова Е.П.* Немецкая скульптура 1200–1270. М., 1983. С. 20–21, 70–71.
[45] См.: прим. 28–31.
[46] *Пуцко В., Штыхов Г.* Бронзовый образок из городища на р. Менке. С. 19. См. также сн. 3.
[47] Там же; *Пекарская Л.В., Пуцко В.Г.* Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 131–135.
[48] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... Табл. 2–12 (см. также работы В.Г. Пуцко в сн. 3).

В.Г. Пуцко

Из истории русской каменной пластики XIII в.: рязанские иконы с изображением Деисуса

Каменные иконки с рельефными изображениями широко известны: были в средневековой Руси где они, однако, получили неодинаковое распространение в различных, регионах. Львиная доля изделий приходится явно на Новгород, где становление художественной обработки камня падает уже на рубеж XIII–XIV вв.[1] До этого времени могли там работать лишь отдельные ремесленники, выполнявшие резьбу, и по временам имел место приток сравнительно немногих образцов византийского художественного импорта XII–XIII вв.[2] Вопреки установившимся представлениям», зарождение собственно русской резьбы малых форм по камню происходит около 1200 г., и датирование более ранним временем ряда иконок обязано недоразумениям, вызванным архаизирующей манерой исполнения[3]. По-видимому, исключительно велика была роль ряда мастеров, оказавшихся на Руси после захвата и разграбления крестоносцами Константинополя, в числе которых находились и весьма элитарные, принадлежавшие к столичному придворному кругу[4]. Присутствие таких резчиков прослеживается в Киеве, но их продукция могла достигать и других русских городов, в частности — Рязани, знаменитой своими каменными храмами и богатыми кладами ювелирных изделий. Речь идет о старорязанских находках.

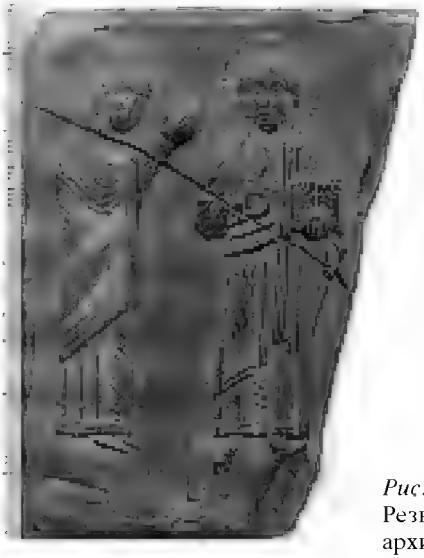


Рис. 1. Деисус. Каменная икона из Старой Рязани. Резьба, позолота. Начало XIII в. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

Из случайных находок А.В. Селиванова, производившего раскопки и Старой Рязани в 1888–1899 г. происходит фрагментарно сохранившаяся иконка, из коричневато-серого сланца, размером 10×7,5×0,9 см, обнаруженная до 1887 г.[5]. Произведение позже было датировано XI–XII вв. и отнесено к вероятной продукции русского мастера[6]; затем описавшей его Т. В. Николаевой – XII в.[7] Писавшие об изделии авторы явно затруднялись сказать о нем что-то определенное. Образок исторически связан с Рязанью, в числе немногих памятников каменной резьбы, неодинаковых по стилистической характеристике. В настоящее время хранится в собрании Рязанского историко-архитектурного музея-за-

поведника[8]. Иконка представляет каменную пластину, первоначально по своим пропорциям приближенную к квадрату, с выполненной в низком уплощенном рельефе трехфигурной композицией Деисуса, с изображениями в рост, из которых одно (Иоанна Предтечи) утрачено вместе с правой частью камня, отколовшейся по косой неровной линии, немного задевшей и одежду изображения Христа (рис. 1, 2, *1*). От утраченной фигуры осталась лишь незначительная часть головы, окруженном обозначенным врезанной линией нимбом. Еще одна сквозная трещина пересекает сохранившуюся часть произведения в виде почти прямой линии, проходящей от шеи Богоматери к середине фигуры Христа, задевал благословляющую правую руку. Сколы, и обломы приходятся в основном на края плоскости: впрочем, не исключено, что узкая рельефная рамка сбита преднамеренно, при приспособлении, рельефного изображения для каких-то определенных целей. Трудно предположить, чтобы это явилось результатом случайных механических повреждений, тем более, что фигуры при этом практически не пострадали, и их пластическая обработка по своей сохранности является почти идеальной применительно к условиям нахождения в земле.

Рельефная композиция представляла фигуры на гладком фоне, и лишь Христос изображен стоящим на омфалии, круглые очертания которого отчетливо видны. Не приходится сомневаться в том, что непосредственным образцом для резчика послужила живописная композиция, типа византийских икон III в., сохранившихся в монастыре св. Екатерины на Синае и отличающихся более изысканными рисунком и пропорциями, свойственными столичному направлению в искусстве[9]. Это приходит на смену неоклассической трактовке македонских рельефов из слоновой кости, относящихся к X в., где первоначально фигуры предстоящих могут иметь иное расположение[10], а затем заметно разнообразить жесты[11]; романизированную их версию представляет итальянская резьба по кости XI–XII вв.[12]. Но в изделиях из слоновой кости круга императора Романа уже появляются строй-

Рис. 2. Деисус. Каменная икона из Старой Рязани (в реконструируемой форме) – (*1*); Богоматерь Заступница. Икона из Куршумлии. Стеатит, резьба. XII в. Белград, Национальный музей (*2*); Распятие. Камень, резьба. Около 1200 г. Афины, Византийский музей (*3*)

ные фигуры с мягкой пластической моделировкой, позволявшей при невысоком уплощенном рельефе достигнуть исключительной художественной выразительности[13]. Изображения стоящего на омфалии Христа известны в византийском искусства по крайней мере с XI в., причем в виде существовавших в то время икон. Эта деталь встречается и на византийском мраморном рельефе XII в. с изображением Деисуса, находящемся, ныне в Сан Марко в Венеции: здесь омфалии представлены даже под ногами Богоматери и Иоанна Предтечи[14] (рис. 5).

Иконографический вариант Деисуса, предполагающий изображенные фигуры стоящими и рост, насколько – можно об этом судить, получил известность на; Руси с середины XII в., на что указывает семифигурная композиция в технике перегородчатой эмали, украшающая золотую диадему, найденную в 1889 г. в составе клада в Киеве[15]. Другие примеры того же дают первый пятифигурный Деисус в рост Георгиевского собора Юрьева-Польского и большой деисусный чин аркатурно-колончатого фриза того же собора, возведенного в 1230–1234 гг.[16]. Особенностью первого является изображение Христа благословляющего обеими руками. От второго Деисуса сохранилось на северном фасаде девять фигур из тринадцати. В состав чина входят апостолы, мученики и святые воины. Следовательно, это довольно развитая композиция, предвосхищающая ее более поздние иконостасные вариации.

Резной каменный Деисус из Старой Рязани тоже имеет свои, примечательные черты, достойные внимания. Рисунок фигур выполнен профессионально, уверенной рукой, но определить его как изысканный, вряд ли возможно: изображения кажутся несколько грузными, большеголовыми. Впрочем, это свойство таких образцов византийской резьбы рубежа XI–XIII вв., высокие пластические качества которых исключают проявления ремесленности (рис. 2, 3). Христос изображен в хитоне и гиматии, благословляющим двуперстным сложением перед грудью, держа в другой руке квадратный кодекс Евангелия, крышка которого украшена крупным прочерченным равноконечным крестом, с пересекающими средокрестье линиями-лучами и перекладинами на концах, что по типологии сближает его с германским. Хитон Христа по обычаю украшен клавом, с косой штриховкой, который неожиданно переходит в вертикальную нашивку спереди, спус-

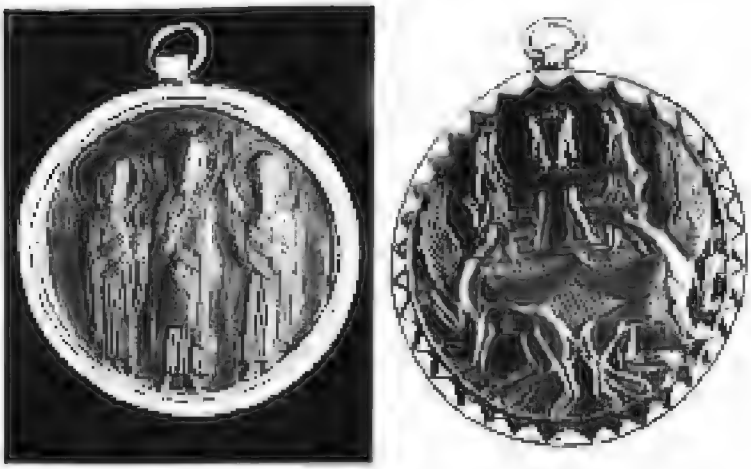


Рис. 3. Деисус. Вознесение Александра Македонского. Каменная икона из Зарайска. Сланец, резьба. Первая треть XIII в. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

кающуюся вниз и орнаментированную косой клеткой, перекрывая покрытую параллельно нанесенными линиями примерно такую же по ширине полосу подола. Последнюю деталь в византийской иконографии обычно можно обнаружить на туниках мучеников, главным образом патрицианского достоинства. Гиматий, с такой же орнаментальной полосой по краям, как и на подоле хитона, покрывает плечи и спину, как бы опоясывая фигуру таким образом, что видимыми остаются локоть правой руки и нижняя часть хитона; конец округленных очертаний свисает с держащей Евангелие руки, но поврежденность рельефа не позволяет установить, прилегает ли к линии облома участок гладкого фона или это все же изнанка ниспадающего гиматия. Думается все же, что предпочтительнее именно этот вариант, как традиционный. Складки хитона обозначены прямыми, почти параллельно нанесенными линиями, тогда как на гиматии они круглящиеся либо «в елочку». Крупная кисть благословляющей правой руки Христа трактована почти геометрически; по сравнению с ней кисть держащей кодекс левой выглядит маленькой и схематизированной. Голова очень тщательно моделирована, окружена широким нимбом со вписанным крестом. Ступни ног, длинные и узкие, широко расставлены. Богоматерь представлена стоящей почти в профиль, с лицом в трехчетвертном повороте, со слегка склоненной головой и молитвенно воздетыми руками» Хитон, имеющий такой же подол, плотно облегает тонкую фигуру: часть его плоскости с широкими вертикальными складками, спереди – покрыта косо нанесенными, почти параллельными линиями штриховки. Верхнюю часть фигуры окутывает мафорий, с орнаментальной полосой по краю, если только это не столь декоративно трактованные складки, в отличие от покрывающих остальную плоскость ткани прямых и круглящихся линий. Округлая голова обрамлена широким нимбом. Кисти воздетых рук почти накладываются одна на другую, так что видны лишь концы пальцев левой. Ступни ног узкие, длинные, неестественно тонкие, очень схематизированы.

Столь подробное описание резьбы старорязанской иконы из сланца показывает, что ее резчика отличала яркая индивидуальная манера исполнения, приобретение которой могло стать лишь делом жизни. В ней явное проявление определенного художественного стиля, не классицизирующего, но основанного на свободной интерпретации развитой византийской иконографии. В обширном наследии византийских мастеров, выполнявших сюжетную художественную резьбу по камню, лишь изредка находим подобные тенденции. Здесь следует указать на фрагментарно сохранившуюся, стеатитовую икону Распятия, рубежа XII–XIII вв., в Кипр-ском музее в Никосии[17] , и знаменитый диптих-реликва-

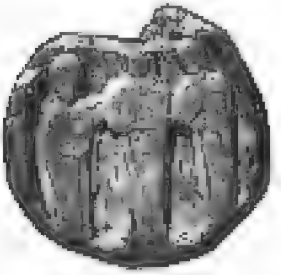


Рис. 4. Деисус. Каменная икона. Стеатит, резьба. XIII в. Афины, Музей Бенаки (*1*); Деисус. Каменная икона. Стеатит, резьба. XIII в. Лондон, Музей Виктории и Альберта (*2*)

рий, составленный из отдельных стеатитовых, образков XIII в. соборного музея в Мдине на Мальте[18]. Что касается замечательной иконы Распятия в Византийском музее в Афинах, размером 14×13×1,5 см, то ее прозападные черты так заметны, что даже византийское происхождение резьбы было недавно поставлено под сомнение[19], хотя ранее и весьма обоснованно произведение было отнесено к рубежу XII–XIII вв.[20] – (рис. 2, 3). Не отсюда ли проистекают удивляющие в описываемом рельефе детали? Одна из них – высоко поднятые руки обращенной в молении ко Христу Богоматери (рис. 1). Для нее можно указать определенные иконографические параллели, к числу которых относится стеатитовая иконка Богоматери Заступницы, размером 7,8×3,6 см, из Куршумлии, рубежа XII–XIII вв., хранящаяся в Национальном музее в Белграде[21]. Указанное произведение (рис. 2, *2*) и по стилю тяготеет к рязанскому, при всей его более элитарной манере резьбы.

Описывая рассматриваемую находку, Т.В. Николаева заметила: «Лики имеют довольно детальную моделировку с обозначением глубоких впадин глаз, набегающего верхнего века и даже зрачков на выпуклых яблоках глаз. Изображения монументальны. Лики строги и значительны»[22]. К сказанному надо добавить, что облик изображенных никак не напоминает тонкие черты классически правильных лиц в византийской стеатитовой резьбе. Русское же ремесло художественной обработки камня в этой отрасли находилось еще в начальной стадии усвоения греческого опыта, тогда как здесь налицо хорошее профессиональное мастерство. Подобная же манера отличает иконку из светло-серого сланца, размером 4,5×3,5 см, с изображением пророка Ильи, начала XIII в., сохранившуюся в ростовском Богоявленском Авраамиевом монастыре[23]. Может быть, это произведение того же самого резчика. Как своеобразная, хотя и не совсем близкая, параллель здесь могут быть упомянуты резные из кости фигуры, украшающие кельнский башенный реликварий начала XIII в., ныне хранящийся в Дармштадте[24]. Стилистические соответствия вряд ли случайны. Конечно, это не та линия пластического развития, которая представлена уже упомянутым мраморным рельефом Деисуса, находящимся на южной стене в соборе Сан Марко в Венеции

Рис. 5. Деисус. Мраморный рельеф. Константинополь (?). XII в. Венеция, Сан Марко

(рис. 5). Что касается собственно византийских произведений мелкой пластики рассматриваемого периода, то они (рис. 7, *5, 6*) порой представляют своеобразный отклик на стиль развитого XI в. (рис. 7, *1–4*) или же дают примеры радикальной деформации этих образцов в подчеркнуто графической манере, что свойственно некоторым работавшим на Руси ремесленникам (рис. 7, *7, 8*). В их ряду рязанская каменная иконка занимает обособленное положение (рис. 1, *2, 1*). При восприятии рельефа не последнюю роль играет освещение, позволяющее акцентировать внимание на тех или иных деталях.

Нельзя сказать, что Рязань XII–XIII вв. была совсем незнакома со средневековой западной пластикой. Стоит вспомнить романскую по своему характеру архитектурную каменную резьбу, и, особенно, широко известную мужскую голову, украшавшую портал либо консоль колонки[25]. Здесь явно работали западные ювелиры, на что косвенно указывает «двухслойная» скань знаменитых барм из клада 1822 г., не получившая развития в Византии, но известная с IX в., в Германии, где ее с успехом применяли и в XIII в. Поэтому романские черты стиля описываемой резной иконы объяснимы с учетом историко-культурного контекста.

Какое функциональное назначение могла иметь эта каменная рельефная икона, размером 10×7,5 см? Казалось бы, проще всего предположить, что она находилась в богатом жилом доме. Но она могла также украшать и церковный интерьер, будучи врезана в деревянную балку-архитрав алтарной преграды, наподобие тех небольших иконных вставок, помещение которых было предусмотрено в византийских мраморных преградах XI–XII вв. в церкви Осиос Лукас на острове Эвбея и в церкви монастыря преп. Мелетия[26]. Сюжет изображения вполне соответствует этому назначению. Изображения Деисуса со стоящими в рост фигурами можно видеть не только на стенных рельефах и диадеме, но также на русских шитых епископских поручах начала XIII в.[27]. Аналогичные по иконографии византийские рельефные иконы после X в. встречаются реже, и лишь не ранее чем в XIII в. распространяются каменные образки, отличающиеся весьма обобщенной манерой резьбы. Один из них, размером 10,5×7,8×1,9 см, в Музее Бенаки в

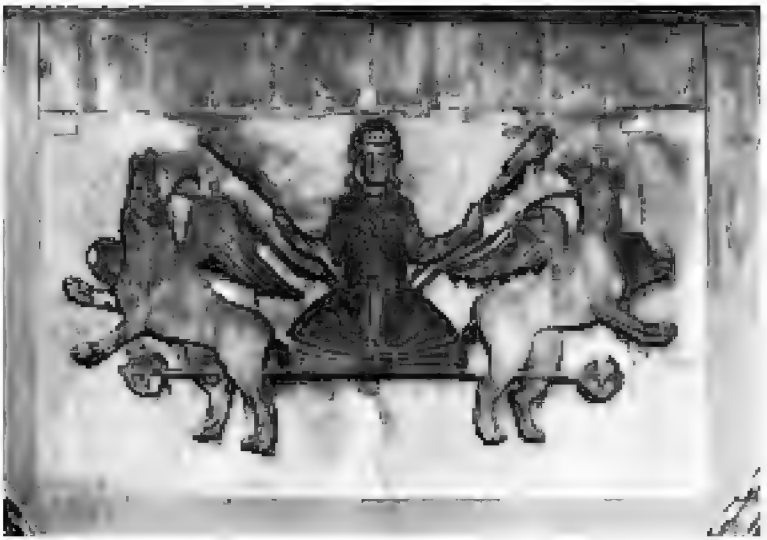


Рис. 6. Вознесение Александра Македонского. Мраморный рельеф. XII в. Венеция, Сан Марко

Афинах (рис. 4, *1*), а другой, круглой формы, диаметром 5,5 см, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне[28] (рис. 4, *2*).

Именно с последним по общей типологии, отчасти иконографии и размерам сопоставима хранящаяся ныне также в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике двусторонняя круглая, диаметром 5,5 см (при толщине около

Рис. 7. Византийский бронзовый литой крест-складень. XI в. Детали (*1-4*). Прага, Национальная галерея; Иоанн Богослов. Стеатит, резьба. Около 1200 г. (*5*). Киев, Музей истории Киева; Уверение апостола Фомы. Около 1200 г. Деталь (*6*). Варшава, Национальный музей; Киевские резные каменные иконы. Начало XIII в. (*7, 8*). Местонахождение неизвестно

1 см), иконка из темно-серого (почти черного) сланца[29] (рис. 3). Прежде это изделие находилось в соборе Зарайска и было известно лишь по прориси изображения на оборотной стороне. В настоящее время существует обстоятельная публикация данного произведения пластического искусства, освещающая его иконографические особенности[30] (см. повторную публикацию статьи Т.М. Панковой в настоящем сборнике). Поэтому нет необходимости повторять уже сказанное, но имеет смысл обратить внимание на конкретные существенные черты, позволяющие более определенно характеризовать на первый взгляд весьма неоднородную резьбу обеих сторон. Действительно рисунок как будто различный, хотя изображения явно резаны одной рукой, и поэтому несут отпечаток одной и той же творческой индивидуальности. Очевидно, сказалось неодинаковое происхождение образцов, использованных резчиком круглой иконки, исторически связанной с Зарайском.

Рисунок Деисуса отличается большеголовыми, фигурами, с сильно увеличенными кистями рук, в целом весьма упрощенными, но при этом весьма умело плотно вписанными как единая компактная группа в пространство круга. Рельеф лиц ныне на половину стерт, и поэтому подробно анализировать их исполнение не приходится. Однако не подлежит сомнению тщательность резьбы, при всей кажущейся грубоватости и с учетом масштаба изображений. Характерны приема трактовки крупных глаз, почти треугольных по форме носов, и, особенно впечатляют мимические складки на лице Богоматери, создающие впечатление полу-улыбки. Все фигуры узкоплечие, Богоматери и Иоанна Предтечи – особенно короткие, с маленькими, геометризированными ступнями ног, что впрочем не мешает резчику наметить у Христа пальцы. В приемах резьбы есть черты общего с предыдущей иконой, казалось бы в целом несхожей с описываемой. Мастеру как бы не хватает места для изображения кистей рук: удачнее всего он располагает явно несоразмерную благословляющую двуперстным сложением у груди Христа, но простертые в молении руки предстоящих если не оказываются непосредственно на их фигурах, то концами пальцев заходят за спину центрального изображения. Одежды с геометризированными складками в вида прямых либо круглящихся линий отличает явно орнаментальный ритм, с определенным чередованием гладких и заполненных пучками углубленных линий плоскостей. Особенно оригинально ремесленник распорядился типологией гиматия Христа, в виде длинной узкой полосы ткани, обернув ею фигуру на уровне колен и спрятав ее конец под свисающим с левой руки другим. Впрочем, достаточно пристально присмотреться к изображению головы Христа, с мягко обрамляющими лицо прядями ниспадающих на плечи кудрявых на концах волос, чтобы признать развитый иконографический тип. Рельефный нимб вокруг головы с крестовидным делением, обозначенным двойной линией, которой очерчены и нимбы предстоящих. Нанесенные на поверхность фона резцом монограммы Христа и Богоматери, а также в сокращенной форме имя Иоанна Предтечи, дают довольно мало эпиграфических данных для датировки, в целом не противоречащих нормам письма 1230–1240-х годов. Написание монограммы Богоматери позволяет полагать, что мастер не был грекоязычным. Еще надо добавить, что композиция заключена в гладкое рельефное обрамление, в настоящее время видимое лишь частично из-под металлической оправы.

Данная резная композиция Деисуса безусловно резко отличается от уже упоминавшегося мраморного рельефа собора Сан Марко (Венеция), хотя они в конечном счете явно исходят из общего, но столь различно интерпретированного прототипа. По поводу происхождения венецианского рельефа нет единого мнения, как и относительно его датировки: при внимательном взгляде на его пласти-

ческие свойства не кажется невероятным воспроизведение константинопольского образца средствами протоpенеесансной скульптуры на месте, в Венеции. Хранящийся в Афинах каменный образок (рис. 3, *1*) по своим формальным признакам довольно близок происходящему из Зарайска, хотя налицо совершенно иная индивидуальная манера резьбы, может быть даже почти современная. Что касается круглой стеатитовой иконки из Лондона (рис. 3, 2), то на ней Христос изображен между Иоанном Предтечей и юным Иоанном Богословом, каким его принято изображать согласно византийской иконографической традиций в Распятии. Сильно потертый рельеф позволяет говорить лишь о рисунке и графической системе линий: то и другое позволяют предположить не столь уж ремесленный характер исполнения. Христос, как будто, также представлен юным, и эта деталь лишь подкрепляет предположение об изготовлении в период существования Латинской империи на Востоке. Таким образом, привлекаемые для сопоставления образки оказываются принадлежащими к одной эпохе.

При рассмотрении хранящегося в Рязани произведения круглой формы привлекает внимание система передачи складок одежд. Ее варианты можно обнаружить на некоторых других произведениях русской мелкой пластики, традиционно датируемых XIII в. Одно из них – происходящая из Рязани заключенная в серебряную золоченую оправу двусторонняя, иконка из талькового сланца, размером 8,9×5,4×0,9 см, с изображениями Богоматери 0дигитрии и Николы Зарайского, из ризницы Троице-Сергиевой лавры[31] (рис. 6, *1*). Изображения укороченных пропорций, большеголовые, но со стилистическими признаками, скорее, 2-й половины XIII в.[32]. И еще следует отметить отнесенную к новгородской продукции двустороннюю каменную иконку, размером 5,1×4,2×0,4 см, с изображениями. Богоматери Одигитрии и Николы с преподобным Харитоном, в Государственном историческом музее 6 Москве[33] (рис. 6, *2*). Фигуры в одном случае вытянутых пропорций, в другом -узкоплечие и большеголовые, с трактовкой одежд, условным декоративным приемом – прямыми рядами параллельно нанесенных линий. Рязанская иконка явно предшествует по времени этим образцам, относящимся к более позднему периоду, хронологически уже соответствующему эпохе Палеологов, искусство которой еще не успело в конце XIII в. охватить своим воздействием русскую пластику.

На оборотной стороне той же самой круглой иконки из Зарайска в пространство медальона с изумительным ма-

Рис. 8. Богоматерь Одигитрия. Никола Зарайский. Икона из ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сланец, резьба. XIII в. Сергиев Посад, Государственный историко-художественный музей-заповедник (*1*); Богоматерь Одигитрия, Никола и преподобный Харитон. Каменная икона. Сланец, резьба. XIII в. Москва, Государственный Исторический музей (*2*)

стерством вписана композиция Вознесения Александра Македонского (рис. 3). Ее ближайшей иконографической и стилистической аналогией является мраморный рельеф северного фасада собора Сан Марко в Венеции[34] (рис. 6), Однако, это вовсе не значит, что оба изображения следуют одному общему оригиналу: популярность данного сюжета в византийском искусстве вызвала исключительно богатую вариативность общей схемы, прослеживаемую по произведениям преимущественно X–XIII вв.[35]. В истории Александра по распространенному В Византии около V в. роману Псевдо-Каллисфена с баснословным эпизодом его полета в корзине последнюю поднимают запряженные в ярмо две огромные белые птицы, но в искусстве вместо них чаще изображали грифонов, что имеет место и в данном случае. Особо надо отметить грациозность их позы, широко распростертые крылья и плавно изогнутые туловища. Фигура Александра стройная и обобщенная, увенчанf короной. Он стоит в большой плетеной корзине, в его широко распростертых и поднятых кверху руках не копья с наколотыми на них зверьками, а непосредственно тушки зайцев. Как известно, приманка может иметь на изображениях самые различные варианты. Один из них, как известно, представлен в фасадной каменной пластике Дмитриевского собора во Владимире[36]. В хронологическом отношении к ней сравнительно близко находится характеризуемая композиция, сокращенный вариант которой представлен на найденной в Старой Рязани меднолитой матрице, датировка которой явно не выходит за пределы 1-й трети ХШ в. (см. публикацию Л.А. Беляева и А.В. Чернецова в настоящем сборнике, рис. 7).

Помещение на каменном образке указанного сюжета, по существу наряду с Деисусом, свидетельствует о функции изделия как амулета, подобного столь известным змеевикам. Здесь не место обсуждать вопрос, читали ли в период изготовления круглой каменной иконки на Руси «Александрию», известную в русском переводе по более поздним рукописям[38]. Но подобное сочетание сюжетов показательно для византийской императорской иконографии[39]. Нельзя исключать, что их соединение произошло несколько раньше, до того как была выполнена интересующая нас резьба, причудливsм образом объединившая, высокое элитарное искусство пластики с ее фолъклоризированным истолкованием. Однако это объективная реальность, адекватно, отразившая русскую жизнь 1-й половины XIII в. с ее невиданным культурным взлетом и вскоре последовавшей трагедией, надолго скрывшей от глаз многое из сделанного в это время. О некоторых явлениях узнаем только теперь.

Примечания

1 *Пуцко В.Г.* Новгородская каменная резьба на рубеже XIII–XIV вв.: становление традиции // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 141–152.

2 *Седова М.В.* Каменные иконки древнего Новгорода // СА. 1965. № 3. С. 262–266; она же. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения» Новгород, 1994. С. 90–94; *Пуцко В.* Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. 2000. № 4. С. 21–24.

3 *Пуцко В.Г.* Русские ранние каменные иконки (к вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения – IV. Муром, 2003. С. 89–95. .

4 *Пуцко В.* Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // Byzantinoslavica. T. LVII. Prague, 1996. С. 376–390; *Он же.* Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. T. LIX. Prague, 1998. С. 305–319.

5 *Селиванов А.В.* Древности с. Старой Рязани // Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. М., 1891. Т. II. С. 210.

6 *Монгайт А.Л.* Художественные сокровища Рязани. М., 1967. С. 10. Рис. 8.

7 *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Е 1–60. М., 1983. С. 39, 129. Табл. 55, 2. № 311.

8 Инв. № 1207, колл. № 3 Старой Рязани. Икона, поступила в Музей Рязанской архивной комиссии в 1918 г. (по описи А.В. Селиванова, 170).

9 *Sotiriou G., Sotiriou M.* Icones du Mont Sinai. Athenes, 1956. T. I. Fig. 48, 83.

[10] *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Berlin, 1934. Bd. II. S. 26. Taf. II. № 7.

[11] *Wentzel H.* Das byzantinische Erbe der ottonischen Kaiser – Hypothesen über den Brautschatz der Theophano // Aachener Kunstblatter. Aachen, 1972. Bd. 43. S. 16. Abb. 13, 14.

[12] *Morey C.R.* Gli oggetti di avorio e di osso del Museo Sacro Vaticano. Citta del Vaticano, 1936. P. 65. Tav. XII. № A 67(1104).

[13] *Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeine eines Bamberger Graduale und ihre ursprungliche Verwendung // Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift für K.H. Usener zum 60 Geburtstag am 19 August 1965. Marburg an der Lahn, 1967. S. 11. Abb. 1, 2.

[14] *Demus O.* The Church of San Marco in Venice: History, Architecture, Sculpture (Dumbarton Oaks Studies. Vol. VI). Washington, 1960. P. 122. Fig. 32; *Grabar A.* Sculptures byzantines du Moyen Age; II (XIe–XIVe siecle) (Bibliotheque des Cahiers Archeologiques. T. XII). Paris, 1976. P. 121. Pl. CII. № 117.

[15] *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 48, 50, 108. Табл. 11. № 61.

[16] *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: г. Юрьев-Польской. М., 1964. С. 31–36, Табл. IVa, XVIIa, XIXб.

[17] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite (Byzantina Vindobonensia. Bd. XV). Wien, 1985. P. 168. Pl. 44. № 76.

[18] Ibid. P. 180–184. Pl. 50, 51. № 102.

[19] Ibid. P. 240:. Pl, 79. № A-7 I.

[20] Byzantine Art au European Art. Athens, 1964. P. 195. № 110.

[21] *Татић-Ђрић М.* Стеатитска иконица из Куршумлије // Зборник за ликовне уметности. Књ. 2, Нови Сад, 1966. С. 63–83. Сл. 1.

[22] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 1291.

[23] *Пуцко В.Г.* Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 282–283. Рис. 4:1.

[24] The Year 1200: A Centennial Exhibition at the Metropolitan Museum of Art. Vol. I. New York, 1970. P. 63–64. № 71.

[25] *Пуцко В.Г.* Об архитектурной пластике. Старой Рязани XII в. // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 166–184.

[26] *Лазарев В.Н.* Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон // Византийский временник. Т. XXVII. М., 1967. С. 175, 178. Рис. 9,11.

[27] Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь. Каталог выставки / Сост. Н.А.. Маясова. М., 1991. С. 22–23. Табл. 2: 3, 4. Принадлежали новгородскому архиепископу Антонию, но впоследствии были приписаны преп. Варлааму Хутынскому.

[28] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. P. 239, 243. Pl. 77, 85. № A-2, A-27.

[29] Инв. № 15146. Заключена в позднюю кольцеобразную металлическую оправу, указывающую, что как лицевая мыслилась сторона с Деисусом.

[30] *Панкова Т.П.* О двух произведениях мелкой каменной пластики начала XIII века (об иконах домонгольского периода с сюжетами «Деисус. Вознесение. Александра .Македонского», «Апостол Петр») // Труды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: Сборник статей. Рязань, 1998. С. 138–148, 151–152.

[31] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 129, Табл. 55, 1. № 310.

[32] Подробнее см.: *Пуцко В.Г.* Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сборник научных трудов, СПб., 2001. С. 149–156.

[33] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 69. Табл. 18, 6. № 89.

[34] *Demus O.* The Church of San Marco in Venice. P. 111–112. Fig. 33.

[35] См.: *Grabar A.* Images de l'Ascension d'Alexandre en Italie et em Russia // *Melanges A.K.* Orlandes, Athenes, 1965. P. 240–249; *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М., 1975. С. 154–159; *Тотев Т.* Преславско златно съкровище, София, 1983.

[36] *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир, Боголюбово М., 1969. С. 260. Рис. 187, 188.

[37] *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.

[38] См.: Александрия. Роман об Александре. Македонском по русской рукописи XV в. М.–Л., 1965; *Ванеева Е.И.* Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 21–25.

[39] *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936.

Список сокращений

АКР – Археологическая карта России
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (ныне РГБ)
ГВИ и ПМЗ «Куликово поле» – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМП – Журнал Московской патриархии
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИОИФ – Известия общества историков и филологов
ККМ – Коломенский краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГАМИД – Московский Главный архив Министерства иностранных дел
МГОУ – Московский государственный областной университет
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МНИИЯЛИЭ – Мордовский НИИ языка, литературы, истории и этнографии (Саранск)
МПУ – Московский Педагогический университет
НА РИАМЗ – Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника
НПЛ – Новгородская Первая летопись
НС ГИМ – Научные сообщения ГИМ
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОДАЭ ГИМ – Окско-Донская археологическая экспедиция ГИМ

ПИДО – Проблемы истории древних обществ
ПКРК – Писцовые книги Рязанского края
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – «Российская археология»
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный Архив древних актов
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РУАК – Рязанская Ученая Архивная Комиссия
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – «Советская археология»
САИ – Свод археологических источников
СМАА – Национальный историко-культурный заповедник «София Киевская»
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ТРУАК – Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии
ТУАК – Таврическая Ученая Архивная Комиссия
ЦА ВМФ РФ – Центральный архив Военно-морского флота Российской Федерации
ЦАИ – Центр археологический исследований
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

Summary

Great Principality of Ryazan: Historical and Archaeological Investigations and Materials

This book is a selection of articles devoted to the historical and archaeological investigations of the Great principality of Ryazan and its capital city – Staraya (Old) Ryazan. Certainly, the Ryazan principality was the largest political formation within the territory of Medieval Russia within the chronological span of the 12th – the 16th cc. It lost its status of an independent principality as late as 1521 – later than any other part of Russia not subjected by the Great Duchy of Lithuania. The antiquities of the Great principality of Ryazan are considered in the context of the history of the Russian state and the ethnic history of the Russian people, and against the background of the macro-regional geopolitical problems, including those of transcontinental cultural and trade relationships. The history of the Ryazan land is not of purely academic significance related to the problem of the origins of the Russian state. The history of the discussed vast region is marked by social significance of national scale, not to mention specifically regional aspects and the local lore studies. The historical and archaeological researches concerning the Great principality of Ryazan are of exceptional interest, when discussing the origin of the main ethno-linguistic and ethno-cultural zones singled out within the core territory settled by the Russians by the New Times. The lands that entered the principality played the key role in formation of the southern branch of the Great Russians, which makes up around a half of all Russian people. When comparing geographical distribution of the dialects of East Slavic languages with that of the «tribes» mentioned in the Primary Chronicle and major principalities and lands, it becomes clear that the provenance of the southern branch of the Great Russians may be related to the only tribal unit of the pre-state period, that is, the Vyatichians. Subsequent vast territorial spread of this population is related with the territorial growth of the Great principality of Ryazan. It was this state formation that provided wide territorial expansion of the East Slavic population in basic directions – southeast and southern ones.

The published materials provide us with the possibility to suggest a general picture of the interrelations maintained by the basic East Slavic ethno-dialect units in the Middle Ages, and, in particular, of the historical role the southern branch of the Great Russians played in history and culture of Medieval Russia. This role seems to remain underestimated for a number of reasons. The suggested aspect for consideration of the discussed theme should be considered promising for one more reason. Both the pre-revolutionary and Soviet historiography of Medieval Russia was seriously distorted by dominating interest to the history of state, power and administrative structures, which partly depends on the nature of the medieval written sources. Meanwhile, the history of the nation, people (peoples, population) should be considered more substantial and important aspect of investigation both of Medieval Russia as a whole and its major regions. This book is mainly of archaeological character, which permits to highlight the discussed aspect of the Ryazan land's history.

It is also of importance that the suggested approach links archaeological studies with the promising researches concerning historical investigations of the everyday life.

Development of early state structures can follow different patterns, or their combinations. First, the discussed structures can be monocentric or polycentric. Russian medieval history knows the both patterns: thus, the political structure of gigantic Novgorodan land manifests unambiguous and clearly expressed monocentrism, whilst in the Volga and Oka interfluve existed major rival centres, such as Vladimir, Rostov and Suzdal (and later Moscow, Tver' and Nizhny Novgorod). As far as Ryazan is concerned, the situation looks clear enough, though it changed to a certain extent as the time went by. Initially the principality had two basic centres and therefore in the historic literature it is known as the Murom-Ryazan principality. Anyway, after the capital had been moved to Ryazan, no rivalry between the centres was registered. Like the other Russian principalities, the Ryazan principality disunited into minor domains, but the leading role of Ryazan as a capital city was never questioned. Moreover, Staraya Ryasan was destroyed Batu Khan and the capital was moved to Pereyaslavl Ryazansky, the old name Ryazan survived in the name of principality and people's memory. It is quite logical that later on it became the name of the new capital. Survival of the name Ryazan after the capital city had been razed to the ground is extremely noteworthy. The history of Medieval Russia (similar to the other states, though) evidences that the early state structures emerged along important trade and other transport routes. Judging from its capital cities, the Murom-Ryazan land was formed along the Oka riverway, which was the most important branch of the Volga route which was the principal riverway of the epoch. Subsequently the main direction of the territorial expansion changed and then followed another water route, namely, the Upper Don River. After the Mongol invasion the Dnieper riverway had lost its significance and the Don turned to be the principal water route to the Black Sea.

Another form of development of state and administrative formations may be characterised as specific extension of frontier structures. In that way developed, for instance, Medieval Pereyaslavl principality, and in the New Times – the military frontier of the Austrian Empire (Militär-Gränze). Evidently, the Great principality of Ryazan followed this model, and the unstable borderlines separating it from the nomadic world and the Horde were very important. It must be mentioned that both in the period of opposition between the Eastern Slavs and the Finno-Ugrian tribes to which the cemeteries of so-called Ryazan-Oka type belong, and then in the epoch of the Polovtsi domination in the steppe regions adjacent to the Ryazan land, and during the Tartar sway the Eastern Slavs were separated from the neighbours by a spacious «zone of terror». It can be traced according to the archaeological data and written sources as well. Afterwards, when the Ryazan land already constituted an integral part of the united Russian state, it may be reliably stated that development of some part of its territory followed the pattern of «military frontier». Initially the River Oka formed a strategic defensive line of the Muscovite state, while the most part of the Ryazan principality with its capital city was situated on the other side of this line. Later on, in the second part of the 16th c. the strategic chain of fortresses and fortifications («zasechnaya cherta») Ryazhsk – Sapozhok – Shatsk – Kadom – Temnikov was disposed in the Ryazan land.

A number of major regions within the territory of the Great principality of Ryazan have undergone detailed archaeological survey, which brings good prospects for researches related to settlement patterns, settling structures and their dynamics. At present substantial differences may be traced between relatively densely populated central regions of the Ryazan land on the one hand and the settlement structures typical of its peripheral southern regions on the other hand. The latter are characterised by cluster settlement pattern, the periods marked by agricultural development of separate regions alternate with those of total abandonment. It seems possible to suggest a new concept related to the

assessment of the role the principality and its capital city played in the entire context of the history of the Russian state, ethnic history of the Russian people and macro-regional geopolitical problems.

* * *

Staraya Ryazan is a unique archaeological site of Medieval Russia. It is the only large Medieval Russian city never revived after it was destroyed by the Mongols in 1237. The first blow of the Mongols against Russia was directed not to the nominal capital of the whole of Russia – Kiev, but against the most powerful political and military structure of Russia in that times – the lands controlled by the princes of Vladimir and Suzdal. The way to Vladimir from the steppes led through the territory of the South-East neighbours of the Vladimir princes, i.e., through the lands of the Ryazan princes. That is why Staraya Ryazan was the first big Medieval Russian city captured by the Mongols.

The invasion of Ryazan by Batu Khan (the grandson of Chingiz Khan) is a well-known episode of the early Russian history, described in numerous written sources and reflected in folklore songs. Every Russian has heard about the siege and capture of the city of Ryazan by the Mongols, but only few people know that the town destroyed was not the modern city of Ryazan but Staraya Ryazan, which is about 60 km from the new city.

The modern city of Ryazan had in the past another name – Pereyaslavl Ryazansky (i.e. Pereyaslavl of Ryazan). Medieval writers sometimes used the word Ryazan as a name for the territory; there are also some cases when you cannot be sure whether they had in mind Staraya Ryazan or Pereyaslavl Ryazansky. But nevertheless it is quite clear that by the end of the 14th c. the capital of the land was already moved to Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan).

Today the fortified settlement of Staraya Ryazan is practically free from houses and gardens. At the foot of the high platform of the fortified settlement there is an existing village called Staraya Ryazan. The memory that this is the place of a medieval city has survived among the local population.

The name of Ryazan appears in Medieval Russian written sources in the late 11th c. When the empire of the first princes of Kiev began to disintegrate, the Ryazan land entered the sphere of domination of Chernigov princes (initially Russia was divided into two parts with the Dnieper as the frontier – the right side belonged to the Kiev princes and the left to the Chernigov dynasty). Later a political structure of Murom-Ryazan principality was established having its capital originally in Murom (initially the main town of the non-Slavic Finno-Ugrian tribe of Muroma). But in the mid 12th c. the capital was removed to Staraya Ryazan, in the end of the 12th c. this city also became a residence of a bishop.

Staraya Ryazan represents an atypical version of the emergence and development of Medieval Russian capital city. It has no roots in the tribal structures of the period before the establishment of state; it is sufficiently younger than the most of Medieval Russian capital cities (Kiev, Chernigov, Novgorod, Rostov etc.). The city founded in the early 11th c. was initially a secondary provincial fortress, which later had become the capital of enormous territory. Being one of the youngest capital cities of Medieval Russia Staraya Ryazan was in the same time the first of them to loose its political, economic and cultural importance after the invasion of 1237. This extremely short period of development resulted in unfinished process of the establishment of local cultural traditions.

One more atypical feature is associated with the mechanisms of the initial foundation of the city. The dominating model of the foundation of Medieval Russian towns is their establishment in the regions of concentration of agrarian population. In the case of Staraya Ryazan we deal with quite different model of development. Slavic fortress appeared in this part of the Oka valley in the period when the Slavic agricultural population was absent here being the first step of the Slavic colonization. Archaeological evidence points that in the 9th-10th cc. this territory was uninhabited (the Finno-Ugrian tribes had left it in the 8th c.,

while the Slavs did not appear here before the very end of the 10th – the beginning of the 11th c.). Lacking of population in these fertile territories abundant in archaeological sites of all chronological periods for at least 2 centuries is an interesting phenomenon. Most probably, we see here a sort of the «zone of terror» separating hostile ethnic groups, something like the disposition of Ancient Germanic tribes described by Caesar or the later situation on Russian-Tartar frontier in the 14th c.

The natural resources of the Oka valley were extremely hospitable for agriculture and stockbreeding. On the other hand, Slavic agricultural colonization of these lands was risking since its forestless territories were permanently in danger of nomadic inroads. Separate nomadic tribes were not a threat for the powerful fortress of Staraya Ryazan (especially after the reconstruction of its fortifications in the mid 12th c.); but they seriously threatened minor agrarian sites. Strategic frontier position of Staraya Ryazan finally had played its decisive role in the tragic fate of the city – its devastation by the Mongols and the following total decline.

The land of Ryazan was for a long time after the invasion under particular influence of the Tartar khans for the reason of its geographical position. There was a serious political struggle between Moscow and Ryazan finished by gradual submission of the latter. But nevertheless the Ryazan land finally lost its nominal independence later than any other region of Central Russia – in the 20-s of the 16th c.

The ruins of Staraya Ryazan are situated some 260 km to the South-East from Moscow on the high right bank of the Oka River. Oka is the Volga tributary, one of the largest rivers of the Russian plain. Near Staraya Ryazan the Oka runs almost strictly to the North. The territory of the fortified settlement is limited from the West, North and South by an abrupt slope and by ravines. The site has no natural border from the East.

The total dimensions of the city's fortified part are impressive – about 1.3 km by 800 m. This territory is larger than that of the Moscow Kremlin. The height of the fortified settlement above the modern village disposed on the bank of the river is about 30 m. The fortifications of Staraya Ryazan are rather well preserved. There is a high rampart, its existing part is more than 2 km long, and also a ditch. The rampart had complicated wooden constructions inside, and there were also wooden walls and towers over it.

The enormous space occupied by fortified settlement is associated with the latest stage of the city's existence (the late 12th-13th cc.). We can trace the gradual growth of the site. First of all there was a very small fortified settlement occupying 0.4 ha founded in the first centuries AD by non-Slavic Finno-Ugrian tribes. This hillfort existed till the 8th c. when this population left the territory. The early settlement was situated on the so-called Northern promontory (buttle). Unfortunately it has not been studied well enough since its largest part is occupied by a modern cemetery. Later the settlement was gradually growing, spreading in southern direction.

In the early 11th c. a large Medieval Russian fortress was built – the so-called Northern hillfort occupying ca. 7.5 ha. In the second half of the 12th c. the territory of the city was enlarged manifold – the magnificent ramparts of so-called Southern hillfort were built. The fortified territory covered then over 60 ha altogether. The city also had a non-fortified suburb at the foot of the high bank occupied by the fortified settlement – in the place where modern village is situated. Modern houses and gardens prevent investigation of this part of the city.

The Northern hillfort is a stratified site. Its cultural layers correspond to the periods of building activity associated with repeated construction of fortifications. The enormous Southern hillfort with its extremely rich finds is in fact non-stratified. There are a lot of materials dated to the periods after the catastrophe of 1237, but the upper levels are destroyed by tillage. The cultural deposit of the Southern fortified settlement overlay the earlier cemetery of the inhabitants of the Northern hillfort, dated to the 11th c. In the

graves typical Slavic temporal rings, imported Oriental glass-and-gold beads and also an English denarius of Knut the Great were discovered. The cultural deposit of non-fortified suburb is partly destroyed by the modern village. In this part of the Medieval city a common grave of the victims of the Mongol invasion was investigated in 70-s. Up to four levels of skeletons deposited in one grave were excavated. The dead were buried according to Christian funeral rite.

Staraya Ryazan displays one more important peculiarity of its development. Usually in the process of the town's growth its oldest part retains the role of its centre. But in Staraya Ryazan it is quite clear that when a huge Southern fortified settlement was built all the vital centres of the city removed there. All three stone churches were built there, the wealthiest part of population, probably the princes also lived in this new part of the city. The character and the disposition of finds points to this fact.

Staraya Ryazan was the first Medieval Russian city where archaeological investigations took place. After the find in 1822 of a rich treasure of outstanding samples of jewellery (now in the Moscow State Armoury) some excavations of the site and around it were undertaken. It is characteristic that the illustrated book devoted to the finds from Staraya Ryazan was published already the following year.

This was the first find of a hoard of jewellery from Staraya Ryazan. Now we have 16 such finds from the site. All of them are associated with the Mongol invasion. The treasures' owners were either killed or taken prisoners and had not come back. We have a rich collection of similar hoards from many cities and towns taken by the Mongols (Vladimir, Suzdal, Kiev, Chernigov, Tver', Moscow etc.). There are no finds of this type in Novgorod since the Mongols did not reach this city. The most numerous hoards in question were found in Kiev, the nominal capital of Medieval Russia. Staraya Ryazan is the second.

There were some further excavations in the 19th c., partly launched by some non-professional enthusiasts. Some excavations in the early 20th c. also took place. In 1926 Russian archaeologist V.A. Gorodtsov, one of the best professionals of the period, worked in Staraya Ryazan. His excavations discovered the traces of dwellings not studied here earlier.

During World War II an outstanding Russian archaeologist A.L. Mongait was preparing a dissertation on the antiquities of Staraya Ryazan summarizing existing information and analyzing museum collections. After the war he organized a large-scale excavations from 1945 to 1950. The results were published in his fundamental book on Staraya Ryazan.

Later A.L. Mongait turned to the study of some other sites in Ryazan region; in 1966 he launched a new series of excavations in Staraya Ryazan. Main attention was paid to the investigations of major parcels of the site's territory. These excavations had changed greatly the ideas on its topography. After A.L. Mongait the expedition was headed by V.P. Darkevich, a well-known specialist in the field of studies of imported objects of applied art in Medieval Russia. This series of excavations finished in 1979.

In 1992 a small excavations headed by V.P. Darkevich brought a new find of the hoard of jewellery. It captured the attention of the public. Consequently we found an opportunity to begin the new series of field investigations in 1994.

A question may be raised: is it necessary to study the same city after so many years of excavations? Actually, it seems it is not easy to say anything new about Staraya Ryazan. On the other hand, after such a long period of research we have investigated only 6 % of the territory of the site's fortified part. This is certainly not representative even from a statistical point of view. We must take into account that a good deal of the city was outside the fortifications on the riverbank. In fact until recently this territory has not been studied by archaeologists.

New excavations in Staraya Ryazan are now urgently needed because the abrupt slope of the site's platform is being gradually damaged by ravines and landslides. Moreover, the permanent presence of archaeologists prevents to a certain extent illegal excavations.

The strategy of our recent work includes paying special attention to the oldest part of the city – the Northern hillfort. The southern part of the site, marked by outstanding rich finds, is an archaeological object having extremely short period of existence – about 70–80 years before the Mongol invasion. The life in the city was not completely over after 1237, but we have here no later cultural layer. The northern part of the city had a longer history, and here we can try to find a detailed answer to the questions of the town's foundation and the first stages of its life.

Despite of the fact that the Northern hillfort is partly occupied by houses and gardens and seriously damaged by ravines, landslides and excavation trenches of 1926, there exists considerable possibility for serious field work here. We have begun it with a cross-section of the rampart. Another important sphere of our interests is studying the non-fortified part of the city, partially occupied by the modern village. We cannot undertake wide-scale excavations here but nevertheless it is possible to investigate a rather large territory.

An important peculiarity of the cultural deposit of Staraya Ryazan is its dryness. That is why we did not find there objects of wood, leather, birch-bark and the like as in Medieval Novgorod with its damp cultural deposit. However, we discovered that the cultural deposit of Staraya Ryazan was dry not everywhere.

A considerable part of the city outside the fortifications has damp cultural deposit and we can now study wooden objects and constructions from Staraya Ryazan. It was a sensation, when we found in 1997 some fragments of the first in Staraya Ryazan birch-bark charter with some 7 letters arranged at least in two lines. We certainly have no data for the reconstruction of the whole text, but it is a significant find demonstrating the possibility of other finds of this sort here.

One more serious direction in our work is the systematic archaeological survey of the areas around Staraya Ryazan. We have already made a number of corrections of the archaeological map of this region. A lot of archaeological sites of various epochs were discovered, and a considerable part of them had close contact with Staraya Ryazan.

We are also engaged in some work on the Southern hillfort, in particular we have began studies of the ruins of a cathedral dated to the 12th–13th c.

Old and new investigations of Staraya Ryazan demonstrate principal peculiarities of this Medieval Russian city and its history. In fact we have no average model of capital city of Medieval Russia. There were a number of basic types of them. Two most important archaeological sites of Medieval Russia – Novgorod and Staraya Ryazan represent quite different patterns of development; both by no means can serve as a standard model of Medieval Russian capital city.

* * *

The concept of this book was shaped during the work at the project «Cities and settlement structures of the Ryazan land (Medieval Russia: Centres and periphery)» financially supported in 2003–2005 within the framework of the program for fundamental investigations developed by the Department of Historical and Philological sciences of Russian Academy of Sciences. The program was entitled «History, languages and literatures of the Slavic peoples in the world socio-cultural context» (section 1: «The historical role of the Slavs in European historical processes in the Middle Ages and the New Times»). The work on the project includes first of all field investigations carried out by two expeditions – the one organised by joint efforts of the Institute of Archaeology, RAS, Ryazan Museum of history and architecture, and Russian State University for Humanities (headed by A.V. Chernetsov, also the project manager), and the Rostislavl expedition of the Institute of Archaeology, RAS (headed by V.Yu. Koval). The field works of the two expeditions are concentrated on excavations of major areas of the capital city and an ordinary town; they also include archaeological surveys of their environs with the regard to the dynamics of

local settlement structures. Despite the expeditions have obtained abundant and important materials on the theme, when preparations for publication had been started, it became clear that it would have been incorrect to limit ourselves to publication of the materials excavated by the two mentioned expeditions only: anyway, significant number of the other Medieval sites are being investigated within the territory of the Great principality of Ryazan. Compiling a wide panorama of the present state of archaeological investigations of the Ryazan sites will be possible only if in this book more authors are represented and the materials obtained by many investigators at different sites are concentrated and published in their entirety.

The book opens with the introductory generalising paper by A.V. Chernetsov «Historical and archaeological investigations of the Ryazan land: Present state and perspectives». It presents general characteristic of the problem and formulates a new concept of the history of the Great principality of Ryazan. A series of works is dedicated to the key site of the region – Staraya Ryazan. They consider chronology and stratigraphy of the earliest part of the city – so-called Northern hillfort (I.Yu. Strikalov), insufficiently yet studied materials of the non-fortified suburb (V.I. Zavyalov), as well as new results of the architectural and archaeological investigations of the ruins of Sts. Boris and Gleb cathedral (L.A. Beliaev). Together with L.A. Beliaev's paper the works related to the early excavations of the cathedral are published (E.V. Bulankina, VA. Gorodtsov). A series of papers are devoted to the samples of applied art from Staraya Ryazan, in particular, the famous hoards (the last one was discovered in 2005). The section also comprises the paper by A.A. Medyntseva devoted to the epigraphic materials, and the work by I.Yu. Strikalov, where the results of wide-scale archaeological surveys in the Staraya Ryazan environs are published.

The second section of the book deals with the archaeological investigations of the sites within the Ryazan land. These are the papers discussing the urban centres of the principality, such as Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan – V.V. Sudakov, V.M. Bulankin), Rostislavl (V.Yu. Koval), Kolomna (A.B. Mazurov, S.I. Samoshin, V.V. Cherkasov), Zaraisk (I.E. Zaitseva) and Kasimov (V.P. Chelyapov). A series of papers discusses rural settlement structures in the Great principality of Ryazan. These are: the work by D.A. Ivanov, I. Yu. Strikalov and V.P. Chelyapov on the rural settlement system in the rivers Pronya and Ranova interfluve; M.I. Gonyany's article concerning the sites of the Kulikovo Field, the work by P.E. Rusakov discussing the settlements in the Mikhailovskoe Field, as well as the paper by V.P. Chelyapov on the north-eastern frontier of the principality, and N.A. Tropin's work devoted to its southernmost regions. Besides, in the book we publish archaeological maps of the spacious region of Pereyaslavl Ryazansky environs (V.V. Sudakov, V.M. Bulankin, A.A. Vyachin) and the vicinities of Rostislavl (V.Yu. Koval). Close in many aspects is the geographical investigation by G.A. Shebanin discussing the western borders of the Ryazan principality. Trade relationships of the Ryazan land are considered in the papers by V.Yu. Koval (the finds of imported Oriental pottery) and A.A. Pachkalov (the finds of the Golden Horde coins). Numismatic materials from Kolomna are also discussed in the paper by A.B. Mazurov and S.I. Samoshin. A.A. Zaitsev's article is devoted to a known monument of Medieval Russian literature, which reflects worship of local relics and the events of the Mongol invasion. A.V. Chernetsov analyses the miniatures of the 16th c. showing the legendary episode from the history of the struggle between Ryazan and Moscow. Two papers devoted to the applied art of the Ryazan land (T.M. Pankova and V.G. Putsko) conclude the book.

Translated by L. Avilova

Научное издание

Великое княжество Рязанское:

историко-археологические исследования и материалы

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 10.11.2005. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 39,7. Печ. л. 37,25
Тираж 700 экз. Заказ .

~~588~~ (5876 589-592 - пустые)